This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

A7
Otzyry pechati

Bd. Mar. 1935

HARVARD LAW LIBRARY

Received APR 1 1932

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ

НА ТРУДЫ РЕДАКЦІОННОЙ КОММИССІИ ПО ПЕРЕСМОТРУ

ЗАКОНОПОЛОЖЕНІЙ О КРЕСТЬЯНАХЪ.

Изданіе Земскаго Отдѣла Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.
1905.
Printed in Russia.

HARVARD LAW LIBRARY

Received APR 1 1932

Россія

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ

~~НА ТРУДЫ РЕДАКЦІОННОЙ КОММИССІИ ПО ПЕРЕСМОТРУ~~

ЗАКОНОПОЛОЖЕНІЙ О КРЕСТЬЯНАХЪ.

Изданіе Земскаго Отдѣла Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.
1905.

Печатано по распоряженію Земскаго Отдѣла Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

APR 1 1932

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Отзывы печати, относящіеся къ „Очерку работъ редакціонной коммиссіи“.

стр.

Своевременность пересмотра законодательства о крестьянахъ 9

Основныя начала реформы 12

Сословная обособленность крестьянъ 35

Неотчуждаемость крестьянскихъ надѣловъ 65

Охраненіе основныхъ формъ крестьянскаго землепользованія 85

Объемъ пересмотра законодательства о крестьянахъ 112

Крестьянское общественное управленіе 137

Волостной судъ и уставы: о наказаніяхъ и о договорахъ и наслѣдованіи . 160

Землепользованіе крестьянъ и ограниченіе крестьянскихъ надѣловъ 268

II. Отзывы печати, относящіеся къ „Трудамъ редакціонной коммиссіи“.

Къ проекту положенія о крестьянскомъ общественномъ управленіи 325

Къ проекту положенія о волостномъ судѣ 497

Къ проекту волостного устава о наказаніяхъ 533

Къ проекту сельскаго устава о договорахъ 552

Къ проекту сельскаго устава о наслѣдованіи 587

Къ проекту положенія о надѣльныхъ земляхъ 620

Алфавитный перечень источниковъ. 719

Глубокоуважаемому
Павлу Андреевичу Первушкову
отъ Составителя М. Д. Бильбасова.

I.

Отзывы печати, относящіеся къ „Очерку работъ редакціонной коммиссіи“.

Въ концѣ 1904 года труды образованной при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ редакціонной коммиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ препровождены, для дальнѣйшей разработки и согласованія ихъ съ мѣстными особенностями, въ учрежденныя съ этою цѣлью Губернскія Совѣщанія. Въ настоящее время большинство Губернскихъ Совѣщаній уже представило свои заключенія, составляющія обширный матеріалъ, систематизація и разработка котораго производится и будетъ закончена въ непродолжительномъ времени.

На ряду съ этимъ труды редакціонной коммиссіи были оглашены во всеобщее свѣдѣніе и вызвали рядъ отзывовъ и рецензій въ повременныхъ изданіяхъ за 1904 годъ. Озабочиваясь возможно широкимъ и всестороннимъ освѣщеніемъ поставленныхъ вопросовъ и надѣясь найти въ отзывахъ повременной печати научную ихъ разработку и подробный разборъ проектируемыхъ новыхъ законоположеній о крестьянахъ, земскій отдѣлъ счелъ долгомъ собрать эти отзывы воедино и привести ихъ въ систему примѣнительно къ программѣ выполненныхъ коммиссіею работъ.

Однако, при исполненіи этого выяснилось, что значительное число отзывовъ печати не выходитъ изъ предѣловъ обыкновенныхъ газетныхъ рецензій и не содержитъ серьезной научной критики принятыхъ коммиссіею основныхъ положеній и выработанныхъ ею законопроектовъ. Само собой разумѣется, что отзывы эти по существу дѣла не имѣютъ значенія и потому воспроизводить ихъ вновь не представлялось основаній. Затѣмъ изъ числа отзывовъ печати, заслуживающихъ вниманія

по своему содержанію и обстоятельности и помѣщенныхъ въ сборникѣ, значительное большинство посвящено почти исключительно обсужденію изложенныхъ въ «Очеркѣ работъ редакціонной коммиссіи» основныхъ началъ пересмотра, которыя при этомъ разбираются авторами нерѣдко внѣ всякой связи съ самыми проектами и объяснительными къ нимъ записками. Въ зависимости отъ этого въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ результатѣ получились выводы, основанные на явномъ недоразумѣніи, которое вполнѣ устранилось бы при болѣе тщательномъ изученіи и ближайшемъ ознакомленіи съ трудами коммиссіи во всей ихъ совокупности.

Такимъ образомъ ожиданія редакціонной коммиссіи найти въ повременной литературѣ богатый матеріалъ для дальнѣйшей разработки проектовъ новыхъ законоположеній о крестьянахъ оправдались, къ сожалѣнію, не въ вполной мѣрѣ. Этимъ, главнымъ образомъ, объясняется сравнительная немногочисленность отдѣльныхъ отзывовъ повременной печати, помѣщенныхъ въ настоящемъ сборникѣ. Произошло это, между прочимъ, также и потому, что въ сборникѣ не воспроизведено значительное большинство такихъ отзывовъ печати, авторы которыхъ отнеслись къ предположеніямъ редакціонной коммиссіи сочувственно. Включеніе такихъ отзывовъ въ сборникъ не соотвѣтствовало-бы цѣли, съ которою онъ составленъ, въ виду того, что въ нихъ не содержится ни критики проектовъ редакціонной коммиссіи ни какихъ либо новыхъ, въ защиту и развитіе ихъ, основаній и положеній, и все сводится лишь къ простому пересказу проектовъ. и соображеній коммиссіи и къ выраженію имъ одобренія.

Первая часть настоящей книги обнимаетъ отзывы печати на «Очеркъ трудовъ редакціонной коммиссіи», вторая—отзывы на выработанные коммиссіею проекты отдѣльныхъ положеній.—

Своевременность пересмотра законодательства о крестьянахъ.

Въ порядкѣ изложенія „Очерка“ прежде всего вызвало возраженія печати утвержденіе коммиссіи, что хотя недочеты въ крестьянскомъ законодательствѣ уже съ давнихъ поръ сознавались правительствомъ, но до послѣдняго времени оно не могло приступить къ цѣлостному и планомѣрному усовершенствованію и развитію сего законодательства, ибо .... «изданіе законодательнаго акта, опредѣляющаго всѣ стороны крестьянской общественной и гражданской правовой жизни, мыслимо лишь при ближайшемъ ознакомленіи съ этою жизнью, проникновеніи въ ея внутреннюю сущность. Но такого знакомства ни во время реформы 1861 г., ни даже значительно позднѣе у русскихъ образованныхъ людей безусловно не было» ...., равно какъ «у правительства не было матеріаловъ, необходимыхъ для обоснованія законодательныхъ въ этой области начертаній .... Единственнымъ надежнымъ способомъ изученія крестьянскихъ распорядковъ является практика такихъ органовъ, которые по кругу возложенныхъ на нихъ обязанностей ближайшимъ образомъ соприкасаются со всѣми внутренними явленіями народной жизни. Но такихъ учрежденій до 1889 г. въ Имперіи не существовало—крестьянская жизнь до указаннаго времени было почти всецѣло предоставлена своему собственному теченію, оставаясь внѣ всякаго надзора правительства, которое даже и не вѣдало многаго, что въ ней творилось. Естественно, что при такихъ

условіяхъ пересмотръ крестьянскаго законодательства, если возможно было осуществить, то исключительно на почвѣ умозрительныхъ началъ отвлеченной теоріи, а отнюдь не въ соотвѣтствіи съ требованіями жизни» (Тр. Ред. Ком. т. I стр. 5—6).

„Русская Мысль“ (февр. 1904 г., вн. обозр.) высказываетъ по этому поводу:.... «Уже тотчасъ послѣ 1861 г. были учрежденія близко стоявшія къ крестьянской жизни: мировые посредники и ихъ съѣзды. Мировыми посредниками были помѣщики, постоянно жившіе въ деревнѣ и уже въ силу своего собственнаго владѣнія крестьянами знавшіе ихъ, конечно, ближе, чѣмъ нынѣшніе земскіе начальники. Можно сомнѣваться въ ихъ безпристрастіи правильномъ пониманіи ими своей задачи, но едва ли въ ихъ освѣдомленности. Послѣ нихъ, когда уже крестьянская жизнь вошла въ обыкновенную колею, были крестьянскія присутствія и ихъ непремѣнные члены, тоже близко соприкасавшіеся съ крестьянской жизнью. Наконецъ, земство, въ которомъ въ то время на равныхъ правахъ съ другими сословіями участвовали и крестьяне, по самой основной задачѣ своей, состоявшей въ удовлетвореніи хозяйственныхъ и культурныхъ нуждъ всего населенія, не могло не обратить особаго вниманія на изученіе условій крестьянской жизни. Въ восьмидесятыхъ годахъ правительство обращалось именно къ земству съ различными вопросами, касающимися предполагавшихся въ то время преобразованій крестьянскаго правопорядка и получило отъ земства весьма многія и цѣнныя указанія; не вина земства, конечно, что они не были использованы. Въ послѣднее время комитеты по сельской промышленности выполнили тоже значительную работу, въ которую вошла и разработка вопросовъ объ условіяхъ крестьянской жизни. Затѣмъ литература, начиная со времени реформъ и до послѣднихъ лѣтъ, очень много потрудилась надъ разъясненіемъ всевозможныхъ сторонъ крестьянской жизни, юридической, экономической и бытовой.... Что же касается до земскихъ начальниковъ, то мы не знаемъ, какіе были ихъ изслѣдованія или труды по разработкѣ вопросовъ, касающихся крестьянской жизни. Да и не въ изученіи состояла постановленная имъ задача, а въ проявленіи твердой власти и въ насажденіи въ деревнѣ порядка..... Насажденіе властной рукой такого порядка, какой въ данное время требовался, вяжется довольно трудно со спокойнымъ, объективнымъ изученіемъ естественно сложившагося порядка..... Для правильнаго наблюденія и

изученія какого бы то ни было явленія важнѣйшимъ условіемъ является именно устраненіе внѣшняго вмѣшательства, и прежде всего вмѣшательства самого наблюдателя въ естественый ходъ изучаемаго явленія» . . . . .

„Вѣстникъ Европы“ (февр. 1904 г.) въ своемъ внутреннемъ обозрѣніи высказываетъ однородный взглядъ, полагая при томъ, что . . . . . «если даже стать на точку зрѣнія редакціонной коммиссіи и признать, вмѣстѣ съ нею, что практика административныхъ органовъ — „единственный надежный способъ изученія крестьянскихъ распорядковъ“, то и въ такомъ случаѣ едва ли можно отрицать, что матеріалы для пересмотра положеній о крестьянахъ имѣлись на лицо по меньшей мѣрѣ десять лѣтъ тому назадъ» . . . . .

Основныя начала реформы.

Редакціонная коммиссія, въ исполненіе преподанныхъ высшимъ правительствомъ (прав. сообщ. 14 января 1902 г. и Высочайшій ман. 26 февр. 1903 г.) указаній о томъ, что предпринимаемый пересмотръ законоположеній о крестьянахъ долженъ быть совершенъ «на почвѣ основныхъ началъ положеній 10 февраля 1861 г., представляя ихъ дальнѣйшее развитіе въ соотвѣтствіи съ выяснившимися на опытѣ дѣйствительными потребностями жизни въ сельскихъ мѣстностяхъ,..... обратившись.....къ ближайшему опредѣленію тѣхъ заключающихся въ положеніяхъ 19 февраля 1861 г. постановленій, которыя надлежитъ признать главными, одухотворяющими весь этотъ законодательный актъ, началами,.....полагала, что таковыми, казалось бы, должны быть признаны: 1) обособленность крестьянскаго сословія и установленные въ соотвѣтствіи съ этимъ особливый порядокъ управленія крестьянами; 2) неотчуждаемость крестьянскихъ надѣльныхъ земель, и 3) неприкосновенность основныхъ формъ крестьянскаго землепользованія отъ всякаго ихъ коренного, велѣніемъ закона, измѣненія»..... (Тр. Ред. Ком. т. I. стр. 10).

Многіе органы повременной печати доказываютъ, что ни сословная обособленность крестьянъ въ сферѣ законодательства, суда и управленія, ни неприкосновенность основныхъ формъ крестьянскаго землепользованія, ни тѣмъ менѣе установленная позднѣйшимъ закономъ неотчуждаемость надѣльныхъ земель,

ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть признаваемы тѣми основными началами Положеній 19 февраля 1861 г., дальнѣйшее развитіе которыхъ должно составить предметъ предпринятаго нынѣ пересмотра законодательства о крестьянахъ; при этомъ нѣкоторые органы печати даютъ свои опредѣленія этихъ основныхъ началъ освободительной реформы 1861 г.

„Новое Время“ (№ отъ 12 іюня 1904 г., статья „Основныя начала Положеній 19 февраля 1861 года“ г. Н.), указавъ, что пересмотръ крестьянскихъ Положеній глубоко затрагиваетъ весь нашъ гражданскій бытъ и отмѣтивъ, что пересмотръ, какъ сказано, долженъ быть произведенъ «на почвѣ основныхъ началъ Положеній 19 февраля 1861 г.», находитъ, что.... «въ сущности говоря,.... весь смыслъ великихъ преобразованій 1861 г. и всѣ ихъ главныя начала выражены полно и точно, притомъ съ замѣчательной силою и простотою, въ достопамятныхъ словахъ историческаго манифеста 19 февраля: «осѣни себя крестнымъ знаменемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой *свободный трудъ*, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго»

«Свободный трудъ», т. е. хозяйственная дѣятельность, нормируемая общими гражданскими законами,—вотъ основная цѣль реформы 19 февраля, и въ этой же простой формулѣ всѣ ея основныя начала. Все остальное или подробности, или временныя мѣры, чтобы сдѣлать переходъ крестьянъ въ новое для нихъ состояніе по возможности съ меньшими потрясеніями общественнаго строя, слагавшагося подъ вліяніемъ 2½ вѣкового крѣпостного состоянія.

Въ самомъ дѣлѣ, вотъ главнѣйшія постановленія 19 февраля, опредѣляющія гражданскій правопорядокъ этого «состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей»:

1) Въ отношеніи *правъ семейственныхъ*—на бывшихъ крѣпостныхъ распространяются *общія постановленія законовъ гражданскихъ* (ст. 21 общ. пол. о крест.).

2) Въ отношеніи *правъ личныхъ*—точно также на бывшихъ крѣпостныхъ распространены общія постановленія законовъ гражданскихъ: а) о договорахъ, обязательствахъ, подрядахъ (ст. 22—ibid), б) о правѣ заниматься торговлей, промыслами, содержать фабрики, промышленныя и ремесленныя заведенія, вступать въ гильдіи и т. д. (ст. 23), в) перечисляться въ

другія сословія и общества, отлучаться отъ мѣста жительства, отдавать своихъ дѣтей въ общія учебныя заведенія и поступать на службу по ученой, учебной и межевой частямъ на общемъ основаніи правилъ для свободныхъ податныхъ сословій (ст. 29), и т. д.

3) Въ отношеніи *судебной и полицейской охраны правъ* точно также бывшимъ крѣпостнымъ даны общія права свободныхъ сословій, именно: по гражданскимъ дѣламъ отыскивать по суду свои права, вчинать иски, дѣйствовать черезъ повѣренныхъ и быть повѣренными какъ крестьянъ своего общества, такъ и лицъ постороннихъ; по уголовнымъ и полицейскимъ: подавать жалобы и охранять свои права всѣми дозволенными закономъ способами; вообще—по тѣмъ и другимъ дѣламъ: быть свидѣтелями и поручителями на общемъ основаніи (ст. 24).

Весьма важно при этомъ отмѣтить, что собственно волостной судъ, который вѣдаетъ нынѣ весь гражданскій оборотъ крестьянъ и многіе значительные проступки, по полож. 19 февраля вѣдалъ только гражданскія дѣла цѣною не свыше 100 руб. и маловажные уголовные проступки (ст. 95, 96, 97 общ. пол.); всѣ же остальныя судебныя дѣла крестьянъ относились къ юрисдикціи общихъ судовъ и судились по общимъ законамъ, причемъ особымъ постановленіемъ (ст. 38) была дана крестьянамъ льгота: въ дѣлахъ наслѣдственныхъ *дозволялось* (но не предписывалось) руководиться мѣстными обычаями.

4) Въ отношеніи *правъ по имуществу*. Тутъ какъ будто нѣкоторая двойственность: относительно *движимости* прямо и категорически указано, что все движимое имущество крестьянъ на основаніи существующихъ постановленій принадлежитъ *вполнѣ* крестьянамъ (ст. 31); но о *недвижимости* въ Положеніи имѣются постановленія двоякаго рода, которыя однако ни малѣйше не идутъ въ разрѣзъ съ только-что разсмотрѣнными основными тезисами Положенія 19 февраля о другихъ правахъ состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей.

Въ самомъ дѣлѣ.

Въ Общихъ Положеніяхъ относящіяся сюда статьи гласятъ:

Ст. 12. «Крестьянамъ предоставляется пріобрѣтать въ собственность, *на основаніи общихъ законовъ*, полевыя земли и другія угодья, отведенныя имъ въ постоянное пользованіе».

Ст. 33. «Каждый крестьянинъ можетъ пріобрѣтать въ собственность недвижимыя и движимыя имущества, а также отчуждать оныя, отдавать

ихъ въ залогъ и вообще распоряжаться ими *съ соблюденіемъ общихъ узаконеній*, установленныхъ на сей предметъ для сельскихъ обывателей».

Дальнѣйшія статьи 34, 35 и 36 говорятъ объ *общемъ владѣніи* и о разверсткѣ таковаго владѣнія на основаніи *общихъ законовъ*, т. е. по 555 ст. X т. ч. I, съ правомъ каждаго участника въ общемъ владѣніи на выдѣлъ ему участка соразмѣрнаго долѣ его участія, или объ эквивалентномъ вознагражденіи, а въ ст. 37 подтверждено, что эти постановленія объ общемъ владѣніи распространяются и на земли, пріобрѣтенныя въ собственность по статьямъ 11 и 12 Общаго Положенія, т. е. на усадебныя и надѣльныя земли.

Такимъ образомъ вполнѣ очевидно, что въ отношеніи правъ *по имуществу недвижимому* Положенія 19 февраля также распространили на бывшихъ крѣпостныхъ постановленія общаго гражданскаго закона, но при условіи, если недвижимая собственность пріобрѣтается обыкновенною покупкою самостоятельно, *безъ содѣйствія правительства*, при чемъ въ этомъ случаѣ, какъ сказано, и для надѣльныхъ и усадебныхъ земель не дѣлалось исключеній.

Другого рода постановленія касаются недвижимости надѣльной, выкупаемой съ содѣйствіемъ правительства, по правиламъ выкупной операціи. Тутъ постановленія и самая структура права собственности носятъ характеръ ограничительный, вполнѣ впрочемъ понятный изъ того, что вся выкупная операція была операціей кредитной, обезпеченной выкупаемыми землями, которыя въ силу этого становились подъ запрещеніе. При томъ выкупная операція организована была такимъ образомъ, что она имѣла дѣло не съ отдѣльными лицами, а съ цѣлыми сельскими обществами, выкупавшими землю у своихъ бывшихъ помѣщиковъ. Но всѣ эти ограниченія въ правѣ собственности на земли, выкупаемыя съ содѣйствіемъ правительства, разсматриваются въ Положеніяхъ 19 февраля *какъ временныя*,— до окончанія выкупной операціи, какъ это положительно выражено было въ статьѣ 159 положенія о выкупѣ, говорящей, что всѣ правила, изложенныя въ этомъ Положеніи о принадлежности земли всему обществу, о разверсткѣ земли между членами общества, о послѣдующихъ передѣлахъ и проч. *„относятся до земель, по коимъ выкупная ссуда еще не уплачена“*. По уплатѣ сей ссуды распространяются на выкупленныя земли правила, установленныя въ Общемъ Положеніи о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, въ отношеніи земель, «пріобрѣтенныхъ сими крестьянами въ собственность», т. е. правила общихъ гражданскихъ законовъ.

Нельзя не прибавить также, что Положенія 19 февраля считали стѣснительнымъ временный порядокъ, установленный ими въ отношеніи выкупаемыхъ земель, почему въ самыхъ Положеніяхъ были даны выходы изъ этого порядка или посредствомъ раздѣла мірскихъ земель на наслѣдственные участки при согласіи на то $^2/_3$ членовъ общества (ст. 54, п. 2 общ. пол.), или досрочнымъ выкупомъ надѣловъ отдѣльными членами общества (ст. 165 пол. о вык.).

Сообразно этому въ Положеніяхъ 19 февраля освобожденные крестьяне вездѣ именуются «крестьянами-собственниками», а не «временными владѣльцами», какъ впослѣдствіи окрестилъ ихъ Сенатъ.

5) Наконецъ, еще одинъ отдѣлъ Положенія 19 февраля, весьма важный для характеристики созданнаго имъ «состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей»,—отдѣлъ, который многими забытъ нынѣ совершенно (а многіе кажется и не подозрѣваютъ, что онъ былъ въ Положеніи 19 февраля). Это именно постановленія Положеній въ отношеніи порядка управленія крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Относящіяся сюда статьи 19 и 20 Общ. Пол. содержатъ буквально слѣдующее:

Ст. 19. Крестьяне и общественныя ихъ учрежденія *подчинены общимъ губернскимъ и уѣзднымъ управленіямъ.*

Ст. 20. *Для приведенія въ дѣйствіе Положеній о крестьянахъ и для разрѣшенія особыхъ дѣлъ, возникающихъ изъ обязательныхъ поземельныхъ отношеній между помѣщиками и временно обязанными крестьянами*, учреждены: 1) губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе; 2) уѣздные мировые съѣзды; 3) уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія; 4) непремѣнные члены уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и 5) мировые посредники.

Слѣдовательно, въ порядкѣ управленія, какъ и суда, крестьяне не обособлялись отъ остального населенія. Особыя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ созданы были только *для приведенія въ дѣйствіе* крестьянскихъ положеній и слѣдовательно только на время этого переходнаго состоянія, а никакъ не въ качествѣ особаго постояннаго порядка управленія для крестьянъ.

Изъ этой справки съ подлиннымъ текстомъ Положеній 19 февраля 1861 г. достаточно ясно то устройство гражданскаго быта крестьянъ, которое было намѣчено при освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости.

Сообразно нашему историческому укладу, крестьяне образуютъ особое

сословіе и, какъ всякое сословіе, они имѣютъ нѣкоторыя особенности, отличающія ихъ отъ другихъ сословій, главнѣйше въ ихъ общественной организаціи, почему—пока остается въ силѣ нашъ исторически сложившійся сословный строй, конечно и крестьянское сословіе должно сохранять свои сословныя особенности. Но надобно замѣтить, что общественный строй, данный крестьянскому сословію, въ значительной степени обусловленъ особымъ порядкомъ надѣленія ихъ землею посредствомъ выкупной операціи, которая на первыхъ порахъ предпочитала имѣть дѣло съ крупными коллективными единицами, каковы сельскія общества крестьянъ, т. е. всѣ крѣпостные одного помѣщика, получившіе надѣлъ изъ его земель и связанные круговою другъ за друга порукою, а не съ отдѣльными крестьянами-собственниками. Выкупная операція внесла и многія ограниченія въ пользованіе гражданскими правами, которыя принципіально предоставлялись крестьянамъ. Она же, въ связи съ другими техническими условіями ликвидаціи крѣпостного права, обусловила учрежденіе для крестьянъ особыхъ временныхъ органовъ управленія. Но засимъ во всемъ остальномъ крестьянское сословіе или, какъ сказано въ Положеніи 19 февраля, «состояніе свободныхъ сельскихъ обывателей», вводилось въ общій гражданскій строй и правопорядокъ наравнѣ со всѣми другими сословіями Имперіи, которыя, при всѣхъ между ними различіяхъ, имѣютъ общія гражданскія права, подчинены однимъ и тѣмъ же законамъ или, какъ говорится, равны передъ закономъ, вѣдаются одними и тѣми же органами управленія и суда.

Основныя начала 19 февраля не устраняютъ крестьянское сословіе отъ общей гражданской жизни со всей страной, а напротивъ вводятъ его въ эту жизнь и на то именно разсчитаны, чтобы постепенно сдѣлать его полнымъ участникомъ этой общей жизни со всею страной, со всѣмъ русскимъ гражданствомъ. Они не ставятъ китайской стѣны между крестьянами и не-крестьянами, въ видѣ особыхъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ для крестьянъ, въ видѣ особыхъ органовъ управленія и суда, и если мы теперь видимъ эту стѣну, то основныя начала 19 февраля тутъ нисколько не повинны.

Послѣ 19 февраля 1861 г. начала эти получили свое плодотворное примѣненіе въ цѣломъ рядѣ самыхъ крупныхъ и блестящихъ преобразованій, которыми Россія по праву гордиться. Такова реформа судебная, не убоявшаяся будто бы особаго правосознанія крестьянъ, чтобы допустить ихъ участниками въ судѣ присяжныхъ, т. е. по важнѣйшимъ уголовнымъ

дѣламъ; такова реформа земская, давшая крестьянамъ участіе въ общественномъ управленіи не своей только деревни, но цѣлыхъ уѣздовъ и губерній; такова реформа воинской повинности, признавшая за честь для всѣхъ сословій обязанность защищать отечество; такова отмѣна подушной подати, уничтожившая другое важнѣйшее privillegium odiosum крестьянскаго сословія; такова наконецъ недавняя отмѣна круговой поруки, уничтожившая raison d'être для большинства тѣхъ ограниченій въ пользованіи гражданскими правами, которыя обусловливались институтомъ круговой поруки. Если бы и во всемъ остальномъ начала 19 февраля точно такъ же получали постепенное и послѣдовательное развитіе и примѣненіе къ жизни и строю крестьянскаго сословія, то можно смѣло сказать—теперь, черезъ 43 года послѣ 19 февраля 1861 г., мы не стояли бы передъ этой огромной и трудной задачей, которая намъ поставлена силою вещей и отъ которой мы не можемъ уклониться, т. е. передъ крестьянскимъ вопросомъ во всемъ его объемѣ, потому что этотъ вопросъ постепенно разрѣшался бы самой жизнью и весьма вѣроятно былъ бы уже близокъ къ своему окончательному рѣшенію, а можетъ быть и разрѣшенъ».

Та же газета въ статьѣ „Руководящія указанія по пересмотру крестьянскихъ положеній“ («Нов. Вр.» № отъ 13 іюня 1904 г., ст. г. Н.) находитъ, что руководящія указанія эти были «преподаны въ Правительственномъ сообщеніи 14 января 1902 г., въ Высочайшемъ манифестѣ 26 февраля 1903 г. и въ именномъ указѣ Правительствующему Сенату 8 января 1904 г.

Въ первомъ изъ этихъ государственныхъ актовъ указано «задачей предстоящей законодательной работы поставить измѣненіе, въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными потребностями жизни въ сельскихъ мѣстностяхъ и пользами государства, лишь тѣхъ изъ существующихъ узаконеній о крестьянахъ, недостатки коихъ выяснены опытомъ, съ тѣмъ, чтобы пересмотръ этихъ узаконеній совершался *на почвѣ основныхъ началъ положеній 19 февраля 1861 г. и представлялъ собою дальнѣйшее ихъ развитіе*».

Въ Высочайшемъ манифестѣ 26 февраля 1903 г. по тому же предмету выражено: «въ основу сихъ трудовъ (по пересмотру законодательства о сельскомъ состояніи) положить *неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія, изыскавъ одновременно способы къ облегченію отдѣльнымъ крестьянамъ выхода изъ общины*».

Наконецъ въ Высочайшемъ указѣ 8 января 1904 г. сказано слѣдующее:

«Въ сознаніи, что Положенія 19-го февраля 1861 года, даровавшія

крестьянскому сословію личную свободу и обезпечившія его поземельное устройство, оставили нѣкоторыя стороны обновленнаго сельскаго быта безъ законодательнаго опредѣленія, Мы повелѣли пересмотрѣть дѣйствующее законодательство о крестьянахъ.

«Пересмотръ сей Мы признали за благо произвести *на почвѣ главныхъ началъ преобразованій 1861 года, положивъ въ основу упомянутаго пересмотра*,—какъ сказано Нами въ Манифестѣ 26-го февраля 1903 года,—*неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія, при условіяхъ облегченія отдѣльнымъ крестьянамъ способовъ выхода изъ общины*. Въ развитіе сихъ предначертаній признали Мы необходимымъ, *наряду съ этимъ, сохранить крестьянамъ сословный строй и неотчуждаемость отъ крестьянскаго владѣнія надѣльныхъ земель*».

Сопоставляя это послѣдовательное выраженіе руководящихъ началъ, которыми опредѣляется *общее направленіе* предпринятыхъ нынѣ работъ по пересмотру законодательства о крестьянахъ, нельзя не видѣть, что основная мысль приведенныхъ указаній сводится къ требованію, чтобы преобразованія, которыя явятся результатомъ пересмотра, основывались на тѣхъ же главныхъ началахъ, которыя легли въ основу Положеній 19 февраля 1861 г., и служили бы дальнѣйшимъ развитіемъ этихъ началъ.

Особаго вниманія при этомъ заслуживаетъ умолчаніе о всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ, нерѣдко коренныхъ измѣненіяхъ, которымъ подверглись Положенія 19 февраля 1861 г. въ послѣдующія 40 лѣтъ какъ въ законодательномъ порядкѣ, такъ и путемъ сенатскихъ разъясненій и административныхъ распоряженій. Невозможно допустить, чтобы такое умолчаніе было случайностью. Слѣдовательно при нынѣшнемъ пересмотрѣ законодательства о крестьянахъ не только не обязательно считаться съ этими позднѣйшими наслоеніями, существенно измѣнившими духъ и начала преобразованій 1861 г., но наоборотъ—обязательно возвратиться именно къ духу и началамъ этихъ послѣднихъ преобразованій.

Затѣмъ въ приведенныхъ руководящихъ указаніяхъ ясно выражается мысль о томъ, что нынѣшній пересмотръ не долженъ распространяться на все законодательство о крестьянахъ, а лишь на тѣ части его, «недостатки которыхъ выяснены опытомъ», какъ выражено въ первомъ по времени правительственномъ сообщеніи 14 января 1902 г. Болѣе опредѣлительно та же мысль выражена въ Высочайшемъ указѣ 8 января сего года; въ немъ оттѣнено, что въ пересмотрѣ нуждаются не тѣ отдѣлы кресть-

янскихъ положеній, на которыхъ зиждятся личная свобода крестьянъ и ихъ поземельное устройство, а лишь относящіяся къ такимъ сторонамъ обновленнаго сельскаго быта, которыя при освобожденіи крестьянъ остались безъ законодательнаго опредѣленія.

Въ связи съ этимъ послѣднимъ весьма существеннымъ указаніемъ общаго характера должны быть разсматриваемы и содержащіеся въ Высочайшемъ указѣ с. г. болѣе частныя указанія, касающіяся: во-первыхъ неприкосновенности общиннаго землевладѣнія, при условіяхъ облегченія отдѣльнымъ крестьянамъ способовъ выхода изъ общинъ; во-вторыхъ сохраненія крестьянскаго сословнаго строя, и въ-третьихъ неотчуждаемости отъ крестьянскаго владѣнія надѣльныхъ земель.

Подтвержденіе неприкосновенности общиннаго землевладѣнія, сопровождаемое требованіемъ облегченія отдѣльнымъ крестьянамъ выхода изъ общины, есть примѣненіе къ частному вопросу того общаго принципа, который уже отмѣченъ выше, а именно: что пересмотръ законодательства о крестьянахъ не долженъ касаться принятыхъ Положеніями 19 февраля 1861 г. основаній поземельнаго устройства крестьянъ, но напротивъ долженъ возстановить эти основанія, измѣненныя позднѣйшими узаконеніями.

Точно также и сохраненіе крестьянами сословнаго строя есть подтвержденіе неизмѣнности одного изъ основныхъ началъ преобразованій 1861 г., которыми въ соотвѣтствіи съ нашимъ историческимъ укладомъ крестьянство поставлено, какъ особое «сословіе свободныхъ сельскихъ обывателей». Сословный строй крестьянства, само собой разумѣется, долженъ сохраниться, доколѣ сословный строй сохраняется и для всѣхъ остальныхъ слоевъ населенія Россіи.

Наконецъ нельзя не считаться и съ указаніемъ «Правительственнаго сообщенія» отъ 14 января 1902 г. о томъ, что измѣненіе дѣйствующаго законодательства о крестьянахъ, какъ послѣдствіе пересмотра этого законодательства, должно соотвѣтствовать «дѣйствительнымъ потребностямъ жизни въ сельскихъ мѣстностяхъ и пользамъ государства». Этимъ указаніемъ въ связи съ другими, о которыхъ только что говорено, устанавливается достаточно опредѣленная и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно просторная рамка, въ которую должны быть заключены предпринятыя нынѣ работы по пересмотру дѣйствующаго законодательства о крестьянахъ: «На почвѣ основныхъ началъ положеній 19 февраля 1861 г.» или— что одно и то же— «на почвѣ главныхъ началъ преобразованій 1861 г.» должны быть пере-

смотрѣны тѣ части законодательства о крестьянахъ, которыя не получили окончательной разработки въ Положеніяхъ 19 февраля 1861 г. и недостатки которыхъ указаны опытомъ; при чемъ этотъ пересмотръ, сообразуясь съ дѣйствительными потребностями сельской жизни и пользами государства, во всякомъ случаѣ не долженъ касаться постановленій, дарававшихъ крестьянскому сословію личную свободу и обезпечившихъ его поземельное устройство; въ частности же при этомъ пересмотрѣ обязательно сохранить неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія, съ обезпеченіемъ для отдѣльныхъ крестьянъ выхода изъ общины, а также сохранить для крестьянъ сословный строй и неотчуждаемость отъ крестьянскаго владѣнія надѣльныхъ земель.

Изъ этихъ требованій лишь одно послѣднее—о неотчуждаемости отъ крестьянскаго владѣнія надѣльныхъ земель—основано не на Положеніяхъ 19 февраля 1861 г., а на позднѣйшемъ законѣ—14 декабря 1893 г. (ст. 2). Особое указаніе о сохраненіи этого постановленія при пересмотрѣ дѣйствующаго законодательства о крестьянахъ и является единственнымъ предрѣшеннымъ отступленіемъ отъ основныхъ началъ Положеній 19 февраля 1861 г. Вѣрнѣе сказать, оно дополняетъ эти начала, такъ какъ установленіе неотчуждаемости надѣльныхъ земель отъ крестьянскаго владѣнія хотя фактически ограничиваетъ право собственности крестьянъ на надѣльныя земли, сужая кругъ лицъ, которымъ эти земли могутъ быть продаваемы ихъ собственниками, но не стоитъ въ принципіальномъ противорѣчіи съ началами гражданской свободы, дарованной бывшимъ крѣпостнымъ Положеніемъ 19 февраля. Сохраненіе въ рукахъ крестьянскаго сословія надѣльныхъ земель, это по существу новый институтъ характера политическаго, а не гражданскаго, это особая привилегія, дарованная крестьянскому сословію для закрѣпленія за нимъ тѣхъ земельныхъ имуществъ, которыя съ помощью выкупной операціи пріобрѣтены въ надѣлъ. Подобнаго рода привилегіи существуютъ и у другихъ сословій, между прочимъ и въ сферѣ землевладѣнія, каково наприм. право лицъ дворянскаго сословія на особыя льготы по земельному кредиту, предоставляемыя Дворянскимъ банкомъ и тоже связанныя съ извѣстнымъ ограниченіемъ на случай отчужденія заложенныхъ въ этомъ банкѣ земель. Такія привилегіи, даруемыя по соображеніямъ политическимъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стѣснительныя, никогда однакоже не считались и не считаются основаніемъ для нарушенія единства всего гражданскаго правопорядка, а тѣмъ

болѣе для выдѣленія сословій, пользующихся тѣми или другими особыми правами и привилегіями, изъ общаго гражданскаго правопорядка, съ установленіемъ для нихъ особаго правопорядка т. е. особыхъ законовъ, особыхъ судебныхъ и административныхъ органовъ не только по дѣламъ, составляющимъ существо особыхъ правъ и привилегій, но и по всѣмъ вообще отправленіямъ гражданской жизни, въ сферѣ отношеній личныхъ, семейственныхъ, имущественныхъ и по обязательствамъ.

И такъ, разсмотрѣнныя руководящія указанія, преподанныя Верховной властью въ руководство при пересмотрѣ дѣйствующаго законодательства о крестьянахъ, не только не предрѣшаютъ установленія для крестьянскаго сословія особаго гражданскаго правопорядка, но, напротивъ того, обязываютъ, въ соотвѣтстіи съ общимъ духомъ и разумомъ основныхъ началъ реформы 19 февраля 1861 г., устранить въ этомъ законодательствѣ всѣ тѣ многочисленныя наслоенія пореформеннаго періода, которыми крестьянское сословіе, какъ таковое, почти совершенно изолировано отъ общаго гражданскаго правопорядка, а съ тѣмъ вмѣстѣ и отъ общихъ со всѣми остальными сословіями Имперіи условій гражданской жизни, дѣятельности, развитія правосознанія и правоотношеній».

Наконецъ, въ ст. „Основная руководящая мысль проектовъ редакціонной коммиссіи по пересмотру крестьянскихъ положеній“ („Нов. Вр“. № отъ 15 іюня 1904 г.) тотъ-же авторъ говоритъ:... «редакціонная коммиссія, признавъ для себя обязательнымъ сообразоваться съ „основными началами Положеній 19 февраля 1861 г.“, тѣмъ не менѣе во главѣ угла ставитъ прямо противоположныя начала, рѣшительно отвергнутыя Положеніями 19 февраля, именно: „обособленность“ крестьянскаго сословія.....

Общее направленіе, духъ всѣхъ проектовъ редакціонной коммиссіи, какъ и основная задача, которая опредѣлилась этими ея проектами, сводятся къ мысли—установить и укрѣпить „обособленность крестьянскаго сословія“. Этой мыслью вдохновлены проекты положеній объ особомъ крестьянскомъ управленіи и объ особомъ крестьянскомъ судѣ; въ ней же нашли свой raison d'être проекты особыхъ гражданскаго и даже уголовнаго кодексовъ для лицъ крестьянскаго сословія.

Если бы эта мысль осуществилась въ мѣру предположеній и стремленій редакціонной коммиссіи, то не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что крестьянское сословіе, которое и нынѣ, вопреки духу и даже буквѣ Положеній 19 февраля 1861 г., въ значительной степени уже отторгнуто

отъ общаго гражданскаго правопорядка и отъ общей гражданской жизни съ остальными сословіями Имперіи, — постепенно образуетъ въ Россіи своего рода regnum in regno, съ особыми законами и учрежденіями, съ особымъ правосознаніемъ и, конечно, съ особыми руководящими воззрѣніями въ жизни, съ особыми общественными, личными, а можетъ быть и политическими идеалами, симпатіями и антипатіями, съ особыми мѣрками добра и зла и т. д.

Это уже будетъ не сословіе,—одно изъ многихъ въ Россіи,—это будетъ особый міръ, существенно отличающійся отъ всѣхъ остальныхъ сословій, вмѣстѣ взятыхъ, поставленный отдѣльно отъ нихъ и отгороженный китайскою стѣною, изъ которой, правда, коммиссія согласна открыть дверь „всѣмъ индивидуально сильнымъ, умственно переросшимъ крестьянскій міръ отдѣльнымъ крестьянамъ", чтобы они могли „расправить свои крылья", если при томъ сильные крестьяне согласятся отказаться отъ надѣльной земли, но извнѣ въ эту заколдованную черту крестьянской „обособленности" проникнуть никому, кто не родился крестьяниномъ, не будетъ позволено.

Наше современное законодательство не знаетъ „сословія", поставленнаго такимъ образомъ, какъ это проектируется редакціонной коммиссіей для крестьянъ. Въ нашей исторіи есть только одинъ примѣръ аналогичной постановки отдѣльной большей группы населенія. Этотъ примѣръ— крѣпостные крестьяне, которые были въ такой же мѣрѣ юридически обособлены отъ остальныхъ сословій, въ томъ числѣ и отъ свободной части крестьянскаго сословія, какъ проектировано редакціонной коммиссіей для всего современнаго крестьянскаго сословія. Только „крѣпостное состояніе" ставило принадлежащихъ къ нему крестьянъ внѣ общаго гражданскаго правопорядка въ силу особенностей этого состоянія. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ существованіе особаго гражданскаго правопорядка всегда имѣло характеръ территоріальный, а не сословный, т. е. онъ имѣлъ мѣсто не по отношенію къ тому или другому сословію, а по отношенію ко всѣмъ сословіямъ, живущимъ на пространствѣ данной территоріи. У насъ это случалось, отчасти и теперь есть (напримѣръ: въ Финляндіи, въ Царствѣ Польскомъ, въ нѣкоторыхъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ) исключительно въ слѣдствіе присоединеній къ Имперіи новыхъ областей, населенію которыхъ въ большей или меньшей мѣрѣ сохранялся его прежній гражданскій правопорядокъ, отличный отъ общаго гражданскаго правопорядка Имперіи

Причина тутъ понятна. Однако же, когда такое изъятіе дѣлается для вновь присоединенныхъ, еще только внѣшнимъ образомъ инкорпорируемыхъ населенныхъ мѣстностей, то при этомъ всегда подразумѣвается, что такое изъятіе—временное, чтобы дать новымъ согражданамъ постепенно привыкнуть и приспособиться къ гражданскому правопорядку ихъ новаго отечества. Объединеніе новыхъ областей въ отношеніи гражданскаго правопорядка всегда имѣется при этомъ въ виду, какъ самое сильное и дѣйствительное средство внутренняго объединенія и сближенія новыхъ областей съ кореннымъ населеніемъ государства, ибо государственное единство, не опирающееся на внутреннее единство, не можетъ считаться прочнымъ, а внутреннее единство зарождается и ростетъ прежде всего на почвѣ общности внѣшнихъ условій жизни и дѣятельности, т. е. гражданскаго правопорядка. Такимъ образомъ единство гражданскаго правопорядка—это основа внутренней цѣльности государства.

Съ этой точки зрѣнія установленіе въ Россіи особаго гражданскаго правопорядка для крестьянскаго сословія, которое по численности составляетъ $^{8}/_{10}$ всего населенія Имперіи, шло бы въ разрѣзъ со всей нашей исторіей, а не только съ основными началами Положеній 19 февраля, которыя, какъ уже выяснено, внушены были совершенно противоположною мыслью—возсоединить бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ съ свободными сословіями Имперіи и открыть имъ многочисленные пути для постепеннаго внутренняго объединенія съ послѣдними подъ сѣнью общаго гражданскаго правопорядка посредствомъ общихъ законовъ и учрежденій.

Едва ли при этомъ нужно много распространяться о томъ, что такое разъединеніе крестьянскаго сословія отъ остальныхъ сословій, или, какъ выражается редакціонная коммиссія, проектированная ею „обособленность“ крестьянскаго сословія представляла бы не только большія невыгоды и для крестьянъ, и для всей страны, но—что еще серьезнѣе,—представляла бы большія опасности для успѣшнаго развитія гражданской жизни и дѣятельности страны».

„Русская Мысль“ (февраль 1904 г., внутр. обозр.), касаясь того же вопроса, говоритъ, что..... «актомъ 19 февраля 61 года прежде всего уничтожено было наиболѣе коренное различіе господина и раба: крестьяне были признаны свободными сельскими обывателями и имъ предоставлены были права личныя, семейственныя и имущественныя, которыми они до той поры не пользовались, чѣмъ крестьянское сословіе было сближено съ другими

сословіями, на которыя эти права распространялись и ранѣе. Далѣе, логическимъ послѣдствіемъ такого уравнительнаго направленія въ области общегражданскихъ правъ было предоставленіе крестьянамъ равнаго съ прочими сословіями участія въ общественномъ самоуправленіи на основаніи безсословнаго Земскаго Положенія 1864 г. Такимъ образомъ въ первые годы послѣ 1861 г., въ такъ называемую эпоху реформъ, въ этихъ реформахъ несомнѣнно проявилось не стремленіе къ обособленію крестьянскаго сословія, а напротивъ къ предоставленію равноправности съ другими сословіями и къ объединенію его съ послѣдними на почвѣ общей съ ними общественной дѣятельности. Передача въ вѣдѣніе земства различныхъ натуральныхъ повинностей, лежавшихъ на крестьянскомъ сословіи съ переводомъ земствами большой части изъ нихъ въ денежныя, распредѣлявшіяся между всѣми сословіями, а также отмѣна подушной подати, тоже способствовали сглаживанію различія между податными и неподатными сословіями. Правда, оставалось еще многое, что ставило крестьянъ въ низшее положеніе сравнительно съ другими сословіями: требованіе приписки къ обществу въ связи со стѣснительной паспортной системой, необходимость увольненія изъ общества для поступленія въ среднія и высшія учебныя заведенія, неравноправность съ другими сословіями при прохожденіи государственной службы и другія болѣе мелкія особенности, наконецъ ложившееся самымъ тяжкимъ позорнымъ пятномъ на крестьянское сословіе сохраненіе для однихъ крестьянъ тѣлеснаго наказанія. Но до 1889 года можно было смотрѣть на всѣ эти проявленія неравноправности крестьянскаго сословія какъ на пережитки, оставшіеся отъ крѣпостного права, и надѣяться, что съ теченіемъ времени они мало по малу исчезнутъ. Введенное въ этомъ году положеніе о земскихъ начальникахъ показало, что напротивъ законодательная дѣятельность правительства по отношеніи къ крестьянскому вопросу принимаетъ, повидимому, направленіе протовоположное тому, какое она имѣла въ 1861 г. и ближайшее къ нему время.—Вмѣсто сближенія крестьянскаго сословія съ другими предоставленіемъ ему положенія болѣе равноправнаго съ ними, законъ 12 іюля 1889 г. снова ставитъ крестьянъ въ положеніе обособленное и при томъ подчиненное не только государственной власти, но и дворянству. Извѣстно, что по основной мысли этого закона земскими начальниками должны быть дворяне и даже именно мѣстные дворяне. Этой своей стороной законъ 12 іюля несомнѣнно создаетъ между крестьянскимъ и дворянскимъ сословіями отношенія, въ извѣстной мѣрѣ

напоминающія дореформенныя. Крестьянинъ признается по отношенію къ дворянину—земскому начальнику—не только подчиненнымъ, но и вообще существомъ низшаго порядка. Та же тенденція къ обособленности и къ признанію низшаго достоинства крестьянскаго сословія проведена была и въ новомъ земскомъ положеніи 1890 года.—Дворянскому сословію дано явное преобладаніе въ земствѣ и во многихъ уѣздахъ дворяне входятъ въ земское собраніе почти поголовно, а крестьяне, какъ отдѣльныя лица, даже вовсе лишены земскихъ избирательныхъ правъ и участвуютъ въ земскихъ собраніяхъ лишь въ качествѣ выборныхъ отъ волостей, да и то изъ этихъ выборныхъ дѣлается еще выборъ администраціей. Все это было фактическимъ выраженіемъ поворота, совершившагося во взглядахъ правительства на крестьянское сословіе».

«Какъ бы то ни было»—продолжаетъ тоже внутреннее обозрѣніе—«исходнымъ пунктомъ для работъ по пересмотру крестьянскаго законодательства «Очеркъ» признаетъ положеніе о земскихъ начальникахъ, прямо указывая, что и самыя работы эти должны выполняться „въ тѣсной связи съ текущею дѣятельностью управленія крестьянскимъ дѣломъ". Такой взглядъ на дѣло даетъ, конечно, опредѣленную окраску и всѣмъ дальнѣйшимъ сужденіямъ «Очерка». Но какъ онъ вяжется съ тѣмъ принципіальнымъ положеніемъ, что пересмотръ крестьянскихъ узаконеній долженъ совершаться „на почвѣ основныхъ началъ Положенія 19 февр. 1861 г." это для насъ остается неяснымъ. Едва ли можно согласиться съ «Очеркомъ» въ томъ, что „главными, одухотворяющими весь этотъ законодательный актъ (Полож. 19 февр.) началами . . . . . должны быть признаны: обособленность крестьянскаго сословія и установленныя въ связи съ этимъ особливый порядокъ управленія крестьянами и неотчуждаемость крестьянскихъ надѣльныхъ земель, а также неприкосновенность основныхъ формъ крестьянскаго землевладѣнія"..... Что касается до обособленности крестьянскаго сословія, то —говоритъ Русская Мысль—создавать ее въ 1861 году было нечего, такъ какъ на что ужъ больше обособленности, чѣмъ та, въ какой оно находилось до 1861 г. Но именно эта коренная обособленность и была разрушена актомъ 19 февраля, направленнымъ прежде всего къ тому, чтобы дать крестьянамъ общечеловѣческія права свободной личности. *Воля*,—вотъ какъ назывался тогда и какъ называется и по нынѣ въ народной памяти актъ 19 февраля».....

Въ № 3. „Трудовъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества"

въ докладѣ, прочитанномъ въ состоящей при III Отд. В. Э. О-ва Коммиссіи по крестьянскому вопросу *) *г. Вороновскій* заявляетъ, что «Сословность не могла быть по самой идеѣ положена въ основу освободительной реформы, создавшей въ Россіи, по словамъ знаменитаго дѣятеля подлинныхъ редакціонныхъ коммиссій—Ростовцева „народъ, котораго въ отечествѣ нашемъ доселѣ не существовало".—Сословность была не основой крестьянской реформы, а временной исторической необходимостью, которую нельзя было обойти, хотя даже въ ту эпоху проявились попытки въ этомъ направленіи.—Обособленность крестьянскаго сословія не только не была указана въ качествѣ основанія реформы ни въ руководящихъ Высочайшихъ рескриптахъ отъ 20 ноября 1857 г., 5 декабря 1857 г. и всѣхъ послѣдующихъ, ни въ сопровождавшихъ ихъ отношеніяхъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, но даже вовсе не трактовалась въ редакціонныхъ коммиссіяхъ. Указанныя самимъ Императоромъ незыблемыя начала крестьянской реформы заключались лишь „въ обезпеченіи помѣщикамъ земельной ихъ собственности, а крестьянамъ прочной осѣдлости и надежныхъ средствъ къ жизни и къ исполненію ихъ обязанностей". Относительно устройства крестьянъ въ Высочайшихъ рескриптахъ, а затѣмъ въ Высочайше утвержденномъ 4 декабря 1858 г. журналѣ Главнаго Комитета по крестьянскимъ дѣламъ содержится единственное указаніе, что „крестьяне входятъ въ общій составъ свободнаго сельскаго сословія въ государствѣ" и „ распредѣляются на сельскія общества, которыя должны имѣть свое мірское управленіе". При обсужденіи этого вопроса въ редакціонныхъ коммиссіяхъ ясно высказывались совершенно опредѣленныя мнѣнія о необходимости образованія всесословной волости».... (приводятся данныя, это подверждающія.).—

.....«Къ практическому осуществленію этой идеи»—продолжаетъ тотъ же авторъ—«одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ встрѣтились вовсе не принципіальныя, а соціально-историческія препятствія: нельзя было однимъ пріемомъ реформы объединить въ общей свободной организаціи тѣ элементы населенія, которые надлежало прежде всего окончательно разъединить, чтобы распутать ихъ взаимные интересы, сросшіеся долгимъ историческимъ процессомъ въ одно нескладное цѣлое—крѣпостное право..... Чтобы навсегда освободить крестьянъ, необходимо было ихъ временно обо-

---

*) Докладъ этотъ въ видѣ отдѣльной статьи подъ заглавіемъ «Сословная обособленность крестьянъ» напечатанъ въ № 22 за 1904 г. газеты «Право».

собить въ сословныя формы общественной организаціи, и тѣмъ самымъ наложить въ воспитательныхъ цѣляхъ прочную раздѣлительную грань между соблазномъ власти однихъ и привычной покорностью другихъ..... Сверхъ того, нельзя упускать изъ виду того обстоятельства, что для всесторонняго выясненія этого вопроса редакціонными коммиссіями существовало препятствіе формальнаго характера: коммиссіямъ этимъ предоставлено было обсужденіе лишь вопросовъ крестьянскаго общественнаго управленія, тогда какъ разработка вопросовъ общаго мѣстнаго управленія была возложена на особую коммиссію»....

Въ „Журналѣ Министерства Юстиціи“ (№ 8, 1904 г.) г. Гуссаковскій въ статьѣ „Проектъ положенія о крестьянахъ“, останавливаясь на вышеизложенныхъ заявленіяхъ редакціонной коммиссіи, находитъ, что... «нельзя прежде всего не выразить крайняго удивленія по поводу указанія ея на то, что полная обособленность крестьянъ отъ остальныхъ классовъ населенія должна быть отнесена къ числу главнѣйшихъ принциповъ, одухотворяющихъ великій законодательный актъ 19 февраля 1861 г.—Какъ извѣстно, до освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, они находились въ полномъ подчиненіи у своихъ помѣщиковъ и не только не пользовались личными и имущественными правами, предоставленными другимъ классамъ населенія, но, напротивъ того, сами составляли объектъ имущественныхъ оборотовъ. Такое безправное положеніе крестьянъ и рѣзкая обособленность ихъ отъ другихъ сословій признаны были однако не соотвѣтствующими ни требованіямъ справедливости, ни общегосударственнымъ интересамъ. Задача великаго освободительнаго акта заключалась поэтому не въ созданіи рѣзкихъ граней, обособляющихъ крестьянъ отъ другихъ классовъ населенія, а, напротивъ того, въ устраненіи такой обособленности и въ уравненіи личныхъ и имущественныхъ правъ крестьянъ съ другими сословіями.—Само собою разумѣется, что столь крупная соціальная реформа не могла быть осуществлена сразу..... Въ виду особенностей переходнаго положенія крестьянъ, впредь до полной ликвидаціи прежнихъ ихъ отношеній къ помѣщикамъ, представлялось необходимымъ изъять ихъ временно изъ вѣдѣнія общихъ органовъ управленія и подчинить ихъ въ этомъ отношеніи вновь созданнымъ органамъ правительственной власти, призваннымъ въ началѣ къ надѣленію крестьянъ землею, а затѣмъ къ укрѣпленію за ними этихъ земель на началахъ выкупа.—Такимъ образомъ обособленность крестьянъ въ порядкѣ управленія установлена Положеніями 19 февраля 1861 г. не

въ силу какого либо принципа, вытекающаго изъ тѣхъ или иныхъ государственныхъ соображеній, а лишь какъ мѣра практической необходимости, вызываемая стремленіемъ къ скорѣйшему завершенію дѣла земельнаго устройства крестьянъ и полному прекращенію прежнихъ отношеній ихъ къ помѣщикамъ. Очевидно, поэтому, что нынѣ по выполненія той главной задачи, ради которой были созданы особые правительственные органы крестьянскаго управленія, послѣдовательное развитіе началъ, которыми проникнуто Положеніе 19 февраля 1861 г., требовало бы не дальнѣйшаго закрѣпленія существующей обособленности крестьянъ въ порядкѣ управленія, а подчиненія ихъ въ этомъ отношеніи общеустановленному порядку»....

Въ „Кіевлянинѣ“ Н. Г. Тальбергъ (въ рядѣ статей, выпущенныхъ затѣмъ отдѣльною брошюрою подъ заглавіемъ „Организація сельскаго управленія. По поводу проекта коммиссіи Мин. Вн. Дѣлъ“) говоритъ: ...«нынѣшній пересмотръ законодательства о крестьянахъ повелѣно произвести на почвѣ главныхъ началъ реформы 1861 года, при чемъ въ Высочайшемъ Манифестѣ 26 февраля 1903 г. предуказана была неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія, но съ условіемъ облегченія отдѣльнымъ лицамъ выхода изъ общины, а затѣмъ упомянуто о необходимости сохранить крестьянскій сословный строй и установленную въ 1893 г. неотчуждаемость отъ крестьянскаго владѣнія надѣльныхъ земель. Само собою разумѣется, что указанія эти, въ качествѣ программы преобразованія, устанавливаютъ извѣстные предѣлы, съ которыми предстоитъ согласовать предстоящую работу. Но проектъ (ред. ком.) пошелъ далѣе, такъ какъ составители его поняли свою задачу очень узко, свели ее къ усугубленію преподанныхъ имъ руководящихъ принциповъ и вмѣсто преобразованія, долженствовавшаго сблизить и примирить ихъ съ новыми условіями жизни, предпочли сдѣлать болѣе легкую работу. По существу и отчасти по формѣ эта работа направлена была къ простому закрѣпленію дѣйствующихъ порядковъ и очень мало разнится отъ обычной кодификаціонной, которая дѣлается при новыхъ изданіяхъ томовъ свода законовъ и обходится безъ участія законодательныхъ учрежденій. Въ выработанныхъ редакціонной коммиссіей проектахъ, за нѣкоторыми исключеніями, нѣтъ почти ничего новаго, незамѣтно въ нихъ никакого шага впередъ..... Такой характеръ проектовъ..... въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что составители ихъ невѣрно истолковали одно изъ преподанныхъ имъ началъ, а именно о сохраненіи сословнаго строя у крестьянъ. Вмѣсто

сословнаго строя редакціонная коммиссія приводитъ, возвеличиваетъ и усугубляетъ начало обособленности крестьянъ, т. е. нѣчто несравненно большее по своему смыслу и значенію. Сословность не значитъ обособленность, такъ какъ послѣдняя составляетъ крайнее и вредное явленіе, именуемое хорошо знакомымъ словомъ касты. – Сословность сама по себѣ не можетъ пугать и она способна мирно уживаться съ движеніемъ и прогрессомъ жизни. Организація земскаго управленія построена на сословныхъ началахъ, но земское дѣло идетъ въ общемъ недурно, не смотря на то, что нѣкоторыя сословія слабо представлены въ организаціи. Въ Англіи дворянство и лорды не вредятъ государству. Существующія у насъ дворянское, мѣщанское, купеческое, казачье и другія сословія имѣютъ свои сословныя органы и привилегіи, но всѣ они не составляютъ обособленныхъ кастъ. Только крестьянское сословіе почему то считаютъ нужнымъ спеціально обособить и оградить крѣпкою стѣною, созданною притомъ не изъ привилегій и преимуществъ, а, напротивъ, изъ множества крупныхъ и мелкихъ стѣсненій и прямыхъ невыгодъ направленныхъ противъ членовъ этого обездоленнаго сословія. Какъ бы ни мотивировать такую систему заботою сильныхъ о нуждахъ слабыхъ, необходимо имѣть въ виду, что крестьянство наше не совсѣмъ вѣрно называть сословіемъ. По своей численности, по общей суммѣ своихъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ оно справедливо признается цѣлымъ царствомъ, которое, безъ вреда для него, нельзя держать внѣ благого воздѣйствія отъ окружающаго его міра».....

Въ брошюрѣ „Вопросы частнаго права въ проектахъ законоположеній о крестьянахъ“ *) *проф. Гуляевъ* говоритъ: ....«Сословной обособленности крестьяне не имѣли въ силу положенія 19 февраля 1861 г., потому что законъ этотъ создалъ свободныхъ гражданъ, надѣливъ ихъ личной свободой и свободой имущественной, и имѣлъ въ виду не обособить крестьянъ, но пріобщить ихъ къ тѣмъ благамъ, какими уже пользовались свободные граждане и какія предполагались на будущее время, какъ результатъ реформы 1861 г.

Положеніе 19 февраля 1861 г., по словамъ историка освобожденія крестьянъ Н. П. Семенова, котораго едва ли можно заподозрить въ субверсивныхъ идеяхъ, лежитъ въ основаніи всѣхъ послѣдующихъ пре-

---

*) Брошюра эта представляетъ оттискъ ряда статей, помѣщаемыхъ въ газетѣ «Кіевлянинъ». Цитируется по брошюрѣ.

образованій по разнымъ частямъ государственнаго управленія: реформы судебная, земская, городская, всеобщая воинская повинность—являются преобразованіями всесословными, а не такими, которыя расчитаны были бы на какую либо одну группу населенія; всѣ эти реформы Императора Александра II являются логическимъ послѣдствіемъ того положенія, что предъ закономъ всѣ должны быть равны, независимо отъ своего происхожденія, что достиженіе общихъ государственныхъ цѣлей осуществимо путемъ примѣненія ко всему населенію одного закона. Могъ ли законодатель, даровавшій свободу милліонамъ населенія, дотолѣ безправнаго, ограничивать эту свободу, создавая для освобождаемаго населенія одинъ лишь призракъ свободы, а въ сущности ставя бывшихъ крѣпостныхъ въ зависимыя отношенія не къ помѣщику, а къ государству? Если-бы только въ перемѣнѣ владѣльца заключалась сущность реформы, то помѣщичьи крестьяне должны были бы быть обращены въ крестьянъ государственныхъ; но вѣдь и къ крестьянамъ государственнымъ примѣнены были позже Положенія 19 февраля: значитъ, цѣль законодателя заключалась не въ эмансипаціи крестьянъ отъ власти помѣщика, но въ созданіи огромнаго контигента свободныхъ личностей, независимыхъ отъ бывшаго владѣльца, кто бы таковымъ ни былъ. Условія, при которыхъ произведено было освобожденіе крестьянъ, не были расчитаны на появленіе на пространствѣ Имперіи двадцати милліоновъ свободныхъ личностей; да и эти новые свободные люди, по своему прежнему образу жизни, по своимъ понятіямъ, по своей темнотѣ и малокультурности не могли бы сразу пріобщиться къ тѣмъ отошедшимъ уже въ область исторіи благамъ законодательства, которыя проникнуты были сословнымъ дворянскимъ характеромъ. Возникла альтернатива: или оставить безправное до того времени крестьянство въ прежнемъ состояніи безправія, съ замѣной одного владѣльца другимъ, или постепенно ввести освобожденное крестьянство въ разрядъ свободныхъ обывателей.—Правительство приняло послѣднее рѣшеніе, создавъ переходное состояніе крестьянъ отъ прежняго рабства къ новой свободѣ. Крестьяне стали временно обязанными въ отношеніи къ бывшему помѣщику и получили сословный волостной судъ. «Крестьянскій волостной судъ, говоритъ Н. П. Семеновъ, созданъ въ свое время положеніемъ о крестьянахъ при постепенномъ переходѣ отъ стараго порядка вещей къ новому, когда болѣе двадцати милліоновъ однихъ помѣщичьихъ крестьянъ готовились вступить въ новую, полноправную жизнь, когда имъ сдѣлался

необходимъ гражданскій судъ отъ правительства, для разбора имѣющихъ возникать между ними тяжбъ и споровъ, въ разрѣшеніи которыхъ они прежде обходились однимъ домашнимъ судомъ, разбирались по обычаю часто извѣстному только въ одной деревнѣ, который, при старыхъ отношеніяхъ, былъ для нихъ удовлетворительнымъ. Учредить для нихъ судъ немедленно, на юридическихъ началахъ, не было никакой возможности, тѣмъ болѣе, что правительство уже сознавало тогда необходимость общаго преобразованія всей судебной части. Оно его и совершило на новыхъ основаніяхъ, не принимая въ соображеніе никакихъ сословныхъ дѣленій. Послѣ этого какой же смыслъ и значеніе можетъ имѣть сословный сельскій судъ—учрежденіе, созданное временно, по необходимости и напоминающее первобытное состояніе общества, учрежденіе, не руководствующееся закономъ, по невѣдѣнію и безграмотности судей?» (Семеновъ т. 1, стр. 5). Такъ говоритъ историкъ и одинъ изъ дѣятелей великаго преобразованія. Не такъ разсуждаетъ радакціонная коммиссія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Для этой коммиссіи волостной судъ представляетъ собою учрежденіе, дальнѣйшее существованіе котораго не подлежитъ сомнѣнію, и при томъ не въ качествѣ перваго звена въ строѣ судебныхъ органовъ Имперіи, а лишь въ качествѣ первой инстанціи специфически-крестьянскаго судоустройства. То, что для редакторовъ положенія 19 февраля 1861 г. представлялось временной уступкой неудовлетворительнымъ условіямъ дѣйствительности, въ глазахъ новыхъ редакторовъ оказывается учрежденіемъ, подлежащимъ дальнѣйшему культивированію и притомъ въ направленіи безконечно уклоняющемся отъ первоначальной цѣли.

Объединеніе крестьянства съ остальными сословными группами и для новыхъ редакторовъ оказывается цѣлью, которая рано или поздно должна быть достигнута. По крайней мѣрѣ, по мнѣнію коммиссіи, „до полнаго внутренняго объединенія крестьянства со всѣми остальными сословными группами Имперіи, необходимо сохранить особые пріемы въ порядкѣ его общественнаго управленія, суда и правительственнаго надзора“. Когда же наступитъ это полное объединеніе? Если на пути къ этому объединенію создавать искусственныя препятствія въ видѣ обособленной юрисдикціи волостного суда, рѣшающаго дѣла не на основаніи общаго уголовнаго и общаго гражданскаго закона, а руководствующагося нарочито созданными для него кодексами крестьянскаго уголовнаго и крестьянскаго частнаго (гражданскаго) права, то очевидно въ цѣли новыхъ редакторовъ сознательно не

входитъ объединеніе крестьянства съ прочими сословными группами населенія; напротивъ, поддерживается и развивается разъединеніе, которое наблюдается и нынѣ, ибо то, что считается хорошимъ для дворянства или городского обывателя, оказывается непримѣнимымъ къ крестьянству. Напрасно утверждаютъ, будто-бы крестьяне живутъ подъ руководствомъ своего обычая, внѣ сферы примѣненія писаннаго закона.

Наше судебное вѣдомство хорошо знакомо съ стремленіемъ крестьянъ подчинить свои споры дѣйствію общаго гражданскаго закона, къ примѣненію котораго судьями юристами крестьяне питаютъ большее довѣріе, чѣмъ къ усмотрѣнію невѣжественныхъ волостныхъ судей, являющихся якобы выразителями мѣстныхъ обычаевъ. Отдѣльное крестьянское частное и уголовное право, отдѣльный крестьянскій судъ представляютъ собою, безъ всякаго сомнѣнія, искусственную преграду на пути къ объединенію населенія. Тѣмъ болѣе странно читать въ объяснительной запискѣ новыхъ редакторовъ слѣдующую тираду: „такой образъ дѣйствій отнюдь не заключаетъ въ себѣ стремленія искусственно задерживать въ средѣ крестьянскаго сословія всѣхъ отдѣльныхъ, составляющихъ его, личностей. Наоборотъ, законъ долженъ предоставить всѣмъ индивидуально сильнымъ, умственно переросшимъ крестьянскій міръ отдѣльнымъ крестьянамъ найти примѣненіе своимъ способностямъ, расправить свои крылья, но съ тѣмъ, чтобы ихъ ростъ происходилъ не за счетъ всего крестьянства, а шелъ самостоятельнымъ путемъ“. И такъ выходъ изъ крестьянства, состоянія, очевидно, низшаго, возможенъ только для тѣхъ, кто хочетъ летать; а кто ходитъ или пресмыкается, тотъ и долженъ оставаться въ своемъ нынѣшнемъ состояніи. Почему дѣйствіе общаго закона не можетъ быть распространено на крестьянъ? Почему крестьяне, т. е. большая часть населенія Имперіи, не могутъ быть пріобщены къ пользованію Судебными Уставами Императора Александра II, гражданскими законами 1 ч. X т. св. з. или будущимъ гражданскимъ уложеніемъ, новымъ уголовнымъ уложеніемъ?

Для большинства населенія хотятъ создать законы, которые образуютъ непроходимую пропасть между двумя неравными частями свободныхъ лицъ». Между тѣмъ,... «чѣмъ сплоченнѣе населеніе въ своихъ разнородныхъ частяхъ, тѣмъ большею силою обладаетъ государственный организмъ. Это истина, сознанная въ Западной Европѣ; но мы почему то хотимъ эту истину игнорировать...».

Въ „Саратовской Земской Недѣлѣ“ (№ 3, 1904 г.), въ ст. „О крестьянской

реформѣ", посвященной вопросу объ обособленности общественно-правовой жизни крестьянъ, какъ сословія, *Г. Кожухаръ*, подвергнувъ изслѣдованію исторію разработки Положеній 19 февраля, приходитъ къ выводу, имъ резюмированному въ слѣдующихъ словахъ: «При разработкѣ реформы 19 февраля правительство, отвергнувъ мысль о подчиненіи крестьянъ дворянамъ-землевладѣльцамъ, какъ начальникамъ обществъ, поставило себѣ задачей дѣйствительно и немедленно освободить и устроить на началахъ самоуправленія только однихъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. И эту задачу оно выполнило для того времени вполнѣ удовлетворительно. Обсужденіе вопроса объ устройствѣ всего крестьянства, какъ сословія и объ объединеніи или раздѣленіи его отъ другихъ сословій, редакціонныя коммиссіи рѣшительно отвергли, но не принципіально, а только потому, что это потребовало бы много труда и времени, на которое нельзя было отложить освобожденіе крестьянъ. Но реформа 19 февраля 1861 г. и въ томъ видѣ, какъ она выполнена, является актомъ, глубоко проникнутымъ началомъ безсословности, уничтоженія сословныхъ перегородокъ, а не началомъ обособленности. И не подлежитъ сомнѣнію, что правительство 50-хъ и начала 60-хъ годовъ XIX вѣка было на сторонѣ возможно скораго и полнаго уравненія и сліянія всѣхъ сословій государства. Объединеніе вѣдомствъ дѣйствительно скоро послѣдовало, но вопросъ объ объединеніи въ мѣстной жизни всѣхъ сословій, хотя и возбуждался, но до сихъ поръ не получилъ разрѣшенія... Нынѣшняя редакціонная коммиссія совершенно ошибочно приписываетъ освободительной реформѣ мысль объ обособленности крестьянства; тѣмъ болѣе невѣрно считаетъ она эту обособленность однимъ изъ основныхъ положеній этой реформы...».

Наконецъ, въ журналѣ „Народное хозяйство", внутренній обозрѣватель (кн. 1-ая, 1904 г.) обращается къ такому аргументу:..... «Правовая и административная обособленность крестьянскаго населенія отъ другихъ общественныхъ группъ осталась пережиткомъ крѣпостного права, а отнюдь не была основнымъ началомъ реформы. Вѣдь если бы это было такъ, то для „редакціонной коммиссіи" Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ объяснительной запискѣ самымъ вѣскимъ доводомъ въ ея пользу была бы ссылка на сужденіе въ редакціонныхъ коммиссіяхъ и въ главномъ комитетѣ по выработкѣ Положенія 19 февраля 1861 г.; но обращеніе къ этому источнику не подтвердило бы взглядовъ теперешней „редакціонной коммиссіи", и послѣдняя ищетъ самостоятельныхъ обоснованій своей точкѣ зрѣнія...».

Сословная обособленность крестьянъ.

Редакціонная коммиссія, признавъ однимъ изъ основныхъ началъ положенія 19 февраля обособленность крестьянскаго сословія, вмѣнила себѣ въ обязанность, въ видахъ ближайшаго опредѣленія коренного направленія всѣхъ ея послѣдующихъ работъ,..... «выяснить причины, по коимъ и нынѣ, по прошествіи болѣе сорока лѣтъ со времени великой реформы 19 февраля 1861 г., начала эти подлежатъ, по ея мнѣнію, дальнѣйшему охраненію и даже развитію».

«Обратившись, въ виду сего, къ подробному обсужденію этихъ началъ, коммиссія относительно сословной обособленности крестьянъ и особливаго порядка управленія ими—приняла во вниманіе, что со временъ незапамятныхъ и доселѣ земля и земледѣльческій промыселъ составляли и составляютъ для русскаго крестьянства почти исключительный и во всякомъ случаѣ важнѣйшій предметъ его жизненной дѣятельности, сосредоточеніе всѣхъ его заботъ и попеченій, основу его матеріальнаго достатка. Постоянная близость къ землѣ въ связи съ особенностями сельско-хозяйственнаго труда и быта наложили неизгладимый отпечатокъ на самую личность русскаго крестьянина, отразилось на всемъ его нравственномъ и правовомъ міросозерцаніи и создали весь внутренній складъ крестьянскихъ общественныхъ союзовъ. Воспитанные въ неустанномъ, упорномъ трудѣ, привыкшіе къ исконной однообразной обста-

новкѣ жизни, пріученные измѣнчивымъ успѣхомъ земледѣльческихъ работъ къ сознанію своей зависимости отъ внѣшнихъ силъ природы и, слѣдовательно, отъ началъ высшаго порядка, крестьяне, болѣе чѣмъ представители какой-либо другой части населенія, всегда стояли и стоятъ на сторонѣ созидающихъ и положительныхъ основъ общественности и государственности и, такимъ образомъ, силою вещей являются оплотомъ исторической преемственности въ народной жизни противъ всякихъ разлагающихъ силъ и безпочвенныхъ теченій»..... (Тр. т. I, стр. 11).

.....«Безспорно»—говоритъ „*Вѣстникъ Европы*“ *(февр. 1904 г., вн. обозр.)*, возражая на изложенное сужденіе р. коммиссіи—«въ прошедшемъ крестьянство было крѣпко землѣ, крѣпко какъ въ силу искусственной связи, установленной закономъ, такъ и въ силу естественно сложившихся обстоятельствъ, но съ паденіемъ первой, а отчасти и раньше, начинаютъ измѣняться и послѣднія. Земля перестаетъ быть единственной кормилицей крестьянина. Все больше и больше развивается въ крестьянской средѣ уходъ въ города или на фабрики. Масса крестьянъ, не разрывая съ деревней, періодически туда возвращаясь, привыкаетъ къ другимъ, не земледѣльческимъ занятіямъ, къ другому, менѣе патріархальному складу жизни. Новизна со всѣхъ сторонъ вторгается даже въ сравнительно глухіе деревенскіе уголки *). Еще недавно однородная, безразличная масса расчленяется на малосходныя между собою части. Юридическому соединенію уже не соотвѣтствуетъ фактическое. Однажды начавшись, дифференціація не останавливается передъ сословными перегородками. Не предупреждаютъ онѣ и противуположнаго движенія — наплыва постороннихъ деревнѣ элементовъ и сліянія ихъ съ коренными сельскими жителями. Уступая необходимости, наше законодательство еще въ 1889 г. приравняло къ крестьянамъ, въ области суда и управленія, живущихъ въ сельскихъ мѣстностяхъ ремесленниковъ и мѣщанъ, что не мѣшаетъ имъ оставаться членами другого сословія. Параллельно съ бытомъ, хотя и не такъ быстро, трансформируется и настроеніе. Кто много видѣлъ, многое узналъ, тотъ не можетъ

---

*) «Это признаетъ, въ другой части своей работы, и ред. ком., говоря, что «экономическая жизнь крестьянъ во многихъ мѣстностяхъ усложнилась и видоизмѣнилась до неузнаваемости». (Прим. «Вѣстн. Европы»).

во всемъ думать и чувствовать по прежнему. Традиція, накоплявшаяся вѣками, сохраняетъ, въ той или другой степени свое значеніе, но рядомъ съ нею оказывается мѣсто и для взглядовъ, выработанныхъ личнымъ опытомъ, личною мыслью. Безконечно разнообразныя комбинаціи стараго и новаго обусловливаются не рамками, данными извнѣ, а взаимодѣйствіемъ вліяній, неуловимыхъ, и, слѣдовательно, неустранимыхъ»....

Въ „Саратовской Земск. Нед.“ (№ 4, 1904 г.) г. Кожухаръ, останавливаясь въ статьѣ „Къ вопросу о крестьянскомъ устройствѣ“ на вышеприведенномъ разсужденіи редакціонной коммиссіи, считаетъ необходимымъ ближе изслѣдовать вопросъ—можно ли въ дѣйствительности считать наше крестьянство безусловно земледѣльческимъ населеніемъ?

Основываясь на оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ («Матерьялы разработанные Высочайше учрежденной коммиссіей по изслѣдованію вопроса о движеніи съ 1861 г. по 1900 г. благосостоянія сельскаго населенія»), авторъ имѣетъ возможность сдѣлать цѣлый рядъ посылокъ и выводовъ, позволяющихъ ему дать отрицательный отвѣтъ на поставленный вопросъ. Отсылая интересующихся къ подлинной статьѣ, для цѣлей настоящаго свода, приходится, дабы не затруднять изложенія, ограничиться приведеніемъ лишь окончательнаго вывода и заключенія автора. ....«Если мы теперь сопоставимъ»—говоритъ г. Кожухаръ—«насколько это возможно, значеніе для крестьянъ земледѣлія и промысловъ, то окажется, что земледѣліе на надѣльной землѣ въ среднемъ для 47 губерній Европейской Россіи занимаетъ только 21,7% рабочей силы, по нѣкоторымъ отдѣльнымъ раіонамъ % этотъ болѣе или менѣе значительно поднимается, а по другимъ, напротивъ спускается до 14,5% (средне-земледѣльческій раіонъ—западная группа) и до 10,9% въ юго-западномъ раіонѣ. Если бы присоединить сюда и мелкое крестьянское земледѣліе на купленной и арендованной землѣ, то и тогда % рабочей силы сельскаго населенія, идущей на земледѣліе, едва-ли поднялся бы выше 25—30%. Между тѣмъ промыслы въ общемъ для 50 губерній Европейской Россіи даютъ занятіе 32% сельскаго населенія. Продолжая сравненіе значенія для крестьянскаго населенія земледѣлія и промысловъ, мы находимъ, что земледѣліе на надѣльной землѣ при среднемъ урожаѣ даетъ 16,6 пуд. хлѣба на 1 душу общаго количества сельскаго населенія, а промыслы даютъ 12 руб. на ту же душу, на которые, при средней цѣнѣ ржи за 15 лѣтъ съ 1886 по 1900 г. въ 63 коп., можно купить 19 пуд. ржи. Даже принявъ во вниманіе всѣ недостатки этихъ

цифръ: ихъ неполноту и неточность, даже принявъ во вниманіе, что онѣ имѣютъ слишкомъ общій характеръ, что онѣ—среднія для слишкомъ большого пространства и потому могутъ выравнивать, скрывать и затушевывать слишкомъ различныя явленія и отношенія дѣйствительности, мы всетаки на основаніи ихъ можемъ сдѣлать одинъ безошибочный, хотя и очень общій, но и очень важный выводъ, именно, что земледѣліе есть не главное и тѣмъ болѣе не исключительное занятіе крестьянства. Конечно эти данныя не имѣютъ исчерпывающаго характера. Они, напримѣръ, ничего не говорятъ о способѣ примѣненія сельскимъ населеніемъ около $^1/_3$ части своей рабочей энергіи. Но ошибка возможна какъ въ исчисленіи количества работы, примѣняемой въ земледѣліи, такъ и въ исчисленіи промысловыхъ рабочихъ и заработковъ; при этомъ, однако, оно вѣроятно въ направленіи неполнаго исчисленія промысловыхъ занятій, о которыхъ имѣется сравнительно мало свѣдѣній, между тѣмъ какъ количество надѣльной и купленной крестьянской земли точно извѣстно и слѣдовательно свѣдѣнія о количествѣ энергіи прилагаемой крестьянами къ этой землѣ, приблизительно вѣрно. Изъ всего этого слѣдуетъ, что можно считать земледѣліе однимъ изъ главныхъ занятій крестьянскаго населенія Россіи, но не однимъ главнымъ и тѣмъ болѣе не исключительнымъ. Какъ показываютъ вышеприведенныя цифры, въ массѣ нынѣшнее сельское, точнѣе приписанное къ селеніямъ крестьянское населеніе, настолько же занимается земледѣліемъ, насколько и другими промыслами. Ошибочно, слѣдовательно, основное положеніе редакціонной коммиссіи, что крестьянство занимается главнымъ образомъ или даже исключительно земледѣліемъ, которое обусловливаетъ особый складъ жизни и понятій крестьянскаго населенія. Крестьянство въ общемъ отдаетъ земледѣлію ничуть не больше силъ, а можетъ быть, даже меньше, чѣмъ промысламъ и точно также получаетъ отъ земледѣлія не только не больше, а навѣрное меньше чѣмъ отъ промысловъ. Слѣдовательно его міровоззрѣніе въ общемъ образуется одинаково и подъ вліяніемъ земледѣлія и подъ вліяніемъ промысловъ. Но редакціонная коммиссія ставитъ очень рѣзкую грань между земледѣліемъ и прочими отраслями занятія по ихъ вліянію на складъ жизни населенія, и его общественно-правовые взгляды. И потому, такъ какъ проектъ крестьянскаго законодательства, составленный редакціонной коммиссіей, разсчитанъ на земледѣльческое населеніе, міровозрѣніе, правосознаніе и общественно-правовые взгляды котораго создаются подъ вліяніемъ „постоянной близости

къ землѣ въ связи съ особенностями сельско-хозяйственнаго труда и быта", то онъ едва-ли пригоденъ для населенія, занятаго въ общемъ земледѣліемъ не болѣе, чѣмъ промыслами, міровозрѣніе котораго образуется подъ сложнымъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ занятій, жизни въ городахъ, связанной съ отхожими промыслами, и проч.

Но, конечно, дѣйствительная жизнь не соотвѣтствуетъ общимъ и среднимъ для всей Россіи статистическимъ даннымъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ дѣйствительности, съ одной стороны, есть раіоны, въ которыхъ главнымъ занятіемъ населенія является земледѣліе, съ другой должны быть и раіоны, въ которыхъ главное или даже исключительное занятіе населенія составляютъ разные промыслы, а земледѣліе или служитъ второстепеннымъ, подсобнымъ занятіемъ, или даже населеніе совсѣмъ имъ не занимается; земля обработывается наймомъ или сдается въ аренду стороннему населенію—сосѣднимъ селеніямъ и проч. По даннымъ тѣхъ же «Матеріаловъ» коммиссіи для изслѣдованія движенія благосостоянія населенія, въ 5 губерніяхъ—Ярославской, Владимірской, Тульской, Архангельской и Олонецкой—болѣе половины, до 75% населенія занято промыслами; въ Московской и Петербургской губерніи промыслами занято болѣе ³/₄ крестьянскаго населенія; въ Симбирской губ.—49% рабочаго населенія, Калужской—45%, Костромской - 46%, Нижегородской - 43%, Вятской—48%, Новгородской 44%, и т. д. У насъ нѣтъ поуѣздныхъ, ни тѣмъ болѣе поволостныхъ данныхъ, а наши административныя дѣленія совсѣмъ не считаются съ бытовыми условіями жизни и характеромъ занятій населенія, и потому губерніи и даже уѣзды часто соединяютъ чисто промышленные раіоны съ земледѣльческими. Поэтому, если бы разсматривать занятіе населенія по уѣздамъ или даже по волостямъ, то получилось бы еще болѣе рѣзкое раздѣленіе между раіонами, земледѣльческими и промысловыми. Навѣрное можно сказать, что въ однихъ раіонахъ главнымъ или даже исключительнымъ занятіемъ населенія оказалось бы земледѣліе, а въ другихъ—промыслы».....

Дабы подтвердить послѣднюю свою мысль, хотя бы на отдѣльномъ примѣрѣ, авторъ приводитъ рядъ цифръ, которыя позволяютъ ему заключить, что въ Павловскомъ, Нижегородской губерніи, сталеслесарномъ раіонѣ, промыслами было занято 93,1% всѣхъ взрослыхъ работниковъ, а «почти половина хозяйствъ, имѣющихъ запашку, по виду слѣдовательно земледѣльческихъ, по существу ничего общаго съ земледѣліемъ не имѣютъ,

такъ какъ сами хозяева съ своими семьями занимаются промыслами, а земли обрабатываются посторонними, нанятыми людьми».

«Итакъ»—заключаетъ авторъ—«если на обширномъ пространствѣ Россіи навѣрное есть мѣстности съ преобладающимъ земледѣльческимъ характеромъ занятія населенія, который имѣла въ виду редакціонная коммиссія, когда писала проектъ крестьянскаго устройства, то, съ другой стороны, несомнѣнно, есть много и чисто промышленныхъ раіоновъ, какъ Павловскій сталеслесарный, которые редакціонная коммиссія не только не изслѣдовала, но даже совсѣмъ упустила изъ вида.

Вышеизложеннымъ мы, по нашему мнѣнію, доказали, во 1-хъ, что крестьянство Россіи нельзя огульно разсматривать, какъ земледѣльческое населеніе; изъ чего слѣдуетъ, что къ нему едва-ли примѣнимъ проектъ крестьянскаго устройства, разсчитанный преимущественно, даже исключительно на земледѣльческое населеніе.

Во 2-хъ, мы доказали, что въ Россіи есть цѣлые раіоны съ чисто промышленнымъ населеніемъ, какъ Павловскій, о примѣненіи къ которымъ проектируемыхъ редакціонной коммиссіей законовъ не можетъ быть и рѣчи.

По взгляду редакціонной коммиссіи, земледѣліе налагаетъ особый отпечатокъ на населеніе, создаетъ въ немъ особыя понятія и общественно—правовые взгляды, а потому требуетъ и особаго, и обособленнаго общественно-административнаго устройства земледѣльческаго населенія, какимъ коммиссія, хотя и несправедливо, считаетъ крестьянство. Промысловое занятіе очевидно не создаетъ такихъ особыхъ понятій и правовыхъ взглядовъ въ занимающемся имъ населеніи, или, если создаетъ, то тоже особые, отличные отъ взглядовъ земледѣльческаго населенія. Стоя на своей точкѣ зрѣнія, редакціонная коммиссія или должна была создать такое общественно-административное устройство, которое могло бы примѣняться одинаково какъ къ земледѣльческому, такъ и къ промысловому населенію, или же, рѣшившись создать спеціальное управленіе для крестьянства, какъ чисто земледѣльческаго населенія съ особымъ укладомъ жизни и кругомъ общественно-правовыхъ понятій должна была сначала убѣдиться—является-ли крестьянство такой однообразной массой, и убѣдившись въ противномъ, создать спеціальное управленіе для тѣхъ главныхъ группъ, на которыя можетъ быть раздѣлено сельское населеніе по своимъ занятіямъ, т. е. особое устройство для крестьянства—чисто земледѣльческаго,—особое для крестьянства—чисто промышленнаго и наконецъ, особое для крестьянства,

представляющаго различныя степени смѣшенія земледѣльческаго и промысловаго населенія.

Распространять же устройство, приноровленное спеціально къ земледѣльческому населенію, на другія группы населенія по занятію она не должна была и согласно своему основному взгляду и хотя бы потому одному, что всѣ особые, исключительные законы должны имѣть строго ограниченную сферу примѣненія, именно ту, для которой они разсчитаны. Редакціонная коммиссія не обратила на это вниманія, не разработала вопросъ въ этомъ направленіи и это является существеннымъ недостаткомъ ея работъ и дѣлаетъ ея проектъ неосуществимымъ въ дѣйствительной жизни».....

„Русская Мысль“ (февр. 1904 г., вн. обозр.), признавая значительную справедливость за изложеннымъ мнѣніемъ ред. коммиссіи, все-же видитъ главную причину образованія типа «мужика—земледѣльца» не столько въ занятіи земледѣліемъ, сколько въ неподвижности и неизмѣнности условій крестьянской жизни въ то время, притомъ такихъ условій, которыя держали крестьянъ въ приниженномъ, зависимомъ положеніи и почти совершенно не допускали для нихъ возможности проявленія какой-нибудь личной инціативы. Земледѣліемъ занимались въ то время и дворяне и, помимо государственной службы, оно для нихъ составляло тоже почти единственный источникъ средствъ къ жизни; но такъ какъ условія ихъ занятія земледѣліемъ были иныя, то дворянство и не сложилось въ такой узко-замкнутый типъ какъ крестьянство, а напротивъ, большинство его получило даже западно-европейскую культурную окраску. Послѣ 1861 года и крестьянство сильно дифференцировалось и значительная его часть живетъ уже не однимъ земледѣліемъ, но и заработкомъ въ городахъ и на фабрикахъ, торговлей и т. д. Но если даже и справедливо, что и въ настоящее время въ экономическомъ, бытовомъ и культурномъ строѣ крестьянства есть много своеобразнаго и что эта своеобразность въ значительной мѣрѣ обусловлена преимущественнымъ занятіемъ земледѣліемъ, то слѣдуетъ ли изъ этого, что законъ долженъ охранять и поддерживать обособленность крестьянскаго сословія и что крестьяне должны быть болѣе всѣхъ остальныхъ русскихъ подданныхъ ограничены въ своихъ правахъ и отданы подъ особый надзоръ и опеку? Земледѣльческій классъ существуетъ не въ одной Россіи и вездѣ онъ, конечно, имѣетъ свои бытовыя особенности: и во Франціи, и въ Германіи, и вездѣ крестьянинъ земледѣлецъ отличается отъ городского рабочаго и степенью, и характеромъ своей культуры. Но нигдѣ

это обстоятельство не служитъ поводомъ къ ограниченію его гражданскихъ и политическихъ правъ. Одно дѣло—естественныя особенности извѣстнаго класса и другое дѣло навязываніе ему извнѣ кастовой обособленности отъ другихъ классовъ. Конечно, къ исторически и естественно сложившимся особенностямъ различныхъ общественныхъ группъ и классовъ законодательство должно относиться съ большой осторожностью. Оно не должно стремиться къ насильственному разрушенію тѣхъ особенностей, которыя существуютъ естественно въ силу того, что въ данное время они наиболѣе отвѣчаютъ потребностямъ извѣстной общественной группы, какъ, наприм., та или иная форма землевладѣнія у крестьянъ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы всякая, хотя бы и исторически возникшая, классовая особенность должна поддерживаться законодательствомъ даже и тогда, когда она не отвѣчаетъ никакимъ дѣйствительнымъ потребностямъ.

Вѣдь и низкій уровень крестьянскаго образованія есть тоже, пожалуй, исторически сложившаяся культурная особенность крестьянства, но неужели его надо охранять и поддерживать?

А между тѣмъ даже такая охрана существуетъ въ нашемъ законѣ: извѣстно, что крестьянинъ, оставаясь въ своемъ сословіи, не можетъ учиться въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Извѣстно также, до какой степени ревниво охраняется установленная закономъ минимальная программа обученія въ сельскихъ школахъ и минимальный списокъ книгъ, допущенныхъ въ сельскія библіотеки.

Вѣдь нѣтъ никакого сомнѣнія, что такого рода ограниченія не вызываются никакими особливыми потребностями крестьянства. Чьимъ же потребностямъ они удовлетворяютъ? Обособленность и юридическая и культурная приниженность крестьянства нужна для того, чтобы, пріученное „къ сознанію своей зависимости“, оно являлось оплотомъ противъ всякихъ „разлагающихъ“ теченій.» . . . .

По поводу того же заключенія ред. коммиссіи *г. Вороновскій въ уже упомянутомъ докладѣ Имп. В. Эк. Об-ву („Труды“ № 3, 1904 г.)* говоритъ: ....«Нельзя признать, чтобы приведенныя соображенія имѣли какую либо доказательную силу..... Едва ли кого можетъ убѣдить сужденіе о томъ, что наше крестьянство, мятущійся духъ котораго породилъ цѣлую массу разнообразныхъ вѣроученій и аграрныхъ чаяній, которое неоднократно подымалось на призывъ разныхъ «золотыхъ грамотъ» и представляло, по признанію правительственной власти, серьезную угрозу общественному и

государственному порядку, вдругъ почему то должно считаться, въ обходъ всѣхъ другихъ сословій и даже традиціонной охранительной силы дворянства, кореннымъ оплотомъ всего существующаго государственнаго строя... Но если даже принять (этотъ выводъ) на вѣру, то и въ такомъ случаѣ онъ не можетъ достигнуть цѣли, ради которой приводится, не можетъ подтвердить необходимость сословнаго обособленія крестьянъ. Въ самомъ дѣлѣ, какая надобность, какой расчетъ можетъ побудить держать подъ спудомъ сословной замкнутости наше крестьянство, если оно дѣйствительно представляетъ такой органически сложившійся и вполнѣ окрѣпшій охранительный элементъ въ жизни русскаго государства. Казалось-бы въ такомъ случаѣ всякое взаимодѣйствіе съ нимъ другихъ сословій, разлагающихъ общественныя основы „безпочвенными теченіями", можетъ имѣть лишь самое благотворное значеніе, содѣйствуя развитію и укрѣпленію идей исторической преемственности и соціальной устойчивости».....

Въ „Журн. Мин. Юст." *(№ 8, цитированная статья)* близкій къ этому взглядъ выражаетъ *г. Гуссаковскій.* Даваемая ред. ком. ....«характеристика отличительныхъ свойствъ нашихъ крестьянъ нисколько не разъясняетъ однако вопроса, почему этотъ трудолюбивый и строго консервативный классъ населенія, служащій надежнымъ оплотомъ противъ разлагающихъ теченій въ народной жизни, долженъ быть обособленъ въ отдѣльную группу съ подчиненіемъ его особому руководительству и надзору правительственной власти. Казалось бы, что эти крупныя положительныя стороны въ характерѣ нашего земледѣльческаго населенія не даютъ никакого основанія относиться къ нимъ. какъ несовершеннолѣтнимъ и, подвергая ихъ усиленному административному воздѣйствію, ограничивать ихъ самостоятельность даже въ хозяйственной ихъ дѣятельности».....

„Народ. Хоз." *(кн. 1, 1904 г., вн. обозр.)* полагаетъ, что .....«если вникнуть безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей въ приведенные доводы (р. к.), то они едва-ли многимъ могутъ показаться убѣдительными. „Неустанный, упорный трудъ" крайне слабой продуктивности вслѣдствіе невѣжества и бѣдности крестьянской массы, „исконная однообразная обстановка жизни", „пріученность крестьянъ измѣнчивыми успѣхами земледѣльческихъ работъ къ сознанію своей зависимости отъ внѣшнихъ силъ природы и слѣдовательно отъ началъ высшаго порядка, а не отъ умѣнья сознательно бороться и подчинять себѣ силы природы,—да развѣ не въ этомъ главныя причины отсталости Россіи въ сельско-хозяйственномъ и иныхъ отношеніяхъ? Развѣ

мы сдвинемся когда нибудь съ мѣста, если станемъ выдавать все это за драгоцѣнные устои и особенности русскаго-земледѣльческаго строя, которыя слѣдуетъ сохранять во что бы то ни стало?»....

Вторымъ основаніемъ, по которому редакціонная коммиссія признавала подлежащимъ дальнѣйшему охраненію и даже развитію принципъ обособленности крестьянскаго сословія, какъ таковой очерченъ коммиссіею, является ....«своеобразное, не лишенное мѣстныхъ особенностей, правосознаніе крестьянъ, вылившееся въ обычно-правовыхъ нормахъ».... и ....«пока указанный источникъ самобытнаго крестьянскаго права не уступитъ безслѣдно мѣста какимъ либо опредѣленнымъ общегосударственнымъ нормамъ права писаннаго, до тѣхъ поръ отпаденіе сословныхъ граней крестьянства совершенно немыслимо. Своеобразіе крестьянскаго правового порядка устраняетъ возможность расширенія круга его дѣйствія за предѣлы сельскаго состоянія и предполагаетъ для своего примѣненія наличность сословнаго суда»..... (Тр. т. I, стр. 13).

Возраженія на это соображеніе редакціонной коммиссіи приводятъ авторы уже упомянутыхъ статей *„О крестьянскомъ устройствѣ“ („Сарат. Земск. Нед.“ № 4), „Основныя начала проекта новаго Положенія о крестьянахъ“ („Ж. М. Ю.“ № 8), „Сословная обособленность крестьянъ“ („Тр. Имп. В. Эк. Общества“ № 3) г.г. Кожухаръ, Гуссаковскій и Вороновскій.*

Г. Кожухаръ, по поводу приписываемаго крестьянамъ редакціонной коммиссіей особаго отъ другихъ классовъ правосознанія, разсуждаетъ: .....«Спрашивается—дѣйствительно ли земледѣльческое населеніе, при нынѣшнихъ условіяхъ его жизни и хозяйства, можетъ отличаться отъ другихъ классовъ и сословій населенія особымъ міровоззрѣніемъ, правосознаніемъ, и общественно-правовыми взглядами и необходимо ли обособленное его устройство? Міровоззрѣніе населенія, его правовыя и общественно-политическія понятія, представленія и стремленія создаются подъ воздѣйствіемъ весьма многихъ вліяній. Главнымъ изъ нихъ безъ сомнѣнія являются хозяйственныя условія жизни и хозяйственные интересы населенія и его общеніе экономическое,

частно-правовое и соціально-политическое съ другими членами общества. Естественно отсюда, что для того, чтобы судить о міровоззрѣніи и въ частности объ общественно-правовыхъ взглядахъ крестьянства, слѣдуетъ разобраться въ хозяйственныхъ условіяхъ его жизни и въ томъ, съ кѣмъ и въ какія отношенія вступаетъ оно. Если окажется, что хозяйственные его интересы просты и однообразны, что крестьяне вступаютъ въ различныя взаимныя отношенія только или хотя бы главнымъ образомъ между собою, а не съ другими группами и классами населенія, что эти отношенія просты, въ общемъ однохарактерны и болѣе или менѣе постоянны, тогда мы съ большой долей вѣроятности можемъ сдѣлать выводъ,... что чисто земледѣльческаго населенія въ настоящее время вѣроятно очень мало, а можетъ быть, и совсѣмъ нѣтъ. «Матеріалы» коммиссіи для изслѣдованія движенія благосостоянія крестьянъ въ пореформенное время насчитываютъ только 16 губерній изъ 50, въ которыхъ число лицъ, участвовавшихъ въ 1900 г. въ промыслахъ менѣе 25% наличнаго числа работниковъ обоего пола и только 1 губернію—Волынскую—съ числомъ промысловыхъ рабочихъ менѣе 20%, именно, равнымъ 15% общаго числа рабочихъ. Слѣдовательно главнымъ образомъ, или даже исключительно земледѣльческое населеніе..... живетъ вмѣстѣ, въ постоянномъ, болѣе или менѣе живомъ общеніи съ населеніемъ, занятымъ промыслами, которое, по мнѣнію редакціонной коммиссіи, должно имѣть особые общественно-правовые взгляды.

Мало того, часть этихъ 25% промысловыхъ рабочихъ часто занимается отхожими промыслами, входитъ, такимъ образомъ, въ общеніе съ другими классами населенія и, по возвращеніи на родину, участвуя въ общественной жизни своихъ односельчанъ, проводитъ и развиваетъ въ населеніи иные взгляды на эту жизнь.

Уже въ 1889 г. большинство членовъ Государственнаго Совѣта, при обсужденіи введенія института земскихъ начальниковъ, предлагало сдѣлать этотъ институтъ не сословнымъ крестьянскимъ, а общимъ и объясняло это свое предложеніе какъ наличностью въ селеніяхъ постороннихъ жителей—не крестьянъ, такъ и отходомъ приписныхъ крестьянъ изъ родныхъ деревень: „крестьяне, говорило большинство членовъ государственнаго совѣта, не остаются постоянно на мѣстахъ своего водворенія. Одни изъ нихъ нанимаютъ на сторонѣ чужія земли для обработки, другіе занимаются отхожими промыслами или нанимаются на различныя работы. Такимъ образомъ сельскіе обыватели становятся въ самыя разнообразныя ежедневныя отно-

шенія и соприкосновенія съ прочими слоями населенія". А при этомъ едва-ли можно говорить о возможности у крестьянъ особыхъ общественно-правовыхъ взглядовъ. Между тѣмъ уходъ, вообще движеніе населенія послѣ освобожденія крестьянъ и въ особенности съ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія очень увеличилось, а слѣдовательно также значительно увеличилось число случаевъ столкновенія и взаимнаго вліянія на крестьянъ другихъ сословій и наоборотъ.

Послѣ реформы 19 февраля 1861 г. въ нашихъ деревняхъ отчетливо наблюдаются два процесса, конечно подготовленные уже условіями прежней жизни и самой освободительной реформой: съ одной стороны, часть крестьянскаго населенія развязывается съ деревней, уходитъ въ города—въ купцы и мѣщане, на государственную службу и проч.; съ другой, часть городского населенія начинаетъ постепенно приливать въ деревни и здѣсь селиться и устраиваться на разныхъ основаніяхъ. Живя въ деревнѣ и находясь въ постоянномъ общеніи съ крестьянами, эти элементы въ теченіе десятковъ лѣтъ не могутъ не прививать имъ свое міровоззрѣніе и свои общественно-правовые взгляды. И это служитъ второй серьезной причиной того, что въ нашемъ земледѣльческомъ крестьянствѣ не могло образоваться какое-либо особое міровоззрѣніе и правосознаніе. Уже совѣщаніе, выдѣленное изъ состава Кахановской коммиссіи, обратило вниманіе на измѣненіе характера сельской жизни, на присутствіе въ селеніяхъ значительнаго числа постороннихъ элементовъ; „въ теченіе 23 лѣтъ, писало совѣщаніе Кахановской коммиссіи въ началѣ 80-хъ годовъ XIX вѣка, жизнь въ деревнѣ представила развитіе самое разнообразное, и если еще сохранились частью крестьянскія селенія съ тѣмъ первичнымъ характеромъ, который имѣлся въ виду при составленіи Положенія 19 февраля, то рядомъ съ ними имѣется много другихъ, представляющихъ уже совершенно иной типъ. Такимъ образомъ появились, напр., селенія, въ которыхъ поселилось и при томъ на самыхъ разнообразныхъ основаніяхъ (путемъ пріобрѣтенія домовъ на особомъ, обычномъ, подобномъ суперфиціарному праву, путемъ владѣнія домами заложенными или просто по найму квартиръ и т. д.) множество лицъ не крестьянскаго сословія, и даже не сельчанъ, а преимущественно ремесленниковъ и торговцевъ. Число такихъ лицъ, приливающихъ въ среду земледѣльческаго населенія, въ его центры общественной жизни, съ каждымъ годомъ все увеличивается и такія поселенія составляютъ въ настоящее время далеко не исключительное явленіе, а напротивъ очень

частое и встрѣчаются не только въ южныхъ губерніяхъ, гдѣ ихъ особенно много, но и въ другихъ. Какъ особенно выдающійся примѣръ значенія посторонняго элемента въ крестьянскомъ населеніи можетъ служить указанное въ запискѣ сенатора Шамшина Балаковское сельское общество, Самарской губ., въ коемъ на 1252 души крестьянъ приходится болѣе 10000 душъ не крестьянъ. Кромѣ того, во многихъ мѣстахъ между крестьянскими дворами, среди селеній, очутились постройки и даже цѣлыя усадьбы прежнихъ помѣщиковъ, отчасти удержавшихъ ихъ въ своихъ рукахъ и проживающихъ въ нихъ, отчасти покинувшихъ ихъ или совсѣмъ уступившихъ ихъ какъ крестьянамъ, такъ и лицамъ другихъ сословій. Кое-гдѣ за симъ стало обнаруживаться и такое явленіе, что все мѣстное коренное населеніе крестьянъ общественниковъ, сдавши свою землю въ аренду—иногда всю,—занимается отхожими промыслами, отлучаясь изъ селенія нерѣдко на нѣсколько лѣтъ, а въ селеніи представительницами членовъ общества остаются однѣ женщины кустари... Нельзя еще не имѣть въ виду, что очень многіе изъ членовъ сельскихъ обществъ, въ силу нынѣ существующихъ законовъ объ обязательной припискѣ лицъ податного состоянія къ какому-либо обществу или сословію, весьма часто только числятся въ сельскомъ обществѣ, но совсѣмъ не проживаютъ въ нихъ и ничего общаго съ интересами ихъ не имѣютъ. Далѣе... внѣ городовъ образовались поселенія, состоящія исключительно изъ лицъ не крестьянскаго сословія». Основываясь, главнымъ образомъ, на этомъ, совѣщаніе, выдѣленное изъ состава Кахановской коммиссіи, а затѣмъ и часть ея членовъ, при обсужденіи этой коммиссіей крестьянской реформы, проектировали безсословное, территоріальное сельское и волостное общество....

Уже то обстоятельство, что постороннимъ элементамъ въ селеніяхъ при предыдущихъ реформахъ или проектахъ реформъ придавалось въ высшихъ правительственныхъ сферахъ такое большое значеніе какъ по необходимости урегулировать ихъ положеніе, такъ и по ихъ вліянію на развитіе и общественно-правовые взгляды крестьянъ, налагало на редакціонную коммиссію обязанность, прежде чѣмъ писать проектъ крестьянскаго законодательства, изучить составъ деревни. Законодатель долженъ хорошо знать, съ какими элементами имѣетъ онъ дѣло, приступая къ установленію законовъ; онъ долженъ знать, къ кому проектируемый законъ будетъ примѣняться и къ кому не будетъ. Редакціонная коммиссія этого не сдѣлала и въ этомъ весьма существенный пробѣлъ ея работъ».

Авторъ заключаетъ: ....«условія жизни нынѣшняго крестьянскаго земледѣльческаго населенія, именно—съ одной стороны, его постоянная совмѣстная жизнь и дѣятельность съ своими же односельцами-крестьянами, но жившими на сторонѣ, въ городахъ, на фабрикахъ, словомъ въ иныхъ, отличныхъ отъ крестьянской жизни, условіяхъ и усвоившими тамъ иные общественно-правовые взгляды; съ другой—постоянное общеніе съ болѣе культурными и болѣе энергичными не крестьянскими элементами, переселившимися въ селенія, ведутъ къ тому, что крестьянство не можетъ обособиться и дѣйствительно не обособлено настолько отъ другихъ сословій, чтобы имѣть свое особое міровоззрѣніе, свои особые общественно-правовые взгляды».

«Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію—говоритъ *г. Гуссаковскій*—что рѣзкія особенности міровоззрѣнія и правосознанія опредѣленной группы населенія могутъ вызвать необходимость примѣненія къ этой части населенія особыхъ пріемовъ управленія. Едва-ли однако наши крестьяне по своему міровоззрѣнію и правосознанію отличаются столь рѣзко отъ другихъ сословій, чтобы въ виду такого различія представлялось необходимымъ подчинять ихъ особому порядку управленія. Всѣ особенности правосознанія крестьянъ, по заявленію коммиссіи, выражаются главнымъ образомъ въ существованіи у нихъ самобытно сложившагося обычнаго права, коимъ, въ отличіе отъ остальныхъ классовъ населенія, регулируются всѣ имущественныя отношенія нашего крестьянскаго населенія. Самый фактъ существованія столь развитого обычнаго права у крестьянъ представляется однако крайне сомнительнымъ. До освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости кругъ имущественныхъ сдѣлокъ между крестьянами, которые въ то время составляли сами предметъ имущественнаго оборота, былъ до крайности ограниченъ.

При отсутствіи у нихъ имущества, которымъ они могли бы свободно распоряжаться, не могли, конечно, возникнуть у крестьянъ и обычноправовыя нормы, которыми регулировались бы имущественныя ихъ отношенія. Со времени упраздненія крѣпостной зависимости прошло слишкомъ мало времени для того, чтобы могли сложиться такіе обычаи, которые получили бы въ глазахъ населенія значеніе общеобязательныхъ правовыхъ нормъ. По удостовѣренію лицъ, близко стоящихъ къ крестьянскому населенію, такихъ обычаевъ въ дѣйствительности не существуетъ, и ихъ никто не знаетъ. Если однако нѣкоторыя имущественныя отношенія между кресть-

янами не подчинены нынѣ дѣйствію общихъ гражданскихъ законовъ, то этотъ фактъ находится внѣ всякой связи съ міровоззрѣніемъ и правосознаніемъ крестьянъ. До введенія Положенія о земскихъ начальникахъ и до расширенія подсудности волостныхъ судовъ крестьяне принимали всевозможныя мѣры, чтобы возникающіе между ними имущественные споры сдѣлать подсудными мировымъ судебнымъ установленіямъ. Единственная цѣль, которую они при этомъ преслѣдовали, заключалась въ томъ, чтобы спорныя имущественныя ихъ отношенія были разрѣшаемы по закону, а не на основаніи никому неизвѣстныхъ обычаевъ. По удостовѣренію мѣстныхъ комитетовъ, крестьяне и нынѣ крайне тяготятся подсудностью ихъ преобразованнымъ волостнымъ судамъ и жаждутъ, какъ высшаго блага, чтобы въ имущественныхъ своихъ отношеніяхъ они были освобождены отъ дѣйствія навязываемыхъ имъ обычаевъ и поставлены подъ защиту общаго закона. При такихъ же условіяхъ едва-ли возможно указывать на противоположность между правосознаніемъ крестьянъ и другихъ классовъ населенія, какъ на основаніе для полнаго обособленія крестьянъ и подчиненія ихъ особому порядку управленія. Но, независимо отъ того, если признать даже безспорнымъ фактъ существованія у крестьянъ такихъ обычаевъ, въ силу которыхъ нѣкоторыя имущественныя между ними отношенія регулируются иначе, чѣмъ дѣйствующимъ закономъ, то и въ такомъ случаѣ это обстоятельство не можетъ служить основаніемъ для примѣненія къ нимъ иныхъ пріемовъ управленія, чѣмъ къ остальнымъ классамъ населенія. Въ торговой и промышленной средѣ, подъ вліяніемъ особенностей быта, сложились также мѣстные обычаи, регулирующіе нѣкоторыя изъ возникающихъ по торговлѣ имущественныхъ отношеній. Эти обычаи принимаются нынѣ въ соображеніе при разрѣшеніи подлежащими судебными установленіями тѣхъ споровъ, которые возникаютъ между лицами торговаго класса, но самый фактъ существованія многихъ обычаевъ не можетъ, конечно, служить основаніемъ для подчиненія купечества особому порядку управленія.

Въ современныхъ государствахъ, сила и могущество которыхъ основываются между прочимъ на сплоченности населенія, пользующагося одинаковыми личными и имущественными правами, должны быть примѣняемы одинаковые пріемы управленія въ отношеніи всѣхъ классовъ населенія. Эти пріемы управленія, основанные на уваженіи къ личности и строгомъ соблюденіи закона, не могутъ быть видоизмѣняемы въ зависи-

мости отъ тѣхъ особенностей быта и міровоззрѣнія, которыя неизбѣжно отличаютъ отдѣльныя группы лицъ, занимающихся различными профессіями и стоящихъ на различныхъ ступеняхъ развитія. Противоположная система можетъ привести лишь къ нежелательной розни среди населенія и къ ряду другихъ столь же нежелательныхъ послѣдствій. По мнѣнію редакціонной коммиссіи, въ виду органическихъ особенностей, отличающихъ нашихъ крестьянъ, невозможно расчитывать на то, чтобы подчиненіе ихъ въ порядкѣ управленія общеустановленному порядку могло способствовать духовному сближенію и объединенію ихъ съ другими классами населенія. Въ этомъ мнѣніи кроется однако глубокое недоразумѣніе. Если нашъ крестьянинъ, какъ это утверждаетъ коммиссія, рѣзко отличается по своему духовному и нравственному облику отъ остальныхъ группъ населенія, то это всецѣло объясняется тѣмъ обособленнымъ положеніемъ, въ которое онъ былъ поставленъ до сихъ поръ въ силу закона. До освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости они представляли собою въ государствѣ многочисленную группу безправныхъ лицъ, находившихся въ полномъ распоряженіи ихъ помѣщиковъ и не имѣвшихъ ничего общаго съ остальнымъ населеніемъ. Съ дарованіемъ имъ личной свободы крестьяне вошли въ ряды полноправныхъ гражданъ, но подъ вліяніемъ спеціальныхъ о нихъ узаконеній, заняли среди населенія государства то же обособленное положеніе. Въ настоящее время, такъ же, какъ и прежде, у крестьянъ весьма мало общаго съ другими классами населенія. У нихъ своя сословная организація, свои органы управленія, вѣдающіе всѣми мѣстными дѣлами, свой судъ, свои особые земельные порядки. Въ силу закона лица, принадлежащія къ привилегированнымъ классамъ, не могутъ быть членами сельскихъ обществъ и не могутъ поэтому принимать никакого участія въ крестьянскомъ общественномъ управленіи.

Такъ какъ окончаніе курса въ среднемъ или высшемъ учебномъ заведеніи создаетъ у насъ для окончившихъ его лицъ права высшихъ сословій, то крестьяне, получившіе такое образованіе, не могутъ оставаться въ составѣ тѣхъ обществъ, къ которымъ они принадлежали по рожденію. Не удивительно поэтому, что въ виду тѣхъ особыхъ условій, въ которыя поставлены крестьяне дѣйствующимъ закономъ, они представляютъ собою темную инертную массу, рѣзко отличающуюся отъ другихъ классовъ населенія».....

«Нельзя не замѣтить, что вообще ссылки на обычное народное право

имѣютъ доказательную силу—говоритъ г. *Вороновскій въ уже упомянутомъ докладѣ* („*Тр. И. В. Э., Об-ва*", № 3)—пока право это остается какимъ-то таинственнымъ призракомъ, достаточно неизвѣстнымъ, чтобы въ немъ отыскивать нужные аргументы. Но стоитъ поставить вопросъ на почву точныхъ научныхъ изслѣдованій, какъ вся величавая таинственность обычнаго права изчезаетъ, и правильное понятіе о немъ предохраняетъ отъ ошибочныхъ выводовъ въ области правовыхъ отношеній русскаго народа. Несомнѣнно, представляютъ импонирующее значеніе категорическія сужденія о крѣпости особаго правосознанія и о жизненной силѣ своеобразныхъ обычно-правовыхъ нормъ, которыя отдѣляютъ прочною гранью крестьянскій міръ отъ обще-гражданской жизни всѣхъ другихъ сословій. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи грань эта оказывается болѣе идеальной пограничной чертою, въ родѣ межи генеральнаго межеванія, чѣмъ реальнымъ понятіемъ. Начиная съ того, что до сихъ поръ никому не удалось ни точно прослѣдить народное правосознаніе, ни опредѣленно формулировать обычно-правовыя нормы, подъ именемъ которыхъ чаще всего собираютъ и изслѣдуютъ житейскіе обычаи, лишенные юридическаго содержанія. Указываютъ обыкновенно на особое своеобразіе семейныхъ и имущественныхъ правоотношеній въ крестьянской жизни. А между тѣмъ первое же научное систематическое изслѣдованіе огромнѣйшаго матеріала, собраннаго по вопросамъ обычнаго права коммиссіей по преобразованію волостныхъ судовъ, привело профессора Пахмана къ такимъ выводамъ, которые лишаютъ всякой возможности оставлять крестьянскій міръ, его правоотношенія, за предѣлами гражданской культуры русской жизни, и этимъ мотиворовать необходимость для крестьянъ особаго правопорядка,—разумѣется, низшаго типа.

Изучивъ многія тысячи рѣшеній волостныхъ судовъ, профессоръ Пахманъ утверждаетъ, «что представленіе о семейномъ бытѣ крестьянъ, съ юридической точки зрѣнія, какъ объ *особомъ мірѣ*, не имѣющемъ *ничего общаго* съ бытомъ другихъ классовъ народа и съ началами права *писаннаго*, не выдерживаетъ строгой научной критики. По его мнѣнію всѣ извѣстные намъ институты семейнаго и наслѣдственнаго права «существуютъ и въ правѣ обычномъ, конечно, съ тѣми особенностями, которыя обусловливаются преимущественно хозяйственнымъ строемъ крестьянской семьи. Вообще нельзя не замѣтить, что хозяйственнымъ строемъ всего крестьян-

скаго быта главнымъ образомъ объясняются особенности правоотношеній, наблюдавшіяся въ народной жизни.

Особенности эти въ давно минувшую эпоху представляли устойчивое явленіе, пока крестьянская семья была только рабочей, тягловой силой, подавляющей своей хозяйственной общностью отдѣльныя личности своихъ членовъ. Но реформа 19 февраля, всколыхнувъ весь нашъ соціальный строй, въ корнѣ подорвала старую семью, которая все болѣе превращается изъ неподвижной трудовой организаціи въ живой личный союзъ. Пробудившаяся въ крестьянинѣ человѣческая личность заявила свои индивидуальныя права; изъ замкнутой сферы старой семьи она постепенно выходитъ на просторъ обще-гражданскихъ идей и интересовъ русской жизни.

Этой борьбѣ за индивидуальность, этому росту человѣческой личности законъ безсиленъ былъ бы положить предѣлъ и благодаря имъ постепенно, но неуклонно сглаживаются особенности народно-юридическаго быта. Уже до отмѣны крѣпостного права собиратели народныхъ обычаевъ предугадывали ихъ непрочность, указывая, что наблюдаемыя особенности обычнаго права весьма скоро будутъ имѣть значеніе лишь «историческаго памятника юридическихъ понятій, жившихъ и развивавшихся самобытно въ крѣпостномъ сословіи». Мысль эта, вѣрная и понятная сама по себѣ, осуществляется съ полной наглядностью по мѣрѣ быстро идущихъ коренныхъ измѣненій во всей обстановкѣ гражданскаго быта сельскихъ мѣстностей. Такой тонкій изслѣдователь, какъ профессоръ Пахманъ, уже четверть вѣка назадъ констатировалъ, что даже въ основныхъ началахъ обычнаго права, по отношенію ко всѣмъ институтамъ, проявляется, до извѣстной степени, та двойственность, которая свидѣтельствуетъ о переходномъ состояніи народно-обычнаго права, о борьбѣ новыхъ воззрѣній съ отживающими началами стараго времени. Можно съ полной увѣренностью засвидѣтельствовать, что всѣ непредубѣжденные практическіе дѣятели, близко наблюдавшіе народную жизнь, неизбѣжно приходятъ къ заключенію, что въ настоящее время слѣды обычнаго права представляютъ любопытный матеріалъ болѣе для изученія историческаго развитія юридическаго быта русскаго народа, чѣмъ для какихъ-либо дѣйствующихъ нормъ обычно-правового порядка. Тщетны всѣ попытки установить такія нормы и коммиссія въ этомъ направленіи ровно ничего не сдѣлала.

Напротивъ того, провозгласивъ въ числѣ своихъ принципіальныхъ положеній своеобразіе и устойчивость народнаго правосознанія, даже „вы-

лившагося въ обычно-правовыхъ нормахъ", коммиссія сама при ближайшемъ разсмотрѣніи вопроса даетъ весьма убѣдительныя доказательства неправильности такого принципа. Она утверждаетъ, что въ Россіи народное творчество не могло „выразиться въ ясныхъ безспорно общихъ обычаяхъ", что существующіе немногіе обычаи „относятся къ нѣкоторымъ лишь вопросамъ права", да и то въ большинствѣ случаевъ выражаютъ не юридическія нормы, а простое обыкновеніе. Такое состояніе народнаго правосознанія привело коммиссію къ заключенію о необходимости „снабдить волостной судъ твердыми правилами писанаго закона", допустивъ, однако, изъ осторожности, примѣненіе въ извѣстныхъ условіяхъ мѣстныхъ обычаевъ. Такимъ образомъ, по проекту коммиссіи, волостной судъ утрачиваетъ значеніе органа обычнаго права и вооружается, подобно всѣмъ другимъ судамъ, писанымъ закономъ. Вотъ какой исходъ получаетъ въ своемъ логическомъ развитіи идея о необходимости сословной обособленности крестьянъ въ правовомъ отношеніи. Пока идея эта подкрѣплялась серьезной ссылкой на особенности прочнаго народнаго правосознанія и вытекающихъ изъ него обычно-правовыхъ нормъ, она давала полное основаніе для устройства сословнаго суда. Теперь же идея отпала—ее нельзя уже защитить, а мотивированный нѣкогда ею сословный судъ оставленъ въ силѣ. — Во всякомъ случаѣ основанія для устройства такого суда никоимъ образомъ не могутъ быть найдены въ своеобразіи народнаго правосознанія»..... .

Но не одними изложенными соображеніями—особымъ укладомъ быта и выработаннымъ въ рамкахъ его своеобразнымъ правосознаніемъ крестьянъ, вылившимся въ обычно-правовыхъ нормахъ—редакціонная коммиссія мотивировала дальнѣйшее охраненіе начала обособленности.

.....«Право государства на выдѣленіе крестьянъ»,—продолжаетъ ред. коммиссія,—«въ обособленную группу, подчиненную ближайшему надзору особыхъ правительственныхъ органовъ, является логическимъ послѣдствіемъ понесенныхъ государствомъ весьма серьезныхъ жертвъ для обезпеченія крестьянскаго быта. Надѣленіе крестьянъ землею за счетъ иного сословія обязываетъ

правительство къ бдительному надзору за тѣмъ, чтобы этотъ земельный фондъ дѣйствительно удовлетворялъ той потребности, для коей онъ предназначенъ,— а именно, обезпечивать существованіе крестьянства, взятаго, какъ сословіе, т.-е. въ преобладающей его массѣ, а не только единичныхъ его представителей..... Наконецъ, государство и до сихъ поръ не перестаетъ принимать особыя мѣры къ обоснованію и упроченію благосостоянія земледѣльческаго люда. Съ этой цѣлью оно открываетъ крестьянамъ доступъ къ обширнымъ казеннымъ землямъ, снабжаетъ его особымъ кредитомъ для пріумноженія ихъ земельнаго фонда и т. п. Словомъ, государство и понынѣ продолжаетъ свою попечительную, по отношенію къ крестьянству, дѣятельность. Но тому, кто оказываетъ попеченіе, принадлежитъ и право надзора за пользующимися его попечительными заботами»..... (Тр. т. I стр. 14).

Справедливость изложеннаго довода опровергается цѣлымъ рядомъ статей, изъ коихъ здѣсь умѣстно привести нижеслѣдующія:

„Русская Мысль“ (февр. 1904 г., вн. обозр.) говоритъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что крайне важной стороной освободительной реформы было освобожденіе крестьянъ съ землей.—Но не надо забывать, что вѣдь въ сущности надѣленіе крестьянъ землей вовсе не было „дарованіемъ“ имъ, по выраженію «Очерка», чего-то новаго.—Въ смыслѣ обезпеченія ихъ насущныхъ потребностей они и при помѣщикахъ пользовались земельнымъ надѣломъ, который былъ во многихъ мѣстахъ уменьшенъ, но лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ увеличенъ. За этотъ надѣлъ крестьяне заплатили помѣщикамъ чрезъ посредство государства во всякомъ случаѣ не дешевле, чѣмъ онъ стоилъ.—Такимъ образомъ, оставляя въ сторонѣ юридическую фикцію объ уплатѣ помѣщикамъ за уступленное ими право собственности на поступившую въ надѣлъ землю, и смотря на дѣло только съ экономической точки зрѣнія, оказывается, что по отношенію къ пользованію землей и помѣщики и крестьяне и послѣ надѣла остались приблизительно въ томъ же положеніи, какъ было и раньше; но помѣщики потеряли даровой трудъ крестьянъ и вмѣсто того получили выкупныя деньги. Правительство, ко-

нечно, очень мудро поступило, не отнявши у крестьянъ той земли, которой они ранѣе пользовались, но едвали оно и могло поступить иначе, не рискуя потрясеніемъ всего государственнаго строя, такъ что надѣленіе крестьянъ было мѣрой во всякомъ случаѣ не филантропической.—Никакихъ жертвъ отъ выкупной операціи государство не понесло, такъ какъ выданныя имъ ссуды правильно возвращались въ видѣ выкупныхъ платежей. — Между тѣмъ эти жертвы выставляются въ «Очеркѣ», какъ мотивъ для спеціальной опеки правительства надъ крестьянами..... Но почему же такимъ логическимъ послѣдствіемъ не является особый правительственный надзоръ за дворянскимъ сословіемъ, получившимъ отъ государства выкупныя деньги, тоже для обезпеченія своего быта? Худо ли, хорошо ли распоряжалось крестьянское сословіе даже и до назначенія надъ ними особой опеки въ видѣ земскихъ начальниковъ, но оно и въ то время уже выплатило государству значительную часть выкупныхъ платежей и не только сохранило, но и пріобрѣло вновь значительное количество земли. Въ то же время дворянство растратило, большею частью совершенно непроизводительно, сначала полученную отъ государства выкупную ссуду, затѣмъ деньги, получаемыя отъ государства же изъ дворянскаго банка, обезцѣнило имѣнія свои истребленіемъ лѣсовъ и залогомъ въ частные земельные банки и, несмотря на все это, не смогло удержать въ своихъ рукахъ своихъ земель, около третьей части которыхъ перешло къ крестьянамъ и купцамъ. И въ результатѣ такого положенія вещей является установленная государствомъ опека дворянскаго сословія надъ крестьянскимъ, безъ которой послѣднее будто бы не въ состояніи сохранить дарованнаго ему обезпеченія своего быта. — Не довольствуясь указаніемъ на жертвы, принесенныя государствомъ при выкупѣ крестьянскаго надѣла, «Очеркъ» замѣчаетъ, что „государство и до сихъ поръ не перестаетъ принимать особыя мѣры къ обоснованію и упроченію благосостоянія земледѣльческаго люда“..... Но вѣдь попеченіе государства распространяется на всѣхъ его гражданъ и въ этомъ попеченіи и заботѣ и состоитъ собственно вся цѣль государства. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что государство имѣетъ въ извѣстныхъ предѣлахъ и право надзора за своими подданными. Но развѣ объ этомъ общегосударственномъ надзорѣ идетъ рѣчь въ данномъ случаѣ? Нѣтъ, по взгляду коммиссіи русское крестьянство должно быть отдано еще подъ *особый* надзоръ за то, что оно будто бы пользуется особымъ попеченіемъ, хотя, какъ извѣстно, выдача ссудъ изъ крестьянскаго банка дѣлается на менѣе льгот-

ныхъ условіяхъ, чѣмъ изъ дворянскаго, а сдача въ аренду казенныхъ земель, конечно, не составляетъ такого исключительнаго благодѣянія крестьянству, которое давало право считать его излюбленнымъ дѣтищемъ государства сравнительно не только съ дворянствомъ, но и съ торгово-промышленнымъ классомъ, попеченіе о которомъ выражается покровительственными пошлинами и кредитомъ изъ государственнаго банка гораздо болѣе обширнымъ, чѣмъ крестьянскій кредитъ.—Несмотря, однако, на это, ни дворянство, ни купечество подъ особый надзоръ не отдаются, кромѣ того обще-правительственнаго надзора, который, конечно, въ болѣе чѣмъ достаточной мѣрѣ распространяется на всѣхъ русскихъ подданныхъ».....

Однородный съ изложеннымъ взглядъ высказываетъ и «*Вѣстникъ Европы*» (*февр. 1904 г., внутр. обозр.*).—«Услугами государства пользуется—говоритъ журналъ — постоянно *все* населеніе, въ свою очередь, дающее государству и свои средства, и свой трудъ, а иногда и свою жизнь. Нельзя, поэтому, выводить изъ самаго факта услугъ право государства на выдѣленіе той или другой группы въ особое сословіе, подчиненное особому „попечительному надзору“.—И прежде, и въ послѣднее время, государство много дѣлало для дворянства, но правительственному надзору дворяне подлежали и подлежатъ не въ большей мѣрѣ, чѣмъ другіе классы общества. — *Забота*, въ государственной жизни, не имѣетъ характера *жертвы*, потому что всегда предполагается *общеполезной*, всегда мотивируется интересами цѣлаго. — Конечно, предположенію можетъ не соотвѣтствовать дѣйствительность, за мотивами, выдвинутыми впередъ, могутъ скрываться другіе, болѣе или менѣе частнаго свойства; но силу правила не колеблютъ отступленія отъ него, все равно, сознательныя или безсознательныя. — Отмѣна крѣпостного права, измѣнившая къ лучшему положеніе крестьянъ, была, вмѣстѣ съ тѣмъ, актомъ высокой государственной мудрости; непосредственно касаясь одного сословія, она имѣла въ виду благо всего народа. То же самое слѣдуетъ сказать и о позднѣйшихъ мѣрахъ, продолжавшихъ или дополнявшихъ дѣло 19 февраля. Земельный фондъ, созданный въ 1861 г., оказывался недостаточнымъ для быстро увеличивавшагося населенія; отсюда учрежденіе крестьянскаго поземельнаго банка, отсюда облегченіе для крестьянъ арендованія казенныхъ земель. Руководящая мысль остается прежняя: *въ интересахъ государства* необходимо возможно большое земельное обезпеченіе народной массы. Нельзя, въ силу тѣхъ же соображеній, считать *жертвой* и продовольственную помощь крестьянамъ въ неурожай-

ные годы. Обнищаніе и обезсиленіе многомилліоннаго населенія грозило такими *общими* послѣдствіями, къ предупрежденію которыхъ не могли не быть направлены усилія государства..... Между попечительными мѣрами и особымъ надзоромъ причинная связь существуетъ лишь настолько, насколько послѣдній прямо необходимъ для осуществленія первыхъ. Понятно, напримѣръ, требованіе, чтобы суммы, отпущенныя на сельско-хозяйственныя меліораціи, были употреблены именно на этотъ предметъ; понятно и наблюденіе, вытекающее изъ этого требованія, если оно остается въ своихъ естественныхъ границахъ, ни въ чемъ другомъ не стѣсняя свободы дѣйствія хозяина.—Изъ исторіи выкупной операціи можно, пожалуй, вывести принципъ неотчуждаемости надѣльныхъ земель, но отнюдь не обособленность сословія, владѣющаго этими землями»....

Развиваетъ эти положенія и даетъ страницу изъ исторіи выкупныхъ платежей *тотъ-же журналъ* въ статьѣ *„Редакціонная Коммиссія по пересмотру „положеній о крестьянахъ“, г. Еркина* (*„Вѣстникъ Европы“, августъ 1904 г.).*

Процитировавъ вышеприведенное мѣсто изъ Очерка работъ ред. ком., авторъ продолжаетъ: „Согласно этой точкѣ зрѣнія, компетенцію попечительныхъ заботъ участковыхъ земскихъ начальниковъ прежде всего необходимо было бы распространить на дворянское сословіе, издавна, гораздо ранѣе крестьянскаго, потребовавшее отъ государства и обезпеченія его быта земельнымъ фондомъ и особымъ кредитомъ на пріумноженіе этого фонда. Такія заботы въ данномъ случаѣ были бы тѣмъ болѣе умѣстны, что, какъ показываетъ практика, земельный фондъ дворянскаго сословія быстро исчезаетъ, тогда какъ земельный фондъ крестьянъ постепенно увеличивается. Вѣроятно, ред. коммиссія, въ этой части записки, понятіе государства, въ разговорномъ значеніи этого слова, уподобляетъ понятію правительства, ибо государство, въ истинномъ значеніи своемъ, именно и состоитъ изъ совокупности сословій, населяющихъ извѣстную территорію; наше русское государство является по преимуществу государствомъ крестьянскимъ, какъ по численности населенія, такъ и по участію его въ сохраненіи и въ преуспѣяніи государства и въ матеріальномъ, и въ политическомъ отношеніяхъ; крестьянское сословіе является само неразрывной, существенной частью государства, является необходимымъ членомъ государственнаго организма, и попечительныя заботы о сохраненіи этой части въ цѣлости есть лишь вопросъ самосохраненія всего организма.—Ника-

кихъ чужихъ средствъ, за которыя бы было отвѣтственно крестьянство передъ государствомъ, оно не беретъ и не тратитъ, ибо никакихъ изолированныхъ средствъ и капиталовъ у государства, какъ понятія отвлеченнаго, не существуетъ и не можетъ существовать.

Указаніе ред. ком. на особыя, исключительныя жертвы въ помощь крестьянскому сословію изъ средствъ общегосударственныхъ и за счетъ помѣстнаго дворянства—невѣрно, кромѣ того, и съ фактической стороны. Помѣстное дворянство, какъ извѣстно, за отведенные изъ ихъ земель крестьянскіе надѣлы получило вознагражденіе изъ выкупныхъ суммъ,— и вознагражденіе немалое; такъ, по свидѣтельству столь компетентнаго лица, какъ директоръ департамента окладныхъ сборовъ Н. Н. Кутлеръ, сообщенному имъ въ коммиссію объ упадкѣ центра, работавшей въ Петербургѣ подъ предсѣдательствомъ т. с. Коковцова, „при переводѣ крестьянъ на выкупъ оцѣнка земли почти всюду была произведена *выше* существовавшихъ въ то время продажныхъ цѣнъ на землю. Сопоставленіе о цѣнахъ земли для выкупа съ продажными цѣнами того времени на земли обнаруживаетъ, что приблизительно въ 80% помѣщичьихъ владѣній всѣхъ губерній продажная цѣна была ниже, чѣмъ выкупная. Въ губерніяхъ восточныхъ и сѣверо-восточныхъ, весьма слабо населенныхъ въ то время, продажныя цѣны не были устойчивы, и разница между расцѣнкой земли для выкупа и продажными цѣнами получилась громадная: выкупная оцѣнка превышаетъ тутъ продажную цѣну въ 1½—3 раза и болѣе. Въ центрально-черноземныхъ губерніяхъ разница между выкупными и продажными цѣнами невелика, особенно, если принять во вниманіе, что зарегистрированныя продажныя цѣны нѣсколько ниже дѣйствительныхъ“ *).

Какъ видимъ, потери помѣщиковъ при отводѣ крестьянскихъ надѣловъ нельзя назвать чувствительными, особенно въ восточномъ раіонѣ Имперіи.—Намъ могутъ указать, что помимо земель помѣщики потеряли даровой рабочій трудъ. Но оцѣнка такихъ потерь выходитъ уже изъ сферы частныхъ имущественныхъ интересовъ и примыкаетъ къ области условнаго правопорядка. Нельзя считать потери въ той области, которая законодательствомъ признана противной правиламъ нравственности: ростовщикъ не можетъ считать своихъ потерь на запрещенныхъ закономъ лихвенныхъ процентахъ; содержатель игорныхъ и развратныхъ притоновъ не въ правѣ

*) «Вѣстникъ Финансовъ 1903 г. № 47». (Ссылка г. Еропкина).

претендовать на убытки, произведенные закрытіемъ ихъ предпріятій; были времена, когда и разбои, и грабежи, и пиратство считались дозволенными способами обогащенія, но кто же сталъ бы въ наши времена высчитывать убытки вора и грабителя, которому кара закона пресѣкла его безнравственные способы обогащенія.

Редакціонная коммиссія полагаетъ, что на предметъ обезпеченія крестьянскаго населенія надѣльными землями серьезныя жертвы понесли не только помѣщики, но и само государство,—и въ этомъ она опять ошибается. Правда, для выкупной операціи необходимо было произвести государственный заемъ, размѣры котораго послѣ конверсіи его въ 1895 г. въ 4% ренту, какъ видно изъ баланса выкупной операціи, опубликованной въ матерьялахъ Особаго Совѣщанія *), достигли 754 милліоновъ рублей.—Тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ того же баланса, правительство получаетъ отъ выкупной операціи прибыль, при чемъ прибыль эта на 1-ое января 1902 года выразилась въ цифрѣ 262½ милліоновъ рублей..... Иного результата отъ выкупной, операціи кромѣ прибылей, и быть не могло, разъ что крестьянское населеніе съ самаго начала этой операціи по значительной части выкупныхъ долговъ переплачивало правительству лишніе ½% въ годъ, уплачивая 5½% роста тамъ, гдѣ само правительство платило лишь 5%; со времени конверсіи переплата эта возрасла до 1,7%.—Экскурсіи редакціонной коммиссіи въ область финансовыхъ расчетовъ, какъ видимъ, оказались не вполнѣ удачными; ни о какихъ „серьезныхъ жертвахъ" государства, равно какъ и помѣщиковъ, для обезпеченія крестьянскаго быта говорить пока не приходится. Ставить же въ пассивъ государственной дѣятельности колонизаторскую политику врядъ ли возможно, ибо размѣщеніе прироста населенія составляетъ міровую проблему, надъ разрѣшеніемъ которой не только трудятся великіе умы, но и ведутся жесточайшія завоевательныя войны, проливается кровь, тратятся огромныя денежныя средства.—Колонизація свободныхъ запасныхъ земельныхъ пространствъ составляетъ столь элементарную задачу государственной необходимости, что о какихъ либо серьезныхъ жертвахъ въ этой области намъ говорить, пока еще, слава Богу, нѣтъ повода"....

И „*Русское Богатство*" *(апрѣль 1904 г., хрон. вн. жизни)* находитъ, что .....«врядъ ли возможно говорить о жертвахъ, понесенныхъ государствомъ

*) «Вѣстн. Финанс. 1903 г. № 23. Приложеніе». (Ссылка г. Еропкина).

для обезпеченія крестьянскаго быта. Выкупная операція, предпринятая въ видахъ такого обезпеченія, какъ извѣстно, не только не требовала никакихъ жертвъ со стороны государства, но и доставила государственному казначейству весьма значительныя выгоды, исчисляемыя въ сотни милліоновъ рублей. Еще менѣе возможно говорить о надѣленіи крестьянъ землею „за счетъ иного сословія". Земля, поступившая при освобожденіи крестьянъ въ ихъ собственность была выкуплена ими у помѣщиковъ по цѣнѣ, далеко превышавшей ея рыночную стоимость и включавшей въ себѣ оплату не только самой земли, но и отходившаго отъ помѣщиковъ крестьянскаго труда. Въ виду этого нельзя утверждать, будто крестьяне были надѣлены землею за счетъ жертвъ государства или другого сословія. Не менѣе странное впечатлѣніе производитъ, впрочемъ, приведенная аргументація (ред. ком.) и въ томъ случаѣ, если разсматривать ее совершенно независимо отъ положенныхъ въ основу ея фактовъ, исключительно съ точки зрѣнія логики.— Государству, несомнѣнно, принадлежитъ не только право, но и обязанность попечительства по отношенію къ болѣе слабымъ соціальнымъ элементамъ, и такая обязанность сама по себѣ едвали нуждается въ особыхъ доказательствахъ. Но попечительство далеко еще не тожественно ни съ опекой, ни съ надзоромъ. Это не трудно пояснить и примѣромъ. По словамъ ред. коммиссіи государство „открываетъ крестьянамъ доступъ къ обширнымъ казеннымъ землямъ, снабжая ихъ особымъ кредитомъ для пріумноженія ихъ земельнаго фонда и т. п." Но тоже самое, и при томъ еще въ большихъ размѣрахъ, практикуется государствомъ по отношенію къ дворянству и, однако, изъ этого факта никто еще пока не дѣлалъ того вывода, что дворянъ слѣдуетъ изъять изъ сферы дѣйствія общаго суда и управленія, ограничивъ при томъ ихъ личныя права. Думается, передъ такимъ выводомъ отступила бы и сама ред. коммиссія, если бы дѣло касалось дворянъ. Но для крестьянъ она считаетъ свой выводъ неопровержимымъ»....

Въ статьѣ „Общинное и подворное землевладѣніе" г. М. Г. Б. („Сарат. Земск. Нед.", № 6—7 1904 г.), установивъ, что сущность выкупной операціи «совершенно ясно и точно опредѣлена четвертой статьей «Положенія о выкупѣ», которая говоритъ, что путемъ выкупной операціи правительство *ссужаетъ* подъ пріобрѣтаемыя крестьянами земли опредѣленную сумму съ разсрочкою уплаты ея на продолжительный срокъ», что, такимъ образомъ, «выкупная операція была лишь крупной *кредитной* операціей, особымъ видомъ поземельнаго кредита», что «по выкупной ссудѣ крестьяне должны

были вносить ежегодно 6% въ теченіе 49 лѣтъ со дня выдачи ссуды, при чемъ изъ этихъ 6% $^1/_2$% предназначалось правительствомъ для покрытія расходовъ по организаціи и веденію выкупной операціи, а остальные $5^1/_2$%—на уплату процентовъ по выданнымъ помѣщикамъ процентнымъ бумагамъ и на погашеніе выкупного долга», спрашиваетъ: «откуда же могли явиться крупныя жертвы?» Напротивъ, признавая очевиднымъ, что «при 700 слишкомъ милліонахъ рублей выкупныхъ ссудъ, расходы по самой операціи, какъ бы щедро они не опредѣлялись, не могли поглощать $^1/_2$% на всю сумму», авторъ, на основаніи оффиціальныхъ данныхъ о движеніи суммъ по выкупной операціи, заключаетъ, что «выкупная операція не только не давала дефицита, но за первые же 20 лѣтъ отъ нея долженъ былъ получиться избытокъ не менѣе 40.000.000 рублей». Далѣе автору представляется непонятнымъ и упоминаніе коммиссіи о надѣленіи крестьянъ землею за счетъ иного сословія: «выкупъ земли—говоритъ онъ—и опредѣленіе дополнительныхъ платежей, какъ общее правило, были поставлены въ зависимость отъ *взаимнаго* добровольнаго соглашенія между помѣщикомъ и крестьянами. Правда, на ряду съ этимъ выкупъ могъ быть и обязательнымъ, но обязателенъ онъ былъ только для крестьянъ *по требованію помѣщика*, а не наоборотъ. Данныя же о выкупныхъ сдѣлкахъ, утвержденныхъ по 1 января 1877 г. въ 39 губерніяхъ, показываютъ, что число сдѣлокъ по требованію помѣщиковъ почти вдвое превышало число сдѣлокъ по обоюдному соглашенію, а это служитъ несомнѣннымъ вѣскимъ косвеннымъ доказательствомъ, что оброчные платежи и основанная на нихъ выкупная стоимость надѣловъ были въ общемъ гораздо выше дѣйствительной цѣнности и доходности земли, и что выкупная операція была весьма выгодной для помѣщиковъ».

«Никто не станетъ отрицать, продолжаетъ авторъ, что 19 февраля 1861 г. наше дворянство понесло крупныя потери: въ этотъ день оно потеряло право на даровой трудъ крестьянина и вотчинную власть надъ нимъ, право распоряжаться его *личностью*, но утверждать, что надѣленіе крестьянъ *землею* произошло *за счетъ* другого сословія, было бы слишкомъ явною фактическою ошибкою».....

«Такимъ образомъ, — заключаетъ г. М. Г. Б. свою статью — историческое обоснованіе права государства на выдѣленіе крестьянъ въ обособленную группу, какъ оно формулировано въ «Очеркѣ работъ коммиссіи», нельзя признать удачнымъ: подчиненіе этой обособляемой

группы ближайшему надзору *особыхъ* правительственныхъ органовъ не можетъ являться *логическимъ* послѣдствіемъ понесенныхъ государствомъ жертвъ уже просто потому, что надѣленіе крестьянъ землею было произведено посредствомъ чрезвычайно благоразумной и *выгодной*, если не для всѣхъ, то по крайней мѣрѣ для государственнаго казначейства, выкупной операціи. А такъ какъ это надѣленіе, въ концѣ концовъ, произошло *за счетъ* самаго крестьянства и никого больше, то оно и не можетъ налагать на правительство какой либо *особой*, непризнаваемой имъ по отношенію къ другимъ сословіямъ, обязанности бдительнаго надзора за хозяйствомъ крестьянъ на землѣ, которая скоро будетъ ихъ полною собственностью. Помимо фактической ихъ несостоятельности вышеприведенныя положенія коммиссіи нельзя не признать также и въ высшей степени опасными,— опасными не для одной крестьянской, но и всей вообще частной поземельной собственности. Особенно рискованно допускать такіе принципы при наличности весьма крупныхъ операцій дворянскаго банка. Признать, что ссуда на пріобрѣтеніе земли подъ залогъ послѣдней дастъ государству право вторгаться въ хозяйство пріобрѣтшаго ея собственника даже *послѣ* погашенія займа съ процентами, значило бы лишить себя всякой возможности возражать противъ аналогичныхъ ограниченій для земель, находящихся въ залогѣ у дворянскаго банка. Если стать на точку зрѣнія коммиссіи, то отрицать право государства на установленіе такихъ ограниченій будетъ невозможно даже и по уплатѣ долга банку: вѣдь значительныя льготы, оказываемыя правительствомъ заемщикамъ дворянскаго банка въ видѣ сложенія пеней, пониженія процентовъ, отсрочки платежей и т. д. имѣли цѣлью сохранить за владѣльцами имѣнія, которыя безъ такого содѣйствія давно были бы проданы съ аукціона, и содѣйствіе это, дѣйствительно, не обошлось безъ жертвъ со стороны государственнаго казначейства. Но можно ли согласиться съ коммиссіею, что это обстоятельство *обязываетъ* правительство къ бдительному надзору за дворянами, сохранившими благодаря этимъ льготамъ свои имѣнія, что они навсегда должны быть лишены права отдавать ихъ въ залогъ, отчуждать лицамъ другихъ сословій, дробить свыше извѣстныхъ предѣловъ при продажѣ и передачѣ по наслѣдству и т. д? Это значило бы, отнявъ у землевладѣльцевъ за оказанныя банкомъ услуги ядро права частной собственности, великодушно оставить имъ его шелуху. По отношенію къ крестьянской собственности проектъ идетъ, однако, еще дальше. Въ число надѣльныхъ земель онъ включаетъ

не только земли, выкупленныя при помощи правительственной ссуды, но и тѣ, пріобрѣтеніе которыхъ обошлось безъ всякаго матерьяльнаго содѣйствія казны,—такъ, напримѣръ, земли, полученныя крестьянами отъ помѣщиковъ *до* 19 февраля 1861 г. при переходѣ въ званіе государственныхъ (ст. 1). Для подобнаго расширенія понятія о надѣльныхъ земляхъ, въ распоряженіи которыхъ подворные владѣльцы подлежатъ тѣмъ же ограниченіямъ, нѣтъ, очевидно, даже и тѣни историческаго оправданія....».

Г. Пѣшехоновъ въ ст. „Крестьянскій вопросъ“ (Право № 5, 1904 г.) говоритъ:..... «Упоминаніе о жертвахъ . . . . является плодомъ недоразумѣнія. Если коммиссія имѣетъ въ виду государственное казначейство, то и объ его жертвахъ говорить въ связи съ крестьянской реформой едва ли возможно. Изъ составленнаго департаментомъ окладныхъ сборовъ баланса на 1 января 1902 г. видно, что отъ выкупной операціи съ однихъ только помѣщичьихъ крестьянъ казна получила 262 милліона рублей чистой прибыли. Такимъ образомъ, другія сословія, въ лицѣ государственнаго казначейства, не только ничего не платили за отведенныя крестьянамъ земли, но и получили еще за ихъ счетъ значительную выгоду. Въ дальнѣйшихъ попеченіяхъ о крестьянахъ затраты казны играли очень скромную роль и въ итогѣ составили, конечно, ничтожную долю тѣхъ суммъ, какія были внесены крестьянствомъ на нужды другихъ сословій. Коммиссія ссылается на „надѣленіе крестьянъ землей за счетъ иного сословія“, и такимъ образомъ, можно думать, что она имѣетъ въ виду прежде всего жертвы, понесенныя при освобожденіи дворянствомъ. Но это очевидное недоразумѣніе. Счетъ дворянства своевременно и вполнѣ былъ оплаченъ. Крестьяне должны были выкупить земли по цѣнамъ, далеко превышавшимъ ихъ дѣйствительную стоимость и теперь ни для кого уже не тайна, что выкупная ссуда была расчитана такъ, что ею были оплачены не только крестьянскія земли, но и крестьянскія души.—Стоимость души, какъ извѣстно, была включена въ цѣну первой десятины. И если ужъ вспоминать старые счета, то отчего же не вспомнить другой счетъ, болѣе давній и до сихъ поръ вовсе не оплаченный.—„За счетъ иного сословія“ были отведены земли не только крестьянамъ. Русская исторія знаетъ случаи болѣе обширнаго надѣленія, когда самимъ помѣщикамъ отводились не только земли, но и сидѣвшія на нихъ „души“ со всѣми ихъ пожитками. Вообще о жертвахъ въ данномъ случаѣ говорить не совсѣмъ удобно. Тысячилѣтній балансъ ихъ еще не подведенъ. Когда же настанетъ для

этого время, то я не сомнѣваюсь, что въ счетѣ крестьянскаго труда и лишеній, которыми было создано русское государство, совершенно потонутъ жертвы всѣхъ другихъ сословій»..... .

Г. Вороновскій въ докладѣ „Сословная обособленность крестьянъ“ („Тр. Имп. В. Эк. Общ.“, № 3) находитъ, что.... «помимо того, что вообще нельзя признавать источникомъ государственнаго права жертвы, представляющія весьма неустойчивый базисъ, приведенныя (ред. ком.) соображенія по существу вызываютъ глубокое недоумѣніе. Надѣленіе крестьянъ землей было со стороны государства не жертвой, а величайшей мудростью, которая устранила огромную государственную опасность. Такъ именно и понимало этотъ фактъ само правительство, разъясняя, что надѣленіе крестьянъ землей производится «въ видахъ предотвращенія вредной подвижности и бродяжничества въ сельскомъ населеніи». Кромѣ того, нельзя не знать, что выкупная операція и для финансоваго вѣдомства была далеко не убыточной мѣрою».....

Н. Г. Тальбергъ, въ цитированной уже брошюрѣ, замѣчаетъ, что составители проекта въ очеркѣ своихъ работъ излагаютъ.... «своеобразную теорію, которая не выдерживаетъ, однако, критики. Государство, говорятъ они, имѣетъ право держать въ обособленномъ положеніи крестьянъ и подчинять ихъ мѣрамъ ближайшаго надзора и опекунства со стороны особыхъ правительственныхъ органовъ, такъ какъ государство понесло весьма серьезныя жертвы при надѣленіи крестьянъ землею. Смѣемъ сказать, что такъ нельзя выражаться и мыслить. Государство всегда должно имѣть въ виду только общее благо; ему не подобаетъ роль требовательнаго кредитора или претенціознаго благодѣтеля, предъявляющаго чрезвычайныя права, въ данномъ случаѣ къ цѣлому многочисленному сословію, единственно на томъ основаніи, что полвѣка тому назадъ сословію этому была оказана справедливая и необходимая помощь. Не можетъ быть рѣчи о какомъ-то спеціальномъ правѣ государства въ вознагражденіе за матеріальную помощь устанавливать мѣры, ограничивающія на вѣчныя времена личныя и общегражданскія права тѣхъ, кто воспользовался такою помощью. Къ тому же помощь эту неправильно называть жертвою; въ качествѣ финансовой операціи это была ссуда на условіяхъ, которыя въ то время существовали для государственнаго кредита».....

Неотчуждаемость крестьянскихъ надѣловъ.

Переходя засимъ къ вопросу о сохраненіи существующихъ ограниченій въ распоряженіи надѣльными землями, «коммиссія—говоритъ «Очеркъ»—не могла не указать, что вопросъ этотъ стоитъ въ неразрывной связи съ началомъ сословной обособленности нашего сельскаго населенія. Дѣйствительно, однимъ изъ самыхъ осязательныхъ признаковъ этой обособленности крестьянъ является своеобразіе всего ихъ поземельно-хозяйственнаго строя, опирающагося на отведенный имъ, ради обезпеченія ихъ быта, спеціальный запасъ земель..... Приравнивать надѣльныя земли къ частной земельной собственности, очевидно, нельзя, хотя бы въ силу того обстоятельства, что при ихъ отводѣ имѣлись въ виду отнюдь не частные интересы отдѣльныхъ лицъ, а неизмѣримо болѣе широкія общегосударственныя цѣли.— Стремленіе достичь ихъ вполнѣ оправдываетъ надзоръ и вмѣшательство государства въ дальнѣйшія судьбы надѣльныхъ земель..... Надѣльныя земли, имѣя государственное значеніе и служа обезпеченіемъ быта крестьянъ, не могутъ составлять предметъ свободнаго оборота и потому не подлежатъ дѣйствію общихъ гражданскихъ законовъ, а должны быть подчинены особымъ постановленіямъ, направленнымъ къ охраненію тѣхъ задачъ, въ цѣляхъ достиженія коихъ земли эти были предоставлены крестьянамъ»..... (Тр. т. I стр. 17—19).

„Русское Экономическое Обозрѣніе“ (*№ 7, 1904 г.*), по поводу обратившаго на себя особенное вниманіе и общества, и печати вопроса объ объемѣ и

предѣлахъ правъ крестьянъ на ихъ земельные надѣлы, обсуждаемаго, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія основныхъ началъ реформы 19 февраля 1861 г., *приводитъ историческую справку* по этому вопросу, *составленную г. М. Кошкаровымъ.*

Изъ справки этой видно, что..... «въ засѣданіяхъ главнаго комитета по крестьянскому дѣлу 19, 24 и 29 ноября 1858 г., происходившихъ въ Высочайшемъ присутствіи, Государемъ Императоромъ были преподаны тѣ начала, которыми слѣдовало руководствоваться, при разсмотрѣніи проектовъ губернскихъ дворянскихъ комитетовъ, какъ предварительно — въ учрежденной при главномъ комитетѣ коммиссіи, такъ и окончательно въ главномъ комитетѣ. Одно изъ этихъ началъ, между прочимъ, предписывало стараться, чтобы крестьяне постепенно дѣлались поземельными собственниками.

Если обратиться къ внимательному ознакомленію съ сужденіями редакціонныхъ коммиссій и выработанными ими проектами, то увидимъ, что начало это, т. е. предоставленіе крестьянамъ права полной собственности на выкупленные участки, красной нитью проходитъ вообще чрезъ всѣ сужденія и проекты..... Такъ, при разсмотрѣніи вопроса о правѣ на выкупленныя усадьбы, редакціонныя коммиссіи, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ Ланского и ген.-ад. Ростовцова въ томъ, что стѣсненіе права собственности на выкупленныя усадьбы дѣлаетъ самый выкупъ ихъ почти безполезнымъ для крестьянъ и противорѣчило бы цѣли правительства, заботящагося объ улучшеніи экономическаго быта, признали, что, какъ цѣлое общество, если оно выкупило всю усадебную осѣдлость селенія въ совокупности, такъ и каждый домохозяинъ, при отдѣльномъ выкупѣ своей усадьбы, пріобрѣтаетъ на нее полное право собственности..... Далѣе, возражая на замѣчаніе нѣсколькихъ депутатовъ, проектировавшихъ нѣкоторыя ограниченія въ правѣ пользованія усадебной осѣдлостью, редакціонныя коммиссіи находили, что крестьяне, заплативъ выкупъ за усадьбы, пріобрѣтутъ ихъ въ собственность; чтобы такое пріобрѣтеніе было дѣйствительное, а не мнимое, необходимо дать имъ право распоряжаться своими выкупленными усадьбами, какъ своей собственностью, съ соблюденіемъ общихъ о правѣ собственности узаконеній. Въ проектѣ коммиссій полагалось ограничить въ этомъ правѣ крестьянъ лишь на первыя 9 лѣтъ обязательнаго пользованія надѣломъ, воспретивъ обществу и отдѣльнымъ его членамъ, въ продолженіе этого времени,

закладывать и отчуждать усадебныя земли постороннимъ лицамъ, не принадлежащимъ къ составу общества. Такое ограниченіе, какъ находили коммиссіи, какъ мѣра временная, не уничтожаетъ пріобрѣтенныхъ крестьянами правъ на ихъ выкупленныя усадьбы. Оно необходимо и справедливо потому, что въ продолженіе первыхъ 9 лѣтъ послѣ обнародованія положенія, общество не будетъ имѣть права отказаться отъ полевого надѣла и обязано отвѣчать круговой порукой въ исправномъ платежѣ повинностей, слѣдующихъ за этотъ надѣлъ помѣщику. Установленіе же такого ограниченія навсегда было бы нарушеніемъ права полной собственности. При обсужденіи общихъ положеній о выкупѣ редакціонныя коммиссіи, между прочимъ, находили, что по прошествіи 9 лѣтъ отъ обнародованія положенія, крестьяне настолько привыкнутъ къ новому порядку, что не предвидится никакихъ препятствій разрѣшить имъ отчужденіе вообще своихъ надѣльныхъ участковъ и постороннимъ лицамъ съ тѣмъ, чтобы эти послѣднія уплатили правительству сполна, одновременно со вступленіемъ во владѣніе участкомъ, весь числящійся на немъ долгъ.

Упомянутое, Высочайше преподанное, указаніе „стараться, чтобы крестьяне постепенно дѣлались поземельными собственниками“ было также весьма рельефно выражено и въ сужденіяхъ главнаго комитета по крестьянскому дѣлу при разсмотрѣніи имъ вопроса о правахъ и обязанностяхъ крестьянъ, пріобрѣвшихъ земли».

Эти сужденія авторъ приводитъ in extenso, здѣсь же достаточно будетъ ограничиться слѣдующими изъ нихъ выдержками: «Крестьяне, пріобрѣвшіе въ собственность землю, отведенную имъ въ постоянное пользованіе, выходятъ тѣмъ самымъ изъ обязательныхъ поземельныхъ отношеній къ помѣщику; но они могутъ удобно оставаться въ составѣ той же волости и управляться тѣмъ же порядкомъ, отбывая тѣ же повинности, казенныя и мірскія, какъ и до выкупа. Впрочемъ, не представляется препятствій дозволить этимъ крестьянамъ составлять особыя общества, если значительное число домохозяевъ въ селеніи, половина или болѣе, пріобрѣтутъ свои надѣлы.

Крестьяне, пріобрѣвшіе земли при содѣйствіи правительства, должны подлежать нѣкоторымъ ограниченіямъ въ распоряженіи сими землями, впредь до уплаты сполна выкупной суммы. Мѣры въ семъ отношеніи должны быть различны, смотря по тому, пріобрѣтена ли земля цѣлымъ обществомъ, или отдѣльными домохозяевами.

Если земля пріобрѣтена цѣлымъ обществомъ, то ему, конечно, должно быть предоставлено право разверстки оной между домохозяевами, право раздѣла на подворные наслѣдственные участки; но необходимо, чтобы въ семъ послѣднемъ случаѣ, мірской приговоръ былъ свидѣтельствуемъ мировымъ посредникомъ и представляемъ въ губернское присутствіе, для утвержденія сдѣланнаго обществомъ распредѣленія выкупныхъ платежей между домохозяевами.

Пока земля находится въ общинномъ владѣніи, выдѣлъ изъ оной участковъ отдѣльнымъ домохозяевамъ не можетъ быть допускаемъ безъ согласія общества. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, полезно было бы дать возможность отдѣльнымъ домохозяевамъ выдѣляться изъ общиннаго владѣнія, не нарушая интересовъ общества и съ обезпеченіемъ выкупной ссуды. Въ этихъ видахъ можно бы принять за правило, что если домохозяинъ, желающій выдѣлиться, внесетъ въ уѣздное казначейство весь капиталъ, причитающійся на его участокъ по выкупной ссудѣ, то общество обязано выдѣлить крестьянину, сдѣлавшему такой взносъ, соотвѣтственный оному участокъ, по возможности къ одному мѣсту, по усмотрѣнію самого общества; впредь же до выдѣла крестьянинъ продолжаетъ пользоваться пріобрѣтенною имъ частью земли въ составѣ мірского надѣла, безъ взноса выкупныхъ платежей. Такая мѣра не можетъ быть стѣснительна для общества, ибо выдѣлъ участка будетъ зависѣть отъ его усмотрѣнія, а между тѣмъ она будетъ способствовать къ скорѣйшей уплатѣ выкупной ссуды, по крайней мѣрѣ, за нѣкоторую часть крестьянскихъ надѣловъ, выкупленныхъ при содѣйствіи правительства.

Продажа обществомъ пріобрѣтенныхъ земель, впредь до уплаты всей выкупной ссуды, можетъ быть дозволена не иначе, какъ съ разрѣшенія губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, и со взносомъ вырученныхъ за проданныя земли денегъ, въ счетъ остающагося по выкупной ссудѣ долга. Впрочемъ, въ теченіе первыхъ девяти лѣтъ послѣ отмѣны крѣпостной зависимости, слѣдуетъ вовсе воспретить всякое отчужденіе крестьянами пріобрѣтенныхъ ими земель, такъ какъ въ это время представляется опасеніе, что крестьяне, еще не освоившіеся достаточно съ новымъ своимъ положеніемъ, могли бы, для облегченія своихъ повинностей, продать въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ, значительную часть своихъ земель столь необходимыхъ для обезпеченія крестьянскаго сословія въ будущемъ. Участки, пріобрѣтенные отдѣльными домохозяевами, должны

составлять личную ихъ собственность; но до пополненія выкупной ссуды нельзя дозволять, за исключеніемъ особо уважительныхъ случаевъ, которые могутъ быть разрѣшаемы губернскимъ присутствіемъ, дробленіе участковъ при переходѣ ихъ по наслѣдству и отчужденію, ибо, въ противномъ случаѣ, выкупные платежи не были бы обезпечены, и самое взиманіе ихъ сдѣлалось бы крайне затруднительнымъ. Въ теченіе первыхъ девяти лѣтъ отъ обнародованія положенія о крестьянахъ продажа выкупленныхъ отдѣльными домохозяевами участковъ можетъ быть, по приведенной выше причинѣ, дозволена только членамъ того же общества, къ которому принадлежитъ владѣлецъ участка, съ тѣмъ, чтобы пріобрѣтатель принималъ на себя всѣ обязанности по уплатѣ выкупной ссуды; по истеченіи же этого срока нѣтъ препятствія дозволить продажу означенныхъ участковъ и постороннимъ лицамъ, съ уплатою пріобрѣтателемъ всего долга по выкупной ссудѣ. До погашенія выкупной ссуды, пріобрѣтенная земля не можетъ быть представляема въ залогъ и никакою частною сдѣлкою не стѣсняется право правительства обращать взысканіе на такую землю, въ случаѣ неисправности во взносѣ обезпеченныхъ ею выкупныхъ платежей. Относительно выхода изъ общества крестьянъ, пріобрѣвшихъ свои земли, должны быть, впредь до уплаты выкупной ссуды, приняты такія мѣры, которыя обезпечивали бы правительство въ исправномъ поступленіи сей ссуды. Въ сихъ видахъ главный комитетъ положилъ въ тѣхъ случаяхъ, когда земля пріобрѣтена отъ помѣщика цѣлымъ сельскимъ обществомъ, дозволить отдѣльнымъ членамъ сего общества увольненіе изъ онаго не иначе, какъ по уплатѣ половины капитальнаго долга, причитающагося по выкупной казенной ссудѣ на участокъ, состоящій въ пользованіи увольняемаго, и съ тѣмъ, чтобы мірское общество приняло на себя ручательство за остальную половину уплаты, а взносъ обращался на погашеніе соразмѣрной части выкупного долга, съ уменьшеніемъ выкупныхъ платежей общества. Если же изъ сельскаго общества будетъ уволено до одной трети крестьянъ на означенномъ выше основаніи, то дальнѣйшее увольненіе членовъ общества, безъ предварительнаго взноса капитала, соотвѣтствующаго лежащей на увольняемомъ долѣ выкупной уплаты, разрѣшать не иначе, какъ съ утвержденія губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Что же касается до крестьянъ, пріобрѣвшихъ свои участки отдѣльно отъ другихъ, то такіе крестьяне, когда они предварительно прода-

дутъ свои участки, указаннымъ выше порядкомъ, могутъ увольняться изъ общества, если не будетъ къ тому другихъ законныхъ препятствій».

Въ общемъ собраніи государственнаго совѣта 9 февраля 1861 г. по предмету 3 раздѣла, внесеннаго изъ главнаго комитета положенія о выкупѣ,—о правахъ и обязанностяхъ крестьянъ-собственниковъ, никакихъ замѣчаній сдѣлано не было, такъ что онъ удостоился Высочайшей санкціи въ томъ видѣ, въ какомъ былъ проектированъ главнымъ комитетомъ.

Согласно приведеннымъ выше сужденіямъ, право собственности крестьянъ на ихъ надѣльныя земли было слѣдующимъ образомъ возвѣщено въ манифестѣ 19 февраля 1861 г.: «Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ (крестьянамъ) дается право выкупать усадебную ихъ осѣдлость, а съ согласія помѣщиковъ они могутъ пріобрѣтать въ собственность полевыя земли и другія угодья, отведенныя имъ въ постоянное пользованіе. Съ таковымъ пріобрѣтеніемъ въ собственность опредѣленнаго количества земли, крестьяне освободятся отъ обязанностей къ помѣщикамъ по выкупной землѣ и вступятъ въ состояніе свободныхъ крестьянъ-собственниковъ».

Такимъ образомъ, какъ видно изъ всего изложеннаго выше и какъ не трудно усмотрѣть изъ постатейнаго разсмотрѣнія положеній 19 февраля 1861 г., одну изъ существеннѣйшихъ чертъ этихъ положеній составляетъ мысль о предоставленіи крестьянскому населенію права полной собственности на отведенную ему въ надѣлъ землю, мысль, которая не только рѣзко проведена во всѣхъ частяхъ упомянутыхъ положеній, но и категорически высказана въ манифестѣ объ освобожденіи крестьянъ».

Мысль объ ограниченіи установленной положеніями 19 февраля 1861 г. свободы въ правѣ распоряженія крестьянами ихъ надѣльными землями возникла въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Выработанный съ цѣлью такого ограниченія проектъ правилъ о неотчуждаемости крестьянскихъ земель въ теченіе продолжавшихся болѣе 10 лѣтъ обсужденій и передѣлокъ его, вызвалъ много серьезныхъ возраженій не только со стороны разсматривавшихъ его вѣдомствъ, но и въ средѣ членовъ Государственнаго Совѣта.

По поводу проектированнаго министерствомъ вн. д. – «ограничительнаго постановленія, воспрещающаго продажу надѣльныхъ участковъ, пріобрѣтенныхъ отдѣльными домохозяевами или состоящихъ въ подворно-наслѣдственномъ ихъ пользованія,—кому либо, кромѣ членовъ того же общества

какъ прежнихъ,—такъ и вновь поступающихъ, нѣкоторые члены Государственнаго Совѣта находили, между прочимъ, что постановленіе это идетъ въ разрѣзъ съ однимъ изъ основныхъ началъ положенія 19 февраля 1861 г. и признавали невозможнымъ ограничивать право полной собственности крестьянъ на надѣльную землю послѣ того, какъ они имъ уже пользовались 32 года, и когда цѣлое поколѣніе крестьянъ выросло и воспиталось въ сознаніи принадлежности имъ надѣльной земли, тѣмъ болѣе, что надѣльныя земли были предоставлены крестьянамъ не въ даръ, а что за пріобрѣтеніе ими права собственности на эти земли они уже уплатили правительству около милліарда. Затѣмъ, они указывали на фактическія данныя о мобилизаціи надѣльной земли, которыя устраняютъ всѣ опасенія относительно возможности обезземеленія *), а также и на то, что составители проекта считаютъ, повидимому, что каждый случай продажи земли является плодомъ крестьянской неразсчетливости. Но такой взглядъ едва ли можно признать правильнымъ, и хотя, конечно, слѣдствіемъ отчужденія надѣльной земли бываетъ иногда обезземеліе крестьянина, но это нельзя признать явленіемъ общимъ.

Напротивъ, опытъ указываетъ, что многіе крестьяне продаютъ свою землю въ тѣхъ видахъ, чтобы пріобрѣсти на вырученныя деньги земельную собственность въ другихъ мѣстахъ, представляющихъ болѣе удобствъ для веденія сельскаго хозяйства.

Наконецъ, съ принятіемъ предположенія министерства внутреннихъ дѣлъ, лишенными права пріобрѣтать надѣльную землю остались бы только дворяне и почетные граждане, изъ которыхъ первые немало послужили и служатъ интересамъ крестьянскаго сословія, и имъ—то, главнымъ образомъ, вслѣдствіе смежности владѣній, черезполосности и т. д. и должна встрѣчаться надобность въ пріобрѣтеніи подобныхъ участкомъ и отъ нихъ то крестьяне и могутъ получить наиболѣе крупное вознагражденіе, котораго теперь должны будутъ лишиться. Переходя къ возможнымъ послѣдствіямъ проектированной мѣры, упомянутые члены полагали, что за от-

---

*) «По свѣдѣніямъ Министерства Финансовъ, съ 1861—1889 г.г. общая площадь надѣльной земли, отведенной крестьянамъ въ 46 губ. уменьшилась всего на 201,272 дес.— А между тѣмъ изъ имѣющихся въ дѣлахъ крестьянскаго банка данныхъ явствуетъ, что съ 1862—1877 г.г. крестьянами только 14 губ. пріобрѣтено на свои деньги и безъ всякихъ пособій крестьянскихъ учрежденій 2.457.000 дес., а при содѣйствіи банка за первыя 6 лѣтъ его дѣятельности 1.397.469 дес.» (Выноска г. Кошкарова).

сутствіемъ покупателей среди наличныхъ членовъ общества въ остальныхъ пріобрѣтателями явятся мѣстные кулаки, вслѣдствіе чего, не имѣя конкуррентовъ и пользуясь нуждою продавцовъ, они будутъ заключать съ крестьянами еще болѣе разорительныя, чѣмъ нынѣ, продажныя сдѣлки. Результатомъ этого явится наминуемое пониженіе цѣнъ на землю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пониженіе экономическаго благосостоянія крестьянъ. По всѣмъ этимъ, а также и нѣкоторымъ другимъ, соображеніямъ, члены государственнаго совѣта, не раздѣлившіе взглядовъ, изложенныхъ въ представленіяхъ, приходили къ заключенію, что „продажа отдѣльными домохозяевами ихъ надѣльныхъ участковъ представляется явленіемъ нормальнымъ, поскольку оно вызывается, съ одной стороны, естественными экономическими потребностями населенія, а съ другой — тѣми условіями, въ которыя поставлено его землевладѣніе. Во всякомъ случаѣ, если правительство признаетъ нужнымъ ограничить размѣры этого явленія и привязать населеніе къ надѣльной землѣ, то оно должно принять для этой цѣли иныя мѣры, чѣмъ тѣ, которыя нынѣ предполагаются. Не насильственнымъ прикрѣпленіемъ крестьянъ къ надѣлу, а лишь устраненіемъ тѣхъ неблагопріятныхъ условій, которыя выгоняютъ крестьянина съ его участка, возможно достигнуть этой цѣли безъ потрясенія экономическаго быта народа“.

По поводу проектированной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, для охраны крестьянской земельной собственности второй мѣры—воспрещенія какъ цѣлымъ обществамъ, такъ и отдѣльнымъ лицамъ, залога надѣльныхъ земель, хотя бы выкупной долгъ и былъ по нимъ уплаченъ, нѣкоторые члены, находя узаконеніе этой мѣры нежелательнымъ, замѣтили, что нѣтъ области промышленной дѣятельности, которая могла бы существовать безъ кредита и что безъ него не можетъ обойтись и мелкая сельскохозяйственная промышленность, въ особенности крестьянская. При недостаткѣ у насъ организованаго и дешеваго кредита, крестьянинъ пользуется кредитомъ преимущественно подъ залогъ своей земельной собственности, которая нерѣдко представляетъ единственное цѣнное имущество, могущее служить обезпеченіемъ его займа. Такимъ образомъ, запрещеніе закладывать надѣлы сводилось бы для большинства крестьянъ къ полному запрету кредитоваться для удовлетворенія тѣхъ или иныхъ хозяйственныхъ нуждъ. Во всякомъ случаѣ, опасность отъ ростовщическихъ сдѣлокъ по залогу, ведущихъ къ разоренію, не можетъ быть устранена путемъ запрещенія

крестьянамъ закладывать свои надѣлы. При той настоятельной нуждѣ въ кредитѣ, которую испытываетъ наше крестьянство, проектируемое ограниченіе не достигаетъ цѣли, такъ какъ крестьянинъ, въ случаѣ надобности, попрежнему будетъ обезпечивать свои займы надѣльною землею, облекая лишь подобныя сдѣлки не въ форму залога, а въ форму запродажи или аренды надѣльнаго участка и т. п.; въ крайнемъ же случаѣ онъ будетъ прибѣгать и къ полному отчужденію своего надѣла даже и тогда, когда эта мѣра не оправдывается, можетъ быть, дѣйствительной степенью денежной нужды. Такимъ образомъ новый законъ, какъ идущій въ разрѣзъ съ требованіями жизни, останется мертвой буквой не принося никакой пользы крестьянамъ.

Что касается, наконецъ, до проектированнаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ пріостановленія дѣйствія ст. 165 положенія о выкупѣ, то государственный совѣтъ, останавливаясь на первой ея части, разрѣшающей съ согласія общества выдѣлъ участковъ отдѣльнымъ домохозяевамъ до уплаты ими выкупной ссуды, находилъ, что согласіе послѣдняго служитъ достаточною гарантіей того, что производство выдѣла не влечетъ за собой нарушенія интересовъ остальныхъ членовъ общества, тѣмъ болѣе, что съ введеніемъ положенія о земскихъ начальникахъ, административной власти предоставлены достаточныя средства къ тому, чтобы, наблюдая за постановленіями сельскихъ сходовъ, предупреждать нарушеніе ими интересовъ, какъ цѣлаго общества, такъ и отдѣльныхъ крестьянъ. Вслѣдствіе этого государственный совѣтъ, находя, что отмѣна первой части ст. 165 положенія о выкупѣ не вызывается необходимостью, предпочелъ оставить ее въ силѣ, а равно не отмѣнять и соотвѣтствующее ей правило п. 2 ст. 15 полож. о государственныхъ крестьянахъ.

По вопросу же объ отмѣнѣ второй части этой статьи, предоставлявшей домохозяину, внесшему въ казначейство выкупной долгъ, выдѣлиться и получить отъ общества соотвѣтственный сдѣланному имъ взносу участокъ, государственный совѣтъ также не могъ придти къ единогласному заключенію.

Тѣ изъ членовъ государственнаго совѣта, которые не раздѣляли взглядовъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, находили, что вторая часть статьи 165 положенія о выкупѣ составляетъ одно изъ основныхъ постановленій не только названнаго положенія, но и всего закона 19 февраля 1861 г. Устанавливаемое этой статьей право досрочнаго выкупа надѣль-

ныхъ участковъ изъ общиннаго владѣнія является такимъ существеннымъ для крестьянъ преимуществомъ, утрата котораго для нихъ едва ли не болѣе чувствительна, чѣмъ лишеніе возможности отчуждать эти участки и закладывать ихъ. Поэтому они ни въ какомъ случаѣ не считали возможнымъ согласиться на предположенное отнятіе у крестьянъ этого Всемилостивѣйше дорованнаго имъ права. Невозможность и неправильность подобной мѣры доказывается прежде всего соображеніями принципіальнаго свойства. Правительство, принимая на себя выкупную операцію, признало однимъ изъ основныхъ ея началъ—право досрочнаго выкупа крестьянами ихъ надѣльныхъ участковъ и разрѣшило имъ вносить выкупной долгъ не только по частямъ, но и сразу. Отказъ въ обѣщанномъ принятіи отъ нихъ единовременной уплаты этого долга былъ бы равносиленъ нарушенію такого ихъ права, которое ими уже всецѣло пріобрѣтено. Такая мѣра едва ли соотвѣтствовала бы достоинству правительства, и не трудно понять, насколько предлагаемое стѣсненіе было бы вмѣстѣ съ тѣмъ несправедливо, такъ какъ легло бы всею своею тяжестью на наиболѣе заботливыхъ и рачительныхъ домохозяевъ.

Кромѣ того, въ лишеніи крестьянъ права досрочнаго выкупа они видѣли искусственное закрѣпленіе общиннаго пользованія землею. Выкупъ этотъ представляетъ въ настоящее время единственное средство для трудолюбивыхъ и разумныхъ домохозяевъ освободиться отъ зависимости и гнета общества и перейти къ подворному владѣнію землею, чтобы вести на ней самостоятельное хозяйство. Случаи досрочнаго выкупа изъ общиннаго владѣнія встрѣчались и въ первые годы по освобожденіи крестьянъ, хотя и не часто, вслѣдствіе недостатка у крестьянъ денежныхъ средствъ; въ то время всѣ дѣятели по крестьянской реформѣ и само правительство относились сочувственно къ этому явленію и видѣли въ немъ залогъ благосостоянія крестьянъ, ведущихъ самостоятельное хозяйство на собственной землѣ. Стремленіе крестьянъ къ досрочному выкупу нельзя объяснять легкомысліемъ сельскаго населенія и склонностью къ расточенію отведеннаго ему земельнаго фонда и вообще причины, побуждающія крестьянъ къ выдѣлу, находятъ себѣ вполнѣ естественное объясненіе въ самыхъ условіяхъ крестьянскаго землевладѣнія какъ явствуетъ изъ всѣхъ имѣющихся въ дѣлѣ матеріаловъ, досрочный выкупъ надѣловъ совершается крестьянами подъ вліяніемъ разумныхъ причинъ, и эта операція не угрожаетъ вообще интересамъ сельскаго населенія и обезземеленіемъ крестъ-

янъ, вслѣдствіе чего отмѣнять дѣйствіе второй части ст. 165 положенія о выкупѣ было бы безусловно нежелательно».....

Несмотря однако на всѣ приведенныя возраженія, ограничительный проектъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ восторжествовалъ и обратился въ извѣстный законъ 14 дек. 1893 г.

Въ № отъ 4 ноября 1904 г. „Новаго Времени“ авторъ статьи *„Крестьянскія контръ-реформы“ г. Я. Кирѣевскій* говоритъ:..... «послѣ реформы 19 февраля 1861 г. крестьянское дѣло претерпѣло коренной, глубокій переворотъ въ самыхъ своихъ основахъ. Выраженіемъ этого переворота явились контръ-реформы 1886—1893 г.г., подготовленныя и начатыя графомъ Д. А. Толстымъ и завершенныя его преемникомъ И. Н. Дурново». Къ главнѣйшимъ изъ этихъ контръ-реформъ авторъ относитъ законъ 14 Декабря 1893 г. о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣльныхъ земель, «которымъ уничтожено право собственности крестьянъ на ихъ надѣльныя земли, въ отмѣну основнаго принципа, одушевлявшаго Положеніе 19 февраля 1861 г. Какъ извѣстно, до окончанія выкупной операціи распоряженіе надѣльными землями было ограничено, какъ ограничивается распоряженіе заложенными землями. Но тѣмъ не менѣе право собственности отдѣльныхъ крестьянъ на надѣльныя земли оставалось въ силѣ и выраженіемъ его было право выдѣлять свои надѣлы изъ состава общинныхъ земель посредствомъ досрочнаго выкупа (ст. 165 Полож. 19 февраля 1861 г. о выкупѣ), чѣмъ обезпечивалась для отдѣльныхъ крестьянъ возможность выхода изъ общины и перехода въ состояніе собственниковъ на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ. Законъ 14 декабря 1893 г. уничтожилъ это право, предоставивъ міру налагать veto на попытки отдѣльныхъ крестьянъ къ выдѣленію изъ общины. По конструкціи этого закона собственникомъ надѣльныхъ земель сдѣлался міръ, а крестьяне изъ «собственниковъ», какъ ихъ именуетъ Положеніе 19 февраля, превратились во временныхъ посессоровъ мірской земли, съ правомъ только пользованія надѣломъ—отъ передѣла до передѣла.

Какой результатъ этой контръ-реформы, можно судить по тому, что въ Высочайшемъ манифестѣ 26 февраля 1903 г., предписано «изыскать способы къ облегченію отдѣльнымъ крестьянамъ выхода изъ общины», т.-е. возстановить и обезпечить то право, которое было отнято у крестьянъ закономъ 14 декабря 1893 г.».....

Въ заключеніе, въ видахъ историческаго освѣщенія «эпохи вѣяній, обогатившихъ законодательство о крестьянахъ цѣлымъ рядомъ попытокъ

возврата къ дореформеннымъ порядкамъ», авторъ ссылается на приведенную выше статью М. Кошкарова подъ заглавіемъ «Историческая справка по вопросу о правахъ крестьянъ на ихъ надѣльныя земли».

Въ „Журналѣ М. Ю.“ №№ 8 и 9 авторъ уже цитированной статьи „Основныя начала проекта новаго Положенія о крестьянахъ“ г. Гуссаковскій говоритъ:..... «Хотя составители проекта и указываютъ на то, что принципъ неотчуждаемости надѣльныхъ земель лицамъ другихъ сословій вытекаетъ изъ основныхъ началъ Положенія 19 февраля 1861 г. и составляетъ послѣдовательное ихъ развитіе, но въ этомъ Положеніи едва-ли возможно найти какія-либо постановленія, которыя подтверждали-бы такое указаніе коммиссіи. Напротивъ того, до изданія закона 14 декабря 1893 года отчужденіе надѣльныхъ земель лицамъ другихъ сословій не только не воспрещалось, но прямо дозволялось дѣйствовавшими ранѣе узаконеніями. Тѣмъ не менѣе нельзя не сочувствовать стремленію къ тому, чтобы земли, надѣленныя крестьянамъ по распоряженію правительства, на всегда сохранили первоначальное свое назначеніе служить обезпеченіемъ земледѣльческаго населенія, непосредственно прилагающаго свой трудъ для ихъ обработки. Для достиженія этой цѣли нѣтъ однако никакой надобности устанавливать какія либо ограниченія для тѣхъ или иныхъ сословій относительно пріобрѣтенія этихъ земель. Съ общегосударственной точки зрѣнія не могутъ имѣть никакого значенія вопросъ о томъ, къ какому сословію принадлежитъ лицо, которое личнымъ своимъ трудомъ воздѣлываетъ пріобрѣтенный имъ участокъ надѣльной земли. Весьма существеннымъ однако въ общихъ интересахъ представляется принятіе надлежащихъ мѣръ къ тому, чтобы надѣльныя земли не скупались такими лицами, которыя при ихъ покупкѣ имѣютъ въ виду не непосредственную ихъ обработку, а совершенно иныя цѣли. Если отставной чиновникъ или сельскій причетникъ, оставшійся не у дѣлъ, пріобрѣтутъ въ селеніи клочекъ надѣльной земли и займутся ея обработкою, то весьма трудно уяснить себѣ, какіе государственные или общественные интересы потерпятъ отъ того, что этотъ клочекъ земли воздѣлывается не крестьяниномъ, а лицомъ, принадлежащимъ къ какому либо иному сословію. Съ другой стороны, если членъ крестьянскаго общества станетъ скупать у своихъ односельцевъ принадлежащіе имъ надѣлы съ цѣлью сдачи ихъ въ краткосрочную аренду тѣмъ же крестьянамъ на тяжкихъ для нихъ условіяхъ, то вредъ такого явленія представляется для насъ вполнѣ очевиднымъ. Такимъ образомъ въ огражденіе

общественныхъ интересовъ представляется необходимымъ не установленіе какихъ либо ограниченій для тѣхъ или иныхъ сословій относительно пріобрѣтенія надѣльныхъ земель, а лишь простое воспрещеніе сосредоточенія нѣсколькихъ надѣловъ въ однѣхъ рукахъ и обращенія ихъ въ латифундіи.

Измѣненія въ этомъ смыслѣ существующихъ ограниченій относительно отчужденія надѣльныхъ земель представляется тѣмъ болѣе необходимымъ, что нынѣ профессія вовсе не опредѣляется принадлежностью къ тому или иному сословію. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ встрѣчается весьма много захудалыхъ дворянъ, которые по образу жизни, привычкамъ и обычнымъ своимъ занятіямъ ничѣмъ не отличаются отъ остального земледѣльческаго населенія. Было бы крайне несправедливо лишать этихъ дворянъ права пріобрѣтенія надѣльныхъ земель только потому, что они не приписались къ сельскому состоянію, такъ какъ такая приписка для лицъ привилегированныхъ сословій представляется совершенно невозможною, а между тѣмъ воспрещеніе такимъ дворянамъ—землевладѣльцамъ пріобрѣтенія надѣльной земли нерѣдко лишаетъ ихъ всякой возможности создать себѣ сколько-нибудь обезпеченное положеніе».....—Къ тому же, по мнѣнію автора,..... «для лицъ, близко стоящихъ къ крестьянамъ и тщательно изучившихъ ихъ бытъ и ихъ стремленія, представляется совершенно очевиднымъ, насколько неосновательны существующія у насъ опасенія относительно того, что наши крестьяне могутъ растратить предоставленный имъ земельный фондъ, распродавъ его лицамъ другихъ сословій. Обладаніе землею составляетъ для нашего крестьянина высшее благо и конечную цѣль его завѣтныхъ стремленій. Всѣ сбереженія, которыя дѣлаются отдѣльными крестьянами, употребляются ими исключительно на покупку земли, коль скоро представляется къ этому возможность. При этомъ они не останавливаются ни передъ какими цѣнами и заключаютъ сдѣлки на условіяхъ, совершенно недоступныхъ для лицъ другихъ сословій..... При несомнѣнной привязанности крестьянъ къ землѣ, въ которой они видятъ единственный надежный источникъ своего благосостоянія можно быть увѣреннымъ, что земли, находящіяся нынѣ въ ихъ владѣніи, никогда не выйдутъ изъ ихъ обладанія. Правда въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ нерѣдко наблюдаются случаи, когда крестьяне забрасываютъ свои надѣлы и употребляютъ всѣ усилія къ тому, чтобы отдѣлаться отъ этихъ надѣловъ и сопряженныхъ съ владѣніемъ ими обязанностей. Въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности приведены

однако фактическія данныя, вполнѣ разъясняющія такой странный, повидимому, фактъ, что крестьяне, несмотря на свою привязанность къ землѣ, нерѣдко не дорожатъ вовсе своими надѣлами. Благодаря условіямъ общиннаго землепользованія, побуждающимъ крестьянъ воздерживаться отъ всякихъ затратъ на улучшеніе отведенныхъ имъ полосъ, производительность части надѣльныхъ земель, по удостовѣренію мѣстныхъ комитетовъ, мало по малу совершенно истощается, и онѣ обращаются въ пустыри, не пригодныя для какихъ-либо сельско-хозяйственныхъ цѣлей. Не удивительно поэтому, что къ владѣнію такими землями, за которыя они должны вносить довольно высокіе выкупные платежи, отдѣльные крестьяне относятся, какъ къ тяжелой для нихъ повинности. Тѣмъ не менѣе тѣ же крестьяне, которые забрасываютъ свои надѣлы, по свидѣтельству мѣстныхъ комитетовъ, весьма охотно покупаютъ землю въ личную собственность или же снимаютъ ее за высокую плату въ срочную аренду у сосѣднихъ владѣльцевъ. Всѣ эти факты указываютъ съ полною очевидностью, что для устраненія того стремленія крестьянъ къ отчужденію своихъ надѣловъ, которое замѣчается въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, было бы наиболѣе цѣлесообразнымъ упорядочить лишь условія крестьянскаго землевладѣнія, всецѣло вызывающія подобныя явленія. Во всякомъ случаѣ однако для предотвращенія перехода надѣльныхъ земель въ руки другихъ сословій нѣтъ никакой надобности въ созданіи особыхъ органовъ правительственнаго надзора за крестьянами и въ подчиненіи ихъ особому порядку управленія. Одно существованіе закона, воспрещающаго продажу надѣльныхъ земель не— крестьянамъ, вполнѣ достигало бы этой цѣли».....

.....«Въ связи съ существующими ограниченіями относительно отчужденія надѣльныхъ земель, коммиссія признаетъ безусловно необходимымъ сохранить установленное закономъ 14 декабря 1893 г. воспрещеніе залога этихъ земель. Нельзя, конечно, отрицать того, что допущеніе залога надѣльной земли можетъ нерѣдко повлечь за собою обезземеленіе отдѣльныхъ крестьянъ. Евда-ли, однако, воспрещеніе залога можетъ предотвратить подобныя явленія. Не дозволяя крестьянамъ пользоваться кредитомъ подъ обезпеченіе принадлежащими имъ надѣльными землями, законъ не можетъ устранить самой потребности крестьянъ въ кредитѣ. Если при современномъ экономическомъ строѣ кредитъ является совершенно необходимымъ факторомъ для правильнаго и широкаго развитія хозяйственной, торговой или промышленной дѣятельности

всѣхъ вообще предпринимателей, то такое же значеніе онъ имѣетъ въ крестьянскомъ быту.

Какъ бы ни было скромно по своимъ размѣрамъ то хозяйство, которое ведутъ отдѣльные крестьяне на своихъ надѣльныхъ земляхъ, они не могутъ обойтись безъ кредита, и, хотя дѣйствующій законъ не дозволяетъ принудительной продажи на удовлетвореніе частныхъ взысканій по долгамъ крестьянъ, но этотъ законъ не устраняетъ, однако, необходимости добровольной продажи надѣльныхъ земель такихъ крестьянъ, которые вслѣдствіе чрезмѣрной своей задолженности и полнаго отсутствія оборотныхъ средствъ, поставлены въ совершенную невозможность вести самостоятельное хозяйство на своихъ надѣлахъ. При такихъ условіяхъ едва-ли цѣлесообразно лишать крестьянъ возможности пользованія ипотечнымъ кредитомъ. Эта форма кредита, въ особенности, когда ссуда выдается на долгій срокъ на условіяхъ постепеннаго погашенія долга, представляется несравненно болѣе льготною и менѣе опасною для должника, чѣмъ личный кредитъ, не обезпеченный залогомъ. Лишая крестьянъ возможности пользованія ипотечнымъ кредитомъ, законъ затрудняетъ тѣмъ самымъ введеніе крупныхъ улучшеній въ крестьянскомъ хозяйствѣ на надѣльныхъ земляхъ, такъ какъ всѣ подобнаго рода улучшенія, требующія болѣе или менѣе значительныхъ средствъ, которыми не располагаетъ наше земледѣльческое населеніе, могли бы быть осуществлены лишь въ случаѣ организаціи для крестьянъ правильнаго ипотечнаго кредита. Независимо отъ того, организація такого кредита содѣйствовала бы предотвращенію чрезмѣрнаго дробленія надѣльныхъ земель, такъ какъ отдѣльные крестьяне получили бы при этомъ возможность предоставить одинаковое обезпеченіе своимъ дѣтямъ, не прибѣгая къ раздѣлу принадлежащаго имъ земельнаго участка“.....

Профессоръ А. М. Гуляевъ (въ выше цитированной брошюрѣ „Вопросы частнаго права въ проектахъ законоположеній о крестьянахъ“), придя къ заключенію, что... «нѣтъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы общіе законы, касающіеся правъ вотчинныхъ, обязательственныхъ и наслѣдственныхъ, были распространены на крестьянъ такъ же точно, какъ распространены на нихъ законы, касающіеся правъ семейственныхъ», ...спрашиваетъ: ...«Но какъ же быть съ надѣломъ? Подчинять ли судьбу надѣла общему гражданскому закону или же для надѣла—но только для надѣла—создать особый законъ? Вопросъ этотъ—продолжаетъ авторъ—составляетъ часть крестьянскаго вопроса въ той мѣрѣ, по сколько владѣніе надѣломъ осу-

ществляется крестьянами, а въ сущности мы стоимъ здѣсь предъ вопросомъ о правѣ мелкаго и крупнаго землевладѣнія. Извѣстный нѣмецкій экономистъ проф. Шмоллеръ въ своемъ Grundriss der allgemeinen Volkswirtschafslehre, разсматривая историческія формы землевладѣнія, такъ характеризуетъ современныя теченія аграрной политики: „мы находимся нынѣ среди большого теоретическаго и практическаго движенія, которое въ крайнемъ своемъ проявленіи считаетъ современный земельный строй и его послѣдствія вредными, подвергаетъ сомнѣнію всякое частное землевладѣніе, хочетъ превратить его въ государственную или общественную собственность, лишивъ его возможности вполнѣ или отчасти быть объектомъ залога, желаетъ обставить извѣстными условіями дѣлимость владѣнія и скопленія въ однѣхъ рукахъ, отстаиваетъ привилегированное положеніе одного наслѣдника и старается удержать землевладѣніе отъ раздробленія и задолженности“. Наше законодательство извѣстно Шмоллеру лишь что касается особенностей общиннаго владѣнія; но приведенная характеристика вполнѣ примѣнима ко взглядамъ редакціонной коммиссіи на надѣльное землевладѣніе. Чистое понятіе права собственности редакторы не хотятъ распространять на крестьянъ, утверждая даже, что законъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ 14 декабря 1893 года представляетъ собою основное начало Положеній 1861 года. Въ этомъ ограничительномъ законѣ выразилась забота законодателя о несокращеніи надѣльнаго фонда; но забота эта оказывается явленіемъ новымъ, вовсе не предусмотрѣннымъ старыми редакціонными коммиссіями. Изъ постановленія Общаго Присутствія 23 августа 1859 г. видно, что за домохозяиномъ, выкупившимъ усадьбу, признавалось частное право собственности (Семеновъ 1,602), т. е. предполагалось возникновеніе индивидуальнаго права, и притомъ не иного, какъ права собственности частной безъ всякихъ ограниченій; а отсюда слѣдуетъ, что крестьяне по завершеніи выкупной операціи, должны были, по мысли редакціонныхъ коммиссій, обратиться и въ отношеніи надѣловъ, состоявшихъ въ ихъ индивидуальномъ обладаніи, въ субъектовъ частной собственности со всѣми вытекающими изъ этого права послѣдствіями. Такимъ образомъ, законъ 14 декабря 1893 г. представляетъ собою не развитіе Положеній 19 февраля 1861 г., а выраженіе новой, совершенно противоположной въ сравненіи съ первоначальною, идеи. Надѣлъ, по этому закону, хотя-бы и былъ выкупленъ, сохраняетъ за собою свой надѣльный характеръ, не превращаясь въ объектъ свободной собственности: эта связанность надѣла выра-

жается въ томъ, что надѣлъ не можетъ быть отчужденъ въ пользу лица, не принадлежащаго къ данному крестьянскому обществу, и не подлежитъ залогу.

Къ тому-же, въ силу прежнихъ законовъ, надѣлъ не подлежитъ дробленію выше извѣстной мѣстной нормы, и во владѣніи одного домохозяина не можетъ быть болѣе двухъ надѣловъ. Такимъ образомъ, наше законодательство осуществило ту формулированную Шмоллеромъ программу, которой придерживается одно изъ направленій современной аграрной политики».....

Н. Г. Тальбергъ, касаясь проводимой ред. коммиссіей идеи о неотчуждаемомъ фондѣ надѣльной земли, говоритъ: .....«Это глубокое и печальное заблужденіе и въ немъ коренится одинъ изъ важнѣйшихъ тормазовъ для развитія. Земельный фондъ уже существуетъ сорокъ лѣтъ и съ тѣхъ поръ онъ постоянно увеличивается покупкою и арендою, а въ будущемъ фондъ этотъ долженъ неизмѣримо и естественно вырости въ качествѣ и въ цѣнности, благодаря одному только поднятію культурности и знаній въ земледѣльческомъ населеніи. Забота, слѣдовательно, должна быть направлена не на то, чтобы путемъ всяческихъ и очень тяжелыхъ, въ общемъ, правовыхъ ограниченій, уберечь надѣльный фондъ отъ рѣдкихъ случаевъ уменьшенія его, а на то, чтобы содѣйствовать культурному и экономическому росту населенія въ единственно правильномъ направленіи, которое состоитъ въ упраздненіи перегородокъ и въ единеніи. Но составители проекта придаютъ надѣльному фонду фантастически обширное и общегосударственное значеніе, и потому считаютъ нужнымъ поддерживать подавляющее преобладаніе въ юридическихъ отношеніяхъ крестьянъ публично—правовыхъ нормъ надъ частно-правовыми. А такъ какъ такая система удобнѣе можетъ быть осуществлена путемъ сословнаго обособленія управленія крестьянъ, то она силою вещей распространяется даже и на крестьянъ, не пользующихся надѣльною землею».....

«*Саратовскій Листокъ*» говоритъ по поводу мнѣнія редакціонной коммиссіи о сохраненіи закона о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ:

«Законъ 1893 г. о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ былъ созданъ для того, чтобы уничтожить или хотя бы сильно ослабить постепенное обезземеленіе крестьянъ. 10-лѣтій опытъ показалъ, однако, что законъ не достигъ осязательныхъ результатовъ и нисколько не помѣшалъ созданію массы безземельныхъ батраковъ. Причина очень простая. Помимо

земли, необходимъ для существованія самостоятельнаго хозяйства и скотъ, хотя бы одна лошадь. Неурожаи, высокіе налоги, ростъ капитализма и цѣлая серія другихъ экономическо-соціальныхъ причинъ обезлошадили, если можно такъ выразиться, деревню. Статистическія изслѣдованія ясно показали огромную, все растущую массу безлошадныхъ и однолошадныхъ хозяйствъ. Лишившись лошади, крестьянинъ волей-неволей долженъ бросить свое хозяйство и отправиться на заработки въ городъ или пойти въ батраки. Если-бы крестьянская надѣльная земля составляла предметъ свободнаго гражданскаго оборота,—мужикъ продалъ-бы свой надѣлъ. При существованіи же закона о неотчуждаемости надѣловъ ему ничего не остается, какъ сдать землю своимъ же односельцамъ, хозяйственнымъ мужикамъ, которые отлично умѣютъ пользоваться безвыходнымъ положеніемъ, созданнымъ закономъ для общинника. Оттого то такъ часты въ деревнѣ случаи сдачи земли въ аренду за однѣ подати безъ малѣйшей приплаты, что равняется 2—3 руб. арендной платы за десятину, когда вблизи тѣ же крестьяне снимаютъ землю по 10 руб. десятину. Законъ 1893 г., помимо прямого слѣдствія, указаннаго нами выше, имѣлъ еще и то значеніе, что затушевалъ совершенно количество безземельнаго крестьянства, такъ какъ благодаря ему много крестьянъ, давно уже переставшихъ имѣть какое бы то ни было отношеніе къ своей надѣльной землѣ, кромѣ фиктивнаго права на нее, все еще считались самостоятельными земледѣльцами, владѣющими надѣломъ. Но суть дѣла отъ этого, конечно, не измѣнилась. Мы не понимаемъ поэтому, какимъ образомъ неотчуждаемость надѣловъ, взятая сама по себѣ, безъ коренного измѣненія экономическо-правовыхъ условій жизни крестьянства, можетъ хоть чѣмъ-нибудь помочь благосостоянію народа и служить государственнымъ интересамъ».

Иную точку зрѣнія принимаютъ *«Московскія Вѣдомости». Въ № 26, 1904 г. газета эта* говоритъ: «Очеркъ работъ Редакціонной Коммиссіи по пересмотру законоположенія о крестьянахъ далъ поводъ нашимъ либеральнымъ изданіямъ вновь попечаловаться о томъ, что надъ крестьянами по прежнему остается попечительная забота Правительства о крестьянахъ, и что крестьянамъ не предоставлена полная свобода распоряжаться какъ своими надѣльными землями, такъ и инымъ имуществомъ, входящимъ въ составъ общаго крестьянскаго владѣнія. Гдѣ же, говорятъ, дарованная свобода, гдѣ тѣ права, которыя дарованы всѣмъ другимъ русскимъ подданнымъ? Зачѣмъ эта обособленность крестьянства,

зачѣмъ эта устарѣвшая сословность? Мы уже указывали совершенно правильный и энергичный отпоръ Коммиссіи врагамъ сословности и обособленности крестьянства: это - постоянная близость къ землѣ, неустанный упорный трудъ, результаты которыхъ зависятъ отъ внѣшнихъ силъ природы, отъ началъ высшаго порядка; отсюда—крѣпкая вѣра въ Бога, въ Его помощь, въ Его милосердіе и гнѣвъ (наказаніе за грѣхи), а все это силою вещей дѣлаетъ крестьянство оплотомъ исторической преемственности противъ разлагающихъ силъ, оплотомъ Государства, элементомъ созидающимъ и положительнымъ.

Право Государства на выдѣленіе крестьянъ въ обособленную группу, подчиненную ближайшему надзору особыхъ правительственныхъ органовъ, является логическимъ послѣдствіемъ понесенныхъ Государствомъ весьма серіозныхъ жертвъ для обезпеченія крестьянскаго быта. Это, повидимому, совершенно забываютъ наши либералы. Но, говорятъ, эта попечительность Правительства связываетъ крестьянъ по рукамъ и по ногамъ, не даетъ имъ свободнаго выхода, стѣсняетъ ихъ предпріимчивость и энергію, привязываетъ ихъ къ землѣ и къ своему обществу и т. п. Совершенно справедливъ отвѣтъ, что надѣленіе крестьянъ землей за счетъ иного сословія обязываетъ Правительство къ бдительному надзору, чтобъ этотъ земельный фондъ дѣйствительно удовлетворялъ той потребности, для коей онъ предназначенъ, а именно: обезпечивалъ существованіе крестьянства, взятаго какъ сословіе, то есть въ преобладающей его массѣ, а не только единичныхъ его представителей. Правительство беретъ подъ свою мощную защиту все крестьянство, но оно въ то же время не можетъ, конечно, стѣснять предпріимчивость и энергію отдѣльныхъ крестьянъ—сдерживать ихъ пріобрѣтательную способность. Но законъ и Правительство могутъ, - болѣе того,—обязаны наблюдать за тѣмъ, чтобъ эти предпріимчивость и способность не развивались за счетъ такого источника, который имѣетъ особое, болѣе обширное, общегосударственное значеніе—служить основой существованія народныхъ массъ, ибо эти массы заключаютъ въ своей средѣ множество слабыхъ элементовъ, не имѣющихъ достаточно силы и прочности, чтобъ устоять противъ натиска на нихъ людей, одаренныхъ большею энергіей, а иногда и большею неразборчивостью въ средствахъ къ достиженію своихъ цѣлей. Вотъ почему вся надѣльная земля и поставлена въ особыя условія пользованія ею, вотъ почему она и оставлена на вѣчныя времена въ рукахъ всего крестьянства, какъ сословія,—и все это сдѣлано попечи-

тельною властью Правительства, ибо въ противномъ случаѣ слабые элементы деревни были бы поглощены болѣе сильными своими сочленами. Кромѣ того, Государство открываетъ крестьянамъ доступъ къ обширнымъ казеннымъ землямъ, снабжаетъ ихъ особымъ кредитомъ (при помощи Крестьянскаго Банка) для пріумноженія ихъ земельнаго фонда и т. п. Словомъ, „Государство и понынѣ продолжаетъ свою попечительную по отношенію къ крестьянству дѣятельность. Но тому, кто оказываетъ попеченіе, принадлежитъ и право надзора за пользующимися его попечительными заботами“.

Этотъ совершенно справедливый и правильный взглядъ, многократно высказывавшійся нами, красною нитью проходятъ въ трудахъ Редакціонной Коммиссіи и даетъ достойный отвѣтъ всѣмъ тѣмъ, кто, въ мнимой заботѣ о крестьянствѣ, требуетъ для него такой же мнимой свободы въ распоряженіи надѣлами, которая можетъ обогатить единицы и разорить тысячи. Этого ли хотятъ гг. „благодѣтели крестьянства“, не желающіе знать жизни, не желающіе видѣть дальше своего носа? Теоретическое возглашеніе полной свободы въ распоряженіи землями хорошо только въ мечтаніяхъ лицъ, деревенской жизни не знающихъ. Жизнь заставляетъ создавать законы по своему требованію, они, эти законы, должны соотвѣтствовать потребностямъ времени, и лишь тогда окажутъ должное вліяніе.

Крестьянская жизнь требуетъ попечительства Государства, и вотъ почему это попеченіе о крестьянахъ остается и нынѣ. Кто желаетъ избавиться отъ этихъ заботъ, тотъ можетъ свободно выйти изъ крестьянскаго сословія, что и предположено предоставить крестьянамъ. Всякое прикрѣпленіе къ сельскимъ обществамъ и общинамъ предположено съ этою цѣлью уничтожить. Кто же защищаетъ крестьянство: мы или они? Пусть безпристрастно разберутся въ этомъ сами читатели».

Охраненіе основныхъ формъ крестьянскаго землепользованія.

Обращаясь, наконецъ, къ разсмотрѣнію послѣдняго изъ вышеупомянутыхъ основныхъ началъ Положеній 19 февраля—неприкосновенности основныхъ формъ крестьянскаго землепользованія,—ред. коммиссія остановилась на томъ, что обѣ формы его—общинное и подворное—.... «въ томъ видѣ, какъ онѣ сложились у насъ, заключаютъ многія существенныя препятствія къ полному развитію индивидуальныхъ способностей отдѣльныхъ крестьянъ, къ болѣе совершенному использованію ими производительныхъ силъ почвы. Существующіе въ этомъ отношеніи тормазы проистекаютъ не изъ юридической природы общиннаго и подворнаго землевладѣнія, а заключаются въ тѣхъ матеріальныхъ препятствіяхъ, которыя встрѣчаются на этомъ пути крестьянами, изъ коихъ главнѣйшимъ является зависимость каждаго отдѣльнаго земледѣльца отъ общихъ хозяйственныхъ распоряженій всего крестьянскаго общества, зависимость отнюдь не меньшая при подворномъ землевладѣніи, нежели при общинномъ.—Въ томъ же направленіи дѣйствуютъ одинаково наблюдаемыя при обѣихъ формахъ землепользованія чрезполосность и дробность отдѣльныхъ, принадлежащихъ тому же двору, земельныхъ участковъ или полосъ, равно какъ и такъ называемое длинноземелье и удаленность пахотныхъ угодій отъ усадебной осѣдлости.—При такихъ условіяхъ простой переходъ отъ общиннаго землевладѣнія къ подворному, очевидно, не можетъ спо-

собствовать повышенію крестьянскаго благосостоянія, такъ какъ не будетъ содѣйствовать повышенію сельско-хозяйственной культуры.... И тутъ центръ тяжести заключается въ степени зажиточтности земельнаго крестьянства, послѣднее же тѣснѣйшимъ образомъ зависитъ отъ степени использованія имъ производительныхъ силъ почвы. Между тѣмъ, для достиженія этой послѣдней цѣли необходимы не измѣненіе юридическаго характера владѣнія землей, а мѣры иного порядка, изъ коихъ многія въ одинаковой степени примѣнимы какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ землепользованіи, а именно: уничтоженіе дробности и чрезполосности отдѣльныхъ крестьянскихъ полосъ. сведеніе владѣній каждаго двора въ одинъ отрубной участокъ, словомъ—переходъ къ хуторскому хозяйству, при коемъ дѣйствительно каждый отдѣльный владѣлецъ можетъ свободно въ хозяйственномъ отношеніи распоряжаться всей состоящей въ его пользованіи землей и примѣнить къ ней тѣ сельско-хозяйственные пріемы, которые представляются наиболѣе соотвѣтствующими уровню его культурнаго развитія».

Но.... «переходъ къ отрубному хуторскому хозяйству возможенъ лишь при полномъ переломѣ во всей системѣ хозяйничанія, а само собою разумѣется, что для совершенія такого перелома необходима наличность многихъ условій самаго различнаго порядка, и прежде всего — значительное умственное развитіе самого крестьянина. Совокупность изложенныхъ соображеній убѣждаетъ ред. коммиссію, что коренная огульная ломка существующаго нынѣ, освященнаго вѣками, крестьянскаго земельнаго строя не соотвѣтствовала бы въ многихъ случаяхъ ни мѣстнымъ особенностямъ, ни дѣйствительнымъ потребностямъ населенія. Такая мѣра не только не встрѣтила бы сочувствія со стороны крестьянъ, она, наоборотъ, вызвала бы противодѣйствіе съ ихъ стороны. Между тѣмъ, само собою разумѣется, что рас-

пространеніе какихъ либо культурныхъ мѣропріятій простымъ велѣніемъ закона немыслимо.

Въ заключеніе редакціонная коммиссія не могла не указать, что вопросъ о преимуществахъ собственно общиннаго и подворнаго владѣнія возникъ еще при надѣленіи крестьянъ землею. Въ то время выработавшія положенія 19 февраля 1861 г. редакціонныя коммиссіи полагали, что.... „слѣдуетъ удержаться отъ стремленія разрѣшить этотъ вопросъ принудительными правительственными мѣрами.—Всякое уклоненіе отъ этого начала было бы сопряжено не только съ самыми невыгодными для всѣхъ сторонъ послѣдствіями, но и съ ни чѣмъ неоправдываемымъ нарушеніемъ историческаго хода русской общественной жизни". Высказанныя редакціонными коммиссіями 1861 г. сужденія сохраняютъ глубокое значеніе и въ настоящее время.... При такихъ условіяхъ задачи законодателя и въ данномъ случаѣ должны состоять не въ коренной насильственной ломкѣ существующаго у крестьянъ порядка землепользованія, а главнымъ образомъ въ предоставленіи сельскому населенію всѣхъ средствъ къ сознательному, по собственному почину какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ обществъ, переходу къ болѣе совершеннымъ способамъ использованія ихъ земельныхъ богатствъ»..... (Тр. т. I, стр. 22—28).

Изложенное положеніе и приведенныя въ обоснованіе его соображенія вызвали нижеслѣдующія возраженія:

„Новое Время" (*№ отъ 15 іюня 1904 г. ст. г. Н. „Основная руководящая мысль проектовъ ред. ком. по пересмотру крестьянскихъ положеній"* отмѣчаетъ, что..... «ред. коммиссія въ формулировкѣ основныхъ началъ Положеній 19 февраля 1861 г. едва ли съ достаточнымъ основаніемъ расширяетъ требованіе относительно неприкосновенности „основныхъ формъ крестьянскаго землевладѣнія". Въ Положеніяхъ 19 февраля 1861 г. такого требованія не содержится, а въ именномъ Высочайшемъ указѣ 8 января 1904 г. говорится только о „неприкосновенности общинной формы

крестьянскаго землевладѣнія". Это совсѣмъ не то же, что неприкосновенность „основныхъ формъ" крестьянскаго землевладѣнія, къ которымъ безъ сомнѣнія, должно быть отнесено и подворное владѣніе, весьма нуждающееся въ коренныхъ улучшеніяхъ (какъ это признается отчасти и самой ред. ком.). Такая неточность въ формулировкѣ „основныхъ началъ", полагаемыхъ фундаментомъ важнѣйшей законодательной работы, недопустима....».

Но и охраненіе въ неприкосновенности даже одной общинной формы землевладѣнія не вытекаетъ изъ Положенія 19 февраля 1861 г.

«Разрушеніе общины и обезземеливаніе остающихся общинниковъ въ пользу выдѣляющихся частныхъ собственниковъ—говоритъ г. *М. Г. Б. въ своей статьѣ „Общинное и подворное землевладѣніе". („Сарат. Зем. Нед." № 6—7, 1904 г.)*—есть неизбѣжный результатъ выкупной операціи; результатъ этотъ для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ былъ предрѣшенъ, слѣдовательно, уже самой реформой 19 февраля 1861 г., а для бывшихъ государственныхъ закономъ 12 іюня 1886 г., который преобразовалъ государственную оброчную подать въ выкупные платежи.—Думать же о сохраненіи общины при наличности выкупной операціи можно лишь по недоразумѣнію».....

Положенія 19 февраля открывали широкій просторъ для перехода какъ цѣлой общины къ подворному землевладѣнію, такъ и отдѣльнымъ домохозяевамъ къ выдѣлу причитающихся на ихъ долю участковъ изъ подлежащихъ передѣлу общинныхъ земель даже безъ согласія общества путемъ досрочнаго погашенія выкупной ссуды (ст. 165 полож. выкуп.), что, по мнѣнію сторонниковъ общины, неизбѣжно должно было вести къ постепенному разрушенію общиннаго землевладѣнія.

Къ тому же Положеніями 19 февраля 1861 г. общинной формѣ землевладѣнія дано опредѣленіе, сводящее ее до общаго владѣнія. Къ такому именно выводу приходитъ г. *Сириновъ въ своей статьѣ „Юридическая структура общиннаго крестьянскаго землевладѣнія по закону 19 февраля 1861 г. и въ послѣдующее время". („Тр. Имп. В. Эк. Об-ва" № 3, 1904 г.).*

.....«Отдѣльный членъ общины—говоритъ этотъ авторъ—владѣетъ и пользуется надѣломъ, на который имѣетъ право, по своему усмотрѣнію: общинѣ нѣтъ дѣла до порядка пользованія землею со стороны отдѣльныхъ ея членовъ. Но община выступаетъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда затрагивается фискальный интересъ: она отбираетъ надѣлъ у недоимщика (ст. 127); съ ея лишь позволенія каждый отдѣльный крестьянинъ можетъ уступить

постороннему лицу право на участіе въ общемъ владѣніи (ст. 164).—Это потому, что такая передача безъ вѣдома міра лишила бы общество возможности обсудить на сельскомъ сходѣ, насколько состоятельно лицо, къ которому переходитъ право участія въ общемъ владѣніи, что, при существованіи круговой поруки при уплатѣ выкупныхъ платежей, далеко не безразлично. Съ согласія же общины происходитъ выдѣлъ участковъ отдѣльнымъ членамъ, но лишь въ томъ случаѣ, если участокъ еще не выкупленъ отдѣльнымъ членомъ, если же выкупная ссуда имъ заплачена, общинѣ нѣтъ дѣла до ея отдѣльнаго члена: онъ можетъ требовать выдѣла участка земли (ст. 165). Другими словами, отдѣльному члену общины принадлежитъ полное право собственности на его участокъ, ограниченное лишь въ интересахъ правильнаго отбытія выкупной повинности, *вытекающей изъ существа выкупной операціи*. Но право собственности проявляется во всей полнотѣ и чистотѣ, какъ только условіе ограниченій отпадаетъ (ст. 165). Нетрудно теперь установить, съ какимъ юридическимъ явленіемъ мы имѣемъ дѣло: это то, что извѣстно подъ именемъ *общей собственности*. И авторы Положенія такъ дѣйствительно и смотрѣли на дѣло: именно въ ст. 164 находимъ слѣдующее опредѣленіе: „право на участіе *въ общемъ владѣніи*, пріобрѣтенною обществомъ землею, каждый отдѣльный крестьянинъ можетъ уступить постороннему лицу не иначе, какъ съ согласія міра“. Въ этомъ опредѣленіи санкціонированъ терминъ „общее владѣніе“.....

Помимо изложеннаго, сужденія редакціонной коммиссіи оспариваются и съ другихъ точекъ зрѣнія.

«*Русскія Вѣдомости* (*№ 16, 1904 г.*), замѣтивъ, что... «центръ тяжести переносится (редакціонной коммиссіей) отъ формъ землепользованія на условія хозяйства, связанныя съ расположеніемъ земельныхъ угодій»..., продолжаютъ:..... «Эти (приведенныя) соображенія коммиссіи даютъ основанія для многихъ возраженій. Прежде всего можно было бы подвергнуть сомнѣнію основной тезисъ о вредѣ для хозяйства отмѣченныхъ выше явленій. Извѣстно, напр., что чрезполосность бываетъ различная,—такая, которая дѣйствительно обусловливаетъ принудительный сѣвооборотъ и, слѣдовательно, стѣсняетъ отдѣльныхъ домохозяевъ, и другая, съ которой подобныя послѣдствія не связаны.

Нельзя считать даже безспорнымъ и положенія о вредѣ дробности участковъ и безусловной предпочтительности сведенія владѣній каждаго

двора въ одинъ отрубной участокъ. Можно привести немало примѣровъ, свидѣтельствующихъ, что сами поселяне нерѣдко придерживаются иного взгляда и предпочитаютъ, чтобы земля ихъ была расположена въ разныхъ мѣстахъ. Причина такого воззрѣнія кроется въ томъ, что при нѣкоторой разбросанности участковъ земля, подвергаемая обработкѣ, бываетъ разнообразнѣе по качеству и нерѣдко оказывается въ разныхъ атмосферическихъ условіяхъ, вслѣдствіе чего неурожай на однихъ участкахъ можетъ быть возмѣщенъ урожаемъ на другихъ. Этимъ именно объясняются случаи, когда подворные владѣльцы намѣренно поддерживаютъ дробность участковъ и охотно мирятся съ ихъ чрезполосностью и нѣкоторой отдаленностью отъ усадебъ.

Такимъ образомъ нельзя признать, чтобы явленія, отмѣченныя коммиссіей въ качествѣ препятствій для повышенія благосостоянія крестьянъ, имѣли такой характеръ всегда и при всякихъ условіяхъ. Слѣдовательно, нельзя согласиться и съ выводомъ, будто подъемъ сельскохозяйственной культуры зависитъ отъ перехода къ хуторскому хозяйству.

Впрочемъ на этомъ вопросѣ нѣтъ надобности подробно останавливаться потому, что сама коммиссія придаетъ своему выводу исключительно теоретическій характеръ. Справедливо признавая, что „о принудительности распредѣленія земли между отдѣльными дворями, безразлично какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ землевладѣніи, въ обособленныхъ отрубныхъ участкахъ, разумѣется, и рѣчи быть не можетъ“, коммиссія въ конечномъ результатѣ приходитъ къ заключенію, что „переходъ къ отрубному хуторскому хозяйству возможенъ лишь при полномъ переломѣ во всей системѣ хозяйничанія.“

Намъ кажется, - говоритъ газета—что коммиссія совершенно напрасно старается объяснить практическую неосуществимость такой мѣры, какъ разверстаніе крестьянскихъ земель для устройства хуторскихъ участковъ. Что это немыслимо, даже если бы и было желательно, понятно всякому сколько-нибудь свѣдущему человѣку. Поэтому разсужденія о хуторскомъ хозяйствѣ представляютъ не болѣе какъ экскурсъ въ область мечтаній, къ счастью, на этотъ разъ вполнѣ невинныхъ. Мы не совсѣмъ понимаемъ зачѣмъ коммиссіи понадобилось такъ много говорить о мѣрѣ, которая по ея же собственному признанію практически неосуществима. Единственное объясненіе этого можно найти развѣ въ томъ, что хуторское хозяйство и разверстаніе угодій имѣли и, нужно полагать, продолжаютъ

имѣть и до сихъ поръ вліятельныхъ сторонниковъ. Для нихъ, конечно, разсужденія коммиссіи должны быть очень поучительны, потому что въ нихъ вполнѣ обнаруживается утопичность разнообразныхъ плановъ „упорядоченія“ нашего сельскаго хозяйства, основанныхъ на мысли, что надѣльную землю можно превратить однимъ почеркомъ пера въ шахматную доску и посадить въ каждый квадратъ по крестьянскому двору. Если коммиссія хотѣла свести эти утопіи къ абсурду, то она исполнила это весьма успѣшно; и съ этой точки зрѣнія изложенныя... (ею) соображенія представляютъ несомнѣнный интересъ.

Послѣ отступленія о хуторскомъ хозяйствѣ коммиссія приходитъ къ выводу, котораго нельзя не раздѣлить, именно, что задача законодательства не должна состоять „въ коренной насильственной ломкѣ существующаго у крестьянъ порядка землепользованія“... Съ этимъ взглядомъ можно вполнѣ согласиться, но изъ него вытекаетъ заключеніе, котораго, къ сожалѣнію, коммиссія не дѣлаетъ. Сохраненіе „неприкосновенности общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія“ требуетъ прежде всего устраненія изъ дѣйствующаго законодательства тѣхъ мѣръ, которыя явились уже „насильственной ломкой“ общиннаго строя. Безспорно, такой мѣрой нужно признать законъ 8-го іюня 1893 г. о передѣлахъ мірской земли въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено Положеніе о земскихъ начальникахъ».....

Останавливаясь на этомъ предметѣ, *тоже газета (№ 22, 1904 г.)* говоритъ:

«Сохраненіе неприкосновенности общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія обусловлено прежде всего устраненіемъ изъ дѣйствующаго законодательства узаконеній, противорѣчащихъ принципу этой формы землевладѣнія и подрывающихъ ея основы. Въ виду этого можно было бы ожидать, что редакціонная коммиссія по пересмотру законодательства о крестьянахъ поставитъ этотъ вопросъ на первую очередь и займется прежде всего пересмотромъ съ указанной точки зрѣнія Положенія 19 февраля и позднѣйшихъ законодательныхъ дополненій къ нимъ. Между тѣмъ изъ очерка работъ коммиссіи не видно, чтобы она имѣла въ виду выполненіе такой задачи. Коммиссія или не высказываетъ въ этомъ направленіи ничего опредѣленнаго, или же прямо намѣчаетъ мѣры, идущія въ разрѣзъ съ началомъ неприкосновенности общиннаго строя.

Въ ряду узаконеній, несогласныхъ съ принципами общиннаго землевладѣнія, занимаетъ очень видное мѣсто законъ 8-го іюня 1893 г. о пе-

редѣлахъ мірской земли, и поэтому весьма важно было бы выяснить отношеніе коммиссіи къ этому законодательному акту.....

Едва ли есть надобность распространяться о томъ, что законъ 1893 г. подрываетъ самую основу общиннаго землевладѣнія, сущность котораго связана съ существованіемъ передѣловъ, какъ общихъ, такъ и частныхъ. Это было достаточно выяснено въ то время, когда упомянутый законъ вводился въ дѣйствіе. Да и сами творцы этой мѣры придавали ей именно такое значеніе. Хотя соображенія, изложенныя въ представленіи министерства внутреннихъ дѣлъ о законопроектѣ, ставшемъ впослѣдствіи дѣйствующимъ закономъ, и отличались чрезвычайною неопредѣленностью и даже сбивчивостью, тѣмъ не менѣе значеніе, придававшееся регулированію передѣловъ, какъ мѣры, направленной къ ограниченію земельной общины, обнаруживалось изъ мотивировки предлагавшихся мѣръ. При дальнѣйшемъ же обсужденіи законопроекта эта тенденція опредѣлилась вполнѣ ясно.

Когда одинъ изъ очень вліятельныхъ противниковъ общины выразилъ въ своемъ отзывѣ о предложеніяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ увѣренность въ томъ, что ограниченіе передѣловъ должно будетъ вызвать дальнѣйшія мѣропріятія, направленныя къ разрушенію общины, то министръ отвѣчалъ, что такое направленіе преобразованія существующаго строя крестьянскаго землевладѣнія было у него въ виду при составленіи законопроекта о передѣлахъ. Съ своей стороны соединенные департаменты государственнаго совѣта высказали, что единственною мѣрой, „способною уничтожить существующее зло“, слѣдуетъ признать упраздненіе общиннаго строя; но такъ какъ осуществленіе этой задачи представлялось тогда несвоевременнымъ, то признано было цѣлесообразнымъ ограничиться пока „частными исправленіями законовъ объ общественномъ землевладѣніи“. Подобнымъ исправленіемъ и явился законъ о передѣлахъ.

Такимъ образомъ исторія происхожденія закона 1893 года свидѣтельствуетъ вполнѣ убѣдительно, что онъ былъ не мѣрою упорядоченія общиннаго строя, а первымъ приступомъ къ его отмѣнѣ. Такое именно значеніе придается этому закону и въ настоящее время, какъ это видно изъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Такъ, напримѣръ, въ заявленіи 15-ти членовъ московскаго губернскаго комитета высказывается мнѣніе, что законъ 1893 г., „ограничивая передѣлы общинныхъ земель срокомъ не менѣе 12-ти лѣтъ и окончательно отнимая у крестьянскихъ обществъ право частныхъ передѣловъ

(скидки и накидки тяголъ, вноситъ самыя существенныя стѣсненія въ право міра свободно распоряжаться своею землей и, противорѣча принципу общиннаго землевладѣнія, ведетъ къ постепенному упраздненію послѣдняго“.....

Какъ же смотритъ на законъ 1893 г. редакціонная коммиссія? Она прежде всего признаетъ, что этотъ законодательный актъ „не далъ всѣхъ ожидавшихся отъ него результатовъ. По отзывамъ образованныхъ въ 1894 году губернскихъ совѣщаній, передѣлы, какъ общіе, такъ и частные, нерѣдко совершаются и нынѣ вполнѣ самовольно, съ прямымъ нарушеніемъ установленныхъ по сему предмету правилъ“. Неудачу закона о передѣлахъ можно было предусмотрѣть еще въ то время, когда онъ вводился въ дѣйствіе. Самъ министръ внутреннихъ дѣлъ въ своемъ представленіи указалъ основанія для такого предвидѣнія. „Какъ общіе передѣлы земли, писалъ онъ,—такъ и производимые въ промежуткахъ между ними частные передѣлы, до отдѣльныхъ случаевъ скидки и накладки тяголъ включительно, имѣютъ вполнѣ опредѣленныя экономическія и бытовыя основанія. Вызываются ли этого рода распоряженія потребностью въ надѣленіи землею членовъ подрастающаго поколѣнія и лицъ, вновь вступающихъ въ общество, частными семейными раздѣлами, многочисленностью выселеній изъ общества или другими подобными явленіями,—они во всѣхъ такихъ случаяхъ составляютъ выраженіе дѣйствительныхъ потребностей и опираются на издавна глубоко вкоренившіеся обычаи, которые не только въ сознаніи населенія, но и сами по себѣ представляются вполнѣ справедливыми“. Изъ этихъ соображеній вытекаетъ заключеніе, что передѣлы, какъ коренные, такъ и частные, вызываются законными и весьма серьезными потребностями жизни. Къ сожалѣнію, однако министерствомъ сдѣланъ былъ другой выводъ, именно, что „противодѣйствіе подобнымъ распоряженіямъ (о передѣлахъ) является задачей непосильной для административной власти“ и что „разрѣшеніе ея можетъ и долженъ взять на себя законъ“. Однако жизнь, какъ видно изъ сообщеній редакціонной коммиссіи, оказалась сильнѣе закона, и въ настоящее время возникаетъ вопросъ, какъ отнестись къ мѣропріятію, которое явилось попыткой подорвать общинное землевладѣніе въ одномъ изъ его коренныхъ устоевъ и неудача котораго теперь оффиціально констатируется?

Такъ какъ въ основу предстоящаго пересмотра законодательства о крестьянахъ положенъ принципъ сохраненія неприкосновенности общиннаго

строя землевладѣнія, то единственнымъ отвѣтомъ на поставленный выше вопросъ должна была бы быть отмѣна закона 1893 года. Но редакціонная коммиссія смотритъ на дѣло иначе. Она, повидимому, не только не проектируетъ такой мѣры, но, сколько можно судить, высказывается за принципъ закона о передѣлахъ. По крайней мѣрѣ къ такому заключенію приводитъ заявленіе ея, что „выдѣлъ участковъ отдѣльнымъ крестьянамъ долженъ быть обставленъ опредѣленными условіями, ограждающими большинство членовъ общества отъ постоянныхъ передѣловъ, безъ коихъ (условій?) выдѣлъ единичныхъ хозяевъ въ большинствѣ случаевъ не представляется возможнымъ". Хотя это мѣсто въ очеркѣ работъ коммиссіи и возбуждаетъ сомнѣніе по своему стилистическому построенію, тѣмъ не менѣе оно допускаетъ только одно толкованіе, именно, что передѣлы должны подвергнуться дальнѣйшему регулированію для того, чтобы выдѣлъ единичныхъ хозяевъ не встрѣчалъ препятствій съ этой стороны. Пока неизвѣстно, какія именно мѣры проектируются въ этомъ направленіи, но одно несомнѣнно, что ограниченіе или полная отмѣна передѣловъ противорѣчатъ началамъ общиннаго землевладѣнія, неприкосновенность котораго провозглашена какъ одна изъ основъ предстоящей реформы.

Можно быть противникомъ или сторонникомъ общины, но нельзя быть одновременно и тѣмъ, и другимъ».

Г. Гуссаковскій въ упомянутой уже статьѣ „Основныя начала проекта положенія о крестьянахъ" („*Ж. М. Ю*" *№ 9, 1904 г.*) говоритъ, что, ...«ограничивая задачу пересмотра дѣйствующихъ узаконеній о надѣльныхъ земляхъ примѣненіемъ лишь цѣлаго ряда такихъ мѣръ, направленныхъ къ устраненію дробности и чрезполосности крестьянскихъ земель и поощренію хуторского хозяйства, которыя предоставили бы отдѣльнымъ крестьянамъ возможность перейти къ болѣе совершеннымъ системамъ обработки земли, ...проектъ оставляетъ безъ существенныхъ измѣненій тѣ постановленія закона, коими опредѣляются нынѣ сущность и объемъ права отдѣльныхъ крестьянъ па означенныя земли. Между тѣмъ, вопреки мнѣнію коммиссіи, эти законодательныя постановленія оказываютъ несомнѣнно крайне неблагопріятное вліяніе на способы эксплоатаціи надѣльныхъ земель. Тѣсная зависимость успѣховъ земледѣльческой культуры отъ господствующихъ въ странѣ формъ землевладѣнія представляется въ наукѣ общепризнаннымъ фактомъ и едва-ли можетъ возбуждать какія-либо сомнѣнія. Можно не оспаривать того положенія, что простой переходъ отъ общиннаго къ под-

ворному владѣнію нисколько не увеличитъ производительности надѣльныхъ земель, но отсюда далеко еще до вывода, что крайнее несовершенство современнаго крестьянскаго хозяйства на надѣльныхъ земляхъ находится внѣ всякой зависимости отъ юридической природы какъ общиннаго, такъ и подворнаго владѣнія.

И та и другая форма землевладѣнія представляютъ собою различные виды коллективнаго права собственности. При общинномъ владѣніи собственникомъ земли является все крестьянское общество, а отдѣльнымъ крестьянамъ предоставлено лишь право участія въ пользованіи отведенною обществу землею. При подворномъ же владѣніи собственникомъ подворнаго участка признается крестьянскій дворъ, а отдѣльные входящіе въ составъ этого двора крестьяне имѣютъ лишь право участія въ совмѣстномъ пользованіи этимъ участкомъ. Такимъ образомъ нынѣ отдѣльные крестьяне не пользуются вовсе правомъ личной собственности на надѣльныя земли. Между тѣмъ общеизвѣстенъ фактъ, что это право является однимъ изъ самыхъ могучихъ стимуловъ, побуждающихъ владѣльца къ возможному улучшенію своего земельнаго участка и увеличенію его производительности. Извѣстно также, и сама коммиссія не отрицаетъ этого, что коллективная собственность, коль скоро она установлена велѣніемъ закона, а не по добровольному соглашенію совладѣльцевъ, неизбѣжно приводитъ къ упадку доходности и цѣнности того имущества, которое составляетъ предметъ общей собственности. При такихъ же условіяхъ едва-ли возможно утверждать, что дѣйствующія узаконенія, не допускающія установленія права личной собственности на надѣльныя земли, не оказываютъ неблагопріятнаго вліянія на успѣхи земледѣльческой культуры на означенныхъ земляхъ.

Составители проекта полагаютъ, что вмѣшательство законодателя въ хозяйственную дѣятельность крестьянскаго населенія представляется вообще нецѣлесообразнымъ и потому велѣніемъ закона не могутъ быть устанавливаемы тѣ или иные способы пользованія землею. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться и можно пожалѣть лишь о томъ, что безспорное положеніе о нежелательности правительственнаго вмѣшательства въ хозяйственную дѣятельность земледѣльческаго населенія упускается изъ вида при организаціи управленія крестьянъ. Ссылаясь однако на это положеніе, коммиссія смѣшиваетъ понятіе о способахъ землепользованія съ понятіемъ о формахъ землевладѣнія. Выборъ тѣхъ или иныхъ способовъ пользованія надѣльными землями на началахъ общинныхъ, артельныхъ, семейныхъ или

какихъ-либо иныхъ долженъ быть всецѣло предоставленъ усмотрѣнію самихъ крестьянъ, и никакое вмѣшательство въ эту область со стороны закона не должно имѣть мѣста. Что же касается сущности и объема тѣхъ правъ, предоставляемыхъ отдѣльнымъ крестьянамъ на надѣльныя земли, коими опредѣляются самыя формы землевладѣнія, то они могутъ и должны быть установлены закономъ безъ всякаго соображенія съ тѣми воззрѣніями, которыя въ данное время господствуютъ по этому предмету среди земледѣльческаго населенія.....

Не допуская въ принципѣ установленія права личной собственности на надѣльныя земли, коммиссія становится въ прямое противорѣчіе съ однимъ изъ основныхъ началъ Положенія 19 февраля 1861 г. Разсматривая дѣйствующія узаконенія, опредѣляющія права крестьянъ на надѣльныя земли, независимо отъ тѣхъ разъясненій, которыя послѣдовали по этому предмету въ многочисленныхъ сенатскихъ рѣшеніяхъ, нельзя не убѣдиться въ томъ, что въ общинномъ и подворномъ владѣніи законъ вовсе не имѣлъ въ виду создать двѣ различныхъ формы коллективной собственности. Напротивъ того, въ цѣломъ рядѣ постановленій закона подворное владѣніе противополагается общинному, какъ институтъ личной собственности. Вопреки разъясненіямъ Сената, признающимъ подворные участки общею собственностью двора и потому не подлежащими переходу въ порядкѣ наслѣдованія при наличности хотя бы одного члена этого двора, дѣйствующій законъ не только именуетъ подворные участки наслѣдственными, но и указываетъ порядокъ перехода ихъ по наслѣдству отъ одного члена двора къ другому. Наличность въ дѣйствующемъ законѣ особыхъ по этому предмету постановленій устраняетъ всякое сомнѣніе въ томъ, что подворные участки должны составлять личную собственность владѣльца, такъ какъ въ томъ случаѣ, если бы послѣдній былъ только завѣдывающимъ общимъ хозяйствомъ, принадлежащимъ всему двору, о переходѣ послѣ его смерти подворнаго участка въ порядкѣ наслѣдованія отъ одного члена двора къ другому не могло бы быть и рѣчи.

Противоположныя разъясненія Правительствующаго Сената, не соотвѣтствующія буквальному смыслу закона, оправдываются вполнѣ тѣми благими цѣлями, которыя имѣлись при этомъ въ виду. Эти разъясненія служатъ коррективомъ того созданнаго при надѣленіи крестьянъ положенія, въ силу котораго нерѣдко одинъ и тотъ же подворный участокъ отводился въ надѣлъ не одной только семьѣ, а представителямъ двухъ или нѣсколь-

кихъ семействъ. При такихъ условіяхъ признаніе подворнаго участка личною собственностью одного лишь домохозяина поставило бы въ безправное и необезпеченное положеніе тѣхъ крестьянъ, которые не получили особаго надѣла, а были надѣлены вмѣстѣ съ другою семьею, въ составѣ которой они числились по спискамъ, хотя въ дѣйствительности и не были ея членами. Для устраненія такого безправнаго положенія упомянутыхъ крестьянъ Сенатъ и установилъ въ своихъ рѣшеніяхъ тотъ тезисъ, въ силу котораго подворный участокъ долженъ составлять общую собственность всѣхъ лицъ, входящихъ въ составъ крестьянскаго двора.

При пересмотрѣ законоположеній о крестьянахъ не представляется однако никакихъ основаній оставлять въ силѣ это установленное Сенатомъ положеніе, такъ какъ тѣ цѣли, которыя имѣлись въ виду при его установленіи, могутъ быть достигнуты инымъ путемъ, безъ введенія въ наше законодательство такихъ постановленій, которыя несомнѣнно окажутъ самое неблагопріятное вліяніе на условія хозяйственной дѣятельности крестьянъ, а слѣдовательно и на ихъ благосостояніе. Самые настоятельные интересы крестьянъ требуютъ не только признанія права личной собственности ихъ на принадлежащія имъ подворные участки, но и на тѣ земли, которыя, состоя нынѣ лишь въ ихъ пользованіи, составляютъ собственность всего общества. Осуществленію такой мѣры не можетъ быть придаваемо значеніе насильственной ломки установившихся у насъ способовъ пользованія надѣльною землею, такъ какъ, и по признаніи за крестьянами права личной собственности на состоящія въ ихъ пользованіи земли, они не будутъ лишены возможности пользоваться ими сообща на общинныхъ началахъ, коль-скоро они признаютъ это соотвѣтствующимъ ихъ интересамъ. Между тѣмъ замѣна коллективной собственности собственностью личною, внося надлежащую опредѣленность въ земельныя права отдѣльныхъ крестьянъ и устранивъ хозяйственную зависимость ихъ отъ другихъ совладѣльцевъ, поставитъ ихъ въ такія условія, при которыхъ они будутъ имѣть возможность развить болѣе плодотворную хозяйственную дѣятельность, чѣмъ та, которую они проявляютъ въ настоящее время. Вмѣстѣ съ тѣмъ только съ осуществленіемъ этой мѣры исчезнутъ тѣ уродливыя явленія, отмѣченныя нѣкоторыми мѣстными комитетами, когда отдѣльные крестьяне вслѣдствіе невозможныхъ условій, въ которыя поставлена нынѣ хозяйственная ихъ дѣятельность, благодаря установившемуся у насъ земельному строю, забрасываютъ свои почти выкупленные уже надѣлы и тутъ же рядомъ пріобрѣ-

таютъ по дорогой цѣнѣ такія же земли у сосѣднихъ владѣльцевъ для примѣненія къ нимъ своего труда.

Составители проекта рѣшительно отрицаютъ однако возможность установленія личной собственности крестьянъ на надѣльныя земли, и потому представляется необходимымъ остановиться на тѣхъ соображеніяхъ, которыя приводятъ коммиссію къ такому заключенію.

Въ подтвержденіе этого мнѣнія указывается прежде всего на то соображеніе, что надѣльныя земли отведены для обезпеченія быта всѣхъ вообще крестьянъ, а не отдѣльныхъ только домохозяевъ. Вслѣдствіе этого укрѣпленіе земли въ личную собственность домохозяина поставило бы другихъ членовъ крестьянской семьи въ совершенно необезпеченное положеніе и могло бы привести къ образованію у насъ сельскаго пролетаріата.

Такое опасеніе едва-ли однако можетъ быть признано основательнымъ. Наши общіе гражданскіе законы не устанавливаютъ института семейной собственности, а тѣмъ не менѣе имущество, принадлежащее отдѣльнымъ лицамъ, въ силу крѣпости семейныхъ связей, составляетъ въ дѣйствительности не только личное обезпеченіе собственника, но и всей его семьи. Въ современномъ обществѣ главнѣйшій стимулъ, побуждающій отдѣльныхъ лицъ къ упорному труду и пріобрѣтенію имуществъ, заключаются въ стремленіи не только къ личному благосостоянію, но и къ обезпеченію тѣхъ близкихъ лицъ, съ которыми соединяютъ ихъ семейные и родственные узы. Въ крестьянской средѣ родственныя и семейныя связи представляются болѣе еще прочными, чѣмъ въ другихъ классахъ населенія, и потому нѣтъ никакого основанія къ предположенію, что съ предоставленіемъ главѣ крестьянской семьи права личной собственности на надѣльную землю всѣ другіе члены семьи будутъ лишены всякаго имущественнаго обезпеченія.

Что касается указанія на возможность образованія у насъ сельскаго безземельнаго пролетаріата, то нельзя, конечно отрицать того, что замѣна общинной формы владѣнія землею личнымъ землевладѣніемъ неизбѣжно отразится на числѣ лицъ, занятыхъ нынѣ обработкою своихъ земельныхъ участковъ. Въ такомъ фактѣ едва-ли однако можно усмотрѣть что-либо тревожное или угрожающее. Съ увеличеніемъ населенія относительное число лицъ, имѣющихъ земельное обезпеченіе, должно неизбѣжно уменьшиться въ виду неизмѣнности того пространства земли, которое имѣется

въ распоряженіи всего населенія. Такое измѣненіе соотношенія между числомъ землевладѣльцевъ и безземельныхъ само по себѣ не можетъ отразиться на общемъ благосостояніи всего населенія или отдѣльныхъ его классовъ. Общеизвѣстенъ фактъ, что чисто земледѣльческія государства, въ которыхъ все почти населеніе въ большей или меньшей мѣрѣ обезпечено землею, принадлежатъ къ числу наиболѣе бѣдныхъ и наиболѣе слабо развитыхъ въ экономическомъ отношеніи. Въ настоящее время Россія обладаетъ громаднымъ числомъ лицъ, владѣющихъ землею, но это нисколько не обезпечиваетъ благосостоянія земледѣльческаго ея населенія. Напротивъ того, въ томъ фактѣ, что четыре пятыхъ всего населенія Имперіи заняты исключительно обработкою принадлежащихъ имъ земельныхъ участковъ, заключается одна изъ причинъ крайне печальнаго экономическаго положенія страны, такъ какъ громадныя трудовыя силы всего нашего земледѣльческаго населенія затрачиваются нынѣ на воздѣлываніе такого пространства земли, которое для надлежащей ея обработки требуетъ значительно меньшаго числа рабочихъ рукъ. Стремленіе къ предотвращенію образованія у насъ класса безземельныхъ крестьянъ было бы цѣлесообразнымъ при томъ лишь условіи, если бы земельный фондъ, находящійся въ распоряженіи крестьянъ, былъ вполнѣ достаточенъ для примѣненія къ нему труда и для обезпеченія существованія всего наличнаго нашего земледѣльческаго населенія. Коль-скоро однако и нынѣ крестьянамъ нечего дѣлать на своихъ крошечныхъ надѣлахъ, не обезпечивающихъ ихъ въ самыхъ насущныхъ ихъ потребностяхъ, возможность обезземеленья части этихъ крестьянъ и перехода ихъ къ другимъ производительнымъ занятіямъ едва-ли можетъ внушить какія-либо тревожныя опасенія. Такой разрывъ связи ихъ съ землею для занятія другими промыслами можетъ только улучшить, но не ухудшить экономическое положеніе этой части сельскаго населенія.

Другое соображеніе, по которому составители проекта находятъ невозможнымъ укрѣпить надѣльныя земли за крестьянами на правѣ личной собственности, заключается въ томъ, что имущественный строй, основанный на началахъ индивидуальности и капитализма, представляется вообще совершенно чуждымъ правосознанію крестьянъ. Всѣ имущественныя отношенія ихъ построены на основахъ порядка семейнаго и на началахъ общественныхъ и трудовыхъ, а потому введеніе института личной соб-

ственности на надѣльныя земли было бы равносильно разрушенію вѣковыхъ устоевъ ихъ хозяйственной и экономической жизни.

Изъ этой общей характеристики экономическаго быта нашего земледѣльческаго населенія можно вывести заключеніе, что въ средѣ его укоренился взглядъ на землю, какъ на такое имущество, которое не принадлежитъ никому въ особенности, но составляетъ общее достояніе всѣхъ и должно быть предоставлено въ пользованіе тѣхъ только лицъ, которыя прилагаютъ къ землѣ свой трудъ на ея обработку.

Какъ извѣстно, въ экономической наукѣ издавна уже существуетъ школа, которая проводитъ подобные же взгляды не только на землю, но и на всѣ другія орудія производства. Ученіе коллективистовъ подвергается однако рѣзкой научной критикѣ и въ нашихъ правительственныхъ сферахъ не пользуется вообще покровительствомъ, какъ подрывающее основные устои современнаго соціальнаго строя. Представляется поэтому совершенно непонятнымъ, по какимъ соображеніямъ признается у насъ желательнымъ и цѣлесообразнымъ насаждать и охранять среди земледѣльческаго нашего населенія такіе институты и взгляды, которые сводятся въ своей основѣ къ отрицанію принципа личной собственности на землю и на всѣ принадлежности хозяйства на надѣльныхъ земляхъ.

Еще болѣе однако невыясненными представляются тѣ фактическія данныя, на основаніи которыхъ коммиссія пришла къ заключенію, что согласно правовымъ воззрѣніямъ крестьянъ земля не можетъ и не должна быть объектомъ личной собственности. Если выводъ этотъ основанъ на тѣхъ формахъ землевладѣнія, которыя существуютъ нынѣ на надѣльныхъ земляхъ, то не слѣдуетъ забывать, что установленіе ихъ вовсе не зависѣло отъ воли и желанія крестьянъ. Напротивъ того, факты повседневной жизни указываютъ съ полною очевидностью на то, что принципъ общности правъ на землю вовсе не встрѣчаетъ сочувствія среди земледѣльческаго населенія. Отказываясь нерѣдко отъ принадлежащаго имъ права участія въ пользованіи общинною землею, крестьяне въ то же время всемѣрно стремятся къ тому, чтобы пріобрѣсти землю въ личную собственность, такъ какъ только при этомъ условіи они могутъ развить плодотворную хозяйственную дѣятельность. Рядъ мѣръ, установленныхъ дѣйствующимъ закономъ съ цѣлью воспрепятствованія отдѣльнымъ крестьянамъ выдѣла причитающейся имъ доли общинныхъ земель, свидѣтельствуетъ о неудержимомъ стремленіи крестьянъ къ пріобрѣтенію той хозяйственной

самостоятельности, о которой не можетъ быть и рѣчи при общинномъ владѣніи. Среди многочисленныхъ въ послѣднее время случаевъ покупки земли отдѣльными группами крестьянъ нельзя указать ни одного примѣра покупки ими земли на общинныхъ началахъ. Каждый участникъ въ такой покупкѣ всегда выговариваетъ себѣ въ купчей крѣпости право на опредѣленное пространство земли, съ цѣлью обезпечить за собою исключительное владѣніе этимъ земельнымъ пространствомъ. Нерѣдко вся земля, пріобрѣтенная крестьянскимъ товариществомъ, или опредѣленная ея часть поступаетъ въ общее пользованіе товарищей и даже передѣляется между ними, но доля участія каждаго товарища въ общемъ пользованіи опредѣляется не на общинныхъ началахъ, а въ точномъ соотвѣтствіи съ тѣми правами, которыя пріобрѣтены каждымъ изъ товарищей по купчей крѣпости. Наконецъ, многочисленные споры и жалобы, возникающіе по поводу разверстки общинной земли, выясняютъ также въ достаточной мѣрѣ, насколько начала общиннаго землевладѣнія соотвѣтствуютъ правовымъ воззрѣніямъ крестьянъ. Нерѣдко крестьянскій дворъ, вносившій въ теченіе многихъ лѣтъ выкупные платежи за опредѣленное число душевыхъ надѣловъ, въ виду измѣненія состава двора лишается по приговору схода части состоявшей въ пользованіи его земли. Такое распоряженіе схода, хотя бы оно вполнѣ соотвѣтствовало принятому въ обществѣ основанію для разверстки общинной земли, всегда вызываетъ нескончаемые жалобы и споры. Крестьяне, лишившіеся части своего надѣла, относятся всегда къ подобнымъ распоряженіямъ схода, какъ акту величайшей несправедливости, такъ какъ, согласно правовымъ ихъ воззрѣніямъ, они не могутъ признать правомѣрнымъ отобраніе отъ нихъ почти выкупленной ими земли для предоставленія ея въ пользованіе такимъ лицамъ, которыя не принимали никакого участія во взносѣ лежавшихъ на этой землѣ выкупныхъ платежей. Всѣ эти факты, вопреки мнѣнію коммиссіи, указываютъ съ полною очевидностью, что не общность, а полная раздѣльность правъ на землю признается крестьянами единственно справедливою и цѣлесообразною основою ихъ быта.

Такое заключеніе нисколько не опровергается тѣмъ обстоятельствомъ, что, несмотря на предоставленное крестьянамъ право, они лишь въ рѣдкихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ передѣлу общинныхъ земель на подворные участки. Для объясненія этого факта необходимо имѣть въ виду тѣ трудности, съ которыми сопряженъ такой раздѣлъ общинныхъ земель. Въ виду

различія качества почвы и иныхъ условій, коими опредѣляется цѣнность отдѣльныхъ земельныхъ участковъ, даже въ тѣхъ случахъ, когда имѣніе принадлежитъ двумъ или тремъ собственникамъ, проходитъ обыкновенно много времени, прежде чѣмъ совладѣльцы придутъ между собою къ соглашенію относительно раздѣла, при чемъ нерѣдко за невозможностью добровольнаго по этому предмету соглашенія раздѣлъ производится судебнымъ порядкомъ. Если таковы затрудненія, съ которыми приходится встрѣчаться при раздѣлѣ такого даже имѣнія, которое принадлежитъ немногимъ совладѣльцамъ, то легко себѣ представить тѣ трудности, которыя предстоитъ побороть крестьянамъ для раздѣла ихъ общаго надѣла на нѣсколько десятковъ или на нѣсколько сотъ равноцѣнныхъ участковъ, одинаково пригодныхъ для веденія на нихъ крестьянскаго хозяйства. Какъ бы ни были справедливы выработанныя для раздѣла основанія, въ обществѣ всегда найдется значительное число лицъ, для которыхъ предположенный раздѣлъ покажется невыгоднымъ, и, такъ какъ для дѣйствительности приговора о раздѣлѣ на подворные участки требуется большинство двухъ третей всѣхъ домохозяевъ, то при такихъ условіяхъ осуществленіе раздѣла представляется фактически невозможнымъ. Если бы однако вмѣсто тѣхъ преградъ, которыя ставились до сихъ поръ отдѣльнымъ крестьянамъ въ ихъ стремленіи къ выдѣлу изъ общиннаго владѣнія, законъ оказывалъ нѣкоторое покровительство такимъ крестьянамъ и облегчалъ бы имъ ихъ задачу, то едва-ли могутъ возникнуть какія-либо сомнѣнія въ томъ, что во многихъ мѣстностяхъ Имперіи объ общинномъ владѣніи сохранились бы нынѣ одни лишь воспоминанія».....

„*С.-Петербургскія Вѣдомости*“ (*№ 185, 1904 г.*) *Г. Еропкинъ въ статьѣ «Пересмотръ положенія о крестьянахъ въ губернскихъ совѣщаніяхъ»*, касаясь вопроса о хуторскомъ хозяйствѣ, высказываетъ, что... «не входя... въ разсмотрѣніе цѣлесообразности и практической необходимости хуторскаго хозяйства на отрубныхъ участкахъ въ размѣрѣ 5—6 десятинъ и даже менѣе того, такъ какъ въ огромномъ большинствѣ общинъ центрально-черноземнаго района большаго количества земельнаго надѣла на средній типичный дворъ и не приходится», нельзя не обратить вниманія «на юридическую несостоятельность предположенія (о принудительномъ выдѣленіи изъ состава общинныхъ земель отдѣльныхъ отрубныхъ участковъ), идущаго въ полный разрѣзъ съ провозглашеннымъ принципомъ ненарушимости общиннаго землевладѣнія. Если Манифестомъ 26 февраля 1903 г. и Вы-

сочайшимъ повелѣніемъ 8 января 1904 года признана ненарушимость общины, то этимъ самымъ подтверждено основное начало существующаго законодательства, признающаго общину за юридическое лицо, снабженное извѣстными правами, въ томъ числѣ главнѣйшимъ образомъ правами собственности на отведенный общинѣ надѣлъ и правами самостоятельнаго распоряженія симъ надѣломъ. Для выраженія своей воли община по существующему законодательству снабжена особымъ органомъ—мірскимъ сходомъ, которому по закону и принадлежитъ право распоряженія поземельною собственностью общины, какъ юридическаго лица. Такимъ образомъ, вводя новое начало принудительнаго выдѣла земельныхъ участковъ отдѣльнымъ домохозяевамъ вопреки желанія и воли міра, проектъ тѣмъ самымъ нарушаетъ наисущественнѣйшія права поземной общины, нарушаетъ неприкосновенность общины, провозглашенную и предуказанную въ (настоящей) работѣ съ высоты Престола. То обстоятельство, что Высочайшимъ Манифестомъ, на ряду съ сохраненіемъ общины, высказано пожеланіе объ облегченіи условій выхода изъ этой общины отдѣльнымъ членамъ, вовсе не означаетъ и не можетъ означать никакой связи между свободой выхода изъ общины и свободой выдѣла общиннаго надѣла: жестоко было бы приковать крестьянина къ надѣлу, не разрѣшая ему свободнаго выбора занятій, но не менѣе жестоко и обезземеливать общину насильственнымъ расхищеніемъ ея законныхъ правъ собственности. Это положеніе съ юридической стороны настолько безспорно, что не допускаетъ двухъ рѣшеній: что нибудь одно: или община, или разрушеніе ея свободнымъ выдѣломъ надѣловъ, но утверждать послѣднее, значитъ нарушать Высочайшее повелѣніе».....

Въ статьѣ „*Крестьянскій вопросъ*“, помѣщенной въ *№ 5 за 1904 г. газеты „Право“*, авторъ ея, *г. Пѣшехоновъ*, разбирая принципы, положеные въ основаніе пересмотра законодательства о крестьянахъ—сословную обособленность крестьянъ, неотчуждаемость крестьянскихъ надѣловъ и охраненіе основныхъ формъ крестьянскаго землепользованія — высказываетъ рядъ взглядовъ, которые удобнѣе могутъ быть переданы при изложеніи ихъ въ послѣдовательности, принятой самимъ авторомъ.—

Поэтому они и не разнесены по соотвѣтствующимъ предыдущимъ главамъ настоящей книги.

Высочайшимъ повелѣніемъ о томъ, чтобы пересмотръ законодательства о крестьянахъ совершался на почвѣ основныхъ началъ Положеній 19 февраля 1861 г. и представлялъ дальнѣйшее ихъ развитіе..... «предпринимаемая реформа совершенно опредѣленно ставится въ непосредственную связь съ преобразованіями 1861 г. .... И трудно было бы найти для нея другой, такой же популярный въ общественной средѣ лозунгъ. Завершить преобразованія 1861 г. въ духѣ основныхъ ихъ началъ—это завѣтная мечта всѣхъ передовыхъ общественныхъ дѣятелей послѣднихъ сорока лѣтъ..... Совершенно ясная формула можетъ, однако, какъ оказывается, породить очень серьезныя недоразумѣнія. Въ чемъ, въ самомъ дѣлѣ, заключаются главныя начала реформы 1861 г. и въ какомъ именно направленіи необходимо завершить ее? Двухъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ, казалось бы, не можетъ быть. Освободить крестьянина и сдѣлать его свободнымъ и полноправнымъ гражданиномъ русской земли—вотъ что являлось главною цѣлью крестьянской реформы въ политическомъ отношеніи. Обезпечить экономическую независимость трудящихся массъ—вотъ главная задача ея въ соціально-экономической сферѣ. Свобода, равноправность и экономическая независимость — таковы основные принципы, таковы главныя начала крестьянской реформы. Это и было то новое, что она стремилась внести въ русскую жизнь, въ этомъ и заключается весь смыслъ «преобразованія».

Указанныя основныя начала не были, однако, вполнѣ развиты въ актахъ освободительной эпохи, и крестьянская реформа дѣйствительно осталась не завершенной. Фактически она опредѣлилась, какъ компромиссъ между старымъ крѣпостнымъ порядкомъ и новымъ свободнымъ строемъ. Она не охватила всей жизни ни вширь, ни вглубь. Старыя начала уцѣлѣли и надолго, до сего дня во многихъ отношеніяхъ сохранили свою силу. Прежде всего свобода, которую получила страна, была далеко не полной. Крайне важныхъ въ данномъ случаѣ взаимныхъ отношеній личности и государства реформа въ существенной ихъ части почти не затронула. Власть помѣщика была уничтожена, но принудительный авторитетъ государства сохранилъ надъ личностью почти всю свою силу; царившій въ странѣ помѣщичій произволъ уступилъ мѣсто не правовому порядку, а административному

усмотрѣнію; общественной самодѣятельности съ самаго начала была отведена роль очень скромная, потомъ еще болѣе суженная; въ странѣ по прежнему сохранились два рода людей: опекающіе и опекаемые. Освобожденное крестьянство раздѣлило въ этихъ отношеніяхъ участь остальныхъ сословій, но его доля, несомнѣнно, была тяжелѣе всѣхъ. Оно не получило даже тѣхъ правъ, которыми пользовались другіе. Не только свобода, но и равноправность въ русской землѣ осталась неосуществленною. Крестьяне составили особое сословіе, ограниченное въ правахъ имущественныхъ, въ правѣ передвиженія, въ правѣ на образованіе; даже физической неприкосновенности крестьянину до сихъ поръ не даровано..... Крестьянство не только лишено многихъ правъ, но и до нельзя стѣснено въ защитѣ тѣхъ, которыя имѣетъ. Значительная часть крестьянскихъ отношеній регулируется - не судомъ, а административными учрежденіями. Самый судъ дл крестьянъ установленъ иной, чѣмъ для привиллегированныхъ сословій, и въ немъ теперь нѣтъ даже тѣни независимости... Въ экономической сферѣ крестьянская реформа 1861 г. оказалась, быть можетъ, еще менѣе совершенной.

Правда, крестьяне были освобождены съ землей, но отведенные имъ надѣлы были совершенно недостаточны для того, чтобы обезпечить ихъ быть и экономическую независимость. Съ самаго начала они были поставлены такимъ образомъ въ положеніе подневольныхъ батраковъ и вынужденныхъ арендаторовъ. Право и на этотъ, по имени лишь «свободный», трудъ они должны были еще выкупить. Для фиска крестьяне надолго остались «податнымъ сословіемъ», и по сей день на ихъ плечахъ лежитъ главная тяжесть государственнаго бюджета.

Кромѣ того, они особо должны оплачивать сельскую полицію и низшую администрацію. На нихъ же легло бремя натуральныхъ повинностей. Экономическія отношенія крестьянства при такихъ условіяхъ въ значительной мѣрѣ сохранили крѣпостной характеръ...

«Положенія» 1861 года, конечно, отразили въ себѣ компромиссный характеръ реформы и въ нихъ можно найти два рода началъ: зачатки свободы и остатки крѣпостничества, начала гражданской равноправности и сословнаго неравенства, освобожденія труда и его эксплоатаціи... Какія же изъ названныхъ началъ должны быть положены въ основу новаго преобразованія? Должна ли проектируемая реформа расширить и упрочить свободу въ русской землѣ, или же задача ея состоитъ въ томъ, чтобы укрѣ-

пить, если не усилить, власть принудительнаго авторитета? Должна ли она стереть сословныя различія или же, напротивъ, должна санкціонировать крестьянское безправіе и его сословную обособленность. Должна ли она расширить прежнія и создать новыя гарантіи экономической свободы для трудящихся массъ или же подновить лишь обветшавшія формы ихъ эксплоатаціи».

Указывая далѣе, что редакціонная коммиссія въ основаніе своихъ проектовъ полагаетъ «обособленость крестьянскаго сословія и установленный въ соотвѣтствіи съ этимъ особый порядокъ управленія крестьянами»,— авторъ приходитъ къ заключенію, что «Коммиссія рѣшительно становится на сторону старыхъ, а не новыхъ началъ русской жизни, кодифицированныхъ въ положеніяхъ 1861 г., чѣмъ почти предрѣшается характеръ и направленіе проектированной ею реформы». Останавливаясь засимъ на соображеніяхъ, которыми руководилась коммиссія, авторъ говоритъ, между прочимъ: ...«Попеченіе о крестьянскомъ населеніи, несомнѣнно, составляетъ не только право, но и важнѣйшую обязанность русской государственной власти. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ безусловно согласиться съ соображеніями коммиссіи. „Законъ и правительство,—говоритъ она,—могутъ и обязаны наблюдать, чтобы предпріимчивость и пріобрѣтательная способность не развивались за счетъ такого источника, который имѣетъ особое, болѣе обширное, общегосударственное значеніе служить основой существованія народныхъ массъ. Послѣднія заключаютъ въ своей средѣ множество слабыхъ элементовъ, не имѣющихъ достаточно силы и прочности, чтобы устоять противъ натиска на нихъ людей, одаренныхъ большею энергіею, а иногда и большею неразборчивостью въ средствахъ къ достиженію ими намѣченныхъ задачъ“. Оградить трудящіяся массы отъ этого натиска — вотъ одна изъ главныхъ задачъ, какія стоятъ передъ государствомъ, вотъ важнѣйшая цѣль для его попечительныхъ заботъ. Было бы неправильно, однако, попеченіе приравнивать къ опекѣ, т. е. отъ грамматическаго сходства этихъ словъ умозаключать къ тождеству ихъ государственнаго смысла и значенія...

Попеченіе можетъ отливаться въ самыя разнообразныя формы и въ сферѣ государственной жизни, какъ дознано уже опытомъ, наиболѣе плодотворной изъ нихъ оказывается та, которая стремится развить самодѣятельность трудящихся массъ. Надзоръ въ современномъ обществѣ, конечно, нуженъ, но вовсе не за тѣмъ, кто въ соціальной борьбѣ является стра-

дающимъ элементомъ... Вѣдь, если въ городѣ имѣются подозрительныя личности, то надзоръ учреждается за ними, а не тѣми, кто можетъ ими быть обокраденъ или ограбленъ. И въ сферѣ соціальныхъ отношеній, надзоръ возможенъ и необходимъ лишь за тѣми, кто дѣлаетъ „натискъ", кто „неразборчивъ въ средствахъ", кто покушается на „источникъ существованія народныхъ массъ". Въ этомъ направленіи предстоитъ такъ много неотложнаго дѣла, что государству есть надъ чѣмъ поработать, есть что реформировать.

Редакціонная коммиссія основную задачу государственнаго попеченія о народныхъ массахъ считаетъ возможнымъ осуществить въ совершенно другой формѣ. Она полагаетъ необходимымъ установить надзоръ за рядовымъ крестьянствомъ, за массой, „а людямъ, одареннымъ большею энергіею", предоставить полную возможность, перейдя въ ряды другихъ сословій, „расправить свои крылья". Съ извѣстной точки зрѣнія эта мысь можетъ показаться очень соблазнительной. Неравносильные въ соціальномъ отношеніи элементы будутъ, такимъ образомъ, казалось бы, совершенно другъ отъ друга изолированы, и самая возможность борьбы между ними могла бы поэтому считаться устраненною. Но представлять себѣ дѣло такъ, это значитъ считаться съ одною только, съ личною лишь формою „натиска" и упускать изъ виду другія несравненно болѣе важныя формы эксплуатаціи, а именно групповыя, т. е. сословныя или классовыя. Изолировать другъ отъ друга сословія, конечно, невозможно, и борьба между ними, пока они существуютъ, неизбѣжна. Само собой понятно, что „натискъ" однихъ изъ нихъ на другія будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ неравномѣрнѣе будутъ распредѣлены между ними „индивидуально-сильныя", „умственно переросшія крестьянскій міръ" личности. Не трудно предусмотрѣть результаты попеченія въ проектированной коммиссіей формѣ, если бы таковая дѣйствительно оказалась осуществленной. Масса рядового крестьянства была бы вынуждена неопредѣленно долгое время оставаться въ „исконной однообразной обстановкѣ жизни", въ „сознаніи своей зависимости отъ внѣшнихъ силъ", а всѣ другія сословія продолжали бы столь же неопредѣленно долгое время за счетъ ея „неустаннаго, упорнаго труда" развивать свои „пріобрѣтательныя способности"....

Вопросъ заключается, конечно, не только въ правовыхъ условіяхъ крестьянской жизни, но и въ той экономической обстановкѣ, въ какой находится крестьянское хозяйство. Реформа 1861 года поставила въ этомъ

направленіи достаточно опредѣленную цѣль. Выясняя ее, редакціонная коммиссія несравненно ближе подходитъ къ „главнымъ, одухотворяющимъ весь этотъ законодательный актъ началамъ“, чѣмъ въ правовой сферѣ. „Главнѣйшей изъ этихъ основъ, — говоритъ она, — несомнѣнно было созданіе сельскаго населенія обезпеченнаго въ своихъ насущныхъ потребностяхъ особымъ, дарованнымъ ему для сего земельнымъ фондомъ. Само собою разумѣется, что обстоятельство это, силою вещей, вызываетъ необходимость закрѣпленія этого фонда на вѣчныя времена за тѣмъ сословіемъ, обезпеченіемъ существованія коего онъ долженъ явиться“. „Приравнивать надѣльныя земли къ частной земельной собственности, - говоритъ коммиссія далѣе,—очевидно, нельзя, хотя бы въ силу того обстоятельства, что при ихъ отводѣ имѣлись въ виду не частные интересы отдѣльныхъ лицъ, а неизмѣримо болѣе широкія обще-государственныя цѣли. Стремленіе достичь ихъ вполнѣ оправдываетъ надзоръ и вмѣшательство государства въ дальнѣйшія судьбы надѣльныхъ земель“....

Во избѣжаніе недоразумѣній, авторъ считаетъ необходимымъ «ближе и точнѣе опредѣлить соціально-экономическія задачи крестьянской реформы 1861 г. Признавая за крестьянами право на землю, послѣдняя—говоритъ онъ вовсе не задавалась цѣлью создать новую сословную привиллегію. Это было—робкое, конечно, и неполное,—признаніе правъ трудящихся на средства производства, а не провозглашеніе чьихъ-либо новыхъ правъ на нихъ по рожденію. Если надѣленіе землею получило сословный характеръ, то на это были, конечно, свои причины. Прежде всего, крестьяне являлись въ то время единственнымъ классомъ трудящихся въ сферѣ земледѣльческаго производства, и вполнѣ естественно поэтому, что общественная мысль, рѣшая практическую задачу, считалась лишь съ ихъ интересами. Кромѣ того, реформа, какъ было уже упомянуто, оказалась безсильной до основанія разрушить сословныя перегородки, въ которыхъ протекла народная жизнь, и опять-таки вполнѣ понятно поэтому, что общественная мысль, рѣшая земельный вопросъ, считалась съ ихъ уцѣлѣвшими остатками. Теперь мы должны идти дальше, считаясь уже съ новыми условіями, какія возникли въ жизни, и прежде всего, съ тѣмъ крайне важнымъ обстоятельствомъ, что сословныя дѣленія далеко не совпадаютъ уже съ классовой группировкой, какая свойственна современному обществу. Поэтому задача, стоявшая передъ дѣятелями освободительной эпохи, сохраняя ту же сущность, должна быть нѣсколько видоизмѣнена въ своей формѣ.

Чтобы завершить земельныя преобразованія 1861 г. въ духѣ основныхъ началъ, необходимо закрѣпить землю не за тѣмъ или инымъ сословіемъ, хотя бы въ массѣ своей оно и являлось представителемъ трудового начала, а за всѣми трудящимися, въ какой бы средѣ они ни родились. Задача должна быть видоизмѣнена и въ своемъ объемѣ. Едва ли нужно говорить даже, что владѣніе землей само по себѣ вовсе не составляетъ какого либо блага; тѣмъ меньше могутъ считаться благомъ тѣ обрѣзанные и обставленные западнями надѣлы, какіе достались въ 1861 г. крестьянамъ. Поэтому основная цѣль надѣленія землею заключалась, конечно, не въ томъ, чтобы предоставить каждому крестьянину «на правѣ собственности» клочекъ земли, а въ томъ, чтобы обезпечить ему «свободный трудъ»—этотъ «залогъ его домашняго благополучія и блага общественнаго». Между тѣмъ, эта то цѣль и оказалась неосуществленною, въ этомъ-то направленіи и предстоитъ продолжать начатыя сорокъ лѣтъ тому назадъ преобразованія. Редакціонная коммиссія признаетъ наличность въ современной жизни „многихъ существенныхъ препятствій къ полному развитію индивидуальныхъ способностей отдѣльныхъ крестьянъ, къ болѣе совершенному использованію ими производительныхъ силъ почвы. Существующіе въ этомъ отношеніи тормазы . . . заключаются, по ея мнѣнію, въ тѣхъ матеріальныхъ препятствіяхъ, которыя встрѣчаются на этомъ пути крестьянами“.

Въ своемъ «Очеркѣ» коммиссія удѣляетъ довольно много мѣста этому предмету, но почти не выходитъ изъ круга чисто формальныхъ условій и, въ концѣ концовъ, останавливается на наименѣе важномъ изъ нихъ.

Для того, чтобы увеличить зажиточность земельнаго крестьянства и лучше использовать производительныя силы почвы, она видитъ лишь одно средство, а именно: „уничтоженіе дробности и черезполосности отдѣльныхъ крестьянскихъ полосъ, сведеніе владѣній каждаго двора въ одинъ отрубной участокъ, словомъ переходъ къ хуторскому хозяйству, при коемъ дѣйствительно каждый отдѣльный владѣлецъ можетъ свободно въ хозяйственномъ отношеніи распоряжаться всей состоящей въ его пользованіи землей и примѣнять къ ней тѣ сельско-хозяйственные пріемы, которые представляются наиболѣе соотвѣтствующими уровню его культурнаго развитія“. Но и этотъ выходъ для крестьянской массы коммиссія, въ концѣ концовъ, признаетъ для настоящаго времени невозможнымъ и даже нецѣлесообразнымъ. Такимъ образомъ вопросъ объ упроченіи экономическаго положенія крестьянства оставленъ ею въ сущности открытымъ и самая задача въ

этомъ отношеніи признана какъ бы неразрѣшимой. Къ другому выводу при тѣхъ рамкахъ, какими коммиссія ограничила свою задачу, а стало быть, и всю реформу, она и не могла придти. Весь вопросъ, какъ она думаетъ, заключается лишь „въ новомъ соображеніи собственно крестьянскаго законодательства, т. е. тѣхъ законовъ, которые опредѣляютъ внутренніе распорядки крестьянской жизни". Между тѣмъ, причины крестьянскаго разоренія лежатъ совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Центръ тяжести крестьянскаго вопроса, будемъ ли мы смотрѣть на него съ политической или экономической точки зрѣнія, лежитъ отнюдь не во „внутреннихъ распорядкахъ крестьянской жизни", а въ отношеніяхъ къ крестьянству и вообще къ трудящимся массамъ государства и другихъ классовъ.

Сороколѣтній опытъ далъ въ этомъ отношеніи много поучительнаго. За это время съ несомнѣнностью выяснилось, что произведенное въ 1861 г. надѣленіе крестьянъ землею, какъ бы ни вмѣшивались въ распоряженіе ими ею, ни въ коемъ случаѣ не можетъ обезпечить ихъ экономической независимости. Для того, чтобы крестьянинъ получилъ возможность развить свои индивидуальныя способности и использовать производительныя силы почвы, дѣйствительно необходимо измѣнить прежде всего матеріальныя условія, въ которыя поставленъ его трудъ и его хозяйство. Для этого же необходимъ цѣлый рядъ реформъ, далеко выходящихъ за предѣлы внутреннихъ отношеній между крестьянами. Для этого необходимо въ корнѣ реформировать податную систему, радикально измѣнить экономическую политику государства, пріостановить ростъ, если не сократить размѣры его теперяшняго, истощающаго страну, бюджета. Прежде же всего и, быть можетъ, важнѣе всего въ данномъ случаѣ измѣнить условія крестьянскаго землепользованія. Задача въ этомъ отношеніи состоитъ въ томъ, чтобы осуществить принципъ, легшій въ основу надѣленія крестьянъ землею, и дѣйствительно обезпечить ею тѣхъ, кто на ней трудится. Для этого же необходимо прежде всего расширить размѣры и облегчить условія крестьянскаго землепользованія. Само собой понятно, что въ рамкахъ надѣльнаго землепользованія эта задача неразрѣшима. Реформа должна охватить поэтому весь земельный строй страны и прежде всего тѣ явно ненормальныя отношенія, которыя установились въ сферѣ внѣ-надѣльнаго крестьянскаго землепользованія. При такомъ взглядѣ на реформу пріобрѣтаютъ серьезное значеніе и тѣ формальныя условія, которыми опредѣляется характеръ аграрныхъ отношеній въ странѣ. Редак-

діонная коммиссія вопросъ о формахъ землевладѣнія признала безразличнымъ. При ея точкѣ зрѣнія такое именно отношеніе къ данному вопросу представляется, можетъ быть, единственно правильнымъ. Въ самомъ дѣлѣ: хуторское хозяйство, въ которомъ она видѣла выходъ, въ будущемъ одинаково возможно, а въ настоящее время въ равной мѣрѣ неосуществимо и при общинномъ, и при подворномъ землевадѣніи. Если коммиссія высказалась за сохраненіе общины, то единственно изъ нежеланія прибѣгать къ „коренной насильственной ломкѣ существующаго у крестьянъ порядка землепользованія", такъ какъ эта „мѣра не только не встрѣтила бы сочувствія со стороны крестьянъ, она, наоборотъ, вызвала бы противодѣйствіе съ ихъ стороны". „Задача законодателя, по мнѣнію коммиссіи, должна состоять.... главнымъ образомъ въ предоставленіи сельскому населенію всѣхъ средствъ къ сознательному, по собственному почину какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ обществъ, переходу къ болѣе совершеннымъ способамъ использованія ихъ земельныхъ богатствъ". Такая же точка зрѣнія на данный вопросъ свойственна, какъ извѣстно, и нашему патентованному либерализму. Едва ли, однако, она можетъ быть признана правильною. Компромиссъ, какой сложился въ аграрномъ строѣ русскаго государства вѣчно существовать не можетъ. Жизнь требуетъ движенія, и мы должны будемъ пойти въ сторону личной или коллективной собственности на землю. Было бы опасно, однако, рѣшеніе этого вопроса предоставлять собственному почину „отдѣльныхъ лицъ" и даже цѣлыхъ „сельскихъ обществъ".

Это значило бы, въ сущности, предоставить полную свободу для того „натиска", о которомъ пришлось уже говорить выше. Государство и въ этомъ случаѣ обязано встать на защиту трудящихся массъ отъ тѣхъ элементовъ, которые пожелали бы за ихъ счетъ развить свои пріобрѣтательныя способности. Крестьянскій вопросъ—это не только большой, это огромный вопросъ и отъ него нельзя отдѣлаться, тѣми или иными передѣлками въ спеціально крестьянскомъ законодательствѣ. Въ немъ заинтересованы всѣ слои населенія; чтобы рѣшать его, нужно затронуть интересы всѣхъ классовъ, всѣхъ сословій.

Къ этому великому дѣлу обновленія русской жизни необходимо поэтому призвать весь народъ, всѣ имѣющіяся въ странѣ силы».

Объемъ пересмотра законодательства о крестьянахъ.

Выяснивъ причины, по коимъ коренныя начала дѣйствующаго законодательства о крестьянахъ подлежатъ дальнѣйшему охраненію, и обратившись къ опредѣленію объема предстоящаго законодательнаго труда..... «редакціонная коммиссія приняла во вниманіе, что заключающіяся въ особомъ приложеніи къ IX тому свода законовъ узаконенія о сельскомъ состояніи дѣлятся на двѣ рѣзко различныя части. Одна изъ нихъ, по смыслу и значенію содержащихся въ ней правилъ, разсчитана на постоянное дѣйствіе, не ограниченное какимъ либо срокомъ или достиженіемъ опредѣленной цѣли. Другая, наоборотъ, имѣетъ лишь временный характеръ, такъ какъ предназначена развязать вѣковыя отношенія между помѣщиками и ихъ бывшими крѣпостными людьми, а равно завершить поземельное устройство крестьянъ. Эта вторая часть крестьянскаго законодательства съ каждымъ годомъ все болѣе утрачиваетъ свое практическое значеніе и по выполненіи своей особливой преходящей задачи, очевидно, превратится въ историческій памятникъ былаго законодательства.

Къ указанной второй части дѣйствующихъ о крестьянахъ узаконеній относятся: положеніе о выкупѣ (книга II особаго приложенія), а равно правила о поземельномъ устройствѣ крестьянъ и поселянъ разныхъ наименованій, водворенныхъ на владѣльческихъ земляхъ (кн. IV) и на земляхъ казенныхъ (кн. V).

Первое изъ приведенныхъ законоположеній, опредѣляющее основанія, ходъ и послѣдствія выкупной операціи, съ близящимся окончаніемъ выкупного процесса совершенно перестанетъ дѣйствовать. Равнымъ образомъ, утратитъ силу и значеніе большинство правилъ, заключающихся въ положеніяхъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, такъ какъ они направлены къ опредѣленію взаимныхъ отношеній помѣщиковъ и временно-обязанныхъ крестьянъ и къ установленію основаній поземельнаго устройства послѣднихъ. Изъ этихъ цѣлей первая въ настоящее время вполнѣ достигнута, вторая близка къ окончательному осуществленію

При такихъ условіяхъ редакціонная коммиссія нашла, что перечисленныя узаконенія нынѣ, очевидно, не могутъ подлежать измѣненію. Исключеніе должны составить лишь нѣкоторыя изъ заключающихся въ упомянутыхъ мѣстныхъ положеніяхъ правила, какъ, напримѣръ, включенныя въ отдѣлы «о надѣлѣ» и «о пользованіи землею и другими угодьями» и опредѣляющія существо и пространство правъ крестьянъ на отдѣльные виды надѣльной земли и способы пользованія ею. Узаконенія эти, несомнѣнно, имѣютъ длительный характеръ и, слѣдовательно, должны быть приняты во вниманіе и пересмотрѣны при разработкѣ новыхъ, касающихся крестьянскаго землепользованія правилъ.

Обращаясь, засимъ, къ тому отдѣлу крестьянскаго законодательства, который имѣетъ значеніе органическое и долженъ дѣйствовать въ теченіе неопредѣленнаго срока, коммиссія нашла, что и въ немъ заключаются такія законоположенія, которыя не подлежатъ въ настоящее время пересмотру. Къ таковымъ несомнѣнно относятся всѣ положенія о крестьянскихъ установленіяхъ (книга III). Дѣйствительно возложенный на коммиссію трудъ заключается въ новомъ соображеніи собственно крестьянскаго законодательства, т.-е. тѣхъ законовъ, которые устанавли-

ваютъ пріемы управленія крестьянами и характеръ правительственнаго надзора за сословными крестьянскими учрежденіями и возникающими въ крестьянской средѣ отдѣльными явленіями.

За исключеніемъ всѣхъ указанныхъ отдѣльныхъ, входящихъ въ особое приложеніе къ IX тому свода законовъ, законоположеній, остается собственно общее положеніе о крестьянахъ, соединяющее въ себѣ опредѣленіе всѣхъ сторонъ крестьянской общественной жизни. Слѣдовательно, именно на этомъ положеніи и должны сосредоточиться труды коммиссіи.

Переходя, въ виду сего, къ ближайшему разсмотрѣнію вопросовъ, охваченныхъ названнымъ общимъ положеніемъ, редакціонная коммиссія признала, что и въ этой части дѣйствующаго крестьянскаго законодательства заключаются отдѣлы, не входящіе въ кругъ возложенной на нее задачи. Такъ, прежде всего, не подлежатъ пересмотру постановленія о правахъ крестьянъ личныхъ и по состоянію и о правахъ по имуществу. Постановленія эти, опредѣляя личную и имущественную правоспособность крестьянъ, всецѣло опираются на общія начала нашего законодательства гражданскаго (ч. I т. X св. зак.) и о состояніяхъ (т. IX св. зак.) и при этомъ не устанавливаютъ какихъ-либо исключительныхъ для крестьянъ ограниченій и изъятій. Тѣсная связь означенныхъ постановленій съ общимъ нашимъ законодательствомъ уже сама по себѣ не допускаетъ возможности ихъ спеціальнаго по отношеніи къ крестьянамъ пересмотра.

Равнымъ образомъ, по мнѣнію коммиссіи, не подлежитъ пересмотру и тотъ раздѣлъ общаго положенія о крестьянахъ, который касается казенныхъ сборовъ и земскихъ повинностей. Раздѣлъ этотъ содержитъ въ себѣ главнымъ образомъ Высочайше утвержденное 23-го іюня 1899 года положеніе о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель

сельскихъ обществъ, коимъ уже внесены существенныя улучшенія въ этой области крестьянской общественной жизни, при чемъ дальнѣйшее ея упорядоченіе обезпечено мѣропріятіями, связанными съ отмѣной круговой поруки».... (Тр. т. I, стр. 28—31).

Изложенныя соображенія ред. коммиссіи вызвали нижеслѣдующія возраженія въ печати:

Въ „Вѣстникѣ Европы“ (августъ, 1904 г.) въ статьѣ „Редакціонная коммиссія по пересмотру положенія о крестьянахъ“ авторъ ея, г. Еропкинъ, говоритъ: Съ изложеннымъ..... «ограничительнымъ толкованіемъ предначертанной для коммиссіи работы врядъ ли возможно согласиться: не говоря уже о томъ, что оно противорѣчитъ буквальному тексту Высочайшаго повелѣнія, предусматривающаго пересмотръ крестьянскихъ узаконеній «на почвѣ основныхъ началъ Положеній 19-го февраля 1861 года», а не одного лишь Общаго Положенія о крестьянахъ,—оно не согласуется и съ общимъ смысломъ повелѣнія видоизмѣнить «тѣ изъ существующихъ узаконеній, недостатки коихъ выяснены опытомъ».

Ходъ предначертанныхъ этимъ повелѣніемъ работъ по ясности и опредѣленности, казалось бы, не оставляетъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ и произвольнымъ ограничительнымъ толкованіямъ: указанія опыта, одного лишь опыта, должны лечь въ основу предстоящихъ законодательныхъ видоизмѣненій; никакимъ умозрительнымъ заключеніямъ и абстрактнымъ выводамъ, не обоснованнымъ на указаніяхъ опыта, здѣсь не можетъ быть мѣста. А чѣмъ же, какъ не чисто абстрактнымъ выводомъ, и къ тому же мало обоснованнымъ, представляется, напр., рѣшеніе редакціонной коммиссіи оставить въ силѣ безъ всякихъ измѣненій всѣ Положенія о крестьянскихъ установленіяхъ (книга III).

Необоснованность и, такъ сказать, предвзятость подобнаго толкованія вполнѣ очевидны; ясно, что редакціонная коммиссія желаетъ изъять изъ сферы обсужденія отдѣлъ законодательства о крестьянскихъ учрежденіяхъ, не справляясь съ мнѣніями мѣстныхъ людей и указаніями опыта. Мы не хотимъ утверждать, что указанія эти были бы неблагопріятны для существующихъ крестьянскихъ учрежденій и порядка надзора за сельскимъ управленіемъ; болѣе чѣмъ вѣроятно, что мѣстные губернскіе комитеты въ ихъ большинствѣ, и по крайней мѣрѣ по отношенію къ основнымъ началамъ этого Положенія, высказались бы въ благопріятномъ смыслѣ и не

указали бы потребности въ какихъ-либо коренныхъ или существенныхъ здѣсь реформахъ. Но во всякомъ случаѣ ставить «вето» отъ имени редакціонной коммиссіи и вычеркивать изъ программы обсужденія, вопреки прямому смыслу и буквальному тексту Высочайшаго повелѣнія, весь отдѣлъ о крестьянскихъ учрежденіяхъ, въ то время какъ значительная часть общественнаго мнѣнія,—по скольку оно выражалось и въ земскихъ собраніяхъ, и въ трудахъ совѣщаній о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, и въ періодической печати,—полно жалобъ и неудовольствій по поводу констатированныхъ въ этой области случаевъ произвола, особенно въ предѣлахъ компетенціи участковыхъ земскихъ начальниковъ, — совершенно не соотвѣтствуетъ той «государственной пользѣ», которую имѣетъ въ виду цитируемое нами Высочайшее повелѣніе о пересмотрѣ Положеній о крестьянахъ.

Точка зрѣнія редакціонной коммиссіи, будто при реформахъ въ области крестьянскаго законодательства отнюдь не слѣдуетъ касаться крестьянскихъ учрежденій, врядъ ли логична и врядъ ли можетъ выдержать какую-либо критику, ибо цѣль существованія самыхъ крестьянскихъ учрежденій неразрывно связана съ крестьянскими интересами и только съ ними одними. Что сказали бы мы, если бы при пересмотрѣ, скажемъ, правилъ и порядковъ пассажирскаго или товарнаго движенія всѣ путейскіе, станціонные и другіе желѣзнодорожные агенты въ правахъ своихъ и обязанностяхъ, въ отношеніяхъ своихъ къ публикѣ, были изъяты отъ дѣйствія какихъ бы то ни было реформъ и видоизмѣненій, на томъ основаніи, что рѣчь идетъ лишь объ удовлетвореніи нуждъ самихъ пассажировъ и отправителей товаровъ, а отнюдь не объ органахъ, завѣдующихъ желѣзнодорожнымъ движеніемъ? Конечно, мы назвали бы такую аргументацію странной. Но она показалась бы всѣмъ намъ еще страннѣе, еслибы на изъятіи этомъ настаивали сами же господа желѣзнодорожные агенты. Приведенный нами примѣръ тѣмъ болѣе подходящъ къ разсматриваемому случаю, что редакціонная коммиссія, труды которой подлежатъ нашему разсмотрѣнію, въ порядкѣ подчиненности, всецѣло входитъ въ составъ того вѣдомства, которое именно и вѣдаетъ крестьянскими учрежденіями, выдѣленными изъ сферы обсужденія въ предпринятомъ пересмотрѣ законодательства о крестьянахъ.

Не станемъ подробно останавливаться на вопросѣ, насколько вообще идея участковыхъ земскихъ начальниковъ, въ качествѣ правительственной административно-судебной и попечительной власти, поставленной надъ

крестьянскимъ самоуправленіемъ, соотвѣтствуетъ началамъ Положенія 19-го февраля. Какъ извѣстно, Положеніе это не знало ни этой власти, ни этихъ правительственныхъ функцій. Редакціонная коммиссія полагаетъ, что именно въ отсутствіи попечительной и близкой къ населенію власти и заключался недостатокъ крестьянскаго законодательства, шедшаго во всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ ощупью „исключительно на почвѣ умозрительныхъ началъ отвлеченной теоріи, а отнюдь не въ соотвѣтствіи съ требованіями жизни", что единственно и объясняетъ „безуспѣшность производившихся въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка законодательныхъ работъ по этой части".

Мнѣнія коммиссіи въ настоящее время мы оспаривать не станемъ,— оно завело бы насъ слишкомъ далеко; напомнимъ лишь попутно, что законъ о передѣлахъ мірской земли, на который за послѣднее время, равно какъ и на законъ 18-го марта 1886 г. о семейныхъ раздѣлахъ, принято ссылаться, какъ на классическіе примѣры неудачныхъ законодательныхъ актовъ, съ чѣмъ вполнѣ соглашается и министерство внутреннихъ дѣлъ,— этотъ законъ изданъ 8-го іюня 1893 года, т.-е. болѣе чѣмъ черезъ четыре года послѣ учрежденія института участковыхъ земскихъ начальниковъ.

Итакъ, повторяемъ, что идея административно-судебной и попечительной власти надъ крестьянскимъ населеніемъ была совершенно чужда и не соотвѣтствовала основнымъ началамъ Положенія 19-го февраля. Повторяемъ также, что губернскіе комитеты по пересмотру Положеній о крестьянахъ современнаго намъ состава врядъ ли стали бы настойчиво проводить мысль объ этомъ несоотвѣтствіи; но во всякомъ случаѣ они могли бы и непремѣнно указали бы немало недостатковъ въ существующемъ законодательствѣ о крестьянскихъ учрежденіяхъ, требующихъ того или иного дополненія или видоизмѣненія; для примѣра достаточно указать хотя бы на невыполнимость возложенныхъ на земскихъ начальниковъ нѣкоторыхъ обязанностей, напр., по надзору за ссудо-сберегательными кассами и товариществами, особенно за сельскими банками, за опекунствами, за нравственнымъ преуспѣяніемъ крестьянъ, за дѣйствительнымъ распланированіемъ селеній и пр. Закрывать глаза на всѣ, указанные опытомъ, недостатки отдѣла законодательства о крестьянскихъ учрежденіяхъ значило бы прикрываться давно устарѣвшей формулой: все обстоитъ благополучно. Врядъ ли оно соотвѣтствовало бы, однако, задачѣ наилучшаго измѣненія крестьянскихъ узаконеній.

Обративъ исключительное вниманіе на несовершенства одного лишь Общаго Положенія о крестьянахъ, разсчитаннаго „на постоянное дѣйствіе, не ограниченное какимъ-либо срокомъ или достиженіемъ опредѣленной цѣли“, редакціонная коммиссія полагаетъ, что всѣ остальныя крестьянскія положенія, кромѣ отдѣла, трактующаго объ учрежденіяхъ, о чемъ мы только-что вели рѣчь, имѣютъ временный характеръ и предназначены „развязать вѣковыя отношенія между помѣщиками и ихъ бывшими крѣпостными людьми и завершить поземельное устройство крестьянъ. Эта часть крестьянскаго законодательства, по мнѣнію коммиссіи, съ каждымъ годомъ все болѣе утрачиваетъ свое практическое значеніе и по выполненію своей особливой, преходящей задачи, очевидно, превращается въ историческій памятникъ былого законодательства“; таковы: положенія о выкупѣ и о поземельномъ устройствѣ крестьянъ (книги II, IV и V).....

Думается намъ, что и это заключеніе коммиссіи основано на весьма спорныхъ „умозрительныхъ началахъ абстрактной теоріи, отнюдь не въ соотвѣтствіи съ требованіями жизни“, выражаясь словами самой же коммиссіи. Прежде всего, съ изданіемъ законовъ о пересрочкѣ выкупныхъ платежей, какъ извѣстно, срокъ окончанія выкупной операціи для сельскихъ обществъ, воспользовавшихся наибольшими льготами, отодвигается на 56 лѣтъ, т.-е. превосходитъ основной срокъ выкупа, установленный Положеніемъ о выкупѣ въ 49 лѣтъ (ст. 114 прежн. изд.); въ другихъ случаяхъ срокъ можетъ быть отодвинутъ на 41 годъ, на 28 лѣтъ;—наконецъ, для государственныхъ крестьянъ основной срокъ выкупа оканчивается лишь 1 января 1931 года,—періоды во всякомъ случаѣ настолько продолжительные, что о близящемся окончаніи выкупного процесса говорить пока еще не приходится; ибо если 56 лѣтъ считать такимъ незначительнымъ срокомъ, для котораго не стоитъ устанавливать никакого новаго законодательства, то съ еще большимъ основаніемъ необходимо было бы примѣнить это разсужденіе къ періоду въ 49 лѣтъ, составляющему основной срокъ выкупа надѣловъ, и такимъ образомъ Положеніе о выкупѣ могло бы и совершенно не появляться въ свѣтъ. Мы знаемъ, однако, какіе кардинальные вопросы крестьянскаго правопорядка трактуетъ Положеніе о выкупѣ; достаточно указать хотя бы на статьи 163 и 165 (прежн. изд.), являющіяся устоями всей нашей общинной формы землепользованія; на статьи 167, 169 и 170, устанавливающія основанія наслѣдованія, отчужденія и залога надѣльныхъ участковъ впредь до уплаты выкупной ссуды;

на всю главу, трактующую о переходѣ крестьянъ-собственниковъ въ другія общества и сословія. Нельзя не указать, далѣе, на несоотвѣтствіе процентовъ роста, уплачиваемаго отдѣльными группами и разрядами крестьянъ за пользованіе выкупными ссудами въ зависимости отъ сроковъ окончанія выкупа,—несоотвѣтствія, внесеннаго указанными уже нами законами о пересрочкѣ. Предъ нами, наконецъ, въ ближайшемъ же будущемъ стоитъ выкупная реформа въ смыслѣ половиннаго пониженія окладовъ выкупныхъ платежей для мѣстностей центральнаго района Имперіи,—все это такіе коренные вопросы, требующіе пересмотра и видоизмѣненія соотвѣтствующихъ частей Положенія о выкупѣ, что обходить ихъ молчаніемъ при пересмотрѣ всего вообще крестьянскаго законодательства положительно невозможно.

Редакціонная коммиссія полагаетъ, что указанные ею отдѣлы имѣютъ временное, преходящее значеніе и поэтому не заслуживаютъ никакого пересмотра. Но что же въ жизни нашей вообще не временно и не преходяще, и развѣ формы крестьянскаго самоуправленія, суда и землепользованія, развѣ органы и учрежденія крестьянскаго надзора имѣютъ болѣе постоянное значеніе? Гдѣ гарантія и чѣмъ поручится коммиссія, что еще до истеченія выкупной операціи формы эти и органы не претерпятъ самыхъ существенныхъ измѣненій? Стоитъ только вспомнить историческій ходъ событій въ этой области въ предѣлахъ послѣднихъ сорока лѣтъ послѣ отмѣны крѣпостной зависимости: сколько реформъ, нововведеній, видоизмѣненій, особенно по отношенію къ органамъ крестьянскихъ учрежденій!

А въ положеніяхъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, наконецъ, въ самомъ Общемъ Положеніи раздѣлы о правахъ крестьянъ личныхъ и по имуществу и о казенныхъ сборахъ и земскихъ повинностяхъ, нынѣ замѣненныхъ Высочайше утвержденнымъ положеніемъ 23 іюня 1899 г. о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель сельскихъ обществъ и закономъ 12 марта 1903 года объ отмѣнѣ круговой отвѣтственности,—развѣ и здѣсь «все обстоитъ благополучно»? Сама редакціонная коммиссія признаетъ необходимымъ пересмотръ тѣхъ частей мѣстныхъ положеній, „коими опредѣляются существо и пространство правъ крестьянъ на надѣльную землю“. Да этого и нельзя не признать, ибо этими-то именно частями и опредѣляются у крестьянъ порядокъ и форма ихъ землепользованія, ихъ общинное и ихъ подворное наслѣдственное владѣніе, т.-е. тѣ

именно основныя начала, которыя, по признанію коммиссіи, одухотворяютъ Положеніе 19 февраля.

Въ соотвѣтствующихъ указаніяхъ опыта нуждается и раздѣлъ законодательства о казенныхъ сборахъ и земскихъ повинностяхъ, во-первыхъ, уже по одному тому, что въ раздѣлѣ этомъ помѣщена глава и о мірскихъ повинностяхъ—область, совершенно еще не затронутая реформами крестьянскихъ узаконеній и самымъ тѣснѣйшимъ образомъ соприкасающаяся съ отдѣлами законодательства о сельскомъ и мірскомъ управленіи; крайняя необходимость и неизбѣжность пересмотра законодательства о мірскихъ повинностяхъ предустановлена Высочайшею властью еще при изданіи Положенія 23 іюня 1899 года. Во-вторыхъ, самое Положеніе 23 іюня вовсе не является такимъ законодательнымъ актомъ, завершеннымъ въ окончательной формѣ, надъ пересмотромъ и обсужденіемъ котораго было бы поставлено «вето». Достаточно указать на реформу 12 марта 1903 года, въ самомъ корнѣ измѣнившую всѣ основанія означеннаго Положенія, построеннаго, какъ извѣстно, на началахъ круговой отвѣтственности, и отмѣнившую большую половину его статей. Мало того, многія части этихъ двухъ законодательныхъ актовъ по духу своему доселѣ остаются несогласованными: какимъ образомъ, напримѣръ, можно согласовать принципъ личной отвѣтственности въ платежѣ повинностей съ отобраніемъ надѣла недоимщика сельскимъ обществомъ? А это послѣднее, будучи свободно отъ круговой поруки, почему оно обязано отвѣтствовать въ большей мѣрѣ, нежели каждый отдѣльный домохозяинъ, снимающій съ торговъ надѣлъ недоимщика по любой цѣнѣ внѣ всякой зависимости отъ суммы накопившихся на немъ недоимокъ,—тогда какъ общество, отбирающее надѣлъ, немедленно обязуется выплатить за своего нерадиваго члена всѣ числящіяся за нимъ недоимки? А продажа надѣльнаго участка земли подворно-наслѣдственнаго владѣнія съ торговъ за недоимки лицу любого сословія и за любую цѣну (третьи торги), хотя бы она и не покрывала собой накопившихся на участкѣ недоимокъ,—развѣ это соотвѣтствуетъ идеѣ неотчуждаемости надѣловъ? А въ обращеніи взысканія по недоборамъ и недоимкамъ домохозяина на заработки членовъ семьи, развѣ выдержанъ принципъ личной (а не семейной) отвѣтственности? Всѣ эти, какъ и многія другія, принципіальныя несогласія новыхъ податныхъ законовъ необходимо требуютъ дополненія и пересмотра.

Самая запутанность органовъ, вѣдающихъ взысканія окладныхъ

крестьянскихъ сборовъ, гдѣ искусственно переплетается компетенція податной инспекціи, земскихъ начальниковъ, волостныхъ властей и полиціи, настойчиво требуетъ болѣе строгаго разграниченія и распредѣленія. Цѣлесообразенъ ли, въ самомъ дѣлѣ, практикующійся нынѣ порядокъ взысканія повинностей, когда функціи податныхъ органовъ ограничены опредѣленными сроками и смѣняются поочередно, какъ бы по временамъ года: осенью и зимой дѣйствуютъ земскіе начальники; послѣ новаго года и весной выступаютъ податные инспектора. Развѣ такое сезонное распредѣленіе ролей можетъ соотвѣтствовать требованіямъ жизни? Почему осенней продажей движимости неисправныхъ плательщиковъ долженъ завѣдывать земскій начальникъ, а весенней—тѣхъ же самыхъ плательщиковъ—податной инспекторъ; почему объ отсрочкѣ недобора, накопившагося до новаго года, обязанъ хлопотать земскій начальникъ, а объ отсрочкѣ того же самаго недобора, перешедшаго за 1 января, заботится уже податной инспекторъ, и развѣ новый годъ самъ по себѣ способенъ вносить какое либо существенное различіе какъ въ экономическое положеніе плательщиковъ, такъ и въ мѣры взысканія неуплаченныхъ ими повинностей? Немудрено, что и сами податные органы путаютъ свои функціи, не соображаясь съ временами года.

Таковы указанія опыта на недостатки дѣйствующихъ законоположеній о крестьянахъ. Закрывать глаза на эти недостатки и спокойно взирать на нихъ, прикрываясь щитомъ абстрактной формулы о необходимости лишь *частичнаго* пересмотра *нѣкоторыхъ* отдѣловъ одного Общаго Положенія,—формулой, выведенной теоретически, кабинетнымъ способомъ, — не равносильно ли произвольному толкованію и ограниченію той задачи, которая предуказана Высочайшею властью?».....

„Русскія Вѣдомости“ въ рядѣ статей высказываютъ близкій къ изложенному (изъ Вѣстн. Евр.) взглядъ:

...«Редакціонная коммиссія министерства внутреннихъ дѣлъ—говоритъ газета (*№ 27, 1904 г.*)—пересматривавшая законодательство о крестьянахъ въ качествѣ первой подготовительной инстанціи, поставила свою задачу въ извѣстныя границы. Эти границы отнюдь не обязательны для губернскихъ совѣщаній. Но только тогда, когда будетъ опредѣленъ «порядокъ обсужденія» въ губернскихъ совѣщаніяхъ. можно будетъ сказать, будутъ ли совѣщанія имѣть фактическую возможность расширить задачи пересмотра. А это важно потому, что, оставаясь «на почвѣ основныхъ началъ Положенія 19-го фев-

раля 1861 года» и ставя цѣлью пересмотра «ихъ дальнѣйшее развитіе въ соотвѣтствіи съ выяснившимися на опытѣ дѣйствительными потребностями жизни въ сельскихъ мѣстностяхъ», можно, а въ иныхъ случаяхъ и слѣдуетъ, не замыкаться въ тѣ рамки, которыхъ придерживалась коммиссія Въ самомъ дѣлѣ, коммиссія признала, напримѣръ, излишнимъ пересмотръ Положенія о выкупѣ въ виду того, что этотъ отдѣлъ нашего законадательства о крестьянахъ „съ близящимся окончаніемъ выкупнаго процесса совершенно перестанетъ дѣйствовать". Но, во первыхъ, завершеніе выкупной операціи не такъ уже близко, чтобы признать даже вопросъ о „ходѣ" ея безразличнымъ или маловажнымъ, хотя бы потому, что въ правительственныхъ сферахъ въ настоящее время обсуждается проектъ пониженія выкупныхъ платежей, существенно мѣняющій „ходъ" выкупной операціи. Еще меньше основаній обойти при общемъ пересмотрѣ законодательства о крестьянахъ вопросъ о „послѣдствіяхъ" выкупа, разъ пересмотру подлежатъ между прочимъ и дѣйствующія правила о поземельныхъ отношеніяхъ крестьянъ. Если Положеніе о выкупѣ въ виду яко-бы близящейся развязки выкупной операціи дѣйствительно, какъ говорится въ оффиціальномъ сообщеніи, остается незатронутымъ министерскими законопроектами, то, стало-быть, осуществленіе важнѣйшей части послѣднихъ отсрочивается не на одинъ десятокъ лѣтъ, а это обстоятельство можетъ въ корнѣ измѣнить отношеніе къ самымъ проектамъ. Другой примѣръ необходимости вывести на мѣстахъ обсужденіе вопроса о крестьянской реформѣ изъ граней, отмежеванныхъ для него редакціонною коммиссіей, дастъ принятое ею совершенно произвольное исключеніе изъ состава дѣйствующаго законодательства о крестьянахъ цѣлаго отдѣла его, признаваемаго ею органическимъ, именно,—Положенія объ установленіяхъ завѣдующихъ крестьянскими дѣлами. Такое ограниченіе пересмотра опирается на предположеніе, будто задача редакціонной коммиссіи сводится къ „новому соображенію *собственно* крестьянскаго законодательства, т. е. тѣхъ законовъ, которые опредѣляютъ внутренніе распорядки крестьянской жизни, а отнюдь не тѣхъ, которые устанавливаютъ пріемы управленія крестьянами и характеръ правительственнаго надзора за сословными крестьянскими учрежденіями и возникающими въ крестьянской средѣ отдѣльными явленіями". Однако не подлежитъ сомнѣнію, что въ Высочайшемъ указѣ 8-го января не содержится никакихъ разграниченій между „собственно крестьянскимъ законодательствомъ" и узаконеніями о „пріемахъ управленія крестьянами": указъ

говоритъ вообще о пересмотрѣ «дѣйствующаго законодательства о крестьянахъ», не устанавливая никакихъ исключеній ни для одного изъ отдѣльныхъ Положеній, его составляющихъ и собранныхъ въ особомъ приложеніи къ IX тому Св. Зак. Не сдѣлано, слѣдовательно, изъятія и для третьей книги Положеній о сельскомъ состояніи, заключающей въ себѣ Положенія о земскихъ начальникахъ, мировыхъ посредникахъ, крестьянскихъ начальникахъ и т. п. Нѣтъ указаній на подобное ограниченіе пересмотра и въ правительственномъ сообщеніи 14-го января 1902 года, въ которомъ было объявлено, что пересмотръ законодательства о крестьянахъ имѣетъ быть произведенъ «на почвѣ основныхъ началъ Положеній 19-го февраля 1861 года». И сама редакціонная коммиссія въ первомъ періодѣ своихъ работъ интересовалась еще вопросомъ о „ближайшемъ надзорѣ особыхъ правительственныхъ органовъ" по крестьянскимъ дѣламъ и по крайней мѣрѣ стремилась найти доводы въ пользу „сохраненія и впредь" не только обособленнаго крестьянскаго общественнаго управленія и суда, но и „спеціальныхъ, вѣдающихъ всѣми крестьянскими интересами учрежденій" Что же побуждало коммиссію заниматься этимъ вопросомъ, если, дѣйствительно, ей отнюдь не предоставлено касаться „пріемовъ управленія крестьянами и характера правительственнаго надзора" за ихъ общественными учрежденіями?

По существу дѣла дѣленіе нашего законодательства о крестьянахъ на „собственно крестьянское законодательство" и нѣчто придаточное къ нему не выдерживаетъ критики и лишь безъ нужды затрудняетъ пересмотръ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли, пересматривая правила о такихъ безспорно „внутреннихъ распорядкахъ крестьянской жизни", какъ, напр., передѣлы мірской земли, не затронуть вопроса о „пріемахъ управленія крестьянами и характера правительственнаго надзора". Надо только припомнить, что по закону 8-го іюня эти приговоры подлежатъ контролю административныхъ властей въ отношеніи не только законности, но и цѣлесообразности, – и станетъ ясно, что въ этомъ по крайней мѣрѣ случаѣ вопросъ о пріемахъ управленія неотдѣлимъ отъ вопроса о внутреннихъ крестьянскихъ распорядкахъ. Но, скажутъ, правила о передѣлахъ содержатся въ Общемъ Положеніи о крестьянахъ и какъ-разъ въ той части его, которую редакціонная коммиссія признала подлежащею пересмотру. Стало-быть, и коммиссія, и губернскія совѣщанія, оставаясь въ рамкахъ, очерченныхъ ею, могутъ, если найдутъ полезнымъ, въ данномъ случаѣ

внести надлежащую поправку и въ пріемы управленія, но Положеніе о земскихъ начальникахъ все-таки останется внѣ пересмотра. Но въ отношеніи правительственнаго надзора правила о мірскихъ передѣлахъ составлены въ развитіе нѣкоторыхъ статей Положенія о земскихъ начальникахъ и прежде всего ст. 31-й, предоставляющей крестьянскимъ административнымъ властямъ разсматривать всѣ приговоры сельскаго схода съ точки зрѣнія соотвѣтствія ихъ выгодамъ сельскаго общества; поэтому пересмотръ Общаго Положенія неизбѣжно долженъ перейти въ запретную область Особаго приложенія къ IX тому Св. Зак. И это не единственный примѣръ, когда грани, поставленныя редакціонной коммиссіей для пересмотра, должны пасть. Допустимо ли обсужденіе вопроса о должностныхъ лицахъ волостнаго и сельскаго общественнаго управленія независимо отъ вопроса о правительственномъ надзорѣ? Что такое, какъ не вопросъ о пріемахъ управленія и предѣлахъ административнаго контроля, поставленная редакціонной коммиссіей задача „учрежденія бдительнаго надзора за всѣмъ ходомъ общественнаго хозяйства и въ особенности за состояніемъ общественныхъ капиталовъ и иныхъ мірскихъ имуществъ“. Не очевидно ли, что проектъ преобразованія волостнаго суда прямо касается нѣкоторыхъ отдѣловъ Положенія о земскихъ начальникахъ? Словомъ, не только губернскія совѣщанія, но и сама редакціонная коммиссія силой вещей не могла не расширить задачи пересмотра за предѣлы Общаго Положенія. Но эти частичныя отступленія отъ намѣченной коммиссіей программы пересмотра не искупаютъ основной ошибки ея рѣшенія относительно объема возложенной на нее задачи,—ошибки, заключающейся въ искусственномъ ограниченіи предметовъ законодательнаго пересмотра.

Если инструкція, имѣющая установить порядокъ работъ губернскихъ совѣщаній, не дастъ полнаго простора для всесторонняго обсужденія современныхъ задачъ крестьянской реформы въ цѣломъ, то дѣло „дальнѣйшей разработки“ министерскихъ проектовъ въ этихъ совѣщаніяхъ будетъ поставлено съ самаго начала неправильно и работы мѣстныхъ совѣщаній не дадутъ положительныхъ результатовъ».

Въ № 281, 1904 г. той же газеты Кн. Дм. Шаховскій въ статьѣ „Къ вопросу о выкупныхъ платежахъ“, останавливаясь на разсужденіи коммиссіи о томъ, что узаконенія о выкупѣ не подлежатъ измѣненію, въ виду близкаго окончанія выкупного процесса, говоритъ между прочимъ:..... «выкупная операція по отношенію къ крестьянамъ помѣщичьимъ далеко не столь

близка къ окончанію, какъ это, повидимому, представлялось авторамъ проекта. Не говоря о весьма вѣроятныхъ новыхъ пересрочкахъ и отсрочкахъ выкупного долга, по положенію дѣлъ къ 1-му января 1902 г. предвидѣлось, что окладъ платежей съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ начнетъ съ ежегодной суммы въ 39.195.577 р. 29 к. понижаться лишь съ 1911 года, при чемъ еще къ 1925 г. окладъ этотъ будетъ превышать 10 мил. руб.; сравнительно небольшой суммы въ 1.766 тыс. онъ достигнетъ къ 1932 г., послѣдніе же выкупные платежи ожидаются въ 1956 г. (Вѣстн. Фин., 1903 г. № 23. Приложеніе. Общій балансъ выкупной операціи).— Такъ называемые выкупные платежи государственныхъ крестьянъ должны прекратиться въ 1931 году».....

Въ № 305, 1904 г. „Русскія Вѣдомости“ находятъ, что.... «трудъ ред. коммиссіи представляетъ вольное или невольное, но рабское подражаніе труду составителей Положенія о земскихъ начальникахъ .....

Если въ мотивахъ къ проекту Положенія 12-го іюля 1889 г. звучала искренняя нота, то это была нота сожалѣнія, что въ настоящее время какъ-никакъ приходится имѣть дѣло съ народомъ, «изъятымъ изъ вѣдѣнія твердаго, хотя и патріархальнаго въ большинствѣ случаевъ управленія помѣщиковъ». Но если освобожденному отъ «патріархальной» твердости душевладѣльцевъ населенію создатели института земскихъ начальниковъ давали названія «несомнѣнно распущеннаго», «утратившаго преданія повиновенія и порядка», даже прямо «буйной толпы», то въ этомъ, конечно, было такъ же мало искренности, какъ и въ ихъ сожалѣніяхъ о томъ, что въ народѣ подорвано «чувство законности». Вѣдь составители Положенія не могли не понимать, что утрата «преданій повиновенія и порядка» крѣпостныхъ временъ не можетъ вести къ ослабленію «чувства законности». Напротивъ, если чувство законности не слишкомъ развито въ народѣ, то именно потому, что преданія крѣпостныхъ порядковъ еще живы въ нашей деревнѣ. Это едва ли требуетъ доказательствъ. Во всякомъ случаѣ, если творцамъ контръ-реформы не нравилась совершившаяся послѣ 19-го февраля 1861 года перемѣна «во взглядахъ сельскихъ обывателей на воздѣйствіе администраціи на крестьянскія общественныя дѣла», то они не безъ основанія указывали и на разницу въ отношеніяхъ закона къ этому воздѣйствію: до 1861 года «законъ не признавалъ автономіи сельскаго общества и не возбранялъ вмѣшательства помѣщичьей или правительственной власти»,—и «преданія» соблюдались не нарушимо, но послѣ того, какъ

законъ поколебалъ это «преданіе повиновенія и порядка», измѣнились и взгляды крестьянъ на воздѣйствіе. Не ясно ли, что утрата преданія крѣпостнаго повиновенія сопровождается не ослабленіемъ, а ростомъ чувства законности.

Словомъ, составители проекта Положенія о земскихъ начальникахъ хорошо знали, чего они не хотѣли и что стремились уничтожить; но то, что они желали бы видѣть на мѣстѣ упраздняемаго, очевидно, представлялось имъ самимъ неосуществимымъ въ данное время. Они были вынуждены, подчиняясь силѣ вещей, ломать новое, не возстановляя стараго. Поэтому, если для всѣхъ современниковъ ихъ разрушительной работы было очевидно, что совершается контръ-реформа, то положительная цѣль ея производила двойное впечатлѣніе. Съ одной стороны, представлялось, что новые органы крестьянскаго управленія имѣютъ чисто-бюрократическій характеръ. Такъ, въ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ отзывахъ на проектъ Положенія о земскихъ начальникахъ доказывалось, что административная дѣятельность сводится «къ детальному надзору за дѣйствіями сельскихъ властей, т. е. за формальною правильностью ихъ дѣйствій въ разныхъ мелочахъ опять-таки формальной жизни». Съ другой стороны, казалось несомнѣннымъ, какъ говорилось въ другомъ оффиціальномъ отзывѣ, что преобразованіе «въ глазахъ правительства и общества получитъ характеръ такой законодательной мѣры, которая главнымъ образомъ имѣетъ въ виду установить особое участіе и вліяніе высшаго въ Имперіи сословія въ дѣлѣ мѣстнаго управленія и суда». Въ дѣйствительности и сторонники этого взгляда на значеніе преобразованія не ожидали, чтобы Положеніе 12-го іюля увеличило участіе въ мѣстномъ управленіи «лучшихъ и наиболѣе образованныхъ элементовъ помѣстнаго дворянства». А между тѣмъ «образованіе во главѣ управленія крестьянскаго населенія сословнаго органа, облеченнаго преимущественно карательною и безапелляціонною властью, но безсильнаго въ вопросахъ, непосредственно касающихся улучшенія матеріальнаго и духовнаго благосостоянія народа», имѣла видимость и могло быть принято за «попытку дворянскаго сословія возстановить, хотя отчасти, прежнія утраченныя права надъ личностью крестьянина».

Какъ бы то ни было, но по условіямъ времени могло побѣдить лишь бюрократическое начало, и оно побѣдило. Практика не замедлила подтвердить справедливость замѣчаній, сдѣланныхъ на проектъ Положенія о земскихъ начальникахъ. Независимые и образованные представители помѣст-

наго дворянства, дѣйствительно, какъ и предполагали авторы нѣкоторыхъ оффиціальныхъ отзывовъ, неохотно идутъ въ земскіе начальники. Избраніе кандидатовъ на эти должности въ большинствѣ случаевъ дѣйствительно производится «изъ того контигента мѣстныхъ помѣщиковъ, которые пожелаютъ путемъ государственной службы увеличить свои недостаточныя средства», а еще чаще эти должности замѣщаются не мѣстными дѣятелями, а «посторонними чиновниками, не имѣющими за собою ничего, кромѣ служебнаго ценза, лишенными фактической связи съ данною мѣстностью и для населенія совершенно чуждыми». Такимъ образомъ, на дѣлѣ оказалось невозможнымъ осуществить одно изъ тѣхъ требованій, которое при созданіи института земскихъ начальниковъ считалось необходимымъ условіемъ успѣха. Съ другой стороны, оправдались сомнѣнія въ дѣйствительности надзора за дѣйствіями земскихъ начальниковъ со стороны высшихъ властей. На практикѣ оказалось что, какъ и слѣдовало ожидать, «ревизіи губернатора не могутъ быть часты», что надзоръ губернскихъ присутствій имѣетъ исключительно бумажный характеръ, сводясь къ «истребованію письменныхъ объясненій отъ земскаго начальника и постановленіямъ по онымъ рѣшеній» и т. д. Конечно, оправдалось опасеніе, что «такой надзоръ надъ земскими начальниками, которымъ предоставлена обширная власть надъ личностью крестьянъ и по наложенію административныхъ взысканій», не послужитъ порукою «за правильный, безпристрастный и законный образъ ихъ дѣйствій». И дѣйствительно, фактически правильность дѣйствій должностныхъ лицъ, завѣдующихъ крестьянскимъ дѣломъ на мѣстахъ, не гарантируется даже «личною отвѣтственностью» передъ своимъ начальствомъ. Не ясно ли, что въ настоящее время пересмотръ законодательства о крестьянахъ можетъ быть плодотворнымъ только въ томъ случаѣ, если онъ начинается съ Положенія о земскихъ начальникахъ?»

„*С.-Петербургскія Вѣдомости*“ (*№ 267, 1904 г.*) полагаютъ, что.... «и теперь, не дожидаясь сводки губернскихъ совѣщаній, можно утверждать, что вполнѣ назрѣла необходимость общаго или хотя бы частичнаго пересмотра крестьянскихъ установленій».....

„*Приазовскій край*“ (*№ 25, 1904 г.*) находитъ, что.... «нѣтъ сомнѣнія, что и въ указанныхъ ред. ком. предѣлахъ пересмотръ законодательства о крестьянахъ можетъ имѣть громаднѣйшее значеніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что указаннымъ (въ очеркѣ) перечнемъ далеко не исчерпываются законоположенія, касающіяся крестьянъ и нуждающіяся въ коренномъ пересмотрѣ.

Въ частности именно та часть законовъ о состояніяхъ, которая касается крестьянъ, а также законоположенія объ управленіи крестьянами особенно требуетъ обновленія и измѣненій сообразно указаніямъ опыта и требованіямъ жизни. И едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что при разсмотрѣніи трудовъ редакціонной коммиссіи въ губернскихъ совѣщаніяхъ неизбѣжно будетъ поднятъ вопросъ о расширеніи предѣловъ, въ которыхъ ред. коммиссія намѣревается заключить пересмотръ законодательства о крестьянахъ»...

„Кіевская Газета“ (№ 50, 1904 г.) говоритъ: «Въ 1861 году крестьянинъ получилъ свободу отъ крѣпостного рабства, но не получилъ того минимума правъ, которыми обладали у насъ прочія сословія . . . . . ; его права какъ личности, не говоря о прочемъ, оставлены были неограниченными. . . . . Дальнѣйшія добавки къ положенію 19 февраля, введенныя подъ вліяніемъ теченій, противоположнымъ настроеніямъ «эпохи великихъ реформъ», только усугубили эти особенности положенія крестьянскаго сословія. Припомнимъ хотя бы извѣстный законъ о семейныхъ раздѣлахъ, разрѣшающій взрослому и уже семейному крестьянину отдѣленіе отъ семьи отца только при соблюденіи извѣстныхъ условій, которыхъ совсѣмъ не требуется отъ лицъ изъ другихъ сословій. Какую громадную разницу одинъ уже этотъ законъ проводитъ между положеніемъ и правами крестьянскаго и всѣхъ остальныхъ сословій, до какого низкаго минимума доводитъ онъ права крестьянина, какъ личности! Все послѣдующее законодательство о крестьянахъ сводилось именно къ сокращенію правъ его личности, къ увеличенію опеки надъ крестьяниномъ. . . . . Сороколѣтняя опека . . . . не спасла крестьянство отъ экономическаго оскудѣнія. . . . Сама жизнь предуказала направленіе ближайшей раціональной политики крестьянскаго законодательства: расширеніе правъ крестьянина, сравненіе его въ правахъ съ другими сословіями» . . . . .

Въ „Саратовской Земской Недѣлѣ“ (№ 2, 1904 г.), въ статьѣ „Къ вопросу о семейныхъ раздѣлахъ“ авторъ ея, г. Кожухаръ, пишетъ: «Среди многихъ ограниченій правъ нашихъ крестьянъ, стѣсняющихъ ихъ личную или семейную жизнь, опутывающихъ ихъ со всѣхъ сторонъ и мѣшающихъ имъ свободно развивать свои духовныя и матерьяльныя силы,—ограниченій, на которыхъ вѣроятно поставитъ крестъ предстоящая реформа крестьянскаго устройства, не послѣднее мѣсто занимаютъ существующіе законы о семейныхъ раздѣлахъ.—Этими законами крестьяне, вопреки положенію,

что на нихъ «распространяются общія постановленія о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ» (ст. 1, Общ. Пол.), ограничиваются въ пользованіи однимъ изъ важнѣйшихъ и священнѣйшихъ изъ этихъ правъ—правомъ устраивать по своему разумѣнію и своимъ симпатіямъ свою семейную жизнь, работать и дѣлиться плодами трудовъ съ тѣми, съ кѣмъ хочется человѣку.—Какъ велики и тяжелы эти ограниченія, можно заключить изъ того, что мы, пользующіеся извѣстной свободой въ устройствѣ своей семейно-трудовой жизни, не можемъ даже представить себѣ, какъ могутъ лишить насъ этой свободы или ограничить въ пользованіи ею, какъ могутъ приказать намъ жить и трудиться вмѣстѣ съ тѣми, съ кѣмъ мы не можемъ ни жить, ни работать.—Можно, не преувеличивая, сказать, что законы о семейныхъ раздѣлахъ въ теченіе долгаго времени приносятъ матеріальный вредъ весьма значительной части нашего населенія, отравляютъ ему жизнь, портятъ его семейныя отношенія, деморализуютъ и нерѣдко доводятъ его до преступленія».....

Въ томъ же журналѣ (№№ 1 и 2, 1904 г.) г. В. И. Голованов въ статьѣ „Къ вопросу о современномъ положеніи податного дѣла въ деревнѣ“, останавливаясь на рѣшеніи коммиссіи не пересматривать вопроса о взиманіи государственныхъ и земскихъ сборовъ съ надѣльныхъ земель на томъ основаніи, что въ этой области законами 23 іюня 1899 г. и 12 марта 1903 г. внесены существенныя улучшенія, исключающія пока необходимость въ дальнѣйшихъ преобразованіяхъ, говоритъ. ....«Нѣтъ сомнѣнія, что эти законы являются громаднымъ шагомъ впередъ въ вопросѣ правильной постановки податного дѣла, такъ какъ впервые устанавливаютъ опредѣленный порядокъ въ дѣлѣ взиманія «податей» съ крестьянъ, точно перечисляютъ тѣ мѣры, которыя только и могутъ примѣняться въ цѣляхъ понужденія къ уплатѣ, устранивъ совершенно въ этомъ вопросѣ «усмотрѣніе» мѣстныхъ властей, такъ широко практиковавшееся ранѣе. Для поясненія высказанныхъ мыслей позволимъ себѣ напомнить, что до изданія приведенныхъ выше «податныхъ» законовъ спеціальныхъ узаконеній по податному дѣлу, въ сущности, не существовало и вся регламентація этого дѣла ограничивалась ст. 188 общ. положенія о крест., по которой принятіе перечисленныхъ въ этой статьѣ мѣръ взысканія предоставлялось сельскимъ сходамъ, а, такъ какъ сельскіе сходы, состоя въ большинствѣ случаевъ изъ недоимщиковъ-же, мѣрами приведенной статьи не пользовались, то при неисправности «сельскаго общества, оно понуждалось къ уплатѣ недоимки

черезъ мѣстную полицію» (ст. 190 общ. пол.); въ чемъ должно было состоять «понужденіе» къ уплатѣ недоимокъ «черезъ мѣстную полицію», законъ совершенно не указывалъ, на практикѣ же это «понужденіе» выражалось въ чрезвычайно разнообразныхъ формахъ; «при безуспѣшности мѣръ понужденія, недоимка пополняется полиціею посредствомъ продажи крестьянскаго движимаго имущества, если вслѣдствіе какого-либо бѣдствія не сдѣлано, по предварительному о томъ ходатайству, отсрочки въ платежѣ» (ст. 191 общ. пол.). Вотъ—въ сущности и все, что касалось порядка взысканія крестьянскихъ платежей. Понятно послѣ этого, что законы 23 іюня 1899 г. и 12 марта 1903 г., внеся въ замѣнъ указанной неопредѣленности, допускавшей вполнѣ возможность произвола,—стройную систему въ порядокъ и способы взысканія сборовъ съ крестьянъ, строго указавъ мѣры понужденія къ уплатѣ и способы ихъ примѣненія,—настолько преобразовали постановку податного дѣла въ деревнѣ, что коммиссія имѣла, конечно, нѣкоторыя основанія отказаться пока ставить вопросъ о дальнѣйшихъ преобразованіяхъ въ этомъ дѣлѣ.

Однако, со времени проведенія въ жизнь новыхъ «податныхъ» законовъ прошло уже болѣе 4-хъ лѣтъ и практика, какъ кажется, успѣла уже достаточно выяснить настоятельную необходимость существенныхъ улучшеній въ этомъ дѣлѣ и въ особенности въ области обязанностей, возлагаемыхъ новыми законами на должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленій: обязанности-же эти чрезвычайно важны и сложны, такъ какъ самое дѣло взысканія податей, въ сущности, лежитъ на этихъ лицахъ, представители-же администраціи (уѣздной и губернской) выполняютъ, преимущественно, функціи надзора и контроля по отношенію къ сельскимъ властямъ».....

Находя, что.... «возложеніе цѣлаго ряда весьма серьезныхъ «податныхъ» обязанностей на деревенскихъ властей не соотвѣтствуетъ ни ихъ прямому назначенію, ни положенію ихъ въ крестьянской средѣ, ни наконецъ, качественному составу указанныхъ должностныхъ лицъ»...., авторъ признаетъ желательнымъ «принять теперь же мѣры къ возможному упрощенію этихъ обязанностей путемъ ли передачи ихъ другимъ органамъ финансоваго вѣдомства хотя бы въ части, или путемъ созданія на мѣстахъ особыхъ органовъ, на которые можно было бы возложить ближайшее завѣдываніе всѣми дѣлами прямого обложенія и взысканія какъ государственныхъ сборовъ, такъ и мѣстныхъ, не исключая и мірскихъ».....—Разрабатывая этотъ вопросъ,

авторъ прежде всего выясняетъ постепенный ходъ развитія податной дѣятельности деревни въ прошломъ.

...«Какъ извѣстно—говоритъ г. Голововъ—до освобожденія крестьянъ, власть помѣщика фактически простиралась на всѣ стороны крестьянской жизни; онъ являлся хозяиномъ земли, хозяиномъ рабочей силы, онъ-же былъ администраторомъ, на немъ-же, конечно, прежде всего лежала обязанность и отвѣтственность передъ казною за неправильный платежъ прямыхъ налоговъ (подушной подати); отъ него зависѣли преимущественно и средства, и способы взиманія податей; въ этомъ дѣлѣ какъ и въ другихъ онъ могъ всегда разсчитывать на содѣйствіе ему мѣстныхъ властей (полиціи и администраціи). Приступая къ разрѣшенію вопроса объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, правительство первоначально предполагало оставить за помѣщиками вотчинно-полицейскую власть надъ освобожденными крестьянами въ званіи начальниковъ обществъ и соотвѣтственно этому въ программу вопросовъ губернскимъ комитетамъ были включены и вопросы о правахъ и отношеніяхъ помѣщика (гл. IX программы); въ подраздѣленіяхъ общаго вопроса имѣется одинъ пунктъ—о правахъ помѣщика по отправленію крестьянами повинностей. Однако мысль о сохраненіи этой власти за помѣщиками при дальнѣйшихъ работахъ коммиссій была оставлена,—о чемъ, конечно, жалѣть не приходится,—и коммиссіямъ необходимо было рѣшить, кому-же передать выполненіе тѣхъ функцій, которыя первоначально предполагалось вручить помѣщику? Коммиссіи, создавъ поземельную общину, какъ владѣльца крестьянской земли,—рѣшили этотъ вопросъ въ пользу крестьянскаго міра, крестьянскаго самоуправленія. Такое рѣшеніе редакціонныхъ коммиссій въ то время, пожалуй, было единственно возможнымъ, такъ какъ оно представляло лучшій способъ удовлетворительно разрѣшить затрудненія, сравнительно легко и скоро, и этимъ не отдалять рѣшеніе главнѣйшей задачи всѣхъ преобразовательныхъ начинаній – уничтоженія крѣпостнаго права, для скорѣйшаго осуществленія котораго напряженно работали дѣятели великой реформы; они торопились провести въ жизнь возможно скорѣе свои завѣтныя мечты и никто, конечно, никогда не пошлетъ имъ упрека за то, что они не создали дѣйствительнаго самоуправленія въ деревнѣ, а выработали въ лицѣ крестьянскихъ выборныхъ—лишь низшихъ агентовъ административно-полицейской власти на мѣстахъ. Конечно, необходимыя поправки въ предотвращеніе этого слѣдовало-бы ввести въ ближайшій за осуществленіемъ великой

реформы періодъ, но сдѣлано этого не было и представители крестьянскаго самоуправленія очутились лицомъ къ лицу съ необходимостью выполненія цѣлаго ряда обязанностей, входящихъ въ кругъ вѣдомства уѣздныхъ административно-полицейскихъ учрежденій, но не составляющихъ области, собственно, крестьянскаго самоуправленія. Такое положеніе вещей, по нашему мнѣнію, вполнѣ оправдывалось обстоятельствами того времени и особыми условіями, но въ сущности, должно было разсматриваться, какъ положеніе временное, допустимое лишь до тѣхъ поръ, когда «хозяйственно-распорядительное управленіе» о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ должно было быть преобразованнымъ на новыхъ началахъ и съ этимъ то «управленіемъ» (земствомъ) должны были быть поставлены въ тѣсную связь органы мѣстнаго сельскаго самоуправленія. Въ дѣйствительности-же, крестьянскіе выборные, снабженные правами и властію для выполненія чисто полицейскихъ и обще-административныхъ функцій, являлись первыми звеньями цѣлой бюрократической цѣпи и въ этомъ смыслѣ были подчинены уѣздной администраціи и полиціи, всѣ законныя требованія которыхъ они были обязаны исполнять; выполненіе этого ряда обязанностей, весьма многочисленныхъ, сложныхъ и важныхъ требовало, конечно, отъ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія много времени и труда, а потому заслоняло собой совершенно ихъ обязанности по дѣламъ чисто крестьянскимъ, общественнымъ. Неудивительно поэтому, что дальнѣйшее развитіе бюрократическаго механизма всегда базировалось на этомъ «звенѣ», какъ ближайшемъ къ крестьянскому населенію исполнительномъ органѣ административно-полицейской власти въ деревнѣ, отодвигая на второй планъ его задачи, какъ органа крестьянскаго самоуправленія.

Уже въ начальномъ періодѣ дѣятельности этого самоуправленія крестьянскимъ должностнымъ лицамъ пришлось выполнять почти исключительно обязанности полиціи исполнительной, въ кругъ вѣдомства которой входила въ то время масса обязанностей, полиціи по существу не свойственныхъ и, между прочимъ, взысканіе съ крестьянъ податей и повинностей; въ то время эти послѣднія обязанности полиціей считались одними изъ наиболѣе важныхъ и по результатамъ этого рода дѣятельности начальство составляло себѣ понятіе о способностяхъ и служебномъ усердіи чиновъ уѣздной полиціи; неудивительно поэтому, что наибольшая энергія дѣятельности и сельскихъ властей всегда направлялась въ эту сторону; старшины, старосты, сборщики податей, даже писаря явились ближайшими

сотрудниками и мѣстными исполнителями распоряженій уѣздной полиціи по взысканію податей. Такое положеніе вещей существовало все время вплоть до изданія законовъ 1899 и 1903 годовъ и уѣздный исправникъ былъ единственнымъ хозяиномъ податного дѣла въ уѣздѣ; учрежденіе податной инспекціи (въ 1885 году) и введеніе института земскихъ начальниковъ не измѣнили этого положенія на первыхъ порахъ, такъ какъ, хотя циркуляромъ министерства внутреннихъ дѣлъ и было указано, что чины полиціи при взысканіи должны дѣйствовать совмѣстно съ земскими начальниками и податными инспекторами,—но распоряженіе это не получило широкаго распространенія на практикѣ, указанное распоряженіе было выражено въ формѣ общаго пожеланія и границы участія въ этомъ дѣлѣ каждаго изъ означенныхъ должностныхъ лицъ точно не опредѣлялись, не указывались права и обязанности каждаго и пр.

Такимъ образомъ, ко времени изданія новыхъ податныхъ законовъ уѣздная полиція, совмѣщавшая въ себѣ цѣлый рядъ функцій, не свойственныхъ полиціи исполнительной,—вмѣстѣ съ этимъ являлась и низшимъ органомъ финансоваго вѣдомства, состоя въ тоже время въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ; такое совмѣщеніе разнородныхъ функцій въ одномъ лицѣ, по справедливости, было признано недопустимымъ и законодательными актами 23 іюня 1899 года и 12 марта 1903 года чины уѣздной полиціи были совершенно освобождены отъ обязанностей по взысканію податей съ крестьянъ и дѣло это передано податной инспекціи и земскимъ начальникамъ. Но и такое совмѣщаніе должностныхъ лицъ опять таки разныхъ вѣдомствъ, конечно, нельзя признать правильнымъ и должно считаться явленіемъ временнымъ, допустимымъ лишь при томъ положеніи вещей, когда финансовое вѣдомство не имѣетъ въ деревнѣ своихъ собственныхъ низшихъ агентовъ, а вынуждено обращаться къ тѣмъ-же исполнительнымъ органамъ крестьянскаго управленія, въ которомъ до сихъ поръ сосредоточиваются исполнительныя функціи почти всѣхъ вѣдомствъ Имперіи, при чемъ количество обязанностей крестьянскихъ выборныхъ административнаго и финансоваго характера съ годами не уменьшается, а скорѣе постоянно возрастаетъ; теперь задачи сельскихъ властей, какъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, отодвинуты на послѣднее мѣсто и они выступаютъ почти исключительно въ качествѣ низшихъ органовъ правительственной власти. Отъ такого положенія вещей страдаютъ интересы мѣстнаго самоуправленія, но мало выигрываютъ и правительственныя учре-

жденія, такъ какъ послѣднія въ лицѣ крестьянскихъ выборныхъ имѣютъ довольно плохихъ своихъ исполнителей, что, конечно, является вполнѣ естественнымъ, такъ какъ указанныя лица не имѣютъ никакой подготовки къ выполненію цѣлаго ряда спеціальныхъ функцій.

Въ такомъ положеніи находятся органы крестьянскаго управленія уже давно, въ дѣятельности ихъ, какъ агентовъ правительства, заинтересованы весьма многія мѣста и учрежденія, съ существованіемъ ихъ, какъ мѣстныхъ исполнителей, связаны весьма многочисленные интересы и правительства, и земства, а потому рѣшеніе вопроса объ освобожденіи крестьянскихъ выборныхъ отъ выполненія ряда не свойственныхъ имъ по существу обязанностей представляется, по нашему мнѣнію, весьма сложнымъ и труднымъ. Думается, что прежде всего, или хоть одновременно съ преобразованіемъ крестьянскаго управленія, различныя вѣдомства должны создать въ деревнѣ своихъ собственныхъ агентовъ и этимъ снять бремя постороннихъ обязанностей съ крестьянскихъ управленій, которыя такимъ путемъ и могутъ быть преобразованы въ органы мѣстнаго «хозяйственнаго распорядительнаго управленія» на началахъ самоуправленія; иначе трудно допустить, чтобы и у преобразованныхъ на новыхъ началахъ органовъ мѣстнаго самоуправленія не осталось цѣлаго ряда постороннихъ обязанностей, выполненіе которыхъ будетъ отвлекать ихъ отъ ихъ прямого дѣла, такъ какъ многіе органы правительства должны-же будутъ по необходимости пользоваться ими въ качествѣ своихъ агентовъ, не имѣя въ деревнѣ никого другаго. Одно освобожденіе крестьянскихъ управленій отъ попечительной власти земскихъ начальниковъ не много поможетъ дѣлу мѣстнаго самоуправленія, такъ какъ, вѣдь, и до введенія института земскихъ начальниковъ, крестьянскіе выборные все равно были не органами самоуправленія, а агентами полиціи и администраціи; были они и агентами фиска и таковыми остаются также согласно новымъ податнымъ законамъ; поэтому-то и въ интересахъ развитія сельскаго самоуправленія, да и въ интересахъ финансоваго вѣдомства надлежало-бы сложить съ крестьянскихъ управленій бремя «податныхъ» обязанностей, возложивъ его на другія плечи, и этимъ сдѣлать починъ «раскрѣпощенія» сельскаго самоуправленія. Это мѣропріятіе явится лишь естественнымъ слѣдствіемъ той реформы податного дѣла, которая предпринята указанными выше законами 1899 и 1903 годовъ. Изъявъ «податное» дѣло изъ рукъ полиціи и передавъ завѣдываніе имъ своимъ агентамъ, въ лицѣ чиновъ податной инспекціи, фи-

нансовое вѣдомство будетъ вполнѣ послѣдовательно, освободивши затѣмъ и органы крестьянскаго управленія отъ обязанностей, принадлежащихъ всецѣло органамъ фиска, а съ этимъ вмѣстѣ не будетъ уже основаній оставлять за земскими начальниками и ту часть обязанностей ихъ по взысканію податей съ крестьянъ, которая возложена на нихъ новыми податными законами; вѣдь, съ освобожденіемъ сельскихъ и волостныхъ властей отъ обязанности по взысканію податей и другихъ прямыхъ налоговъ съ крестьянъ теряется уже всякая связь и земскихъ начальниковъ съ податнымъ дѣломъ и послѣднее останется исключительно въ рукахъ агентовъ финансовой администраціи».....

Съ своей стороны, признавая должность сборщика по выбору отъ сельскаго общества тяжелой повинностью, авторъ цитируемой статьи полагаетъ, что..... «должность сборщика податей представляется вполнѣ возможнымъ исключить изъ числа должностей, замѣщаемыхъ по выбору.....; упразднивъ сборщиковъ податей въ каждомъ сельскомъ обществѣ, вполнѣ возможно замѣнить ихъ однимъ—двумя сборщиками на цѣлую волость, назначенными или волостными сходами съ согласія представителей уѣздной финансовой администраціи, или непосредственно этими послѣдними.—На такихъ сборщиковъ, являющихся уже низшими органами финансоваго вѣдомства, можно возложить не только тѣ обязанности, которыя въ настоящее время возложены на сборщиковъ податей (ст. 82 Полож. о сельск. сост.) въ селеніяхъ и отчасти на сельскія управленія, но и ту часть «податныхъ» обязанностей волостного старшины, которая возложена на него законами 23 іюня 1899 и 1903 годовъ».... Полагая вознагражденіе для такого «волостного» сборщика въ 250—300 руб. въ годъ, авторъ..... «по вопросу объ источникѣ средствъ вознагражденія проектируемыхъ должностныхъ лицъ», обращаетъ вниманіе на то, что «въ ихъ содержаніи болѣе или менѣе заинтересованы волости и сельскія общества (по мірскимъ сборамъ), уѣздныя земства (по земскимъ сборамъ), губернское земство (по земскимъ сборамъ и страховымъ платежамъ) и, наконецъ, финансовое вѣдомство (по казеннымъ сборамъ); соотвѣтственно этому, конечно, должны быть распредѣлены и доли участія каждаго въ содержаніи проектируемыхъ должностныхъ лицъ; при такихъ условіяхъ затраты всѣхъ будутъ незначительны и не обремѣнятъ (ихъ) бюджетовъ».....

„Русская Мысль“ (янв. 1904 г., внутр. обозр.) говоритъ: .....«Коммиссія рѣшила не пересматривать вопроса о казенныхъ сборахъ и земскихъ повин-

ностяхъ, такъ какъ въ порядокъ взиманія окладныхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель сельскихъ обществъ уже внесены существенныя улучшенія закономъ 23 іюня 1899 года, при чемъ дальнѣйшее ихъ упорядоченіе обезпечено мѣропріятіями, связанными съ отмѣною круговой поруки. Точно также остаются безъ измѣненія законы, касающіеся правъ личныхъ, по состоянію и по имуществу. Въ основу преобразованій положены незыблемыя начала Положенія 19 февраля 1861 года съ тѣми новообразованіями, которыя были вызваны послѣдующимъ ходомъ законодательства и общественной жизни Россіи Центръ тяжести послѣдняго положенія лежитъ, повидимому, именно въ тѣхъ новообразованіяхъ, вслѣдствіе которыхъ отъ основныхъ началъ 19 февраля незыблемою осталась въ сущности только одна отмѣна крѣпостного права, т.-е. что помѣщикъ не можетъ теперь распоряжаться крестьяниномъ, какъ своей собственностью. Но это начало незыблемо по самому, такъ сказать, существу своему: кто бы ни захотѣлъ теперь возстановить крѣпостное право въ его дореформенномъ, грубомъ видѣ,—сдѣлать этого нельзя. Но что дальнѣйшее развитіе этого основного начала было пріостановлено и даже обращено назадъ именно послѣдующими новообразованіями, этого нельзя не видѣть. Именно на эту сторону вопроса указывалъ въ прошломъ году тверской губернскій гласный В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, приводя слова Кавелина о томъ, что мы напрасно считаемъ крѣпостное право вполнѣ отмѣненнымъ 19 февраля 1861 года, тогда какъ и въ настоящее время мы видимъ на каждомъ шагу его слѣды. Привлеченіе крестьянскаго населенія къ гражданской и общественной дѣятельности на равныхъ правахъ съ другими сословіями будетъ крупнымъ шагомъ на пути завершенія дѣла раскрѣпощенія крестьянъ. Извѣстно, что эта же мысль была высказана большинствомъ прошлогоднихъ комитетовъ о сельской промышленности».....

Крестьянское общественное управленіе.

Приступивъ къ выясненію способа достиженія намѣченныхъ ею цѣлей по каждому изъ главныхъ отдѣловъ предстоящаго ей труда и останавливаясь прежде всего на вопросѣ объ усовершенствованіи крестьянскаго общественнаго управленія, редакціонная коммиссія приняла во вниманіе, что.... «наше крестьянское населеніе можетъ быть объединено въ отдѣльныя вполнѣ жизнедѣятельныя общественныя группировки, лишь при томъ условіи, если эти группировки будутъ подраздѣлены на двѣ отдѣльныя категоріи, а именно на союзы крестьянъ, объединенныхъ общностью землепользованія и на союзы, объединенные совмѣстною жизнью въ ближайшемъ другъ отъ друга сосѣдствѣ..... Созданіе двухъ различныхъ типовъ общественныхъ крестьянскихъ союзовъ, по мнѣнію коммиссіи, обезпечитъ нераздѣльное существованіе лишь такихъ крестьянскихъ обществъ, которыя обладаютъ живою органическою связью. Съ тѣмъ вмѣстѣ перестанутъ существовать крестьянскія общественныя единенія, образованныя искусственнымъ путемъ изъ хозяйственныхъ и бытовыхъ единицъ, ничѣмъ между собою внутренно не сплоченныхъ....

Принявъ за основной признакъ земельнаго общества совмѣстное владѣніе надѣльной землей, а сельскаго общества - проживаніе въ чертѣ одного селенія, коммиссія не могла, однако, не признать, что въ то время, какъ каждое земельное общество составитъ вполнѣ обособленное отъ всѣхъ остальныхъ подобныхъ обществъ цѣлое, наоборотъ. сельское общество, состоящее

изъ одного селенія, можетъ быть нерѣдко съ пользою для дѣла объединено въ одно общество вмѣстѣ съ сосѣдними. Дѣйствительно, расположенныя въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи селенія могутъ имѣть общіе интересы, могутъ естественно тяготѣть другъ къ другу. Такъ, напримѣръ, двѣ или три деревни, расположенныя другъ отъ друга на разстояніи 3—4 верстъ, очевидно, могутъ имѣть одну общую школу, общій пожарный обозъ, пріютъ, наконецъ, одного общаго сельскаго старосту. Между тѣмъ, само собою разумѣется, что чѣмъ крупнѣе общественное единеніе, тѣмъ доступнѣе для него принятіе мѣръ, сопряженныхъ съ значительными расходами. Мелкимъ сельскимъ обществамъ принятіе мѣръ, вызываемыхъ интересами благоустройства деревни, въ большинствѣ случаевъ не подъ силу, такъ какъ расходы по нимъ, распредѣляясь между незначительнымъ числомъ домохозяевъ, представляютъ, даже въ случаѣ крайней ихъ скромности, непосильную тяготу. По приведеннымъ соображеніямъ, коммиссія признала соотвѣтственнымъ предоставить отдѣльнымъ селеніямъ соединяться между собою въ одно сельское общество, при чемъ починъ въ этомъ дѣлѣ коммиссія полагала предоставить какъ самимъ крестьянамъ, такъ и крестьянскимъ учрежденіямъ.....

Съ приведеніемъ численнаго и территоріальнаго объема крестьянскихъ общественныхъ единицъ въ соотвѣтствіе съ родомъ и количествомъ возложенныхъ на нихъ закономъ обязанностей и кругомъ связывающихъ ихъ общихъ интересовъ будетъ въ значительной степени упорядочена дѣятельность крестьянскихъ сходовъ. Однако въ семъ отношеніи, по мнѣнію редакціонной коммиссіи, не безполезны были бы и особыя мѣропріятія, обращенныя непосредственно къ означенной цѣли.

Такъ, надлежитъ изыскать способы къ повышенію уровня личнаго состава сходовъ. Достигнуть этого возможно посредствомъ

установленія болѣе строгихъ условій для полученія права участія на нихъ. Далѣе необходимо съ особой тщательностью остановиться на вопросѣ,... не цѣлесообразно ли замѣнить полные сельскіе сходы—сходами выборныхъ и притомъ во всѣхъ ли обществахъ или лишь въ особо многолюдныхъ, а также по всѣмъ ли подлежащимъ вѣдѣнію сходовъ вопросамъ или только по нѣкоторымъ и при какихъ ближайшихъ условіяхъ должна произойти подобная замѣна?

Вслѣдъ за мѣропріятіями, относящимися до упорядоченія сходовъ, слѣдуетъ обсудить мѣры, способныя повысить умственный, а въ особенности. нравственный, уровень должностныхъ лицъ крестьянскаго общественнаго управленія. Нѣтъ сомнѣнія, что обезпеченность порядка деревенской жизни только и возможна при наличности толковыхъ, добросовѣстныхъ и пользующихся должнымъ въ глазахъ крестьянъ авторитетомъ начальниковъ селъ и волостей.

Однако, при всей очевидности и безспорности конечныхъ цѣлей измѣненія этой части законодательства о крестьянахъ, редакціонная коммиссія полагала, что практическія условія положенія и дѣятельности должностныхъ лицъ крестьянскаго общественнаго управленія едва ли дадутъ возможность достигнуть какихъ-либо коренныхъ улучшеній въ этой области.

Главнѣйшими причинами неудовлетворительности состава нашей сельской администраціи являются: 1) необыкновенная многосложность ея обязанностей, исполненіе коихъ поглощаетъ массу времени и затрудняетъ возможность успѣшнаго веденія собственнаго хозяйства и иныхъ личныхъ дѣлъ, вслѣдствіе чего наилучшій элементъ деревни—зажиточные и домовитые крестьяне — отказываются отъ принятія должностей по крестьянскому общественному управленію, и 2) полная подчиненность этихъ должностныхъ лицъ рѣшительно всѣмъ органамъ уѣздной

администраціи, почему-либо желающимъ обратиться къ ихъ содѣйствію.

Явленія эти, находящіяся въ связи со многими особенностями мѣстнаго управленія, устранимы лишь мало-по-малу и притомъ только при содѣйствіи цѣлаго ряда другихъ мѣропріятій, почему въ настоящее время не представляется, по мнѣнію коммиссіи, возможности идти далѣе нѣкоторыхъ частичныхъ въ этомъ дѣлѣ улучшеній, ближайшее опредѣленіе коихъ и составитъ задачу соотвѣтственныхъ постановленій проекта.

Засимъ, подлежатъ существенному измѣненію правила, опредѣляющія порядокъ вступленія въ составъ крестьянскихъ обществъ и увольненія изъ нихъ. Вопросъ этотъ органически связанъ съ наиболѣе жизненными интересами хозяйственнаго и поземельнаго быта крестьянъ и отражается въ своихъ неисчислимыхъ послѣдствіяхъ не только въ жизни даннаго села или деревни, но и далеко за ихъ предѣлами.....

Послѣдовавшая, въ силу Именнаго Указа Правительствующему Сенату 12-го марта 1903 г., отмѣна круговой поруки, съ одновременнымъ переложеніемъ отвѣтственности за исправное внесеніе всѣхъ окладныхъ сборовъ съ лица, пользующагося обложеннымъ земельнымъ имуществомъ, на самое это имущество... сразу разсѣкаетъ тотъ узелъ, который связывалъ воедино вопросъ о порядкѣ выхода и вступленія въ крестьянское общество съ вопросомъ объ исправномъ внесеніи окладныхъ сборовъ и погашеніи всѣхъ накопившихся по нимъ недоборовъ и недоимокъ, и даетъ полную возможность поставить выходъ изъ общества главнымъ образомъ, если не исключительно, въ зависимость отъ доброй воли каждаго члена его, при томъ, разумѣется, условіи, чтобы выходящій отказался разъ навсегда отъ права участія во владѣніи и пользованіи мірской землей..... Въ соотвѣтствіи съ этимъ, условія выхода изъ общества должны

быть значительно облегчены и поставлены въ зависимость не отъ воли самого общества, а отъ иныхъ началъ, охраняющихъ устои семейной жизни.

Наряду съ порядкомъ добровольнаго выхода изъ состава земельнаго общества, крайне настоятельно указать и тѣ случаи, когда выходъ этотъ происходитъ обязательно. Вызывается это тѣмъ обстоятельствомъ, что нынѣ крестьянскія общества считаютъ въ своемъ составѣ многихъ лицъ, находящихся въ постоянномъ и долговременномъ отсутствіи, обществу совершенно неизвѣстныхъ и въ большинствѣ случаевъ порвавшихъ не только всякую фактическую связь съ своими однообщественниками, но и утратившихъ крестьянскій обликъ, всецѣло, по всему складу своихъ умственныхъ и нравственныхъ понятій, слившихся съ другими, преимущественно городскими, сословіями. Между тѣмъ, нынѣ, сколь бы ни было продолжительно отсутствіе такихъ лицъ изъ общества, не только они сами, но и всѣ ихъ потомки—лица, родившіяся и выросшія вдали отъ общества—сохраняютъ право на участіе въ пользованіи мірской землей. Существованіе такихъ лицъ не можетъ не отражаться крайне невыгодно на всемъ строѣ землепользованія крестьянъ, окончательно лишая его всякой устойчивости. Легко себѣ представить то чувство, которое вызываетъ появленіе подобныхъ лицъ въ обществѣ, неизмѣнно сопровождающееся требованіемъ съ ихъ стороны участка мірской земли. Такимъ образомъ, какъ интересы самой земли—возможно долгое сохраненіе ея въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ, такъ и интересы членовъ земельнаго общества — огражденіе ихъ отъ требованій о надѣленіи землей со стороны лицъ, имъ совершенно чуждыхъ, и, наконецъ, интересы всей сельской жизни —охраненіе деревни отъ насильственнаго вторженія въ ея составъ отбросовъ городской жизни, ибо къ нимъ принадлежитъ большинство ушедшихъ съ давнихъ поръ

озъ селъ и затѣмъ вернувшихся въ него членовъ земельнаго Общества, всѣ эти интересы въ равной степени требуютъ установленія такого срока, по истеченіи коего члены земельнаго общества, не пользовавшіеся ни полевою, ни усадебною принадлежащей обществу землей и не проживавшіе въ теченіе всего этого срока въ принадлежащемъ къ обществу селеніи, исключались бы изъ состава онаго, независимо отъ выраженнаго ими на то согласія.

Что касается усовершенствованій въ порядкѣ вступленія новыхъ членовъ, то коммиссія полагала необходимымъ обратить особое вниманіе на недостаточно опредѣленное нынѣ въ законѣ личное и имущественное положеніе лицъ, усыновляемыхъ отдѣльными крестьянами, пріймаковъ и внѣбрачныхъ дѣтей, и точными постановленіями закона пресѣчь дальнѣйшую возможность тѣхъ споровъ и неурядицъ въ сельскихъ обществахъ, кои происходятъ нынѣ въ огромномъ большинствѣ случаевъ усыновленія и пріймачества.

Пересмотръ правилъ о мірскихъ повинностяхъ, имуществахъ и капиталахъ долженъ служить послѣднимъ звеномъ, замыкающимъ послѣдовательную цѣпь мѣропріятій по усовершенствованію крестьянскаго общественнаго управленія.

Соображая означенныя правила, въ связи съ данными объ окладахъ мірскихъ сборовъ въ различныхъ мѣстностяхъ, редакціонная коммиссія пришла къ заключенію о крайней обременительности для крестьянъ существующаго мірскаго обложенія и о необходимости возможнаго его облегченія. Ближайшими причинами непосильности для крестьянъ мірскихъ сборовъ являются избраніе сельскими и волостными обществами неточныхъ и нецѣлесообразныхъ основаній обложенія, произвольность и неупорядоченность пріемовъ раскладки сборовъ, а главное неполнота закона по вопросу о лицахъ, подлежащихъ обло-

женію мірскими сборами. Отсутствіе опредѣленныхъ въ семъ послѣднемъ отношеніи указаній закона привело на практикѣ къ тому, что проживающіе въ значительномъ числѣ въ сельскихъ мѣстностяхъ лица городскихъ состояній и разночинцы, несмотря на вполнѣ однородный съ крестьянами образъ жизни и занятій и на пользованіе услугами крестьянскихъ сословныхъ учрежденій, свободны отъ какого-либо участія въ несеніи мірскаго податнаго бремени.

Въ виду изложеннаго, коммиссія полагала, что работы ея по настоящему отдѣлу должны быть направлены къ возможному расширенію источниковъ матеріальныхъ средствъ сельскихъ обществъ, установленію наиболѣе удобныхъ и справедливыхъ основаній обложенія и пріемовъ раскладки, и, наконецъ, къ учрежденію бдительнаго надзора за всѣмъ ходомъ общественнаго хозяйства и въ особенности за состояніемъ общественныхъ капиталовъ и иныхъ мірскихъ имуществъ»....(Тр. т. I, стр. 39—49).

Приведенныя сужденія ред. коммиссіи вызвали нижеслѣдующіе критическіе отзывы:

„Вѣстникъ Права“ (№ 2, 1904 г., административная хроника): .....«Коммиссія при обсужденіи реформы крестьянскаго управленія совершенно правильно выставляетъ положеніе, что интересы, связующіе отдѣльныхъ крестьянъ, раздѣляются на двѣ категоріи: къ первой относятся интересы, вызываемые общностью землепользованія; къ другой — интересы хозяйственно-административные, общіе для всѣхъ крестьянъ, живущихъ въ чертѣ одного селенія. Въ настоящее время въ организаціи т. н. «сельскаго общества» слиты обѣ эти категоріи и отсюда цѣлый рядъ неудобствъ и затрудненій. Коммиссія вполнѣ основательно предполагаетъ создать два типа общественныхъ крестьянскихъ союзовъ, пріуроченные къ разнаго рода интересамъ. Высказавъ эту мысль, коммиссія однако не останавливается на способахъ осуществленія ея. И это понятно, если вспомнить принципы, которые коммиссія считаетъ незыблемыми. Дѣйствительно, если произвести разложеніе функцій сельскаго общественнаго управленія, то получатся двѣ единицы: *поземельная община*, вѣдающая иму-

щественно-поземельныя дѣла, и община административно-общественно-хозяйственная. Если проанализировать тѣ функціи, которыя выполняетъ и должна выполнять послѣдняя, по предположеніямъ самой коммиссіи, то окажется, что сословность совершенно ей чужда, что удовлетвореніе тѣхъ общихъ матеріальныхъ и духовныхъ потребностей (школьныя, врачебныя, санитарныя, пожарныя и т. д.), которое возлагаетъ на нее проектъ, столь же важно для крестьянъ, какъ и для другихъ жителей сельскихъ мѣстностей. И потому община можетъ быть конструирована только на началѣ всесословности. Этотъ выводъ, конечно, совершенно противорѣчитъ началу, поставленному коммиссіей во главѣ угла, и, можетъ быть этимъ объясняется та лаконичность, съ которой коммиссія кончаетъ съ этимъ вопросомъ. Разсужденіе какъ то обрывается, и это жаль, ибо исходная точка коммиссіи вполнѣ правильна. Безъ правильной организаціи сельской всесословной ячейки, въ видѣ ли особой хозяйственно-административной общины, въ видѣ ли мелкой единицы, или всесословной волости—всѣ проекты улучшенія правового быта деревни останутся мертворожденными. Уничтоженіе опеки, внесеніе законности въ деревенскій обиходъ, отмѣна дискреціонной власти сельскихъ властей и земскихъ начальниковъ, тяготѣющей надъ деревней—тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ этимъ вопросомъ.

Редакціонная коммиссія это, повидимому, понимаетъ: упомянувъ весьма кратко о необходимости улучшенія личнаго состава сельскихъ (сходовъ ?), о неудовлетворительности постановки сельскихъ должностей, коммиссія не надѣется на коренное улучшеніе въ послѣдней области. Сложность обязанностей сельской администраціи, полная подчиненность ея всѣмъ органамъ уѣзднаго управленія—эти причины вырожденія деревенскаго самоуправленія коммиссія считаетъ устранимыми лишь мало по малу и „при томъ только при содѣйствіи цѣлаго ряда другихъ мѣропріятій, почему въ настоящее время не представляется, по мнѣнію коммиссіи, возможности идти далѣе нѣкоторыхъ частныхъ въ этомъ дѣлѣ улучшеній“... Мы не знаемъ, каковы будутъ эти частныя улучшенія. Объясненія коммиссіи обходятъ полнымъ молчаніемъ вопросы о волостномъ правленіи, объ административно-судебныхъ органахъ, созданныхъ реформой 1889 г., обо всѣхъ проявленіяхъ опеки и усмотрѣнія, которыми такъ богата деревенская жизнь. Можетъ быть это молчаніе тоже должно быть объяснено тѣмъ, что если поразобраться въ „тѣхъ другихъ мѣропріятіяхъ“, которыми, по мнѣнію

коммиссіи, можетъ быть достигнуто коренное улучшеніе деревенскихъ порядковъ, то оказалось бы, что они прежде всего поколебали бы тотъ принципъ сословности, который будто бы составляетъ душу крестьянской реформы. Эта недоговоренность особенно характерна, если сравнить ее съ прямой и искренней постановкой вопроса въ мѣстныхъ комитетахъ. Главныя черты реформы крестьянскаго самоуправленія были правильно разработаны въ Кахановской коммиссіи; крестьянскія учрежденія, созданныя Положеніемъ 1889 г., съ ихъ идеей попечительства оказались совершенно несостоятельными передъ новыми запросами жизни.

Требуются новыя формы, а вмѣсто нихъ проектъ коммиссіи собирается, повидимому, давать мелочныя поправки и улучшенія, которыя теряютъ всякое значеніе, разъ то, что составляетъ основу крестьянскаго нестроенія, не только остается въ силѣ, но признается и вообще не подлежащимъ измѣненію».....

Г. Кожухаръ, касаясь того же предмета *въ „Саратовской Земской Недѣлѣ“ (№ 6—7, 1904 г.)*, говоритъ: ....«Проектъ организаціи сельскаго устройства имѣетъ, по сравненію съ дѣйствующимъ Положеніемъ, и одну положительную черту, а именно, отдѣленіе земельной крестьянской организаціи земельнаго общества отъ хозяйственно-административнаго. Такое отдѣленіе проектировалось еще редакціонными коммиссіями, выработавшими положеніе 19 февраля 1861 г. Потомъ оно было обстоятельно разработано Кахановской коммиссіей, въ первой половинѣ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка, и, наконецъ, его приняла и нынѣшняя редакціонная коммиссія. Мы не можемъ не присоединиться къ этой части ея проекта, какъ вполнѣ цѣлесообразной и необходимой. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ не отмѣтить, что этимъ по существу весьма полезнымъ отдѣленіемъ редакціонная коммиссія къ сожалѣнію воспользовалась только для того, чтобы тѣмъ свободнѣе ограничить число лицъ, участвующихъ въ сельскомъ и волостномъ общественно-административномъ устройствѣ: этого она не могла бы сдѣлать, если бы общественно-административное устройство было соединено съ земельнымъ, такъ какъ тогда всякое недопущеніе къ общественному самоуправленію означало бы нарушеніе и ограниченіе не только публичныхъ правъ, но и гражданскихъ правъ собственности»...

„Новости“ (№ 19 отъ 19 Января 1904 г.) въ статьѣ „Преобразованіе крестьянскаго управленія и суда“ находятъ, что «Преобразованіе крестьянскаго управленія и суда предположено редакціонною коммиссіею только

въ частностяхъ. Исходя изъ мысли, что основныя начала положенія 1861 года должны быть сохранены, коммиссія не разсматривала вопроса о возможности образованія всесословной волости. А, между тѣмъ, главной причиной того неудовлетворительнаго состоянія, въ какомъ, по признанію самой коммиссіи, находится крестьянское управленіе, несомнѣнно, представляется именно его сословный характеръ.

Отсюда истекаютъ: тягость мірского обложенія, падающаго на однихъ крестьянъ; зависимость едва грамотнаго, а иногда и безграмотнаго старшины отъ волостного писаря, который часто вовсе и не принадлежитъ къ крестьянскому сословію, или, по крайней мѣрѣ, къ мѣстному крестьянству, а, между тѣмъ, является дѣйствительнымъ заправилой сословнаго управленія. Отсюда и скудное вознагражденіе крестьянскихъ должностныхъ лицъ, и даже та, справедливо указываемая коммиссіею, „полная подчиненность ихъ рѣшительно всѣмъ органамъ уѣздной администраціи почему-либо желающимъ обратиться къ ихъ содѣйствію“, словомъ, тѣ главныя причины неудовлетворительности состава нашей сельской администраціи, на которыя указываетъ сама коммиссія.

Отсюда, прибавимъ, наряду съ пассивной подчиненностью волости и сельской власти всѣмъ рѣшительно служащимъ лицамъ, является и разобщенность, отчужденность волости отъ активнаго сотрудничества съ земскими и административными учрежденіями въ дѣлѣ какихъ-либо улучшеній.

Всѣ эти недостатки гораздо вѣрнѣе могли бы быть устранены введеніемъ волости въ кругъ общаго управленія съ приданіемъ ей всесословнаго состава. Въ своихъ мотивахъ коммиссія замѣчаетъ, что крестьянство, по роду своихъ занятій и особенностямъ быта, является особымъ сословіемъ не только въ силу закона, но и въ силу дѣйствительности. Пусть это такъ, хотя такое сословіе, въ которое входятъ 80 процентовъ всего населенія страны, правильнѣе назвать огромнымъ большинствомъ народа, чѣмъ однимъ изъ существующихъ въ государствѣ сословій. Но, во всякомъ случаѣ, самая волость-то, какъ чисто административная форма, созданная закономъ, не имѣетъ по своему назначенію ничего общаго ни съ историческими преданіями крестьянскаго сословія, ни даже съ тѣмъ или инымъ видомъ землепользованія.

Волость есть просто низшій органъ государственнаго управленія, такой органъ, который долженъ имѣть характеръ общественный, но не со-

словный. Сверхъ того, какъ общественный органъ, наиболѣе близкій къ землѣ, волость должна быть низшимъ звеномъ земскаго самоуправленія. Необходимость преобразованія волости въ учрежденіе всесословное, уже тому лѣтъ двадцать, была достаточно выяснена и въ публицистикѣ, и въ сужденіяхъ земскихъ собраній.

Между тѣмъ, коммиссія, указавъ на недостатки нынѣшнихъ органовъ крестьянскаго управленія, высказала такое мнѣніе, что эти недостатки могутъ быть устранены только мало-по-малу, „почему въ настоящее время не представляется возможности идти далѣе нѣкоторыхъ частичныхъ въ этомъ дѣлѣ улучшеній". Эти улучшенія ограничиваются тремя мѣрами. Во-первыхъ, предоставляется единичнымъ членамъ крестьянскаго общества право выхода изъ него независимо отъ согласія общества, но съ условіемъ отказа разъ навсегда отъ права участія во владѣніи и пользованіи мірской землей. Никакого вознагражденія за землю при этомъ не предполагается.

Во-вторыхъ, установляется для отсутствующихъ изъ деревни опредѣленный срокъ, по минованіи котораго они исключаются изъ общества помимо своего согласія. Облегченіе выхода изъ общества, несомнѣнно представитъ собой важное улучшеніе, но отсутствіе вознагражденія за землю, хотя бы за выходцемъ этимъ не состояло никакихъ недоимокъ, и лишеніе его земли, помимо воли, въ случаѣ долговременнаго отсутствія, уменьшаютъ значеніе предполагаемой льготы.

Въ-третьихъ, наконецъ, проектируется привлеченіе всѣхъ постоянно проживающихъ въ сельскихъ обществахъ лицъ, мѣщанъ, ремесленниковъ и проч., подлежащихъ крестьянскому управленію и суду, къ участію въ платежѣ мірскихъ сборовъ, съ цѣлью усиленія средствъ для вознагражденія должностныхъ лицъ этого управленія и суда. Вотъ все, что предполагается по части преобразованія крестьянскаго управленія. Эти улучшенія нисколько не касаются самого состава и порядковъ управленія»...

„Биржевыя Вѣдомости" (№ 19 отъ 12 янв. 1904 г.) въ статьѣ „Крестьянское общественное управленіе" говорятъ: .....«Коммиссія упоминаетъ о трудныхъ и тяжелыхъ условіяхъ не только дѣятельности, но и положенія крестьянскихъ должностныхъ лицъ. Именно, общая обстановка этого „положенія" представляетъ крайне неблагопріятныя условія для составленія комплекта сельскихъ начальниковъ, которые,—по выраженію коммиссіи,—были бы добросовѣстными и толковыми, и, кромѣ того, пользовались бы

уваженіемъ и авторитетомъ въ крестьянской средѣ. Въ самомъ дѣлѣ основнымъ условіемъ авторитета какого бы то ни было начальника является его положеніе относительно болѣе высокаго начальника. Если это, положеніе приличное и упорядоченное закономъ, если непосредственный высшій начальникъ обращается съ нимъ хотя бы съ внѣшнимъ уваженіемъ и, по меньшей мѣрѣ, вѣжливо, то и низшій начальникъ можетъ своею „толковостью и добросовѣстностью“ завоевать себѣ уваженіе своихъ подчиненныхъ. Если же самъ начальникъ не можетъ разсчитывать на серьезное и ровное къ нему обращеніе своего непосредственнаго начальства, если онъ, даже по закону, подверженъ непосредственнымъ, строгимъ и крутымъ дисциплинарнымъ взысканіямъ этого непосредственнаго начальства, то, при всей своей добросовѣстности и умѣлости, онъ не въ состояніи завоевать себѣ ни уваженія, ни авторитета въ окружающей средѣ. Между тѣмъ, таково именно, въ общемъ, положеніе сельскихъ старостъ, писарей и волостныхъ старшинъ. Не говоря уже о бытовыхъ условіяхъ, существующія законоположенія не обезпечиваютъ ихъ начальственнаго авторитета. Они могутъ быть подвергнуты аресту, безъ суда, и прочимъ наказаніямъ, распространяющимся на лицъ крестьянскаго сословія; обычною формою обращенія къ нимъ является слово «ты», которое только въ случаѣ обоюдности сохранило бы свое обычное, патріархальное значеніе, но безъ этой обоюдности, оно носитъ уже совершенно другой характеръ. И вообще, въ виду того, что патріархальныя отношенія въ Россіи отошли въ область прошлаго, должно было бы отойти въ ту же область мѣстоимѣніе «ты»,—по меньшей мѣрѣ, въ отношеніи къ крестьянамъ, облеченнымъ властью. Вообще, отношенія уѣздныхъ властей къ должностнымъ лицамъ сельскаго управленія теперь не урегулированы закономъ. Это, къ сожалѣнію, открываетъ широкій просторъ индивидуальнымъ воззрѣніямъ отдѣльныхъ начальниковъ на формы обращенія съ подчиненными и не даетъ достаточныхъ задерживательныхъ моментовъ для соотвѣственныхъ навыковъ.... Несомнѣненъ фактъ, что многіе зажиточные, добропорядочные и умственно развитые крестьяне не идутъ на должности сельскихъ начальниковъ именно вслѣдствіе обстановки „положенія“ крестьянскихъ должностныхъ лицъ. Упорядоченіе положенія сельскихъ властей и узаконенное право на строго урегулированное обращеніе съ ними какъ непосредственныхъ ихъ начальниковъ, такъ и представителей всѣхъ учрежденій и вѣдомствъ, которымъ предоставляется право требовать содѣйствія сельскихъ

властей, составятъ самую солидную мѣру для поднятія умственнаго и нравственнаго уровня должностныхъ лицъ и, слѣдовательно, отразятся благотворно на общей культурности населенія, что ставитъ своей задачей и новый проектъ крестьянской реформы».

Г. Еропкинъ въ упомянутой статьѣ „Редакціонная Коммиссія по пересмотру „положенія о крестьянахъ“ („Вѣстн. Евр.“, августъ 1904 г.) говоритъ: ....«Въ области усовершенствованій общественнаго крестьянскаго управленія коммиссія останавливается на необходимости нѣкоторыхъ видоизмѣненій первичныхъ ячеекъ этого управленія—сельскихъ обществъ—въ общества *земельныя*, объединенныя общностью землепользованія, и общества собственно *сельскія*, объединенныя интересами сосѣдской жизни; такая реформа, по мнѣнію коммиссіи, устранила бы нерѣдко встрѣчающееся нынѣ совершенно искусственное соединеніе различныхъ селеній крестьянъ въ единое общество, или наоборотъ, разъединеніе одного селенія на различныя общества, по основаніямъ, давно утратившимъ всякое жизненное значеніе, по принадлежности крестьянъ разнымъ помѣщикамъ или по общему акту поземельнаго владѣнія. Итакъ, „принявъ за основной признакъ земельнаго общества совмѣстное владѣніе надѣльной землей, а сельскаго общества—проживаніе въ чертѣ одного селенія, коммиссія не могла, однако, не признать, что въ то время какъ каждое земельное общество составитъ вполнѣ обособленное отъ всѣхъ остальныхъ подобныхъ обществъ цѣлое,—наоборотъ, сельское общество, состоящее изъ одного селенія, можетъ быть нерѣдко съ пользою для дѣла объединено въ одно общество вмѣстѣ съ сосѣдними“. Эту послѣднюю мѣру коммиссія считаетъ полезной главнымъ образомъ въ видахъ сохраненія непосильныхъ для мелкихъ обществъ мірскихъ расходовъ на содержаніе особыхъ лицъ должностного управленія, или особыхъ общественныхъ учрежденій или предпріятій: напр., содержаніе школы, пожарнаго обоза и т. п

Необходимыя улучшенія должны коснуться, по мнѣнію коммиссіи, также и личнаго состава сходовъ и выборныхъ сельской администраціи. Коммиссія не указываетъ, однако, какихъ-либо опредѣленныхъ мѣръ въ этомъ направленіи; она напоминаетъ лишь предположеніе о замѣнѣ полныхъ сходовъ сходами выборныхъ, бывшее на обсужденіи губернскихъ совѣщаній по пересмотру Положеній о крестьянахъ въ 1894—1895 годахъ и вызвавшее тамъ совершенное разногласіе. По отношенію къ составу должностныхъ лицъ сельской администраціи, коммиссія, исходя изъ двухъ

главныхъ причинъ неудовлетворительной ея дѣятельности,—чрезвычайной многочисленности ея обязанностей и полной подчиненности рѣшительно всѣмъ органамъ уѣздной администраціи, „почему либо желающимъ обратиться къ ея содѣйствію“,—полагаетъ, что „практическія условія положенія и дѣятельности должностныхъ лицъ крестьянскаго общественнаго управленія едва ли дадутъ возможность достигнуть какихъ-либо коренныхъ улучшеній въ этой области“.

Къ столь же пессимистическому выводу пришла коммиссія и по вопросу о реформѣ мірскихъ повинностей, имуществъ и капиталовъ и, вполнѣ признавая „крайнюю обременительность для крестьянъ существующаго мірского обложенія и необходимость возможнаго его облегченія“, она единственными мѣрами въ этомъ направленіи указала совершенно палліативныя средства: привлеченіе къ мірскому обложенію лицъ городскихъ состояній и разночинцевъ, проживающихъ въ селеніяхъ, на которыхъ распространена юрисдикція крестьянскихъ установленій,—выработку наиболѣе удобныхъ и справедливыхъ основаній обложенія и пріемовъ раскладки и, наконецъ, учрежденіе бдительнаго надзора за ходомъ общественнаго хозяйства. Но въ чемъ же здѣсь заключается реформа, и развѣ неизвѣстно редакціонной коммиссіи, что еще Высочайше утвержденнымъ 16-го февраля 1869 года Положеніемъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія (лит. «В») установлено, что крестьяне, владѣющіе надѣломъ, и послѣ приписки къ городскому сословію обязаны отбывать мірскія повинности, и денежныя, и натуральныя? Развѣ коммиссіи не извѣстенъ цѣлый рядъ указовъ правительствующаго сената (1889, 1893 годовъ по дѣлу Баксановыхъ, Колесниченко, Лазо, Ботезадо и др.) о томъ, что лица городскихъ сословій, *имѣющія осѣдлость* въ селеніяхъ, подлежатъ привлеченію къ платежу мірскихъ сборовъ? Всѣ эти узаконенія и разъясненія податнымъ органамъ, наблюдающимъ за правильностью сельскихъ раскладокъ, давно и хорошо извѣстны, и никакого новаго открытія коммиссія здѣсь не сдѣлала. Мѣра эта оказалась палліативной въ дѣлѣ уменьшенія обременительности мірского обложенія потому, что лица городскихъ сословій, подлежащія такому обложенію, составляютъ каплю въ морѣ мірскихъ нуждъ и потребностей; ибо эти разночинцы—по преимуществу пролетаріи, не имѣющіе никакой земли и никакой недвижимой собственности. А надзоръ участковыхъ земскихъ начальниковъ—развѣ онъ еще недостаточно бдителенъ, чтобы въ области мірского обложенія необходимо было прибѣ-

гать къ еще болѣе бдительному надзору? Наконецъ, развѣ существующія основанія и пріемы раскладки мірскихъ сборовъ оказались несправедливыми? Вѣдь несправедливыя основанія не могли быть допущены органами уѣздной администраціи, призванными Положеніемъ 23-го іюня 1899 года (ст. 13—20) къ двойному контролю сельскихъ раскладочныхъ приговоровъ и со стороны податныхъ инспекторовъ, и со стороны земскихъ начальниковъ?

Думается намъ, что какія бы основанія раскладки ни принимать и ни придумывать, какіе бы наивящшіе способы бдительнаго контроля ни примѣнять, сколько бы ни привлекать къ обложенію лицъ, подчиненныхъ сельской юрисдикціи,—этого мелкаго мастерового люда, въ огромномъ большинствѣ случаевъ полныхъ пролетаріевъ,—мірское обложеніе не станетъ отъ того ни чуть легче. Въ статьѣ моей, напечатанной въ 9-й книгѣ „Русской Мысли“ за 1897 годъ, подъ заглавіемъ: „По поводу пересмотра законодательства о крестьянахъ“, мною указывалась цифра мірскихъ волостныхъ и сельскихъ сборовъ по Рязанской губерніи, выведенная по даннымъ податныхъ инспекторовъ, въ 1.011.000 руб. въ годъ; эта цифра составитъ обложеніе мірскими сборами крестьянскихъ земель по 75 коп. съ десятины, или по 2 руб. 18 коп. съ души; земскій сборъ, тотъ самый сборъ, который вызвалъ и продолжаетъ вызывать столько жалобъ и нареканій по своей чрезвычайной обременительности, который повлекъ за собой спеціальныя правительственныя мѣры по поводу его предѣльности, за тотъ же годъ выражался по губерніи (съ надѣловъ) въ цифрѣ 604 тысячи рублей—вдвое почти меньше мірского. За тотъ же годъ свободный остатокъ отъ урожая съ надѣловъ, по переводѣ на деньги, выражался въ цифрѣ 1.836 тысячъ рублей. Какую же ничтожнѣйшую долю будутъ составлять среди этихъ громадныхъ цифръ какіе-нибудь рубли и копѣйки мірскихъ сборовъ съ сельскихъ разночинцевъ! Вѣдь если бы привлечь къ мірскому обложенію всѣ вообще владѣльческія земли по губерніи безъ всякаго изъятія, то и тогда мірскіе сборы съ надѣловъ понизились бы менѣе чѣмъ на половину и превышали бы 40 коп. на десятину. Чтобы яснѣе и нагляднѣе представить себѣ интенсивность и чувствительность сословнаго мірского обложенія, достаточно указать одну лишь цифру, это—дворянскіе сборы: за тотъ же годъ и по той же губерніи они выражались въ цифрѣ 6 коп. съ десятины.

Итакъ, къ чему сводится вся сущность проектированныхъ коммиссіей мѣръ по упорядоченію сельскаго общественнаго управленія? Во-пер-

выхъ, распредѣленіе сельскихъ обществъ на общества земельныя и сельскія, или, яснѣе сказать, селенныя,—съ весьма существенными, однако, оговорками и отступленіями для мелкихъ селеній; во-вторыхъ, весьма спорная реформа по отношенію къ составу сельскихъ сходовъ путемъ замѣны полныхъ сходовъ—сходами выборныхъ; въ-третьихъ, платоническое пожеланіе, или, точнѣе выразиться, сожалѣніе о невозможности упорядочить сельскую выборную администрацію, и въ-четвертыхъ, нѣсколько запоздалыхъ палліативовъ въ сферѣ мірского обложенія. И—это все.

А между тѣмъ, какъ просто, какъ легко, какъ логично разрѣшались бы даже эти, намѣченныя самой коммиссіей, неустройства сельскаго общественнаго управленія, еслибы приглядѣться и присмотрѣться къ голосу и къ требованіямъ жизни, которая сама подсказываетъ исходъ, если бы живую мысль не запечатывать запретными печатями и замками: всесословная земская волость—вотъ жизненный исходъ, вотъ радикальная мѣра въ дѣлѣ улучшенія сельскаго быта. Поземельная община, или поземельное общество въ качествѣ юридическаго лица, имѣющая своего представителя въ волостномъ собраніи, состоящемъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ или представителей отъ извѣстныхъ группъ землевладѣльцевъ, и волостная управа въ качествѣ органа исполнительнаго по всѣмъ хозяйственно-административнымъ дѣламъ волости,—одной этой организаціей достигаются цѣли и упорядоченія состава сходовъ, и улучшенія выборной администраціи, и облегченія мірского обложенія.

Въ чемъ мы безусловно присоединяемся къ проекту коммиссіи и готовы горячо его поддерживать—это въ облегченіи условій выхода изъ общества или изъ общины. Редакціонная коммиссія указываетъ, что за отмѣной круговой поруки нѣтъ уже никакихъ основаній насильственно задерживать въ обществѣ отдѣльныхъ домохозяевъ; имѣется уже полная возможность поставить выходъ изъ общества главнымъ образомъ, если не исключительно, въ зависимость отъ доброй воли каждаго члена его, „при томъ, разумѣется, условіи, чтобы выходящій разъ навсегда отказался отъ права участія во владѣніи и пользованіи мірской землей“.

Думается мнѣ, что поземельная община нашихъ дней и не можетъ представляться ничѣмъ инымъ, какъ добровольнымъ союзомъ, юридическимъ лицомъ чисто имущественнаго характера: выходъ изъ этого союза всегда долженъ быть свободенъ; здѣсь нѣтъ мѣста никакому принужденію, подобно тому, какъ нельзя принудить никого состоять обязательнымъ участ-

никомъ какой-либо акціонерной компаніи; каждый участвуетъ въ общемъ предпріятіи, въ эксплоатаціи общинной земли лишь до тѣхъ поръ, пока ему это представляется выгоднымъ, и свободно уходитъ къ другому занятію, разъ это послѣднее для него предпочтительнѣе. Но мы не можемъ себѣ уяснить, для чего необходимо при выходѣ изъ общины ставить непремѣннымъ условіемъ отказъ отъ земли на вѣчныя времена? Я полагаю вполнѣ возможнымъ установить даже особую форму увольненія крестьянъ путемъ временнаго исключенія изъ общины, подобно тому какъ изъ нея временно исключаются лица, поступившія на государственную службу, но не имѣющія однако правъ на совершенное исключеніе изъ податного состоянія (напр. почтальоны); въ каждый данный моментъ, за силою семейныхъ или иныхъ какихъ-либо обстоятельствъ, временно исключенный изъ общины можетъ вновь возвратиться въ общество съ правами на надѣлъ.

Когда мѣра эта была предложена мною въ коммиссіи по отмѣнѣ круговой поруки, засѣдавшей въ 1903 году при департаментѣ окладныхъ сборовъ, то я встрѣтилъ цѣлый рядъ весьма серьезныхъ возраженій; изъ нихъ наиболѣе существеннымъ являлось указаніе на неизбѣжность разрушающаго вліянія этой мѣры на сельскіе общественные распорядки: крайняя легкость отказа отъ земли и неменьшая легкость возвращенія на надѣлъ лицъ, порвавшихъ связь съ землей, лицъ, чуждыхъ для даннаго общества и числящихся въ немъ лишь номинально, - создаютъ такое ненормальное положеніе для членовъ общины даннаго состава и даннаго момента времени, находящихся подъ угнетеніемъ вѣчнаго страха предъ возможностью наплыва разныхъ бездомныхъ скитальцевъ или разбогатѣвшихъ аферистовъ и капиталистовъ (купцовъ), что всякое значеніе экономическихъ благопріятныхъ послѣдствій общины подрывается въ самомъ корнѣ. Этотъ вѣчный страхъ способенъ будетъ парализовать всякую самодѣятельность и правильное развитіе общины, насколько оно выражается въ періодичности передѣловъ земли, и въ самомъ правѣ перехода къ подворному землепользованію. Вполнѣ признавая въ высшей степени серьезное значеніе за этими аргументами, я полагаю однако, что они касаются не столько самаго принципа предлагаемой мною мѣры, сколько отдѣльныхъ ея деталей.

Предложеніе мое въ самомъ принципѣ исходитъ изъ двухъ началъ, которыя остались нимало не поколебленными; первое начало—освобожденіе личности отъ земли, и второе—возможное обезпеченіе и устраненіе

безземельнаго пролетаріата. Вотъ два главныхъ начала, къ которымъ община должна находиться въ подчиненномъ положеніи, ибо главной цѣлью общины именно и является поземельное устройство и обезпеченіе сельскаго населенія. Исходя изъ этихъ двухъ началъ, кто возмется утверждать, что крестьянинъ долженъ быть навсегда прикованъ къ своему надѣлу и что, разъ отказавшись отъ земли, ему уже нѣтъ къ ней возврата? Такая отвлеченная теорія общины была бы слишкомъ жестокой.

Переходя къ частностямъ, въ чемъ видятъ опасность предлагаемой мною мѣры? Прежде всего, въ неустойчивости передѣловъ при постоянной возможности возвращенія на надѣлъ временно уволившихся членовъ. Я также полагаю, что ограниченія въ интересахъ правильности и устойчивости передѣловъ здѣсь совершенно необходимы. Я и говорю, что факультативному праву уволившихся на пользованіе надѣломъ должно соотвѣтствовать и факультативное надѣленіе землей возвратившагося лишь изъ свободныхъ надѣловъ или при первомъ передѣлѣ. Болѣе сложнымъ, повидимому, препятствіемъ являлся бы переходъ общины къ подворному землепользованію. Но при проектируемомъ мною порядкѣ временнаго увольненія изъ общины, уволившійся домохозяинъ «для счета народнаго» продолжалъ бы числиться въ своемъ обществѣ, откуда и получалъ бы виды на жительство; такимъ образомъ не встрѣтилось бы неустранимыхъ затрудненій въ оповѣщеніи всѣхъ такихъ уволившихся о состоявшемся приговорѣ общины о переходѣ къ подворному землепользованію для предъявленія ими правъ на причитающіяся доли участковъ надѣловъ или для окончательнаго ихъ отказа отъ земли. Въ данномъ случаѣ вполнѣ возможно установленіе извѣстныхъ давностныхъ сроковъ на предъявленіе этихъ правъ. Къ тому же случаи перехода отъ общиннаго землепользованія къ подворному вообще очень рѣдки.

Говорятъ, что обезпеченіе пролетаріата можетъ подорвать экономическія силы общины при большомъ наплывѣ инвалидовъ. Но и здѣсь вполнѣ возможны мѣры противъ неблагопріятныхъ послѣдствій слишкомъ широкаго проведенія въ жизнь права возвращенія на надѣлы. Совершенно необходимо установить для этого права извѣстную давность, при чемъ, исходя изъ минимальныхъ сроковъ передѣловъ, давность эту возможно было бы установить двѣнадцатилѣтнею. Но это уже вопросы частностей. Замѣтимъ при этомъ, что закономъ 12 марта 1903 года министру финансовъ предоставлено право слагать оклады выкупныхъ платежей съ надѣ-

ловъ бездоходныхъ, заброшенныхъ. Такимъ образомъ и съ этой точки зрѣнія интересы общины ничѣмъ нарушены не будутъ, разъ надѣлъ удалившагося члена никѣмъ не будетъ принятъ и останется безъ эксплоатаціи» ....

„Биржевыя Вѣдомости“ (№ 25, отъ 15 янв. 1904 г.) въ статьѣ „Новые члены крестьянскихъ обществъ“, касаясь вопроса о вступленіи въ общество, говорятъ:.... «На фонѣ запутанныхъ экономическихъ и правовыхъ отношеній, характеризующихъ современный укладъ крестьянской жизни, особенные споры и неурядицы разыгрываются по поводу лицъ, усыновляемыхъ и принимаемыхъ въ семью общинника. Существующій законъ почти не касается этихъ условій усыновленія и «пріймачества» и во всякомъ случаѣ не даетъ указанія на точное установленіе имущественныхъ правъ. Коммиссія полагаетъ, что эта сторона крестьянской жизни также назрѣла для регламентаціи закономъ.

Этимъ ограничиваются указанія коммиссіи по данному вопросу. Жизнь однако, выдвинула еще категорію лицъ, включеніе которыхъ въ крестьянскія общества было бы, во многихъ отношеніяхъ, желательно. Мы говоримъ объ обратномъ пріемѣ въ общества людей, выдѣленныхъ изъ него не по собственной волѣ, а вслѣдствіе особыхъ законоположеній. Въ настоящее время какъ казенная служба, такъ даже и полученіе образованія отрываютъ крестьянскаго юношу отъ родной деревни и разобщаютъ его отъ крестьянскаго міра. Существующія объ этомъ узаконенія выработаны были когда-то съ благою цѣлью дать поощреніе молодымъ людямъ для карьеръ, расширяющихъ ихъ права и заработокъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нужнымъ для государства. Когда-то эта усиленная государственная фабрикація чиновниковъ, учителей, техниковъ, ученыхъ и т. д. была необходима; теперь же обстоятельства значительно измѣнились и крестьянство могло бы выдѣлить достаточное число своихъ болѣе или менѣе образованныхъ представителей, помимо искусственнаго поощренія для образованія и государственной службы.

Во всякомъ случаѣ, можно было бы оставить право на поощренія этого рода, но отнюдь не обязательность ихъ. Понятно, что выдѣленіе образованныхъ лицъ изъ среды крестьянства понижаетъ его умственный уровень; обязательность же этого выдѣленія составляетъ теперь искусственный факторъ пониженія общественнаго уровня крестьянскаго сословія, почти неодолимое препятствіе къ нормальному поднятію общественной культуры. Независимо отъ общихъ послѣдствій, существующій порядокъ

увольненія образованныхъ лицъ изъ крестьянскихъ обществъ способенъ причинять страданія и семьѣ вышедшаго, и ему самому. Въ печати сообщались случаи о ходатайствахъ отдѣльныхъ лицъ относительно обратной приписки ихъ къ родной деревнѣ. Намъ лично извѣстны случаи такого рода. Одинъ, напримѣръ, бывшій крестьянинъ, кончившій курсъ средняго училища и выдержавшій экзаменъ на частнаго повѣреннаго, пожелалъ вернуться въ свою деревню. Общество приняло его съ радостью и отвело надѣлъ, съ которымъ адвокатъ управлялся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Однако, скоро было возбуждено дѣло о неправильной припискѣ привилегированнаго лица къ крестьянскому обществу, которое тянулось нѣсколько лѣтъ, дошло до сената и кончилось разъясненіемъ, что существующія законоположенія не позволяютъ бывшему крестьянину снова сдѣлаться крестьяниномъ, полноправнымъ членомъ крестьянскаго общества.

Въ другомъ примѣрѣ, также намъ извѣстномъ, пожилой уже крестьянинъ, владѣлецъ громаднаго имѣнія и крупный хлѣботорговецъ,— чуть-ли не милліонеръ,—долго не записывался въ купцы. Когда же предстояло введеніе Положенія 12-го іюня 1889 г., знакомые и родные этого крестьянина стали ему совѣтовать взять увольнительный приговоръ изъ общества, крестьянинъ долго колебался, но все-таки рѣшилъ остаться крестьяниномъ. Онъ мотивировалъ свою волю тѣмъ, что, если онъ и его семья выйдутъ изъ крестьянства, то его ближайшіе родственники и друзья все же останутся въ «крестьянскихъ трудностяхъ» и онъ не считаетъ себя въ правѣ создать для себя и семьи иную правовую обстановку.— «Тутъ я ихъ поддержу, помогу, а когда уйду изъ общества, — всѣхъ ихъ забуду». Такъ онъ и до сихъ поръ несетъ крестьянскія обязанности и правовую обстановку, хотя по своимъ средствамъ сильнѣе большинства окружающихъ его помѣщиковъ. Эти два примѣра взяты изъ двухъ сосѣднихъ уѣздовъ одной и той же губерніи (Саратовской) и оба доказываютъ одно и то же, а именно, искреннюю и сильную потребность человѣка не порывать связи съ родною обстановкою. Нужно, слѣдовательно, думать, что и въ другихъ губерніяхъ найдутся люди съ такими же твердыми и вполнѣ опредѣленными стремленіями, и еще большее число лицъ, которыя проявили бы тѣ же чистыя и благородныя побужденія, которыя составили бы просвѣщенный элементъ своихъ крестьянскихъ обществъ, внесли бы въ него тѣ желательныя начала, на отсутствіе которыхъ ука-

зываетъ редакціонная коммиссія, т. е. пониманіе чужихъ правъ и болѣе ясное правосознаніе вообще.

Намъ кажется, что вопросъ о правѣ вступленія въ крестьянское общество лицъ иныхъ сословій—бывшихъ крестьянъ и вообще желающихъ сдѣлаться крестьянами—непремѣнно поднимется при обсужденіи реформы на мѣстахъ. Нужно надѣяться, что губернскія совѣщанія увидятъ въ положительномъ его разрѣшеніи одну изъ очень серьезныхъ, необходимыхъ мѣръ для улучшенія крестьянскаго общественнаго управленія и для поднятія культурнаго уровня крестьянства вообще».

„Московскія Вѣдомости“ (№ 105, отъ 7 апрѣля 1904 г.) въ статьѣ „Пути сельскихъ обществъ“ по вопросу о выходѣ изъ общины, говорятъ:

«Проявляя свое попеченіе и заботы въ отношеніи всего крестьянскаго сословія, Правительство въ то же время не должно, конечно, отдавать отдѣльныхъ крестьянъ въ полную зависимость отъ сельскихъ обществъ и общинъ, и должно одинаково защищать права лицъ, какъ оно защищаетъ права сословія. Если Правительство находитъ необходимымъ стать на защиту слабыхъ крестьянъ, то оно, несомнѣнно, должно предоставить возможность всѣмъ индивидуально-сильнымъ, умственно-переросшимъ крестьянамъ найти примѣненіе своимъ способностямъ, расправить свои крылья, но съ тѣмъ, чтобы ихъ ростъ происходилъ не за счетъ всего крестьянства, а шелъ самостоятельнымъ путемъ.

Съ цѣлью ослабить ту «тяжелую цѣпь», которая будто бы связывала до сего времени каждаго крестьянина съ сельскимъ обществомъ, предположено облегчить отдѣльнымъ крестьянамъ выходъ изъ обществъ и изъ общины. Правда, хотя законъ (ст. 208 Общ. Пол., изд. 1902 г.) объ условіяхъ выхода изъ общества—отсутствіе недоимокъ и частныхъ взысканій, пріемный и увольнительный приговоры и пр.—до сихъ поръ, конечно, не отмѣненъ, но на практикѣ, особенно съ отмѣной круговой поруки, онъ давно уже утратилъ свою силу и значеніе, ибо онъ, очевидно, былъ выработанъ для того времени, когда земля, служащая предметомъ обложенія, была дешева и не оправдывала лежащихъ на ней податей; законъ этотъ, такъ сказать, привязывалъ крестьянъ къ землѣ, пока не погашена выкупная ссуда. Нынѣ времена перемѣнились, земля страшно вздорожала, за надѣлы борются не на жизнь, а на смерть, и каждое сельское общество съ удовольствіемъ уволитъ изъ своего состава каждаго члена, ибо причи-

тающаяся на его долю надѣльная земля останется тогда въ пользованіи общества.

Конечно, и нынѣ часто отъ крестьянъ проживающихъ въ городахъ можно услышать жалобы на притѣсненіе обществъ, которыя разлагаютъ иногда мірскіе сборы и на отсутствующихъ крестьянъ, хотя бы они и не владѣли надѣлами; но эти жалобы очень мало заслуживаютъ довѣрія. Посовѣтуйте такому крестьянину выйти изъ общества, — а онъ знаетъ, что нынѣ сдѣлать это легко, — и онъ отвѣтитъ вамъ, что это для него невыгодно, ибо онъ теперь платитъ только какіе-нибудь 2 рубля, а если причислиться въ мѣщанское общество, то придется платить до 10 руб.

И вотъ онъ жалуется на свое общество, и въ то же время не хочетъ увольняться изъ него, потому что это для него невыгодно.

По предположенію редакціонной коммиссіи, указанный стѣснительный законъ, совершенно устарѣвшій и уже почти не примѣняемый въ жизни, отмѣняется и будетъ предоставлена полная возможность выхода изъ общества по доброй волѣ каждаго члена его, при томъ, разумѣется, условіи, чтобы выходящій отказался разъ навсегда отъ права участія во владѣніи и пользованіи мірскою землей. Выходу изъ общества не будутъ препятствовать ни существованіе недоимокъ, ни частныя взысканія. Правда, мы никакъ не можемъ согласиться съ замѣчаніемъ редакціонной коммиссіи, что первыя (недоимки) „обезпечиваются самою оставляемою землей, которая одна лишь и отвѣтственна“. Мы думаемъ, что каждый недоимщикъ отвѣчаетъ за свой долгъ, который можно взыскать и тогда, когда онъ выйдетъ изъ общества. Едва ли также можно согласиться, чтобы недоимки увольняемаго изъ общества недоимщика переходили не на него, а на того, кто получитъ его земельный надѣльный участокъ.

Такое прощеніе долга и переложеніе его на другихъ едвали желательно и совершенно не отвѣчаетъ цѣли. Каждый отвѣчаетъ за свои долги самъ. А недоимки — долгъ. Затѣмъ, крестьянинъ слабохарактерный, подъ вліяніемъ тяготѣнія надъ нимъ недоимокъ, можетъ уволиться, выйти изъ общества, лишь бы избавиться отъ платежа недоимокъ, тогда какъ для него это не выгодно, а вредно. Къ этому можетъ побуждать его даже само общество.

Мы бы еще поняли, если бы претендентомъ на надѣльный участокъ выходящаго изъ общества являлось лицо новое, только что принятое въ общество. Такое лицо, получая надѣлъ безъ платы выкупныхъ платежей

за прошлое время, могло бы, конечно, принять на себя уплату недоимокъ безъ ущерба, даже съ выгодой, ибо ему пришлось бы платить выкупные платежи не 49, а можетъ—всего какихъ-нибудь 10—15 лѣтъ. Такой переводъ недоимокъ былъ бы, по крайней мѣрѣ, справедливъ; но почему заставлять общество платить недоимки за уходящаго отъ него члена, когда круговая порука нынѣ отмѣнена,—мы понять не можемъ. Очевидно, редакціонная коммиссія просто обмолвилась; исправить эту обмолвку тѣмъ легче, что подробныя условія выхода изъ общества нынѣ еще не выработаны, а только намѣчены.

Во всякомъ случаѣ, въ принципѣ рѣшено, что условія выхода изъ общества и общины должны быть облегчены и поставлены въ зависимость не отъ воли самого общества, а отъ иныхъ началъ, охраняющихъ устои семейной жизни. Съ добровольнымъ выходомъ изъ общества порвется для вышедшихъ и та попечительная о нихъ забота Правительства, которая будто бы,—какъ ложно увѣряютъ либералы, — такъ тяготитъ крестьянъ. Они вступятъ въ иныя сословія, «опекой» не пользующіяся.

Но бываютъ случаи, когда, помимо добровольнаго выхода изъ общества, необходимо, въ интересахъ дѣла, сдѣлать такой выходъ обязательнымъ. Въ проектѣ редакціонной коммиссіи предусмотрѣны и эти случаи».

„Народное Хозяйство“ (кн. 1-ая 1904 г., внутр. обозр.), касаясь того же вопроса, находитъ, что..... «кромѣ уничтоженія юридическихъ стѣсненій къ добровольному выходу изъ земельной общины совершеннолѣтнихъ членовъ ея, слѣдовало бы создать и экономическое облегченіе для такого выхода установленіемъ обязательнаго вознагражденія лицъ, покидающихъ данную общину, за оставляемую ими надѣльную землю. Такое вознагражденіе можно было бы организовать въ формѣ особыхъ государственныхъ выкупныхъ ссудъ съ погашеніемъ ихъ затѣмъ обязательными платежами общества или домохозяевъ, къ которымъ перейдетъ оставляемый надѣлъ. Изъ такого вознагражденія могли бы составляться главныя средства для содѣйствія организованному переселенію крестьянъ на свободныя казенныя земли».....

Волостной судъ и уставы: о наказаніяхъ и договорахъ и наслѣдованіи.

Переходя къ пересмотру дѣйствующихъ правилъ о волостномъ судѣ и признавъ, что «преобразованіе волостныхъ судовъ на началахъ закона 12 іюля 1889 г. отразилось благопріятно на общемъ ходѣ сельскаго правосудія, ... личный составъ этихъ судовъ улучшился, дѣятельность ихъ пошла успѣшнѣе и они во многихъ мѣстностяхъ пріобрѣли уваженіе сельской среды», редакціонная коммиссія все же находитъ, что . . . . . «и нынѣ преобразованный волостной судъ, хотя улучшенный по сравненію съ прежнимъ, не можетъ почитаться стоящимъ на уровнѣ возложенной на него высокой задачи. Поэтому коммиссія полагаетъ, что въ настоящее время, въ связи съ пересмотромъ законоположеній о крестьянахъ, настала пора сдѣлать еще болѣе рѣшительный шагъ въ томъ направленіи, которое намѣчено Временными Правилами 12 іюля 1889 года».

Своевременность и необходимость такой постановки вопроса, по мнѣнію коммиссіи, вытекаетъ изъ слѣдующихъ соображеній.—

«Какъ кругъ лицъ, подвѣдомственныхъ волостному суду, такъ и количество тѣхъ, совершаемыхъ сельскими обывателями проступковъ и возникающихъ въ ихъ средѣ гражданскихъ исковъ, которые подлежатъ разбирательству сего суда, весьма значительны. Въ сущности волостной судъ вѣдаетъ нынѣ громадное большинство какъ проступковъ, такъ и имущественныхъ споровъ, по крайней мѣрѣ, 80% всего населенія Имперіи.

Не смотря однако на столь обширную компетенцію, волостной судъ не имѣетъ въ изданныхъ для него правилахъ такихъ, опредѣляющихъ его дѣятельность какъ по дѣламъ уголовнымъ, такъ и гражданскимъ указаній, которыя, по своей полнотѣ и опредѣленности, отвѣчали бы размѣрамъ и значенію этой дѣятельности. Такъ, прежде всего, порядокъ производства дѣлъ въ волостномъ судѣ не установленъ съ достаточной подробностью. . . , что не можетъ отразиться на правильномъ ходѣ правосудія. Еще бо́льшими, быть можетъ, недостатками отличаются существующія для волостного суда карательныя правила.—

Кругъ подсудныхъ ему проступковъ очерченъ въ законѣ 12 іюля 1889 г. простымъ перечнемъ статей Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, общее число коихъ достигаетъ 82, при чемъ, однако, волостной судъ обязанъ примѣнять къ этимъ проступкамъ не тѣ взысканія, коими они обложены въ Уставѣ, а особыя значительно пониженныя карательныя нормы.—Вмѣстѣ съ тѣмъ, во Временныхъ Правилахъ имѣются лишь общія указанія о предѣлахъ карательной власти волостного суда, не устанавливающія какого либо соотвѣтствія между наказаніями, налагаемыми по отдѣльнымъ проступкамъ общими судебными мѣстами и волостнымъ судомъ.—

Наконецъ, въ отношеніи рѣшенія дѣлъ гражданскихъ волостной судъ оставленъ дѣйствующими о немъ узаконеніями почти безъ всякихъ руководящихъ указаній. Въ ст. 135 Общ. Пол. сказано лишь, что дѣла эти подлежатъ рѣшенію «по совѣсти, на основаніи имѣющихся въ дѣлѣ доказательствъ; при разрѣшеніи тяжбъ и споровъ между крестьянами, въ особенности же дѣлъ о раздѣлѣ крестьянскаго наслѣдства, судъ руководствуется мѣстными обычаями». При этомъ, однако, закономъ не установлено, что именно надлежитъ понимать подъ обычаемъ, какимъ образомъ удостовѣриться, что положенный въ

основу рѣшенія суда обычай можетъ дѣйствительно именоваться таковымъ и отвѣчаетъ издавна укоренившемуся въ данной мѣстности правосознанію крестьянъ.

Совокупность изложенныхъ соображеній . . . . . приводитъ редакціонную коммиссію къ убѣжденію, что для того, чтобы волостной судъ, при настоящихъ условіяхъ его дѣятельности, могъ удовлетворять въ полной мѣрѣ своему назначенію и представлялъ дѣйствительно судъ правый и скорый, необходимо преподать ему въ руководство во всѣхъ подробностяхъ разработанныя правила процессуальнаго и матерьяльнаго права, какъ уголовнаго, такъ и гражданскаго».—

Обращаясь отъ этихъ общихъ соображеній къ ближайшему соображенію, въ чемъ должны состоять такія правила, коммиссія въ конечномъ выводѣ пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ:

«Съ предстоящимъ введеніемъ въ дѣйствіе новаго Уголовнаго Уложенія, Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, утратитъ силу и значеніе дѣйствующаго закона. Съ тѣмъ вмѣстѣ лишатся внутренняго содержанія какъ статья 17 Временныхъ Правилъ 12 Іюля 1889 года, установляющая уголовную подсудность волостного суда ссылкою на подлежащія статьи Устава о наказаніяхъ и тѣмъ самымъ обязывающая его при опредѣленіи состава проступковъ сообразоваться съ означенными статьями, такъ и ст. 35 Врем. Правилъ, предписывающая волостному суду руководствоваться нѣкоторыми изъ содержащихся въ первой главѣ того же устава общихъ положеній . . . . . Для устраненія возникающаго такимъ образомъ весьма существеннаго затрудненія, помимо разработки новаго уголовнаго кодекса для мелкихъ правонарушеній, подсудныхъ волостному суду, могутъ быть предложены только два способа—или распространить на эти дѣянія дѣйствіе соотвѣт-

ствующихъ постановленій Уголовнаго Уложенія, съ тѣмъ, чтобы волостной судъ ими одними руководствовался, или же ограничиться новымъ изданіемъ Временныхъ Правилъ, сохранивъ ихъ существо и дополнивъ одними только диспозитивными постановленіями статей нынѣ дѣйствующаго Устава о наказаніяхъ, на которыя сдѣлана ссылка въ ст. 17 Врем. Прав., а также полнымъ текстомъ общихъ положеній того же устава, къ коимъ отсылаетъ ст. 35 Врем. Прав.».

Всесторонне сообразивъ оба эти способа и установивъ непріемлемость какъ того, такъ и другого, коммиссія съ своей стороны полагала, «что для волостного суда долженъ быть составленъ особый уставъ о наказаніяхъ, имъ налагаемыхъ. При выполненіи этой задачи надлежитъ, по мнѣнію коммиссіи, руководствоваться слѣдующими тремя основными положеніями: 1) охватывая приблизительно ту же область проступковъ, какъ и Врем. Прав. 12 Іюля 1889 г., проектируемый уставъ, при опредѣленіи состава и отличительныхъ свойствъ преступныхъ дѣяній, долженъ опираться на постановленія новаго Уголовнаго Уложенія, лишь пріурочивая ихъ къ особымъ условіямъ и видамъ сельской преступности; 2) по внѣшней формѣ изложенія, уставъ этотъ долженъ отличаться ясностью и наглядностью, избѣгать излишне отвлеченной формулировки состава наказуемыхъ проступковъ, а равно пояснять, въ цѣляхъ ихъ болѣе легкой усвояемости, устанавливаемыя имъ общія положенія подходящими примѣрами и вообще всемѣрно примѣняться къ уровню пониманія и мышленія той среды, для которой онъ предназначается, и 3) по степени наказуемости предусматриваемыхъ имъ проступковъ, уставъ долженъ, по возможности, приближаться къ мѣрамъ карательной репрессіи, установленнымъ для однородныхъ преступленій новымъ Уголовнымъ Уложеніемъ, отступая отъ сего пріема лишь въ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ это представляется безусловно необходимымъ»—.

Вслѣдъ засимъ, обращаясь къ опредѣленію способовъ, коими возможно упорядочить дѣятельность волостныхъ судовъ въ области возникающихъ въ сельскомъ быту и имъ подвѣдомственныхъ гражданскихъ правоотношеній, редакціонная коммиссія въ окончательномъ выводѣ пришла къ слѣдующимъ основнымъ заключеніямъ: «1) обширность современной подсудности волостныхъ судовъ по дѣламъ гражданскимъ, въ связи съ непрекращающимся осложненіемъ подлежащихъ ихъ вѣдѣнію правоотношеній, не допускаетъ дальнѣйшаго оставленія волостного суда безъ всякихъ въ этой области писанныхъ правилъ; 2) сокращеніе компетенціи этого суда по гражданскимъ дѣламъ не осуществимо; 3) распространеніе дѣйствія общихъ гражданскихъ законовъ на всѣ явленія имущественнаго крестьянскаго быта невозможно безъ рѣзкаго нарушенія какъ существующаго строя крестьянской жизни, такъ и правосознанія самихъ крестьянъ; 4) единственно правильнымъ при такихъ условіяхъ рѣшеніемъ поставленнаго вопроса является составленіе особаго сельскаго устава для волостныхъ судовъ; 5) сельскій уставъ долженъ обнимать два главные типа гражданскихъ правоотношеній—договоры и наслѣдованіе; не теряя связи съ общими гражданскими законами страны, онъ долженъ быть согласованъ съ основными началами принятыми наукой права для всякаго гражданскаго кодекса, а также съ правовыми понятіями среды, для коей предназначается; 6) сельскій уставъ долженъ допускать примѣненіе обычая, причемъ послѣднему надлежитъ присвоить преобладающее значеніе въ области права наслѣдственнаго и подсобный характеръ въ области права обязательственнаго, и 7) по своему изложенію уставъ долженъ быть доступенъ пониманію крестьянской среды».—

Переходя далѣе къ вопросу о судопроизводствѣ въ волостныхъ судахъ и отмѣтивъ, что «Временныя Правила 12 іюля 1889 г.

насколько они касаются судопроизводства волостного суда, не отличаются надлежащей полнотой и оставляютъ многіе существенные процессуальные вопросы совершенно невыясненными», вслѣдствіе чего «въ практикѣ волостныхъ судовъ господствуетъ крайнее разнообразіе пріемовъ въ такихъ вопросахъ, которые должны были разрѣшаться единообразно», ... а вмѣстѣ съ тѣмъ...» и высшія инстанціи не имѣютъ опредѣленныхъ основаній для сужденія о соблюденіи волостнымъ судомъ надлежащихъ обрядовъ производства и потому, руководствуясь процессуальными пріемами общихъ судебныхъ мѣстъ, нерѣдко отмѣняютъ по существу правильныя рѣшенія волостныхъ судовъ, за допущенныя послѣдними нарушенія общихъ судопроизводственныхъ законовъ, не имѣющія по бытовымъ условіямъ и свойствамъ волостной юстиціи особо важнаго для конечнаго исхода дѣла значенія», ... ред. коммиссія полагала, что «единственнымъ исходомъ изъ такого положенія является составленіе краткаго по объему, но достаточно полнаго по содержанію, процессуальнаго кодекса для дѣлъ, подвѣдомственныхъ волостному суду». При этомъ коммиссія разсуждала, что «вся система раскрытія правды и доказательства утверждаемыхъ положеній, какъ въ гражданскомъ, такъ и въ уголовномъ процессахъ могли бы покоиться на однородныхъ и даже тождественныхъ началахъ», почему ею составленъ одинъ для обоихъ процессовъ судопроизводственный законъ.

Въ связи съ упорядоченіемъ судопроизводства волостного суда, коммиссія сочла необходимымъ установить:

1) въ цѣляхъ ограниченія непомѣрно высокаго нынѣ процента обжалуемыхъ рѣшеній и приговоровъ волостныхъ судовъ, поднятія въ глазахъ населенія авторитета волостного суда и силы и значенія судебнаго рѣшенія—приведеніе въ исполненіе приговоровъ и рѣшеній сего суда по нѣко-

торымъ наименѣе важнымъ и сложнымъ дѣламъ независимо отъ обжалованія или необжалованія ихъ, и

2) въ цѣляхъ сокращенія количества неосновательныхъ ходатайствъ объ отмѣнѣ окончательныхъ рѣшеній въ кассаціонномъ порядкѣ—обязательность внесенія жалобщикомъ невысокаго денежнаго задатка, подлежащаго возврату лишь въ случаѣ признанія жалобы заслуживающею уваженія.

За симъ ред. коммиссія пришла къ заключенію о необходимости «ввести въ личный составъ апелляціонной надъ волостнымъ судомъ инстанціи тотъ же народный элементъ, изъ коего всецѣло слагается составъ самого волостного суда, и тѣмъ установить необходимую внутреннюю связь между отдѣльными инстанціями волостного суда, которая и будетъ обезпечивать надлежащее единство всей ихъ дѣятельности». Въ сихъ видахъ и въ цѣляхъ «географическаго приближенія къ волостному суду непосредственно надъ нимъ стоящей судебной инстанціи» коммиссія «остановилась на мысли объ освобожденіи уѣздныхъ съѣздовъ отъ обязанностей апелляціонной инстанціи по дѣламъ, рѣшаемымъ волостными судами и объ учрежденіи, для исполненія этихъ обязанностей, особыхъ волостныхъ съѣздовъ, въ 2—4 пунктахъ уѣзда, съ тѣмъ чтобы каждый такой съѣздъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ земскаго начальника того участка, въ коемъ съѣзду назначено мѣсто пребыванія, изъ земскихъ начальниковъ и предсѣдателей волостныхъ судовъ участковъ, входящихъ въ районъ дѣятельности волостного съѣзда».

«Въ заключеніе сужденій по вопросамъ, относящимся до волостного суда, коммиссія коснулась матерьяльнаго вознагражденія волостныхъ судей» и по сему предмету полагала, что . . . . . «только при условіи оплаты судейскихъ должностей въ такомъ размѣрѣ, который съ избыткомъ вознаграждалъ бы

за неизбѣжно вызываемыя ихъ исполненіемъ упущенія въ собственномъ хозяйствѣ, можно надѣяться, а по мнѣнію коммиссіи, даже быть увѣреннымъ, что на эти должности пойдутъ наиболѣе самостоятельные, домовитые и пользующіеся общимъ уваніемъ крестьяне домохозяева; . . . . . однако, ... въ виду обременительности существующаго уже мірского обложенія, . . . коммиссія высказалась лишь за усиленіе нынѣ же содержанія однихъ только предсѣдателей волостныхъ судовъ, съ принятіемъ части этого содержанія на счетъ государственнаго казначейства» . . . . . (Тр. т. I, стр. 49—84).

Изложенныя заключенія редакціонной коммиссіи вызвали нижеслѣдующія критическія замѣчанія:

Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 169, 1904 г.) г. А. А. въ статьѣ „Къ вопросу о волостномъ судѣ“ говоритъ: «Губернскимъ совѣщаніямъ по обсужденію крестьянскихъ законопроектовъ въ настоящее время приходится, между прочимъ, высказаться по вопросу о сохраненіи или упраздненіи волостного суда.

Изъ историческихъ справокъ оказывается, что крестьянскій сословный судъ всегда былъ предметомъ особыхъ заботъ правительства и никогда не оправдывалъ его надеждъ.

Введенный впервые въ 1838 г. для крестьянъ государственныхъ, означенный судъ былъ преобразованъ Положеніемъ 1861 г. и распространенъ на крестьянъ всѣхъ разрядовъ. Относительно дѣятельности волостныхъ судовъ въ первое десятилѣтіе Высочайше учрежденная въ 1872 г. коммиссія для изслѣдованія сельскаго хозяйства свидѣтельствуетъ, что, по дошедшимъ до нея свѣдѣніямъ, отправленіе правосудія въ волостныхъ судахъ совершается неудовлетворительно и часто сопровождается выпивкой. Недостатки волостного правосудія были также выяснены изслѣдованіемъ, произведеннымъ подъ руководствомъ сенатора Любощинскаго.

Въ 1889 г. были Высочайше утверждены временныя правила о волостномъ судѣ, дѣйствующія въ 43 губерніяхъ Европейской Россіи, которыми внесены улучшенія въ устройство и порядокъ дѣйствій волостнаго суда. Но и такой улучшенный, по сравненію съ прежнимъ, волостной судъ, по сознанію самого министерства внутреннихъ дѣлъ, не можетъ почитаться

стоящимъ на уровнѣ возложенной на него высокой задачи. Поэтому,— говоритъ редакціонная коммиссія по пересмотру законоположеній о крестьянахъ,—въ связи съ вопросомъ о будущей крестьянской реформѣ настала пора сдѣлать еще болѣе рѣшительный шагъ въ томъ направленіи, которое намѣчено временными правилами 12 іюня 1889 г. (Труды редакц. коммиссіи, т. I, стр. 52).

Редакціонная коммиссія полагаетъ сохранить волостной судъ въ виду его дешевизны, доступности и близости къ крестьянскому населенію, а также въ виду отсутствія въ немъ тяжелыхъ для крестьянъ формальностей и примѣненія имъ въ своихъ рѣшеніяхъ обычнаго права.

Эти качества волостного суда всегда фигурируютъ, какъ только защитники послѣдняго заводятъ о немъ рѣчь. Думается, что оцѣнка волостного суда производится не съ той точки зрѣнія, съ какой слѣдуетъ. Разбирая достоинства, или недостатки, послѣдняго, надобно исходить не изъ того, что онъ доступенъ, дешевъ и т. п., а изъ того, насколько онъ удовлетворяетъ потребности населенія въ правосудіи и отвѣчаетъ культурному развитію всего государства.

То обстоятельство, что къ волостному суду привыкли крестьяне, что онъ доступенъ и близокъ имъ, нисколько не говоритъ въ его пользу, потому что можно привыкнуть къ самому худому учрежденію, разъ нѣтъ лучшаго. Сомнительна также и дешевизна волостного правосудія, про которую народъ успѣлъ уже въ пѣснѣ выразиться: «Старшина судитъ за деньги,— писарь пишетъ за вино».

Что касается примѣненія волостными судами обычнаго права, то еще въ 70-хъ годахъ извѣстный общественный дѣятель князь Васильчиковъ замѣтилъ, что волостной судъ, волостныя и сельскія сходки руководствуются не обычнымъ правомъ, какъ ошибочно полагаетъ законодатель, а личнымъ произволомъ. Въ обширной литературѣ по вопросу о волостномъ судѣ всегда указывалось и указывается, что право, данное волостному суду, рѣшать дѣла по обычаю нисколько не гарантируетъ справедливости и не удовлетворяетъ тяжущихся въ той мѣрѣ, какъ ожидало правительство, а, напротивъ того, развиваетъ широкій произволъ; что свобода суда въ предпочтеніи мѣстнаго обычая строгому, но разумному закону вовсе не нравится народу, это доказываетъ встрѣчающееся въ жалобахъ на рѣшеніе судовъ выраженіе: «прошу рѣшеніе суда отмѣнить и рѣшить дѣло, какъ законы повелѣваютъ». Отъ этихъ нареканій, въ большинствѣ случаевъ

справедливыхъ, едва-ли когда-нибудь освободятся волостные суды. Вѣдь обычное право у насъ не кодифицировано. А законъ, писанный или въ видѣ обычнаго права, и судья, примѣняющій его, не одно и то же. Законъ—безстрастенъ, строгъ, неумолимъ; судья же какъ и всякій смертный, подверженъ вліянію страховъ, подкупа, родственныхъ отношеній и т. п. Въ то время, какъ гражданскій судья связанъ писаннымъ закономъ, для волостного судьи такого стѣсненія не существуетъ: онъ, свободно игнорируя писанный законъ, можетъ примѣнять обычное право, которое, по предположенію законодателя, заключается въ его правосознаніи. Отсюда—какой неограниченный просторъ открывается для волостныхъ судей на почвѣ злоупотребленій и какая широкая возможность оправдывать послѣднія, ссылаясь на обычное право!.....

Самый идеальный судья изъ крестьянъ едва-ли смогъ бы удачно и безошибочно примѣнять обычное право. Откуда онъ можетъ знать о существованіи обычая, на который ссылается одна изъ сторонъ, когда по пословицѣ, что городъ—то норовъ, что деревня—то обычай? Требовать же удостовѣренія существованія извѣстнаго мѣстнаго обычая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ особыми приговорами крестьянъ неудобно, хотя бы потому, что это можетъ повести къ злоупотребленіямъ при полученіи такихъ приговоровъ и что для этого надо часто собирать сходы, отрывая людей отъ занятій.

Вслѣдствіе всего этого на практикѣ главная роль въ отправленіи правосудіи въ волостномъ судѣ часто принадлежитъ волостному писарю—человѣку вольнонаемному и незаинтересованному въ благосостояніи мѣстнаго крестьянскаго населенія. Волостной писарь на судѣ—юридически ничто, фактически имѣетъ обширную власть. Онъ—предсѣдатель суда, онъ же и прокуроръ. Въ случаѣ сложности и запутанности дѣла судьи иногда бываютъ рады всякому мнѣнію писаря, выводящему ихъ изъ лабиринта недоумѣній подборкой статьи изъ X т. св. зак. Бываетъ и такъ, что судьи прямо обращаются къ писарю со словами: «пишите, какъ наилучше, или какъ законъ велитъ».

Словомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что нынѣшній волостной судъ не удовлетворяетъ крестьянское населеніе.

Отвѣчаетъ ли онъ задачамъ культурнаго развитія государства? Отвѣтъ возможенъ опять таки только отрицательный.

Волостной судъ съ его особой юрисдикціей не только не содѣйствуетъ

развитію въ населеніи понятія законности, но, наоборотъ, вліяетъ на народъ развращающимъ образомъ. Несостоятельность волостной юрисдикціи очевидна. Напримѣръ: крестьянинъ въ дѣлахъ уголовныхъ за простую кражу и мошенничество у крестьянина подлежитъ аресту или денежному взысканію и можетъ помириться съ потерпѣвшимъ, тогда какъ такой же обвиняемый за кражу у лица другого сословія подвергается тюремному заключенію, и примиреніе не допускается. Но развѣ справедливо судить крестьянина за совершеніе одного и того же проступка различно, въ зависимости отъ того, совершилъ ли онъ проступокъ въ городѣ или въ деревнѣ, противъ помѣщика или своего сосѣда крестьянина? Допущеніе такого порядка въ государствѣ не является-ли подталкиваніемъ крестьянина на путь легкомысленнаго отношенія къ закону и извращенія самаго понятія законности?

Наконецъ, волостной судъ есть преграда къ сближенію сословій на почвѣ культурныхъ интересовъ и, какъ таковая, долженъ быть устраненъ. Ничто такъ не разъединяетъ сословія между собою, какъ существованіе для нихъ отдѣльныхъ судовъ, и наоборотъ—ничто такъ не связываетъ ихъ, какъ равенство передъ закономъ и судомъ, одинаково для всѣхъ скорымъ, правымъ и милостивымъ..... Если сила и мощь государства заключаются въ культурномъ единеніи всѣхъ гражданъ, то всякія преграды къ ихъ сближенію должны быть устранены. Мысль о сближеніи сословій у насъ вовсе не нова. Еще въ эпоху подготовки крестьянской реформы, когда поднималась рѣчь объ устройствѣ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ, эта мысль высказывалась какъ въ цѣломъ рядѣ губернскихъ комитетовъ, такъ и въ редакціонныхъ коммиссіяхъ. Уже тогда говорилось, что крестьянскія общества, удаленныя отъ другихъ достаточныхъ классовъ народа, не представятъ ни внутренняго, ни внѣшняго единства; что крестьяне не имѣютъ такихъ интересовъ, которые не были бы неразрывно связаны съ интересами прочихъ жителей мѣстности, собранныхъ также въ уединенныя вѣдомства; что крестьянскія общества будутъ отчуждены совершенно отъ просвѣщеннаго слоя населенія, имѣющаго опытность въ общественныхъ дѣлахъ и могущаго помочь имъ совѣтомъ и самымъ дѣломъ, и что, наконецъ, обособленіе крестьянъ вредно отзовется и на самихъ дворянахъ, которые будутъ жить между крестьянскими обществами въ видѣ какихъ то отверженцевъ (А. Скребницкій. «Крест. дѣло въ царств. Алекс. II», т. 1, стр. 351—352). Высочайше учрежденная

коммиссія 1872 г. полагала желательнымъ введеніе приходскихъ судовъ всесословныхъ при выборномъ, а по мнѣнію одного члена—и безвозмездномъ началѣ. Таковые суды дали бы крестьянамъ судъ правый, землевладѣльцевъ же ограждали бы отъ тѣхъ убытковъ по хозяйству, которые они терпятъ отъ нерадивыхъ рабочихъ (Алексѣевъ. «Мѣст. самоупр. кр.», стр. 249). Наконецъ, и въ наше время почти всѣ земства подняли вопросъ о введеніи мелкой земской единицы, какъ организаціи всесословной. Стало быть, мысль о сближеніи сословій у насъ достаточно созрѣла, и ее не слѣдуетъ игнорировать. И такъ, если волостной судъ не только не удовлетворяетъ потребности населенія въ правосудіи, но и противорѣчитъ задачамъ культурнаго развитія государства, то онъ долженъ отойти въ область минувшаго и уступить мѣсто суду всесословному, въ какой бы формѣ послѣдній ни былъ. Цѣлью законодателя не можетъ быть закрѣпленіе исторически сложившейся обособленности нашего крестьянства, по тому что исторія есть движеніе, а не застой. Движеніе же для насъ возможно только въ одномъ направленіи—туда, куда ушли другіе, далеко опередившіе насъ народы».

Проф. Гуляевъ („Вопросы частнаго права въ проектахъ законоположеній о крестьянахъ“) высказываетъ: .....«Составленіе сельскихъ уставовъ, этотъ, по мнѣнію редакторовъ, до дерзости смѣлый шагъ, предпринято было коммиссіей въ цѣляхъ облегченія дѣятельности волостныхъ судовъ. Но здѣсь возникаютъ вопросы, да нуженъ-ли волостной судъ? есть-ли это такое учрежденіе, которое подлежало-бы дальнѣйшему культивированію? не пора-ли упразднить этотъ судъ, остатокъ предполагавшагося Положеніемъ 19 февраля переходнаго состоянія крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости? Съ точки зрѣнія редакторовъ, для которыхъ волостной судъ является учрежденіемъ, не вызывающимъ никакихъ сомнѣній въ смыслѣ права его на дальнѣйшее его существованіе, вопросы эти покажутся, конечно, «до дерзости смѣлыми». Но такая оцѣнка этихъ вопросовъ можетъ быть сдѣлана только людьми предубѣжденными, твердо держащимися предвзятой мысли о необходимости создавать искусственныя препятствія къ сліянію всѣхъ сословій. На самомъ дѣлѣ волостной судъ является учрежденіемъ, подлежащимъ не дальнѣйшему развитію и культивированію, а упраздненію, потому что существованіе сословнаго крестьянскаго суда и дальнѣйшихъ инстанцій не находитъ себѣ оправданій ни съ исторической, ни съ теоретической, ни съ

практической точекъ зрѣнія. Какъ на историческій прецедентъ, редакторы ссылаются на образованіе въ концѣ тридцатыхъ годовъ волостныхъ и сельскихъ расправъ у государственныхъ крестьянъ. Понятно, однако, что то, что было у крестьянъ при существованіи крѣпостной зависимости, вовсе не можетъ служить оправданіемъ того, что, по мысли редакторовъ, должно существовать у крестьянъ теперь, когда на нихъ распространены личныя и имущественныя права свободныхъ обывателей. Не пригодна для оправданія волостного суда и ссылка на составителей Положенія 19 февраля 1861 г., которые „приняли на себя задачу организовать сословный судъ у владѣльческихъ крестьянъ" (т. I, стр. 50): историкъ великой реформы, какъ мы уже имѣли случай сказать *), заявляетъ, что волостной судъ представлялъ собою учрежденіе временное, обусловливаемое несовершенствомъ въ устройствѣ судебной части той эпохи. Наконецъ, то положеніе волостного суда, какое опредѣлено закономъ 12 іюля 1889 года, вовсе и не есть историческій прецедентъ. Разъ этотъ законъ въ связи съ прочими подлежащими пересмотру законоположеніями о крестьянахъ входитъ въ составъ матеріаловъ, съ какими имѣютъ дѣло редакторы проекта, то нельзя уже смотрѣть на этотъ законъ, какъ на точку отправленія, а слѣдовало и этотъ подлежащій пересмотру законъ подвергнуть критической оцѣнкѣ. Это сознано и редакторами, которые говорятъ: „хотя означенный законъ является крупнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ развитія и усовершенствованія крестьянскаго сословнаго суда, тѣмъ не менѣе редакціонная коммиссія находитъ, что *на этомъ пути нельзя остановиться*. И нынѣ преобразованный волостной судъ, хотя улучшенный по сравненію съ прежнимъ, не можетъ почитаться стоящимъ на уровнѣ возложенной на него высокой задачи. Поэтому коммиссія полагаетъ, что въ настоящее время, въ связи съ пересмотромъ законоположеній о крестьянахъ, настала пора сдѣлать еще болѣе рѣшительный шагъ въ томъ направленіи, которое намѣчено временными правилами 12 іюля 1889 года" (т. I, стр. 52). Почему-же, спрашивается, коммиссія думаетъ, что нужно идти въ направленіи, намѣченномъ этимъ закономъ, создавшимъ непредусмотрѣнный Положеніемъ 19 февраля порядокъ управленія и суда, а не въ направленіи приближенія къ общему закону судоустройства и судопроизводства? На этотъ вопросъ редакторы отвѣта намъ не даютъ; они огра-

*) См стр. 30—33 настоящей книги.

ничиваются лишь указаніемъ на то, что таково мнѣніе коммиссіи, и, исходя изъ недоказаннаго и предвзятаго положенія о томъ, что волостной судъ долженъ существовать, они даютъ объясненіе, почему для руководства волостнымъ судамъ слѣдуетъ составить сельскіе уставы. Волостной судъ— учрежденіе переходной эпохи. Чѣмъ дольше будетъ существовать этотъ судъ, тѣмъ на болѣе продолжительный срокъ искусственно задержится объединеніе всѣхъ сословій въ области права, что, составляетъ, и по мнѣнію редакторовъ, ту конечную цѣль, которую долженъ преслѣдовать законодатель. Но существованіе волостного суда и всего вообще обособленнаго крестьянскаго судоустройства, не связаннаго съ общимъ строемъ судебной части въ Имперіи, существованіе суда, руководствующагося обособленнымъ кодексомъ, безъ сомнѣнія окажется главной искусственной преградой на пути къ сліянію крестьянства съ прочими частями населенія. Если установленіе этой преграды входитъ въ сознательную цѣль редакторовъ, то, конечно, избранное ими средство для достиженія этой цѣли нельзя не признать удачнымъ; но вѣдь редакторы понимаютъ-же и высказываютъ, что разъединенія между крестьянствомъ и прочими сословіями не должно быть. Зачѣмъ-же въ такомъ случаѣ они создаютъ законъ, который на долгое время отсрочитъ сліяніе сословій, который образуетъ между сословіями пропасть? Вопросъ о юридическомъ равенствѣ, о равноправности—вопросъ огромной государственной важности. Въ Западной Европѣ этотъ вопросъ рѣшался не мирнымъ законодательнымъ путемъ, а страшными потрясеніями всего государственнаго организма. Въ совершенно иныхъ, къ счастью, условіяхъ находилось въ этомъ отношеніи наше отечество. У насъ мирнымъ законодательнымъ путемъ развязанъ узелъ крѣпостнаго права, дана свобода, личная и имущественная милліонамъ населенія. Но развѣ можно останавливаться на этомъ? Сдѣлавъ первый шагъ, нужно сдѣлать и второй. Всякая искусственная задержка въ дѣлѣ объединенія гражданскаго права всего населенія, къ чему, по словамъ редакторовъ, стремится и крестьянство, можетъ разразиться въ будущемъ роковыми послѣдствіями. Отъ возможности наступленія такихъ послѣдствій Россію предохранитъ неукоснительное соблюденіе Высочайшихъ предначертаній по пересмотру законодательства о сельскомъ состояніи, ибо «пересмотръ этотъ долженъ совершаться на почвѣ основныхъ началъ Положеній 19 февраля 1861 г. и представлять собою дальнѣйшее ихъ развитіе». Обособленіе крестьянъ не входило въ цѣли редакторовъ Положеній,

не слѣдуетъ, значитъ, и нынѣ стремиться къ этой обособленности, а слѣдуетъ, напротивъ, избѣгать всего того, что эту обособленность можетъ создать и поддержать, и здѣсь на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ упразднить особое судоустройство у крестьянъ. Судебная реформа 1864 года была реформой всесословной и построена не на историческихъ прецедентахъ, противъ которыхъ она именно и направлена была, а на данныхъ теоріи и опытѣ другихъ государствъ. Судебные Уставы провозгласили принципъ раздѣленія власти судебной и административной, сообщили суду независимый характеръ, объявивъ судей несмѣняемыми, вмѣнили суду въ обязанность толковать законъ, примѣняя его не по буквѣ только, но и по духу, - въ виду чего къ отправленію судейскихъ обязанностей должны были быть призваны лица съ высокимъ и спеціальнымъ образовательнымъ цензомъ. Судебныя мѣста построены по типу двухъ инстанцій, съ учрежденіемъ единой кассаціонной инстанціи въ лицѣ кассаціонныхъ департаментовъ Сената. Но черезъ 25 лѣтъ эти основныя начала судоустройства пришли въ забвеніе. Былъ сдѣланъ шагъ назадъ по направленію къ возсоединенію раздѣленныхъ судебной и административной властей—и появился вмѣсто органа юстиціи чиновникъ административнаго вѣдомства, облеченный судебными функціями—земскій начальникъ. Этотъ административно-судебный чиновникъ интересуетъ насъ въ данномъ случаѣ не своими судебными функціями, а тѣмъ положеніемъ, въ какое поставленъ онъ къ волостному суду,—тѣмъ болѣе, что, по проекту положенія о волостномъ судѣ, роль земскаго начальника въ этомъ отношеніи оказывается не только не съуженной, но еще и расширенной. По Положенію 19 февраля 1861 г., волостной судъ предполагался существующимъ отдѣльно отъ административныхъ крестьянскихъ органовъ и ст. 104 Положенія (нынѣ 167 по изд. 1902 г.) гласила: «волостной старшина и староста не должны вмѣшиваться въ производство волостного суда и не присутствуютъ при обсужденіи дѣлъ»; напротивъ, по закону 12 іюля 1889 г. «съѣздъ, если признаетъ нужнымъ, можетъ возложить обязанности предсѣдателя (волостного суда) на мѣстнаго волостного старшину» (ст. 113 Общ. Пол.), а проектъ положенія о волостномъ судѣ идетъ еще дальше».....

„*Приднѣпровскій край*“ (*№ 19, 1904 г.*) говоритъ: «Вопросъ о сельскомъ судебникѣ подымался уже не разъ, но до сихъ поръ остался нерѣшеннымъ, хотя въ такомъ судебникѣ, несомнѣнно, ощущается большая необходимость при современномъ положеніи суда въ деревнѣ. Но есть-ли необходимость,

вообще, въ сохраненіи этого положенія? Есть-ли необходимость въ сохраненіи чисто сословнаго суда, какимъ является судъ волостной для одного лишь крестьянскаго сословія, когда всѣ сословные суды давно уже признаны анахронизмомъ и - кромѣ коммерческихъ—уже уничтожены.

Уничтоженіе коммерческихъ судовъ, какъ мы знаемъ, тоже является вопросомъ времени, военные же суды нельзя считать сословными, такъ какъ имъ подсудны одинаково всѣ граждане во время прохожденія военной службы.

Редакціонная коммиссія признала сохраненіе волостныхъ судовъ необходимымъ, чѣмъ на долгое время будетъ сохранено и отчужденіе крестьянскаго сословія отъ общегосударственной жизни, но мы помнимъ такую эпоху—до изданія закона 12 іюля 1889 года, когда волостные суды, у которыхъ юрисдикція была значительно ограниченнѣе, чѣмъ теперь, почти перестали функціонировать, и крестьяне по своимъ гражданскимъ спорамъ охотнѣе шли къ мировымъ судьямъ, чѣмъ въ свой сословный судъ.

Прошло бы еще четверть вѣка, и волостные суды стали бы совершенно ненужными, какъ не нужны были-бы и особые сельскіе судебники.

Двойственность закона и двойственность суда, различныхъ для разныхъ категорій населенія, не составляетъ такого государственнаго пріобрѣтенія, которое желательно было-бы охранять, и, можетъ быть, полезнѣе и цѣлесообразнѣе было-бы приблизить общіе суды къ населенію деревни, чѣмъ углублять пропасть, отдѣляющую деревенскихъ обывателей отъ остальнаго населенія государства.

Повторяемъ: въ настоящее время, при теперешнемъ положеніи волостного суда, всѣ проектированныя коммиссіей улучшенія его, равно какъ и изданіе для него спеціальныхъ уставовъ, несомнѣнно необходимо, но большому сомнѣнію подвергается необходимость самого дальнѣйшаго существованія обособленнаго сословнаго крестьянскаго суда».

„Вѣстникъ Европы“ (январь 1904 г., внутр. обозр.) ...«Если вѣрить «Новому Времени» (№ 9974), преобразованіе волостного суда намѣчено въ слѣдующемъ видѣ: члены суда, въ числѣ четырехъ, назначаются уѣзднымъ съѣздомъ, по выслушаніи заключенія мѣстнаго земскаго начальника, на три года, изъ числа избираемыхъ сельскими обществами кандидатовъ. Ближайшій и непосредственный надзоръ за движеніемъ дѣлъ въ волостныхъ судахъ и отправленіемъ судьями ихъ обязанностей

возлагается на земскихъ начальниковъ, которые, наравнѣ съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и членами губернскаго присутствія, имѣютъ и право ревизіи волостныхъ судовъ. Второй инстанціей является особый волостной судъ, составленный изъ предсѣдателей мѣстныхъ волостныхъ судовъ, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго земскаго начальника или уѣзднаго предводителя дворянства. Третьей инстанціей по прежнему служитъ губернское присутствіе. И такъ, громадное большинство крестьянскихъ дѣлъ остается изъятымъ изъ вѣдѣнія общихъ судовъ, а слѣдовательно, по всей вѣроятности, не подлежащимъ дѣйствію общихъ законовъ. Зависимость волостныхъ судей не уменьшается, а увеличивается, такъ какъ выборъ ихъ уступаетъ мѣсто назначенію, а надзору земскаго начальника прямо подчиняется «отправленіе судьями ихъ обязанностей», т. е. вся судейская ихъ дѣятельность. «Особый волостной судъ», образующій вторую инстанцію, еще меньше гарантируетъ правосудное рѣшеніе дѣлъ, чѣмъ нынѣшняя вторая инстанція—уѣздный съѣздъ: въ составъ послѣдняго входятъ лица юридически образованныя и независимыя отъ мѣстной администраціи (уѣздный членъ окружного суда, городской судья), а особый волостной судъ предполагается составить изъ тѣхъ же волостныхъ судей, самостоятельности которыхъ присутствіе въ ихъ средѣ земскаго начальника благопріятствовать, безъ сомнѣнія, не будетъ. Мысль объ апелляціонной инстанціи, составленной изъ волостныхъ судей, заимствована, по всей вѣроятности, изъ прежнихъ земскихъ проектовъ или изъ узаконеній, дѣйствующихъ въ остзейскомъ краѣ: но въ послѣднемъ предсѣдателемъ верхняго крестьянскаго суда состоитъ юристъ, не имѣющій никакой власти надъ членами суда, а земскими проектами предсѣдательство предоставлялось мировому судьѣ, т. е. опять таки лицу, не облеченному начальническими правами по отношенію къ волостнымъ судьямъ. Прибавимъ къ этому, что кассаціонной инстанціей надъ верхними крестьянскими судами является въ остзейскомъ краѣ съѣздъ мировыхъ судей, черезъ посредство котораго въ общую судебную іерархію вводятся и волостные суды,—а «особые волостные суды» предполагается оставить подчиненными губернскому присутствію, стоящему совершенно внѣ судебнаго вѣдомства и отводящему очень мало мѣста судебнымъ элементамъ. Сохраненіе, въ главныхъ чертахъ, нынѣ дѣйствующей организаціи крестьянскаго суда равносильно сохраненію для крестьянъ особыхъ нормъ матеріальнаго и процессуальнаго права, особыхъ проступковъ, особыхъ наказаній—другими словами, сохра-

ненію одной изъ главныхъ перегородокъ, отдѣляющихъ народную массу отъ высшихъ, привилегированныхъ общественныхъ классовъ. Менѣе чѣмъ когда либо такое рѣшеніе вопроса можетъ быть признано цѣлесообразнымъ въ настоящее время, послѣ обнародованія новаго уголовнаго уложенія, наканунѣ завершенія новаго гражданскаго кодекса, въ составъ котораго ничто не мѣшало бы включить все, что есть цѣннаго въ такъ называемомъ обычномъ крестьянскомъ правѣ»...

Тотъ же журналъ (августъ 1904 г.) статья г. Еропкина. „Ред. ком. по пересмотру Полож. о крестьянахъ“: .....«Замѣчательно, что, провозгласивъ однимъ изъ незыблемыхъ началъ пересмотра Положенія 19 февраля обособленность крестьянскаго сословія, редакціонная коммиссія замкнула надъ собой такое заколдованное кольцо, изъ котораго не оказалось положительно никакого выхода: не осталось мѣста никакимъ реформамъ въ смыслѣ дѣйствительнаго, радикальнаго улучшенія сельскаго правопорядка; мы уже видѣли, къ какимъ ничтожнымъ результатамъ привела коммиссію реформа сельскаго самоуправленія на почвѣ обособленности крестьянскаго сословія. То же самое наблюдается и въ проектированныхъ ею реформахъ волостной юстиціи. И вновь въ аргументаціи самой коммиссіи чувствуется сознаніе безплодности ея попытокъ.

„Обращаясь къ изысканію путей,—пишетъ редакціонная коммиссія,—могущихъ вывести наше сельское правосудіе въ области гражданскихъ правоотношеній изъ того *неупорядоченнаго* положенія (курсивъ г. Еропкина), въ коемъ оно нынѣ находится, коммиссія признала прежде всего, что такимъ путемъ во всякомъ случаѣ не можетъ явиться сокращеніе круга вѣдомства волостныхъ судовъ до его прежнихъ ничтожныхъ размѣровъ, допускавшихъ разбирательство дѣлъ волостной подсудности на основаніяхъ, присущихъ простой домашней расправѣ. Не слѣдуетъ забывать, что число гражданскихъ дѣлъ, возникающихъ по сельскому быту, уже нынѣ громадно и съ каждымъ годомъ замѣтно увеличивается. Замѣна волостного суда короннымъ была бы при такихъ условіяхъ сопряжена съ непосильными для государственнаго казначейства расходами и кромѣ того оказалась бы, можно сказать, физически неосуществимой, за отсутствіемъ у насъ надлежащаго числа лицъ, могущихъ отправлять судейскія обязанности. Дѣйствительно замѣстить должности волостныхъ судей, хотя бы даже и при значительномъ сокращеніи ихъ числа, изъ состава дѣятелей, органически связанныхъ со всѣми мѣстными интересами, немыслимо. Прогрессивная убыль

помѣстнаго класса достигла нынѣ такихъ размѣровъ, что во многихъ мѣстностяхъ встрѣчаются весьма серьезныя препятствія къ замѣщенію *исключительно изъ лицъ, къ нему принадлежащихъ* (курсивъ г. Еропкина), должностей земскихъ начальниковъ".

Но чѣмъ же помочь горю? По мнѣнію коммиссіи, единственный исходъ — оставить волостной судъ въ настоящемъ его видѣ, снабдивъ его „твердыми правилами писаннаго закона", т.-е. оставить въ неприкосновенности тотъ самый судъ, который, выражаясь подлинными словами коммиссіи, „во многихъ мѣстностяхъ находится подъ сильнымъ вліяніемъ волостныхъ писарей, въ качествѣ людей, обладающихъ большимъ образованіемъ, нежели волостные судьи; между тѣмъ писаря часто не принадлежатъ къ мѣстному населенію и потому съ мѣстнымъ обычаемъ совершенно незнакомы". Любопытно при этомъ отмѣтить, что коммиссія признаетъ „недопустимымъ" предоставленіе повседневныхъ крестьянскихъ дѣлъ на судъ пришлыхъ коронныхъ судей, не знакомыхъ съ бытовыми сторонами сельской жизни. Очевидно, судъ волостныхъ писарей для коммиссіи представляется болѣе предпочтительнымъ. И по какимъ же дѣламъ? „На практикѣ разрѣшаемыя волостными судами дѣла о наслѣдственныхъ спорахъ между крестьянами доходятъ до нѣсколькихъ тысячъ рублей. По спорамъ о договорахъ найма и заборахъ товара, суду приходится порой разбираться въ бухгалтерскихъ книгахъ, такъ какъ одной изъ сторонъ являются нерѣдко торговые люди; по заемнымъ письмамъ волостному суду приходится рѣшать значеніе поручительныхъ и иныхъ надписей; въ дѣлахъ объ арендахъ и о сносѣ построекъ—разбирать чертежи и планы".

Сама коммиссія признаетъ, что ни одинъ изъ дѣйствующихъ въ Имперіи кодексовъ ни процессуальнаго, ни матеріальнаго права не пригоденъ для волостного суда, превышая уровень развитія и пониманія судей; ни уложеніе о наказаніяхъ, ни I-я часть X-го тома, ни проектируемое гражданское уложеніе не могутъ быть ими въ достаточной степени усвоены и примѣнены правильно къ жизни. Въ одномъ случаѣ, „крестьянину былъ бы непонятенъ законъ, въ силу коего за уличную перебранку двухъ бабъ можетъ быть назначено наказаніе, доходящее до 6-ти мѣсяцевъ ареста или 500 рублей пени"; самый характеръ налагаемыхъ волостнымъ судомъ карательныхъ мѣръ рѣзко отличается отъ каръ, положенныхъ за тѣ же проступки въ общемъ уголовномъ законѣ. „Такъ, за преступныя дѣйствія, влекущія за собой въ правительственныхъ судахъ арестъ до трехъ мѣся-

цевъ или даже тюремное заключеніе до одного года, волостной судъ въ правѣ приговорить виновныхъ только къ аресту до 15-ти дней и лишь въ особо важныхъ случаяхъ къ аресту до 30 дней, соединенному съ наказаніемъ розгами до 20 ударовъ". Въ другомъ случаѣ, „гражданскій правооборотъ образовался у крестьянъ на основахъ порядка семейнаго и общиннаго и на принципѣ проведенія во многихъ институтахъ началъ общественныхъ и трудовыхъ, въ ущербъ началамъ индивидуальности и капитализма. Между тѣмъ, именно на послѣднихъ началахъ построено все содержаніе общаго гражданскаго права, въ томъ числѣ и дѣйствующаго X тома Свода Законовъ", предназначеннаго, по мнѣнію коммиссіи, лишь для дворянства, духовенства и купечества, но не для крестьянства. Коммиссія здѣсь приводитъ примѣры невозможнаго по X тому, но часто практикующагося среди крестьянъ устраненія отъ наслѣдованія ближайшихъ кровныхъ родственниковъ, съ дѣтства покинувшихъ семью, или непримѣнимость къ крестьянскому быту безусловнаго требованія письменной формы долгового обязательства или завѣщательныхъ актовъ.

Приведенные примѣры сословнаго правосудія представляются для насъ, однако, мало убѣдительными, такъ какъ въ вопросахъ опредѣленія размѣровъ уголовныхъ наказаній формула общаго уголовнаго законодательства, опредѣляющаго maximum возможной кары, по эластичности своей, нисколько не устраняетъ возможности примѣненія кары меньшаго размѣра, которой, по мнѣнію суда, заслуживаютъ данный проступокъ и данный субъектъ; равнымъ образомъ, для насъ представляется болѣе чѣмъ спорнымъ вопросъ объ интенсивности „легкаго", по мнѣнію коммиссіи, наказанія,—мѣсячнаго ареста, соединеннаго съ наказаніемъ розгами до 20-ти ударовъ; не думаемъ также, чтобы въ общемъ гражданскомъ законодательствѣ не могло быть допущено никакихъ изъятій относительно формальнаго требованія письменныхъ сдѣлокъ для лицъ неграмотныхъ, подобно тому, какъ оно и нынѣ, напр., допускается ст. 1700 X тома ч. I для сдѣлокъ по договоромъ найма крестьянами земель; мы лишь обращаемъ особое вниманіе на то обстоятельство, что сама коммиссія, признавшая полную непригодность X тома для крестьянскаго быта, тѣмъ не менѣе, считаетъ возможнымъ и нормальнымъ оставить права крестьянъ личныя, семейственныя и вотчинныя по внѣ надѣльному имуществу подъ охраной того же непонятнаго и непригоднаго для крестьянъ X тома. Исключеніе должны составлять крестьянскія обязательства и договоры и всѣ дѣла по наслѣдо-

ванію, для которыхъ, будто бы, необходимъ особый сельскій уставъ для волостныхъ судовъ. Впрочемъ, по отношенію къ наслѣдственнымъ правамъ коммиссія предлагаетъ оставить преобладающее значеніе за мѣстнымъ обычаемъ, т.-е. за тѣмъ правовымъ порядкомъ, который, по ея же удостовѣренію, „представляетъ задачу весьма трудную: рѣшить, что есть обычай и что нѣтъ“.

Итакъ, волостной уставъ о наказаніяхъ и сельскій уставъ о договорахъ и наслѣдованіи — и вся задача упорядоченія волостного правосудія будетъ достигнута, какъ полагаетъ редакціонная коммиссія. „Труденъ и на первый взглядъ до дерзости смѣлъ лишь первый шагъ въ этомъ направленіи. Всѣ послѣдующіе шаги—а они неизбѣжны—несомнѣнно будутъ значительно легче, и, по глубокому убѣжденію коммиссіи, не пройдетъ и четверти вѣка, какъ нашъ сельскій судъ будетъ вооруженъ тѣмъ орудіемъ, безъ коего немыслимо ни правосудіе вообще, ни укрѣпленіе въ народномъ сознаніи стойкаго и правильнаго пониманія своего и чужого права, своихъ и чужихъ обязанностей“.

Но вѣдь все это произойдетъ лишь черезъ 25 лѣтъ; а какъ же въ настоящее время? Опять тотъ же судъ волостныхъ писарей, тѣ же особливо-сословныя кары, тотъ же хаосъ примѣненія неуловимаго обычая? Компетентны ли были въ вопросахъ уголовнаго и гражданскаго права авторы, составлявшіе проекты сельскаго устава? По счастливой случайности, у насъ работаютъ спеціальныя коммиссіи по составленію уголовнаго и гражданскаго уложенія; почему не привлечены были къ участію эти высоко компетентныя учрежденія въ дѣлѣ составленія тѣхъ сельскихъ уставовъ, которыми будутъ руководствоваться при разрѣшеніи и опредѣленіи уголовныхъ проступковъ и гражданскихъ споровъ „по крайней мѣрѣ 80% всего населенія Имперіи“? Поистинѣ, „шагъ смѣлый до дерзости“ и не „на первый только взглядъ“, какъ полагаетъ коммиссія.

Въ цѣляхъ ограниченія дѣятельности апелляціонной и кассаціонной инстанцій, т.-е. уѣзднаго съѣзда и губернскаго присутствія, редакціонная коммиссія предполагаетъ установить, чтобы приговоры и рѣшенія волостного суда по наименѣе важнымъ дѣламъ подлежали немедленному исполненію независимо отъ обжалованія ихъ; при кассаціонныхъ же жалобахъ требовать внесенія жалобщикомъ денежнаго залога, подлежащаго возврату лишь въ случаѣ признанія жалобы заслуживающею уваженія. Безъ этихъ вспомогательныхъ мѣропріятій волостная судебная процедура, по мнѣнію

коммиссіи, „носитъ характеръ фиктивный и развѣнчиваетъ ее въ глазахъ населенія, оставляя въ немъ убѣжденіе въ безсиліи суда и побуждая къ самосуду“.

Но и такихъ экстраординарныхъ мѣръ коммиссія считаетъ недостаточнымъ для приданія должнаго авторитета волостному суду въ глазахъ населенія. Мѣры эти теряютъ свою остроту предъ той частью проекта, гдѣ нынѣ существующую апелляціонную инстанцію — уѣздный съѣздъ, единственно компетентный мѣстный органъ правосудія — предполагается преобразовать въ „близкую къ населенію инстанцію“, волостной съѣздъ, въ 2—4 пунктахъ уѣзда, съ тѣмъ, чтобы каждый такой съѣздъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ земскаго начальника подлежащаго участка изъ земскихъ начальниковъ и предсѣдателей волостныхъ судовъ даннаго участка.

Врядъ ли нужно доказывать, въ какую пародію правосудія превратилась бы въ такомъ случаѣ приближенная къ населенію апелляціонная инстанція, и не трудно себѣ представить, какая роль досталась бы въ ней представителямъ мѣстнаго крестьянскаго населенія — предсѣдателямъ волостныхъ судовъ. Вѣроятно, нѣкоторымъ изъ членовъ самой редакціонной коммиссіи невольно пришла на память мастерская картина своеобразнаго правосудія изъ басни «Судъ звѣрей», ибо меньшинство коммиссіи осталось при особомъ мнѣніи, полагая, что организація выѣздныхъ сессій уѣзднаго съѣзда и введеніе въ составъ послѣдняго предсѣдателей волостныхъ судей гораздо вѣрнѣе служили бы цѣлямъ приближенія суда къ населенію безъ нарушенія элементарныхъ требованій справедливаго и свободнаго судебнаго рѣшенія. Можно еще было бы — не скажемъ примириться, но допустить возможность возникновенія въ средѣ редакціонной коммиссіи подобныхъ предположеній, если бы мы только-что не услыхали и не узнали отъ самой же коммиссіи, въ какомъ печальномъ положеніи находится постановка современной волостной юстиціи; въ самомъ дѣлѣ, полный хаосъ въ примѣненіи нормъ обычнаго права; смѣлыя „до дерзости“ пробы воодушевленныхъ администраторовъ въ совершенно чуждой для нихъ священной области воплощенія народнаго правосознанія въ конкретныя формы законодательныхъ нормъ; невѣжество и юридическая безпомощность народныхъ судей и доминирующій голосъ волостного писаря, диктующаго имъ готовыя рѣшенія съ непонятными и путанными ссылками на толкованія самого сената... Достаточно лишь на одно мгновеніе представить себя въ роли ищущаго правосудія въ такомъ исключительномъ судилищѣ, чтобы самымъ

рѣшительнымъ образомъ возстать противъ малѣйшей попытки хотя немного затормазить и затруднить перенесеніе дѣла въ болѣе компетентную и безпристрастную судебную инстанцію. Подумала ли коммиссія о томъ, кто же и чѣмъ вознаградитъ потерпѣвшаго, напрасно отбывшаго какое-либо наказаніе, назначенное ему волостнымъ судомъ, разъ наказаніе это будетъ отмѣнено высшей инстанціей? Хорошо, если этимъ наказаніемъ явится штрафъ, а если имъ будетъ неправосудный арестъ? Представила ли она себѣ всю безпомощность бѣдняка, которому закрытъ доступъ къ правосудію, разъ онъ не имѣетъ денегъ—какъ неизбѣжный залогъ этого правосудія?.. Оставить населенію завѣдомо неисправный судъ, хаосъ правовыхъ нормъ неустановленныхъ обычаевъ и созидающихся, несформированныхъ законоположеній, и при этомъ всячески затруднить ему доступъ къ благому правосудію—единому источнику законности и правопорядка въ странѣ, и лелѣять себя мечтой о блаженныхъ будущихъ времепахъ, – да развѣ такимъ порядкомъ увѣнчиваютъ и превозносятъ въ глазахъ населенія авторитетъ народнаго суда, развѣ такъ проводятся въ жизнь идеи законности и порядка?

Въ отдѣлѣ реформы волостного суда, точно такъ же какъ и въ отдѣлѣ сельскаго самоуправленія, изъ всѣхъ предположеній проекта мы согласны лишь съ однимъ, — это съ принятіемъ части содержанія предсѣдателей волостныхъ судовъ на счетъ государственнаго казначейства; но эту частность мы съ своей стороны связываемъ съ мѣрой совершенно иного характера, внѣ предположеній проекта коммиссіи. Мы полагаемъ, что такимъ предсѣдателемъ, получающимъ содержаніе отъ казны, долженъ быть не невѣжественный крестьянинъ, съ упованіемъ взирающій на всевѣдущаго волостного писаря — этого вершителя всѣхъ судебныхъ волостныхъ дѣлъ, а коронный судья, свѣдущій юристъ, выборный или по назначенію отъ правительства, это несущественно. Подъ руководствомъ и подъ предсѣдательствомъ такого судьи оживетъ дѣятельность мѣстныхъ выборныхъ отъ крестьянскаго населенія волостныхъ судей, оживетъ норма обычнаго права, выслушанная отъ мѣстныхъ представителей, правильно понятая и воплощенная въ конкретную форму судебныхъ рѣшеній; въ его опытныхъ и умѣлыхъ рукахъ въ крестьянскомъ быту получатъ примѣненіе общія нормы уголовнаго и гражданскаго права, и тѣ деревенскія бабы, о которыхъ скорбитъ коммиссія, могутъ спокойно продолжать свою уличную перебранку, безъ всякаго риска быть оштрафованными за то на 500 рублей.

Редакціонная коммиссія недоумѣваетъ, откуда возьмутся средства,

откуда возьмутся люди для такой реформы? Отвѣтъ нашъ все будетъ тотъ же: изъ всесословной волости Думается намъ, что вмѣсто трехъ, четырехъ, вмѣсто пяти нынѣшнихъ волостныхъ судовъ, достаточно одного волостного суда реформированнаго типа; съ пособіемъ отъ казны, какъ это и предполагаетъ коммиссія, возможно имѣть для такого суда опытнаго и образованнаго юриста. Пусть юристъ этотъ будетъ не мѣстнымъ человѣкомъ; вѣдь и волостной писарь не мѣстный человѣкъ: думается, однако, что и въ мѣстныхъ людяхъ большого недостатка не будетъ; примѣръ, приводимый коммиссіей о недостаткѣ кандидатовъ на должность земскихъ начальниковъ, ничего еще не доказываетъ. Вѣдь для предсѣдателя волостного суда вовсе не требуется привилегированнаго сословнаго цѐнза; ему нужно лишь извѣстное образованіе.

Конечно, для выборныхъ мѣстныхъ людей нельзя установить строгаго образовательнаго ценза; но судьи, назначенные отъ правительства, должны обладать высшимъ юридическимъ образованіемъ; такихъ судей вполнѣ возможно ввести въ кругъ мѣстныхъ интересовъ или въ качествѣ обязательныхъ членовъ собраній всесословной волости, или предоставивъ имъ пассивное избирательное право.

Съ введеніемъ подобнаго коллегіальнаго волостного суда, подъ предсѣдательствомъ короннаго судьи, судебныя функціи земскихъ начальниковъ, конечно, упразднятся, а слѣдовательно вполнѣ возможно и сокращеніе ихъ численнаго состава».....

Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ г. Еропкинъ въ статьѣ „Пересмотръ положенія о крестьянахъ въ губернскихъ совѣщаніяхъ“ (№№ 178 и 185, 1904 г.), касаясь между прочимъ вопроса о волостномъ судѣ, говоритъ: .....«Вопросъ объ организаціи волостной юстиціи предоставленъ вполнѣ свободному обсужденію губернскихъ совѣщаній. Министерская программа ставитъ даже коренной вопросъ, долженъ-ли оставаться особый волостной судъ или на крестьянское сословіе возможно распространить дѣйствіе общихъ судовъ. Сама редакціонная коммиссія вполнѣ признаетъ неудовлетворительность современной организаціи волостныхъ судовъ, хотя и не считаетъ возможнымъ предпринять радикальную реформу въ этой области.

Непосильность расходовъ и недостатокъ персонала вотъ двѣ причины, въ силу которыхъ редакціонная коммиссія полагаетъ невозможнымъ приступить къ коренной реорганизаціи волостнаго суда путемъ замѣны его судомъ короннымъ.

Посмотримъ-же, однако, нельзя-ли предложить какихъ-либо измѣненій къ лучшему въ организаціи волостного суда въ предѣлахъ тѣхъ рамокъ, которыя начертаны самой редакціонной коммиссіей? Замѣтимъ при этомъ, что коммиссія высказалась за усиленіе содержанія предсѣдателей волостныхъ судовъ съ принятіемъ части этого содержанія на счетъ государственнаго казначейства (т. 1 Трудовъ, стр. 84).

Къ этому предложенію редакціонной коммиссіи мы всецѣло присоединимся: мало того, въ высшей степени желательно было-бы видѣть назначеннымъ отъ казны не только содержаніе предсѣдателей волостныхъ судовъ, но и самихъ предсѣдателей съ высшимъ юридическимъ образовательнымъ цензомъ; въ опытныхъ рукахъ такихъ судей ожили-бы нормы мѣстнаго обычнаго права, подсказанныя мѣстными людьми, выборными членами волостного суда, и воплотились-бы онѣ въ конкретную форму судебныхъ рѣшеній, судебной практики; для опытныхъ юристовъ не было-бы никакихъ затрудненій примѣнять къ различнымъ мѣстнымъ особенностямъ общія нормы гражданскаго и уголовнаго законодательства, нормы общаго процессуальнаго права; волостной писарь—этотъ магъ и волшебникъ современной волостной юрисдикціи—занялъ бы подобающее ему скромное мѣсто безмолвнаго письмоводителя волостного суда. Но откуда же взять средства и людей для коронныхъ предсѣдателей волостныхъ судовъ? Отвѣтъ на это даетъ ст. 8 проекта о волостномъ судѣ: «Губернскому присутствію,—гласитъ она,—предоставляется на основаніи представленій уѣздныхъ съѣздовъ, соединить по двѣ или нѣсколько мелкихъ волостей въ вѣдѣніе одного волостного суда». Можно съ полнымъ основаніемъ утверждать, что если бы вмѣсто 15—20 волостныхъ судовъ современной конструкціи были учреждены 6 реорганизованныхъ волостныхъ судовъ, поставленныхъ подъ предсѣдательство короннаго судьи, дѣло отъ того не проиграло бы: при подобномъ соединеніи волостей и при отнесеніи содержанія предсѣдателей волостныхъ судовъ на общегосударственныя средства (полностью или въ извѣстной части), расходы лишь немногимъ превысили бы современную стоимость такихъ судовъ, а при назначеніи достаточнаго содержанія, не менѣе 1.200 рублей въ годъ, нашлись бы и образованные юристы для замѣщенія сихъ должностей, особливо если должности эти связать съ обще-судебной организаціей въ качествѣ первоначальныхъ ступеней служебной іерархіи.

.....Нельзя не отмѣтить еще одного принципіальнаго вопроса о реорга-

низаціи апелляціонной инстанціи—уѣзднаго съѣзда въ волостной судебный съѣздъ . . . . Не говоря уже о принципіальной сторонѣ вопроса, о разграниченіи компетенціи властей, составляющей основной фундаментъ правильной судебной организаціи, до извѣстной степени сохранившей хотя нѣкоторыя черты въ организаціи уѣздныхъ съѣздовъ, укажемъ, что и съ практической точки зрѣнія едва ли возможно признать удачной и легко выполнимой мысль о возложеніи на земскихъ начальниковъ, при всей ихъ обремененности дѣлами, еще новой функціи независимо отъ участія въ уѣздной апелляціонной инстанціи по дѣламъ подсуднымъ земскимъ начальникамъ и участковымъ судьямъ разсматривать въ качествѣ обязательнаго предсѣдателя и руководителя всѣ апелляціонныя дѣла волостной подсудности съ ежемѣсячными засѣданіями въ этой новой инстанціи».

Разюмируя сказанное, авторъ признаетъ необходимымъ: .....«назначеніе отъ короны предсѣдателей волостныхъ судовъ изъ чиновъ судебнаго вѣдомства съ высшимъ юридическимъ образованіемъ, съ отнесеніемъ части или всего ихъ содержанія на средства казны и съ объединеніемъ въ вѣдѣніи одного волостного суда нѣсколькихъ волостей, сохранивъ въ остальномъ волостной судъ современной формы;.... за силою такой организаціи волостныхъ судовъ признать возможнымъ распространеніе на сельское населеніе дѣйствія общихъ нормъ уголовнаго, гражданскаго и процессуальнаго права и мѣстныхъ обычаевъ;.... сохраненіе уѣздныхъ съѣздовъ въ качествѣ апелляціонной инстанціи волостного суда съ организаціей ихъ согласно проекта меньшинства редакціонной коммиссіи» (предполагавшаго установить выѣздныя сессіи уѣздныхъ съѣздовъ и ввести въ составъ съѣздовъ предсѣдателей волостныхъ судовъ).

Г. Гуссаковскій („Журн. Мин. Юст.“ № 9, 1904 г.): «....Сохраняя въ главнѣйшихъ своихъ чертахъ существующую организацію крестьянскаго общественнаго управленія, проектъ находитъ нужнымъ сохранить также для крестьянъ и прежнюю подвѣдомственность ихъ волостному суду. Между тѣмъ составители проекта нисколько не отрицаютъ весьма крупныхъ недостатковъ этого суда, призваннаго нынѣ къ разрѣшенію дѣлъ, затрогивающихъ важные и цѣнные интересы крестьянъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, проживающихъ въ сельскихъ мѣстностяхъ. Коммиссія не находитъ однако возможнымъ замѣнить волостной судъ коронным судомъ, такъ какъ такая замѣна неосуществима и по крайней обременительности ея для государственнаго казначейства, и по отсутствію

у насъ достаточнаго контигента лицъ, близко знакомыхъ съ сельскимъ бытомъ, изъ среды которыхъ только и могутъ быть назначаемы судьи для сельскихъ мѣстностей.

Указаніе на недостатокъ у насъ лицъ, пригодныхъ къ исполненію судейскихъ обязанностей среди крестьянъ, едва-ли можетъ быть признано основательнымъ. Для успѣшнаго выполненія этихъ обязанностей необходимы прежде всего соотвѣтственныя нравственныя качества и надлежащая профессіональная подготовка. Въ наличности достаточнаго числа дѣятелей, удовлетворяющихъ этимъ условіямъ, при широкомъ распространеніи у насъ юридическаго образованія, трудно сомнѣваться. Что же касается особаго знакомства съ сельскимъ бытомъ, то это условіе представляется несущественнымъ и не могущимъ оказать какое-либо вліяніе на успѣшную дѣятельность судьи, призваннаго къ исполненію судейскихъ обязанностей между крестьянами. Если для правильнаго разрѣшенія дѣлъ, возникающихъ между лицами, принадлежащими къ торговой, ремесленной или промышленной средѣ, не требуется вовсе отъ суда близкаго знакомства съ особенностями быта этихъ классовъ населенія, то не представляется также основаній требовать такого знакомства и отъ лицъ, призываемыхъ въ исполненіе обязанностей судьи въ сельскихъ мѣстностяхъ.

Гораздо существеннѣе, повидимому, указаніе коммиссіи на тѣ крупые расходы, которые вызвала бы замѣна крайне неудовлетворительнаго волостного суда болѣе совершеннымъ короннымъ судомъ. Не слѣдуетъ забывать однако, что волостной судъ въ современной его организаціи съ его обширною подсудностью, обнимающей собою почти всѣ судебныя дѣла, возникающія среди сельскаго населенія, представляется учрежденіемъ, возникшимъ въ весьма недавнее время. На основаніи Положенія 19 февраля 1861 г. волостному суду было предоставлено разрѣшеніе лишь простѣйшихъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, не имѣющихъ особо важнаго значенія для сельскаго населенія. Только съ упраздненіемъ института мировыхъ судей въ сельскихъ мѣстностяхъ и съ введеніемъ Положенія о земскихъ участковыхъ начальникахъ юрисдикція волостного суда была расширена настолько, что нынѣ по нѣкоторымъ гражданскимъ дѣламъ она представляется болѣе даже широкою, чѣмъ юрисдикція мирового судьи или земскаго начальника. При такихъ условіяхъ замѣна существующаго волостного суда болѣе правильно организованнымъ судомъ короннымъ была бы въ

сущности лишь возвратомъ къ тому порядку, который существовалъ у насъ въ весьма недавнее еще время.

Независимо отъ того, какъ бы ни были важны соображенія о необходимости сбереженія средствъ государственнаго казначейства, но они должны уступить мѣсто передъ важностью задачъ суда и тѣмъ громаднымъ значеніемъ, какое имѣетъ правильное отправленіе правосудія для населенія. Дѣятельностью волостного суда охраняются важнѣйшіе интересы крестьянъ и почти все ихъ достояніе. Коль скоро по общему удостовѣренію лицъ, близко стоящихъ къ крестьянской жизни, дѣятельность этого суда не имѣетъ ничего общаго съ правосудіемъ, то было бы крайне нецѣлесообразно отказываться отъ замѣны его болѣе совершеннымъ судомъ только потому, что такая замѣна была бы сопряжена съ болѣе или менѣе крупными расходами. Какъ бы ни были велики тѣ жертвы, которыя необходимо принести для правильной постановки дѣла правосудія въ сельскихъ мѣстностяхъ, жертвы эти во всякомъ случаѣ неизмѣримо меньше тѣхъ потерь, которыя, ежегодно несетъ все крестьянское населеніе вслѣдствіе отсутствія у него правильно функціонирующаго суда.

Составители проекта полагаютъ однако, что, не прибѣгая къ коренной ломкѣ волостного суда, возможно путемъ нѣкоторыхъ лишь измѣненій въ его организаціи достигнуть такого его улучшенія, при которомъ дѣятельность его будетъ вполнѣ удовлетворять своему назначенію. Надежды эти лишены однако всякаго основанія. Давно уже миновало то время, когда, благодаря патріархальности быта и крайней простотѣ отношеній, всякій крестьянинъ, оторванный отъ сохи, коль скоро онъ обладалъ опредѣленными нравственными качествами, могъ съ успѣхомъ исполнять обязанности судьи между своими односельцами.

Нынѣ, при чрезвычайно обширной подсудности волостного суда, коему подвѣдомственны также и лица городскихъ сословій, проживающія въ предѣлахъ волости, онъ нерѣдко бываетъ поставленъ въ необходимость разрѣшать весьма сложные вопросы права и разсмотрѣть при этомъ различные счеты, торговыя книги и массу другихъ письменныхъ документовъ, представленныхъ сторонами въ подтвержденіе своихъ требованій. Очевидно, что такая задача представляется совершенно непосильной для крестьянъ-судей, лишенныхъ всякой подготовки для исполненія судейскихъ обязанностей и нерѣдко даже неграмотныхъ.

Въ видахъ повышенія крайне низкаго уровня личнаго состава во-

лостного суда и привлеченія къ должности волостныхъ судей лучшихъ людей въ волости, коммиссія проектируетъ значительно увеличить размѣры присвоеннаго этой должности содержанія. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что мѣра эта лишитъ волостной судъ единственнаго его достоинства—дешевизны, но нисколько не улучшитъ его дѣятельности, такъ какъ въ виду особыхъ условій, въ которыя поставлена наша деревня, въ средѣ крестьянъ-землевладѣльцевъ нѣтъ образованныхъ людей, изъ состава которыхъ могли бы пополняться ряды волостныхъ судей. Какъ ни стремится коммиссія къ улучшенію личнаго состава волостного суда, но, считаясь съ существующими условіями, она предъявляетъ требованіе грамотности только къ предсѣдателямъ и дѣлопроизводителямъ этого суда; что же касается остального его состава, то даже такой образовательный цензъ признается для него излишнимъ. Между тѣмъ эти неграмотные судьи должны разрѣшать дѣла на основаніи предъявленныхъ къ дѣлу письменныхъ доказательствъ, и при самомъ постановленіи рѣшенія они, согласно проекту, обязаны руководствоваться не только убѣжденіемъ своей совѣсти, но и цѣлымъ рядомъ уставовъ и другихъ законоположеній. Очевидно, что такая организація волостного суда совершенно не соотвѣтствуетъ возлагаемой на него задачѣ. Неграмотные судьи не могутъ ни оцѣнить значенія представленныхъ сторонами письменныхъ доказательствъ, ни изучить тѣ узаконенія, на основаніи которыхъ они должны постановить рѣшенія. Не подлежитъ поэтому сомнѣнію, что и въ преобразованномъ волостномъ судѣ, такъ же, какъ и нынѣ, рѣшеніе каждаго отдѣльнаго дѣла въ томъ или иномъ смыслѣ будетъ всецѣло зависѣть отъ дѣлопроизводителя этого суда, назначаемаго земскимъ начальникомъ.

Нужно думать, что, если бы для мировыхъ судебныхъ установленій была предложена такая организація, въ силу которой требованіе грамотности предъявляется только къ предсѣдателямъ съѣзда мировыхъ судей, то къ подобному проекту никто не сталъ бы относиться серьезно. Между тѣмъ для волостного суда, призваннаго къ отправленію правосудія среди крестьянъ, составляющихъ 80% всего населенія Имперіи, такая организація признается вполнѣ цѣлесообразною, несмотря на то, что вѣдомству этого суда предоставлены между прочимъ и такія дѣла о недвижимыхъ имуществахъ, которыя, въ виду ихъ сложности и важности затрогиваемыхъ ими интересовъ, изъяты изъ вѣдѣнія мировыхъ судебныхъ установленій.

Ввѣряя важныя функціи суда людямъ неграмотнымъ, которые по от-

сутствію подготовки и недостатку развитія нерѣдко не въ состояніи даже уяснить себѣ сущность подлежащихъ ихъ разрѣшенію спорныхъ отношеній, дѣйствующій законъ лишаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ этихъ судей той независимости, которая составляетъ одну изъ необходимѣйшихъ гарантій правильнаго отправленія правосудія. Въ силу закона земскому начальнику предоставлено право подвергать волостныхъ судей денежному взысканію до 5 рублей и аресту до 7 дней безъ формальнаго разбирательства. Независимо отъ того земскій начальникъ можетъ временно устранить волостного судью отъ исполненія обязанностей и войти съ представленіемъ въ уѣздный съѣздъ о совершенномъ удаленіи его отъ должности. При такой зависимости волостныхъ судей отъ земскаго начальника всякое указаніе послѣдняго относительно желательнаго разрѣшенія дѣла въ томъ или иномъ смыслѣ имѣетъ для нихъ значеніе приказанія, подлежащаго безусловному исполненію. Матеріалами, собранными мѣстными комитетами, удостовѣряется, что такое вмѣшательство земскихъ начальниковъ въ дѣятельность волостного суда при разрѣшеніи имъ отдѣльныхъ дѣлъ случается нерѣдко. При такихъ условіяхъ о какой-либо самостоятельности и независимости волостного суда не можетъ быть и рѣчи.

Указанная зависимость волостныхъ судей отъ земскаго начальника останется въ полной силѣ и по преобразованіи волостного суда на началахъ, выработанныхъ проектомъ. Въ виду положеннаго въ основу этого проекта принципа о необходимости примѣненія особыхъ пріемовъ управленія къ крестьянамъ, коммиссія не нашла возможнымъ ослабить въ чемъ-либо то широкое и властное административное воздѣйствіе, которое оказываютъ нынѣ земскіе начальники на волостныхъ судей».....

„*Крымскій Вѣстникъ*“ также подвергаетъ разбору нашу волостную юстицію: «Какъ видно изъ опубликованныхъ работъ редакціонной коммиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ, нынѣ дѣйствующій, на основаніи законоположенія 12 іюля 1889 года, волостной судъ предположено оставить неприкосновеннымъ. Впрочемъ, и коммиссія признаетъ фактъ несоотвѣтствія волостной юстиціи задачамъ правосудія, надѣясь исправить недочеты ея частичными измѣненіями нѣкоторыхъ положеній. Между тѣмъ, дефекты волостного суда таковы, что отъ частныхъ поправокъ едва-ли можно ожидать какой-либо существенной пользы.

Самый составъ волостного суда, члены котораго - люди малограмотные и по общественному положенію своему вполнѣ зависимые не только отъ

прямого своего начальства, но и отъ всякой власти въ уѣздѣ, ставитъ его въ безпомощное положеніе и отдаетъ его въ полное распоряженіе дѣлопроизводителя или писаря, единственнаго законника въ крестьянскомъ самоуправленіи. Изданіе новыхъ кодексовъ для волостныхъ судовъ дѣлу не поможетъ, такъ какъ волостные судьи, сплошь и рядомъ, и теперь не въ состояніи оріентироваться въ 42-хъ статьяхъ временныхъ правилъ о волостномъ судѣ безъ посторонней помощи.

И при мировыхъ учрежденіяхъ, до введенія у насъ положенія о земск. участ. начальн., рядомъ съ мировымъ институтомъ функціонировали и волостные суды, но компетенція послѣднихъ была столь незначительна, что существованіе ихъ рядомъ съ судебными учрежденіями не вызывало особенныхъ неудобствъ. Дореформенному волостному суду были подсудны: уголовныя дѣла объ обидахъ и маловажныя кражи цѣною не выше 30 руб. между крестьянами и гражданскія дѣла о потравахъ и взысканіяхъ между крестьянами цѣною не выше 100 руб. И то крестьяне, сплошь и рядомъ, путемъ искусственнаго увеличенія суммы иска обращались за разрѣшеніемъ споровъ своихъ къ мировому судьѣ, уклоняясь отъ своего сословнаго суда. Между тѣмъ, нынѣшняя компетенція волостного суда по 15 и 17 ст. вр. пр. о вол судѣ до того расширена, что огромное большинство дѣлъ, подлежавшихъ вѣдомству мировыхъ судей, перешло къ волостнымъ судамъ. Если при рѣшеніи этого рода дѣлъ мировой судья, человѣкъ интеллигентный, во многихъ случаяхъ юристъ по образованію, тѣмъ не менѣе не рѣдко ошибался, то можно ли ожидать правильнаго рѣшенія ихъ отъ людей совершенно невѣжественныхъ, приниженныхъ и запуганныхъ начальствомъ, съ одной стороны, и всецѣло находящихся подъ вліяніемъ писаря, съ другой стороны. Въ результатѣ выходитъ, что волостной судъ— судъ волостныхъ писарей, лицъ въ большинствѣ случаевъ даже не мѣстныхъ, съ обычнымъ правомъ совершенно незнакомыхъ и вдобавокъ никакихъ гарантій простой честности не представляющихъ.

Нѣтъ, не обособленный волостной судъ, а судъ всесословный, судъ общегосударственный, судъ, стоящій на должной высотѣ знаній и опыта, судъ независимый, просвѣщенный, скорый и милостивый намъ нуженъ. Только такой судъ въ состояніи способствовать развитію въ народѣ чувства законности и нравственнаго долга. Такимъ судомъ можетъ быть только судъ, организованный на основаніи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года.

Проектируемые судебной коммиссіей уѣздные участковые судьи могли

бы съ пользою и честью замѣнять въ уѣздѣ нынѣшнюю деревенскую юстицію. Имъ слѣдовало бы передать не только дѣла волостныхъ судовъ, но и земскихъ начальниковъ, которые и теперь далеко не обременены большимъ количествомъ судебныхъ дѣлъ».

„Нижегородская Земская Газета“ (№ 31, 1904 г.). Письмо крестьянина бал. у. А. Г.

«Мое мнѣніе — прямо желательно у волостного суда уголовную подсудность какъ можно сократить. Большею частью волостной судъ невполнѣ умѣетъ примѣнять законъ, а также и разслѣдовать всесторонне разбираемое дѣло. Главная причина та, что, вѣдь волость занимаетъ районъ не великъ, а потому въ ней почти всѣ люди знакомы каждому; много друзей, а враговъ еще больше. Вотъ напримѣръ, попалъ подъ судъ и хорошій человѣкъ; напримѣръ, скажемъ, не проступокъ какой-нибудь сдѣлалъ, а поссорился съ кѣмъ-нибудь и даже высказалъ ему только истинную правду. Обиженный, желая дать ходъ своимъ продѣлкамъ, стремится въ судъ съ заявленіемъ объ оскорбленіи. Къ этому нерѣдко случается, что кто нибудь изъ судей на подсудимаго сердитъ и давно того ждалъ. Если его устранитъ подсудимый, такъ онъ все равно постарается и попроситъ прочихъ судей, но вѣдь не всегда еще и извѣстно подсудимому, что на него изъ судей кто-нибудь сердитъ, а тутъ подсудимому и является месть, показанія свидѣтелей какъ нибудь запутываются, чтобы дѣло приняло то или другое направленіе. А если рѣшеніе суда обжаловать, тутъ является другая преграда: явка свидѣтелей, допрошенныхъ волостнымъ судомъ, въ съѣздѣ необязательна. Подсудимый и выбирай изъ двухъ одно: если остаться довольнымъ записанными въ рѣшеніи волостного суда показаніями свидѣтелей, то рѣшеніе суда съѣздъ не отмѣнитъ. Свидѣтелей въ съѣздъ можно привести и безъ повѣстокъ и съѣздъ ихъ приметъ, но свидѣтели хорошо знаютъ, что явка ихъ въ съѣздъ необязательна, непремѣнно скажутъ, что имъ ѣхать въ судъ недосугъ; хорошо еще если богатый подсудимый, такъ онъ свидѣтелямъ заплатитъ за отвлеченіе отъ работы—поѣдутъ, а то и такъ бываетъ, что если волостной судъ замараетъ иного человѣка, такъ этому давно рады, и за деньги не пойдутъ, скажутъ, что недосугъ имъ, а межъ собой уже толкуютъ: ладно, говорятъ, отсидитъ! По моему самое лучшее для упорядоченія волостного суда—это сдѣлать предсѣдателя волостного суда, чтобы онъ былъ равнодушенъ ко всѣмъ, ни кому бы ни былъ ни другъ, ни врагъ. А это сдѣлать—только напримѣръ, взять форму окружнаго

суда: предсѣдатель одинъ на весь уѣздъ и непремѣнно изъ юристовъ, и три судьи изъ обывателей волости. Только тогда будетъ судъ образцовый и правильный. Платимое теперешнимъ предсѣдателямъ жалованье 60 руб. отъ каждой волости опредѣлить новому предсѣдателю. Напримѣръ, въ балахнинскомъ уѣздѣ 20 волостей, этихъ денегъ составится 1200 руб. и волости отъ этого убытку не будетъ.

Быть можетъ кто-нибудь скажетъ, что мое описаніе теперешняго волостного суда несправедливо, что тутъ по просьбѣ или злобѣ никакихъ извращеній не дѣлается и что тутъ исполняется долгъ совѣсти. Такъ— выходитъ только на словахъ, а на дѣлѣ выходитъ иначе (конечно, не всегда и вездѣ)».

Въ той же газетѣ (№ 31, 1904 г.), въ своемъ письмѣ крестьянинъ Н. Г—въ говоритъ:

«Невольныя сомнѣнія возбуждаютъ и намѣченныя перемѣны въ организаціи волостного суда. Безспорно, желательно, напр., скорое и точное исполненіе приговоровъ суда, предусматриваемое и составителями проекта въ той его части, гдѣ говорится о немедлительномъ пресѣченіи проступковъ. Но „властное пресѣченіе“ можетъ быть понято въ смыслѣ повышенія наказаній и вообще усиленія въ этомъ отношеніи полномочій суда. Нельзя по этому поводу не высказать опасенія, какъ бы подобное измѣненіе въ рукахъ полуграмотныхъ, небезкорыстныхъ, а главное зависимыхъ, судей не явилось опасной угрозой для деревенскаго правосудія.

Въ заключеніе нельзя не придти къ выводу, что всѣ эти намѣченныя мѣры едва ли что измѣнятъ въ существующихъ порядкахъ и обезпечатъ законность и справедливость въ отправленіи суда».....

„*Сѣверозападный Край*“ (*20 января 1904 г., № 360*) говоритъ: «По газетнымъ извѣстіямъ, выработаны новые проекты о судопроизводствѣ волостныхъ судовъ, съ усиленіемъ наказуемости за нѣкоторые проступки, между прочимъ за безчинства на проѣзжей дорогѣ, на сходѣ и въ собственномъ домѣ, нарушеніе благопристойности, чести и тѣлесной неприкосновенности, а съ тѣмъ вмѣстѣ дается новый сельскій гражданскій уставъ о судопроизводствѣ въ волостныхъ судахъ. Сообщеніе это въ газетахъ сопровождается замѣчаніемъ, что уставъ написанъ легкимъ, понятнымъ, простымъ языкомъ и немногосложенъ.

Реформировать волостной судъ представляется необходимымъ, такъ какъ введенныя въ него съ 1889 г. измѣненія и улучшенія оказались

недостаточными для того, чтобы онъ удовлетворилъ вполнѣ деревенское населеніе и отвѣчалъ бы идеалу простѣйшаго скораго, праваго и милостиваго суда. Не одно недовольство къ нему подмѣчается въ той средѣ, которой онъ касается, но и пренебреженіе. Масса тяжущихся между собою крестьянъ упорно обращаются съ своими заявленіями прежде всего къ земскимъ начальникамъ, требуютъ отъ нихъ разбора своего дѣла, хотя волостной судъ долженъ-бы быть, казалось, ближе имъ, чѣмъ судъ земскаго начальника, барина, какъ его называютъ въ деревнѣ всѣ крестьяне. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что не создано достаточно легкаго доступа къ волостному суду, не существуетъ отдѣльнаго крыльца къ нему помимо сельской власти—волостного писаря, завѣдывающаго обыкновенно дѣлопроизводствомъ суда. Не говоримъ уже о томъ, что по существующимъ правиламъ вол. суда на должность предсѣдателя допускается даже волостной старшина (по назначенію уѣзднаго съѣзда), что, впрочемъ, едвали гдѣ практикуется у насъ, хотя въ экономическомъ отношеніи представляетъ выгоду, такъ какъ прибавочнаго, предсѣдательскаго жалованья вол. старшинѣ не положено по закону. Эта существующая связь волостного суда съ волостнымъ правленіемъ, въ лицѣ главнымъ образомъ, волостного писаря,—составляетъ слабую сторону устройства нынѣшняго волостного суда. Установленіе отдѣльнаго, независимаго отъ волост. писаря, письмоводителя суда было бы крайне желательно.

Очень важно, конечно, что вновь составленный уставъ написанъ понятно и просто, очевидно, въ разсчетѣ сдѣлать его доступнымъ пониманію малограмотныхъ людей. Но имѣя въ виду, что новымъ уставомъ расширяется компетенція волостнаго суда и поднимается его власть въ назначеніи наказаній (размѣръ штрафа вмѣсто прежняго maximum'а въ 30 р. повышается до 100 р. и вводится, кромѣ назначенія ареста на 1 мѣс., еще заключеніе въ тюрьмѣ на тотъ же срокъ), нельзя не высказать пожеланія, чтобъ опредѣленъ былъ для волост. судей образовательный цензъ въ объемѣ начальной народной школы. Такая мѣра не только подняла бы на должную высоту сельскую судебную часть, но сыграла бы важную роль и въ дѣлѣ подъема въ глазахъ народа значенія школы.

Въ настоящее время условія выбора въ судьи таковы: должны быть выбираемы въ судьи домохозяева честные, добропорядочные и толковые, имѣющіе не меньше 35 лѣтъ отъ роду. Даже грамотность по закону не

обязательна. Составъ суда долженъ заключать въ себя 4 судей, изъ которыхъ назначается 1 предсѣдателемъ, другой—заступающимъ его мѣсто.

Съ пониженіемъ возраста кандидата до 25 л. и съ распространеніемъ права избранія въ судьи на сыновей домохозяевъ, при жизни послѣднихъ, пополненіе нужнаго числа судей возможно при введеніи нынѣ же низшаго образовательнаго ценза. Народная школа насчитываетъ у насъ по крайней мѣрѣ, 40 лѣтъ и за это время создала же сотни своихъ воспитанниковъ.

Честность, добропорядочность и толковость—качества очень неопредѣленныя, растяжимыя, и ихъ положительно недостаточно для созданія въ деревнѣ суда праваго, скораго и милостиваго, каковымъ—по завѣту Царя-Освободителя—долженъ быть въ Россіи судъ одинаково для городского и сельскаго обывателя.

Противъ пониженіи возраста не можетъ быть серьезныхъ возраженій; дѣтство сельскаго обывателя-крестьянина кончается гораздо ранѣе, чѣмъ у горожанъ; для судей не сельскихъ допускается же возрастъ и ниже 25 л. Распространеніе права избранія въ судьи на сыновей домохозяевъ истекаетъ изъ существующаго права участія ихъ на сходахъ за отца и изъ того, что на нихъ возлагается же теперь обязанность несенія всякихъ службъ по сельскому управленію.

Введеніе низшаго образовательнаго ценза для судей волостного суда, полагаемъ встрѣчено было бы съ удовольствіемъ всей просвѣщенной частью русскаго общества и народа, но въ особенности вдохнуло бы это рвеніе въ нашъ учительскій персоналъ, вкладывающій столько труда въ дѣло начальной сельской школы!»

„Одесскій листокъ“ (№ 65, 1904 г.). „Въ виду преобразованія волостныхъ судовъ“, ст. г. Загоровскаго:

«При реформѣ крестьянскихъ учрежденій, а въ томъ числѣ и волостного суда, можетъ быть поставленъ и болѣе общій вопросъ — о необходимости и желательности вообще сохраненія этого суда. И въ законодательной практикѣ, и въ наукѣ дробленіе суда признано нежелательнымъ. Судъ долженъ быть единымъ и одинаковымъ для всѣхъ. Сословные суды, въ свое время принесшіе пользу, отжили свой вѣкъ. Съ этой точки зрѣнія обсуждая поставленный вопросъ, слѣдовало-бы отвѣтить, что если есть возможность обойтись безъ волостного суда, то не настоитъ надобности и въ его сохраненіи. При этомъ, при распредѣленіи юстиціи между раз-

ными существующими у насъ судебными органами, пришлось-бы поручить дѣла, подвѣдомыя теперь волостнымъ судамъ, земскимъ начальникамъ. Но отъ этого получились-бы свои неудобства. Во первыхъ, судъ значительно отдалился-бы отъ судящихся, а это повлекло-бы за собою увеличеніе издержекъ для тяжущихся и подсудимыхъ; во-вторыхъ, это увеличило-бы и расходъ казны, такъ какъ передача волостной юстиціи земскимъ начальникамъ потребовала-бы увеличенія числа послѣднихъ; въ третьихъ, судъ крестьянскій перешелъ-бы, такимъ образомъ, въ руки лицъ административныхъ— чего избѣгаетъ современная законодательная практика. Такое упраздненіе волостной юстиціи необходимо должно было-бы повлечь за собою и упраздненіе силы обычая, при разборахъ крестьянскихъ дѣлъ, такъ какъ земскій начальникъ не всегда мѣстный земскій человѣкъ, и слѣдовательно мѣстный обычай можетъ быть ему чуждъ. Конечно, при коренной реформѣ крестьянской юстиціи можетъ быть возбужденъ вопросъ — насколько желательно вообще сохраненіе за крестьянами права суда по обычаю. Тенденція современнаго права—возможно съузить сферу примѣненія обычая. Исключеніе составляетъ Англія, гдѣ обычное право (common law) имѣетъ широкое примѣненіе. Но надо сознаться, что Англія не можетъ при этомъ и похвалиться состояніемъ своей гражданской юстиціи.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что, при упраздненіи волостныхъ судовъ, не было-бы серьезныхъ причинъ для сохраненія теперешней силы за юридическимъ обычаемъ у крестьянъ. Обычай—норма права недостаточно устойчивая и не всегда опредѣленная. Въ особенности это обнаруживается въ той средѣ, въ которой юридическое сознаніе еще не укрѣпилось. Любопытно, что сами крестьяне, когда ихъ опрашивала волостная коммиссія относительно значенія у нихъ обычаевъ, отзывались о своемъ обычномъ правѣ весьма неодобрительно: „судъ обычаями не руководствуется, всякое дѣло стараемся рѣшать по законамъ и по правдѣ“, „мѣстныхъ крестьянскихъ обычаевъ нѣтъ“, „на обычаи смотрѣть глупо бываетъ; у насъ на волости, къ примѣру, есть обычай, что ежели кто подерется, то ставитъ полведра вина; такой приговоръ сельскаго общества утвержденъ сельскимъ даже старостою, по этому обычаю въ одной деревнѣ за одну весну выпили съ тяжущихся 60 ведеръ; какъ можно на судѣ обычаевъ держаться, да и кто ихъ знаетъ, что ужъ за обычай мужицкій; на судъ мы смотримъ, а не на обычай, а по своему обстоятельству рѣшаемъ“. Если нѣкоторые изъ этихъ отвѣтовъ и вызваны

были скромностью и такъ сказать неувѣренностью въ своихъ юридическихъ силахъ, то несомнѣнно, что по крайней мѣрѣ устойчивостью обычное крестьянское право не отличается. Сами крестьяне той-же волостной коммиссіи по этому поводу говорили: „хорошо было-бы, чтобы обычаи были собраны и записаны, а то теперь часто пишутъ по обычаю, а по настоящему никакого нѣтъ обычая". Нѣтъ сомнѣнія, что рѣшенія волостныхъ судовъ имѣютъ по преимуществу субъективный характеръ: рѣшаемъ „глядя по дѣлу и по человѣку", „по обстоятельствамъ и по своему разсудку".

Однако-же, не взирая на всѣ эти недочеты въ обычномъ правѣ крестьянъ, сохранить его юридическую силу необходимо, разъ сохранены будутъ волостные суды, и сохранить необходимо потому, что крестьяне „люди темные и законовъ не знаютъ", какъ они сами о себѣ говорили членамъ волостной коммиссіи. Предписать волостнымъ судьямъ судить по закону—это значитъ при современномъ состояніи волостного суда, т. е. при неразвитости и безграмотности судей, отдать крестьянскую юстицію всецѣло въ руки волостного писаря. Зависимость рѣшеній волостныхъ судовъ засвидѣтельствована въ цѣломъ рядѣ отзывовъ крестьянъ. „Писарь читаетъ законы и указываетъ, какъ слѣдуетъ рѣшать по закону"; „что писарь читаетъ, Богъ его знаетъ; прочтетъ что-то, а сами его спрашиваемъ, какъ дѣло рѣшить"; „дѣла рѣшаются по его указаніямъ; какъ онъ прочитаетъ, такъ и дѣло рѣшатъ"; „мы слѣпые, закона не знаемъ, какъ ему (т. е. писарю) не вѣрить; судьи люди глупые, простые". Безспорно, что волостной писарь не только проводникъ крестьянской юстиціи, но въ громадномъ большинствѣ случаевъ и замѣститель ея. Волостного писаря многіе склонны считать злымъ геніемъ этой юстиціи. Однако-же, это не всегда бываетъ такъ. И здѣсь судъ долженъ быть произнесенъ, „глядя по человѣку". Самаго разнообразнаго умственнаго и нравственнаго ценза люди попадаютъ въ волостные писаря—отъ полуграмотнаго запаснаго унтеръ-офицера до довольно развитаго отставнаго чиновника, отъ взятаго отъ отбросовъ общества человѣка неопредѣленныхъ занятій до лица, обладающаго твердыми моральными устоями. Нужно замѣтить, что роль волостного писаря оставлена безъ законодательнаго опредѣленія. Это надо сказать не только относительно Положенія о крестьянахъ, но и относительно Положенія о земскихъ участковыхъ начальникахъ. Въ этомъ послѣднемъ только сказано: дѣлопроизводство волостнаго суда возлагается земскимъ начальникомъ на волостнаго писаря, и еще: земскому начальнику принадлежитъ

право удалить отъ должности неблагонадежныхъ волостныхъ и сельскихъ писарей.

Но роль волостного писаря не только не опредѣлена, но и ложно поставлена: съ одной стороны (легально) это лицо, не имѣющее значеніе въ крестьянской администраціи и судѣ, съ другой (фактически) это, можно сказать, маховое колесо и въ одной, и въ другомъ. Крестьянское дѣло не только объемлетъ массу производствъ юридическаго свойства, но соприкасается во многихъ отношеніяхъ и съ общей администраціей. Волостной старшина и волостное правленіе это самые сподручные органы для исполненія разныхъ распоряженій административныхъ мѣстъ и лицъ. Въ чьихъ рукахъ сосредоточивается дѣятельность крестьянскаго самоуправленія во всѣхъ этихъ отношеніяхъ? Въ весьма многихъ случаяхъ въ рукахъ волостнаго писаря, какъ единственнаго лица въ этомъ самоуправленіи вооруженнаго хоть слабыми свѣдѣніями въ законахъ. Отсюда понятно, и въ настоящихъ условіяхъ естественно, вліяніе волостнаго писаря и на исходъ рѣшеній волостнаго суда. Отсюда-же и самъ собою открывается способъ для введенія вол. писаря въ назначенную ему по закону роль какъ въ области администраціи, такъ и суда. Надо, чтобы волостныя власти и волостные судьи доросли до возможности самостоятельно управлять и судить, а этотъ ростъ связанъ съ поднятіемъ культуры въ нашей деревнѣ вообще. Пока даже слабая грамотность есть удѣлъ не всѣхъ, пока невѣжество въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и формахъ проявляетъ себя весьма энергично, до тѣхъ поръ трудно устроить какъ слѣдуетъ сельскую и волостную администрацію и поставить надлежаще крестьянскій судъ. Положенія и уставы будутъ предписывать одно, а жизнь пойдетъ по своей проторенной дорогѣ. Словомъ, какую реформу ни затѣвай, придешь къ началу всѣхъ началъ—просвѣщенію. А оно у насъ само вопіетъ о реформѣ».

„Одесскія Новости“ (20 января 1904 г., № 6200) въ статьѣ „Обычай и волостной судъ“ говорятъ: „Свой докладъ о волостномъ судѣ тов. прок. С. П. Шелухинъ прочиталъ въ одесскомъ юридическомъ обществѣ вполнѣ своевременно: одно изъ видныхъ мѣстъ въ предстоящей крестьянской реформѣ занимаетъ преобразованіе волостного суда.

Редакціонная коммиссія по пересмотру законоположеній о крестьянахъ высказалась за сохраненіе и волостного суда, и его сословнаго характера. Мотивы, которыми она при этомъ руководствовалась, сводятся къ слѣдующему. Сохраненіе для волостныхъ судовъ уголовныхъ дѣлъ коммиссія вовсе

не обосновываетъ, и можно судить только по косвеннымъ указаніямъ, что въ этомъ отношеніи она исходила изъ необходимости установить для сельской жизни въ извѣстныхъ случаяхъ болѣе слабую наказуемость, чѣмъ та, которая присвоена общимъ судамъ.

Что же касается гражданскихъ дѣлъ, то одной изъ причинъ не дозволяющихъ подчинить ихъ общимъ судамъ, коммиссія выставила соображенія чисто финансоваго свойства и отсутствіе достаточнаго числа лицъ, способныхъ выполнять функціи судей.

Въ основѣ же всѣхъ разсужденій коммиссіи лежитъ опасеніе, что общіе суды не будутъ вовсе считаться съ обычнымъ правомъ, между тѣмъ какъ теперешняя задача государства—не уничтожить, а лишь смягчить крайности обычнаго права.

Спорить противъ всѣхъ этихъ соображеній нѣтъ никакихъ основаній. Что деревня во многихъ случаяхъ не терпитъ всѣхъ строгостей нашего уголовнаго уложенія—ни стараго, ни еще болѣе новаго,—это очевидно для всѣхъ, кто знакомъ съ деревенской жизнью и съ особенностями ея уклада.

Нельзя точно также стереть съ лица земли обычное право, которое, нѣсомнѣнно, ближе стоитъ къ народной жизни, чѣмъ X томъ со всѣми его правовыми несуразностями съ точки зрѣнія реальнаго права.

Наконецъ, вполнѣ вѣрно, что замѣна волостного суда короннымъ судомъ сопряжена съ громадными расходами, не говоря уже о томъ, что коронный судъ внесъ бы въ деревенскую жизнь, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, большую путаницу.

Но все это говоритъ за то, что деревнѣ нуженъ свой собственный судъ. Почему же этотъ судъ долженъ быть непремѣнно крестьянскимъ? Этотъ вопросъ редакціонная коммиссія оставляетъ открытымъ, думая, очевидно, что отвѣтъ на него вытекаетъ изъ общаго взгляда ея на необходимость сохраненія крестьянамъ сословной обособленности.

Однако коммиссія вовсе не намѣрена ограничить кругъ лицъ, подсудныхъ волостному суду, такъ что и въ будущемъ судѣ по прежнему съ исключительно крестьянскимъ составомъ будетъ разсматриваться рядъ дѣлъ о сельскихъ жителяхъ, хотя бы они принадлежали къ нѣкоторымъ другимъ сословіямъ.

Г. Шелухинъ даетъ раціональный исходъ изъ затрудненія, заслуживающій тѣмъ болшаго вниманія, что онъ сильно облегчаетъ дѣло сближе-

нія обычнаго права съ писаннымъ закономъ и въ то же время вноситъ въ дѣлопроизводство волостныхъ судовъ культурные пріемы: сословный волостной судъ необходимо замѣнить волостнымъ судомъ всесословнымъ, комплектуемымъ выборными лицами изъ всѣхъ классовъ мѣстнаго населенія.

Къ этому г. Шелухинъ прибавляетъ, что необходимо установить, чтобы всесословный судъ руководствовался не обычаемъ, а писаннымъ закономъ. Такой же взглядъ былъ высказанъ прис. повѣр. Цвиллингомъ, сославшимся на г.г. Леонтьева, Бржескаго и др., констатирующихъ „полный упадокъ обычая въ деревнѣ". „Крестьяне, прибавилъ г. Цвилингъ, сами недовольны своимъ судомъ, мѣтко характеризуя его дѣятельность словами: слѣпыхъ слѣпые водятъ".

Такъ легко рѣшать вопросы серьезной важности намъ представляется неудобнымъ. На этой почвѣ легко объявить и судъ присяжныхъ совершенно излишнимъ. Судъ присяжныхъ—это судъ общественной совѣсти, диктуемой не знаніемъ писаннаго закона, а укладомъ жизни или, что то же самое—обычаемъ. Разница только та, что въ городахъ обычай ближе стоитъ къ писанному закону, а въ деревнѣ—дальше.

Вся ошибка противниковъ обычнаго права для волостныхъ судовъ вытекаетъ изъ того, что волостные суды намъ представляются судами только крестьянскими. Эту ошибку, судя по напечатанному у насъ реферату, сдѣлалъ и г. Хмельницкій, выступившій защитникомъ обычнаго права и потому (?) нашедшій необходимымъ высказаться и за *крестьянскій* судъ.

Но неужели одни крестьяне являются знатоками обычая въ той или иной мѣстности? Наоборотъ, чѣмъ человѣкъ стоитъ выше въ культурномъ отношеніи, тѣмъ легче ему разобраться во всѣхъ тонкостяхъ существующаго обычая, и въ массѣ знатоками мѣстныхъ обычаевъ являются культурные слои деревенскаго населенія—священники, народные учителя и т. д.

Поэтому, если дѣйствительно признавать значеніе обычнаго права, то слѣдуетъ стоять не за крестьянскій судъ, а за всесословный, такъ какъ только всесословный судъ, въ которомъ вмѣстѣ съ крестьянами будетъ участвовать сельская интелигенція, будетъ истиннымъ охранителемъ обычая, а въ тоже время и самымъ лучшимъ примирителемъ обычая съ писаннымъ закономъ, когда примирять ихъ окажется необходимымъ».

„Новое Время" въ статьѣ г. Глинки „Различныя точки зрѣнія" (№ отъ 27 іюня 1904 г.) иначе смотритъ на вопросъ. Коснувшись разныхъ мнѣній,

высказываемыхъ въ губернскихъ совѣщаніяхъ, на поставленный себѣ вопросъ—«нѣтъ ли однако въ требованіи меньшинства объ упраздненіи волостного суда нѣкоторой односторонности»?—авторъ отвѣчаетъ: «.....Если принять въ соображеніе, что общинное землепользованіе несомнѣнно не будетъ насильственно и внезапно разрушено, а оно допускаетъ крайне разнообразныя формы общиннаго хозяйства; мало того, если принять въ соображеніе, что и подворное владѣніе варіируется въ зависимости отъ многихъ мѣстныхъ условій, а общіе суды не знакомы ни съ формами общиннаго, ни съ формами подворнаго землевладѣнія, то едва ли большее образованіе коронныхъ судей въ состояніи будетъ замѣнить совершенное незнакомство ихъ съ имущественными интересами сельскаго населенія.

Едва ли много пользы принесетъ и примѣненіе общихъ законовъ, какъ бы тверды они не были, въ такихъ спорахъ и тяжбахъ, къ которымъ эти законы вовсе не примѣнимы. Не угодно ли руководствоваться общими гражданскими законами въ дѣлахъ о наслѣдствѣ крестьянскихъ усадебъ и полей, когда самое владѣніе этими имуществами регулируется совершенно особыми узаконеніями и обычаями. Не угодно ли примѣнять къ крестьянамъ законы и о вымороченныхъ движимыхъ имуществахъ въ нѣсколько десятковъ рублей,—законы, которые и другимъ сословіямъ далеко не пригодны. Какой, напримѣръ, смыслъ считать вымороченнымъ имуществомъ вкладъ молодой дѣвушки, скопившей нѣсколько десятковъ рублей въ сберегательной кассѣ, если у нея нѣтъ братьевъ и сестеръ, но остается въ живыхъ старушка больная мать. По понятіямъ крестьянъ,—понятіямъ вполнѣ разумнымъ,—матери и надлежитъ отдать это скромное сбереженіе. А по нашимъ общимъ законамъ мать должна пользоваться только процентами, а капиталъ считается вымороченнымъ. И не угодно ли матери отправляться ежегодно за полученіемъ 1—3 рублей, а то и нѣсколькихъ копѣекъ, т.-е. процентовъ съ вымороченнаго имущества!?. Кому нужны такіе общіе законы?..

Едва ли было бы полезно примѣнять къ крестьянамъ исключительно формальныя доказательства по ихъ мелкимъ долговымъ или договорнымъ обязательствамъ, или же законы о покровительствѣ захватовъ чужого недвижимаго имущества,—захватовъ, несоотвѣтственно величаемыхъ нашими общими гражданскими законами «правомъ фактическаго владѣнія»... Не поведетъ ли примѣненіе подобныхъ законовъ къ развращенію населенія и къ усиленію сутяжничества...

Сказать по правдѣ, намъ не вполнѣ понятно, почему предоставленіе населенію права жить по своимъ обычаямъ считается какою-то стѣснительною «обособленностью»? Не мы ли скорѣе живемъ обособленно отъ стомилліоннаго народа. Не намъ ли навязывается слишкомъ много чуждыхъ законовъ и слишкомъ формальное нормированіе нашихъ гражданскихъ отношеній. Кому же не извѣстно, что въ нашихъ судахъ, съ ихъ утонченными процессуальными обрядами, безъ авдокатовъ шагу ступить нельзя. Такъ удобно ли и крестьянамъ навязывать такое формальное правосудіе съ «хожденіемъ» по судамъ цѣлые десятки лѣтъ, пока дѣло не пройдетъ всѣ инстанціи, да не вызоветъ нѣсколькихъ кассаціонныхъ рѣшеній. Подобный порядокъ если и терпимъ, то развѣ въ тяжбахъ на тысячи, десятки и сотни тысячъ или на милліоны рублей. Если же сельскому населенію навязанъ будетъ подобный же усовершенствованный судъ для дѣлъ въ нѣсколько рублей, то не будетъ ли это равносильнымъ лишенію населенія всякаго правосудія?

Несомнѣнно, обособленность какого-либо сословія вовсе нежелательна. Но когда мы палецъ о палецъ не ударили, чтобы выработать гражданскіе законы и порядокъ судопроизводства, пригодные для всего народа и сообразованные съ бытовыми условіями населенія, съ его міровоззрѣніемъ и обычаями, то нечего и удивляться, что сельское сословіе живетъ обособленною до извѣстной степени жизнью. Но въ этомъ мы, образованные классы, себя и должны корить. Мы облѣнились и, не проявляя ни малѣйшаго творчества, умѣемъ только списывать разныя иностранныя узаконенія безъ всякой осмысленной критики. И дошли спеціалисты до такой самоувѣренности, что готовы ломать весь бытъ населенія, лишь бы заставить его жить по чуждымъ намъ законамъ.

Себя же мы должны корить и въ томъ, что до сихъ поръ волостной судъ состоитъ изъ невѣжественныхъ людей. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ еще, что этотъ судъ нужно упразднить и замѣнить его назначаемыми спеціалистами, ибо они болѣе образованы. Развѣ мы не знаемъ, какъ относятся спеціалисты, поставленные разбирать мелочныя дѣла... Всякій изъ такихъ спеціалистовъ смотритъ на подобную службу какъ на переходную ступень къ дальнѣйшей карьерѣ и если взамѣнъ волостныхъ судовъ явятся коронные судьи, то едва ли можетъ быть сомнѣніе, что мѣста такихъ судей будутъ всегда занимать самые неспособные спеціалисты, которые притомъ же

будутъ еще тяготиться своими обязанностями и вѣчно будутъ стремиться къ перемѣщенію на высшія должности.

Не такими путями нужно поднять правосудіе. Не упраздненія волостного суда нужно добиваться, а всѣми мѣрами надлежитъ стремиться къ поднятію культурнаго уровня волостныхъ судей, и рядомъ съ тѣмъ слѣдуетъ заняться разработкою сельскаго устава, согласованнаго съ обычаями и потребностями населенія, и составленіемъ правилъ судопроизводства. Это требуетъ конечно серьезной и внимательной работы, но если уже говорить о «правахъ» крестьянъ, то, мы полагаемъ, они имѣютъ «право» на болѣе внимательное отношеніе къ ихъ обычаямъ. Правящіе классы должны изучать обычаи крестьянъ, а не крестьяне обязаны отъ нихъ отказаться ради облегченія работы составителей проектовъ.

Мы очень склонны все ломать, что не похоже на нашъ городской бытъ, на бытъ высшихъ и среднихъ сословій, и все «крестьянское» упразднять. Это дѣло съ виду самое легкое. Но не всегда ломка и упраздненіе приводятъ къ добру. Едва ли въ данномъ случаѣ лучшимъ рѣшеніемъ вопроса о поднятіи правосудія было бы упраздненіе волостного суда или даже слишкомъ поверхностное сокращеніе его компетенціи съ передачей большинства дѣлъ въ общія судебныя учрежденія. Потому мы и полагаемъ, что лучшимъ исходомъ будетъ намѣченное редакціонной коммиссіей упорядоченіе волостного суда: составленіе краткихъ, но ясныхъ уставовъ по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, разработка правилъ судопроизводства въ зависимости отъ развитія населенія, а главное—настойчивое насажденіе образованія.

Въ этомъ отношеніи было бы далеко не лишнимъ озаботиться открытіемъ нѣсколькихъ десятковъ школъ, въ которыхъ могли бы подготовляться судьи для волостныхъ судовъ. Казалось бы, эту заботу даже слѣдовало бы принять на себя государству. Мы имѣемъ много спеціальныхъ учебныхъ заведеній для подготовки судей, вершащихъ дѣла привилегированныхъ классовъ, и ни одного-то нѣтъ у насъ заведенія для подготовки судей, рѣшающихъ дѣла всего стомилліоннаго крестьянскаго населенія!.. И при такомъ-то положеніи многіе изъ насъ не находятъ ничего лучшаго, какъ рубить съ плеча и упразднять волостные суды!..

Замѣтимъ при этомъ, упраздняя волостной судъ, который обходится населенію не дороже 5—6 милліоновъ, придется назначить около 10,000 коронныхъ судей. Если же принять въ соображеніе, что ни одинъ судья

съ высшимъ образованіемъ не пожелаетъ жить въ деревнѣ за содержаніе менѣе 2,000 рублей, то выйдетъ, что съ населенія придется взимать ежегодно не менѣе 20.000,000 рублей, лишая при томъ небольшого заработка крестьянъ и давая возможность большому числу лицъ привилегированныхъ классовъ пристраиваться на казенное иждивеніе... И съ этой точки зрѣнія рѣшеніе вопроса несправедливое и слишкомъ тягостное для народа».

„Вѣстникъ Права“ (*№ 5, 1904 г., гражд. хроника г. М. Винавера*): «На дняхъ вышелъ въ свѣтъ многотомный трудъ учрежденной при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ редакціонной коммиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ.

Самый фактъ появленія этого труда, поспѣшность, съ которой онъ былъ изготовленъ, объемъ принятыхъ на себя коммиссіею задачъ, и главное, видимая по всему и совершенно для насъ необычная близость введенія въ дѣйствіе только-что созданныхъ проектовъ—все это невольно приковываетъ къ себѣ вниманіе мыслящаго юриста.

Проекты коммиссіи затрагиваютъ всѣ стороны юридическаго быта нашего крестьянства. Тутъ и организація крестьянскаго общественнаго управленія, и организація волостного суда, и положеніе о надѣльныхъ земляхъ, и правила объ отграниченіи крестьянскихъ надѣловъ и, наконецъ, особые кодексы уголовный и гражданскій, именуемые: одинъ—сельскимъ уставомъ о наказаніяхъ, другой сельскими уставами о договорахъ и наслѣдованіи.

Вся пестрая, регулируемая доселѣ обычаемъ, гражданско-правовая жизнь огромнаго большинства населенія страны, кристаллизуется такимъ образомъ разомъ, въ небольшомъ числѣ статей гражданскаго кодекса. Обычаи, одно собраніе коихъ составляло непосильную задачу болѣе чѣмъ для одного поколѣнія ученыхъ цивилистовъ, оказываются уже сведенными воедино въ трудахъ засѣдавшей въ теченіе одного года съ небольшимъ коммиссіи, составленной изъ чиновъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Не такъ давно еще редакціонная коммиссія по составленію гражданскаго уложенія отказалась отъ мысли о кодификаціи крестьянскаго наслѣдственнаго права въ виду чрезвычайной трудности этой задачи при *недостаточности матеріала*, на основаніи котораго можно бы установить точныя и болѣе или менѣе общія правила, опредѣляющія порядокъ наслѣдованія для всего вообще крестьянскаго населенія страны, и при разнообразіи обычаевъ, на

которое намекаетъ извѣстная народная пословица—что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай".

Но не успѣлъ трудъ коммиссіи по составленію уложенія появиться въ свѣтъ, какъ оказалось, что засѣдающая одновременно съ нею, въ вѣдѣніи другого Министерства, другая коммиссія въ теченіе одного года и недостаточность матеріала преодолѣла, и разнообразіе обычаевъ устранила, и даже готовый систематическій кодексъ составила. Оставляя для будущихъ статей въ нашемъ журналѣ оцѣнку трудовъ коммисіи по существу—задача эта чрезвычайно серьезна, и ей журналъ нашъ въ ближайшемъ будущемъ посвятитъ цѣлый рядъ изслѣдованій—мы не можемъ не отмѣтить нынѣ же необыкновеннаго научнаго интереса, вызываемаго смѣлою до небывалости попыткою кодификаціи обычнаго права; не можемъ не отмѣтить и огромнаго общественнаго интереса, возбуждаемаго, также не совсѣмъ бывалымъ, параллельнымъ законодательнымъ опытомъ двухъ не вѣдающихъ другъ о другѣ вѣдомствъ. Кодификація обычнаго права, упроченіе волостного суда—все это, съ точки зрѣнія законодательной политики новыхъ проектовъ, ничто иное, какъ шаги къ упроченію сословной обособленности крестьянъ. И въ то время, какъ коммиссія по составленію гражданскаго уложенія, сохраняя дѣйствіе обычая временно, пока крестьянство наше „еще оторвано отъ общегражданской жизни остальныхъ классовъ общества и находится еще на степени почти первобытной экономической культуры", лелѣетъ мысль о томъ, что „съ теченіемъ времени экономическій строй нашего крестьянства и образовавшіяся въ немъ бытовыя юридическія нормы мало по малу измѣнятся, уступая теченію общегосударственной народной жизни",—коммиссія по пересмотру законоположеній о крестьянахъ кладетъ во главу угла обособленность крестьянскаго сословія, охраняя и взращивая ее, какъ „оплотъ исторической преемственности въ народной жизни противъ всякихъ разлагающихъ силъ и безпочвенныхъ теченій"...»

„Кіевская газета" (6 и 7 февр. 1904 г., №№ 37 и 38) въ статьѣ *„Волостной Судъ"* говоритъ: «Красной нитью проходитъ черезъ всѣ проекты редакціонной коммиссіи по пересмотру законодательства о крестьянахъ стремленіе во что бы то ни стало доказать, что строй крестьянской жизни ни въ какихъ рѣшительныхъ реформахъ не нуждается, а все можетъ ограничиться однѣми лишь частичными поправками. Стремясь во что бы то ни стало доказать это основное свое положеніе, коммиссія впадаетъ въ безысходное противорѣчіе: съ одной стороны, коммиссія отмѣчаетъ цѣлый

рядъ несовершенствъ въ существующемъ строѣ и тутъ же сейчасъ настаиваетъ, что радикальная перестройка этого строя является вполнѣ невозможною. Съ особенною яркостью эта противорѣчивость въ сужденіяхъ коммиссіи выступаетъ въ высказанныхъ ею, въ „Очеркѣ“ ея работъ, соображеніяхъ по поводу реформы волостного суда.

Какъ извѣстно, всѣ сужденія волостного суда происходятъ на основаніи обычнаго права. Что представляетъ собою наше обычное право и къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ его примѣненіе—слишкомъ извѣстно. Отрицательныя стороны существующаго положенія со всею силою подчеркиваетъ и коммиссія. „Подъ современнымъ обычнымъ правомъ—читаемъ мы въ „Очеркѣ“—должно понимать существованіе у крестьянъ множества часто весьма интересныхъ и разумныхъ, но исключительно мѣстныхъ практическихъ пріемовъ и правилъ въ разрѣшеніи спорныхъ правовыхъ вопросовъ,—правилъ не только не согласныхъ съ обычаями иныхъ, иногда даже сосѣднихъ мѣстностей, но подчасъ даже противоположныхъ имъ. Въ большинствѣ случаевъ имѣются не обычаи, разумѣя подъ этимъ терминомъ вполнѣ опредѣлившееся правосознаніе, а простое обыкновеніе, не обладающее свойствомъ непреложнаго въ народномъ представленіи указанія и въ виду этого соблюдаемаго лишь постольку, поскольку оно не нарушаетъ чьихъ-либо существенныхъ интересовъ“. „Закономъ не установлено, что именно надлежитъ понимать подъ обычаемъ, какимъ образомъ удостовѣряться, что положенный въ основу рѣшеній суда обычай можетъ дѣйствительно именоваться таковымъ и отвѣчаетъ издавна укоренившемуся въ данной мѣстности правосознанію крестьянъ“. Однимъ словомъ, подобно всѣмъ другимъ изслѣдователямъ, коммиссія констатируетъ полную неустойчивость нормъ обычнаго права и, какъ по логикѣ должно отсюда слѣдовать, невозможность основывать на немъ непреложное судебное рѣшеніе. Не составляетъ для коммиссіи секрета и то обстоятельство, что примѣненіе обычнаго права съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе выходитъ изъ обихода волостныхъ судовъ. „Волостные суды—констатируетъ „Очеркъ“—во многихъ мѣстностяхъ находятся подъ сильнымъ вліяніемъ волостныхъ писарей въ качествѣ людей, обладающихъ большимъ образованіемъ, нежели волостные судьи; между тѣмъ писаря часто не принадлежатъ къ мѣстному населенію и потому съ мѣстнымъ обычаемъ совершенно незнакомы; естественно, что они охотнѣе примѣняютъ писанный законъ“. Т. е., другими словами, сама коммиссія констатируетъ полную возможность примѣ-

ненія въ крестьянскомъ быту и нормъ писаннаго права, достаточную подготовленность, въ силу имѣющаго уже мѣсто практическаго знакомства, къ переходу отъ нормъ права обычнаго къ нормамъ общегражданскаго законодательства.

Коммиссія прекрасно понимаетъ и тѣ послѣдствія, къ какимъ приводитъ примѣненіе въ крестьянскихъ судоговореніяхъ нормъ обычнаго права: „одновременное существованіе двухъ соперничающихъ между собою правовыхъ нормъ - шаткаго, неопредѣленнаго обычая и по многимъ вопросамъ бѣднаго положительными правилами X тома, при отсутствіи въ законѣ указаній, въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ руководствоваться первымъ и въ какихъ послѣднимъ, *приводитъ на практикѣ къ самымъ нежелательнымъ явленіямъ*". „Едва ли необходимо доказывать неудобство порядка, при которомъ сельское населеніе не знаетъ въ точности правилъ наслѣдованія въ своихъ имуществахъ и лишено возможности вступать въ какія-либо сдѣлки со сколько-нибудь твердой увѣренностью, что, при доведеніи возникшихъ на ихъ почвѣ споровъ до судебнаго разбирательства, они будутъ разрѣшены на опредѣленномъ единообразно примѣняемомъ основаніи".

Трудно отнестись къ существованію обычнаго права болѣе критически, чѣмъ это дѣлаетъ коммиссія. И тѣмъ не менѣе коммиссія тутъ же впадаетъ въ величайшее противорѣчіе съ собою же: коммиссія принимаетъ на себя трудъ выработки особыхъ *сельскихъ уставовъ*, которые „должны быть согласованы съ особенностями нашего народнаго правосознанія", т е. въ основѣ которыхъ останутся все тѣ же нормы обычнаго права.

Взявши разъ на всегда одну, основанную на опредѣленной тенденціи, исходную точку, коммиссія какъ бы умышленно уклоняется отъ того пути, который, быть можетъ, и ей самой представляется единственно возможнымъ. „Съ перваго взгляда,—читаемъ мы въ „Очеркѣ",—единственно правильнымъ рѣшеніемъ этого вопроса является распространеніе дѣйствія общихъ законовъ гражданскихъ на дѣятельность волостныхъ судовъ. Но болѣе глубокое изученіе предмета приводитъ къ иному заключенію. Гражданскій правооборотъ у крестьянъ образовался на основахъ порядка семейнаго и общиннаго, въ широкомъ смыслѣ этого слова, и на принципѣ проведенія во многихъ гражданскихъ институтахъ началъ общественныхъ и трудовыхъ, въ ущербъ началамъ индивидуальности и капитализма. Между тѣмъ, именно на послѣднихъ началахъ построено все содержаніе общаго

гражданскаго права, составители котораго никогда не предназначали его для руководства крестьянскимъ правосудіемъ".

Какое противорѣчіе: вѣдь сама же коммиссія констатируетъ, что волостные писаря, главные вершители волостного суда, сплошь и рядомъ постановляютъ рѣшенія на основаніи нормъ именно общаго гражданскаго права, которое слѣдовательно, нужно заключить – оказывается совмѣстимымъ и съ своеобразнымъ крестьянскимъ строемъ Если бы коммиссія сосредоточила свое вниманіе на этомъ обстоятельствѣ и отнеслась къ оцѣнкѣ его совершенно безпристрастно для нея должно-бы стать яснымъ, что именно „единственно правильнымъ рѣшеніемъ этого вопроса является распространеніе дѣйствія общихъ законовъ гражданскихъ на дѣятельность волостныхъ судовъ".

Мы имѣли уже случай мнѣнія редакціонной коммиссіи по пересмотру законодательства о крестьянахъ, выраженныя въ „Очеркѣ", противопоставлять извѣстной „Запискѣ" земскихъ членовъ коммиссіи о центрѣ. Интересно и въ этомъ случаѣ, по вопросу о волостномъ судѣ, противопоставить эти два діаметрально противоположныхъ воззрѣнія. Какъ мы уже неоднократно отмѣчали, земскіе члены коммиссіи о центрѣ ставятъ первымъ условіемъ полное уравненіе крестьянства въ правахъ со всѣми другими сословіями, уничтоженіе всѣхъ тѣхъ перегородокъ, которыя ставятъ крестьянство въ правовомъ отношеніи въ совершенно исключительное положеніе. По вопросу о волостномъ судѣ въ „Запискѣ" земскихъ членовъ мы находимъ слѣдующія крайне цѣнныя, основанныя на непосредственномъ опытѣ, соображенія:

„Законоположеніе 1861 г. отводитъ широкое значеніе обычному праву, на самомъ же дѣлѣ юридическіе обычаи давно исчезли, ихъ мѣсто замѣнило „усмотрѣніе"—начиная съ усмотрѣнія волостного суда и кончая губернскимъ присутствіемъ. Можетъ быть раньше и можно было кодифицировать обычаи, но уѣздные съѣзды и губернскія правленія (? присутствія), не зная ихъ, не могли считаться съ ними, а за ними постепенно отказались отъ нихъ и волостные суды. Поэтому теперь цѣлая бездна правоотношеній вовсе не нормируется или же нормируется общегражданскими законами, которые при несовершенствѣ своемъ толкуются произвольно. Спутанность и неопредѣленность крестьянскихъ законовъ настолько велика, что для всѣхъ властей, начиная съ низшихъ и кончая высшими, не говоря уже о самихъ крестьянахъ, совершенно непонятно, какой законъ когда нужно примѣнять, что составляетъ вѣ-

домство суда, что администраціи. Нельзя обойти и процессуальной стороны вопроса, несовершенства волостного суда, поставленнаго въ зависимости отъ земскаго начальника съ формальной стороны и по существу. Трудно предположить, чтобы среди крестьянскаго населенія при его безправіи и невѣжествѣ могъ возникнуть судъ, удовлетворяющій современнымъ процессуальнымъ требованіямъ. Если же вглядѣться подробнѣе въ существо времен. правилъ о волостномъ судѣ, то встрѣтимъ въ немъ много несообразностей, основанныхъ исключительно на томъ же взглядѣ на крестьянина какъ на личность, подлежащую ограниченію".

Свои соображенія о волостномъ судѣ „Записка" земскихъ членовъ заканчиваетъ слѣдующимъ пожеланіемъ: „Наказуемость для крестьянъ должна опредѣляться общими для всѣхъ уголовными законами, волостные же суды, какъ сословные, должны быть замѣнены, судебными мѣстами, общими для всѣхъ классовъ населенія".

Но слѣдовать этому единственно правильному пути коммиссія отказалась. Она избрала, по собственному ея признанію, несравненно болѣе трудный путь, лишь бы только не нарушить существующее положеніе. „Какими бы несовершенствами не отличалось крестьянское современное обычное право—заявляетъ коммиссія, тѣмъ не менѣе осторожность требуетъ не исключать его всецѣло изъ области сельскаго правосудія". Коммиссія видитъ рѣшеніе въ примиреніи нормъ обычнаго права съ общегражданскими законоположеніями и въ этихъ видахъ выработала въ отношеніи уголовныхъ правонарушеній—*волостной уставъ о наказаніяхъ*, въ отношеніи гражданскихъ правоотношеній—особый *сельскій уставъ о договорахъ и наслѣдованіи*. Всѣ эти уставы въ ихъ деталяхъ пока намъ не извѣстны, такъ какъ по свѣдѣніямъ, проникшимъ въ печать, заканчиваются теперь только печатаніемъ, но достаточно одного знакомства съ тѣми основными принципами, на которыхъ они построены, чтобы заключить, какъ мало отвѣчаютъ они дѣйствительнымъ потребностямъ жизни.

Надо надѣяться, что созываемыя теперь губернскія совѣщанія, которымъ предстоитъ обсудить всѣ проекты выработанные редакціонной коммиссіей по пересмотру законодательства о крестьянахъ, будутъ имѣть возможность высказаться по этому вопросу со всею опредѣленностью».

„Вѣстникъ Европы" (февраль 1904 г., вн. обозр.). «Итакъ, особый уголовный кодексъ, особое, по нѣкоторымъ отдѣламъ права, гражданское уложеніе, особый порядокъ судопроизводства—вотъ къ чему сводятся нововве-

денія, проектируемыя коммиссіею въ области сельскаго суда. Это цѣлая стѣна, воздвигаемая между крестьянствомъ и другими сословіями — или, вѣрнѣе, между народной массой и привилегированными общественными классами (такъ какъ волостному суду подвѣдомственны, наравнѣ съ крестьянами, всѣ живущіе внѣ городовъ мѣщане, посадскіе, ремесленники и цеховые). Воздвигается эта стѣна какъ разъ въ то время, когда утверждено новое уголовное уложеніе, законченъ въ первоначальной редакціи проектъ новаго гражданского уложенія и близится къ концу пересмотръ судебныхъ уставовъ. Разобщеніе предполагается усилить именно тогда, когда, повидимому, открывалась бы возможность сближенія. Невольно возникаетъ вопросъ, стоило ли затрачивать столько труда на составленіе кодексовъ, которымъ надолго суждено остаться достояніемъ незначительнаго меньшинства? Вездѣ замѣтно стремленіе къ созданію законодательныхъ нормъ общихъ для всего государства, для всѣхъ гражданъ; вездѣ оно разсматривается какъ одно изъ главныхъ условій политическаго единства, какъ въ высокой степени важная гарантія свободнаго, широкаго общественнаго развитія. Почему же у насъ намѣчается обратное движеніе, почему признается необходимымъ не только сохраненіе, но обостреніе существующихъ различій? Когда, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, вступило въ силу уложеніе о наказаніяхъ 1845-го года, громадное большинство населенія стояло de facto внѣ закона: государственные крестьяне находились въ зависимости отъ своего начальства, ремесленники и мѣщане — отъ полиціи, крѣпостные—отъ помѣщиковъ. Никого не смущалъ и не удивлялъ тотъ фактъ, что къ «низшему роду людей» постановленія уложенія примѣнялись лишь въ случаяхъ особенно тяжкихъ, во всемъ остальномъ уступая мѣсто различнымъ видамъ полицейско-домашней расправы. Существовалъ, правда, сельскій судебный уставъ для государственныхъ крестьянъ; но на самомъ дѣлѣ административный произволъ ограничивался имъ весьма слабо. Когда, съ освобожденіемъ помѣщичьихъ крестьянъ, повсемѣстно открылись волостные суды, карательная ихъ власть была невелика *), кругъ дѣйствій—узкій; немногимъ отличались отъ нихъ, въ этомъ отношеніи, и мировые посредники. Судебными уставами 1864-го года значительная часть дѣлъ, возникающихъ въ средѣ сельскаго населенія, была отнесена къ вѣдомству

*) «Въ первые годы послѣ отмѣны крѣпостного права включеніе тѣлеснаго наказанія въ число каръ, налагаемыхъ волостнымъ судомъ, не казалось еще вопіющей аномаліей.» (Примѣчаніе Вѣстн. Евр.).

мировыхъ судей: оставалось сдѣлать сравнительно немногое, чтобы ввести крестьянскій судъ въ систему общихъ судебныхъ учрежденій и установить правосудіе на основахъ, одинаковыхъ для всѣхъ сословій. Судебно-административная реформа 1889-го года пошла путемъ противоположнымъ; но, расширяя кругъ вѣдомства и степень власти волостного суда, она все-таки дала ему въ руководство *общій* законъ—уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Теперь проектируется порвать и эту связь, составивъ для волостныхъ судовъ особый уголовный уставъ. Ненормальность одновременнаго существованія двухъ различныхъ кодексовъ *) была бы тѣмъ замѣтнѣе, тѣмъ сильнѣе, что одно и то же лицо подлежало бы дѣйствію то одного изъ нихъ, то другого, смотря по мѣсту учиненія проступка. Сегодня крестьянинъ совершилъ кражу въ деревнѣ — онъ наказывается на основаніи спеціальнаго устава; завтра онъ совершитъ кражу въ городѣ — и понесетъ кару на основаніи общаго уложенія. Передвиженіе крестьянъ и другихъ сельскихъ жителей изъ деревни въ городъ, изъ города въ деревню усиливается съ каждымъ годомъ, охватываетъ все большія массы становится, можно сказать, фактомъ повседневнымъ; вмѣстѣ съ этимъ растутъ—и будутъ расти—неудобства, сопряженныя съ безпрестаннымъ измѣненіемъ вида и степени отвѣтственности.

Посмотримъ теперь, что же мѣшаетъ, по мнѣнію коммиссіи, распространенію уложенія на дѣла, подсудныя волостному суду. Уложеніе, говорятъ намъ, трудно доступно для пониманія, потому что опредѣляетъ преступленія крупными, общими чертами. Въ нашихъ глазахъ это преимущество уложенія остается преимуществомъ, какъ бы мало свѣдущи ни были судьи, его примѣняющіе. Неужели, напримѣръ, легче справиться съ понятіями объ обидѣ словомъ и обидѣ дѣйствіемъ, чѣмъ съ ст. 530-й уложенія, обобщающей ихъ подъ названіемъ умышленной личной обиды? Что мудренаго представляетъ собою статья 581-я, предусматривающая похищеніе, явное или открытое, чужого движимаго имущества (дальше, въ той же статьѣ, называемое болѣе привычнымъ для народнаго слуха словомъ *воровство*)?.. Указываютъ, дальше, на несоразмѣрную, при условіяхъ нашего сельскаго быта, тяжесть наказаній, назначаемыхъ уложеніемъ: но вѣдь карательная власть волостного суда во всякомъ случаѣ оставалась бы огра-

*) «Два кодекса существовали бы рядомъ и въ томъ случаѣ, если бы при дѣйствіи новаго уложенія волостные суды руководились пересмотрѣнными и переизданными правилами 1889-го года.» (Примѣчаніе Вѣстн. Евр.).

ниченною извѣстными предѣлами, дальше которыхъ ему нельзя было бы идти и тогда, когда ихъ превышаетъ максимальная норма, назначенная соотвѣтствующею статьею уложенія. „Уличная перебранка двухъ бабъ“ приводимая коммиссіей въ видѣ примѣра, и при дѣйствіи уложенія не могла бы, слѣдовательно, повлечь за собою продолжительнаго ареста или высокаго денежнаго штрафа, не говоря уже о томъ, что ничто не мѣшало бы оставить ее вовсе безъ взысканія, въ виду взаимности обидъ (уложен. ст. 536). Конечно, для не-юристовъ, въ особенности если они лишены и всякаго общаго образованія, не можетъ быть легко ни установленіе признаковъ преступленія, ни подведеніе его подъ ту или другую карательную норму: но этого затрудненія не устранитъ и самая упрощенная редакція закона, потому что оно коренится въ природѣ самихъ судей. Для успѣшной борьбы съ нимъ существуютъ только два средства: или ограниченіе круга дѣйствій волостного суда самыми легкими, самыми заурядными проступками, или введеніе въ его составъ элементовъ, способныхъ значительно поднять его умственный уровень. Которое изъ нихъ болѣе цѣлесообразно въ настоящую минуту—къ этому вопросу мы еще возвратимся, когда разсмотримъ мнѣніе коммиссіи о другихъ спеціальныхъ уставахъ, потребныхъ для волостного суда.

Признавая, вмѣстѣ съ коммиссіей, недостаточность и ненадежность мѣстныхъ обычаевъ, какъ основанія для дѣятельности волостного суда, мы не думаемъ, чтобы этимъ оправдывалось хоть сколько-нибудь изданіе особаго сельскаго устава о договорахъ и наслѣдованіи. Неудобства двухъ одновременно дѣйствующихъ кодексовъ были бы здѣсь столь же, если не болѣе, велики, какъ и въ области уголовнаго права. Заключая договоръ въ городѣ, крестьянинъ подчинялся бы однимъ правиламъ, заключая договоръ въ деревнѣ—другимъ; возможное и законное въ одномъ мѣстѣ оказывалось бы невозможнымъ и незаконнымъ въ другомъ, что, конечно, не могло бы способствовать укрѣпленію юридическихъ понятій въ крестьянской средѣ. Какія гарантіи, дальше, имѣются въ томъ, что въ особый сельскій уставъ, составленный въ настоящее время, будетъ внесено все лучшее, все здравое и прочное изъ сокровищницы обычнаго народнаго права? Закончены ли—скажемъ болѣе, предприняты ли въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ—необходимыя предварительныя работы: собраніе матеріала, его группировка, его критическій разборъ, его научное изученіе? Не требуетъ ли самая простая осторожность повѣрки заключеній, къ которымъ приведутъ

такія работы, путемъ обсужденія ихъ съ одной стороны—въ земскихъ собраніяхъ или представителями земства, съ другой—коллегіей выдающихся цивилистовъ, какою могла бы явиться редакціонная коммиссія, составившая проектъ гражданскаго уложенія? Только ихъ соединенными силами можно было бы достигнуть результата, одинаково удовлетворительнаго и со стороны содержанія, и со стороны формы. Все имѣющее общую цѣнность могло бы быть внесено въ текстъ узаконеній, одинаково обязательныхъ для всѣхъ и каждаго; все спеціально приспособленное къ нуждамъ и взглядамъ земледѣльческой массы могло бы сохранить силу въ видѣ исключеній, съ ясно ограниченною сферою дѣйствій. Гражданское уложеніе получилось бы, такимъ образомъ, *одно*, но безъ крайностей единообразія, безъ уничтоженія особенностей, еще не потерявшихъ права на существованіе. Ничего подобнаго не даетъ система, рекомендуемая редакціонною коммиссіею. Если бы составленный ею уставъ могъ оказаться единственной, самодовлѣющей основой дѣятельности волостныхъ судовъ (въ сферѣ гражданскаго права), за него говорили бы, по крайней мѣрѣ, кое-какія соображенія практическаго удобства. Но это не такъ: коммиссія сохраняетъ за волостнымъ судомъ право руководствоваться мѣстными обычаями, т. е. оставляетъ въ силѣ существенно-важный недостатокъ нынѣшняго порядка — неопредѣленность правовыхъ нормъ, во второй инстанціи, притомъ, повѣряемыхъ или установляемыхъ чуждыми крестьянскому быту должностными лицами. Волостнымъ судьямъ будетъ предстоять задача согласованія устава, обязательнаго повсемѣстно и безусловно, съ разнообразными и измѣнчивыми обычаями. Трудная сама по себѣ, эта задача въ огромномъ большинствѣ случаевъ окажется совершенно непосильной для крестьянъ, взятыхъ въ судъ прямо отъ сохи. Скорѣе усилится, поэтому, чѣмъ ослабѣетъ вмѣшательство и вліяніе волостного писаря; теперь его попыткамъ построить рѣшеніе на десятомъ томѣ (истолкованномъ, конечно, вкривь и вкось) волостные судьи все-таки могутъ противопоставить ссылку на обычай,—а тогда писарь будетъ формально правъ, настаивая на рѣшеніи дѣла главнымъ образомъ *по уставу*. Замѣтимъ, притомъ, что этотъ уставъ коммиссія предполагаетъ построить на тѣхъ же началахъ, какими проникнуты наши общіе законы гражданскіе. Отсюда неизбѣжность противорѣчій между уставомъ и обычаемъ—противорѣчій, среди которыхъ едва ли съумѣетъ оріентироваться волостной судъ.

Меньше возраженій, чѣмъ составленіе особыхъ уставовъ уголовнаго

и гражданскаго права, возбуждаетъ мысль о преподаніи волостнымъ судамъ особаго процессуальнаго кодекса—меньше, конечно, не потому, чтобы такой кодексъ былъ необходимъ, а потому, что въ вопросахъ формы обособленность не такъ опасна, какъ въ вопросахъ содержанія. Всего правильнѣе было бы, думается намъ, установить и здѣсь лишь рядъ исключеній, какъ это сдѣлано, напримѣръ, въ судебныхъ уставахъ Императора Александра II-го по отношенію къ производству дѣлъ у мировыхъ судей. Число подобныхъ исключеній могло бы быть невелико, если бы при предстоящемъ пересмотрѣ устава гражданскаго судопроизводства общимъ судебнымъ мѣстамъ была предоставлена большая свобода въ выборѣ доказательствъ (напр. смягчены правила, ограничивающія допущеніе свидѣтельскихъ показаній). Очень нежелательнымъ представляется, во всякомъ случаѣ, расширеніе права волостныхъ судовъ на собираніе справокъ: именно здѣсь, вдали отъ гласности и правильнаго контроля, это могло бы сдѣлаться источникомъ волокиты и злоупотребленій. Коммиссіи кажется несправедливымъ непризнаніе за судомъ права подсказывать отвѣтчику ссылку на истеченіе давности; мы думаемъ, наоборотъ, что этого требуетъ самый характеръ давности, какъ института, установленнаго въ силу необходимости, но вовсе не вытекающаго изъ высшихъ задачъ правосудія. Давность — средство обороны внѣшнее, формальное, одинаково дѣйствительное по отношенію къ самымъ правымъ искамъ и къ самымъ неправымъ. Если такимъ средствомъ не пользуется отвѣтчикъ, тѣмъ лучше: это позволяетъ суду разсмотрѣть дѣло по существу и рѣшить его въ пользу того, на чьей сторонѣ правда. Отъ волостного суда всего меньше, притомъ, можно было бы ожидать осторожности и безпристрастія въ преподаніи тяжущимся юридическихъ совѣтовъ или наставленій... При другомъ составѣ, другой постановкѣ волостного суда можно было бы, конечно, признать окончательную силу за рѣшеніями его по дѣламъ наименѣе важнымъ; но при порядкахъ, намѣчаемыхъ коммиссіею, это едва ли способствовало бы водворенію правосудія въ деревнѣ. Объ *обаяніи* волостного суда обаяніи, охраненіемъ или созданіемъ котораго озабочена коммиссія, — нельзя говорить серьезно, пока волостные судьи не обладаютъ ни знаніями, ни самостоятельностью... Требованіе залога, какъ условія принятія кассаціонной жалобы, оказалось бы непосильнымъ для большинства тяжущихся. Наконецъ, раздробленіе кассаціонныхъ функцій между множествомъ учрежденій, въ которыхъ административный элементъ рѣшительно преобладаетъ надъ су-

дебнымъ, исключаетъ возможность скораго и успѣшнаго, путемъ практики, пополненія и исправленія уставовъ, предназначенныхъ спеціально для волостныхъ судовъ.

Возвратимся теперь къ..... вопросу о двухъ путяхъ, дѣлающихъ излишнимъ изданіе подобныхъ уставовъ. Всего правильнѣе была бы, конечно, такая постановка низшей судебной инстанціи, которая ввела бы ее въ общую іерархію судебныхъ учрежденій, подчинила бы ея членовъ всѣмъ или, по меньшей мѣрѣ, главнѣйшимъ требованіямъ, предъявляемымъ къ судьѣ, и обезпечила бы за ними независимость отъ постороннихъ велѣній и вліяній. Для такого суда примѣненіе общихъ нормъ матеріальнаго и процессуальнаго права, кое въ чемъ, сообразно съ особенностями народнаго быта, дополненныхъ или видоизмѣненныхъ, не представило бы серьезныхъ затрудненій; съумѣлъ бы онъ прибѣгнуть, въ случаѣ надобности и въ установленныхъ закономъ предѣлахъ, и къ обычаю, какъ прибѣгаютъ, напримѣръ, къ торговымъ обычаямъ коммерческіе суды. Нашлись бы для него и подходящія лица, если бы къ избранію его членовъ было призвано все мѣстное населеніе. Пока не наступили условія, благопріятныя для такой реформы, дѣятельность волостныхъ судовъ слѣдовало бы ввести въ возможно тѣсные предѣлы, предоставивъ имъ только разборъ самыхъ маловажныхъ проступковъ (чѣмъ упразднилось бы само собою примѣненіе волостнымъ судомъ тѣлеснаго наказанія) и самыхъ малоцѣнныхъ гражданскихъ исковъ. При рѣшеніи послѣднихъ волостной судъ могъ бы по прежнему руководствоваться обычаемъ, а при рѣшеніи первыхъ—заранѣе указанными статьями уголовнаго уложенія, безъ права выходить за предѣлы невысокой карательной нормы. Свободной оставалась бы, такимъ образомъ, дорога къ дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ; не было бы возведено тѣхъ стѣнъ, о которыхъ мы говорили выше.

Намъ могутъ возразить, что обособленность крестьянскаго суда, а слѣдовательно и вытекающая изъ него обособленность законодательства, гражданскаго и уголовнаго, предрѣшена Высочайшимъ указомъ 8-го января, въ силу котораго крестьянамъ долженъ быть сохраненъ *сословный строй*. Чтобы убѣдиться въ неосновательности этого возраженія, стоитъ только припомнить, что сословный строй дворянства, духовенства, купечества, живущаго въ городахъ мѣщанства, нисколько не исключаетъ подчиненія ихъ однимъ и тѣмъ же законамъ, одному и тому же суду. Сослов-

ность—вовсе не синонимъ той юридической обособленности, за которую стоитъ редакціонная коммиссія» . . . . .

„Вѣстникъ Права“ (№ 2, 1904 г., уголовная хроника г. Набокова), статья „Уголовное Уложеніе 1903 г. передъ судомъ редакціонной коммиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ“:

«Новое уголовное уложеніе не годится для крестьянъ—вотъ тотъ выводъ, къ которому долженъ придти всякій, ознакомившійся съ разсужденіями редакціонной коммиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ и повѣрившій этимъ разсужденіямъ. Притомъ уложеніе это,—плодъ долгой и упорной работы, — одинаково непригодно какъ съ точки зрѣнія крестьянина-судьи, такъ и для крестьянина-подсудимаго: для перваго оно непонятно вслѣдствіе „нѣкоторой схематичности опредѣленій состава преступныхъ дѣяній“, а также „усвоеннаго въ уложеніи способа обобщенія признаковъ отдѣльныхъ видовъ преступленій“ — способа, вполнѣ подходящаго для юридически образованнаго судьи, но не для волостныхъ судей, отъ которыхъ, по удостовѣренію коммиссіи, нельзя ожидать, чтобы они „могли справиться съ трудностями подведенія подъ отвлеченныя положенія значительно различающихся по своимъ внѣшнимъ признакамъ проступковъ“, — другими словами, — чтобы они могли вообще судить. Но и крестьянинъ-подсудимый не по плечу уложенію. Оно для него, по крайней мѣрѣ въ отношеніи „нѣкоторыхъ дѣяній, даже не особенно тяжкихъ“, — слишкомъ строго,—и строгость эта можетъ оказаться „въ рѣзкомъ противорѣчіи съ правосознаніемъ сельскаго населенія“. „Крестьянамъ былъ бы непонятенъ законъ, въ силу коего за уличную перебранку двухъ бабъ можетъ быть назначено наказаніе, доходящее до 6 мѣсяцевъ ареста или 500 р. пени, между тѣмъ какъ нынѣ высшее возможное взысканіе за такой проступокъ ограничивается штрафомъ въ 30 р. или 2-хъ недѣльнымъ арестомъ“. Поэтому, для волостного суда ничего не выкроишь изъ новаго уголовнаго уложенія. Необходимо написать особенное миніатюрное уложеніе „волостной уставъ о наказаніяхъ“, при составленіи коего коммиссія руководится слѣдующими тремя положеніями: 1) охватывая приблизительно ту же область проступковъ, какъ и временныя правила 12 іюля 1889 г., проектируемый уставъ, при опредѣленіи состава и отличительныхъ свойствъ преступныхъ дѣяній, долженъ опираться на постановленія новаго уголовнаго уложенія, лишь пріурочивая ихъ къ особымъ условіямъ и видамъ сельской преступности; 2) по внѣшней формѣ изложенія, уставъ этотъ

долженъ отличаться ясностью и наглядностью, избѣгать излишне отвлеченной формулировки состава наказуемыхъ проступковъ, а равно пояснять, въ цѣляхъ ихъ болѣе легкой усвояемости, устанавливаемыя имъ общія положенія подходящими примѣрами и вообще всемѣрно примѣняться къ уровню пониманія и мышленія той среды, для которой онъ предназначается, и 3) по степени наказуемости предусматриваемыхъ имъ проступковъ, уставъ долженъ, по возможности, приближаться къ мѣрамъ карательной репрессіи, установленнымъ для однородныхъ преступленій новымъ уголовнымъ уложеніемъ, отступая отъ сего пріема лишь въ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ это представляется безусловно необходимымъ

О томъ, возможно ли выполнить такую самопротиворѣчивую программу,—теперь говорить было бы преждевременно. Подождемъ опубликованія новаго кодекса. Но нельзя не констатировать, что самая возможность его появленія свидѣтельствуетъ о нѣсколько неожиданной перемѣнѣ во взглядахъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Что такая перемѣна произошла, и притомъ вполнѣ сознательно, въ этомъ можно убѣдиться изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя опубликованы Высочайше учрежденной особой коммиссіей для разработки мѣропріятій, вызванныхъ изданіемъ новаго уголовнаго уложенія. Въ засѣданіи этой коммиссіи 8 декабря минувшаго года, предсѣдатель ея (Министръ Юстиціи) сообщилъ, что минувшимъ лѣтомъ онъ входилъ въ сношеніе съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, прося увѣдомить о существѣ предположеній Высочайше учрежденнаго особаго совѣщанія для пересмотра законоположеній объ устройствѣ сельскаго состоянія относительно приведенія правилъ о волостныхъ судахъ въ соотвѣтствіе съ проектомъ новаго уголовнаго уложенія, а равно и о предположеніяхъ статсъ-секретаря Плеве по общему вопросу о пересмотрѣ уголовной подсудности установленій, образованныхъ по закону 12 іюля 1889 г.

Въ отвѣтъ на это послѣдовало со стороны Министра Внутреннихъ Дѣлъ два отзыва, отъ 27 іюня и 15 августа 1903 г. Въ первомъ говорится, что въ основу *выработанныхъ* въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ предварительныхъ проектовъ по изъясненному вопросу положены два начала: во-первыхъ, сохраненіе единства уголовнаго кодекса, съ тѣмъ, чтобы вновь изданное уложеніе служило руководствомъ и для административно-судебныхъ установленій, образованныхъ по закону 12 іюля 1889 г., и, во-вторыхъ, составленіе для волостныхъ судовъ особаго волостного уголовнаго

устава, который, замѣняя ссылочную на уставъ о наказаніяхъ статью 17 временныхъ правилъ 12 іюля 1889 г., содержалъ бы вполнѣ соотвѣтствующія новому уголовному уложенію постановленія о преступныхъ дѣяніяхъ низшаго разряда, подлежащія примѣненію означенными судами; *при этомъ въ проектѣ волостного уголовнаго устава предположено установить наказуемость преступныхъ дѣяній одинаковую съ принятою во вновь изданномъ уложеніи, дабы, не нарушая опредѣленной послѣднимъ общей системы уголовной репрессіи, ввести въ наше законодательство начало равной отвѣтственности передъ закономъ всѣхъ виновныхъ въ уголовно-наказуемыхъ правонарушеніяхъ, безотносительно къ судимости ихъ судебными установленіями или волостными судами.* Въ отзывѣ же отъ 15 августа (за № 2325) Министръ Внутреннихъ Дѣлъ сообщилъ, что при работахъ по составленію волостнаго устава о наказаніяхъ,—въ связи съ общимъ пересмотромъ всего волостнаго матеріальнаго и процессуальнаго законодательства, по мѣрѣ выработки отдѣльныхъ положеній волостнаго устава, выяснилась невозможность примѣнять къ волостному суду буквальный текстъ соотвѣтствующихъ постановленій новаго уголовнаго закона, не впадая въ противорѣчіе съ правовыми требованіями сельской жизни.

Эта невозможность констатируется и по отношенію къ общимъ положеніямъ новаго уголовнаго уложенія. „Такъ, напримѣръ, очевидно нѣтъ возможности ввести въ названный уставъ правило новаго уложенія, по которому всѣ несовершеннолѣтніе до 17 лѣтъ освобождены отъ наказаній за проступки“.

По поводу этого послѣдняго указанія нельзя не замѣтить, что правило новаго уголовнаго уложенія цитировано совершенно неточно. Ст. 55, п. 3 новаго уголовнаго уложенія не устанавливаетъ безнаказанности за проступки, совершенные несовершеннолѣтними до 17 лѣтъ. Она замѣняетъ арестъ или денежную пеню—внушеніемъ отъ суда и прибавляетъ, что если судъ найдетъ, что проступки обращены несовершеннолѣтнимъ въ промыселъ, или свидѣтельствуютъ о привычкѣ къ преступной дѣятельности, виновный подлежитъ помѣщенію въ воспитательно-исправительное заведеніе, т. е. подвергается той же самой мѣрѣ, которая принимается по отношенію къ тѣмъ же несовершеннолѣтнимъ въ случаѣ совершенія ими преступленій тяжкихъ: по п. 2 той же статьи воспитательно-исправительныя заведенія замѣняютъ для малолѣтнихъ отъ 10 до 14 лѣтъ смертную казнь, каторгу, ссылку на поселеніе, исправительный домъ, крѣпость и тюрьму, а

для несовершеннолѣтнихъ отъ 14 до 17 лѣтъ — тѣ же наказанія, кромѣ каторги и смертной казни. Такимъ образомъ и здѣсь можно было бы говорить о безнаказанности. Но дѣло, конечно, не въ томъ. Если считать, что проступки несовершеннолѣтнихъ должны вызывать болѣе чувствительную репрессію, то, очевидно, нѣтъ никакихъ основаній требовать такого усиленія только по отношенію къ крестьянамъ—подросткамъ. Съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть,—съ точки ли зрѣнія общественной охраны, или въ интересахъ исправленія, устрашенія и т. п.,– мелкая преступность несовершеннолѣтнихъ въ городахъ по меньшей мѣрѣ такого же заслуживаетъ вниманія, какъ и въ сельской средѣ. Между тѣмъ, съ „безнаказанностью" несовершеннолѣтнихъ горожанъ повидимому мирятся, подрывая въ корнѣ то начало равной отвѣтственности, о желательности котораго только что было такъ внушительно сказано. То же слѣдуетъ сказать и о „перебранкѣ двухъ бабъ". Помимо того, что „перебранка" (т. е. взаимныя обиды словомъ) по уложенію вообще ненаказуема, бабы вездѣ остаются бабами, и въ нравахъ городскихъ уличныхъ торговокъ крѣпкія словца столь же нормальны, если не болѣе, какъ и на деревнѣ. Такими примѣрами можно доказать все, что угодно. Если брать такія понятія, какъ личное достоинство, степень обидчивости и т. п., то окажется, что между воззрѣніями отдѣльныхъ классовъ, сословій, лицъ—цѣлыя пропасти. Однако, нельзя же для каждаго создавать отдѣльный законъ. Если же максимумы нѣкоторыхъ наказаній представляются для волостной юстиціи чрезмѣрными, то нѣтъ никакихъ препятствій понизить ихъ до размѣровъ компетенціи волостнаго суда. Для этого нѣтъ надобности писать особое крестьянское уложеніе.

Другія возраженія противъ примѣнимости уголовнаго уложенія—„схематичность опредѣленій состава преступныхъ дѣяній" и трудность подведенія подъ его отвлеченныя положенія отдѣльныхъ жизненныхъ явленій—сами по себѣ, конечно, не отличаются опредѣленностью.

Коммиссія ограничивается приведеніемъ примѣровъ соединенія въ одной статьѣ проступковъ, могущихъ подлежать вѣдѣнію волостнаго суда, съ такими, которые должны быть изъяты изъ его подсудности. Ни одинъ изъ приведенныхъ ею примѣровъ не имѣетъ доказательной силы. Такъ, коммиссію почему то безпокоитъ то обстоятельство, что ст. 262 новаго уголовнаго уложенія, предусматривая учиненіе шума, крика или иного безчинства въ публичномъ мѣстѣ или въ общественномъ собраніи, а также драку, кулачный бой или иное буйство при тѣхъ же условіяхъ, въ послѣд-

ней своей части упоминаетъ о буйствѣ, учиненномъ толпою, если оно имѣло послѣдствіемъ тяжкое или весьма тяжкое тѣлесное поврежденіе или смерть, и за это преступленіе опредѣляетъ заключеніе въ тюрьмѣ до одного года. Мы рѣшительно отказываемся понять, какія могутъ отсюда произойти затрудненія. Едва ли можно себѣ представить, чтобы волостной судъ не сумѣлъ отличить случаи, когда буйства сопровождались тяжкими тѣлесными поврежденіями, отъ другихъ, не имѣвшихъ такихъ послѣдствій. Другой примѣръ—соединеніе въ одно понятіе воровства прежнихъ кражи и грабежа – еще менѣе убѣдителенъ и даже, можно сказать, доказываетъ какъ разъ противоположное, такъ какъ задача суда усложняется и затрудняется при необходимости *различать* эти понятія и чрезвычайно упрощается при устраненіи дѣленія на открытое и тайное похищеніе. Столько уже объ этомъ было писано и говорено, что едва ли стоитъ вновь возвращаться къ вопросу.

Вообще же говоря, если дать себѣ трудъ внимательно сравнить изложеніе тѣхъ статей устава о наказ., диспозиціи которыхъ теперь примѣняются волостными судами, съ соотвѣтствующими статьями уголовнаго уложенія, то окажется слѣдующее. Въ огромной массѣ случаевъ, а именно въ статьяхъ, предусматривающихъ полицейскіе проступки, изложеніе уголовнаго уложенія отличается отъ изложенія дѣйствующаго устава о наказаніяхъ развѣ только большей простотой, краткостью и ясностью. Въ остальныхъ же случаяхъ, именно тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о проступкахъ противъ личности, уложеніе стоитъ значительно выше устава: достаточно указать на устраненіе изъ уложенія такихъ голыхъ терминовъ, какъ клевета или самоуправство, истинное пониманіе которыхъ возможно только для судьи, понаторѣвшаго въ сенатской практикѣ, на точное опредѣленіе угрозы, состава похищенія, присвоенія и др.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что нѣкоторая схематичность и общность или отвлеченность опредѣленій суть неизбѣжныя свойства всякаго современнаго закона, а подведеніе отдѣльныхъ случаевъ жизни подъ эти общія опредѣленія есть именно par excellence функція судьи. Безъ умѣнія исполнять эту функцію нельзя себѣ представить судью. Задача эта можетъ быть значительно облегчаема изданіемъ всякаго рода пособій, сборниковъ разъясненій и т. п., но едва ли можно ожидать какой-нибудь пользы отъ введенія въ самый законъ поясняющихъ „подходящихъ примѣровъ“, какъ того желаетъ коммиссія. Скажемъ болѣе: чѣмъ менѣе развиты судьи, тѣмъ

болѣе затрудненій представятъ для нихъ такіе примѣры, такъ какъ индивидуальныя черты и особенности каждаго такого примѣра будутъ заслонять отъ ихъ умственнаго взора общую мысль закона, и такимъ образомъ гораздо скорѣе собьютъ ихъ съ толку, чѣмъ выяснятъ имъ, чего желаетъ законъ.

Вопросъ объ объединеніи нашего уголовнаго законодательства пережилъ, какъ можно видѣть, своеобразную эволюцію. Въ самомъ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда было приступлено къ работамъ по составленію уголовнаго уложенія, объединеніе это было признано однимъ изъ основныхъ началъ, къ которымъ надлежало стремиться. Объединеніе это должно было коснуться и крестьянской юстиціи, компетенція которой до 1889 г. была очень невелика. Законъ 1889 г., какъ извѣстно, значительно расширилъ эту компетенцію, подтвердивъ и закрѣпивъ ту специфическую карательную мѣру, которая досталась намъ какъ наслѣдіе крѣпостного права. Можно было надѣяться, что съ осуществленіемъ той идеи „равной отвѣтственности всѣхъ предъ закономъ", о которой говорится въ отзывѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, исчезнетъ и это нелестное наслѣдіе. Теперь же этой надеждѣ, повидимому, не суждено осуществиться, и примѣненіе тѣлеснаго наказанія по прежнему будетъ считаться однимъ изъ „правовыхъ требованій сельской жизни".

При этомъ, какъ уже было указано въ нашей печати, предположенія коммиссіи, направленныя къ созданію особаго крестьянскаго уголовнаго кодекса, еще болѣе расширяютъ ту пропасть, которая въ области уголовной юстиціи отдѣляетъ сельскихъ обывателей отъ другихъ классовъ населенія. Еще далѣе отодвигаются тѣ идеалы, которые носились уже передъ составителями уложенія Царя Алексѣя Михайловича: „Чтобы московскаго государства всякихъ чиновъ людемъ, отъ большаго и до меньшаго чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ ровна"».

Г. Гуссаковскій („Журн. Мин. Юст". № 9, 1904 г.): .....«Помимо недостатковъ организаціи волостного суда главнѣйшій его недостатокъ заключается въ самыхъ основахъ его дѣятельности, т. е. въ томъ матеріальномъ правѣ, которымъ онъ долженъ руководствоваться при отправленіи имъ правосудія.

На основаніи закона 12 іюля 1889 г. подсудность уголовныхъ дѣлъ волостному суду опредѣляется, съ одной стороны, кругомъ тѣхъ проступковъ, которые предусмотрѣны въ приведенномъ въ этомъ законѣ перечнѣ

статей устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, а съ другой стороны—принадлежностью обвиняемаго и потерпѣвшаго къ кругу лицъ, подвѣдомственныхъ крестьянскому общественному управленію. Подчиняя вѣдомству волостного суда дѣла объ опредѣленныхъ проступкахъ, временныя правила о волостномъ судѣ вмѣняютъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ въ обязанность при разрѣшеніи этихъ дѣлъ примѣнять не тѣ наказанія, которыя указаны въ соотвѣтственныхъ статьяхъ устава, а значительно пониженныя карательныя нормы. Такимъ образомъ дѣйствующимъ закономъ устанавливается различная наказуемость за одни и тѣ же преступныя дѣянія, совершаемыя въ сельскихъ мѣстностяхъ, въ зависимости отъ принадлежности обвиняемаго и потерпѣвшаго къ тому или иному сословію. Если крестьянинъ совершитъ кражу у помѣщика, то на основаніи устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, виновный можетъ быть подвергнутъ тюремному заключенію на срокъ до одного года; если однако такая же кража совершена крестьяниномъ у крестьянина, то высшая мѣра наказанія, которому подлежитъ обвиняемый, не можетъ превысить тридцатидневнаго ареста. Независимо отъ того лицамъ, не подчиненнымъ вѣдомству волостного суда, въ случаѣ совершенія крестьяниномъ какого-либо противъ нихъ проступка предоставляется факультативное право возбудить противъ нихъ преслѣдованіе или въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, или въ волостномъ судѣ. Вслѣдствіе этого, если крестьянинъ совершитъ кражу у лица, не подчиненнаго волостному суду, то степень наказуемости этого преступнаго дѣянія ставится въ зависимость не отъ его свойства и тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ оно совершено, а отъ воли и усмотрѣнія потерпѣвшаго. Въ случаѣ обращенія его къ общимъ судебнымъ установленіямъ виновный будетъ подвергнутъ болѣе или менѣе продолжительному тюремному заключенію; если же преслѣдованіе противъ обвиняемаго возбуждено въ волостномъ судѣ, то наказаніе его ограничится кратковременнымъ арестомъ. Такимъ образомъ, благодаря полной несогласованности карательныхъ постановленій, примѣняемыхъ волостнымъ судомъ, съ общими карательными нормами, дѣятельность этого суда по уголовнымъ дѣламъ колеблетъ въ населеніи уваженіе къ закону и, по общему удостовѣренію мѣстныхъ комитетовъ, внушаетъ ему убѣжденіе, что лица привилегированныхъ классовъ въ большей мѣрѣ ограждаются закономъ отъ преступныхъ посягательствъ, чѣмъ крестьяне.

Въ виду того, что съ введеніемъ въ дѣйствіе новаго уголовнаго уло-

женія утратить силу уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, на который ссылаются дѣйствующія правила о волостномъ судѣ при опредѣленіи его подсудности по уголовнымъ дѣламъ, коммиссія признала цѣлесообразнымъ составить проектъ особаго волостного устава о наказаніяхъ, въ которомъ предусмотрѣны всѣ проступки, подлежащіе вѣдѣнію волостного суда. Согласно этому проекту предполагается расширить нѣсколько тѣ карательныя полномочія, которыя предоставлены нынѣ волостному суду. Независимо отъ денежной пени и ареста, къ которымъ и нынѣ можетъ приговаривать волостной судъ, коммиссія устанавливаетъ, какъ высшую мѣру наказанія за подвѣдомственные этому суду проступки, тюремное заключеніе срокомъ до одного мѣсяца. Такъ какъ при этомъ кругъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ нынѣ волостному суду, оставляется коммиссіей безъ измѣненія, то и въ случаѣ утвержденія проектированнаго ею волостного устава о наказаніяхъ сохранится прежнее различіе въ степени наказуемости однихъ и тѣхъ же проступковъ въ зависимости отъ того, совершены ли они въ средѣ крестьянъ или же направлены противъ лицъ, не подвѣдомственныхъ волостному суду.

Полное устраненіе такого различія, по мнѣнію коммиссіи, не можетъ быть достигнуто за невозможностью предоставить волостному суду болѣе широкія полномочія, чѣмъ тѣ, которыя указаны въ проектѣ. Между тѣмъ едва-ли подобнымъ соображеніемъ можетъ быть оправдываемо сохраненіе того порядка, который столь рѣзко нарушаетъ принципы справедливости Если волостной судъ представляется настолько несовершеннымъ учрежденіемъ, что ему, по мнѣнію коммиссіи, не можетъ быть ввѣрена обширная карательная власть, то необходимо или замѣнить этотъ судъ другимъ болѣе совершеннымъ, или же ограничить его подсудность самыми маловажными проступками, влекущими за собою лишь незначительныя взысканія. Невозможно однако мѣру наказанія за тѣ или иныя преступныя дѣянія ставить въ зависимость не отъ ихъ свойства, а отъ степени совершенства организаціи того суда, коему они подсудны. Установленіе подобнаго принципа равносильно полному отрицанію самыхъ элементарныхъ началъ уголовнаго права.

При разрѣшеніи гражданскихъ дѣлъ волостной судъ въ силу дѣйствующихъ о немъ правилъ долженъ руководствоваться существующими мѣстными обычаями. При крайне слабомъ развитіи среди крестьянъ обычнаго права, далеко не предусматривающаго всѣхъ тѣхъ юридическихъ

отношеній, которыя нерѣдко возникаютъ нынѣ среди сельскаго населенія, упомянутое правило равносильно предоставленію волостному суду права разрѣшать подвѣдомственные ему имущественные споры по своему усмотрѣнію. Такое положеніе, по мнѣнію коммиссіи, не можетъ быть болѣе терпимо. Какъ бы ни былъ несовершененъ законъ, регулирующій имущественныя отношенія, онъ во всякомъ случаѣ можетъ служить болѣе надежнымъ руководствомъ для суда, чѣмъ шаткій и измѣнчивый обычай. При отсутствіи закона, коимъ обязательно долженъ руководствоваться судъ въ своей дѣятельности, немыслимо ни правосудіе вообще, ни укрѣпленіе въ народномъ сознаніи спокойнаго и правильнаго пониманія своего и чужого права, своихъ и чужихъ обязанностей.

Придя къ такому заключенію, коммиссія не находитъ однако возможнымъ распространить дѣйствіе общихъ гражданскихъ законовъ на дѣятельность волостныхъ судовъ. По ея мнѣнію, нашъ гражданскій кодексъ построенъ на началахъ индивидуальности и капитализма, а между тѣмъ весь гражданскій правооборотъ у крестьянъ образовался на основахъ порядка семейнаго и общиннаго, въ широкомъ смыслѣ этого слова, и на принципѣ проведенія во многихъ гражданскихъ институтахъ началъ общественныхъ и трудовыхъ. Вслѣдствіе этого наши гражданскія узаконенія, расчитанныя на примѣненіе ихъ къ сложнымъ и цѣннымъ имущественнымъ оборотамъ экономически развитой среды и не предусматривающія простѣйшихъ правоотношеній сельскаго земледѣльческаго населенія, не могутъ быть положены въ основу дѣятельности волостныхъ судовъ. Независимо отъ того эти узаконенія и по самому способу своего изложенія мало доступны пониманію людей, не свѣдущихъ въ правѣ и не умѣющихъ разбираться въ отвлеченныхъ положеніяхъ, а потому и не могутъ быть преподаны къ руководству волостныхъ судей. Исходя изъ этихъ соображеній, коммиссія признала необходимымъ выработать для руководства волостныхъ судей особый сельскій судебный уставъ, заключающій въ себѣ два отдѣла: о договорахъ и о наслѣдованіи. Изданіемъ этого устава, по предположеніямъ коммиссіи, не исключается примѣненіе обычая. Въ области наслѣдственнаго права обычай по прежнему сохранитъ первенствующее значеніе и постановленія сельскаго устава о наслѣдованіи могутъ имѣть примѣненіе только при отсутствіи обычая. Напротивъ того, въ области обязательственнаго права постановленіямъ сельскаго устава предполагается присвоить преобладающее значеніе; примѣненіе же

обычая можетъ быть допущено лишь при отсутствіи закона, предусматривающаго данное правоотношеніе.

Останавливаясь на этихъ предположеніяхъ, нельзя не замѣтить, что стремленіе коммиссіи создать для волостного суда особый гражданскій кодексъ, построенный на иныхъ началахъ, чѣмъ общіе гражданскіе законы, представляется ошибочнымъ въ самомъ своемъ основаніи. Волостному суду подвѣдомственны не всѣ имущественные споры крестьянъ, а только тѣ изъ нихъ, которые по своей цѣнности не превышаютъ опредѣленной суммы. Независимо отъ того, крестьяне подвѣдомственны волостному суду только въ спорахъ ихъ между собою и съ лицами непривилегированныхъ состояній, проживающихъ въ предѣлахъ волости; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ имущественные споры крестьянъ не подвѣдомственны волостному суду. Вслѣдствіе этого въ случаѣ изданія для упомянутаго суда особаго сельскаго судебнаго устава, построеннаго на иныхъ началахъ, чѣмъ общіе гражданскіе законы, одни и тѣ же имущественныя правоотношенія крестьянъ регулировались бы двумя различными узаконеніями въ зависимости отъ цѣнности права, составляющаго предметъ этихъ правоотношеній, и отъ принадлежности лицъ, съ которыми они возникли, къ тому или иному сословію. Такимъ образомъ одни и тѣ же имущественные споры крестьянъ, вытекающіе изъ совершенно тождественныхъ правоотношеній, разрѣшались бы различно, смотря по тому, подвѣдомственны ли эти споры волостному суду, руководствующемуся сельскимъ судебнымъ уставомъ, или же они подлежатъ вѣдѣнію другихъ судебныхъ установленій, обязанныхъ примѣнять общій законъ. Нужно думать, что такія послѣдствія изданія сельскаго устава, вопреки ожиданіямъ коммиссіи, едва-ли будутъ способствовать укрѣпленію въ народномъ сознаніи стойкаго и правильнаго пониманія своихъ и чужихъ правъ, своихъ и чужихъ обязанностей.

Задаваясь цѣлью выработать для волостного суда особый сельскій уставъ, построенный на иныхъ началахъ, чѣмъ общіе гражданскіе законы, но приспособленный къ особенностямъ быта крестьянъ, коммиссія упускаетъ однако изъ вида, что волостному суду подвѣдомственны не только крестьяне, но также мѣщане, посадскіе, ремесленники и цеховые, проживающіе въ предѣлахъ волости. Если, по мнѣнію коммиссіи, наши общіе гражданскіе законы, построенные на началахъ индвидуальности и капитализма, не пригодны вообще для регулированія имущественныхъ отношеній крестьянъ и потому требуютъ коренной ихъ переработки соотвѣтственно

потребностямъ и основамъ крестьянской жизни, то представляется совершенно непонятнымъ, почему переработанные на такихъ началахъ гражданскіе законы должны также регулировать имущественныя отношенія проживающихъ въ предѣлахъ волости ремесленниковъ и цеховыхъ, которые и по своимъ занятіямъ, и по бытовымъ своимъ особенностямъ имѣютъ весьма мало общаго съ крестьянами. Послѣдовательное развитіе тѣхъ положеній, изъ которыхъ исходила коммиссія при составленіи сельскаго судебнаго устава, требовало бы также изданія особыхъ гражданскихъ кодексовъ для ремесленниковъ, купцовъ и вообще всѣхъ другихъ группъ населенія, представляющихъ какія-либо бытовыя особенности, но само собою разумѣется, что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Гражданскіе законы, регулирующіе имущественныя отношенія, должны быть едиными для всего населенія, и начала, на которыхъ они построены, не могутъ видоизмѣняться въ зависимости отъ профессій и особенностей быта отдѣльныхъ лицъ. То, что признается правомѣрнымъ для однихъ классовъ населенія, не можетъ быть признано неправомѣрнымъ для другихъ.

Въ подтвержденіе невозможности проведенія въ крестьянскую жизнь тѣхъ началъ, на которыхъ построены наши общіе гражданскіе законы, приводятся два примѣра, но оба они представляются мало убѣдительными. Въ X томѣ, въ отдѣлѣ наслѣдственнаго права, установлено общее начало, въ силу котораго ближайшій родственникъ, при отсутствіи завѣщанія, отстраняетъ отъ наслѣдованія дальнѣйшаго. По мнѣнію коммиссіи, это начало, вполнѣ правомѣрное въ примѣненіи его ко всѣмъ другимъ сословіямъ, привело бы къ вопіющей несправедливости въ случаѣ примѣненія его къ крестьянамъ, такъ какъ при этомъ дальнѣйшій родственникъ наслѣдодателя, посвятившій всѣ свои силы и труды на поддержаніе и развитіе принадлежащаго послѣднему хозяйства, долженъ былъ бы уступить право наслѣдованія ближайшему родственнику, относившемуся всегда совершенно безучастно и къ умершему, и къ его хозяйству.

Между тѣмъ, если отстраненіе отъ наслѣдованія дальнѣйшаго родственника ближайшимъ и можетъ быть разсматриваемо въ приведенномъ примѣрѣ какъ вопіющая несправедливость, то такая несправедливость никоимъ образомъ не можетъ быть отнесена къ винѣ закона и вовсе не доказываетъ нежелательности проведенія его въ крестьянскую жизнь. Опредѣляя порядокъ наслѣдованія при отсутствіи завѣщанія, законъ только и можетъ руководствоваться близостью кровнаго родства съ наслѣ-

додателемъ, а не личными къ нему отношеніями того или иного изъ его родственниковъ. Значеніе кровной связи въ современномъ обществѣ даетъ достаточное основаніе къ предположенію, что ближайшій родственникъ наслѣдодателя, не оставившаго завѣщанія, является тѣмъ именно лицомъ, которому умершій желалъ предоставить право наслѣдованія. Если однако въ отдѣльныхъ случаяхъ такое предположеніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то отъ наслѣдодателя зависитъ вполнѣ отстранить отъ наслѣдованія ближайшаго родственника и указать въ завѣщаніи то лицо, которому онъ желаетъ предоставить наслѣдство.

Указываемыя коммиссіей послѣдствія примѣненія общихъ законовъ о наслѣдованіи къ крестьянской средѣ вполнѣ возможны не только въ средѣ крестьянъ, но и другихъ классовъ населенія. Въ силу этихъ законовъ дальнѣйшій родственникъ фабриканта, посвятившій всѣ свои силы и знанія на улучшеніе и развитіе фабричнаго его дѣла, точно такъ же будетъ отстраненъ отъ наслѣдованія ближайшимъ родственникомъ умершаго собственника, не принимавшимъ никакого участія въ его дѣлахъ, если только наслѣдодатель не составилъ завѣщанія, заключающаго въ себѣ противоположное распоряженіе. Коль скоро однако коммиссія не усматриваетъ никакой несправедливости въ примѣненіи къ подобнымъ случаямъ общихъ началъ нашихъ законовъ о наслѣдованіи, то нѣтъ никакого основанія для признанія несправедливости этихъ началъ и въ примѣненіи ихъ къ аналогическимъ случаямъ въ крестьянской жизни.

Столь же мало убѣдительнымъ представляется и другой примѣръ, приводимый коммиссіей въ подтвержденіе невозможности подчиненія крестьянъ дѣйствію общихъ гражданскихъ законовъ. На основаніи этихъ законовъ для дѣйствительности долгового обязательства и завѣщательнаго распоряженія требуется безусловно облеченіе ихъ въ форму письменнаго акта. Между тѣмъ проведеніе этого правила въ сельскую жизнь, по мнѣнію коммиссіи, представляется совершенно невозможнымъ. Примѣненіе этого правила привело бы къ тому, что долгъ въ нѣсколько рублей, сдѣланный крестьяниномъ у крестьянина въ присутствіи всего сельскаго схода, но безъ составленія письменной росписки, не подлежалъ бы взысканію. Точно такъ же словесное завѣщательное распоряженіе крестьянина о своемъ имуществѣ, хотя бы оно было сдѣлано въ присутствіи созванныхъ для этого родныхъ и даже духовенства, было бы лишено всякой юридической силы.

Останавливаясь на этихъ соображеніяхъ, нельзя не замѣтить, что требованіе письменнаго акта для доказательства существованія тѣхъ или иныхъ имущественныхъ правъ установлено въ виду необходимости оградить весьма важные имущественные интересы населенія. Въ этихъ гарантіяхъ крестьяне нуждаются не меньше, чѣмъ и всѣ другія сословія. Особенности крестьянскаго быта вовсе не даютъ никакихъ указаній на то, чтобы въ отличіе отъ другихъ классовъ населенія въ ихъ средѣ свидѣтельскія показанія могли служить такимъ же надежнымъ доказательствомъ существованія опредѣленныхъ юридическихъ отношеній, какъ и письменные акты. Нельзя отрицать, конечно, возможности такихъ исключительныхъ случаевъ, когда и при отсутствіи письменнаго акта фактъ заключенія займа можетъ быть установленъ съ полною достовѣрностью. Если удостовѣреніе сельскаго схода, въ присутствіи котораго крестьянинъ сдѣлалъ у крестьянина заемъ въ нѣсколько рублей, можетъ, по мнѣнію коммиссіи, служить доказательствомъ наличности долга, то нѣтъ никакого основанія не придавать значенія такого же доказательства удостовѣренію дворянскаго собранія, въ присутствіи котораго одинъ дворянинъ сдѣлалъ заемъ у другого дворянина въ нѣсколько тысячъ или нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Между тѣмъ за невозможностью опредѣлить въ законѣ всѣ тѣ условія, при наличности которыхъ свидѣтельскія показанія могутъ служить доказательствомъ долга по займу, наши гражданскіе законы, для предотвращенія возможныхъ злоупотребленій, вполнѣ правильно предъявляютъ безусловное требованіе, чтобы договоръ займа былъ облеченъ въ форму письменнаго акта.

Еще болѣе вѣскія соображенія легли въ основу закона, не признающаго никакого значенія за словесными завѣщательными распоряженіями, такъ какъ облеченное въ письменную форму завѣщаніе не только представляетъ собою болѣе достовѣрное доказательство полнаго соотвѣтствія заключающихся въ немъ распоряженій съ волею завѣщателя, но вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ извѣстной гарантіей того, что распоряженія завѣщателя сдѣланы имъ сознательно, а не подъ вліяніемъ преходящаго раздраженія или страсти. Такія гарантіи, очевидно, не могутъ быть признаны излишними для крестьянъ только потому, что въ большинствѣ случаевъ предметомъ ихъ завѣщательныхъ распоряженій могутъ быть лишь такія имущества, которыя не представляютъ собою большой цѣнности. Законъ долженъ въ одинаковой мѣрѣ ограждать права и интересы всѣхъ классовъ

населенія внѣ всякой зависимости отъ той цѣнности, которую они собою представляютъ.

Не раздѣляя мнѣнія коммиссіи о необходимости составленія особаго сельскаго устава, который регулировалъ бы имущественныя отношенія крестьянъ на иныхъ началахъ, чѣмъ общіе гражданскіе законы, мы далеки однако отъ мысли, что эти законы могутъ быть всецѣло распространены на крестьянъ безъ всякихъ ихъ измѣненій и дополненій. Нѣкоторыя постановленія X тома, въ особенности же тѣ изъ нихъ, которыя касаются порядка наслѣдованія и раздѣла наслѣдственныхъ имуществъ, до распространенія ихъ на сельское населеніе несомнѣнно требуютъ ближайшаго ихъ соображенія съ условіями крестьянскаго землевладѣнія и соотвѣтственной переработки. Необходимыя дополненія и измѣненія нашихъ гражданскихъ законовъ въ этомъ отношеніи могли бы быть однако выполнены съ полнымъ успѣхомъ Высочайше учрежденной коммиссіею по составленію гражданскаго уложенія, заканчивающею нынѣ свой трудъ. Указаніе составителей проекта на недоступность новаго гражданскаго уложенія пониманію волостныхъ судей нисколько не оправдываетъ составленія особаго для нихъ кодекса, приспособленнаго къ ихъ пониманію. Коль скоро при существующей организаціи волостного суда члены его не въ силахъ даже уяснить себѣ сущность и значеніе тѣхъ законовъ, которые они должны примѣнять при разрѣшеніи подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ, то это можетъ служить лишь новымъ доказательствомъ необходимости полной реорганизаціи этого суда и замѣны его другимъ болѣе совершеннымъ. Изданіе же при такихъ условіяхъ особаго сельскаго устава, предназначеннаго для руководства волостного суда, представляется совершенно безцѣльнымъ. Какъ бы ни было просто изложеніе этого устава, содержаніе его останется совершенно неизвѣстнымъ для большинства волостныхъ судей. Въ виду того, что судейскія обязанности не составляютъ исключительной ихъ профессіи, а исполняются ими на ряду съ обычными работами крестьянъ-земледѣльцевъ, едва-ли можетъ возникнуть какое-либо сомнѣніе въ томъ, что эти судьи-земледѣльцы, нерѣдко совершенно неграмотные, будутъ лишены даже возможности изучить всѣ тѣ многочисленныя узаконенія, которыя содержатся въ проектѣ сельскаго устава».....

Проф. Гуляевъ („Вопр. частн. права“) говоритъ: .....«Предвзятая мысль редакторовъ (объ обособленіи крестьянскаго сословія) проявляется и въ сочиненномъ ими кодексѣ гражданскаго права для крестьянъ—въ уставахъ о до-

говорахъ и о наслѣдованіи. «На крестьянъ распространяются общія постановленія законовъ гражданскихъ о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ»— такъ гласитъ ст. 1 Положенія о сельскомъ состояніи по изд. 1902 г. Это правило не подлежитъ пересмотру новыхъ редакторовъ, какъ не подлежатъ пересмотру статьи 2—5, 7, 9, 12 и 14 дѣйствующаго нынѣ Положенія, и вотъ почему: „постановленія эти, опредѣляя *личную и имущественную* правоспособность крестьянъ, всецѣло опираются на общія начала нашего законодательства гражданскаго (ч. 1 т. X св. зак.) и о состояніяхъ (т. IX св. зак.), и при этомъ не устанавливаютъ какихъ-либо исключительныхъ для крестьянъ ограниченій и изъятій. Тѣсная связь означенныхъ постановленій съ общимъ нашимъ законодательствомъ уже сама по себѣ не допускаетъ возможности ихъ спеціальнаго по отношенію къ крестьянамъ пересмотра“ (Очеркъ раб., стр. 30). Такимъ образомъ, то, что уже объединено въ законахъ, должно оставаться объединеннымъ и на будущее время; а то, что не объединено? Казалось-бы, долженъ гласить отвѣтъ, то слѣдуетъ объединить. Но, по разсужденіямъ редакторовъ, вопросъ получаетъ другой отвѣтъ: необъединенное должно таковымъ и оставаться, съ устраненіемъ возможности къ объединенію нормъ крестьянскаго права съ нормами общими. Оставляя въ сторонѣ личную правоспособность крестьянъ и ихъ семейный строй, такъ какъ эти вопросы, по признанію редакторовъ, разрѣшаются общими началами нашего гражданскаго законодательства, обратимся къ имущественной правоспособности крестьянъ. Эта правоспособность тоже „опирается всецѣло на общія начала нашего законодательства гражданскаго“, однако редакторы сочли нужнымъ составить особый уставъ о договорахъ и особый уставъ о наслѣдованіи. Чѣмъ-же объясняютъ редакторы свою мысль о необходимости составить для крестьянъ особый кодексъ гражданскаго права? А вотъ чѣмъ. Дѣло въ томъ, что полагаться на одинъ лишь обычай въ спорахъ крестьянъ въ настоящее время очень трудно: „на практикѣ разрѣшаемыя волостными судами дѣла о наслѣдственныхъ спорахъ между крестьянами доходятъ до нѣсколькихъ тысячъ рублей; по спорамъ о договорахъ найма и заборахъ товара суду приходится порой разбираться въ бухгалтерскихъ книгахъ, такъ какъ одной изъ сторонъ являются нерѣдко торговые люди; по заемнымъ письмамъ волостному суду приходится рѣшать значеніе поручительныхъ и иныхъ подписей; въ дѣлахъ объ арендѣ и сносѣ построекъ— разбирать чертежи и планы. Такая сложная и обширная дѣятельность волостного суда несомнѣнно весьма отлична отъ дѣятельности дореформен-

ныхъ, вѣдавшихъ маловажныя дѣла волостныхъ и сельскихъ расправъ, а между тѣмъ судъ этотъ въ отношеніи отсутствія обязательныхъ для него нормъ матеріальнаго гражданскаго права находится въ такомъ-же положеніи, какъ и прежнія расправы". (Очеркъ раб., стр. 42). Необходимъ кодексъ крестьянскаго права, такимъ образомъ, не для крестьянъ, а для волостныхъ судовъ. Это равносильно тому, какъ если бы утверждали, что гражданское уложеніе нужно для окружныхъ судовъ, но не для населенія, обращающагося за разрѣшеніемъ своихъ споровъ въ окружные суды. Это характерная точка зрѣнія редакторовъ; крестьяне не могутъ быть мыслимы иначе, какъ въ состояніи подопечномъ, и законы создаются не для нихъ, какъ для лицъ вѣчно состоящихъ подъ опекой, а для удобства опекающихъ ихъ установленій. И выходитъ, такимъ образомъ, что не судъ существуетъ для примѣненія закона, а законъ для примѣненія его судомъ. Необходимость волостного суда для редакторовъ лежитъ внѣ всякаго сомнѣнія; нужно снабдить этотъ судъ законами,—и вотъ сочиняютъ кодексъ. Однако, и отъ вниманія самихъ редакторовъ не ускользнула мысль о возможности разрѣшить поставленный такимъ образомъ вопросъ въ другомъ направленіи, а именно путемъ предоставленія волостному суду разрѣшать гражданскіе споры, примѣняя общій гражданскій законъ. (Слѣдуетъ припомнить, что и составители проекта гражданскаго уложенія признавали, что будущее гражданское уложеніе подлежитъ распространенію на всѣ сословія Имперіи, въ томъ числѣ и на *крестьянъ*. (Обязательства, т. 1, стр. XL). „Съ перваго взгляда, говорятъ редакторы (стр. 57), единственно правильнымъ рѣшеніемъ этого вопроса является распространеніе дѣйствія общихъ законовъ гражданскихъ на дѣятельность волостныхъ судовъ; но болѣе глубокое изученіе предмета приводитъ къ иному заключенію".

Это свое иное заключеніе редакторы основываютъ на томъ положеніи, будто-бы „всякій кодексъ общаго права разсчитанъ на сложные и значительные гражданскіе интересы отдѣльныхъ лицъ и корпорацій средняго и высшаго классовъ населенія" (стр. 68). Чтобы высказать такой афоризмъ, нужно обладать большою невинностью въ наукѣ исторіи права и еще большею наивностью, чтобы вѣрить, будто-бы этотъ афоризмъ будетъ принятъ всѣми за истину. Вѣдь объяснительныя записки сочиняются не для крестьянъ и даже не для волостныхъ правленій. Несовершенство нынѣ дѣйствующаго свода законовъ гражданскихъ давно признано правительствомъ, приступившимъ вслѣдствіе сего къ составленію новаго гражданскаго уложенія; но и

проектъ уложенія не удовлетворяетъ редакторовъ законоположеній о крестьянахъ: „въ случаѣ проподанія его къ руководству волостнымъ судамъ, новое гражданское уложеніе оказалось-бы громоздкимъ, въ большой своей части не нужнымъ для этихъ судовъ кодексомъ, не дающимъ отвѣта на повседневные запросы сельской жизни; независимо отъ сего, необходимо замѣтить, что проектъ означеннаго уложенія, какъ видно изъ принятаго въ немъ способа изложенія, разсчитанъ на примѣненіе его людьми свѣдущими въ правѣ, умѣющими разобраться въ отвлеченныхъ положеніяхъ и способными примѣнять ихъ къ отдѣльнымъ, возникающимъ на практикѣ случаямъ“ (стр. 69). Хорошъ-же будетъ судъ, если законы будутъ примѣняться людьми въ правѣ несвѣдущими, не умѣющими разбираться въ отвлеченныхъ положеніяхъ и не способными примѣнять ихъ къ отдѣльнымъ вытекающимъ на практикѣ случаямъ! Неужели это серьезная аргументація, а не простая игра красивыми фразами, на которыя вообще такъ щедры составители «Очерка работъ редакціонной коммиссіи»? „Совокупность изложенныхъ соображеній приводитъ редакціонную коммиссію къ заключенію, что единственнымъ при указанныхъ условіяхъ цѣлесообразнымъ способомъ разрѣшенія поставленной выше задачи слѣдуетъ признать изданіе особаго сельскаго гражданскаго устава, въ основу коего были-бы положены начала справедливости и этики (?), съ коими народное правосознаніе сколько-нибудь значительно разойтись, очевидно, не можетъ“. Коммиссія сознавала громадныя трудности, сопряженныя съ исполненіемъ подобной работы, потому что, съ одной стороны, „сельскій гражданскій уставъ долженъ отвѣчать основнымъ установленнымъ наукой права началамъ всякаго гражданскаго законодательства, а съ другой — быть согласованнымъ съ особенностями нашего народнаго правосознанія“; да къ тому-же уставъ этотъ пришлось вырабатывать „безъ какихъ-либо руководящихъ въ семъ отношеніи примѣровъ“, такъ что сельскій уставъ представляетъ первый опытъ въ этомъ направленіи. „Труденъ, говорятъ редакторы, и на первый взглядъ до дерзости смѣлъ лишь первый шагъ въ этомъ направленіи“ (стр. 70). Но, несмотря на все это, редакторы рѣшились дѣло довести до конца, и довели. Однако, если ближе присмотрѣться къ крестьянскому кодексу, то онъ и безпримѣрнаго ничего собою не представляетъ, и страхи, которыми себя пугали редакторы, едва-ли можно признать за metus non vani hominis.

Уставъ о договорахъ звучитъ такими знакомыми мотивами изъ

четвертой книги I ч. X т. Св. Зак., что невольно у читателя возникнетъ „до дерзости смѣлое“ подозрѣніе, не представляетъ-ли собою эта часть крестьянскаго кодекса копію съ соотвѣтствующихъ статей дѣйствующаго Свода законовъ гражданскихъ? Если-бы редакторы и не снабдили своихъ статей въ проектѣ обязательными ссылками на I ч. X т. и на проектъ гражданскаго уложенія, то сопоставленіе отдѣльныхъ статей сельскаго устава о договорахъ съ соотвѣтствующими статьями дѣйствующаго законодательства привело-бы каждаго юриста къ заключенію далеко нелестному для самобытности творчества редакторовъ устава».....

Разсмотрѣвъ выработанные редакціонной коммиссіей Министерства Внутреннихъ Дѣлъ проекты законоположеній о крестьянахъ, насколько эти проекты касаются вопросовъ частнаго права, *проф. Гуляевъ* приходитъ къ заключенію, что .....«проекты эти совершенно неудачны, такъ какъ положенная въ основаніе сихъ пректовъ мысль о сословной обособленности крестьянъ и о необходимости дальнѣйшаго поддержанія этой обособленности—невѣрна въ самомъ своемъ корнѣ. Поэтому разрѣшенія существующаго нынѣ крестьянскаго вопроса нужно ожидать не отъ разсматриваемыхъ проектовъ. Разрѣшеніе крестьянскаго вопроса можетъ быть достигнуто не путемъ созданія законовъ, усугубляющихъ обособленность крестьянъ, а какъ разъ наоборотъ—распространеніемъ на крестьянъ общаго гражданскаго закона, съ устраненіемъ всего того, что теперь мѣшаетъ примѣненію къ крестьянамъ нормъ общаго права. Выше было показано, что съ упраздненіемъ волостного суда отпадаетъ основаніе того претенціознаго и ненужнаго зданія, которое возвели редакторы проектовъ, заимствуя изъ готоваго законодательнаго матеріала готовыя положенія и тѣмъ доказывая, что въ выработанныхъ ими проектахъ никакой серьезной и настоятельной надобности не представляется. Что же нужно, спросятъ насъ, поставить на мѣсто выработанныхъ редакціонной коммиссіей проектовъ? На ихъ мѣсто ничего ставить не нужно, а нужно, чтобы подобные проекты не мѣшали торжеству общаго закона, нужно, чтобы, согласно Высочайшимъ предначертаніямъ, получили дальнѣйшее развитіе истинныя основныя начала Положеній 19 февраля 1861 года, а не тѣ начала обособленности крестьянъ, которыя выдаются редакторами за основныя начала великаго освободительнаго акта. Что цѣль законодателя должно составлять объединеніе права гражданскаго—это признаютъ редакторы; что крестьянство стремится подвести себя подъ нормы общаго закона—это также утверждаютъ редакторы;

что при такихъ условіяхъ созданіе для крестьянъ особыхъ законовъ частнаго права и процесса является искусственной мѣрой, направленной къ тому, чтобы воспрепятствовать сліянію крестьянъ съ прочими сословіями, пользующимися въ своихъ отношеніяхъ общимъ закономъ, это показано, и надѣемся, доказано. Отсюда выводъ такой: на крестьянъ должны быть распространены общіе гражданскіе законы; тѣ гражданскіе законы, которые въ настоящее время являются дѣйствующими, равно будущее гражданское уложеніе, даютъ матеріалъ, вполнѣ пригодный для того, чтобы имущественныя отношенія крестьянъ опредѣлялись тѣми-же самыми нормами права, какими опредѣляются имущественныя отношенія прочихъ сословій. Особенность положенія крестьянъ, какъ субъектовъ частнаго права, обусловливается отношеніями ихъ по владѣнію надѣльными землями. Но допустивъ даже, что владѣніе надѣломъ должно быть опредѣлено особенными законами, нѣтъ основанія выводить отсюда, что и для прочихъ имущественныхъ отношеній между крестьянами должны существовать законы особенные, притомъ, какъ мы видѣли, особенные не въ матеріальномъ, а только въ формальномъ смыслѣ. Нѣтъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы общіе законы, касающіеся правъ вотчинныхъ, обязательственныхъ и наслѣдственныхъ были распространены на крестьянъ такъ-же точно, какъ распространены на нихъ законы, касающіеся правъ семейныхъ; равнымъ образомъ нѣтъ препятствій къ подчиненію крестьянъ общему процессуальному закону. Если изъ общаго гражданскаго кодекса или изъ общаго процессуальнаго закона нѣкоторыя, быть можетъ, и многочисленныя статьи не будутъ примѣняться къ крестьянамъ по спеціальности своего содержанія, то это не можетъ служить препятствіемъ къ тому, чтобы прочія статьи, какъ органическія части цѣлаго законодательнаго акта, находили свое примѣненіе къ крестьянамъ.

Только полное объединеніе всего населенія въ области гражданскаго права и процесса обезпечитъ прочность взаимныхъ отношеній между частями населенія, обусловливаемую равенствомъ всѣхъ предъ закономъ. Существующія затрудненія въ обращеніи къ суду могутъ быть устранены не въ формѣ созданія суррогатовъ судебныхъ мѣстъ, а путемъ пересмотра законовъ о подсудности и путемъ образованія возможно большаго количества органовъ суда, общаго для всѣхъ. Это—забота Министерства Юстиціи, вѣдающаго дѣло правосудія не съ точки зрѣнія сословныхъ интересовъ, а въ интересахъ права и правды, наиболѣе полное осуществленіе коихъ

можетъ быть достигнуто государствомъ. Проекты новой редакціи судебныхъ уставовъ еще остаются проектами, слѣдовательно еще не поздно пріурочить заботу о правосудіи среди крестьянъ къ общей заботѣ о правосудіи въ Имперіи. Этимъ достигнуто было-бы единство въ важной отрасли государственной жизни—юстиціи и устранена была-бы наблюдаемая нынѣ черезполосность вѣдомствъ, влекущая за собою вредное между ними соперничество и отсутствіе единства въ направленіи и рѣшеніи однородныхъ дѣлъ».....

„Русь“ (№ отъ 13 августа 1904 г.) въ ст. г. С. Изнара „Два мнѣнія“ говоритъ:

«Два мнѣнія о силѣ несуществующихъ въ деревняхъ правовыхъ обычаевъ приводятъ насъ къ трудно разрѣшимому вопросу: что же дать деревнѣ для руководства въ ея сложной правовой жизни?

Отвѣтъ напрашивается самъ собою.

Деревнѣ слѣдуетъ дать общіе законы, а въ частности, для гражданскихъ сдѣлокъ, гражданскіе законы, изображенные въ данное время въ десятомъ томѣ.

— Но десятый томъ осужденъ и передѣланъ сенатской практикой до полной неузнаваемости!

— Дайте деревнѣ и сенатскія разъясненія.

— Но сенатская практика противорѣчитъ сама себѣ, такъ что деревня не разберется въ этомъ хаосѣ различныхъ соображеній!

По вопросу о законѣ для деревни голоса мѣстныхъ комитетовъ не только раздѣлились на тѣ же неравныя половины, но какъ-то потонули въ морѣ другихъ вопросовъ, охвативъ отдаленнѣйшіе отъ обсуждаемаго предмета интересы.

Дѣлиться съ деревней устарѣвшимъ десятымъ томомъ и смущать невыработавшееся правосознаніе деревни авторитетомъ сенатскихъ противорѣчій, казалось бы, не слѣдуетъ. Но мѣстные комитеты разрѣшили вопросъ о законѣ другимъ способомъ.

Они большинствомъ голосовъ признали, что деревня не будетъ болѣе безпомощной съ десятымъ томомъ, нежели безъ него. А что касается кодификаціонныхъ недостатковъ этого закона, то и городское населеніе, т. е., противополагаемыя крестьянскому, другія сословія тяготятся его несовершенствомъ.

Острожскій комитетъ такъ формулировалъ свое положеніе.

„Однимъ изъ основныхъ началъ нормальной государственной и об-

щественной жизни является одинаковый для всѣхъ сословій судъ и подчиненіе всѣхъ общимъ гражданскимъ и уголовнымъ законамъ и правиламъ судопроизводства".

А медынскій комитетъ предложилъ „пріобщить крестьянъ къ общимъ гражданскимъ законамъ Имперіи, подчинивъ ихъ общимъ судебнымъ уставамъ".

Законодательные кодексы даже и болѣе совершенные, нежели тѣ, которые подлежатъ въ ближайшемъ будущемъ коренному измѣненію, какъ напримѣръ десятый томъ, не могутъ охватить всей правовой жизни народа.

„Со времени освобожденія крестьянъ, жизнь ушла впередъ, народилось много новыхъ потребностей и положеній, усложнились въ сильнѣйшей степени обязательныя и частныя отношенія крестьянъ между собою и къ другимъ сословіямъ, совершенно измѣнилось не только экономическое положеніе народонаселенія, но и направленіе экономической политики государствъ." (Сводъ мнѣній епифанскаго уѣзднаго комитета).

„Общее Положеніе о крестьянахъ, о выкупѣ и мѣстное положеніе настолько устарѣли, что не отвѣчаютъ теперь жизненнымъ требованіямъ крестьянъ, какъ по отношенію ихъ къ самимъ себѣ, такъ равно и къ другимъ классамъ населенія, его окружающимъ." (Тульскій комитетъ, мнѣніе уѣзднаго члена окружнаго суда).

Указывая на развитіе народнаго правосознанія, на многочисленность новыхъ формъ гражданскихъ сдѣлокъ, встрѣчающихся въ деревенской жизни, мѣстные комитеты стремились окончательно разсѣять вѣковое недоразумѣніе о низкомъ умственномъ и нравственномъ состояніи деревни.

Изъ постановленія большинства комитетовъ приходится заключить, что разъединеніе крестьянскаго сословія отъ другихъ сословій поддерживается лишь искусственными мѣрами, а не является слѣдствіемъ особенныхъ свойствъ этихъ сословій.

Мнѣніе большинства комитетовъ сводилось къ тому, что общегосударственные законы, а въ частности десятый томъ, не могутъ и не должны быть достояніемъ лишь привилегированныхъ сословій.

Въ государствѣ жизнь идетъ однимъ широкимъ потокомъ, незнающимъ раздѣленія на сословія, которыя являются учрежденіями искусственно созданными въ ущербъ естественному развитію народнаго благосостоянія.

Тотъ десятый томъ, о недостаткахъ котораго говорится уже болѣе

тридцати лѣтъ, и который, тѣмъ не менѣе, обслуживаетъ привилегированныя сословія, имѣетъ для деревни весьма важное значеніе, какъ прочное основаніе для дальнѣйшаго законодательнаго творчества. Неполнота и неясности десятаго тома въ данный моментъ искупаются прочными принципами гражданскаго права, опредѣляющими права собственности, права семейныя и обязательственныя на основаніи выработанныхъ вѣками всѣми культурными народами положеній. Съ введеніемъ десятаго тома, въ деревнѣ установится отправная точка для дальнѣйшаго развитія правосознанія, тогда какъ въ настоящее время къ десятому тому прибѣгаютъ лишь украдкой, въ обходъ 25 ст. Правилъ о волостномъ судѣ, и руководствуются весьма шаткими соображеніями, не имѣющими зачастую никакого основанія, кромѣ усмотрѣнія того или иного лица.

„Организація процесса у насъ, говоритъ одинъ изъ уѣздныхъ предводителей дворянства Тульской губерніи, способна подорвать въ населеніи всякое чувство законности. Настроенія въ волостныхъ судахъ стали у насъ обыденнымъ явленіемъ и породили въ населеніи убѣжденіе, что можно добиться всего за взятку“.

Поэтому-то, какъ я указалъ въ началѣ статьи, мнѣніе большинства комитетовъ о законѣ въ деревнѣ привело къ обсужденію массы другихъ вопросовъ, касающихся ненормальныхъ условій отправленія въ деревнѣ правосудія и охраненія правового порядка мѣрами административными».

Въ „С.-Петерб. Вѣд.“ (№ 339, 1904 г.) г. Я. П-ръ, посвящая „Юридическую замѣтку“ проекту сельскаго устава о договорахъ, высказываетъ: «Примитивныя правовыя формы обозначаютъ въ обыкновенномъ понятіи тѣ нормы въ правѣ, которыя установились въ силу житейской нужды и въ средѣ населенія стоящаго на низкомъ уровнѣ культурнаго развитія. Онѣ не запечатлѣны ни простымъ сравненіемъ съ формами, господствующими въ любой другой общественной средѣ, ни сложной провѣркой углубляющейся въ нихъ мысли. Созданныя необходимостью, онѣ существуютъ въ данномъ мѣстѣ, среди даннаго народа, какъ непосредственныя правовыя понятія, укрѣпившіяся въ умахъ и фактически регулирующія тѣ или другія жизненныя стороны, но меньше всего онѣ представляютъ собою то, что римляне называли ratio scripta, писанный разумъ, и что долженъ осуществлять въ себѣ „законъ“. Какъ обычай въ примитивной жизни, онѣ могутъ имѣть мѣсто, но для того, чтобъ обратить ихъ въ законъ,—къ нимъ должно предъявить иныя требованія; можно имѣть ихъ въ виду, сообразоваться съ ними, но нельзя

обращать ихъ въ законъ подъ страхомъ придать непосредственности незаслуженное значеніе.

При пересмотрѣ законоположеній о крестьянахъ выработанъ, между прочимъ, также проектъ сельскаго устава о договорахъ. Настаивая на необходимости спеціальныхъ юридическихъ нормъ, приспособленныхъ къ условіямъ сельскаго быта, проектъ орудуетъ обычаями гражданскаго оборота, господствующими въ деревенской средѣ, и возводитъ ихъ въ статьи закона. Это—прекрасный способъ, конечно, создать крестьянскую обособленность, но въ то же время это—такой сомнительный «законодательный пріемъ», который давнымъ-давно осужденъ столько же юридической наукой, сколько и здравымъ смысломъ. Нужны одинаковые для всѣхъ сословій законы, судъ и судопроизводство, а между тѣмъ редакціонная коммиссія, повидимому, нарочно игнорировала какъ томъ X ч. 1 св. зак. и многолѣтнюю практику волостныхъ судовъ, такъ и обнародованныя въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій рѣшенія общихъ судовъ по дѣламъ гражданскаго оборота. Можно подумать, что составлявшіе проектъ сельскаго устава о договорахъ мало того, что сохранили не выдерживающее научной критики представленіе о бытѣ крестьянъ, съ юридической точки зрѣнія, какъ объ „особомъ мірѣ“, не имѣющемъ „ничего общаго“ съ бытомъ другихъ классовъ народа и съ началами права „писаннаго“ (см. предисл. къ т. II «Обычное гражданское право въ Россіи» С. В. Пахмана), но и всѣ усилія употребили на то, чтобы удержать это представленіе и ввести его въ законъ. Очень любопытно при этомъ, что проектъ въ своихъ опредѣленіяхъ гражданскихъ сдѣлокъ то трактуетъ о послѣднихъ въ чисто народномъ, деревенскомъ понятіи, то подымается въ нихъ до такихъ высотъ, которыя въ смыслѣ юридическаго термина могутъ только спутывать чьи бы то ни было понятія. Выходитъ, съ одной стороны, что крестьянамъ доступны лишь простѣйшія формы гражданскаго оборота, а съ другой, что имъ же должно быть свойственно наиболѣе сложное пониманіе этихъ формъ. Весь проектъ точно разсчитанъ больше на намѣренную сословную изолированность крестьянъ, чѣмъ на руководство для основныхъ гражданскихъ сдѣлокъ, которое должно обратиться въ законъ. Въ большомъ числѣ статей проекта прямо повторяется практика мѣстныхъ обычаевъ, практика фактически безспорная, но тысячи разъ признанная неудовлетворительной съ точки зрѣнія суда и едва-ли соотвѣтствующей вообще разуму гражданскихъ законопостановленій. Если въ отдѣльныхъ случаяхъ тѣ или другіе обычаи,

которые вошли въ проектъ, какъ статьи будущаго закона, и находили поддержку въ судебномъ постановленіи, то, въ громадномъ ихъ большинствѣ, то объясняется процессуальными особенностями, диктовавшимися мѣстными условіями, но отнюдь не условіями общаго характера, почему-то свойственными крестьянскому быту. Такое охраненіе обычаевъ, тысячи разъ, напротивъ, не получившихъ судебной санкціи, можетъ, естественно, только противорѣчить духу общаго гражданскаго законодательства и вносить въ него явныя несообразности, но никакъ не служить основаніемъ для него или даже только опорой. Правда, въ нѣкоторыхъ своихъ статьяхъ проектъ допускаетъ возможность руководствоваться обычаемъ рядомъ съ закономъ, но это, въ свою очередь, способно лишь умалить опредѣленность гражданской сдѣлки и давать поводъ къ ея неустойчивости или къ спорамъ по ней. Подъ дѣйствіемъ усложняющейся жизни многіе истинно цѣнные широко распространенные обычаи теряютъ свою силу и значеніе, и нѣтъ основанія поэтому установлять примѣненіе въ гражданскомъ оборотѣ такихъ мѣстныхъ обычаевъ, достоинство которыхъ рѣшительно оспоримо. Всѣ виды гражданскаго оборота поддаются юридическому анализу въ большей степени и съ большей точностью, чѣмъ всякія другія жизненныя проявленія, и ихъ легче приводить поэтому къ опредѣленнымъ нормамъ, установляемымъ писаннымъ закономъ. Такъ зачѣмъ же тогда эта забота о существованіи въ смыслѣ закона такихъ обычаевъ, которыхъ полная несостоятельность или малая состоятельность безпрерывно доказываются судебнымъ анализомъ? Обычаи вообще могутъ входить отдѣльными своими сторонами въ законодательную работу, но возводить изъ нихъ цѣлую законодательную постройку нѣтъ ни малѣйшаго основанія.

Спеціальные уставы въ такихъ сферахъ общечеловѣческаго характера, какъ гражданскій оборотъ, имѣютъ своей raison d'être только сословную изолированность, сословное раздѣленіе. Но развѣ это послѣднее входитъ какъ-нибудь въ задачи установленія правопорядка въ отношенія между лицами, заключающими тотъ или другой договоръ? Развѣ попытки такихъ законодательныхъ пріемовъ въ чисто гражданскомъ дѣлѣ не являются собственно простыми нарушеніями самаго призванія законодательства? Нельзя смѣшивать два существенно различныя дѣла: одно касается, по терминологіи нашего свода законовъ, «состояній», т. е. законовъ о состояніяхъ, другое—гражданскихъ законовъ и гражданскаго судопроизводства. Первое основано на государственной политикѣ, второе не имѣетъ ничего общаго

съ этой политикой и черпаетъ всѣ свои основы въ хозяйственномъ обмѣнѣ услугъ и, какъ высшемъ началѣ, въ необходимой имъ справедливости и закономѣрности. Въ какія рамки ни поставлено было бы первое и каковъ ни былъ бы въ данное время его характеръ, второе давнымъ-давно составляетъ собою область научной мысли, научнаго изслѣдованія. Установленіемъ же примитивныхъ правовыхъ формъ гражданское законодательство не служитъ нынѣ ни наукѣ, ни искомой ею справедливости и неудовлетворяетъ элементарному своему призванію».

„Южное Обозрѣніе“ (18 января 1904 г., № 2384). Въ статьѣ „Крестьянская реформа“ г. А. Изгоевъ говоритъ: .....«Редакціонная коммиссія по пересмотру законодательства о «крестьянахъ» на одномъ изъ первыхъ мѣстъ поставила „своеобразное правосознаніе крестьянъ, вылившееся въ обычно-правовыхъ нормахъ“. Положенія 19 февраля „предоставили весь имущественный оборотъ крестьянъ руководительству ихъ мѣстныхъ обычаевъ“. Защищая сословное обособленіе крестьянъ, редакціонная коммиссія и нынѣ ссылается на существованіе обычнаго крестьянскаго права, какъ на главнѣйшее основаніе для выдѣленія крестьянъ въ особую правовую группу русскихъ гражданъ.

Съ этимъ же вопросомъ о „крестьянскихъ обычаяхъ“ редакціонной коммиссіи пришлось встрѣтиться позднѣе, при обсужденіи крестьянскаго суда по имущественнымъ дѣламъ, и здѣсь выводы и соображенія коммиссіи звучатъ уже нѣсколько иначе, чѣмъ при установленіи общаго правила о необходимости крестьянскаго сословнаго обособленія.

Указавъ на то, что современному волостному суду подлежатъ нерѣдко споры о наслѣдствахъ на нѣсколько тысячъ рублей, что по спорамъ о договорахъ найма и забора товаровъ нерѣдко приходится разбираться въ бухгалтерскихъ книгахъ, а въ дѣлахъ объ арендахъ и сносѣ построекъ—разбирать чертежи и планы, а между тѣмъ, всѣ эти дѣла рѣшаются нынѣ волостнымъ судомъ, „согласно обычаямъ“, редакціонная коммиссія заявляетъ, что „безспорныхъ общихъ обычаевъ, ясно сознаваемыхъ на пространствѣ всего государства“ въ Россіи не существуетъ.

„Существованіе крѣпостной зависимости—говоритъ коммиссія—тормазило развитіе обычнаго права вещнаго и обязательственнаго между крестьянами“. „Обычаевъ, предусматривающихъ способъ разрѣшенія дѣлъ, возникающихъ на почвѣ новыхъ (торговыхъ) гражданскихъ правоотноше-

ній,—заявляетъ она дальше,—не существуетъ уже вовсе". Редакціонная коммиссія приходитъ даже къ такимъ *общимъ* выводамъ:

„Вообще, подъ современнымъ обычнымъ правомъ должно понимать существованіе у крестьянъ множества, часто весьма интересныхъ и разумныхъ, но исключительно мѣстныхъ, практическихъ пріемовъ и правилъ въ разрѣшеніи спорныхъ правовыхъ вопросовъ,—правилъ, не только несогласованныхъ съ обычаями иныхъ, иногда даже сосѣднихъ, мѣстностей, но подчасъ даже и противоположныхъ имъ. Пріемы въ разрѣшеніи споровъ, именуемые крестьянами „обычаями", въ дѣйствительности являются нерѣдко прямыми вторженіями въ сферу гражданскаго права соображеній общиннаго и фискальнаго характера: о предоставленіи земли болѣе вѣрному плательщику податей, болѣе энергичному члену семьи и т. п.

.....Рѣшить, что есть обычай и что нѣтъ—представляется часто задачей весьма трудной".

Сюда присоединяются, по мнѣнію коммиссій, еще два очень важныхъ обстоятельства. Во-первыхъ, волостные суды находятся подъ сильнымъ вліяніемъ волостныхъ писарей, людей, чуждыхъ крестьянству, которые подъ видомъ обычаевъ нерѣдко проводятъ общія правила X тома, ссылки на который нерѣдко можно встрѣтить въ рѣшеніяхъ волостного суда. Во вторыхъ, въ томъ же направленіи дѣйствуютъ и уѣздные съѣзды, пересматривающіе въ апелляціонномъ порядкѣ волостныя рѣшенія. Въ уѣздныхъ съѣздахъ нѣтъ людей, знакомыхъ съ крестьянскими обычаями, и черезъ уѣздные съѣзды въ крестьянскую жизнь широкой волной льются не только общіе гражданскіе законы, изложенные въ устарѣломъ X томѣ, но даже кассаціонныя рѣшенія сената.

Едва ли необходимо доказывать, замѣчаетъ коммиссія, неудобство порядка, при которомъ сельское населеніе не знаетъ въ точности правилъ наслѣдованія въ своихъ имуществахъ и лишено возможности вступать въ какія либо сдѣлки со сколько нибудь твердой увѣренностью, что, при доведеніи возникшихъ на ихъ почвѣ споровъ до судебнаго разбирательства, они будутъ разрѣшены на опредѣленномъ, единообразно примѣняемомъ основаніи. Прямымъ послѣдствіемъ такого положенія является полное незнаніе крестьянами ни своего, ни чужого права, ни своихъ, ни чужихъ обязанностей.

На основаніи этихъ соображеній «редакціонной коммиссіи», мы позволимъ себѣ сдѣлать единственно правильный выводъ, что никакого «обыч-

наго права» въ подлинномъ смыслѣ слова у насъ не существуетъ, а въ крестьянскомъ гражданскомъ быту царитъ полный хаосъ, „прямымъ послѣдствіемъ котораго является полное незнаніе крестьянами ни своего, ни чужого права, ни своихъ, ни чужихъ обязанностей“.

Какъ же выйти изъ такого положенія? Существуетъ мнѣніе, что крестьянъ необходимо подчинить дѣйствію нашего общаго гражданскаго права, которымъ руководствуются всѣ остальные русскіе граждане, т. е. X тому съ сенатскими толкованіями. Редакціонная коммиссія отвергаетъ эту мысль. Во первыхъ, нельзя найти достаточное число коронныхъ судей, способныхъ примѣнять въ деревнѣ общіе законы. Мѣстныхъ дворянъ не хватаетъ даже для замѣщенія должностей земскихъ начальниковъ, а возложить на послѣднихъ судейскія обязанности значило бы „извратить характеръ этой должности“. Во вторыхъ, наше общее гражданское право основывается па началахъ „индивидуальности и капитализма“, тогда какъ „гражданскій правооборотъ у крестьянъ образовался на основахъ порядка семейнаго и общиннаго, началъ общественныхъ и трудовыхъ“. Въ третьихъ, наконецъ, несовершенство X тома давно признано правительствомъ, а новое гражданское уложеніе, отвѣчающее послѣднимъ требованіямъ юридической науки, несомнѣнно, будетъ непосильно для волостныхъ судовъ.

Въ силу этихъ доводовъ, коммиссія отвергаетъ примѣнимость къ крестьянству общихъ гражданскихъ законовъ и предлагаетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ созданіе „особаго сельскаго гражданскаго устава“. Создать особый уставъ для крестьянства, въ правовыхъ понятіяхъ котораго существуетъ полный хаосъ, гдѣ въ двухъ сосѣднихъ деревняхъ разно рѣшаются одинаковые вопросы—это замыселъ почти что грандіозный. Сама коммиссія сознается, что задача „безмѣрно трудна“, но утѣшаетъ себя лишь тѣмъ, что „труденъ и до дерзости смѣлъ лишь первый шагъ“, а тамъ „не пройдетъ и четверти вѣка, какъ нашъ сельскій судъ будетъ вооруженъ тѣмъ орудіемъ, безъ коего немыслимо ни правосудіе вообще, ни укрѣпленіе въ народномъ сознаніи стойкаго и правильнаго пониманія своего и чужого права, своихъ и чужихъ обязанностей“.

Но сколько времени понадобится, чтобы создать этотъ «уставъ»? Уже болѣе четверти вѣка, какъ создается наше общее гражданское уложеніе, а до сихъ поръ оно не создано.

Но допустимъ, что сельскій уставъ будетъ изданъ въ возможно скоромъ времени. Если уставъ будетъ заполненъ только общими, неопредѣ-

ленными фразами, то онъ никакого упорядоченія въ крестьянскій имущественный бытъ не внесетъ. Если же онъ будетъ заполненъ юридическимъ содержаніемъ, то откуда его возмутъ? Сдѣлать какія либо извлеченія изъ всѣхъ обычаевъ, существующихъ въ Россіи, совершенно невозможно. Во первыхъ, какъ признаетъ коммиссія, и обычаевъ то нѣтъ, и разобраться нельзя, что—обычай, что—нѣтъ, во вторыхъ, объединить эти разнообразные обычаи немыслимо, въ третьихъ, составлять этотъ уставъ будутъ юристы и администраторы, съ имущественными обычаями крестьянъ мало знакомые. Не составлять же особый гражданскій уставъ для каждой губерніи, для каждаго уѣзда?

И если такой сельскій уставъ о договорахъ и наслѣдованіи составленъ, то, несомнѣнно, въ основу его положены начала нашего общегражданскаго кодекса, только, такъ сказать, въ упрощенномъ и сокращенномъ видѣ. Какъ существуютъ учебники въ двухъ редакціяхъ, болѣе полной для учениковъ старшаго класса и менѣе полной—для младшихъ школьниковъ, такъ будутъ у насъ и два изданія гражданскаго кодекса, одно маленькое для крестьянъ, другое—большое для прочихъ гражданъ.

Но отдѣлить крестьянъ отъ другихъ сословій на самомъ дѣлѣ въ жизни невозможно. Поэтому и судамъ, и крестьянамъ нерѣдко придется въ недоумѣніи останавливаться передъ вопросомъ, какимъ же изданіемъ, большимъ или малымъ, пользоваться въ данномъ случаѣ.

Въ концѣ концовъ, «судебная практика» и сенатскія рѣшенія создадутъ еще третье изданіе гражданскаго кодекса, и будетъ поднятъ вопросъ о созданіи единаго и общаго гражданскаго уложенія для всѣхъ полноправныхъ россійскихъ гражданъ».

„Новое Время“ въ статьяхъ: „Крестьянская судебная реформа“, „Общее право и крестьянское право“, „Общее всесословное право“ и „Десятый томъ и сельская жизнь“ (№№ отъ 22, 23 и 30 іюля и 10 августа 1904 г.), касаясь вопроса о подчиненіи гражданскихъ правоотношеній крестьянъ тѣмъ или другимъ нормамъ писанаго права, говоритъ:

«Изъ всей работы министерства внутреннихъ дѣлъ по пересмотру крестьянскаго законодательства одною изъ самыхъ важныхъ частей является, несомнѣнно, переустройство сельскаго суда. Уже давно и настоятельно какъ правительственными учрежденіями, такъ и земствами и частными изслѣдователями сельскаго быта указывалось на полную неустойчивость правопорядка въ деревнѣ, на нетерпимую неопредѣленность имуществен-

ныхъ и личныхъ отношеній крестьянъ, наконецъ на совершенное незнаніе и непониманіе крестьянами ни своихъ правъ, ни обязанностей. Послѣдняя фраза въ нашей литературѣ стала нынѣ даже почти стереотипной.

Если бы такое безотрадное положеніе дѣла было хотя бы отчасти справедливо, вся работа министерства по административнымъ и земельнымъ вопросамъ представилась бы, конечно, малопроизводительной внѣ серьезной реформы правоваго сельскаго строя. Къ несчастью, указанія на отрицательныя стороны крестьянскаго правопорядка не только отчасти справедливы, но дѣйствительное положеніе вещей даже значительно хуже того, что о немъ обыкновенно предполагается.

Вѣдь, какъ это ни странно, ни одинъ крестьянинъ не можетъ быть нынѣ увѣренъ въ точности, кому по его смерти перейдетъ его имущество; наслѣдованіе крестьянъ идетъ по мѣстному обычаю, а таковой часто или споренъ, или его не признаютъ высшія надъ волостнымъ судомъ коронныя инстанціи. Крестьянинъ не знаетъ далѣе, можетъ ли онъ завѣщать на сторону свое имущество, какое послѣдствіе при арендной сдѣлкѣ повлечетъ неисполненіе имъ частичныхъ условій ея, неплатежъ въ срокъ денегъ и т. д. Всѣ эти дѣла рѣшаются опять-таки по тѣмъ же обычаямъ. Предположимъ однако, что крестьянинъ все же обращается въ свой судъ. Положеніе дѣла мало улучшается, такъ какъ съ своей стороны судъ не вѣдаетъ ни того, можно ли допрашивать всѣхъ лицъ въ качествѣ свидѣтелей или лишь лицъ неприкосновенныхъ къ дѣлу, ни того, что дѣлать, когда сторона не является по вызову, какъ убѣдиться въ существованіи и доказанности обычая и т. д.

До введенія въ 1889 г. института земскихъ начальниковъ юрисдикція по обычаямъ охватывала сравнительно небольшой кругъ дѣлъ подсудности стараго волостного суда; всю среднюю юстицію вѣдали мировые судьи и руководствовались общимъ письменнымъ правомъ. Положеніе 1889 г. расширило компетацію волостного суда почти до высшихъ предѣловъ устраненнаго имъ мирового института, а въ руководство этимъ новымъ судамъ остался все тотъ же прежній неопредѣленный обычай. Потому-то съ введеніемъ земскихъ начальниковъ въ новыя мѣстности все большія и большія территоріи государства оказываются изъемлены изъ вѣдѣнія общегосударственнаго права. Нынѣ, при сравнительномъ экономическомъ и общественномъ подъемѣ многихъ сельскихъ мѣстностей Россіи, при осложненіи и

крестьянской жизни, нетерпимость подобнаго неустойчиваго положенія судебнаго сельскаго дѣла не требуетъ, кажется, доказательствъ.

Редакціонной коммиссіей выработаны: процессуальный волостной уставъ (устройства суда и правила разсмотрѣнія дѣлъ) и затѣмъ три кодекса матеріальнаго права: уставъ о наказаніяхъ, о наслѣдованіи и о договорахъ»....

Охарактеризовавъ «въ краткихъ словахъ то, въ чемъ выразилось стремленіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ придти на помощь шатающемуся экономическому и правовому строю крестьянства», авторъ говоритъ: «Какъ мы видимъ, работа и обширная, и серьезная, да и технически исполненная въ общемъ весьма основательно. Должно однако оговориться, что это еще не конечная оцѣнка всей работы. Тутъ возникаютъ еще важнѣйшаго свойства вопросы: министерство вырабатываетъ особые уставы матеріальнаго права—такъ что же это? Правовое обособленіе крестьянъ, облекаемое и закрѣпляемое въ письменную форму, или это—переходъ и возможность перехода крестьянства въ русло обще-гражданскаго оборота экономической жизни страны? Вопросы эти первостепеннаго значенія, такъ какъ если тенденція реформы—правовое обособленіе, то привѣтствовать реформу нечего, какъ бы технически она ни была удачна; если же реформа готовитъ переходъ крестьянъ къ общегражданской жизни, то все же остается неизвѣстнымъ, что дѣлать съ устанавляемымъ имъ отличіемъ сельскаго законодательства отъ общаго права и какъ предупредить ихъ коллизію.

«Кратчайшее разстояніе между двумя точками есть прямая линія». Это безспорная аксіома; однако врядъ ли былъ бы терпимъ инженеръ, рѣшившійся соединить простой прямой линіей рельсовъ два города, раздѣляемые гористой и разнообразной по почвеннымъ условіямъ мѣстностью. Не требуетъ доказательства аксіома, что «все населеніе государства должно жить подъ однимъ закономъ»; но весьма спорно, значитъ ли это, что по нашему крестьянскому вопросу нужно, безъ дальнѣйшихъ сомнѣній, взять да и распространить на крестьянъ общее уголовное уложеніе и X томъ?

Если общее матеріальное право вырабатывалось въ намѣреніи примѣнить его къ крестьянству и въ сельскихъ судахъ, то конечно оно и должно быть на него распространено. Возьмемъ къ примѣру наше финляндское гражданское законодательство. Оно всецѣло покоится до сего времени на шведскомъ уложеніи 1734 г., уложеніе же это построено было на скандинавскомъ народномъ обычномъ правѣ. Всѣ главнѣйшія, элементарныя правоотношенія основаны на немъ, всѣ же спеціальныя, выработавшіяся

при осложненіи жизни правоотношенія (положенія о желѣзныхъ дорогахъ, печати, лѣсоохраненія и т. д.) регулируются уже особыми позднѣйшими письменными законами, являющимися такъ сказать приложеніями къ основному акту 1734 г.

Вотъ правильное построеніе гражданскаго кодекса, и ни Швеція, ни Финляндія не знаютъ и не могутъ знать особой сельской юрисдикціи.

Можно ли то же сказать о нашемъ X томѣ? Конечно нельзя, такъ какъ и разработанъ онъ былъ еще при существованіи крѣпостного права, вошли же въ него положенія по правовымъ интересамъ лишь дворянъ, казны и купечества, и на обращеніе на крестьянскую жизнь онъ никогда и не предназначался.

Это все должны помнить наши приверженцы аксіомъ, подобныхъ вышеприведенному положенію о необходимости подчиненія всего народа одному закону.

Да и какая выгода нашему крестьянству была бы отъ перенесенія на него X тома? Его многостатейныя постановленія о майоратахъ, родовыхъ земляхъ, правѣ выкупа, поссессіонныхъ заводахъ не имѣли бы никакой цѣны для крестьянъ; система кровнаго наслѣдованія смутила бы и спутала сельскую экономическую трудовую жизнь; по всѣмъ же вопросамъ обязательственнаго права, аренды, найма—крестьянская юстиція нашла бы въ X томѣ одно лишь краснорѣчивое молчаніе, заполняемое для высшей юстиціи сотнями и тысячами рѣшеній Правительствующаго Сената.

Но что же дѣлать, если нельзя существующій законъ распространить на наше крестьянское населеніе? Есть два выхода: одинъ—ждать, чтобы этотъ общій законъ передѣлали учрежденія, коимъ надлежитъ то вѣдать; другой—попробовать приняться настоятельно за необходимую работу: составленіе гражданскаго права, годнаго къ перенесенію на крестьянство.

Послѣдняя работа и сдѣлана редакціонной коммиссіей и сдѣлана, за исключеніемъ нѣсколькихъ частныхъ положеній, весьма интересно и солидно. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, противившееся до сего времени подведенію крестьянства подъ общій законъ, и противившееся не безъ основанія, нынѣ впервые выступило съ положительной работой; оно высказало, что оно считаетъ болѣе подходящимъ къ правовому строю крестьянства, чѣмъ общее уголовное и гражданское законодательство. Это своего рода весьма важное profession de foi. Какъ таковое, оно заслуживаетъ особой поддержки; но къ сожалѣнію мы видимъ, что предположенія министерства

идутъ значительно далѣе и что оно повидимому хочетъ, чтобы наряду съ общимъ уголовнымъ и гражданскимъ законодательствомъ дѣйствовало особое Bauernrecht—крестьянское право.

Крестьянинъ взялъ напримѣръ два одинакіе участка земли у сосѣдей, крестьянина и священника, оба на одинаковыхъ условіяхъ. Градъ выбиваетъ почти весь урожай. Согласно сельскому уставу, судъ въ правѣ разсрочить въ виду такого несчастія арендную плату; общій законъ, X томъ, не содержитъ въ себѣ подобныхъ указаній. Вслѣдствіе этого арендаторъ можетъ затянуть платежъ своему крестьянину, священнику же обязанъ уплатить аренду непремѣнно въ срокъ. Обратно: крестьянинъ-арендаторъ не платитъ въ срокъ денегъ при наличности хорошаго урожая; арендодатель-крестьянинъ согласно сельскому уставу въ правѣ задержать часть урожая до внесенія аренды, арендодатель-священникъ или дворянинъ этого права не имѣетъ, такъ какъ въ законѣ, въ X томѣ, нѣтъ института удержанія плодовъ. Тѣ же несуразности будутъ и въ примѣненіи уголовныхъ различныхъ уставовъ, съ тою лишь разницей, что насколько различіе каръ можетъ быть еще кое-какъ терпимо, настолько недопустимо различіе рѣшенія однородныхъ гражданскихъ дѣлъ въ зависимости отъ случайнаго признака—принадлежности сторонъ или стороны къ тому или другому сословію. Послѣднее уже въ корнѣ колеблетъ весь экономически-правовой укладъ государства и весьма для него опасно.

Но что же дѣлать въ такомъ случаѣ? Отказаться отъ всякой реформы сельскаго строя, терпѣливо ждать ведущуюся уже десятки лѣтъ переработку общаго права и признать всю работу Министерства Внутреннихъ Дѣлъ не имѣющею смысла?

Нечего доказывать, что такое рѣшеніе вопроса было бы весьма печально; мы не допускаемъ, чтобы вопросъ о невозможности существованія двухъ различныхъ матеріальныхъ правъ не заинтересовалъ бы коммиссіи министрства и не былъ бы предметомъ обсужденія; а вмѣстѣ съ тѣмъ въ трудахъ министерства нигдѣ о немъ не упомянуто ни слова. Кое-гдѣ говорится о томъ, что сельскій уставъ—переходная ступень къ общему праву, и только. Такое увѣреніе мало кого убѣдитъ, когда подымется вопросъ о коллизіи правъ общаго и крестьянскаго.

Въ настоящее время проекты редакціонной коммиссіи разосланы по губернскимъ комитетамъ, имъ принадлежитъ сказать свое немаловажное слово, и вотъ такимъ-то словомъ и должно было бы быть, по нашему убѣ-

жденію, слово: «признавая такія-то и такія части сельскихъ проектовъ по существу дѣйствительно пригодными для сельской жизни и болѣе близкими къ ней, чѣмъ положенія X тома, или умолчаніе таковаго о нихъ, мы считаемъ желательнымъ введеніе этихъ частей въ общее право для того, чтобы въ государствѣ составился наконецъ одинъ матеріальный всесословный законъ».

Изъ всей массы статей сельскихъ уставовъ лишь уставъ о наслѣдованіи, да privilegium odiosum—тѣлесное наказаніе не могутъ быть распространены на общее населеніе государства; все остальное есть чисто общегосударственное процессуальное и матеріальное право, при небольшой очисткѣ, даже кое въ чемъ, значительно болѣе совершенное, чѣмъ дѣйствующій нашъ общій, вовсе не столь удачный, судебный строй.

Да и технически сліяніе сельскаго права съ общимъ не представило бы особыхъ затрудненій; нужно только, чтобы извѣстныя положенія и статьи проектовъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ были признаны дѣйствительно полезными по существу, независимо отъ вопроса о сходствѣ ихъ и несходствѣ съ дѣйствующимъ правомъ.

Наше общее право нынѣ въ стадіи неопредѣленности, и тѣмъ нужно воспользоваться. Новое уголовное уложеніе 1903 г. утверждено, но не введено въ дѣйствіе; X томъ всѣми забракованъ, но проектъ новаго гражданскаго уложенія еще не прошелъ; наконецъ и судопроизводственные законы въ стадіи реформы. При нѣкоторомъ желаніи и сознаніи всей величайшей государственной важности работы, министерства Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ конечно могли бы придти къ соглашенію, чтб изъ сельскихъ уставовъ возможно было бы ввести въ общее право, въ чемъ это общее право могло бы быть измѣнено въ пользу права сельскаго и что, наконецъ, изъ сельскихъ положеній по техническимъ основаніямъ подлежало бы или исключенію, или въ крайности перенесенію въ особый уже весьма малостатейный сельскій уставъ. Въ частности отмѣтимъ, что новое уголовное уложеніе можно сдѣлать всесословнымъ кодексомъ путемъ одного лишь смягченія наказаній по нѣсколькимъ статьямъ, это смягченіе по существу вполнѣ допускающимъ; въ пустыя пространства X тома можно ввести дополнительныя статьи изъ сельскаго устава и т. д.

Мы хотѣли бы надѣятся, что таковымъ и будетъ исходъ работъ по крестьянской реформѣ, и въ такомъ случаѣ энергичный починъ министерства явится исторической эпохой въ судебной жизни Россіи.

При обсужденіи нашего положенія о сліяніи сельскаго и общаго права, путемъ внесенія статей сельскаго права въ X томъ, возникаетъ два весьма серьезныхъ вопроса.

Не представляется ли, во-первыхъ, эта мысль своего рода ересью въ отношеніи къ общему праву, а затѣмъ не равносильно ли обобщеніе сельскаго и общаго права фактическому признанію надѣльныхъ земель за личную свободную собственность крестьянъ?

Относительно перваго вопроса должно прежде всего отмѣтить, что предположеніе о сліяніи правъ допустимо, конечно, лишь при условіи признанія нѣкотораго совершенства за уставами сельскаго права. Проекты Министерства Внутреннихъ Дѣлъ безъ сомнѣнія не лишены многихъ достоинствъ; имѣющіеся недостатки и ошибки въ проектахъ будутъ вѣроятно замѣчены и устранены губернскими комитетами. Нечего доказывать, что при окончательной по замѣчаніямъ комитетовъ разработкѣ весь проектъ представитъ большой интересъ и если предъ законодательною властью будетъ возбужденъ вопросъ о введеніи его положеній въ общее право, то врядъ ли кто усомнится во внутреннемъ авторитетѣ и серьезномъ характерѣ такой работы по сельскому праву.

А вмѣстѣ съ тѣмъ особенность характера нашего общаго права весьма облегчитъ техническую возможность воспріятія положеній сельскаго права.

Не нужно забывать, что наше гражданское право, нашъ X томъ не есть «гражданское уложеніе», а есть «сводъ законовъ гражданскихъ».

При первоначальной выработкѣ національнаго права собирается и приводится въ извѣстность весь имѣющійся въ наличности историко-юридическій матеріалъ. Изъ него исключается затѣмъ все имѣющее казуистическій и случайный характеръ и извлекши изъ оставшихся положеній нормы и отдѣльныя опредѣленія гражданскаго права, ихъ помѣщаютъ въ видѣ отдѣльныхъ статей закона въ особый сборникъ — сводъ. Чѣмъ богаче историко-юридическій матеріалъ, тѣмъ совершеннѣе можетъ быть сводъ. Составители напримѣръ нашего гражданскаго свода прибалтійскихъ губерній приняли за основной матеріалъ и Законъ Божій, и шведское право, и германскія права, и мѣстныя рыцарское и земское права, и римское право, и наконецъ обычай. Сводъ вышелъ хотя и очень многостатейный, но весьма интересный и практически пригодный.

При составленіи нашего гражданскаго права за основу такого же

свода былъ принятъ исключительно нашъ центральный письменный законодательный и судебный матеріалъ. Крайне скудный и односторонній, собиравшійся въ первой половинѣ XIX вѣка при существованіи крѣпостного права и въ эпоху мало развитой экономической жизни, онъ далъ возможность составить лишь весьма неполный сводъ. По массѣ обычнѣйшихъ вопросовъ гражданскаго права не нашлось хоть сколько-нибудь подходящихъ матеріаловъ, и цѣлые отдѣлы права пришлось въ сводѣ просто обойти молчаніемъ.

До сего времени однако другого источника гражданскаго права мы не имѣемъ, и лишь обширнѣйшая и трудноусвояемая практика Правительствующаго Сената силится, гдѣ возможно, пополнять и исправлять недостатки нашего свода законовъ гражданскихъ или, какъ его проще называютъ, X тома.

Новое гражданское уложеніе есть тотъ же основной матеріалъ свода, но уже тонко научно разработанный, приведенный въ соотвѣтствіе со всѣмъ остальнымъ законодательствомъ страны, въ чемъ необходимо пополненный и выработанный въ стройную и цѣльную систему права.

Будь у насъ нынѣ въ дѣйствіи гражданское уложеніе, сочетаніе съ нимъ сельскихъ проектовъ было бы почти невозможно; къ счастью же у насъ дѣйствуетъ пока лишь сводъ и, какъ мы видѣли, сводъ весьма несовершенный, пополненіе котораго не только желательно, но и крайне необходимо.

Такимъ образомъ, признавать обсужденные губернскими комитетами проекты сельскаго права за нѣчто недостойное возвышенія до степени нашего общаго права нѣтъ никакихъ основаній.

Обращаясь теперь къ юридической природѣ надѣльныхъ земель, мы считаемъ необходимымъ остановиться на обсужденіи слѣдующихъ двухъ положеній: во-первыхъ, установляетъ ли особый порядокъ владѣнія надѣльными землями юридическую обособленность крестьянства и изъятіе крестьянъ изъ общаго гражданскаго законодательства, и во-вторыхъ, представляетъ ли по своей внутренней природѣ владѣніе благопріобрѣтеннымъ участкомъ земли нѣчто иное въ сравненіи съ владѣніемъ крестьянина надѣльной землей.

Если мы обратимся къ книгѣ II 1 ч. X тома, мы сейчасъ же встрѣтимся съ особыми условіями пользованія имѣніями родовыми, заповѣдными, майоратными въ отличіе отъ имуществъ благопріобрѣтенныхъ. Никто однако

не рѣшится утверждать, что владѣльцы таковыхъ особыхъ имуществъ исключены изъ общаго судебнаго правоваго строя страны.

Совершенно то же должно сказать и о крестьянахъ. Государство можетъ установить особыя формы владѣнія землями надѣльными, оно можетъ не признавать ихъ за благопріобрѣтенное имущество, въ правѣ наконецъ установить и особый порядокъ наслѣдованія по нему, подобно тому, какъ оно было въ правѣ измѣнить наслѣдованіе и свободу завѣщанія и отчужденія въ имѣніяхъ родовыхъ и майоратныхъ. При всемъ томъ однако вовсе нѣтъ основанія признать наше крестьянство непремѣнно изъятымъ изъ сферы законовъ гражданскихъ. Совершенно обратно, условія пользованія и владѣнія надѣльными землями должны быть въ соотвѣтствіи съ цѣлями государства точно разработаны и установлены и должны быть въ видѣ особой главы помѣщены не гдѣ-либо иначе, а въ нашемъ сводѣ законовъ гражданскихъ.

То же, что природа владѣнія надѣльною землей носитъ въ себѣ особыя свойства, врядъ ли нужно очень обстоятельно доказывать.

Крестьянинъ служилъ въ городѣ дворникомъ, артельщикомъ, держалъ парикмахерскую; на накопленныя деньги купилъ участокъ земли. Онъ конечно имѣетъ право и перепродать свой участокъ, хотя бы тотчасъ же послѣ покупки, и завѣщать его кому ему вздумается. Государству нечего вмѣшиваться въ его распоряженія. Совершенно инымъ должно быть юридическое отношеніе государства къ крестьянину, участокъ коего есть часть той обширной площади земли, которую государство при его дѣдахъ отчудило отъ прежнихъ владѣльцевъ ея и каковую долгіе годы выкупалъ въ свою очередь отъ государства цѣлый рядъ его родичей однообщественниковъ. Конечно и прижизненныя распоряженія самой землей, и распоряженія на случай смерти, равно какъ и наслѣдованіе ab intestato должны быть отличны отъ общихъ положеній о благопріобрѣтенномъ имуществѣ.

Все ограничительное, что можно тутъ сказать, это, что уклоненія отъ общаго порядка должны быть по возможности наименьшія, дабы не слишкомъ стѣснить духъ свободы владѣнія, безъ котораго владѣніе обращается въ nudum jus и въ нравственную тягость.

Послѣ того, какъ будетъ выработана послѣдняя редакція сельскихъ уставовъ о договорахъ и о наслѣдованіи и послѣ того, какъ эти уставы по существу ихъ будутъ одобрены законодательною властью, они должны

подлежать внесенію въ X томъ. Внесеніе ихъ должно бы состояться въ главныхъ чертахъ по слѣдующей системѣ.

Вся первая книга X тома о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ остается безъ измѣненія.

Въ книгѣ второй въ раздѣлѣ о разныхъ родахъ имуществъ включается указаніе, что имущества суть не только благопріобрѣтенныя и родовыя, но и надѣльныя. Въ концѣ раздѣла II должны быть помѣщены статьи о владѣніи надѣльными землями.

Въ книгѣ третьей въ раздѣлахъ и частяхъ о приданомъ и духовныхъ завѣщаніяхъ и о наслѣдованіи по закону долженъ быть вставленъ отдѣлъ объ этихъ институтахъ относительно земель надѣльныхъ.

Въ книгу четвертую объ обязательствахъ по договорамъ должны быть внесены положенія сельскаго устава о договорахъ. Вся эта IV книга X тома, какъ извѣстно, особо несостоятельна и особо выиграетъ отъ пополненія ея положеніями сельскаго устава.

Такой переработанный X томъ и долженъ, по нашему мнѣнію, завѣршить пересмотръ законодательства о крестьянахъ, и одновременно съ его изданіемъ должны исчезнуть какъ огульныя, непровѣренныя ссылки на обычай въ сельской юстиціи, такъ и утвержденія объ особомъ правовомъ положеніи крестьянъ: самъ гражданскій законъ признаетъ особенности сельскаго строя и включитъ ихъ въ себя.

Скоро ли получитъ осуществленіе поддерживаемое нами сліяніе общаго нашего и сельскаго права, мы сказать конечно не можемъ, но хотѣли бы надѣяться, что скоро. Оставаться при современномъ положеніи дѣла съ каждымъ годомъ дѣлается затруднительнѣе и невозможнѣе, другого же исхода, болѣе легкаго и удобоисполнимаго, мы не видимъ, да кажется его и нѣтъ.

Пусть сельское право найдетъ себѣ убѣжище первоначально въ сводѣ гражданскихъ законовъ. Когда сводъ нашъ обратится въ уложеніе, сельское право окажется перешедшимъ и въ уложеніе съ тою лишь разницею, что возможныя шероховатости, внесенныя сельскимъ правомъ въ сводъ, окажутся уже сглаженными и внесенными въ нашу общую стройную правовую систему.

Приверженцы всесословности не соглашаются съ нашимъ положеніемъ, что перенесеніе X тома во всей его неприкосновенности на кре-

стьянъ не представляло бы для послѣднихъ выгодъ и, обратно, внесло бы еще большую смуту въ современную сельскую правовую жизнь.

Дѣйствительно, перспектива перенесенія простымъ приказомъ X тома на крестьянъ и номинальное уравненіе тѣмъ крестьянства со всѣми прочими сословіями русскаго населенія необыкновенно заманчивы по своей простотѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ наше предложеніе о пользѣ выработки сельскаго права и о сліяніи его затѣмъ съ правомъ общимъ представляетъ несомнѣнно и серьезныя, и сложныя техническія затрудненія. Поэтому, разрѣшая спорный вопросъ о предпочтительности той или другой системы исправленія сельской юстиціи, представляется весьма важнымъ точно уяснить себѣ, въ чемъ заключается самое существо спора, отчего именно нельзя распространить X томъ и, наконецъ, нельзя ли распространить хотя бы нѣкоторыя его части.

Разсмотрѣть всѣ послѣднія положенія полезно и потому, что при обсужденіяхъ перенесенія X тома на крестьянство обыкновенно дѣлается большая ошибка: исходятъ изъ предположенія, что X томъ совершенно чуждъ правоотношеніямъ крестьянъ. Предположеніе это невѣрно: около $^2/_3$ статей X тома на крестьянъ уже съ эпохи ихъ освобожденія распространены, и изъяты нынѣ лишь тѣ части X тома, которыя нормируютъ правоотношенія, признанныя съ 1889 года подсудными волостнымъ судамъ.

Согласно обычаямъ рѣшаются лишь дѣла по наслѣдованію крестьянъ и (главнымъ образомъ) споры и тяжбы по договорамъ и обязательствамъ, подсудныя притомъ по цѣнѣ иска волостному суду и не облеченныя въ нотаріальную форму. Другими словами, не распространены на крестьянъ, какъ мы увидимъ ниже, главнымъ образомъ лишь часть третьей и четвертая книга X тома.

X томъ начинается съ нормъ семейнаго права: лица православныя могутъ вступать въ бракъ, не испрашивая на сіе особаго отъ правительства дозволенія; нельзя вступать въ бракъ съ сумасшедшими и безумными; мужъ долженъ любить жену, какъ собственное тѣло, защищать ее; жена обязана повиноваться мужу, пребывать къ нему въ любви и оказывать ему всякое угожденіе и привязанность. Затѣмъ слѣдуютъ положенія о раскольническихъ бракахъ, о дѣтяхъ законныхъ и незаконныхъ, недѣйствительности браковъ и т. д. Наконецъ, первая книга заключается статьями объ опекѣ дворянъ, духовныхъ лицъ, гражданъ, объ опекѣ надъ безумными, глухонѣмыми и т. д.

Все это содержаніе X тома примѣняется и къ крестьянамъ, обязательно и по отношенію къ нимъ, за исключеніемъ оговоренныхъ въ законѣ особенностей по опекѣ и усыновленію. Лишь имущественныя права и отношенія супруговъ, родителей и дѣтей по X тому повидимому необязательны для волостныхъ судовъ.

Книга вторая X тома содержитъ въ себѣ теоретическую часть права: имущества суть движимыя и недвижимыя, благопріобрѣтенныя и родовыя, государственныя, удѣльныя, общественныя, наличныя и долговыя. Затѣмъ главную часть книги занимаетъ ученіе о заповѣдныхъ имѣніяхъ и майоратахъ и объ экспропріаціи подъ желѣзныя дороги. Всѣ эти нормы, само собою разумѣется, или тожественны и въ юрисдикціи волостныхъ судовъ (имущества суть движимыя и недвижимыя), или безразличны для нихъ (ученіе о майоратахъ). Но законъ все же распространенъ и на крестьянъ, и изъятіемъ являются лишь статьи 442—451 о правѣ участія частнаго, каковыя дѣла рѣшаются въ волостныхъ судахъ по обычаямъ. Должно впрочемъ отмѣтить, что статьи 442—451 не заключаютъ въ себѣ и десятой доли тѣхъ основныхъ нормъ, коими регулируется ученіе о сервитутахъ. Не распространены на крестьянъ еще статьи о правѣ собственности общемъ, весьма краткія положенія о вознагражденіи за убытки и нѣкоторыя другія.

Такимъ образомъ мы и пришли къ разсмотрѣнію III и IV книгъ X тома. Въ нихъ помѣщены нормы по правоотношеніямъ, составляющимъ главную подсудность волостныхъ судовъ: наслѣдованію, мѣнѣ, продажѣ-куплѣ, договорамъ, запродажѣ, наймѣ, подрядѣ и поставкѣ, займѣ и т. д. Всѣ эти нормы X тома замѣнены въ волостной юстиціи ссылкою на обычай. Оставивъ пока въ сторонѣ вопросъ о нормахъ X тома по наслѣдованію, обратимся къ обсужденію его ученія о договорахъ; нельзя ли перенести на сельскіе суды хотя бы ученіе о договорахъ по X тому? Какъ то хорошо извѣстно всѣмъ цивилистамъ, вся часть о договорахъ въ X томѣ есть слабѣйшая часть всего нашего гражданскаго свода. Съ одной стороны отсутствуетъ общая часть, общіе принципы ученія объ обязательствахъ, съ другой стороны въ частности не развиты и отдѣльные институты договорнаго права.

«Лишь 25 статей,—говоритъ нашъ цивилистъ К. П. Побѣдоносцевъ *),—

*) Курсъ, III т., стр. 7. (Ссылка автора статьи).

изъ всей IV книги, посвященной обязательствамъ по договорамъ, заключаютъ въ себѣ положенія о состояніи, совершеніи, исполненіи и прекращеніи договоровъ. При изданіи свода и не могло быть иначе, ибо онъ составленъ по старымъ указамъ и уставамъ, въ коихъ почти не высказывались общія положенія и не было въ виду классическаго фундамента. Но то удивительно, какъ съ 1832 года до сихъ поръ недостатокъ этотъ не пополненъ». Одинаковое рѣшительное мнѣніе высказывалъ и В. С. Пахманъ, настаивавшій еще 30 лѣтъ назадъ на необходимости значительной переработки ученія о договорахъ. *)

Совершенная непригодность X тома давно уже сознана, и правительствомъ нынѣ уже выработанъ солидный проектъ новаго гражданскаго уложенія, изготовлявшійся около 30 лѣтъ, но когда онъ получитъ силу закона—сказать нельзя, вѣроятно не ранѣе 10—15 лѣтъ и до сего времени физически возможно подъ видомъ общаго права перенести на сельскую жизнь лишь современный X томъ.

Для того, чтобы возможно нагляднѣе поддержать высказанное положеніе, что и отдѣльные институты договорнаго права выработаны весьма плохо въ X томѣ, приведемъ въ примѣръ ученіе объ арендѣ по X тому.

Земельная аренда есть наиупотребительнѣйшій и вмѣстѣ важнѣйшій типъ договора въ сельской жизни вообще, а въ правовомъ оборотѣ нашего крестьянства въ особенности.

Крестьянинъ снялъ у сосѣда купца или помѣщика участокъ земли. Составлено условіе, указаны сроки уплаты денегъ или, если земля взята исполу, условія участія въ урожаѣ, обязательство «по первому зову» явиться отработывать арендную плату и т. д.

Сколь многочисленны могутъ быть и дѣйствительно бываютъ при этомъ видѣ договора сложнѣйшія недоразумѣнія, житейскія случайности, споры, требующіе яснаго и опредѣленнаго своего разрѣшенія закономъ. Неожиданно отъ града или засухи гибнетъ весь урожай—вліяетъ ли это на арендную плату или хотя бы на сроки ея уплатъ? Арендаторъ взялъ землю подъ посѣвъ хлѣбовъ, а разводитъ иную культуру, истощающую землю; арендаторъ хутора согласно условію имѣетъ право пользоваться инвентаремъ хутора, а собственникъ послѣдняго инвентарь этотъ вывезъ; арендаторъ, получивъ цѣнныя постройки и машины, умышленно или по

*) Кодифик. гр. пр., II т., стр. 215. (Ссылка автора статьи).

нерадѣнію портитъ ихъ, повреждаетъ снятый плодовый садъ; крестьянинъ арендаторъ не выходитъ по зову на работу, хотя онъ договорился о томъ въ условіи, не платитъ денегъ въ срокъ...

Какъ разрѣшать всѣ эти и имъ подобныя недоразумѣнія? Что напр. порча имущества (vastum), упорный неплатежъ въ сроки аренды, нарушеніе частныхъ условій—нарушаютъ контрактъ, или даютъ основаніе только къ особому иску объ убыткахъ, или рарѣшаютъ наконецъ принятіе какихъ-либо самоуправныхъ мѣръ?

Нѣтъ необходимости доказывать, что всѣ подобные казусы должны быть не предоставлены случайному усмотрѣнію суда, а предусмотрѣны точнымъ безспорнымъ закономъ, и дѣйствительно мы видимъ, что какъ иностранныя законодательства: англійское, французское, германское и др., такъ и нашъ прибалтійскій гражданскій сводъ содержатъ въ себѣ пространнѣйшія ученія о земельной арендѣ съ отвѣтами на всѣ или большинство приведенныхъ запросовъ жизни.

Посмотримъ теперь, что намъ даетъ по нимъ X томъ.

Первая статья главы о наймѣ имуществъ 1691—безразличнаго содержанія: указываетъ, какія должно вписывать въ договоръ условія: надлежитъ опредѣлить предметъ найма, срокъ и цѣну онаго.

Ст. 1692, 1692[1], 1693 установляютъ ограниченія срока, на каковой можно заключать наемъ.

Ст. 1694—ведетъ рѣчь о войсковыхъ и станичныхъ земляхъ.

Ст. 1695—1696—«отмѣнены».

Ст. 1697—1704 не относятся къ условіямъ земельной аренды: трактуютъ о лавкахъ, евреяхъ, письменности и т. д.

Ст. 1705 (первая по существу ученія о наймѣ, но къ сожалѣнію невѣрно редактированная) содержитъ указаніе, что сторона не въ правѣ (ни въ какомъ случаѣ?) отказаться отъ условія до срока его.

Ст. 1706—о сдачѣ выше законнаго срока.

Ст. 1707—о пожарѣ нанятаго дома.

Ст. 1708—о вознагражденіи за испорченное нанятое движимое имущество.

Ст. 1709 и слѣд. трактуютъ о наймѣ архіерейскихъ и монастырскихъ имуществъ и друг. предметахъ, не относящихся къ сельскимъ интересамъ.

Вотъ и все, что намъ даетъ X томъ по вопросу объ арендѣ. Итакъ

одна невѣрная статья: сторона не въ правѣ отказаться отъ условія до срока, повидимому, хотя бы противная сторона своими дѣйствіями и лишила его содержданія и смысла, на столько важныхъ, разнообразныхъ и многочисленныхъ вопросовъ, образцы которыхъ приведены нами выше. На основаніи чего же эти вопросы рѣшать? И какой бы иной видъ договора мы ни взяли бы, вездѣ мы найдемъ въ X томѣ то же: массу статей по вопросамъ, совершенно ненужнымъ, крайне спеціальнымъ,—и умолчаніе о томъ, что есть существо въ спорномъ правоотношеніи.

Намъ думается, что приведеннаго примѣра совершенно достаточно, чтобы удержать самыхъ искреннихъ поклонниковъ X тома отъ стремленія распространять такой законъ на сельское населеніе и на сельскіе суды. Не будемъ забывать, что единственный корективъ X тома—массы сенатскихъ рѣшеній—часто не подъ силу нашимъ короннымъ судьямъ, а не то что судьямъ волостнымъ.

При окончательномъ обсужденіи крестьянскаго судебнаго вопроса и являются такимъ образомъ положенія: юрисдикція по однимъ обычаямъ нетерпима, распространеніе X тома на сельскіе суды невозможно, введеніе въ дѣйствіе особыхъ уставовъ сельскаго гражданскаго права опять-таки недопустимо, въ виду неминуемыхъ коллизій ихъ съ общимъ правомъ.

Вотъ тотъ cercle vicieux, въ которомъ до сего времени вращаются всѣ попытки исцѣленія нашего судебнаго крестьянскаго строя и изъ котораго иного выхода, чѣмъ тотъ, который предложили мы, кажется, нѣтъ и не предвидится.

Пусть разрабатывается и обсуждается сначала самостоятельно сельское право и пусть провинціальные комитеты внесутъ въ проектъ земскаго отдѣла Министерства Внутреннихъ Дѣлъ техническія цѣнныя поправки. Полученную работу нужно будетъ затѣмъ направить на обсужденіе въ высшихъ центральныхъ учрежденіяхъ, главнымъ образомъ по вопросу о возможности внесенія сельскаго права и сочетанія его съ правомъ общимъ; затѣмъ, въ случаѣ положительнаго рѣшенія вопроса явится, какъ мы уже указывали ранѣе, новое изданіе пополненнаго свода законовъ гражданскихъ: X тома, а наконецъ въ будущемъ вся работа завершится введеніемъ гражданскаго уложенія, основаннаго уже не на одномъ центральномъ, такъ сказать городскомъ, буржуазномъ правовомъ матеріалѣ, но и на матеріалѣ нашей обширной сельской, достойной особаго вниманія и изученія, жизни».

Иной точки зрѣнія держатся г.г. Аничковъ, Головинъ и Матвѣевъ.

Въ статьѣ „Трудное дѣло“ („Нов. Вр.“ № отъ 7 іюня 1904 г.) авторъ ея, г. Аничковъ, находитъ, что .....«Истинный источникъ разногласія (по коренным вопросамъ пересмотра положенія о крестьянахъ) явно заключается въ антагонизмѣ между сторонниками и противниками обычнаго права.— Едва ли не половина юристовъ держится того мнѣнія, что господство обычая несовмѣстимо со сколько-нибудь развитой жизнью; сторонниковъ обычнаго права оставляютъ въ сильномъ подозрѣніи, указывая на то, что они хотятъ «усугубить соціальное неравенство и закрѣпить сословность». Сторонники обычнаго права обвиняютъ своихъ противниковъ въ томъ, что они занимаются доктринерствомъ. Быть можетъ истина на сторонѣ защитниковъ обычнаго права. Начать съ того, что благополучіе «единаго закона» пришлось бы установить, насилуя народную волю. Въ крестьянской средѣ, относительно, напримѣръ, наслѣдованія имуществъ господствуетъ установившееся вѣками воззрѣніе на справедливость, совершенно расходящееся съ дѣйствующими у насъ гражданскими законами. По этому поводу редакціонная коммиссія говоритъ: „Измѣнять сложившіеся вѣками, твердо укоренившіеся въ народномъ сознаніи и поднесь соблюдаемые значительнымъ большинствомъ сельскаго населенія Имперіи способы перехода имущества по наслѣдованію, въ цѣляхъ достиженія внѣшняго единства въ относящихся до этого предмета узаконеніяхъ, было-бы мѣрою едва ли цѣлесообразною, а по практическимъ ея результатамъ даже мѣрою совершенно напрасною. Народъ не подчинится дѣйствію постановленій, противорѣчащихъ усвоенному имъ пониманію справедливости въ дѣлѣ наслѣдованія, и сумѣетъ обойти букву закона всею силою своего убѣжденія въ правильности существующихъ у него по этой части взлядовъ и обычаевъ“.

Съ своей стороны замѣтимъ, говоритъ авторъ, что особенности земледѣльческаго быта привели въ Соединенныхъ Штатахъ, Австріи и Германіи къ необходимости особеннаго гражданскаго права въ сельскомъ быту, права, совершенно расходящагося съ общими законами и основаннаго на обычаѣ. Вообще указаніе на то, что господство обычнаго права поддерживаетъ сословность падаетъ само собою, разъ выходъ изъ сословія свободенъ. Наконецъ необходимо отмѣтить еще и странную аномалію, въ которую впадаютъ сторонники пріобщенія всего русскаго крестьянскаго люда къ общимъ гражданскимъ законамъ.

Пока коммиссія по составленію новаго гражданскаго уложенія не за-

кончила своихъ трудовъ, мы ничего не можемъ предложить русской деревнѣ, кромѣ X тома, который всегда былъ плохимъ закономъ и теперь окончательно, какъ офиціально признано, устарѣлъ; а проектъ новаго гражданскаго уложенія не предполагается распространять на сельское земледѣльческое населеніе *)». Обѣщая вернуться къ этому вопросу, авторъ обращаетъ вниманіе на то, что «каждое губернское совѣщаніе по крестьянскому управленію, которое въ основу своихъ занятій положитъ доктринерство, заранѣе обречетъ на совершенную безполезность всѣ свои труды».

Въ статьѣ „Единство закона“ („Нов. Вр.“ № отъ 31 іюля 1904 г.) тотъ же авторъ говоритъ: «Говорятъ, что особые законы для деревни равносильны «обособленію» деревни. При этомъ вводится весьма сомнительное еще предположеніе, что особые законы, каковы бы они ни были, непремѣнно должны давать «обособленіе», т.-е. отчужденіе одной части населенія отъ другой. На самомъ дѣлѣ, особые законы тогда только имѣютъ въ результатѣ обособленіе, когда часть населенія обрекается на приниженіе и на стѣсненіе свободы, на кастовыя вообще отличія. Такого свойства въ законахъ о крестьянахъ конечно не должно быть и наилучшимъ коррективомъ должно считать свободный выходъ для всѣхъ и каждаго изъ крестьянскаго сословія. При такомъ условіи нѣкоторое различіе въ законодательствѣ никоимъ образомъ не можетъ дать обособленія.

Единство закона не должно быть какимъ-то фетишемъ, предъ которымъ все должно склониться безъ всякихъ разсужденій. И вообще не слѣдуетъ забывать, что не люди существуютъ для законовъ, а законы для людей.

Рабочее законодательство, такъ называемые фабричные законы, несомнѣнно создаетъ особыя юридическія и бытовыя условія для весьма большого числа гражданъ, въ нѣкоторыхъ государствахъ для большинства населенія. Жизнь потребовала нарушенія единства закона; законы о рабочихъ часахъ, о контрактахъ по личному найму, о трудѣ женщинъ и дѣтей и обязательномъ страхованіи представляютъ исключительныя нормы, которыхъ не знаютъ и въ которыхъ не нуждаются классы и сословія, чуждые фабричному и заводскому труду. Но результатомъ огражденія труда, слѣдствіемъ «особыхъ» законовъ явилось, какъ всякій понимаетъ, не отчужденіе,

---

*) «Согласно новому проекту: „Къ наслѣдованію послѣ лицъ крестьянскаго состоянія примѣняются мѣстные крестьянскіе обычаи“». (Примѣчаніе г. Аничкова).

а болѣе тѣсное пріобщеніе бѣднѣйшихъ классовъ къ общему государственному развитію. Наоборотъ, обособленіе рабочихъ именно наблюдалось въ ту скорбную пору, когда—подъ эгидой единства закона—скрывалось равнодушіе законодателя и инертность общества.

Въ нынѣшнихъ волостныхъ судахъ, какъ удостовѣрено изученіемъ подлинныхъ ихъ рѣшеній, поклонниками единства закона явились между прочимъ честолюбивые волостные писаря. Желая во что бы то ни стало импонировать крестьянамъ-судьямъ, эти деревенскіе юристы устрашали волостныя власти кассаціонными рѣшеніями Правительствующаго Сената (подобранными конечно кстати и не кстати). Такая ссылка на авторитетъ общаго законодательства всегда вносила только путаницу въ здравое сознаніе крестьянъ, судившихъ по дѣдовскому обычаю. Въ сельскій бытъ водворялся уродливый канцеляризмъ.

Редакціонная коммиссія по пересмотру законоположеній о крестьянахъ указываетъ на обиліе матеріаловъ, которымъ въ наше время можетъ пользоваться законодатель по крестьянскому дѣлу. Разница поистинѣ огромная съ тѣмъ, что было 45 лѣтъ назадъ, при составленіи проектовъ освободительной реформы. Тогда и народный бытъ и крестьянскіе обычаи представляли въ полномъ смыслѣ слова невѣдомый міръ. Съ тѣхъ поръ соединенныя усилія правительства, земства и всего болѣе труды людей науки освѣтили это когда-то темное царство.

Краеугольный камень юридическихъ отношеній—семья—зиждется по нашему обычному праву на совершенно иныхъ устояхъ, чѣмъ по дѣйствующему (но до сихъ поръ не обязательному для крестьянъ) писаному закону. Въ этой сферѣ дѣйствительно можно противопоставлять интеллигенцію народу, городъ деревнѣ, русскій крестьянскій міръ русскому обществу и писанный законъ естественному обычаю. „По крестьянскому міровоззрѣнію,—говоритъ редакціонная коммиссія,—семья есть союзъ лицъ, объединяемыхъ, кромѣ узъ кровнаго родства, также совмѣстною жизнью подъ авторитетомъ домохозяина и совмѣстнымъ веденіемъ хозяйства. Отсюда, какъ необходимое слѣдствіе, вытекаетъ, что въ основаніи порядка наслѣдованія въ крестьянскомъ имуществѣ по обычаю лежитъ не одно лишь кровное родство, но и „трудовое начало“, выражающееся въ допущеніи къ участію въ наслѣдованіи и въ устраненіи отъ него отдѣльныхъ членовъ семьи въ зависимости отъ участія ихъ въ накопленіи семейнаго имущества, и нерѣдко безотносительно къ кровному родству съ наслѣдодателемъ“.—Для

наглядности можно привести, какъ самый яркій примѣръ, различіе обычнаго и писаннаго права въ наслѣдованіи женщинъ. Здѣсь различіе это выступаетъ съ особою яркостью. По устарѣвшему X тому дочерямъ при живыхъ сыновьяхъ, т. е. сестрамъ при братьяхъ, изъ наслѣдства удѣлялась лишь $^1/_{14}$ часть недвижимаго имущества и $^1/_8$ движимаго (ст. 1130), а по обычаю, разсматривающему дочерей какъ непрочныхъ членовъ семьи («отрѣзанный ломоть», «чужое сокровище» и т. д.), онѣ въ отцовскомъ имуществѣ вовсе не наслѣдуютъ, если въ семьѣ есть сыновья; въ случаѣ же если сыновей нѣтъ, наслѣдство достается только незамужнимъ, т. е. тѣмъ, которыя оставались въ домѣ. Замужнія же дочери только тогда принимаютъ участіе въ наслѣдствѣ, когда вмѣстѣ со своими мужьями остаются въ семьѣ, въ домѣ. Зато незамужнія дочери, согласно обычая, имѣютъ неизвѣстное писаному закону право—требовать отъ своихъ братьевъ содержанія и «выдачи въ замужество прилично ихъ состоянію». Своеобразное это семейное установленіе, которое сопряжено для братьевъ съ немалыми относительно расходами.

Умножать примѣровъ нѣтъ надобности; очевидно, великую смуту внесъ бы въ деревенскомъ быту X томъ, опрокинувъ укоренившіяся въ народѣ понятія о справедливости.

Идеалъ права по понятію нашего крестьянина «заключается не въ послѣдовательномъ примѣненіи одинаковыхъ нормъ къ одинаковымъ случаямъ, а въ достиженіи естественной справедливости по конкретнымъ условіямъ каждаго дѣла; рѣшать не только «по дѣлу», но и «по человѣку» (т. е. принимая въ соображеніе личное положеніе сторонъ) и стараться не о томъ, чтобы каждый получалъ безусловно все, что ему принадлежитъ (suum cuique tribuere—идеалъ римскаго права), но чтобы никому не было обидно, — вотъ характеристическія особенности нашего обычнаго права сравнительно съ другими правовыми системами» *).

Даже убѣжденные сторонники всесословнаго права признаютъ необходимымъ изданіе, въ составѣ X тома или отдѣльно, сельскихъ уставовъ о наслѣдованіи, о договорахъ, о надѣльныхъ земляхъ. Такимъ образомъ особые законы о крестьянахъ во всякомъ случаѣ должны сохраниться на нѣкоторое время. Въ какой срокъ можетъ послѣдовать полное сліяніе обычнаго и писанаго права, сказать трудно. Сотни лѣтъ потребовались въ

*) Оршанскій «Народный судъ и народное право», стр. 151. (Ссылка автора статьи).

Англіи, чтобы кодифицировать и привести въ систему отдѣльныя судебныя рѣшенія, образовавшія англійскія common law.

Этотъ примѣръ для насъ важенъ въ виду того, что наши крестьянскіе обычаи, отчасти занесенные въ рѣшенія волостныхъ судовъ, весьма разнообразны по отдѣльнымъ мѣстностямъ.

Едва ли желательно исключительно ради стройности законодательства, ради единства закона подвергать ломкѣ всѣ итоги народнаго правосознанія».

Въ статьѣ „Къ пересмотру законоположеній о крестьянахъ“ („Новое Время“ № отъ 11 апрѣля 1904 г.) г. К. Головинъ между прочимъ говоритъ: .....«И уставъ о договорахъ, и уставъ о наслѣдованіи представляютъ собою попытку кодифицированія наиболѣе общихъ и распространенныхъ обычаевъ. Къ такой попыткѣ можно относиться только съ полнымъ сочувствіемъ. Она, слѣдуетъ надѣяться, разсѣетъ тотъ напускной мракъ, которымъ радѣтели мірского склада любятъ окружать его мнимо-таинственныя и столь же мнимо-вѣковыя черты. Насколько желательно вообще усвоеніе законодательствомъ текста о стародавнихъ юридическихъ понятіяхъ, которыя дѣйствительно создалъ народный духъ, настолько въ то же время необходимо устранить изъ правовой жизни смутность и не раздѣльный съ нею произволъ. Цѣлью законодателя всегда должно быть и расширеніе письменнаго права съ помощью живого ключа обычнаго, и постепенная нормировка всѣхъ правовыхъ отношеній, не допускающая произвольнаго рѣшенія тѣхъ или другихъ спорныхъ вопросовъ»...

Г. П. Матвѣевъ въ статьѣ „Къ вопросу о крестьянскихъ юридическихъ обычаяхъ“ („Нов. Вр.“ № отъ 24 іюля 1904 г.) высказывается за необходимость изданія сельскаго устава для волостныхъ судовъ.

....«Моя настоящая статья - говоритъ онъ — имѣетъ въ виду установленіе особаго порядка наслѣдованія для крестьянъ, въ силу своеобразныхъ условій ихъ быта. Говорятъ, что задача нашего времени постепенное упраздненіе всякихъ обособленій и что пора признать крестьянъ такими же гражданами, какъ и лица другихъ сословій, и, отбросивъ излишнее попеченіе о нихъ, признать крестьянъ полноправными гражданами. Это мнѣніе основывается на весьма распространенномъ взглядѣ о вредѣ всякой сословности, какъ составляющей главный тормазъ соціальнаго развитія. Но нѣтъ правила безъ исключеній и въ этомъ случаѣ теорія явно расходится съ практикой и жизнью.

Крестьянское сословіе сложилось исторически; оно имѣетъ свои обычаи, истекающіе изъ условій быта, и нельзя однимъ почеркомъ пера измѣнить особенность этого быта.

Хотя нѣкоторые мѣстные дѣятели сомнѣваются въ самомъ существованіи крестьянскихъ юридическихъ обычаевъ, но наличность таковыхъ не трудно доказать относительно, напр., обычнаго порядка наслѣдованія въ крестьянскомъ быту.

По первой части X т. свода законовъ основаніемъ правъ наслѣдованія служитъ главнымъ образомъ кровное родство (X т., часть первая, статьи 1105, 1111 и 1112). Въ крестьянскомъ быту допускается право наслѣдованія и лицъ постороннихъ, напр., кромѣ зятей, пріемышей (въ Малороссіи ихъ зовутъ примаками).

Между изслѣдователями крестьянскаго обычнаго права даже возникла горячая полемика, что служитъ главнымъ основаніемъ въ крестьянскомъ быту правъ наслѣдниковъ. Одни утверждали (Пахманъ, Мулловъ и др.), что кровное родство и въ крестьянскомъ быту служитъ главнымъ основаніемъ правъ наслѣдованія, но только обращается особое вниманіе на фактическую принадлежность къ семьѣ, въ силу чего отдается преимущество въ порядкѣ наслѣдованія пріемышамъ (примакамъ) и взятымъ въ домъ зятьямъ передъ другими родственниками, напр. дочерями. Другіе изслѣдователи (напр. Ефименко, мужъ и жена, Оршанскій и многіе другіе) отводятъ весьма видное мѣсто трудовому началу и полагаютъ, что собственно говоря наслѣдниковъ въ крестьянскомъ быту, какъ мы его понимаемъ, нѣтъ, а есть только раздѣлъ общей семейной собственности по случаю смерти домохозяина, а иногда его болѣзни или семейныхъ несогласій.

Наконецъ, всѣ изслѣдователи крестьянскаго обычнаго права признаютъ въ крестьянскомъ быту и въ практикѣ волостныхъ судовъ право договорнаго наслѣдства. Нашъ извѣстный цивилистъ К. П. Побѣдоносцевъ совершенно справедливо замѣчаетъ (курсъ, т. 2-й, стр. 456), что наше писаное законодательство, нынѣ дѣйствующее, совершенно устраняетъ отъ завѣщаній всякое понятіе о договорномъ наслѣдованіи. Завѣщаніе, по общему мнѣнію юристовъ, основанному на дѣйствующемъ кодексѣ, есть актъ односторонней воли и можетъ быть произвольно во всякое время уничтожено завѣщателемъ (т. X, ч. первая, изд. 1887 года, ст. 1010 и 1030). Никакой общій судъ, дѣйствующій на основаніи X т. свода (см. книгу «Обычаи и порядокъ наслѣдованія у крестьянъ». Спб., 1888 г.), не можетъ признать

наслѣдственныхъ правъ, истекающихъ изъ договора. Между тѣмъ договорное наслѣдованіе признается крестьянскимъ судомъ и практикуется въ крестьянскомъ быту. Можно привести рядъ уклоненій отъ существованія договорнаго наслѣдства изъ такого оффиціальнаго изданія, какъ «Труды коммиссіи сенатора Любощинскаго». Ограничусь однимъ примѣромъ, взятымъ изъ IV т. «Трудовъ». Въ 1864 г. государственный крестьянинъ Харьковской губерніи, Купянскаго уѣзда, Покровской волости Худобинъ заключилъ слѣдующее условіе съ временно обязаннымъ помѣщичьимъ крестьяниномъ Ѳедоромъ Кравченкомъ. Худобинъ по этому условію (договору) принялъ въ свой домъ вмѣсто сына Кравченка и обязался въ случаѣ своей и жены смерти предоставить ему все свое и жены имущество. Если же Кравченко уйдетъ изъ его семьи до истеченія извѣстнаго срока (15 лѣтъ), то онъ ничего не получаетъ, но уйдя послѣ этого срока, до смерти Худобиныхъ мужа и жены, Кравченко получаетъ *третью часть* изъ имущества, все же онъ получаетъ, если докормитъ стариковъ до смерти. Кравченко съ своей стороны обязался повиноваться во всемъ Худобину, какъ отцу, въ чемъ и подписался. Это условіе было явлено въ волостномъ правленіи.

Представьте себѣ такой случай. Кравченко докормилъ стариковъ до смерти и, похоронивъ ихъ, вступилъ въ наслѣдованіе имуществомъ, но у Худобиныхъ могла быть дочь (такіе примѣры тоже бывали), вышедшая замужъ за какого-нибудь городского слугу или мастерового. По совѣту, скажемъ, адвоката она могла предъявить искъ къ Кравченку о наслѣдствѣ. Волостной судъ, признающій *договорное наслѣдованіе*, конечно, въ такомъ искѣ отказалъ бы. Но иное положеніе короннаго суда или судьи, руководствующагося X т. свода. Коронный судъ долженъ былъ бы признать искъ правильнымъ, ибо договорное наслѣдованіе не признается нашимъ гражданскимъ кодексомъ.

Въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ допущенъ особый порядокъ наслѣдованія и X т. свода излагаетъ особыя правила для наслѣдованія въ губерніяхъ Полтавской и Черниговской. Эти особыя правила остатокъ литовскаго статута, прежде примѣнявшагося въ малорусскихъ губерніяхъ и болѣе согласованнаго съ народнымъ взглядомъ.

Примѣненіе этихъ законоположеній о наслѣдованіи менѣе ломаетъ крестьянскій бытъ, чѣмъ общія правила кодекса о порядкѣ наслѣдованія. Но и въ этихъ особыхъ законахъ для Черниговской и Полтавской губерній не признается договорное наслѣдованіе.

Я отчасти знакомъ съ народнымъ юридическимъ бытомъ Полтавской губерніи и знаю, что въ обычаѣ брать примаковъ въ бездѣтную крестьянскую семью и что такіе примаки признаются наслѣдниками.

Кодифицировать крестьянское обычное право весьма трудно: оно находится въ состояніи эволюціи и, какъ все живое, мѣняется. Отсюда и толки объ отсутствіи твердо установившихся юридическихъ обычаевъ у крестьянъ, которые кромѣ того не умѣютъ ясно формулировать свое правосознаніе, во многомъ отличное отъ юридическихъ нормъ нашего писанаго кодекса.

Изданіе сельскаго устава для волостныхъ судовъ необходимо уже въ виду того, что волостные суды не руководствуются, да и не могутъ руководствоваться X т. свода законовъ, а апелляціонная надъ ними инстанція—съѣздъ земскихъ начальниковъ—придерживается писанаго закона».

Г. Кирѣевскій въ статьѣ своей „Основы сословной обособленности крестьянъ“ („Нов. Вр.“ № отъ 8 іюня 1904 г.), полемизируя съ вышеприведенною статьею г. Аничкова «Трудное дѣло», говоритъ: «Открытіе занятій петербургскаго совѣщанія по пересмотру крестьянскихъ положеній дало поводъ г. М. В. Аничкову выступить съ своей оцѣнкой двухъ теченій, обнаружившихся въ тѣхъ пока еще немногихъ губернскихъ совѣщаніяхъ, которыя уже высказались по общимъ вопросамъ крестьянскаго дѣла, при чемъ самъ авторъ примыкаетъ къ тому теченію, которое, по его мнѣнію, держится за сохраненіе «обычнаго права» въ гражданскомъ быту крестьянъ, а другое теченіе, которое клонится къ распространенію на гражданскій бытъ крестьянъ дѣйствія общаго закона, онъ атестуетъ, какъ «доктринерство» и предостерегаетъ губернскія совѣщанія, что всѣ ихъ труды «заранѣе обречены на совершенную безполезность», если они поддадутся этому «доктринерству».

Не касаясь личныхъ воззрѣній и симпатій автора, слѣдуетъ однако самымъ рѣшительнымъ образомъ отклонить его ни на чемъ не основанную догадку, будто «истинный источникъ разногласія (между упомянутыми теченіями) заключается въ антагонизмѣ между сторонниками и противниками обычнаго права».

Впрочемъ, самъ авторъ въ подтвержденіе такой догадки и всего своего воззрѣнія о благополучіи гражданскаго быта, нормируемаго «обычнымъ правомъ», могъ привести только цитату изъ трудовъ редакціонной коммиссіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, относящуюся къ наслѣдственному

праву. Но если бы авторъ познакомился съ трудами редакціонной коммиссіи, а не съ однимъ случайнымъ отрывкомъ изъ нихъ, то онъ убѣдился бы, что сама редакціонная коммиссія *существенно* въ дѣлахъ наслѣдованія высказывается за примѣненіе «обычнаго права», да и эту часть гражданскихъ правоотношеній коммиссія признала необходимымъ въ возможной мѣрѣ нормировать положительными правилами, которыя дали содержаніе цѣлому особому «уставу о наслѣдованіи», проектированному коммиссіей и разосланному въ числѣ другихъ матеріаловъ на предварительное разсмотрѣніе губернскихъ совѣщаній (т. IV часть 2-я). По отношенію же ко всѣмъ остальнымъ институтамъ гражданскаго права сама редакціонная коммиссія весьма высказывается принципіально противъ замѣны положительнаго закона «обычнымъ правомъ». Мотивы отрицательнаго отношенія редакціонной коммиссіи къ обычному праву обстоятельно изложены ею въ объяснительной запискѣ (т. I, стр. 63 и слѣд.) къ ея проектамъ.

Отмѣтивъ, какъ на практикѣ отражается замѣна въ гражданскомъ быту положительнаго закона „шаткимъ, неопредѣленнымъ обычаемъ", редакціонная коммиссія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ говоритъ: „едва ли необходимо доказывать неудобство порядка, при которомъ сельское населеніе не знаетъ въ точности правилъ наслѣдованія въ своихъ имуществахъ и лишено возможности вступать въ какія-либо сдѣлки со сколько-нибудь твердой увѣренностью, что при доведеніи возникшихъ на ихъ почвѣ споровъ до судебнаго разбирательства, они будутъ разрѣшены на опредѣленномъ единообразно примѣняемомъ основаніи. *Прямымъ послѣдствіемъ такого положенія является полное незнаніе крестьянами ни своего, ни чужого права, ни своихъ, ни чужихъ обязанностей*".

Исходя изъ этихъ весьма убѣдительныхъ соображеній, коммиссія выработала проектъ особаго сельскаго устава, соотвѣтствующаго гражданскому уложенію, для крестьянъ, при чемъ, какъ объясняетъ въ своей запискѣ, въ основу этого кодекса она признала необходимымъ положить не „обычное право", а „начала справедливости и этики", съ тѣмъ притомъ, чтобы сельскій уставъ отвѣчалъ „съ одной стороны основнымъ, установленнымъ наукою права, началамъ всякаго гражданскаго законодательства", а съ другой—„былъ согласованъ съ особенностями нашего народнаго правосознанія", и кромѣ того, „онъ не долженъ терять связи съ нашими общими гражданскими законами".

Можно много спорить о содержаніи и практическомъ значеніи этихъ

слишкомъ общихъ и мало опредѣленныхъ формулъ, которыя коммиссія выставила, какъ свои руководящія начала при составленіи проекта особаго сельскаго гражданскаго устава, но во всякомъ случаѣ изъ всѣхъ приведенныхъ соображеній и заключеній коммиссіи должно быть совершенно очевидно, что г. Аничковъ безъ достаточныхъ основаній прикрываетъ свое воззрѣніе на счетъ «обычнаго права» авторитетомъ редакціонной коммиссіи. Послѣдняя не только рѣшительно высказалась за необходимость для крестьянъ «писанаго» права—гражданскаго положительнаго закона, а даже сама выработала проектъ такого закона.

И въ губернскихъ совѣщаніяхъ разница мнѣній обнаружилась не о томъ, нуженъ ли для крестьянъ положительный гражданскій законъ, или же слѣдуетъ ихъ оставить въ прежнемъ состояніи, т. е. безъ всякаго закона, съ одними „шаткими, неопредѣленными обычаями", а о томъ, слѣдуетъ ли распространить на крестьянъ дѣйствіе общаго гражданскаго закона, или же слѣдуетъ составить для нихъ особые гражданскіе законы, согласно предположенію редакціонной коммиссіи.

Это можно сказать важнѣйшій практическій вопросъ всей крестьянской реформы. Отъ такого или иного его разрѣшенія зависитъ весь характеръ реформы; тѣмъ или инымъ рѣшеніемъ этого вопроса предрѣшается основной вопросъ о томъ, должно ли быть крестьянское населеніе поставлено, наравнѣ со всѣми прочими сословіями, подъ общую сѣнь законовъ и учрежденій государства, или оно должно и впредь оставаться сословіемъ юридически обособленнымъ отъ остальныхъ сословій, съ своими особыми законами и учрежденіями?

Г. Аничковъ этихъ кардинальныхъ вопросовъ не касается, но онъ, повидимому, не сторонникъ сословной исключительности и обособленности крестьянъ и увѣренъ, что даже „господство обычнаго права" у крестьянъ не обусловливало бы ихъ сословной обособленности. Съ этимъ можно согласиться лишь въ томъ смыслѣ, что если бы вмѣсто сочиненія для крестьянъ особыхъ гражданскихъ законовъ по началамъ „справедливости и этики" и проч. крестьяне по прежнему были бы оставлены внѣ положительнаго закона, съ одними обычаями, то несомнѣнно гораздо скорѣй совершилось бы окончательно разложеніе этого патріархальнаго строя и крестьянство силой вещей перешло бы подъ дѣйствіе общаго гражданскаго закона. Но если г. Аничковъ думаетъ, что „господство обычнаго права" или особаго гражданскаго кодекса для крестьянъ, отдѣляющаго и

отдаляющаго ихъ отъ остальныхъ сословій, не обусловливаетъ сословной обособленности крестьянъ, то это чистое недоразумѣніе. Именно особые законы и учрежденія и создаютъ, закрѣпляютъ сословную обособленность крестьянъ.

Мы вполнѣ согласны съ г. Аничковымъ, что это «трудное дѣло» при настоящихъ сложныхъ условіяхъ гражданскаго оборота: сохранить и даже укрѣпить сословную обособленность крестьянъ. Мы даже убѣждены, что это безнадежное дѣло, ибо оно идетъ въ разрѣзъ со всѣми жизненными отправленіями и потребностями Россіи, уже вышедшей изъ гражданскаго младенчества и переросшей наивныя формы гражданскихъ правоотношеній, характеризующія патріархальный строй народнаго быта. Раньше или позже, но эти несоотвѣтственныя формы гражданскаго быта, стѣсняющія здоровое развитіе стомилліоннаго крестьянскаго населенія, сами собой распадутся и совершится то, чему должно быть,—объединеніе всѣхъ сословій, т. е. всего народа, подъ сѣнью общихъ законовъ и учрежденій. Но именно потому-то нельзя не жалѣть, что тратятся силы и энергія на осуществленіе этого труднаго, неполезнаго и ненужнаго дѣла».

Землепользованіе крестьянъ и отграниченіе крестьянскихъ надѣловъ.

Обращаясь, наконецъ, къ послѣдней части своихъ трудовъ—составленію правилъ о порядкѣ распоряженія и пользованія надѣльными землями, редакціонная коммиссія признала, что «ближайшею ея задачею въ этой области является внесеніе большей опредѣленности въ дѣйствующія по сему предмету узаконенія»... ибо если откинуть разъясненія Сената и.... «исходить исключительно изъ постановленій закона, то нельзя не признать, что на основные, возникающіе изъ ихъ поземельныхъ отношеній, вопросы крестьяне лишены возможности получить ясные категорическіе отвѣты..... Установить съ большей опредѣлительностью имущественныя права крестьянъ на ихъ надѣльныя земли какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ владѣніи ими, выяснить объемъ этихъ правъ по отношенію къ отдѣльнымъ категоріямъ крестьянскихъ земель, какъ цѣлыхъ обществъ, такъ и отдѣльныхъ, входящихъ въ ихъ составъ, крестьянскихъ дворовъ, выработать правила, опредѣляющія переходъ большины со смертью домохозяина, облегчить и упорядочить переходъ надѣльныхъ земель наслѣдственнаго владѣнія—между отдѣльными крестьянами, установивъ одновременно точную регистрацію этихъ земель, наконецъ, попытаться установить такой порядокъ распоряженія общинными землями со стороны крестьянскихъ сходовъ, который въ возможно большей степени ограждалъ бы законные интересы отдѣльныхъ членовъ общины, все это и должно войти въ кругъ задачъ настоящаго отдѣла трудовъ коммиссіи».

«При этомъ коммиссія приняла во вниманіе....., что успѣхъ законодательной мѣры, направленной къ упорядоченію частно-имущественныхъ отношеній крестьянъ въ области ихъ поземельнаго быта, находится въ прямой зависимости отъ поста-

новки закона въ такія условія, при которыхъ вокругъ проводимаго имъ въ жизнь интереса общегосударственнаго какъ бы создается цѣлый рядъ новыхъ частныхъ интересовъ, естественнымъ развитіемъ и проявленіемъ коихъ и обезпечивается практическая сила и жизненное значеніе самого закона.

Сколь бы, однако, ни приблизились проектируемыя узаконенія къ установленной выше идеальной задачѣ, какимъ бы совершенствомъ и полнотой ни отличался сводъ правилъ, опредѣляющихъ порядокъ распоряженія и пользованія надѣльными землями, все же тщетно было бы надѣяться, что взятая въ отдѣльности такая законодательная работа благотворно повліяетъ на подъемъ крестьянскаго благосостоянія, а само собою разумѣется, что именно эту единственную цѣль надлежитъ имѣть въ виду при установленіи мѣръ, касающихся крестьянскаго землепользованія.

Производительному использованію крестьянами природныхъ силъ почвы, извлеченію ими изъ земли возможно большаго количества продуктовъ препятствуетъ не несовершенство законовъ о землепользованіи, а явленія иного порядка, устранить которыя однѣми законодательными мѣрами нѣтъ возможности. Главными препятствіями къ веденію крестьянами улучшенныхъ пріемовъ сельскаго хозяйства надлежитъ признать повсемѣстныя крайнія раздробленность и чрезполосность отдѣльныхъ, состоящихъ въ пользованіи одного домохозяина земельныхъ участковъ, неправильная ихъ конфигурація и отдаленность отъ усадебной осѣдлости. Условія эти, въ своей совокупности, препятствуютъ сколько нибудь совершенной культурѣ земли и вызываютъ огромную потерю рабочаго времени въ переѣздахъ съ инвентаремъ отъ усадьбы къ обрабатываемымъ полевымъ угодьямъ. При наличности этихъ условій, всякое улучшеніе хозяйства со стороны отдѣльнаго крестьянина совершенно не осуществимо. Онъ вы-

нужденъ подчиниться общему порядку землепользованія, вынужденъ вести одинаковую съ прочими членами общества систему полеводства, обязанъ производить всѣ главныя сельско-хозяйственныя работы—вывозку удобренія, сѣвъ и даже уборку урожая, одновременно со всѣмъ обществомъ, такъ какъ долженъ предоставить свой участокъ въ общее пользованіе, подъ выпасъ скота, одновременно съ прочими своими односельчанами.

Какъ замѣчено выше..... всѣ указанные недостатки наблюдаются въ равной мѣрѣ при обѣихъ (общинной и подворной) формахъ землевладѣнія. Чрезполосность, обязательный сѣвооборотъ и принудительная обработка полей, все это присуще какъ общинному, такъ и подворному владѣнію, причемъ вредное значеніе этихъ явленій усугубляется на подворныхъ земляхъ отсутствіемъ передѣловъ. Неоспоримость этого положенія станетъ еще болѣе ясной, если принять во вниманіе, что принудительное перемѣщеніе полосъ отдѣльныхъ домохозяевъ лишь безъ измѣненія ихъ размѣровъ (такъ называемыя передвижки) встрѣчается и при подворномъ землепользованіи и что наряду съ этимъ передѣлы отнюдь не составляютъ обязательной принадлежности общиннаго владѣнія. Во многихъ общинахъ передѣловъ не было произведено со времени надѣленія крестьянъ землей.

Единственнымъ исходомъ изъ этого положенія..... является переходъ къ землевладѣнію въ отдѣльныхъ отрубныхъ участкахъ. Тѣ весьма существенныя препятствія, которыя встрѣчаются на этомъ пути, конечно, не могутъ служить причиною къ отказу отъ всемѣрнаго стремленія осуществить на практикѣ этотъ идеальный порядокъ. Однако, не слѣдуетъ скрывать, что на добровольный переходъ цѣлыми обществами, по приговорамъ ихъ сходовъ, къ владѣнію въ отрубныхъ участкахъ надѣяться нѣтъ возможности»....

Поэтому необходимо..... «облегчить отдѣльнымъ крестьянамъ выдѣленіе своихъ земель изъ общаго состава надѣла къ одному мѣсту, съ тѣмъ, чтобы на этихъ выдѣленныхъ участкахъ они могли безпрепятственно примѣнять тѣ системы хозяйства, которыя при данномъ уровнѣ ихъ общаго развитія и степени ихъ зажиточности являются для нихъ наиболѣе прибыльными. Лишь съ теченіемъ времени, когда крестьяне убѣдятся на примѣрѣ отдѣльныхъ хозяевъ въ значеніи выдѣла участковъ къ одному мѣсту для ихъ экономическаго благосостоянія, можетъ проявиться среди нихъ общее теченіе въ указанномъ направленіи.....

Само собою, однако, разумѣется, что выдѣлъ участковъ отдѣльнымъ крестьянамъ долженъ быть обставленъ опредѣленными условіями, ограждающими большинство членовъ общества отъ постоянныхъ передѣловъ, безъ коихъ выдѣлъ владѣній единичныхъ хозяевъ въ большинствѣ случаевъ не представляется возможнымъ.

Подробныя въ семъ отношеніи правила, въ одинаковой мѣрѣ ограждающія какъ права общины, взятой въ совокупности, такъ и интересы единичныхъ домохозяевъ, должны, между прочимъ, составить предметъ проектируемаго положенія о надѣльныхъ земляхъ.

Остановившись на этомъ рѣшеніи, коммиссія признала, что наряду съ мѣрами, направленными къ коренному измѣненію всей постановки крестьянскаго хозяйства и преслѣдующими установленіе, можно сказать, идеальнаго порядка крестьянскаго землепользованія, далеко небезполезно предусмотрѣть способы частичнаго устраненія наблюдаемыхъ въ этой области недостатковъ. Какъ уже было неоднократно указано, одной изъ весьма существенныхъ причинъ, понижающихъ доходность крестьянскаго хозяйства, является существующая въ многихъ сельскихъ

обществахъ отдаленность полевыхъ угодій отъ усадебней осѣдлости. Явленіе это наблюдается, главнымъ образомъ, въ тѣхъ обществахъ, которыя заключаютъ въ своемъ составѣ нѣсколько сотенъ, а иногда и тысячъ домохозяйствъ и въ соотвѣтствіи съ этимъ владѣютъ десятками тысячъ десятинъ, причемъ, однако, общества эти составляютъ лишь одно селеніе. Понятно, что часть полевыхъ угодій подобныхъ обществъ находится на разстояніи десятковъ верстъ отъ ихъ селитьбенныхъ мѣстъ. Разселеніе такихъ обществъ въ предѣлахъ ихъ надѣльной земли нѣсколькими отдѣльными поселками, хотя и не представитъ всѣхъ тѣхъ выгодъ, которыя сулитъ хуторское хозяйство, однако, въ значительной степени улучшитъ условія землепользованія крестьянъ..... Въ этомъ отношеніи наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ явилось бы предоставленіе извѣстной опредѣленной части сельскихъ обществъ права требовать выдѣла къ одному мѣсту причитающейся имъ доли общественной надѣльной земли, при томъ, само собою разумѣется, условіи, чтобы выдѣляющіеся выселились на отводимую имъ землю. По мнѣнію коммиссіи, постепенная разбивка крупныхъ селеній на отдѣльные незначительные выселки..... явилась бы промежуточной стадіей къ переходу крестьянъ на отдѣльные отрубные участки.....

Однако, ни установленіе порядка выхода отдѣльныхъ крестьянъ на отрубные участки, ни устраненіе формальныхъ препятствій къ разселенію многолюдныхъ обществъ въ предѣлахъ ихъ надѣла особыми незначительными выселками не обезпечатъ сколько нибудь широкаго распространенія этихъ явленій на практикѣ. Законъ самъ по себѣ можетъ дать лишь почву для этого движенія, но, разумѣется, не въ силахъ устранить тѣ матеріальныя препятствія, которыя встрѣчаются на его пути. Препятствія эти, какъ уже было указано коммиссіей, весьма существенныя—а именно: значительность расходовъ, сопряжен-

ныхъ съ переносомъ жилыхъ и хозяйственныхъ построекъ, а въ особенности отсутствіе въ большинствѣ мѣстностей центра и юга Россіи воды, безъ наличности которой ни одно поселеніе немыслимо. Помочь этому возможно только при созданіи искусственныхъ водохранилищъ, посредствомъ запруженія овраговъ и балокъ, или вырытіемъ колодцевъ, что, однако, возможно въ степныхъ мѣстностяхъ лишь при весьма значительномъ углубленіи въ нижніе почвенные слои. Само собою разумѣется, что производство такихъ работъ весьма дорого и рѣшительно не подъ силу не только отдѣльнымъ домохозяевамъ, но и цѣлымъ обществамъ.

Все изложенное приводитъ къ убѣжденію, что проведеніе въ жизнь проектированныхъ правилъ возможно лишь при непосредственномъ участіи въ этомъ дѣлѣ государственной власти. Чтобы установляемыя по сему предмету правила получили широкое примѣненіе въ жизни, необходимы мѣры иного, не законодательнаго порядка, а преимущественно свойства матеріальнаго.

На ряду съ этимъ въ высокой степени желательно изыскать способы побужденія сельскихъ обществъ къ добровольному выдѣлу изъ состава принадлежащаго имъ надѣла отдѣльныхъ частей онаго въ обособленное распоряженіе и пользованіе какъ немногочисленныхъ группъ крестьянъ, желающихъ образовать особые выселки, такъ и отдѣльныхъ домохозяевъ, стремящихся къ переходу на отрубные участки.....; для того же, чтобы разселеніе крупныхъ селъ незначительными поселками, а въ особенности выдѣленіе владѣній отдѣльныхъ крестьянъ въ обособленные отрубные участки получило широкое развитіе, необходимо, чтобы это движеніе пользовалось сочувствіемъ не только со стороны выселяющихся, но и со стороны остающихся въ коренномъ селеніи.....

Обращаясь къ изысканію тѣхъ мѣръ, которыя могли бы содѣйствовать развитію среди всей массы сельскаго населенія какъ охоты выселяться изъ коренного селенія, такъ, въ особенности, охоты къ выдѣлу причитающейся выселяющимся доли общаго надѣла, коммиссія полагала, что наиболѣе дѣйствительною мѣрою въ этомъ отношеніи могло бы явиться предоставленіе какъ самимъ выселяющимся, такъ и остающимся въ коренномъ селеніи крестьянамъ нѣкоторыхъ особыхъ податныхъ льготъ, какъ, напр., освобожденіе отъ взноса, въ теченіе опредѣленнаго срока, причитающихся съ нихъ выкупныхъ платежей. Проектировать подробныя по сему предмету правила, съ точностью опредѣлить предѣлъ могущихъ быть предоставленными въ указанномъ отношеніи льготъ сельскимъ обществамъ коммиссія, однако, не сочла себя въ правѣ, полагая, что это выходитъ изъ предѣловъ возложенной на нее задачи. Въ соотвѣтствіе съ этимъ коммиссія признала нужнымъ ограничиться въ этомъ вопросѣ внесеніемъ въ общее свое заключеніе къ выработаннымъ ею законопроектамъ особаго отдѣла, въ которомъ было бы высказано предположеніе о предоставленіи Министру Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами, изыскать особыя льготы для сельскихъ обществъ, выдѣляющихъ изъ состава принадлежащаго имъ надѣла отдѣльныя части въ самостоятельное пользованіе выселяющимся отдѣльнымъ крестьянамъ или союзамъ ихъ.

На ряду съ этимъ коммиссія находила, однако, что среди мѣръ, направленныхъ къ усовершенствованію землепользованія крестьянъ, имѣется одна, безъ немедленнаго осуществленія которой никакой прогрессъ въ этомъ дѣлѣ невозможенъ. Мѣра эта состоитъ въ предоставленіи въ распоряженіе крестьянскихъ обществъ межевыхъ техническихъ силъ. Дѣйствительно, безъ землемѣрныхъ работъ, нерѣдко весьма сложныхъ, немыслимо

крестьянскому обществу выдѣлить изъ общаго состава принадлежащаго ему надѣла причитающуюся выселяющимся членамъ часть онаго.

Но успѣшное выполненіе межевыхъ работъ, сопряженныхъ съ упомянутыми выдѣлами части надѣльной земли, по мнѣнію коммиссіи, можетъ быть достигнуто исключительно при условіи сосредоточенія всего межевого по надѣльнымъ крестьянскимъ землямъ дѣла въ крестьянскихъ учрежденіяхъ, а именно въ губернскихъ присутствіяхъ. Предположеніе это вызываетъ необходимость учрежденія при каждомъ губернскомъ присутствіи должности межевого ревизора, къ обязанности коего относилась бы ревизія межевыхъ дѣйствій на мѣстѣ производства работъ и повѣрка составленныхъ землемѣрами межевыхъ плановъ и документовъ. Засимъ, необходимо предоставить въ распоряженіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ потребныя средства для содержанія при каждомъ губернскомъ присутствіи нѣкотораго числа штатныхъ землемѣровъ. Состоящіе нынѣ при этихъ учрежденіяхъ, работающіе по вольному найму, частные землемѣры совершенно не удовлетворяютъ своему назначенію, главнымъ образомъ, въ виду того, что дѣятельность ихъ не подчинена сколько нибудь дѣйствительному надзору. Ошибки и намѣренныя неправильности въ ихъ работахъ—явленіе почти заурядное, что, разумѣется, подрываетъ къ нимъ довѣріе у мѣстнаго населенія. Въ результатѣ, произведенныя означенными землемѣрами работы въ значительной части безплодны, такъ какъ, при ихъ освидѣтельствованіи губернской чертежной, онѣ признаются неисправными и оставляются безъ утвержденія.

Обращаясь къ предположительному исчисленію новыхъ расходовъ казны, сопряженныхъ съ осуществленіемъ этихъ послѣднихъ мѣръ, коммиссія признала, что..... размѣръ ихъ будетъ зависѣть отъ количества возникающихъ землеустроительныхъ

работъ. Всячески, достигнуть значительныхъ размѣровъ расходъ этотъ едва ли можетъ. Засимъ, если бы даже онъ и превысилъ нѣсколько сотъ тысячъ рублей въ годъ, то и въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ отъ него отказываться. Расходъ этотъ надлежитъ причислить къ наиболѣе производительнымъ, который сторицею окупится достигнутыми за его счетъ результатами въ области землеустройства.

Предоставленіе техническихъ силъ въ распоряженіе крестьянскихъ учрежденій вызывается не одною лишь желательностью открыть крестьянамъ возможность болѣе производительнымъ образомъ разбить между собою отведенныя имъ надѣльныя земли. Мѣра эта въ равной, если не въ большей степени, оправдывается необходимостью отграничить крестьянскія надѣльныя земли и укрѣпить ихъ прочными межевыми знаками. Неопредѣленность крестьянскихъ владѣній была уже указана выше коммиссіей, при чемъ выяснены и тѣ неблагопріятныя послѣдствія, коихъ она является причиной. Укрѣпить чувство уваженія къ чужой земельной собственности, устранить возникающія на почвѣ земельныхъ споровъ нарушенія земскаго мира и добрыхъ сосѣдскихъ отношеній возможно лишь незамедлительнымъ завершеніемъ этой стороны поземельнаго устройства крестьянъ. Наконецъ, лишь съ помощью межевыхъ силъ возможно будетъ устранить еще одно явленіе, препятствующее развитію сельскаго хозяйства и нарушающее спокойное пользованіе землей, а именно существующую во многихъ мѣстностяхъ крайнюю чрезполосность надѣльныхъ земель съ угодьями смежныхъ владѣній.

При этомъ коммиссія приняла во вниманіе, что однимъ предоставленіемъ въ распоряженіе крестьянскихъ учрежденій землемѣрныхъ силъ нѣтъ возможности достигнуть ни отграниченія надѣловъ, ни тѣмъ болѣе ихъ разверстанія при чрезпо-

лосности. Для сего необходимо, кромѣ того, составить особыя правила, опредѣляющія порядокъ производства обоихъ указанныхъ дѣйствій, а также устанавливающія болѣе упрощенный способъ разрѣшенія возникающихъ на мѣстахъ пограничныхъ споровъ. Разработка означенныхъ правилъ должна составить необходимое дополненіе трудовъ коммиссіи въ области крестьянскаго землепользованія». (Тр. т. I, стр. 84—99).

По поводу изложенныхъ соображеній ред. коммиссіи въ печати были высказаны слѣдующіе критическіе отзывы:

„С.-Петербургскій Земскій Вѣстникъ“, іюль 1904 г., статья г. Ф. Граудина „Нѣсколько замѣчаній къ проекту положенія о надѣльныхъ земляхъ“:

....«*II* *). *Экономическое значеніе проектируемой мѣры.* Людямъ, не изучившимъ основательно сельское хозяйство теоретически и практически, чрезвычайно трудно оцѣнить по достоинству, поистинѣ, великое экономическое и государственное значеніе проектируемыхъ мѣропріятій, направленныхъ къ устройству надѣльныхъ земель на новыхъ началахъ хуторского пользованія.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе объ этомъ значеніи и вызвать въ обществѣ болѣе или менѣе сознательное отношеніе къ предполагаемымъ спеціальнымъ мѣропріятіямъ въ области улучшенія крестьянскаго быта, приведемъ слѣдующій расчетъ, основанный на массовыхъ наблюденіяхъ.

На полную обработку одной десятины посѣвной площади въ Россіи употребляется около 30 рабочихъ дней **), при хуторской же системѣ всего около 15 дней, т. е. вдвое меньше. Такъ какъ главнѣйшія полевыя работы (пахота, вывозка навоза, сѣвъ, уборка) занимаютъ въ лѣтнее рабочее время, въ сложности, около 60 дней, то отсюда вытекаетъ, что нашъ крестьянинъ-рабочій въ состояніи обработать только 2 десятины посѣва, хуторянинъ же и заграничный фермеръ обрабатываютъ не менѣе 4 десятинъ посѣва (считая на одного взрослаго рабочаго), т. е. вдвое большую площадь, получая вмѣстѣ съ тѣмъ и вдвое большій доходъ отъ хозяйства. Этотъ выводъ можно подтвердить цѣлымъ рядомъ статистическихъ данныхъ.

Такъ въ Россіи на душу земледѣльческаго населенія приходится

*) I отд. статьи озаглавленъ: «*Предположенія редакціонной коммиссіи объ устройствѣ крестьянскихъ земель отдѣльными хуторами и выселками*» и заключаетъ лишь пересказъ правилъ выработаннаго коммиссіей проекта.

**) «Вмѣстѣ съ праздниками». (Прим. авт. ст.).

0,74 дес. посѣва, въ Даніи 1,49 дес., въ Соединенныхъ Штатахъ 2,22 дес., въ Канадѣ 3,45 дес., въ Англіи 1,5 дес., въ Германіи 1,225 дес., во Франціи 1,21 дес. и т. д.

Спрашивается, почему нашъ крестьянинъ тратитъ на обработку 1 десятины земли вдвое больше рабочаго времени и соотвѣтственно этому обрабатываетъ вдвое меньшую площадь и получаетъ вдвое меньшій доходъ, чѣмъ хуторянинъ или фермеръ?

Простой расчетъ показываетъ, что иначе и быть не можетъ, потому что у насъ половина рабочаго времени тратится непроизводительно—на переѣзды и переходы на поля и обратно и съ одного участка на другой.

Для полной обработки одной десятины надо сдѣлать около 60 оборотовъ на поля и обратно, въ томъ числѣ 40 оборотовъ на вывозку навоза (если считать 40 возовъ навоза на десятину), 10 оборотовъ на свозку хлѣба и 10 оборотовъ на всѣ прочія работы.

Если принять, что у насъ среднее разстояніе полей отъ домовъ составляетъ 3 версты, то при такомъ разстояніи, согласно урочнаго положенія, 60 оборотовъ съ нагруженной телѣгой можно сдѣлать въ 12 дней *). Значитъ, одна только чрезмѣрная отдаленность полей отъ домовъ, при обработкѣ каждой десятины, поглощаетъ непроизводительно 12 дней. Кромѣ того, 3—6 дней уходитъ на переходы и переѣзды съ одного участка на другой. Отсюда видно, что нашъ крестьянинъ, употребляя, въ среднемъ, 30 рабочихъ дней на обработку посѣвной десятины, теряетъ непроизводительно не менѣе половины этого числа дней, такъ что на производительную работу остаются тѣ же 15 дней, которые тратитъ на обработку одной десятины хуторянинъ.

Такъ какъ при постоянныхъ переѣздахъ даромъ пропадаетъ не только человѣческій трудъ, но также трудъ рабочаго скота, быстро изнашиваются телѣги, сбруя и всякій инвентарь, то можно принять, что на нашемъ крестьянинѣ, вслѣдствіе нелѣпаго земельнаго устройства, лежитъ двойное бремя затратъ и издержекъ земледѣльческаго производства.

Проектируемыя правительствомъ мѣры къ содѣйствію хуторскому разселенію имѣютъ своей цѣлью снять съ крестьянина одно такое бремя. Этимъ самымъ будетъ дана возможность крестьянину засѣвать, вмѣсто засѣваемыхъ теперь 36% всей удобной надѣльной земли (кромѣ лѣса)—72%, что должно увеличить народный доходъ вдвое.

*) «При 3-верстномъ разстояніи въ день можно сдѣлать 5 оборотовъ». (Прим. авт. ст.).

Но этимъ еще не исчерпывается все значеніе проектируемыхъ мѣропріятій.

Всякая работа, половина которой пропадаетъ даромъ, безо всякой пользы, дѣлается по крайней мѣрѣ, вдвое неохотнѣе, чѣмъ вполнѣ плодотворная работа. Результатомъ этого является то, что нашъ крестьянинъ посвящаетъ земледѣльческому производству не болѣе 3 мѣсяцевъ въ году, хуторянинъ же, у котораго земля подъ руками, 5—6 мѣсяцевъ. 2-3 мѣсяца въ послѣднемъ случаѣ употребляются на увеличеніе плодородія почвы. Есть цѣлый рядъ работъ, которыя примѣняются только при близости полей и о которыхъ нашъ крестьянинъ обыкновенно не думаетъ. Таковы: лишняя вспашка паровъ, вспашка на зябь, многократное боронованіе, разбивка комьевъ на поляхъ, перекопка земли съ цѣлью углубленія почвеннаго слоя, полка, мотыженіе, окучиваніе, выравниваніе и утаптываніе снѣга на поляхъ съ цѣлью сбереженія влаги, вывозка въ поле всѣхъ отбросовъ хозяйства, не исключая мочи животныхъ и человѣческаго золота, окопка полей канавами и обсадка живыми изгородями, срѣзываніе кочекъ на лугахъ, боронованіе луговъ, очистка ихъ отъ порослей, мха, кустарника и т. п.

Эти работы, этотъ *тщательный любовный уходъ за землею*, примѣняются только тамъ, гдѣ земля подъ руками, гдѣ поэтому исполнять ихъ легко— въ свободное отъ обычныхъ полевыхъ работъ время. Тамъ же, гдѣ земля далеко отстоитъ, такой уходъ почти совершенно неизвѣстенъ, почему лѣтнее рабочее время земледѣльца остается неиспользованнымъ, съ пустыми, незанятыми промежутками, сильно *пористымъ*, если можно такъ выразиться. Этимъ и объясняется то видимое противорѣчіе, которое заключается, съ одной стороны, въ экстенсивной обработкѣ нашими крестьянами сравнительно незначительной площади земли, а съ другой — въ существованіи избытка рабочихъ рукъ въ деревнѣ, остающихся неиспользованными даже въ лѣтній періодъ. Это противорѣчіе объясняется тѣмъ, что недостатокъ рабочихъ рукъ въ горячее время полевыхъ работъ, напр., во время жатвы, уживается рядомъ съ громаднымъ избыткомъ ихъ въ остальное время. Такъ, по даннымъ Департамента Окладныхъ Сборовъ, половина всѣхъ рабочихъ рукъ въ деревнѣ не нужна для обработки земли.

Равномѣрное использованіе рабочихъ силъ на увеличеніе плодородія близкихъ полей имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что урожаи при хуторской системѣ при тѣхъ же затратахъ, что и у насъ, по крайней мѣрѣ вдвое больше нашихъ обычныхъ урожаевъ. У насъ чистый сборъ хлѣба

съ десятины (т. е. за вычетомъ сѣмянъ) составляетъ, въ среднемъ выводѣ за рядъ лѣтъ, 30 пудовъ, тогда какъ при хуторской системѣ онъ нигдѣ не спускается ниже 60 пудовъ; обыкновенно же бываетъ значительно больше, достигая 100 и болѣе пудовъ.

Выходитъ, что у насъ рабочій добываетъ хлѣба въ годъ 30 пудовъ × 2 = 60 пуд., при хуторской же системѣ 60 пудовъ × 4 = 240 пуд., т. е. въ 4 раза больше. Увеличеніе вчетверо производительности земледѣльческаго труда достигается, такимъ образомъ, не какими-нибудь новыми пріемами культуры, каковы: улучшенные сѣвообороты, химическія удобренія, машины и т. п., а самыми обыкновенными, универсальными, всѣмъ крестьянамъ хорошо извѣстными средствами. Для этого, какъ видно, не требуется ни предварительнаго умственнаго и культурнаго развитія населенія, ни спеціальныхъ знаній, ни повышенія обезпеченности населенія инвентаремъ и оборотными средствами. *Производительность труда и земли можетъ быть увеличена вчетверо исключительно благодаря лучшему техническому устройству хозяйства, благодаря переходу къ хуторской системѣ.*

Впослѣдствіи же, благодаря переходу къ раціональному сѣвообороту, спеціальнымъ культурамъ и интенсивному скотоводству, которые помогаютъ использовать производительно также зимнее время, производительность хозяйства можетъ еще болѣе увеличиться.

Такимъ образомъ, переходъ къ хуторскому хозяйству долженъ вызвать быстрый и значительный подъемъ хозяйства. Это и подтверждается всѣми наблюденіями. Ограничусь указаніемъ на результаты изслѣдованія Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства. Спеціальная коммиссія по вопросу о хуторахъ, работавшая въ концѣ 70-хъ годовъ, на основаніи собранныхъ данныхъ, пришла къ заключенію, что, переходя къ хуторской формѣ хозяйства, крестьянская семья начинаетъ обрабатывать земли вдвое больше, чѣмъ обрабатывала раньше при деревенской черезполосицѣ и при томъ лучше, старательнѣе, получая болѣе высокіе урожаи.

Такимъ образомъ, если работникъ въ деревнѣ зарабатывалъ 50 руб. въ годъ, то на хуторѣ онъ долженъ зарабатывать въ 4 раза больше, т. е. 200 руб., а если въ деревнѣ онъ зарабатывалъ 100 руб., то на хуторѣ онъ будетъ зарабатывать 400 руб.

За границей переходъ крестьянъ въ первой половинѣ 19 вѣка отъ черезполоснаго къ фермерскому хозяйству вызвалъ такой же глубокій переворотъ въ земледѣліи, какой машина произвела въ промышленности.

Великое прогрессивное значеніе этого перехода констатируютъ всѣ изслѣдователи.

Вильгельми, «проникнутый убѣжденіемъ въ безконечной спасительности этой мѣры», обращаетъ особое вниманіе на результаты сепараціи (т. е. раздѣла земель особняками) въ нравственномъ отношеніи.

«Подъемъ энергіи, говоритъ онъ, вызвалъ такую охоту къ труду и стремленіе къ улучшеніямъ, что община въ нѣсколько лѣтъ стала неузнаваемой».

Приводя цѣлый рядъ отзывовъ, свидѣтельствующихъ о великомъ значеніи сепараціи для сельскохозяйственной культуры и народнаго благосостоянія, Шенкъ говоритъ:

«Также и другія экономическія и сельскохозяйственныя сочиненія содержатъ весьма отрадныя указанія на результаты разверстанія земель. Лица, участвовавшія въ разверстаніи или знакомыя съ дѣломъ по наблюденіямъ, описали въ этихъ сочиненіяхъ тѣ выгоды, которыя дала эта операція общинамъ. Выдающіеся ученые, проникнутые убѣжденіемъ, что всеобщее осуществленіе этой мѣры принадлежитъ къ наилучшимъ средствамъ къ поднятію народнаго благосостоянія, всю свою жизнь посвятили этому дѣлу».

Директоръ центральной сельскохозяйственной школы въ Баваріи Венцъ говоритъ: «въ мѣстностяхъ, гдѣ произведена сепарація, считается несомнѣннымъ фактомъ, что лучшая корова передъ этой операціей была гораздо хуже, чѣмъ худшая корова послѣ сепараціи. Общепризнано, что этотъ фактъ обнаруживается повсемѣстно черезъ 3—5 лѣтъ послѣ разверстанія земель».

Лэбе пишетъ: «нельзя отрицать, что раздѣлъ черезполосныхъ земель представляетъ глубокую операцію; но эта операція вырѣзываетъ только гнилыя части, чтобы здоровыя развивались тѣмъ сильнѣе; она неизмѣримо важна для сельскохозяйственной культуры вообще и для благосостоянія каждаго, кого она касается, въ особенности. Поэтому глубоко жаль, что несмотря на тысячи блестящихъ примѣровъ, имѣющихся у всѣхъ передъ глазами, существуютъ еще цѣлыя страны и мѣстности, гдѣ люди до такой степени предубѣждены противъ разверстанія земель и такъ крѣпко держатся старины, что открытыми глазами не видятъ и отказываются отъ средствъ, которыя мудрое законодательство предлагаетъ имъ, чтобы вѣрнѣйшимъ путемъ повысить ихъ благосостояніе и дать имъ возможность извлекать доходы, о которыхъ они раньше не мечтали».

Профессоръ Ганзенъ говоритъ: «Едва ли существуетъ во всей области экономической политики другая мѣра, которая, при всеобщемъ признаніи ея величайшей пользы, примѣнялась бы такъ рѣдко, какъ округленіе земель и связанное съ нимъ правильное устройство полей». Онъ считаетъ поэтому необходимымъ, чтобы постоянно говорили и писали объ этомъ предметѣ, при томъ въ формѣ, доступной крестьянину, обосновывая выводы научными соображеніями и историческими примѣрами.

Эстъ называетъ разверстаніе черезполосныхъ владѣній на сплошные участки «первымъ и важнѣйшимъ шагомъ къ основательному, прочному и всеобщему улучшенію сельскаго хозяйства».

Гацфельдъ пишетъ: «сепарація не преслѣдуетъ другой цѣли, кромѣ счастья земледѣльца, а что послѣднее этимъ путемъ вполнѣ достигается— доказываютъ примѣры. Село Потумъ представляетъ убѣдительное доказательство того, какъ велико значеніе этой мѣры. Вслѣдствіе чрезвычайной черезполосности полей крестьяне стали лѣнивыми и до того обѣднѣли, что почти всѣ ходили по міру. Поля и луга этого села были, наконецъ, разбиты на сплошные участки, и вотъ всѣ получили свѣжій толчокъ къ культивированію своихъ земель. Это имѣло до такой степени благотворное вліяніе, что въ такой короткій срокъ, какъ 3 года, жители стали настолько состоятельными, что могли уже содержать священника и платить ему жалованье».

Все вышеизложенное ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія то, что если новое законоположеніе о крестьянахъ окажется дѣйствительнымъ и цѣлесообразнымъ въ смыслѣ реорганизаціи первобытнаго земельнаго устройства крестьянъ на новыхъ началахъ хуторского пользованія, то мы находимся наканунѣ новой «эпохи великихъ реформъ».

Трудно даже представить себѣ другую реформу, которая бы могла такъ быстро увеличить производительность народнаго труда и открыть передъ страною столь широкіе и свѣтлые горизонты.

Поэтому въ настоящее время всѣ усилія, все вниманіе должны быть направлены къ тому, чтобы законодательный проектъ государственнаго содѣйствія преобразованію существующаго земельнаго строя былъ разработанъ возможно болѣе раціонально. Для этого было бы крайне желательно и полезно воспользоваться богатымъ западно-европейскимъ опытомъ. На основаніи изученія этого опыта можно сдѣлать нѣкоторые положительные выводы, которые, измѣненные сообразно съ мѣстными условіями, вполнѣ

примѣнимы и у насъ въ Россіи и должны быть положены въ основу предстоящей земельной политики.

III. Основанія земельной политики. Въ основу проекта новаго законодательства о крестьянахъ положена идея неприкосновенности общиннаго землевладѣнія—въ самомъ широкомъ и истинномъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ всей совокупности надѣльныхъ земель, какъ при уравнительномъ, такъ и подворно-наслѣдственномъ землепользованіи. Въ этомъ нельзя не усмотрѣть высокой государственной мудрости составителей проекта.

Приравнивать надѣльныя земли къ частной земельной собственности,—говоритъ редакціонная коммиссія,—очевидно нельзя, хотя бы въ силу того обстоятельства, что при ихъ отводѣ имѣлись въ виду отнюдь не частные интересы отдѣльныхъ лицъ, а неизмѣримо болѣе широкія общегосударственныя цѣли, а именно—обезпеченіе преобладающей массы крестьянства прочнымъ источникомъ средствъ существованія. Поэтому надѣльныя земли, имѣя государственное значеніе и служа обезпеченіемъ быта крестьянъ, не могутъ составлять предметъ свободнаго гражданскаго оборота и потому не подлежатъ дѣйствію общихъ гражданскихъ законовъ, а должны быть подчинены особымъ постановленіямъ, направленнымъ къ охраненію тѣхъ задачъ, для достиженія коихъ эти земли были предоставлены крестьянамъ. Стремленіе осуществить эти задачи вполнѣ оправдываетъ надзоръ и вмѣшательство государства въ дальнѣйшія судьбы надѣльныхъ земель. Полагать, что земли эти безъ установленія особыхъ, касающихся ихъ распоряженія и пользованія правилъ, сохранятъ свое первоначальное значеніе—нѣтъ возможности.

Правила эти должны касаться одинаково, какъ общинныхъ, такъ и подворно-наслѣдственныхъ земель. Обѣ эти формы землепользованія, въ томъ видѣ, какъ онѣ сложились у насъ, заключаютъ многія существенныя препятствія къ полному развитію индивидуальныхъ способностей отдѣльныхъ крестьянъ и къ болѣе совершенному использованію ими производительныхъ силъ почвы. Существующіе въ этомъ отношеніи тормазы проистекаютъ не изъ юридической природы общиннаго и подворнаго землевладѣнія, а имѣютъ матеріальный характеръ. Это—чрезполосность и дробность отдѣльныхъ, принадлежащихъ каждому двору земельныхъ участковъ или полосъ, равно какъ и длинноземелье и удаленность пахотныхъ угодій отъ усадебной осѣдлости. Поэтому „необходимы не измѣненіе юридическаго характера владѣнія землею, а мѣры иного порядка, изъ коихъ многія въ

одинаковой степени примѣнимы, какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ землепользованіи, а именно: уничтоженіе дробности и черезполосности земель отдѣльныхъ крестьянъ, сведеніе полосъ каждаго двора въ одинъ отрубной участокъ, словомъ—переходъ къ хуторскому хозяйству".

Такимъ образомъ, задачей предстоящей земельной политики государства является *содѣйствіе переходу крестьянъ къ отрубному хуторскому хозяйству на надѣльныхъ земляхъ, остающихся неотчуждаемой, неприкосновенной, въ юридическомъ отношеніи, собственностью крестьянскихъ общинъ.*

По вопросамъ общиннаго землевладѣнія и хуторской системы хозяйства имѣется у насъ, какъ извѣстно, чрезвычайно обширная литература. Кто знакомъ съ этой литературой, для того должно быть очевидно, что вопросы эти никогда еще не получили въ этой литературѣ такой ясной формулировки, какая имъ дана въ „Очеркѣ работъ редакціонной коммиссіи". Въ нашей литературѣ хуторское хозяйство обыкновенно смѣшивается съ подворно-участковымъ землевладѣніемъ и противопоставляется общинѣ. Ничего не можетъ быть ошибочнѣе и пагубнѣе такого заблужденія. Хуторское хозяйство не только вполнѣ совмѣстимо съ общиннымъ землевладѣніемъ, но даже переходъ къ такому хозяйству при общинномъ строѣ гораздо легче осуществимъ, чѣмъ при строѣ подворно-наслѣдственномъ. Отъ указанной путаницы понятій работа редакціонной коммиссіи, повидимому, свободна.

Какими же законодательными, техническими и иными мѣрами надлежитъ содѣйствовать переходу крестьянъ къ идеальному хуторскому хозяйству?

Редакціонная коммиссія, какъ мы уже видѣли, полагаетъ, что содѣйствіе это на первыхъ порахъ должно заключаться въ облегченіи отдѣльнымъ крестьянамъ и группамъ крестьянъ выдѣленія ихъ земель изъ общаго состава надѣла отдѣльными хуторами и выселками. Впослѣдствіи, когда крестьяне убѣдятся на примѣрѣ отдѣльныхъ хозяевъ въ экономическомъ значеніи выдѣла участковъ къ одному мѣсту, можетъ проявиться среди нихъ общее теченіе въ указанномъ направленіи. По мнѣнію коммиссіи, въ настоящее время на „добровольный переходъ цѣлыми обществами, по приговорамъ ихъ сходовъ, къ владѣнію въ отрубныхъ участкахъ надѣяться нѣтъ возможности. Такой огульный переходъ можетъ состояться лишь въ видѣ рѣдкихъ исключеній, да и то въ малочисленныхъ обществахъ. Большинство населенія неизмѣнно, всегда и вездѣ, склонно придерживаться

стародавнихъ обычаевъ и попытки отдѣльныхъ, обладающихъ большей предпріимчивостью домохозяевъ склонить общество къ какимъ-либо новшествамъ, сколь бы они ни были разумны, остаются безплодными".

Съ этимъ взглядомъ коммиссіи трудно согласиться. Можно заранѣе сказать, что если законоположеніе будетъ разработано въ смыслѣ облегченія выдѣловъ изъ общаго надѣла только единичныхъ передовыхъ домохозяевъ или отдѣльныхъ группъ послѣднихъ, и если правительство не будетъ содѣйствовать сплошнымъ раздѣламъ черезполосныхъ общинныхъ территорій, то оно едва ли достигнетъ цѣли, и техническимъ силамъ при губернскихъ присутствіяхъ, пожалуй, нечего будетъ дѣлать. Дѣло въ томъ, что частичный выдѣлъ изъ общаго надѣла осуществимъ труднѣе, а сплошной раздѣлъ черезполосной территоріи осуществимъ легче, чѣмъ предполагаетъ редакціонная коммиссія.

Это легко доказать a priori и вполнѣ подтверждается заграничнымъ и русскимъ массовымъ опытомъ.

Выдѣлъ въ одной межѣ одного или немногихъ домохозяевъ представляетъ неудобство для общины, такъ какъ вызываетъ передвижку, переверстку земель всѣхъ домохозяевъ, съ ломкою межъ или съ увеличеніемъ черезполосицы. Поэтому домохозяева, остающіеся при черезполосномъ пользованіи, мало выигрывая отъ такого выдѣла, претерпѣваютъ весьма ощутительную ломку земельнаго хозяйства. Если подобные выдѣлы будутъ повторяться часто, то среди домохозяевъ, остающихся при старомъ порядкѣ землепользованія, можетъ появиться безпокойство и недовольство и, во всякомъ случаѣ, община будетъ всякими средствами тормозить такіе выдѣлы. Это подтверждаетъ, между прочимъ, исторія преобразованія первобытнаго земельнаго строя въ Пруссіи. Прусскій законъ 1821 года „о раздѣлѣ общинъ", разрѣшавшій выдѣлъ изъ общиннаго пользованія отдѣльныхъ домохозяевъ, былъ вслѣдствіе указаннаго неудобства видоизмѣненъ въ 1838 году въ томъ смыслѣ, что допускаются выдѣлы сразу не менѣе $^1/_4$ всѣхъ членовъ общины и что послѣ состоявшагося такимъ путемъ выдѣла слѣдующій выдѣлъ долженъ производиться не ранѣе, какъ черезъ 12 лѣтъ. Съ этого времени раздѣлу на обособленные участки стала подвергаться вся общинная территорія, и такого рода сплошные раздѣлы стали замѣнять прежніе частичные выдѣлы; вмѣстѣ съ тѣмъ преобразованіе стало распространяться гораздо успѣшнѣе и совершенно безпрепятственно, тогда какъ прежніе частичные выдѣлы подвигались впередъ чрезвычайно туго.

Вообще раздѣлъ черезполосныхъ земель на сплошные обособленные участки въ германской группѣ государствъ, а также въ Даніи, производился почти исключительно въ формѣ сплошныхъ раздѣловъ, и практика этихъ государствъ почти не знаетъ частичныхъ выдѣловъ. Точно также и въ нѣкоторыхъ западныхъ губерніяхъ Россіи, гдѣ замѣчается переходъ крестьянъ къ отрубному землепользованію, переходъ этотъ всегда происходитъ въ формѣ сплошныхъ раздѣловъ; отдѣльныхъ же домохозяевъ община всегда выдѣляетъ крайне неохотно, соглашаясь на выдѣлъ только самыхъ неудобныхъ мѣстъ на краю надѣла и то не всегда. Этимъ же объясняется то обстоятельство, что надѣлы, выкупленные на основаніи 165 ст. пол. о вык., почти всегда оставлялись въ черезполосномъ пользованіи. Общество всячески тормозило выдѣлъ такихъ надѣловъ къ одному мѣсту, и выкупившіе свои надѣлы *должны были* оставаться при прежней невыносимой разбросанности своихъ участковъ. Поэтому 165 ст. теряла почти всякое значеніе и отмѣна ея едва ли причинила крестьянству какой-либо ущербъ.

Переходъ цѣлыми обществами къ отрубному землепользованію осуществимъ гораздо легче, чѣмъ кажется на первый взглядъ. Большинство крестьянъ прекрасно сознаетъ вредъ дробности и разбросанности участковъ. Глубокое заблужденіе думать, что черезполосица соотвѣтствуетъ взглядамъ и понятіямъ крестьянъ, что крестьяне добровольно уживаются съ нею. Нѣтъ, народъ смотритъ на черезполосицу, какъ на невольную каторгу, изъ которой онъ самъ, безъ посторонней помощи, освободиться не въ силахъ. Этотъ вредный тормазъ культуры представляетъ мертвый остатокъ историческаго прошлаго и отнюдь не обусловленъ какими-нибудь реальными современными условіями жизни, потребностями или понятіями населенія.

Что „большинство населенія неизмѣнно всегда и вездѣ придерживается стародавнихъ обычаевъ“—это справедливо лишь вообще, но отнюдь не примѣнимо къ ненавистной крестьянамъ черезполосицѣ.

Автору настоящихъ строкъ много приходилось имѣть дѣла съ крестьянскимъ населеніемъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, и бесѣдовать объ устройствѣ надѣльной земли отрубными участками и о хуторскомъ разселеніи. Большинство крестьянъ безусловно готово каждый часъ, каждую минуту перейти къ хуторскому хозяйству, такъ какъ выгоды и преимущества такого порядка совершенно очевидны для нихъ. Только немногіе крестьяне, которые не могутъ сразу уяснить себѣ суть дѣла, пытаются

возражать, указывая при этомъ на мелкія и несущественныя практическія затрудненія. Я положительно утверждаю, что если бы правительство рѣшительно взялось за содѣйствіе къ устраненію черезполосицы, то крестьянское населеніе привѣтствовало бы этотъ великій освободительный шагъ съ такой же радостью, съ такимъ же восторгомъ, съ какимъ оно привѣтствовало 19 февраля 1861 г.

Западно-европейскій опытъ показываетъ, что переходъ къ хуторскому или фермерскому хозяйству распадается на 2 независимыя другъ отъ друга части: сплошное размежеваніе черезполосицы и хуторское разселеніе. Первая часть реформы нуждается въ законодательномъ и техническомъ содѣйствіи, вторая же только въ матеріальномъ. Когда при содѣйствіи правительства размежевана черезполосица, то постепенное раствореніе большихъ деревень въ массѣ отдѣльныхъ хуторовъ и небольшихъ поселковъ происходитъ само собою вполнѣ добровольно, по иниціативѣ самихъ крестьянъ, которые нуждаются для разселенія лишь въ долгосрочномъ меліоративномъ кредитѣ на перенесеніе построекъ и капитальное устройство вновь отмежеванныхъ участковъ. Для содѣйствія же разверстанію черезполосицы необходимы: 1) установленіе законодательнымъ порядкомъ обязательности сплошного размежеванія при согласіи простого большинства (т. е. болѣе 1/2) членовъ общины и 2) созданіе на мѣстахъ спеціальныхъ межевыхъ органовъ.

Въ виду этого проектъ „положенія о надѣльныхъ земляхъ“ долженъ быть соотвѣтственно дополненъ и измѣненъ, такъ какъ въ немъ не находимъ указаній на необходимость учрежденія спеціальнаго меліоративнаго кредита и установленія простого большинства голосовъ, достаточнаго для размежеванія. Руководство же даннымъ дѣломъ, согласно проекту, возлагается на губернскія присутствія, что едва ли будетъ способствовать успѣху новаго дѣла. Дѣло это настолько важно, что для него необходимо учредить особые органы, которые вѣдали бы только одно это дѣло и были бы гораздо ближе къ населенію, чѣмъ губернскія присутствія.

Попытаемся разсмотрѣть нѣсколько подробнѣе эти основныя требованія, такъ какъ отъ ихъ удовлетворенія будетъ зависѣть успѣхъ дѣла.

IV. Условія успѣшности разверстанія черезполосицы на основаніи данныхъ западно-европейскаго опыта.

Изученіе многочисленныхъ законовъ о разверстаніи черезполосицы въ связи съ ихъ практическими результатами въ германской группѣ госу-

дарствъ позволяетъ сдѣлать нѣкоторыя чрезвычайно цѣнныя заключенія относительно тѣхъ условій, которымъ должно удовлетворять цѣлесообразное аграрное законодательство, касающееся реформы первобытнаго чрезполоснаго земельнаго устройства. Условія эти, по Бруно Шлитте, сводятся къ слѣдующимъ главнѣйшимъ.

Возможно *несложное*, *скорое* и *дешевое* производство разверстанія способствуетъ его распространенію.

Законъ о разверстаніи долженъ быть составленъ возможно *кратко*. Подробности дѣла гораздо цѣлесообразнѣе опредѣлять въ особыхъ *инструкціяхъ*. Если опытъ покажетъ какіе-нибудь недостатки установленныхъ правилъ, то измѣненіе соотвѣтствующей инструкціи гораздо легче осуществимо, чѣмъ измѣненіе основного закона.

Дѣйствительность закона о разверстаніи опредѣляется, главнымъ образомъ, двумя моментами: во-первыхъ, тѣмъ или другимъ *большинствомъ голосовъ* достаточнымъ для сплошного разверстанія общины, и, во-вторыхъ, *наличностью* и *близостью къ населенію* спеціальныхъ *разверсточныхъ учрежденій*.

Что касается требуемаго большинства голосовъ, то дальше всѣхъ въ этомъ отношеніи пошли датскій и веймарскій законы, согласно которымъ для разверстанія достаточно согласія одного только члена общины. Весьма благопріятно также вліяніе прусскаго закона, по которому требуется согласіе $^1/_4$ всѣхъ членовъ, а также тюрингенскихъ законовъ. Въ районахъ дѣйствія этихъ законовъ сепарація дѣлала весьма быстрые успѣхи и почти повсемѣстно уже закончена.

Значительно медленнѣе шло преобразованіе въ тѣхъ государствахъ, гдѣ требовалось согласіе $^1/_2$ или $^2/_3$ всѣхъ владѣльцевъ общины. Таковъ законъ 1869 года, касающійся рейнской провинціи, и мало примѣнявшійся законъ 1872 г. о разверстаніи чрезполосныхъ необщинныхъ земель въ Пруссіи.

Въ общемъ, въ исторіи аграрнаго законодательства, касающагося упорядоченія земельнаго устройства во многихъ государствахъ, можно прослѣдить слѣдующую прогрессивную тенденцію. Первые законы были разсчитаны на громадное большинство голосовъ по числу владѣльцевъ; впослѣдствіи уменьшалось это большинство дополнительными узаконеніями, наконецъ оно совершенно отбрасывалось и замѣнялось согласіемъ владѣльцевъ $^1/_2$ или $^1/_4$ территоріи, подлежащей раздѣлу, при чемъ весьма часто принималась во вниманіе, вмѣсто площади владѣемой земли, сумма

уплачиваемыхъ поземельныхъ налоговъ. Такимъ образомъ, опытъ указывалъ путь къ измѣненію закона. Сначала, когда разсуждали a priori, считали сепарацію слишкомъ радикальнымъ вмѣшательствомъ въ имущественныя отношенія гражданъ и, не обращая вниманія на то, что сепарація преслѣдуетъ исключительно только хозяйственныя цѣли, опасались нежелательныхъ осложненій и недовольства. При такихъ условіяхъ безрезультатность закона и бездѣйствіе вновь созданныхъ разверсточныхъ органовъ подсказывали необходимость пониженія требуемаго для разверстанія большинства голосовъ. Къ сожалѣнію, этотъ очень дорогою цѣною купленный опытъ не могъ удержать нѣкоторыя государства, приступившія въ послѣднее время къ изданію законовъ о регулированіи земельнаго строя, отъ безплодныхъ экспериментовъ, обусловленныхъ нецѣлесообразнымъ большинствомъ голосовъ, требуемымъ для разверстанія. Если законодательная власть признала сепарацію народно-хозяйственной потребностью, говоритъ Бруно Шлитте, то намѣренно ограничивать область примѣненія закона и тормозить этимъ путемъ одну изъ величайшихъ экономическихъ реформъ, конечно, совершенно безцѣльно. Цѣлесообразнѣе совсѣмъ воздержаться отъ изданія закона, чѣмъ издавать законъ негодный, могущій лишь затруднить и оттянуть изданіе потомъ дѣйствительнаго закона и дискредитировать реформу въ глазахъ населенія.

Изложенное Бруно Шлитте резюмируетъ такъ:

Если для разверстанія общинно-черезполосныхъ земель достаточно согласія владѣльцевъ $^1/_4$ общинной территоріи, то для разверстанія земель просто черезполосныхъ, составляющихъ личную собственность, а потому, обыкновенно, и болѣе цѣнныхъ, должно требоваться согласіе владѣльцевъ $^1/_2$ площади, считая по количеству уплачиваемыхъ ими поземельныхъ налоговъ. Систему же опредѣленія допустимости разверстанія по тому или иному большинству голосовъ—слѣдуетъ вовсе оставить, какъ практически несостоятельную. При томъ всѣ владѣльцы, которые не явились въ генеральное совѣщаніе по вопросу о разверстаніи и поэтому не участвующіе въ голосованіи, должны считаться согласными на преобразованіе—условіе, введенное только въ новѣйшія законодательства.

Кромѣ установленія принципа большинства голосовъ, другимъ важнымъ условіемъ дѣйствительности закона о размежеваніи является учрежденіе спеціальныхъ *разверсточныхъ органовъ*.

Сначала возлагали руководство операціей разверстанія общинно-

черезполосныхъ земель на судебныя учрежденія, которыя въ прежнія времена являлись до извѣстной степени также органами административными. Однако, всѣ попытки въ этомъ направленіи оказались неудачными. Знаменитому нѣмецкому агроному Тэеру принадлежитъ идея отдѣленія сепараціи отъ юстиціи и администраціи и учрежденія спеціальныхъ разверсточныхъ органовъ.

Большинство сѣверныхъ и центральныхъ германскихъ государствъ послѣдовало примѣру Пруссіи и Ганновера въ отношеніи учрежденія спеціальныхъ органовъ. Другія государства долго не могли рѣшиться на учрежденіе спеціальныхъ разверсточныхъ коммиссій, руководствуясь отчасти финансовыми соображеніями, а отчасти, какъ напр. въ южной Германіи, считаясь съ нерасположеніемъ населенія къ учрежденію всякаго рода новыхъ должностей. Но и здѣсь опытъ показалъ, что ничто такъ сильно не тормозитъ реформу земельнаго устройства, какъ руководство ею судебными и административными органами, всегда заваленными своей работой и весьма рѣдко обладающими необходимыми для этого экономическими и культурно-техническими познаніями и опытомъ.

На необходимость созданія спеціальныхъ учрежденій для высшаго руководства консолидаціей въ Баденѣ, Баваріи, Вюртембергѣ, Гессенѣ и Нассау, гдѣ теперь такое руководство принадлежитъ администраціи, часто указывалось тамошними авторитетами. Въ желаніи осуществить какъ бы между дѣломъ столь важную государственную задачу, отъ того или другого разрѣшенія которой зависитъ благосостояніе или бѣдственное положеніе всей страны,—нельзя не усмотрѣть игнорированіе громадной трудности и еще большей важности этого дѣла.

Высшее разверсточное учрежденіе—генеральная коммиссія — должна представлять изъ себя, какъ это большей частью и бываетъ, коллегію изъ лицъ съ юридическими, экономическими, культурно-техническими и геодезическими познаніями. Спеціальными коммиссарами могутъ быть юристы, сельскіе хозяева, культуръ-техники, топографы и т. п., при чемъ правильное практическое осуществленіе задачи зависитъ отъ исполнителей землемѣровъ болѣе, чѣмъ отъ кого-либо.

Выдающееся значеніе имѣетъ также установленіе правильной принципіальной точки зрѣнія на сущность и задачи новаго земельнаго устройства. Чрезвычайно важно установить взглядъ на реформу, какъ на *чисто техническое* преобразованіе, преслѣдующее исключительно хозяйственныя

цѣли, а именно техническое улучшеніе земледѣлія. Этотъ взглядъ установился въ Германіи только во второй половинѣ 19-го столѣтія.

Въ концѣ 18-го и началѣ 19-го вѣка господствовавшія понятія о сущности реформы были весьма смутны и сбивчивы. Задача содѣйствія переходу крестьянъ къ хуторскому хозяйству, съ прекращеніемъ общей пастьбы скота, связывалась съ задачей уничтоженія земельной общины, т. е. съ раздѣломъ между отдѣльными владѣльцами земель общаго пользованія—пастбищъ и лѣсныхъ угодій. При этомъ на послѣднюю сторону дѣла обращалось, повидимому, особое вниманіе. Законы о разверстаніи земель, издававшіеся въ тѣ времена, называются не законами объ устраненіи черезполосицы, а законами „о раздѣлѣ общинъ". При составленіи ихъ, очевидно, предполагалось, что главнымъ препятствіемъ къ успѣшному развитію земледѣлія является *общее пользованіе* земельными угодіями, а не *разбросанность* и *отдаленность* обрабатываемыхъ участковъ отъ усадьбы, какъ хозяйственнаго центра. Если разбросанные участки и сводились къ однимъ мѣстамъ, то это сдѣлалось какъ бы между дѣломъ, попутно, при раздѣлѣ земель общаго пользованія, и главнымъ образомъ съ цѣлью прекращенія *общей пастьбы* скота на поляхъ и обязательнаго сѣвооборота. Тогда среди экономистовъ и государственныхъ дѣятелей царила безсознательная вѣра въ волшебную силу неограниченнаго права частной собственности на землю, которое, по выраженію англійскаго агронома Артура Юнга, превращаетъ „голыя скалы въ роскошные сады" и „песокъ въ золото".

Раздѣлъ земель общаго пользованія и обращеніе ихъ въ частную собственность придавали реформѣ слишкомъ радикальный характеръ, характеръ государственнаго вмѣшательства въ правовыя и имущественныя отношенія. Эта сторона реформы не могла не возбудить къ себѣ несочувствія со стороны консервативныхъ крестьянъ.

Съ средины 19-го столѣтія взглядъ общества на задачу земельнаго устройства крестьянъ начинаетъ постепенно измѣняться, и въ послѣдней четверти столѣтія устанавливается вполнѣ отрицательное отношеніе къ раздѣлу земель общаго пользованія. Экономистами высказывается уже сожалѣніе по поводу ликвидаціи общественныхъ земель, которыя, если бы онѣ не были раздѣлены и обращены въ частную собственность, могли бы служить фондомъ для постепеннаго надѣленія землею безземельныхъ крестьянъ. Въ этомъ смыслѣ говорятъ уже объ исторической ошибкѣ, допу-

щенной правительствомъ при земельной реформѣ въ первой половинѣ столѣтія.

Такимъ образомъ, во второй половинѣ 19-го вѣка мало-по-малу устанавливается взглядъ на преобразованіе первобытнаго земельнаго устройства какъ на чисто техническую операцію, не преслѣдующую никакой другой цѣли, кромѣ сведенія разбросанныхъ участковъ къ однимъ мѣстамъ (Zusammenlegung der Grundstücke) и лучшаго устройства полей (die bessere Eintheilung der Felder), что дѣлаетъ возможнымъ постепенное и вполнѣ добровольное перенесеніе крестьянами своихъ усадебъ изъ деревни въ поле (Abbau) на отмежеванные отрубные участки. Земли общаго пользованія остаются при этомъ неприкосновенными. Если выселившійся крестьянинъ и вынужденъ прекратить пользованіе нѣкоторыми общими угодіями (напр., выгономъ, такъ какъ можетъ не имѣть къ нему доступа), то всетаки онъ ничего не теряетъ отъ этого, такъ какъ выселеніе на округленный участокъ ставитъ его сразу въ гораздо лучшее положеніе въ смыслѣ хозяйственнаго пользованія землею, чѣмъ положеніе другихъ членовъ общины, остающихся жить въ деревнѣ и продолжающихъ пользоваться общимъ выгономъ.

Такое техническое преобразованіе стараго, давно отжившаго черезполоснаго земельнаго устройства, оставляющее неприкосновенными юридическія и имущественныя права членовъ сельской общины, не потеряло за границею своего значенія еще и въ настоящее время. Въ такомъ обновленномъ видѣ преобразованіе это встрѣчаетъ живѣйшее сочувствіе какъ со стороны теоретиковъ, такъ и со стороны сельскаго населенія и считается однимъ изъ важнѣйшихъ мѣропріятій по капитальному улучшенію земель и увеличенію ихъ производительности.

V. Условія успѣшности преобразованія чрезполоснаго земельнаго строя въ Россіи.

Считать обязательное размежеваніе черезполосицы общины при условіи согласія простого большинства домохозяевъ *слишкомъ радикальнымъ* вмѣшательствомъ государства въ земельный бытъ населенія — нѣтъ никакихъ основаній. Обязательное размежеваніе, даже не считающееся съ тѣмъ, желаетъ ли его большинство владѣльцевъ, издавна примѣнялось нашимъ правительствомъ. Малороссійское и закавказское размежеванія были безусловно обязательными. По новому проекту межевого устава межеваніе предполагается сплошное и обязательное, производимое по иниціативѣ

правительства. На необходимости обязательнаго размежеванія черезполосныхъ земель настаивали всѣ корифеи межевого дѣла и въ числѣ сторонниковъ этого мнѣнія находимъ едва ли не всѣхъ лицъ, писавшихъ по данному вопросу въ спеціальной и общей литературѣ. Таково мнѣніе людей практики, близко видѣвшихъ дѣйствительную жизнь и знакомыхъ съ ея запросами.

Правда, когда говорятъ и пишутъ о необходимости обязательнаго размежеванія черезполосицы, то обыкновенно имѣютъ въ виду не надѣльныя, а частновладѣльческія земли. Но если общепризнано, что частные владѣльцы сами, безъ принудительнаго закона, не могутъ добровольно размежеваться, то, казалось бы, это еще въ большей мѣрѣ должно относиться къ необразованнымъ крестьянамъ. И если умѣстно государственное размежеваніе частныхъ владѣльцевъ, то тѣмъ болѣе должно быть умѣстно такое размежеваніе крестьянскихъ надѣльныхъ земель, такъ какъ послѣднія предназначены удовлетворять, какъ говоритъ редакціонная коммиссія, „не частные интересы отдѣльныхъ лицъ, а неизмѣримо болѣе широкія общегосударственныя цѣли“, почему „стремленіе достичь ихъ вполнѣ оправдываетъ надзоръ и вмѣшательство государства въ дальнѣйшія судьбы надѣльныхъ земель“. Поэтому едва ли логично было бы признавать необходимость обязательнаго размежеванія черезполосныхъ частныхъ владѣльцевъ и въ то же время разсчитывать на вполнѣ добровольное размежеваніе черезполосныхъ крестьянскихъ хозяйствъ.

Примѣровъ подобнаго вмѣшательства государства въ земельныя дѣла было не мало: кромѣ упомянутыхъ уже малороссійскаго и закавказскаго размежеванія, можно указать еще на генеральное и спеціальное межеваніе и обязательное разверстаніе угодій по положенію 19 февраля. Можно ручаться, что частной иниціативы не хватило бы ни на одно изъ этихъ дѣлъ, и безъ принужденія закона ни одно изъ нихъ не было бы сдѣлано до сихъ поръ и на половину. Частная иниціатива эгоистична и близорука, часто направлена во вредъ общему интересу, а еще чаще и косна и своей же выгоды нерѣдко не понимаетъ.

Владѣльцы Полтавской и Черниговской губерній размежевались почти всѣ безъ исключенія *по полюбовному соглашенію*, какъ скоро нависла надъ ними угроза немедленнаго обязательнаго размежеванія по положенію 1859 г. Подобное же явленіе замѣчалось во всѣхъ 29 спеціально размежеванныхъ губерніяхъ, гдѣ большая часть дачъ вполнѣ добровольно согла-

сована за то именно время, когда владѣльцы находились подъ угрозою принудительнаго размежеванія. Этотъ огромный историческій опытъ приводитъ къ заключенію, что обязательное межеваніе есть наилучшій способъ вызвать полюбовныя соглашенія.

Для размежеванія черезполосныхъ крестьянскихъ земель нѣтъ надобности въ установленіи принудительнаго размежеванія. Крестьяне настолько измучились своей черезполосицей и настолько ясно сознаютъ ея вредъ, что для успѣха дѣла достаточно установить обязательность размежеванія при согласіи $^1/_2$ домохозяевъ. Изданіе закона въ этомъ смыслѣ, несомнѣнно, вызвало бы цѣлое могучее движеніе среди населенія въ пользу полюбовной разверстки земель на обособленные отрубные участки.

Редакціонная коммиссія придерживается нѣсколько иного взгляда. По ея мнѣнію, въ настоящее время назрѣвшія условія для перехода отъ черезполоснаго къ отрубному хозяйству имѣются только въ западныхъ губерніяхъ. Только здѣсь мѣстныя географическія условія и уровень народнаго развитія допускаютъ переходъ къ болѣе совершенному хуторскому хозяйству. Поэтому въ этихъ губерніяхъ указанный переходъ происходитъ и нынѣ безъ всякаго принужденія. Здѣсь совокупность мѣстныхъ условій переросла общность хозяйственныхъ распоряженій землею. Въ большинствѣ же остальныхъ мѣстностей Россіи для такого перехода нѣтъ еще, по мнѣнію коммиссіи, наличности многихъ условій и прежде всего необходимаго для этого умственнаго развитія крестьянъ.

Какъ на одно изъ главнѣйшихъ препятствій къ переходу къ хуторскому хозяйству въ большинствѣ мѣстностей Россіи, коммиссія указываетъ на общую пастьбу скота на жнивьяхъ и паровыхъ поляхъ и вызываемый ею обязательный сѣвооборотъ. Эти двѣ особенности нашего крестьянскаго быта, по мнѣнію коммиссіи, не являются случайными. „Они представляютъ необходимое послѣдствіе всей совокупности мѣстныхъ, почвенныхъ и климатическихъ условій, а въ особенности средняго уровня общей культурности страны и умственнаго развитія народныхъ массъ“. Поэтому „коренная ломка существующаго нынѣ, освященнаго вѣками крестьянскаго земельнаго строя не соотвѣтствовала бы во многихъ случаяхъ ни мѣстнымъ особенностямъ, ни дѣйствительнымъ потребностямъ населенія. Такая мѣра не только не встрѣтила бы сочувствія со стороны крестьянъ, она, наоборотъ, вызвала бы противодѣйствіе съ ихъ стороны“.

Со всѣмъ этимъ никоимъ образомъ нельзя согласиться. Время для

перехода отъ черезполоснаго къ хуторскому хозяйству повсемѣстно не только давно назрѣло, но уже перезрѣло во многихъ отношеніяхъ.

Хуторское хозяйство представляетъ громадныя преимущества и выгоды совершенно независимо отъ введенія улучшенныхъ сѣвооборотовъ и усовершенствованныхъ техническихъ пріемовъ культуры, такъ какъ обусловливаетъ значительную экономію народнаго труда и рабочаго времени. При одинаковыхъ общихъ условіяхъ, при одной и той же системѣ полеводства и т. д. веденіе хуторского хозяйства гораздо проще и легче, чѣмъ веденіе черезполоснаго хозяйства и никакого высшаго умственнаго и культурнаго развитія не требуетъ. Бояться на хуторѣ дикихъ звѣрей и разбойниковъ также нѣтъ основаній, такъ какъ по историческимъ изысканіямъ, еще въ древнія времена въ Россіи была масса хуторовъ, односелій, заимокъ, починковъ, двориковъ и т. п. и отдѣльными заимками постоянно селились и селятся даже въ дикой сибирской тайгѣ.

Общая пастьба скота на поляхъ и обязательный сѣвооборотъ отнюдь не зависятъ отъ мѣстныхъ почвенныхъ и климатическихъ условій или отъ низкаго уровня культурности населенія. Эти средневѣковыя особенности быта крестьянъ обусловлены всецѣло и исключительно такъ наз. „спеціальной черезполосицей“ и могутъ быть устранены только съ размежеваніемъ послѣдней. Размежеваніе же черезполосицы въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ, какъ мы видѣли, по самому существу своему не можетъ быть дѣломъ частной иниціативы владѣльцевъ, безразлично, крестьяне ли они или помѣщики. Черезполосица, такъ-же какъ неправильная конфигурація земельныхъ дачъ, нецентральное положеніе поселеній, слишкомъ крупный размѣръ селеній и чрезмѣрная отдаленность полей отъ хозяйственныхъ центровъ,—сложились стихійнымъ порядкомъ еще въ прошлые вѣка и давно уже перестали соотвѣтствовать современнымъ условіямъ. Для борьбы со всѣми этими вредными остатками прошлаго, тормозящими культурное развитіе страны, безусловно необходимо государственное вмѣшательство. Ждать, когда населеніе разовьется настолько, что само начнетъ массовую борьбу съ ними, нѣтъ основаній. Этого нигдѣ и никогда не наблюдалось. Переходъ цѣлыхъ селеній по собственному почину къ хуторскому хозяйству, наблюдаемый въ нѣкоторыхъ западныхъ губерніяхъ, возможенъ только при исключительныхъ условіяхъ, а именно при мелкости селеній и малочисленности участвующихъ въ добровольномъ соглашеніи лицъ.

Пора окончательно и разъ навсегда отказаться отъ мысли, что эти отрицательныя особенности европейскаго и въ особенности русскаго землевладѣнія отвѣчаютъ наличнымъ условіямъ и жизненнымъ требованіямъ населенія. Въ дѣйствительности онѣ представляютъ такіе же безжизненные, безсмысленные остатки прошлаго, какъ такъ наз. рудиментарные, т. е. давно потерявшіе всякое значеніе, а иногда и вредные, органы животнаго организма.

Насколько неудачны всякія попытки найти какой бы то ни было raison d'être существующаго земельнаго строя, видно, между прочимъ, изъ заключенія редакціонной коммиссіи, что „прокормъ скота, этой необходимой принадлежности земледѣлія, на небольшихъ участкахъ парового поля отдѣльнаго крестьянскаго двора невозможенъ, тогда какъ прокормить свой скотъ на всѣхъ принадлежащихъ обществу жнивьяхъ и парахъ крестьяне имѣютъ полную возможность". Дѣйствительность прямо противоположна этому мнѣнію. При 10 десятинахъ парового поля и жнивья 10 коровъ съ избыткомъ сыты въ теченіе всего періода пастьбы. При 1000 же десятинахъ 1000 коровъ голодаютъ постоянно. Объясняется это тѣмъ, что, кромѣ потери времени и утомленія при ежедневной гоньбѣ на дальнія поля, большое стадо больше вытаптываетъ травы, нежели съѣдаетъ. Поэтому чѣмъ меньше поле и количество скота, тѣмъ всегда зеленѣе и роскошнѣе пастбище.

Реформаторъ сельскаго хозяйства въ Германіи Шубартъ говорилъ: „общая пастьба скота и мертвый паръ—вотъ чума, губящая земледѣліе". Діагнозъ этой „чумы" показываетъ, что контагіями, ее вызывающими, являются: черезполосица и чрезмѣрная отдаленность полей. При рѣшеніи вопроса о реформированіи существующаго печальнаго быта крестьянъ необходимо вполнѣ уяснить себѣ, что весь вопросъ сводится къ тому, чтобы искоренить „чуму земледѣлія". Все остальное приложится.

Думать, что сохранившаяся у насъ черезполосная система со всѣми своими аттрибутами имѣетъ какія-нибудь права на существованіе или полезна населенію,—представляетъ такое же глубокое, пагубное заблужденіе, какъ если бы кто утверждалъ, что полезны и желательны чума, холера, голодъ и тому подобныя *народныя бѣдствія*.

Всякое государственное предпріятіе временнаго и срочнаго характера требуетъ для своего исполненія учрежденія спеціальныхъ органовъ. Примѣры — освобожденіе крестьянъ и размежеваніе Малороссіи. Велика

разница между этими двумя реформами, но есть и общія черты: государственный характеръ, временность, исполненіе ихъ спеціальными органами и полная успѣшность. Никто изъ лицъ, знакомыхъ съ этими реформами, не станетъ утверждать, что онѣ прошли бы такъ же легко и удачно: первая—безъ мировыхъ посредниковъ, послѣдняя—безъ мѣстныхъ межевыхъ учрежденій, организованныхъ ad hoc. Причина понятна: временное дѣло требуетъ сосредоточенія силъ и вниманія, а для этого нужно чтобы учрежденіе, которому дѣло поручено, вѣдало только это дѣло и не отвлекалось никакимъ другимъ. Этому требованію отвѣчаютъ только спеціальныя учрежденія, составленныя притомъ изъ лицъ, также ему удовлетворяющихъ.

Поставленное на очередь дѣло—содѣйствіе размежеванію крестьянской черезполосицы и переходу къ хуторской системѣ хозяйства, не менѣе трудно, сложно и важно, чѣмъ крестьянская реформа 1861 года, и безъ спеціальныхъ учрежденій разсчитывать на успѣхъ въ этомъ дѣлѣ — нельзя. *Въ уѣздахъ необходимо учредить межевыя коммиссіи, а въ губерніяхъ—межевыя палаты.* Можно открывать эти учрежденія не сразу повсюду, а постепенно, какъ это дѣлалось въ Малороссіи.

Такимъ образомъ размежеваніе черезполосицы должно быть сдѣлано условно обязательнымъ, съ возложеніемъ на межевую коммиссію обязанности произвести его, при согласіи большинства домохозяевъ, если въ извѣстный, указанный въ законѣ срокъ не состоится полюбовное соглашеніе между всѣми домохозяевами. На коммиссіи же должно лежать склоненіе владѣльцевъ къ полюбовнымъ соглашеніямъ и содѣйствіе послѣднимъ. Нѣтъ основанія сомнѣваться, что при такихъ условіяхъ полюбовныя соглашенія между всѣми членами общины будутъ наступать сравнительно легко, и добровольныя разверстанія, ко всеобщему удовольствію, по проектамъ, разработаннымъ крестьянскими обществами совмѣстно съ межевой коммиссіей, будутъ распространяться такъ же быстро и безпрепятственно, какъ они распространялись при аналогичныхъ условіяхъ въ Германіи и нашихъ малороссійскихъ губерніяхъ и распространяются теперь, при условіяхъ, гораздо менѣе благопріятныхъ, а именно, по почину самихъ крестьянъ и безъ всякой помощи извнѣ, въ нѣкоторыхъ западныхъ губерніяхъ.

Межевыя палаты должны составить органъ надзора надъ коммиссіями и апелляціонную инстанцію по ихъ рѣшеніямъ, сами же должны подчиняться Сенату.

VI. Практическое осуществленіе преобразованія.

Подробности дѣла должны быть разработаны сообразно съ мѣстными условіями и указаніями опыта разверстанія русскими крестьянами.

Безконечно труднымъ представляется на первый взглядъ выравниваніе цѣнности особняковъ вслѣдствіе различнаго качества почвы и разнообразія другихъ условій. Такъ, одни участки удобрены, другіе истощены; одни состоятъ изъ лучшей земли, другіе изъ худшей; одни расположены близко отъ селенія, другіе далеко. Какъ оцѣнить хозяйственное значеніе всѣхъ этихъ разнообразныхъ условій?

Какъ ни головоломна эта задача, однако крестьяне придумали весьма остроумный и простой способъ такой оцѣнки и выравниванія стоимости участковъ. Способъ этотъ—торги. Вновь нарѣзанные особняки распредѣляются на двѣ группы: лучшіе и худшіе. Каждый данный особнякъ первой группы предоставляется тому, кто на торгахъ предложитъ за него наивысшую приплату. Каждый особнякъ второй группы отводится тому, кто согласится получить при немъ наименьшую приплату. Такъ какъ крестьяне отлично знаютъ качество каждаго участка, то этимъ путемъ достигается совершенно справедливая оцѣнка и безобидное выравниваніе стоимости новыхъ надѣловъ.

Оцѣнка и выравниваніе стоимости участковъ могутъ быть достигнуты еще болѣе практичнымъ способомъ, не требующимъ отъ крестьянъ даже никакихъ денежныхъ приплатъ. Этотъ способъ также придумали сами крестьяне. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ.

Прежде всего производится разбивка всей черезполосной территоріи на хозяйственные особняки. Для этого около мѣстъ, удобныхъ для поселеній (т. е. гдѣ имѣется вода или можно вырыть колодцы), нарѣзаются участки однонадѣльные, двухнадѣльные, трехнадѣльные и т. д. Однонадѣльныхъ участковъ нарѣзается столько, сколько въ обществѣ однонадѣльныхъ хозяевъ, двухнадѣльныхъ участковъ столько, сколько двухнадѣльныхъ хозяевъ и т. д.

Оцѣнка участковъ производится одновременно съ распредѣленіемъ ихъ между хозяевами. Для этого устраиваются торги. Каждый участокъ предоставляется тому, кто имѣетъ соотвѣтствующее число душъ и оцѣнитъ десятину въ наивысшую цѣну.

Домохозяева приходятъ, напримѣръ, на однонадѣльный участокъ. Здѣсь открываются торги, въ которыхъ участвуютъ домохозяева, имѣющіе

одинъ душевой надѣлъ. Кто выше оцѣнитъ десятину, за тѣмъ и остается участокъ.

Потомъ переходятъ на слѣдующій, положимъ, трехнадѣльный участокъ. Въ торгахъ на этотъ участокъ участвуютъ домохозяева, имѣющіе по 3 души. Участокъ предоставляется тому, кто оцѣнитъ его въ наивысшую сумму и т. д. Такъ оцѣниваются и распредѣляются всѣ участки одинъ за другимъ въ томъ порядкѣ, какъ они расположены въ натурѣ.

Такимъ образомъ цѣнность каждаго участка устанавливается легко и просто, при томъ идеально справедливая, — на основаніи всевозможныхъ условій, которыхъ никакая оцѣнка, никакая бонитировка обнять не въ состояніи.

Но при этомъ одинъ получаетъ лучшую, другой — худшую землю. Чтобы уравнить интересы хозяевъ, необходимо уравнить ихъ платежи. Кто получилъ лучшую землю, тотъ долженъ и больше платить за десятину. Другими словами, основаніемъ раскладки податей, кромѣ числа душъ или десятинъ, должна быть принята еще оцѣночная стоимость десятины. *Каждый домохозяинъ долженъ платить извѣстный процентъ съ оцѣночнаго рубля.*

Раскладка податей на каждый годъ дѣлается такъ. Положимъ, что съ общества причитается всѣхъ земельныхъ сборовъ 500 руб., а сумма оцѣночной стоимости всѣхъ участковъ опредѣлилась въ 10,000 рублей. Тогда на каждый оцѣночный рубль должно падать 5 коп. платежей. Кто оцѣнилъ десятину своего участка въ 100 руб. и имѣетъ 8 десятинъ, на того упадетъ 40 руб., а кто оцѣнилъ десятину въ 20 руб. и имѣетъ 12 десятинъ, на того упадетъ 12 рублей платежей и т. д.

Таковъ идеально справедливый, простой и легкій способъ выравниванія цѣнности участковъ посредствомъ уравненія платежей крестьянъ.

Вся надѣльная территорія какъ была, такъ и остается при переходѣ къ хуторской системѣ собственностью крестьянскихъ обществъ и въ этомъ смыслѣ общинное землевладѣніе остается неприкосновеннымъ. Участки же отдѣльныхъ домохозяевъ будутъ находиться лишь въ безсрочномъ ихъ пользованіи.

Выморочными участками распоряжается общество, предоставляя ихъ въ пользованіе безземельныхъ членовъ.

Въ предупрежденіе земельной спекуляціи и обезземеленія своихъ членовъ, общество ограничиваетъ право продавать и закладывать участки или отдавать ихъ въ аренду многоземельнымъ членамъ.

Выгоны, поемные луга и лѣса остаются въ общественномъ пользованіи. Выгоны, теряющіе постепенно, по мѣрѣ разселенія крестьянъ и перехода ихъ къ интенсивному хозяйству съ стойловымъ содержаніемъ скота, свое хозяйственное значеніе, составляютъ запасный земельный фондъ для надѣленія хозяйственными участками вновь нарождающагося населенія. Лѣса и поемные луга продолжаютъ оставаться въ общественномъ пользованіи и раздѣлу не подвергаются.

По истощеніи надѣльнаго запаснаго фонда открывается еще слѣдующій путь земельнаго обезпеченія естественнаго прироста населенія.

Съ увеличеніемъ производительности хозяйства и платежныхъ силъ населенія община должна образовать изъ мірскихъ сборовъ спеціальный капиталъ на покупку и устройство земельныхъ участковъ внѣ общины для земельнаго обезпеченія прироста населенія, а также для вознагражденія выходящихъ изъ общины членовъ. Такимъ образомъ принципъ общины, принципъ возможно равномѣрнаго и справедливаго распредѣленія земельной собственности и вообще имущественнаго обезпеченія между наибольшимъ числомъ членовъ—не только не уничтожится, но, напротивъ, возродится и перейдетъ изъ первобытной, натуральной, въ современную, денежную, стадію развитія. Община, какъ она сложилась исторически, съ различными вредными наслоеніями, преобразуется въ *новую общину*, устроенную на раціональныхъ началахъ, — въ своеобразную, самобытную форму тѣхъ *хозяйственныхъ союзовъ или ассоціацій*, которыя принадлежатъ къ самымъ могучимъ двигателямъ современнаго культурнаго прогресса".

„Журналъ Министерства Юстиціи" (*№ 9, 1904 г.*), *ст. г. Гуссаковскаго „Основныя начала проекта новаго положенія о крестьянахъ"*: ...«Въ каждомъ государствѣ земля составляетъ совершенно необходимое орудіе производства и главнѣйшую основу его благосостоянія. Съ возрастаніемъ населенія потребность въ землѣ увеличивается, а между тѣмъ пространство ея остается безъ измѣненія. Только путемъ величайшихъ усилій и затратъ, направленныхъ къ осушенію болотъ или укрѣпленію сыпучихъ песковъ, удается иногда расширить нѣсколько площадь пригодныхъ для культуры земель, но и такое ихъ увеличеніе имѣетъ свои предѣлы. Вслѣдствіе этого возможно широкая и правильная эксплоатація земли пріобрѣтаетъ громадное значеніе не только для лицъ, занятыхъ непосредственно ея обработкою, но и для всего населенія страны и общихъ государственныхъ интересовъ. Такъ какъ успѣшность хозяйственной дѣятельности населенія, на-

правленной къ эксплоатаціи производительныхъ силъ земли, зависитъ прежде всего отъ свободы личной инициативы, то о какой либо регламентаціи этой дѣятельности не можетъ быть и рѣчи. Опредѣляя, однако, права земледѣльческаго населенія на землю, законъ не только въ правѣ, но и обязанъ создать такія формы землевладѣнія, которыя устраняли бы всякія преграды для широкаго и правильнаго развитія хозяйственной дѣятельности страны.

Главнѣйшіе недостатки существующихъ формъ владѣнія надѣльными землями заключаются, по мнѣнію коммиссіи, въ зависимости хозяйственной дѣятельности отдѣльныхъ крестьянъ отъ общихъ хозяйственныхъ распоряженій общества и сверхъ того въ дробности и чрезполосности тѣхъ полосъ и земельныхъ участковъ, которые входятъ въ составъ владѣнія отдѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ. Вслѣдствіе этого въ видахъ улучшенія условій хозяйственной дѣятельности крестьянъ коммиссія признаетъ вполнѣ достаточнымъ ограничиться установленіемъ такихъ лишь мѣръ, которыя направлены къ поощренію хуторскаго хозяйства крестьянъ и устраненію дробности и черезполосности ихъ владѣнія. Не отрицая весьма важнаго знаначенія этихъ мѣръ, нельзя однакоже не замѣтить, что всѣ онѣ могутъ привести къ цѣли лишь при одномъ условіи коренного измѣненія того основнаго начала, на которомъ построены обѣ существующія нынѣ формы крестьянскаго землевладѣнія.

По предположеніямъ коммиссіи, субъектомъ правъ на владѣніе надѣльными участками должны быть признаны не отдѣльные крестьяне и не крестьянскія семьи, а такъ называемый крестьянскій дворъ, т. е. опредѣленная группа лицъ, проживающихъ на одномъ и томъ же земельномъ участкѣ и занятыхъ его обработкою. Наличность близкихъ родственныхъ связей не является необходимымъ условіемъ для принадлежности къ тому или иному двору. Отецъ и сынъ могутъ входить въ составъ различныхъ крестьянскихъ дворовъ, и, наоборотъ, лица, вовсе не связанныя между собою узами кровнаго родства, могутъ быть равноправными членами одного и того же двора. Такимъ образомъ организація его построена не столько на семейныхъ, сколько на трудовыхъ началахъ. Право участія въ пользованіи общимъ имуществомъ двора обусловливается прежде всего не близостью кровныхъ родственныхъ связей, а участіемъ въ трудахъ и затратахъ на веденіе общаго хозяйства. Крестьянскій дворъ представляется поэтому совершенно своеобразнымъ институтомъ, построеннымъ на взаимно исклю-

чающихъ другъ друга началахъ. По существу своему крестьянскій дворъ долженъ быть признанъ однимъ изъ видовъ трудовыхъ артелей или кооперативныхъ союзовъ, направленныхъ къ достиженію опредѣленныхъ хозяйственныхъ цѣлей, но, въ противоположность тому принципу, который лежитъ въ основѣ всѣхъ кооперативныхъ ассоціацій, совмѣстная хозяйственная дѣятельность членовъ крестьянскаго двора обусловливается не свободнымъ соглашеніемъ входящихъ въ составъ его лицъ, а велѣніемъ закона.

Дабы такая искусственная организація могла функціонировать, коммиссія проектируетъ длинный рядъ статей, регулирующихъ взаимныя отношенія членовъ крестьянскаго двора и права домохозяина. Видное мѣсто среди этихъ постановленій отведено вопросу о томъ, кто долженъ быть домохозяиномъ, завѣдывающимъ общимъ хозяйствомъ крестьянскаго двора. Вопросъ этотъ разрѣшается проектомъ въ томъ смыслѣ, что при отсутствіи общаго родоначальника всѣхъ членовъ двора домохозяинъ избирается по взаимному ихъ между собою соглашенію. Такъ какъ трудно однако разсчитывать на возможность такого соглашенія въ виду естественнаго желанія каждаго члена двора стать домохозяиномъ, то на случай возникновенія между ними спора по этому предмету проектъ отсылаетъ ихъ къ волостному суду. Послѣдній разрѣшаетъ спорный вопросъ на основаніи существующихъ мѣстныхъ обычаевъ, а, при отсутствіи таковыхъ, соотвѣтственно подробнымъ правиламъ, преподаннымъ на этотъ случай въ проектѣ.

Останавливаясь на всѣхъ этихъ предположеніяхъ, нельзя не задаться вопросомъ о томъ, въ какой мѣрѣ предоставленіе права владѣнія надѣльными землями не отдѣльнымъ крестьянамъ, а крестьянскимъ дворамъ, можетъ обезпечить успѣшность хозяйственной дѣятельности нашего крестьянскаго населенія. Возможно ли разсчитывать на то, чтобы производительность этихъ земель была поставлена на надлежащую высоту, коль скоро успѣхъ ихъ эксплоатаціи находится въ зависимости не отъ личной иниціативы и предпріимчивости владѣльца, а отъ дружной совмѣстной работы принудительно составленныхъ рабочихъ союзовъ, руководимыхъ въ своей дѣятельности навязаннымъ имъ рѣшеніемъ суда домохозяиномъ. Всѣ эти вопросы едва-ли однако допускаютъ возможность двухъ мнѣній. Всякая трудовая ассоціація является желаннымъ факторомъ производительной дѣятельности страны, но лишь при условіи образованія такой ассоціаціи на началахъ непринужденнаго согласія входящихъ въ составъ ея лицъ. При отсутствіи же этого условія, когда въ принудительно поддерживаемыхъ рабочихъ сою-

захъ нѣтъ такого распорядителя, пользующагося общепризнаннымъ авторитетомъ, который былъ бы способенъ объединить и направлять работу отдѣльныхъ ихъ членовъ, о возможности успѣшной дѣятельности такихъ союзовъ не можетъ быть и рѣчи.

Не подлежитъ поэтому сомнѣнію, что, вводя въ проектъ институтъ крестьянскаго двора въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сложился подъ вліяніемъ неудачныхъ сенатскихъ разъясненій, составители проекта преслѣдуютъ неблагодарную задачу». . . . .

„Новое Время“ №№ отъ 10 и 11 апрѣля 1904 г., ст. г. К. Головина „Къ пересмотру законоположеній о крестьянахъ“: ....«Очеркъ работъ коммиссіи показываетъ, что передъ ней какъ бы носился идеалъ земельнаго устройства, очень далекій отъ настоящаго и помимо котораго трудно достигнуть замѣтнаго подъема культуры крестьянскихъ земель. Идеалъ этотъ—отрубной дворъ, вполнѣ самостоятельный, какъ хозяйственная единица. При теперешнемъ способѣ разселенія подворное землепользованіе въ сущности мало отличается отъ общиннаго и страдаетъ одинаково съ нимъ отъ двухъ коренныхъ помѣхъ серьезному хозяйственному прогрессу—отъ раздробленности полосъ и отъ принудительной обработки. Не въ общинѣ стало быть дѣло и подворное владѣніе пожалуй имѣетъ въ отсутствіи срочныхъ передѣловъ лишній недостатокъ, увеличивающій земельную путаницу и лишающій большинство крестьянскаго общества возможности хотя бы частично помочь измельчанію полосъ. Зло одинаково присущее и подворному, и общинному строю,—въ порядкѣ разселенія и необходимости пасти скотъ на поляхъ. Устранить то и другое нельзя, такъ какъ это вызвало бы не только непомѣрные расходы, но встрѣтило бы неодолимыя препятствія въ отсутствіи воды. Помимо другихъ экономическихъ и бытовыхъ причинъ въ самомъ дѣлѣ препятствіемъ къ подобному разселенію служитъ у насъ недостаточное орошеніе и невозможность во многихъ мѣстахъ заводить колодцы, благодаря недоступности подпочвенныхъ водъ. Съ другой стороны для коммиссіи стояла на первомъ планѣ забота о сохранности не только крестьянскаго землевладѣнія, но и самаго сословія крестьянъ, которому нельзя давать разлагаться подъ воздѣйствіемъ чужихъ элементовъ. Нельзя было въ виду этого, какъ проектировала когда-то кахановская коммиссія, сельское общество сдѣлать безсословнымъ, принимая въ его составъ на равныхъ правахъ людей всякаго званія.

Такія разнородныя соображенія придали работамъ коммиссіи характеръ

компромисса почти въ такой же мѣрѣ, какъ случилось это съ Положеніями 19 февраля. И нельзя не признать, что теперешняя редакціонная коммиссія могла бы, сохраняя свою вполнѣ вѣрную точку зрѣнія, пойти въ дѣлѣ реформы значительно далѣе. Сколько-нибудь замѣтный подъемъ крестьянскаго благосостоянія въ самомъ дѣлѣ возможенъ только при двухъ условіяхъ: надо способствовать всяческими мѣрами образованію новыхъ выселковъ на окраинахъ надѣла и отдѣльныхъ самостоятельныхъ дворовъ и помочь крестьянамъ, желающимъ выселиться, совершить эту всегда болѣзненную операцію съ наименьшими трудностями и убытками. Этимъ путемъ сразу достигалось бы образованіе новыхъ хозяйственныхъ единицъ, поставленныхъ въ лучшія условія, и разрѣдилось бы черезчуръ скученное населеніе существующихъ деревень. Помѣхою крестьянскому хозяйству служатъ въ самомъ дѣлѣ не только разбросанность полосъ, но и крайнее измельчаніе дворовъ, при которомъ обработка земли не въ силахъ окупить расходъ на содержаніе хозяйства. Нельзя, конечно, пересоздать весь нашъ сельскій строй и раздробить крупное селеніе съ помощью какого-то соціально-анатомическаго ножа. Такими мечтами задаваться могутъ одни фантазеры. Но облегчить размноженіе самостоятельныхъ отрубныхъ хозяйствъ и большее сосредоточеніе земли внутри крестьянскихъ обществъ вполнѣ возможно. Для этого надо только отрѣшиться отъ наивнаго взгляда, будто относительныхъ результатовъ не стоитъ добиваться. И что же? Если конечная цѣль съ одной стороны — образованіе какъ можно большаго числа отрубныхъ и недѣлимыхъ хозяйствъ, а съ другой—установленіе минимальныхъ размѣровъ для подворныхъ участковъ внутри селенія, надо прежде всего устранить искусственныя помѣхи, созданныя дѣйствующимъ законодательствомъ. Въ настоящее время въ общинныхъ селеніяхъ надѣльныя земли не только не отчуждаемы въ общемъ составѣ, но и не могутъ быть предметомъ сдѣлокъ даже между членами того же общества. Домохозяинъ, желающій выселиться, не только подвергается ненужной и дорого стоящей формальности—полученію согласія отъ прежняго общества и пріемнаго приговора отъ новаго, куда онъ обязанъ приписаться: онъ вынужденъ сверхъ того надѣлъ свой отдать обществу безвозмездно, какъ будто пользованіе участкомъ мірской земли не составляетъ собой имущественнаго права, отчуждаемаго, какъ и всякое другое. Право это конечно измѣнчиво въ своемъ объемѣ, но такая измѣнчивость можетъ только понизить его цѣнность, а не довести ее до нуля. Съ отмѣной 165 ст. Выкупного поло-

женія воспрещенъ и досрочный выкупъ съ правомъ на отводъ подворнаго участка къ одному мѣсту. Этими двумя постановленіями законъ прямо препятствуетъ выходу изъ общества и образованію какъ самостоятельныхъ отрубныхъ дворовъ, такъ и выселковъ. И пересмотръ положеній долженъ бы прежде всего устранить эти препятствія. Вѣдь не далеко уже время, когда по крайней мѣрѣ бездоимочныя общества выкупятъ свои земли до чиста и тогда откроется полная возможность раздробить мірскую землю на участки, составляющіе уже личную собственность хозяевъ. Мотивы, вызвавшіе 10 лѣтъ тому назадъ отмѣну 165 статьи, перестали существовать. При теперешнемъ вздорожаніи земли и небольшой уже суммѣ выкупного долга, лежащей на отдѣльныхъ хозяевахъ, ни одинъ изъ нихъ конечно не станетъ уступать своей земли, какъ дѣлалось это прежде, за одну лишь очистку выкупного долга. Если продажа состоялась бы теперь, то уже на условіяхъ, несомнѣнно болѣе выгодныхъ для уходящаго хозяина, хотя вѣроятно и не вполнѣ достигающихъ полной цѣнности продаваемаго участка. Во всякомъ случаѣ, выручивъ за него хотя бы и не полную его стоимость, выселяющійся хозяинъ пріобрѣлъ бы сумму, которая значительно помогла бы ему обзавестись на новомъ мѣстѣ. А тѣмъ самымъ былъ бы устраненъ одинъ изъ главныхъ тормазовъ переселенческаго движенія. Можно установить, что продать участокъ такой домохозяинъ долженъ либо обществу въ совокупности, либо одному изъ его членовъ, и разрѣшается ему такая продажа лишь при томъ условіи, чтобы онъ купилъ себѣ новый участокъ земли опредѣленнаго размѣра. Это было бы прямымъ путемъ къ возникновенію отрубныхъ дворовъ и въ то же время охранительной мѣрой противъ обезземеливанія. Но крестьянинъ, выкупившій надѣлъ, можетъ и остаться въ обществѣ, только потребовавъ, чтобы ему отвели участокъ къ одному мѣсту. Въ томъ и другомъ случаѣ слѣдовало бы установить, что возникающій отрубной дворъ долженъ быть заповѣднымъ и недѣлимымъ. Но отчужденіе надѣльнаго участка должно быть допущено и безъ предварительнаго выкупа, опять-таки подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ былъ проданъ односельчанину, и выселяющійся крестьянинъ былъ бы обязанъ либо приписаться къ мѣщанскому обществу, либо пріобрѣсти на сторонѣ соотвѣтствующее число десятинъ земли. Въ послѣднемъ случаѣ онъ могъ бы получить ссуду изъ Крестьянскаго банка, дѣятельность котораго слѣдуетъ исключительно направить въ сторону организаціи переселенія. Установивъ сверхъ того максимумъ для числа душевыхъ участковъ, какое можетъ со-

средоточить въ своихъ рукахъ отдѣльный домохозяинъ, мы бы расчистили путь къ разселенію. Была бы обезпечена неприкосновенность крестьянской земли вообще и невозможность скупки ея немногими міроѣдами».

(№ 11 апр.). «Законопроектъ редакціонной коммиссіи составляетъ конечно серьезный шагъ къ достиженію желаемой цѣли, но шагъ всетаки недостаточно рѣшительный. Статья 153 положенія о крестьянскомъ общественномъ управленіи подтверждаетъ правило, въ силу котораго при общинномъ пользованіи домохозяину можно выйти изъ состава общества лишь „при условіи отказа отъ права участія во владѣніи мірской землей". Правда, по статьямъ 52 и 57 положенія о надѣльныхъ земляхъ, усадебные участки составляютъ полную собственность двора и по волѣ домохозяина могутъ быть проданы имъ другому члену общества и въ этомъ нельзя не видѣть первый шагъ къ открытому признанію права отчужденія хотя бы части надѣльной земли. Но по ст. 66 того же положенія это право категорически отрицается для участковъ общинной земли, а таковой признаются всѣ угодья, не входящія въ составъ усадебныхъ участковъ. Нельзя такимъ образомъ не замѣтить, что редакціонная коммиссія отказалась отъ могучаго средства упорядочить разселеніе и достигнуть намѣченной ею цѣли—образованія возможно большаго числа отрубныхъ дворовъ. Само собою разумѣется, что какъ скоро уходящій домохозяинъ не имѣетъ права помимо согласія общества полевой надѣлъ уступить за опредѣленное вознагражденіе односельчанину, общество въ такомъ согласіи будетъ всегда отказывать, дабы получить себѣ надѣлъ уходящаго даромъ. Это какъ разъ продолженіе теперешняго порядка. И въ настоящее время увольняемые крестьяне на самомъ дѣлѣ продаютъ свою землю, обходя такимъ образомъ законъ, но продаютъ за совершенный безцѣнокъ, большею частію въ видѣ долгосрочной аренды. За ними одно только средство выручить хоть что-нибудь за свой надѣлъ—отказаться отъ предположеннаго ухода. И этого средства хватаетъ ровно настолько, чтобы позволить имъ за одно съ землей передать обществу и лежащій на ней выкупной долгъ, либо на такихъ же условіяхъ сдать его въ аренду другому сообщиннику. Отъ этого обезцѣненія надѣльной земли могло бы избавить уходящаго крестьянина одно лишь право свободной продажи надѣла односельчанамъ, хотя бы за обществомъ и оставалась всегда возможность за предлагаемую цѣну оставить участокъ за собой. Но какъ разъ этого драгоцѣннаго права проектъ реформы крестьянамъ-общинникамъ не даетъ. И пусть не говорятъ, что поступая такъ, законо-

датель остается вѣрнымъ логическимъ выводамъ изъ принципа общиннаго владѣнія. Принципъ этотъ на самомъ дѣлѣ послѣдовательно не выдержанъ въ самыхъ положеніяхъ 19 февраля. Такъ, по ст. 34 общаго положенія,—одной изъ десяти статей, составляющихъ основу гражданскаго правопорядка освобожденныхъ крестьянъ,—въ случаѣ покупки обществомъ сверхнадѣльной земли, предоставляется ему право владѣть ею сообща или раздѣлиться между домохозяевами, предоставивъ каждому соотвѣтствующій участокъ въ полную собственность. Еще дальше идетъ 36 статья. „Каждый членъ сельскаго общества—гласитъ она - можетъ требовать, чтобы изъ состава земли, пріобрѣтенной въ общественную собственность, былъ ему выдѣленъ въ частную собственность участокъ, соразмѣрный съ долей участія въ пріобрѣтеніи сей земли". Здѣсь уже право общества дѣлить пріобрѣтенную землю становится правомъ его членовъ требовать такого раздѣла. Статья эта, какъ извѣстно, не отмѣнена до сихъ поръ и по распространительному толкованію она по настоящему вполнѣ примѣнима и къ надѣльной землѣ, какъ скоро эта земля выкуплена. А мы стоимъ почти наканунѣ полнаго очищенія крестьянскихъ надѣловъ отъ выкупного долга. Что подобное толкованіе вполнѣ возможно, доказываетъ слѣдующая статья того же положенія,—37-я, редакція которой, правда, оставляетъ желать многаго въ смыслѣ ясности, но въ которой мы тѣмъ не менѣе читаемъ, что „пріобрѣтенными въ собственность землями крестьянскаго надѣла и выкупленными усадьбами крестьяне пользуются и распоряжаются, какъ своимъ достояніемъ на правилахъ, изложенныхъ въ предшедшихъ статьяхъ (33—36)". Различіе, проводимое новымъ проектомъ положенія между усадебной собственностью и остальной частью надѣла, тоже не новость. Въ силу статьи 31-й того же положенія усадебная осѣдлость признавалась и до сихъ поръ по окончаніи выкупной операціи собственностью отдѣльныхъ домохозяевъ. А мѣстное великороссійское положеніе по ст. 110 проводитъ строгое различіе между формой владѣнія усадьбами и полевымъ надѣломъ, признавая усадьбу не только личною, но и недѣлимой собственностью двора. Новый проектъ нѣсколько ярче и точнѣе опредѣляетъ это различіе. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы ему удалось осуществить его въ жизни. Усадьбы въ настоящее время не только дробятся, но и передѣляются. Исключеніе составляютъ, и то не вездѣ, застроенныя ихъ части и принадлежащіе къ нимъ сады. Что такъ даже дѣйствительно не вездѣ, мы знаемъ изъ любопытнаго изслѣдованія В. Орлова о формахъ крестьян-

скаго землевладѣнія въ Московской губерніи. Перемѣщенія, которымъ подвергаются огороды вслѣдствіе семейныхъ раздѣловъ и обмѣна полосъ, влекутъ за собою и перерѣзку самыхъ усадебъ въ тѣсномъ смыслѣ, такъ какъ слишкомъ неудобно имѣть хозяйство въ сторонѣ отъ жилья. Это между прочимъ служитъ однимъ изъ главныхъ тормазовъ къ распространенію садовой культуры между крестьянами. И очень вѣроятно, что тѣ же причины послѣ реформы будутъ оказывать все то же дѣйствіе.

Настоящее средство къ установленію прочности въ строѣ крестьянскаго хозяйства—это заповѣдность двора, т.-е огражденіе его не только отъ передѣловъ, но и отъ раздробленія. Конечно такая заповѣдность повлечетъ за собою, какъ неизбѣжное слѣдствіе, и постоянство владѣнія полевой землей: при сокращеніи полевого хозяйства, прежнія постройки разсчитанныя на извѣстный его размѣръ, становятся ненужными и ремонтъ ихъ уже не оплачивается. Не стоитъ доказывать, какое препятствіе къ усовершенствованію хозяйства вызываетъ какъ разъ непрочность его размѣра. Никто не станетъ не только возводить лучшія постройки, но и пріобрѣтать лишній скотъ и орудія, если онъ не увѣренъ, что всѣмъ этимъ онъ можетъ пользоваться безпрепятственно. Это какъ разъ и заставляетъ обращать на прочность крестьянскаго владѣнія особое вниманіе и усматривать именно въ ней узелъ крестьянскаго земельнаго вопроса, а дѣйствительность представляетъ намъ полное несоотвѣтствіе такого идеала прочности съ привычками крестьянства съ одной стороны, съ положительнымъ закономъ—съ другой. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда обычай оказывается явно убыточнымъ, обязанность законодателя всячески стараться по немногу отъ него отучать населеніе, помогая развиваться условіямъ, при которыхъ оно само начнетъ тяготиться установившимися привычками. И напрасно думаютъ, будто прочность владѣнія мыслима только при разселеніи отрубными дворами. Во всѣхъ тѣхъ частяхъ Германіи, гдѣ крестьяне живутъ крупными селеніями, дѣйствуетъ такъ называемое Нассауское право, требующее не отвода всей земли въ одинъ участокъ, а только сокращенія числа такихъ участковъ по одному на каждый копъ (Die Gewannenmässige Arendiernng): наше слово „копъ“, какъ извѣстно, передается на нѣмецкомъ языкѣ Gewanne. Въ Новороссіи тоже, гдѣ селенія достаточно крупны, существуетъ особая форма общиннаго землепользованія, очень близкая къ подворной: это такъ называемое долевое владѣніе, прекрасно описанное въ книгѣ г. Постникова о южно-русскомъ крестьянскомъ хо

зяйствѣ и состоящее въ томъ, что полосы отдѣльныхъ дворовъ могутъ перемѣщаться въ моментъ запахиванія толоки, но самый размѣръ подворнаго участка остается неизмѣннымъ.

Передъ редакціонной коммиссіей особенно носилась мысль о прочности крестьянскаго двора и объ установленіи съ этой цѣлью института, существующаго на практикѣ, но нигдѣ не формулированнаго закономъ—института семейной собственности. По статьѣ 2-й устава о наслѣдованіи „наслѣдованіе въ усадебныхъ участкахъ при общинномъ пользованіи надѣльной землей и въ подворныхъ надѣльныхъ участкахъ, а равно въ составляющей необходимую принадлежность крестьянскаго надѣла движимости (пол. над. земл. ст. 97) наступаетъ въ томъ случаѣ, если послѣ умершаго домохозяина не осталось другихъ членовъ двора". Это правило въ сущности установляетъ собою не что иное, какъ семейное владѣніе, т.-е. совокупное владѣніе всѣхъ членовъ двора. Та же мысль повидимому присуща и положенію о надѣльныхъ земляхъ, гдѣ въ 5-й статьѣ говорится о дворѣ, какъ о юридическомъ лицѣ, а 19-я подтверждаетъ такое понятіе вполнѣ опредѣленно: „Крестьянскій дворъ (домохозяйство),—гласитъ она,—состоитъ изъ всѣхъ совмѣстно проживающихъ или участвующихъ въ общемъ хозяйствѣ двора членовъ крестьянской семьи, не отдѣлившихся отъ нея путемъ раздѣла" и т. д.

И понятіе это распространяется въ силу первыхъ двухъ статей устава о наслѣдованіи не на однѣ надѣльныя земли, но и на пріобрѣтенныя въ частную собственность, а равно какъ и на движимость съ двумя лишь ограниченіями: ненадѣльная земля должна находиться въ предѣлахъ той же волости, что имѣетъ очевидно лишь процессуальное значеніе, и движимое имущество должно имѣть цѣнность не свыше 500, а недвижимое 2,000 р. И это совершенно правильно, такъ какъ все имущество двора пріобрѣтено трудомъ его членовъ и потому не можетъ признаваться, какъ дѣлали это не разъ наши суды, личной собственностью домохозяина. Это чрезвычайно цѣнное и разумное включеніе въ письменный законъ института обычнаго права. Жаль только, что недостаточно ясно этотъ институтъ опредѣленъ и ограниченъ.

Такъ, домохозяинъ остается попрежнему не главой только семьи, но чѣмъ-то въ родѣ должностного лица, завѣдывающаго дворомъ, т.-е. въ сущности институтомъ публичнаго, а не частнаго права. Оказывается такимъ образомъ, что юридическое лицо—семья, владѣющее имуществомъ

сообща, подчиняется опредѣленному главѣ, не какъ старшему въ этой семьѣ, а какъ оффиціальному ея представителю, утверждаемому въ этомъ званіи и смѣняемому постановленіемъ сельскаго схода. Въ то же время имущество этой семьи не пользуется той степенью неприкосновенности, какая присвоена американскому home stead или занесенному въ такъ называемую Höferolle нѣмецкому заповѣдному двору. Такъ въ силу ст. 10-й положенія о надѣльныхъ земляхъ подворные участки, принадлежащіе отдѣльнымъ крестьянскимъ дворамъ, могутъ быть отчуждаемы въ принудительномъ порядкѣ съ торговъ, при чемъ здѣсь очевидно имѣется въ виду продажа на покрытіе казенныхъ, земскихъ и мірскихъ недоимокъ, такъ какъ ст. 184-я положенія о волостномъ судѣ исключаетъ надѣльныя земли изъ числа имуществъ, на которыя можетъ быть обращено частное взысканіе. Земли, пріобрѣтенныя крестьянами въ личную собственность, а равно движимость, въ силу ст. 166-й и 184-й того же положенія, могутъ однако служить обезпеченіемъ частныхъ исковъ, хотя и тѣ и другія составляютъ не личную, а семейную собственность, между тѣмъ какъ иски могутъ быть основаны на долговыхъ обязательствахъ отдѣльныхъ крестьянъ. Такимъ образомъ общее семейное имущество является отвѣтственнымъ за долги отдѣльныхъ членовъ семьи, что въ значительной степени запутываетъ и самое понятіе объ этомъ имуществѣ. Говоря это, я вовсе не хочу оспаривать самый принципъ отвѣтственности крестьянскаго имущества по частнымъ обязательствамъ: мнѣ кажется лишь, что предѣлы юридическаго понятія о семейной собственности должны быть очерчены болѣе точно и болѣе опредѣленно указаны случаи, когда цѣлая семья несетъ гражданскую отвѣтственность за отдѣльныхъ своихъ членовъ“.....

„Новости“ (№ 11, 1904 г.), ст. г. Полонскаго „Предположенія редакціонной коммиссіи“:

«Въ изложеніи общихъ взглядовъ коммиссіи по пересмотру законовъ о крестьянахъ нѣсколько разъ повторяется мнѣніе, что слѣдуетъ воздерживаться отъ стремленія разрѣшить вопросъ объ общинномъ или личномъ владѣніи землею насильственной ломкой существующаго порядка и предоставить его естественному теченію и собственному почину крестьянъ.

Справедливость этого мнѣнія мы признавали всегда, да, правду сказать, мы и не знаемъ людей, которые-бы его не раздѣляли и стремились-бы къ простому, принудительному размежеванію общинныхъ земель на подворные полевые участки. Поэтому, въ насъ не возбуждало-бы ника-

кого сомнѣнія и рѣшеніе коммиссіи съузить рамки пересмотра узаконеній о крестьянахъ. Пересмотръ этотъ она предположила ограничить измѣненіями въ постановкѣ крестьянскаго управленія, волостного суда и „изысканіемъ способовъ, содѣйствующихъ развитію въ средѣ крестьянскаго населенія личной предпріимчивости и побуждающихъ крестьянъ къ примѣненію улучшенныхъ хозяйственныхъ пріемовъ съ переходомъ къ болѣе совершеннымъ способамъ землепользованія“. Это послѣднее опредѣленіе можно признать достаточно просторнымъ для облегченія, по меньшей мѣрѣ, отдѣльнымъ крестьянамъ выхода изъ того закрѣпленія, которое представляется общиной.

Но при всемъ этомъ необходимо, однако, имѣть въ виду, что, если обязательное пользованіе землею и представляетъ древнюю, историческую, „исконную, излюбленную русскимъ (точнѣе — великорусскимъ) народомъ форму владѣнія землею“, то при отмѣнѣ историческаго-же крѣпостного права въ 1861 г. вопросъ объ отмѣнѣ или сохраненіи общины не былъ предоставленъ собственному почину простого большинства общинниковъ, но былъ предрѣшенъ, именно, законодательствомъ. Притомъ онъ былъ предрѣшенъ въ двухъ противоположныхъ смыслахъ: въ одномъ — на все время выкупа, въ иномъ — на время, слѣдующее за полнымъ выкупомъ надѣльныхъ земель въ каждомъ отдѣльномъ обществѣ.

Положеніе 1861 г. закрѣпило общину на время выкупа чисто-юридическимъ постановленіемъ, что для отмѣны ея необходимо большинство двухъ третей домохозяевъ. Этимъ требованіемъ „естественное движеніе дѣла“, очевидно, было стѣснено съ самаго начала, такъ какъ большинство всего числа наличныхъ въ обществѣ домохозяевъ можетъ состояться лишь въ исключительныхъ случаяхъ, а съ того времени, какъ усилилось движеніе на отхожіе промыслы, сдѣлалось даже едва-ли осуществимымъ.

Итакъ, именно, въ видахъ предоставленія дѣла о томъ или другомъ порядкѣ землевладѣнія естественному движенію и собственному почину крестьянъ, едва-ли не слѣдовало воспользоваться настоящимъ пересмотромъ законоположеній для отмѣны условія большинства двухъ третей, достижимаго лишь въ исключительныхъ случаяхъ, и предоставить право перехода отъ общиннаго владѣнія къ подворному рѣшенію простого большинства всѣхъ, дѣйствительно, наличныхъ въ обществѣ домохозяевъ.

Это было-бы тѣмъ болѣе раціонально, что самый вопросъ о переходѣ впослѣдствіи отъ общиннаго владѣнія къ личному, а, стало быть, наслѣд-

ственному, былъ предрѣшенъ тѣмъ-же положеніемъ 1861 г. по самымъ условіямъ выкупа надѣльной земли. Эту землю выкупаютъ лично домохозяева; на нихъ возложены выкупные платежи, по размѣру участковъ, и домохозяева отвѣтственны за платежи не только доходомъ съ земли, но и средствами, добываемыми личнымъ трудомъ по найму. Круговая порука являлась только дополнительной гарантіей исправности взноса, въ интересѣ фиска. Представимъ себѣ семью, которая владѣла-бы тѣмъ-же участкомъ въ теченіе всего времени до выкупа (будь онъ произведенъ въ окончательный срокъ или до срока). Нельзя сомнѣваться, что по мысли законодателя 1861 года, выкупленная ею земля должна была перейти въ ея полную, наслѣдственную и отчуждаемую собственность.

Иначе, какой-же былъ-бы смыслъ срочнаго выкупа земли? Лучше всего вопросъ этотъ уясняется на примѣрѣ государственныхъ крестьянъ. До введенія выкупной операціи они пользовались государственной землею и платили за нее оброчную подать. Такъ могло остаться и навсегда. Такъ и земля, выкупленная казною у помѣщиковъ для надѣла крестьянъ, могла остаться государственной, а крестьяне могли быть обложены оброчной податью. Для чего-же было вводить срочный выкупъ земли крестьянами изъ ихъ личныхъ средствъ, если-бы не имѣлось, именно, въ виду предоставить имъ эту землю въ личную-же собственность по окончаніи выкупа?

Выкупъ земли крестьянами не въ свою личную пользу, а въ пользу общины, и владѣніе общины надѣльной землею, это—миѳъ совершенно безплодный и безполезный. Какой-же это выкупъ и владѣніе, когда выкупали землю крестьяне, а не община, и когда община не имѣетъ права отчуждать земли? Но она покупала и она не имѣетъ права продать или промѣнять хотя-бы части — какое-же это владѣніе и въ чемъ оно заключается? Въ правѣ распоряженія участками, правѣ передѣла? Но оно предоставлено общинѣ только временно до окончанія выкупа. Да право это могло быть временно предоставлено обществу и какъ органу управленія.

Къ сожалѣнію, вопросъ о правѣ собственности крестьянъ на выкупленную землю былъ затемненъ позднѣйшимъ отдѣльнымъ закономъ о неотчуждаемости надѣльной земли, который, какъ явствуетъ изъ его мотивовъ, былъ изданъ прямо подъ вліяніемъ теоретическаго убѣжденія въ великой пользѣ общиннаго владѣнія землею, то есть представилъ собою попытку изъять ходъ дѣла изъ „естественнаго теченія“ и предрѣшить его въ пользу общины.

Каковъ-бы ни былъ взглядъ на преимущества общиннаго или подворнаго владѣнія, какъ они изложены въ пространномъ очеркѣ работъ нынѣшней редакціонной коммиссіи, едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что свобода личной хозяйственной инициативы, которую коммиссія признаетъ полезною для успѣховъ самой земледѣльческой культуры и замѣна чрезполосныхъ, дробныхъ, отдаленныхъ кусковъ земли цѣльными отрубными участками въ одномъ кускѣ, на который со временемъ перенеслась-бы и усадьба, легче могутъ осуществляться при подворномъ владѣніи, чѣмъ при общинномъ, съ его духомъ апатіи и рабской приверженности къ рутинѣ.

Поэтому можно только привѣтствовать предположеніе коммиссіи о предоставленіи домохозяевамъ, выселяющимся на отрубные участки, освобожденія отъ выкупныхъ платежей на нѣкоторый срокъ. Коммиссія предполагаетъ распространять эту льготу и на тѣхъ членовъ общества, которые оставались-бы въ коренномъ селеніи. Но въ такомъ случаѣ спрашивается, при какомъ-же числѣ разселяющихся домохозяевъ льготой этой могло-бы воспользоваться все общество?

Безусловнаго сочувствія заслуживаютъ и другія предположенія коммиссіи, въ смыслѣ обезпеченія отдѣльнымъ крестьянамъ права выхода изъ сельскаго общества съ отказомъ отъ земли, наконецъ, о предоставленіи въ распоряженіе крестьянскихъ обществъ межевыхъ техническихъ силъ съ принятіемъ расхода по этому предмету на счетъ казны».

„Вѣстникъ Европы“ (августъ 1904 г.), ст. г. Еропкина „Редакціонная коммиссія по пересмотру положеній о крестьянахъ.“: .....«Трудно обсуждать вопросъ первостепенной важности о формахъ крестьянскаго землепользованія въ настоящемъ краткомъ и бѣгломъ очеркѣ. Ограничимся, поэтому, лишь разсмотрѣніемъ главныхъ моментовъ нашего дѣйствующаго и проектируемаго законодательства по отношенію къ этому основному вопросу, опредѣляющему весь строй хозяйственной жизни русской деревни. Мы не станемъ повторять аргументовъ сторонниковъ общиннаго или индивидуальнаго землепользованія,—они слишкомъ хорошо извѣстны. Напомнимъ лишь, что за послѣднее время идеи сторонниковъ индивидуальной поземельной собственности настолько сильно и властно охватили значительную часть правительственныхъ нашихъ сферъ, что для многихъ гибель русской общины казалась близкой и неизбѣжной; въ канцеляріяхъ соотвѣтствующихъ вѣдомствъ спѣшно приготовлялись уже проекты, въ самомъ корнѣ подрывающіе общинный строй земельныхъ распорядковъ, и сомнѣнія въ

благодѣтельности проектовъ этихъ не допускалось: дни русской общины, казалось, были сочтены.

И въ эти-то тревожные дни смутныхъ ожиданій Высочайшій манифестъ 26-го февраля 1903 года нежданно разсѣялъ напрасные страхи и убѣдилъ всѣхъ въ непремѣнной волѣ Государя сохранить народу его вѣковой земельный строй. „Предначертанные нами труды по пересмотру законодательства о сельскомъ состояніи, — гласилъ манифестъ,—по ихъ первоначальномъ выполненіи въ указанномъ нами порядкѣ, передать на мѣста для дальнѣйшей ихъ разработки и согласованія съ мѣстными особенностями въ губернскихъ совѣщаніяхъ при ближайшемъ участіи достойнѣйшихъ дѣятелей, довѣріемъ общественнымъ облеченныхъ. Въ основу сихъ трудовъ положить неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія, изъискавъ одновременно способы къ облегченію отдѣльнымъ крестьянамъ выхода изъ общины“.

Редакціонная коммиссія по пересмотру Положенія о крестьянахъ имѣла такимъ образомъ предъ собой совершенно ясно выраженную волю законодателя въ двухъ Высочайшихъ повелѣніяхъ,—и въ цитированномъ манифестѣ 26-го февраля, и въ повелѣніи видоизмѣнить крестьянскія узаконенія въ духѣ началъ Положенія 19-го февраля, къ каковымъ необходимо отнести и общинную форму землепользованія. Проектъ весьма кстати приводитъ мнѣніе редакціонныхъ коммиссій, трудившихся надъ составленіемъ Положеній 19-го февраля 1861 года, о преимуществахъ общиннаго и подворнаго владѣнія: вопросъ этотъ рѣшенъ былъ въ томъ смыслѣ, чтобы предоставить его разрѣшеніе естественому ходу вещей. „Слѣдуетъ удерживаться отъ стремленія разрѣшить этотъ вопросъ принудительными правительственными мѣрами. Всякое уклоненіе отъ этого начала было бы сопряжено не только съ самыми невыгодными для всѣхъ сторонъ послѣдствіями, но и съ ничѣмъ неоправдываемымъ нарушеніемъ историческаго хода русской общественной жизни“. Приведя на справку это историческое мнѣніе редакціонныхъ коммиссій 60-хъ годовъ, современная намъ редакціонная коммиссія утверждаетъ съ своей стороны, что „высказанныя сужденія сохраняютъ глубокое значеніе и въ настоящее время. При такихъ условіяхъ задача законодателя въ данномъ случаѣ должна состоять не въ коренной насильственной ломкѣ существующаго у крестьянъ порядка землепользованія, а главнымъ образомъ въ предоставленіи сельскому населенію всѣхъ средствъ къ сознательному по собственному почину, какъ

отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ обществъ, переходу къ болѣе совершеннымъ способамъ использованія ихъ земельныхъ богатствъ". Въ дальнѣйшемъ изложеніи проектируемыхъ мѣропріятій коммиссія считаетъ идеальнымъ лишь одинъ видъ землепользованія, а именно владѣніе отрубными земельными участками съ индивидуальнымъ хуторскимъ хозяйствомъ, совершенно справедливо полагая, что всѣ недостатки современнаго общиннаго землевладѣнія, какъ-то чрезполосность, длинноземелье, принудительный сѣвооборотъ, крайняя дробность участковъ, даже періодическая передвижка полосъ, въ одинаковой степени присущи и подворному, и наслѣдственному землепользованію. Въ качествѣ мѣръ переходныхъ къ начертанному идеалу хуторскаго хозяйства, въ виду крайней и непосильной дороговизны организаціи послѣдняго на болѣе широкихъ началахъ, коммиссія проектируетъ разселеніе большихъ деревень и выселеніе части домохозяевъ на отдѣльные земельные участки ихъ надѣловъ, съ размежеваніемъ земли и выдѣломъ ея по требованію выселяющагося къ одному мѣсту, причемъ весьма возможны случаи, что надѣльные участки такихъ переселенцевъ будутъ непосредственно примыкать къ ихъ усадьбамъ, т.-е. силою обстоятельствъ, безъ всякихъ особыхъ размежеваній, образуются отдѣльныя хуторскія хозяйства.

Польза такихъ хуторскихъ хозяйствъ представляется для коммиссіи настолько неопровержимой, что она проектируетъ даже непосредственное участіе въ этомъ дѣлѣ государственной власти; она высказываетъ пожеланіе поощрить крестьянъ къ выселеніямъ предоставленіемъ особыхъ податныхъ льготъ, напр., въ уплатѣ выкупныхъ платежей, не только самимъ выселяющимся, но и остающимся въ коренномъ селеніи домохозяевамъ; вопросъ объ изысканіи особыхъ для сего льготъ необходимо разработать, по мнѣнію коммиссіи, болѣе детально, уполномочивъ министра внутреннихъ дѣлъ войти въ соглашеніе съ подлежащими вѣдомствами.

Словомъ, идеальное хуторское хозяйство настолько овладѣваетъ стремленіями проекта, что интересы общины совершенно затушевываются и отходятъ на второй планъ: основное начало сельскаго быта въ духѣ Положеній 19-го февраля, его общинное землепользованіе—въ переработкѣ коммиссіи получаетъ характеръ не той господствующей идеи, которая, согласно дважды высказанной Высочайшей волѣ, должна проникать собой все переработанное крестьянское законодательство, а какого-то неибѣжнаго зла, остатка переживанія, тормазящаго прогрессъ сельско-хозяйственной

техники и успѣхи земледѣлія, съ которымъ можно и должно пока мириться, но отъ котораго необходимо всемѣрно стараться отдѣлаться.

Въ данномъ случаѣ мы видимъ предъ собой весьма характерный образецъ тѣхъ предположеній, которыя неизмѣнно и постоянно сопутствуютъ всѣмъ спорамъ объ общинѣ: интересно, что не только защитники, но и противники общиннаго строя безконечно твердятъ о своемъ стремленіи какъ можно бережнѣе относиться къ этому вѣковому историческому институту и отнюдь не принимать относительно его какихъ-либо рѣшительныхъ, разрушающихъ его, мѣръ. Все различіе, на первый взглядъ даже не существенное, между окончательными формулами и тезисами сторонниковъ и противниковъ общины сводится лишь къ тому, что когда первые говорятъ: община должна быть оставлена законодательствомъ въ неприкосновенности, въ качествѣ института бытового, исторически возникающаго, развивающагося и разлагающагося,—оппоненты ихъ подтверждаютъ ихъ главное положеніе: да, оставить общину въ неприкосновенности, ибо безумно было бы почеркомъ пера уничтожать вѣковые институты и радикально измѣнять исторически сложившійся поземельный строй общественныхъ отношеній, но необходимо внести нѣкоторыя частичныя поправки и улучшенія въ дѣйствующее законодательство и предоставить отдѣльнымъ крестьянамъ свободу выхода изъ общины и *свободу выдѣла* ихъ надѣльныхъ участковъ.

Но какъ не понять, что въ этой-то свободѣ выдѣла надѣльныхъ участковъ и таится смертельная гибель общины! О какихъ общинныхъ принципахъ и началахъ возможна рѣчь, когда эти принципы свободно и безнаказанно будетъ попирать любой крестьянинъ, не поладившій съ обществомъ и насильственно выхватывающій въ свою собственность любой кусокъ чужой земли? Именно чужой, ибо земля эта ему не принадлежитъ; она общественная; онъ—лишь временный ея держатель и пользователь; право же собственности на общинную землю принадлежитъ общинѣ, какъ юридическому лицу, пользующемуся такими же правами и такой же охраной закона, какъ и лица физическія. Почему, на основаніи какихъ именно соображеній высшей справедливости, индивидуальныя стремленія отдѣльныхъ домохозяевъ должны пользоваться такой предпочтительной охраной закона, предъ которой замолкаютъ нормы дѣйствующаго права? Развѣ дѣйствующее наше законодательство не признаетъ существованія сельской общины, какъ юридическаго лица, развѣ оно не

признаетъ ея имущественныхъ правъ? Ст. 17-я Общаго Положенія прямо указываетъ, что по дѣламъ хозяйственнымъ крестьяне составляютъ сельскія общества съ особымъ органомъ управленія — міромъ. Ст. 414-я (п. 3-й) I ч. X т. свода зак. признаетъ за сельскимъ обществомъ право пріобрѣтать въ собственность недвижимыя имущества. Въ этихъ двухъ статьяхъ законъ, слѣдовательно, признаетъ особую форму земельной собственности, поземельную общину, т. е. такую поземельную собственность, права на которую принадлежатъ цѣлому сельскому обществу. Объ этихъ же общинныхъ правахъ трактуетъ и ст. 34-я Общаго Положенія, предусматривающая право пріобрѣтенія сельскими обществами земель независимо отъ ихъ надѣла, причемъ право на участіе въ такомъ «общемъ владѣніи собственностью» крестьянинъ можетъ уступить постороннему лицу лишь съ согласія міра (ст. 35). Послѣдующія сенатскія толкованія приведенныхъ статей вполнѣ установили принципъ общиннаго владѣнія подобными землями.

По отношенію къ надѣльнымъ землямъ тотъ же принципъ установленъ ст. 113 (прежней 165) Положенія о выкупѣ, ст. 93. Великор. Положенія и ст. 33 Положенія о государственныхъ крестьянахъ.

Во всѣхъ проектируемыхъ мѣропріятіяхъ, какъ административнаго характера, такъ и литературнаго, изъ лагеря противниковъ общины, свободу выхода изъ общины почему-то принято связывать съ свободой выдѣла надѣльнаго участка удаляющагося.—Между тѣмъ эти мѣропріятія являются далеко не равнозначащими по отношенію къ принципамъ дѣйствующаго у насъ законодательства объ общинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если признать поземельную общину, какъ юридическое лицо имущественнаго характера, а за таковое несомнѣнно и признаетъ ее нашъ законъ въ цитированныхъ статьяхъ, то о насильственномъ удержаніи въ этой общинѣ отдѣльныхъ членовъ, держателей надѣльныхъ участковъ земли, съ чисто юридической стороны гражданскаго права не можетъ быть и рѣчи; до сихъ поръ свободному выходу крестьянъ изъ общины препятствовали правила чисто полицейскаго и фискальнаго характера; нынѣ, за отмѣной круговой поруки, препятствія эти утратили всякое практическое значеніе, и для крестьянина открылся свободный выходъ изъ общины, разъ обработка надѣла почему-либо представляется ему невыгодной и разъ его влекутъ на сторону иные, болѣе прибыльные промыслы. Не хочешь работать, пахать и сѣять общинную землю—уходи; никому нѣтъ никакого интереса насильственно держать

крестьянина на надѣльномъ участкѣ земли. Но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что уходящій отъ общественнаго надѣла въ правѣ утащить за собой и присвоить себѣ чужую собственность, принадлежащую всей общинѣ, всему міру, какъ юридическому лицу? Эта мысль такъ ясна, такъ обоснована юридически, что можно лишь удивляться предложеніямъ авторовъ, не желающихъ различать элементарнѣйшихъ правовыхъ понятій. За послѣднее время все чаще и чаще стали возникать различныя общества помощи, различныя патрональныя учрежденія, дающія пріютъ и работу бездомному люду. Кто сталъ бы удерживать этотъ людъ въ учрежденіяхъ этихъ насильственно? Но неужели же каждый, воспользовавшійся такой помощью и прожившій нѣкоторое время въ пріютѣ, хотя бы онъ и выплачивалъ за свое содержаніе изъ своего заработка, тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ право, уходя, потребовать выдѣла себѣ не только тѣхъ вещей, которыми онъ пользовался въ пріютѣ, но и части недвижимаго имущества, напр., построекъ, принадлежащихъ этому пріюту?

По отношенію къ надѣламъ, всю путаницу понятій общей и индивидуальной собственности производитъ, повидимому, выкупная операція, выкупъ надѣловъ, особенно же допускаемый закономъ выкупъ надѣла отдѣльныхъ домохозяевъ. Но не надо забывать, что надѣлъ выкупается обществомъ, какъ юридическимъ лицомъ, и что выкупъ участковъ отдѣльными домохозяевами непремѣнно и безусловно долженъ быть санкціонированъ самой общиной (ст. 165-я).

Говорятъ, что съ поземельной общиной нечего церемониться, ибо отъ нея-то и происходитъ вся наша нищета, весь застой нашей сельско-хозяйственной промышленности. Хуторское хозяйство — вотъ идеалъ земледѣльческаго и землевладѣльческаго благосостоянія, вотъ оплотъ политическаго могущества страны. И при этомъ обыкновенно ссылаются на сравнительную хозяйственную обезпеченность сельскаго населенія нашихъ польскихъ и западныхъ губерній. Но развѣ идеалъ этотъ такъ безспорно установленъ? Развѣ редакціонная коммиссія, не постѣснившаяся бросить упрекъ общественнымъ и государственнымъ дѣятелямъ, — творцамъ дѣйствующихъ нынѣ законоположеній о крестьянахъ, - въ отвлеченности и теоретичности ихъ умозрительныхъ началъ, развѣ она, поборница и поклонница трезваго опыта, заглянула и справилась съ мнѣніями и отзывами мѣстныхъ практическихъ людей, высказанными въ губернскихъ совѣщаніяхъ въ 1894 году по вопросу о хуторскомъ хозяйствѣ? Вопросъ

этотъ разсматривался, напр., въ рязанскомъ совѣщаніи, которое признало, что, безспорно, хуторское хозяйство является выгоднѣе, нежели общинное, но при условіи образованія такихъ участковъ въ составѣ не менѣе 30—50 десятинъ на домохозяйство. «Но подобныхъ хуторскихъ участковъ невозможно образовать въ общинахъ даже большей по землевладѣнію величины, какъ по разнокачественности угодій надѣла, такъ въ особенности по неимѣнію для того достаточнаго количества земли въ общинахъ рязанской губерніи, а также вслѣдствіе привычки русскихъ крестьянъ жить селами, а не хуторами»,—такъ заключаетъ рязанское совѣщаніе. Тульское совѣщаніе, останавливаясь на преимуществахъ общиннаго или индивидуальнаго землепользованія, отмѣчаетъ: «Что касается отношенія самихъ крестьянъ къ вопросу о предпочтительности того или другого способа пользованія землей, то однимъ изъ указаній на этотъ взглядъ можетъ служить то обстоятельство, что съ открытія дѣятельности въ тульской губерніи крестьянскаго земельнаго банка почти всѣ покупки крестьянами земель совершаются ими цѣлыми обществами, или товариществами, а самое пользованіе купленными землями происходитъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ и при общинномъ владѣніи». Такъ говорятъ люди-практики въ взятыхъ нами на выдержку двухъ губерніяхъ района общиннаго землепользованія. Кто станетъ спорить, что при 50-ти десятинахъ надѣла хозяйство пойдетъ успѣшнѣе нежели при 5-ти,—но при чемъ тутъ община и хутора? Указаніе тульскаго совѣщанія тѣмъ болѣе для насъ драгоцѣнно, что оно намѣчаетъ единственный возможный путь производства опытовъ съ насажденіемъ у насъ хуторскаго хозяйства. Въ самомъ дѣлѣ, отчего бы крестьянскому банку не взять на себя почина по насажденію въ средѣ Руси общинной хуторскаго хозяйства? Опытъ, имѣющій несомнѣнно государственное значеніе, умѣстно и производить за счетъ государственныхъ средствъ. Проектируемыя же мѣропріятія насильственнаго захвата чужихъ земель, принадлежащихъ общинѣ, для насажденія на нихъ культуры индивидуализма, по существу своему положительно ничѣмъ не отличаются отъ пресловутыхъ и нелѣпыхъ басенъ о черномъ передѣлѣ. Подобныя мѣропріятія тѣмъ болѣе недопустимы, что сама редакціонная коммиссія одной изъ задачъ своего труда поставила заботу „объ утвержденіи въ сельскомъ населеніи чувства законности и уваженія къ чужимъ правамъ“.

Коммиссія подробно останавливается на вопросѣ объ упорядоченіи земельныхъ отношеній крестьянъ съ смежными владѣльцами. Для этого,

по мнѣнію ея, требуется произвести въ Россіи цѣлый рядъ работъ по размежеванію и установленію болѣе точныхъ границъ поземельныхъ владѣній. Вполнѣ понятно, что существующихъ межевыхъ правительственныхъ силъ являлось бы для того недостаточнымъ. Необходимо въ каждой губерніи учредить по нѣсколько должностей штатныхъ землемѣровъ, съ особымъ межевымъ ревизоромъ во главѣ. Такому насущному предложенію нельзя не сочувствовать. Нельзя не согласиться съ коммиссіей и въ томъ, что въ этомъ важномъ дѣлѣ расходъ казны на содержаніе землемѣровъ, хотя бы и въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей въ годъ, не долженъ останавливать и что онъ „сторицею окупится достигнутыми результатами въ области землеустройства". Предложеніе учредить институтъ этотъ при крестьянскихъ установленіяхъ также весьма практично; не мѣшало бы вообще землемѣрную часть передать въ руки болѣе живыхъ установленій, нежели архаическихъ, отжившивъ свой вѣкъ, ненужныхъ губернскихъ правленій. Это учрежденіе съ своими огромными штатами чисто канцелярскихъ чиновниковъ, не идущихъ далѣе нумераціи безконечнаго ряда исходящихъ и входящихъ бумагъ, чуждое жизни и ея живыхъ потребностей, стоитъ не малыхъ денегъ государству, во всякомъ случаѣ больше тѣхъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей, которыя по проекту потребны для содержанія штата землемѣровъ. Отсюда безъ всякаго ущерба для дѣла можно было бы почерпнуть средства на введеніе нужнаго для страны института землемѣровъ».

Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" (*№ 183, 1904 г.*), *ст. г. Еропкина „Пересмотръ положенія о крестьянахъ въ губернскихъ совѣщаніяхъ"*: «Въ числѣ вопросовъ, по коимъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ сочло необходимымъ ознакомиться съ мнѣніями и воззрѣніями самихъ крестьянъ, значится вопросъ о „семейной собственности" крестьянскихъ дворовъ: соотвѣтствуетъ-ли бытовымъ условіямъ жизни и понятіямъ крестьянъ постановленіе проектовъ о дворѣ, о домохозяинѣ, и о принадлежности надѣльнаго имущества, какъ коллективной семейной собственности, всему двору? (Стр. 43 журнала совѣщанія). Казалось бы, что при такой постановкѣ вопроса какъ отдѣлъ проекта о семейной собственности крестьянскихъ дворовъ, такъ и обсужденіе сихъ отдѣловъ губернскими совѣщаніями, являясь преждевременнымъ, неминуемо впадаетъ въ абстрактную теоретичность, т. е. будетъ страдать такимъ именно недостаткомъ, который Высочайшимъ повелѣніемъ 14 января 1902 года преподано всемѣрно избѣ-

гать: „Задачею предстоящей законодательной работы поставить измѣненіе въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными потребностями жизни въ сельскихъ мѣстностяхъ и пользами государства лишь тѣхъ изъ существующихъ узаконеній о крестьянахъ, недостатки коихъ выяснены опытомъ“...

Съ теоретической точки зрѣнія, исходя изъ основного начала неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ въ смыслѣ сохраненія неприкосновенности земельнаго фонда, нельзя не признать благодѣтельности семейнаго начала по отношенію къ правамъ собственности на подворные участки надѣловъ. Представляется, однако, слишкомъ мало основаній проводить принципы какъ личной, такъ и семейной собственности по отношенію къ усадебнымъ участкамъ поземельныхъ обществъ. Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ упускать изъ виду и обратную сторону начала семейной собственности, заключающуюся въ способахъ и въ порядкѣ отвѣтственности отдѣльныхъ членовъ двора, какъ по частнымъ взысканіямъ, обращеннымъ на эту собственность, такъ, главнымъ образомъ, по взысканіямъ повинностей и недоимокъ, поражающимъ личные заработки членовъ семьи, неотдѣленныхъ формальнымъ образомъ отъ двора. Наконецъ, самое условіе согласія членовъ двора при тѣхъ или иныхъ распоряженіяхъ домохозяина, по сдачѣ-ли надѣльнаго участка въ аренду, или по отчужденію его, представляется въ высшей степени расплывчатымъ и неопредѣленнымъ, если только не поставить требованія совершенія сдѣлки коллективной отъ имени и за подписью всѣхъ тѣхъ членовъ, согласіе коихъ въ этомъ случаѣ необходимо.

Я не стану подробно останавливаться на вопросѣ о границахъ и о размѣрахъ правъ по отношенію къ подворнымъ наслѣдственнымъ участкамъ надѣловъ какъ со стороны отдѣльныхъ домохозяевъ, такъ и со стороны всего сельскаго общества. Думаю, что вопросъ этотъ представляется достаточно яснымъ и безспорнымъ, такъ какъ при иномъ толкованіи утратилось бы всякое различіе юридической конструкціи общинной поземельной собственности, какъ собственности юридическаго лица, и подворнаго— участковаго наслѣдственнаго пользованія, какъ собственности индивидуальной. Такимъ образомъ, вся статья 155 проекта Положенія о надѣльныхъ земляхъ, гласящая: что „подворный участокъ признается собственностью всего крестьянскаго двора, во владѣніи коего онъ состоитъ“, не внося никакого новаго начала въ дѣйствующее законодательство, носитъ чисто редакціонный характеръ...

....Принципіальнымъ вопросомъ является изъятіе изъ вѣдѣнія судебныхъ учрежденій всѣхъ дѣлъ объ отграниченіи и о разверстаніи крестьянскихъ надѣловъ съ землями сосѣднихъ владѣльцевъ и о передачѣ этихъ дѣлъ компетенціи крестьянскихъ учрежденій. Вопросъ представлялся бы безспорнымъ, если бы рѣчь шла о чисто технической части по отмежеванію, по проведенію границъ, въ безспорныхъ участкахъ, по полюбовному разверстанію чрезполосныхъ угодій, хотя бы техническія дѣйствія эти въ связи съ опредѣленіемъ и установкой точныхъ границъ крестьянскихъ надѣловъ и затрогивали поземельныя владѣнія частныхъ собственниковъ. Когда намъ предлагаютъ вопросъ, возможно-ли признать пелезными и неотложными такія техническія дѣйствія по размежеванію, въ интересахъ наиточнѣйшаго выясненія границъ земельныхъ дачъ и устраненія чрезполосицы, то не думаю, чтобы нашлись какія либо возраженія противъ такого безспорнаго благопожеланія: чѣмъ скорѣе приступить и окончить эти дѣйствія, тѣмъ лучше, конечно, и помощь крестьянскихъ учрежденій, земскихъ начальниковъ, помощь особаго вновь формируемаго согласно проекта кадра землемѣровъ, откомандированныхъ въ распоряженіе крестьянскихъ учрежденій, здѣсь въ высшей степени желательна и, надо полагать, будетъ полезна.

Но когда намъ предлагаютъ и даже обязываютъ насъ идти со всѣми нашими недоумѣніями, спорами и раздорами по нашимъ вотчиннымъ правамъ, по тѣмъ основнымъ правамъ собственности, которыя пользуются особой охраной процессуальнаго судебнаго порядка, въ административно-крестьянскія учрежденія и даже не въ эти учрежденія современнаго намъ типа, а въ особыя случайныя коммиссіи, формируемыя подъ предсѣдательствомъ земскихъ начальниковъ, изъ двухъ представителей отъ землевладѣльцевъ и изъ двухъ волостныхъ старшинъ и предсѣдателей волостныхъ судовъ, съ присоединеніемъ къ нимъ еще податного инспектора (ст. 52 и 53 проекта), вѣдѣнію каковыхъ коммиссій подлежатъ дѣла: а) по спорамъ, возникающимъ при отграниченіи надѣловъ, и б) по производству обязательныхъ разверстанія и обмѣна угодій и раздѣла общихъ выгоновъ и водопоевъ (ст. 63 проекта), когда такая коммиссія, въ составъ коей въ огромномъ большинствѣ случаевъ не войдетъ ни одного юриста, „всѣ возникшіе споры при отграниченіи обязана разрѣшить на мѣстѣ ко времени окончанія межевыхъ дѣйствій по отграниченію“, и для этого разобраться въ уставныхъ грамотахъ, выкупныхъ актахъ и договорахъ, данныхъ, владѣн-

ныхъ записяхъ, дѣлахъ по обмѣну угодій и другихъ актахъ землеустройства и землевладѣнія крестьянъ; при самовольномъ завладѣніи должно произвести разслѣдованіе, разсмотрѣть письменные документы, допросить свидѣтелей и окольныхъ людей; при добросовѣстномъ—утвердить давностное владѣніе; по каждому спору постановить мотивированное рѣшеніе, занести границы на планъ, причемъ отказъ сторонъ отъ подписи плана и документовъ не останавливаетъ дальнѣйшаго производства дѣла (ст. 91 и 92). Когда намъ говорятъ при этомъ, что „обязательное разверстаніе, на основаніи настоящихъ правилъ, болѣе одного раза производимо быть не можетъ“, то всѣ мы, землевладѣльцы, при всей громоздкости, дороговизнѣ и длительности судебнаго порядка, все же должны отказаться отъ подобнаго упрощеннаго военно-полевого разбирательства. Стоитъ только представить себѣ безпомощное положеніе тѣхъ двухъ помѣщиковъ и двухъ волостныхъ старшинъ, подъ предсѣдательствомъ земскихъ начальниковъ, зарывшихся въ всевозможныхъ крѣпостныхъ: купчихъ, данныхъ, уставныхъ грамотахъ и проч., и даже некрѣпостныхъ документахъ: сдѣлки по обмѣну, устанавливающихъ добросовѣстное или недобросовѣстное завладѣніе, въ противовѣсъ крѣпостнымъ, опрашивающихъ свидѣтелей и окольныхъ людей; стоитъ представить себѣ положеніе земскаго начальника и податного инспектора, обязаннаго по первому протоколу землемѣра о заявленныхъ ему спорахъ при проведеніи имъ межи (ст. 90) немедленно явиться съ коммиссіей на мѣсто работъ, чтобы здѣсь ко времени окончанія межевыхъ дѣйствій разрѣшить споры и распри сторонъ; стоитъ только войти въ положеніе стороны, ввѣрившей разрѣшеніе священнѣйшихъ своихъ вотчинныхъ правъ невѣжественнымъ въ юридическихъ познаніяхъ членамъ коммиссіи, предсѣдателю коей не предоставлено даже права протеста, гдѣ крѣпостному документу можетъ быть противопоставлено показаніе окольныхъ людей; гдѣ самая добросовѣстность давностнаго владѣнія можетъ быть подвергаема сомнѣнію и провѣркѣ черезъ тѣхъ же окольныхъ людей, чтобы самымъ рѣшительнымъ образомъ высказаться противъ этой части проекта. Намъ скажутъ, что рѣшеніе коммиссіи не окончательное, что оно ревизуется, что оно, наконецъ, можетъ быть обжаловано губернскому присутствію и Правительствующему Сенату. Но плохъ тотъ судебный органъ, который будетъ почерпать жизненную свою силу, авторитетъ и значеніе только изъ ревизіонныхъ и апелляціонныхъ инстанцій. Наконецъ, развѣ губернскія присутствія не завалены въ настоящее время дѣлами, чтобы возможно было

возлагать на нихъ еще новую функцію судебно-межевого характера, настолько сложную и обширную, что она одна могла бы занять компетенцію спеціальнаго губернскаго учрежденія? Самъ проектъ признаетъ, что функцію эту невозможно возлагать на уѣздные съѣзды, которые и нынѣ уже обременены количествомъ дѣлъ (стр. 140, т. VI); врядъ-ли губернское присутствіе, одно на губернію, находится въ болѣе льготномъ положеніи.

И такъ, вполнѣ признавая статью 62-ю проекта о томъ, что „вѣдѣнію земскаго начальника подлежатъ дѣла: а) по отграниченію надѣловъ, когда при утвержденіи межъ не возникаетъ споровъ; б) по возобновленію утвержденныхъ межъ и проведенію границъ согласно судебныхъ рѣшеній, вошедшихъ въ законную силу, и в) по засвидѣтельствованію добровольныхъ сдѣлокъ по разверстанію и обмѣну угодій и раздѣлу общихъ выгоновъ и водопоевъ“, ни въ какомъ случаѣ нельзя согласиться со статьей 63-й того же проекта о томъ, что вѣдѣнію мѣстныхъ коммиссій подлежатъ дѣла: „а) по спорамъ, возникающимъ при отграниченіи надѣловъ, и б) по производству обязательныхъ разверстанія и обмѣна угодій и раздѣла общихъ выгоновъ и водопоевъ“.

Можетъ быть, существующій судебный порядокъ производства этихъ дѣлъ и мало удовлетворителенъ; но тогда и слѣдуетъ, по моему, ходатайствовать объ измѣненіи и улучшеніи этихъ порядковъ, а не о замѣнѣ компетентныхъ учрежденій несвѣдущими въ юридическихъ вопросахъ коммиссіями, облеченными чрезвычайными полномочіями признавать или отвергать вѣками освященныя вотчинныя права».

II.

Отзывы печати, относящіеся къ „Трудамъ редакціонной коммиссіи“.

Къ проекту положенія о крестьянскомъ общественномъ управленіи.

„Саратовская Земская Недѣля“ №№ 6—7 и 8, 1904 г., статья г. Кожухара „Къ реформѣ крестьянскаго устройства“:

«Указавъ въ предыдущихъ двухъ статьяхъ *) на несоотвѣтствіе положеніямъ реформы 19 февраля 1861 г. и дѣйствительной жизни одного изъ основныхъ началъ, изъ которыхъ исходила редакціонная коммиссія, создавая свой проектъ реформы крестьянскаго общественно-правового строя, именно, сословной обособленности крестьянъ, мы могли бы не входить въ разсмотрѣніе его частностей и деталей. Но дѣло въ томъ, что въ частностяхъ проекта редакціонная коммиссія развиваетъ далеко не только установленныя ею основныя начала реформы, но и даетъ имъ новое освѣщеніе, новыя черты, дополняетъ ихъ и даже отступаетъ отъ нихъ. А нѣкоторыя частности представляютъ значительный интересъ и независимо отъ ихъ отношенія къ основнымъ принципамъ реформы по своимъ, такъ сказать, самостоятельнымъ чертамъ, особенностямъ и тенденціямъ, въ самомъ корнѣ мѣняющимъ характеръ деревенской общественно-хозяйственной жизни. Поэтому, намъ кажется, необходимо остановиться и на нѣкоторыхъ, болѣе или менѣе существенныхъ, частностяхъ созданнаго нынѣшней редакціонной коммиссіей проекта крестьянскаго общественнаго устройства. При этомъ, чтобы не слишкомъ отдалиться отъ предшествовавшаго разсмотрѣнія одного изъ главныхъ основаній реформы крестьянскаго строя, именно, сословной обособленности крестьянъ, мы здѣсь будемъ говорить только о наиболѣе интересныхъ чертахъ и особенностяхъ въ составѣ и организаціи сельскихъ и волостныхъ обществъ и ихъ главныхъ органовъ—сельскихъ и волостныхъ сходовъ въ которыхъ прежде

*) См. ч. I наст. кн.

всего и главнымъ образомъ находитъ свое выраженіе составъ и устройство сельскихъ и волостныхъ обществъ.

Но разсмотрѣнію этихъ чертъ и особенностей, намъ кажется, слѣдуетъ предпослать изложеніе хотя-бы главныхъ положеній проекта редакціонной коммиссіи сперва о сельскихъ и волостныхъ обществахъ, а затѣмъ и объ ихъ главныхъ органахъ—сельскихъ и волостныхъ сходахъ.

По проекту редакціонной коммиссіи „крестьяне въ порядкѣ ихъ хозяйственнаго и общественнаго управленія составляютъ сельскія, земельныя и волостныя общества“ (ст. 1). „Сельское общество состоитъ изъ крестьянъ, проживающихъ въ чертѣ одного селенія и притомъ владѣющихъ землей или иной недвижимостью, находящейся въ той волости „въ предѣлахъ которой расположено селеніе“ (ст. 2). „Земельное общество состоитъ изъ крестьянъ, совмѣстно владѣющихъ, на общинномъ или подворномъ (наслѣдственномъ) правѣ, всей или частью надѣльной земли, отведенной имъ по одному акту земельнаго устройства“ (ст. 3). Волостное общество состоитъ прежде всего, какъ и по дѣйствующему закону, „изъ расположенныхъ въ предѣлахъ одной волости сельскихъ обществъ“ (ст. 4). Но затѣмъ по новому проекту „къ составу волостныхъ обществъ, независимо отъ мѣста ихъ приписки и постояннаго жительства, причисляются: 1) крестьяне, владѣющіе въ предѣлахъ волости недвижимой собственностью и притомъ не состоящіе членами одного изъ сельскихъ обществъ, входящихъ въ ея составъ, и 2) мѣщане, посадскіе, ремесленники и цеховые, владѣющіе въ предѣлахъ волости недвижимою собственностью“ (ст. 67). Эти лица входятъ въ составъ тѣхъ волостныхъ обществъ, въ предѣлахъ которыхъ они владѣютъ недвижимой собственностью (ст. 68). Таковы главныя основанія проектируемаго устройства крестьянскаго общественнаго самоуправленія—сельскихъ и волостныхъ обществъ. Ихъ слѣдуетъ дополнить еще тѣмъ, что селенія, состоящія менѣе чѣмъ изъ 10 дворовъ, присоединяются къ одному изъ ближайшихъ сельскихъ обществъ (ст. 5) и что селенія, имѣющія менѣе 100 дворовъ, могутъ соединяться въ одно сельское общество съ тѣмъ, чтобы послѣднее заключало не болѣе 500 дворовъ (ст. 6).

Уже изъ этихъ общихъ положеній о сельскомъ и волостномъ общественномъ устройствѣ обнаруживаются двѣ неожиданныя, новыя черты и вмѣстѣ съ тѣмъ особенности проекта по сравненію съ дѣйствующимъ закономъ; особенности—проводимыя затѣмъ проектомъ и далѣе, и находя-

щіяся въ противорѣчіи и съ объявленнымъ сохраненіемъ хотя и неправильно понимаемыхъ и толкуемыхъ началъ реформы 19 февраля 1861 г., и съ главными принципами, положенными въ основаніе проектируемой реформы самой же редакціонной коммиссіей. Этими особенностями являются: 1) владѣніе недвижимостью, какъ необходимое условіе для того, чтобы быть членомъ сельской и волостной общественно-хозяйственной организаціи,—принципъ новый, не знакомый дѣйствующему законодательству и чуждый, какъ увидимъ ниже, понятіямъ и взглядамъ населенія, и 2) допущеніе въ составъ волостного общества городскихъ бывшихъ податныхъ сословій, владѣющихъ недвижимостью, нарушающее принципъ сословной обособленности, который сама редакціонная коммиссія объявила однимъ изъ краеугольныхъ камней реформы и необходимость котораго она доказывала. Къ разсмотрѣнію этихъ особенностей мы теперь и перейдемъ.

Ниже мы еще будемъ болѣе обстоятельно говорить о владѣніи недвижимостью, какъ о необходимомъ условіи для участія въ сельскомъ и волостномъ самоуправленіи, именно, въ сельскихъ и волостныхъ сходахъ. Здѣсь же посмотримъ только, насколько это новое требованіе согласно и соотвѣтствуетъ духу основныхъ положеній реформы 19 февраля 1861 г., насколько оно соотвѣтствуетъ условіямъ современной жизни и, наконецъ, согласно ли оно съ объявленнымъ принципомъ сословной обособленности и съ задачами охраненія особаго міросозерцанія и общественно-правовыхъ взглядовъ крестьянъ, которыя ставитъ себѣ редакціонная коммиссія.

При освобожденіи крестьянъ, когда было создано ихъ нынѣшнее устройство, было много основаній для того, чтобы связать какъ нибудь крестьянское общественное устройство и управленіе съ владѣніемъ землей или вообще недвижимостью: Положеніе 19 февраля 1861 г. устанавливалось только для освобожденныхъ, т. е. бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, которые вмѣстѣ съ освобожденіемъ получали отъ помѣщиковъ усадьбы и надѣльную землю; затѣмъ само сельское общественное устройство было соединено съ земельнымъ устройствомъ крестьянъ. Даже условія тогдашней сельской жизни въ значительной мѣрѣ допускали это: невладѣющихъ—безземельныхъ и бездомовыхъ — въ то время въ деревняхъ или совсѣмъ не было или было очень мало. Отсюда было бы вполнѣ естественно и понятно, если бы составители Положенія 19 февраля 1861 г. потребовали для участія въ сельскомъ и волостномъ самоуправленіи владѣнія недвижимостью. Ограниченія, установленныя этимъ требованіемъ, коснулись бы

тогда весьма незначительнаго круга крестьянъ. Но мы напрасно стали бы искать этого въ Положеніи 19 февраля 1861 г. Чтобы понять — почему такое требованіе не нашло себѣ мѣста въ законодательствѣ 1861 г., слѣдуетъ принять во вниманіе духъ, общее настроеніе и стремленіе, которыми была проникнута вся реформаторская дѣятельность правительства начала 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Уничтоженіе рабства, уничтоженіе вообще сословныхъ и другихъ привилегій, уравненіе всѣхъ предъ закономъ, признаніе за всѣми одинаково равноправной личности и искреннее желаніе дать возможно полную свободу мѣстной общественной жизни населенія и личной жизни и дѣятельности каждаго гражданина страны — таковы основныя черты взглядовъ, дѣятельности и желаній правительства 60-хъ годовъ прошлаго вѣка и въ томъ числѣ редакціонныхъ коммиссій, создавшихъ Положеніе 19 февраля 1861 г. При такихъ взглядахъ и стремленіяхъ не могло быть рѣчи о созданіи какихъ либо различій между крестьянами, о созданіи привилегій для владѣющихъ недвижимостями. Теперь настроеніе иное, теперь думаютъ о раздѣленіи крестьянства на группы, болѣе и менѣе ограниченныя въ своихъ правахъ, на имѣющія и не имѣющія права участія въ мѣстной общественной жизни. Но справедливо ли это? Справедливо ли только потому, что у человѣка нѣтъ земли или дома, лишать его единственныхъ публичныхъ правъ, возлагая на него однѣ обязанности, лишать его возможности оказывать посильное вліяніе на мѣстную общественно-хозяйственную жизнь, въ правильномъ и надлежащемъ теченіи и развитіи которой глубоко заинтересованъ всякій невладѣющій, такъ же какъ и владѣющій: безземельный и бездомный батракъ, или фабричный рабочій или ремесленникъ, напр., заинтересованъ не менѣе крестьянина, чтобы въ селеніи было устроено достаточное количество колодцевъ, или вообще водоснабженіе, чтобы они содержались въ порядкѣ, чтобы были устроены плотомойни, мосты и т. д.

Между тѣмъ, если при освобожденіи крестьянъ, какъ мы указывали, устраненіе отъ участія въ самоуправленіи невладѣющихъ не имѣло бы большого значенія, такъ какъ оно не захватило бы значительной части населенія, то теперь, когда, съ измельчаніемъ земельныхъ участковъ, съ увеличивающимся недостаткомъ усадебныхъ мѣстъ, съ экономической дифференціаціей населенія, съ ростомъ въ селеніяхъ неземледѣльческихъ заработковъ на фабрикахъ и заводахъ, или въ ремеслахъ, часто значительную часть населенія составляютъ безземельные и бездомовные эле-

менты — пролетаріатъ, живущій одними заработками, теперь требованіе владѣнія недвижимостью для участія въ сельскомъ и волостномъ самоуправленіи является весьма чувствительнымъ лишеніемъ публичныхъ правъ значительной части населенія. И общее направленіе развитія экономической жизни съ несомнѣнностью говоритъ о томъ, что этотъ классъ невладѣющихъ, живущихъ одними заработками, будетъ все больше и больше рости; а вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ рости и число лишенныхъ права участія въ мѣстной общественно-правовой и общественно-хозяйственной жизни. Вдобавокъ къ этому именно ростъ числа невладѣющихъ, идущій параллельно съ обезземеленіемъ населенія, съ развитіемъ промышленности и ремеселъ и въ значительной мѣрѣ обусловленный ими, создаетъ цѣлый рядъ новыхъ требованій къ мѣстному общественному самоуправленію, налагаетъ на него цѣлый рядъ задачъ, напр., улучшенія санитарныхъ условій жизни фабричныхъ селеній и т. д., въ осуществленіи которыхъ нерѣдко бываютъ заинтересованы главнымъ образомъ какъ разъ тѣ невладѣющія группы, которыя, по проектируемому закону, не будутъ допускаться къ участію въ сельское и волостное самоуправленіе. Ясно, какъ нецѣлесообразно такое требованіе. Вѣдь нельзя серьезно думать, что какой нибудь захудалый крестьянинъ, имѣющій какихъ нубудь $^1/_2$ десятины надѣла и жалкую лачугу, будетъ понимать и вести общественное хозяйство лучше, чѣмъ, напр., безземельный, живущій въ наемной квартирѣ фабричный рабочій— спеціалистъ, получающій нѣсколько десятковъ или даже цѣлую сотню руб. въ мѣсяцъ, или машинистъ, или учитель и проч.

Наконецъ, непонятно раздѣленіе крестьянъ на владѣющихъ и невладѣющихъ съ предоставленіемъ права участія въ сельскомъ и волостномъ самоуправленіи только первымъ съ точки зрѣнія задачъ, которыя ставитъ себѣ редакціонная коммиссія, именно, охраненія крестьянской сословной обособленности. Не нужно доказывать, что сословіе тѣмъ сплоченнѣе, сословная жизнь тѣмъ прочнѣе, чѣмъ болѣе, тѣснѣе объединены отдѣльные его члены и экономическими интересами, и одинаковымъ жизненнымъ укладомъ, и одинаковыми моральными и правовыми взглядами и понятіями, и одинаковымъ правовымъ положеніемъ. Всякая дифференціація во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, всякое раздѣленіе сословія, а слѣдовательно и крестьянъ на группы по правовому положенію неминуемо должно разрушать сословный укладъ, сословное правосознаніе. Рѣзкимъ, поэтому, противорѣчіемъ въ работѣ редакціонной коммиссіи является то, что, съ одной сто-

роны, она стремится удержать сословный строй, съ другой, создаетъ условія для его разрушенія.

Другой неожиданной характерной особенностью новаго проекта крестьянскаго устройства является допущеніе въ составъ волостного общества городскихъ бывшихъ податныхъ сословій, владѣющихъ недвижимостью. Объявивъ, что однимъ изъ главныхъ и основныхъ началъ предстоящей крестьянской реформы будетъ сохраненіе сословной крестьянской обособленности, редакціонная коммиссія проводитъ это начало только по отношенію къ сельскому общественному устройству. Въ проектѣ же волостного устройства она заняла очень шаткое положеніе, остановилась на полдорогѣ: съ одной стороны редакціонная коммиссія вводитъ совершенно новый принципъ территоріальности и допускаетъ въ составъ волости не крестьянскіе элементы; съ другой—она не теряетъ надежды оставить волостное устройство по характеру крестьянскимъ, мужицкимъ учрежденіемъ, опекаемымъ административной властью.

Дѣло въ томъ, что редакціонная коммиссія не могла не признать справедливости многочисленныхъ указаній со стороны общества и нѣкоторыхъ правительственныхъ органовъ на то, что волость стала фактически общегосударственнымъ учрежденіемъ, только содержимымъ на счетъ крестьянъ. И она признаетъ, что кругъ вѣдомства, дѣла волостныхъ правленій фактически расширились далеко за предѣлы, установленные положеніемъ 19 февраля 1861 г. и даже послѣдующими законодательствами, значительно расширившими компетенцію волостныхъ учрежденій, хотя и безъ соотвѣтствующаго расширенія круга лицъ и имуществъ, которые должны участвовать въ содержаніи ихъ. „Нельзя не согласиться, говоритъ редакціонная коммиссія, что въ территорію волостей фактически вошло, въ отношеніи весьма многихъ дѣлъ, сплошное пространство земель, принадлежащихъ лицамъ всѣхъ сословій, а потому на практикѣ волостное дѣленіе обнимаетъ собою всю территорію уѣзда и понятіе стоящихъ внѣ волостей пространствъ, на которыя бы не распространялись, если не власть, то дѣятельность волостного начальства, — постепенно ослабѣваетъ“. Казалось бы, признавъ такой фактъ и установивъ раньше, что обособленность крестьянъ должна быть сохранена во всей неприкосновенности, редакціонная коммиссія должна была: или ограничить сословное крестьянское устройство однимъ сельскимъ, а волость сдѣлать территоріальнымъ дѣленіемъ, или, признавъ необходимымъ сохранить волость, какъ сословное, кресть-

янское учрежденіе, соотвѣтственно опредѣлить и ограничить ея функціи, а для завѣдыванія многочисленными дѣлами, касающимися другихъ сословій—не крестьянъ, которыя теперь возложены на крестьянскую волость, создать особую организацію.

Но редакціонная коммиссія не сдѣлала ни того, ни другого. Она признала „необходимымъ точно установить значеніе волости въ качествѣ территоріальнаго дѣленія уѣзда“, такъ какъ, во 1-хъ, таково фактическое положеніе нынѣшней волости, во 2-хъ, интересы и дѣла, которые ввѣряются завѣдыванію волостныхъ обществъ, представляются не узкими интересами внутренняго благоустройства отдѣльныхъ поселковъ, а болѣе широкими интересами общественнаго хозяйства и управленія, касающимися извѣстнаго раіона уѣзда. Въ этомъ смыслѣ, волостная организація имѣетъ нѣкоторыя черты земской организаціи, а потому принадлежность къ составу волостныхъ обществъ должна опредѣляться, главнымъ образомъ, признакомъ владѣнія недвижимымъ имуществомъ въ предѣлахъ волостной территоріи“. Другими словами редакціонная коммиссія какъ будто соглашается съ тѣмъ, что волость должна быть сдѣлана общимъ мѣстнымъ учрежденіемъ, мелкой земской единицей. Тѣмъ болѣе, что необходимость такого безсословнаго, близкаго къ населенію и потому хорошо знающаго мѣстныя условія учрежденія давно признана всѣми—и общей и спеціальной печатью, и разными обществами, съѣздами и собраніями. Однако на дѣлѣ она не создаетъ волость всесословной, а оставляетъ ее крестьянской, только со включеніемъ въ составъ ея мѣщанъ, посадскихъ, ремесленниковъ и цеховыхъ, владѣющихъ въ предѣлахъ волости недвижимой собственностью.

Редакціонная коммиссія не объясняетъ, чѣмъ она руководилась при установленіи такого состава волости. Съ своей стороны мы не можемъ не замѣтить, что онъ противорѣчитъ основнымъ взглядамъ редакціонной же коммиссіи объ органическихъ особенностяхъ, отличающихъ крестьянъ отъ другихъ сословій. Совершенно непонятно, какъ она послѣ сужденій объ особомъ жизненномъ укладѣ, особомъ міровоззрѣніи и общественно-правовыхъ взглядахъ крестьянъ рѣшилась соединить ихъ въ одномъ общемъ мѣстномъ учрежденіи съ городскими сословіями. Еще болѣе непонятно, почему, допустивъ къ участію въ волостномъ самоуправленіи городскія сословія, слѣдовательно, отказавшись отъ принципа сословной обособленности, редакціонная коммиссія тѣмъ не менѣе не объединила всѣхъ

жителей волости, какъ можно было ожидать послѣ только что приведенныхъ сужденій, а остановилась на половинѣ дороги. Вѣдь Кахановская коммиссія, сужденіями которой о фактическомъ территоріальномъ характерѣ волостей пользуется редакціонная коммиссія, послѣдовательно пришла къ выводу, что нѣтъ никакихъ основаній удерживать сословную волость и что необходимо сдѣлать ее общимъ административнымъ органомъ. Логическая послѣдовательность требовала и отъ редакціонной коммиссіи признанія волости общимъ безсословнымъ учрежденіемъ.

Можно допустить только одну причину такого устройства волости по проекту редакціонной коммиссіи, именно: желаніе сохранить существующую опеку надъ крестьянами и вообще широкую административную власть органовъ крестьянскаго управленія и надзора за нимъ. Если допустить, что основнымъ положеніемъ реформы было именно это и одно это положеніе, то станетъ понятнымъ, почему она, вопреки всѣмъ своимъ сужденіямъ, объединила въ волостномъ общественно-административномъ устройствѣ вмѣстѣ съ крестьянами мѣщанъ, посадскихъ, ремесленниковъ и цеховыхъ, именно, потому, что по закону 12 іюля 1889 г. власти волостныхъ учрежденій и земскихъ начальниковъ уже подчинены, кромѣ крестьянъ, мѣщане, посадскіе, ремесленники: редакціонная коммиссія просто рѣшила, что надъ этими элементами и теперь можно сохранить и даже усилить административную власть и опеку. Такимъ образомъ въ дѣйствительности въ рѣшеніи вопроса объ организаціи волости рѣшающее значеніе, повидимому, имѣли не соображенія объ особомъ міровоззрѣніи и общественно-правовыхъ взглядахъ крестьянъ и не фактически, вопреки закона, образовавшееся волостное устройство и управленіе, а соображенія о необходимости сохраненія и даже усиленія опеки надъ крестьянами и вообще бывшими податными сословіями.

Едва ли нужно говорить, что организація, имѣющая въ своей основѣ и вызванная такими принципами, не можетъ удовлетворить насущнымъ потребностямъ жизни и не можетъ быть прочной.....

.... Разсмотрѣвъ наиболѣе выдающіяся черты и особенности въ организаціи, по проекту нынѣшней редакціонной коммиссіи, сельскаго и волостного обществъ, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію такихъ характерныхъ чертъ и особенностей въ проектируемой той же коммиссіей организаціи сельскихъ и волостныхъ сходовъ — главныхъ органовъ соотвѣтствующихъ

обществъ, въ которыхъ прежде всего и главнымъ образомъ находитъ свое выраженіе организація этихъ обществъ.

„Сельскій сходъ, по проекту редакціонной коммиссіи, составляется изъ всѣхъ, входящихъ въ составъ сельскаго общества и достигшихъ тридцатилѣтняго возраста: 1) крестьянъ-домохозяевъ, владѣющихъ надѣльной землей, и 2) крестьянъ, владѣющихъ на правѣ собственности внѣнадѣльной землей или иной недвижимостью. Кромѣ того на сельскомъ сходѣ участвуютъ съ правомъ голоса всѣ назначенныя по выбору сельскія должностныя лица“ (ст. 21 т. II, стр. 80—81). „Многолюднымъ сельскимъ... обществамъ предоставляется замѣнять сходы всѣхъ лицъ, имѣющихъ право участія на оныхъ, сходами выборныхъ отъ сихъ лицъ. Численный составъ схода выборныхъ, въ количествѣ, однако, не менѣе 30 и не болѣе 100, и указаніе дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію схода выборныхъ, предоставляются опредѣленію самихъ сельскихъ... сходовъ, кои постановятъ приговоры о замѣнѣ общаго схода сходомъ выборныхъ“ (ст. 46). „Въ составъ схода выборныхъ не могутъ быть избираемы лица, не имѣющія права быть выборными на волостной сходъ“ (ст. 47). „Къ участію въ сельскихъ сходахъ не допускаются крестьяне: 1) состоящіе подъ слѣдствіемъ или судомъ по преступленіямъ или проступкамъ, влекующимъ за собою наказаніе, соединенное съ лишеніемъ правъ...; 2) отданные подъ надзоръ сельскимъ обществамъ по рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ, и 3) троекратно отданные за кражу, мошенничество, присвоеніе или растрату чужого имущества, а также троекратно осужденные за мотовство и пьянство, въ теченіе трехъ лѣтъ со дня отбытія наказанія по послѣднему приговору“ (ст. 36). „За неявку на сходъ безъ уважительныхъ причинъ, члены онаго могутъ подлежать денежному, въ пользу мірскихъ суммъ, взысканію до 2-хъ рублей, налагаемому властью сельскаго старосты“ (ст. 37).

„Волостной сходъ, по тому же проекту, составляется изъ всѣхъ замѣщаемыхъ по выбору должностныхъ лицъ сельскаго и волостного управленій и изъ... выборныхъ: а) отъ всѣхъ входящихъ въ составъ волостного общества сельскихъ обществъ, и б) отъ причисленныхъ къ волостному обществу лицъ бывшихъ податныхъ состояній“ (ст. 84). „Число избираемыхъ каждымъ сельскимъ обществомъ выборныхъ на волостной сходъ устанавливается въ зависимости отъ общаго количества состоящей во владѣніи общества земли. При этомъ наблюдается, чтобы отъ каждаго отдѣльнаго селенія, входящаго въ составъ сельскаго общества, былъ изби-

раемъ по крайней мѣрѣ одинъ выборный на волостной сходъ“ (ст. 86) „Губернскія присутствія, по представленіямъ уѣздныхъ съѣздовъ, опредѣляютъ для каждаго уѣзда, а если встрѣтится надобность, то и для отдѣльныхъ волостей, количество земли, отъ коего полагается по одному выборному на волостной сходъ“ (ст. 87). „Члены сельскихъ обществъ и причисленныя къ волостнымъ обществамъ лица сельскаго и городского состояній, если они владѣютъ въ предѣлахъ волости участкомъ внѣнадѣльной земли, заключающимъ равное или большее количество десятинъ, чѣмъ то, которое установлено губернскимъ присутствіемъ, согласно статьѣ 87 (см. выше), для избранія одного выборнаго, имѣютъ право самостоятельнаго участія на волостномъ сходѣ“ (ст. 88). „Вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежащая тѣмъ лицамъ земля не принимается въ разсчетъ при исчисленіи количества ея, соотвѣтственно которому опредѣляется число выборныхъ отъ сельскаго общества на волостномъ сходѣ (ст. 89). Причисленныя къ волостнымъ обществамъ лица сельскаго и городского состояній, если они не владѣютъ количествомъ земли, достаточнымъ для самостоятельнаго участія на волостномъ сходѣ, избираютъ изъ своей среды на особомъ избирательномъ сходѣ при волостномъ правленіи выборныхъ на волостной сходъ. Число выборныхъ отъ этихъ лицъ опредѣляется посредствомъ дѣленія общаго количества состоящихъ въ ихъ владѣніи десятинъ земли на то количество десятинъ, которое установлено губернскимъ присутствіемъ для опредѣленія числа выборныхъ на волостномъ сходѣ (ст. 90). Затѣмъ выборными на волостной сходъ не могутъ быть избираемы и лично, по праву владѣнія требуемымъ количествомъ земли, не могутъ въ немъ участвовать лица: „1) моложе 30 лѣтъ; 2) не владѣющіе участкомъ полевой земли; 3) состоящіе подъ слѣдствіемъ или судомъ по преступленіямъ или проступкамъ, влекущимъ наказаніе, соединенное съ лишеніемъ правъ..., или отданныя подъ надзоръ обществъ по рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ, и 4) осужденныя за кражу, мошенничество, присвоеніе и растрату чужого имущества, а также осужденныя за мотовство и пьянство, въ теченіе трехъ лѣтъ со времени отбытія наказанія по судебному приговору (ст. 85). Наконецъ, члены волостного схода, за неявку на оный безъ уважительныхъ причинъ, могутъ подлежать денежному взысканію въ пользу волостныхъ суммъ, до трехъ рублей, налагаемому властью волостного старшины (ст. 97).

Такова въ главныхъ чертахъ проектируемая организація сельскихъ и волостныхъ сходовъ. Сопоставляя ее съ существующимъ устройствомъ

тѣхъ же учрежденій, мы найдемъ въ ней слѣдующія существенныя особенности въ устройствѣ сельскихъ сходовъ: 1) въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что, какъ мы видѣли, сельское и волостное общества состоятъ изъ однихъ владѣющихъ недвижимостью, сельскій сходъ составляется только изъ принадлежащихъ къ сельскому обществу крестьянъ-собственниковъ, владѣющихъ надѣльной или внѣнадѣльной землей или иной недвижимостью; 2) къ участію на сходѣ допускаются только лица, достигшія тридцатилѣтняго возраста, и 3) въ крупныхъ селеніяхъ допускаются сходы выборныхъ. Въ устройствѣ волостныхъ сходовъ: 1) избраніе выборныхъ на волостной сходъ по 1 отъ 10 дворовъ замѣнено избраніемъ отъ опредѣленнаго числа десятинъ земли, другими словами вводится новое поземельное основаніе волостного представительства, которое проводится и въ томъ, что не владѣющіе землей не могутъ быть выборными на волостной сходъ; 2) въ связи съ земельнымъ основаніемъ волостного представительства крупные владѣльцы поземельной собственности, принадлежащіе къ бывшимъ податнымъ сословіямъ — сельскимъ и городскимъ, допускаются къ личному, самостоятельному участію въ волостныхъ сходахъ, а мелкіе изъ тѣхъ же сословій избираютъ выборныхъ на особыхъ волостныхъ избирательныхъ сходахъ; число этихъ выборныхъ, какъ и число выборныхъ, избираемыхъ сельскими обществами, опредѣляется количествомъ земли, находящейся въ ихъ владѣніи. Затѣмъ къ участію и въ сельскихъ, и въ волостныхъ сходахъ не допускаются лица, находящіяся подъ слѣдствіемъ и судомъ по извѣстнымъ преступленіямъ и осужденные за рядъ преступленій въ теченіе извѣстнаго времени со дня осужденія. Наконецъ, какъ члены сельскаго схода, такъ и волостного, за неявку на сходъ могутъ быть штрафуемы дисциплинарной властью въ первомъ случаѣ сельскаго старосты, во второмъ—волостного старшины. Къ болѣе или менѣе обстоятельному разсмотрѣнію этихъ особенностей мы сейчасъ перейдемъ, придерживаясь порядка, въ которомъ онѣ только что приведены. Начнемъ съ особенностей въ организаціи сельскаго схода, именно, съ допущенія къ участію въ немъ только крестьянъ, владѣющихъ недвижимостью.

Выше мы уже указывали на несоотвѣтствіе этого требованія Положенію 19 февраля 1861 г., условіямъ существующей и развивающейся экономической и общественной жизни и задачамъ, которыя ставитъ себѣ сама редакціонная коммиссія по отношенію къ реформѣ крестьянскаго общественно-хозяйственнаго и правового строя. Здѣсь мы подробнѣе оста-

новимся на постановкѣ этого вопроса по дѣйствующему закону и при его созданіи, на фактическомъ положеніи въ нашей сельской жизни вопроса объ участіи безземельныхъ и вообще невладѣющихъ въ сельской общественной жизни и на имѣющихся основаніяхъ и данныхъ для рѣшенія этого вопроса. По дѣйствующему закону сельскій сходъ, кромѣ должностныхъ лицъ, „составляется изъ крестьянъ домохозяевъ, принадлежащихъ къ составу сельскаго общества". Редакціонныя коммиссіи 1861 г., проведшія этотъ законъ, исходя изъ основныхъ началъ освободительной реформы—дарованія сельскимъ обществамъ возможно полнаго и дѣйствительнаго самоуправленія, возможно большаго устраненія вліянія администраціи на мірскія дѣла и, наконецъ, отвѣтственности всѣхъ избираемыхъ въ должности лицъ предъ цѣлымъ крестьянскимъ обществомъ, пришли къ выводу, что „каждому члену общества должно быть, по возможности, предоставлено прямое участіе въ такомъ собраніи, гдѣ рѣшаются всѣ дѣла, учреждающія и постоянно обновляющія общественное и хозяйственное управленіе крестьянъ, гдѣ происходитъ повѣрка дѣйствій лицъ, избираемыхъ въ общественныя должности, и гдѣ всѣ постановленія такъ тѣсно связаны съ обезпеченіемъ и выгодами каждаго отдѣльнаго лица въ обществѣ". Вмѣстѣ съ тѣмъ редакціонныя коммиссіи 1861 г. стремились къ тому, чтобы правила участія населенія въ сельскомъ и волостномъ самоуправленіи были наиболѣе общи и наименѣе стѣснительны. „Этимъ двумъ условіямъ, по мнѣнію редакціонныхъ коммиссій, удовлетворяетъ положеніе ихъ, по которому сельскій сходъ составляется, кромѣ должностныхъ лицъ, изъ крестьянъ, по одному отъ каждаго двора, принадлежащаго къ составу сельскаго общества. Учрежденіе въ такомъ видѣ схода, говорила редакціонная коммиссія, есть наиболѣе общее, потому что оно нынѣ существуетъ въ большей части помѣщичьихъ имѣній; оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, и наименѣе стѣсняетъ мѣстные обычаи предоставленіемъ участія на сходѣ, по возможности, каждому члену общества, и отсутствіемъ подробныхъ правилъ относительно качествъ и условій того лица, которое должно быть на сходѣ представителемъ двора". На практикѣ вышеприведенное постановленіе закона толковалось въ общемъ широко. Въ 1884 г. Сенатъ объяснялъ, что „выраженіями *дворъ*, *домъ* изображается понятіе о семействѣ,— что домохозяинъ называется таковымъ не потому собственно, что онъ имѣетъ домъ, усадебную осѣдлость, а какъ старшій членъ семьи, имѣющей въ своемъ владѣніи и землю, и хозяйство, какъ распорядитель, хозяинъ,

представитель семьи...; семейство можетъ и не имѣть усадебной осѣдлости въ томъ сельскомъ обществѣ, членомъ котораго оно числится, тѣмъ не менѣе, оно остается совокупною единицей въ крестьянской средѣ, и старшій членъ онаго продолжаетъ быть главнымъ распорядителемъ, домохозяиномъ". Изъ свѣдѣній, представленныхъ губернскими совѣщаніями по реформѣ крестьянскаго устройства, видно, какъ смотритъ населеніе на право участія въ самоуправленіи и что оно весьма благоразумно и умѣло воспользовалось предоставленной ему свободой опредѣлить, кто долженъ считаться домохозяиномъ, и слѣдовательно участвовать въ сельскомъ и волостномъ самоуправленіи. Изъ 44 губернскихъ совѣщаній 31 указало, что безземельные крестьяне въ общемъ допускаются къ участію на сходахъ, т. е. считаются самостоятельными домохозяевами. Изъ нихъ два совѣщанія: Пензенское и Петербургское — говорятъ, что въ нѣкоторыхъ обществахъ (С.-Петербургское) или мѣстностяхъ (Пензенское) безземельные крестьяне участвуютъ въ сходахъ и при обсужденіи дѣлъ, касающихся земли, и одно, Екатеринославское,— что „безземельные крестьяне по дѣламъ, касающимся землевладѣнія, также допускаются на сходъ". Большинство остальныхъ 28 совѣщаній говорятъ, что безземельные участвуютъ въ сходахъ по всѣмъ дѣламъ, не касающимся землевладѣнія, затѣмъ три совѣщанія сообщили, что безземельные участвуютъ въ сходахъ „по дѣламъ лично ихъ касающимся" (Владимірское) и по вопросамъ, касающимся ихъ личныхъ и имущественныхъ интересовъ" (Ярославское и Орловское); два пишутъ, что безземельные участвуютъ въ сходахъ только для „обсужденія дѣлъ о мірскихъ раскладкахъ, ихъ касающихся" (Смоленское) или „о тѣхъ мірскихъ сборахъ, которые упадаютъ на нихъ" (Тамбовское); Оренбургское совѣщаніе говоритъ, что безземельные участвуютъ въ сходахъ только въ случаяхъ ссылки въ Сибирь порочныхъ членовъ и Саратовское: „при рѣшеніи нѣкотораго рода дѣлъ". Такимъ образомъ населеніе въ общемъ совершенно вѣрно смотритъ на безземельныхъ, какъ на членовъ общества, которыхъ слѣдуетъ допускать къ обсужденію общественныхъ дѣлъ, не касающихся земли. Такъ повидимому взглянули на участіе въ сельскихъ сходахъ безземельныхъ крестьянъ и сами губернскія совѣщанія: Курское, Минское, Таврическое, Калужское и др., безъ всякаго запроса со стороны министерства, указываютъ на справедливость и пользу участія въ сельскихъ сходахъ безземельныхъ: „безземельные крестьяне", говоритъ Витебское совѣщаніе, „на сельскіе сходы не допускаются, но въ

видахъ ограниченія ихъ отъ незаконныхъ дѣйствій сельскихъ сходовъ и должностныхъ лицъ волостного правленія, — слѣдовало бы предоставить имъ право участія на сельскихъ сходахъ по дѣламъ, касающимся обложенія ихъ мірскими сборами". Бессарабское совѣщаніе говоритъ: „Отсутствіе на сходѣ безземельныхъ домохозяевъ въ тѣхъ обществахъ, гдѣ существуетъ общинное землепользованіе, вызываетъ часто злоупотребленія, такъ какъ сходъ совершенно игнорируетъ права на землю безземельныхъ членовъ общины и упорно сопротивляется мысли о передѣлѣ земли, не надѣляя своихъ безземельныхъ сообщественниковъ землею даже тогда, когда по какому либо случаю земельный участокъ остается празднымъ" и т. д. Очевидно, что и по взглядамъ населенія, и по принципамъ реформы 1861 г., которые ставятся ею въ основаніе своего проекта, и, наконецъ по воззрѣніямъ органовъ крестьянскаго управленія, изъ которыхъ, главнымъ образомъ, были составлены губернскія совѣщанія, основаніемъ для участія въ сельскомъ и волостномъ самоуправленіи должна быть принадлежность къ сельскому обществу, или, лучше, жизнь въ селеніи и самостоятельное хозяйство, — безъ сомнѣнія болѣе демократическія и болѣе справедливыя основанія, чѣмъ владѣніе недвижимымъ имуществомъ, принципъ, чисто буржуазный, на практикѣ не проводившійся до сихъ поръ нашимъ населеніемъ, несмотря на то, что оно имѣло полную возможность примѣнять его.

Другимъ ограниченіемъ круга лицъ, призванныхъ къ участію въ сельскомъ и волостномъ самоуправленіи, является требованіе отъ домохозяевъ, владѣющихъ землей, тридцатилѣтняго возраста. Не говоря уже о томъ, что это требованіе совершенно противорѣчитъ духу дѣйствующаго положенія не стѣснять сельскихъ обществъ правилами „относительно качествъ и условій того лица, которое должно быть на сходѣ представителемъ двора", оно должно очень сильно ограничить число лицъ, имѣющихъ право участвовать въ сельскомъ и волостномъ самоуправленіи. Этимъ постановленіемъ будутъ лишены права участвовать въ немъ многіе самостоятельные хозяева и сельское и волостное самоуправленіе перейдетъ въ руки наиболѣе отсталыхъ, наиболѣе консервативныхъ и наименѣе культурныхъ элементовъ деревни—стариковъ. Отъ такого перехода нельзя ожидать прогресса въ развитіи общественной жизни селеній, въ культурной дѣятельности сельскихъ сходовъ.

Итакъ, постановленіями о томъ, что участвовать въ сельскомъ само-

управленіи могутъ только лица, владѣющія землей или другой недвижимостью и достигшія 30 лѣтъ, нарушаются основные принципы реформы 1861 г., что каждому члену общества должно быть предоставлено прямое участіе въ сельскомъ сходѣ, что выборныя крестьянскія должностныя лица должны избираться всѣми членами общества, которыя имъ подчиняются. При проектируемомъ порядкѣ около половины сельскихъ жителей не будетъ участвовать въ сельскомъ самоуправленіи, въ выборѣ должностныхъ лицъ, которымъ будетъ подчиняться. Самый характеръ сходовъ, какъ собраній пожилыхъ домохозяевъ, владѣющихъ недвижимымъ имуществомъ, существенно измѣнится и такіе сходы будутъ представлять односторонніе интересы владѣльцевъ и стариковъ противъ непредставленныхъ интересовъ невладѣющихъ, безземельныхъ и проч. и младшихъ членовъ семей. Наконецъ съ точнымъ опредѣленіемъ круга лицъ, имѣющихъ право участвовать въ сельскомъ самоуправленіи, и съ установленіемъ ценза должна еще значительно увеличиться трудность составленія сельскихъ сходовъ, на которую часто жалуются и въ настоящее время и которую повидимому уже предвидитъ редакціонная коммиссія. Намъ кажется, поэтому, что вводимыя измѣненія характера сельскихъ сходовъ весьма нежелательны: они и несправедливы, и поведутъ не къ прогрессу, а, наоборотъ, къ застою сельской общественной жизни. Но во всякомъ случаѣ редакціонная коммиссія, рѣшившаяся ввести такія существенныя измѣненія, должна была собрать матеріалъ о томъ, какъ измѣнится составъ сельскихъ обществъ подъ вліяніемъ этихъ нововведеній, между тѣмъ она ничего этого не сдѣлала.

Третьей особенностью въ организаціи сельскихъ сходовъ по проекту редакціонной коммиссіи является допущеніе сходовъ выборныхъ въ большихъ селеніяхъ для рѣшенія нѣкоторыхъ дѣлъ. Съ полезностью и цѣлесообразностью этой особенности, по скольку передача дѣлъ сходу выборныхъ предоставлена свободному усмотрѣнію на нихъ сельскихъ сходовъ, нельзя спорить. Но, къ сожалѣнію, стремленіе подчинить всю крестьянскую жизнь администраціи привело къ тому, что и сходы выборныхъ вмѣсто полныхъ, и кругъ подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ, по проекту, могутъ быть установлены и помимо желанія населенія по усмотрѣнію крестьянскаго начальства, а это нежелательно: населеніе лучше знаетъ и видитъ — хорошо ли или плохо идутъ дѣла на полномъ сельскомъ сходѣ или его нужно замѣнить менѣе люднымъ сходомъ выборныхъ. А крестьянское

начальство, напротивъ, всегда склонно будетъ замѣнять полные сходы сходами выборныхъ, такъ какъ на послѣднихъ легче воздѣйствовать, оказывать давленіе въ желательномъ для начальства, но, можетъ быть, не всегда выгодномъ для населенія направленіи. Можно ожидать полнаго исчезновенія полныхъ сходовъ въ болѣе крупныхъ селеніяхъ. И можно опасаться, что неудобства отъ замѣны полныхъ сходовъ сходами выборныхъ въ видѣ хозяйничанія крестьянскихъ властей съ избыткомъ покроютъ выгоды болѣе удобнаго обсужденія дѣлъ на малолюдныхъ собраніяхъ.

Объ особенностяхъ, общихъ сельскому и волостному сходамъ, мы будемъ говорить послѣ разсмотрѣнія особенностей, свойственныхъ устройству одного волостного. Къ этому разсмотрѣнію мы и переходимъ.

Обращаясь къ особенностямъ организаціи, по проекту, волостного схода, мы прежде всего отмѣтимъ, что, такъ какъ волостные сходы составляются изъ выборныхъ отъ крестьянскихъ обществъ, избранныхъ сельскими сходами изъ своей среды, то особенности въ составѣ сельскаго схода, только что нами разсмотрѣнныя, всецѣло относятся и къ волостному и характеризуютъ составъ его изъ пожилыхъ и владѣющихъ крестьянъ также, какъ и составъ сельскаго схода.

Теперь мы обратимся къ особенностямъ проектируемаго устройства волостного схода, связаннымъ съ новымъ земельнымъ основаніемъ волостного представительства, которое проводится какъ въ способѣ опредѣленія числа выборныхъ на волостной сходъ отъ каждаго сельскаго общества и избирательнаго схода, такъ и въ организаціи личнаго участія на немъ крупныхъ владѣльцевъ изъ бывшихъ податныхъ сословій и, наконецъ, въ томъ, что невладѣющіе участкомъ полевой земли не могутъ участвовать на волостномъ сходѣ. При этомъ замѣтимъ, что нѣкоторыя изъ этихъ формъ выраженія земельнаго основанія волостного представительства, напримѣръ, личное участіе крупныхъ землевладѣльцевъ въ волостномъ самоуправленіи и вообще участіе въ немъ приписныхъ къ волости элементовъ, имѣютъ и большое самостоятельное значеніе, какъ особенности организаціи волостного схода.

По дѣйствующему положенію о крестьянахъ выборные на волостной сходъ избираются по одному отъ каждыхъ 10 дворовъ. По проекту новаго закона одинъ выборный избирается отъ извѣстнаго, установленнымъ порядкомъ опредѣляемаго, количества десятинъ земли. Въ объясненіе такой замѣны основанія волостного представительства редакціонная коммиссія гово-

ритъ: „установленное закономъ (дѣйствующимъ К. К.) опредѣленіе числа выборныхъ отъ крестьянъ на волостномъ сходѣ по числу дворовъ представляется нынѣ въ значительной степени устарѣвшимъ и не отвѣчающимъ справедливости. Крайнее разнообразіе въ размѣрахъ владѣемыхъ отдѣльными дворами земель—съ одной стороны и рѣзкая разница въ степени обезпеченности землею отдѣльныхъ селеній—съ другой, приводятъ къ тому, что селенія малоземельныя имѣютъ, по сравненію съ количествомъ владѣемой ими земли, значительно большее число представителей на выборномъ сходѣ, нежели селенія многоземельныя. Наряду съ этимъ, надлежитъ признать, что опредѣленіе мірскихъ повинностей по какой либо иной мѣрѣ, нежели по количеству владѣемой земли, представляется нынѣ безусловно неправильнымъ. Волостные сборы должны, казалось бы, устанавливаться исключительно въ опредѣленномъ денежномъ размѣрѣ и разверстываться между отдѣльными плательщиками сообразно количеству состоящей въ ихъ пользованіи земли. Соотвѣтственно сему предположено установить и представительство на волостномъ сходѣ“. Такимъ образомъ, измѣненіе основанія для опредѣленія числа выборныхъ, которое избираетъ то или иное общество, объясняется редакціонной коммиссіей прежде всего тѣмъ, что существующее представительство отъ числа дворовъ приводитъ къ несправедливости: селенія многодворныя, хотя бы и малоземельныя, представлены сильнѣе, чѣмъ селенія малолюдныя, хотя бы и многоземельныя.

Не отрицая важности этого, мы должны принять во вниманіе, что проектируемый редакціонной коммиссіей порядокъ приведетъ, наоборотъ, къ другой несправедливости: многоземельныя селенія будутъ представлены сильнѣе малоземельныхъ, хотя бы и многолюдныхъ. Но принявъ во вниманіе задачи такихъ общественныхъ организацій, какъ волость: удовлетвореніе культурныхъ потребностей селеній, которыя тѣмъ выше, чѣмъ больше и бѣднѣе селеніе, мы придемъ къ выводу, что именно многолюдныя и малоземельныя селенія больше всего нуждаются въ болѣе сильномъ представительствѣ, которое могло бы настоять на удовлетвореніи ихъ потребностей. Такое, болѣе сильное представительство можетъ быть дано имъ только при дѣйствующей системѣ представительства по числу дворовъ, тогда какъ проектируемая система болѣе сильное представительство дастъ какъ разъ сравнительно менѣе нуждающимся въ культурной работѣ волости многоземельнымъ, зажиточнымъ селеніямъ, которыя сами въ состояніи удовлетворить большую часть своихъ потребностей. Волостные сходы, образо-

вавшіеся при дѣйствіи такой системы представительства, поэтому склонны будутъ проявлять только экономію вмѣсто культурной работы. Затѣмъ редакціонная коммиссія пытается связать проектируемую ею систему установленія числа волостныхъ выборныхъ отъ каждаго сельскаго общества съ господствующимъ у насъ способомъ собиранія средствъ на волостныя нужды, именно, съ поземельными мірскими сборами. Но, во 1-хъ, если земля и является чаще всего единицей мірского обложенія, то, при существующихъ условіяхъ крестьянскаго землевладѣнія и земледѣлія, она, точнѣе доходъ съ нея, далеко не является главнымъ источникомъ уплаты налоговъ вообще и мірскихъ сборовъ въ частности. Въ дѣйствительности такимъ источникомъ промысловые заработки и вообще трудъ населенія являются во всякомъ случаѣ чаще, чѣмъ доходъ отъ земли. Слѣдовательно, едва ли есть основаніе, даже съ точки зрѣнія редакціонной коммиссіи, связывать такъ тѣсно представительство съ количествомъ земли. Тѣмъ болѣе, что, какъ показываютъ изслѣдованія Министерства Финансовъ, земля далеко не служитъ исключительной единицей для взиманія мірскихъ сборовъ, и законъ разрѣшаетъ обществамъ устанавливать такія единицы по своему усмотрѣнію.

Наконецъ, задачей самоуправленія является удовлетвореніе цѣлаго ряда культурныхъ потребностей. И всякое представительство, а слѣдовательно и волостное, должно быть такъ организовано, чтобы быть въ состояніи наилучше выражать, понимать и удовлетворять эти потребности. Вопросъ объ источникахъ долженъ уступить мѣсто вопросу о наилучшемъ и наиболѣе цѣлѣсообразномъ удовлетвореніи потребностей. Съ этой точки зрѣнія существующее представительство отъ опредѣленнаго числа дворовъ болѣе желательно, чѣмъ представительство отъ извѣстнаго количества земли, такъ какъ послѣднее ничего общаго съ задачами волостного самоуправленія не имѣетъ и основывается только на одномъ взиманіи мірскихъ сборовъ.

Здѣсь же въ отношеніи организаціи волостныхъ сходовъ слѣдуетъ указать еще на то, что закономъ не предполагается опредѣлить, хотя бы минимальное и максимальное количество выборныхъ, изъ котораго долженъ состоять волостной сходъ. Такимъ образомъ, установленіе числа выборныхъ предоставляется полному усмотрѣнію губернскихъ присутствій. Вопросъ же о числѣ выборныхъ весьма важенъ, потому что отъ многолюдности или немногочисленности состава сходовъ зависитъ какъ большая

или меньшая возможность всесторонне, обстоятельно обсуждать вопросы, такъ, еще больше, возможность большаго или меньшаго вліянія на волостные сходы должностныхъ лицъ и органовъ надзора за крестьянскимъ управленіемъ. Нельзя не признать, что малолюдные сходы лучше, обстоятельнѣе могутъ обсуждать вопросы вообще, но за то они и легче могутъ подчиниться внѣшнему давленію. Поэтому въ концѣ концовъ, въ интересахъ населенія, болѣе желательны большіе волостные сходы. Но можно сказать навѣрное, что крестьянскія учрежденія будутъ стремиться создать немногочисленные сходы, чтобы имѣть полную возможность направлять ихъ дѣятельность по своему усмотрѣнію, а это, какъ мы сказали, едвали желательно въ интересахъ населенія. Крестьянскія власти, напр., всегда проявляютъ стараніе увеличивать обязательные расходы въ бюджетѣ крестьянскихъ учрежденій и, напротивъ, уменьшать необязательные, идущіе большею частью на культурныя мѣропріятія. Такая политика совсѣмъ не въ интересѣ населенія, а опасность ея несомнѣнна, если, благодаря малочисленности сходовъ, на нихъ будутъ распоряжаться органы надзора за крестьянскимъ управленіемъ непосредственно или чрезъ органы волостного управленія.

Другой особенностью въ организаціи волостного схода, которую редакціонная коммиссія также въ значительной мѣрѣ связываетъ съ земельнымъ основаніемъ представительства, является участіе на немъ выборныхъ отъ причисленныхъ къ волостнымъ обществамъ лицъ бывшихъ податныхъ сословій—сельскихъ и городскихъ, владѣющихъ участками земли, недостаточными для самостоятельнаго, безъ выбора, участія на волостномъ сходѣ. Эта группа сравнительно мелкихъ землевладѣльцевъ избираетъ выборныхъ на особыхъ волостныхъ избирательныхъ съѣздахъ. Мы уже говорили о нарушеніи редакціонной коммиссіей ею же признаннаго неприкосновеннымъ принципа сословности такимъ введеніемъ въ составъ волости части городскихъ сословій. Говорили мы также о значеніи земельнаго основанія волостного представительства, въ связи съ которымъ оно находится. Наконецъ, выше мы пытались дать объясненіе истинныхъ основаній и мотивовъ такого включенія въ составъ волости нѣкоторыхъ, а не всѣхъ, некрестьянскихъ элементовъ. Поэтому здѣсь мы укажемъ только на то, что отъ селенія по проекту полагается во всякомъ случаѣ одинъ выборный, между тѣмъ такого же правила нѣтъ по отношенію къ приписнымъ къ волости лицамъ, такъ что, если не будетъ доставать нѣсколькихъ десятинъ до установленнаго коли-

чества, отъ котораго полагается одинъ выборный, волостной избирательный съѣздъ разойдется, не назначивъ ни одного выборнаго. И такихъ случаевъ вѣроятно будетъ не мало. А это едва-ли справедливо по отношенію къ причисленнымъ лицамъ, да и самому волостному сходу должно быть интересно и полезно имѣть въ своемъ собраніи представителей причисленныхъ къ волости лицъ. О возможныхъ результатахъ введенія въ составъ волости этихъ новыхъ элементовъ мы будемъ говорить ниже.

Но самой главной особенностью въ проектируемомъ редакціонной коммиссіей волостномъ устройствѣ, послѣ его полу-сословнаго, полу-территоріальнаго характера, является предоставленіе права непосредственнаго, самостоятельнаго, не но выбору, участія въ волостныхъ сходахъ крупнымъ землевладѣльцамъ, принадлежащимъ къ бывшимъ податнымъ сословіямъ— сельскимъ и городскимъ, если, какъ мы видѣли, они владѣютъ въ предѣлахъ волости участкомъ внѣнадѣльной земли, заключающимъ равное или большее количество десятинъ, „чѣмъ то, отъ котораго, по постановленію губернскаго присутствія, полагается одинъ волостной выборный“. Эта часть проекта заслуживаетъ самаго серьезнаго и обстоятельнаго разсмотрѣнія какъ съ точки зрѣнія основаній за и противъ такой системы вообще и въ проектируемомъ волостномъ самоуправленіи въ частности, такъ, по возможности, и съ точки зрѣнія практическихъ результатовъ ея примѣненія въ волостномъ самоуправленіи.

Общимъ основаніемъ для примѣненія этой системы лицами, предлагавшими ввести ее у насъ въ земскомъ самоуправленіи, выставлялось желаніе дать болѣе сильное представительство наиболѣе состоятельной и наиболѣе культурной группѣ населенія. Таково же было основаніе этой системы въ провинціальномъ и уѣздномъ самоуправленіи въ Пруссіи, гдѣ она примѣнялась до 70-хъ годовъ прошлаго вѣка. Редакціонная коммиссія объясняетъ допущеніе крупныхъ землевладѣльцевъ къ непосредственному участію въ волостныхъ сходахъ проще—ихъ имущественными интересами и земельнымъ началомъ представительства, которое проводится редакціонной коммиссіей. „Соединеніе такихъ лицъ (т. е. крупныхъ землевладѣльцевъ К. К.) въ общую массу съ остальными избирателями, въ составъ коей они имѣли бы такое право на избраніе ихъ членами волостного схода, какъ и прочіе мелкіе собственники“, говоритъ редакціонная коммиссія, „представлялось бы несомнѣннымъ нарушеніемъ ихъ имущественныхъ интересовъ. Неся по размѣрамъ владѣемаго ими имущества несравненно большее волостное обложеніе,

чѣмъ мелкіе собственники, такія лица должны естественно пользоваться соотвѣтственными преимуществами при вступленіи въ составъ волостныхъ сходовъ. Вслѣдствіе сего, а также принимая во вниманіе общее, усвоенное въ проектѣ земельное основаніе представительства на волостныхъ сходахъ, коммиссія полагала, что лица, владѣющія внѣнадѣльной землей въ количествѣ не меньшемъ того, которое установлено губернскимъ присутствіемъ для избранія одного выборнаго на волостной сходъ, вступаютъ въ составъ этого схода безъ особыхъ выборовъ". Прежде всего отмѣтимъ, что такое же нарушеніе интересовъ крупныхъ землевладѣльцевъ, а принимая во вниманіе оригинальную систему обложенія ихъ волостными сборами, можно сказать, даже большее, представляетъ существующая система земскаго представительства, гдѣ крупные владѣльцы, какъ бы велики не были ихъ владѣнія, пользуются избирательнымъ правомъ наравнѣ съ имѣющими только столько земли, сколько требуется цензомъ. Однако предположенія о допущеніи крупныхъ землевладѣльцевъ къ самостоятельному участію, безъ выбора, въ земскомъ самоуправленіи были отвергнуты правительствомъ какъ при введеніи земства въ 1864 г., такъ и при реформѣ его въ 1890 г. Очевидно существовали и существуютъ весьма серьезныя основанія для такого рѣшенія этихъ вопросовъ,—гораздо болѣе важныя, чѣмъ предоставленіе преобладанія крупнымъ землевладѣльцамъ, какъ болѣе состоятельной и болѣе культурной группѣ населенія. и чѣмъ защита ихъ имущественныхъ интересовъ.

Намъ кажется, что такими основаніями были слѣдующія: прежде всего очень трудно установить, въ какомъ отношеніи находятся между собою величина земельнаго владѣнія или вообще недвижимаго имущества и заинтересованность ихъ владѣльцевъ въ мѣстномъ самоуправленіи. Можно съ большой достовѣрностью утверждать, что прямого пропорціональнаго отношенія между величиной владѣнія и заинтересованностью владѣльцевъ въ ходѣ самоуправленія не существуетъ, т. е., что съ увеличеніемъ землевладѣнія, напримѣръ, вдвое, не увеличивается во столько же разъ упомянутая его заинтересованность. Это обусловливается цѣлымъ рядомъ обстоятельствъ: не подлежитъ, наприм., никакому сомнѣнію, что крупное владѣніе относительно легче выноситъ бремя мѣстнаго, какъ и государственнаго обложенія, чѣмъ мелкое, и чѣмъ больше владѣнія, тѣмъ легче это бремя, хотя бы абсолютная его величина и росла. Сюда же присоединяется очень сложный вопросъ о переложеніи налоговъ, который даетъ многимъ вѣское основаніе

утверждать, что въ концѣ концовъ налоги уплачиваются трудящейся бѣднотой, на плечи которой владѣющіе классы сваливаютъ съ себя это непріятное бремя. А при такомъ положеніи дѣла большіе или меньшіе платежи въ кассы учрежденій мѣстнаго самоуправленія уже перестаютъ быть основаніемъ большей или меньшей заинтересованности въ мѣстномъ самоуправленіи болѣе или менѣе крупныхъ или мелкихъ землевладѣльцевъ, такъ какъ при этомъ теряетъ свое существенное значеніе одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ заинтересованности въ мѣстномъ самоуправленіи—мѣстное обложеніе. Напротивъ, другое очень важное основаніе для заинтересованности въ состояніи и ходѣ мѣстнаго самоуправленія—нужда въ его культурной работѣ, въ его помощи, всегда больше у бѣдной части населенія, чѣмъ у богатой. Она, можно сказать, прямо пропорціональна бѣдности и обратно пропорціональна величинѣ имущества—земельнаго или вообще недвижимаго. Съ этой точки зрѣнія можно положительно утверждать, что невладѣющіе классы или мелкіе владѣльцы заинтересованы въ мѣстномъ самоуправленіи гораздо болѣе крупныхъ. Не подлежитъ также сомнѣнію, что у крупныхъ владѣльцевъ есть множество путей и средствъ, обусловливаемыхъ ихъ экономической мощью, оказывать вліяніе въ желательномъ имъ направленіи на дѣятельность и избирательныхъ собраній, и всѣхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія: у богатаго, напр., землевладѣльца всегда будетъ масса средствъ воздѣйствовать на волостного старшину и многихъ волостныхъ выборныхъ, чтобы заставить провести ему дорогу, устроить мостъ и проч. Наконецъ, крупное землевладѣніе по своимъ интересамъ не такъ рѣзко отличается отъ средняго, что бы не найти въ немъ союзника для совмѣстной защиты общихъ интересовъ. Такимъ образомъ, представляется еще весьма спорнымъ: нужны ли дѣйствительно для пользы и успѣха въ самоуправленіи и для интересовъ крупныхъ владѣльцевъ—такое привилегированное ихъ положеніе и такая исключительная ихъ защита. Такая сложность и неясность дѣла не могла не вліять на отрицательное рѣшеніе у насъ этихъ вопросовъ въ прошломъ по отношенію къ земскому самоуправленію.

Въ томъ же направленіи долженъ былъ дѣйствовать, т. е. удерживать законодателя отъ принятія этой мѣры, ея исключительный характеръ, рѣзко выступающая привилегія крупнаго землевладѣнія, могущая создать неестественное, ненормальное положеніе крупныхъ владѣльцевъ въ учрежденіяхъ мѣстнаго самоуправленія. „Такое рѣшеніе“, говоритъ К. Го-

ловинъ (т. е. предоставленіе крупнымъ владѣльцамъ права непосредственно безъ выбора, участвовать въ земскихъ собраніяхъ К. К.), „намъ кажется весьма неудобнымъ. Гласный, попавшій въ собраніе не будучи избраннымъ, очутиться на немъ въ положеніи не совсѣмъ ловкомъ: воспользовавшись своимъ правомъ, онъ тѣмъ, какъ будто, устранилъ бы себя отъ выраженія мѣстными избирателями степени ихъ желанія видѣть его въ своей средѣ. Отъ такого насильственнаго вступленія въ ряды земства крупные землевладѣльцы едва ли бы много выиграли. Ихъ права могутъ быть, какъ намъ кажется, ограждены инымъ, менѣе щекотливымъ способомъ. Лицамъ, владѣющимъ землей свыше извѣстнаго размѣра, могло бы на избирательномъ съѣздѣ быть предоставлено по два голоса“ и т. д. Все это всецѣло примѣнимо и по отношенію къ вопросу о предоставленіи крупнымъ владѣльцамъ личнаго участія въ волостныхъ сходахъ.

Но въ пользу отрицательнаго рѣшенія этого вопроса по отношенію къ волостному самоуправленію въ особенности говоритъ проектируемая система обложенія крупныхъ владѣльцевъ волостными сборами. По ст. 188 проекта редакціонной коммиссіи „принадлежащая членамъ сельскихъ обществъ, а также отдѣльнымъ, причисленнымъ къ волостному обществу лицамъ внѣнадѣльная земля облагается сельскими и волостными денежными сборами лишь въ томъ количествѣ десятинъ, сообразно которому устанавливается губернскимъ присутствіемъ число выборныхъ на сходѣ подлежащаго волостнаго общества“. „Если во владѣніи одного изъ лицъ, означенныхъ въ предшествующей (188) статьѣ, состоитъ въ предѣлахъ волости болѣе указаннаго въ той же статьѣ количества внѣнадѣльной земли, то превышающее оное количество не принимается въ разсчетъ при раскладкѣ мірскихъ повинностей“ (ст. 189). Такая система обложенія подрываетъ въ корнѣ основанія, выставленныя самой редакціонной коммиссіей въ пользу предоставленія крупнымъ землевладѣльцамъ изъ бывшихъ податныхъ сословій права личнаго участія въ волостныхъ сходахъ. Въ самомъ дѣлѣ, главнымъ основаніемъ для такого участія редакціонная коммиссія выставляетъ матеріальные интересы крупнаго землевладѣнія, связанные съ значительными платежами, приходящимися на нихъ. И въ то же время она принимаетъ самыя рѣшительныя мѣры для того, чтобы не допустить справедливаго обложенія этихъ крупныхъ землевладѣній, хотя бы подесятинно слѣдовательно, пропорціональнаго ихъ величинѣ и въ соотвѣтствіи съ обложеніемъ прочихъ земель волости, принадлежащихъ крестьянскимъ

обществамъ и вообще бывшимъ податнымъ сословіямъ--городскимъ и сельскимъ. Не противорѣчіе ли это: объяснять предоставленіе крупнымъ землевладѣльцамъ права личнаго участія въ волостныхъ сходахъ болѣе значительными ихъ платежами и въ то же время принимать мѣры, чтобы эти платежи не были значительны. Не странно ли въ самомъ дѣлѣ въ то время, какъ въ земскомъ самоуправленіи, при томъ же земельномъ основаніи представительства, крупное землевладѣніе, какъ бы велико оно ни было, облагается земскими сборами все по цѣнности и доходности и все-таки даетъ право лишь одного избирательнаго голоса въ избирательномъ собраніи, въ волостномъ—облагается волостными сборами только часть крупнаго землевладѣнія и тѣмъ относительно меньшая, чѣмъ больше землевладѣніе, и все-таки такое, очень слабо облагаемое волостными сборами землевладѣніе, даетъ его владѣльцу исключительное право непосредственнаго участія въ волостномъ самоуправленіи, т. е. сходѣ.

Проектируемый способъ обложенія крупныхъ землевладѣній не только противорѣчитъ системѣ участія крупныхъ землевладѣльцевъ въ волостномъ самоуправленіи, но имѣетъ еще и самостоятельную и очень существенную отрицательную сторону. Защищая интересы крупнаго землевладѣнія, редакціонная коммиссія хватила черезъ край и созданная ею система можетъ очень вредно отразиться на матеріальныхъ интересахъ всего населенія. Дѣло въ томъ, что крупные землевладѣльцы, платящіе волостные сборы только съ части своего имущества, тѣмъ меньшей, чѣмъ больше самое имущество и иногда весьма незначительной, теряютъ всякій интересъ бережно относиться къ мѣстнымъ сборамъ и, пользуясь своимъ вліяніемъ, могутъ безъ нужды и мѣры увеличивать волостные сборы, которые будутъ излишне обременять бѣдные классы.

Наконецъ, проектируемая редакціонной коммиссіей система обложенія волостными сборами крупныхъ владѣльцевъ противорѣчитъ основнымъ положеніямъ финансоваго права: она обратно пропорціональна имущественной состоятельности владѣльцевъ: чѣмъ крупнѣе владѣніе и слѣдовательно богаче владѣлецъ, тѣмъ легче для него волостные сборы, такъ какъ тѣмъ меньшую долю дохода съ имущества отнимаютъ они у его владѣльца.

Въ связи отчасти съ земельнымъ основаніемъ волостного представительства находится неопредѣленное положеніе причисленныхъ къ волости лицъ, владѣющихъ иной, неземельной недвижимостью. Изъ проекта видно

только, что они причисляются къ волости, слѣдовательно подчиняются крестьянскому начальству, но совсѣмъ не видно, участвуютъ ли они и какъ въ волостныхъ сходахъ. Изъ того, что въ проектѣ закона сказано, что причисленныя къ волости лица избираютъ число выборныхъ на избирательныхъ съѣздахъ по количеству земли, находящейся въ ихъ владѣніи, и изъ того, что въ избирательныхъ сходахъ выбираютъ только „причисленныя къ волостнымъ обществамъ лица сельскаго и городского состояній, если они не владѣютъ количествомъ земли, достаточнымъ для самостоятельнаго участія на волостномъ сходѣ“, можно придти къ выводу, что изъ причисленныхъ къ волости лицъ участвуютъ въ волостномъ самоуправленіи непосредственно или черезъ выборныхъ только владѣющіе землей. А владѣющіе другимъ видомъ недвижимой собственности, если они не входятъ въ составъ сельскаго общества, не будутъ имѣть своихъ представителей на волостномъ сходѣ, хотя будутъ подчиняться крестьянскимъ властямъ и могутъ быть облагаемы волостными сборами. Это было бы уже совсѣмъ несправедливо и нарушало бы основныя положенія, по которымъ мѣстными сборами облагаются только тѣ, кто участвуетъ въ ихъ расходованіи и что мѣстнымъ выборнымъ органамъ подчиняется только тотъ, кто ихъ выбираетъ.

Вводя рядъ новыхъ элементовъ въ составъ волости и устанавливая, правда весьма своеобразное, обложеніе волостными сборами недвижимыхъ имуществъ этихъ новыхъ категорій владѣльцевъ, редакціонная коммиссія должна была, по возможности, обстоятельно изслѣдовать, какъ отразится вводимое ею измѣненіе съ одной стороны на составѣ волостныхъ обществъ и волостныхъ сходовъ, съ другой—на ихъ финансовыхъ рессурсахъ: много ли войдетъ новыхъ членовъ въ составъ волостныхъ обществъ вообще и въ частности въ составъ волостныхъ сходовъ въ качествѣ выборныхъ отъ причисленныхъ къ волости лицъ и самостоятельно въ качествѣ крупныхъ землевладѣльцевъ изъ бывшихъ податныхъ сословій и много ли новыхъ категорій имуществъ будетъ привлечено къ обложенію. Общій порядокъ подготовки законодательныхъ проектовъ во всѣхъ культурныхъ странахъ Европы и у насъ въ другихъ министерствахъ таковъ, что въ объясненіяхъ къ проекту всегда стараются выяснить приблизительные результаты примѣненія въ жизни проектируемыхъ измѣненій и нововведеній. Въ отношеніи къ проекту реформы крестьянскаго устройства необходимость указанныхъ объясненій обусловливалась еще и особенностями существующаго сельскаго и волостного строя, при которомъ крестьянство—самая отсталая и инертная часть насе-

ленія—изолирована отъ болѣе культурныхъ элементовъ государства, и темное и невѣжественное оно влачитъ жалкое полуживотное существованіе, при которомъ учрежденія, обслуживающія все населеніе, имѣющія общегосударственное значеніе, считаются сословными, должностныя лица, входящія въ составъ этихъ учрежденій, выбираются также однимъ сословіемъ—крестьянами, хотя обслуживаютъ все населеніе, и, наконецъ, содержатся они на счетъ одного крестьянскаго сословія, самаго бѣднаго и разореннаго. Все это давно стало общепризнаннымъ, и вся страна съ нетерпѣніемъ ждетъ, что будетъ сдѣлано правительствомъ для урегулированія крестьянскаго дѣла вообще и въ особенности для обновленія и оживленія сельской общественно-хозяйственной жизни введеніемъ въ нее болѣе культурныхъ, болѣе сознательныхъ и болѣе энергичныхъ элементовъ,—новой организаціей сельскаго и волостного самоуправленія и мірскихъ сборовъ. Понятно, что и редакціонная коммиссія должна была дать объясненія, какіе результаты дадутъ въ этомъ отношеніи проектируемыя ею измѣненія. Но она ничего этого не сдѣлала.

У насъ нѣтъ матеріаловъ, чтобы восполнить этотъ пробѣлъ, но нѣкоторыя имѣющіяся по этому вопросу данныя для Саратовской губ., въ виду важности вопроса, мы приведемъ.

Въ отношеніи новыхъ элементовъ, долженствующихъ войти въ составъ волости, для Саратовской губ. у насъ есть данныя, собранныя во второй половинѣ 90-хъ годовъ Саратовскимъ губернскимъ земствомъ, въ числѣ другихъ данныхъ для оцѣнки земель, о числѣ лицъ, принадлежащихъ къ бывшимъ городскимъ сословіямъ и владѣющихъ землею, и о числѣ крестьянъ и казаковъ, владѣющихъ внѣнадѣльной землей. Но изъ крестьянъ—частныхъ землевладѣльцевъ въ составъ волости впервые войдетъ только нѣкоторая часть, большинство же вѣроятно принадлежитъ къ составу волости и въ настоящее время. Мы приведемъ число владѣльцевъ обѣихъ этихъ категорій по уѣздамъ:

УѢЗДЫ.	Аткарскій.	Балашовскій.	Вольскій.	Камышинскій.	Кузнецкій.	Петровскій.	Саратовскій.	Сердобскій.	Хвалынскій.	Царицынскій.	По губерніи.
Владѣющихъ внѣнадѣльн. землею.											
1) Лицъ городск. бывш. под. сословій . .	62	158	14	30	80	43	147	92	29	24	679
2) Крестьянъ . .	216	374	125	188	163	91	293	397	235	32	2114
3) Казаковъ . . .	—	—	—	13	2	–	—	2	—	11	28
Всего . . .	278	532	139	231	245	134	440	491	264	67	2821
Крестьянъ домохозяевъ или хозяйствъ по переписямъ 1882—87 гг.	40639	37931	24936	40159	23456	33655	21957	29337	26956	10099	295724

Какъ незначительно число вновь вступающихъ въ составъ волости лицъ, если даже допустить явное преувеличеніе, что и всѣ крестьяне—частные владѣльцы войдутъ въ составъ волостныхъ обществъ тѣхъ волостей, въ раіонѣ которыхъ находятся ихъ земли, видно хотя бы изъ сопоставленія этого числа съ числомъ крестьянъ-домохозяевъ по тѣмъ же уѣздамъ и по губерніи. Въ среднемъ новые элементы составятъ не болѣе 1% нынѣшняго состава волости. Правда, здѣсь еще не всѣ посторонніе элементы, которые должны войти, по проектируемому закону, въ составъ волости: въ этихъ данныхъ нѣтъ владѣльцевъ другихъ видовъ недвижимой собственности, принадлежащихъ къ бывшимъ податнымъ сословіямъ. Но врядъ ли и присоединеніе этихъ элементовъ значительно увеличитъ число новыхъ членовъ волостныхъ обществъ: извѣстно, что страна наша и въ частности Саратовская губ. не очень богата промышленными и другими заведеніями, зданія подъ которыми стоили бы значительныхъ средствъ и давали бы большіе доходы. Къ тому же причисленныя къ волости лица бывшихъ податныхъ сословій, владѣющихъ неземельной недвижимой собственностью, повидимому, не будутъ участвовать въ волостномъ самоуправленіи, а будутъ только подчиняться его органамъ. Съ другой стороны здѣсь включены крестьяне частные землевладѣльцы, которые и теперь могутъ входить въ составъ сельскихъ обществъ. Этимъ число вновь вступающихъ въ волость элементовъ нѣсколько увеличивается. Такимъ образомъ, по своему составу нынѣшняя волость очень мало обновится и останется по прежнему крестьянской.

Но для характера и успѣшности самоуправленія важенъ не столько составъ волости, который при общемъ характерѣ нашей деревни и при нынѣшнемъ значеніи термина „крестьянинъ“ во всякомъ случаѣ будетъ по преимуществу крестьянскимъ, сколько относительное значеніе и культурный уровень различныхъ по занятію и владѣнію членовъ, составляющихъ волостной сходъ, распорядительный органъ волостного общества. Поэтому весьма интересно было бы знать, какое значеніе для состава схода могло бы имѣть введеніе въ составъ волости новыхъ элементовъ, т. е. проектируемое редакціонной коммиссіей предоставленіе крупнымъ землевладѣльцамъ изъ бывшихъ податныхъ сословій права самостоятельно участвовать въ волостныхъ сходахъ и причисленнымъ къ волости лицамъ, владѣющимъ землею въ количествѣ, недостаточномъ для непосредственнаго участія въ сходѣ—права посылать туда своихъ выборныхъ, избираемыхъ на волостныхъ избирательныхъ съѣздахъ. Редакціонная коммиссія, какъ мы указывали, не собрала по этимъ весьма важнымъ вопросамъ никакихъ данныхъ, что ей можно было легко сдѣлать. У насъ есть данныя о количествѣ частныхъ землевладѣльцевъ по уѣздамъ Саратовской губ., принадлежащихъ къ бывшимъ податнымъ сословіямъ и распредѣленныхъ на группы по величинѣ владѣній. На основаніи этихъ данныхъ можно составить себѣ нѣкоторое представленіе о приблизительномъ числѣ лицъ, которыя будутъ участвовать въ волостныхъ сходахъ лично, какъ крупные землевладѣльцы, и о числѣ выборныхъ отъ мелкихъ собственниковъ внѣнадѣльной земли, избранныхъ на проектируемыхъ волостныхъ избирательныхъ сходахъ. Для этого мы прежде всего опредѣлимъ хотя бы приблизительно по уѣздамъ величину нормъ, т. е. число десятинъ земли, отъ котораго будетъ назначаться одинъ волостной выборный и владѣльцы котораго будутъ имѣть право самостоятельно участвовать въ волостныхъ сходахъ. Затѣмъ разсмотримъ также по уѣздамъ

распредѣленіе частнаго землевладѣнія бывшихъ податныхъ сословій городскихъ и сельскихъ по его размѣрамъ. И изъ сопоставленія полученныхъ отъ этого разсмотрѣнія данныхъ съ найденными нормами, отъ которыхъ полагается одинъ выборный и владѣльцы которыхъ лично участвуютъ въ волостномъ сходѣ, опредѣлимъ для каждаго уѣзда приблизительное число лицъ, которыя будутъ участвовать на волостныхъ сходахъ самостоятельно, и приблизительное количество выборныхъ, избираемыхъ на волостныхъ избирательныхъ съѣздахъ. Къ этому мы и перейдемъ.

Повидимому для установленія количества десятинъ, отъ котораго будетъ избираться одинъ выборный, будетъ приниматься во вниманіе какъ общественная, такъ и частная внѣнадѣльная земля, кромѣ принадлежащей крупнымъ землевладѣльцамъ, лично участвующимъ въ волостномъ сходѣ. Но въ виду неопредѣленности закона мы приведемъ раздѣльно разсчетъ— сколько придется на одного выборнаго земли, принимая во вниманіе одну общественную землю, и принимая во вниманіе общественную и частную принадлежащую лицамъ, участвующимъ въ избирательныхъ сходахъ. Вотъ таблица этихъ нормъ:

УѢЗДЫ.	Всей надѣльной и купленной общественной земли десятинъ.	Частной земли, принадлежащей бывшимъ податнымъ сословіямъ десятинъ.	Изъ нея мелкой частной земельной собственности, до 100 дес., въ десятинахъ *).	Всего общественной и мелкой до 100 дес. частной земельной собственности дес. (1-ая и 3-я графы).	Число волостей.	На 1 волость приходится десятинъ.		При 50 вол. выборн. на 1 выбор. придется десят.		При 100 вол. выборн. на 1 выбор. придется десят.	
						Обществен. земли.	Обществ. и мелкой до 100 дес. частной.	Одной общественной.	Обществ. и мелк. частной.	Общественной земли.	Обществ. и мелк. частной.
Аткарскій . .	559312	42135	6074	565386	40	13983	14135	280	282	140	141
Балашовскій .	537410	52168	9488	546898	44	13214	12429	244	248	122	124
Вольскій . . .	294754	13260	2156	296910	27	10917	10997	218	220	109	110
Кузнецкій . .	232817	15075	4603	237420	13	17909	18263	358	366	179	183
Петровскій . .	368049	17535	2834	370883	30	12268	12363	245	248	123	124
Саратовскій . .	305563	35241	7126	312689	25	12223	12508	244	250	122	125
Сердобскій .	306616	37340	9985	316601	35	8760	9045	175	180	88	90
Хвалынскій . .	379083	21604	2607	381690	28	13539	13632	271	272	135	136

*) «Здѣсь необходимо указать на небольшую неточность, допущенную нами: мы причислили къ мелкимъ землевладѣльцамъ только имѣющихъ до 100 дес. земли. Въ дѣйствительности же почти по всѣмъ уѣздамъ къ нимъ слѣдовало бы отнести и имѣющихъ гораздо больше, т. е. до того количества десятинъ, отъ котораго предполагается одинъ выборный. Но въ такой точности, для полученія которой потребовались бы значительныя вычисленія, принимая во вниманіе приблизительность и предположительный характеръ всего нашего вычисленія и несовпаденіе нормъ съ раздѣленіемъ землевладѣній на группы по размѣрамъ, на которое мы укажемъ ниже, едва ли есть надобность». (Прим. авт. ст.).

УѢЗДЫ.	Всего надѣльной и купленной общественной земли десятинъ.	Частной земли, принадлежащей бывшимъ податнымъ сословіямъ десятинъ.	Изъ нея мелкой частной земельной собственности, до 100 дес., въ десятинахъ *).	Всего общественной и мелкой до 100 дес. частной земельной собственности дес. (1-ая и 3-я графы).	Число волостей.	На 1 волость приходится десятинъ.		При 50 вол. выборн. на 1 выбор. придется десят.		При 100 вол. выборн. на 1 выбор. придется десят.	
						Обществен. земли.	Обществ. и мелкой до 100 дес. частной.	Одной общественной.	Обществ. и мелк. частной.	Общественной земли.	Обществ. и мелк. частной.
Камышинскій .	884818	7883	1892	886710	18	49157	49262	983	986	492	493
Царицынскій .	330762	21483	835	331697	10	33076	33169	662	664	331	332
По губерніи . .	4199183	263139	47051	4246234	270	15553	15727	311	314	156	175

Такимъ образомъ, предполагая, что число волостей останется въ общемъ безъ измѣненія, именно, будетъ то, которое указано въ таблицѣ, мы вычислили, сколько на одну волость приходится десятинъ земли, одной общественной и общественной вмѣстѣ съ частной, принадлежащей мелкимъ владѣльцамъ изъ бывшихъ податныхъ сословій. При этомъ мы приняли по аналогіи съ сельскими выборными сходами, которую приводитъ и редакціонная коммиссія въ объясненіяхъ къ ст. 87 проекта, что волостные сходы будутъ составляться приблизительно изъ 50 выборныхъ плюсъ выборныя должностныя лица сельскаго и волостного управленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы сдѣлали разсчетъ и на 100 выборныхъ на тотъ случай, если бы губернскія присутствія пожелали, съ одной стороны, сдѣлать волостные сходы по возможности многолюдными, а съ другой, ввести на сходы по возможности больше и новыхъ элементовъ. Оказывается, что при 50 выборныхъ, если бы въ основаніе разсчета числа десятинъ, приходящихся на одного выборнаго, была положена только общественная земля, одинъ выборный въ среднемъ по губерніи пришелся бы на 311 десятинъ. А если бы въ разсчетъ принималась земля не только обществъ, но и частныхъ лицъ, участвующихъ въ избирательныхъ сходахъ, тогда одинъ выборный въ среднемъ по губерніи пришелся бы на 314 десятинъ. По уѣздамъ эти двѣ среднія нормы значительно колеблются: онѣ опускаются до 175 десятинъ при первомъ разсчетѣ и до 180 десятинъ при второмъ въ Сердобскомъ уѣздѣ, и поднимаются до 983 и 986 десятинъ при соотвѣтственныхъ разсчетахъ въ Камышинскомъ уѣздѣ. При 100 выборныхъ число десятинъ на одного выборнаго во всѣхъ случаяхъ

*) «Здѣсь необходимо указать на небольшую неточность, допущенную нами: мы причислили къ мелкимъ землевладѣльцамъ только имѣющихъ до 100 дес. земли. Въ дѣйствительности же почти по всѣмъ уѣздамъ къ нимъ слѣдовало бы отнести и имѣющихъ гораздо больше, т. е. до того количества десятинъ, отъ котораго предполагается одинъ выборный. Но въ такой точности, для полученія которой потребовались бы значительныя вычисленія, принимая во вниманіе приблизительность и предположительный характеръ всего нашего вычисленія и несовпаденіе нормъ съ раздѣленіемъ землевладѣній на группы по размѣрамъ, на которое мы укажемъ ниже, едва ли есть надобность». (Прим. авт. ст.).

уменьшается вдвое, опускаясь, напр. для Сердобскаго уѣзд., до 88 и 90 десятинъ земли.

Обращаясь къ болѣе обстоятельному разсмотрѣнію частнаго землевладѣнія бывшихъ податныхъ сословій, на основаніи котораго послѣднія примутъ участіе въ волостномъ самоуправленіи, мы прежде всего видимъ изъ предыдущей таблицы, что въ общемъ число вступающихъ въ волость элементовъ не можетъ быть велико, такъ какъ это землевладѣніе очень незначительно по сравненію съ землевладѣніемъ крестьянскихъ обществъ: въ среднемъ по губерніи оно составляетъ 6,2% послѣдняго, поднимаясь до 12,2% по Сердобскому уѣзду и опускаясь до 0,9% по Камышинскому уѣзду. Къ тому же здѣсь включено и крестьянское частное землевладѣніе, часть владѣльцевъ котораго и теперь безъ сомнѣнія участвуетъ въ волостномъ самоуправленіи. Далѣе въ виду того, что частные землевладѣльцы изъ бывшихъ податныхъ сословій различно участвуютъ въ волостномъ самоуправленіи и въ виду того, что не всѣ крестьяне—владѣльцы внѣнадѣльной земли вступаютъ въ составъ волостныхъ обществъ впервые, необходимо, какъ мы сказали выше, разсмотрѣть землевладѣніе вновь допускаемыхъ къ волостному самоуправленію группъ населенія по величинѣ и кромѣ того отдѣльно частное землевладѣніе крестьянъ и бывшихъ податныхъ городскихъ сословій. При этомъ всѣ землевладѣнія до 100 дес. мы соединяемъ въ одну группу, потому что, какъ видно изъ предыдущей таблицы, владѣльцы ихъ будутъ одинаково участвовать въ волостномъ самоуправленіи черезъ выборныхъ:

Уѣзды.	Частныхъ владѣній.	Размѣръ владѣній: До 100 дес.		От 100,1 до 200 дес.		От 200,1 до 300 дес.		От 300,1 до 400 дес.		От 400,1 до 500 дес.		Свыше 500,1 дес.	
		Владѣній.	Десятинъ.	Владѣній.	Десятинъ.	Владѣній.	Десятинъ.	Владѣній.	Десятинъ.	Владѣній.	Десятинъ.	Владѣній.	Десятинъ.
Аткарскій.	Крестьянъ	158	4826	20	2836	12	2963	9	3143	3	1434	14	18603
	Городскихъ бывш. подат. сословій .	39	1248	9	1353	4	955	4	1349	1	483	5	2941
	Всего . .	197	6074	29	4189	16	3918	13	4492	4	1917	19	21544
Балашовскій.	Крестьянъ . . .	316	6563	29	4000	12	3009	7	2389	3	1449	7	10499
	Городскихъ бывш. подат. сословій .	104	2925	19	3130	10	2600	11	3687	5	2319	9	6599
	Всего . .	420	9488	48	7130	22	5609	18	6076	8	3767	16	20098
Вольскій.	Крестьянъ . . .	97	1994	18	2592	3	755	2	658	—	—	5	5884
	Городскихъ бывш. подат. сословій .	10	162	1	200	1	234	1	320	1	461	—	—
	Всего . . .	107	2156	19	2792	4	989	3	978	1	461	5	5884
Кузнецкій.	Крестьянъ	139	2739	12	1585	8	1945	2	686	1	479	1	684
	Казаковъ . .	2	113	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Городскихъ бывш. подат. сословій .	59	1651	14	2113	2	518	2	635	1	432	2	1394
	Всего . . .	198	4603	26	3698	10	2463	4	1321	2	910	3	2079

Уѣзды	Частныхъ владѣній.	Размѣръ владѣній. До 100 дес. Владѣній.	Десятинъ.	Отъ 100,1 до 200 дес. Владѣній.	Десятинъ.	Отъ 200,1 до 300 дес. Владѣній.	Десятинъ.	Отъ 300,1 до 400 дес. Владѣній.	Десятинъ.	Отъ 400,1 до 500 дес. Владѣній.	Десятинъ.	Свыше 500,1 дес. Владѣній.	Десятинъ.
Петровскій.	Крестьянъ	62	2058	16	2188	4	1003	2	696	4	1858	2	1170
	Городскихъ бывш. подат. сословій .	18	776	14	1868	3	661	4	1403	—	—	4	3856
	Всего . . .	80	2834	30	4056	7	1664	6	2099	4	1858	6	5026
Саратовскій.	Крестьянъ . .	231	5112	30	4236	10	2315	7	2401	2	896	13	15068
	Городскихъ бывш. подат. сословій .	134	2014	7	959	3	738	1	398	1	440	1	665
	Всего . .	365	7126	37	5165	13	3053	8	2799	3	1336	14	15733
Сердобскій.	Крестьянъ	315	8024	45	6647	17	4041	12	3970	2	884	6	4348
	Казаковъ . .	2	99	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Городскихъ бывш. подат. сословій .	63	1869	13	1807	7	1748	3	1084	5	2314	1	561
	Всего . . .	380	9985	58	8454	24	5789	15	5054	7	3148	7	4909
Хвалынскій.	Крестьянъ . . .	200	2408	18	2828	5	1284	2	639	1	423	9	7857
	Городскихъ бывш. подат. сословій .	11	199	6	875	6	1439	2	685	1	424	3	1948
	Всего . . .	211	2607	24	3703	11	2723	4	1324	2	847	12	9805
Камышинскій.	Крестьянъ	177	1241	6	759	2	537	—	—	1	403	2	1256
	Казаковъ . . .	3	142	2	215	6	1357	1	330	1	418	—	1256
	Городскихъ бывш. подат. сословій	25	509	5	721	—	—	—	—	—	—	—	—
	Всего . . .	205	1892	13	1695	8	1894	1	331	2	821	2	1256
Царицынскій.	Крестьянъ . . .	24	609	1	193	—	—	1	353	2	884	4	4888
	Казаковъ	3	127	—	—	1	272	1	376	—	—	6	8123
	Городскихъ бывш. подат. сословій .	10	99	5	785	3	681	—	—	1	463	5	3624
	Всего . . .	37	835	6	978	4	953	2	729	3	1353	15	16635
По губерніи.	Крестьянъ . . .	1719	35574	195	27894	73	17852	44	14935	19	8660	63	70267
	Казаковъ . . .	10	481	2	215	7	1629	2	707	1	418	6	8123
	Городскихъ бывш. подат. сословій .	473	11445	93	13811	39	9574	28	9561	16	7342	30	24588
	Всего . .	2200	47500	290	41890	119	29055	74	25563	36	16420	99	105736

На основаніи приведенныхъ данныхъ о количествѣ общественной и частной земли, приходящейся на волость и на одного волостного выборнаго, о числѣ мелкихъ и болѣе или менѣе крупныхъ частныхъ землевладѣльцевъ изъ бывшихъ податныхъ сословій—городскихъ и сельскихъ и о количествѣ десятинъ земли у нихъ, можно приблизительно счесть число лицъ, которыя, по проекту, должны лично самостоятельно участвовать въ волостныхъ сходахъ, и число выборныхъ отъ причисленныхъ къ волостямъ частныхъ владѣльцевъ мелкой земельной собственности, избранныхъ на проектируемыхъ волостныхъ избирательныхъ сходахъ главнымъ образомъ, бывшими податными сословіями городскими и, отчасти, крестьянскими частными мелкими собственниками, не участвовавшими въ сельскомъ крестьянскомъ самоуправленіи ни въ настоящее время, ни по проекту, напр., проживающими на хуторахъ и проч. При этомъ оговоримся, что нашъ разсчетъ будетъ только вѣроятнымъ, приблизительнымъ, во 1-хъ, потому, что раздѣленіе землевладѣній на группы по размѣрамъ не совпадаетъ съ опредѣленнымъ нами количествомъ земли, отъ котораго полагается одинъ выборный: землевладѣнія дѣлятся на группы до 100 десятинъ, отъ 100,1 до 200 дес., отъ 200,1 дес. до 300 дес. и т. д. по сотнямъ, а нормы земли равняются 280, 272, 136, 125 и т. д. десятинамъ. Чтобы по возможности уменьшить неточность, обусловленную такимъ несовпаденіемъ группъ, на которыя дѣлится землевладѣніе, съ количествомъ земли, отъ котораго полагается одинъ волостной выборный, мы ниже считаемъ землевладѣльцевъ лично участвующими въ волостныхъ сходахъ, начиная съ той группы, которая по размѣрамъ землевладѣнія ближе другихъ къ установленной нормѣ. Напр., если количество десятинъ, приходящихся на одного выборнаго равно 280, 272, 258 дес., то мы будемъ считать лично участвующими въ сходахъ только группы, имѣющія свыше 300 дес., при нормѣ въ 122, 141, 135 десят., мы будемъ считать лично участвующими всѣхъ, имѣющихъ свыше 100 дес. Затѣмъ, нашъ разсчетъ будетъ только приблизительнымъ, вѣрнѣе предположительнымъ потому, что число волостныхъ выборныхъ, а потому и нормы числа десятинъ, отъ которыхъ полагается одинъ выборный, установлены предположительно. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ очень полезнымъ привести указанный разсчетъ, такъ какъ онъ, какъ увидимъ, даетъ достаточное основаніе для сужденія о результатахъ проектируемыхъ нововведеній въ сельское и волостное самоуправленіе. Отмѣтимъ еще, что и въ этой таблицѣ мы выдѣляемъ въ особую рубрику выборныхъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ изъ бывшихъ податныхъ сословій—городскихъ, потому что относительно этой группы нѣтъ никакихъ сомнѣній, что она вступаетъ въ составъ волости впервые, между тѣмъ какъ часть крестьянъ мелкихъ частныхъ собственниковъ участвуетъ въ самоуправленіи и теперь, какъ одновременные владѣльцы и надѣльной земли и приписанные къ мѣстнымъ сельскимъ обществамъ. Только невозможность раздѣлить крестьянъ, владѣющихъ частной земельной собственностью, на участвующихъ въ настоящее время въ волостномъ самоуправленіи и неучаствующихъ, заставила насъ, съ одной стороны, присоединить ихъ къ упомянутымъ городскимъ сословіямъ, съ другой, вести этимъ послѣднимъ самостоятельный счетъ.

УѢЗДЫ.	При составѣ волостн. схода изъ 50 выборныхъ.						При составѣ волостн. схода изъ 100 выборныхъ.					
			Волостныхъ выборныхъ, избранныхъ на волостныхъ съѣздахъ.						Волостныхъ выборныхъ, избранныхъ на волостныхъ съѣздахъ.			
	На одного выборнаго приходится десятинъ.	Лично участвующихъ въ волостн. сходахъ крупныхъ землевладѣльц. изъ бывшихъ податн. сословій.	Всѣми мелкими частными землевладѣльцами изъ бывшихъ податн. сословій.	Въ томъ числѣ мелкими землевладѣльцами изъ город. бывшихъ податн. сословій.	Итого рубрики 2 и 3.	Итого рубрики 2 и 4.	На одного выборнаго приходится десятинъ.	Лично участвующихъ въ волостн. сходахъ крупныхъ землевладѣльц. изъ бывшихъ податн. сословій.	Всѣми мелкими частными землевладѣльцами изъ бывшихъ податн. сословій.	Въ томъ числѣ мелкими землевладѣльцами изъ город. бывшихъ податн. сословій.	Итого рубрики 8 и 9.	Итого рубрики 8 и 10
Аткарскій	282	36	50	13	86	49	141	81	43	9	124	90
Балашовскій	248	64	67	24	131	90	124	112	77	24	189	136
Вольскій	220	13	22	2	35	15	110	32	20	1	52	33
Кузнецкій	364	5	32	13	37	18	182	19	43	19	62	38
Петровскій	248	23	28	11	51	34	124	53	23	5	76	58
Саратовскій	250	38	49	12	87	50	125	75	57	16	132	91
Сердобскій	180	53	102	20	155	73	90	111	111	20	222	131
Хвалынскій	272	18	33	9	51	27	136	53	19	1	72	54
Камышинскій	986	—	1	—	1	—	493	2	13	2	15	4
Царицынскій	664	15	7	3	22	18	332	20	8	5	28	25
По губерніи	311	265	391	107	656	372	156	558	414	102	972	660

Изъ этой таблицы мы видимъ прежде всего, что число участвующихъ въ волостномъ самоуправленіи, въ волостныхъ сходахъ, лично, по собственному праву крупныхъ землевладѣльцевъ, принадлежащихъ къ бывшимъ податнымъ сословіямъ, а не по выбору, будетъ въ Саратовской губ. весьма незначительно: при разсчетѣ по 50 выборныхъ въ волостномъ сходѣ—265 человѣкъ на всю губернію, т. е. на 270 волостей, слѣдовательно менѣе 1 на волость съ колебаніями по уѣздамъ отъ 0 въ Камышинскомъ у. до 1—2 на волость въ Саратовскомъ, Кузнецкомъ и Сердобскомъ у.у.; при разсчетѣ по 100 выборныхъ въ волостномъ сходѣ лично участвующихъ землевладѣльцевъ будетъ на всю губернію 558, слѣдовательно въ среднемъ по 2 на волость съ колебаніями по уѣздамъ опять почти отъ 0 (всего два владѣльца на 18 волостей) въ Камышинскомъ у. до 3 на волость въ Саратовскомъ и Сердобскомъ уѣздахъ. Очевидно, болѣе или менѣе крупные землевладѣльцы изъ бывшихъ податныхъ сословій, призванные къ личному участію въ волостномъ самоуправленіи, несмотря на свое исключительное, привилегированное положеніе, будетъ совершенно теряться въ массѣ выборныхъ отъ крестьянъ, составляя не болѣе 2%—3% представителей крестьянскаго сословія. Не можетъ быть, слѣдовательно, и рѣчи о возможности путемъ предоставленія означенной группѣ крупныхъ землевладѣльцевъ права личнаго участія въ сходахъ защитить ихъ интересы. За то ихъ исключительное положеніе могло бы создать антагонизмъ между членами волостного схода, выбранными населеніемъ и участвующими по собственному праву, а отсюда и намѣренное нарушеніе интересовъ крупныхъ землевладѣльцевъ.

Такимъ образомъ, проектируемое редакціонной коммиссіей предоставленіе болѣе или менѣе крупнымъ землевладѣльцамъ изъ бывшихъ податныхъ сословій права лично, безъ выбора, участвовать въ волостныхъ сходахъ, не достигая своей цѣли, т. е. нисколько не обезпечивая крупнымъ землевладѣльцамъ возможность охранять свои интересы, можетъ повести только къ возбужденію и обостренію естественнаго антагонизма, борьбы между крестьянами и вообще мелкими землевладѣльцами и земледѣльцами съ одной стороны, и крупными, такъ своеобразно вступившими въ составъ волостного схода—съ другой. Ясно, что эта проектируемая мѣра практически является ненужной, а съ соціально-политической точки зрѣнія вредной и потому совсѣмъ нежелательной.

Затѣмъ, эта таблица краснорѣчиво свидѣтельствуетъ также о незначительности числа выборныхъ въ волостные сходы отъ вновь вступающихъ въ составъ волостного самоуправленія мелкихъ землевладѣльцевъ изъ всѣхъ бывшихъ податныхъ сословій. Собственно мелкихъ землевладѣльцевъ изъ бывшихъ податныхъ сословій—городскихъ, относительно которыхъ съ достовѣрностью можно сказать, что они вступаютъ въ составъ волостного самоуправленія впервые, на всю Саратовскую губ. приходится только 107 выборныхъ на 270 волостей при разсчетѣ по 50 выборныхъ на волость и 102 выборныхъ при разсчетѣ по 100 выборныхъ на волость. Ни въ одномъ уѣздѣ не приходится даже по одному выборному на волость. Только, если допустить явное преувеличеніе, именно, что всѣ владѣльцы частной мелкой земельной собственности и изъ городскихъ, и изъ сельскихъ бывшихъ податныхъ сословій вступаютъ въ составъ волости впервые, получится нѣсколько болѣе значительное число выборныхъ отъ этихъ элементовъ, но и то такое, которое своимъ количествомъ всетаки не можетъ оказать ника-

кого вліянія на ходъ волостного самоуправленія. Выборныхъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ изъ городскихъ бывшихъ податныхъ сословій и изъ крестьянъ, при разсчетѣ по 50 выборныхъ на волость, будетъ всего 391 на всю губернію, т. е. на 270 волостей, слѣдовательно отъ 1 до 2 на волость, съ колебаніями отъ 1 выборнаго на весь Камышинскій у., т. е. на 18 волостей, до 3-хъ на каждую волость въ Сердобскомъ у.; при разсчетѣ по 100 выборныхъ на волостной сходъ общее число выборныхъ отъ мелкихъ частныхъ землевладѣльцевъ изъ крестьянъ и изъ городскихъ бывшихъ податныхъ сословій увеличится до 414 для всей губерніи, т. е. тоже въ общемъ отъ 1 до 2 на волость съ колебаніями по уѣздамъ отъ 13 выборныхъ на 18 волостей въ Камышинскомъ у. до 3 съ лишнимъ выборныхъ на волость въ Сердобскомъ и Кузнецкомъ уѣздахъ.

Если соединить лично участвующихъ по проекту въ волостномъ самоуправленіи крупныхъ землевладѣльцевъ изъ бывшихъ податныхъ сословій и выборныхъ отъ мелкихъ частныхъ собственниковъ земли изъ городскихъ бывшихъ податныхъ сословій, то получимъ дѣйствительно впервые вступающихъ въ волостное самоуправленіе новыхъ членовъ сельскихъ сходовъ, при разсчетѣ состава волостного схода изъ 50 лицъ, 372 на всю Саратовскую губ., другими словами 1—2 на волость съ колебаніями отъ 0 въ Камышинскомъ у. до 2 въ Сердобскомъ, Саратовскомъ и Балашовскомъ уѣздахъ. При разсчетѣ состава волостныхъ сходовъ изъ 100 выборныхъ число вновь вступающихъ въ нихъ членовъ лично и выбранныхъ владѣльцами мелкой земельной собственности изъ бывшихъ городскихъ сословій поднимется до 660 на всю губернію, т. е. нѣсколько болѣе 2-хъ на волость. Это среднее число колеблется по уѣздамъ отъ 4 новыхъ членовъ на 18 волостей въ Камышинскомъ у. почти до 4 членовъ на волость въ Саратовскомъ и Сердобскомъ уѣздахъ.

Наконецъ, даже если предположить явное преувеличеніе, что и всѣ крестьяне, частные мелкіе земельные собственники вступаютъ въ составъ волостного самоуправленія впервые по проекту редакціонной коммиссіи, то и въ этомъ случаѣ всѣ новые элементы волостныхъ сходовъ Саратовской губ. едва достигнутъ 656, при разсчетѣ состава волостныхъ сходовъ въ 50 выборныхъ, т. е. нѣсколько болѣе 2 новыхъ членовъ на волость съ колебаніями отъ 1 новаго члена на весь Камышинскій у. до 4 съ лишнимъ на каждую волость въ Сердобскомъ у. При разсчетѣ состава волостныхъ сходовъ въ 100 выборныхъ число новыхъ элементовъ на нихъ будетъ равняться 972 на всю губернію, т. е. по 3 съ лишнимъ въ среднемъ на волость, съ колебаніями отъ 1 на волость въ Камышинскомъ у. до 5 съ лишнимъ въ Саратовскомъ и до 6 съ лишнимъ въ Сердобскомъ уѣздѣ.

Но нужно еще отмѣтить, что и самый нашъ способъ исчисленія выборныхъ отъ волостныхъ избирательныхъ съѣздовъ для цѣлаго уѣзда нѣсколько увеличиваетъ дѣйствительное ихъ число. У насъ исчисляется вся частная земля лицъ изъ бывшихъ податныхъ сословій, не участвующихъ самостоятельно въ волостныхъ сходахъ, по незначительности владѣнія, и дѣлится на норму, отъ которой полагается одинъ волостной выборный. Между тѣмъ въ дѣйствительности во многихъ волостяхъ, гдѣ частной земли не будетъ хватать для избранія хотя бы одного выборнаго, вся она останется безъ представительства. Точно также будутъ теряться излишки сверхъ цѣлыхъ нормъ, которыхъ однако недостаточно еще для одного выборнаго. Въ во-

лости, напр., 170 дес., а въ другой 350 дес. частной земли, и число десятинъ, отъ котораго избирается одинъ выборный въ обѣихъ 200 дес.; первый волостной избирательный съѣздъ не избиретъ ни одного выборнаго, а второй только одного и такимъ образомъ въ первомъ пропадетъ 170 дес., а во второмъ 150. При исчисленіи же для цѣлаго уѣзда эти числа складываются и число выборныхъ искусственно увеличивается.

Относительно соединенія вмѣстѣ участвующихъ на волостныхъ сходахъ лично, самостоятельно и по выбору на избирательныхъ волостныхъ съѣздахъ слѣдуетъ замѣтить, что это дѣлается только на томъ основаніи, что обѣ эти группы вступаютъ впервые въ волостную общественно-хозяйственную жизнь. Интересы же ихъ, главнымъ образомъ, конечно, матеріальные, которые редакціонная коммиссія ставитъ въ основаніе представительства и которые при малой культурности вновь входящихъ въ составъ волости элементовъ дѣйствительно имѣютъ большое значеніе, должны расходиться и даже сталкиваться. Поэтому такому соединенію не слѣдуетъ придавать какое либо серьезное значеніе для внутренней жизни волости и культурной работы ея схода.

Таковы цифровыя данныя о вновь поступающихъ по проекту въ составъ волости элементахъ для Саратовской губ. Такого же характера они, по всей вѣроятности, и для всей Россіи. Разсмотрѣніе ихъ съ несомнѣнностью доказываетъ, что составъ волости и въ частности волостного схода обогатится новыми элементами очень мало и такимъ образомъ застой крестьянской общественной жизни, изолированность крестьянъ отъ остальныхъ сословій останутся прежними. Точно также по прежнему мѣстныя учрежденія, обслуживающія все населеніе, будутъ считаться сословными, и ихъ органы будутъ избираться однимъ крестьянствомъ. Проектируемый законъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ даетъ слишкомъ мало новаго. Это служитъ лишнимъ доказательствомъ того, что нежеланіе оживить деревенскую общественную жизнь вызвало включеніе въ составъ волости низшихъ городскихъ сословій, а какіе-то другіе мотивы, именно указанное выше желаніе сохранить административную опеку надъ сельскимъ, точнѣе крестьянскимъ населеніемъ.

Но мало того, что вводимые въ составъ волости новые элементы количественно не могутъ имѣть никакого вліянія на волостное самоуправленіе и деревенскую общественно-хозяйственную жизнь, они, такъ сказать, качественно не внесутъ ничего новаго и свѣтлаго. Вновь поступающіе по проекту въ составъ волости элементы являются не передовыми группами русскаго населенія, болѣе или менѣе образованными и политически развитыми, которыя могли бы оказывать свое вліяніе на крестьянство не количествомъ, а нравственнымъ и умственнымъ превосходствомъ, которыя могли бы руководить крестьянствомъ въ его общественно-хозяйственной и политической жизни, а низшимъ, наименѣе развитымъ городскимъ сословіемъ, поселившимся въ деревнѣ и омужичившимся тамъ, т. е. болѣе или менѣе потерявшимъ свои городскія черты

Между тѣмъ прочія болѣе культурныя группы деревенскихъ жителей—землевладѣльцы изъ неподатныхъ сословій, владѣльцы прочихъ видовъ недвижимости, учителя, священники, врачи и ветеринары, страховые агенты, служащіе въ частно-владѣльческихъ экономіяхъ, на фабрикахъ, въ

крестьянскихъ и правительственныхъ учрежденіяхъ и проч., совсѣмъ не входятъ по проекту въ составъ волости. Трудно хотя бы приблизительно опредѣлить количество этихъ болѣе культурныхъ элементовъ въ деревнѣ. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что число ихъ ничтожно по сравненію съ крестьянскимъ населеніемъ. Но по нѣкоторымъ имѣющимся даннымъ можно придти къ заключенію, что оно всетаки значительно больше, чѣмъ число вновь вступающихъ въ составъ волости элементовъ по проекту редакціонной коммиссіи: такъ, въ Саратовской губ. однихъ частныхъ землевладѣній, за исключеніемъ принадлежащихъ бывшимъ податнымъ сословіямъ, при оцѣночной переписи второй половины 90-хъ годовъ прошлаго вѣка, было 2077. По даннымъ, собраннымъ Саратовской губернской земской управой въ 1903 г., въ этой губерніи было внѣ городовъ неимѣющихъ недвижимой собственности и получающихъ жалованья не менѣе 300 руб. земскихъ служащихъ 575, служащихъ въ частно-владѣльческихъ экономіяхъ 858 и служащихъ въ крестьянскихъ, правительственныхъ и частныхъ учрежденіяхъ 871, а всего 2304 человѣка. Но безъ сомнѣнія дворянство и прочіе сельскіе жители, не допускаемые къ сельскому и волостному самоуправленію ни въ настоящее время, ни по проекту, если бы они принимали участіе въ немъ, имѣли бы громадное вліяніе не по своему количеству, а какъ болѣе сознательные, болѣе культурные и болѣе развитые политическіе элементы. Это вліяніе быстро подняло бы общественно-политическій уровень деревни и потому должно считаться весьма желательнымъ.

Теперь весьма важно было-бы также изслѣдовать, какъ отразится проектируемое обложеніе недвижимыхъ имуществъ вновь входящихъ въ составъ крестьянскаго управленія элементовъ на другой сторонѣ крестьянской общественной жизни, на мірскихъ сборахъ, именно, много-ли новыхъ имуществъ будетъ привлечено къ обложенію и много ли, слѣдовательно, можетъ дать это привлеченіе. Это важно, такъ какъ по общему признанію, послѣ изолированности нашего крестьянства, самымъ больнымъ мѣстомъ общественно-правового и общественно-хозяйственнаго устройства нашей деревни является то, что органы общегосударственнаго управленія содержатся на счетъ одного крестьянства и что послѣднее переобременено налогами, которыхъ оно не можетъ выносить и значительную долю которыхъ составляютъ мірскіе сборы. Изслѣдованіе этого вопроса, какъ мы указывали и раньше, должна была и могла сдѣлать, но не сдѣлала редакціонная коммиссія. У насъ есть возможность разсмотрѣть только часть его, именно количество подлежащихъ, по проекту, обложенію внѣ-надѣльныхъ крестьянскихъ земель и земель, впервые вступающихъ по проекту въ составъ волости новыхъ элементовъ изъ городскихъ бывшихъ податныхъ сословій въ Саратовской губ. во второй половинѣ 90-хъ годовъ. Имѣющіяся данныя объ этомъ мы приводимъ въ таблицѣ. При этомъ мы соединяемъ въ ней вмѣстѣ частныя земли и крестьянъ и городскихъ бывшихъ податныхъ сословій, такъ какъ онѣ одинаково привлекаются къ обложенію мірскими въ общемъ впервые.

УѢЗДЫ.	Всей надѣльной и купленной общественной земли въ десятинахъ.	Частной внѣ-надѣльной земли, принадлежащей бывшимъ податн. сословіямъ, десятинъ.	Въ томъ числѣ мелкой земельной собственности, приблизительно до размѣровъ того количества, отъ котораго полагается одинъ волостной выборный, въ десятинахъ.		Въ томъ числѣ крупной земельной собственности приблизительно съ того количества, отъ котораго полагается одинъ выборный.				Необлагаемой земли крупныхъ владѣльцевъ изъ бывшихъ податныхъ сословій.		Всего подлежащей обложенію мірскими сборами частновладѣльческой земли при	
					Всей.		Дѣйствительно облагаемой при					
			При 50 выборныхъ на волость.	При 100 выборныхъ на волость.	при 50 выборн. на вол.	при 100 выборн. на вол.	50 выборн. на вол.	100 выборн. на вол.	при 50 выборныхъ на волость.	при 100 выборныхъ на волость.	50 выборныхъ на волость.	100 выборныхъ на волость.
Аткарскій . . .	559312	42135	14181	6074	27953	36060	10152	11421	17801	24539	24333	17495
Балашовскій . . .	537410	52168	16618	9488	35550	42681	15872	13868	19678	28995	32490	23356
Вольскій . .	294754	13260	4948	2156	8312	11104	2860	3520	5452	7584	7808	5676
Кузнецкій . . .	232817	15075	12085	8301	2989	6773	1830	3477	1159	3296	13915	11778
Петровскій . . .	368049	17535	6890	2834	10647	14703	5704	6572	4943	8131	12594	9406
Саратовскій . . .	305563	35241	12321	7126	22921	28116	9500	9375	13421	18741	21821	17496
Сердобскій	306616	37340	18439	9985	18900	27355	9540	9990	9360	17365	27979	19975
Хвалынскій . . .	379083	21004	9029	2603	11976	18402	4896	7208	7080	11194	13925	9811
Камышинскій .	884318	7889	7889	6633	—	1256	—	986	—	270	7889	7619
Царицынскій . .	330762	21483	12170	2766	9313	18717	9960	6640	—	12077	21483	9406
По губерніи .	4199183	263139	114570	57966	148561	205167	70314	73067	78894	132192	197133	145572

Уже изъ сопоставленія общаго количества частно-владѣльческой земли, принадлежащей низшимъ, бывшимъ податнымъ сословіямъ, которое, какъ мы видѣли, составляетъ въ общемъ по Саратовской губ. 6,2% общественной крестьянской земли, съ колебаніями отъ 12,2% въ Сердобскомъ у. до 0,9% въ Камышинскомъ у., можно было видѣть, что вновь привлекаемая къ обложенію волостными сборами земля составляетъ незначительное количество по сравненію съ крестьянской и потому не можетъ дать значительныхъ средствъ и не можетъ облегчить сколько-нибудь замѣтно налогового бремени мірскихъ сборовъ, лежащаго на крестьянахъ.

Приведенная таблица, кромѣ болѣе обстоятельнаго освѣщенія этой мысли, показываетъ еще, какое значеніе для волостного обложенія будетъ имѣть та существенная черта и особенность проекта, по которой крупныя имущества облагаются только въ размѣрѣ того количества десятинъ, отъ котораго полагается въ данной волости одинъ выборный на волостной сходъ. Оказывается, что при разсчетѣ, если волостной сходъ будетъ состоять изъ 50 волостныхъ выборныхъ, изъ 263139 дес. частно-владѣльческой земли, принадлежащей всѣмъ низшимъ сословіямъ, мелкой собственности, владѣльцы которой будутъ участвовать на волостномъ сходѣ черезъ выборныхъ и которая будетъ облагаться волостными сборами во всей массѣ, будетъ 114570 дес. или 44%, а крупной, владѣльцы которой будутъ участвовать въ волостныхъ сходахъ лично, самостоятельно и изъ которой облагается только количество, равное нормѣ, отъ которой полагается одинъ волостной выборный, 148561 дес. или 55%. Обращаясь къ тѣмъ же поуѣзднымъ даннымъ, находимъ, что въ Камышинскомъ у. крупныхъ владѣльцевъ, которые могли бы участвовать въ волостныхъ сходахъ самостоятельно, не будетъ, и вся частно-владѣльческая земля низшихъ сословій будетъ облагаться цѣликомъ; въ Кузнецкомъ уѣздѣ изъ 15075 дес. мелкой земельной собственности будетъ 12085 дес. или 80%, а крупной—2989 дес. или 20%. Съ другой стороны въ у.у. Аткарскомъ, Балашовскомъ и Саратовскомъ мелкая земельная собственность, облагаемая по проекту всецѣло, составитъ только около $^1/_3$, а крупная — около $^2/_3$ всей частно-владѣльческой земли, а именно, въ Аткарскомъ мелкая земельная собственность составитъ 34%, а крупная 66%, въ Балашовскомъ: первая 32%, вторая 68% и въ Саратовскомъ: первая—35% и вторая 65%. Остальные уѣзды даютъ сравнительно небольшія отклоненія отъ средней погубернской.

Крупная земельная собственность, какъ и неземельная, облагается, по проекту, не вся, а только то количество десятинъ, независимо отъ величины владѣнія, отъ котораго полагается одинъ выборный. Наша таблица показываетъ приблизительно сколько, какая часть, изъ крупной земельной собственности при такихъ условіяхъ подвергнется обложенію и какая останется необложенной. Оказывается, что, при томъ же разсчетѣ по 50 выборныхъ въ волостномъ сходѣ и приблизительно при сохраненіи нынѣшняго количества волостей, изъ 148561 дес. крупной частной земельной собственности бывшихъ податныхъ сословій будетъ подлежать обложенію волостными сборами только 70314 дес., а 78894 дес. или немного больше половины останутся необложенными.

По отдѣльнымъ уѣздамъ представляется это въ такомъ видѣ: въ Камышинскомъ и Царицынскомъ совсѣмъ не будетъ земли свободной отъ обложенія. Въ Сердобскомъ у. будетъ облагаться ровно половина, а въ

Петровскомъ и Кузнецкомъ нѣсколько больше половины: въ Сердобскомъ будетъ облагаться 54% земли и не облагаться 46%, а въ Кузнецкомъ будетъ облагаться 61% и не облагаться 39%. Зато въ Аткарскомъ у. будетъ облагаться только 36% крупной земельной собственности, а 64% останется свободной; въ Вольскомъ у. будетъ облагаться только 34%, а 66% остается свободной. Вслѣдствіе этого изъ 263139 дес. частной, внѣнадѣльной земли, принадлежащей лицамъ бывшихъ податныхъ сословій—городскихъ и сельскихъ—и подлежащей по проекту обложенію волостными сборами, въ дѣйствительности, благодаря льготѣ крупнаго землевладѣнія, будетъ обложено, при разсчетѣ по 50 выборныхъ на волостной сходъ, только 197135 дес. или 71%, а 29% останется свободной отъ обложенія, и, напр., въ Кузнецкомъ у. будетъ обложено только 59%, всей частной земельной собственности низшихъ сословій, а въ Аткарскомъ даже только 58% ея.

Съ увеличеніемъ числа выборныхъ уменьшается количество десятинъ, падающихъ на одного. Вслѣдствіе этого большее количество земли переходитъ въ разрядъ крупной, льготной земельной собственности. А вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ и число дѣйствительно облагаемой земли. Такъ, при разсчетѣ по 100 выборныхъ на волостной сходъ количество мелкой земельной собственности уменьшится почти вдвое противъ того, какое было при разсчетѣ по 50 выборныхъ и составитъ 57966 дес. противъ прежнихъ 114570 дес. изъ 263139 дес. всей частно-владѣльческой земли бывшихъ податныхъ сословій или только 22%; остальные 78% переходятъ въ крупную собственность. По отдѣльнымъ уѣздамъ отношенія эти сильно колеблются: въ Камышинскомъ у. и теперь мелкая земельная собственность составитъ 85% всей частно-владѣльческой земли, о которой мы говоримъ; за то въ Петровскомъ у. ея будетъ только 16%, въ Царицынскомъ 13% и въ Хвалынскомъ 12%; вся же остальная переходитъ въ разрядъ крупной привилегированной.

Далѣе и въ разрядѣ крупной собственности съ уменьшеніемъ высшей нормы десятинъ земли, которая можетъ облагаться волостными сборами и отъ которой полагается одинъ выборный на волостной сходъ, значительно уменьшается количество дѣйствительно подлежащей обложенію и наоборотъ увеличивается количество льготной: изъ 205167 дес. крупной земельной собственности теперь будетъ облагаться только 73067 дес. или около $^1/_3$, а останется свободной цѣлыхъ $^2/_3$ десятинъ земли по всей губерніи. По уѣздамъ обложеніе распредѣлится слѣдующимъ образомъ: въ Камышинскомъ у. будетъ облагаться волостными сборами 986 д. или 79% всей земли, принадлежащей крупнымъ владѣльцамъ изъ бывшихъ податныхъ сословій, а не облагаться только 270 дес. или 21%; въ Хвалынскомъ у. будетъ облагаться 39%, а не облагаться 61%; въ Петровскомъ у. тѣ же данныя дадутъ 45% и 55%. Но вслѣдствіе незначительнаго количества крупной частной земельной собственности въ этихъ уѣздахъ это не нарушаетъ въ общемъ отношенія необлагаемой земли для цѣлой губерніи.

Въ результатѣ увеличенія крупной привилегированной земельной собственности и уменьшенія части ея, привлекаемой къ обложенію, значительно падаетъ, съ увеличеніемъ числа волостныхъ выборныхъ до 100 на волость, количество частновладѣльческой земли, вновь привлекаемой по проекту къ обложенію волостными сборами: изъ 263139 дес. по всей губерніи будетъ облагаться только 145572 дес. или только 55% частновладѣльческой земли, принадлежащей бывшимъ податнымъ сословіямъ, а 45%

остается свободной отъ обложенія, тогда какъ при 50 выборныхъ облагается 71%, а остается свободной только 29%. По уѣздамъ: въ Камышинскомъ будетъ облагаться 96%; въ Кузнецкомъ—78%; въ Аткарскомъ—44% и Балашовскомъ—42%, а остальная не будетъ подлежать обложенію.

Такимъ образомъ, привлеченіе къ обложенію новыхъ земельныхъ имуществъ, проектируемое редакціонной коммиссіей, дастъ въ Саратовской губ. совсѣмъ незначительныя суммы въ волостныя кассы. Правда, остаются еще другіе виды недвижимыхъ имуществъ, которые даютъ доходы и слѣдовательно могутъ быть облагаемы волостными сборами. Но если принять во вниманіе, что страна наша очень бѣдна такими имуществами и что волостныя общества ограничены въ обложеніи ихъ размѣромъ, равнымъ поземельному волостному сбору съ такого количества десятинъ, отъ котораго полагается одинъ волостной выборный, то мы придемъ къ выводу, что это привлеченіе къ несенію волостныхъ сборовъ всѣхъ новыхъ имуществъ не дастъ сколько-нибудь значительныхъ средствъ, и крестьянство попрежнему одно будетъ содержать общегосударственные органы волостного и сельскаго управленія и будетъ разоряться подъ бременемъ налоговъ. И нѣтъ никакихъ основаній полагать, что въ другихъ губерніяхъ Россіи проектируемый законъ дастъ какіе-нибудь иные результаты. Такимъ образомъ и въ отношеніи обложенія проектируемый законъ не принесетъ крестьянамъ никакого облегченія ихъ, можно сказать, безвыходнаго положенія.

Послѣдними особенностями проекта редакціонныхъ коммиссій относительно организаціи сельскихъ и волостныхъ сходовъ являются требованія отъ лицъ, участвующихъ въ сходахъ, неподсудности и 30-лѣтняго возраста. Этихъ требованій не зналъ дѣйствующій законъ, не желавшій, какъ мы видѣли, стѣснять населенія и полагавшійся на его здравый смыслъ въ отношеніи ближайшей организаціи сельскихъ сходовъ и на его избраніе по отношенію къ волостнымъ выборамъ. Въ полномъ согласіи съ общимъ стремленіемъ редакціонной коммиссіи регламентировать всѣ мельчайшія подробности сельской и волостной общественной жизни и подчинить ихъ вліянію администраціи, и въ неразрывной связи съ мѣрами, принятыми для ограниченія числа лицъ, принимающихъ участіе въ сельскомъ и волостномъ самоуправленіи, находится проектируемое правило дать предсѣдателямъ сельскаго и волостного сходовъ, т. е. старостѣ и старшинѣ, право штрафовать неявившихся на сходъ его членовъ.

Такимъ образомъ, хотя въ объяснительной запискѣ редакціонная коммиссія объявила существующій сословный крестьянскій строй неприкосновеннымъ и даже пыталась, конечно неудачно, обосновать ту неприкосновенность историческимъ преемствомъ и условіями жизни крестьянства, создающими особое міровоззрѣніе и правосознаніе у нихъ, въ самомъ проектѣ она не привела эти начала и ввела въ составъ волости низшія городскія сословія, владѣющія недвижимостью, не говоря уже о крестьянахъ—частныхъ владѣльцахъ. Но включеніе этихъ элементовъ и вслѣдствіе ихъ малочисленности, и вслѣдствіе ихъ малой культурности не можетъ оказать существеннаго вліянія на общественно хозяйственную и правовую жизнь крестьянства.

Но самой главной особенностью проекта, измѣняющею въ самомъ основаніи общественную жизнь самихъ крестьянъ, нарушающею ихъ основные правовые взгляды на нее, является введеніе владѣнія недвижимостью какъ основанія для участія въ сельской общественной жизни, устраненіе отъ этой жизни всѣхъ безземельныхъ и бездомовыхъ—живущихъ въ чужихъ домахъ—и, кромѣ того, требованіе 30-лѣтняго возраста отъ лицъ, участвующихъ въ сельскихъ и волостныхъ сходахъ. Одноправный и объединенный этимъ одинаковымъ правовымъ положеніемъ крестьянскій міръ отнынѣ раздѣляется на имѣющихъ нѣкоторыя, хотя и незначительныя, публичныя права и не имѣющихъ никакого прикосновенія къ общественной сельской и волостной жизни и дѣятельности, въ которой, безъ сомнѣнія, они заинтересованы не менѣе, чѣмъ имѣющіе землю или другую недвижимость и достигшіе 30 лѣтъ. Эти нововведенія идутъ въ разрѣзъ со взглядами крестьянства, которое считаетъ имѣющимъ право участвовать въ сельской, а черезъ то и въ волостной жизни, всякаго стоящаго во главѣ семьи. Эти нововведенія отдадутъ сельское и волостное самоуправленіе въ руки самыхъ консервативныхъ элементовъ деревни, и деревенская общественно-хозяйственная жизнь на долго еще останется въ томъ зародышевомъ состояніи, въ которомъ она находится въ настоящее время.

Третьей характерной и существенной особенностью одного волостного устройства является допущеніе къ самостоятельному участію въ волостныхъ сходахъ болѣе или менѣе крупныхъ землевладѣльцевъ. Оно находится въ связи съ земельнымъ основаніемъ представительства, вводимымъ редакціонной коммиссіей, но идетъ въ разрѣзъ съ практикой нашего законодательства по земскому представительству, въ которомъ землевладѣніе также

играетъ важную роль. Несправедливо объясняемое со стороны редакціонной коммиссіи необходимостью защищать интересы сравнительно немногочисленныхъ крупныхъ владѣльцевъ и значительностью уплачиваемыхъ ими налоговъ, это нововведеніе въ дѣйствительности не можетъ защитить эти интересы крупнаго землевладѣнія, напротивъ, можетъ только вызвать антагонизмъ между представителями крупнаго и мелкаго землевладѣнія. Въ отношеніи же обложенія крупнаго землевладѣнія сама редакціонная коммиссія позаботилась о томъ, чтобы оно было, по возможности, менѣе значительно.

Наконецъ, слѣдуетъ указать вообще на стѣснительную регламентацію сельской общественной жизни, являющуюся полной противоположностью установленнаго въ 1861 году порядка, при которомъ детали устройства деревенской общественной жизни предоставлены въ значительной мѣрѣ усмотрѣнію мѣстныхъ обществъ, мѣстному обычаю.

При разсмотрѣніи части объяснительной записки и проекта редакціонной коммиссіи, относящихся къ составу сельскаго и волостного обществъ и организаціи сельскаго и волостного сходовъ, мы высказывали и свой взглядъ какъ на сословное устройство крестьянъ, такъ и на другія стороны въ организаціи сельскаго и волостного самоуправленія. Здѣсь мы, поэтому, попытаемся резюмировать и эти высказанныя нами въ разныхъ мѣстахъ предшествовавшихъ и настоящей статьи взгляды на лучшее общественно-хозяйственное устройство нашей деревни. Ихъ можно свести къ слѣдующимъ положеніямъ:

1. Все мѣстное населеніе для хозяйственнаго и общественнаго управленія организуется въ безсословныя, территоріальныя и самооблагающіяся сельскія и волостныя общества. Для завѣдыванія дѣлами, вытекающими изъ совмѣстнаго пользованія надѣльной землей, крестьяне—собственники ея—соединяются въ земельныя общества частно-правового характера.

2. Дѣлами сельскихъ обществъ завѣдуютъ сельскіе сходы, которые составляются изъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ ведущихъ самостоятельную жизнь лицъ, прожившихъ въ данномъ селеніи не менѣе одного года.

3. Въ большихъ селеніяхъ полные сельскіе сходы могутъ, по своему усмотрѣнію, организовать сходы выборныхъ, которымъ и передаютъ часть своихъ дѣлъ также по своему усмотрѣнію.

4. Небольшія селенія (менѣе, напр., 10 дворовъ), хутора и отдѣльно

стоящія усадьбы присоединяются къ одному изъ ближайшихъ сельскихъ обществъ.

5. Нѣсколько сельскихъ обществъ образуютъ волостное общество, дѣлами котораго завѣдуетъ волостной сходъ, состоящій изъ выборныхъ отъ сельскихъ обществъ. Число выборныхъ отъ каждаго селенія устанавливается пропорціонально количеству населенія въ каждомъ изъ нихъ.

6. Мелкія организаціонныя дѣла сельскаго и волостного сходовъ предоставляются вѣдѣнію соотвѣтственныхъ сельскихъ сходовъ».

„*Саратовская Земская Недѣля*“ *№ 3, 1904 г., ст. В. И. Голованова „О земельныхъ обществахъ*“: ... «Второй томъ „Трудовъ редакціонной коммиссіи“ содержитъ въ себѣ „Проектъ Положенія о крестьянскомъ общественномъ управленіи“ (съ объясненіями); въ приложеніяхъ къ этому тому помѣщены: извлеченіе изъ свода губернскихъ совѣщаній 1894—1895 годовъ по вопросу о крестьянскомъ общественномъ управленіи *), свѣдѣнія о численномъ составѣ крестьянскихъ обществъ и справка по вопросамъ о порядкѣ образованія и современномъ составѣ и устройствѣ сельскихъ обществъ. Ближайшее ознакомленіе съ проектомъ названнаго „Положенія“ показываетъ, что редакціонная коммиссія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, очевидно, не имѣла въ виду вводить какія-либо коренныя преобразованія въ этой области и, оставаясь въ границахъ существующихъ по этому предмету узаконеній, желала внести лишь тѣ или иныя измѣненія въ современномъ крестьянскомъ устройствѣ, безъ существеннаго преобразованія послѣдняго; конечно, такое частичное рѣшеніе крестьянскаго вопроса не можетъ внести существенныхъ перемѣнъ въ крестьянскую среду и вопросъ о пересмотрѣ крестьянскихъ узаконеній опять потребуетъ рѣшенія въ ближайшемъ будущемъ.

Въ общихъ чертахъ, проектъ положенія о крестьянскомъ общественномъ управленіи повторяетъ содержаніе соотвѣтствующихъ статей дѣй-

---

*) «Труды этихъ совѣщаній 1894—1895 годовъ, состоявшихъ, какъ извѣстно, почти исключительно изъ чиновъ администраціи,—послужили, повидимому, основнымъ матеріаломъ для настоящей редакціонной коммиссіи; труды комитетовъ о нуждахъ сельско-хоз. промышленности коммиссіей не были использованы, хотя эти комитеты касались и вопросовъ мѣстной крестьянской жизни, по крайней мѣрѣ, не приходилось встрѣчать въ „Трудахъ коммиссіи“ ссылокъ на работы комитетовъ». (Прим. г. Голованова).

ствующаго Положенія (изд. 1902 г.) и всѣ измѣненія и дополненія послѣдняго, по проекту, сводятся къ слѣдующему: „1) разграничены понятія земельнаго и сельскаго обществъ; 2) установленъ особый порядокъ соединенія мелкихъ сельскихъ обществъ; 3) предусмотрѣны способы раздѣленія крупныхъ земельныхъ обществъ; 4) допущена возможность замѣны многолюдныхъ сельскихъ и земельныхъ сходовъ сходами выборныхъ; 5) точно опредѣлены территоріальныя группы волости и преобразованъ волостной сходъ; 6) предположенъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ повышенію качественной стороны состава должностныхъ лицъ крестьянскаго общественнаго управленія; 7) пересмотрѣнъ порядокъ вступленія новыхъ членовъ въ крестьянскіе общественные союзы и выхода изъ нихъ; 8) установленъ порядокъ принудительнаго отчисленія членовъ земельнаго общества; 9) опредѣлены условія вступленія въ земельное общество пріймаковъ, лицъ, усыновленныхъ членами общества и внѣбрачныхъ дѣтей незамужнихъ крестьянокъ и вдовъ; 10) расширенъ кругъ лицъ и имуществъ, подлежащихъ мірскому обложенію; 11) опредѣлены виды мірскихъ повинностей, основанія обложенія и способы раскладки, и 12) упорядочены постановленія, относящіяся до мірскихъ капиталовъ и имуществъ *). Приведенный перечень измѣненій и дополненій въ существующихъ узаконеніяхъ по крестьянскому управленію сдѣланъ редакціонною коммиссіею въ объясненіяхъ ея къ проекту. Конечно, по этому перечню нельзя составить себѣ яснаго представленія о характерѣ и степени важности этихъ измѣненій; значительная часть ихъ является несущественными и не могущими внести серьезныя улучшенія въ сферу крестьянскаго общественнаго управленія; къ числу такого рода измѣненій можно, напримѣръ, отнести тѣ предположенія коммиссіи, которыя направлены къ повышенію „качественной стороны состава должностныхъ лицъ“; съ этою цѣлью коммиссія проектируетъ лишить земскихъ начальниковъ права арестовывать волостныхъ старшинъ, а налагать на нихъ лишь штрафы до 25 руб., власть же старшины предположено усилить предоставленіемъ ему права ареста до 3-хъ дней и наложенія штрафовъ до 5 руб. (вмѣсто 2-хъ дней ареста и 1 руб. штрафа) по отношенію къ подвѣдомственнымъ ему лицамъ, а кромѣ того замѣчаніямъ, выговорамъ и штрафамъ до 5 руб. волостной старшина, по

*) «См. Труды редакц. коммис. по пересмотру законополож. о крестьянахъ, т. II, стр. 18—19». (Ссылка г. Голованова).

проекту, можетъ подвергать волостного и сельскихъ писарей волости: этимъ, въ сущности, почти и исчерпываются предположенныя въ указанной области измѣненія, такъ какъ обязательность службы крестьянскихъ выборныхъ, подчиненіе ихъ администраціи, порученіе имъ исполненія чисто полицейскихъ обязанностей и пр.—сохраняются безъ существенныхъ перемѣнъ.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ измѣненій существующаго Положенія о крестьянскомъ общественномъ управленіи является проектируемое редакціонной коммиссіей строгое разграниченіе земельнаго и сельскаго общества, съ указаніемъ сферы дѣятельности каждаго изъ этихъ общественныхъ союзовъ въ отдѣльности; вопросъ этотъ имѣетъ существенное значеніе въ дѣлѣ крестьянской реформы и на немъ необходимо остановиться подробнѣе.

Какъ извѣстно, сельскія общества со времени отмѣны крѣпостного права выступаютъ въ гражданскомъ оборотѣ съ двухъ различныхъ сторонъ: съ одной стороны, сельское общество, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, является владѣльцемъ недвижимаго имущества (надѣльной и купленной земли), а съ другой—крестьянскимъ общественнымъ союзомъ, организованнымъ на началахъ самоуправленія. Въ значительномъ числѣ случаевъ границы сельскаго общества, какъ таковаго, и поземельной общины совпадаютъ, но это не всегда и не вездѣ наблюдается; въ видахъ удобства, въ административномъ отношеніи часто соединяются земельныя общества, владѣющія землями по разнымъ актамъ укрѣпленія, бываетъ и наоборотъ. Въ качествѣ владѣльца земли крестьянское общество распоряжается принадлежащимъ ему недвижимымъ имуществомъ на правахъ юридическаго лица, распредѣляетъ землю между своими сочленами всю или часть, оставляя какія-либо угодья въ общемъ пользованіи (выгонъ, луга и пр.), распоряжается общественными оброчными статьями и пр.; владѣніе недвижимостью создаетъ въ обществѣ цѣлый рядъ дѣлъ и интересовъ, тѣсно связанныхъ съ землевладѣніемъ; крестьянское общество въ виду этого можетъ вступать въ договорныя отношенія съ посторонними лицами и учрежденіями, принимать на себя обязательства и проч., и вообще выступать въ *общемъ* гражданскомъ оборотѣ. Въ то же время сельское общество, являясь общественнымъ самоуправляющимся союзомъ, должно выполнять рядъ чисто общественныхъ задачъ въ интересахъ сельскихъ обывателей, живущихъ на территоріи даннаго общества; оно заботится о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, благоустройствѣ, призрѣніи, школахъ и пр.

Однимъ изъ существенныхъ недостатковъ современнаго крестьянскаго законодательства и является смѣшеніе указанныхъ двухъ сторонъ крестьянской общественной организаціи: задачъ общества, какъ владѣльца недвижимости и какъ органа крестьянскаго самоуправленія. Выполненіе этихъ, совершенно различныхъ, функцій въ настоящее время лежитъ на одномъ сельскомъ сходѣ, приговоры котораго выражаютъ собою какъ чисто „хозяйскія“ распоряженія общины—владѣльца земли, такъ и постановленія мѣстнаго общественнаго учрежденія; приговоръ, какъ единственная форма проявленія дѣятельности схода и по общественнымъ и по чисто земельнымъ дѣламъ, вызываетъ и одинаковое отношеніе къ себѣ со стороны крестьянскихъ учрежденій, хотя послѣднія, въ сущности, являются органами надзора за крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ, а не за хозяйственною дѣятельностью земельныхъ обществъ. Крайнее неудобство такого сочетанія живо сознавалось и въ періодъ работъ редакціонныхъ коммиссій по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и въ то время редакціонныя коммиссіи прежде всего ставили себѣ вопросъ: слѣдуетъ ли разграничить кругъ дѣятельности собственно сельскаго общества отъ сферы его дѣйствій, какъ владѣльца земли? Вопросъ этотъ подвергался тогда весьма тщательному обсужденію и Административное Отдѣленіе коммиссій полагало совершенно отдѣлить устройство сельскихъ обществъ отъ устройства поземельныхъ общинъ; общее собраніе редакціонныхъ коммиссій по журналу 30 мая 1859 г. вполнѣ присоединилось къ указанному проекту Административнаго Отдѣленія и проектированныя послѣднимъ сельскія общества, какъ общественныя единицы, получили наименованіе волостей, а поземельныя общины были названы мірскими обществами, а въ одномъ изъ послѣдующихъ засѣданій (7 ноября 1859 г.)—сельскими обществами; въ послѣдующихъ работахъ редакціонныхъ коммиссій волость, уже съ самаго начала не приноровленная къ какой либо существовавшей организаціи, явилась вполнѣ искусственнымъ созданіемъ, мало понятнымъ и для самихъ крестьянъ; въ составъ волостей, уже значительно расширенныхъ коммиссіями, вошли отдѣльныя селенія съ 300—2000 ревизскихъ душъ, часто ничѣмъ совершенно между собою не связанныя и къ тому же нерѣдко отстоящія другъ отъ друга на десять и болѣе верстъ; соединенныя въ одну волость совершенно искусственно, разныя сельскія общества и селенія не имѣли никакихъ общихъ всѣмъ имъ интересовъ и потому отъ нихъ не было и основаній ждать

развитія общественной дѣятельности въ интересахъ крестьянъ обществъ данной волости; и дѣйствительно, почти вездѣ волостные сходы, какъ извѣстно, не проявляютъ особой дѣятельности, ограничиваясь лишь выборами волостныхъ должностныхъ лицъ и назначеніемъ расходовъ на содержаніе ихъ и волостныхъ правленій, которыя въ настоящее время во главѣ со старшиною являются почти исключительно органами администраціи и полиціи, а не крестьянскаго самоуправленія.

Сельское общество, которому первоначально предполагалось предоставить лишь дѣла, непосредственно вытекающія изъ общаго землевладѣнія крестьянъ и землепользованія,—въ дальнѣйшемъ ходѣ работъ редакціонныхъ коммиссій оказалось уже въ составѣ волости, какъ болѣе широкой по пространству общественной организаціи, а такъ какъ волостное управленіе по отдаленности своей отъ сельскаго общества не могло удовлетворить тѣхъ нуждъ и интересовъ послѣдняго, которые выходятъ за предѣлы чисто хозяйственныхъ дѣлъ, связанныхъ исключительно съ землепользованіемъ,—то коммиссіямъ пришлось предоставить сельскимъ обществамъ разрѣшеніе и такихъ вопросовъ, которые, по первоначальнымъ предположеніямъ, должны были составлять компетенцію исключительно волостей; въ виду этого къ вѣдѣнію сельскихъ обществъ были отнесены дѣла по общественному призрѣнію, образованію, нѣкоторыя дѣла, относящіяся до воинской повинности, и пр.; всѣ такія дѣла со временемъ получили преобладающее значеніе въ дѣятельности сельскихъ сходовъ, отодвинувъ на второй планъ дѣла чисто земельныя.

Такимъ образомъ, редакціонныя коммиссіи, задавшись вполнѣ резонно цѣлью строго разграничить дѣла чисто земельныя, „хозяйскія“ отъ дѣлъ собственно мѣстнаго крестьянскаго самоуправленія,—средствомъ для осуществленія этой мысли избрали созданіе волости, какъ территоріальной единицы, объединяющей въ своемъ составѣ по нѣскольку сельскихъ обществъ, а потому и являющейся для послѣднихъ чѣмъ то въ родѣ второй инстанціи.

Въ результатѣ, организація крестьянскаго общественнаго управленія вылилась въ формѣ волостей, являющихся механическимъ соединеніемъ отдѣльныхъ селеній *), и сельскихъ обществъ, получившихъ значеніе

*) «Между прочимъ, подобное опредѣленіе давалось волостямъ и въ законѣ; такъ, ст. 17 Общ. Пол. было постановлено: „вышедшіе изъ крѣпостной зависимости крестьяне составляютъ по дѣламъ хозяйственнымъ сельскія общества, а для ближайшаго управленія и суда *соединяются* въ волости“. (Примѣчаніе г. Голованова).

довольно сложной общественно-хозяйственной организаціи; составъ сельскаго общества опредѣлялся теперь тѣмъ составомъ владѣльцевъ надѣльной земли, которые получили ее по одному акту укрѣпленія, т. е. сельское общество въ его, такъ сказать, „чистомъ“ видѣ совпадаетъ съ поземельной общиной (или союзомъ подворныхъ владѣльцевъ); однако, возложивъ на общество выполненіе не только исключительно *хозяйственныхъ* дѣлъ, но и задачъ крестьянскаго управленія, нельзя было составъ обществъ опредѣлять только лишь по одному признаку—совмѣстнаго владѣнія землею по одному общему акту укрѣпленія (факту тоже довольно случайному),—а въ интересахъ именно *управленія* приходилось допускать соединеніе нѣсколькихъ общинъ, владѣющихъ землею по отдѣльнымъ актамъ укрѣпленія, въ одно сельское общество съ однимъ старостою и однимъ сходомъ, но съ допущеніемъ, впрочемъ, правда, лишь чисто фактическимъ—рѣшенія спеціально земельныхъ дѣлъ на особыхъ селенныхъ сходахъ (сходахъ поземельныхъ общинъ) *); съ другой стороны, бываютъ случаи, что общество, владѣющее землею по одному общему акту укрѣпленія, состоитъ изъ нѣсколькихъ селеній и тогда опять таки въ интересахъ *управленія* оно разбивается на нѣсколько обществъ, связанныхъ между собою общимъ владѣніемъ землею, но совершенно различныхъ въ другихъ отношеніяхъ. Конечно, такое смѣшеніе разнородныхъ интересовъ въ одномъ крестьянскомъ общественномъ союзѣ (сельскомъ обществѣ) представляетъ, какъ уже говорилось, весьма серьезныя неудобства въ дѣлахъ крестьянскаго общественнаго управленія, а потому нельзя не привѣтствовать вполнѣ своевременную попытку разграниченія *сельскихъ* и *земельныхъ* обществъ, которую дѣлаетъ редакціонная коммиссія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ своемъ „проектѣ о крестьянскомъ общественномъ управленіи“. Статья 1-я указаннаго проекта дѣлаетъ такое перечисленіе крестьянскихъ общественныхъ союзовъ: „крестьяне въ порядкѣ ихъ хозяйственнаго и общественнаго управленія составляютъ сельскія, земельныя и волостныя общества“. Статья 2-ая даетъ слѣдующее опредѣленіе понятія сельскаго общества: „сельское общество состоитъ изъ крестьянъ, проживающихъ въ чертѣ одного селенія и притомъ владѣющихъ землею или иной недвижимостью, находящейся въ той волости, въ предѣлахъ которой расположено

*) «Селенные сходы по податному закону 23 іюня 1899 г. уже признаны и имъ поручены дѣла по вопросамъ спеціально податнымъ (раскладка и принятіе мѣръ взысканія окладныхъ сборовъ)». (Прим. г. Голованова).

селеніе". Статья 3-я проекта такъ опредѣляетъ земельное общество: „земельное общество состоитъ изъ крестьянъ, совмѣстно владѣющихъ на общинномъ или подворномъ (наслѣдственномъ) правѣ всей или частью надѣльной земли, отведенной имъ по одному акту земельнаго устройства" *).

Какъ видно изъ приведенныхъ статей проекта, коммиссія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ предполагаетъ сохранить существующую волостную организацію, внося въ нее лишь незначительныя измѣненія (ст. 67—77 проекта). Основаніями для такого рѣшенія коммиссіи послужили почти исключительно соображенія административнаго характера, желаніе закрѣпить за волостью ея настоящее административное значеніе, какъ болѣе мелкаго дѣленія уѣзда въ административно-полицейскомъ отношеніи, значеніе же волости, какъ одного изъ звеньевъ въ цѣпи учрежденій крестьянскаго самоуправленія, повидимому отрицается и самою коммиссіею; по крайней мѣрѣ, въ объясненіяхъ своихъ къ ст. 1 проекта коммиссія высказывается такъ: „хотя за существующей волостью признается въ настоящее время преимущественно административное значеніе, *а жизненность общественныхъ функцій волости подвергается серьезнымъ сомнѣніямъ*, коммиссія съ своей стороны не усмотрѣла основаній отказаться отъ общественной организаціи волостей..." **); основанія, по которымъ коммиссія полагала сохранить волостное устройство, изложены въ объясненіяхъ къ главѣ IX проекта ***). Не останавливаясь въ настоящее время на подробномъ разборѣ этихъ основаній, такъ какъ это отвлекло бы слишкомъ далеко въ сторону отъ главнаго предмета замѣтки, позволимъ себѣ на основаніи весьма продолжительнаго опыта дѣятельности современной волостной организаціи выразить серьезное сомнѣніе въ возможности дѣйствительнаго осуществленія надеждъ редакціонной коммиссіи, что „при условіи *нѣкоторыхъ измѣненій и улучшеній* въ волостномъ устройствѣ, указанныхъ въ дальнѣйшихъ частяхъ проекта, *волостная общественная жизнь* можетъ получить дальнѣйшее развитіе" ****), такъ какъ предположенныхъ измѣненій и улучшеній окажется весьма недостаточно для того, чтобы вдохнуть жизнь въ современную *крестьянскую* волость, какъ общественную организацію.

---

*) См. стр. 44—47 «Трудовъ редакціонной коммиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ» т. II.

**) См. стр. 45 тамъ же.

***) См. стр. 155—162 тамъ же.

****) См. стр. 45 тамъ же.

Ссылки г. Голованова.

Переходя къ разсмотрѣнію вопроса объ устройствѣ земельныхъ обществъ согласно проекту коммиссіи, необходимо прежде всего отмѣтить, что въ опредѣленіи границъ этихъ организацій коммиссія стоитъ на совершенно правильной точкѣ зрѣнія; она беретъ уже фактически существующія организаціи: сельскаго общества, состоящаго изъ проживающихъ въ чертѣ одного селенія крестьянъ, владѣющихъ при немъ недвижимостью, и земельнаго общества, состоящаго изъ совмѣстно владѣющихъ надѣльною землею по одному акту земельнаго устройства крестьянъ. Совмѣстная жизнь въ одномъ селеніи создаетъ интересы, общіе всему селенію, и удовлетвореніе такихъ потребностей сосуществованія возлагается на сельскіе сходы, вѣдающіе дѣла мѣстнаго крестьянскаго управленія, дѣла же чисто земельныя, возникающія исключительно изъ факта совмѣстнаго владѣнія землею или другою недвижимостью, возложены на земельные сходы домохозяевъ владѣльцевъ земли по одному акту управленія; соотвѣтственно этимъ основнымъ задачамъ устанавливаются какъ составъ сельскихъ и земельныхъ сходовъ, такъ и распредѣленіе между ними предметовъ вѣдомствъ; къ вѣдѣнію земельнаго схода, по проекту, отнесены передѣлъ земель въ общинахъ и распоряженіе участками, остающимися по какимъ либо причинамъ праздными, при подворномъ пользованіи землею, семейные раздѣлы, раздѣлъ общинныхъ земель на постоянные наслѣдственные участки и отчужденіе надѣльной земли цѣлымъ обществомъ, раздѣленіе земельнаго общества на два или нѣсколько земельныхъ обществъ, раскладка сборовъ и повинностей, покупка земли всѣмъ обществомъ, веденіе дѣлъ въ различныхъ учрежденіяхъ, пріемъ новыхъ членовъ земельнаго общества, временное устраненіе изъ него членовъ, назначеніе сборовъ на каждое земельное общество и раскладка ихъ, принятіе мѣръ по взысканію недоимокъ мірскихъ сборовъ и принятіе взаимнаго другъ за друга или за отдѣльныхъ членовъ общества ручательства, представляемаго взамѣнъ залоговъ *). По поводу приведеннаго перечня позволимъ себѣ прежде всего небольшое замѣчаніе редакціоннаго характера: проектируемая статья (29) начинается такъ: „вѣдѣнію земельнаго схода подлежатъ дѣла, касающіяся распоряженія и пользованія надѣльными землями“, а затѣмъ идетъ *примѣрное* перечисленіе такого рода дѣлъ (перечисленіе это можно назвать именно *примѣрнымъ*, такъ какъ за только что приведенною фразою слѣ-

* См. ст. 29 проекта, стр. 98, тамъ-же. (Ссылка г. Голованова).

дуетъ: „*какъ-то*“; если бы коммиссія имѣла въ виду сдѣлать исчерпывающее перечисленіе предметовъ земельнаго схода, тогда за приведенной выше фразой должно было бы слѣдовать не выраженіе „какъ-то“, а слово: „а именно“); это *примѣрное* перечисленіе дѣлъ заканчивается пунктомъ 12-мъ, каковой является послѣднимъ, указывая этимъ какъ-бы на то, что никакія другія дѣла, кромѣ перечисленныхъ, на земельныхъ сходахъ обсуждать нельзя, а между тѣмъ съ такимъ предположеніемъ согласиться невозможно, такъ какъ въ жизни земельныхъ обществъ могутъ встрѣтиться дѣла, которыя и не подойдутъ подъ буквальный смыслъ ни одного изъ 12-ти пунктовъ; въ виду этого, по нашему крайнему разумѣнію, слѣдовало бы въ перечень статьи 29-й проекта добавить еще одинъ пунктъ „и вообще всѣ дѣла, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ владѣнію и пользованію надѣльными землями“.

Разсматривая указанный выше перечень дѣлъ земельныхъ сходовъ *по существу*, необходимо признать, что „раскладка всѣхъ лежащихъ на обществѣ окладныхъ казенныхъ земскихъ и волостныхъ сборовъ, а также земскихъ натуральныхъ повинностей“ (п. 5) при настоящихъ условіяхъ не должна быть относима къ вѣдѣнію земельныхъ сходовъ, а должна быть предметомъ вѣдомства сельскихъ сходовъ.

Такое утвержденіе основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ: съ отмѣной круговой поруки согласно закону 12 марта 1903 г. участіе крестьянскаго общества въ дѣлѣ взиманія государственныхъ и земскихъ сборовъ, установленное и податнымъ закономъ 23 іюня 1899 г.,—было почти совершенно отмѣнено; сельскія общества въ силу кругового ручательства въ платежахъ за своихъ членовъ были ранѣе надѣлены различными правами и властью по взиманію „податей“ именно въ цѣляхъ обезпечить обществу способы и средства понужденія плательщиковъ изъ его среды уплачивать слѣдуемые съ нихъ сборы, чтобы за ихъ неисправность не отвѣчать цѣлому обществу. Въ настоящее время сельскіе сходы (являющіеся иногда и съ функціями *земельныхъ*) освобождены и отъ отвѣтственности по круговой порукѣ и отъ права примѣненія мѣръ взысканія казенныхъ и земскихъ платежей къ своимъ членамъ; отношеніе сельскаго схода къ податному дѣлу въ настоящее время выражается лишь тѣмъ, что на сходахъ остается обязанность производить раскладку сборовъ, назначенныхъ по окладнымъ листкамъ на все общество, между отдѣльными домохозяевами, при чемъ общество нисколько не отвѣчаетъ за то, что, если

назначенные съ отдѣльныхъ лицъ по его раскладкѣ сборы въ дѣйствительности не будутъ взысканы; это взысканіе лежитъ уже на обязанности волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ, которыя въ этомъ отношеніи дѣйствуютъ не въ качествѣ представителей крестьянскаго общественнаго управленія, а какъ низшіе агенты финансоваго вѣдомства, руководимые въ этомъ дѣлѣ податнымъ инспекторомъ и земскимъ начальникомъ; и сельскій сходъ, производя теперь раскладки окладныхъ сборовъ между домохозяевами, дѣйствуетъ скорѣе въ качествѣ органа финансоваго вѣдомства, а не представителя крестьянскаго общественнаго управленія; относя раскладки къ вѣдѣнію земельнаго схода, коммиссія указываетъ, между прочимъ, и на то обстоятельство, что платежи, обыкновенно, распредѣляются по качеству душевыхъ земельныхъ надѣловъ, „по землѣ", но существующій „податной" законъ (положеніе 23 іюня 1899 г.) допускаетъ производство раскладокъ и по другимъ основаніямъ, а не только „по землѣ"; и дѣйствительно, на практикѣ бываетъ, что часть платежей раскладывается не на землю, а напримѣръ на скотъ *), примѣняются и другія основанія обложенія. Сельскій сходъ, такимъ образомъ, въ настоящее время, исполняя порученіе по производству раскладки „податей" съ своихъ сочленовъ и оставаясь не отвѣтственнымъ за успѣхъ взысканія „податей" съ отдѣльныхъ лицъ въ ихъ размѣрахъ, каковые установлены раскладкою,—дѣйствуетъ въ качествѣ органа администраціи, а вовсе не какъ представитель земельнаго общества; поэтому-то казалось бы болѣе правильнымъ отнести производство раскладокъ къ вѣдѣнію не *земельныхъ*, а *сельскихъ* сходовъ, такъ какъ къ вѣдѣнію послѣднихъ отнесены всѣ дѣла общественно-административнаго и полицейскаго характера. Съ этимъ исключеніемъ въ вѣдѣніи земельнаго общества останутся лишь дѣла чисто земельныя, частно-правового характера, интересы-же крестьянъ свойства публичнаго будутъ удовлетворяться органами общественныхъ союзовъ—*сельскими* сходами. Выдѣляя категорію дѣлъ земельныхъ частно-хозяйственнаго свойства изъ вѣдомства сельскаго схода и передавая ихъ вѣдѣнію особой организаціи, представляющей изъ себя правомочнаго владѣльца крестьянской надѣльной земли съ присущими такому юридическому лицу правами собственной недвижимости,—редакціонная коммиссія М-ва Вн.

---

*) «Такой, между прочимъ, порядокъ существуетъ въ нѣкоторыхъ сельскихъ обществахъ Саламатинской вол., Камышинскаго уѣзда». (Примѣчаніе г. Голованова).

Дѣлъ однако не отказывается отъ законодательной регламентаціи „устройства и *внутренней* жизни земельныхъ союзовъ, владѣющихъ такого рода землей“ *), объясняя такое свое рѣшеніе тѣмъ, что государствомъ были понесены значительныя жертвы „по отводу и предоставленію крестьянамъ въ собственность надѣльныхъ земель“, какъ можно думать, приведенное соображеніе служило единственнымъ основаніемъ строгой регламентаціи указанныхъ крестьянскихъ земельныхъ сборовъ; такое значеніе можно, по крайней мѣрѣ, вывести изъ объясненій редакціонной коммиссіи, помѣщенныхъ на стр. 48 тома II ея „Трудовъ“; здѣсь вслѣдъ за приведенными выше выдержками о необходимости регламентаціи коммиссія буквально высказывается такъ: „Засимъ въ задачу проекта не могло входить установленіе правилъ, касающихся случаевъ пріобрѣтенія группами крестьянъ въ совмѣстную собственность, безъ содѣйствія правительства, участковъ частновладѣльческой земли. Возникающія изъ такихъ покупокъ особыя земельныя отношенія крестьянъ должны естественно опредѣляться свободнымъ договоромъ и правилами *общаго гражданскаго оборота*, тѣмъ болѣе, что вполнѣ возможно участіе въ пріобрѣтеніи подобныхъ земель и въ распоряженіи ими, наряду съ крестьянами, также и лицъ другихъ сословій. Равнымъ образомъ, коммиссія не касалась вопроса о поземельныхъ товариществахъ крестьянъ и мѣщанъ, пріобрѣтающихъ землю съ содѣйствіемъ крестьянскаго поземельнаго банка, въ виду того, что образованіе и устройство такихъ товариществъ опредѣляется указаніями, не относящимися къ числу спеціальныхъ узаконеній о крестьянахъ, пересмотръ коихъ составилъ предметъ занятій коммиссіи“. Такимъ образомъ, приведенная выписка, какъ думается, доказываетъ, что коммиссія считаетъ крестьянъ вполнѣ способными самимъ разбираться безъ особой спеціально для нихъ предназначенной регламентаціи—въ дѣлахъ чисто земельныхъ, регулируемыхъ правилами „общаго гражданскаго оборота“, а сохраняетъ эту регламентацію и даже усиливаетъ ее (напримѣръ, по раздѣлу земельныхъ обществъ) лишь по отношенію къ надѣльнымъ землямъ, пріобрѣтеннымъ съ содѣйствіемъ правительства, очевидно, съ цѣлью необходимаго обезпеченія возврата тѣхъ затратъ, которыя произведены государствомъ по выкупу земель у помѣщиковъ.

Съ такимъ основаніемъ строго проведенной въ проектѣ коммиссіи

---

*) См. стр. 48 тамъ-же. (Ссылка автора ст.).

регламентаціи земельныхъ дѣлъ едва ли можно безусловно согласиться по слѣдующимъ соображеніямъ: выкупная операція для весьма многихъ крестьянскихъ обществъ приближается уже къ моменту полной ликвидаціи, такъ какъ до окончанія срока выкупного періода во многихъ обществахъ осталось всего нѣсколько лѣтъ, когда общества явятся полными собственниками пріобрѣтенной съ содѣйствіемъ правительства земли и мѣръ обезпеченія уплаты выкупного долга уже не потребуется; впрочемъ, и въ настоящее время, съ отмѣною круговой поруки само правительство считаетъ достаточнымъ обезпеченіемъ полученія выкупныхъ платежей лишь личную отвѣтственность каждаго отдѣльнаго домохозяина за исправный взносъ ихъ, отказываясь обезпечивать ихъ взысканія еще и круговымъ ручательствомъ членовъ общества; затѣмъ, коммиссія отказывается отъ регламентаціи земельныхъ отношеній крестьянъ, вытекающихъ изъ пріобрѣтенія ими земель черезъ посредство крестьянскаго поземельнаго банка, а между тѣмъ такія пріобрѣтенія, по существу дѣла, мало чѣмъ отличаются отъ пріобрѣтенія земель съ содѣйствіемъ правительства въ формѣ выкупной операціи; операціи крестьянскаго банка являются въ сущности такимъ же „содѣйствіемъ правительства къ пріобрѣтенію крестьянами земли, какъ и выкупъ надѣльныхъ земель". Такимъ образомъ казалось бы вполнѣ возможнымъ отказаться отъ строгой регламентаціи тѣхъ чисто земельныхъ дѣлъ и отношеній крестьянъ, которыя составляютъ внутреннюю жизнь указанныхъ земельныхъ союзовъ, и ограничиться регламентаціею лишь тѣхъ дѣлъ, гдѣ крестьянскіе общественные союзы выступаютъ, какъ представители интересовъ свойства публичнаго, интересовъ общественныхъ и административныхъ, земельныя же отношенія крестьянъ и крестьянскихъ земельныхъ обществъ въ достаточной степени могутъ быть регламентированы правилами общаго гражданскаго оборота и находить защиту въ соотвѣтствующихъ этимъ дѣламъ и интересамъ судебныхъ учрежденіяхъ».

„С.-Петербургскія Вѣдомости" (№ 178, 1904 г.), ст. г. Еропкина: „Пересмотръ положенія о крестьянахъ въ губернскихъ совѣщаніяхъ": «Исходя изъ конструкціи двухъ юридическихъ лицъ—поземельной общины, какъ союза хозяйственнаго, чисто имущественнаго характера, и сельскаго общества, какъ союза административнаго, проектъ подраздѣляетъ какъ составъ, такъ и функціи обществъ земельныхъ отдѣльно отъ обществъ сельскихъ, причемъ первыя, состоя лишь изъ членовъ данной общины,

вѣдаютъ исключительно дѣла и вопросы, связанные съ пользованіемъ ихъ земельныхъ надѣловъ, какъ-то: передѣлъ земель и семейные раздѣлы, распоряженіе общественными угодьями, оброчными статьями и праздными участками; раздѣлъ земельнаго общества, раскладка повинностей, покупка земли всей общиной, пріемъ и временное устраненіе членовъ; вторыя, т. е. сельскія общества, состоятъ изъ крестьянъ - домохозяевъ, владѣющихъ надѣльной, или внѣнадѣльной землей, или инымъ недвижимымъ имуществомъ, и вѣдаютъ дѣла административнаго характера, какъ то: выборы должностныхъ лицъ, назначеніе десятскихъ, удаленіе вредныхъ членовъ общества или временное устраненіе ихъ со сходовъ; дѣла о переименованіи селенія въ городъ, дѣла благоустройства, призрѣнія и школьнаго обученія; назначеніе и раскладка мірскихъ повинностей, учетъ должностныхъ лицъ; дѣла по отбыванію воинской повинности, по обезпеченію продовольственныхъ потребностей; составленіе обязательныхъ постановленій о мѣрахъ предосторожности отъ пожаровъ, о тушеніи пожаровъ, о постройкахъ и иныхъ мѣрахъ благоустройства и безопасности въ селеніяхъ; о мѣрахъ взысканія недоимокъ, мірскихъ сборовъ и пр.

Эту мысль проекта о выдѣленіи особыхъ функцій и порядка самоуправленія поземельной общины, отъ функцій чисто административныхъ, нынѣ нерѣдко поглощающихъ первыя, нельзя не привѣтствовать, какъ безусловно правильную: поземельная община представляетъ собой такого же поземельнаго собственника, какъ и любое физическое лицо, и, слѣдовательно, функціи ея, какъ таковой, несомнѣнно, должны исчерпываться предѣлами распоряженія и пользованія этой собственностью. Но не слѣдуетъ забывать, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ составъ поземельной общины является совпадающимъ съ составомъ сельскаго общества; едва-ли, именно, это обстоятельство и не послужило главнымъ основаніемъ поглощенія функцій общины,—функцій, такъ сказать, добровольнаго характера,—властными функціями общества, какъ союза административнаго. Проектъ министерства въ этомъ отношеніи даетъ мало новаго: все тотъ же составъ сельскаго общества, ограниченный исключительно крестьянскимъ населеніемъ, при чемъ добавленіе проекта о крестьянахъ, владѣющихъ внѣнадѣльной землей или недвижимостью, мало измѣнитъ настоящее положеніе вещей, такъ какъ такіе посторонніе данной общинѣ крестьяне, владѣющіе недвижимой собственностью, встрѣчаются вообще въ земледѣльческихъ районахъ какъ единичныя исключенія. Такимъ образомъ на прак-

тикѣ трудно будетъ провести ясную демаркаціонную черту между функціями и составомъ земельнаго и сельскаго общества; черта эта будетъ носить искусственный характеръ и съ теченіемъ времени неминуемо сотрется, оставя свой слѣдъ не въ жизни, а лишь въ законѣ.

Думается мнѣ, что въ интересахъ наивящшаго огражденія функцій земельнаго общества было бы всего естественнѣе административныя функціи сельскаго общества слить съ функціями волостного общества, перенеся на волость всѣ заботы административнаго управленія; для каждаго близко знакомаго съ условіями сельскаго административнаго управленія хорошо извѣстно, что такой порядокъ не представлялъ бы какого-либо неожиданнаго новшества и не шелъ бы въ противорѣчіе съ жизнью, такъ какъ только въ волости и сосредоточенъ главный нервъ мѣстнаго административнаго управленія, въ ней-то именно и почерпывается импульсъ удовлетворительнаго функціонированія сельскаго административнаго механизма; что безъ указки волостного старшины или писаря всѣ сельскія безграмотныя власти,—старосты, сборщики, сотскіе, десятскіе не пойдутъ ни на шагъ. Самъ проектъ въ отдѣлѣ мірскихъ повинностей не дѣлаетъ точнаго разграниченія между обязательными мірскими повинностями сельскими и волостными (ст. 178). Мало того, ст. 182 проекта, перечисляя разряды добровольныхъ мірскихъ повинностей, прямо устанавливаетъ, что „волостныя общества могутъ устанавливать, въ качествѣ добровольной повинности, выдачу пособій отдѣльнымъ сельскимъ обществамъ для лучшаго устройства ихъ общественнаго управленія, школьнаго обученія, общественнаго призрѣнія, продовольственной, дорожной и врачебной части и принятія противупожарныхъ мѣръ“. Такимъ образомъ, самъ проектъ признаетъ солидарность интересовъ сельскаго и волостного общества. Мы особенно настаиваемъ на необходимости сліянія административно-хозяйственныхъ функцій сельскаго общества и волости не только по косности и ограниченности состава перваго, но еще и въ интересахъ наиболѣе равномѣрнаго распредѣленія мірского обложенія по волостному масштабу, гдѣ по проекту привлекаются къ обложенію и лица всѣхъ бывшихъ податныхъ состояній, т. е. и мѣщане, и ремесленники, владѣющіе какой-либо недвижимостью въ предѣлахъ волости. И если справедливо привлечь къ обложенію мірскими сельскими сборами какого-нибудь чужероднаго крестьянина, владѣющаго недвижимой собственностью, на наемъ караульнаго въ селеніи, на тушеніе пожара или на содержаніе въ исправности проселочныхъ дорогъ, каковыми

потребностями исчерпываются въ проектѣ всѣ обязательныя мірскія повинности (ст. 180), то почему не привлечь къ участію въ этихъ повинностяхъ и какого-нибудь собственника—мѣщанина, проживающаго въ томъ же селеніи, разъ проектомъ признано общее начало о необходимости включенія въ составъ волостного общества и привлеченія къ мірскимъ волостнымъ расходамъ всѣхъ лицъ податныхъ состояній?

Къ числу принципіальныхъ вопросовъ проектъ относитъ также и начало опредѣленныхъ территоріальныхъ границъ волости. Несомнѣнно, что такое опредѣленіе являлось бы вполнѣ желательнымъ, что современное опредѣленіе волости, какъ совокупности сельскихъ обществъ (ст. 42 Общаго Положенія 1861 г.), вноситъ, такъ сказать, чрезполосность въ территорію волости; но несомнѣнно также и то, что разъ мы обратимся къ условію территоріи при опредѣленіи понятія волости, мы неизбѣжно придемъ къ признанію всесословности волостной организаціи. А потому, не затрогивая въ настоящее время этого вопроса въ виду Высочайшаго указа 8 янв. 1904 г., мы укажемъ лишь на нѣкоторое практическое неудобство привлеченія къ мірскому обложенію посадскихъ и ремесленниковъ и въ то же время освобожденію отъ него купцовъ, владѣющихъ собственностью въ предѣлахъ волости. Дѣло въ томъ, что никакого твердаго, такъ сказать—естественнаго, природнаго, сословнаго различія между мѣщанами и купцами нѣтъ; переходъ мѣщанъ въ купечество и обратно можетъ повторяться ежегодно и связанъ лишь съ чисто фискальнымъ условіемъ выборки купеческихъ правъ, т. е. покупки промысловыхъ свидѣтельствъ. Такимъ образомъ, при извѣстной высотѣ мірского волостного обложенія каждый мѣщанинъ, ремесленникъ и посадскій легко избѣжитъ его болѣе выгодной для него чисто формальной припиской къ купеческому званію. Въ районахъ промышленнаго производства, гдѣ значительно распространена собственность разночинцевъ, подобное уклоненіе ихъ отъ мірского обложенія самымъ неблагопріятнымъ образомъ можетъ вліять на волостное хозяйство, внося неустойчивость въ его приходныя смѣты и давая возможность крупнымъ имуществамъ ускользать отъ справедливаго мірского обложенія.

Казалось-бы поэтому, что включеніе купцовъ въ разрядъ лицъ, подлежащихъ волостному обложенію, не составляя еще всесословности обложенія, было-бы чрезвычайно желательно въ интересахъ устойчивости волостного хозяйства»....

„Вѣстникъ Европы“ (іюль, 1904 г., внутр. обозр.) говоритъ: «Чѣмъ

важнѣе и обширнѣе законодательная работа, тѣмъ сильнѣе отражаются на ея содержаніи стремленія и взгляды ея составителей. Редакціонная коммиссія по пересмотру законоположеній о крестьянахъ задалась мыслью сохранить и даже обострить обособленность крестьянскаго сословія. Съ главными результатами, къ которымъ привела эта исходная точка, мы ознакомили нашихъ читателей...*), когда появился въ печати общій очеркъ трудовъ редакціонной коммиссіи. Теперь становится извѣстнымъ самый текстъ составленныхъ ею законопроектовъ, еще ярче, конечно, иллюстрирующій и цѣли, преслѣдуемыя коммиссіею, и средства, съ помощью которыхъ она предполагаетъ достигнуть этихъ цѣлей. Присмотримся поближе къ проекту положенія о крестьянскомъ общественномъ управленіи.

Уже Кахановская коммиссія, работавшая въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, признавала необходимымъ отдѣлить сельское общество, какъ административную единицу, отъ крестьянской поземельной общины, какъ юридическаго лица въ смыслѣ гражданскаго права. Къ аналогичному заключенію пришли, десять лѣтъ спустя, и многія изъ числа губернскихъ совѣщаній, образованныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ для подготовительныхъ работъ по пересмотру положеній 1861-го года. Еще раньше сенатская практика санкціонировала такъ называемые *селенные* сходы, т. е. собранія домохозяевъ, владѣющихъ землею на основаніи одного и того же юридическаго акта. На ту же дорогу вступаетъ и проектъ редакціонной коммиссіи, различая *сельскія* и *земельныя* общества, *сельскіе* и *земельные* сходы. Узаконяется, такимъ образомъ, то, что давно уже создано жизнью, давно уже доказало свое право на существованіе. Изъ правильно установленнаго общаго начала не сдѣлано, однако, надлежащихъ логическихъ выводовъ. Къ вѣдѣнію сельскаго схода, какъ органа сельскаго общества, проектъ относитъ совѣщанія и ходатайства объ общественныхъ нуждахъ, благоустройствѣ, призрѣніи и школьномъ обученіи, а также составленіе обязательныхъ постановленій о мѣрахъ предосторожности отъ пожаровъ, о тушеніи пожаровъ, о постройкахъ въ селеніяхъ, о порядкѣ содержанія въ чистотѣ и благоустройствѣ площадей, улицъ, прудовъ, колодцевъ и канавъ, объ уборкѣ и уничтоженіи палыхъ животныхъ и о другихъ мѣрахъ благоустройства и безопасности на земляхъ сельскаго общества. Спрашивается, кто ближайшимъ образомъ заинтересованъ въ этихъ мѣрахъ, кто

*) См. ч. I. наст. книги.

испытываетъ непосредственно на себѣ ихъ дѣйствіе, кто страдаетъ отъ ихъ непримѣненія или неправильнаго примѣненія? Очевидно—всѣ живущіе въ селеніи, образующемъ сельское общество *), а также всѣ владѣющіе въ его предѣлахъ домомъ или другимъ недвижимымъ имуществомъ. Скажемъ болѣе: далеко не безъ основанія можно было бы присоединить къ нимъ и сосѣднихъ жителей (или владѣльцевъ), благосостоянію которыхъ эпидемія, эпизоотія, пожаръ, вспыхнувшіе въ селеніи, угрожаютъ иногда отнюдь не меньше, чѣмъ самимъ жителямъ селенія. Что же мы видимъ въ проектѣ? По его опредѣленію, сельское общество состоитъ „изъ крестьянъ, проживающихъ въ чертѣ одного селенія и притомъ владѣющихъ землей или иной недвижимостью, находящеюся въ той волости, въ предѣлахъ которой расположено селеніе". Итакъ, не признаются членами сельскаго общества живущія въ селеніи, хотя бы цѣлые десятки лѣтъ, лица не-крестьянскаго сословія, если даже они имѣютъ въ чертѣ селенія недвижимую собственность, если даже они подчинены волостному управленію и волостному суду (мѣщане, посадскіе, ремесленники, цеховые); не признаются членами сельскаго общества и живущіе въ селеніи крестьяне, если они принадлежатъ къ категоріи безземельныхъ или владѣютъ землею въ предѣлахъ другой волости. Первое изъятіе вытекаетъ изъ принципа сословной обособленности, положеннаго коммиссіею во главу угла,—но именно оно обнаруживаетъ съ особенною наглядностью несостоятельность этого принципа. Чисто крестьянскій характеръ сельскаго общества былъ понятенъ до тѣхъ поръ, пока оно не было отграничено, de jure, отъ поземельной общины (или, по новой терминологіи, отъ земельнаго общества), пока сельскій сходъ могъ дѣйствовать какъ хозяинъ общественной земли. Допущеніе къ участію въ немъ пришлыхъ жителей селенія, хотя бы только по вопросамъ, не касающимся земельнаго надѣла, могло повести къ нежелательному вмѣшательству постороннихъ лицъ въ хозяйственныя дѣла общины. Ничего подобнаго нельзя будетъ ожидать, разъ что земельное общество будетъ отдѣлено отъ сельскаго. Связующимъ звеномъ послѣдняго явится тогда исключительно общность интересовъ, обусловливаемыхъ совмѣстнымъ жительствомъ—интересовъ, совершенно чуждыхъ сословнаго ха-

*) «По общему правилу, въ составъ сельскаго общества входитъ только одно селеніе, но къ нему могутъ быть присоединяемы небольшія селенія (въ которыхъ менѣе 10 дворовъ), а селенія, въ которыхъ менѣе ста дворовъ, могутъ соединяться въ одно сельское общество, съ тѣмъ, чтобы въ немъ было не болѣе 500 дворовъ». (Прим. „Вѣст. Евр.").

рактера. Сельское общество, какъ совокупность лицъ, имѣющихъ осѣдлость на опредѣленной территоріи - это, въ маломъ видѣ, все равно что городъ: сельское благоустройство столь же важно для *всѣхъ* жителей селенія, какъ городское—для всѣхъ жителей города. Чистая вода, чистый воздухъ, проѣздимыя улицы, возможно большая безопасность—одинаково необходимы для *каждаго* жителя данной мѣстности, каково бы ни было ея наименованіе. Отсюда вытекаетъ само собою съ одной стороны его право участвовать, лично или черезъ представителей, въ принятіи мѣръ, ведущихъ къ правильной постановкѣ общественнаго хозяйства, съ другой—его обязанность нести соотвѣтственную долю вызываемыхъ ими расходовъ... Не ограничиваясь различіемъ по сословіямъ, редакціонная коммиссія установляетъ еще другое, зависящее отъ мѣста владѣнія недвижимостью. Нелегко понять, почему крестьянинъ, земля котораго лежитъ въ той же волости, гдѣ и селеніе, можетъ считаться членомъ сельскаго общества въ обитаемомъ имъ селеніи, а крестьянинъ, земля котораго лежитъ въ другой волости—не можетъ. Развѣ второй меньше заинтересованъ въ благоустройствѣ селенія, чѣмъ первый? Развѣ мѣсто нахожденія земли вліяетъ на убытки, причиняемые пожаромъ дома, или падежемъ содержимаго при домѣ скота, или болѣзнью домохозяина? Пойдемъ далѣе: развѣ для участія въ сельскомъ обществѣ, какъ хозяйственно-административной (а не земельной) единицѣ, необходимо владѣніе землею? Развѣ не связанъ съ сельскимъ обществомъ тотъ, кто имѣетъ въ немъ постоянную осѣдлость, арендуетъ домъ, содержитъ торговое или промышленное заведеніе?.. Единственной основой, на которой твердо и прочно можетъ быть построено сельское общество, представляется, въ нашихъ глазахъ, принципъ *территоріальный*. Споръ можетъ идти только о томъ, что слѣдуетъ признать территоріей сельскаго общества: только селеніе въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. пространство земли (кому бы оно ни принадлежало), на которомъ раскинулись соединяемые подъ однимъ общимъ именемъ дома, или, сверхъ того, ближайшія его окрестности (напр. полуверстный во всѣ стороны районъ, считая отъ крайнихъ построекъ)? Мы склоняемся къ послѣднему мнѣнію, въ виду указанной нами заинтересованности сосѣдей во всемъ касающемся благоустройства селенія. При большей отдаленности связь между сельскимъ обществомъ и отдѣльными населенными пунктами (усадьбами и т. п.) остается только одна: тѣ полицейскія и административныя услуги, которыя оказываютъ и менѣе близкимъ сосѣдямъ должностныя

лица сельскаго общественнаго управленія. Эта связь не настолько велика, чтобы служить основаніемъ для включенія въ составъ сельскаго общества: вполнѣ достаточно привлечь всѣхъ пользующихся такими услугами къ нѣкоторому участію въ расходахъ на содержаніе сельскаго общественнаго управленія. Размѣръ этого участія могъ бы быть опредѣляемъ—при существованіи всесословнаго волостного общества – волостнымъ сходомъ. Если, на территоріи уѣзда, образуются новыя группы жителей, слишкомъ отдаленныя отъ ближайшаго селенія, чтобы быть соединеными съ нимъ въ одно сельское общество, и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно многочисленныя, то изъ нихъ слѣдовало бы организовать новыя сельскія общества, опять-таки безъ различія сословій, а также независимо отъ основаній, на которыхъ они владѣютъ или пользуются обитаемою ими землею. Проектъ редакціонной коммиссіи предусматриваетъ устройство новыхъ сельскихъ обществъ изъ крестьянъ, основавшихъ особыя селенія на арендуемыхъ ими частновладѣльческихъ или казенныхъ земляхъ; но вѣдь „особыя селенія“ могутъ быть основываемы и не одними крестьянами, и не только на арендуемой землѣ, но и на пріобрѣтенной въ полную собственность. Чѣмъ меньше часть населенія, остающаяся внѣ правильно организованныхъ и самоуправляющихся мельчайшихъ административно-хозяйственныхъ единицъ, тѣмъ больше шансовъ для охраненія порядка и для развитія благоустройства.

Противъ нашего взгляда на составъ сельскаго общества могутъ быть приведены—помимо обычныхъ принципіальныхъ возраженій, исходящихъ изъ узкаго пониманія сословности,—еще два аргумента. Между земельными и сельскими обществами проектъ редакціонной коммиссіи оставляетъ одно соединительное звено: сельскій староста, избираемый сельскимъ обществомъ, является предсѣдателемъ не только сельскаго, но и земельнаго схода. Какимъ же образомъ можно поставить во главѣ земельнаго схода—этого представителя чисто-крестьянской поземельной общины,—такое лицо, которое, при всесословномъ составѣ сельскаго общества, не всегда будетъ принадлежать къ крестьянскому сословію? Мы отвѣтимъ на это, что ненормальной является вообще возможность участія въ земельномъ сходѣ, да еще съ предсѣдательскими правами, лица, не входящаго въ составъ даннаго земельнаго общества. Сельскій староста-крестьянинъ, но членъ не той поземельной общины, представителемъ которой служитъ данный земельный сходъ, является по отношенію къ послѣднему столь же чужимъ,

какъ и сельскій староста не-крестьянинъ. Успѣшно и усердно руководить земельнымъ сходомъ можетъ только тотъ, кто съ нимъ солидаренъ, чьи интересы связаны съ интересами земельнаго общества. Во главѣ земельнаго схода должно стоять, поэтому, лицо, выбранное имъ самимъ изъ собственной его среды.—Другое предусматриваемое нами возраженіе заключается въ томъ, что сельскому старостѣ предоставлена дисциплинарная власть надъ членами сельскаго общества, съ правомъ подвергать, за неисполненіе приговоровъ сельскаго общества и за неповиновеніе законнымъ распоряженіямъ самого старосты, аресту или отдачѣ въ общественныя работы на срокъ не свыше двухъ дней и денежному взысканію до одного рубля. Неужели—могутъ сказать намъ—дѣйствіе этой власти должно быть распространено на лицъ такъ называемыхъ привилегированныхъ сословій, проживающихъ на территоріи или близъ территоріи сельскаго общества? Выходъ изъ этого затрудненія очень простой: полное уничтоженіе дисциплинарной власти сельскаго старосты. Она излишня, въ виду судебной отвѣтственности, которую влечетъ за собою каждое противозаконное дѣяніе или упущеніе; она несправедлива и опасна, потому что примѣняется, за рѣдкими исключеніями, только къ наиболѣе безпомощнымъ и приниженнымъ сельскимъ обывателямъ. Проектъ редакціонной коммиссіи подчиняетъ ей не только крестьянъ, но и другихъ лицъ бывшихъ податныхъ сословій, подсудныхъ въ настоящее время волостному суду. Отсюда явная несообразность: мѣщанинъ, живущій въ деревнѣ, можетъ быть арестуемъ и штрафуемъ сельскимъ старостою за неисполненіе приговора сельскаго схода, въ постановленіи котораго онъ никакого участія не принималъ (и не могъ принимать) и о существованіи котораго, можетъ быть, даже вовсе не зналъ. Правда, на распоряженіе старосты можетъ быть принесена жалоба земскому начальнику,—но она не останавливаетъ приведенія въ исполненіе наложеннаго старостою взысканія. Хорошо, если это былъ денежный штрафъ, подлежащій возмѣщенію; но какъ вознаградить неправильно арестованнаго или отданнаго въ общественныя работы?

Совершенно основательно отдѣляя земельныя общества отъ сельскихъ, проектъ редакціонной коммиссіи не во всемъ остается вѣрнымъ характеру земельныхъ обществъ, какъ юридическихъ лицъ. Что земельное общество можетъ, по собственному своему усмотрѣнію, раздѣлиться на части, съ соотвѣтственнымъ распредѣленіемъ земель и платежей—это вполнѣ согласно съ свободой распоряженія, принадлежащей юридическому лицу;

понятно и то, что для такого раздѣленія требуется большинство двухъ третей домохозяевъ, имѣющихъ право участія въ земельномъ сходѣ, такъ какъ единогласіе всѣхъ входящихъ въ составъ юридическаго лица почти недостижимо, и меньшинство по необходимости должно подчинятся рѣшенію значительнаго большинства. Что намѣреніе раздѣлиться, выраженное земельнымъ обществомъ, должно быть разсматриваемо съ точки зрѣнія гражданскаго права — это подтверждается и тѣмъ, что приговоръ о раздѣлѣ признается подлежащимъ повѣркѣ губернскаго присутствія лишь по отношенію къ распредѣленію между вновь образующимися обществами выкупныхъ платежей, а не по отношенію къ распредѣленію земель и угодій. Контролируется, другими словами, не самое рѣшеніе, постановленное земельнымъ обществомъ, какъ собственникомъ земли, а только вытекающая изъ него финансовая отвѣтственность новыхъ обществъ передъ государствомъ. Прямо въ разрѣзъ со взглядомъ, выразившимся въ этихъ постановленіяхъ проекта, идетъ установляемое редакціонной коммиссіею принудительное раздѣленіе земельныхъ обществъ. Земскимъ начальникамъ дозволяется входить въ губернское присутствіе съ представленіями о раздѣленіи многолюдныхъ земельныхъ обществъ на два или нѣсколько самостоятельныхъ обществъ, безъ приговора о томъ самаго общества (т. е. безъ его согласія или даже вопреки его желанію). Окончательное разрѣшеніе такихъ представленій, разсмотрѣнныхъ предварительно губернскимъ присутствіемъ, предоставляется министру внутреннихъ дѣлъ, а самый раздѣлъ, въ случаѣ одобренія его министромъ, производится особою коммиссіею, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства. Достаточно гарантирующимъ права земельнаго общества такой порядокъ признать нельзя; центральная администрація неизбѣжно будетъ полагаться на мнѣніе губернскаго присутствія, а послѣднее, въ большинствѣ случаевъ, будетъ расположено смотрѣть на дѣло глазами земскаго начальника. Какъ бы тщательно, притомъ, ни была произведена повѣрка данныхъ, говорящихъ въ пользу раздѣла, самый раздѣлъ слишкомъ легко можетъ оказаться нарушеніемъ гражданскихъ правъ юридическаго лица, ничѣмъ не оправдываемымъ вмѣшательствомъ въ область чисто-хозяйственной жизни. На практикѣ принудительный раздѣлъ земельныхъ обществъ допускался до сихъ поръ не иначе, какъ по Высочайшему повелѣнію, т. е. въ случаяхъ исключительныхъ и рѣдкихъ (напр. при вѣроисповѣдной или племенной розни между членами общества); при

дѣйствіи правилъ, проектируемыхъ коммиссіею, онъ можетъ сдѣлаться явленіемъ обыкновеннымъ. Абсолютно отрицать возможность условій, требующихъ прекращенія общаго владѣнія или общей собственности, мы не станемъ; но они должны быть опредѣлены общимъ гражданскимъ закономъ, и наличность ихъ должна быть констатируема общимъ гражданскимъ судомъ.

Какъ сельскимъ, такъ и земельнымъ сходамъ редакціонная коммиссія предоставляетъ право устранять своихъ членовъ, на время (не свыше трехъ лѣтъ), отъ участія въ сходѣ. По отношенію къ сельскимъ сходамъ это право кажется намъ не нужнымъ и опаснымъ, по отношенію къ сходамъ земельнымъ, сверхъ того—противорѣчащимъ ихъ характеру и назначенію. Земельный сходъ является — представителемъ земельнаго общества, а земельное общество, какъ мы уже знаемъ — юридическое лицо, владѣющее землею. Устранять одного изъ членовъ земельнаго общества отъ участія въ земельномъ сходѣ, значитъ ограничивать, безъ судебнаго разбирательства и рѣшенія, его гражданскія права, стѣснять его въ пользованіи его имуществомъ. Оправданіемъ для этого, съ уничтоженіемъ круговой поруки, не можетъ служить даже недоимочность крестьянина. Вообще, устраненіе изъ состава схода (безразлично — сельскаго или земельнаго), ничѣмъ не регулируемое, всецѣло зависящее отъ усмотрѣнія большинства—большинства часто случайнаго и незначительнаго, — кажется намъ явленіемъ до крайности ненормальнымъ, несовмѣстнымъ съ благоустроенною сельскою жизнью.

Къ участію въ земельномъ сходѣ редакціонная коммиссія, оставаясь на почвѣ дѣйствующаго законодательства, допускаетъ всѣхъ домохозяевъ, входящихъ въ составъ земельнаго общества, но для участія въ сельскомъ сходѣ установляетъ возрастный цензъ, и притомъ весьма высокій—тридцатилѣтній. За введеніе именно этого ценза высказались, въ половинѣ девятидесятыхъ годовъ, только три губернскія совѣщанія, за еще большее стѣсненіе избирательнаго права—только одно; шестнадцать совѣщаній признали достаточнымъ общее гражданское совершеннолѣтіе, десять подали голосъ за двадцатипятилѣтній возрастный цензъ, установленный для участія въ земскихъ и городскихъ выборахъ. Дальше этого послѣдняго срока идти, какъ намъ кажется, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ; но въ виду сравнительной простоты дѣлъ, подвѣдомственныхъ сельскому сходу, вполнѣ возможно было бы остановиться на двадцати одномъ годѣ. Вопросъ

о правѣ женщинъ, какъ домохозяекъ или замѣстительницъ домохозяина, участвовать въ сельскомъ и земельномъ сходѣ редакціонная коммиссія оставляетъ открытымъ, находя, что онъ долженъ быть разрѣшаемъ на основаніи мѣстныхъ обычаевъ. Редакція ст. 21 и 26 говоритъ, однако, противъ допущенія женщинъ; толкуемая буквально, она устраняетъ примѣненіе обычая, благопріятнаго для женщинъ. Гораздо лучше, поэтому, было бы прямо узаконить право женщинъ на участіе въ сходахъ особенно въ сходахъ земельныхъ, имѣющихъ гражданско-правовое значеніе. Способною распоряжаться имуществомъ женщина признается у насъ какъ общими гражданскими законами, такъ и крестьянскимъ обычнымъ правомъ.

Мы видѣли уже, что редакціонная коммиссія предоставляетъ сельскому сходу составленіе обязательныхъ для членовъ сельскаго общества постановленій о мѣрахъ предосторожности отъ пожаровъ, о тушеніи пожаровъ, о постройкахъ въ селеніяхъ, о порядкѣ содержанія въ чистотѣ и благоустройствѣ площадей, улицъ, прудовъ, колодцевъ и канавъ, объ уборкѣ и уничтоженіи палыхъ животныхъ и о другихъ мѣрахъ благоустройства и безопасности на земляхъ сельскаго общества. Безспорно, всѣ прямо названные здѣсь предметы должны входить въ сферу дѣйствія сельскихъ сходовъ, но мы сомнѣваемся въ томъ, чтобы заботливость о нихъ должна была выражаться въ формѣ обязательныхъ постановленій. Обязательныя постановленія—это нѣчто въ родѣ мѣстныхъ законовъ, дополняющихъ и разъясняющихъ общее законодательство. Ихъ редакція должна быть такъ же ясна, точна и опредѣленна, какъ и редакція закона. Мы знаемъ, что достигнуть осуществленія этихъ условій не всегда удается даже земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ: какимъ же образомъ можно ожидать, что съ ними справится сельскій сходъ, въ составѣ котораго сплошь и рядомъ нѣтъ ни одного хорошо грамотнаго человѣка?... Нежелательно чрезмѣрное размноженіе обязательныхъ постановленій и по другимъ причинамъ. Они могутъ развить страсть къ регламентаціи, къ вмѣшательству въ частную дѣятельность, къ предусматриванію всего вѣроятнаго и даже невѣроятнаго; они могутъ расширить до безконечности дисциплинарную власть сельскаго старосты, облеченнаго правомъ карать за ихъ нарушеніе; они могутъ привести къ конфликтамъ съ земствомъ, обязательныя постановленія котораго вращаются приблизительно въ той же сферѣ, какая намѣчается для сельскихъ обязательныхъ постановленій. Особенно опаснымъ было бы расширеніе этой послѣдней

сферы неопредѣленнымъ выраженіемъ: „другія мѣры благоустройства и безопасности“. Къ числу такихъ мѣръ могло бы быть отнесено, напримѣръ, запрещеніе варить пиво, пѣть пѣсни, водить хороводы, выходить изъ дома позже извѣстнаго часа. Замѣтимъ, что въ большинствѣ случаевъ подобныя ограниченія личной свободы вводились бы сельскимъ сходомъ не по собственной, непринужденной иниціативѣ, а подъ прямымъ или косвеннымъ давленіемъ земскаго начальника. Мы думаемъ, поэтому, что дѣятельность сельскаго схода въ области противопожарныхъ, санитарныхъ, строительныхъ мѣропріятій должна проявляться не въ видѣ обязательныхъ постановленій, а въ видѣ приговоровъ, относящихся къ отдѣльнымъ случаямъ (вычистить прудъ, починить дорогу, пріобрѣсти пожарную трубу) и основанныхъ либо на законѣ, либо на земскомъ обязательномъ постановленіи.

Въ той части своей работы, которая касается сельскихъ и земельныхъ обществъ, редакціонная коммиссія оставалась вѣрной ея заглавію („Проектъ положенія о крестьянскомъ общественномъ управленіи“); единственнымъ исключеніемъ являлось правило, предоставляющее сельскому старостѣ дисциплинарную власть надъ *всѣми* лицами бывшихъ податныхъ сословій (т. е. не надъ одними крестьянами, но и надъ мѣщанами, ремесленниками и т. п.). Нельзя сказать того же самаго о постановленіяхъ, относящихся къ волостнымъ обществамъ. Въ составъ этихъ обществъ вводятся, на одинаковыхъ основаніяхъ съ крестьянами, всѣ мѣщане, посадскіе, ремесленники и цеховые, владѣющіе въ предѣлахъ волости недвижимою собственностью. Они не только подчиняются волостнымъ властямъ, но становятся (лично или черезъ представителей) участниками волостного схода и могутъ занимать должности по волостному управленію, если владѣютъ въ предѣлахъ волости *поземельною* собственностью *). Само собою разумѣется, что они привлекаются къ отбыванію мірскихъ повинностей волостного общества. Нарушена, такимъ образомъ, сословная обособлен-

*) «По отношенію къ этому послѣднему вопросу въ проектѣ усматривается противорѣчіе. Въ ст. 94, опредѣляющей предметы вѣдѣнія волостного схода, идетъ рѣчь о выборѣ сходомъ должностныхъ лицъ волостного управленія изъ *крестьянъ*, участвующихъ въ сходѣ; но по ст. 120, лица, причисленныя къ волостному обществу (а къ числу этихъ лицъ принадлежатъ мѣщане, посадскіе, ремесленники и цеховые), если они владѣютъ, въ предѣлахъ волости, поземельною собственностью, могутъ быть избираемы на всѣ должности волостного общественнаго управленія. Мы думаемъ, что истинная мысль коммиссіи выражена въ ст. 120, прямо относящейся къ должностнымъ лицамъ волостного управленія». (Прим. «Вѣстн. Евр.»).

ность волости; она перестаетъ быть *крестьянскою*, и работу коммиссіи уже въ теперешнемъ ея видѣ правильнѣе было бы назвать проектомъ положенія о *сельскомъ и волостномъ* общественномъ управленіи. Съ другой стороны, изъ объяснительной записки къ проекту видно, что, по мнѣнію редакціонной коммиссіи, „практика жизни уже давно требуетъ *территоріальнаго* опредѣленія состава волостей, въ качествѣ *исчерпывающаго* дѣленія *всей* уѣздной территоріи". Коммиссія соглашается съ мнѣніемъ, высказаннымъ еще въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка (коммиссіей статсъ-секретаря Каханова), что «въ территорію волостей фактически вошло, въ отношеніи весьма многихъ дѣлъ, *сплошное* пространство земель, *принадлежащихъ лицамъ всѣхъ сословій*, а потому, на практикѣ, волостное дѣленіе обнимаетъ собою *всю территорію уѣзда*, и понятіе стоящихъ внѣ волостей пространствъ, на которыя бы не распространялась если не власть, то дѣятельность волостного начальства, постепенно ослабѣваетъ». „Тѣ интересы и дѣла",— читаемъ мы дальше въ объяснительной запискѣ редакціонной коммиссіи,— „которые ввѣряются завѣдыванію волостныхъ обществъ, представляются не узкими интересами внутренняго благоустройства отдѣльныхъ поселковъ, а *болѣе широкими интересами общественнаго хозяйства и управленія, касающимися извѣстнаго района уѣзда*. Въ этомъ смыслѣ *волостная организація имѣетъ нѣкоторыя черты земской организаціи*, а потому принадлежность къ составу волостныхъ обществъ должна опредѣляться, главнымъ образомъ, признакомъ владѣнія недвижимымъ имуществомъ въ предѣлахъ волостной территоріи". Изъ всѣхъ этихъ безспорныхъ положеній вытекаетъ, повидимому, только одинъ логическій выводъ: волость, какъ обнимающая *всю* территорію даннаго района, какъ соприкасающаяся, по своимъ задачамъ, съ земскими учрежденіями, должна быть *всесословною*, т. е. въ ея составъ должны входить, по меньшей мѣрѣ, *всѣ* владѣющіе въ ея предѣлахъ недвижимымъ имуществомъ. Этого вывода редакціонная коммиссія, однако, не дѣлаетъ; ничего не говоря о причинахъ, побуждающихъ ее отступить отъ только-что принятыхъ предпосылокъ, она ограничиваетъ составъ волостного общества лицами бывшихъ податныхъ сословій. Привилегированные владѣльцы, на каждомъ шагу пользующіеся услугами волостныхъ учрежденій, заинтересованные въ хозяйственномъ благоустройствѣ и благополучіи мѣстности, гдѣ они живутъ или владѣютъ недвижимымъ имуществомъ, часто одушевленные искреннимъ желаніемъ послужить сосѣднему населенію своими знаніями, своимъ трудомъ, попрежнему остаются среди него какъ бы чу-

жими, не пользуясь правомъ участвовать въ его дѣлахъ и не раздѣляя лежащихъ на немъ обязанностей. Яснѣе, чѣмъ когда-либо, ненормальность и несправедливость такого порядка вещей обнаруживаются именно теперь, на почвѣ проекта редакціонной коммиссіи и объясняющихъ его соображеній... Чѣмъ именно должна и можетъ быть въ настоящее время всесословная волость—объ этомъ мы говорили много и часто. Пока остается въ силѣ мѣстный судебно-административный строй, созданный положеніями 12 іюля 1889 г., всесословная волость возможна и желательна, въ нашихъ глазахъ, лишь какъ мелкая хозяйственная земская единица. Рядомъ съ нею не должно быть мѣста для сословной крестьянской волости: административныя и полицейскія обязанности, лежащія теперь на волостныхъ старшинахъ и волостныхъ правленіяхъ, должны быть переданы низшимъ органамъ правительственной власти. Вопросъ о томъ, необходимъ ли волостной (всесословный) судъ, и если необходимъ, то какъ онъ долженъ быть устроенъ и какія категоріи дѣлъ должны быть предоставлены его вѣдѣнію, будетъ разсмотрѣнъ нами въ одномъ изъ слѣдующихъ нашихъ обозрѣній *). Замѣтимъ теперь только одно: одинъ изъ самыхъ обычныхъ аргументовъ противъ всесословной волости—указаніе на введеніе въ составъ низшей самоуправляющейся единицы такихъ нежелательныхъ элементовъ, какъ мелкіе промышленники и торговцы, склонные къ ростовщичеству и вообще къ эксплоатаціи крестьянъ,—теряетъ свою силу въ виду проекта редакціонной коммиссіи, отворяющей двери волостного общества для мѣщанъ, посадскихъ, ремесленниковъ и цеховыхъ. Не допускаются, значитъ, въ волостное общество только купцы, почетные граждане, священно-и церковнослужители, чиновники и дворяне, участіе которыхъ въ волостныхъ хозяйственныхъ дѣлахъ не могло бы быть опаснымъ для крестьянскаго благополучія. Если при этомъ имѣется въ виду какая-либо охрана, то ея предметомъ служатъ, конечно, не крестьянскіе интересы, а интересы—или предразсудки—привилегированныхъ сословій. При той избирательной системѣ, которую намѣчаетъ редакціонная коммиссія (каждый членъ волостного общества, не входящій въ составъ сельскихъ обществъ, имѣетъ голосъ—*одинъ* голосъ—на волостномъ сходѣ, если владѣетъ такимъ количествомъ земли, отъ котораго полагается, для сельскихъ обществъ, одинъ выборный на волостной сходъ; владѣльцы меньшаго количества земли

*) См стр. 501—516.

посылаютъ отъ себя на сходъ соотвѣтственное число уполномоченныхъ). личные землевладѣльцы ни въ какомъ случаѣ не могли бы имѣть на волостномъ сходѣ больше представителей, чѣмъ сельскія общества,—а *фактическое* преобладаніе нѣсколькихъ лицъ или даже одного лица мыслимо при всякомъ административно-хозяйственномъ устройствѣ... Единственная уступка, сдѣланная редакціонною коммиссіею требованіямъ жизни, заключается въ томъ, что лицамъ, не принадлежащимъ къ волостному обществу, разрѣшено присутствовать, *съ совѣщательнымъ голосомъ*, на волостномъ сходѣ, *съ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія* волостного старшины или земскаго начальника. Мотивируется это нововведеніе тѣмъ, что въ общемъ ходѣ волостной жизни должны, естественно, возникать дѣла, соприкасающіяся съ интересами лицъ, не принадлежащихъ къ волостному обществу. И здѣсь совершенно правильной предпосылкѣ не соотвѣтствуетъ заключеніе. Совѣщательный голосъ, да еще обусловленный особымъ каждый разъ разрѣшеніемъ—явно недостаточная гарантія безспорно признаннаго интереса».

(*Тамъ же*). «Въ одномъ отношеніи проектъ редакціонной коммиссіи не удовлетворитъ нашихъ газетныхъ охранителей: вопреки ихъ давнишнимъ требованіямъ, онъ оставляетъ въ силѣ *избраніе* должностныхъ лицъ сельскаго и волостного общественнаго управленія. Правда, утвержденіе избранныхъ лицъ зависитъ, въ той или другой формѣ, отъ земскаго начальника; но, какъ ни мало удовлетворителенъ этотъ порядокъ, онъ все-таки лучше назначенія, потому что сохраняетъ за сельскими и волостными сходами хоть нѣкоторое участіе въ организаціи своего управленія. Волостной старшина, по прежнему избираемый на трехлѣтній срокъ, все-таки будетъ знать, что по истеченіи трехъ лѣтъ онъ можетъ не быть переизбранъ и что тогда должность можетъ остаться за нимъ лишь въ случаѣ неутвержденія земскимъ начальникомъ цѣлаго ряда другихъ лицъ, послѣдовательно избранныхъ волостнымъ сходомъ; да и уѣздному съѣзду не очень-то удобно будетъ назначить волостнымъ старшиной именно то лицо, которое уже занимало эту должность, но затѣмъ было забраковано избирателями *). Полезной сдержкой для волостныхъ старшинъ это будетъ служить не-

*) «Къ назначенію волостного старшины, по представленію земскаго начальника уѣздный съѣздъ, на основаніи проекта, приступаетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда волостной сходъ, послѣ неутвержденія избраннаго имъ лица земскимъ начальникомъ, откажется отъ производства новыхъ выборовъ». (Прим. «Вѣстн. Евр.»).

сомнѣнно. Что касается до сельскихъ старостъ, то проектъ хотя и не требуетъ ихъ утвержденія, но фактически дѣйствительность выбора зависитъ вполнѣ отъ усмотрѣнія земскаго начальника. „Земскому начальнику,— гласитъ проектъ,—предоставляется, по извѣщеніи его (волостнымъ старшиною) объ избраніи сельскимъ старостою, лица, по имѣющимся о немъ свѣдѣніямъ, не соотвѣтствующаго сему назначенію, требовать отъ сельскаго общества замѣны избраннаго другимъ лицомъ“ *). Отсюда ясно, что между положеніемъ сельскихъ старостъ и положеніемъ волостныхъ старшинъ, при дѣйствіи правилъ, проектированныхъ редакціонною коммиссіею, существенной разницы не будетъ.

Дисциплинарная власть земскаго начальника надъ должностными лицами крестьянскаго общественнаго управленія сохраняется проектомъ на прежнемъ основаніи, съ тою только разницею, что волостные старшины не могутъ быть подвергаемы, въ этомъ порядкѣ, аресту; зато максимальная норма денежнаго съ нихъ взысканія повышена съ пяти до двадцати пяти рублей. Конечно, освобожденіе волостныхъ старшинъ отъ ареста по единоличному, ничѣмъ не ограниченному усмотрѣнію земскаго начальника составляетъ нѣкоторую перемѣну къ лучшему; но существенно важной ее признать нельзя, потому что положеніе волостного старшины можетъ быть сдѣлано безвыходнымъ или крайне тяжкимъ и помимо лишенія свободы, путемъ часто повторяемыхъ, сравнительно крупныхъ денежныхъ взысканій».

„Вѣстникъ Права“ № 6, 1904 г., ст. г. В. Вороновскаго: „Новый проектъ устройства крестьянскихъ обществъ“ („По поводу трудовъ редакціонной коммиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ“):

1. «Коммиссія по пересмотру законоположеній о крестьянахъ выработала проектъ «положенія о крестьянскомъ общественномъ управленіи», который заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія какъ со стороны принципіальныхъ началъ, положенныхъ въ его основаніе, такъ и со стороны своихъ логическихъ построеній. Установивъ цѣлью своихъ трудовъ—пересмотръ дѣйствующихъ узаконеній о крестьянахъ „сообразно съ измѣнившимися потребностями жизни въ сельскихъ мѣстностяхъ“, коммиссія выходитъ въ своихъ сужденіяхъ изъ выясненія недостатковъ существующаго крестьянскаго общественнаго строя. Въ числѣ этихъ недостатковъ прежде всего

*) «Если сельскій сходъ не подчинится этому требованію, т. е. откажется произвести новые выборы, то сельскій староста *назначается* уѣзднымъ съѣздомъ, по представленію земскаго начальника». (Прим. «Вѣстн Евр.»).

отмѣчается неправильная организація сельскихъ обществъ, которая, по мнѣнію коммиссіи, проистекаетъ изъ того обстоятельства, что положеніе 19 февраля 1861 г. основало „весь административный строй сельскаго общественнаго управленія“ „на земельномъ хозяйственномъ принципѣ“ *). Въ виду этого сельскія общества, представляющія по преимуществу хозяйственные союзы, были облечены административными правами и обязанностями.

Такимъ образомъ въ формѣ одного общественнаго союза законъ смѣшалъ два различныя понятія: земельную единицу, связующую группу крестьянъ общимъ земельнымъ надѣломъ, и единицу административную, объединяющую совмѣстно живущихъ крестьянъ общими интересами управленія и благоустройства. Такое смѣшеніе двухъ разнокачественныхъ единицъ въ составѣ одного сельскаго общества было допущено редакціонными коммиссіями, какъ явленіе „случайное, по соображеніямъ времени“ **). Нынѣ же коммиссія признаетъ „безусловно своевременнымъ и цѣлесообразнымъ расчленить двойственное по своему назначенію сельское общество на двѣ самостоятельныя организаціи—хозяйственную и административную, образовавъ съ этой цѣлью земельныя и сельскія общества. Общества эти предназначаются осуществлять соотвѣтственныя имъ категоріи интересовъ: земельное—интересы хозяйственные, вытекающіе изъ надѣльнаго землепользованія, а сельское—интересы административные, основанные на совмѣстной жизни и направленные къ обезпеченію „правонорядка и внѣшняго благоустройства въ сельской жизни“ ***). Необходимость такого обособленія разнородныхъ организацій доказана самой жизнью, которая расчленила фактически функцію сельскаго схода на двѣ различныя категоріи хозяйственную и административную, выработавъ въ обходъ установленнаго закономъ единаго сельскаго схода еще селенный сходъ, какъ органъ земельной организаціи. Теперь остается санкціонировать силою закона явленіе, созданное самой жизнью. Необходимость раздѣльнаго осуществленія функцій сельскаго схода, по мнѣнію коммиссіи, вызывается также развитіемъ въ крестьянской средѣ другихъ интересовъ, кромѣ надѣльныхъ, и появленіемъ въ составѣ крестьянскаго населенія значительнаго числа лицъ, кла-

*) «Труды редакціонной коммиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ. Т. III. стр. 1—2».
**) Ibid., стр. 27.
***) Ibid., стр. 35—36.
(Ссылки автора статьи).

дѣющихъ внѣнадѣльной землею, которыхъ необходимо ввести въ административную организацію сельскаго общества. Наконецъ, таже необходимость выясняется вслѣдствіе преобладающаго значенія въ глазахъ крестьянъ исключительно интересовъ земельно-хозяйственнаго характера надъ всѣми другими. „Словомъ, интересы земельнаго общества затемнили интересы собственно сельскаго общества, а иногда свели ихъ на нѣтъ. Для того, чтобы выдвинуть ихъ и поставить на надлежащее мѣсто, необходимо прежде всего выдѣлить ихъ въ особую категорію“.

Вотъ тѣ доводы, которые приводятъ коммиссіи къ заключенію о необходимости организовать особый союзъ для „сословнаго общественнаго объединенія крестьянъ“ *). Всѣ эти доводы даютъ, однако, болѣе прочныя основанія для соображеній иного порядка и для заключеній другого содержанія.

Начать съ того, что редакціонныя коммиссіи вовсе „не случайно“, а роковымъ образомъ вынуждены были отступиться отъ вполнѣ обособленнаго, строго опредѣленнаго распредѣленія крестьянъ въ хозяйственные и административные союзы, такъ какъ для осуществленія разнообразныхъ организацій въ крестьянской общественной жизни совершенно не было фактическаго матеріала. Въ эпоху первичнаго строительства судебъ освобожденнаго русскаго народа организація крестьянъ въ земельно-хозяйственные союзы не вызывала большихъ затрудненій, такъ какъ крестьянская жизнь заключала въ себѣ достаточно для этого данныхъ; устройство же союзовъ общественнаго характера породило массу недоразумѣній: трудна была задача—организовать безправныхъ дотолѣ людей въ роли общественныхъ дѣятелей.

Многіе комитеты даже вовсе не раздѣляли хозяйственной организаціи отъ административной, не усматривая для такого разграниченія достаточныхъ основаній въ жизни сельскаго населенія. Идею эту ясно формулировали многіе депутаты. Членъ редакціонныхъ коммиссій Желтухинъ полагалъ, „что до тѣхъ поръ, пока нельзя будетъ сдѣлать раціональной административной единицы, лучше не учреждать ее вовсе и ограничиться устройствомъ правильной единицы административно-хозяйственной“. По его убѣжденію, правильная организація сельскаго населенія въ общественныя группы представлялось задачей будущаго. Тогда наступитъ, говоритъ онъ,

*) Ibid., стр. 41—35. (Ссылка автора статьи).

совершенная необходимость соединить „сельскія общества въ общества болѣе крупныя, съ непремѣннымъ участіемъ въ нихъ мѣстныхъ обывателей всѣхъ сословій“; въ такомъ соединеніи представится тѣмъ большая надобность, что крестьяне „не достаточно сильны для того, чтобы развивать всѣ свои интересы и успѣшно заниматься дѣлами такъ называемыми „божьими“, на которыя крестьяне, безъ содѣйствія лицъ образованнѣйшаго сословія, по большей части неспособны“ *). Такія мысли высказывались и раздѣлялись лучшими дѣятелями эпохи освобожденія. Неужели по истеченіи почти полувѣка въ русской жизни накопилось болѣе благопріятныхъ условій для укрѣпленія и развитія началъ сословности, чѣмъ ихъ было даже въ эпоху освобожденія крестьянъ? Неужели не въ предвзятой теоріи, а въ фактахъ дѣйствительной жизни, можно усмотрѣть показанія на то, что „своевременно и цѣлесообразно“ озаботиться о всестороннемъ развитіи и укрѣпленіи сословнаго строя въ жизни сельскаго населенія?

Долгій и поучительный опытъ немолчно свидѣтельствуетъ, что сословная организація крестьянскихъ обществъ — совершенно мертвая форма для всѣхъ вопросовъ общественнаго хозяйства. Крестьянскія общества—сельскія и волостныя—въ качествѣ органовъ самоуправленія рѣшительно ничего не сдѣлали въ этомъ отношеніи для благоустройства сельской жизни. Всякому извѣстно, что все дѣло общественнаго хозяйства въ сельскихъ мѣстностяхъ развилось и сосредоточилось въ рукахъ не сословныхъ крестьянскихъ обществъ, а всесословнаго земства. Какія же данныя послѣ такого опыта могутъ убѣдить въ необходимости еще съ большей тщательностью организовать ту форму для крестьянской общественной дѣятельности, которая отвергнута жизнью? Коммиссія ссылается, между прочимъ, на самообразованіе селенныхъ сходовъ, какъ на доказательство необходимости обособленной организаціи для сословнаго общественнаго объединенія крестьянъ. Но доказательство это, при ближайшемъ его анализѣ, съ большимъ успѣхомъ доказываетъ противоположную мысль. Вѣдь селенный сходъ выдѣлился изъ состава земельно-административнаго сельскаго схода въ качествѣ органа исключительно земельныхъ интересовъ. Такимъ образомъ крестьянская жизнь проложила себѣ самобытный путь въ направленіи земельной, а вовсе не административной организаціи, потребности въ которой она рѣшительно ничѣмъ не проявила. Чрезвычайно поучительно,

*) А. Скребицкій, «Крестьянское дѣло». Т. I, стр. 344, 345. (Ссылка автора статьи).

что всякое сельское общество, какъ только его не объединяла крѣпкая связь земельныхъ интересовъ, всегда распадалось по этимъ интересамъ на отдѣльныя части, которыя фактически жили самостоятельной жизнью, сохраняя между собой лишь механическое единство, въ силу формальныхъ требованій закона. Между тѣмъ совсѣмъ не наблюдалось явленій обратнаго порядка, чтобы отдѣльныя общества, какъ бы близко они не отстояли другъ отъ друга, и какъ бы тѣсно не соприкасались ихъ общественные интересы, соединились бы въ общій союзъ для осуществленія задачъ общественнаго хозяйства. Если въ сельской жизни изрѣдка случаются подобныя соединенія, то лишь по отдѣльнымъ вопросамъ, и обыкновенно подъ вліяніемъ сильныхъ внѣшнихъ воздѣйствій. Слишкомъ очевидно, образованіе въ крестьянской практикѣ селенныхъ сходовъ, свидѣтельствуя, что въ сословной крестьянской организаціи болѣе жизненное значеніе имѣютъ лишь земельные союзы, самымъ рѣшительнымъ образомъ подрываетъ мысль коммиссіи образовать особый сословный союзъ для задачъ мѣстнаго самоуправленія. Такая организація имѣла бы вполнѣ искусственный характеръ, въ чемъ убѣждаютъ, между прочимъ, и доводы самой коммиссіи, которая расчитываетъ этимъ путемъ освободить изъ подъ господства земельныхъ интересовъ подавленные интересы сословной общественности. Не распространяясь объ очевидныхъ послѣдствіяхъ такой задачи по существу, нельзя не видѣть въ ней очень искусственнаго пріема оживить начала, отвергнутыя народной жизнью. Нельзя не установить того очевиднаго факта, что въ крестьянской жизни общественные интересы подавлены не сопутствующими имъ интересами земельными, а сословностью общественной организаціи, въ которой прозябаетъ земледѣльческій промыселъ, но глохнетъ всякая общественная иниціатива. Замыселъ коммиссіи создать особую отъ интересовъ надѣльнаго землевладѣнія сословную организацію крестьянъ, съ цѣлью вдвинуть въ нее все проживающее въ селеніяхъ крестьянство, нынѣ еще не прикрѣпленное къ сельскимъ обществамъ, конечно, представляетъ извѣстныя удобства въ интересахъ центральнаго управленія, но совершенно не соотвѣтствуетъ выяснившимся потребностямъ сельской жизни.

А между тѣмъ въ оборотъ народной жизни все больше замѣшиваются и глубже проникаютъ общечеловѣческіе интересы, не находя себѣ выхода въ узкой сферѣ сословной организаціи. При такихъ условіяхъ уже сдѣлалось невозможнымъ удовлетворить общественные потребности сельской жизни сословными союзами. Такіе союзы, проектированные въ видѣ сель-

скихъ и волостныхъ обществъ, должны остаться по отношенію потребностей общественнаго хозяйства безсодержательной формой, такъ какъ они не властны создать ни сословной медицины, ни сословныхъ пожарныхъ трубъ и обозовъ, ни вообще какихъ-либо общеполезныхъ мѣропріятій сословнаго характера.

2. По проекту коммиссіи предположено установить для „общественнаго единенія“ крестьянъ земельныя, сельскія и волостныя общества (ст. 1).

Земельное общество состоитъ изъ крестьянъ, владѣющихъ совмѣстно всей или частью надѣльной земли, отведенной имъ по одному акту земельнаго устройства (ст. 3). Такимъ образомъ, земельное общество представляется спеціальной организаціей для надѣльныхъ крестьянъ, и всѣ владѣльцы внѣнадѣльной земли не входятъ въ ея составъ. Земельное общество можетъ подлежать раздѣлу какъ добровольному по взаимному соглашенію членовъ, такъ и принудительному по иниціативѣ земскаго начальника. Принудительный раздѣлъ производится въ административномъ порядкѣ и допускается по отношенію многолюдныхъ обществъ (ст. 12—19); такая мѣра мотивируется намѣреніемъ устроить наилучшую хозяйственную организацію въ тѣхъ случаяхъ, когда она не достигается путемъ добровольнаго соглашенія. Органомъ общественнаго управленія земельнаго общества является земельный сходъ, состоящій изъ всѣхъ крестьянъ-домохозяевъ (ст. 26). Однако, предсѣдательствованіе на этомъ сходѣ, не смотря на его „частноправовую компетенцію“, принадлежитъ представителю административной организаціи сельскому старостѣ, которому предоставляется дискреціонное право — штрафовать за неявку на сходъ (ст. 28, 37). Отсюда слѣдуетъ, что коммиссія, хотя въ теоріи признала необходимость полнаго разъединенія хозяйственной и административной организаціи, тѣмъ не менѣе на практикѣ сохраняетъ между ними весьма прочное отношеніе подчиненности. Земельные союзы, не имѣя своихъ должностныхъ лицъ, по счастливому выраженію коммиссіи, „могутъ пользоваться услугами сельской администраціи“ *).

Вѣдѣнію земельнаго схода подлежатъ всѣ вопросы, вытекающіе изъ надѣльнаго землепользованія, среди которыхъ нашли себѣ мѣсто „покупки земли цѣлымъ обществомъ“ и „временное устраненіе членовъ схода отъ участія на ономъ“. Вопросы эти вносятъ значительную несообразность въ

*) Труды Ред. Коммиссіи, т. II, стр. 95. (Ссылка автора статьи).

компетенцію земельнаго схода. Земельное общество, по проекту коммиссіи, служитъ исключительно для осуществленія хозяйственныхъ задачъ надѣльнаго землевладѣнія. Поэтому, казалось бы, земельное общество можетъ пріобрѣтать землю только на правѣ земельнаго (? надѣльнаго) землевладѣнія, такъ какъ внѣнадѣльная земля, по толкованію самой коммиссіи, не входитъ въ сферу дѣятельности земельныхъ обществъ *). Такимъ образомъ, всякая купленная этимъ обществомъ земля должна зачисляться въ разрядъ надѣльной земли; для пріобрѣтенія же цѣлымъ земельнымъ обществомъ земли „вольной", какъ говорятъ крестьяне, не представляется юридической возможности. Затѣмъ право земельнаго схода устранять отдѣльнаго домохозяина отъ участія въ обсужденіи дѣлъ, касающихся его имущественныхъ интересовъ, остается совершенно непонятнымъ безъ предварительнаго ограниченія имущественныхъ правъ и при отсутствіи даже круговой поруки. Недоумѣнія по этому вопросу, къ сожалѣнію, не устраняются объясненіями коммиссіи, которая въ этомъ отношеніи ссылается лишь на заключенія губернскихъ совѣщаній. А между тѣмъ указанныя заключенія, во-первыхъ, относятся ко времени дѣйствія круговой поруки, а во вторыхъ, точно и опредѣленно устанавливаютъ единственный по этому вопросу ясный фактъ, что крестьяне почти вовсе не пользуются правомъ временнаго устраненія домохозяевъ отъ участія въ сходахъ.

Кромѣ земельныхъ сходовъ коммиссія предусматриваетъ еще, въ качествѣ также органовъ земельныхъ союзовъ, селенные сходы въ тѣхъ случаяхъ, когда въ составъ земельнаго общества входятъ селенія или ихъ части, владѣющія сообща не всѣми, а только нѣкоторыми надѣльными угодьями. Въ этомъ случаѣ всѣ дѣла, касающіяся угодій, состоящихъ въ раздѣльномъ пользованіи, подвѣдомственны селеннымъ сходамъ.

Другую категорію „общественнаго единенія" крестьянъ представляетъ, по проекту, сельское общество; „оно состоитъ изъ крестьянъ, проживающихъ въ чертѣ одного селенія и при томъ владѣющихъ землей или иной недвижимостью" въ предѣлахъ соотвѣтственной волости. Такимъ образомъ, въ основаніе этой организаціи, предназначенной „обслуживать разнообразные интересы крестьянъ, вытекающіе изъ совмѣстнаго ихъ жительства", положено „единство поселенія", ибо каждый поселокъ „независимо отъ его величины и поземельныхъ отношеній отдѣльныхъ его жителей, имѣетъ

*) Труды Редакціонной Коммиссіи, т. II, стр. 48. (Ссылка автора статьи).

свои собственные интересы благоустройства и порядка" *). Не смотря на столь точное опредѣленіе понятія о сельскомъ обществѣ, понятіе это оказывается такъ шатко, что установленное во 2-й статьѣ проекта, категорически опровергается содержаніемъ ряда послѣдующихъ статей, начиная съ 5-й. Оказывается, что въ одно сельское общество могутъ въ извѣстныхъ случаяхъ соединяться нѣсколько селеній какъ добровольно, такъ и принудительно по иниціативѣ земскаго начальника.

Такимъ образомъ, при практическомъ осуществленіи намѣченной организаціи сельскихъ обществъ, единство поселенія и вытекающихъ изъ него общественныхъ интересовъ исчезаетъ въ качествѣ основного признака, и на мѣсто его появляется въ концѣ концовъ удобство административнаго управленія.

Кореннымъ органомъ сельскаго общественнаго управленія является сельскій сходъ, въ составъ котораго входятъ достигшіе тридцатилѣтняго возраста какъ надѣльные крестьяне-домохозяева, такъ и крестьяне-владѣльцы внѣнадѣльнаго недвижимаго имущества. Вѣдомству сельскаго схода проектъ предоставляетъ тѣ же дѣла, какъ и дѣйствующій законъ, исключая предметовъ, отнесенныхъ къ вѣдѣнію земельныхъ сходовъ.

Совершенно новымъ полномочіемъ сельскаго схода является лишь предоставленное ему по проекту „составленіе обязательныхъ для членовъ сельскаго общества постановленій" о различныхъ мѣрахъ благоустройства и безопасности „на земляхъ сельскихъ обществъ". Такое расширеніе компетенціи сельскаго схода коммиссія поясняетъ заботой обезпечить сельскому обществу возможность осуществлять путемъ составленія обязательныхъ правилъ возложенныя на него закономъ мѣропріятія по дѣламъ безопасности и благоустройства. Коммиссія полагаетъ, что сельскія общества въ настоящее время только „вынужденно" бездѣйствуютъ въ этомъ направленіи, тогда какъ земскія учрежденія недостаточно пользуются предоставленнымъ имъ правомъ изданія обязательныхъ постановленій. Между тѣмъ необходимость такихъ постановленій, по соображеніямъ коммиссіи, сильно ощущается въ деревенской жизни, которая неблагоустроена „именно потому, что интересы этого благоустройства не защищены" обязательными требованіями **). Нисколько не раздѣляя надеждъ, что благоустройство сель-

*) Ibid., стр. 45.
**) Ibid., стр. 90.
(Ссылки автора статьи).

ской жизни можетъ быть достигнуто простымъ предъявленіемъ соотвѣтственныхъ требованій, какъ бы обязательны они не были, все же нельзя, конечно, не признавать за установленіемъ обязательныхъ правилъ въ извѣстныхъ случаяхъ большого и благотворнаго практическаго значенія. Однако, такое значеніе имѣютъ обязательныя постановленія только тогда, когда вполнѣ обезпечены самая возможность и цѣлесообразность ихъ примѣненія. Вотъ почему, надо думать, земскія учрежденія съ большой осторожностью рѣшаются издавать обязательныя постановленія, хорошо понимая, что постановленіямъ этимъ должно предшествовать созданіе средствъ къ ихъ исполненію. Во всякомъ случаѣ весьма важное право изданія обязательныхъ для мѣстныхъ жителей постановленій должно имѣть соотвѣтственно серьезную постановку въ своемъ практическомъ примѣненіи.

Едва-ли можетъ получить правильную постановку смѣлый опытъ предоставленія такого права сельскому обществу. До сего времени сословныя учрежденія не имѣли подобнаго права, да и врядъ ли могутъ его имѣть по существу дѣла, пока сословія не разобщены по мѣсту жительства. Какое въ самомъ дѣлѣ можетъ имѣть серьезное значеніе право сельскаго общества издавать обязательныя постановленія, пока не будетъ воспрещено проживать въ селеніяхъ лицамъ, не входящимъ въ составъ сельскихъ обществъ? Вѣдь всѣ постановленія сельскаго схода, напримѣръ, о воспрещеніи курить на улицѣ, пѣть пѣсни и играть на музыкальныхъ инструментахъ въ постные дни, нарушеніе которыхъ по проекту преслѣдуется въ качествѣ уголовнаго проступка, предусмотрѣннаго въ главѣ „о неповиновеніи властямъ“ *), будутъ, разумѣется, обязательны для всѣхъ членовъ общества; а между тѣмъ тутъ-же рядомъ живущій въ селеніи безземельный крестьянинъ, не говоря уже о лицахъ всѣхъ другихъ сословій, можетъ свободно и даже демонстративно пренебречь всѣми этими правилами. Но и кромѣ того, вообще возможно-ли въ трудномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ общественнаго благоустройства сельскихъ мѣстностей придавать сколько нибудь серьезное значеніе обязательнымъ правиламъ, исходящимъ отъ сословнаго органа крестьянской жизни, бѣдность и некультурность которой превыше всякихъ предписаній.

*) «Труды Редак. Коммиссіи, т. I, стр. 253; ст. 17, волостного устава о наказаніяхъ». (Ссылка автора статьи).

Установивъ законный составъ земельнаго и сельскаго сходовъ наличностью не менѣе половины всѣхъ его членовъ, проектъ въ то же время предусматриваетъ случаи, когда постановленія схода дѣйствительны во всякомъ его составѣ. Такъ, сходы, вторично созванные, во всякомъ составѣ признаются компетентными въ присутствіи земскаго начальника по особо перечисленнымъ дѣламъ, имѣющимъ въ текущей жизни болѣе спѣшный характеръ.

Наряду съ такими сходами сокращеннаго состава по нѣкоторымъ дѣламъ коммиссія проектируетъ при извѣстныхъ условіяхъ полную замѣну общихъ сходовъ сходами выборныхъ по всѣмъ вопросамъ. Такая замѣна допускается въ многолюдныхъ обществахъ по ихъ желанію, а въ сельскомъ обществѣ сверхъ того и принудительно по распоряженію уѣзднаго съѣзда, основанному на усмотрѣніи земскаго начальника. Сходъ выборныхъ состоитъ изъ лицъ, избранныхъ обществомъ, если же общество откажется отъ избранія, то выборные назначаются властью земскаго начальника.

Такимъ образомъ, по сравненію съ дѣйствующимъ закономъ проектъ значительно усиливаетъ административное воздѣйствіе на главный органъ сельскаго общественнаго управленія—сельскій сходъ. Воздѣйствіе это можетъ достигать даже такихъ необычайныхъ проявленій, какъ назначеніе выборныхъ людей.

Высшей по сравненію съ сельскимъ обществомъ единицей крестьянскаго административнаго устройства является волостное общество, организаціи котораго по проекту представляетъ много любопытныхъ особенностей.

Согласно дѣйствующему закону сельскія общества сведены въ особыя группы подъ названіемъ волостныхъ обществъ, которыя представляются сословными административными единицами, причемъ волостное устройство не заключаетъ въ себѣ понятія обособленной волостной территоріи.

Между тѣмъ на практикѣ волость пріобрѣла всестороннее первенствующее значеніе для всей мѣстной сельской жизни. Въ настоящее время волость рѣшительно для всѣхъ мѣстныхъ жителей и въ глазахъ всѣхъ властей и учрежденій представляетъ собою первичную и основную административную единицу. На практикѣ волость превратилась въ весьма опредѣленный обособленный районъ, границы котораго въ общемъ настолько установлены самою жизнью, что закону остается только учредить порядокъ для нанесенія ихъ на планъ. Рознь въ этомъ отношеніи надѣльныхъ и

частновладѣльческихъ земель окончательно утратилась, и всякій частный владѣлецъ, къ какому бы сословію онъ не принадлежалъ, долженъ знать, въ составъ какой волости входитъ его имѣніе. Къ этому его располагаютъ самые разнообразные имущественные интересы, защиту которыхъ онъ скорѣе всего можетъ найти въ волостныхъ учрежденіяхъ. Къ волостной администраціи и суду, въ виду ихъ близости и общедоступности, обыкновенно прибѣгаютъ проживающіе въ деревняхъ люди всѣхъ сословій. Мало того, даже при разныхъ оффиціальныхъ сношеніяхъ по залогу имѣнія, застрахованію построекъ, полученію пожарнаго вознагражденія и пр. требуется обозначеніе волости, въ предѣлахъ которой состоитъ имущество. Точно также всѣ распоряженія, касающіяся разныхъ сторонъ сельской жизни, откуда бы они не исходили, неизмѣнно пріурочиваются къ волости, какъ опредѣленной территоріи. При такомъ фактическомъ положеніи дѣла нельзя не согласиться съ проектомъ коммиссіи относительно необходимости прежде всего усвоить и въ законѣ за волостью значеніе территоріальнаго дѣленія уѣзда. Въ предѣлахъ такой территоріально объединенной волости проектъ развиваетъ свою своеобразную систему волостного устройства. Пользуясь расширеніемъ понятія волостного района, проектъ захватываетъ въ составъ волостного общества, кромѣ входящихъ въ него по закону сельскихъ обществъ надѣльныхъ крестьянъ, всѣхъ не только крестьянъ, но мѣщанъ, посадскихъ, ремесленниковъ и цеховыхъ, владѣющихъ недвижимою собственностью въ предѣлахъ волости. Такимъ образомъ, волостныя общества являются „административно-хозяйственными союзами сельскаго и низшаго городского состоянія, которымъ ввѣряется завѣдываніе болѣе широкими интересами общественнаго хозяйства и управленія, касающимися извѣстнаго района уѣзда. Въ этомъ смыслѣ, волостная организація имѣетъ нѣкоторыя черты земской организаціи....“ *).

Волостное общество имѣетъ распорядительную власть въ лицѣ волостного схода, въ составъ котораго входятъ, кромѣ должностныхъ лицъ, выборные отъ сельскихъ обществъ и отъ лицъ, причисленныхъ къ волостному обществу, а также безъ выбора всѣ числящіяся въ составѣ сельскихъ и волостныхъ обществъ владѣльцы земли въ размѣрѣ, не менѣе установленнаго особымъ цензомъ. Размѣръ этого ценза, которымъ опредѣляется также количество выборныхъ на волостномъ сходѣ отъ указанныхъ группъ, за-

*) Труды Ред. Коммиссіи, т. II, стр. 161, 162. (Ссылка автора статьи).

кономъ не устанавливается ни въ абсолютной, ни даже въ относительной величинѣ: онъ указывается по усмотрѣнію губернскаго присутствія не только для каждаго уѣзда, но, въ случаѣ надобности, и для отдѣльныхъ волостей. Установляя такой, казалось-бы, неустойчивый порядокъ разрѣшенія важнаго вопроса о цензовыхъ нормахъ, коммиссія руководствовалась соображеніями о томъ, что „численный составъ общественныхъ собраній не долженъ выходить изъ извѣстныхъ предѣловъ". Компетенція волостного схода, оставленная во всемъ согласно дѣйствующему закону, расширена лишь предоставленіемъ ему учрежденія „домовъ призрѣнія" и „мѣропріятій по сельскому хозяйству", а также права „устанавливать особые сборы за пользованіе услугами волостныхъ учрежденій".

Такова теорія проекта о волостной организаціи. Въ ней содержится прямое указаніе на обширный кругъ вѣдомства этой организаціи и даже замыселъ усвоить ей задачи земскаго хозяйства, но, къ сожалѣнію, не предусмотрѣно другого способа практическаго осуществленія широко намѣченной программы, кромѣ неослабнаго усмотрѣнія земскаго начальника.

3. Дѣйствующее законодательство о крестьянахъ возникло еще при отмѣнѣ крѣпостного права, и нынѣ руководимся имъ; новая жизнь уже выбилась изъ старыхъ формъ закона, и въ своемъ неудержимомъ теченіи несется мимо его статей, несется иногда безформенно и безпорядочно, какъ стихійная сила. Настала пора обновить обвѣтшалыя законодательныя нормы, дать правильный выходъ назрѣвшимъ потребностямъ народнаго тѣла и духа, оформить и оградить законные интересы сельскаго населенія— этой державы русской земли. Какъ бы несовершенны и тѣсны не были формы, дарованныя закономъ для крестьянской общественной жизни почти полвѣка назадъ, онѣ, надо помнить, даны были освобожденному народу для дальнѣйшаго жизненнаго развитія, какъ залогъ его „свободнаго труда" и „блага общественнаго". Это само по себѣ указуетъ то направленіе, въ которомъ должно совершиться обновленіе крестьянской жизни ради общаго народнаго блага. Направленіе это указывается и самыми неотложными запросами сельской жизни. Въ сельской жизни прежде всего нѣтъ просвѣщенія и права, этихъ регуляторовъ всякой разумной человѣческой жизни; нѣтъ потому, что нѣтъ субъекта правъ, живой человѣческой личности, которая до сего времени еще коснѣетъ въ общей массѣ толпы. Земцы не могутъ не знать накипѣвшей нужды въ человѣкѣ съ присущимъ

ему правовымъ строемъ жизни.—Они видятъ эту вопіющую нужду на поляхъ за работой, гдѣ не хватаетъ умѣлыхъ и добросовѣстныхъ рукъ; въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ въ людскихъ отношеніяхъ не достаетъ человѣческаго обличья; въ залѣ своихъ засѣданій, гдѣ крестьянинъ усердно таитъ свой голосъ. Нельзя не знать, какъ въ деревнѣ неудержимо ростетъ личный строй жизни, какъ выдвигаются на первый планъ интересы личности въ прямой ущербъ матеріальныхъ благъ Достаточно указать на семейные раздѣлы, которые со стихійною силою разрушаютъ благосостояніе народа. Въ дремлющей толпѣ народа уже проснулся человѣкъ; надо скорѣе воспитать и просвѣтить его, чтобы онъ подальше отошелъ отъ звѣря, котораго такъ много въ толпѣ, чтобы могъ умѣлыми руками добывать себѣ хлѣбъ, и просвѣтленнымъ сознаніемъ понимать святость правъ и непреклонность долга человѣческой личности. Нельзя правдиво утверждать, что народу надо только побольше земли: земля вся засорена невѣжествомъ и безправіемъ, какъ сорной травой, и пока не уничтожатся плевелы—урожая не будетъ. Тщетно отводить глаза отъ духовныхъ потребностей народа коркою хлѣба, и на ней одной строить народную долю.

Строй народной жизни необходимо созидать на болѣе прочныхъ устояхъ, чѣмъ голословныя утвержденія и предвзятыя теоріи. Строй этотъ долженъ быть расположенъ въ перспективѣ истинныхъ народныхъ потребностей, а не случайныхъ выгодъ его изъ центровъ. Правильная задача государственной дѣятельности въ томъ, чтобы хорошо устроить народную жизнь, а не въ томъ, чтобы легко ею управлять.

Многолѣтній опытъ крестьянскаго быта внятнымъ языкомъ непреложныхъ фактовъ свидѣтельствуетъ о тѣхъ началахъ, которыя должны быть положены въ основу пересмотра законовъ о крестьянской общественной организаціи.

Подлинныя редакціонныя коммиссіи послѣ долгихъ несогласій и колебаній пришли къ заключенію о необходимости соединить крестьянъ „по единству хозяйственныхъ интересовъ“ въ сельскія общества, а общества эти свести въ волости для осуществленія задачъ управленія и суда *).

Именно такая общественная организація крестьянскаго населенія и была принята закономъ, по буквѣ котораго „крестьяне составили, по дѣ-

*) А. Скребицкій „Крестьянское дѣло“. Т. I, стр. 342. (Ссылка автора статьи).

ламъ хозяйственнымъ, сельскія общества, а для ближайшаго управленія и суда соединены въ волости" (ст. 170 общ. пол.). Весьма назидателенъ опытъ этихъ крестьянскихъ общественныхъ организацій. Нельзя не видѣть, что наиболѣе естественную, а потому и прочную связь между сельскимъ населеніемъ образуютъ два факта—общность землепользованія и совмѣстная жизнь; оба эти факта были положены въ основаніе устройства сельскаго общества. Однако, факты эти до такой степени разнородны по своему соціальному значенію, что не могутъ одновременно создать единой общественной огранизаціи съ правильными функціями. Они могли еще объединять населеніе при условіяхъ неподвижности первобытной общины, однородной по своему исключительно сословному составу. Съ развитіемъ же населенія они все болѣе расходятся по своему значенію, ибо жизнь образуетъ все новыя и сложныя потребности общежитія за тѣсными предѣлами сословнаго землевладѣнія.

Въ то время какъ властные интересы общаго землепользованія неразрывно связуютъ лишь строго опредѣленный кругъ членовъ общества, интересы общежитія объединяютъ свободной связью взаимныхъ выгодъ всѣхъ людей, живущихъ сосѣдской жизнью. Очевидно, что начала эти не могли свободно развиваться въ одной общественной формѣ: одно получило исключительное развитіе, другое осталось въ связанномъ состояніи.

Опытъ показалъ, что только земельные интересы могли сплотить сельское населеніе въ его общественно изолированномъ положеніи. Только земельныя организаціи проявили на практикѣ признаки жизнедѣятельности; задачи же общественнаго хозяйства для своего правильнаго развитія не нашли себѣ мѣста и простора въ сословной организаціи крестьянской жизни.

Правильно отмѣтивъ этотъ фактъ, коммиссія, однако, не указавъ никакихъ къ тому основаній, ставитъ его въ причинную связь съ недостаточнымъ числомъ общественныхъ формъ сословной организаціи. По ея мнѣнію совершенно достаточно образовать вмѣсто одного общества сельскаго два—сельское и земельное, чтобы запросы крестьянской жизни получили разностороннее удовлетвореніе.

А между тѣмъ все указанное явленіе всецѣло объясняется исключительно сословностью крестьянскихъ организацій, которыя, обходя всю болѣе активную и культурную часть сельскаго населенія, вмѣщаютъ въ себя только наиболѣе невѣжественныхъ, пассивныхъ и малоправныхъ сельскихъ

жителей. Какъ же весь этотъ строго обособленный слабѣйшій элементъ сельскаго населенія можетъ самостоятельно развивать общественную дѣятельность, самое понятіе о которой въ немъ еще слабо развито.

Весьма понятно, что при такихъ условіяхъ крестьянскаго строя жизнь наполнила дѣятельнымъ содержаніемъ земельные союзы крестьянъ, широко развила административныя функціи не только соотвѣтствующей имъ административной единицы—волости, но и единицы хозяйственной—сельскаго общества, и въ то же время совершенно отвергла пригодность для задачъ общественнаго хозяйства установленной закономъ сословной формы. Объ этомъ непреложно свидѣтельствуетъ сама жизнь своими бытовыми явленіями.

Всякому, даже случайному наблюдателю, извѣстно, въ какомъ направленіи идетъ дѣятельность сельскихъ и волостныхъ обществъ. Изъ всего огромнаго годового бюджета мірскихъ расходовъ этихъ обществъ въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи, достигавшаго въ 1894 году до 62 милліоновъ рублей, болѣе 52% составляли расходы обязательные и по управленію, тогда какъ непосредственные расходы на предметы общественнаго хозяйства не превышали 10,1%, считая въ этомъ числѣ 8,5% расходовъ на народное образованіе *), которое развивается главнымъ образомъ при содѣйствіи земскихъ учрежденій и на общеземскій счетъ: на этотъ предметъ земства несутъ въ десять разъ большій расходъ по сравненію съ крестьянскими обществами **). Если же откинуть расходы по народному образованію, то вся величина самостоятельныхъ расходовъ крестьянскихъ организацій на общественныя нужды окажется въ выразительной цифрѣ 1,6% къ общей расходной смѣтѣ. Такова напряженность общественныхъ интересовъ въ крестьянской сословной организаціи, и всѣ попытки къ дальнѣйшему усовершенствованію такого строя едва-ли возможно привести въ преемственную связь съ развитіемъ благоустройства сельской жизни. Путь для развитія народа въ этомъ направленіи ясно намѣченъ всѣмъ ходомъ русскаго общественнаго развитія. Крестьянское сословіе не проявило самостоятельныхъ интересовъ въ серьезномъ дѣлѣ устроительства сель-

---

*) «Мірскіе доходы и расходы за 1894 годъ», изд. Центр. стат. ком., стр. XV.

**) «Мірскіе расходы крестьянъ за 1881 годъ», изд. Центр. стат. ком., стр. 28, 29.

(Ссылки автора статьи).

ской жизни: состояніе его культуры, весьма благопріятное для воздѣйствія болѣе образованныхъ классовъ, не вызываетъ, однако, еще общественной самодѣятельности. Но оно уже пріобщено, хотя далеко не въ надлежащей формѣ и силѣ, къ земской общественной дѣятельности, и всесословное земство на пути своего культивирующаго назначенія уже обставляетъ крестьянскую жизнь тѣми, еще очень незначительными, средствами общественнаго благоустройства, относительно которыхъ оказалась безсильною сословная крестьянская организація. Для развитія и осуществленія задачъ общественнаго хозяйства въ народной жизни мертвыя формы сословнаго крестьянскаго строя должны быть замѣнены живой всесословной земской дѣятельностью. Того требуетъ жизнь во имя народнаго блага. Изъ иныхъ соображеній выходитъ и иными средствами располагаетъ для достиженія той же, надо думать, цѣли общественнаго блага коммиссія въ составленномъ ею проектѣ. Предполагается усовершенствовать существующую обособленность крестьянскаго сословія, увеличивъ количественно ея рессурсы. Кругъ этой сословной обособленности расширяется всѣми владѣльцами частной земельной собственности, принадлежащими къ крестьянскому и низшему городскому сословіямъ; задачи сословной организаціи расширяются, пріобрѣтая характеръ земской дѣятельности. Таковы идеи. Производится нѣкая изоляція всѣхъ некультурныхъ элементовъ сельской жизни въ особую самобытную силу, для проявленія каждой созидается новое распредѣленіе старыхъ формъ крестьянской сословной жизни. При ближайшемъ разсмотрѣніи формы эти оказываются заполнены обязательнымъ содержаніемъ задачъ надѣльнаго землевладѣнія, переполнены административными обязанностями и не вмѣстительны для цѣлей общественнаго хозяйства. Таковы факты. Земельное общество представляетъ собою спеціальный союзъ надѣльныхъ крестьянъ, который при неотчуждаемости надѣльной земли является какъ бы вѣчнымъ, неподвижнымъ наслѣдіемъ крѣпостного права. Очевидно, нѣтъ надобности говорить о его культурномъ значеніи для сельской жизни. Но и этотъ союзъ частно-хозяйственнаго характера не оставленъ обособленнымъ въ смыслѣ своей самостоятельности: поставленный подъ руководство сельскаго старосты онъ тѣсно примкнутъ къ общей административной организаціи всего крестьянскаго строя. Затѣмъ сельское и волостное общество представляютъ собою двѣ степени одной и той же исключительно-административной единицы. Хотя въ различныхъ мѣстахъ проекта союзы эти называются не только „адми-

нистративными", но также „общественно-административными", „административно-хозяйственными" и даже „публично-правовыми" *), но, не смотря ни на какія теоретическія опредѣленія, ихъ истинный характеръ въ практической постановкѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Весь кругъ ихъ вѣдомства не только по существу, но даже и по отдѣльнымъ предметамъ остается прежній. Не могутъ измѣнить дѣло вновь дарованное волостному сходу право учреждать „дома призрѣнія" и вѣдать „мѣропріятія по сельскому хозяйству", которое къ тому же, по самой идеѣ своей организаціи, не можетъ вѣдать волостное общество. Точно также новое право издавать обязательныя постановленія врядъ ли можетъ измѣнить старые порядки. Что же даетъ проектъ для сельской жизни. Онъ тщательно изолируетъ низшія сословія отъ всякаго воздѣйствія болѣе развитыхъ классовъ общества и широко развиваетъ общественную сословную организацію въ административно-полицейскомъ направленіи. Онъ даетъ сельскому населенію организацію по идеѣ сословной культурности, а по исполненію—сословнаго управленія. Но возможно-ли заполнить всю народную жизнь одними мѣрами управленія? Возможно-ли это тѣмъ болѣе въ настоящее время культурнаго роста сельскаго населенія, когда пробуждающимся въ народѣ общественнымъ инстинктамъ долженъ быть своевременно предоставленъ правильно организованный выходъ для осуществленія основныхъ задачъ общежитія».

Н. Г. Тальбергъ. Брошюра „Организація сельскаго управленія. По поводу проекта коммиссіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ":

I. ..... «Въ своемъ стремленіи закрѣпить обособленность крестьянъ, (проектъ) тщательно устраняетъ лицъ другихъ сословій отъ всякаго участія въ сельскомъ управленіи. Такая исключительная политика тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что проектъ вводитъ, наконецъ, давно уже требовавшееся отдѣленіе административно-земскаго управленія отъ земельно-хозяйственнаго, завѣдующаго имущественными интересами, общими для мѣстныхъ крестьянъ, пользующихся надѣльными землями. Дѣйствующій законъ знаетъ только одно сельское общество съ сельскимъ сходомъ, рѣшающимъ всѣ дѣла, хотя бы въ составъ сельскаго общества входило нѣсколько отдѣльныхъ общинъ, имѣющихъ отдѣльныя надѣльныя

*) Труды Ред. Коммисіи, Т. II., стр. 57, 77, 85, 162. (Ссылка автора статьи).

земли и хотя бы члены этихъ общинъ проживали въ отдѣльныхъ селеніяхъ, такъ что въ рѣшеніи имущественныхъ вопросовъ послѣднихъ участвовали постороннія лица и живущія въ другихъ селеніяхъ. Жизнь, конечно, не могла мириться съ такой несообразностью и на практикѣ вскорѣ установились непредусмотрѣнные закономъ отдѣльные сходы, приговоры которыхъ лишь для соблюденія формы вносились на утвержденіе оффиціальныхъ сельскихъ сходовъ. Сначала Правительствующій Сенатъ призналъ эти отдѣльные сходы, названные селенными, въ отличіе отъ сельскихъ, а позднѣе призналъ ихъ и законъ (23 іюня 1899 г.).

Проектъ вноситъ слѣдующую поправку. Цѣлое селеніе, либо часть его, либо нѣсколько селеній, выселковъ, хуторовъ или отдѣльныхъ дворовъ, пользующихся всѣми отведенными имъ по одному акту земельнаго устройства угодьями или нѣкоторыми изъ нихъ сообща, составляютъ земельное общество, собирающееся для рѣшенія своихъ дѣлъ на земельный сходъ подъ предсѣдательствомъ сельскаго старосты, а если послѣднихъ нѣсколько, то старшаго изъ нихъ по возрасту (ст. 11, 25 и 27 проекта). Затѣмъ отдѣльныя селенія, или части его, входящія въ составъ земельнаго общества, но имѣющія самостоятельныя, имъ только принадлежащія земельныя угодья, собираются на селенные сходы для рѣшенія дѣлъ, касающихся этихъ угодій (ст. 31—33). Никакихъ исполнительныхъ органовъ для исполненія приговоровъ земельнаго и селеннаго сходовъ проектъ не даетъ, кромѣ сельскаго старосты (3 п. 55 ст.), который, однако, выбирается сельскимъ сходомъ иного состава и съ иною компетенціею. На сходахъ земельныхъ и селенныхъ рѣшаются только дѣла, имѣющія непосредственную связь съ пользованіемъ и распоряженіемъ надѣльными землями и угодьями и участвуютъ въ этихъ сходахъ всѣ безъ исключенія крестьяне-домохозяева, принадлежащіе къ земельному обществу (ст. 26 и 29). Между тѣмъ сельскій сходъ вѣдаетъ дѣла только административныя и земскія. Онъ выбираетъ и учитываетъ должностныхъ лицъ, постанавливаетъ объ удаленіи изъ села порочныхъ крестьянъ, ходатайствуетъ о переименованіи селенія въ городъ, о нуждахъ общественнаго благоустройства, призрѣнія и школахъ, назначаетъ и опредѣляетъ мірскіе сборы и повинности, разсматриваетъ вопросы по отбыванію воинской повинности и объ обезпеченіи народнаго продовольствія, составляетъ обязательныя постановленія по вопросамъ санитарнымъ и противопожарнымъ и т. д. (ст. 24).

Въ такое публично-правовое учрежденіе, какъ будущій сельскій сходъ,

проектъ допускаетъ, однако, къ участію не всѣхъ мѣстныхъ жителей, а только крестьянъ, принадлежащихъ къ составу даннаго сельскаго общества, достигшихъ 30-лѣтняго возраста. Изъ этихъ крестьянъ членами сельскаго схода являются, во 1-хъ, всѣ тѣ-же члены земельнаго схода, т. е. домохозяева, владѣющіе надѣльною землею, и, во 2-хъ, крестьяне, владѣющіе на правѣ собственности внѣ-надѣльною землею или иной недвижимостью. Такая организація проектируемаго сельскаго управленія не вноситъ улучшенія въ существующіе порядки. По прежнему это управленіе сохранитъ свой сословный характеръ, что вполнѣ понятно въ виду подавляющаго большинства членовъ изъ крестьянъ; но затѣмъ, что совершенно неправильно и непонятно, попрежнему это управленіе оставляется въ такой степени обособленнымъ, что никто, ни одно лицо другого сословія, какъ-бы долго оно ни жило въ селеніи, какъ-бы тѣсно ни были связаны его личные и имущественные интересы съ дѣломъ мѣстнаго общественнаго благоустройства, не получаетъ права голоса въ вопросахъ сельскаго управленія.

II. Составители проекта называютъ его положеніемъ крестьянскаго (а не сельскаго) общественнаго управленія. Это, конечно, дѣлается сознательно, хотя терминологія проекта часто сбивается и управленіе и самое общество именуются то крестьянскимъ, то сельскимъ, подвѣдомыя имъ лица называются членами крестьянскаго, или сельскаго, или волостного общества, причисленными къ нимъ или же попросту сельскими обывателями. Какъ бы то ни было, но къ участію въ управленіи селеніемъ не допускается никто, не принадлежащій къ числу крестьянъ даннаго селенія и даннаго крестьянскаго общества. Мѣщанинъ, купецъ, дворянинъ или разночинецъ, даже крестьянинъ, числящійся въ составѣ другого общества, какъ бы долго послѣдній не проживалъ въ селеніи, завѣдуя торговымъ или промышленнымъ заведеніемъ—никогда не пріобрѣтутъ права участія или по крайней мѣрѣ права голоса въ сельскомъ управленіи. Этого, повидимому, требуетъ поставленный выше всего принципъ обособленности крестьянъ.

Высшей организаціей крестьянства поставлено проектомъ волостное общество и волостное управленіе, состоящее: изъ 1) волостного схода, 2) старшины, 3) засѣдателей и 4) писаря (ст. 78). Но тутъ составители проекта допускаютъ уступку въ своемъ главномъ принципѣ. Волостное общество состоитъ изъ расположенныхъ въ предѣлахъ волости сельскихъ

обществъ (ст. 4) Но къ составу волостного общества, независимо отъ мѣста ихъ приписки и постояннаго жительства, кромѣ того причисляются: 1) крестьяне, владѣющіе въ предѣлахъ волости недвижимою собственностью и не состоящіе членами одного изъ сельскихъ обществъ данной волости, и 2) мѣщане, посадскіе, ремесленники и цеховые, владѣющіе въ предѣлахъ волости недвижимою собственностью (ст. 67). Эта уступка объясняется тѣмъ, что число крестьянъ, имѣющихъ въ чужой волости купленную землю быстро возрастаетъ и что перечисленныя лица городского сословія еще по положенію о земскихъ начальникахъ 12 іюля 1889 г. подчинены были волостному управленію и суду (Труды коммиссіи, т. II, объяснит. записка, стр 158—162). Побужденіе къ такому нововведенію, нужно думать, заключается въ желаніи и въ необходимости привлечь крестьянъ, владѣющихъ ненадѣльною землею, къ несенію сельскихъ мірскихъ сборовъ и повинностей, а мѣщанъ—къ обложенію волостнымъ сборомъ. Проектъ вводитъ это обложеніе... Но признавъ лицъ городского сословія членами волостного общества, нельзя уже называть волостное управленіе крестьянскимъ и самое положеніе объ организаціи управленія въ сельскихъ мѣстностяхъ также нельзя именовать крестьянскимъ. До сихъ поръ полное устраненіе подчиненныхъ волостному управленію и суду мѣщанъ, проживающихъ въ селеніяхъ и часто ничѣмъ не отличающихся отъ крестьянъ-земледѣльцевъ отъ всякаго участія въ управленіи было явной несправедливостью. Проектъ исправляетъ ее.

По ст. 88 и 90 проекта лицо городского сословія, а также крестьянинъ, владѣющій не надѣльной землею, если пространство принадлежащей ему земли не меньше установленнаго размѣра земельнаго участка, отъ котораго надѣльные крестьяне посылаютъ одного выборнаго въ волостной сходъ, имѣютъ личное, безъ особаго выбора право самостоятельнаго участія въ этомъ сходѣ. Остальныя лица обѣихъ этихъ группъ собираются въ отдѣльное избирательное собраніе для избранія члена волостного схода. Это правильно, такъ какъ при иномъ порядкѣ интересы малочисленныхъ членовъ этихъ особыхъ группъ сельскихъ обывателей не были-бы представлены, а голоса ихъ на выборахъ въ многолюдныхъ сельскихъ обществахъ были бы поглощены въ общей массѣ. Но съ другой стороны самый имущественный цензъ, назначенный для этихъ особыхъ членовъ волостного общества установленъ не вѣрно. Составители проекта отмѣняютъ нынѣшній порядокъ, по которому крестьяне посылаютъ на волостной

сходъ одного выборнаго отъ десяти дворовъ Справедливо говоря, что при существующемъ рѣзкомъ разнообразіи количества земли у отдѣльныхъ дворовъ и у отдѣльныхъ селеній бываютъ случаи, что селенія малоземельныя имѣютъ несоотвѣтственно большее число выборныхъ на волостномъ сходѣ, чѣмъ селенія многоземельныя (Труды, II, 182), проектъ пріурочиваетъ избирательный цензъ крестьянъ въ селеніяхъ къ извѣстному размѣру надѣльно-земельнаго ихъ владѣнія. Это значитъ, что для послѣднихъ избирательный цензъ установленъ чисто имущественный, такъ какъ земля составляетъ для земледѣльца все его богатство. Но размѣръ земельнаго владѣнія является далеко не вѣрнымъ показателемъ имущественнаго достатка для другихъ сельскихъ обывателей. Мѣщанинъ можетъ владѣть ничтожнымъ клочкомъ земли, на которомъ однако устроено имъ очень доходное торговое или промышленное предпріятіе. Тогда его интересы, по проекту, окажутся недостаточно представленными на волостномъ сходѣ.

Съ этимъ, повидимому, считались составители проекта. На основ. 190 и 191 ст. проекта волостной сходъ можетъ обложить денежнымъ сборомъ принадлежащіе отдѣльнымъ членамъ сельскаго и волостного общества доходные дома и иныя постройки соотвѣтственно земской оцѣнкѣ этихъ имуществъ, но сборъ этотъ не долженъ превышать установленнаго сбора съ того количества земли, отъ котораго посылается выборный на волостной сходъ. Это неправильно и для оцѣнки такихъ имуществъ слѣдовало-бы принять за основаніе не только стоимость построекъ, но и доходность предпріятія. Противоположный порядокъ не выгоденъ для волостной казны и непосредственно уменьшаетъ число представителей отъ той малочисленной группы сельскихъ обывателей, которые не принадлежатъ къ крестьянамъ, владѣющимъ надѣльною землею. Какъ бы то ни было, но по проекту лица, не входящія въ составъ крестьянскаго сословія и не состоящія членами сельскаго общества, получаютъ доступъ въ такое, до сихъ поръ, замкнутое и сословно обособленное собраніе, какъ волостной сходъ.

Составители проекта сдѣлали затѣмъ дальнѣйшую уступку предъ главнымъ ихъ принципомъ крестьянской обособленности. Постановивъ въ ст. 119 какъ общее, основанное на этомъ принципѣ, правило, что „въ волостные старшины, сельскіе старосты и сборщики податей могутъ быть избираемы только крестьяне-домохозяева, владѣющіе полевымъ участкомъ земли, или лица, принадлежащія къ составу семьи такихъ домохозяевъ“,

проектъ въ 120 ст. относительно волостныхъ должностныхъ лицъ отступаетъ отъ такой исключительности. На всѣ выборныя должности волостного управленія, т. е. въ волостные старшины, волостные сборщики, волостные засѣдатели и волостные судьи могутъ быть, по ст. 120 проекта, избираемы также и лица, причисленныя къ волостнымъ обществамъ, если они владѣютъ въ предѣлахъ волости поземельною собственностью. Это значитъ, что въ данной волости волостнымъ старшиной или судьей, напр., въ будущемъ можетъ быть не только крестьянинъ чужого уѣзда и губерніи, но и мѣщанинъ. Въ такомъ правилѣ, несомнѣнно, заключается шагъ впередъ, хотя и очень не большой, но имѣющій важное значеніе.

Слѣдуетъ, поэтому, остановиться на мотивахъ редакціонной коммиссіи, чтобы удостовѣриться въ достаточной согласованности такого правила съ общими началами, а также въ томъ обѣщаетъ-ли будущая практика дѣйствительное примѣненіе этого важнаго нововведенія.

III. Признаніе владѣющихъ недвижимостью въ предѣлахъ волости мѣщанъ и крестьянъ, не приписанныхъ къ сельскимъ обществамъ данной волости, членами волостного общества и волостного схода было для составителей проекта неизбѣжно. Но, допустивъ это, говорятъ они въ объяснительной запискѣ, не было достаточныхъ основаній для лишенія этихъ лицъ права быть избираемыми на должности по волостному управленію. Коммиссія не находитъ поводовъ опасаться введенія въ составъ крестьянскаго управленія чуждыхъ имъ элементовъ въ лицѣ обывателей городского сословія. При наличности требованія владѣнія недвижимою собственностью лица городского сословія очень мало по бытовому складу своей жизни будутъ отличаться отъ крестьянъ. Къ тому же утвержденіе избранныхъ кандидатовъ на должность, напримѣръ, волостного старшины будетъ зависѣть отъ земскаго начальника (ст. 131 проекта), а слѣдовательно послѣдній всегда имѣетъ полную возможность устранить неудобнаго избранника, по несоотвѣтствію свойству обязанностей, связанныхъ съ должностью (Труды, т. II, стр. 218).

Интересны эти оговорки, стремящіяся оправдать уступку въ принципѣ крестьянской обособленности и какъ-бы обѣщающія, что все въ волости останется какъ было до сихъ поръ. Казалось-бы, разъ сельскій обыватель, хотя-бы не крестьянскаго сословія, признанъ подчиненнымъ волостному начальству и суду, и его собственность подлежитъ обложенію волостнымъ сборомъ, то это составляетъ достаточный мотивъ къ надѣленію его

активными и пассивными избирательными правами въ управленіи волостью. Оказывается, однако, что нужны еще извѣстный образъ и складъ жизни, и особыя какія-то спеціальныя свойства, чтобы сельскій обыватель былъ допущенъ къ должности волостного старшины, его помощника, засѣдателя или сборщика (казначея). Если крестьянинъ-собственникъ или мѣщанинъ сами лично не работаютъ въ полѣ, живутъ не въ избѣ и, получивъ извѣстное образованіе, читаютъ газеты, то можно-ли ихъ считать чуждымъ элементомъ, не подходящимъ для занятія общественной должности въ сельскомъ управленіи?

Въ объясненіяхъ къ статьямъ проекта очень часто говорится о необходимости избѣгать крутой ломки существующаго. Это хорошее стремленіе, но, къ сожалѣнію, за нимъ стоитъ мысль закрѣпить во что бы ни стало существующія условія и не допустить ничего важнаго, могущаго измѣнить ихъ. Поэтому и все новое, что дается проектомъ въ организаціи сельскаго управленія, носитъ характеръ или чисто техническихъ улучшеній, или вынужденныхъ уступокъ и компромиссовъ, внутренній смыслъ и логика которыхъ мало или вовсе не обѣщаютъ измѣненія въ практической жизни.

Коммиссія поставила въ основу вопроса о замѣщеніи сельскихъ должностей одно безспорное и безусловно справедливое требованіе. Оно состоитъ въ томъ, чтобы „важнѣйшія въ крестьянскомъ управленіи должности не замѣщались лицами, мало знакомыми съ основными интересами и потребностями сельскаго быта“. (Труды, т. II, стр. 217). По существу такое требованіе отъ должностного лица извѣстныхъ знаній совершенно азбучно; оно предполагается всегда во всѣхъ родахъ службы, государственной, земской или частной; знаніе своего дѣла и самой среды, въ которой оно дѣлается, нужно и для офицера, и для странствующаго торговаго агента. Несомнѣнно въ то же время, что соблюденіе этого требованія имѣетъ большую важность въ сельской общественной службѣ, въ виду особенностей, отличающихъ крестьянскую жизнь въ различныхъ мѣстностяхъ Имперіи. Для обезпеченія этого требованія практика жизни и законодательства выработала множество способовъ: образовательный или имущественный цензъ, извѣстная продолжительность проживанія на мѣстѣ, кандидатскій стажъ и экзаменъ, довѣріе мѣстныхъ жителей, выразившееся въ избраніи ими должностного лица, и т. д. Между тѣмъ, составители проекта, умалчивая совсѣмъ о цензѣ даже простой грамотности и о про-

должительномъ жительствѣ на мѣстѣ, говорятъ только о наличности у кандидатовъ на сельскія должности недвижимаго имущества и о принадлежности ихъ къ сословіямъ крестьянъ или мѣщанъ, а общественное избраніе, эту важнѣйшую гарантію въ замѣщеніи должности достойными лицами въ значительной степени парализуютъ, такъ какъ утвержденіе избранія предоставляется вполнѣ усмотрѣнію земскаго начальника, этого самаго младшаго органа правительственной администраціи.

Повидимому, составители проекта болѣе всего разсчитываютъ на послѣднее обстоятельство и, поставивъ два главныхъ устоя: принадлежность къ низшимъ сословіямъ и владѣніе землею, надѣются въ общемъ сохранить въ неизмѣнности нынѣшній типъ сельскихъ управленій и оберечь его отъ вторженія иныхъ элементовъ съ иными воззрѣніями на общественную службу, съ иными привычками и образомъ жизни. Нельзя не согласиться, что такая система вполнѣ отвѣчаетъ принципу крестьянской обособленности, поставленной въ основу всей работы коммиссіи, но она же служитъ лучшимъ доказательствомъ, что все построенное на такой основѣ ни къ чему полезному не способно привести, ничего не измѣнитъ къ лучшему. Не будь этого принципа обособленности, старый и больной вопросъ объ улучшеніи личнаго состава служащихъ въ сельскихъ управленіяхъ долженъ-бы получить болѣе радикальное разрѣшеніе.

Крайняя неудовлетворительность (выражаясь мягко) состава сельскихъ служащихъ составляетъ фактъ, давно извѣстный. Коммиссія въ своихъ объясненіяхъ къ проекту не даетъ этому факту яркаго освѣщенія, и только общій характеръ правилъ объ этихъ должностныхъ лицахъ, объ избраніи и утвержденіи ихъ и о дисциплинарныхъ наказаніяхъ, да еще отдѣльныхъ выраженій, напр. „наклонность волостныхъ должностныхъ лицъ къ полученію незаконныхъ доходовъ за служебныя дѣйствія“ (Труды, т. III, стр. 190), говорятъ, что составители проекта хорошо сознаютъ великое зло, съ которымъ слѣдуетъ бороться. Но губернскія совѣщанія, собиравшіяся при бывшемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкинѣ, были откровеннѣе. Въ заключеніяхъ совѣщаній и въ отдѣльныхъ отзывахъ членовъ крестьянскія должностныя лица признавались неразвитыми, неспособными, стоящими низко въ нравственномъ отношеніи, большею частью рекрутируемыми изъ самыхъ плохихъ крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ совѣщаніяхъ предлагалось отмѣнить даже начало выборности или усилить надзоръ и дисциплинарныя мѣры; въ другихъ прямо говорилось, что при

данныхъ условіяхъ ничего сдѣлать нельзя и въ общемъ въ этомъ вопросѣ ясно слышалась нота безсильнаго отчаянія.

При такомъ положеніи вещей вполнѣ естественно, казалось-бы, должна явиться мысль о расширеніи контингента, изъ котораго могли-бы избираться должностныя лица. Въ сельскихъ мѣстностяхъ, нерѣдко въ самой деревнѣ, среди крестьянъ, подолгу, десятки лѣтъ проживаютъ лица другихъ сословій, имѣющія имущественный или образовательный цензъ, знающія и любящія деревенскую жизнь, готовыя за малое вознагражденіе послужить общественному дѣлу. Это мелкіе землевладѣльцы, арендаторы, хозяева промышленыхъ или торговыхъ заведеній, отставные чиновники, профессора, врачи, учителя и т. д. Можетъ случиться, что такихъ лицъ въ данной мѣстности теперь нѣтъ, но завтра они могутъ появиться, и ничто не препятствуетъ закону впередъ въ принципѣ допустить ихъ къ выборной службѣ. Какой вредъ, спрашивается, произошелъ-бы отъ того, что сельскій или волостной сходъ, питая довѣріе къ хорошо извѣстному имъ лицу другого сословія, избралъ-бы его своимъ начальникомъ? Сословный строй сельскихъ учрежденій не пострадалъ-бы, какъ не пострадаетъ онъ отъ предлагаемаго проектомъ допущенія въ эти учрежденія мѣщанъ, ремесленниковъ и цеховыхъ. Опасеніе неблагонадежности такихъ лицъ иного сословія также неумѣстно, въ виду правилъ объ утвержденіи въ должности выбранныхъ лицъ и смѣняемости ихъ. Единственнымъ препятствіемъ къ такой простой и естественной мѣрѣ является принципъ обособленности, требующій, чтобы непосредственными начальниками въ сельскихъ мѣстностяхъ и надъ мужиками были такіе-же мужики или хотя-бы и мѣщане, но такіе, которые стоятъ близко къ общему типу мужика.

IV. Особая забота составителей проекта силою закона воспрепятствовать и на будущее время замѣщенію сельскихъ и волостныхъ должностей лицами, не принадлежащими къ низшимъ сословіямъ, объясняется стремленіемъ оградить или защитить крестьянъ отъ властнаго воздѣйствія на ихъ жизнь и порядки со стороны лицъ другихъ сословій и опасеніемъ вреда для цѣльности крестьянскаго міровоззрѣнія отъ вторженія чуждыхъ элементовъ. Но жизнь доказываетъ многочисленными фактами, что чуждые элементы, идеи и воззрѣнія цѣлыми волнами вкатываются за деревенскую околицу; что путемъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ этому нельзя воспрепятствовать; что, вмѣтѣ съ лакейскими и фабричными пѣснями и городскою одеждою, въ деревню легко проникаютъ разруши-

тельныя политическія или экономическія идеи и самыя возмутительныя по своей нелѣпости религіозныя сектантства; что именно замкнутая принудительно обособленность крестьянской деревни ослабляетъ ея силу сопротивленія и создаетъ благопріятную почву для успѣха такихъ разрушительныхъ идей, благодаря чему къ общему удивленію, онѣ, увлекая и самихъ крестьянскихъ должностныхъ лицъ, внезапно проявляются въ той или другой деревнѣ, а иногда и въ цѣлыхъ уѣздахъ въ поразительныхъ фактахъ, за которыми слѣдуетъ быстрая крутая расправа, а затѣмъ и судъ, и уголовныя наказанія. Съ этими фактами, которые учащаются, слѣдуетъ считаться и съ ними нельзя бороться однѣми внѣшними мѣрами.

Отстаивая начало обособленности крестьянъ, составители проектовъ говорятъ, что „воспитанные въ неустанномъ упорномъ трудѣ, привыкшіе въ исконной однообразной обстановкѣ жизни, пріученные измѣнчивымъ успѣхомъ земледѣльческихъ работъ къ сознанію своей зависимости отъ внѣшнихъ силъ природы и, слѣдовательно, отъ началъ высшаго порядка, крестьяне, болѣе чѣмъ представители другой части населенія, всегда стояли и стоятъ на сторонѣ созидающихъ и положительныхъ основъ общественности и государственности и такимъ образомъ силою вещей являются оплотомъ исторической преемственности въ народной жизни противъ всякихъ разлагающихъ силъ и безпочвенныхъ теченій“ (Труды, т. I, стр. 12). Вѣрно въ этихъ словахъ лишь то, что классъ земледѣльцевъ вездѣ во всемъ мірѣ составляетъ наиболѣе консервативный элементъ, не склонный къ рискованнымъ новшествамъ и приверженный болѣе всего и прежде всего къ интересамъ своей мѣстности, колокольни. Но къ нашему крестьянству даже такая общая характеристика не вполнѣ примѣнима. У него не достаетъ образованія для сознательнаго усвоенія консервативныхъ началъ и оно не всегда можетъ разобраться даже въ элементарныхъ понятіяхъ.

Вслѣдствіе многихъ причинъ здоровыя творческія начала стали въ немъ глохнуть. Объ этомъ краснорѣчивѣе всего свидѣтельствуетъ нынѣшнее состояніе народно-юридическихъ обычаевъ. Они давно перестали укрѣпляться въ общемъ сознаніи, развиваться въ своей идеѣ и распространяться въ территоріальномъ смыслѣ; напротивъ, они мельчали и дробились до такой степени, что въ сосѣднихъ деревняхъ обычаи теперь различны, мало извѣстны самимъ односельцамъ и ученые изслѣдователи и судьи ставятся въ тупикъ всякій разъ, когда имъ понадобится добраться

до настоящей сути даннаго обычая и вывести твердое юридическое начало. Совершенно правы тѣ писатели, которые, будучи поклонниками крестьянскаго обычнаго права, говорятъ, что нужно спѣшить съ регистраціей и кодификаціей народныхъ правовыхъ обычаевъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ они вскорѣ исчезнутъ изъ жизни.

Путь къ дальнѣйшему развитію ясенъ и онъ долженъ быть, конечно, построенъ не на одной силѣ власти и не на обособленности крестьянскаго сословія. Историческій ходъ новыхъ условій призываетъ на смѣну другія, болѣе общія примиряющія и объединяющія созидательныя силы, исключительными носителями и проводниками которыхъ нельзя и не слѣдуетъ признавать лишь членовъ того или другого класса или сословія. Но съ этимъ не согласны составители проектовъ крестьянскаго преобразованія и потому они предлагаютъ укрѣпить стѣну обособленности крестьянства. Въ вѣками сложившемся бытовомъ своеобразіи нашего крестьянства, продолжаютъ они развивать свою мысль, „лежитъ запасъ прочности его особливаго сословнаго строя“. Прочность хорошее качество, но на немъ одномъ нельзя основывать надежды и благо крестьянства. Очень прочна была соха, но ее приходится бросить; прочно можетъ быть зданіе, но когда оно становится неудобнымъ или тѣснымъ, его перестраиваютъ и расширяютъ, когда оно заражено—его уничтожаютъ; прочно можетъ быть не только хорошее, но и дурное и вредное. Предпочтительнѣе желать, рядомъ съ прочностью, другого качества—способности къ совершенствованію и къ развитію, а объ этомъ составители проектовъ вполнѣ резонно умалчиваютъ въ своихъ разсужденіяхъ, такъ какъ долгій жизненный опытъ свидѣтельствуетъ ясно объ отсутствіи такой способности въ нашемъ обособленномъ крестьянскомъ строѣ.

„Сельское населеніе, читаемъ мы далѣе, является сословнымъ цѣлымъ не по имени, не по буквѣ закона, но по своей внутренней крѣпости и сплоченности“. Если это вѣрно, то къ чему это крѣпкое тогда подкрѣплять еще законами? Если для того, чтобы указанная сплоченность не выросла въ грозную силу, не перешла границу, въ ущербъ для другихъ сословій, то политику искусственной обособленности крестьянскаго сословія, составляющаго большую часть населенія Имперіи, нельзя не признать близорукой и недѣйствительной. Элементы сословной и экономической розни безъ того существуютъ и ихъ нужно не усиливать искусственно, исключительно сословною организаціею мѣстнаго управленія, а

напротивъ, открыть всѣ возможные пути, на которыхъ люди всѣхъ сословій могли-бы сблизиться въ пониманіи взаимныхъ интересовъ и въ единеніи совмѣстной работы на общее благо, могли-бы смягчать и примирять рознь.

Хуже всего то, что въ дѣйствительности нѣтъ и по проекту не будетъ того сословнаго строя управленія и той защиты обособленнаго крестьянства отъ воздѣйствія чуждыхъ элементовъ, о которыхъ такъ настойчиво говорятъ на словахъ. Все сводится только къ тому, чтобы на сельскія и волостныя должности не могли попасть лица другихъ сословій. Между тѣмъ, развѣ только съ этими должностными лицами имѣютъ дѣло крестьяне? Урядники, всевозможные агенты казны, управленія государственными землями и лѣсами, земства и т. п. чаще и ближе соприкасаются съ интересами и жизнью крестьянъ, чѣмъ волость. Писарями сельскими и волостными и по закону, и на практикѣ могутъ быть и бываютъ лица иныхъ сословій, а эти грамотѣи, какъ извѣстно, играютъ выдающуюся и часто рѣшающую роль въ дѣлѣ крестьянскаго сословнаго управленія. Наконецъ, во главѣ этого сословнаго крестьянскаго строя, въ лицѣ земскихъ начальниковъ, стоятъ лица, которыя обязательно принадлежатъ къ дворянству. Спрашивается, при чемъ остается сословный строй крестьянъ? Если допустимо еще требованіе, чтобы сельскимъ старостой въ селеніи, въ дѣлахъ, связанныхъ съ вопросами земельно-общиннаго хозяйства, могъ быть только крестьянинъ, то въ волости такое требованіе представляется ничѣмъ необоснованнымъ.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно разсмотрѣть, что такое представляетъ собою по своимъ функціямъ нынѣшнее и проектируемое волостное управленіе.

V. До сихъ поръ власть, компетенція и дѣятельность сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ, волостного суда, а также такихъ распорядительныхъ собраній, какъ сельскіе и волостные сходы, находятся по дѣйствующимъ законамъ въ довольно неопредѣленномъ положеніи. Власть сельскаго схода не касается личности проживающаго въ селѣ крестьянина чужого села, не можетъ обязывать его мірскими сборами и повинностями, а собственная купленная земля такого крестьянина, все равно, занимаетъ-ли она пространство въ одну или сто десятинъ, окружена-ли она какъ островъ надѣльными землями, изъята въ отношеніи мѣръ благоустройства и обложенія изъ компетенціи управленія села. Волостное управленіе въ этихъ

отношеніяхъ также ограничено: ему подвѣдомы только земельныя владѣнія (надѣльныя?) отдѣльныхъ сельскихъ обществъ, между которыми чрезполосно большими или меньшими островами расположены постороннія для этого управленія владѣнія частныхъ лицъ, дворянъ, купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ, не принадлежащихъ къ членамъ какого-либо изъ входящихъ въ составъ волости сельскаго общества.

Отъ этого общаго правила нѣсколько отступили практика и позднѣйшія узаконенія. Въ качествѣ общаго, а не спеціально-крестьянскаго учрежденія, волостное правленіе по дѣламъ, напримѣръ, воинской и военно-конской повинности, обязательнаго страхованія, торгово-промышленнаго надзора и т. п., дѣйствуетъ не только на земляхъ крестьянскихъ обществъ, но на всей территоріи, прилегающей къ мѣсту нахожденія волостного правленія. По закону 30 мая 1888 г. поселки, образованные переселенческими товариществами на земляхъ, купленныхъ при содѣйствіи крестьянскаго банка, входятъ въ составъ волости. Реформированный въ 1889 году волостной судъ сталъ вѣдать судебныя дѣла не однихъ крестьянъ своей волости (какъ было по 101 ст. общ. пол. 19 февраля 1861 г.), а всѣхъ проживающихъ въ селеніяхъ лицъ бывшихъ податныхъ состояній, т. е. крестьянъ и мѣщанъ, хотя бы и не на земляхъ крестьянскаго надѣла. Наконецъ, по закону 5 мая 1903 г. объ устройствѣ полицейской стражи волостной старшина обязанъ охранять полицейскій порядокъ и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, не подвѣдомыхъ волостнымъ властямъ, когда его приглашаютъ эти владѣльцы.

Составители проекта задались мыслью упрочить понятіе о волости въ качествѣ точно опредѣленной и признанной закономъ территоріальной единицы. Для этого они въ своемъ общемъ заключеніи предлагаютъ законы объ Учрежд. Губернскихъ пополнить слѣдующей статьей: уѣзды губерній раздѣляются на волости, въ составъ которыхъ не входятъ всѣ губернскіе, уѣздные и заштатные города, а также посады и мѣстечки, управляемые по городовому положенію 1892 г. (Труды, т. I, стр. 102). Можно быть увѣреннымъ, что такое предложеніе не будетъ принято. Логически нельзя перейти отъ такихъ единицъ, объединяющихъ почти всѣ отрасли управленія въ данной территоріи Имперіи, какъ губерніи и уѣзды къ дѣленію уѣзда на волости, въ которыхъ по проекту управленіе остается сословнымъ и называется крестьянскимъ. Въ губерніи и въ уѣздахъ существуютъ дѣленія на округа судебные и административные, на поли-

цейскіе станы, на участки: слѣдственные, мировыхъ судей, полицейскихъ урядниковъ и т. п., но все это дѣленія совершенно иного свойства, чѣмъ дѣленія на губерніи и уѣзды. Къ нимъ не подходили бы вполнѣ даже мелкія земскія единицы, о которыхъ такъ много въ послѣднее время говорили и о которыхъ составители проекта совсѣмъ не упоминаютъ. Только всесословная волость, обнимающая и административное, и земское управленіе, могла-бы стать настоящею территоріальною единицею. Но въ томъ видѣ, какъ оставляется по проекту волость, она можетъ быть лишь сословною единицею, съ такой же территоріей, чрезполосно перемежающеюся, прерываемою островами частнаго владѣнія, при чемъ на эти острова и на проживающихъ на нихъ лицъ высшихъ сословій власть и дѣятельность волостныхъ начальниковъ не должна-бы попрежнему проявляться иначе, какъ по доброй волѣ самихъ частныхъ владѣльцевъ. Объ этомъ подробнѣе мы скажемъ послѣ, а теперь отмѣтимъ, какими мѣрами составители проекта пытаются подкрѣпить свою мысль о волости, какъ территоріальной единицѣ.

По дѣйствующему закону къ составу сельскаго и волостного общества принадлежатъ только приписанные къ нимъ крестьяне и послѣднимъ, когда они безземельны, давались нѣкоторыя очень небольшія права на участіе въ волостномъ сходѣ (208, 225 и примѣч. 1 къ ст. 94 общ. полож. о крестьян.). Проектъ измѣняетъ это и вводитъ вмѣсто „приписки“ понятіе о „причисленіи“. Чтобы войти полноправнымъ членомъ въ составъ сельскаго общества, чужому крестьянину достаточно фактическаго проживанія въ чертѣ селенія и владѣнія недвижимостью въ предѣлахъ той волости, которой принадлежитъ селеніе (ст. 2 и 21): чтобы быть причисленнымъ въ такіе же члены даннаго или нѣсколькихъ волостныхъ обществъ, чужому крестьянину и мѣщанину не нужно даже проживать на мѣстѣ, а только владѣть въ предѣлахъ волости недвижимостью (ст. 67 и 68). Послѣднее правило составители проекта объясняютъ тѣмъ, что территорія волости является будто-бы земельной, въ отличіе отъ усадебной территоріи сельскихъ обществъ, что волостная организація будетъ имѣть нѣкоторыя черты земской организаціи и вѣдать дѣла, касающіяся не узкихъ интересовъ отдѣльныхъ поселковъ, а болѣе широкихъ интересовъ хозяйства и управленія извѣстнаго района уѣзда. (Труды, т. II, стр. 161 и 162).

Намъ представляется все это весьма искусственнымъ. Какъ и въ ны-

нѣшнемъ своемъ видѣ, будущая волость остается въ качествѣ земско-хозяйственной единицы, лишенной всякаго основанія для существованія. Никакого сходства въ ней нѣтъ и не будетъ съ земской организаціей. Собирающійся подъ открытымъ небомъ волостной сходъ не похожъ на земское собраніе. Послѣднее пользуется извѣстною самостоятельностью, руководится извѣстною идеею въ своей политикѣ, имѣетъ свои традиціи; дѣятельность земства распространяется на всю территорію и на все населеніе; его труды публикуются въ печати и потому земскій дѣятель, хотя и не живущій въ своемъ имѣніи, нарочно пріѣхавшій на выборы гласныхъ и въ земское собраніе, можетъ быть вполнѣ компетентенъ въ земскомъ дѣлѣ. Между тѣмъ для членовъ волостного схода мало надобности и мало интереса присутствовать на немъ; за неприбытіе члена схода проектъ назначаетъ штрафъ въ 3 рубля, по усмотрѣнію волостного старшины (ст. 97), а если не угодить начальству, то ему легко подпасть и большему штрафу или аресту безъ суда. Дѣла на сходѣ большею частью довольно непріятны, какъ, напр., выборы на волостную должность лица, всячески, какъ это бываетъ часто, открещивающагося отъ разорительной, но обязательной для него службы; назначеніе сбора на содержаніе волостного управленія, которое отправляетъ обязанности больше въ интересахъ общей администраціи и другихъ классовъ населенія, чѣмъ спеціально-крестьянскихъ; ассигнованіе содержанія писарямъ и старшинамъ, каковое ассигнованіе можетъ быть увеличено по усмотрѣнію начальства, выборы въ земскіе гласные, при чемъ избранный можетъ быть не утвержденъ въ своемъ званіи и т. п. Въ земскихъ губерніяхъ волости очень рѣдко имѣютъ какія нибудь свои волостныя имущества или заведенія (въ видѣ школъ, больницъ, богадѣленъ и друг.) и волостные сходы почти вездѣ собираются ради соблюденія формы, не имѣютъ живого дѣла, кромѣ содержанія волостного зданія, канцеляріи и лошадей для волостной гоньбы.

Совершенно основательно и въ коммиссіи статсъ-секретаря Каханова, и въ заключеніяхъ губернскихъ совѣщаній 1894—1895 г.г. высказывалось, что волостные сходы, какъ бездѣятельные и лишенные всякаго значенія, безъ вреда могутъ быть упразднены. Составители проекта соглашаются съ характеристикой нынѣшнихъ волостныхъ сходовъ (а она сохранится всецѣло и впредь), но они надѣются, что современемъ, вѣроятно, въ отдаленномъ будущемъ, путемъ добровольной группировки сельскихъ обществъ, сами собою возникнутъ дѣйствительно жизнедѣятельные общественно-хозяй-

ственные союзы и организаціи. А пока нельзя отказаться отъ присвоенія волостнымъ сходамъ общественно-хозяйственныхъ функцій (Труды, т. II, стр. 179). Это значитъ, другими словами, сознательно сложить руки, ничего не исправить, ничего не сдѣлать для назрѣвшей потребности. Правы были тѣ, кто въ губернскихъ совѣщаніяхъ 1894—1895 г.г., предвидя недопустимость коренной реформы, высказывали полную безнадежность улучшить положеніе вещей. Только волость всесословная можетъ внести свѣжую струю и настоящую жизненность въ дѣло сельскаго управленія. При данныхъ же условіяхъ чѣмъ-то въ высшей степени страннымъ и непонятнымъ является желаніе составителей проекта превратить волостныя учрежденія въ органъ управленія по всей территоріи уѣзда.

VI. Присваиваемое будущей волости значеніе территоріальной единицы стоитъ, какъ мы говорили, въ явномъ противорѣчіи съ сословнымъ строемъ волостного управленія. Но составителей проекта это обстоятельство не тревожитъ, и они сознательно, хотя и не до конца, проводятъ свое новое начало территоріальной волости. Говоря о полицейскихъ обязанностяхъ сельскаго старосты (ст. 57), проектъ оговариваетъ, что онъ дѣйствуетъ самостоятельно лишь на земляхъ надѣльныхъ или крестьянъ, принадлежащихъ къ составу сельскихъ обществъ, а на другихъ земляхъ только тогда, когда отъ владѣльцевъ ихъ поступятъ соотвѣтственныя о томъ заявленія. Это послѣднее условіе стоитъ и въ недавнемъ законѣ 5 мая 1903 г. объ устройствѣ полицейской стражи, какъ ограниченіе компетенціи волостного старшины. Но въ отношеніи волостного старшины указанныя оговорка и условіе проектомъ устраняются, и старшина, какъ начальникъ на всей площади части уѣзда, входящей въ составъ волостной территоріи, не стѣсненъ уже принадлежностью владѣнія лицу высшаго сословія. По ст. 102 волостной старшина въ предѣлахъ всей территоріи волости заботится объ охраненіи благочинія и порядка, а равно безопасности лицъ и имуществъ отъ преступныхъ дѣйствій; объявляетъ законы и распоряженія правительства, наблюдаетъ за нераспространеніемъ подложныхъ указовъ и вредныхъ для общественнаго спокойствія слуховъ; доноситъ полиціи о самовольной отлучкѣ изъ волости поднадзорныхъ лицъ, а также о преступленіяхъ и безпорядкахъ, лично распоряжается при пожарахъ, наводненіяхъ и другихъ бѣдствіяхъ и т. п. Въ 103 ст. волостной старшина даже прямо обязанъ до прибытія мѣстной общей полиціи принимать мѣры для возстановленія тишины, порядка и

безопасности, предупреждать преступленія и проступки, разыскивать и задерживать виновныхъ и во всемъ этомъ не стѣсненъ ни мѣстомъ происшествія, ни принадлежностью прикосновенныхъ къ нему лицъ къ высшему сословію.

Если затѣмъ сравнить эту полицейскую компетенцію съ таковою-же по дѣламъ общественнаго благоустройства, то увидимъ, что тутъ волостной старшина остается такъ-же ограниченнымъ, какъ и сельскій староста. Наблюденіе за цѣлостью межъ и межевыхъ знаковъ, за исправностью дорогъ, мостовъ, гатей, перевозовъ и т. п. оба эти сословныя должностныя лица имѣютъ только на земляхъ надѣльныхъ или вообще принадлежащихъ крестьянамъ или мѣщанамъ; надзоръ за порядкомъ въ училищахъ, больницахъ, богадѣльняхъ и т. п. заведеніяхъ принадлежитъ старостѣ и старшинѣ, также лишь тогда, когда заведенія эти учреждены на счетъ сельскихъ или волостныхъ средствъ.

При чемъ въ такомъ случаѣ остается новое начало территоріальности волости и возведеніе волостного старшины въ рангъ начальника надъ сплошными частями, на которыя будетъ дѣлиться уѣздъ. Онъ сводится въ сущности къ окончательному превращенію волостного старшины въ полицейскаго служителя, имѣющаго въ своемъ подчиненіи деревенскихъ десятскихъ, но стоящаго ниже урядника.

Позволительно усомниться въ логической и практической умѣстности проектируемаго расширенія полицейской власти сословнаго должностного лица. Составители проекта, стараясь оправдать нововведеніе, говорятъ, что проявленіе полицейской власти старшины будетъ временно, впредь до прибытія урядника и высшихъ чиновъ полиціи, лишь для принятія первоначальныхъ неотложныхъ мѣръ, и сравниваютъ полномочія эти съ нынѣшнимъ правомъ земскаго начальника, который, въ экстренныхъ случаяхъ, распоряжается въ отсутствіи станового пристава и исправника. (Труды, т. II, стр. 200); но все это очень недостаточно объясняетъ создаваемое положеніе вещей. Вопросъ не въ томъ, къ какому сословію принадлежитъ должностное лицо, не въ томъ, что земскій начальникъ всегда изъ дворянъ, а урядникъ, стражникъ, жандармъ или другой нижній полицейскій чинъ могутъ быть изъ крестьянъ или мѣщанъ; все равно—всѣ эти должностныя лица являются нормальными представителями общей правительственной власти. Между тѣмъ несообразность полномочій волостного старшины заключается въ томъ, что онъ выборный органъ обособленнаго

сословно-крестьянскаго управленія и что онъ тѣмъ не менѣе безъ зова, по своему усмотрѣнію, иногда безъ серьезнаго повода, можетъ войти въ усадьбу и въ домъ неподвѣдомственнаго ему и не участвовавшаго въ выборѣ его лица, производить разспросы и розыски, распоряжаться и даже арестовать.

Предъ нами, такимъ образомъ, открывается неожиданная эволюція начала обособленности крестьянъ. Это самое низшее сословіе, которое многими считается безправнымъ и которое правительство признаетъ нужнымъ всячески опекать и защищать, имѣетъ однако въ лицѣ своихъ выборныхъ агентовъ власть, компетенція которой распространяется на лицъ всѣхъ другихъ сословій.

Очевидно, что принципъ, въ которомъ возможна такая несообразность, несостоятеленъ самъ по себѣ и на практикѣ долженъ приводить къ цѣлому ряду недоразумѣній. Пусть не говорятъ намъ, что сельскія и волостныя власти не посмѣютъ потревожить напрасно лицъ, выше ихъ стоящихъ. Когда послѣдніе богаты, имѣютъ силу и связи, то они, конечно, сами будутъ, какъ и теперь, командовать не только надъ крестьянскими властями, но и надъ урядникомъ и становымъ. Но положеніе всѣхъ другихъ того же класса сельскихъ обывателей, находящихся въ менѣе выгодныхъ условіяхъ, оказывается непригляднымъ и ненормальнымъ. Практика жизни показываетъ, что и теперь малѣйшая зависимость ихъ отъ сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ очень тяжела. Для примѣра укажемъ на народныхъ учителей, которые долго терпѣли отъ всевозможныхъ мелкихъ, но въ общемъ очень ощутительныхъ притѣсненій со стороны мѣстныхъ крестьянскихъ начальниковъ, и это недавно вызвало спеціальныя распоряженія высшаго правительства въ огражденіе учителей.

Изъ проектируемаго начала территоріальности волости и расширенія власти волостного старшины можно сдѣлать только одинъ несомнѣнный выводъ—о давно сказывающейся и признаваемой составителями проекта потребности имѣть на мѣстѣ въ волости такое должностное лицо, которое, будучи облечено общественнымъ довѣріемъ, совмѣщало-бы въ себѣ власть исполнителя по земскому благоустройству съ функціями административными. Въ Царствѣ Польскомъ имѣется таковая должность въ лицѣ гминнаго войта, въ избраніи котораго участвуютъ всѣ классы населенія гмины, и которымъ можетъ быть и дѣйствительно бываетъ, и крестьянинъ, и лицо

высшаго класса. У насъ такой необходимый волостной начальникъ могъ-бы явиться только при организаціи всесословной волости и тогда широкія полномочія его на пространствѣ всей территоріи волости, хотя-бы избранникомъ былъ крестьянинъ, оказались-бы вполнѣ понятными и не возбуждающими никакихъ принципіальныхъ сомнѣній. Тогда только въ волости возможенъ былъ бы настоящій хозяинъ по общимъ земскимъ дѣламъ и по спеціально крестьянскимъ и настоящій администраторъ, которому по полицейской части урядникъ былъ бы подчиненъ и который не игралъ-бы, какъ теперь, жалкой роли чуть не низшаго полицейскаго служителя, смиреннаго предъ вліятельными обывателями и дерзко чванливаго въ отношеніи другихъ.

Чтобы быть послѣдовательнымъ въ новомъ началѣ территоріальности волости, проекту нужно было-бы измѣнить существующія правила о порядкѣ назначенія на должность волостного старшины и, откровенно сдѣлавъ послѣдняго агентомъ общей администраціи, не стѣснять администраціи ничѣмъ въ ея стремленіи улучшить по своему усмотрѣнію личный составъ сельской власти, каковой составъ признается совершенно справедливо авторами проекта весьма неудовлетворительнымъ. И въ такомъ случаѣ пришлось-бы отказаться отъ началъ выборности и обязательности службы въ сельскихъ и волостныхъ должностяхъ. Но при условіи сословной обособленности поступиться этими двумя началами оказывается невозможно. И въ результатѣ, несмотря на всѣ поправки, вносимыя въ проектъ, все то, что не только неудовлетворительно, но давно и всѣхъ возмущаетъ въ сельскомъ строѣ, какъ нѣчто отсталое, вредное, опасное и безысходное, обѣщаетъ въ полной мѣрѣ остаться и въ будущемъ. Мало того, въ самыя пректированныя поправки, какъ мы укажемъ далѣе, вошли новыя несообразности, и въ нихъ даже встрѣчаются усугубленія нѣкоторыхъ изъ существующихъ недостатковъ.

VII. Въ программу, предложенную губернскимъ совѣщаніямъ 1894 г., вошелъ вопросъ о сохраненіи начала выборности сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ. Заключенія нѣкоторыхъ изъ этихъ совѣщаній, совпадая съ мнѣніями, выражаемыми въ извѣстной части нашей печати, склонялись къ совершенной отмѣнѣ выборовъ, какъ радикальной мѣры противъ общепризнаннаго факта крайней неудовлетворительности нынѣшняго выборнаго состава крестьянской администраціи. Составители проекта не рѣшились, однако, на такую мѣру, въ виду привычки крестьянъ къ

исконному праву избирать своихъ должностныхъ лицъ и возможности со стороны крестьянъ нареканій на правительство въ случаѣ неудачныхъ назначеній. Соображенія эти вѣрны, но за всѣмъ тѣмъ остается несомнѣннымъ, что сохраненіе выборнаго начала обязано не столько признанію за нимъ его внутренняго достоинства, сколько фактической невозможности безъ него обойтись. Обязательность службы, ничтожное вознагражденіе, больше котораго не могутъ давать крестьяне, и необходимость сохранить имущественную отвѣтственность крестьянскихъ обществъ въ очень частыхъ случаяхъ растратъ ихъ должностными лицами собранныхъ казенныхъ и иныхъ сборовъ, а также общія весьма неприглядныя, нерѣдко тяжелыя условія службы — вотъ главныя причины, которыя вынуждаютъ проектъ сохранить начало выборности, при чемъ онъ обставляетъ его нѣкоторыми правилами, клонящимися якобы къ парализованію возможныхъ его невыгодъ. (См. Труды, т. II, стр. 209—213).

Извѣстное образное понятіе объ общественномъ пирогѣ мало примѣнимо къ крестьянскимъ выборнымъ служащимъ. Служба ихъ, напротивъ, носитъ характеръ обязательной повинности. Какими-бы невыгодами и даже разореніемъ не грозила эта служба общественному избраннику, онъ вынужденъ закономъ принять и нести ее. Какъ всякая повинность, она, по чувству справедливости, должна раскладываться одинаково на всѣхъ членовъ общества, и отсюда понятно, что тяжесть ея не можетъ возлагаться только на самыхъ лучшихъ изъ нихъ, самыхъ честныхъ, самыхъ умныхъ, дѣльныхъ и способныхъ постоять за интересы общества. Отсюда происходитъ, что подневольнымъ должностнымъ лицомъ такъ часто оказывается мало пригодный человѣкъ, который, чтобы не разориться, прибѣгаетъ къ незаконнымъ дѣйствіямъ или, чтобы утѣшиться, предается пьянству. Встрѣчаются, правда, крестьяне, какъ-бы выручающіе общество изъ затрудненія въ наложеніи служебной повинности: это болѣе состоятельные люди, которые, любя почетъ, власть и вліяніе, идутъ охотно въ волостные старшины и иногда въ сельскіе старосты, умѣютъ поладить съ высшимъ начальствомъ и мириться съ нѣкоторыми невыгодами своей безпокойной службы. Такіе люди, удобные для начальства, имѣютъ всѣ шансы оставаться безсмѣнными въ теченіе многихъ выборныхъ періодовъ, и потому если они съумѣютъ извлекать личную пользу изъ своего положенія безъ явныхъ злоупотребленій, то смѣло могутъ не стѣсняться съ мнѣніями избирателей и не опасаться появленія на новыхъ выборахъ болѣе достойнаго сопер-

ника, когда послѣдній, будучи небогатъ, принуждается обществомъ къ обязательной службѣ.

Такое положеніе вещей остается всецѣло и по проекту. Да и не можетъ оно быть инымъ при сохраненіи сословно-обособленнаго строя въ сельскомъ управленіи. Не смотря на быстро усложняющіяся условія въ этомъ управленіи, проектъ не могъ установить требованія даже простой грамотности деревенскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ, такъ какъ это повело-бы къ переложенію служебной повинности на однихъ грамотныхъ и образованныхъ крестьянъ. Много и давно уже говорится о частныхъ случаяхъ злоупотребленій крестьянскими сходами правомъ избирать на службу крестьянъ, не живущихъ въ деревнѣ и имѣющихъ на сторонѣ выгодное занятіе или предпріятіе, злоупотребленій, близкихъ къ вымогательству, къ принужденію откупаться отъ службы и ведущихъ нерѣдко къ разоренію ни въ чемъ неповиннаго человѣка. Проектъ не въ силахъ и, повидимому, не стремится устранить эти злоупотребленія и говоритъ въ ст. 127 такъ-же, какъ и дѣйствующее по закону 1894 г. правило, что отлучившійся по паспортной книжкѣ (5-лѣтней) гарантированъ отъ призыва на службу только въ послѣдніе четыре года паспорта, а затѣмъ, слѣдовательно, при выдачѣ новой книжки въ теченіе года послѣ этого не живущій въ деревнѣ можетъ быть вызванъ на службу на срокъ до трехъ лѣтъ.

Проектъ даже усиливаетъ служебную повинность. Теперь законъ (ст. 186 общ. полож. о крестьянахъ) категорически запрещаетъ безъ согласія избирать того, кто отбылъ уже срокъ службы по какой нибудь должности; между тѣмъ, по проекту, отбывшій службу можетъ быть снова, по истеченіи шести лѣтъ, избираемъ на должность безъ согласія его (ст. 125). Это, говорятъ составители проекта, нужно потому, что въ малолюдныхъ обществахъ нерѣдко всѣ безъ исключенія, а чаще всего—достойные домохозяева оказываются отбывшими службу и тогда на практикѣ приходится поневолѣ нарушать ихъ льготу по закону. До какой степени тяжела для крестьянъ служебная повинность, въ связи съ обязанностью кромѣ того всецѣло нести мірскіе и волостные расходы по управленію, удовлетворяющему потребности общесословныя и общегосударственныя, свидѣтельствуютъ давно извѣстные факты бѣгства крестьянъ въ мѣщанское сословіе. Изъ доклада таврической губернской земской управы очередному XXXVI земскому собранію 1901 г. видно, что въ Перекопскомъ

уѣздѣ въ одной деревнѣ всѣ крестьяне поголовно перечислились въ мѣщане, за исключеніемъ волостного старшины и сельскаго старосты, которые ждутъ только окончанія срока службы, чтобы послѣдовать примѣру прочихъ; въ двухъ другихъ деревняхъ той-же волости осталось въ обществѣ также по 4—5 человѣкъ.

По проекту такой несомнѣнно печальный и вынужденный способъ вполнѣ устраняется. Служебная и всѣ другія повинности налагаются въ селеніяхъ и на проживающихъ въ нихъ чужихъ крестьянъ, которые, будучи приписаны къ другому сельскому и земельному обществу, какъ владѣльцы надѣла, имѣютъ собственную землю въ мѣстѣ фактическаго жительства. Такіе крестьяне, слѣдовательно, будутъ отбывать обязательную службу въ двухъ селеніяхъ и въ двухъ волостяхъ. Лица же городскихъ состояній: мѣщане, ремесленники, цеховые также по проекту привлекаются къ обязательной служебной повинности и могутъ быть безъ ихъ согласія избираемы на одну изъ волостныхъ должностей, хотя-бы они не проживали постоянно въ волости, гдѣ у нихъ имѣется недвижимая собственность (ст. 2, 21, 67, 84, 120, 181 и друг.). Мало того, проектъ вводитъ новое правило, по которому, въ случаѣ уклоненія волостного или сельскаго схода отъ избранія старшины или старосты, взамѣнъ неутвержденнаго земскимъ начальникомъ, уѣздный съѣздъ, по представленію послѣдняго, назначаетъ собственною властью на данную должность лицо, имѣющее право быть избраннымъ на нее, а слѣдовательно и мѣщанина, и чужого, приписаннаго къ другому обществу крестьянина (ст. 132 и 136).

При наличности принудительной службы проектъ, очевидно, не могъ ничего серьезнаго сдѣлать, чтобы поднять достоинство и права такихъ служащихъ крестьянскаго сословія, хотя и предлагаетъ для этого нѣкоторыя мѣры. Вмѣсто нынѣшней льготы, освобождающей ихъ отъ тѣлесныхъ наказаній только въ періодъ службы, проектъ постанавливаетъ въ ст. 140, что волостные старшины, сельскіе старосты и сборщики податей, прослужившіе безпорочно три года, навсегда освобождаются отъ такого позорнаго наказанія. Но такъ какъ понятіе безпорочности не опредѣлено точно, а по распоряженію администраціи эти должностныя лица могутъ быть устранены во всякое время, хотя-бы за недѣлю до окончанія срока, то льгота эта немногаго стоитъ.

Проектъ затѣмъ отказывается отъ нынѣшняго дисциплинарнаго наказанія арестомъ волостныхъ старшинъ, признавая арестъ унижающимъ

служебный авторитетъ старшины въ глазахъ населенія (стр. 234 Трудовъ т. II), но зато онъ увеличиваетъ размѣръ штрафа, какой можетъ наложить на старшину земскій начальникъ, съ 5 до 25 руб. (ст. 144). Проектъ, наконецъ, пытается оградить старшинъ и старостъ отъ нынѣшняго положенія „безпрекословныхъ“ (какъ выражается нынѣ законъ) исполнителей требованій всѣхъ многочисленныхъ установленныхъ властей и въ ст. 56 и 105 говоритъ объ обязанности ихъ исполнять законныя требованія только земскаго начальника, судебнаго слѣдователя и чиновъ мѣстной полиціи, касающіяся ихъ вѣдомства. Всѣ начальствующія лица, говоритъ далѣе проектъ въ ст. 147, обращаются съ требованіями о наложеніи взысканій на бездѣятельныхъ старшину и старосту къ земскому начальнику, а на отказъ послѣдняго приносятъ жалобу губернскому присутствію. Не нужно, однако, быть пророкомъ, чтобы предсказать, что и въ будущемъ эти подневольно служащія должностныя лица изъ низшихъ сословій, невѣжественныя, незнакомыя съ законами, всегда находящіяся подъ страхомъ ошибки и дискреціоннаго наказанія арестомъ или крупнымъ штрафомъ, останутся попрежнему покорнѣйшими и смиренными слугами всѣхъ, въ комъ могутъ предполагать хоть какую-нибудь силу, хотя-бы основанную на отдаленномъ знакомствѣ съ земскимъ начальникомъ.

При указанныхъ условіяхъ отъ выборныхъ должностныхъ лицъ нельзя ожидать ни преданности и любви къ дѣлу, ни уваженія къ законности, ни той авторитетности, которая проистекаетъ изъ довѣрія населенія къ достоинству всякаго представителя власти, когда послѣдній обставленъ извѣстными гарантіями, ограждающими его служебныя и личныя права. Повторяемъ, все старое, все типичное, все, что въ порядкахъ управленія обусловливаетъ въ крестьянской жизни глухой застой, беззаконіе и всякую неправду, останется по проекту безъ измѣненія. Только при устраненіи принципа обособленности и сословности, хотя-бы лишь въ управленіи волостью, возможно было-бы создать лучшія условія и нравы службы и вообще болѣе здоровую атмосферу въ строѣ сельскаго управленія.

VIII. Въ виду того, что проектъ, какъ мы указали, не сдѣлалъ ровно ничего для поднятія нравственнаго и умственнаго уровня выборныхъ начальниковъ въ селеніи и въ волости, существенное значеніе пріобрѣтаетъ вопросъ объ организаціи канцелярской части въ крестьянскихъ учрежденіяхъ. Вопросъ этотъ, можно сказать, наболѣлъ до крайности и слѣдовало ожидать, что составители проекта обратятъ на него особенное вниманіе и

сдѣлаютъ попытку хотя-бы только ослабить существующіе недостатки, давно уже всѣми признанные. Но ничего подобнаго проектъ не дѣлаетъ и не можетъ сдѣлать, опять-таки благодаря принципу крестьянской обособленности, преграждающему всякій путь къ какому нибудь улучшенію дѣла управленія въ сельскихъ мѣстностяхъ.

По законамъ 19 февраля 1861 г., сохранившимся на бумагѣ до сихъ поръ, состоящіе изъ неграмотныхъ людей сельскіе и волостные сходы выбирали или нанимали, а также увольняли писарей по своему усмотрѣнію. Предполагалось, что помощь грамотныхъ людей нужна будетъ крестьянамъ только для ихъ собственныхъ потребностей, въ общемъ немудреныхъ и небольшихъ. На практикѣ, однако, писарская работа быстро и непомѣрно росла и превратилась въ обширную канцелярскую, служащую болѣе для потребностей административнаго и общегосударственнаго управленія, чѣмъ чисто крестьянскаго. Это повело къ тому, что фактически мѣстная администрація устранила крестьянскіе сходы отъ участія въ назначеніи и въ удаленіи писарей, а такъ какъ сходы неохотно и скупо платили этимъ чужимъ для нихъ служащимъ, то послѣдовалъ законъ (1893 г.), по которому минимумъ жалованья устанавливается общею администраціею. Проектъ узаконяетъ и расширяетъ все это. Не только волостные, но и сельскіе писаря, которые теперь необязательны, будутъ назначаться, по представленіямъ волостныхъ старшинъ, властью земскаго начальника (ст. 117). Учрежденіе новой должности помощника волостного писаря можетъ быть сдѣлано обязательнымъ для волостного общества (ст. 112) и размѣръ жалованья его устанавливается высшимъ начальствомъ. Увольненіе писарей не будетъ зависѣть отъ сходовъ (ст. 151). Проектъ не повышаетъ формальныхъ гарантій службы писарей; по статьѣ 145 волостные и сельскіе писаря подвергаются за служебные проступки волостнымъ старшиною штрафу до 5 руб., а по распоряженію земскаго начальника могутъ быть посажены подъ арестъ на 7 дней или оштрафованы: волостные писаря до 15 р., сельскіе до 5 р. Только удаленіе отъ должности волостныхъ писарей земскимъ начальникомъ требуетъ санкціи уѣзднаго съѣзда (ст. 144). Вообще можно сказать, что проектъ какъ-бы стремится сохранить формально невысокое и несамостоятельное положеніе волостного писаря. Онъ подчиненъ волостному старшинѣ, часто совсѣмъ неграмотному, и по ст. 110 ведетъ всѣ книги „подъ надзоромъ“ такого старшины; онъ не пользуется никакими служебными правами и преимуществами и если

происходитъ изъ крестьянъ, то только въ теченіе службы, до увольненія изъ нея, онъ и сельскій писарь свободны отъ тѣлеснаго наказанія (ст. 139 и 140).

Проектъ всецѣло сохраняетъ хорошо извѣстный типъ этого волостного дѣльца, юрисконсульта, нотаріуса, секретаря въ волостномъ судѣ, который все долженъ знать, все облекаетъ въ законную письменную форму, безъ участія котораго ничто не можетъ дѣлаться и который, несмотря на свое подчиненное положеніе, всѣмъ руководитъ и прежде всего своимъ малограмотнымъ непосредственнымъ начальникомъ. Въ волости, а по проекту и въ селѣ, прочно укрѣпляется типъ стараго приказнаго, приниженнаго, безправнаго, котораго легко выгнать, но который, на самомъ дѣлѣ, очень силенъ, такъ какъ держитъ всѣ нити управленія въ своихъ рукахъ. Составители проекта, такъ боящіеся вторженія чужого элемента въ сословныя учрежденія крестьянъ, съ явною непослѣдовательностью мирятся съ общепризнаннымъ зломъ и допускаютъ въ нихъ едва-ли не самыхъ худшихъ представителей этого элемента. Говоримъ худшихъ, потому что образованные и сколько нибудь хорошо воспитанные люди, преданные дѣлу, желающіе служить не лицамъ, а народному благу, не идутъ на должность, такъ дурно обставленную, и если бывали такіе охотники, то они не долго могли удержаться на мѣстѣ. Повторяемъ, никакихъ попытокъ къ измѣненію такого положенія вещей составители проекта не сдѣлали. Въ объясненіяхъ къ проекту нѣтъ указаній на возможность принять оплату содержанія волостной канцеляріи на счетъ государства, на полезность давать награды, пенсіи или иное обезпеченіе служащимъ въ ней, на необходимость подготовки къ должности или обязательнаго образовательнаго ценза, и всѣ требованія проекта сводятся къ тому, чтобы писарями не могли назначаться исключенные изъ государственной службы, опорученные по суду и вообще люди завѣдомо развратнаго поведенія (ст. 121).

Неужели все это оставляется въ жизни въ виду того, что оно болѣе соотвѣтствуетъ сохраненію обособленности крестьянскаго управленія. Мы понимаемъ всѣ трудности въ рѣшеніи вопроса при данныхъ условіяхъ; можемъ согласиться, что столь плохой личный составъ волостной канцеляріи возможно удерживать въ предѣлахъ только штрафами, арестомъ и страхомъ быстраго изгнанія, что привлеченіе интеллигентныхъ лицъ къ службѣ въ волостяхъ, съ дарованіемъ имъ общихъ правъ и преимуществъ,

потребуетъ непосильныхъ расходовъ и обѣщаетъ не только фактически, какъ теперь, но и формально перенести весь центръ обособленнаго сословнаго управленія, имѣющаго по внѣшности общественный характеръ, въ руки бюрократіи. Но мы совершенно отказываемся понять, какъ возможно складывать руки въ виду такихъ затрудненій, и, проектируя новый законъ. оставлять въ немъ то, что было и будетъ зломъ, и не задаться вопросомъ о выходѣ. Этотъ выходъ давно уже намѣченъ и онъ заключается въ организаціи всесословной волости, въ качествѣ мелкой земской единицы и въ качествѣ органа административнаго управленія. Въ такой волости не будетъ подневольно отбывающаго служебную повинность неграмотнаго старшины, и потому вопросъ о писарѣ или секретарѣ и объ его преобладающемъ значеніи потеряетъ всю свою остроту. Въ всесословной волости найдутся средства на жалованье и, если потребуется участіе государственной казны въ расходахъ, то сравнительно небольшое. Если справедливо утвержденіе, что въ нѣкоторыхъ сельскихъ мѣстностяхъ нѣтъ людей и другихъ условій, необходимыхъ для организаціи всесословной волости, то это не препятствуетъ въ новомъ органическомъ законѣ сказать, что въ этихъ мѣстностяхъ остается пока старая волость, а въ остальныхъ можетъ быть учреждаема новая всесословная. Стремленіе къ шаблону и къ внѣшнему единству порядковъ въ такомъ дѣлѣ не можетъ быть оправдано. Въ Англіи очень долго муниципальныя права предоставлялись лишь отдѣльнымъ поселеніямъ, у насъ городское самоуправленіе вводилось не одновременно во всѣхъ городахъ и нынѣ въ разныхъ городахъ существуютъ различныя организаціи.

Сохраненіе существующаго положенія вещей тѣмъ менѣе можетъ быть объяснено, что кругъ обязанностей волостного писаря, а также важность и значеніе ихъ сильно увеличиваются по проекту. И теперь сложность и количество работы писаря настолько велики, что съ нею справился-бы не всякій секретарь окружного суда; между тѣмъ, по проекту, работа эта будетъ еще труднѣе. Къ числу обязательно ведущихся писаремъ книгъ, и теперь считаемыхъ десятками, проектъ присоединяетъ такія важныя, какъ книга землепользованія и поземельный реестръ, которыя должны заключать въ себѣ всѣ данныя о составѣ надѣльныхъ земель и объ условіяхъ владѣнія ими въ предѣлахъ волости. Эти книги будутъ имѣть значеніе и силу книгъ старшаго нотаріуса. Въ нихъ заносятся утвержденные уѣзднымъ членомъ окружного суда всѣ акты по отчужденію

надѣльной недвижимости, при чемъ самые акты первоначально совершаются и свидѣтельствуются въ волостномъ правленіи волостнымъ старшиною. (Проектъ положенія о надѣл. земляхъ, ст. 178—207). Въ эти же книги вносятся судебныя рѣшенія по спору о собственности на землю, приговоры сходовъ по семейнымъ раздѣламъ, а также, по желанію сторонъ, договоры объ арендѣ земли (тамъ же, ст. 208 и 211). Нужно затѣмъ принять во вниманіе, что коммиссія по пересмотру законоположеній о крестьянахъ составила новый проектъ положенія о волостномъ судѣ съ увеличенною компетенціею и съ тѣми же неграмотными судьями, проектъ волостного устава о наказаніяхъ, проектъ двухъ сельскихъ уставовъ о договорахъ и о наслѣдованіи, проектъ положенія о надѣльныхъ земляхъ и проектъ правилъ объ отграниченіи крестьянскихъ надѣловъ и объ ихъ разверстаніи съ чрезполосными угодьями частнаго владѣнія.

Вся эта масса новыхъ правилъ въ своемъ практическомъ примѣненіи потребуетъ отъ исполнителей умѣнія читать и правильно толковать законъ, а также безпристрастія и добросовѣстности, и все это смѣло возлагается на волостного писаря, этого самаго маленькаго по служебному положенію человѣка, Богъ знаетъ откуда рекрутируемаго, удерживаемаго отъ злоупотребленій только однимъ страхомъ наказанія и увольненія и дѣйствующаго будто-бы по указанію и подъ надзоромъ неграмотнаго или полуграмотнаго волостного старшины. Нужно обладать удивительнымъ оптимизмомъ, чтобы надѣяться на пользу отъ такихъ дѣятелей; нужно имѣть серьезнѣйшія основанія, чтобы въ важномъ дѣлѣ крестьянскаго устроенія настойчиво и во что бы то ни стало отказываться отъ возможности или отъ попытки воспользоваться въ немъ иными силами и иными людьми, болѣе развитыми, болѣе знающими и болѣе преданными идеѣ общественнаго долга. Мы, съ глубокой печалью, предвидимъ, что при такихъ условіяхъ предположенное преобразованіе не подниметъ положенія крестьянъ ни въ правовомъ, ни въ экономическомъ отношеніи и что оно знаменуетъ для нихъ не возрождающую весну, которую давно ожидаютъ, а все ту-же затянувшуюся и мертвящую зиму.

IX. Оставаясь при высказанномъ утвержденіи, что проектъ въ общемъ сохраняетъ неизмѣннымъ существующій строй управленія въ селеніяхъ, мы должны отмѣтить нѣкоторыя отдѣльныя нововведенія, могущія имѣть значеніе.

По ст. 46 многолюднымъ сельскимъ и земельнымъ обществамъ пре-

доставляется замѣнять общіе сходы всѣхъ лицъ, имѣющихъ право участія въ нихъ, сходами выборныхъ въ числѣ отъ 30 до 100 членовъ. Это старый вопросъ о неудобствѣ существующихъ сходовъ вѣчевого характера, шумныхъ, безпорядочныхъ, для помѣщенія которыхъ нѣтъ зданій въ селеніяхъ и созывъ которыхъ, какъ бы настоятельно ни было дѣло, очень часто бываетъ труденъ и даже невозможенъ. Въ губернскихъ совѣщаніяхъ 1894—1895 г.г. вопросъ этотъ возбуждалъ большой споръ, при чемъ высказывались опасенія пошатнуть вѣками сложившуюся силу и авторитетъ міра или громады и дать преобладаніе міроѣдамъ, успѣвшимъ проникнуть въ составъ выборнаго схода. Составители проекта стремятся найти примиряющій выходъ. Выборные избираются на одинъ годъ; для учрежденія схода выборныхъ требуется большинство $^2/_3$ голосовъ наличныхъ членовъ общаго схода; приговоръ объ этомъ можетъ быть отмѣненъ простымъ большинствомъ голосовъ всѣхъ членовъ, числящихся въ обществѣ; компетенція схода выборныхъ опредѣляется при учрежденіи его приговоромъ общества, но но дѣламъ, по которымъ законъ требуетъ согласія $^2/_3$ всѣхъ членовъ общаго схода (напр., передѣлъ общинной земли, отчужденіе ея, переименованіе селенія въ городъ и т. п.), рѣшенія схода выборныхъ нуждаются въ утвержденіи общаго схода (ст. 46—51). Проектъ предусматриваетъ случай, когда крестьяне не пожелаютъ учредить схода выборныхъ, несмотря на невозможность иначе рѣшать сознательно дѣла. Тогда, на основаніи ст. 52—54, по представленію земскаго начальника, уѣздный съѣздъ собственною властью учреждаетъ сходъ выборныхъ, опредѣляетъ численный его составъ и компетенцію, а если крестьяне откажутся избрать составъ схода, то таковой назначается властью земскаго начальника.

Мы полагаемъ, что 52 — 54 ст. отличаются излишнею рѣшительностью. Крестьяне наши бываютъ очень упорны въ своихъ воззрѣніяхъ, и если принять во вниманіе, что дѣла земельнаго общества касаются главнымъ образомъ имущественныхъ интересовъ его членовъ, а сельское общество обладаетъ, между прочими дѣлами, правомъ избранія своихъ должностныхъ лицъ, мы можемъ себѣ представить, къ чему и какъ далеко можетъ привести коллизія, когда она затянется на годы. Предпочтительнѣе было-бы установить точно въ законѣ максимумъ компетенціи назначенныхъ администраціей членовъ выборнаго схода и еще предпочтительнѣе было-бы вполнѣ опредѣленно и впередъ указать въ законѣ условія, при

которыхъ учрежденіе схода выборныхъ обязательно. Прямому закону крестьяне всегда подчиняются, и тогда не нужно будетъ лишній разъ устанавливать усмотрѣніе начальства, со всѣми его невыгодными и опасными послѣдствіями.

Мы уже упоминали о другомъ нововведеніи, о раздѣленіи нынѣшнихъ обществъ и сходовъ на земельные, вѣдающіе вопросы земельно-имущественные, и на собственно сельскіе, съ функціями административно-земскаго характера (ст. 1—3). Замѣчательно, что по поводу такого вполнѣ правильнаго разрѣшенія по существу очень простого вопроса произошло разногласіе между членами коммиссіи, въ общемъ весьма рѣдко расходившихся во взглядахъ. Меньшинство членовъ стояло за сохраненіе нынѣшняго сложнаго органическаго союза въ видѣ цѣлостной административно-хозяйственной единицы и считало, что раздѣленіе его будетъ нарушеніемъ народныхъ обычаевъ и воззрѣній, создастъ на практикѣ двоевластіе, столкновенія или останется фиктивнымъ. Большинство, сравнительно болѣе прогрессивно настроенное, исходило изъ того простого основанія, что къ данному селенію часто принадлежатъ группы крестьянъ, владѣющія отдѣльною надѣльною землею по отдѣльнымъ актамъ, и что въ немъ же проживаютъ крестьяне, не имѣющіе надѣла и сами купившіе землю, и что поэтому одинъ общій сельскій сходъ неудобенъ для рѣшенія всѣхъ земельныхъ и административныхъ дѣлъ. Большинство, кромѣ того, высказало, что въ глазахъ крестьянъ главный и наиболѣе жизненный интересъ представляютъ вопросы ихъ земельнаго хозяйства и это обстоятельство приводитъ на практикѣ къ тому, что дѣла административныя страдаютъ, отодвигаются на второй планъ, а иногда сводятся на нѣтъ (Труды, т. II, стр. 31—42).

Соображенія эти вѣрны, но, къ сожалѣнію, составители проекта не были послѣдовательны и не сдѣлали изъ правильнаго рѣшенія вопроса естественнаго и конечнаго вывода. Такъ, они оставляютъ новыя отдѣльныя земельныя организаціи безъ отдѣльнаго главы и безъ исполнительнаго органа. Таковымъ будетъ попрежнему сельскій староста, созывающій земельный сходъ, предсѣдательствующій въ немъ и исполняющій его приговоры (ст. 27). Очевидная несообразность такого правила можетъ сказаться въ томъ, что въ дѣлахъ чисто гражданскаго и имущественнаго характера участвуетъ въ роли главы и исполнителя представитель публично-правовой организаціи, несмотря на то, что самъ онъ не принадлежитъ къ дан-

ному земельному союзу, не заинтересованъ въ его успѣхахъ, выбранъ, можетъ быть, противъ голосовъ членовъ этого союза, которые могутъ и проживать въ другомъ поселкѣ, а не тамъ, гдѣ живетъ и начальствуетъ сельскій староста. Проектъ въ ст. 10 узаконяетъ положеніе тѣхъ довольно уже многочисленныхъ теперь отдѣльныхъ поселеній, которыя состоятъ изъ переселенцевъ или товарищей по покупкѣ земли, или по арендѣ ея у частныхъ владѣльцевъ, или у казны. Если въ такомъ поселеніи числится менѣе 100 дворовъ, то оно можетъ быть обязательно присоединено къ другому селу, и тогда окажется, что въ земельномъ союзѣ и сходѣ перваго будетъ главою сельскій староста, совершенно чужой ему человѣкъ (ст. 6—8). Составители проекта не считаютъ нужнымъ серьезно обосновать разсматриваемое правило и говорятъ кратко, что для земельнаго союза нѣтъ надобности имѣть отдѣльный органъ, такъ какъ для дѣйствій въ качествѣ юридическаго лица оно можетъ избрать довѣренныхъ на общемъ основаніи, а по текущимъ дѣламъ общественной жизни для нихъ достаточны услуги сельской администраціи (Труды, II, стр. 95).

Между тѣмъ, такой порядокъ несомнѣнно подрываетъ устанавливаемое проектомъ отдѣленіе административнаго управленія въ селеніи отъ имущественно-хозяйственнаго и укрѣпляетъ существующее смѣшеніе началъ публично-правового съ частно-правовымъ, то смѣшеніе, которое, проникая нынѣ всѣ стороны крестьянской жизни, приноситъ большой вредъ развитію идеи законности и гражданственности въ средѣ крестьянъ. Кромѣ того, такое отступленіе отъ правильнаго принципа выдѣленія административныхъ функцій въ сельскомъ управленіи стоитъ на дорогѣ логическаго вывода изъ полезнаго нововведенія, такъ какъ оно усиливаетъ возраженіе противъ допущенія избранія на сельскую административно-земскую должность лица не крестьянскаго сословія. Такой выводъ, однако, давно уже и настоятельно требуется жизнью. Если не закрывать глаза, то слѣдуетъ признать, что очень многія, крупныя и богатыя селенія наши болѣе всего нуждаются въ образованномъ хозяинѣ администраторѣ, который способенъ былъ бы поднять земское благоустройство въ селѣ и обезпечить въ немъ общественную безопасность. Въ качествѣ администратора и только администратора такое должностное лицо, изъ какого-бы сословія оно не вышло, свободно выбранное населеніемъ, могло-бы нисколько даже не угрожать излюбленному составителями проекта началу обособленности крестьянъ каковое начало продолжало бы тогда дѣйствовать съ полною силою

исключительно въ своеобразной области земельныхъ крестьянскихъ отношеній.

Говоримъ обо всемъ этомъ съ цѣлью характеризовать проектъ, который, ради поставленнаго въ основу принципа обособленности крестьянъ, суживаетъ всякій горизонтъ и отступаетъ отъ послѣдовательности въ своихъ же нововведеніяхъ, дабы преградить самую возможность дальнѣйшаго развитія дѣла управленія въ селеніяхъ. Этотъ несчастный принципъ обособленности до такой степени подавляюще господствуетъ въ проектѣ, что въ вопросахъ, гдѣ онъ не играетъ роли, составители проекта, охотно отказываются отъ регулированія ихъ.

Для примѣра укажемъ на вопросъ о правѣ участія въ сельскихъ сходахъ женщинъ. Въ большинствѣ губерній крестьянки-домохозяйки на практикѣ допускаются къ участію въ рѣшеніяхъ схода по земельнымъ дѣламъ, и этотъ порядокъ санкціонированъ Сенатомъ, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ это участіе женщинъ ничѣмъ не ограничивается и распространяется на дѣла административныя и, въ ихъ числѣ, на выборы сельскихъ должностныхъ лицъ. Фактически въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ развитъ отхожій промыселъ, женщины иногда правятъ временно службу старосты или десятскаго, такъ какъ въ селѣ никого не остается, кромѣ женщинъ, дѣтей и дряхлыхъ стариковъ. Составители проекта, однако, не рѣшились въ немъ выразить категорически ни запрещенія, ни разрѣшенія участія женщинъ не только въ земельныхъ сходахъ, но и въ новыхъ сельскихъ сходахъ, и признали удобнымъ предоставить этотъ вопросъ мѣстнымъ обычаямъ (Труды, т. II, стр. 79 и 80). Какъ ни странна можетъ показаться такая уступчивость предъ обычаемъ въ дѣлѣ организаціи публично-правового учрежденія, которое всегда требуетъ точнаго закона, но это объясняется тѣмъ, что въ данномъ случаѣ составители проекта не имѣютъ основанія опасаться ни проявленія въ деревнѣ феминистскаго моднаго движенія, ни тѣмъ болѣе какого-либо ущерба для принципа обособленности крестьянъ. Противъ послѣдняго всякій нарождающійся обычай безсиленъ и былъ-бы сразу немедленно уничтоженъ...

.....XI *) Слова Высочайшаго манифеста 26 февраля 1903 г., повелѣвающія изыскать способы къ облегченію отдѣльнымъ крестьянамъ выхода

---

*) Извлеченія изъ гл. X настоящей брошюры помѣщены въ I ч. «Отзывовъ печати».

изъ общины, давали всѣ основанія предполагать, что дѣло идетъ о возстановленіи въ первоначальной редакціи 165 ст. полож. о выкупѣ, по которой крестьянинъ-общинникъ имѣлъ право, внеся въ казначейство выкупную сумму, требовать выдѣленія себѣ соотвѣтственнаго участка надѣльной земли. Это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что послѣ отмѣны 165 ст. въ законѣ оставались 36 и 37 ст. общ. полож. о крест., говорящія о правѣ крестьянина послѣ окончанія выкупной операціи требовать отъ общества выдѣлить къ одному мѣсту извѣстный участокъ изъ общей земли. Ясный слѣдъ этого права остался въ ст. 12 новаго изданія Общ. Полож. 1902 г., и если практически осуществленіе такого права встрѣчаетъ препятствіе въ трудности опредѣлить размѣръ участка, за который данный крестьянскій дворъ несъ платежи въ теченіе долгихъ десятковъ лѣтъ, то можно было ожидать отъ составителей проекта, что они опредѣленно укажутъ, во исполненіе Высочайшей воли, способы для выхода изъ общины, имѣя въ виду, къ тому же, что переходный періодъ выкупа быстро близится къ концу и что проектируемый ими законъ долженъ будетъ примѣняться въ новомъ періодѣ.

Къ крайнему удивленію читателя, въ проектѣ преобразованія сельскаго управленія все это почти игнорируется. Въ главѣ 14-ой, этого проекта „о выходѣ изъ состава земельныхъ сельскихъ и волостныхъ обществъ и о вступленіи въ оныя“ указанный трудный вопросъ рѣшается въ совершенно иномъ смыслѣ и болѣе чѣмъ просто. Выходъ изъ общины, т. е. по терминологіи проекта изъ земельнаго общества при общинномъ владѣніи объявляется вполнѣ свободнымъ. Съ отмѣною круговой поруки, съ перенесеніемъ отвѣтственности въ платежѣ сборовъ исключительно на имущество и на землю, находящуюся во владѣніи или въ пользованіи недоимщика, нѣтъ основаній, разсуждаютъ составители проекта, препятствовать крестьянину уйти изъ общества, перейти въ другое сословіе или къ другимъ неземледѣльческимъ занятіямъ. Это будетъ значить только, что крестьянинъ „выйдетъ изъ сферы особаго попеченія о немъ государства, а сословный крестьянскій строй останется непоколебленнымъ“ (Труды, т. II, стр. 16). Только для крестьянъ моложе 25 лѣтъ и неимѣющихъ самостоятельнаго хозяйства остается требованіе согласія родителя на ихъ выходъ (стр. 154). Но вся эта свобода выхода самымъ рѣшительнымъ способомъ уничтожается требованіемъ, чтобы крестьянинъ-общинникъ отказался на всегда отъ права участія во владѣніи и пользованіи общественною землею и чтобы кресть-

янинъ-подворникъ передалъ право на владѣніе своимъ подворнымъ участкомъ законнымъ порядкомъ другому крестьянину (ст. 153, 155, 156).

Это нѣчто совершенно иное и прямо противоположное приведеннымъ выше статьямъ полож. о выкупѣ 1861 г. и едва ли обязательная потеря имущественныхъ правъ можетъ быть признана тѣмъ облегченіемъ, которое предуказано было Высочайшимъ манифестомъ 26 февраля 1903 г. Съ юридической же стороны и съ точки зрѣнія справедливости такое требованіе проекта не можетъ быть сколько нибудь удовлетворительно обосновано. Нѣсколько поколѣній съ великимъ напряженіемъ вносили выкупъ за надѣльную землю и вотъ, когда доплатить осталось немного или выкупъ закончился, человѣку говорятъ: отдай свою часть даромъ, если хочешь или тебѣ понадобилось выйти изъ земельнаго общества. У послѣдняго, кромѣ надѣльной земли, могутъ быть другія земли, лѣса, луга и доходныя статьи, которыя пріобрѣтены или устроены были общими силами и на общія средства всѣхъ членовъ общества, но и отъ нихъ, также какъ отъ надѣльной земли, нужно отказаться безвозмездно. Ту-же самую потерю обязанъ нести и крестьянинъ подворникъ, съ тою лишь разницею, что ему предоставляется въ годичный срокъ продать свой участокъ, и, конечно, за дешевую плату, такъ какъ кругъ покупателей ограниченъ лицами, принадлежащими только къ крестьянскому сословію. Усадьбу же и тотъ, и другой крестьянинъ могутъ продать только односельцу (53 и 57 ст. проекта полож. о надѣл. землѣ). Тутъ принципъ обособленности крестьянскаго строя доводится до своихъ крайнихъ границъ. Выходящій изъ состава земельнаго общества крестьянинъ-домохозяинъ обязательно долженъ разстаться съ своею надѣльною усадьбою, хотя по нынѣшнему закону усадебная земля считается собственностью не сельскаго или земельнаго общества, а крестьянскаго двора. Этимъ самымъ домохозяинъ и его семья исключаются и изъ состава сельскаго общества (ст. 162 проекта полож. крест. управ.) и лишаются права участія въ сельскомъ управленіи. Этотъ, говоря по старинному, „изгой“ изъ крестьянъ можетъ нанять въ своей же деревнѣ помѣщеніе, устроить въ немъ мастерскую, торговое или промышленное предпріятіе, можетъ даже на немъ разбогатѣть, но сельскій сходъ и всякое участіе въ управленіи деревней будутъ закрыты для него только потому, что онъ разстался съ надѣломъ. Возможенъ, впрочемъ, по проекту и для него нѣсколько круговой путь къ возстановленію прежнихъ правъ и къ возвращенію своей прежней родовой усадьбы. Для этого онъ дол-

женъ пріобрѣсти куплею землю въ предѣлахъ своей волости, и тогда онъ дѣлается опять членомъ сельскаго общества, гдѣ проживаетъ, и послѣ этого онъ получитъ право купить усадьбу въ селѣ (ст. 2, 21 и 165).

Принципъ обособленности неумолимъ. Если надѣльный подворный, полевой и усадебный участокъ перешелъ по наслѣдству къ лицамъ не крестьянскаго сословія, то наслѣдники обязаны продать его крестьянину. Если владѣлецъ надѣльной земли переходитъ въ другое сословіе, онъ обязательно исключается изъ земельнаго общества со всѣми указанными послѣдствіями, т. е. даромъ отдаетъ общинный участокъ или принудительно продаетъ подворный участокъ (ст. 159). Но тутъ мы опять внезапно встрѣчаемся съ такою уступкою, которая, подобно разрѣшенію мѣщанамъ участвовать въ управленіи волостью, можетъ быть отразится очень мало на практикѣ, но получаетъ огромное значеніе въ качествѣ ограниченія принципа крестьянской обособленности и въ качествѣ доказательства внутренней несостоятельности этого принципа.

Статья 160 кратко говоритъ: „крестьяне, получившіе званіе личнаго почетнаго гражданина, сохраняютъ всѣ присвоенныя лицамъ сельскаго состоянія особыя права“. То есть, онъ можетъ продолжать пользоваться общинною надѣльною землею, владѣть подворнымъ участкомъ, участвовать въ земельныхъ и сельскихъ сходахъ, имѣетъ право быть избраннымъ на должность сельскаго и волостного управленія или суда. Не указано только, обязанъ-ли онъ принять это избраніе, подвѣдомъ ли онъ обязательно волостному суду, подвергается-ли онъ наравнѣ съ другими крестьянами наказаніямъ безъ суда, по усмотрѣнію крестьянскихъ властей и начальства надъ ними. Кто же такіе будутъ эти почетные граждане, впервые появляющіеся и остающіеся въ нынѣшней сѣрой и очень мало почетной средѣ крестьянъ? Это крестьяне, окончившіе среднее или высшее учебное заведеніе, а также спеціальныя техническія, сельскохозяйственныя школы. До сихъ поръ всѣ такіе окончившіе курсъ, какъ бы въ награду, получали званіе личнаго почетнаго гражданства и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы въ наказаніе, исключались изъ крестьянскаго сословія съ потерею связанныхъ съ прежнею сословностью публичныхъ и имущественныхъ правъ. Этотъ порядокъ является однимъ изъ тѣхъ недостатковъ нашего законодательства о крестьянахъ, который вызывалъ давно уже наиболѣе сильныя нареканія, такъ какъ онъ направленъ какъ-бы къ искусственному изъятію образованныхъ элементовъ изъ среды крестьянъ и къ искусственному же

поддержанію послѣднихъ на уровнѣ исконнаго невѣжества и отчужденія.

Составители проекта въ нѣкоторой степени признаютъ справедливость этихъ нареканій, но дѣлаютъ свою уступку скрѣпя сердце, съ очевидной неохотой. Въ объясненіи къ ст. 160 они ставятъ еще разъ своимъ идеаломъ такое общественное единеніе, въ которомъ всѣ члены стоятъ на одномъ уровнѣ, живутъ одними обычаями, проникнуты одними взглядами, связаны вполнѣ однородными, всѣмъ понятными интересами. Такое единеніе существуетъ будто бы въ нашей деревнѣ и составители проекта желали бы охранить его отъ далеко не благодѣтельнаго вліянія лицъ, вращающихся въ иномъ кругѣ понятій. Голоса этихъ единичныхъ лицъ или потонутъ среди большинства крестьянъ, или, наоборотъ, говорятъ они, благодаря высшему уровню умственнаго развитія, эти лица могутъ получить въ деревнѣ преобладаніе, которымъ воспользуются для проведенія своихъ особыхъ взглядовъ и для отклоненія крестьянъ отъ правильныхъ и обычныхъ путей къ удовлетворенію ихъ насущныхъ потребностей (Труды, т. II, стр. 249—251). Предаваясь такимъ пессимистически-опасливымъ соображеніямъ по поводу будущихъ почетныхъ гражданъ, составители проекта утѣшаются отчасти тѣмъ, что дѣти этихъ привилегированныхъ членовъ сельскаго общества должны будутъ возвратиться въ первобытное состояніе и перестанутъ, слѣдовательно, говоримъ мы, пользоваться правами не только почетнаго, но и самаго простого, нормально понимаемаго гражданина.

Разсужденія эти очень характерны, доказывая, какъ трудно въ законодательство, построенное на неправильной основѣ, вносить самыя малыя, самыя естественныя и справедливыя поправки. Привѣтствуя нововведеніе ст. 160 проекта, мы полагаемъ, однако, что одна ласточка не дѣлаетъ весны и что остальныя суровыя условія и въ особенности административная практика едва ли позволятъ развиться и укрѣпиться новому институту почетнаго гражданства въ организаціи крестьянскаго управленія въ томъ видѣ, какъ послѣднее существуетъ и будетъ существовать по проекту.

XII. Въ ревнивомъ стремленіи охранить въ неприкосновенности на вѣчныя времена надѣльный земельный фондъ и возможно сильнѣе обособить крестьянъ, какъ пользующихся, такъ отчасти и не пользующихся надѣломъ, лежитъ вся сущность, весь смыслъ, вся исходная точка проектированнаго преобразованія. То, что въ этомъ направленіи есть теперь въ положеніи крестьянъ и выросло исторически изъ крѣпостного времени или

дано отдѣльными узаконеніями, нынѣ сводится въ строго и до мелочей обдуманную и довольно стройную по своей цѣльности систему, которая разсчитываетъ на очень продолжительную жизнь, и потому не боится нѣкоторыхъ незначительныхъ отступленій отъ основнаго принципа.

Такого рода уступкой какъ было уже говорено, является дарованіе крестьянину, окончившему извѣстный курсъ образованія и получившему званіе почетнаго гражданина, правъ удержать пользованіе надѣломъ и участвовать въ сельскомъ и волостномъ управленіи. Нужно страдать исключительно маниловщиною, чтобы именно отъ такой уступки ожидать проникновенія свѣта и разума въ наши деревни. Единичные случаи такого рода будутъ, но тутъ сыграетъ роль героизмъ, очень рѣдкій вообще въ жизни. Выбившійся въ почетные граждане крестьянинъ, можетъ быть, будетъ имѣть надобность или желаніе удержать надѣльный участокъ земли и подчиниться обычной несвободѣ въ пользованіи имъ и всѣмъ тягостямъ и повинностямъ, сопряженнымъ съ этимъ пользованіемъ, но соблазнить это можетъ очень немногихъ и не на долго. Поступленіе на службу государственную и первый чинъ, который на ней обязательно дается, уничтожаютъ вполнѣ всѣ эти права крестьянина, а служба общественная въ селѣ и въ волости остается обставленной и по проекту такими неудобными для образованнаго человѣка условіями, что едва-ли кого соблазнитъ.

Въ конечномъ результатѣ данное отступленіе отъ принципа обособленности принесетъ очень мало, и въ общемъ строѣ крестьянства остаются прежнія суровыя преграды для проявленія индивидуализма, въ видѣ лишенія земли и обязательнаго исключенія изъ состава сельскаго общества крестьянина, желающаго выйти изъ общины. Болѣе соотвѣтствующими требованію Высочайшаго манифеста отъ 26 февраля 1903 г. дать выходъ этому индивидуалистическому стремленію являются помѣщенныя въ особомъ проектѣ положенія о надѣльныхъ земляхъ правила, посвященныя исключительно только экономической и земельно-хозяйственной сторонѣ правъ крестьянина-общинника, безъ всякаго отношенія къ публичнымъ его правамъ. Составители проектовъ, обративъ серьезное вниманіе на вопросъ о невыгодѣ для земледѣльческаго промысла сосредоточенія крестьянъ въ большихъ селеніяхъ съ далеко и чрезполосно расположенными полями, остановились на мѣрахъ, которыя могли-бы способствовать раздѣленію поселеній и ихъ земель и образованію выселковъ и отдѣльныхъ хуторовъ на отрубныхъ участкахъ (см. „Очеркъ работъ“ въ Трудахъ, т. I, стр. 84—98). Въ ст. 11—19 проекта полож. о

крест. управленіи установлены правила о раздѣленіи земельныхъ обществъ; раздѣленія могутъ послѣдовать по приговору большинства $^2/_3$ членовъ общества или принудительно, въ силу постановленія губернскаго присутствія, утвержденнаго министромъ внутреннихъ дѣлъ. А затѣмъ въ проектѣ полож. о надѣльн. земл. болѣе подробно говорится въ примѣненіи къ земельному обществу, владѣющему землею на общинномъ началѣ, о правѣ извѣстнаго числа членовъ общества требовать отвода имъ полевой земли къ одному мѣсту (ст. 115 и слѣд.) и о такомъ же правѣ каждаго отдѣльнаго домохозяина (ст. 130 и слѣд.). Въ томъ и другомъ случаѣ требующіе выдѣла обязаны выселиться на выдѣляемые участки и продать свои усадебныя земли въ годичный срокъ; послѣ срока послѣднія поступаютъ въ распоряженіе общества за вознагражденіе по соглашенію или по оцѣнкѣ, или продаются съ публичнаго торга. Отказать въ выдѣлѣ земли натурою общество не можетъ, когда его требуютъ не менѣе 50 домохозяевъ (ст. 116), но отдѣльный домохозяинъ, по усмотрѣнію общества, можетъ быть удовлетворенъ вмѣсто земли деньгами по соглашенію или по оцѣнкѣ земли (ст. 136). А затѣмъ ст. 137 подчеркиваетъ, что крестьянину, не соглашающемуся выселиться изъ деревни и разстаться съ своей усадьбой, общество можетъ отказать въ правѣ выдѣла его участка изъ общественной земли.

Въ итогѣ получается, что крестьянинъ, стремящійся освободиться отъ зависимости общинѣ, долженъ или совсѣмъ отказаться отъ земли, или выселиться изъ селенія, получивъ участокъ земли или стоимость ея. Если принять во вниманіе, что закономъ 14 декабря 1893 г. согласіе общества на требованіе выдѣлить землю къ одному мѣсту въ подворное владѣніе установлено лишь впредь до уплаты лежащаго на обществѣ выкупного долга, что законъ 12 января 1869 г. допустилъ, правда, въ видѣ исключенія, право подворнаго владѣльца надѣльной земли удержать въ своей собственности эту землю при переходѣ въ другое сословіе съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ уплатилъ выкупной долгъ и продолжалъ отбывать прежнія денежныя и натуральныя повинности и, наконецъ, что Сенатъ въ своихъ рѣшеніяхъ признавалъ право наслѣдованія подворныхъ участковъ за лицами не крестьянскаго сословія (послѣднее по времени такое рѣшеніе состоялось въ 1903 г. № 33 по дѣлу жены ротмистра Ольги Страшкевичъ), то для читателя станетъ вполнѣ яснымъ смыслъ постановленій разсматриваемыхъ проектовъ.

Составители нынѣшнихъ проектовъ, повидимому, не сторонники

взгляда на законодательство, какъ на творчество, которое, регулируя жизнь въ ея данныхъ условіяхъ, должно проникать въ перспективы будущаго и оставлять свободнымъ путь къ развитію. Они говорятъ, что въ своей работѣ придерживаются основъ реформы 19 февраля 1861 г., но на дѣлѣ они берутъ и закрѣпляютъ изъ этихъ основъ только то, что въ нихъ было вынужденное и временное, и всецѣло отбрасываютъ все, что обѣщало наступленіе нормальныхъ условій и окончательную отмѣну закрѣпощенія.

При такомъ общемъ направленіи проектируемое правило о правѣ требовать выдѣла отрубныхъ участковъ изъ общинной земли получаетъ значеніе лишь уступки и, судя по обязательности уйти изъ села и поселиться на отведенномъ участкѣ, является, очевидно, продуктомъ спеціальной сельскохозяйственной политики, задача которой состоитъ въ насажденіи у насъ хуторского крестьянскаго хозяйства. Не входя въ сужденіе объ успѣхѣ и будущности такой политики и видя въ новомъ правилѣ только премію и въ тоже время тяжелое условіе для стремящихся къ индивидуальной собственности, слѣдуетъ, тѣмъ не менѣе, признать, что въ новомъ правилѣ заключаются нѣкоторые, хотя и слабые, элементы, способные повести къ постепенной ликвидаціи устарѣвшаго начала общиннаго землевладѣнія.

Но затѣмъ принципу неприкосновенности фонда надѣльныхъ земель и началу общинности, которая проявляется не только въ системѣ землепользованія съ періодическими передѣлами, но и въ институтѣ семейной общины, грозятъ многія другія, создаваемыя жизнью опасности, и составителямъ проекта приходится изобрѣсти особыя мѣры, которыя направлены къ защитѣ однихъ крестьянъ отъ другихъ крестьянъ же, отбившихся отъ деревни, или отъ пришлыхъ лицъ, тѣмъ или инымъ путемъ вторгающихся въ составъ сельской и семейной общины. Трудная это задача, но проектъ, какъ мы увидимъ, идетъ рѣшительно на нововведенія, въ надеждѣ укрѣпить и поддержать старый шатающійся строй крестьянства и его сословно-обособленнаго управленія.

XIII. По мѣрѣ умноженія населенія наличное количество надѣльной земли, долженствующей будто-бы служить главнымъ фондомъ для обезпеченія жизненныхъ потребностей крестьянъ и исполненія ими повинностей, въ силу вещей становится недостаточнымъ. А такъ какъ владѣніе или пользованіе этимъ фондомъ опредѣляетъ публичныя права крестьянъ въ сословно-обособленномъ ихъ управленіи, то въ проектѣ объ организаціи крестьянскаго упра-

вленія мы встрѣчаемъ правила, нормирующія чисто гражданскія частноправныя юридическія отношенія. Это очень характерно. Законы о частноправныхъ отношеніяхъ крестьянъ въ свою очередь также почти во всемъ проникнуты требованіями права публичнаго, и мы еще разъ подчеркиваемъ это смѣшеніе двухъ областей права, какъ очень вредное обстоятельство, мало знакомое остальному населенію и препятствующее правильному развитію въ крестьянахъ здоровыхъ началъ гражданственности и строгой законности.

Нужно признать, однако, что при наличности идеи объ этомъ особомъ, неприкосновенномъ и въ то же время не могущемъ возростать фондѣ надѣльной земли, законодателю приходится устанавливать особыя мѣры къ тому, чтобы его хватало. Это можно сдѣлать легче всего, обрѣзывая права на него тѣхъ или другихъ претендентовъ на землю. Теперь крестьянинъ можетъ много лѣтъ проживать внѣ своего села, но возвратясь въ него, онъ или его дѣти въ правѣ потребовать отъ общины землю въ надѣлъ. Грознымъ мечемъ, говорятъ составители проекта, висятъ надъ общиннымъ обществомъ эти отщепенцы, въ большинствѣ случаевъ порвавшіе не только всякую фактическую связь со своими однообщественниками, но и утратившіе крестьянскій обликъ, всецѣло, по всему складу умственныхъ и нравственныхъ понятій, слившіеся съ другими, преимущественно городскими сословіями. Почему-же это грозный мечъ? Съ другой стороны, разъ человѣкъ хочетъ сѣсть опять на землю и имѣетъ право на нее и если для надѣленія землею существуетъ фондъ, то, казалось бы, именно въ этотъ моментъ онъ и долженъ исполнить свое назначеніе въ качествѣ спасенія отъ явленія пролетаріата. Вѣдь надѣльная земля при общинномъ владѣніи принадлежитъ не отдѣльнымъ лицамъ, а составляетъ коллективную собственность всего общества, членомъ котораго юридически не перестаетъ быть отлучившійся по паспорту однообщественникъ, какъ бы ни измѣнились его внѣшній обликъ или его воззрѣнія.

Но жизнь давно уже борется съ коммунистическимъ началомъ, лежащимъ въ основѣ идеи надѣльнаго фонда, и проектъ идетъ на помощь, пользуясь такимъ формальнымъ институтомъ гражданскаго права, какъ давность. Ст. 157 проекта говоритъ: „члены земельнаго общества, если ни они, ни ихъ родственники въ прямой восходящей линіи не пользовались въ теченіе всего этого срока ни полевой, ни усадебной, принадлежащей обществу, землей и притомъ не заявляли о своемъ желаніи получить тако-

вую въ пользованіе, исключаются изъ состава общества". Плохо редактированная, эта новая статья должна будетъ возбуждать множество споровъ. Если принять во вниманіе, что отлучившійся исполнялъ одинъ, а можетъ быть и два раза служебную повинность и постоянно уплачивалъ мірскіе сборы, то это нововведеніе заключаетъ въ себѣ и несправедливость. Оно, къ тому же, въ осуществленіи своемъ разсчитано всецѣло на оплошность или незнаніе закона, такъ какъ стоитъ отлучившемуся отъ времени до времени посылать нотаріальныя заявленія о желаніи воспользоваться землею, чтобы сдѣлать къ данному моменту безспорнымъ свое право на нее. Суровость проектируемой статьи 157 увеличивается тѣмъ, что крестьянинъ замедлившій возвращеніемъ въ село, наказывается не только имущественно, но лишается политическихъ правъ, такъ какъ исключеніе, силою закона, изъ земельнаго общества ведетъ обязательно къ исключенію изъ состава даннаго сельскаго общества (ст. 162). Зачѣмъ это нужно? Все это очевидно, требуется для охраненія обособленности крестьянъ и для сбереженія надѣльнаго земельнаго фонда.

Послѣднему грозитъ еще вступленіе въ общество новыхъ членовъ изъ постороннихъ крестьянъ. По общему правилу дѣйствующаго закона требуется для этого согласіе обществъ, которыя сначала давали свои приговоры о принятіи въ общество безвозмездно, но со временемъ общества кое-гдѣ стали взимать съ вступающаго деньги отъ 5 до 500 рублей. Проектъ спѣшитъ закрѣпить этотъ, возникшій на практикѣ, обычай и въ ст. 169 прямо дозволяетъ взимать единовременную денежную плату, которая зачисляется въ особый мірской капиталъ. Противъ платы за право пользованія мірскою землею ничего нельзя возразить, но тогда нельзя, какъ это дѣлаетъ проектъ въ ст. 155, такъ категорически устанавливать обязательную безвозмездную уступку обществу земли крестьяниномъ, выходящимъ изъ общины.

Труднѣе гораздо справиться съ наплывомъ новыхъ членовъ въ составъ общины, когда это происходитъ безъ участія схода. Внѣбрачныя дѣти крестьянокъ, по разъясненію Сената, вступаютъ со всѣми правами въ составъ того общества, къ коему принадлежала мать при ихъ рожденіи, хотя-бы родились они внѣ селенія. Противъ этого ничего нельзя предпринять и проектъ заноситъ это правило въ ст. 172. Затѣмъ по дѣйствующимъ законамъ крестьяне могутъ, не испрашивая согласія своего общества, усыновлять произвольно число лицъ сельскаго состоянія, всякаго возраста,

даже при наличности собственныхъ дѣтей, и такіе усыновленные дѣлаются полноправными членами семейной общины, а слѣдовательно впослѣдствіи, при наступившемъ передѣлѣ общинной земли общества, получаютъ право на надѣлъ. То-же самое и также безъ всякаго ограниченія дѣлается и при принятіи въ семью такъ называемыхъ пріймаковъ, т. е. мущинъ, женившихся на дочеряхъ домохозяина. Составители проекта находятъ, что такой порядокъ иногда ведетъ къ злоупотребленію и къ несправедливости. Произвольное навязываніе обществу принятыхъ домохозяиномъ въ свою семью мужей всѣхъ своихъ дочерей, сколько-бы послѣднихъ ни было, говорятъ они, „не согласно съ общегосударственными интересами, настоятельно требующими сохраненія не просто земельнаго крестьянства, а такого, количество имѣющейся въ пользованіи котораго земли, дѣйствительно, обезпечивало-бы удовлетвореніе его насущныхъ потребностей“. (Труды, т. II, стр. 259).

Поэтому проектъ рѣшается на крутыя мѣры: 1) при наличности сыновей, полноправнымъ членомъ можетъ быть принятъ въ семью только мужъ одной изъ дочерей домохозяина и 2) при отсутствіи дѣтей домохозяинъ можетъ усыновить или взять пріемышемъ только одного, который получитъ всѣ права члена общины (ст. 170 и 171). По поводу перваго изъ этихъ новыхъ правилъ можно выразить сомнѣніе въ его осуществимости. Законъ можетъ лишне принятому въ домъ зятю отказать въ правѣ на надѣлъ землею, но дѣти его жены, какъ мѣстной крестьянки, должны имѣть это право. Нельзя воспретить отцу принять фактически къ себѣ въ домъ безземельнаго зятя, вышедшаго изъ своего общества и причислившагося къ волости своего тестя. Дочь домохозяина осталась въ семьѣ, она не перешла въ чужое село или въ другую семейную общину и вмѣстѣ съ мужемъ своимъ продолжала много лѣтъ работать на пользу общей семьи; нѣтъ поэтому основаній лишать ея дѣтей права на участіе въ достояніи семейной и сельской общины. Хотя въ цитированной выше ст. 112 проекта предусмотрительно говорится о правѣ на это достояніе только внѣбрачныхъ дѣтей и только рожденныхъ крестьянскими вдовами и дѣвицами, но правильное толкованіе должно неизбѣжно привести къ такому же праву законныхъ дѣтей замужней крестьянки, какъ скоро она не оставляла отчаго дома и не перечислена по мужу въ другое общество, сословіе или дворъ. Не можетъ законодатель давать больше правъ внѣбрачнымъ дѣтямъ, какъ-бы покровительствуя незаконному сожитію.

Въ общемъ, всѣ приведенныя нововведенія свидѣтельствуютъ о томъ, какую непосильную и неподходяще-мелочную заботу вынужденъ взять на себя законъ ради неосуществимой мечты удержать отъ разложенія надѣльный земельный фондъ или замедлить этотъ процессъ, чтобы сдѣлать этотъ фондъ достаточнымъ. При такой политикѣ впереди нужно ожидать еще болѣе мелочнаго вмѣшательства въ частную жизнь крестьянъ, еще болѣе детальнаго ограниченія ихъ гражданскихъ правъ, а слѣдовательно и тѣсно связанныхъ съ ними правъ публичныхъ по участію въ мѣстномъ сельскомъ управленіи.

XIV. Крестьянскій дворъ, въ качествѣ семейной общины, по проекту составляетъ институтъ, примыкающій болѣе къ области публичнаго, чѣмъ частнаго права. Эта семейная община остается по прежнему у всѣхъ крестьянъ, все равно владѣютъ-ли они землею на общинномъ или подворномъ началѣ и, по всей вѣроятности, будетъ поддерживаться волостными судами и у крестьянъ, владѣющихъ только внѣ-надѣльными купленными землями и у неимѣющихъ своей, а арендующихъ землю. Только стоящій во главѣ семейной общины домохозяинъ принимаетъ непосредственное участіе въ сельскомъ управленіи, какъ членъ схода. Будучи пожизненно распорядителемъ всего достоянія семейной общины, домохозяинъ имѣетъ большую власть надъ членами семьи и можетъ, напримѣръ, взрослому сыну или брату, хотя-бы они полвѣка прожили на свѣтѣ, воспретить полученіе паспорта для отлучки изъ села (ст. 23 проекта полож. о над. земляхъ). Проектъ даетъ общія указанія, кто долженъ считаться домохозяиномъ, но въ то же время остается нынѣшняя возможность смѣны его по постановленію мѣстной власти и вводится новое начало избранія главы семьи прочими членами ея (ст. 31 того же проекта). Фактически, слѣдовательно, глава семьи будетъ мало чѣмъ отличаться отъ обыкновеннаго должностного лица, назначаемаго и смѣняемаго тѣмъ или инымъ порядкомъ.

Такой печальный типъ семьи устанавливается и поддерживается законодателемъ, очевидно, въ интересахъ публичнаго права, ради охраненія обособленнаго крестьянскаго строя, связаннаго съ пользованіемъ надѣльнымъ земельнымъ фондомъ. Выходъ изъ такой семейной общины крайне затруднителенъ. Правда, проектъ полож. крестьянск. управленія дозволяетъ крестьянину, достигшему 25-лѣтняго возраста, выйти не только изъ семьи, но и изъ состава общества безъ согласія родителя (ст. 154), а

проектъ полож. о надѣл. земляхъ дозволяетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ выйти изъ состава двора и крестьянину 21 года и даже ранѣе, послѣ вступленія въ бракъ (ст. 24). Но какъ выходъ изъ общества ведетъ къ потерѣ земли, такъ и выходъ изъ семейной общины сопряженъ съ полною потерею правъ на общее семейное достояніе и съ возможною потерею правъ на пользованіе общинною землею. Ст. 27 проекта полож. о над. зем. говоритъ, что вышедшій изъ состава двора продолжаетъ состоять членомъ своего общества, но надѣленіе его землей вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія общества. Въ этомъ новомъ правилѣ заключается серьезная угроза для стремящихся освободиться отъ семейной зависимости; въ то же время въ немъ открывается новый поводъ къ сокращенію числа претендентовъ на надѣльный фондъ, что составляетъ постоянную, почти нескрываемую тенденцію, послѣдовательно проводимую въ проектѣ.

Тяжелы были и останутся таковыми условія жизни земледѣльцевъ, но особенно тяжело и часто невыносимо давитъ личность семейная община. Этимъ объясняется то охватившее крестьянъ послѣ паденія крѣпостного права повальное стремленіе къ самовольнымъ семейнымъ раздѣламъ, которое не могли остановить ни строгій законъ 1885 г., ни административныя мѣры. Составители проекта, очевидно, придерживаются нѣсколько другого взгляда на это обстоятельство. Въ своемъ мѣстѣ они точно регулируютъ семейные раздѣлы. (Проектъ полож. над. зем., ст. 95 и слѣд.), но можно догадываться, что въ концѣ концовъ они не противъ самовольнаго выхода изъ двора, разъ что отъ этого выигрываетъ достояніе двора и сельской общины. Скатертью дорога, читается между строкъ, всѣмъ тѣмъ, „индивидуально-сильнымъ, умственно переросшимъ крестьянскій міръ отдѣльнымъ крестьянамъ“, которые захотятъ „расправить крылья“. Пусть уходитъ, посвятитъ себя другимъ занятіямъ, переходитъ въ другое сословіе; этому не нужно препятствовать, но пусть такіе люди дѣлаютъ все это не на счетъ всего крестьянства, т. е. надѣльнаго земельнаго фонда. Тѣмъ самымъ они выйдутъ изъ сферы особаго попеченія государства, установившаго особые пріемы въ порядкѣ крестьянскаго управленія, суда и правительственнаго надзора, и тогда получится желаемый результатъ: „сословный крестьянскій строй останется непоколебленнымъ“. („Очеркъ работъ“. Труды, т. I, стр. 16).

Въ такой политикѣ практическія средства и пріемы обращаются въ самодовлѣющую цѣль, въ ненарушимый идеалъ. Отвѣчая на давно заяв-

ляемыя пожеланія объ освобожденіи крестьянъ отъ давящихъ ихъ узъ и о необходимости мѣръ къ объединенію всего русскаго населенія, составители проекта говорятъ, что этого нельзя сдѣлать. Общіе законы и однородные пріемы управленія не сгладятъ органическія особенности, такъ рѣзко отличающія крестьянство отъ другихъ сословій, и не сблизятъ ихъ духовно и матеріально. „Это было бы равносильно примѣненію тѣхъ же способовъ обработки, насажденія тѣхъ же растеній на различныхъ по ихъ химическому составу и физическому строенію почвахъ. Лишь приведя эти почвы къ одной формулѣ, возможно ихъ однообразно использовать и ожидать отъ того одинаковыхъ послѣдствій". Изъ этого агрономическаго сравненія дѣлается выводъ, что „до полнаго внутренняго объединенія крестьянства со всѣми остальными сословными группами Имперіи необходимо сохранить особые пріемы въ порядкѣ его общественнаго управленія, суда и правительственнаго надзора". („Очеркъ работъ". Труды, т. I, стр. 15). Но это значитъ, другими словами, что никакого внутренняго объединенія никогда не послѣдуетъ, такъ какъ на дорогѣ къ нему ставятся проектомъ все новыя и еще болѣе усиленныя мѣры къ тому, чтобы и почва, и обработка ея, и самыя растенія оставались попрежнему различными и обособленными.

Мало того, такая система сопровождается вовсе не вытекающею изъ ея цѣли тенденціею къ расширенію. Мѣщанинъ или крестьянинъ-отщепенецъ, какъ называютъ составители проекта того, кто переселится въ городъ, привыкли къ общимъ законамъ, дающимъ всѣмъ одинаковыя гарантіи въ личныхъ, имущественныхъ и политическихъ правахъ; но когда они перейдутъ на жительство въ сельскую мѣстность, купивъ тамъ землю, или занявшись торговлею или ремесломъ, то они, въ силу одного этого, попадаютъ въ очень невыгодныя условія. Мѣщанину-землевладѣльцу, правда, дается право на участіе въ волостномъ управленіи, а пришлому крестьянину также и въ сельскомъ управленіи, но оба они станутъ подвергаться штрафамъ или аресту безъ суда, станутъ судиться по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ по особымъ законамъ или неизвѣстнымъ имъ обычаямъ въ такомъ плохомъ судѣ, какъ волостной, а крестьянинъ самъ и его дѣти могутъ угодить и подъ розги, которыя въ городѣ имъ не грозили. Позволительно спросить, зачѣмъ это нужно въ отношеніи лицъ, не пользующихся надѣльнымъ фондомъ земли и вышедшихъ изъ подъ особыхъ попечительныхъ заботъ объ обезпеченіи ихъ жизненныхъ потребностей?

Если въ этомъ долженъ состоять процессъ „внутренняго объединенія“ надѣльнаго крестьянства съ другими сословными группами, то отъ такой перспективы приходится только со страхомъ открещиваться.

Составители проектовъ поддерживаютъ и даже усиливаютъ начало несвободы и общинности въ крестьянской семьѣ. Въ то же время они значительно измѣняютъ сложившееся въ правѣ и на практикѣ общее понятіе о крестьянскомъ дворѣ, какъ трудовой общинѣ, членами которой состоятъ не одни только родственники. Въ нынѣшнихъ законахъ о крестьянахъ нѣтъ сколько-нибудь точнаго опредѣленія о крестьянскомъ дворѣ и оно дано только сенатскими рѣшеніями, которыми, главнымъ образомъ, и руководствуются составители проектовъ. По сенатскимъ рѣшеніямъ, крестьянская семейная община, составляя единицу политическую и экономическую и владѣя общимъ имуществомъ на правѣ особаго рода собственности, по существу отличающемся отъ права собственности, опредѣленнаго въ 420 ст. гражд. зак., образуютъ родъ особаго хозяйственно-юридическаго союза рабочихъ на трудовомъ началѣ, близкаго къ понятію юридическаго лица, при чемъ имущественныя права членовъ семейной общины опредѣляются не одними родственными отношеніями, но и принадлежностью къ составу рабочей семьи (Рѣш. гражд. департ. Сената 1894 г. № 67 и общаго собр. Сената 1897 г. № 29, 1900 г. № 27, 1898 г. № 2). Практика волостныхъ судовъ вполнѣ послѣдовательно включала въ составъ такого юридическаго лица не только такихъ постороннихъ, не связанныхъ родствомъ лицъ, какъ пріемышей, но и простыхъ работниковъ, много лѣтъ жившихъ и работавшихъ въ крестьянской семьѣ-общинѣ. Проекты, подробно регулируя отношенія въ семейной общинѣ, умалчиваютъ о работникахъ, но само собою разумѣется, что въ виду указанныхъ выше ограниченій проектомъ принятія въ семью зятьевъ и усыновленныхъ, работникамъ не дается никакихъ правъ. Тутъ, конечно, имѣется въ виду сбереженіе надѣльной земли отъ лишнихъ претендентовъ на нее, но вмѣстѣ съ тѣмъ это говоритъ, что силою вещей, шагъ за шагомъ, законодатель долженъ будетъ отказываться отъ поддержанія чистаго понятія о семейной общинѣ, основанной на трудовомъ началѣ, и перейти къ понятію индивидуальной собственности и къ нормальной семьѣ, въ которой владѣніе имуществомъ и наслѣдованіе въ немъ будетъ опредѣляться по общимъ и одинаковымъ для всѣхъ русскихъ гражданъ законамъ.

XV. Составители проекта въ своихъ объясненіяхъ къ нему охотно

и часто употребляютъ выраженіе „самоуправленіе“ въ примѣненіи къ устанавливаемымъ порядкамъ сельскаго и волостного управленія. Повидимому, этотъ терминъ самъ собою невольно навязывался, разъ что крестьянство наше было авторами проекта признано настолько своеобразнымъ и обособленнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, что никто кромѣ крестьянъ не въ состояніи знать и не въ правѣ рѣшать, что для нихъ нужно, какъ устраивать дѣла ихъ внутренняго управленія и хозяйства и по какимъ обычнымъ нормамъ имъ судиться. Если принять во вниманіе, что терминъ „самоуправленіе“ является до сихъ поръ въ наукѣ далеко неточно опредѣленнымъ, что при преобразованіи положеній земскаго въ 1890 г. и городового въ 1892 г. въ текстѣ ихъ и въ законодательной мотивировкѣ тщательно избѣгался этотъ терминъ, то употребленіе его въ объясненіяхъ къ настоящему проекту представляется характерною чертою въ работѣ, въ основѣ которой должны были лежать коренныя начала реформы 19 февраля 1861 г. и въ которой на самомъ дѣлѣ отъ этихъ началъ, кромѣ внѣшности и словъ, очень мало осталось.

По положенію о крестьянахъ 1861 г. у крестьянъ были, дѣйствительно, признаки самоуправленія, но позднѣйшими узаконеніями и административною практикою оно сведено до минимума, а по настоящему проекту оно фактически, въ силу закона, можетъ быть совершенно упразднено. Главныя проявленія права данной общественной группы самой управлять своими дѣлами состоятъ въ правѣ свободнаго избранія должностныхъ лицъ и въ правѣ распорядительнаго его органа болѣе или менѣе самостоятельно рѣшать вопросы, связанные съ самообложеніемъ и съ расходами на общественно-административныя надобности. Проектъ вноситъ, какъ мы уже кратко указали ранѣе, слѣдующія поправки въ дѣйствующіе законы. Писаря волостные и деревенскіе, а также помощники первыхъ будутъ назначаться и увольняться администраціей. Волостные старшины будутъ избираться сходомъ и утверждаться земскимъ начальникомъ, но удаляться отъ должности они будутъ, по представленію послѣдняго, уѣзднымъ съѣздомъ. Между тѣмъ, по общему положенію 1861 г. (ст. 122) окончательное рѣшеніе по вопросу объ удаленіи отъ должности старшины зависѣло отъ губернатора. Выборъ сельскихъ старостъ и другихъ должностныхъ лицъ не утверждается, но всѣ они могутъ быть удалены столь же простымъ способомъ во всякое время. Это существуетъ и теперь въ дѣйствующихъ законахъ, но въ нихъ совершенно отсутствовало указаніе, какъ

быть въ такихъ случаяхъ, когда выбранный волостной старшина не утвержденъ и когда въ сельскіе старосты выбрано лицо, не соотвѣтствующее своему назначенію, а между тѣмъ общество уклоняется отъ новаго выбора. Законодатели 1861 г. вовсе не предвидѣли послѣдняго случая и, дѣйствительно, въ первые годы служить міру шли съ охотою лучшіе крестьяне. Впослѣдствіи служба эта, въ силу многоразличныхъ обстоятельствъ, дѣлалась все тяжелѣе и на практикѣ начальство стало часто встрѣчаться съ случаями уклоненія общества отъ новаго выбора. Мотивы у общества могли быть разные: трудность найти подходящее лицо для наложенія на него обязательной службы, желаніе имѣть въ должности именно данное лицо, а не другое, можетъ быть навязываемое, или же простое „упорство", какъ говорятъ составители проекта (Труды, II, 226), но земскимъ начальникамъ приходится теперь въ этихъ затруднительныхъ случаяхъ прибѣгать къ наложенію административныхъ каръ въ видѣ штрафа или ареста на членовъ самоуправляющагося общества и все-таки безрезультатно, такъ какъ принужденіе вызывало иногда избраніе новаго недостойнаго лица.

Проектъ нашелъ выходъ въ распространеніи на крестьянское управленіе такого же правила, которое испытано и все чаще примѣняется къ избраніямъ земскихъ и думскихъ собраній, къ немалому ущербу для идеи самоуправленія въ нихъ, и которое обѣщаетъ еще большій ущербъ самоуправленію крестьянъ, грозя фактическою отмѣною начала выборности должностныхъ лицъ. На основ. 132 и 136 ст. проекта волостной старшина и сельскій староста могутъ быть, при уклоненіи общества отъ выбора другого, а также взамѣнъ неутвержденнаго или уволеннаго, назначены на должность по представленію земскаго начальника уѣзднымъ съѣздомъ на трехлѣтній срокъ. По прошествіи этого срока такое назначенное администраціей должностное лицо можетъ получить на новыхъ выборахъ одни черные шары отъ не одобряющихъ его службы выборщиковъ, но это не служитъ препятствіемъ къ новому назначенію по усмотрѣнію администраціи. Въ губернскихъ совѣщаніяхъ, собиравшихся въ 1894—1895 г.г., очень немногіе голоса требовали полной отмѣны начала выборности; составители настоящаго проекта въ своихъ объясненіяхъ на словахъ не присоединились къ нимъ, но на дѣлѣ они идутъ къ тому же, вводя новыя правила. столь категорично редактированныя и ничѣмъ необставленныя въ интересахъ гарантіи выборнаго начала.

Такимъ же характеромъ отличаются правила проекта въ отношеніи самостоятельности крестьянскаго общества въ обложеніи и въ распоряженіи мірскими сборами. Повинности ихъ раздѣлены на обязательныя и добровольныя. Къ первымъ, очень многочисленнымъ, относятся, между прочимъ, жалованье волостнымъ старшинамъ, ихъ помощникамъ, а также волостнымъ писарямъ и ихъ помощникамъ. Но администраціи кромѣ того предоставляется право требовать обязательнаго учрежденія должностей помощниковъ волостного старшины и писаря въ такомъ числѣ, какое она признаетъ нужнымъ, а также сельскаго писаря тамъ, гдѣ его не было. Расходъ на жалованье всѣмъ такимъ служащимъ устанавливается помимо желанія общества, размѣръ его опредѣляется окончательно и безапелляціонно губернскимъ присутствіемъ, а въ случаѣ уклоненія схода отъ выбора помощника волостного старшины, таковой назначается на 3-лѣтній срокъ (ст. 64, 65, 112 и 113). Но, независимо отъ этихъ правилъ, составители проекта озабочены возможностью, съ одной стороны, увеличенныхъ ассигнованій на обязательныя повинности, съ другой—отказомъ обществъ давать достаточныя средства на канцелярскіе расходы крестьянскихъ учрежденій, на разъѣзды должностныхъ лицъ, на ремонтъ общественныхъ зданій и т. п., и потому по ст. 201 проекта земскій начальникъ представляетъ приговоръ общества уѣздному съѣзду, который увеличиваетъ или уменьшаетъ установленный сходомъ денежный сборъ на покрытіе обязательныхъ повинностей въ размѣрѣ дѣйствительной надобности. Постановленіе съѣзда, правда, по ст. 202, идетъ на утвержденіе губернскаго присутствія, а рѣшеніе послѣдняго можетъ быть обжаловано министру внутреннихъ дѣлъ, но едва-ли можетъ быть сомнѣніе, что крестьянскіе сходы только въ очень рѣдкихъ случаяхъ сумѣютъ воспользоваться правомъ обжалованія и достигнуть успѣха такимъ путемъ.

Въ ассигнованіяхъ на добровольныя повинности проектъ предвидитъ только возможность преувеличенныхъ расходовъ и на этотъ случай приговоръ схода идетъ въ томъ же порядкѣ на усмотрѣніе администраціи, которая уменьшаетъ расходъ „въ соотвѣтствіи съ платежными силами населенія“. Однако, къ числу добровольныхъ мірскихъ повинностей относятся устройство и содержаніе учебныхъ заведеній и учрежденій общественнаго призрѣнія и вотъ, если однажды крестьяне обязались нести на это расходы предъ казною, церковнымъ, земскимъ или городскимъ учрежденіемъ или другимъ крестьянскимъ обществомъ, то эти расходы стано-

вятся навсегда обязательными и могутъ быть прекращены лишь съ разрѣшенія губернскаго присутствія (ст. 183).

Въ общемъ получается картина совершенно призрачнаго самоуправленія, въ которомъ нѣтъ живого содержанія, а одна лишь внѣшность. Все принудительно и обязательно въ немъ, все можетъ быть измѣнено, увеличено или уменьшено начальствомъ. Для свободной иниціативы членовъ общественнаго собранія, для какого нибудь общаго плана въ улучшеніи общественнаго благоустройства въ такомъ самоуправленіи нѣтъ мѣста. Во всемъ крестьянскій сходъ оказывается безсильнымъ и долженъ уступить, и членамъ его на дѣлѣ приходится только соглашаться на то, что болѣе или менѣе предрѣшено не ими, и въ расходованіи мірского сбора и въ выборѣ должностныхъ лицъ. Даже добровольный расходъ „на осуществленіе мѣръ, вызываемыхъ хозяйственными нуждами общества" (п. 3, ст. 182), также можетъ быть уменьшенъ или отмѣненъ начальствомъ. Извѣстно, что со времени введенія положенія о земскихъ начальникахъ мірской сборъ сталъ быстро возрастать и едва-ли не удвоился. И это понятно, такъ какъ всякій земскій начальникъ старается, чтобы зданіе волостного правленія содержалось въ исправности, чтобы на канцелярію и на разъѣзды давались возможно большія средства изъ мірского сбора, а при такихъ условіяхъ удовлетвореніе хозяйственныхъ и духовныхъ нуждъ само собою становится непосильнымъ для „платежныхъ силъ населенія".

По проекту въ управленіи крестьянскомъ не остается и тѣни самоуправленія. Оно поистинѣ должно быть признано бюрократическимъ, при чемъ ближайшими мѣстными представителями этого режима являются писаря. Вмѣсто необходимаго правительственнаго надзора и контроля надъ дѣятельностью всякаго самоуправленія постепенно создавалась и достигла полной законченности въ проектѣ въ отношеніи крестьянскаго управленія такая система активнаго и рѣшающаго вмѣшательства общей администраціи, которая не встрѣчается въ другихъ имѣющихся у насъ самоуправленіяхъ и которая не можетъ привести къ гармоническому единенію общества и правительства, а напротивъ, губитъ въ конецъ всѣ спеціальныя достоинства, свойственныя какъ бюрократическому управленію въ его чистомъ видѣ, такъ и общественному самоуправленію.

XVI. Заканчивая нашъ далеко неполный обзоръ проекта положенія о крестьянскомъ общественномъ управленіи, считаемъ необходимымъ высказать нѣкоторыя соображенія о значеніи и смыслѣ предпринятаго нынѣ

пересмотра законовъ о крестьянахъ. Значеніе это безконечно велико и, смѣемъ сказать, дѣло идетъ о судьбѣ всей русской исторіи въ ея дальнѣйшемъ теченіи. Потребность въ настоящей реформѣ сознавалась давно и предварительныя работы для нея тянутся много лѣтъ; но Провидѣнію угодно было, чтобы начало обсужденія выработанныхъ законопроектовъ совпало съ тяжелымъ временемъ, когда наше отечество, вовлеченное въ войну, вынуждено къ страданію и жертвамъ, когда выясняется, что русское государство вступаетъ вновь и на этотъ разъ въ труднѣйшій изъ испытанныхъ имъ историческихъ моментовъ. Въ открывающемся періодѣ истинная побѣда и истинное могущество могутъ быть достигнуты не одной силою оружія, но, главнымъ образомъ, быстрымъ, ничѣмъ не стѣсняемымъ, культурнымъ ростомъ всего огромнаго и талантливѣйшаго населенія на всемъ пространствѣ нашей громадной имперіи. Темпъ исторіи ускоряется, на глазахъ очевидцевъ возникаютъ новыя сильныя государства и потому намъ, подъ рискомъ остаться за флагомъ, не приходится медлить. Противъ грозно поднявшагося Востока мы стоимъ какъ представители Запада и всѣ признаютъ насъ таковыми.

Направленіе разсматриваемаго проекта тѣмъ менѣе поддается объясненію, что составители его отнюдь не являются послѣдователями ученія славянофиловъ и народниковъ, преклонявшихся предъ нѣкоторыми вѣками вырабатывавшимися воззрѣніями крестьянъ. Напротивъ въ проектахъ и въ объясненіяхъ къ нимъ ясно сквозитъ взглядъ на крестьянъ, какъ на людей низко стоящихъ во всѣхъ отношеніяхъ, невышедшихъ изъ первобытнаго состоянія человѣчества, для которыхъ требуются особыя мѣры, чтобы обезпечить имъ извѣстную сытость и удержать ихъ въ повиновеніи. Обычаи, какъ сложившіяся нормы народнаго права, составители проектовъ не признаютъ; существуютъ только для отдѣльныхъ случаевъ разныя въ данной мѣстности обыкновенія, къ которымъ крестьяне привыкли; съ выборностью общественныхъ должностныхъ лицъ и съ властью міра приходится пока мириться, какъ съ простою практическою необходимостью; общинное начало—это не болѣе какъ вѣками установившійся фактъ, сломать который возможно будетъ не прежде, какъ по достиженіи крестьянами значительнаго умственнаго развитія (Труды, т. I, „Очеркъ работъ“, стр. 27). Во всемъ этомъ составители проектовъ повидимому не видятъ ничего хорошаго въ идейномъ смыслѣ. Все это приходится терпѣть, такъ какъ „простымъ изданіемъ закона нѣтъ возможности сгладить тѣ органическія осо-

бенности, которыя рѣзко отличаютъ крестьянъ отъ остальныхъ классовъ населенія“, и такъ какъ немедленное подчиненіе крестьянъ общимъ законамъ будетъ лишь наружнымъ и кажущимся (тамъ-же, стр. 15).

Если это такъ, если законъ въ этомъ безсиленъ, то, казалось бы, отсюда возможенъ одинъ правильный выводъ: законъ не долженъ вмѣшиваться въ сферу, недоступную его воздѣйствію, и долженъ ограничиться общими мѣрами, которыя, путемъ сближенія разныхъ слоевъ населенія, облегчали и способствовали бы естественной и постепенной ликвидаціи такихъ органическихъ особенностей. О такой политикѣ думали творцы реформы 1861 года и составители настоящихъ проектовъ сочувственно приводятъ соотвѣтственную цитату изъ ихъ мнѣнія (стр. 27). И тѣмъ не менѣе проекты ихъ идутъ въ совершенно иномъ направленіи. Въ нихъ не только констатируются всѣ эти особенности и въ подробной регламентаціи подчеркиваются ихъ выпуклыя мѣста, но принимается еще рядъ самыхъ дѣйствительныхъ, какія лишь возможны, мѣръ къ тому, чтобы сохранить подольше и въ неизмѣнности эти особенности.

Составители проектовъ не говорятъ прямо, но повидимому не отрицаютъ высшій и конечный идеалъ, по которому весь русскій народъ долженъ слиться въ одно органическое цѣлое, гармонически объединенное въ строѣ и воззрѣніяхъ. Исторія человѣчества, и въ частности русская исторія свидѣтельствуетъ о фактахъ ассимиляціи чуждыхъ по языку и по рассѣ народовъ и племенъ, и слѣдовательно несомнѣнно легче должно было бы совершиться органическое объединеніе разныхъ классовъ одного и того же русскаго народа. Такому процессу наиболѣе содѣйствуетъ единство въ органахъ самоуправленія, доступъ въ которое не воспрещается никому, въ силу лишь принадлежности его къ другому сословію. По нашему глубокому убѣжденію съ этого и слѣдуетъ начать преобразованіе законовъ о крестьянахъ. Въ единеніи всегда есть сила и въ данномъ вопросѣ совмѣстная работа всѣхъ обывателей по всѣмъ понятнымъ и простымъ дѣламъ мѣстнаго благоустройства не только улучшило бы послѣднее, не только устранило бы взаимное непониманіе, но и содѣйствовало бы упраздненію отжившихъ, ненужныхъ и нерѣдко вредныхъ особенностей въ обычаяхъ и воззрѣніяхъ крестьянъ. На сколько въ селеніяхъ численно преобладаютъ крестьяне, на столько въ управленіи имъ сохранятся сословныя особенности, но законодателю нѣтъ никакой надобности преграждать доступъ въ него и къ службѣ по выбору лицамъ другихъ сословій.

А затѣмъ въ слѣдующей выше стоящей единицѣ управленія, т. е. въ волости, въ силу вещей и въ силу закона, можетъ и долженъ осуществиться вполнѣ принципъ безсословности.

Не можетъ государство духовно рости и экономически процвѣтать, если большая часть его населенія и территоріи сознательно и принудительно подчиняются такому порядку управленія и суда и такимъ законамъ, которые по содержанію являются сравнительно худшими, имѣютъ характеръ исключительныхъ мѣръ и съ которыми не могъ бы вовсе ужиться русскій гражданинъ другого сословія или вообще сколько нибудь образованный и развитой человѣкъ. Положительныя указанія относительно возможной и желательной организаціи сельскаго управленія мы считаемъ лишнимъ давать, въ виду твердо и повидимому неизмѣнно установленнаго принципа обособленности крестьянъ, какъ основы предстоящаго преобразованія. Только тогда, когда эта неправильная и отрицательная основа будетъ устранена, настанетъ время для положительной работы и она будетъ легка и кромѣ того она будетъ сдѣлана съ тою охотою, любовью и преданностью къ благу родины, которыя творятъ чудеса. Чудо тогда произойдетъ и въ жизни, потому что, вмѣстѣ съ паденіемъ раздѣленія народа, въ обособленныя и затхлыя сферы его проникнутъ и просвѣщеніе, и экономическій успѣхъ и чувство законности».....

„*Очерки по крестьянскому вопросу. — Собраніе статей подъ редакціей проф. Московскаго Университета А. А Мануилова*“, *ст. Вл. А. Розенберга „Проектъ редакціонной коммиссіи о волости“* *):

I. «Что дѣлать съ волостью? Не слѣдуетъ ли ее вовсе упразднить? А если нѣтъ, то должна ли она попрежнему оставаться сословной крестьянской? Не можетъ ли ея мѣсто теперь же занять волость всесословная, или будетъ лучше, если на смѣну ей до поры до времени придетъ другая, болѣе сложная, система, допускающая существованіе на низшихъ ступеняхъ управленія бокъ о бокъ мелкой земской единицы и административно-полицейской агентуры? За послѣдніе годы эти вопросы возбуждали у насъ, можно сказать, непрекращавшіеся толки и споры. Многочисленные отклики на эту злобу дня въ публицистикѣ, въ научныхъ трудахъ, въ земскихъ запискахъ и ходатайствахъ, въ отзывахъ и заключеніяхъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей могутъ служить, казалось бы, отраженіемъ всевозмож-

*) Статья эта была напечата въ №№ 135, 140, 146, 152, 173 „Русск. Вѣд.“ за 1904 г.—Перепечатано изъ Сборника г. Мануилова.

ныхъ взглядовъ на предметъ, намѣчаютъ всевозможныя рѣшенія этой задачи, поставленной жизнью на одну изъ первыхъ очередей. Тѣмъ не менѣе редакціонная коммиссія по пересмотру законодательства о крестьянахъ попыталась начертать новый своеобразный проектъ волостного устройства. Коммиссія—противъ упраздненія волости, противъ преобразованія ея въ безсословную, противъ расчлененія ея на мелкую самоуправляющуюся хозяйственную единицу и низшую административно-полицейскую организацію и вмѣстѣ съ тѣмъ она—противъ крестьянской волости.

Въ самомъ дѣлѣ, „волость, — разсуждаетъ коммиссія, — является несомнѣнно одной изъ древнѣйшихъ организацій нашего общественнаго строя, при чемъ въ теченіе болѣе чѣмъ двухъ столѣтій волостное устройство имѣло особое значеніе именно для крестьянскаго населенія въ качествѣ инстанціи, въ которой сосредоточивались крестьянское управленіе и крестьянскій судъ". Это—доводъ вообще за сохраненіе волости или, точнѣе говоря, за сохраненіе въ административномъ словарѣ „историческаго наименованія волости". Но коммиссія готова идти и дальше въ признаніи необходимости волостной организаціи. „Хотя за существующей волостью,—читаемъ мы въ мотивахъ проекта,—признается въ настоящее время преимущественно административное значеніе, а жизненность общественныхъ функцій подвергается серьезнымъ сомнѣніямъ, коммиссія, съ своей стороны, не усмотрѣла основаній отказаться отъ *общественной* организаціи волостей, полагая, что, при условіи нѣкоторыхъ измѣненій и улучшеній въ волостномъ устройствѣ, указанныхъ въ дальнѣйшихъ частяхъ проекта, волостная общественная жизнь можетъ получить дальнѣйшее развитіе". Понятно, что эти „измѣненія и усовершенствованія" не ведутъ къ учрежденію всесословной волости. Нельзя забывать, что, по мнѣнію коммиссіи, составлявшей проектъ, „органическія особенности" „рѣзко различаютъ крестьянство отъ остальныхъ классовъ населенія". При такихъ условіяхъ коммиссія считаетъ ошибкою „подчиненіе крестьянъ однимъ, общимъ съ прочимъ населеніемъ государства, узаконеніямъ". По ея словамъ, „это было бы равносильно примѣненію тѣхъ же способовъ обработки, насажденію тѣхъ же растеній на различныхъ по своему химическому составу и физическому строенію почвахъ. Очевидно, что, лишь приведя эти почвы къ одной формулѣ, возможно ихъ однообразно использовать и ожидать отъ того одинаковыхъ послѣдствій". Въ частности отсюда слѣдуетъ, что и вопросъ о всесословной волости отлагается „до полнаго внутренняго объединенія крестьянства со

всѣми остальными сословными группами имперіи", — до объединенія, которое, кстати сказать, по мнѣнію коммиссіи, едва ли когда-нибудь и наступитъ, ибо коммиссія убѣждена, что въ „издавна сложившемся и устоявшемъ въ теченіе вѣковъ бытовомъ своеобразіи нашего крестьянства лежитъ залогъ прочности его особливаго сословнаго строя".

По той же причинѣ въ проектѣ не могло быть и рѣчи о выдѣленіи изъ нынѣшней волости мелкой хозяйственной самоуправляющейся на общеземскихъ основаніяхъ единицы. Правда, „тѣ интересы и дѣла, которые ввѣряются завѣдыванію волостныхъ обществъ, представляются не узкими интересами внутренняго благоустройства отдѣльныхъ поселковъ, а болѣе широкими интересами общественнаго хозяйства и управленія, касающимися извѣстнаго района уѣзда. Въ этомъ смыслѣ,—признаетъ и редакціонная коммиссія,—волостная организація имѣетъ нѣкоторыя черты земской организаціи, а потому принадлежность къ составу волостныхъ обществъ должна опредѣляться главнымъ образомъ признакомъ владѣнія недвижимымъ имуществомъ въ предѣлахъ волостной территоріи". Говоря это, коммиссія все-таки помнитъ еще о своемъ агрономическомъ сравненіи и даетъ во вступительной главѣ проекта опредѣленіе волости, какъ болѣе широкаго (сравнительно съ сельскимъ обществомъ) *крестьянскаго* общественнаго союза: волостное общество состоитъ изъ расположенныхъ въ предѣлахъ одной волости сельскихъ обществъ (ст. 4-я проекта пол. о крест. общ. упр.).

Но это опредѣленіе оказывается обязательнымъ даже для самой редакціонной коммиссіи только во вступительной главѣ. Какъ ни странно, объяснительная записка къ статьямъ проекта, ближайшимъ образомъ касающимся устройства волостныхъ обществъ, начинается съ доказательствъ, что „практика жизни давно требуетъ территоріальнаго опредѣленія состава волости въ качествѣ исчерпывающаго дѣленія всей уѣздной территоріи. Въ виду постепенно возложенныхъ на волостныя правленія разнообразныхъ обязанностей по дѣламъ общаго, не спеціально крестьянскаго управленія (какъ, напр., дѣла воинской и военно-конской повинности, обязательнаго страхованія, торгово-промышленнаго надзора и т. п.) кругъ дѣйствій волостныхъ правленій естественно распространяется на сплошную территорію, прилегающую къ центрамъ волостного правленія". Коммиссія сочувственно цитируетъ даже мнѣніе, высказанное еще въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка коммиссіей статсъ-секретаря Каханова, что „въ территоріи волостей фактически вошло, въ отношеніи весьма многихъ дѣлъ, сплошное

пространство земель, принадлежавшихъ лицамъ всѣхъ сословій, а потому на практикѣ волостное дѣленіе обнимаетъ собою всю территорію уѣзда, и понятіе стоящихъ внѣ волости пространствъ, на которыя бы не распространялись если не власть, то дѣятельность волостного начальства, постепенно ослабѣваетъ". Въ настоящее время, по мнѣнію редакціонной коммиссіи, можно сказать даже больше: позднѣйшее законодательство вовсе не считалось съ понятіемъ волости какъ совокупности только сельскихъ обществъ. Теперь остается „только точно установить значеніе волости въ качествѣ территоріальнаго дѣленія уѣзда", и коммиссія представила въ своемъ трудѣ соотвѣтствующее предположеніе. Но и этого мало: приступивъ затѣмъ къ начертанію проекта волостного устройства, она отказалась отъ своего опредѣленія волостного общества какъ *крестьянскаго* общественнаго союза и замѣнила это опредѣленіе другимъ, изъ котораго видно, что волостное общество, по проекту, *не крестьянскій* союзъ. Въ объясненіяхъ къ ст. 67—77 проекта говорится, что „согласно усвоеннымъ въ проектѣ основаніямъ устройства волостныхъ обществъ, таковыя общества являются административно-хозяйственными *союзами лицъ сельскаго и городского состоянія*, нынѣ подвѣдомственныхъ волостному управленію". И, дѣйствительно, волостное общество, по проекту, состоитъ не только изъ членовъ сельскихъ обществъ, расположенныхъ на волостной территоріи, но также изъ лицъ, не принадлежащихъ къ составу этихъ обществъ, изъ всѣхъ крестьянъ, мѣщанъ, посадскихъ, ремесленниковъ и цеховыхъ, владѣющихъ въ предѣлахъ волости недвижимою собственностью, даже если они имѣютъ постоянное жительство въ другомъ мѣстѣ (ст. 67-я). Притомъ землевладѣльцы, принадлежащіе къ этимъ сословіямъ, по ст. 68-й проекта, входятъ въ составъ всѣхъ тѣхъ волостныхъ обществъ, въ предѣлахъ которыхъ они владѣютъ недвижимою собственностью. Иначе говоря, проектъ дѣйствительно принимаетъ главнымъ признакомъ принадлежности къ составу волостного общества владѣніе недвижимыми имуществами. Это только послѣдовательно, если признавать за волостью значеніе территоріальной единицы, если пріурочивать функціи волостного управленія къ „интересамъ общественнаго хозяйства и управленія" въ извѣстномъ районѣ уѣзда, а не только къ группѣ сельскихъ обществъ, если не отказываться вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ „общественной организаціи" волостей. Но послѣдовательно было бы также не исключать изъ состава волостного общества землевладѣльцевъ, къ какому бы они сословію ни принадлежали. Нѣтъ надобности

доказывать, что „интересы общественнаго хозяйства и управленія“ волости въ той же мѣрѣ близки землевладѣльцу-дворянину или купцу, какъ и землевладѣльцу-мѣщанину; съ другой стороны, несомнѣнно и то, что услугами волостного общественнаго управленія первые пользуются такъ же, какъ и послѣдній. Вообще если смотрѣть на волости какъ на „единицы хозяйственнаго характера, общественное представительство коихъ опредѣляется на началахъ владѣнія недвижимыми имуществами“, то несправедливо и нежелательно устранять кого-либо изъ землевладѣльцевъ отъ участія въ волостномъ общественномъ управленіи или освобождать отъ платежей на волостныя нужды.

Однако, какъ мы видѣли, раскрывая двери волости представителямъ „бывшихъ податныхъ сословій“, проектъ отказываетъ въ этомъ такъ называемымъ привилегированнымъ сословіямъ. Интересно, что редакціонная коммиссія „не находила поводовъ опасаться введенія въ составъ крестьянскаго управленія чуждыхъ ему элементовъ“ даже въ случаѣ избранія на волостныя должности лицъ городского состоянія. Читая эти строки объясненія къ проекту, можно подумать, что, по мнѣнію коммиссіи, опасность эта угрожаетъ со стороны дворянъ-землевладѣльцевъ или лицъ духовнаго званія и что только по этой причинѣ проектъ останавливается на половинѣ дороги въ дѣлѣ „уничтоженія сословныхъ граней“. Едва ли однако мы ошибемся, если скажемъ, что дѣйствительный мотивъ рѣшенія сводится въ данномъ случаѣ къ опасенію не за „особливый сословный строй“ крестьянъ, а за „особливый порядокъ управленія ими“. Какъ ни краснорѣчиво отстаиваетъ коммиссія „коренной устой, на коемъ зиждется современный крестьянскій бытъ“ — начало сословности, она жертвуетъ имъ по тѣмъ или инымъ соображеніямъ въ проектѣ волостного устройства. Почему же, допуская участіе въ волостномъ сходѣ пришлыхъ, даже не живущихъ постоянно въ предѣлахъ волости землевладѣльцевъ изъ „бывшихъ податныхъ сословій“, проектъ коммиссіи отстраняетъ мѣстныхъ жителей, если они принадлежатъ къ привилегированному сословію? Конечно, не потому, что первые менѣе „чужды“ крестьянскимъ интересамъ и мѣстному общественному дѣлу, нежели вторые. Но проживающія въ селеніяхъ лица „бывшихъ податныхъ сословій“ по закону 12 іюля 1889 года подчинены крестьянскому управленію и суду, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дискреціонной власти земскаго начальника. Въ другомъ положеніи находятся лица привилегированныхъ сословій,—и это обстоятельство рѣшаетъ дѣло. Отказы-

ваясь отъ крестьянской волости и устраивая волость „бывшихъ податныхъ сословій“, коммиссія, повидимому, всего меньше руководилась соображеніями о преимуществахъ началъ сословности или безсословности въ общественномъ управленіи. Ея главнѣйшая задача, какъ мы не разъ еще удостовѣримся на фактахъ, состоитъ въ укрѣпленіи и развитіи административной опеки надъ учрежденіями общественнаго управленія. Поэтому и волость, проектированная ею, не можетъ быть названа ни крестьянской, какъ ее называетъ коммиссія въ началѣ своего проекта, ни безсословной, хотя она и основана главнымъ образомъ, какъ указываетъ коммиссія въ другомъ мѣстѣ, на представительствѣ отъ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ. Характернымъ признакомъ для нея является не составъ ея членовъ, а ихъ зависимость отъ административной власти. Скорѣе всего поэтому ей приличествуетъ названіе крѣпостной или подначальной, не самоуправляющейся, а управляемой начальствующимъ надъ нею представителемъ уѣздной администраціи.

II. Первое мѣсто въ волостномъ управленіи проектъ редакціонной коммиссіи, какъ и дѣйствующее Общее Положеніе о крестьянахъ, отводитъ волостному сходу. Этотъ, по закону, „главный распорядительный органъ“ волости, „душа всего управленія“ ея, на дѣлѣ, какъ замѣтила еще Кахановская коммиссія, не играетъ такой важной роли и вообще не имѣетъ большого значенія въ сельской жизни. Редакціонная коммиссія, составившая проектъ новаго крестьянскаго общественнаго управленія, „не отвергаетъ справедливости“ неблагопріятныхъ отзывовъ „о малой жизненности волостныхъ сходовъ“, но не рѣшается, говоря ея словами, „на совершенное ихъ упраздненіе“ въ проектируемой ею некрестьянской волости. Сходы, по проекту, сохраняются, сохраняется и большая часть дѣйствующихъ постановленій о нихъ. По мнѣнію коммиссіи, общее положеніе „вполнѣ точно“ опредѣляетъ компетенцію волостного схода, какъ органа, завѣдующаго хозяйственными и административными дѣлами волости. Затѣмъ и правила о порядкѣ дѣйствія волостныхъ сходовъ признаются „вполнѣ цѣлесообразными“ и переносятся въ новый законопроектъ. Значительному пересмотру, на взглядъ коммиссіи, должна подвергнуться только та часть дѣйствующаго закона, которая касается „самаго образованія волостныхъ сходовъ“.

Первый вопросъ, съ которымъ поэтому подходимъ мы къ проекту,— изъ кого состоитъ сходъ въ проектируемой волости? По предположеніямъ коммиссіи, въ него войдутъ, какъ и въ нынѣшній волостной сходъ, прежде

всего всѣ замѣщаемыя по выбору должностныя лица сельскаго и волостного управленія. Вторую категорію членовъ волостного схода, по проекту, составятъ выборные двухъ разрядовъ: отъ всѣхъ входящихъ въ составъ волостного общества сельскихъ обществъ и отъ причисленныхъ къ волостному обществу лицъ бывшихъ податныхъ сословій. Выборные отъ сельскихъ обществъ будутъ избираться на сельскихъ сходахъ, а для выбора уполномоченныхъ отъ причисленнаго къ волости населенія учреждаются особые волостные избирательные сходы, созываемые только для избранія выборныхъ.

Число выборныхъ волостного схода поставлено въ извѣстное соотношеніе съ пространствомъ волостной территоріи, но не опредѣлено, на какое количество десятинъ земли полагается одинъ выборный. Рѣшеніе этого вопроса предоставлено губернскимъ присутствіямъ, которыя могутъ установить различныя нормы не только для уѣздовъ, но и для отдѣльныхъ волостей. Число представителей отъ каждаго сельскаго общества и отъ избирательнаго схода причисленныхъ къ волости лицъ опредѣляется дѣленіемъ общаго количества состоящихъ во владѣніи избирателей десятинъ на количество, принятое губернскимъ присутствіемъ за нормальный для данной волости выборный участокъ. При этомъ исчисленіи для сельскихъ обществъ берутся во вниманіе какъ надѣльныя, такъ и внѣнадѣльныя земли крестьянъ и наблюдается, чтобы отъ каждаго селенія, входящаго въ составъ сельскаго общества, былъ избираемъ по крайней мѣрѣ одинъ выборный. Не принимаются въ разсчетъ лишь земли лицъ, получающихъ право „самостоятельнаго участія“ на волостномъ сходѣ, безъ выборовъ, по земельному цензу. Такое право коммиссія предполагаетъ предоставить одной группѣ членовъ волостного общества, именно всѣмъ владѣльцамъ относительно крупныхъ участковъ земли. Имъ могутъ пользоваться и члены сельскихъ обществъ, и причисленные лишь къ волостному обществу, если владѣютъ въ предѣлахъ волости такимъ количествомъ десятинъ земли, которое установлено губернскимъ присутствіемъ для избранія одного выборнаго.

Въ этомъ пунктѣ проектъ кореннымъ образомъ расходится съ Общимъ Положеніемъ о крестьянахъ, которое знаетъ членовъ волостного схода лишь по должности и по выбору. Эта перемѣна по проекту стоитъ въ связи съ измѣненіемъ самаго основанія волостного представительства. „Число крестьянъ, на волостной сходъ высылаемыхъ каждымъ селеніемъ, деревней или поселкомъ, вѣрнѣе всего,—говорили составители общаго положенія,—

можетъ быть опредѣлено соотвѣтственно числу населенія". На этомъ основаніи въ законъ вошло правило, по которому одинъ выборный полагается на десять дворовъ, а изъ среды батраковъ и бобылей въ западныхъ губерніяхъ одинъ выборный—отъ каждыхъ двадцати взрослыхъ работниковъ Нынѣшній проектъ измѣняетъ это основаніе волостного представительства. По мнѣнію коммиссіи, „надлежитъ признать, что опредѣленіе мірскихъ повинностей по какой-либо иной мѣрѣ, нежели по количеству владѣемой земли, представляется нынѣ безусловно неправильнымъ. Волостные сборы должны, казалось бы, устанавливаться исключительно въ опредѣленномъ денежномъ размѣрѣ и разверстываться между отдѣльными плательщиками сообразно количеству состоящей въ пользованіи земли. Соотвѣтственно сему предположено установить и представительство на волостномъ сходѣ". Мы увидимъ дальше, что коммиссія не вездѣ „безусловно" придерживается принципа разверстанія сборовъ по землѣ, но волостное представительство, дѣйствительно, она основываетъ на земельномъ цензѣ, прежде всего исключая изъ волостного общества всѣхъ безземельныхъ.

Однако даже перемѣна основанія для волостного представительства еще не служитъ достаточнымъ доводомъ въ пользу предоставленія болѣе значительнымъ землевладѣльцамъ изъ среды волостного населенія права личнаго участія на волостномъ сходѣ. Съ своей стороны, редакціонная коммиссія въ пользу выдѣленія этихъ лицъ въ особую группу приводитъ только слѣдующія соображенія. „Соединеніе такихъ лицъ въ общую массу съ остальными избирателями, въ составѣ коей они имѣли бы такое же право на избраніе ихъ членами волостного схода, какъ и прочіе мелкіе собственники, представлялось бы, — читаемъ мы въ объяснительной запискѣ,—несомнѣннымъ нарушеніемъ ихъ имущественныхъ интересовъ. Неся, по размѣрамъ владѣемаго ими имущества, несравненно большее волостное обложеніе, чѣмъ мелкіе собственники, такія лица должны, естественно, пользоваться соотвѣтственными преимуществами при вступленіи въ составъ волостныхъ обществъ". Намъ доводъ этотъ не кажется убѣдительнымъ. Съ такою же основательностью можно бы утверждать, что интересы крупной земельной собственности недостаточно ограждены и въ земствѣ при отсутствіи у наиболѣе крупныхъ владѣльцевъ права личнаго участія въ земскихъ собраніяхъ. Однако, какъ извѣстно, вопросъ этотъ разрѣшенъ нашимъ законодательствомъ въ отрицательномъ смыслѣ, притомъ не по какому-либо недосмотру и не по недостатку вниманія къ интересамъ круп-

наго землевладѣнія, а, напротивъ, послѣ двукратнаго обсужденія проекта подобнаго нововведенія, при составленіи какъ перваго, такъ и второго Положеній о земскихъ учрежденіяхъ. По существу доводы въ пользу этой мѣры и тогда не отличались отъ тѣхъ, которые мы находимъ въ объяснительной запискѣ къ проекту редакціонной коммиссіи. Главный тезисъ защитниковъ „личнаго права“ крупныхъ владѣльцевъ тогда, какъ и теперь, требовалъ еще доказательства, ибо опасенія, будто при системѣ исключительно выборнаго представительства могутъ пострадать интересы крупнаго землевладѣнія, на практикѣ нисколько не оправдываются. Несправедливость же такой привилегіи, напротивъ, не подлежитъ сомнѣнію. Во всякомъ случаѣ, если дважды въ теченіе сравнительно короткаго періода извѣстныя предложенія признаны были несостоятельными при обсужденіи земскаго устройства, что побуждаетъ возвратиться къ нимъ въ другомъ аналогичномъ дѣлѣ? Какія особенности проектируемаго волостного управленія заставляютъ думать о такой исключительной мѣрѣ защиты интересовъ крупнаго владѣнія? Объяснительная записка оставляетъ этотъ вопросъ безъ отвѣта. Напротивъ, въ самомъ проектѣ можно найти постановленія, опрокидывающія аргументацію записки въ защиту непосредственнаго участія крупныхъ владѣльцевъ въ волостныхъ сходахъ.

Мы видѣли, что предоставленіе этимъ лицамъ такого права мотивируется тѣмъ, что они несутъ, „по размѣрамъ владѣемаго ими имущества, несравненно большее волостное обложеніе“. Но нѣсколько дальше, въ главѣ о мірскихъ повинностяхъ, коммиссія принимаетъ мѣры къ тому, чтобы волостное обложеніе для лицъ этой категоріи отнюдь не было „несравненно“ большимъ. Въ отбываніи мірскихъ повинностей волостного общества,—говоритъ одна изъ статей проекта,—участвуютъ всѣ входящія въ составъ его сельскія общества и причисленныя къ нему отдѣльныя лица, владѣющія недвижимою собственностью въ предѣлахъ волости. Но привлекаются они къ несенію этого бремени неравномѣрно. Вся надѣльная земля и мелкіе участки внѣнадѣльной земли подлежатъ обложенію по принципу, принятому коммиссіей за единственно допустимый въ данномъ случаѣ: сборы должны „разверстываться между отдѣльными плательщиками сообразно количеству состоящей въ ихъ пользованіи земли“. Но крупные землевладѣльцы, имѣющіе право непосредственнаго участія въ волостномъ сходѣ, пользуются льготой: они платятъ лишь съ того количества десятинъ, которое даетъ имъ это право, а „все остальное владѣемое ими количество земли должно быть сво-

бодно“ отъ волостного обложенія. Такимъ образомъ на повѣрку, пожалуй, окажутся на волостныхъ сходахъ необезпеченными интересы массы рядовыхъ плательщиковъ: платить относительно больше будутъ они, а пользоваться „преимуществами“ личнаго участія въ волостномъ сходѣ, и между прочимъ въ рѣшеніи дѣлъ по отбыванію волостныхъ повинностей, будутъ другія лица.

III. Компетенція волостного схода и порядокъ его дѣйствій, по словамъ объяснительной записки къ проекту новой волости, опредѣлены довольно удовлетворительно дѣйствующимъ закономъ. Поэтому соотвѣтствующія правила Общаго Положенія о крестьянахъ предполагается перенести и на проектируемые волостные сходы „съ небольшими лишь дополненіями и поправками“. Надо однако сказать, что нѣкоторыя изъ этихъ поправокъ не лишены значенія и, главное, чрезвычайно характерны для общаго направленія реформы. Въ своихъ объясненіяхъ къ проекту крестьянскаго общественнаго управленія редакціонная коммиссія неоднократно повторяетъ, что въ предѣлы ея задачи не входитъ пересмотръ правилъ, касающихся порядка дѣйствія крестьянскихъ учрежденій, т. е. земскихъ начальниковъ, уѣздныхъ съѣздовъ и губернскихъ присутствій. На дѣлѣ однако въ проектѣ на каждомъ шагу встрѣчаются отступленія отъ этого принципіальнаго положенія. Въ частности немало ихъ въ статьяхъ проекта, касающихся компетенціи и самостоятельности волостныхъ сходовъ. На первомъ мѣстѣ въ перечнѣ дѣлъ, подлежащихъ ихъ вѣдѣнію, проектъ, какъ и дѣйствующій законъ, ставитъ, напримѣръ, выборы должностныхъ лицъ волостного управленія. Но это не значитъ еще, что полномочія сходовъ въ этомъ отношеніи охраняются въ прежнемъ объемѣ. Хотя редакціонная коммиссія и „признала необходимымъ сохранить въ полной неприкосновенности основное начало замѣщенія *всѣхъ* крестьянскихъ должностей по распоряженіямъ крестьянскихъ обществъ“, но изъ этого правила допущены „частныя изъятія“. Такъ, должности волостныхъ писарей и ихъ помощниковъ изъ замѣщаемыхъ по выбору на волостномъ сходѣ либо по найму отъ волостного общества становятся должностями по назначенію властью земскаго начальника, а пріисканіе кандидатовъ относится проектомъ „къ особой заботливости“ волостныхъ старшинъ. Главный органъ волостного управленія такимъ образомъ совершенно устраненъ отъ участія въ замѣщеніи „писарскихъ должностей“, которыя, по признанію самой коммиссіи, „въ виду постепеннаго развитія письмоводства по крестьянскому управленію и общей малограмот-

ности крестьянскаго населенія пріобрѣли въ настоящее время очень существенное и важное значеніе". И, быть можетъ, особенно интересно то, что это рѣшеніе принято коммиссіей послѣ того, какъ она „остановилась на мысли *согласовать* въ этомъ дѣлѣ участіе органовъ крестьянскаго общественнаго управленія и учрежденій, завѣдующихъ крестьянскими дѣлами".

Въ оправданіе проектируемой мѣры говорятъ, что „крестьянскіе общественные сходы фактически уклонялись отъ участія въ такого рода дѣлахъ, ограничиваясь лишь опредѣленіемъ окладовъ писарскаго содержанія". Но если это и справедливо, то еще вопросъ, потому ли дѣйствительно они уклонялись, что „выясненіе пригодности того или другого лица для веденія сложнаго письмоводства и счетоводства въ крестьянскихъ учрежденіяхъ мало доступно вообще крестьянскимъ сходамъ". Не играло ли здѣсь большую роль одно важное обстоятельство, отмѣчаемое въ другомъ мѣстѣ объяснительной записки, — именно „столкновенія и противорѣчія интересовъ и взглядовъ" земскаго начальника и сходовъ? Если, по свидѣтельству редакціонной коммиссіи, случаи подобныхъ „столкновеній" „нерѣдко имѣютъ мѣсто" по дѣламъ объ увольненіи должностныхъ лицъ волости, то, конечно, не менѣе поводовъ къ тому же даетъ и назначеніе ихъ. Коммиссія сама указываетъ, что на практикѣ не рѣдки, напримѣръ, токого рода „замѣшательства": земскій начальникъ не находитъ возможнымъ „утвердить ни одного изъ выбранныхъ сходомъ кандидатовъ на должность старшины", а затѣмъ для „принужденія" схода къ новымъ выборамъ считаетъ себя вынужденнымъ „неоднократно" прибѣгать къ „наложенію административныхъ взысканій на членовъ схода". Какъ ни часты подобные случаи, еще чаще, конечно, случаи пассивнаго подчиненія сходовъ волѣ начальства, и этотъ путь особенно удобенъ при замѣщеніи должности писаря, когда достаточно предоставить извѣстную сумму на содержаніе его и уклониться отъ дальнѣйшаго участія въ щекотливомъ дѣлѣ.

Но если даже допустить, что въ настоящее время волостные сходы уклоняются отъ активной роли въ подобныхъ случаяхъ по какимъ-либо другимъ причинамъ, почему коммиссія оказываетъ такъ мало довѣрія будущему преобразованному сходу при новомъ волостномъ устройствѣ, которое, по мнѣнію ея, сулитъ „развитіе волостной общественной жизни"? Въ одномъ мѣстѣ объяснительной записки мы находимъ, кажется, указаніе на дѣйствительный мотивъ этого рѣшенія: коммиссія потому и напала на

мысль „согласовать“ участіе сельскихъ общественныхъ учрежденій и администраціи по крестьянскимъ дѣламъ въ замѣщеніи писарскихъ должностей, что должности эти, по ея словамъ, „имѣютъ въ настоящее время почти одинаковое значеніе для интересовъ крестьянскаго населенія съ одной стороны и всего административнаго строя — съ другой“. Заслуживаетъ вниманія, что вообще, по мнѣнію коммиссіи, однимъ изъ недостатковъ нынѣшняго волостного управленія являются „побочныя обязанности“ должностныхъ лицъ волости, отвлекающія „ихъ дѣятельность въ постороннія крестьянскому управленію сферы обще-административныхъ дѣлъ и интересовъ“. Однако это общее соображеніе, очевидно, не повліяло на рѣшеніе вопроса о роли волостного писаря въ проектируемой волости: онъ попрежнему сохранитъ свое значеніе для „всего административнаго строя“, хотя его услуги попрежнему будутъ оплачиваться не изъ общегосударственныхъ, а изъ общественныхъ средствъ волости. Но изъ всѣхъ возможныхъ „способовъ практическаго осуществленія“ мысли о согласованіи интересовъ волости съ интересами администраціи коммиссія въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ ему, отдала предпочтеніе не интересамъ волости, предоставивъ власть замѣщать писарскія должности земскому начальнику.

„Частныя изъятія“ изъ общаго правила о замѣщеніи волостныхъ должностей по выбору схода на этомъ не останавливаются. Мы отмѣтили выше, что на практикѣ, по словамъ объяснительной записки, не рѣдки случаи особаго рода „замѣшательствъ“, вызываемыхъ неутвержденіемъ избранныхъ волостнымъ сходомъ кандидатовъ на должность волостного старшины. Въ проектъ редакціонной коммиссіи включена новая статья, гласящая, что въ случаѣ уклоненія волостного схода отъ избранія взамѣнъ неутвержденнаго земскимъ начальникомъ волостного старшины новаго на означенную должность лица уѣздному съѣзду предоставляется *назначать* волостнымъ старшиной, по представленію земскаго начальника, кого-либо изъ лицъ, имѣющихъ право быть избраннымъ на эту должность. Коммиссія надѣется, что существованіе такого правила въ законѣ будетъ дѣйствительнѣе „всякихъ иныхъ воздѣйствій“ на волостной сходъ, точнѣе говоря, — дѣйствительнѣе штрафовъ и арестовъ по дискреціонному распоряженію земскаго начальника. Быть можетъ это и такъ, если имѣть въ виду только прекращеніе „замѣшательствъ“, но маловѣроятно другое предположеніе составителей проекта: „фактическое замѣщеніе старшины административною властью,—говоритъ коммиссія, отстаивая свое нововведеніе,—имѣло бы мѣсто

лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ исключительнаго упорства волостныхъ сходовъ, въ виду чего введеніе этого правила въ законъ не можетъ вызывать особыхъ возраженій со стороны неприкосновенности общаго выборнаго начала замѣщенія должностей". Напротивъ, надо ожидать, что должности волостныхъ старшинъ при новыхъ порядкахъ сплошь и рядомъ будутъ замѣщаться по назначенію. Нельзя забывать, что, какъ засвидѣтельствовано коммиссіей, столкновенія между сходами и земскими начальниками по этому поводу на практикѣ не рѣдки. Новый порядокъ долженъ увеличить случаи уклоненія волостныхъ сходовъ отъ выборовъ, такъ какъ непродолжительная практика убѣдитъ ихъ, что при замѣщеніи должности волостного старшины начальство обязано считаться съ ними еще меньше, чѣмъ прежде. Для земскихъ же начальниковъ настаивать попрежнему на выборѣ сходомъ кандидата, когда возможно обойтись и безъ этого, такъ же мало причинъ, какъ и ломиться въ открытую дверь. Нельзя ожидать, чтобы эта дверь была закрыта передъ ними и предписаніями или соображеніями высшихъ административныхъ властей. По условіямъ времени, какъ показываетъ практика земскаго и городского самоуправленія, напротивъ, замѣщеніе выборныхъ должностей по назначенію администраціи становится дѣломъ обыденнымъ.

IV. Должность волостного писаря въ новой волости, проектируемой редакціонною коммиссіей, замѣщается по назначенію отъ ближайшаго крестьянскаго начальства, должность волостного старшины тоже можетъ быть замѣщена по назначенію. Остальныя обязательныя волостныя должности остаются по проекту выборными, и лица, избранныя на нихъ волостнымъ сходомъ, вступаютъ въ отправленіе своихъ обязанностей немедленно по избраніи. Но по нормальному росписанію волостныхъ должностей такими избранниками схода являются лишь волостные засѣдатели. Эти новые, какъ ихъ называетъ коммиссія, „вспомогательные органы" не будутъ играть большой роли въ волостномъ управленіи. Состоя при волостномъ старшинѣ, засѣдатели будутъ раздѣлять съ нимъ завѣдываніе исполнительными дѣлами „подъ его руководствомъ", правильнѣе сказать — по его усмотрѣнію. Характеръ этой должности, впрочемъ, хорошо обрисованъ въ объяснительной запискѣ. Необходимость учрежденія вспомогательныхъ органовъ при старшинѣ явствуетъ, по мнѣнію комиссіи, изъ того, что, „неся цѣлый рядъ сложныхъ и разнообразныхъ административно-полицейскихъ и общественныхъ обязанностей, требующихъ личныхъ распоряженій на мѣстахъ, волостной стар-

шина не можетъ поспѣвать во всѣ мѣста волости, требующія его присутствія. Въ то же время частые случаи отсутствія волостного старшины изъ мѣста пребыванія волостного правленія отражаются крайне невыгодно на теченіи дѣлъ въ этихъ правленіяхъ, которыя (дѣла) откладываются на неопредѣленное время, впредь до возвращенія старшины". На будущее время всѣ эти неудобства предполагается устранить при содѣйствіи волостныхъ засѣдателей: на нихъ и будутъ „возлагаемы нѣкоторыя обязанности волостного старшины".

Участіе волостного схода въ организаціи исполнительнаго аппарата волости можетъ быть и расширено, иногда даже вопреки желанію самого схода. Кромѣ обязательныхъ должностей, проектъ устанавливаетъ рядъ и необязательныхъ: волостныя общества могутъ имѣть одного или нѣсколькихъ помощниковъ волостного старшины, помощниковъ волостного писаря, волостныхъ сборщиковъ. Вообще учрежденіе этихъ должностей поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія сходовъ, при чемъ, конечно, помощники писаря назначаются земскимъ начальникомъ, а помощники волостного старшины утверждаются имъ въ должности. Но и правило о необязательности названныхъ должностей, какъ и многія другія постановленія проекта, примѣняется не всегда. „Коммиссія,—читаемъ мы въ ея объяснительной запискѣ,—не могла не остановиться на возможности такихъ случаевъ, когда, несмотря на крайнюю необходимость въ учрежденіи подобныхъ должностей для правильнаго теченія волостныхъ общественныхъ дѣлъ, волостныя общества будутъ отъ сего уклоняться по причинамъ, не заслуживающимъ уваженія". Въ такихъ случаяхъ, согласно проекту, уѣздный съѣздъ, по представленію земскаго начальника и съ утвержденія губернскаго присутствія, просто будетъ „предписывать" волостнымъ обществамъ, чтобы необязательныя должности были обязательно замѣщены. А такъ какъ иногда можно ожидать отъ „уклоняющагося" схода назначенія новымъ должностнымъ лицамъ недостаточнаго содержанія, то съѣзду предоставляется устанавливать въ томъ же порядкѣ и „обязательный, опредѣленный въ соотвѣтствіи съ мѣстными условіями, размѣръ вознагражденія названныхъ лицъ".

Надо замѣтить, однако, что послѣднее постановленіе представляется, пожалуй, излишнимъ даже съ точки зрѣнія редакціонной коммиссіи. Дѣло въ томъ, что въ проектъ внесено и другое, на этотъ разъ „общее", правило такого же содержанія, а не „частичное изъятіе". Уѣздный съѣздъ можетъ, по проекту, опредѣлять размѣръ содержанія должностнымъ ли-

цамъ „сообразно мѣстнымъ условіямъ“ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда этимъ лицамъ назначено сходомъ недостаточное или чрезмѣрно большое содержаніе. Коммиссія замѣчаетъ, что и теперь, на основаніи закона 1-го ноября 1893 года, администрація по крестьянскимъ дѣламъ можетъ увеличить вознагражденіе нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ волостного управленія, если найдетъ ихъ содержаніе недостаточнымъ. Могутъ учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ въ настоящее время не допустить назначенія сходомъ должностному лицу и „преувеличеннаго размѣра содержанія“, отмѣнивъ приговоръ объ этомъ. Но отмѣна такихъ приговоровъ „оставляетъ открытымъ и неразрѣшеннымъ вопросъ о томъ размѣрѣ вознагражденія, который можетъ быть допущенъ по соображенію съ платежными средствами и матеріальными интересами даннаго крестьянскаго общества“. Затрудненіе это, по мнѣнію коммиссіи, совершенно устраняется, если назначать размѣръ содержанія изъ волостныхъ общественныхъ средствъ будетъ не распорядительный органъ волости, а уѣздная администрація.

Но въ свою очередь и эта статья проекта, открывающая болѣе широкое поле для примѣненія стараго, „весьма цѣлесообразнаго порядка“, безъ нужды увеличиваетъ объемъ произведенія редакціонной коммиссіи. Въ главѣ 15-й того же проекта, о мірскихъ повинностяхъ, находятся двѣ статьи, новыя, какъ ихъ называетъ коммиссія, осуществленіе которыхъ обезпечиваетъ „весьма цѣлесообразному порядку“ полное господство и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ призрачными права волостного схода въ области завѣдыванія хозяйственными дѣлами волости. Редакціонная коммиссія нашла необходимымъ прежде всего установить „особыя правила“ на случай „уклоненія“ волостныхъ обществъ отъ исполненія обязательныхъ повинностей. „Возможны,—говорится въ объяснительной запискѣ,—прежде всего случаи преувеличеннаго опредѣленія размѣра сихъ повинностей въ явный ущербъ платежныхъ силъ сельскихъ обывателей... Съ другой стороны, едва ли не болѣе часты случаи недостаточнаго удовлетворенія крестьянскими обществами возложенныхъ на нихъ обязанностей. Въ частности вслѣдствіе нерѣдкаго назначенія крестьянскими сходами совершенно недостаточнаго вознагражденія должностнымъ лицамъ крестьянскаго управленія послѣдовалъ законъ 1-го ноября 1893 г... Между тѣмъ нельзя не замѣтить, что однородные случаи нерѣдко имѣютъ мѣсто также и въ отношеніи другихъ обязательныхъ повинностей. Такъ, напр., сходы иногда отказываютъ въ ассигнованіи достаточныхъ средствъ на канцелярскіе рас-

ходы учрежденій крестьянскаго управленія, на разъѣзды должностныхъ лицъ, на ремонтъ общественныхъ зданій и т. п.". Чрезмѣрной бережливости въ опредѣленіи размѣра необязательныхъ повинностей отъ сходовъ, повидимому, не ожидаютъ. Но здѣсь возникаетъ опасеніе другого рода,— предвидится расточительность волостныхъ обществъ. Въ результатѣ явилась въ проектѣ крестьянскаго общественнаго управленія ст. 201-я, по которой земскій начальникъ можетъ признать назначенный волостнымъ сходомъ сборъ на покрытіе обязательныхъ повинностей какъ „недостаточнымъ для отправленія оныхъ", такъ и „опредѣленнымъ въ явно преувеличенномъ размѣрѣ". Сборъ, установленный на покрытіе добровольныхъ повинностей, можетъ быть признанъ тою же властью „непосильнымъ" для членовъ волостного общества. Въ томъ и другомъ случаѣ земскій начальникъ представляетъ приговоръ уѣздному съѣзду, который „увеличиваетъ или уменьшаетъ установленный сходомъ денежный сборъ на покрытіе обязательныхъ повинностей въ размѣрѣ дѣйствительной надобности, а сборъ, установленный на покрытіе добровольныхъ повинностей, уменьшаетъ въ соотвѣтствіи съ платежными силами населенія". Въ подобныхъ случаяхъ постановленія уѣзднаго съѣзда, на основаніи ст. 202-й проекта, подлежатъ утвержденію губернскаго присутствія, а постановленія присутствія въ свою очередь могутъ быть обжалованы Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Исключеніе изъ послѣдняго правила однако сдѣлано для постановленій, опредѣляющихъ размѣръ содержанія должностнымъ лицамъ волости. Идти дальше въ этомъ направленіи, кажется, некуда.

V. Мы видѣли, что въ завѣдываніи волостнымъ общественнымъ хозяйствомъ, точно такъ же, какъ и въ замѣщеніи должностей по волостному управленію, воля волостного схода, можно сказать, всецѣло подчинена волѣ мѣстной администраціи, которая получаетъ право рѣшающаго голоса въ этихъ важнѣйшихъ дѣлахъ волости. Изъ органовъ надзора за дѣятельностью общественныхъ учрежденій уѣздныя и губернскія власти, поставленныя надъ волостью, превращаются проектомъ въ органы активнаго управленія, становятся во многихъ случаяхъ на мѣсто распорядительнаго органа волости. Но, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, возникаетъ вопросъ: можно ли при такихъ условіяхъ ожидать, что члены волостныхъ сходовъ охотно будутъ выполнять свои обязанности? Политика „фактическаго уклоненія" отъ участія въ волостныхъ дѣлахъ усвоивается отдѣльными лицами еще легче, нежели цѣлыми сходами, а при системѣ усилен-

ной опеки для людей самостоятельныхъ, съ развитымъ чувствомъ личнаго достоинства, явится немало стимуловъ къ добровольному устраненію отъ общественныхъ дѣлъ. Сама редакціонная коммиссія въ нѣкоторыхъ случаяхъ констатируетъ причинную связь между чрезмѣрною зависимостью крестьянскаго общественнаго управленія отъ мѣстныхъ властей и удаленіемъ отъ него „лучшихъ домохозяевъ“ въ настоящее время. Такъ, говоря о побужденіяхъ, заставляющихъ крестьянъ избѣгать избранія на сельскія и волостныя должности, объяснительная записка къ проекту придаетъ большое значеніе „полной подчиненности этихъ должностныхъ лицъ рѣшительно всѣмъ органамъ уѣздной администраціи, почему-либо желающимъ обратиться къ ихъ содѣйствію“. Къ сожалѣнію, изъ этого справедливаго замѣчанія въ проектѣ не сдѣлано всѣхъ необходимыхъ выводовъ. Казалось бы, вопросъ, кому подчинено извѣстное лицо, не болѣе важенъ, нежели вопросъ въ какой мѣрѣ. Редакціонная коммиссія однако признала необходимымъ „ограничить по возможности *кругъ* лицъ и учрежденій“ обладающихъ такою властью надъ крестьянами, но не степень этой власти и *не мѣру зависимости* органовъ сельскаго и волостного самоуправленія отъ мѣстной администраціи. Очевидно, что значеніе „полной подчиненности“ не было оцѣнено по достоинству въ разсматриваемомъ частномъ случаѣ потому же, почему коммиссія вообще рѣшила не отказываться отъ „особливаго порядка“ управленія крестьянами. Въ нѣкоторыхъ направленіяхъ, напримѣръ, какъ мы видѣли, въ дѣлахъ о волостныхъ повинностяхъ, этому порядку проектъ пролагаетъ даже новые или по крайней мѣрѣ болѣе широкіе пути. Но зато пришлось памѣтить и новыя мѣры „понужденія“ обывателей деревни къ выполненію возлагаемыхъ на нихъ обязанностей по волостному управленію.

Одна изъ *новыхъ* статей проекта гласитъ: „Лица, состоящія членами волостного схода, за неявку на оный безъ уважительныхъ причинъ могутъ подлежать денежному взысканію въ пользу волостныхъ суммъ до 3-хъ руб., налагаемому властью волостного старшины“ (ст. 97-я). Для доказательства необходимости такого нововведенія редакціонная коммиссія считаетъ достаточнымъ привести лишь слѣдующія соображенія: „По дѣйствующимъ узаконеніямъ неявка на сельскіе (и волостные) сходы не составляетъ особаго проступка, а потому лица, не являющіяся на сходы, не подвергаются за это никакимъ взысканіямъ. При такихъ условіяхъ неполное собраніе сходовъ составляетъ обычное явленіе“. Недостаточность такой мотивировки

не требуетъ доказательства. Очевидно, что коммиссія стремится не столько *привлечь*, сколько *принудить* къ участію въ волостномъ управленіи. Въ ея аргументаціи во всякомъ случаѣ яснѣе желаніе достигнуть извѣстной цѣли,—въ даномъ случаѣ посѣщенія членами схода его собраній,—нежели основательность и правильность рекомендуемаго способа для достиженія этой цѣли. Но, какъ мы знаемъ, коммиссія надѣется, что при проектируемыхъ ею измѣненіяхъ въ волостномъ устройствѣ „волостная общественная жизнь можетъ получить дальнѣйшее развитіе". Почему же въ такомъ случаѣ именно теперь неявка на волостной сходъ должна быть признана наказуемымъ проступкомъ? Почему вдобавокъ власть карать и миловать за этотъ проступокъ предоставлена всецѣло волостному старшинѣ; почему даже вопросъ объ уважительности причинъ неявки рѣшается не сходомъ, а тѣмъ же старшиной? Всѣ эти вопросы оставляются объяснительною запиской безъ отвѣта,—искать его надо въ общемъ направленіи проекта.

Вполнѣ соотвѣтствуетъ духу предполагаемой реформы и другая особенность новаго волостного устройства. Проектъ не отказывается отъ взгляда на службу по выборамъ волостного схода какъ на обязательную повинность. Напротивъ, онъ даже идетъ въ этомъ отношеніи дальше существующаго закона. „Коммиссія,—читаемъ мы въ надлежащемъ мѣстѣ объяснительной записки,—не могла не усмотрѣть, что слишкомъ категоричное требованіе дѣйствующей статьи 186-й Общаго Положенія о запрещеніи выбирать на общественныя должности лицъ, когда либо отбывавшихъ общественную службу, безъ ихъ на то согласія, приводитъ на практикѣ къ большимъ затрудненіямъ. Въ сколько-нибудь малолюдныхъ обществахъ нерѣдко всѣ безъ исключенія, а еще чаще всѣ достойные домохозяева оказываются уже отбывшими общественную службу. При такихъ условіяхъ на практикѣ приходится нерѣдко прибѣгать къ нарушенію указаннаго запрещенія, что въ свою очередь вызываетъ трудно разрѣшимые споры и жалобы". Коммиссія разрѣшила ихъ довольно просто, признавъ возможнымъ „обусловить дѣйствіе упомянутаго запрещенія шестилѣтнимъ срокомъ". Въ будущей волости, проектируемой редакціонною коммиссіей для всѣхъ „бывшихъ податныхъ сословій", повинность общественной службы будетъ постоянно тяготѣть надъ членами волостного общества: ее „отбыть" нельзя такъ, какъ отбываютъ въ настоящее время, т. е. отслуживъ опредѣленный срокъ въ какой-либо должности. Только тяжкая болѣзнь и преклонный возрастъ служатъ законнымъ поводомъ къ отказу отъ волостной долж-

ности. Для нѣкоторой части членовъ проектируемыхъ волостныхъ обществъ эта служебная повинность можетъ оказаться не только тяжелымъ, но, пожалуй, и непосильнымъ бременемъ. По проекту, лица, причисленныя къ волостнымъ обществамъ, если они владѣютъ въ предѣлахъ волости поземельною собственностью, могутъ быть избираемы на всѣ должности волостного общественнаго управленія (ст. 120-я). Но такъ какъ каждое лицо, принадлежащее къ одному изъ бывшихъ податныхъ сословій, считается членомъ всѣхъ тѣхъ волостныхъ обществъ, въ предѣлахъ которыхъ оно владѣетъ недвижимою собственностью, то и служба по выборамъ будетъ обязательна для такого лица въ двухъ, трехъ и даже болѣе волостяхъ. Возможенъ случай, что одно и то же лицо одновременно будетъ выбрано на разныя волостныя должности въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Къ сожалѣнію, проектъ не указываетъ, какъ должна быть имъ отбываема служебная повинность въ подобномъ случаѣ. Разъясненія требовалъ бы и другой вопросъ, въ какой мѣрѣ обязательно для лицъ, состоящихъ членами нѣсколькихъ волостныхъ сходовъ, правило о неуклонномъ посѣщеніи ихъ подъ страхомъ дисциплинарной отвѣтственности. По смыслу соотвѣтствующихъ статей проекта, это требованіе относится ко всѣмъ членамъ волостного схода безъ изъятія. Для нѣкотораго, правда, сравнительно немногочисленнаго, разряда лицъ создается такимъ образомъ совершенно своеобразное положеніе: крупнымъ землевладѣльцамъ изъ крестьянъ или мѣщанъ проектъ даетъ „преимущество“ непосредственнаго участія въ волостныхъ сходахъ безъ выбора, по земельному цензу, но, требуя вмѣстѣ съ тѣмъ отъ нихъ обязательной явки на всѣ тѣ сходы, членами которыхъ они состоятъ, онъ превращаетъ это „преимущество“ въ весьма докучную повинность. Мы не сомнѣваемся, что при дальнѣйшемъ усовершенствованіи проекта это неудобство будетъ устранено и служебная повинность крупныхъ владѣльцевъ земли будетъ облегчена. Но для характеристики проекта разсматриваемая его подробность имѣетъ значеніе. Ошибочность основного начала, принятаго составителями проекта, наглядно обнаруживается въ его логическихъ послѣдствіяхъ».

„Вѣстникъ Новгородскаго Земства“ № 14, 1904 г., ст. крестьянина N „По поводу проекта крестьянскихъ законоположеній“:

«По проекту крестьянскихъ законоположеній, выработанныхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, между прочимъ, предположено существен-

ное измѣненіе къ устройствѣ сельскихъ обществъ, именно: ст. 6-я „Селенія, заключающія менѣе 100 отдѣльныхъ дворовъ, могутъ соединяться между собою въ одно сельское общество съ тѣмъ, чтобы послѣднее заключало не болѣе 500 дворовъ“, а по ст. 8-й предоставляется земскимъ начальникамъ входить въ уѣздный съѣздъ съ представленіями о соединеніи малолюдныхъ (т. е. менѣе 100 дворовъ) селеній въ одно сельское общество, независимо отъ согласія сходовъ таковыхъ селеній, съ соблюденіемъ условій, указанныхъ въ ст. 6-й. Изъ этого видно, что за минимальное число дворовъ для сельскихъ обществъ принимается 100 и максимумъ 500, при чемъ величина раіона никакимъ разстояніемъ не ограничена. Такое число дворовъ для состава сельскихъ обществъ Новгородской и другихъ сѣверныхъ губерній, гдѣ имѣется громадное большинство мелкихъ поселковъ, слишкомъ велико, такъ какъ въ настоящее время есть не мало цѣлыхъ волостей, въ которыхъ число дворовъ не достигаетъ 500 или около того, раскинутыхъ на 20 и болѣе верстахъ, напримѣръ:

Новгородскій уѣздъ Марьинская вол. 16 сел.—411 двор.; Новгородскій уѣздъ Косицкая вол. 18 сел.—547 двор.; Боровичскій уѣздъ Кушевѣрская вол. 30 сел.—429 двор. Въ сѣверныхъ уѣздахъ есть волости, въ которыхъ число дворовъ даже менѣе 300, такъ: Хотовецкая, Череповецкаго уѣзда, состоитъ только изъ 234, Смердячская—294 и Даргунская—425 дворовъ; въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ: Борисовская, Погорѣльская, Воздвиженская, Хилетская и Мишутинская волости имѣютъ менѣе 500 дворовъ каждая на громадныхъ протяженіяхъ. Гораздо удобнѣе было бы опредѣлить для сельскихъ обществъ разстояніе между конечными пунктами съ радіусомъ не болѣе 3—4 верстъ и максимумъ 200 дворовъ, исключая, конечно, многолюдныя селенія, гдѣ безъ особаго неудобства можетъ быть допущено и большее число дворовъ для каждаго отдѣльнаго сельскаго общества. Такой небольшой раіонъ въ послѣднее время во многихъ уѣздахъ земскихъ губерній принятъ для школьной сѣти въ видахъ достиженія всеобщаго народнаго образованія. Точно также и всѣ другія общественныя нужды, удовлетвореніе которыхъ съ большей пользой и удобствомъ можетъ быть возложено на мѣстныя средства, возможно выполнить сельскому обществу только при условіи, чтобы интересы всѣхъ членовъ общества близко соприкасались и по возможности служили нуждамъ каждаго изъ нихъ, какъ можетъ служить школа для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста въ томъ только случаѣ, если она не далѣе 3—4 верстъ. Общество малаго

раіона скорѣе сговорится дать средства на осушку смежнаго болота, улучшить дорогу, построить мостъ, общій запасный магазинъ, пріобрѣсти пожарную трубу, общественную молотилку и сортировку, пріютить неимущихъ и сиротъ. Что касается выбора сельскихъ должностныхъ лицъ и созванія сельскихъ сходовъ для обсужденія о нуждахъ общества, то понятно каждому, всѣ удобства на сторонѣ общества малаго раіона, члены котораго болѣе или менѣе хорошо знакомы между собою. По ст. 5-й проекта—селенія, состоящія менѣе чѣмъ изъ 10 дворовъ, присоединяются къ ближайшему обществу по распоряженію уѣзднаго съѣзда т. е обязательно, какъ это постановлено было и ранѣе сего Общ. Полож. о кр. 19 февраля 1861 г. съ той разницей, что вмѣсто 10 дворовъ принято было за норму 20 ревизскихъ мужского пола душъ; такое малолюдное селеніе, независимо отъ его согласія, присоединялось къ одному изъ ближайшихъ сельскихъ обществъ. Затѣмъ, селенія, имѣющія болѣе 20 ревизскихъ душъ, понудительному соединенію въ одно общество не подвергались, а могли соединяться только по своему желанію, если находили таковое соединеніе для себя болѣе удобнымъ, безъ всякаго ограниченія числомъ ревизскихъ душъ или дворовъ, какъ предположено нынѣ въ ст. 6-й проекта. Далѣе, въ ст. 8-й проекта допускается также понудительное соединеніе малолюдныхъ селеній, предусмотрѣнныхъ въ ст. 6-й (въ коихъ состоитъ отъ 10 до 99 дворовъ) въ одно общество по представленіямъ земскихъ начальниковъ, независимо отъ желанія крестьянскихъ сходовъ такихъ селеній, съ соблюденіемъ условій, указанныхъ въ ст. 6-й. Изъ сопоставленія статьи 6-й съ 8-й статьей усматривается какая то раздвоенность и неопредѣленность законопроекта, такъ какъ по 6 ст., гдѣ сказано „могутъ соединяться“, очевидно рѣчь идетъ о соединеніи малолюдныхъ селеній, не достигающихъ 100 дворовъ, въ одно общество по собственному желанію, а въ послѣдней—8-й статьѣ, какъ разъ наоборотъ, трактуется о соединеніи тѣхъ же самыхъ малолюдныхъ селеній въ одно общество, независимо отъ согласія жителей таковыхъ селеній, по представленіямъ земскихъ начальниковъ.

Здѣсь весьма большой просторъ удѣляется усмотрѣнію г.г. земскихъ начальниковъ, послѣдствіемъ чего можетъ быть произведено такое устройство сельскихъ обществъ, что одинъ изъ земскихъ начальниковъ дозволитъ селенію въ 50—60 дворовъ остаться по прежнему безъ всякой ломки въ отдѣльномъ обществѣ, а другой—быть можетъ въ томъ же уѣздѣ и смеж-

номъ участкѣ, постарается соединить селенія, имѣющія 90—95 дворовъ, какъ малолюдныя, въ одно общество, доведя таковое до 500 дворовъ. Все это можетъ быть, если самъ законъ открываетъ такой широкій просторъ усмотрѣнію земскихъ начальниковъ. Предоставлять на усмотрѣніе того или другого лица устройство сельскихъ обществъ, вопреки согласію самихъ обществъ, менѣе всего желательно, а потому новый законъ несомнѣнно принесетъ большую пользу въ томъ только случаѣ, если онъ возможно точно и опредѣленно будетъ изложенъ.

Въ самомъ счастливомъ положеніи остаются по проекту селенія, въ которыхъ число дворовъ достигаетъ 100 и не превышаетъ 500. Этотъ разрядъ селеній остается свободнымъ отъ понудительнаго соединенія, такъ точно и отъ понудительнаго раздѣленія на отдѣльныя общества, какое проектировано для селеній, имѣющихъ свыше 500 дворовъ.

Коль скоро признано правительствомъ и дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла доказано, что очень малыя сельскія общества въ 10, 20, 30 и вплоть до 100 дворовъ неудобны для хозяйственнаго общественнаго управленія, то прямо и положительно слѣдовало бы редактировать ст. 5 въ смыслѣ понудительнаго соединенія вообще малолюдныхъ селеній, въ коихъ не достигаетъ 100 дворовъ, въ одно сельское общество до нормальной величины въ сто или нѣсколько болѣе дворовъ. Для этого стоитъ только сдѣлать небольшую поправку въ ст. 5-й, т. е. вмѣсто слова „десяти“ поставить „сто“. Затѣмъ, начало 6-й статьи можно было бы (замѣнивъ слово „менѣе“, словомъ „болѣе“) изложить такъ: „Селенія, заключающія 100 и болѣе отдѣльныхъ дворовъ, могутъ по желанію соединяться“ и проч. безъ измѣненія до конца статьи. При такой поправкѣ редакціи статей 5 и 6 проекта несомнѣнно будетъ болѣе точно выражено понятіе о желательной нормальной величинѣ сельскихъ обществъ, кои до ста дворовъ соединяются обязательно изъ малолюдныхъ селеній, независимо отъ желанія послѣднихъ, по распоряженію законной власти, а селенія, имѣющія 100 и болѣе дворовъ, могутъ соединяться въ одно общество не иначе, какъ только по своему желанію. Тогда надобность въ 8-й статьѣ, предоставляющей широкій просторъ усмотрѣнію земскихъ начальниковъ, сама собой отпадаетъ, а потому безъ всякаго ущерба она могла бы быть исключена».

„Нижегородская Земская Газета“ 29 іюля 1904 г., № 31. Письмо крестьянина Н. Г—въ изъ Ардатовскаго у.:

«Дѣятельность нашего волостного управленія имѣетъ общіе и другимъ одноименнымъ учрежденіямъ недостатки, какъ напримѣръ, пассивное подчиненіе схода заправиламъ и крикунамъ, равнодушіе большинства къ общественнымъ дѣламъ и т. п. Есть, однако, и свои отличительныя черты. По случаю непрекращающихся заводскихъ дѣйствій у насъ невозможно одновременное присутствіе на сходахъ узаконенныхъ $^2/_3$ домохозяевъ. Поэтому, когда сельскія власти, которымъ по тѣмъ или другимъ причинамъ приходитъ не по нраву какое нибудь рѣшеніе схода, не задумываясь, распускаютъ его на основаніи отсутствія полнаго числа членовъ. Существуетъ затѣмъ такой способъ подчиненія схода волѣ начальства, если почему-либо ни та, ни другая сторона не пришли къ одному соглашенію. Въ подобныхъ случаяхъ составляется приговоръ и въ послѣдующее за сходомъ время постепенно покрывается требующимся числомъ подписей домохозяевъ-общественниковъ, которые вызываются для этого по одиночкѣ въ волостное правленіе. Когда постановленіе схода совпадаетъ съ желаніями власти, не возникаетъ и рѣчи о законности или незаконности схода.

Устранятъ ли ожидаемыя въ этой области измѣненія описанные порядки — покажетъ будущее, но относительно двухъ уже принятыхъ редакціонной коммиссіей, повидимому съ сказанной цѣлью, рѣшеній (объ установленіи для участниковъ на волостныхъ сходахъ въ нѣкоторомъ родѣ имущественнаго ценза и о допущеніи къ сходамъ крестьянъ только съ 30 лѣтн. возраста) можно и теперь сказать, что врядъ ли это будутъ существенныя улучшенія. Наоборотъ нужно ожидать, что съ исключеніемъ изъ состава сходовъ въ лицѣ молодого поколѣнія болѣе энергичнаго элемента понизится ихъ уровень. Новое положеніе несправедливо лишитъ участія въ обсужденіи общественныхъ дѣлъ цѣлую группу людей, несущихъ въ расходахъ и повинностяхъ общества одинаковую со всѣми долю. Вступленіе болѣе молодыхъ крестьянъ въ общественную дѣятельность даетъ имъ знакомство и навыкъ въ разрѣшеніи сельскихъ нуждъ и потребностей. Пишущій эту замѣтку не достигъ еще требуемаго новымъ проектомъ для присутствованія на сходахъ возраста, а между тѣмъ, посѣщая сходы со времени первой уплаты мірскихъ сборовъ за полную „душу“, пріобрѣлъ себѣ довольно ясное представленіе объ общественныхъ порядкахъ. Вве-

деніе же новыхъ правилъ создаетъ такое положеніе вещей, что новые члены схода не смогутъ самостоятельно по внутреннему убѣжденію разбираться въ предложенныхъ вопросахъ и неизбѣжно станутъ склоняться къ большинству».....

„Восточное Обозрѣніе“ (№ 157, 1904 года) ст. г. Судьбина „Волостной писарь“:

«По проекту редакціонной коммиссіи новыхъ законоположеній о крестьянскомъ самоуправленіи, должность волостного писаря замѣщается ближайшимъ крестьянскимъ начальствомъ. До сихъ поръ это замѣщеніе по праву предоставлялось волостному сходу.

Если вглядѣться хорошенько въ сельскую жизнь, то станетъ понятнымъ, почему составители прежняго, нынѣ дѣйствующаго, положенія о крестьянахъ придавали такое огромное значеніе приглашенію на должность волостного писаря лицъ, извѣстныхъ населенію волости, самимъ волостнымъ сходомъ. Только при такомъ порядкѣ завѣдыванія своими волостными дѣлами возможно полное или почти полное довѣріе между населеніемъ и волостью. Волостной писарь - это не простая машина, только способная передавать на бумагу всѣ отраженія жизни волости—это почти главный факторъ этой жизни: онъ законовѣдъ, онъ и совѣтникъ, и представитель интересовъ мѣстнаго населенія, словомъ—это мозгъ волостного правленія и волости. Чѣмъ безграмотнѣе и невѣжественнѣе населеніе волости, тѣмъ больше значеніе волостного писаря. Къ нему, какъ къ единственному знающему законы человѣку, обращаются крестьяне за совѣтомъ въ своихъ частныхъ дѣлахъ, только при его заботливомъ отношеніи къ общественному добру сельскіе сходы не будутъ опутаны мѣстными «умственными мужичками» и разнаго рода «благодѣтелями».

Несомнѣнно, что это значеніе и власть волостного писаря могутъ быть употреблены имъ и въ хорошую, и дурную сторону, что всецѣло зависитъ отъ нравственнаго облика даннаго лица. Но вѣдь и проектъ коммиссіи—писаря по назначенію—не умаляетъ значенія и власти писаря и не можетъ исправить личности. Какъ при старомъ порядкѣ, такъ и при новомъ, на должность писаря будутъ попадать и хорошіе и плохіе люди, съ той только разницей, что въ послѣднемъ случаѣ крестьяне принуждены будутъ ихъ терпѣть, разъ они назначены «бариномъ»—крестьянскимъ начальникомъ. Въ деревнѣ такимъ образомъ появится новый „баринъ“, которому будетъ подчиняться волость, а не онъ волости, и зашмыганный

крестьянскими ичигами, и броднями подъѣздъ волостного правленія превратится во многихъ мѣстахъ въ чистенькій, но малодоступный „Парадный подъѣздъ“. У насъ въ Сибири, гдѣ фактически дѣло обстоитъ уже такъ, какъ проектируетъ редакціонная коммиссія, можно встрѣтить уже волостныя правленія (напримѣръ, С—ое), гдѣ къ писарю „по назначенію“ пускаютъ по докладу, о чемъ и по какому дѣлу явился проситель. Врядъ-ли желательно такое положеніе вещей.

Въ большинствѣ случаевъ волостные старшины, сельскіе старосты, казначеи, благодаря своей неграмотности,—простые статисты на сценѣ волостной и сельской жизни: они дѣлаютъ то, что имъ говоритъ писарь, а между тѣмъ вся отвѣтственность за дѣла лежитъ на нихъ. Какъ же смогутъ эти люди спокойно исполнять свои обязанности съ волостными писарями, назначенными крестьянскимъ начальствомъ и совершенно имъ незнакомыми? Надо видѣть волостного казначея, когда онъ, по требованію писаря, тычащаго въ какую-то непонятную ему бумагу (расписку и т. п.), принужденъ отпирать свой сундучекъ съ казной. Вся его фигура такъ и говоритъ: „не надуваешь-ли меня“?

.....И вообще, намъ кажется безпорнымъ положеніе, что цѣлое крестьянское общество лучше знаетъ, что ему полезно и что вредно, нежели человѣкъ, относящійся къ ихъ интересамъ формально.

Намъ думается, что редакціонная коммиссія, проектируя волостного писаря „по назначенію“, видѣла дѣятельность волостного писаря только и только въ писаніи бумагъ».

„Забайкальскія Областн. Вѣдомости“ (№ 5 октября 1904 г.):

...«Общее положеніе о крестьянахъ, какъ оно вышло изъ рукъ законодателя, предоставляло волостному сходу, или членамъ волостного правленія, право замѣщать должность (в. писаря) по выбору, или найму. Обязанность писаря заключалась въ правильномъ веденіи счетоводства и записи тѣхъ рѣшеній или распоряженій, которыя дѣлались сходомъ, или волостнымъ правленіемъ, или старшиной. Словомъ, по идеѣ законодателя, это былъ маленькій секретарь, секретарь маленькаго общественнаго учрежденія, служащій по договору, или условію, изложенному въ приговорѣ общества. Отвѣтственность его предъ обществомъ, своимъ довѣрителемъ, и закономъ, обезпечивающимъ безопасность общества, опредѣлялась довольно ясно тѣмъ, что онъ отвѣчалъ за свои дѣйствія предъ закономъ въ порядкѣ, предусмотрѣнномъ въ уставѣ и уложеніи о наказаніяхъ для должностныхъ лицъ. Естественно,

что каждый правоспособный, честный и исполнительный труженикъ могъ браться за это дѣло, какъ онъ берется напр. за должность секретаря или бухгалтера городскихъ и уѣздныхъ управъ. Если и случались нѣкоторыя недоразумѣнія, то они исходили во всякомъ случаѣ не отъ недостаточной ясности закона, а отъ временныхъ случайныхъ условій, зависѣвшихъ отчасти отъ непрактичности общества, отчасти и отъ недостатка въ то время способныхъ лицъ. Эти недоразумѣнія опять таки въ законномъ порядкѣ и разъяснялись сенатомъ.

Впослѣдствіи, при ломкѣ крестьянскихъ учрежденій и замѣнѣ ихъ земскими и крестьянскими начальниками, волостной писарь оказался въ полной зависимости отъ послѣднихъ, такъ какъ одна изъ статей положенія давала право этимъ начальникамъ подвергать писарей штрафу и аресту въ дисциплинарномъ и административномъ порядкѣ, а другая давала право увольнять ихъ „за неблагонадежность". Замѣтьте: только *увольнять*, а нанимать-то все таки долженъ волостной сходъ. Вотъ почему крестьянскіе начальники, болѣе опытные, никогда не пишутъ постановленій о назначеніи писаря (какъ незаконное), а только ограничиваются бумажкой на имя старшины, въ которой рекомендуютъ предложить сходу нанять-де вотъ такого то, имя рекъ, какъ-де способнаго и т. д. Теперь позвольте спросить: согласятся ли существующіе въ настоящее время въ городскихъ и земскихъ управахъ секретари остаться въ занимаемой ими должности въ томъ случаѣ, если имъ будетъ объявлено, что они, кромѣ отвѣтственности по общимъ законамъ, будутъ сажать ихъ въ чижовку по усмотрѣнію квартальныхъ? Я думаю, что нѣтъ. Во всякомъ случаѣ подборъ ихъ будетъ нѣсколько иной, въ родѣ, напримѣръ, тѣхъ Крыловскихъ музыкантовъ, которые „хотя немножечко дерутъ, за то хмѣльного въ ротъ ни капли не берутъ"...

Это самое и случилось съ составомъ волостныхъ писарей, отданныхъ подъ надзоръ земскихъ и крестьянскихъ начальниковъ съ ихъ субъективными, подчасъ нелѣпыми понятіями о неблагонадежности... Одинъ требовалъ, чтобъ въ волости горѣла „неугасимая лампада", а писарь въ постные дни ѣлъ рѣдьку съ квасомъ и по праздникамъ читалъ апостолъ въ церкви; другой командовалъ: „пятки вмѣстѣ, носки врозь"; третій подкрѣплялъ свои распоряженія энергичными тѣлодвиженіями; четвертый любилъ имѣть въ своемъ участкѣ молодыхъ писарихъ; пятый...—всего не перечтешь. Достаточно сказать, что благодаря широкому толкованію за-

кона новыми распорядителями, замѣнившими прежнихъ мировыхъ посредниковъ и чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ, появились въ числѣ писарей Николаевскіе капралы, бѣжавшіе изъ монастырей псаломщики. Дошло, наконецъ, до того, что писарь, считавшійся образцовымъ въ одномъ участкѣ, оказывался негоднымъ при переходѣ въ другой. Конечно, такой хаосъ понятій и требованій не могъ не отражаться на ходѣ дѣла, которое все болѣе и болѣе усложнялось. Кромѣ расширенія компетенціи волостного суда, появилось банковое и страховое дѣло; введена почтовая операція при волостныхъ правленіяхъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже и продажа торговыхъ документовъ съ непосредственной отчетностью предъ казначействомъ (оба послѣднихъ дѣла состоятъ на личной отвѣтственности писаря). Понятно, что выше помянутый подборъ писарей уже не могъ обслуживать дѣла и вотъ поднимается крикъ: „писарей нѣтъ!"

И не будетъ, добавлю я, до тѣхъ поръ, пока мы не вернемся къ исходной точкѣ положенія о крестьянахъ, т. е. къ праву свободнаго избранія обществомъ писаря и свободному исполненію имъ своихъ обязанностей съ единственной отвѣтственностію по общимъ законамъ.

Мнѣ скажутъ, что самое расширеніе дѣятельности писаря при современномъ устройствѣ волости потребовало-бы учрежденія контроля надъ его работоспособностью, такъ какъ общество по своему малому развитію не можетъ оцѣнить насколько то или другое лицо способно къ исполненію обязанностей, возложенныхъ на него всѣми министерствами. Это правда. Но тутъ два „но". Во первыхъ, сами то опекуны и контролеры не знаютъ этой дѣятельности во всемъ ея объемѣ и руководствуются совѣтами тѣхъ писарей, которыхъ они считаютъ лучшими, а во вторыхъ, степень знанія опредѣляется путемъ провѣрки его по опредѣленной программѣ, а не предоставляется усмотрѣнію экзаменующаго.

Конечно, самый простой способъ, какъ объ этомъ говорилось не разъ въ печати, состоитъ въ томъ, чтобы изъять изъ волостныхъ правленій работу, имѣющую общегосударственное значеніе, напр.: полицейскіе розыски, дознанія, учетъ и мобилизація ратниковъ, приведеніе въ исполненіе судебныхъ рѣшеній, страховое и почтовое дѣло и многое другое, не относящееся непосредственно къ дѣламъ волости, какъ экономической общины; послѣдствіемъ чего и явилось бы и уменьшеніе и упрощеніе работы писаря. Къ несчастію, при существующемъ порядкѣ, основанномъ на бюрократическихъ началахъ, этого сдѣлать нельзя, особенно въ Сибири, гдѣ

волостное правленіе является послѣднимъ передаточнымъ звеномъ всѣхъ требованій, предъявляемыхъ правительствомъ къ нашему крестьянину, а волостной старшина—агентомъ всѣхъ министерствъ. Отъ писаря требуется все больше и больше знаній и практической подготовки. Конечно, всесословная волость порѣшила бы этотъ вопросъ безъ всякихъ затрудненій, но объ ней я говорить не стану, чтобъ не подорвать свой консерватизмъ. Много было говорено объ устройствѣ образцовыхъ волостныхъ правленій и школъ для писарей; но оказалось: денегъ много надо, а пользы мало. Въ послѣднее время носятся съ проектомъ писаря-чиновника, пользующагося правами государственной службы и ея привилегіями. На этотъ проектъ можно смотрѣть лишь какъ на усиленіе бюрократизма. Вотъ ужъ именно „два медвѣдя въ одной берлогѣ“: старшина представитель общества и писарь—бюрократіи. А такъ какъ по народной поговоркѣ имъ въ одной берлогѣ ужиться трудно, то при могущей быть между ними потасовкѣ... за сухопараго бюрократа я не поручусь.

Чтобы гарантировать обществу выборъ благонадежнаго, правильнѣе, дѣеспособнаго писаря слѣдовало бы предоставить уѣзднымъ съѣздамъ крестьянскихъ начальниковъ производство испытанія лицъ, желающихъ получить должность волостного писаря, подобно тому, какъ это допущено въ мировыхъ учрежденіяхъ по отношенію къ частнымъ повѣреннымъ. Уѣздный съѣздъ, какъ учрежденіе коллегіальное, въ составъ котораго входятъ представители разныхъ министерствъ, безъ сомнѣнія, былъ бы болѣе компетентенъ въ рѣшеніи этого вопроса, чѣмъ отдѣльное лицо, подчасъ назначаемое изъ сферъ ничего общаго съ крестьянскимъ самоуправленіемъ не имѣющихъ. Если къ этому прибавить, что съѣздъ при этихъ испытаніяхъ будетъ принимать во вниманіе и тѣ документы, которые будутъ свидѣтельствовать объ образованіи и прежней дѣятельности соискателя, то нѣтъ сомнѣнія, что крестьяне будутъ избавлены отъ нашествія нежелательныхъ элементовъ. Лицамъ, выдержавшимъ это испытаніе и слѣдуетъ выдавать свидѣтельство, которое бы давало право на полученіе должности писаря въ любомъ раіонѣ, или участкѣ, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы такой волостной писарь за свои дѣйствія отвѣчалъ бы въ общемъ судебномъ порядкѣ, а не подвергался бы административнымъ карамъ по усмотрѣнію начальства. Несостоятельность этихъ наказаній доказана практикой. Самостоятельный, дѣльный, уважающій себя человѣкъ, при всемъ желаніи послужить общественному дѣлу, уклонится отъ

этого, опасаясь нежелательныхъ осложненій, основанныхъ если не на произволѣ, то во всякомъ случаѣ на слишкомъ широкомъ пониманіи земскими и крестьянскими начальниками своей власти. Остаются люди мало полезные, которые не брезгуютъ въ добываніи себѣ куска хлѣба цѣною всяческихъ униженій.

На это мнѣ скажутъ: на несправедливыя постановленія есть право жалобы. Пожалуй, если бы съ одной стороны эти постановленія были неокончательныя, а съ другой — еслибъ существовала широкая гласность и свободно выражаемое общественное мнѣніе. А то ...изволите ли видѣть: сначала отсиди въ чижовкѣ по капризу какого либо самодура, а потомъ... жалуйся. Нѣтъ. Слуга покорный. Общество же въ защиту тебя выступить не можетъ. Оно можетъ выразить свое неудовольствіе только пассивно, въ родѣ, напр. уменьшенія оклада жалованья нежелательному писарю, что въ свою очередь вызываетъ протестъ начальника и ведетъ лишь къ дальнѣйшимъ репрессіямъ и недоразумѣніямъ.

Нѣтъ. Если мы желаемъ имѣть дѣльныхъ волостныхъ писарей, то необходимо возвратиться къ положенію шестидесятыхъ годовъ и исходить изъ началъ, положенныхъ въ его основаніе. А такъ какъ къ волостному правленію, какъ административному органу, предъявляются все большія и большія требованія, не имѣющія ничего общаго съ крестьянскимъ самоуправленіемъ, то и необходимо выборное начало писаря оговорить требованіемъ извѣстнаго образовательнаго ценза, или повѣрочнымъ испытаніемъ его практическихъ знаній при съѣздахъ».

„Южный Край“ (№ отъ 3 августа 1904 г.): . . .«Особенно характерны правила проекта въ отношеніи самостоятельности крестьянскаго общества въ обложеніи мірскими сборами и въ распоряженіи таковыми. Начать съ того, что проектъ вноситъ раздѣленіе повинностей на обязательныя и добровольныя, слѣдуя въ данномъ случаѣ примѣру городского и земскаго положенія. Однако, сходство въ данномъ случаѣ не идетъ далѣе самой номенклатуры „обязательныхъ„ и „необязательныхъ“ расходовъ, суть же по проекту крестьянскаго управленія по сравненію съ земскимъ и городскимъ положеніями далеко неодинакова.

Одной изъ главнѣйшихъ разницъ является отношеніе законодательства къ вопросу о жалованьи выборнымъ должностнымъ лицамъ. Въ то время какъ въ городахъ и земствахъ размѣръ жалованья городскимъ головамъ, предсѣдателямъ и членамъ управъ и т. п. лицамъ, всецѣло зависитъ

отъ воли собраній, ихъ избирающихъ, въ крестьянскихъ обществахъ, согласно новому проекту, жалованье волостнымъ старшинамъ и ихъ помощникамъ, а также волостнымъ писарямъ и ихъ помощникамъ принадлежитъ къ числу расходовъ обязательныхъ, при чемъ размѣръ этого жалованья въ случаѣ недоразумѣній опредѣляется окончательно и безапелляціонно губернскимъ присутствіемъ; администраціи, кромѣ того, предоставляется право требовать обязательнаго учрежденія должностей помощника волостного старшины и писаря въ такомъ числѣ, какое признается административной властью необходимымъ, а также право требовать учрежденіе должности волостного писаря тамъ, гдѣ его не было.

Расходъ на жалованье всѣмъ такимъ служащимъ устанавливается помимо желанія общества, а въ случаѣ уклоненія схода отъ выбора помощника волостного старшины, таковой назначается администраціей на трехлѣтній срокъ. Что же касается помощниковъ волостныхъ писарей и сельскихъ писарей, то они . . . . . всегда назначаются администраціей и такимъ образомъ перенесеніе вопроса объ учрежденіи должностей этихъ помощниковъ писарей на обсужденіе волостного схода играетъ въ сущности только роль формальнаго „принятія къ свѣдѣнію“.

При разсмотрѣніи повинностей, которыя проектъ раздѣляетъ на „обязательныя“ и „добровольныя“, нельзя не признать, что составители проекта обратили особенное вниманіе на увеличеніе ассигнованій на обязательныя повинности, при чемъ земскому начальнику предоставляется право представлять приговоръ общества уѣздному съѣзду, который увеличиваетъ или уменьшаетъ установленный сходомъ денежный сборъ на покрытіе обязательныхъ повинностей въ размѣрѣ дѣйствительной надобности. Постановленіе съѣзда, правда, по ст. 202, идетъ на утвержденіе губернскаго присутствія, а рѣшеніе послѣдняго можетъ быть обжаловано Министру Внутреннихъ Дѣлъ, но едва ли можетъ быть сомнѣніе, что крестьянскіе сходы только въ очень рѣдкихъ случаяхъ съумѣютъ воспользоваться правомъ обжалованія и достигнуть успѣха такимъ путемъ.

Что касается добровольныхъ повинностей, то въ данномъ случаѣ проектъ создаетъ изъ администраціи охранителей платежной способности крестьянскаго населенія, предусматривая только возможность преувеличенныхъ добровольныхъ расходовъ.

Исходя изъ этой идеи, проектъ указываетъ, что при сомнѣніи земскаго начальника въ необходимости извѣстнаго рода добровольной повин-

ности, приговоръ схода идетъ на усмотрѣніе уѣзднаго съѣзда, который уменьшаетъ расходъ „въ соотвѣтствіи съ платежными силами населенія". Порядокъ обжалованія постановленій съѣзда такой же самый и съ такими же, конечно, гадательными результатами, какъ и при обжалованіи постановленій, касающихся обязательныхъ повинностей.

Разсматривая дальнѣйшее отношеніе составителей проекта къ вопросу о повинностяхъ крестьянскаго общества, мы видимъ, что авторы проекта заимствовали изъ городского и земскаго положеній идею превращенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ *„необязательныхъ"* расходовъ въ *„обязательные"*. Такъ, хотя по проекту учрежденіе и содержаніе учебныхъ заведеній и мѣстъ общественнаго призрѣнія принадлежатъ къ числу добровольныхъ повинностей, но, если крестьяне приняли на себя обязательства передъ казною, церковнымъ, земскимъ или городскимъ учрежденіемъ, а также другимъ крестьянскимъ обществомъ нести означенные расходы, то таковые изъ добровольныхъ переходятъ въ обязательныя повинности, уплата каковыхъ, согласно 183 ст. проекта, можетъ быть прекращена только съ согласія губернскаго присутствія.

Въ числѣ добровольныхъ повинностей, конечно, видное мѣсто долженъ занимать расходъ, предусмотрѣнный 182 ст. проекта (пунктъ № 3), на „осуществленіе мѣръ, вызываемыхъ хозяйственными нуждами общества"; но и здѣсь расходъ на оныя можетъ быть уменьшенъ или даже вовсе отмѣненъ уѣзднымъ съѣздомъ по представленію земскаго начальника».

Въ „Журналѣ Министерства Юстиціи" (№ *8, 1904 г.) г. Гуссаковскій*, разбирая основныя начала проекта положенія о крестьянскомъ общественномъ управленіи, говоритъ:..... «Указывая на необходимость обособленія крестьянъ въ порядкѣ управленія, какъ на важнѣйшій руководящій принципъ при предстоящемъ пересмотрѣ крестьянскихъ законоположеній, коммиссія, однако, не проводитъ послѣдовательно этого принципа и вводитъ въ выработанный ею проектъ рядъ такихъ предположеній, которыя находятся въ непримиримомъ противорѣчіи съ ея аргументаціей и со всѣми ея исходными положеніями. Какъ на основаніи дѣйствующихъ узаконеній, такъ и по предположеніямъ проекта, къ кругу дѣятельности крестьянскаго общественнаго управленія отнесены двоякаго рода функціи. Однѣ изъ нихъ вытекаютъ изъ совмѣстнаго пользованія отведенною общинѣ надѣльною землею, другія же направлены къ достиженію опредѣленныхъ хозяйственно-административныхъ цѣлей. Послѣднія фукціи проектъ сосре-

доточиваетъ по преимуществу въ волости, какъ болѣе крупной административной единицѣ, располагающей большими средствами для осуществленія цѣлей мѣстнаго благоустройства. На волостные сходы и волостныхъ должностныхъ лицъ возлагаются широкія въ этомъ отношеніи полномочія. Къ обязанностямъ волостного схода отнесены между прочимъ: постановленія о всѣхъ вообще предметахъ, относящихся до хозяйственныхъ и общественныхъ дѣлъ всего волостного общества, мѣры общественнаго призрѣнія, учрежденіе волостныхъ училищъ, домовъ призрѣнія, мѣропріятія по сельскому хозяйству, опредѣленіе денежныхъ мірскихъ сборовъ на волостныя надобности, дѣла по отправленію воинской повинности и, сверхъ того, цѣлый рядъ другихъ дѣлъ самаго разнообразнаго свойства и характера. Столь-же обширны и разнообразны права и обязанности волостного старшины. Охраненіе благочинія и порядка въ предѣлахъ волости, огражденіе безопасности лицъ и имуществъ отъ преступныхъ посягательствъ, предупрежденіе и пресѣченіе преступленій и, наконецъ, принятіе мѣръ къ открытію и задержанію виновныхъ—входятъ въ кругъ полицейскихъ его обязанностей. По дѣламъ общественнымъ волостной старшина предлагаетъ на разрѣшеніе схода всѣ дѣла, касающіяся нуждъ и пользъ волостного общества, наблюдаетъ за исправнымъ содержаніемъ въ волости дорогъ, мостовъ, гатей и переправъ и слѣдитъ за исправнымъ отправленіемъ обществами и отдѣльными лицами всякаго рода повинностей какъ денежныхъ, такъ и натуральныхъ. Волостной сходъ и волостной старшина, на которыхъ возлагается проектомъ выполненіе столь широкаго круга хозяйственно-административныхъ обязанностей въ сельскихъ мѣстностяхъ, не могутъ быть однако признаны органами исключительно крестьянскаго общественнаго управленія. Къ составу волостныхъ обществъ проектъ относитъ не только крестьянъ, владѣющихъ въ предѣлахъ волости недвижимою собственностью, но также мѣщанъ, посадскихъ, ремесленниковъ и цеховыхъ, проживающихъ на территоріи волости и обладающихъ опредѣленнымъ имущественнымъ цензомъ. Всѣмъ этимъ лицамъ, которыя и нынѣ подчинены вѣдомству волостного старшины, предполагается предоставить одинаковыя права съ крестьянами на участіе въ волостномъ общественномъ управленіи. Такимъ образомъ намѣченная проектомъ организація крестьянскаго общественнаго управленія не носитъ вовсе того строго сословнаго характера, которымъ, по мысли коммиссіи, оно должно быть проникнуто.

Волостной сходъ и волостной старшина, на которыхъ возлагаются проектомъ важнѣйшія функціи крестьянскаго общественнаго управленія, должны быть признаны органами общественнаго управленія не только крестьянъ, но и всѣхъ другихъ группъ населенія, проживающихъ въ предѣлахъ волости, за исключеніемъ только лицъ привилегированныхъ сословій.

Такое объединеніе крестьянъ въ порядкѣ управленія съ нѣкоторыми другими классами населенія, отъ которыхъ, по заявленію коммиссіи, они рѣзко отличаются и по условіямъ быта, и по своему міровоззрѣнію и правосознанію, и наконецъ по нравственному и духовному своему облику, совершенно не согласуется съ тѣми соображеніями, которыя приводятся въ подкрѣпленіе необходимости полнаго обособленія крестьянъ въ порядкѣ управленія отъ остальныхъ сословій. Коль скоро, по мнѣнію коммиссіи, въ виду органическихъ особенностей крестьянъ, рѣзко отличающихъ ихъ отъ другихъ сословій, къ крестьянамъ должны быть примѣняемы такіе пріемы управленія, которые не могутъ имѣть мѣста въ отношеніи другихъ классовъ населенія, то представляется совершенно непонятнымъ, по какимъ же основаніямъ признается возможнымъ распространить эти пріемы управленія на проживающихъ въ предѣлахъ волости лицъ городскихъ состояній, чуждыхъ тѣхъ особенностей, которыми характеризуются крестьяне. Съ другой стороны, если, несмотря на своеобразное міровоззрѣніе крестьянъ и отчужденность ихъ отъ другихъ сословій, признается все-таки возможнымъ создать для нихъ и нѣкоторыхъ другихъ классовъ населенія общіе органы общественнаго управленія, призванные къ охраненію порядка и удовлетворенію важнѣйшихъ потребностей и интересовъ сельскихъ мѣстностей, то остается совершенно непонятнымъ, какія неудобства послѣдовали бы въ томъ случаѣ, если бы создана была такая организація общественнаго управленія въ сельскихъ мѣстностяхъ, которая обнимала бы собою всѣхъ вообще лицъ, проживающихъ въ этихъ мѣстностяхъ, совершенно независимо отъ принадлежности ихъ къ тому или иному сословію. Интересы порядка и благоустройства въ опредѣленномъ раіонѣ представляются общими для всѣхъ безъ исключенія лицъ, проживающихъ въ этомъ раіонѣ, а потому должны быть едиными и тѣ органы мѣстнаго управленія, которые вѣдаютъ упомянутые интересы. До сихъ поръ всѣ заботы по охраненію порядка и мѣстному благоустройству въ предѣлахъ

волости относились всецѣло къ кругу обязанностей крестьянскаго общественнаго управленія и осуществлялись исключительно на ихъ средства.

Признавая такой порядокъ несоотвѣтствующимъ требованіямъ справедливости и крайне обременительнымъ для крестьянъ, проектъ въ стремленіи своемъ къ установленію болѣе совершенной организаціи мѣстнаго управленія останавливается однако на половинѣ пути.

Въ видахъ болѣе широкаго удовлетворенія потребностей благоустройства въ сельскихъ мѣстностяхъ и облегченія бремени, лежащаго въ этомъ отношеніи на крестьянахъ, коммиссія признаетъ безусловно необходимымъ раздѣлить это бремя между крестьянами и другими лицами бывшихъ податныхъ сословій, проживающихъ въ предѣлахъ волости, которымъ и предполагается вслѣдствіе этого предоставить одинаковое право участія въ общественномъ волостномъ управленіи. Между тѣмъ нѣтъ никакого основанія дѣлать въ этомъ отношеніи какое-либо различіе между бывшими податными сословіями и лицами привилегированныхъ классовъ населенія, проживающими въ сельскихъ мѣстностяхъ. Вопреки мнѣнію коммиссіи, всѣ эти лица въ одинаковой мѣрѣ заинтересованы въ успѣхахъ мѣстнаго благоустройства. Если землевладѣльцы привилегированныхъ классовъ не пользуются лично для себя и для членовъ своихъ семействъ больницами или школами, устроенными въ предѣлахъ волости на мѣстныя средства, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, что для нихъ вполнѣ безразлично существованіе этихъ учрежденій. Для каждаго землевладѣльца имѣетъ огромное значеніе, находится ли его имѣніе въ благоустроенной мѣстности или же въ раіонѣ, чуждомъ всякаго благоустройства, такъ какъ, несомнѣнно, отъ этого зависитъ не только удобства жизни въ имѣніи, но и самая цѣнность его и доходность. Помимо того, участіе въ расходахъ на дѣла мѣстнаго благоустройства не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ того, въ какой мѣрѣ тѣ или иныя общеполезныя учрежденія, созданныя на мѣстныя средства, представляются необходимыми для удовлетворенія потребностей отдѣльныхъ лицъ, проживающихъ въ данномъ раіонѣ. Многіе изъ плательщиковъ земскихъ и городскихъ налоговъ никогда не пользуются лично для себя тѣми больницами, школами и другими общеполезными учрежденіями, которыя устроены на земскія или городскія средства, но само собою разумѣется, что это обстоятельство не можетъ служить основаніемъ для освобожденія ихъ отъ платежа такихъ налоговъ. Такимъ образомъ проектированныя измѣненія въ организаціи крестьянскаго упра-

вленія находятся въ полномъ противорѣчіи съ тѣми соображеніями, которыя приводятся по этому предмету составителями проекта. Исходя изъ того основного положенія, что крестьяне въ виду ихъ особенностей должны быть строго обособлены отъ всѣхъ другихъ классовъ населенія, съ примѣніемъ къ нимъ особыхъ пріемовъ управленія, проектъ объединяетъ ихъ однако въ этомъ отношеніи съ мѣщанами, посадскими, ремесленниками и цеховыми, проживающими въ предѣлахъ волости, разрушая тѣмъ самымъ всю аргументацію, на которой построенъ этотъ проектъ. Съ другой стороны, устанавливая вполнѣ правильный принципъ, что важнѣйшія задачи волостного управленія, заключающіяся въ охраненіи порядка въ предѣлахъ волости и въ развитіи ея благоустройства, могутъ быть достигнуты только при условіи привлеченія къ участію въ мѣстномъ управленіи всѣхъ заинтересованныхъ въ этомъ лицъ, проектъ устраняетъ однако отъ такого участія всѣхъ лицъ привилегированныхъ классовъ, несмотря на то, что, проживая въ предѣлахъ волости и владѣя въ ней недвижимымъ имуществомъ, они не менѣе всѣхъ другихъ жителей волости заинтересованы въ дѣлахъ мѣстнаго благоустройства. Построенный на такихъ началахъ, проектъ общественнаго управленія крестьянъ далеко не устраняетъ тѣхъ слабыхъ сторонъ существующей организаціи этого управленія, которыя оказываютъ столь неблагопріятное вліяніе на правильное развитіе духовныхъ и матеріальныхъ силъ нашихъ крестьянъ. Задаваясь цѣлью внести частичныя лишь поправки и улучшенія въ постановленія закона, относящіяся къ дѣятельности различныхъ органовъ крестьянскаго общественнаго управленія, проектъ оставляетъ безъ всякаго измѣненія главнѣйшія условія этой дѣятельности, отъ которыхъ зависитъ всецѣло успѣшное осуществленіе преслѣдуемыхъ ею задачъ.

Широкое административное воздѣйствіе на крестьянъ и властное руководительство дѣятельностью крестьянскаго общественнаго управленія признаются по прежнему наиболѣе соотвѣтственными и цѣлесообразными пріемами управленія крестьянами.

При такихъ условіяхъ всѣ проектированныя измѣненія въ положеніи объ общественномъ управленіи крестьянъ едвали приведутъ, при практическомъ ихъ осуществленіи, къ благопріятнымъ для земледѣльческаго населенія результатамъ».

Къ проекту положенія о волостномъ судѣ.

„Новое Время“ (№ отъ 22 дек. 1904 г.), ст. г. Я. Кирѣевскаго „Крестьянскій Судъ“: «Высочайшимъ указомъ 12 декабря предрѣшено „объединеніе“ законовъ о крестьянахъ съ общимъ законодательствомъ Имперіи и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно „въ цѣляхъ охраненія равенства передъ судомъ лицъ всѣхъ состояній, внести должное единство въ устройство судебной части и обезпечить судебнымъ установленіямъ всѣхъ степеней необходимую самостоятельность“.

Это руководящее указаніе намѣчаетъ весьма опредѣленный путь для разрѣшенія всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые касаются крестьянскаго правопорядка. Оно впрочемъ не можетъ считаться чѣмъ то совершенно новымъ. Въ цѣломъ рядѣ предшествующихъ Высочайшихъ указаній по пересмотру законовъ о крестьянахъ также опредѣленно предписывалось произвести этотъ пересмотръ въ духѣ основныхъ началъ Положеній 19 февраля 1861 г. и въ видахъ дальнѣйшаго ихъ развитія, а эти начала состояли не въ чемъ иномъ, какъ въ распространеніи на гражданскія правоотношенія крестьянъ общихъ законовъ, въ томъ числѣ и «равенства передъ судомъ». По обстоятельствамъ переходнаго времени, Положеніе 19 февраля 1861 г. допустило, правда, нѣкоторыя частичныя отступленія, но съ ясно выраженной мыслью о томъ, что такія отступленія, по минованіи этихъ временныхъ обстоятельствъ, должны отпасть. Дальнѣйшее развитіе основныхъ началъ 19 февраля и должно было состоять въ постепенномъ устраненіи временно допущенныхъ въ отношеніи крестьянъ изъятій отъ общаго гражданскаго правопорядка. Но случилось иначе.

Какъ извѣстно, послѣ 19 февраля 1861 г., въ теченіе свыше 40 лѣтъ, все законодательство о крестьянахъ, а параллельно съ тѣмъ всѣ усилія Сената и Министерства Внутреннихъ Дѣлъ направлены были къ обособленію крестьянскаго сословія и наконецъ это обособленіе вылилось въ такую крайнюю форму, какъ законъ 12 іюля 1889 г., изъявшій изъ-подъ

дѣйствія общихъ законовъ весь гражданскій оборотъ крестьянъ и расширившій до чрезвычайности юрисдикцію особыхъ сословно-крестьянскихъ судебно-административныхъ учрежденій. Вслѣдствіе этой контръ-реформы крестьянское сословіе оказалось приблизительно въ томъ же положеніи, въ какомъ оно находилось при крѣпостномъ правѣ, съ тою лишь разницею, что попечительное усмотрѣніе помѣщика замѣнилось усмотрѣніемъ созданной сказаннымъ закономъ новой попечительной власти—земскихъ начальниковъ.

Понятно, что дарованное крестьянамъ, по Положенію 19 февраля 1861 г., самоуправленіе не могло уцѣлѣть при такомъ порядкѣ вещей. И оно фактически перестало существовать; органы крестьянскаго самоуправленія превратились въ исполнительные органы дискреціонной власти земскихъ начальниковъ, а волостные суды, по Положенію 19 февраля 1861 г., учрежденные лишь для маловажныхъ гражданскихъ дѣлъ и мелкихъ проступковъ, стали не только замѣнять для крестьянъ общія судебныя установленія по всѣмъ почти гражданскимъ и по многимъ уголовнымъ дѣламъ, но и сочинять для рѣшенія поступающихъ къ нимъ дѣлъ законы, такъ какъ съ расширеніемъ юрисдикціи волостного суда никакихъ положительныхъ нормъ матеріальнаго права этому суду не было дано, а было указано руководиться при рѣшеніи дѣлъ обычаемъ, между тѣмъ для многихъ правоотношеній, возникшихъ въ пореформенную эпоху, жизнь не успѣла выработать твердыхъ обычаевъ, да и тѣ обычаи, которые имѣются, никѣмъ и нигдѣ не фиксированы и стало быть руководствомъ для судей могутъ служить лишь постольку, поскольку судьи сами хотятъ руководствоваться ими, а не собственнымъ благоусмотрѣніемъ, и въ добавокъ для этихъ судей даже простая грамотность не безусловно обязательна; требуется лишь, чтобы они были «по возможности» грамотные...

Едва ли надо пояснять, что при такомъ положеніи вещей въ крестьянскомъ быту никакой гражданскій оборотъ не имѣетъ подъ собой твердой опоры закона; никакая сдѣлка не можетъ быть разсчитана съ увѣренностью на защиту суда; никакое предпріятіе, имѣющее длиться во времени, не избавлено отъ риска, что оно во всякую мунуту можетъ быть парализовано съ непредвидѣнной стороны. И потомъ этотъ судъ, ad hoc сочиняющій законы подъ названіемъ «обычая», не равносиленъ ли онъ отказу въ правосудіи стомилліонному крестьянскому населенію? И что при этомъ удивительно: между тѣмъ какъ наша юстиція, творящая судъ для

всѣхъ прочихъ жителей Имперіи, кромѣ крестьянскаго сословія, содержится на общегосударственныя средства, т. е. главнымъ образомъ на крестьянскія же средства,—волостная крестьянская юстиція содержится исключительно на мірскіе крестьянскіе сборы. Одна несообразность громоздится на другую, еще большую...

Казалось бы, въ виду этого нельзя не привѣтствовать обнародованную въ указѣ 12 декабря Высочайшую волю — объединить законы о крестьянахъ съ общимъ законодательствомъ Имперіи, установить равенство передъ судомъ лицъ всѣхъ состояній, ввести должное единство въ устройство судебной части и обезпечить судебнымъ установленіямъ всѣхъ степеней необходимую самостоятельность. Въ практическомъ примѣненіи это Высочайшее указаніе сводится къ тому, чтобы распространить на крестьянское сословіе дѣйствіе общихъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, распространить на лицъ этого сословія блага правильнаго подзаконнаго суда, словомъ, внести въ крестьянскую жизнь законность, охраняемую правосудіемъ. Можно ли этого не желать?

Къ удивленію, оказывается, можно. «Московскія Вѣдомости» не только не желаютъ этихъ измѣненій въ бытоустройствѣ крестьянскаго сословія, но желали бы какъ можно сильнѣе закрѣпить «особливое крестьянское законодательство» и «сословный судъ». Газета игнорируетъ Высочайшій указъ 12 декабря и повторяетъ доводы коммиссіи г. Стишинскаго, будто бы на замѣну волостныхъ судовъ инымъ судомъ потребовалось бы до 20 милл. рублей расхода, да кромѣ того потребуется такое количество образованныхъ судей, какого у насъ пока нѣтъ. Эти опортунистическіе доводы кажутся газетѣ особенно убѣдительными, но они столько же произвольны, сколько неприличны. Неприличны они потому, что нельзя же населеніе лишать правосудія подъ предлогомъ дороговизны суда и неимѣнія образованныхъ судей. Если государству необходимы судьи, оно должно ихъ имѣть. Но вдобавокъ и эта дороговизна, и этотъ недостатокъ образованныхъ судей, на чемъ газета строитъ свои выводы, есть простое недоразумѣніе.

Само собой разумѣется, нѣтъ никакой необходимости учреждать при каждой волости судебную камеру, даже при условіи, что эта камера будетъ не для однихъ крестьянъ, а для лицъ всѣхъ сословій, очень, кстати сказать, нуждающихся въ болѣе близкомъ судебномъ установленіи. Какъ извѣстно, и по правиламъ и на практикѣ волостной судъ собирается лишь

по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ и только въ исключительныхъ условіяхъ (наприм. въ многолюдныхъ торговыхъ мѣстностяхъ) собирается иногда въ будни. Ясно, что если судьи, судящіе по совѣсти, «по убѣжденію», или «по обычаю» и при томъ малограмотные или даже безграмотные успѣваютъ разобрать всѣ поступающія къ нимъ дѣла, собираясь разъ, рѣдко два раза въ недѣлю, то образованный судья, судящій по закону и знакомый съ закономъ, при томъ регулярно отправляющій правосудіе изодня въ день, можетъ разобрать втрое—впятеро большее число дѣлъ. Статистическія свѣдѣнія о количествѣ дѣлъ, разрѣшаемыхъ волостными судами, вполнѣ подтверждаютъ это предположеніе. Въ среднемъ на 1 волостной судъ годовое число судебныхъ рѣшеній не больше 250 (конечно, съ колебаніями въ ту и другую сторону). Между тѣмъ на одного образованнаго судью смѣло можно положить 1.000—1.200 дѣлъ въ годъ, и такимъ образомъ съ уничтоженіемъ волостного суда вовсе нѣтъ необходимости учреждать 9.600 судебныхъ камеръ по числу волостей, а достаточно примѣрно 3.000 такихъ камеръ. Это лишь немного больше имѣющагося числа земскихъ начальниковъ, которымъ, за намѣченными преобразованіями нечего будетъ дѣлать. Если институтъ земскихъ начальниковъ будетъ преобразованъ въ институтъ мѣстныхъ судей, выборныхъ или по назначенію, то въ сущности упраздненіе волостного суда не потребуетъ никакихъ почти новыхъ расходовъ, или столь незначительныхъ, что они съ избыткомъ покроются нынѣшними крестьянскими сборами на волостной судъ. Но если бы даже признавалось нужнымъ сохранить институтъ земскихъ начальниковъ для общихъ нуждъ мѣстнаго управленія, то и въ такомъ случаѣ учрежденіе низшаго всесословнаго суда взамѣнъ волостного отнюдь не потребуетъ 20 милл. руб. Полагая на одного судью съ расходами его канцеляріи 3.000 р. въ годъ, весь расходъ на 3.000 судей составитъ только 9 милл. руб., на покрытіе которыхъ могутъ быть обращены $3^1/_2$—4 милл. р. мірскихъ сборовъ, нынѣ расходуемыхъ крестьянами на волостной судъ. Слѣдовательно и въ этомъ случаѣ новый расходъ казны, какъ цѣна правосудія для 80% населенія Имперіи, составитъ только отъ 5 до $5^1/_2$ милл. рублей, т. е. такую сумму, которая даже и въ настоящихъ обстоятельствахъ не можетъ считаться помѣхой для дарованія правосудія крестьянскому сословію и близкаго суда остальному сельскому населенію. Безъ сомнѣнія, на практикѣ устройство новаго судебнаго института такъ или иначе мо-

жетъ быть облегчено за счетъ института земскихъ начальниковъ, напримѣръ сокращеніемъ числа послѣднихъ и т. п.

Этими же справками освѣщается и вопросъ о личномъ составѣ для новыхъ мѣстныхъ судовъ. Если бы даже ни одинъ изъ земскихъ начальниковъ не перемѣнилъ своей службы на службу судейскую въ новыхъ судебныхъ установленіяхъ, то и тогда три тысячи образованныхъ судей такая ли цифра, что она должна испугать судебное вѣдомство? Вѣдь это просто смѣшно.

О другихъ доводахъ московской газеты не будемъ говорить. Они не стоятъ того, чтобы на нихъ останавливаться, ибо это пережевываніе избитыхъ фразъ о большой доступности и понятности крестьянамъ суда, который въ сущности можетъ считаться развѣ худшей пародіей на судъ» *).

„Вѣстникъ Европы“ (октябрь, 1904 г., внутр. обозр.):

.....«Одновременно съ систематическими сводами, выходящими въ свѣтъ по распоряженію Особаго Совѣщанія, появляется обширное частное изданіе, озаглавленное: „Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности“. ....Стоитъ только раскрыть любую изъ названныхъ нами книгъ, чтобы увидѣть, сколько въ мнимой „болтовнѣ“ поучительнаго и важнаго, какой яркій свѣтъ она проливаетъ на глубоко коренящіеся недуги народной жизни. Ее не могутъ ни замѣнить, ни затмить работы губернскихъ совѣщаній, предпринятыя съ иною цѣлью и шедшія, большею частью, при иной обстановкѣ. Исходной точкой и, во многихъ отношеніяхъ, руководительною нитью этихъ послѣднихъ работъ служили законопроекты, составленные редакціонною коммиссіею при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ—составленные не только безъ соображенія со взглядами мѣстныхъ комитетовъ, но въ направленіи и духѣ прямо противоположномъ. Возьмемъ, для примѣра, вопросъ о волостномъ судѣ и посмотримъ, какъ разрѣшаетъ его съ одной стороны практическій смыслъ большинства мѣстныхъ людей, съ другой стороны—предвзятое мнѣніе петербургской бюрократіи. Заимствовать цитаты мы будемъ изъ той части *оффиціальнаго* свода (составленной А. А. Риттихомъ), которая имѣетъ предметомъ „Крестьянскій правопорядокъ“,—останавливаясь, притомъ,

---

*) Болѣе подробное обсужденіе того-же предмета см. ч. I наст. книги.

преимущественно на отзывахъ такихъ лицъ, которыхъ никакъ нельзя заподозрить въ пристрастіи и тенденціозности.

«Болѣе безотрадное учрежденіе, чѣмъ волостной судъ»—говоритъ одинъ изъ земскихъ начальниковъ черниговской губерніи, – «едва ли можно найти на землѣ... Никакого уваженія населенія къ этому суду я нигдѣ не замѣчалъ, а полнаго пренебреженія и оскорбительнаго отношенія много видѣлъ. Пьянство судей и подкупъ судей и свидѣтелей—обычное явленіе. Надзора не можетъ быть при такихъ условіяхъ. Есть среда и нравы. Эта среда даетъ судей и судящихся. Земскій начальникъ можетъ удалить порочныхъ судей, но найти новый, достойный судъ—онъ не въ силахъ». По словамъ глуховского (черниговской губерніи) уѣзднаго предводителя дворянства, «нынѣшній составъ волостныхъ судовъ ведетъ къ сведенію на нуль основныхъ принциповъ всякаго суда, безпристрастности и свободы совѣсти». «Самая организація процесса»,—читаемъ мы въ запискѣ смоленскаго уѣзднаго предводителя дворянства,—«способна подрывать въ населеніи чувство законности и уваженія къ суду... Нестроенія въ волостныхъ судахъ стали весьма обыденнымъ явленіемъ и породили въ населеніи убѣжденіе, что можно добиться всего за взятку». Одинъ изъ земскихъ начальниковъ минской губерніи признаетъ, что «народные судьи нерѣдко берутъ взятки и спаиваются тяжущимися; преступное дѣяніе судей не почитается даже предосудительнымъ, и поэтому остается въ большинствѣ случаевъ безнаказаннымъ». «Въ своемъ сословномъ волостномъ судѣ»,—удостовѣряетъ рузскій (московской губерніи) уѣздный предводитель,—«вербующемся изъ той же темноты, гдѣ часто не различаютъ кражи отъ самоуправства и простого гражданскаго правонарушенія, гдѣ рѣшенія основываются иногда на выдуманныхъ пьяными свидѣтелями обычаяхъ, крестьянинъ не находитъ удовлетворенія». Семнадцатилѣтнее близкое знакомство съ волостными судами привело одесскаго уѣзднаго предводителя дворянства къ убѣжденію, что «дѣятельность ихъ подрываетъ всякое довѣріе и уваженіе вообще къ суду, а отсюда, какъ неизбѣжное слѣдствіе, все больше и больше замѣчаемый упадокъ нравственности въ народѣ»... «Кто не знаетъ, каковъ крестьянскій волостной судъ и какія безобразія въ немъ иногда творятся!»—восклицаетъ предсѣдатель винницкаго (подольской губерніи) съѣзда мировыхъ посредниковъ. А вотъ мнѣнія крестьянъ: «писарь и старшина совершенно уничтожаютъ всякую самостоятельность волостного суда... О вліяніи земскихъ начальниковъ на упорядоченіе веденія дѣлъ въ волост-

ныхъ судахъ нѣтъ фактическихъ данныхъ; но и самый идеальный земскій начальникъ не можетъ совершить того, что́ не въ силахъ человѣческихъ»... «Ни одно сословіе такъ не обижено правосудіемъ, какъ крестьяне. Что такое представляетъ изъ себя волостной судъ? Нерѣдко состоитъ онъ изъ кулаковъ и заправилъ деревенскихъ; они ни передъ чѣмъ не стоятъ, лишь бы достигнуть судейской карьеры. Подходитъ выборъ судейскаго кандидата; тутъ они болѣе крикливыхъ поятъ водкой, а добросовѣстнымъ грозятъ отомстить, если тѣ откажутъ имъ въ выборѣ, и вотъ такая заранѣе задобренная толпа является на сходъ и въ одинъ голосъ указываетъ на какого-нибудь міроѣда. Что побуждаетъ добиваться этого? Неужели тѣ 60 рублей, которые получитъ отъ правительства судья? Нѣтъ, не могутъ эти деньги оправдать упущенныхъ, вслѣдствіе суда, рабочихъ дней, если причислить сюда еще и тѣ расходы, которые являются у нихъ послѣ каждаго засѣданія суда (у нихъ принято посѣщать ренсковой погребъ). Имѣя такую профессію къ существованію, онъ уже плохо обработываетъ свою земельку; чаще, и совсѣмъ даже, ему работаетъ судящійся кліентъ. И вмѣсто того, какъ прежде работая и все-таки во всемъ имѣя нужду, теперь живется ему припѣваючи. Правда, не всѣ судьи таковы, но предсѣдатели суда почти всѣ одинаковы»... «Кто близко знакомъ съ дѣятельностью волостныхъ судовъ, тотъ хорошо знаетъ, какъ, съ одной стороны, не обезпечены личные и имущественные интересы крестьянина и какая неувѣренность и даже страхъ овладѣваютъ имъ, если ему приходится защищать свои нарушенные интересы при помощи своего сословнаго суда, а съ другой—съ какимъ самоувѣреннымъ нахальствомъ возбуждаются въ волостныхъ судахъ самые неосновательные иски безцеремонными въ нарушеніи чужихъ правъ людьми». Крестьяне, участвовавшіе въ гродненскомъ уѣздномъ комитетѣ, единогласно заявили, что «въ крестьянскихъ судахъ нѣтъ правды: кто богаче, тотъ и выигрываетъ дѣло». Такихъ отрицательныхъ отзывовъ о волостномъ судѣ очень и очень много—а указанія на положительныя его стороны встрѣчаются весьма рѣдко.

Исходя изъ убѣжденія, что несправедливо оставлять массу населенія безъ гарантій правосудія, значительное большинство сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, высказавшихся по вопросамъ крестьянскаго правопорядка, признаетъ желательнымъ упразднить сословно-крестьянскій судъ и замѣнить его всесословнымъ судебнымъ органомъ. Изъ тѣхъ комитетовъ, которые, не ограничиваясь выраженіемъ пожеланія, стараются указать

путь къ его осуществленію, одни предлагаютъ передать всѣ дѣла, подсудныя теперь волостному суду, въ вѣдѣніе низшей изъ общесудебныхъ инстанцій (при чемъ всего чаще слышатся голоса за возстановленіе мировыхъ судей); другіе высказываются за образованіе особаго низшаго суда, выборнаго и всесословнаго, совершенно независимаго отъ администраціи. Нерѣдко въ видѣ примѣра приводится дѣйствующій въ привислинскомъ краѣ гминный судъ. Низшіе всесословные суды - единоличные или коллегіальные - проектируются даже такими комитетами, которые допускаютъ сохраненіе въ силѣ обычнаго права. Они находятъ, что всесословная организація низшаго суда привлечетъ въ его составъ болѣе культурную часть населенія и устранитъ тотъ произволъ, который, въ существующихъ крестьянскихъ судахъ, прикрывается ссылкою на обычай. Можно было бы, при этомъ, принять за правило, чтобы въ коллегіальномъ судѣ не менѣе извѣстнаго числа судей избиралось изъ среды крестьянъ, а къ единоличному суду крестьяне присоединялись, въ опредѣленныхъ случаяхъ, въ видѣ засѣдателей или присяжныхъ. Среднее положеніе занимаютъ по данному вопросу тѣ комитеты, которые, не измѣняя, въ существѣ, предѣлы вѣдомства волостныхъ судовъ, считаютъ нужнымъ поднять ихъ умственный уровень путемъ введенія въ ихъ составъ образованныхъ людей, хотя бы и не принадлежащихъ къ крестьянскому сословію. Сюда же можно отнести комитеты, предлагающіе сохранить сословную компетенцію и организацію волостныхъ судовъ только для самыхъ маловажныхъ дѣлъ, передавъ всѣ остальныя въ вѣдѣніе всесословныхъ судебныхъ органовъ,—или даже вовсе изъять изъ подсудности волостныхъ судовъ всѣ уголовныя дѣла. Улучшить волостной судъ, не затрогивая его сословнаго характера и не съуживая его компетенціи, признаютъ возможнымъ только немногіе комитеты. Улучшенія, ими намѣчаемыя, касаются увеличенія содержанія волостныхъ судей, большей самостоятельности въ ихъ избраніи, освобожденія ихъ отъ дисциплинарной власти земскаго начальника, а иногда—и установленія для нихъ невысокаго образовательнаго ценза (напр. окончанія курса въ начальной школѣ или простой грамотности).

Проектъ положенія о волостномъ судѣ, составленный редакціонною коммиссіею, остается позади скромныхъ предложеній незначительнаго меньшинства комитетовъ. Сельскимъ обществамъ по прежнему предоставляется только выборъ *кандидатовъ* въ волостные судьи; судьи *назначаются*, изъ числа кандидатовъ, уѣзднымъ съѣздомъ (теперь ихъ назначаетъ зем-

скій начальникъ, но фактически власть его осталась бы неприкосновенной и при новомъ порядкѣ, потому что уѣздный съѣздъ, за самыми рѣдкими исключеніями, назначалъ бы судей согласно съ указаніями земскаго начальника); дисциплинарныя взысканія, доходящія до увольненія отъ должности, налагаются на судей также уѣзднымъ съѣздомъ (и здѣсь, конечно, уѣздный съѣздъ руководствовался бы, большею частью, представленіями земскаго начальника, которому—какъ и уѣздному предводителю дворянства—дается право дѣлать замѣчанія и выговоры *всему составу* волостного суда); образовательнаго ценза отъ волостныхъ судей (кромѣ предсѣдателя, который долженъ быть «хорошо грамотнымъ») не требуется никакого. Между тѣмъ, предѣлы власти волостного суда редакціонная коммиссія не только не сокращаетъ, но значительно расширяетъ. Теперь ему подсудны споры и тяжбы на сумму до трехсотъ рублей (кромѣ дѣлъ о надѣльной землѣ, подвѣдомственныхъ волостному суду независимо отъ цѣны иска, и вовсе не подвѣдомственныхъ ему дѣлъ о правѣ на недвижимость, основанномъ на крѣпостномъ или явочномъ актѣ); проектъ коммиссіи повышаетъ предѣльную цѣну иска до *пятисотъ* рублей. Теперь дѣла о наслѣдствѣ, не входящемъ въ составъ надѣла, подсудны волостному суду на сумму до *пятисотъ* рублей; проектъ повышаетъ эту сумму до *двухъ тысячъ* рублей. Теперь отъ волостного суда зависитъ назначеніе только одного вида лишенія свободы,—ареста, на срокъ до тридцати дней; проектъ (вопреки мнѣнію меньшинства самой коммиссіи) прибавляетъ къ этому заключеніе въ тюрьмѣ, на тотъ же срокъ [1]). Болѣе рѣзкаго противорѣчія, чѣмъ открывающееся, такимъ образомъ, между сельско-хозяйственными комитетами и редакціонною коммиссіею—нельзя себѣ и представить.

Что привело коммиссію къ рѣшенію оставить въ силѣ сословный волостной судъ, безъ измѣненія его состава и съ расширеніемъ его компетенціи—это отчасти объяснено въ «Очеркѣ» ея работъ, подробно разобран-

---

[1]) «Благодаря Всемилостивѣйшему манифесту 11-го августа, вопросъ о тѣлесномъ наказаніи, налагаемомъ приговорами волостныхъ судовъ, потерялъ свою недавнюю жгучесть. Замѣтимъ только, что и здѣсь редакціонная коммиссія кореннымъ образомъ разошлась съ большинствомъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ—большинствомъ, въ данномъ случаѣ близкимъ къ единогласію. Проектъ положенія о волостномъ судѣ назначалъ тѣлесное наказаніе (до достиженія тридцатипятилѣтняго возраста) не только за квалифицированное буйство, оскорбленіе родителей, угрозу оружіемъ, но и за неисправимое пьянство или мотовство, разстроивающія хозяйство, т. е. за поступки, по общему правилу вовсе не влекущіе за собой уголовной кары». (Прим. „Вѣстн. Евр“.).

номъ нами въ февральскомъ внутреннемъ обозрѣніи *). Дополненіемъ къ «Очерку» служитъ введеніе къ проекту положенія о волостномъ судѣ, напечатанному въ т. III-мъ «Трудовъ» редакціонной коммиссіи. Коммиссія находитъ, что коль скоро установлена необходимость сохраненія для крестьянства особаго гражданскаго матеріальнаго права, то тѣмъ самымъ выяснена и неизбѣжность существованія и впредь сословнаго крестьянскаго волостного суда. „Постановлять рѣшенія на основаніи особыхъ кодексовъ, допускающихъ, въ развитіе содержащихся въ нихъ правилъ, примѣненіе обычаевъ, могутъ—по мнѣнію коммиссіи—исключительно лица, принадлежащія къ средѣ, выработавшей эти обычаи, и по всему складу своего міросозерцанія не отрѣшившіяся отъ первоисточника народнаго правового творчества, которое ихъ создало. Примѣненіе къ данному конкретному случаю спеціальныхъ крестьянскихъ законовъ, построенныхъ въ значительной своей части на обычно-правовомъ воззрѣніи народа, мыслимо лишь при условіи, что оно будетъ производиться самими крестьянами". Таковъ фундаментъ, на которомъ коммиссія возводитъ зданіе проектируемаго ею волостного суда. Мы не впадемъ въ преувеличеніе, если скажемъ, что въ немъ нѣтъ ни одного прочнаго камня. Орудія для его разрушенія даетъ, отчасти, сама коммиссія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ согласить утвержденіе коммиссіи, что обычаи, выработанные въ крестьянской средѣ, могутъ быть примѣняемы только крестьянами—съ включеніемъ въ составъ волостного суда лицъ бывшихъ податныхъ состояній (мѣщанъ, ремесленниковъ, посадкихъ, цеховыхъ), если они владѣютъ въ предѣлахъ волости участкомъ полевой земли (проектъ полож. о вол. судѣ, ст. 12, пр. полож. о обществ. управл., ст. 84 и 85)? Не ясно ли, что крестьянскіе обычаи, въ выработкѣ которыхъ ни эти лица, ни родители ихъ и предки никакого участія не принимали, могутъ быть имъ настолько же незнакомы и чужды, какъ и лицамъ не-податныхъ состояній?... Коммиссія предполагаетъ, что лица бывшихъ податныхъ состояній, если они владѣютъ полевой землей, „въ огромномъ большинствѣ случаевъ ничѣмъ не отличаются по всему складу ихъ умственныхъ и нравственныхъ понятій отъ крестьянскаго населенія". Еслибы это и было такъ, отъ сходства понятій нельзя было бы еще заключать къ быстрому и полному усвоенію обычаевъ; но на самомъ дѣлѣ самое сходство вовсе не такъ распространено, какъ думаетъ коммиссія. Недостаточно

*) См. ч. 1 настоящей книги.

купить клочекъ полевой земли, чтобы стать земледѣльцемъ въ душѣ; недостаточно перебраться въ деревню, чтобы промѣнять городской промыселъ на сельскій и забыть привычки, сложившіяся на городской почвѣ. Болѣе легкимъ, чѣмъ для ремесленника или торговца, приспособленіе къ особенностямъ деревенской жизни можетъ оказаться для образованнаго человѣка: путемъ изученія и размышленія онъ можетъ дойти до пониманія того, что дается крестьянину силою привычки. Въ средѣ самой коммиссіи было высказано желаніе открыть доступъ въ волостной судъ дворянамъ, купцамъ и потомственнымъ гражданамъ, какъ элементамъ, способнымъ обезпечить правомѣрную и безпристрастную его дѣятельность. Большинство коммиссіи не согласилось съ этимъ мнѣніемъ, опасаясь нарушенія „цѣльности сужденій" волостныхъ судовъ, нынѣ „безусловно существующей". Намъ кажется, что эта цѣльность отошла въ прошедшее, вмѣстѣ съ былымъ единообразіемъ сельскаго быта—а послѣднимъ ея остаткамъ, если они кое-гдѣ сохранились, былъ бы положенъ конецъ волостными судьями-мѣщанами, ремесленниками и цеховыми.

Возможность постановленія рѣшеній на основаніи обычаевъ коммиссія совершенно ошибочно пріурочиваетъ къ однородному—или, лучше сказать, мнимо-однородному составу суда. Примѣръ коммерческихъ судовъ, въ которыхъ рядомъ съ купцами засѣдаютъ юристы, показываетъ съ полною ясностью, что примѣнять обычаи могутъ, безъ всякихъ неудобствъ и затрудненій, и лица, чуждыя сферѣ происхожденія обычнаго права. Не безъ причины, слѣдовательно, составители судебныхъ уставовъ уполномочили мировыхъ судей рѣшать дѣла, при извѣстныхъ условіяхъ, на основаніи обычая. Если соотвѣтствующая статья устава гражданскаго судопроизводства оставалась, большею частью, мертвою буквой, объясненіе этому нужно искать въ изъятіи изъ вѣдѣнія мировыхъ судей главной массы крестьянскихъ дѣлъ и въ неразработанности обычнаго права... Еще менѣе основательно мнѣніе коммиссіи, что только крестьяне могутъ справиться съ примѣненіемъ „спеціальныхъ крестьянскихъ законовъ, построенныхъ въ значительной своей части на обычно-правовомъ воззрѣніи народа". Оставляя, пока, въ сторонѣ вопросъ о внутреннемъ достоинствѣ этихъ „спеціальныхъ законовъ" (т. е. кодексовъ, выработанныхъ редакціонною коммиссіею спеціально для волостного суда), замѣтимъ, что они построены не на „обычно-правовомъ воззрѣніи народа", тщательно выясненномъ и точно устано-

вленномъ, а на тѣхъ представленіяхъ, болѣе или менѣе произвольныхъ, которыя составила себѣ о немъ редакціонная коммиссія.

Необходимость существованія сословнаго крестьянскаго суда редакціонная коммиссія выводитъ, далѣе, изъ многочисленности волостныхъ судовъ и изъ недостатка, на мѣстахъ, людей, обладающихъ образовательнымъ цензомъ. „Въ предѣлахъ тѣхъ сорока шести губерній",—читаемъ мы въ введеніи къ проекту положенія о волостномъ судѣ, „на которыя предположено распространить выработанные коммиссіей проекты, дѣйствуютъ нынѣ 9.390 волостныхъ судовъ, при чемъ въ среднемъ каждый изъ нихъ обслуживаетъ территорію въ 350 кв. верстъ. Очевидно, что уменьшить число этихъ судовъ невозможно, безъ явнаго ущерба для самыхъ жизненныхъ народныхъ интересовъ. Народъ и нынѣ во многихъ мѣстностяхъ страдаетъ отъ слишкомъ большой удаленности суда, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ тотъ фактъ, что во многихъ мѣстностяхъ, притомъ, однако, исключительно тамъ, гдѣ волости отличаются обширностью своей территоріи, наряду съ волостными судами продолжаютъ дѣйствовать закономъ непризнанные сельскіе суды и такъ называемые суды стариковъ. Очевидно, что вопросъ можетъ идти не объ уменьшеніи числа низшихъ судебныхъ мѣстъ въ сельскихъ мѣстностяхъ, а лишь объ увеличеніи ихъ". Что это вовсе не очевидно о томъ свидѣтельствуетъ ст. 8-я проекта положенія о волостномъ судѣ, по которой волостной судъ учреждается въ каждой волости, но губернскому присутствію предоставляется, на основаніи представленій уѣздныхъ съѣздовъ, соединять по двѣ или нѣсколько мелкихъ волостей въ вѣдѣніи одного волостного суда. Текстъ проекта находится, такимъ образомъ, въ явномъ противорѣчіи съ разсужденіями, ему предпосланными. Безспорно, близость суда удобна для населенія—но ей нельзя приносить въ жертву другихъ, болѣе важныхъ его интересовъ. Лучше проѣхать нѣсколько лишнихъ верстъ, но найти судъ, достойный этого имени. Триста-пятьдесятъ квадратныхъ верстъ—цифра страшная только съ перваго взгляда: она выражаетъ собою, при сколько-нибудь правильномъ очертаніи волости, около двадцати верстъ протяженія въ длину и ширину, т. е., при болѣе или менѣе центральномъ положеніи волостного суда—около десяти верстъ наибольшаго разстоянія отъ него. Мы очень хорошо знаемъ, что оба эти условія встрѣчаются далеко не всегда; помнимъ и то, что за умѣренной средней цифрой скрываются въ отдѣльныхъ случаяхъ, весьма высокія; но вѣдь и двадцати-, даже тридцати-верстное разстояніе не

можетъ считаться, при нашихъ русскихъ привычкахъ, трудно преодолимымъ затрудненіемъ обращенія къ суду. Въ достовѣрности свѣдѣній, пріурочивающихъ существованіе сельскаго суда или суда стариковъ *исключительно* къ обширнымъ волостямъ, мы позволяемъ себѣ усомниться: въ большинствѣ случаевъ такіе суды ускользаютъ отъ оффиціальнаго наблюденія, да и не было, кажется, предпринимаемо особаго изслѣдованія по этому предмету. Гораздо вѣроятнѣе, что причины переживанія внѣ-законныхъ судовъ слѣдуетъ искать отчасти въ недовѣріи къ волостному суду, отчасти – въ томъ желаніи разобраться по совѣсти, по душѣ, которое въ другихъ общественныхъ сферахъ вызываетъ обращеніе къ третейскому судьѣ или третейскимъ судьямъ.

Допустимъ, однако, что низшая судебная инстанція должна непремѣнно быть на лицо въ каждой волости: развѣ это аргументъ въ пользу сословнаго суда? Составъ сельскаго населенія уже теперь настолько разнообразенъ, что найти въ его средѣ болѣе или менѣе развитыхъ людей, способныхъ и готовыхъ принять участіе въ волостномъ судѣ, въ большинствѣ случаевъ было бы вполнѣ возможно. Редакціонная коммиссія указываетъ на затрудненія, съ которыми сопряжено замѣщеніе должностей земскаго начальника, на громадные расходы, которые повлекло бы за собою назначеніе сельскому судьѣ жалованья, хотя бы равнаго окладу городского судьи (2.200 руб.); но вѣдь въ земскіе начальники назначаются только изъ числа дворянъ, между тѣмъ какъ въ волостной судъ могли бы избираться лица всѣхъ сословій,—а въ крупныхъ окладахъ для члена или хотя бы предсѣдателя волостного суда никакой надобности не предстоитъ. Какъ земскій начальникъ, такъ и городской судья должны имѣть довольно высокій образовательный цензъ, пріобрѣтеніе котораго доступно для сравнительно немногихъ; какъ тотъ, такъ и другой должны отдавать службѣ большую часть своихъ силъ и своего времени. Совершенно иныя требованія предъявлялись бы къ члену—или предсѣдателю—нормально организованнаго волостного суда. Образовательный цензъ его, какъ мы увидимъ ниже, могъ бы быть невысокъ; дѣлъ у него было бы немного (засѣданія волостного суда и теперь происходятъ не чаще одного раза въ недѣлю), и они были бы вполнѣ совмѣстимы съ его обычными занятіями; соотвѣтственно этому и содержаніе могло бы быть ему опредѣлено весьма скромное. Покрывалось бы оно, притомъ, изъ сборовъ со всѣхъ земель данной волости, независимо отъ сословій, къ которымъ принадлежатъ землевладѣльцы.

Сильнымъ аргументомъ въ пользу сохраненія крестьянскаго волостного суда служитъ, въ глазахъ редакціонной коммиссіи, „приверженность сельскаго населенія къ своему исконному сословному суду“. Доказательства этой приверженности заимствуются, главнымъ образомъ, изъ работъ коммиссій сенатора Любощинскаго (1873—1875) и статсъ-секретаря Каханова (1881—1885). Со времени закрытія послѣдней изъ этихъ коммиссій прошло почти двадцать лѣтъ, въ продолженіе которыхъ измѣнилось очень и очень многое, какъ въ составѣ сельскаго населенія, такъ и въ характерѣ сельскаго быта. По словамъ самой редакціонной коммиссіи, „экономическая дѣятельность крестьянъ во многихъ мѣстностяхъ усложнилась до неузнаваемости“. Увеличилось неравенство положеній, состояній и степеней развитія; къ прежнимъ занятіямъ прибавились новыя; повысились требованія, предъявляемыя къ жизни. Въ деревняхъ появились новыя профессіи, новыя категоріи дѣятелей. Наплывъ мѣщанъ и ремесленниковъ въ сельскія мѣстности заставилъ законодателя раздвинуть рамки волостной юрисдикціи, подчинивъ ей массу людей, не имѣющихъ ничего общаго съ завѣтами и традиціями крестьянства. Параллельно съ этимъ росла компетенція—и ограничивалась самостоятельность волостного суда. Задачи, ему предлежавшія, дѣлались все труднѣе и труднѣе—а силы его оставались тѣ же. Установленный надъ нимъ надзоръ связывалъ его иниціативу, не предупреждая его злоупотребленій. Понятно, что сообразно съ этимъ не могло не измѣниться и отношеніе населенія къ волостному суду. Если и допустить, что коммиссіямъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ оно представлялось не въ слишкомъ розовомъ свѣтѣ (а въ этомъ позволительно усомниться, такъ какъ крестьяне уже тогда очень охотно обращались къ мировымъ судьямъ, даже по дѣламъ, подсуднымъ волостному суду), то съ тѣхъ поръ „приверженность“ къ волостному суду во всякомъ случаѣ должна была поколебаться или прямо уступить мѣсто нерасположенію и недовѣрію. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить приведенныя нами выше мнѣнія сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. Мы не станемъ утверждать, что отразившійся въ нихъ взглядъ распространенъ повсемѣстно—но основаній для него съ каждымъ годомъ становится все больше и больше. Къ противоположному заключенію могутъ привести, повидимому, отзывы призываемыхъ въ губернскія совѣщанія крестьянъ-должностныхъ лицъ (въ особенности волостныхъ старшинъ), неблагопріятные, въ большинствѣ случаевъ, отступленіямъ отъ дѣйствующаго порядка; но при оцѣнкѣ этихъ

отзывовъ не слѣдуетъ забывать, что обладаніе властью не располагаетъ къ перемѣнамъ, ограничивающимъ ея объемъ или уменьшающимъ ея силу.

Аргументацію, направленную «ad majorem gloriam» нынѣшнихъ волостныхъ судовъ, редакціонная коммиссія старается подтвердить статистическими данными о количествѣ обжалованныхъ и отмѣненныхъ рѣшеній. Доказательной силы за этими данными признать нельзя, какъ въ виду крайней ихъ неполноты (они обнимаютъ собою только 16 уѣздовъ, въ восьми губерніяхъ), такъ и вслѣдствіе недостаточно подробной ихъ разработки. Мы видимъ общую цифру гражданскихъ дѣлъ, рѣшенныхъ волостными судами того или другого уѣзда, но не узнаемъ, сколько изъ нихъ прекращено миромъ или по формальнымъ причинамъ (напр. по неподсудности). Въ текстѣ введенія процентъ отмѣненныхъ уѣздными съѣздами рѣшеній опредѣленъ не по отношенію къ числу дѣлъ, перенесенныхъ, по жалобамъ, въ съѣзды, а по отношенію къ общему числу дѣлъ, рѣшенныхъ волостными судами. Понятно, какъ сильно должны были понизиться, вслѣдствіе этого, процентныя цифры: для гражданскихъ дѣлъ онѣ составляютъ (по губерніямъ) отъ 13,9 до 31,3, а въ среднемъ—16,4%, для уголовныхъ—отъ 8,9 до 17,8, а въ среднемъ—11,4%. Совсѣмъ другія цифры мы находимъ въ вѣдомости, приложенной къ III-му тому трудовъ коммиссіи, потому что тамъ показано отношеніе числа отмѣненныхъ рѣшеній къ числу дѣлъ, поступившихъ на съѣзды: для гражданскихъ дѣлъ это отношеніе равно 51,1%, для уголовныхъ—57,4%. Итакъ, впечатлѣніе получается совершенно другое—и правильное, потому что о степени основательности рѣшеній низшей инстанціи можно и должно судить именно по образу дѣйствій высшей инстанціи относительно тѣхъ изъ нихъ, которыя поступаютъ на ея разсмотрѣніе. Болѣе половины отмѣненныхъ рѣшеній—это очень много; благопріятнаго для волостныхъ судовъ заключенія отсюда вывести никакъ нельзя. Необходимо, кромѣ того, имѣть въ виду, что рѣшенія волостныхъ судовъ часто остаются необжалованными за отсутствіемъ у тяжущихся и подсудимыхъ всякой юридической помощи, а иногда и вслѣдствіе боязни возбудить противъ себя, подачею жалобы, гнѣвъ властнаго или вліятельнаго лица. Замѣтимъ, наконецъ, что на приговоры по дѣламъ уголовнымъ жалобы приносятся гораздо чаще подсудимыми, чѣмъ потерпѣвшими (которыхъ иногда и нѣтъ вовсе); между тѣмъ, изъ упомянутой нами вѣдомости видно, что между рѣшеніями волостныхъ судовъ по дѣламъ уголовнымъ оправдательные приговоры составляютъ болѣе 38%.

Послѣднее соображеніе, приводимое редакціонною коммиссіею въ защиту сословнаго волостного суда, состоитъ въ томъ, что здѣсь не допускается участіе адвокатуры, составляющей язву сельскихъ мѣстностей. Изъ того, что лица, профессіонально занимающіяся ходатайствомъ по дѣламъ, не могутъ являться въ засѣданія волостного суда, еще не слѣдуетъ, однако, чтобы они оставались безъ вліянія на ходъ дѣлъ; наоборотъ, это вліяніе бываетъ иногда очень велико—и очень вредно именно вслѣдствіе своего негласнаго, закулиснаго характера. Гораздо лучше было бы регулировать сельскую адвокатуру, чѣмъ устранять адвокатовъ отъ явки въ волостной судъ, увеличивая, этимъ самымъ, фактическое неравенство между тяжущимися... Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что была, до недавняго времени, еще одна причина, затруднявшая, de facto, упраздненіе сословнаго волостного суда. Пока крестьяне подлежали тѣлесному наказанію, до тѣхъ поръ нельзя было и думать о преобразованіи низшей судебной инстанціи въ нормально составленный и организованный судъ, съ достоинствомъ и призваніемъ котораго назначеніе позорной кары было бы совершенно несовмѣстно. Освободивъ русскій народъ и русское общество отъ этого кошмара, Всемилостивѣйшій манифестъ 11-го августа устранилъ одно изъ главныхъ препятствій къ дѣйствительному упорядоченію нашего судебнаго строя.

Возвратимся теперь къ исходной точкѣ разсужденій редакціонной коммиссіи. Неизбѣжность существованія и впредь сословнаго крестьянскаго (правильнѣе было бы сказать—крестьянско-мѣщанскаго) волостного суда коммиссія выводитъ прежде всего, какъ мы видѣли, изъ необходимости сохраненія для крестьянства особаго матеріальнаго гражданскаго права. Намъ кажется, что слѣдовало бы начать не съ того конца: нужно было бы спросить себя, можетъ ли волостной судъ, въ его настоящемъ—или хотя бы нѣсколько усовершенствованномъ—видѣ, считаться судомъ, достойнымъ этого названія, способнымъ осуществлять задачи правосудія При отрицательномъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ—отвѣтѣ, авторитетно и убѣдительно данномъ большинствомъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ,—падаютъ сами собою всѣ искусственныя подпорки, создаваемыя для сословнаго волостного суда особыми кодексами гражданскимъ, уголовнымъ и процессуальнымъ. Какія бы ни были преподаны руководства суду, не удовлетворяющему самымъ элементарнымъ условіямъ судейской работы, онъ не можетъ оказаться на высотѣ своего призванія. Поддерживать его во что бы то ни

стало нѣтъ, притомъ, никакого основанія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, намъ остается только разсмотрѣть различные способы замѣны сословныхъ волостныхъ судовъ.

Существуетъ мнѣніе, что въ особомъ мѣстномъ судѣ для разбора мелкихъ дѣлъ. по возможности близкомъ къ сельскому населенію, вовсе нѣтъ надобности: всѣ дѣла, подсудныя теперь волостному суду, безъ всякаго неудобства могутъ быть переданы въ вѣдѣніе общаго суда, т. е. того единоличнаго судьи—все равно, какъ бы онъ ни назывался,—который будетъ стоять на первой, низшей ступени судебной іерархіи. Въ одномъ изъ губернскихъ совѣщаній это мнѣніе мотивировалось такъ: въ данной губерніи 126 волостныхъ судовъ, ежегодно рѣшающихъ, въ общей сложности, около 46 тысячъ дѣлъ. На каждый волостной судъ приходится, въ среднемъ, около 365 дѣлъ—въ томъ числѣ немало такихъ, которыя оканчиваются миромъ или вообще требуютъ отъ суда минимальной затраты труда и времени. Если допустить, что въ составъ судебнаго участка, войдутъ, въ среднемъ, три или четыре волости, то участковому судьѣ, какъ преемнику волостного суда, придется разрѣшать ежегодно около 1.500 дѣлъ, что, вмѣстѣ съ остальными подсудными ему дѣлами, вовсе не составитъ непосильнаго для него бремени. Между тѣмъ, сосредоточеніе всѣхъ такъ называемыхъ мелкихъ дѣлъ въ рукахъ одного судьи, юридически образованнаго и подготовленнаго къ своей задачѣ, сразу полагаетъ конецъ всѣмъ затрудненіямъ, возникающимъ изъ недостаточной компетенціи волостного суда. Падаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, самъ собою вопросъ объ особыхъ кодексахъ для земледѣльческаго населенія: ничто не мѣшаетъ подчинить всѣ дѣла, гдѣ бы, между кѣмъ и о чемъ бы они ни возникали, одному общему для всѣхъ матеріальному и процессуальному праву.. Эта аргументація насъ не убѣждаетъ. Главный ея недостатокъ заключается въ томъ, что она слишкомъ мало принимаетъ въ разсчетъ почти повсемѣстную у насъ громадность разстояній и рѣдкость населенія. Вмѣстѣ съ дурными, часто неудобопроѣздимыми дорогами, это сильно затрудняетъ обращеніе къ общему суду, органы котораго не могутъ не быть сравнительно малочисленными и, слѣдовательно, не такъ легко доступными. Въ особенности чувствительной эта трудность была бы для тяжущихся по наиболѣе мелкимъ дѣламъ, цѣнность которыхъ поглощалась бы вся или почти вся издержками дальней поѣздки и сопряженной съ нею потерей труда и времени. Передача этихъ дѣлъ въ вѣдомство участковаго судьи была бы

иногда равносильна отказу въ правосудіи—или вызову на самоуправство. Какъ ни плохъ нынѣшній волостной судъ, онъ имѣетъ достоинство близости—и нежелательно было бы лишать сельское населеніе привычнаго для него удобства: это значило бы сразу уменьшить популярность реформы. На сельскій судъ или судъ стариковъ разсчитывать нельзя, да и не слѣдуетъ: это—вымирающія учрежденія, соотвѣтствовавшія патріархальному фазису народнаго быта, но не находящія для себя мѣста среди новыхъ условій жизни.

Для самыхъ мелкихъ гражданскихъ дѣлъ (примѣрно—цѣною до тридцати рублей) и очень небольшого числа уголовныхъ дѣлъ (влекущихъ за собою, напримѣръ, арестъ не болѣе какъ на семь дней или штрафъ не свыше пяти рублей) слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, сохранить волостной судъ, но *всесословный* какъ по своему составу, такъ и по своему кругу дѣйствій *). Предсѣдатель и члены волостного суда могли бы быть избираемы всесословнымъ волостнымъ сходомъ, подъ условіемъ грамотности—для членовъ, и нѣсколько болѣе высокаго образовательнаго ценза (напр. окончанія курса въ городскомъ или двухклассномъ училищѣ)—для предсѣдателя. Второю инстанціею для дѣлъ, подсудныхъ волостному суду, могъ бы служить участковый судья, вмѣстѣ съ двумя или тремя предсѣдателями волостныхъ судовъ. Всѣ остальныя дѣла, теперь подвѣдомственныя волостному суду, могли бы быть переданы въ вѣдѣніе участковаго судьи, съ присоединеніемъ къ нему, по нѣкоторымъ категоріямъ гражданскихъ дѣлъ, нѣсколькихъ предсѣдателей волостныхъ судовъ. При такомъ устройствѣ мѣстной юстиціи не было бы никакой надобности въ изданіи особыхъ кодексовъ для сельскаго населенія—и вмѣстѣ съ тѣмъ открывалась бы возможность сохранить, въ извѣстныхъ предѣлахъ, дѣйствіе обычнаго права, пока все, что въ немъ есть цѣннаго и важнаго, не будетъ включено въ составъ общаго гражданскаго уложенія. Подробное развитіе этой мысли мы представимъ въ другой разъ, вмѣстѣ съ разборомъ уставовъ о наказаніяхъ и о договорахъ и наслѣдованіи, составленныхъ редакціонною коммиссіею.

Весьма поучителенъ и интересенъ общій обзоръ заключеній сельскохозяйственныхъ комитетовъ по вопросамъ крестьянскаго правопорядка, составляющій послѣднюю часть упомянутаго нами систематическаго свода.

---

*) «Возможнымъ, конечно, было бы при этомъ соединеніе двухъ или болѣе волостей въ вѣдѣніи одного волостного суда». (Примѣч. „Вѣстн. Евр.“).

Вообще за устраненіе правовой обособленности крестьянъ высказались *пять* губернскихъ и *семьдесятъ четыре* уѣздныхъ комитета; на сторонѣ противоположнаго мнѣнія оказались только *два* губернскихъ и *три* уѣздныхъ комитета. За устраненіе обособленности крестьянъ въ правахъ личныхъ и по состоянію, въ порядкѣ управленія и суда, подали голосъ *десять* уѣздныхъ комитетовъ; за устраненіе обособленности крестьянъ въ правахъ гражданскихъ—*шесть* губернскихъ и *восемь* уѣздныхъ комитетовъ (противъ—*одинъ* губернскій комитетъ); за устраненіе обособленности крестьянъ въ отношеніи уголовной отвѣтственности—*четыре* губернскихъ и *десять* уѣздныхъ комитетовъ *). Чтобы правильно оцѣнить значеніе этихъ цифръ, необходимо помнить, что вопросъ о крестьянскомъ правопорядкѣ не входилъ въ программу комитетовъ и самая его постановка, особенно въ губернскихъ комитетахъ, часто встрѣчала непреодолимыя препятствія. Между уѣздными комитетами было, притомъ, немало такихъ, предсѣдатели которыхъ поняли свою задачу очень узко, пригласили къ участію въ работѣ весьма немногихъ мѣстныхъ дѣятелей и дали ей характеръ чисто формальной отписки. Важно то, что, однажды поставленная на очередь, полу-запретная тема въ огромномъ большинствѣ случаевъ получала широкое развитіе и правильное освѣщеніе.

Въ сводѣ заключеній комитетовъ по вопросамъ, касающимся спеціально волостного суда, мы замѣтили нѣсколько небольшихъ погрѣшностей. Отвѣты, въ сущности однородные, разнесены иногда по различнымъ рубрикамъ—и наоборотъ, въ одну группу соединены не совсѣмъ одинаковыя или даже совсѣмъ не одинаковыя рѣшенія даннаго вопроса. Къ числу комитетовъ, высказавшихся за замѣну волостного суда общими судебными установленіями, отнесенъ, напримѣръ, елецкій (орловской губерніи) уѣздный комитетъ, который на самомъ дѣлѣ призналъ желательныхъ рѣшеніе нѣкоторыхъ гражданскихъ споровъ, возникающихъ въ средѣ крестьянъ, съ участіемъ мѣстнаго элемента, въ качествѣ экспертовъ или въ качествѣ засѣдателей при коронномъ судьѣ, по образцу гминныхъ судовъ. Съ другой

*) «Любопытно отмѣтить, что за сохраненіе тѣлеснаго наказанія большинство голосовъ (9 противъ 7) оказалось только въ *одномъ* уѣздномъ комитетѣ (подольскомъ, московской губерніи), а противъ него высказались *восемь* губернскихъ и *тридцать девять* уѣздныхъ комитетовъ (причемъ въ счетъ не введены тѣ комитеты, которые, не касаясь прямо тѣлеснаго наказанія, осудили его косвенно, выражая пожеланіе равноправности крестьянъ и другихъ сословій)». (Примѣч. „Вѣстн. Евр.“).

стороны, въ группу комитетовъ, желающихъ сохранить сословный крестьянскій судъ, включены комитеты, стоящіе за полную или частичную безсословность его состава, а также комитетъ, предложившій *назначеніе* волостныхъ судей. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, одно: за оставленіе волостного суда въ нынѣшнемъ его видѣ подали голосъ весьма немногіе комитеты (два губернскихъ—пермскій и нижегородскій, и четыре уѣздныхъ—смоленскій, макарьевскій, подольскій и новооскольскій), а расширеніе его круга дѣйствій ни однимъ комитетомъ предложено не было. За упраздненіе или коренное преобразованіе волостного суда высказались *десять* губернскихъ комитетовъ (волынскій, кіевскій, костромской, курскій, новгородскій, орловскій, псковской, рязанскій, таврическій и черниговскій) и *девяносто два* уѣздныхъ. Трудно предположить, чтобы такое распредѣленіе голосовъ могло быть оставлено безъ вниманія при окончательномъ разрѣшеніи вопроса о крестьянскомъ судѣ. Оно сохранило бы свое значеніе даже въ такомъ случаѣ, еслибы на сторону нынѣшняго волостного суда стали всѣ или почти всѣ губернскія совѣщанія,—но и въ средѣ послѣднихъ проектъ положенія о волостномъ судѣ, составленный редакціонною коммиссіею, вызвалъ немало принципіальныхъ возраженій... Замѣтимъ, въ заключеніе, что систематическій сводъ по вопросамъ крестьянскаго правопорядка обнимаетъ собою только 49 губерній Европейской Россіи, не касаясь, между прочимъ, ни остзейскаго края, ни Донской области, ни Туркестана, ни Сибири; между тѣмъ, и здѣсь въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ слышались голоса за равноправность крестьянъ съ другими сословіями и, спеціально, за коренное преобразованіе волостного суда *)».

Проф. А. М. Гуляевъ. „Вопросы частнаго права въ проектахъ законоположеній о крестьянахъ“:

.....«По Положенію 19 февраля 1861 г., волостной судъ предполагался существующимъ отдѣльно отъ административныхъ крестьянскихъ органовъ, и ст. 104 Положенія (нынѣ 167 по изд. 1902 г.) гласила: „волостной старшина и староста не должны вмѣшиваться въ производство волостного суда и не присутствуютъ при обсужденіи дѣлъ“; напротивъ, по закону 12 іюля 1889 г. „съѣздъ, если признаетъ нужнымъ, можетъ возложить обязанности предсѣдателя (волостного суда) на мѣстнаго волостного стар-

*) «См. «Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности». т. I, стр. 425—6». (Ссылка „Вѣстн. Евр.“).

шину“ (ст. 113 Общ. П.), а проектъ положенія о волостномъ судѣ идетъ еще дальше, постановляя (ст. 12), что на должность волостного судьи избираются лица, имѣющія право быть избранными въ члены волостного схода, такъ что не исключается возможность избранія въ судьи исключительно лицъ, несущихъ административныя обязанности. Никакого образовательнаго ценза для этихъ судей не установлено; только о предсѣдателѣ, назначаемомъ съѣздомъ, ст. 13 говоритъ, что „назначаемый въ предсѣдатели долженъ быть лицомъ хорошо грамотнымъ“,—значитъ, прочіе судьи могутъ быть и вовсе неграмотными. При такомъ характерѣ состава волостного суда огромное вліяніе на ходъ судопроизводства долженъ пріобрѣсть волостной писарь или тотъ особый дѣлопроизводитель волостного суда, объ учрежденіи должности котораго предоставляется право постановить волостному сходу или самому волостному суду; образовательный цензъ и этого непремѣннаго члена волостного суда не высокъ: онъ назначается земскимъ начальникомъ изъ лицъ благонадежныхъ, хорошо знающихъ русскую грамоту (ст. 19). Такъ какъ „дѣлопроизводство волостного суда, а также храненіе въ порядкѣ дѣлъ и книгъ онаго, возлагаются или на одного изъ волостныхъ судей или на волостного писаря, подъ ближайшимъ наблюденіемъ предсѣдателя суда“ (ст. 16), или на дѣлопроизводителя, то волостной судъ, учрежденіе по закону коллегіальное, неминуемо превратится фактически въ судебно-административный единоличный органъ, въ соотвѣтствіе должности земскаго начальника, такъ какъ предсѣдатель волостного суда, онъ же, быть можетъ, и волостной старшина, и его подручные писарь и дѣлопроизводитель окажутся низшими судебно-административными агентами.

Сами редакторы не скрываютъ отъ себя, что волостные судьи, какъ судьи, очень неудовлетворительны; лица эти чужды не только юридическому образованію, но, быть можетъ, и грамотности. О какой-же судейской самостоятельности, о какомъ судейскомъ достоинствѣ можетъ быть рѣчь по поводу такихъ органовъ юстиціи? Можетъ-ли населеніе уважать такой судъ? И теперь крестьяне не смотрятъ на волостной судъ съ большимъ уваженіемъ; но теперь—гдѣ не дѣйствуютъ еще земскіе начальники—крестьяне могутъ обращаться со своими исками и въ общія судебныя мѣста; когда-же доступъ въ общія судебныя мѣста будетъ крестьянамъ закрытъ, то придется имъ довольствоваться лишь своимъ сословнымъ судомъ, несмотря на то, что подчиненность этого суда земскому начальнику

исключаетъ всякую тѣнь подозрѣнія о свободѣ судейской совѣсти. Въ самомъ дѣлѣ, по ст. 30, „при ревизіи волостныхъ судовъ земскіе начальники, равно какъ уѣздные предводители дворянства, имѣютъ право дѣлать составу судовъ надлежащія *указанія, замѣчанія и выговоры*“; но этого еще мало: „если означенныя должностныя лица убѣдятся, что волостные судьи исправляютъ свои обязанности неудовлетворительно, или, вообще, не соотвѣтствуютъ занимаемой должности, то представляютъ о томъ уѣздному съѣзду, устраняя, въ случаяхъ особо важныхъ, неисправныхъ судей отъ исполненія обязанностей впредь до рѣшенія дѣла съѣздомъ“. А что, если съѣздъ найдетъ дѣйствія устраненнаго судьи правильными? Получится результатъ совсѣмъ неудобный для поддержанія престижа власти среди крестьянъ.

И вотъ, почему-то суду, состоящему изъ неграмотныхъ лицъ, находящихся при томъ въ полномъ подчиненіи у земскаго начальника, хотятъ предоставить рѣшеніе не какихъ либо маловажныхъ дѣлъ, а споровъ гражданскихъ, затрогивающихъ самые существенные интересы сельскаго населенія. „Изъ числа гражданскихъ дѣлъ, гласитъ ст. 2 проекта положенія о волостномъ судѣ, вѣдѣнію волостного суда подлежатъ иски: 1) на *всякую сумму*: а) о недвижимомъ имуществѣ, входящемъ въ составъ крестьянскаго надѣла, и о движимости, составляющей его хозяйственную принадлежность, и б) о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, равно какъ нарушеннаго участія въ пользованіи и выгодахъ сосѣдскаго имущества (права участія частнаго), если со времени нарушенія прошло не болѣе года; 2) на сумму не свыше *пятисотъ рублей*: а) объ имуществѣ внѣнадѣльномъ, расположенномъ въ предѣлахъ волости, недвижимомъ и движимомъ; б) по договорамъ и обязательствамъ; в) объ убыткахъ, выселеніи, снесеніи построекъ, обезпеченіи родителей, содержаніи внѣбрачныхъ дѣтей и по другимъ предметамъ, не поименованнымъ въ предшедшемъ (1) пунктѣ“. Эта статья, представляя собою заимствованія изъ временныхъ правилъ 1889 года, расширяетъ однако компетенцію волостного суда, поднимая предѣлъ подсудности съ 300 р. до 500 р. Но такъ какъ крестьянскіе иски рѣдко оцѣниваются выше 200—300 р. и обыкновенно имѣютъ своимъ предметомъ надѣльную землю, то практически постановленіе ст. 2 сводится къ тому, что всѣ крестьянскіе иски подлежатъ вѣдѣнію волостного суда; сдѣлано изъ этого положенія одно исключеніе: „изъ вѣдѣнія волостного суда изъемлются тѣ иски, коими отыскивается право собственности на недвижимое имущество или право владѣ-

нія такимъ имуществомъ на основаніи акта крѣпостного, или совершеннаго или явленнаго у нотаріуса“ (ст. 3). Изъ сопоставленія положительной и отрицательной формулировки компетенціи волостного суда слѣдуетъ, что и такіе иски, какъ искъ о законности рожденія, вообще о правахъ состоянія, о привилегіяхъ на открытія и изобрѣтенія, объ авторскомъ правѣ, должны быть признаны подсудными волостному суду,—по крайней мѣрѣ, иски эти положительно не изъяты изъ компетенціи волостного суда.

Но не одни лишь исковыя дѣла подвѣдомственны волостному суду; на волостной судъ возлагаются и функціи охранительнаго производства: „сверхъ того, къ вѣдомству волостного суда относятся дѣла по охраненію, утвержденію за наслѣдниками и раздѣлу находящихся въ предѣлахъ волости имуществъ, оставшихся послѣ смерти лицъ сельскаго состоянія, а равно иски о наслѣдованіи въ этихъ имуществахъ и споры наслѣдниковъ между собою: а) безъ ограниченія суммы, когда недвижимое имущество входитъ въ составъ крестьянскаго надѣла, а движимость составляетъ принадлежность этого надѣла и б) когда цѣнность оставшагося внѣнадѣльнаго недвижимаго имущества не превышаетъ двухъ тысячъ, а движимаго—пятисотъ рублей“ (ст. 2). Для крестьянъ подсудность дѣла волостному суду въ указанныхъ предѣлахъ является исключительной; но для не крестьянъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда истецъ не крестьянинъ, а отвѣтчикъ—принадлежитъ къ крестьянамъ, подвѣдомственность дѣлъ оказывается факультативной: „лицо, неподвѣдомственное волостному управленію, въ случаѣ возникновенія между нимъ и подчиненнымъ сему управленію лицомъ, или крестьянскимъ обществомъ гражданскаго либо уголовнаго дѣла, подвѣдомственнаго волостному суду, имѣетъ право искать удовлетворенія въ семъ судѣ“. Нельзя признать это положеніе послѣдовательнымъ: если ужъ дѣло подсудно волостному суду по своему существу и по лицу отвѣтчика, то всякій истецъ и долженъ идти въ волостной судъ.

Въ сравненіи съ первоначальными правилами о компетенціи волостного суда по Положенію 19 февраля 1861 года, проектируемыя правила, приводящія къ дальнѣйшему расширенію компетенціи волостного суда по закону 1889 г., обезпечиваютъ торжество сословнаго начала, упуская изъ вида, что первая инстанція крестьянскаго суда ни по образовательному цензу судей, ни по ихъ отношенію къ администраціи, не можетъ внушить къ себѣ довѣрія со стороны того населенія, интересы котораго поручаются вѣдѣнію этого завѣдомо неудовлетворительнаго учрежденія. Если во-

лостной судъ неудовлетворителенъ и въ то же время принадлежитъ лишь къ переходной эпохѣ въ жизни освобожденнаго крестьянства, то не объ исправленіи волостного суда, не о надѣленіи его особымъ, нарочно для него созданнымъ кодексомъ должна идти рѣчь; онъ уже сыгралъ свою роль—и подлежитъ упраздненію.

Отдѣльнаго крестьянскаго сословнаго суда не должно быть, хотя бы даже судъ этотъ организованъ былъ по подобію общихъ судебныхъ мѣстъ, дѣйствующихъ по Судебнымъ Уставамъ Императора Александра II; и именно потому, что въ организаціи крестьянскаго суда хотятъ подражать великому образцу, нужно признать, что Судебные Уставы отличаются такими совершенствами, въ виду которыхъ распространеніе ихъ на все населеніе является единственно желательнымъ.

Но редакторы сошли съ первоначальнаго пути, предначертаннаго въ Положеніяхъ 19 февраля 1861 г.; потерявъ эту твердую почву, стали искать, на чемъ бы построить зданіе крестьянскаго суда, и съ внѣшней, по крайней мѣрѣ, стороны построили его по типу Учрежденія судебныхъ установленій. Разумѣется, и въ этомъ случаѣ проявлено редакторами не много оригинальности, такъ какъ предъ ними уже былъ готовый образецъ въ видѣ временныхъ правилъ о волостномъ судѣ 1889 года. Эти правила, конечно, изъ Положеній 1861 г. не вытекали, и выраженіемъ основныхъ началъ Общаго Положенія 19 февраля 1861 г. никакъ считаться не могли и не могутъ: поэтому-то именно, въ исполненіе Высочайшихъ предначертаній о пересмотрѣ законоположеній о крестьянахъ въ духѣ Положеній 1861 г., на редакторовъ и падала обязанность подвергнуть не дальнѣйшему развитію, а критической оцѣнкѣ новѣйшее крестьянское судоустройство, въ цѣляхъ подчиненія крестьянъ общимъ судебнымъ уставамъ. Не то сдѣлала редакціонная коммиссія.

По Положенію 19 февраля 1861 г. рѣшенія волостныхъ судовъ почитались окончательными, если при постановленіи ихъ не были допущены нарушенія законовъ; если-же при постановленіи рѣшенія нарушены были законы о волостномъ судѣ, то по закону 14 февраля 1866 г. рѣшенія волостного суда могутъ быть отмѣнены съѣздомъ мировыхъ посредниковъ, при чемъ „мировой съѣздъ, при разсмотрѣніи просьбъ и представленій объ отмѣнѣ рѣшеній и приговоровъ волостного суда, ограничивается обсужденіемъ лишь вопроса о томъ: дѣйствительно-ли въ рѣшеніи суда заключается одно изъ указанныхъ нарушеній, и затѣмъ, если признаетъ, что

рѣшеніе волостного суда подлежитъ отмѣнѣ, вмѣстѣ съ отмѣной такого рѣшенія предоставляетъ постановить новое рѣшеніе волостному суду по принадлежности" (ст. 176 по изд. 1902 г.). Функція съѣзда оказывается, такимъ образомъ, функціей кассаціонной, а не апелляціонной; рѣшеніе по существу дѣла постановляется всегда первой инстанціей.

Временныя правила 1889 года перенесли на уѣздные съѣзды апелляціонныя функціи, установивъ, что „уѣздный съѣздъ, по разсмотрѣнію поступившихъ отъ земскаго начальника рѣшенныхъ волостнымъ судомъ дѣлъ, отмѣняетъ рѣшенія, постановленныя съ нарушеніемъ подсудности, а по остальнымъ или оставляетъ въ силѣ рѣшеніе волостного суда, или *постановляетъ новое рѣшеніе по существу*, или же передаетъ дѣло въ другой волостной судъ для новаго разсмотрѣнія и рѣшенія" (ст. 142). Уѣздный съѣздъ долженъ, по закону, состоять изъ болѣе или менѣе образованныхъ, и даже спеціально образованныхъ людей; тамъ есть, по крайней мѣрѣ, одинъ профессіональный юристъ, уѣздный членъ окружного суда, которому, по словамъ редакторовъ, принадлежитъ наиболѣе вліятельная въ съѣздѣ роль. И если при такомъ составѣ второй инстанціи дѣло будетъ разрѣшено по существу, то есть основаніе полагать, что допущенныя волостнымъ судомъ неправильности рѣшенія будутъ устранены компетентнымъ органомъ. Но редакторы проекта положенія о волостномъ судѣ создали новую—чисто апелляціонную инстанцію, безъ примѣси кассаціоннаго элемента, это волостной судебный съѣздъ (ст. 7). „Волостной судебный съѣздъ, говоритъ ст. 34, состоитъ изъ предсѣдателей подвѣдомственныхъ съѣзду волостныхъ судовъ, подъ предсѣдательствомъ земскаго начальника того участка, въ предѣлахъ коего находится мѣсто пребыванія волостного съѣзда. Уѣздному предводителю дворянства принадлежитъ право принимать на себя предсѣдательствованіе въ находящихся въ предѣлахъ уѣзда волостныхъ съѣздахъ". Изъ этого прежде всего видно, что вторая крестьянская судебная инстанція, по мысли редакторовъ, должна состоять изъ такихъ-же невинныхъ въ законовѣдѣніи лицъ, какъ и первая; здѣсь не должно быть мѣста профессіональному юристу, потому что, какъ извѣстно, отъ земскаго начальника требуется принадлежность къ мѣстному потомственному дворянству, нѣкоторый имущественный цензъ и нѣкоторый, правда очень скромный и отнюдь не спеціально юридическій, образовательный цензъ, а то и ничего не требуется, кромѣ нѣкоторой практической опытности (ст. 6, 7, 15 III кн. Особ. Прил. IX т. Св. З.). Значитъ,

минимальныя требованія относительно образовательнаго ценза членовъ волостного съѣзда остаются тѣ же, какія предъявляются проектомъ къ лицамъ, назначаемымъ на должность предсѣдателей волостныхъ судовъ: это должны быть лица хорошо грамотныя (ст. 13). Не восполнитъ недостатка юридическаго образованія въ съѣздѣ и тотъ непремѣнный членъ, который именуется дѣлопроизводителемъ волостного съѣзда (ст. 37): проектъ, не предъявляя къ этому лицу какихъ-либо положительныхъ относительно образовательнаго ценза требованій, ограничивается указаніемъ, что этой должности присвоиваются X классъ и окладъ содержанія изъ суммъ государственнаго казначейства и что на должность дѣлопроизводителя могутъ быть назначаемы лица, не имѣющія правъ государственной службы; назначаетъ этого дѣлопроизводителя предсѣдатель съѣзда.

Трудно мириться съ отсутствіемъ образовательнаго ценза у должностныхъ лицъ вообще, потому что, предполагается, высокій образовательный цензъ лица составляетъ извѣстную гарантію и нравственнаго ценза этого лица: не даромъ законъ о земскихъ начальникахъ уменьшаетъ имущественный цензъ для лицъ съ высшимъ образованіемъ, не требуя отъ нихъ даже дворянскаго происхожденія (ст. 15). Еще труднѣе мириться съ отсутствіемъ спеціально юридическаго образовательнаго ценза у лицъ, облеченныхъ судейскими функціями: знаніе текста законовъ—одно, а умѣнье примѣнить законъ, хотя бы и по крестьянскому кодексу,—другое. Какъже будутъ творить судъ лица въ знаніи и пониманіи законовъ не умудренныя, да еще въ томъ составѣ, какой проектированъ для волостныхъ съѣздовъ? Вѣдь въ сущности волостной съѣздъ—это единоличная власть земскаго начальника, только гарнированная предсѣдателями волостныхъ судовъ: можетъ-ли предсѣдатель волостного суда имѣть свое сужденіе, отличное отъ взгляда земскаго начальника, когда самъ этотъ предсѣдатель волостного суда, какъ власть волостного управленія, подчиненъ земскому начальнику? Правда, по проекту (ст. 40) въ разбирательствѣ дѣла въ съѣздѣ не можетъ участвовать предсѣдатель того волостного суда, коего дѣло обжаловано; но въ то-же время съѣздъ въ правѣ, если признаетъ нужнымъ, предложить означенному предсѣдателю изложить словесно, послѣ объясненій сторонъ, тѣ основанія, по которымъ волостной судъ постановилъ обжалованное рѣшеніе. Развѣ это гарантія правильнаго отправленія правосудія? Конечно—волостной съѣздъ еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ волостной судъ,—только пародія на судебное мѣсто;—ни о какой самостоя-

тельности судей въ такомъ судебномъ мѣстѣ не можетъ быть и рѣчи, когда члены съѣзда находятся въ непосредственной зависимости отъ своего предсѣдателя; а судья безъ самостоятельности взглядовъ, безъ смѣлости защищать ихъ вовсе и не судья. Волостной съѣздъ—это пародія на коллегіальный судъ, пародія плохая и обидная для всего дѣла правосудія.

Созданіе этой апелляціонной инстанціи (что она только апелляціонная видно изъ ст. 144 проекта) не предусмотрѣно ни Положеніемъ 19 февраля 1861 г., ни закономъ 14 февраля 1866 г., ни временными правилами 12 іюля 1889 г. Это плодъ измышленія редакторовъ, плодъ совершенно незрѣлый, негодный къ употребленію. Мысль о созданіи такой инстанціи—мысль вредная по своимъ послѣдствіямъ, и она должна быть оставлена. Кассаціонную инстанцію редакторамъ не пришлось измышлять,—они нашли ее готовою во временныхъ правилахъ 12 іюля 1889 года—въ видѣ губернскаго присутствія. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы существованіе этой инстанціи, ея организація и кругъ подвѣдомственныхъ ей дѣлъ обезпечивали-бы достиженіе тѣхъ цѣлей, которыя должно себѣ ставить государство въ сферѣ объединенія гражданскаго права. Какъ разъ наоборотъ: эти кассаціонныя инстанціи, какъ-бы онѣ ни были организованы, приведутъ къ совершенно противоположной цѣли,—къ распаденію территоріи Имперіи, съ точки зрѣнія дѣйствующаго въ ней права, на столько отдѣльныхъ областей, сколько будетъ губернскихъ кассаціонныхъ инстанцій, ничѣмъ одна съ другой не связанныхъ.

Въ составѣ судебныхъ засѣданій губернскихъ присутствій юридическій элементъ представленъ очень слабо: „въ составъ губернскаго присутствія приглашаются, на правахъ членовъ, для участія въ разсмотрѣніи судебныхъ дѣлъ, переносимыхъ въ него изъ уѣздныхъ съѣздовъ... предсѣдатель или членъ мѣстнаго окружнаго суда“ (ст. 97 кн. III Особ. Прил. IX т.); кромѣ того, по ст. 98 „по дѣламъ судебнымъ присутствующее въ засѣданіяхъ губернскаго присутствія лицо прокурорскаго надзора предъявляетъ присутствію въ надлежащихъ случаяхъ свои заключенія, не принимая участія въ постановленіи рѣшеній“. Такимъ образомъ, можетъ оказаться, что для разсмотрѣнія кассаціонной жалобы на рѣшеніе волостного съѣзда по гражданскому дѣлу въ составѣ присутствія не окажется ни одного компетентнаго лица, потому что предсѣдатель окружнаго суда или членъ суда могутъ быть и не цивилистами. Что же касается всего остального состава губернскаго присутствія, то это все лица административнаго

вѣдомства, въ большинствѣ случаевъ отъ юридическаго образованія свободныя: губернаторъ, губернскій предводитель дворянства, вице-губернаторъ и два непремѣнные члена. Если-бы еще оба послѣдніе обладали высшимъ образованіемъ, и при томъ спеціально юридическимъ цензомъ, то можно было-бы ожидать, что губернское присутствіе, несмотря на свой неоднородный составъ, могло-бы разобраться въ сложныхъ вопросахъ гражданскаго права и процесса; но отъ непремѣнныхъ членовъ требуется тотъже скромный образовательный цензъ, какимъ должны обладать земскіе начальники (ст. 99). Между тѣмъ на губернское присутствіе, какъ на кассаціонную инстанцію, возлагаются сложныя обязанности отмѣны рѣшеній при наличности слѣдующихъ условій: „1) когда съѣздомъ постановлено рѣшеніе по дѣлу, неподсудному волостному суду; 2) когда съѣздъ въ своемъ рѣшеніи явно нарушилъ прямой смыслъ правилъ положенія о надѣльныхъ земляхъ, сельскихъ уставовъ о договорахъ и о наслѣдованіи, положеніе о наймѣ на сельскія работы или волостного устава о наказаніяхъ, или-же утвердилъ рѣшеніе волостного суда, постановленное съ такимъ нарушеніемъ, и 3) когда при производствѣ или рѣшеніи дѣла въ съѣздѣ, допущено столь существенное нарушеніе закона, что вслѣдствіе сего рѣшеніе съѣзда невозможно признать въ силѣ судебнаго рѣшенія“ (ст. 147 проекта). Губернское присутствіе призвано, такимъ образомъ, къ истолкованію истиннаго смысла законовъ, хотя и предназначенныхъ для крестьянъ, но тѣмъ не менѣе, какъ это мы видѣли уже при разсмотрѣніи сельскихъ уставовъ *), дающихъ готовыя формулы изъ общихъ законовъ. Возможно, конечно,—что и желательно,—что губернскія присутствія будутъ руководствоваться разъясненіями Правительствующаго Сената; но и для этого нужно обладать нѣкоторой теоретической подготовкой, да къ тому-же заглядываніе въ сенатскія рѣшенія будетъ зависѣть отъ доброй воли непремѣнныхъ членовъ, у которыхъ и такъ не мало своего дѣла. И станутъ губернскія присутствія судить по своему крайнему разумѣнію и толковать законы, какъ Богъ на душу положитъ. Возможно, что одно и то же положеніе изъ сельскаго устава или изъ правилъ о судопроизводствѣ въ волостномъ судѣ получитъ совершенно различныя истолкованія въ различныхъ губернскихъ присутствіяхъ; а если къ этому прибавить еще, что сельскіе уставы, какъ мы видѣли *), открываютъ широкій просторъ

*) См. ниже.

примѣненію мѣстнаго обычая, то существованіе этихъ пародій на кассаціонные департаменты Сената приведетъ къ тому, что вмѣсто единаго гражданскаго права, если не для всей Имперіи, то по крайней мѣрѣ для извѣстной территоріи, у насъ получится столько своеобразныхъ системъ гражданскаго права, сколько будетъ губернскихъ присутствій: каждое изъ нихъ по своему будетъ понимать законъ, каждое будетъ создавать прецеденты, обязательные только для подвѣдомственныхъ ему учрежденій, у каждаго будетъ складываться своя собственная практика.

Тогда какъ единство права составляетъ предметъ заботъ европейскихъ народовъ, заботъ разумныхъ, направленныхъ къ сплоченію частей государственнаго организма, у насъ не только не культивируется эта работа, но, напротивъ, принимаются всѣ мѣры къ разобщенію частей населенія Имперіи по началамъ національнымъ—въ формѣ дальнѣйшаго дѣйствія, даже и при существованіи уложенія, самостоятельныхъ гражданскихъ кодексовъ, по началамъ сословнымъ—въ формѣ составленія отдѣльныхъ кодексовъ для крестьянъ и установленія множества самостоятельныхъ кассаціонныхъ инстанцій. Въ чьихъ-же интересахъ это разъединеніе частей населенія, это разобщеніе въ области матеріальнаго и процессуальнаго права?

Со стороны редакціонной коммиссіи сдѣлано, повидимому, все для того, чтобы судъ творили не судьи, а представители администраціи, въ судебныхъ дѣлахъ вовсе и не свѣдущіе. Но въ такомъ случаѣ правильнѣе было-бы и не называть эти учрежденія судебными, разъ самымъ существованіемъ этихъ учрежденій нарушается выработанный наукой и провѣренный продолжительнымъ опытомъ принципъ раздѣленія властей судебной и административной. Между тѣмъ учрежденія эти снабжаются спеціально для нихъ выработанными кодексами матеріальнаго права и особымъ уставомъ судопроизводства: насколько кодексъ матеріальнаго права не отличается оригинальностью, будучи простымъ заимствованіемъ изъ закона дѣйствующаго и будущаго уложенія, мы уже видѣли *). Намъ остается теперь разсмотрѣть, въ какой мѣрѣ своеобразенъ тотъ процессуальный законъ, которымъ хотятъ редакторы вооружить сословный крестьянскій судъ. Быть можетъ, въ правилахъ судопроизводства у крестьянъ мы найдемъ, нако-

*) См. ниже.

нецъ, объясненіе, почему для крестьянъ должно существовать отдѣльное законодательство?

Всякому извѣстно, что законы о судѣ состоятъ изъ правилъ судоустройства и правилъ судопроизводства; послѣднія излагаются отдѣльно для суда гражданскаго и отдѣльно для суда уголовнаго. Къ такому порядку изложенія всѣ привыкли, начиная съ перваго изданія свода законовъ; такого порядка держатся судебные уставы Императора Александра II, и даже въ положеніи о земскихъ начальникахъ соблюдается этотъ порядокъ. Тѣмъ болѣе странно видѣть этотъ обычный порядокъ изложенія законовъ о судѣ нарушеннымъ въ проектѣ положенія о волостномъ судѣ. Здѣсь все смѣшано въ одну кучу—и судоустройство и судопроизводство гражданское и судопроизводство уголовное, и во главѣ правилъ о судопроизводствѣ выставлено слѣдующее положеніе: „гражданскія и уголовныя дѣла разбираются волостнымъ судомъ на одинаковыхъ основаніяхъ, съ соблюденіемъ лишь отличій, указанныхъ въ нижеслѣдующихъ статьяхъ“ (ст. 47); а въ слѣдующихъ статьяхъ и говорится, какъ начинаются дѣла гражданскія и чѣмъ отличается возбужденіе уголовныхъ дѣлъ. Уже поэтому не слѣдовало-бы обобщать правила производства гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, имѣя въ виду, что и проектируемый судъ и стороны въ одинаковой мѣрѣ несвѣдущи въ правѣ.

Но сказанное касается лишь внѣшняго порядка изложенія законовъ о судѣ. Хотя правила эти изложены съ пренебреженіемъ къ установившемуся порядку, освященному и исторіей нашего законодательства и наукою права, однако въ изложеніи правилъ гражданскаго судопроизводства редакторы не рѣшились отказаться отъ такихъ безспорныхъ въ законодательствѣ и въ наукѣ положеній какъ nemo judex sine actore, ne procedat judex ultra petita partium, ne procedat judex ex officio. Эти положенія сохраняются и въ проектѣ, несмотря на то, что, по духу всѣхъ проектовъ законоположеній о крестьянахъ, можно было-бы ожидать полнаго смѣшенія началъ одного процесса съ началами другого. Такъ, по ст. 51, гражданскіе иски возбуждаются принесеніемъ волостному суду устной или письменной просьбы о разборѣ дѣла; означенная просьба подается истцомъ. Значитъ, и въ волостномъ судѣ гражданскій искъ можетъ быть возбужденъ однимъ только заинтересованнымъ частнымъ лицомъ, но не можетъ быть возбужденъ крестьянскими властями; даже если при разборѣ дѣла, возбужденнаго въ уголовномъ порядкѣ, судъ усмотритъ, что дѣло это пред-

ставляетъ споръ гражданскій, то онъ въ правѣ прекратить дальнѣйшее уголовное разслѣдованіе и, *по просьбѣ жалобщика,* продолжать разсмотрѣніе дѣла, какъ иска гражданскаго (ст. 59). Соотвѣтственно сему, каждое гражданское дѣло можетъ быть прекращено во всякое время производства отказомъ истца отъ дальнѣйшаго его веденія (ст. 50), и судъ не въ правѣ присудить истцу болѣе того, чего истецъ требовалъ съ отвѣтчика въ поданной суду просьбѣ или въ словесныхъ при разборѣ дѣла объясненіяхъ. Ясно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ проявленіемъ общаго начала частной иниціативы въ гражданскомъ процессѣ, какъ оно выражено въ ст. 4 и 706 уст. гр. суд. Начало состязательности (audiatur et altera pars) проведено въ положеніе о волостномъ судѣ въ ст. 105: „судъ не можетъ приступить къ размотрѣнію дѣла, если стороны или одна изъ сторонъ, за временною отлучкою, не получили увѣдомленія о явкѣ къ разбору дѣла“ и въ ст. 112: „при несогласіи сторонъ на миръ, сначала истецъ излагаетъ обстоятельства дѣла и заявляетъ свои требованія, а затѣмъ отвѣчикъ долженъ объяснить, признаетъ онъ или отвергаетъ означенныя требованія“. Обоюдныя заявленія сторонъ должны быть подтверждены доказательствами, что видно изъ ст. 113: „по выслушаніи доказательствъ истца и послѣ объясненій отвѣтчика допрашиваются ихъ свидѣтели и разсматриваются представленныя ими иныя доказательства“. Приводимыя сторонами доказательства сводятся къ свидѣтельскимъ показаніямъ и письменнымъ документамъ; доказательства повѣряются заключеніемъ свѣдущихъ лицъ и осмотромъ на мѣстѣ. Отношеніе между способами доказательствъ то-же, что и въ уставѣ гражданскаго судопроизводства. Свидѣтельскія показанія— излюбленный пріемъ доказыванія у крестьянъ, которые въ каждомъ исковомъ прошеніи непремѣнно указываютъ свидѣтелей въ подтвержденіе и такихъ заявленій, которыя, по дѣйствующему закону, свидѣтелями доказываемы быть не могутъ. Положеніе о волостномъ судѣ однако не дѣлаетъ уступки этой склонности крестьянъ доказывать все свидѣтелями, а именно: „по дѣламъ о наймѣ недвижимости на срокъ свыше трехъ лѣтъ, о заемныхъ обязательствахъ на сумму свыше тридцати рублей, о процентахъ, неустойкахъ, поручительствѣ, запродажѣ недвижимаго имущества и отмѣнѣ или измѣненіи текста письменныхъ договоровъ—свидѣтельскія показанія не допускаются, а требуется предъявленіе суду письменныхъ документовъ“ (ст. 97). Такъ выражено въ положеніи о волостномъ судѣ правило ст. 409 и 410 уст. гр. суд.; но обобщенная формула этихъ двухъ статей

устава гр. суд. почему-то не признается въ отношеніи уплаты денегъ: въ ст. 98 говорится, что „свидѣтельскими показаніями можетъ быть доказываема уплата денегъ по перечисленнымъ въ ст. 97 сдѣлкамъ“. Практически это очень опасное положеніе, потому что лицу, утверждающему, что уплата произведена имъ, гораздо легче найти свидѣтелей въ удостовѣреніе якобы имѣвшаго мѣсто событія уплаты, чѣмъ доказать противной сторонѣ отрицательный фактъ неполученія денегъ. Кромѣ того приведенное правило 98 ст. проекта положенія о волостномъ судѣ находится въ явномъ противорѣчіи съ первой половиной ст. 15 устава о договорахъ, гдѣ сказано „заимодавецъ, по полученіи уплаты долга по займу, обязанъ выдать должнику платежную расписку, а если заемъ удостовѣренъ на письмѣ, то—возвратить ему и долговой документъ“. Къ сожалѣнію, вторая половина той-же 15 ст. допускаетъ показаніе свидѣтелей въ подтвержденіе уплаты. Установленіе этого въ практическомъ отношеніи въ высшей степени опаснаго правила мотивируется редакторами слѣдующимъ образомъ: „такъ какъ привычка къ письменности въ сдѣлкахъ пріобрѣтается лишь въ теченіе продолжительнаго времени и такъ какъ безграмотность еще весьма часто встрѣчается между крестьянами, то письменнаго удостовѣренія договоровъ можно требовать въ проектируемомъ уставѣ исключительно по такимъ отношеніямъ, гдѣ уже и нынѣ ясно обнаруживается наклонность къ этому самого народа; между тѣмъ, подобной наклонности не замѣчается въ отношеніи уплаты денегъ“. Но у неграмотныхъ вообще не можетъ быть наклонности облекать сдѣлки въ письменную форму; слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія не нужно вообще письменной формы для сдѣлокъ между крестьянами, а между тѣмъ редакторы для цѣлаго ряда договоровъ требуютъ письменную форму. И какія имѣются у редакторовъ основанія такъ категорически утверждать, что у крестьянъ нѣтъ наклонности требовать расписки въ полученіи денегъ противною стороной? „И въ этой кажущейся неравноправности сторонъ, продолжаютъ редакторы, кроется глубокая справедливость: въ крестьянскомъ быту заимодавецъ всегда человѣкъ сильный, должникъ-же занимаетъ деньги не для коммерческихъ оборотовъ, а по горькой нуждѣ, и поэтому находится въ тяжкой зависимости отъ заимодавца“ (т. IV, стр. 53). Но имущіе, къ какому-бы они сословію ни принадлежали, не нуждаются въ займахъ; сказанное о силѣ заимодавца въ одинаковой мѣрѣ примѣнимо ко всякому заимодавцу, и потому каждый должникъ заслуживаетъ сочувствія. А что если долж-

никъ, ссылаясь на свидѣтелей, станетъ утверждать, что имъ произведена уплата въ большемъ противъ дѣйствительнаго долга размѣрѣ, и потому станетъ требовать отъ „сильнаго“ заимодавца возвращенія якобы недолжно уплаченнаго? Вѣдь показанія свидѣтелей окажутся въ глазахъ редакторовъ и волостного суда достаточнымъ доказательствомъ и на основаніи этого доказательства придется искъ должника удовлетворить,—хотя-бы въ дѣйствительности онъ и не былъ правъ. Неужели здѣсь тоже проявленіе „глубокой справедливости“? Свидѣтельскія показанія вообще матеріалъ опасный и расширять область примѣненія этого доказательства, руководствуясь жалкими словами объ угнетенномъ положеніи должника и представляя себѣ заимодавца непремѣнно въ видѣ Шейлока, отнюдь не слѣдуетъ.

И такъ, за исключеніемъ указанной подробности относительно допустимости свидѣтельскихъ показаній, проектъ положенія о волостномъ судѣ не отступаетъ отъ устава граж. суд. и въ вопросѣ о доказательствахъ, принимая изъ него и повѣрку письменныхъ документовъ (ст. 100).

Самый разборъ дѣла по проекту производится устно и публично (ст. 102) и рѣшеніе постановляется тѣмъ-же порядкомъ, что и въ настоящихъ судебныхъ мѣстахъ (ст. 120, 121, 125, 127).

Въ чемъ-же, спрашивается, заключается разница между проектируемымъ положеніемъ и уставомъ гражданскаго судопроизводства, что касается производства въ первой инстанціи? Какихъ-нибудь принципіальныхъ чертъ различія между проектомъ и уставомъ гр. суд. усмотрѣть нельзя, а тѣ различія, какія существуютъ,—касаются деталей, и вовсе не говорятъ въ пользу „глубокой справедливости“ проекта. Проектъ настаиваетъ на быстротѣ рѣшенія: „каждое дѣло разсматривается и разрѣшается, по возможности, въ одно засѣданіе“ (ст. 104); поэтому проектъ не знаетъ заочнаго рѣшенія съ возможностью принесенія на таковое отзыва, не знаетъ вступленія и привлеченія третьихъ лицъ,—игнорируетъ такимъ образомъ такіе процессуальные моменты, которые ведутъ къ осложненію процесса; впрочемъ, проекту извѣстенъ встрѣчный искъ (ст. 117), предъявленіе котораго способно затормазить разрѣшеніе всякаго дѣла. Само собою разумѣется, что правила проекта отличаются скудостью,—а это для процессуальнаго закона, предназначеннаго для судей неопытныхъ, малограмотныхъ и неразвитыхъ, вовсе не можетъ считаться достоинствомъ. Очевидно, въ огражденіе волостного суда, а не въ интересахъ „глубо-

кой справедливости“ редакторы устраняютъ изъ волостного суда профессіональныхъ повѣренныхъ (присяжныхъ и частныхъ): „стороны имѣютъ право замѣнить себя представителями изъ числа своихъ родныхъ, домашнихъ или незанимающихся ходатайствомъ по чужимъ дѣламъ за вознагражденіе односельцевъ“ (ст. 65). Такимъ образомъ, стороны и судъ окажутся достойными другъ друга, такъ какъ стороны не знаютъ закона, а судьи едва-ли его понимаютъ.

Если въ процессуальныхъ законахъ, дѣйствующихъ и въ проектѣ новой редакціи устава гражданскаго судопроизводства, правила производства судебныхъ дѣлъ полнѣе и обстоятельнѣе, то объясняется это вовсе не желаніемъ создать для сторонъ искусственныя затрудненія къ осуществленію нарушенныхъ правъ, а именно желаніемъ законодателя гарантировать отысканіе истины, которая для тяжущихся въ настоящихъ судахъ не менѣе дорога, чѣмъ и для кліентовъ волостного суда. Быстрота въ возстановленіи нарушеннаго права составляетъ идеалъ всякаго судопроизводства, но быстрота не должна торжествовать въ ущербъ правильности движенія процесса; къ тому-же быстрота производства по проекту еще весьма сомнительна, такъ какъ волостной судъ засѣдаетъ дважды въ мѣсяцъ (ст. 26), и между поступленіемъ дѣла въ судъ и рѣшеніемъ пройдетъ промежутокъ времени едва-ли меньшій, чѣмъ какой проходитъ при производствѣ дѣла у мирового судьи. Но если рѣшеніе дѣла въ волостномъ судѣ на основаніи положенія и сельскихъ уставовъ и окажется постановляемымъ быстрѣе, чѣмъ въ судѣ всесословномъ, то еще вопросъ, что лучше—быстро постановленное неумѣлыми судьями рѣшеніе, или-же рѣшеніе, постановленное и не такъ быстро, но при руководствѣ закона и судейскаго опыта.

Неизбѣжные промахи и недочеты въ дѣятельности волостного суда не будутъ исправлены и второю инстанціей—волостнымъ съѣздомъ, который, какъ мы уже видѣли, состоитъ изъ тѣхъ-же волостныхъ судей (предсѣдателей волостныхъ судовъ), но подъ предсѣдательствомъ земскаго начальника. Хотя въ волостномъ съѣздѣ разбирательство дѣлъ производится тѣмъ-же порядкомъ, что и въ волостномъ судѣ (ст. 137), но здѣсь допускается участіе повѣренныхъ присяжныхъ и частныхъ (ст. 143), что безъ сомнѣнія, должно затруднить вторую инстанцію,—а между тѣмъ и уставы, какъ мы видѣли выше, сочинены редакторами именно въ цѣляхъ облегченія дѣятельности суда. И такъ какъ волостной съѣздъ разсматриваетъ дѣла съ повѣркою, по возможности, всѣхъ доказательствъ, бывшихъ въ разсмотрѣ-

ніи волостного суда, и съ передопросомъ всѣхъ существенныхъ по дѣлу свидѣтелей (при томъ подъ присягой), выслушиваетъ и принимаетъ во вниманіе новыя доказательства и показанія новыхъ недопрошенныхъ въ волостномъ судѣ свидѣтелей (ст. 138), то въ сущности, за исключеніемъ тѣхъ маловажныхъ дѣлъ (цѣною до 10 рублей—ст. 134, т. I), по которымъ подача жалобы не пріостанавливаетъ исполненія рѣшенія, на вторую инстанцію, столь-же мало подготовленную къ рѣшенію судебныхъ дѣлъ, какъ и первая, падаетъ вся тяжесть разсмотрѣнія гражданскаго дѣла, и эта тяжесть усиливается участіемъ болѣе опытныхъ и болѣе свѣдущихъ, чѣмъ судьи, присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ.

Наконецъ, производство въ кассаціонной инстанціи—въ губернскомъ присутствіи отличается, въ противоположность порядку производства въ волостномъ судѣ и въ волостномъ съѣздѣ, отсутствіемъ публичности.

Какъ по дѣламъ исковымъ, такъ и по дѣламъ охранительнаго порядка, правила положенія представляютъ заимствованіе изъ соотвѣтствующихъ правилъ устава гражд. судопроизводства съ неизбѣжными передѣлками на крестьянскіе нравы (ст. 195—233).

Рѣшенія приводятся въ исполненіе немедленно, безъ особой просьбы о томъ истца, волостнымъ старшиной или сельскимъ старостой, подъ общимъ руководящимъ наблюденіемъ земскаго начальника; впрочемъ, по заявленію истца, исполненіе можетъ быть пріостановлено (ст. 158). Однако, участіе волостного старшины въ исполненіи не представляетъ новости, такъ какъ и теперь рѣшенія даже общихъ судебныхъ мѣстъ по крестьянскимъ дѣламъ могутъ быть приводимы въ исполненіе волостными старшинами по исполнительнымъ листамъ судебныхъ мѣстъ.

Сопоставленіе проекта положенія о волостномъ судѣ въ части, касающейся гражданскаго процесса, съ уставомъ гражд. суд. показываетъ, что положеніе имѣетъ въ своей основѣ тѣ-же принципы, что и дѣйствующій законъ гражданскаго судопроизводства, и что положеніе по объему затронутыхъ въ немъ вопросовъ соотвѣтствуетъ I книгѣ устава гр. суд., гдѣ говорится о производствѣ у мировыхъ судей.

Разсмотрѣнные недостатки судоустройства, проектируемаго редакторами, дѣлаютъ примѣненіе процессуальнаго закона крестьянскими судами въ высшей степени затруднительнымъ. Инстанціи крестьянскаго суда—только пародія на настоящія судебныя инстанціи. Существованіе мѣстныхъ

кассаціонныхъ инстанцій—явленіе вредное съ точки зрѣнія скорѣйшаго объединенія всего нашего гражданскаго права.

Такъ какъ созданіе крестьянскаго кодекса обусловливается, по мнѣнію редакторовъ, необходимостью преподать волостному суду руководящій законъ въ его дѣятельности, а волостной судъ во всѣхъ его инстанціяхъ оказывается учрежденіемъ неудовлетворительнымъ, по непригодности его къ достиженію тѣхъ цѣлей, ради которыхъ оно существуетъ и которыя несравненно удачнѣе могли-бы быть осуществлены настоящими судебными мѣстами, а не ихъ суррогатами, то весь строй крестьянскаго суда подлежитъ упраздненію; сословный судъ долженъ уступить мѣсто общему гражданскому суду,—а съ тѣмъ вмѣстѣ отпадетъ и основаніе къ существованію отдѣльнаго кодекса частнаго права у крестьянъ. Какъ нѣтъ препятствій къ распространенію на крестьянъ общихъ законовъ матеріальнаго частнаго права, такъ-же точно ничто не мѣшаетъ распространить на нихъ и общій процессуальный законъ» ....

Къ проекту волостного устава о наказаніяхъ.

„Вѣстникъ Европы“ (ноябрь, 1904 г., внутр. обозр.): «Равноправность всѣхъ передъ закономъ, — гласитъ введеніе къ проекту, — въ смыслѣ одинаковой отвѣтственности каждаго за содѣянныя имъ правонарушенія, конечно не требуетъ доказательствъ“. Казалось бы, что это общее положеніе безусловно исключаетъ возможность назначенія особыхъ каръ за проступки, совершаемые крестьянами и другими непривилегированными сельскими обывателями, а слѣдовательно и потребность въ особомъ, только къ нимъ примѣнимомъ уставѣ о наказаніяхъ. Не таково мнѣніе редакціонной коммиссіи: она находитъ, что если ей удастся отстоять существованіе сословнаго волостного суда, какъ низшей карательной инстанціи, то затѣмъ можно будетъ доказать и необходимость снабдить этотъ судъ спеціальною карательною властью, существенно отличною отъ общей. Какъ согласить предпосылку о равенствѣ передъ уголовнымъ закономъ съ выводомъ, прямо отрицающимъ такое равенство — этотъ вопросъ остается неразрѣшеннымъ, по той простой причинѣ, что онъ неразрѣшимъ. Не затрудняясь столь крупнымъ логическимъ дефектомъ, коммиссія приступаетъ къ подробной мотивировкѣ своего тезиса. Кое что въ этой мотивировкѣ можно признать правильнымъ: можно согласиться съ тѣмъ, что совершенное упраздненіе волостного суда, какъ карательной инстанціи, затруднило бы, въ виду отдаленности и малочисленности органовъ общей судебной власти, репрессію самыхъ маловажныхъ проступковъ, въ ущербъ населенію сельскихъ мѣстностей. Коммиссія, однако, идетъ гораздо дальше. Нарисовавъ преувеличенно мрачную картину современной деревни, она пытается подтвердить ее ссылкою на право сельскихъ обществъ удалять изъ своей среды порочныхъ своихъ членовъ. Не говоря уже о томъ, что болѣе чѣмъ сомнительна цѣлесообразность и справедливость

этого права, болѣе чѣмъ вѣроятна скорая его отмѣна—оно не имѣетъ никакого отношенія къ данному вопросу, потому что для его примѣненія необходимы, даже съ точки зрѣнія его защитниковъ, причины гораздо болѣе вѣскія, чѣмъ совершеніе проступковъ, подсудныхъ волостному суду. Столь же мало убѣдительно утвержденіе коммиссіи, что карательныя функціи волостного суда не могли бы быть переданы никому другому, кромѣ низшихъ органовъ администраціи, т. е. волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ. Само собою разумѣется, что административно-карательная власть, во всѣхъ ея видахъ (кромѣ тѣхъ случаевъ, когда она имѣетъ факультативный характеръ, т. е. когда отъ обвиняемаго зависитъ подчиниться или не подчиниться ея рѣшенію), подлежитъ не распространенію, а совершенной отмѣнѣ; но вѣдь проступки, теперь подсудные крестьянскому волостному суду, безъ всякихъ затрудненій могли бы быть раздѣлены на двѣ категоріи, изъ которыхъ одна была бы отнесена къ вѣдомству мѣстнаго *всесословнаго* суда, другая—къ вѣдомству общей судебной власти. Если въ деревенской средѣ и увеличивается, за послѣднее время, число проступковъ, то отсюда еще не вытекаетъ ни необходимость подчинить ихъ спеціально-крестьянскому суду, ни необходимость сохранить или расширить предѣлы власти мѣстнаго, низшаго суда. Въ дѣлахъ гражданскихъ, возникающихъ на деревенской почвѣ, далеко не излишнимъ, иногда почти незамѣнимымъ является знакомство судей съ мѣстными условіями, отражающимися на содержаніи и характерѣ юридическихъ отношеній; въ дѣлахъ уголовныхъ такое знакомство имѣетъ несравненно меньшее значеніе. Волость настолько велика, что ея судьи не могутъ одинаково хорошо знать каждаго ея обывателя; въ основаніе оцѣнки выслушиваемыхъ волостнымъ судомъ показаній ему приходится класть, большею частью, не степень довѣрія къ показывающему лицу, мало извѣстному или даже вовсе неизвѣстному судьямъ, а самое существо показаній. Да и желателенъ ли былъ бы другой образъ дѣйствій? Развѣ судьѣ—судьѣ случайному, не всегда дающему себѣ ясный отчетъ въ своихъ судейскихъ обязанностяхъ, - легко соблюсти безпристрастіе по отношенію къ лицу, о которомъ у него заранѣе составилось то или другое, благопріятное или неблагопріятное мнѣніе? Развѣ не возникаетъ, въ подобныхъ случаяхъ, опасность явки въ судъ съ предвзятой мыслью, притупляющей вниманіе и воспріимчивость къ судебному разбирательству? Развѣ эта опасность не усиливается тѣмъ, что судья, предубѣжденный въ пользу или противъ обвиняемаго, можетъ склонить на свою

сторону другихъ судей доводами, не имѣющими ничего общаго съ разбираемымъ дѣломъ?... Чѣмъ однороднѣе составъ суда, тѣмъ больше простора для такихъ вліяній; чѣмъ шире его карательная власть, тѣмъ серьезнѣе ихъ вредные результаты. Это — одна изъ причинъ, заставляющихъ насъ стоять за всесословность мѣстнаго суда и за возможно большее ограниченіе его компетенціи и его карательной власти.

Доказавъ самой себѣ, но отнюдь не читателямъ ея трудовъ, необходимость сохраненія сословнаго волостного суда и всей полноты его уголовныхъ полномочій, редакціонная коммиссія приходитъ къ заключенію, что подсудными волостному суду должны быть признаны проступки, „совершенію которыхъ благопріятствуетъ отсутствіе въ деревнѣ достаточнаго обезпеченія безопасности и порядка и которые являются послѣдствіемъ особыхъ бытовыхъ условій крестьянства". Сюда относятся обиды словомъ и дѣйствіемъ, нарушенія тишины, буйства, кражи, самоуправства и насилія. Къ этимъ проступкамъ коммиссія присоединяетъ еще „специфически свойственныя крестьянскому быту" нарушенія договоровъ о наймѣ на сельскія работы и нѣкоторыя нарушенія правъ семейственныхъ. Критеріевъ для опредѣленія вѣдомства волостныхъ судовъ оказывается, такимъ образомъ, немало, но они всѣ одинаково произвольны. Можно ли утверждать, напримѣръ, что деревенская обстановка больше, чѣмъ городская, благопріятствуетъ кражамъ, буйству, оскорбленіямъ родителей? Кражи совершаются, большею частью, или подъ гнетомъ крайней нужды, въ городахъ болѣе распространенной и болѣе острой, чѣмъ въ сельскихъ мѣстностяхъ, или въ надеждѣ на крупную наживу, объектомъ которой крестьянское имущество можетъ служить весьма рѣдко. Буйство, въ деревняхъ, пріурочивается обыкновенно къ праздничнымъ днямъ; въ городахъ для него постоянно имѣются готовые матеріалы и готовая почва. Оскорбленіе родителей возможно вездѣ, гдѣ пошатнулся патріархальный семейный строй, но не исчезла грубость нравовъ, — а значительная часть городского населенія ничѣмъ, въ этомъ отношеніи, не отличается отъ крестьянской массы. Изъ того, что въ городѣ буйство или самоуправство легче можетъ быть прекращено, кража — легче раскрыта, чѣмъ въ деревнѣ, еще не вытекаетъ необходимость различной подсудности этихъ проступковъ, смотря по мѣсту ихъ совершенія. Задача суда состоитъ не въ предупрежденіи правонарушеній; дѣятельность его начинается лишь послѣ того, какъ они состоялись; разслѣдованіе ихъ, собираніе матеріаловъ для приговора произво-

дится не самимъ судомъ. Единственнымъ правильнымъ основаніемъ для установленія круга дѣйствій низшаго, мѣстнаго суда можетъ служить, по нашему убѣжденію, *маловажность проступка* и обусловливаемая ею *незначительность наказанія*.

Къ чему приводитъ ошибка въ выборѣ отправной точки, сдѣланная редакціонною коммиссіею—это показываетъ проектированная ею лѣстница наказаній. Сравнительная важность проступковъ, отнесенныхъ коммиссіей къ вѣдомству волостного суда, заставила ее прибѣгнуть къ такимъ тяжкимъ карамъ, какъ тѣлесное наказаніе и заключеніе въ тюрьмѣ. Тѣлесное наказаніе, къ счастью, отошло въ прошедшее; включеніе его въ проектъ коммиссіи остается характернымъ памятникомъ настроенія, еще недавно господствовавшаго въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Что касается до тюремнаго заключенія, то нелегко, съ перваго раза, понять, какимъ образомъ могла возникнуть мысль о предоставленіи столь опаснаго орудія въ руки столь мало компетентныхъ судей *). Вѣдь тюрьма недаромъ слыветъ школою преступленій, разсадникомъ нравственной порчи; не случайно для того, кто побываетъ въ ней, оказывается закрытымъ или, по меньшей мѣрѣ, сильно затрудненнымъ выходъ на путь честнаго труда. Мыслимо ли, въ виду этого, ставить всю будущность человѣка въ зависимость отъ приговора людей, именуемыхъ судьями, но не отвѣчающихъ ни одному изъ условій правильнаго отправленія судейскихъ функцій?... Включеніе тюрьмы въ число наказаній, назначаемыхъ волостнымъ судомъ, редакціонная коммиссія мотивируетъ указаніемъ на несообразность дѣйствующаго порядка, при которомъ крестьянинъ, совершившій кражу въ деревнѣ у крестьянина, подлежитъ наказанію несравненно меньшему, чѣмъ крестьянинъ, совершившій такую же точно кражу въ городѣ или хотя и въ сельской мѣстности, но у помѣщика. Безспорно, этотъ порядокъ не можетъ и не долженъ оставаться въ силѣ; но нельзя же замѣнять одну несообразность **) другою, отнюдь не меньшею, когда есть иной, совершенно нормальный выходъ признаніе кражи (и однородныхъ съ нею проступковъ) подсудною *во всякомъ случаѣ* общему суду. Это необходимо еще и потому.

*) «Въ средѣ самой коммиссіи нашлось меньшинство, высказавшееся противъ включенія тюрьмы въ число каръ, налагаемыхъ волостнымъ судомъ». (Прим. „Вѣст. Евр.“).

**) «На самомъ дѣлѣ несообразность была бы, впрочемъ, не устранена, а только смягчена: проектъ коммиссіи назначаетъ за кражу тюремное заключеніе на срокъ не свыше одного мѣсяца, между тѣмъ какъ по уложенію срокъ заключенія можетъ быть опредѣленъ до одного года». (Прим. „Вѣстн. Евр.“).

что рядомъ съ кражей, наличность которой, съ юридической точки зрѣнія, установляется, большею частью, безъ особыхъ затрудненій, къ вѣдѣнію волостного суда коммиссія относитъ мошенничество, предѣлы и признаки котораго возбуждали и возбуждаютъ безконечные споры среди юристовъ. Ошибочно было бы думать, что подведеніе кражи, гдѣ бы, кѣмъ бы и у кого бы она ни была совершена, подъ одну общую мѣрку оказалось бы слишкомъ отяготительнымъ для обвиняемыхъ изъ среды сельскихъ обывателей, такъ какъ въ деревнѣ совершаются, большею частью, только малоцѣнныя и во всѣхъ отношеніяхъ маловажныя кражи. Уголовное уложеніе выдѣляетъ подобныя кражи въ одну, менѣе наказуемую группу: за силою ст. 581-й если стоимость похищеннаго не превышаетъ пятидесяти копѣекъ, или виновный до провозглашенія приговора о виновности добровольно возвратилъ похищенное или инымъ способомъ удовлетворилъ потерпѣвшаго, или воровство совершено по крайности, виновный наказывается заключеніемъ въ тюрьмѣ на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ,—а отъ этого наказанія возможенъ, по статьѣ 53-й, переходъ къ аресту *).. Намъ могутъ возразить, что опасность, сопряженная съ предоставленіемъ волостному суду права присуждать къ тюремному заключенію, устраняется или, по крайней мѣрѣ, значительно уменьшается возможностью обжаловать подобные приговоры уѣздному съѣзду (или учрежденію, его замѣняющему). Каковъ бы, однако, ни былъ апелляціонный судъ, далеко не безразличнымъ является составъ суда первой степени: сдѣланныя имъ ошибки, допущенные имъ пробѣлы не всегда могутъ быть исправлены и пополнены второю инстанціею, да и приговоръ его, при юридической безпомощности сельскаго населенія, легко можетъ остаться необжалованнымъ и войти въ законную силу. Не велики, притомъ, гарантіи правосудія, представляемыя нынѣшнимъ составомъ уѣзднаго съѣзда... При нормальномъ устройствѣ мѣстной юстиціи значительно большая часть уголовныхъ дѣлъ, теперь подсудныхъ волостному суду—въ томъ числѣ, конечно, всѣ дѣла о кражѣ и однородныхъ съ нею проступкахъ—перешли бы въ вѣдѣніе настоящихъ судей (мировыхъ или участковыхъ), удовлетворяющихъ всѣмъ требованіямъ судейскаго званія.

*) «Въ дѣлахъ о мошенничествѣ, при отсутствіи увеличивающихъ вину обстоятельствъ, такой переходъ, на основаніи ст. 53 и 591 уложенія, возможенъ всегда». Прим. („Вѣстн. Евр.“).

Другимъ результатомъ чрезмѣрнаго расширенія круга дѣйствій волостныхъ судовъ является множество изъятій, которыя коммиссія вынуждена была сдѣлать изъ только-что установленнаго ею общаго начала. Приложенный къ проекту „перечень случаевъ, когда предусмотрѣнные волостнымъ уставомъ проступки не подвѣдомственны волостному суду, а виновные подлежатъ наказанію по уголовному уложенію“, обнимаетъ собою тринадцать статей, изъ которыхъ въ одной (о поврежденіи чужого имущества) насчитывается *двадцать три* подраздѣленія! Понятно, насколько обязанность помнить и принимать во вниманіе всю эту массу исключеній затруднила бы малограмотныхъ, малосвѣдущихъ волостныхъ судей,—а обойтись безъ исключеній, значило бы или еще больше увеличить и такъ уже слишкомъ широкую карательную власть волостного суда или чрезмѣрно понизить, для одной категоріи обвиняемыхъ, отвѣтственность за серьезныя, иногда тяжкія правонарушенія. Никакихъ изъятій не понадобится, если къ вѣдѣнію мѣстнаго (всесословнаго) суда будутъ отнесены только самые маловажные проступки.

Чѣмъ шире кругъ дѣйствій волостного суда, тѣмъ легче подыскать мотивы къ составленію для него особаго устава о наказаніяхъ. Между тѣмъ, одновременное существованіе двухъ уголовныхъ кодексовъ, обнимающихъ собою одни и тѣ же преступныя дѣянія, но установляющихъ различныя за нихъ наказанія, въ зависимости отъ сословныхъ правъ и отъ мѣста жительства обвиняемыхъ—представляетъ собою явную аномалію, нетерпимую въ благоустроенномъ государствѣ. Это признаетъ, какъ мы видѣли, и редакціонная коммиссія, провозгласившая равенство всѣхъ и каждаго передъ уголовнымъ закономъ, но вслѣдъ затѣмъ пошедшая прямо въ разрѣзъ съ принятымъ ею принципомъ. Послѣдствіемъ такого противорѣчія явилось, прежде всего, сохраненіе, въ проектѣ коммиссіи, одной изъ самыхъ печальныхъ особенностей нынѣ дѣйствующаго положенія о волостномъ судѣ: въ числѣ проступковъ мы находимъ неисправимое пьянство или мотовство, разстраивающее хозяйство,—т. е. дѣяніе по общимъ законамъ вовсе не наказуемое. Несостоятельность взгляда, выразившагося въ этомъ постановленіи, доказывается уже самымъ мѣстомъ, которое отведено ему въ проектѣ; оно включено въ составъ главы четвертой, озаглавленной: „о нарушеніи правилъ, ограждающихъ общественные порядокъ, спокойствіе, благочиніе, благоустройство и безопасность“. Ни одному изъ этихъ

благъ пьянство и, тѣмъ болѣе, мотовство не угрожаетъ *); ничего общаго съ другими проступками, предусмотрѣнными въ той же главѣ, ни пьянство (само по себѣ взятое), ни мотовство не имѣетъ, о нарушеніи ими какихъ-то *правилъ* не можетъ быть и рѣчи. Если бы существовали правила, запрещающія, подъ страхомъ кары, мотовство и пьянство, то уголовно-наказуемымъ проступкомъ и то, и другое признавалось бы не для однихъ только сельскихъ обывателей, а для всѣхъ гражданъ Россійской Имперіи. Съ признаніемъ ненужности особаго волостного устава о наказаніяхъ исчезнетъ самъ собою тотъ болѣе чѣмъ странный порядокъ, въ силу котораго можно безнаказанно напиваться шампанскимъ и бросать деньги въ городскихъ увеселительныхъ мѣстахъ, но нельзя, безъ опасенія отвѣтственности, напиваться водкой, купленной въ сельской винной лавкѣ, и тратить много денегъ на сельскія забавы... Ничѣмъ не могутъ быть оправданы и другія постановленія волостного устава о наказаніяхъ, идущія въ разрѣзъ съ общими уголовными законами. Пун. 2-й ст. 17-й устава грозитъ наказаніемъ за неисполненіе судебныхъ рѣшеній по дѣламъ гражданскимъ (если рѣшеніе обязываетъ отвѣтчика совершить извѣстныя дѣйствія въ пользу истца или, наоборотъ, не совершать извѣстныхъ дѣйствій, нарушающихъ права истца) и вводитъ, тѣмъ самымъ, въ наше законодательство принципъ, ему совершенно чуждый. Статья 51-я проекта устанавляетъ отвѣтственность за подстрекательство къ оскорбленію и насилію, по уголовному уложенію вовсе не наказуемое. Статья 55-я опредѣляетъ самоуправство совершенно иначе, чѣмъ уложеніе. Статья 58-я усиливаетъ, сравнительно съ уложеніемъ, наказаніе за самовольный уводъ или угонъ скота или птицы, задержанныхъ на потравѣ. Ст. 67-я отступаетъ отъ уложенія по вопросу о наказуемости пособничества при кражѣ и однородныхъ съ нею проступкахъ. Для такой двойственности не должно быть мѣста въ законодательствѣ культурнаго государства.

Необходимость особаго уголовнаго кодекса для волостного суда редакціонная коммиссія выводитъ изъ слѣдующихъ трехъ основныхъ положеній: 1) принятая въ новомъ уголовномъ уложеніи система изложенія

*) «Появленіе въ публичномъ мѣстѣ въ состояніи явнаго опьяненія, угрожающемъ безопасности, спокойствію или благочинію, предусмотрѣно уголовнымъ уложеніемъ (ст. 284) и составляетъ, слѣдовательно, проступокъ, наказуемый вездѣ и всегда, кѣмъ бы онъ ни былъ совершенъ. Постановленіе уложенія по этому предмету повторено буквально и въ проектѣ волостного устава о наказаніяхъ». (Прим. „Вѣстн. Евр.“).

карательныхъ нормъ, основанная на обобщеніи цѣлаго ряда однородныхъ проступковъ, не дозволяетъ, безъ нарушенія цѣльности этого законодательнаго акта, выдѣлить изъ него тѣ нормы, которыя могутъ быть отнесены къ проступкамъ, подвѣдомственнымъ юрисдикціи волостныхъ судовъ. 2) Нормы наказаній новаго уложенія установлены въ столь широкихъ, предоставляемыхъ усмотрѣнію суда предѣлахъ, что не могутъ быть примѣнимы въ волостномъ судѣ, по личному своему составу существенно отличномъ отъ органовъ общесудебныхъ. 3) Форма изложенія постановленій новаго уложенія малодоступна пониманію людей крестьянской среды. — Начнемъ съ послѣдняго положенія. Оно обусловлено предрѣшеніемъ вопроса о составѣ волостного суда — предрѣшеніемъ, сохраняющимъ почти безъ измѣненій нынѣшній, крайне низкій уровень этого состава. Стоитъ только упорядочить выборы въ мѣстный судъ, открыть къ нему доступъ лицамъ всѣхъ сословій, поднять образовательный цензъ судей — и затрудненіе, пугающее коммиссію, исчезнетъ безслѣдно, если, притомъ, будетъ сильно ограниченъ кругъ вѣдомства суда. Сличая текстъ проекта съ текстомъ уголовнаго уложенія, мы видимъ, что разницы между тѣмъ и другимъ, большею частью, или нѣтъ вовсе, или она очень невелика — и это весьма понятно, потому что составители уложенія постоянно стремились къ возможно большей простотѣ и общедоступности изложенія. Формальныя отступленія отъ уложенія (едва ли удачныя) замѣчаются преимущественно въ тѣхъ отдѣлахъ проекта, которые касаются тяжкихъ, сравнительно, проступковъ и, слѣдовательно, имѣютъ наименьшее право на существованіе. Укажемъ, въ видѣ примѣра, на ст. 49-ю проекта, основаніемъ для которой послужили ст. 476 и 471 уложенія: она признаетъ обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину, *особливую дерзость* оскорбленія, т. е. нѣчто совершенно неопредѣленное, неизвѣстное составителямъ уложенія. Статья 61-я проекта, назначающая наказаніе за кражу, отличается отъ ст. 581-й уложенія не только тѣмъ, что предусматриваетъ только *тайное* похищеніе (т. е. возстановляетъ отвергнутое уложеніемъ различіе между кражей и простѣйшимъ видомъ грабежа), но и тѣмъ, что опускаетъ слова: *съ цѣлью присвоенія*, заключающія въ себѣ существенно важный признакъ кражи *).

---

*) «Составители проекта находили, что этотъ признакъ предполагается самъ собою, какъ необходимая составная часть понятія о похищеніи; но если признано было нужнымъ

Если постановленія проекта представляются, въ большинствѣ случаевъ, простымъ воспроизведеніемъ постановленій уложенія, то этимъ самымъ опровергаются остальныя „основныя положенія“, убѣдившія коммиссію въ необходимости особаго волостного устава о наказаніяхъ. Совершенно достаточно было бы составить перечень статей уложенія, примѣненіемъ которыхъ ограничивались бы уголовныя функціи мѣстнаго (всесословнаго) суда, съ поясненіемъ, что изъ числа опредѣляемыхъ этими статьями наказаній мѣстный судъ въ правѣ назначать только краткосрочный арестъ и небольшую денежную пеню. Компетенція мѣстнаго суда въ дѣлахъ уголовныхъ могла бы обнимать собою, такимъ образомъ, неисполненіе законныхъ требованій и распоряженій (проектъ ст. 18 и 19, уложеніе ст. 139 ч. 1 и 140 ч. 1), неисполненіе обязанностей по отношенію къ родителямъ (проектъ ст. 20 и 21, уложеніе ст. 419), нарушеніе общественнаго спокойствія и порядка (проектъ ст. 22, улож. ст. 262 ч. 1 и 2), распространеніе ложныхъ слуховъ (проектъ ст. 23, улож. ст. 263 ч. 1), появленіе въ публичномъ мѣстѣ въ состояніи явнаго опьянѣнія (проектъ ст. 24, улож. ст. 284), участіе въ сборищѣ для публичнаго распитія крѣпкихъ напитковъ (проектъ ст. 25, улож. ст. 285), публичное нарушеніе благопристойности (проектъ ст. 28, улож. ст. 280 ч. 1), устройство воспрещенной игры (проектъ ст. 30, улож. ст. 289 ч. 1), разные виды неосторожности (проектъ ст. 31—33, 37, 38, улож. ст. 236, 238, 231, 230, 474), маловажныя нарушенія санитарныхъ требованій (проектъ ст. 39, 40, 44, улож. ст. 383, 548, 402), нарушеніе правилъ о путяхъ сообщенія (проектъ ст 45, улож. ст. 407), менѣе тяжкія обиды (проектъ ст. 46, улож. ст. 530) и менѣе важные случаи самовольнаго пользованія чужимъ имуществомъ (проектъ ст. 57, 58, 59 и 60, улож. ст. 633 и 634). При такой узкой компетенціи мѣстнаго суда и при болѣе удовлетворительномъ его составѣ не было бы никакой надобности установлять для него нормы преступности и наказуемости, отличныя отъ принятыхъ уголовнымъ уложеніемъ».

„Новое Время“ (№№ отъ 28, 29 и 30 мая 1905 г.), ст. „Новое уголовное уложеніе и волостные суды“:

«Государственный Совѣтъ разсматриваетъ въ настоящее время вопросъ о мѣрахъ, вызываемыхъ приведеніемъ въ дѣйствіе новаго уголовнаго уло-

---

включить его въ уложеніе, примѣняемое профессіональными судьями, то едва ли цѣлесообразно умолчаніе о немъ въ кодексѣ, предназначенномъ для волостного суда». (Прим. „Вѣстн. Евр.“).

женія. Вопросъ, какъ при этомъ будетъ организована юрисдикція волостныхъ судовъ, затрогиваетъ огромную сферу интересовъ населенія, главнымъ образомъ, всего нашего многомилліоннаго крестьянскаго міра, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ немаловажное значеніе и для общаго уклада сельской жизни

Образованная при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ редакціонная коммиссія, какъ извѣстно, отказалась отъ мысли сохранить спеціально для волостныхъ судовъ нынѣшніе уголовные законы, высказалась также и противъ непосредственнаго распространенія на эти суды новыхъ уголовныхъ законовъ. По ея мнѣнію, этому препятствуетъ прежде всего то обстоятельство, что наказанія за преступныя дѣянія, подсудныя въ настоящее время волостнымъ судамъ, установлены въ уложеніи въ слишкомъ высокихъ максимальныхъ предѣлахъ. Статьи уложенія, соотвѣтствующія нынѣшней уголовной подсудности волостныхъ судовъ, такъ и пестрятъ угрозами штрафовъ до 300 и 500 руб., ареста до 3 и 6 мѣсяцевъ и тюремнаго заключенія на разные сроки, вплоть до одного года. Подобныя наказанія, очевидно, не примѣнимы къ вѣдаемымъ волостными судами крестьянскимъ проступкамъ, въ виду слабой платежной способности сельскаго населенія и особаго характера крестьянскаго суда, который по самой своей природѣ можетъ пользоваться лишь весьма ограниченною карательною властью. Изъять же изъ волостной подсудности всѣ дѣянія, обложенныя въ новыхъ уголовныхъ законахъ наказаніями, превосходящими допустимый размѣръ карательной власти волостныхъ судовъ, коммиссія находила крайне затруднительнымъ за отсутствіемъ на мѣстахъ достаточно близкихъ къ народу судебныхъ органовъ, въ вѣдомство которыхъ могли бы быть перенесены подобныя дѣянія. Къ тому же опредѣленія новаго уложенія о подсудныхъ волостнымъ судамъ проступкахъ отличаются значительной отвлеченностью и мало доступны какъ по внутреннему своему содержанію, такъ и по внѣшней формѣ пониманію волостныхъ судей.

По всѣмъ этимъ мотивамъ редакціонная коммиссія по пересмотру крестьянскаго законодательства выработала для дѣлъ волостной подсудности особый уголовный кодексъ.

Кореннымъ недостаткомъ этого волостного устава, прямо бьющимъ въ глаза, является крайняя отдаленность его отъ новаго уголовнаго уложенія. Общія положенія устава редакціонной коммиссіи не согласованы съ правилами общей части новаго уложенія. Эта разногласица имѣетъ гро-

мадное принципіальное и практическое значеніе. Трудно представить себѣ такой строй уголовной юстиціи, при которомъ существовали бы двѣ мѣрки для вмѣненія преступныхъ дѣяній, мѣрки, мѣняющіяся въ зависимости отъ случайной подсудности даннаго дѣла тому или другому суду, обусловливаемой сословнымъ состояніемъ обвиняемаго и потерпѣвшаго или даже мѣстомъ совершенія дѣянія. Такого разлада между дѣятельностью волостныхъ и прочихъ мѣстныхъ судовъ нѣтъ въ настоящее время, такъ какъ тѣ и другіе пользуются одними и тѣми же общими положеніями устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

Не менѣе важно различіе многихъ опредѣленій волостного устава и уголовнаго уложенія объ отдѣльныхъ преступныхъ дѣяніяхъ *). Редакціонная коммиссія считала невозможнымъ оставить въ волостномъ судѣ тѣ уголовные законы, которыми они нынѣ пользуются, послѣ того какъ въ общихъ судахъ будетъ введено въ дѣйствіе новое уголовное уложеніе, главнымъ образомъ изъ опасенія, что въ такомъ случаѣ на практикѣ постоянно станутъ возникать затрудненія при разграниченіи подсудностей этихъ установленій. Но развѣ возможно избѣжать подобныхъ затрудненій изданіемъ для волостныхъ судовъ особыхъ законовъ, столь же несогласованныхъ съ уголовнымъ уложеніемъ, какъ и дѣйствующіе для нихъ законы?

Нѣкоторый шагъ впередъ сдѣланъ въ волостномъ уставѣ въ томъ отношеніи, что карательныя постановленія его отнесены къ опредѣленнымъ проступкамъ. Въ настоящее же время волостные суды, опредѣляя составъ преступныхъ дѣяній по уставу о наказаніяхъ, назначаютъ за нихъ не данное наказаніе за данный проступокъ, а любыя наказанія—въ пре-

---

*) «Такъ, напримѣръ, рѣзкое отступленіе отъ уголовнаго уложенія сдѣлано въ волостномъ уставѣ сохраненіемъ въ немъ, въ качествѣ самостоятельнаго преступнаго дѣянія, кражи, т. е. тайнаго похищенія чужого имущества (ст. 61). Между тѣмъ уголовное уложеніе для того, чтобы устранить постоянно возникающія въ судебной практикѣ затрудненія при разграниченіи кражи отъ грабежа (открытое похищеніе безъ насилія), соединило эти дѣянія въ одно понятіе воровства, объемлющаго всякое похищеніе безъ примѣненія насилія (ст. 581). Волостной уставъ не исключилъ также изъ волостной подсудности двухъ преступныхъ дѣяній, не предусмотрѣнныхъ общими уголовными законами (уставомъ о наказаніяхъ и уголовнымъ уложеніемъ), но признаваемыхъ наказуемыми въ силу спеціальнаго для волостныхъ судовъ постановленія временныхъ правилъ 1889 г. и составляющихъ, такимъ образомъ, проявленія будто бы особой крестьянской преступности, а именно: мотовство и пьянство, разстроивающія хозяйство, и нарушеніе рабочимъ договора найма, заключеннаго безъ договорнаго листа, недобросовѣстною, по полученіи задатка, неявкой на работы или самовольнымъ уходомъ съ работъ безъ отработки забранныхъ впередъ денегъ (ст. ст. 27 и 74)». (Прим. „Нов. Вр.“).

дѣлахъ отведенной имъ карательной власти. Такъ, за проступки, обложенные въ уставѣ о наказаніяхъ арестомъ, волостные суды въ правѣ приговаривать виновныхъ къ денежной пенѣ или даже ограничиваться внушеніемъ; лишь за корыстныя преступныя дѣянія обязательно долженъ быть назначенъ арестъ на срокъ отъ 7 до 30 дней. Но существующее несоотвѣтствіе наказуемости одинаковыхъ преступныхъ дѣяній въ судахъ общихъ и волостныхъ, волостнымъ уставомъ ослаблено въ гораздо меньшей степени, чѣмъ это было возможно даже при сохраненіи уголовной юрисдикціи волостныхъ судовъ. Такъ, коммиссія включила въ волостной уставъ дѣянія, обложенныя въ новомъ уголовномъ уложеніи наказаніями, превосходящими размѣры той карательной власти, которая можетъ быть предоставлена волостнымъ судамъ; поэтому ей пришлось понизить наказуемость этихъ дѣяній, назначивъ денежную пеню вмѣсто 300 и 500 руб., установленныхъ новымъ уложеніемъ, въ 100 руб. и арестъ на срокъ до одного мѣсяца вмѣсто 3 и 6 мѣсяцевъ. Между тѣмъ, многія изъ подобныхъ дѣяній, оставленныхъ въ вѣдомствѣ волостныхъ судовъ, вовсе не принадлежатъ къ числу повседневныхъ проявленій сельской преступности и наоборотъ въ крестьянскомъ быту встрѣчаются очень рѣдко. Таковы, напр., нарушенія порядка въ публичныхъ собраніяхъ, устройство запрещенныхъ игръ, распространеніе ложныхъ слуховъ и т. д.

Но особеннаго упрека заслуживаютъ составители волостнаго устава за намѣреніе удержать въ подсудности волостныхъ судовъ дѣла о корыстныхъ преступленіяхъ. Сознавая всю несообразность нынѣшняго положенія, при которомъ волостные суды караютъ эти дѣянія maximum арестомъ до 30 дней, а общіе суды—тюремнымъ заключеніемъ на продолжительные сроки (за кражу—до одного года), они думали сгладить ее назначеніемъ заключенія въ тюрьму на одинъ мѣсяцъ за кражу, мошенничество и присвоеніе. При этомъ однако было упущено изъ виду, что тюремное заключеніе есть высшій по отношенію къ аресту, а тѣмъ болѣе къ денежной пенѣ, видъ наказанія. Слѣдовательно, волостнымъ судамъ скорѣе можно вручить право налагать арестъ до 6 мѣсяцевъ и денежную пеню до 500 р., чѣмъ право заключать въ тюрьму хотя бы на самые краткіе сроки. Между тѣмъ составители волостного устава сами находили, что карательныя полномочія волостныхъ судовъ въ отношеніи ареста должны быть ограничены однимъ мѣсяцемъ, а въ отношеніи пени—100 рублями. Суть же дѣла въ томъ, что корыстныя преступныя дѣянія являются важнѣйшими въ об-

щественной жизни правонарушеніями и потому, независимо отъ ихъ наказуемости, не подходятъ къ подсудности волостныхъ судовъ, имѣющихъ значеніе лишь сельскихъ полицейскихъ расправъ.

Такимъ образомъ, попытка редакціонной коммиссіи по пересмотру законодательства о крестьянахъ выработать для волостныхъ судовъ особый уголовный кодексъ, опирающійся на постановленія уголовнаго уложенія, вылилась въ крайне неудачную форму. Признаніе за волостнымъ уставомъ силы закона было бы регрессомъ въ области нашего уголовнаго правосудія. Дѣйствительно, при примѣненіи устава въ волостныхъ судахъ и уголовнаго уложенія во всѣхъ прочихъ мѣстныхъ судахъ между юрисдикціями тѣхъ и другихъ исчезли бы почти всѣ существующія точки соприкосновенія. Во всякомъ случаѣ связь между ними была бы слабѣе, чѣмъ въ настоящее время, когда всѣ мѣстные суды, не исключая и волостныхъ, пользуются одними и тѣми же правилами общей части устава о наказаніяхъ и одними и тѣми же опредѣленіями состава и отличительныхъ свойствъ преступныхъ дѣяній.

Отдѣльно отъ редакціонной коммиссіи по пересмотру крестьянскаго законодательства вопросомъ о томъ, на какихъ основаніяхъ построить уголовную юрисдикцію волостныхъ судовъ при дѣйствіи въ общихъ судахъ новаго уголовнаго уложенія, занялось также министерство юстиціи; оно положило распространить на волостные суды уголовное уложеніе безъ какого бы то ни было предварительнаго приспособленія его постановленій къ дѣятельности и особому характеру этихъ судовъ. Карательная власть волостныхъ судовъ должна ограничиваться правомъ налагать денежный штрафъ до 100 руб. и арестъ на срокъ до одного мѣсяца. При этомъ изъ современной волостной подсудности исключаются всѣ тѣ преступныя дѣянія, за которыя въ уголовномъ уложеніи назначены наказанія, превышающія предоставляемыя волостнымъ судамъ карательныя полномочія. Кругъ остающихся засимъ въ волостной подсудности дѣяній опредѣляется путемъ ссылокъ въ правилахъ о волостномъ судѣ на подлежащія статьи уложенія; волостные суды руководствуются диспозитивными частями этихъ статей, указывающихъ отличительные признаки преступныхъ дѣяній, а равно сообразуются съ карательными санкціями, которыми они снабжены. Наконецъ имѣющіяся въ ст. 35 временныхъ правилъ 1889 г. ссылки на „общія положенія“ устава о наказаніяхъ замѣняются соотвѣтственными ссылками на статьи общей части уголовнаго уложенія.

Что подобный способъ примѣнить уголовное уложеніе къ дѣятельности волостныхъ судовъ представляется совершенно и притомъ единственно правильнымъ съ теоретической точки зрѣнія, въ этомъ конечно не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Но посмотримъ, какіе результаты получатся отъ осуществленія его на практикѣ.

Прежде всего нѣтъ сомнѣнія, что постановленія общей части уголовнаго уложенія ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть какъ слѣдуетъ поняты и усвоены волостными судьями, избираемыми изъ среды лицъ, лишенныхъ юридической подготовки. Правда, волостные судьи обязаны нынѣ пользоваться общими положеніями устава о наказаніяхъ, между тѣмъ никакихъ неразрѣшимыхъ замѣшательствъ отъ этого не происходитъ. Но comparaison n'est pas raison. Общая часть уголовнаго уложенія отнюдь не можетъ быть сравниваема въ отношеніи ея удобопонятности съ общею частью устава о наказаніяхъ. Предусмотрѣнныя въ послѣднемъ кодексѣ дѣянія, за исключеніемъ однихъ только корыстныхъ преступленій, составляютъ вполнѣ однородную массу проступковъ, весьма близкихъ между собою по общественному ихъ значенію и по степени наказуемости. Поэтому почти каждое изъ общихъ положеній устава одинаково относится какъ ко всей совокупности постановленій особенной его части, такъ и къ каждому изъ нихъ въ отдѣльности.

Вслѣдствіе этого при примѣненіи статей общей части устава о наказаніяхъ волостные судьи не встрѣчаютъ никакихъ затрудненій. Совершенно другими свойствами отличаются общія положенія въ новомъ уголовномъ уложеніи. Этотъ кодексъ обнимаетъ всю сумму запрещенныхъ подъ страхомъ наказанія дѣяній, начиная съ тягчайшихъ, караемыхъ смертною казнью или ссылкою въ каторгу, преступленій и кончая мелкими правонарушеніями, влекущими за собою денежную пеню не свыше 5 руб. При такихъ условіяхъ общая часть уложенія не можетъ имѣть цѣльнаго содержанія: въ однѣхъ и тѣхъ же статьяхъ ея встрѣчаются правила, касающіяся рѣзко различающихся по тяжести преступныхъ дѣяній, изъ коихъ одни подсудны, а другіе—не подсудны волостнымъ судамъ. Разобраться въ этой смѣси волостной судья-крестьянинъ не будетъ въ состояніи даже при содѣйствіи неизмѣннаго юрисконсульта — волостного писаря. Затѣмъ, непонятно, почему изъята изъ вѣдѣнія волостныхъ судовъ цѣлая категорія обычныхъ проступковъ, какъ-то: оскорбленіе, насиліе, угроза и самоуправство? Судъ по этого рода дѣламъ, возбуждаемымъ не

иначе какъ по жалобѣ самихъ потерпѣвшихъ, долженъ быть особенно близокъ къ населенію. Всякаго, кто впервые знакомится съ книгой рѣшеній волостного суда, неизмѣнно поражаетъ обиліе дѣлъ объ оскорбленіяхъ, причиненіи насилія, угрозахъ и самоуправствѣ, прекращаемыхъ за неявкою къ разбирательству обиженнаго. Обстоятельство это объясняется тѣмъ, что у многихъ лицъ, претерпѣвшихъ обиду, хватаетъ энергіи только для одной явки въ судъ—для подачи жалобы; въ теченіе же срока, протекающаго между возбужденіемъ дѣла и его разсмотрѣніемъ въ судѣ, впечатлѣніе обиды ослабляется, и жалобщикъ не находитъ въ себѣ достаточно охоты для вторичной явки—къ разбирательству дѣла. Если такимъ образомъ даже волостной судъ по дѣламъ объ оскорбленіяхъ, насиліи, угрозахъ и самоуправствѣ недостаточно близокъ къ крестьянамъ, то легко себѣ представить, что произошло бы въ случаѣ передачи всѣхъ этихъ дѣлъ изъ волостной подсудности въ вѣдѣніе земскихъ начальниковъ, этихъ единственныхъ въ настоящее время коронныхъ судей въ сельскихъ мѣстностяхъ. Всего волостей въ губерніяхъ, въ коихъ введено положеніе о земскихъ начальникахъ, около 9½ тысячъ, а земскихъ участковъ до 2½ тысячъ. Слѣдовательно камера земскаго начальника въ 3½ раза отдаленнѣе отъ крестьянъ, чѣмъ волостной судъ. Затѣмъ укажемъ еще, что наиболѣе мелкіе земскіе участки въ центральныхъ губерніяхъ захватываютъ отъ 500 до 700 квадр. верстъ, такъ что радіусъ сферы дѣйствія земскаго начальника равенъ 15—25 верстамъ. Разстояніе это правда не особенно еще велико. Но не слѣдуетъ забывать, что земскіе участки имѣютъ часто неправильную, растянутую форму, что камера земскаго начальника сплошь и рядомъ помѣщается не въ центрѣ, а на окраинѣ участка и что деревенскія дороги идутъ не по прямымъ линіямъ; поэтому даже въ самыхъ населенныхъ губерніяхъ встрѣчаются пункты, удаленные отъ мѣста пребыванія земскаго начальника на 30, 40 и 50 верстъ. А что сказать о такихъ губерніяхъ, какъ, напр., Минская, гдѣ ройонъ земскаго начальника охватываетъ въ среднемъ 1.250 верстъ, а Казанская—даже 1.350 верстъ и въ Новгородской—1.820? Въ этихъ губерніяхъ разстоянія отъ камеры до того или другого пункта достигаютъ 80, 100 и даже болѣе верстъ. Мы сильно сомнѣваемся, чтобы крестьянинъ, котораго выбранилъ или даже ударилъ его однообщественникъ, рѣшился преодолѣть подобныя разстоянія для явки къ разбору дѣла у земскаго начальника. Однимъ словомъ, почти вся масса совершаемыхъ въ крестьянской средѣ проступковъ противъ чести, а также

насилій и самоуправствъ, въ случаѣ перехода суда по нимъ къ земскимъ начальникамъ, останется въ состояніи безсудности. Между тѣмъ дѣла объ этихъ проступкахъ представляютъ болѣе половины всѣхъ уголовныхъ дѣлъ, вѣдаемыхъ нынѣ волостными судами, а самые эти проступки не менѣе всѣхъ прочихъ преступныхъ дѣяній нуждаются въ уголовной репрессіи. Дѣйствительно, при грубости крестьянскихъ нравовъ и при тѣсномъ сосѣдствѣ крестьянъ въ селеніяхъ, задача поддержанія въ послѣднихъ земскаго мира и такъ не легка; но она станетъ положительно невыполнимою, если лицамъ, претерпѣвающимъ нападенія на ихъ честь и неприкосновенность, фактически будетъ закрытъ доступъ къ суду.

Такимъ образомъ предположенія Министерства Юстиціи, при всей ихъ теоретической правильности, въ сущности столь же непріемлемы, какъ и предположенія редакціонной коммиссіи по пересмотру крестьянскаго законодательства, выразившіяся въ составленіи проекта волостного устава о наказаніяхъ.

Что же дѣлать въ такомъ случаѣ? Какъ выйти изъ этой дилеммы?

Нѣтъ никакой возможности найти способъ примѣненія новаго уголовнаго уложенія къ дѣятельности волостныхъ судовъ, вполнѣ удовлетворительный съ точки зрѣнія какъ требованій единства уголовныхъ законовъ для всѣхъ судебныхъ установленій, такъ и практической его выполнимости. Единственно правильный выходъ изъ настоящаго затруднительнаго положенія—это упраздненіе уголовной юрисдикціи волостныхъ судовъ. Дѣйствительно, судъ, который не можетъ, по невѣжеству составляющихъ его судей и по недовѣрію къ нему законодателя, руководствоваться уголовными законами, изданными для всей страны, для всего ея населенія, не имѣетъ права на существованіе.

Но условія нашей государственной жизни таковы, что тотъ день, когда волостные суды прекратятъ свое бытіе, настанетъ еще не скоро. Упразднить волостные суды легко, но поставить на ихъ мѣсто другіе близкіе къ народу органы судебной власти очень трудно. С. Ю. Витте въ извѣстной запискѣ по крестьянскому вопросу высчиталъ, что учрежденіе подобныхъ судовъ обойдется казнѣ въ 20 милліоновъ ежегодно. Эти средства на мѣстную юстицію государственное казначейство врядъ ли будетъ въ состояніи отпустить въ ближайшемъ будущемъ, пока наши финансы не оправятся отъ удара, нанесеннаго имъ несчастной войной на Дальнемъ Востокѣ. Но и помимо денежной стороны есть еще другія причины, по

которымъ упраздненіе волостныхъ судовъ встрѣтитъ серьезныя препятствія. Такъ, нельзя питать твердой увѣренности, что у насъ хватитъ образованныхъ юристовъ для замѣщенія должностей мѣстныхъ судей. Должностей этихъ потребуется создать очень много. Только въ губерніяхъ, въ которыхъ введено положеніе о земскихъ начальникахъ, онѣ должны будутъ замѣнить 9½ тысячъ волостныхъ судовъ. Если даже согласиться на удаленіе суда отъ крестьянскаго населенія въ два раза (а болѣе нельзя), то придется устроить до 4½ тысячъ новыхъ судейскихъ мѣстъ. Содержаніе сельскимъ судьямъ можетъ быть назначено сравнительно небольшое, а отсутствіе культурныхъ удобствъ въ нашихъ деревняхъ дѣлаетъ проживаніе въ нихъ очень тяжелымъ. Много ли найдется, даже между начинающими юристами, лицъ, которыя пожелаютъ служить при такихъ условіяхъ?

Но если неизвѣстно, какъ и когда произведена будетъ реформа нашей мѣстной юстиціи, то необходимо изыскать хотя бы приблизительно удовлетворительное рѣшеніе вопроса объ устройствѣ уголовной юрисдикціи волостныхъ судовъ при дѣйствіи новаго уголовнаго уложенія. Министерства внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, повторяемъ, предложили совершенно непріемлемыя рѣшенія. Первое, въ лицѣ редакціонной коммиссіи по пересмотру законодательства о крестьянахъ, удалилось въ дебри самостоятельнаго творчества въ области уголовнаго права и выработало не согласованный съ уголовнымъ уложеніемъ проектъ особаго уголовнаго кодекса для волостныхъ судовъ. Второе готовится преподнести волостнымъ судамъ уголовное уложеніе во всей неприкосновенности его общей части и закрываетъ глаза на то, что волостные судьи ничего въ послѣдней понять не въ состояніи и что крестьянамъ съ жалобами на оскорбленія, насилія, угрозы и самоуправство придется ходить верстъ за 30, 50 и даже 100.

Мы, съ своей стороны, думаемъ, что можно остановиться на слѣдующемъ рѣшеніи. Прежде всего необходимо приспособить статьи уголовнаго уложенія, содержащія правила, которыя касаются преступныхъ дѣяній подсудныхъ волостнымъ судамъ, къ пониманію волостныхъ судей. Для этого потребуется обособить указанныя правила отъ тѣхъ, которыя къ дѣламъ волостной подсудности не относятся, а также изложить ихъ въ болѣе простой внѣшней формѣ. Особенныхъ затрудненій эта работа не представитъ. Такъ, напримѣръ, весьма сложная статья (49) уголовнаго уложенія о покушеніи на преступныя дѣянія можетъ быть сведена къ простой формулѣ,

гласящей, что подсудные волостнымъ судамъ проступки караются только въ томъ случаѣ, если преступное дѣйствіе приведено виновнымъ въ исполненіе. Правила общей части уложенія послѣ подобной передѣлки не измѣнятся въ отношеніи ихъ внутренняго смысла, а въ законѣ только смыслъ и важенъ, и усвоеніе ихъ будетъ для волостныхъ судей не болѣе труднымъ, чѣмъ усвоеніе общихъ положеній примѣняемаго нынѣ волостными судьями устава о наказаніяхъ. Засимъ, тѣ статьи уголовнаго уложенія, которыя даютъ опредѣленія состава преступныхъ дѣяній, входящихъ въ волостную подсудность, какъ оказывается при ближайшемъ ихъ разсмотрѣніи, почти въ неприкосновенномъ видѣ перенесены въ уложеніе изъ устава о наказаніяхъ, а потому ни въ какомъ приспособленіи ихъ къ пониманію волостныхъ судей не имѣется надобности. Карательная власть волостныхъ судовъ должна быть ограничена правомъ назначать денежную пеню до 100 руб. и арестъ до одного мѣсяца. Что же касается вопроса объ опредѣленіи подсудности волостныхъ судовъ, то изъ числа вѣдаемыхъ ими въ настоящее время преступныхъ дѣяній надлежитъ изъять всѣ проступки, караемые по уголовному уложенію пенею свыше 100 руб. или арестомъ свыше одного мѣсяца, кромѣ однако оскорбленій, насилія, угрозъ и самоуправства. Послѣднія дѣянія должны быть оставлены въ волостной подсудности, такъ какъ съ передачею ихъ въ вѣдомство земскихъ начальниковъ судъ по нимъ сдѣлался бы фактически недоступнымъ для крестьянъ. При этомъ, максимальныя наказанія, установленныя за оскорбленія, насиліе, угрозы и самоуправство въ уголовномъ уложеніи, придется понизить съ 500 руб. денежной пени и 6 мѣсяцевъ ареста до размѣровъ предоставляемыхъ волостнымъ судамъ карательныхъ полномочій. Теоретическая неправильность подобнаго отступленія отъ общихъ уголовныхъ законовъ неоспорима, но можно утѣшаться мыслью, что практическое его значеніе будетъ не особенно велико. Нѣтъ сомнѣнія, что и общіе суды врядъ ли станутъ прибѣгать сколько-нибудь часто къ высшимъ мѣрамъ наказаній, назначенныхъ за перечисленные проступки въ уголовномъ уложеніи».

„Русь“ (*№ 268, 1904 года*). «Волостной уголовный кодексъ, существующій пока лишь въ проектѣ, вводитъ одно крупное новшество, за которое его совершенно справедливо привѣтствуетъ „Кіевл.“, а именно — условное осужденіе, именно тотъ институтъ, который мы никакъ не можемъ, несмотря на почти единогласное признаніе его значенія всѣми авторитетными юристами и опытъ Европы,—ввести въ общіе суды. Попутно,

впрочемъ, „Кіевл.“ отмѣчаетъ нѣкоторыя несовершенства, допущенныя составителями проекта и могущія на практикѣ вызвать нѣкоторыя неудобства.

Во-первыхъ,—говоритъ „Кіевл.“,—правило это—хотя и грозитъ высшей мѣрой наказанія за вторичное совершеніе проступка, но по существу и по формѣ оно имѣетъ сходство съ прощеніемъ вины, какое дается помилованіемъ или примиреніемъ въ дѣлахъ частнаго обвиненія, по которымъ уголовное преслѣдованіе зависитъ исключительно отъ потерпѣвшаго обиду. Въ такъ называемомъ условномъ осужденіи предполагается присужденіе виновнаго къ законамъ положенному наказанію, которое лишь не приводится въ исполненіе въ теченіе извѣстнаго срока подъ условіемъ добраго поведенія. Въ этомъ висящемъ надъ осужденнымъ приговорѣ и заключается, какъ доказано практикой, благодѣтельный элементъ, укрощающій и воспитывающій слабую волю. Во-вторыхъ, непонятно, почему такая большая льгота для совершившихъ болѣе важный проступокъ, караемый тюрьмою, будетъ недоступна для тѣхъ, кто присужденъ къ аресту за меньшій проступокъ? Буйство, драки, пьянство, нарушеніе санитарныхъ или иныхъ правилъ, обезпечивающихъ общественный порядокъ или казенный интересъ—все это можетъ быть также точно совершено по легкомыслію и быть результатомъ случайности въ жизни провинившагося. Нѣтъ основанія не примѣнять этотъ институтъ и при осужденіи къ денежной пенѣ и даже въ дѣлахъ частнаго обвиненія.

Съ этими замѣчаніями нельзя, конечно, не согласиться. При всей ихъ справедливости, они, однако, нисколько не уменьшаютъ общаго значенія вводимаго въ нашу жизнь новшества. Очевидно, пройдетъ годъ-другой, а можетъ быть даже и скорѣе, и условное осужденіе перестанетъ быть привилегіей, дѣйствительно весьма существенной, однихъ крестьянъ, а получитъ то распространеніе, на которомъ настаиваютъ наши авторитетные юристы».

Къ проекту сельскаго устава о договорахъ.

Проф. А. М. Гуляевъ. „Вопросы частнаго права въ проектахъ законоположеній о крестьянахъ“.

..... «Число статей проектируемаго устава о договорахъ значительно меньше числа статей въ четвертой книгѣ 1 ч. X т.: въ уставѣ—204 статьи, а въ 4-й кн. свода законовъ гражданскихъ по изданію 1900 г.—320; но „коммиссія приняла во вниманіе, что въ сельскомъ уставѣ должны найти себѣ выраженіе лишь тѣ институты гражданскаго права, которые соприкасаются съ предметами вѣдомства волостного суда“ (стр. 70), и если изъ 1 ч. X т. исключить статьи, говорящія о товариществѣ акціонерномъ и о закладѣ движимыхъ и залогѣ недвижимыхъ имуществъ, да статьи чисто редакціоннаго, ссылочнаго содержанія, то получится такое же количество статей, какъ и въ проектируемомъ сельскомъ кодексѣ. Расположеніе матеріала въ сельскомъ уставѣ о договорахъ не чуждо сходства съ порядкомъ изложенія въ 1 ч. X т. и въ проектѣ гражданскаго уложенія. Отнесемъ это сходство на счетъ вліянія „основныхъ, установленныхъ наукою права началъ всякаго гражданскаго законодательства“. Уставъ о договорахъ открывается „общими положеніями“, которыя гласятъ: ст. 1. „Договоры должны быть заключаемы по свободному и сознательному согласію сторонъ“ (ст. 571, 700, 1528 ч. 1 т. X); ст. 2 и 3: „предметъ договора долженъ имѣть имущественную цѣнность; содержаніе договора должно быть непротивно законамъ, добрымъ нравамъ и общественному порядку“ (ст. 1528); ст. 4: „по заключеніи договора ни одна изъ сторонъ не въ правѣ отъ него отступиться безъ согласія другой стороны“ (ст. 569), и ст. 5—„договоры должны быть исполняемы по точному ихъ смыслу и доброй совѣсти и согласно намѣренію сторонъ“ (ст. 1536—1559). Вопросъ о прекращеніи договоровъ, въ противоположность 1 ч. X т., отнесенъ въ сельскомъ уставѣ къ концу, что съ внѣшней стороны представляется болѣе

умѣстнымъ; но по содержанію своему эти статьи наводятъ на мысль, не имѣемъ-ли мы здѣсь дѣла съ заимствованіемъ изъ проекта гражданскаго уложенія, и сравнивъ статьи проекта устава со статьями проекта уложенія, придемъ къ утвердительному отвѣту.

Общая часть сельскаго устава о договорахъ не велика, но не меньше общихъ положеній по 1 ч. X т., а послѣднія къ тому же не заключаютъ въ себѣ ничего специфически сословнаго, выражая собою положенія, выработанныя наукою права; такихъ положеній не чуждаются и редакторы устава. Гдѣ же, спрашивается, препятствія къ распространенію нынѣ дѣйствующаго закона объ обязательствахъ на крестьянъ? Вѣроятно, въ спеціальныхъ ученіяхъ объ отдѣльныхъ договорахъ редакторы изложили нѣчто такое, что дѣйствующему закону неизвѣстно, что свойственно только крестьянскому быту? Этотъ вопросъ приводитъ насъ къ необходимости детальнаго сопоставленія статей сельскаго устава о договорахъ съ 1 ч. X т. св. зак. и съ V книгой проекта гражданскаго уложенія.

Въ проектѣ устава о договорахъ даны правила о займѣ, о продажѣ и запродажѣ, о мѣнѣ, дареніи, о наймѣ имуществъ, о ссудѣ, о храненіи имущества, о личномъ наймѣ, подрядѣ и заказѣ, о довѣренности, о поручительствѣ, объ артеляхъ трудовыхъ, о вознагражденіи за убытки, причиненные неисполненіемъ договоровъ, объ обезпеченіи договоровъ неустойкой и задаткомъ. Нѣтъ въ уставѣ правилъ о коммиссіонномъ договорѣ, о векселѣ, о переводномъ письмѣ, о чекахъ, о бумагахъ на предъявителя, объ ученыхъ, благотворительныхъ и иныхъ обществахъ, о страхованіи, о пожизненномъ доходѣ и пожизненномъ содержаніи, объ игрѣ и пари, о лотереѣ; эти ученія, подробно разработанныя въ проектѣ гражданскаго уложенія, отсутствуютъ въ 1 ч. X т., а помѣщенныя въ уставѣ ученія не новы для свода законовъ гражданскихъ.

Въ противоположность дѣйствующему своду законовъ, редакторы считаютъ нужнымъ давать опредѣленія отдѣльныхъ договоровъ; это, впрочемъ, сдѣлано и составителями проекта гражданскаго уложенія и въ большинствѣ случаевъ удачнѣе, чѣмъ редакторами устава: что даетъ, напримѣръ, такое опредѣленіе, какъ „опредѣленіе“ мѣны—„мѣной называется договоръ, по которому стороны обмѣниваются принадлежащими имъ имуществами“ (ст. 46)—или „опредѣленіе“ даренія—„дареніемъ называется договоръ, по которому даритель даромъ предоставляетъ одаренному какое-либо имущество“ (ст. 48)? Крестьяне и волостные суды, безъ сомнѣнія, и безъ этихъ

опредѣленій знаютъ, что мѣна приводитъ къ обмѣну имуществъ, а дареніе предоставляетъ имущество даромъ; но относительно даренія они знаютъ еще больше, чѣмъ говорятъ редакторы, а именно, что дарить можно не *какое-либо* имущество, а только *свое* имущество. Чѣмъ давать неудачныя опредѣленія, лучше совсѣмъ ихъ не давать, памятуя, что omnis definitio in jure civile periculosa est; лучше предположить элементарныя понятія всѣмъ извѣстными.

Наиболѣе часто повторяющимися и въ крестьянскомъ, и въ некрестьянскомъ быту договорами является заемъ, продажа, наемъ личный и имущественный. На этихъ-то договорахъ и должно было отразиться самобытное творчество редакторовъ. Посмотримъ теперь, въ чемъ-же оно выразилось.

„*Займомъ* называется договоръ, по которому одна сторона передаетъ другой сторонѣ опредѣленную сумму денегъ, подъ условіемъ возврата равной суммы. Предметомъ займа могутъ служить также хозяйственные припасы; въ этомъ случаѣ должникъ обязанъ возвратить заимодавцу то количество припасовъ, которое онъ получилъ въ заемъ, и при томъ такого-же качества“. Такъ гласитъ ст. 6 устава, а ст. 348 проекта гражданскаго уложенія говоритъ: „По договору займа заимодавецъ передаетъ въ собственность заемщику, за вознагражденіе (ростъ, проценты) или безмездно, опредѣленную сумму денегъ, при чемъ заемщикъ обязуется возвратить заимодавцу въ назначенный договоромъ срокъ или по востребованію заимодавца равную сумму денегъ. Предметомъ займа могутъ быть также произведенія земли и иныя замѣнимыя вещи“. Которая изъ этихъ двухъ редакцій должна больше понравиться,—это рѣшить трудно, потому что это дѣло вкуса; но обѣ редакціи выражаютъ одно и то-же положеніе, при чемъ редакція устава столь-же вразумительна, какъ и редакція уложенія, и заемъ между крестьянами характеризуется тѣми-же самыми признаками, что и заемъ между не крестьянами. Но дѣло не оканчивается на сходствѣ опредѣленій. Тождественными представляются и способы заключенія договора: ст. 349 уложенія гласитъ, что заемъ на сумму свыше тридцати рублей долженъ быть удостовѣренъ заемнымъ письмомъ, распискою или инымъ письменнымъ актомъ; а ст. 8 устава постановляетъ, что денежный заемъ на сумму свыше тридцати рублей долженъ быть удостовѣренъ на письмѣ. Споръ о безденежности займа сводится къ спору о безвалютности, въ чемъ согласны между собой ст. 14 устава, ст. 350 уложенія и ст. 2017 ч. 1 т. X св. зак. Равнымъ образомъ, не до-

пускается споръ о безденежности заемнаго акта, засвидѣтельствованнаго—по уставу—волостнымъ старшиной (ст. 13), по уложенію (ст. 361) и по 1 ч. X т. (ст. 2015)—нотаріусомъ. По вопросу о процентахъ въ уставѣ содержится правило (ст. 16), что условіе о процентахъ должно быть удостовѣрено на письмѣ; что опредѣленіе размѣра роста предоставляется усмотрѣнію сторонъ (ст. 17), съ тѣмъ однако-же, что преувеличенный ростъ, свыше 12%, можетъ быть уменьшенъ судомъ. Знаетъ уставъ и ростъ узаконенный—по шести на сто въ годъ (ст. 19), съ тѣмъ что должникъ, обязавшійся платить свыше 12%, имѣетъ право возвратить долгъ спустя шесть мѣсяцевъ по заключеніи займа (ст. 20); анатоцизмъ и здѣсь воспрещается (ст. 23). Очевидно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ болѣе или менѣе точнымъ воспроизведеніемъ статей 1 ч. X т. св. зак. Въ чемъ, спрашивается, разница между дѣйствующимъ гражданскимъ закономъ и правилами устава о займѣ? И опредѣляется договоръ одинаково, и условія заключенія его одинаковы, одинаковы и послѣдствія договора. Разница наблюдается лишь въ одномъ,—а именно, по ст. 11 устава „судъ въ правѣ, безъ согласія заимодавца, отсрочить или разсрочить уплату долга, если безотлагательное его взысканіе привело бы къ разстройству хозяйства должника; но отсрочка или разсрочка долга не могутъ быть даны судомъ болѣе одного раза“. Но и въ этомъ правилѣ нѣтъ ничего столь необычайнаго, чтобы изъ-за него стоило сочинять крестьянскій кодексъ; по ст. 136 уст. гражд. суд. „въ случаѣ неимѣнія у обвиненной стороны никакихъ наличныхъ средствъ для внесенія присужденной рѣшеніемъ суммы, мировой судья можетъ разсрочить уплату на опредѣленные сроки, смотря по количеству взысканія и способамъ должника къ уплатѣ“... Значитъ, въ вопросѣ о займѣ, въ сравненіи съ дѣйствуюшимъ закономъ, нѣтъ не только ничего новаго, но и нѣтъ ничего такого, что обусловливалось-бы особенностями крестьянскаго быта.

Въ статьяхъ устава, говорящихъ о договорѣ *продажи* (ст. 24 — 42), отсутствуетъ опредѣленіе этого договора, а прямо излагаются взаимныя обязанности сторонъ, отдѣльно въ примѣненіи къ продажѣ движимости, и отдѣльно въ примѣненіи къ продажѣ недвижимости. Статьи устава о продажѣ движимости составлены подъ очевиднымъ вліяніемъ соотвѣтствующихъ правилъ 1 ч. X т.; въ уставѣ, какъ и въ сводѣ законовъ гражданскихъ, недостаточно оттѣненъ обязательственный характеръ продажи, которая разсматривается, какъ способъ пріобрѣтенія права собственности. Важное значеніе имѣетъ моментъ передачи. Но въ чемъ заключается передача,

объ этомъ уставъ не говоритъ; между тѣмъ неясное представленіе о сущности передачи вызываетъ большія недоразумѣнія даже въ практикѣ общихъ судебныхъ мѣстъ. Какъ-же разберется въ этомъ вопросѣ волостной судъ? Почему для выясненія понятія передачи не обратились къ ст. 1510 ч. 1 т. X или къ воспроизводящей ее ст. 194 Уложенія? Кажется, это результатъ не совсѣмъ яснаго представленія редакторовъ о томъ, что такое продажа. Достаточно ясно разработанъ этотъ вопросъ въ проектѣ Уложенія; отсюда и слѣдовало сдѣлать заимствованія для разрѣшенія такого остраго въ практическомъ отношеніи вопроса, какъ вопросъ о моментѣ перехода права собственности отъ продавца къ покупщику: чѣмъ опредѣленнѣе высказались-бы редакторы при рѣшеніи этого вопроса въ томъ или иномъ направленіи, тѣмъ болѣе облегчили-бы они задачу волостного суда при разрѣшеніи вопроса, кто и съ какого момента является хозяиномъ спорной вещи. Дѣлать выводы изъ смутныхъ положеній закона едва-ли можно требовать отъ волостныхъ судей, и потому лучше сказать, что право собственности на проданную вещь нереходитъ къ покупщику въ моментъ передачи, чѣмъ высказывать такое положеніе: „покупщикъ со времени принятія имущества несетъ послѣдствія его случайнаго уничтоженія или повреждения; съ того-же времени къ покупщику переходитъ право на всѣ выгоды и доходы съ имущества“ (ст. 30). Но нужно-ли вообще такое положеніе въ законѣ? Вѣдь положеніе это представляетъ собою послѣдствія права собственности. Можетъ быть редакторы имѣли въ виду римское положеніе periculum est emptoris? Если-бы такой взглядъ существовалъ и у крестьянъ, а по мнѣнію редакторовъ слѣдовало-бы признать взглядъ этотъ неправильнымъ и стать на сторону положенія casum sentit dominus, тогда ст. 30 была-бы умѣстна; но сами редакторы въ объясненіи къ ст. 30 говорятъ, что и по крестьянскому обычному праву, при продажѣ движимаго имущества, страхъ за случайную гибель или порчу вещей, до передачи ихъ покупщику, лежитъ на продавцѣ, какъ собственникѣ, и переходитъ къ покупщику со времени передачи. Какъ заключается договоръ продажи—объ этомъ, къ сожалѣнію, уставъ ничего не говоритъ; а между тѣмъ и въ сводѣ законовъ гражданскихъ, и въ проектѣ уложенія этотъ вопросъ не оставленъ безъ разрѣшенія. Если уставъ (ст. 27) предоставляетъ покупщику право, въ случаѣ уклоненія продавца отъ передачи вещи, отобрать (у кого?) проданное имущество по суду или отказаться отъ договора, то, естественно, возникаетъ вопросъ, когда-же договоръ продажи

считается заключеннымъ? Не давая отвѣта на этотъ вопросъ, уставъ ограничивается изложеніемъ обязательствъ, лежащихъ на обоихъ контрагентахъ. Такой порядокъ изложенія нельзя признать удачнымъ. Редакторы сочли нужнымъ исключить изъ устава правила о запродажѣ движимаго имущества, и тѣмъ окончательно лишили договоръ продажи обязательственнаго характера, а все сведено къ передачѣ и къ тѣмъ юридическимъ послѣдствіямъ, какія возникаютъ изъ передачи, какъ-то въ случаѣ открытія существенныхъ недостатковъ въ проданной вещи или въ случаѣ не своевременнаго совершенія передачи.

„Продажа недвижимостей" по уставу имѣетъ въ виду отчужденіе усадебныхъ и подворныхъ участковъ надѣльной земли. Обязательственный моментъ этого вида продажи сводится къ правиламъ о запродажѣ (ст. 43—45), а правила о продажѣ надѣльныхъ участковъ (ст. 35—42) представляютъ собою повтореніе . . . . . правилъ объ актахъ отчужденія надѣльныхъ земель *); послѣднія правила, впрочемъ, гораздо полнѣе. Здѣсь-же, въ правилахъ о продажѣ, говорится и объ отвѣтственности за очистки, при чемъ повторяются правила ст. 1427 ч. 1 т. X.

Какъ заемъ, такъ и продажа изображены въ уставѣ не самобытными чертами, а заимствованными изъ свода и изъ проекта уложенія, не отличаются ничѣмъ, специфически крестьянскому быту свойственнымъ и потому правила объ этихъ договорахъ спокойно могли бы оставаться тамъ, откуда они взяты, тѣмъ болѣе, что въ своихъ первоисточникахъ правила эти, въ особенности о продажѣ, изложены вразумительнѣе. „Продажа" у крестьянъ имѣетъ далеко не то значеніе, какъ въ общей юридической терминологіи; для крестьянина „продать" значитъ совершить возмездную сдѣлку любого содержанія: поэтому крестьяне и говорятъ о продажѣ „на вѣчность" и о продажѣ „на года", разумѣя подъ послѣднимъ видомъ продажи то, что мы понимаемъ подъ арендой. Въ виду такой, своеобразной терминологіи не лишнимъ было-бы подчеркнуть въ уставѣ безповоротность продажи. Редакторы устава этого не сдѣлали, вѣроятно, потому, что въ источникахъ, откуда почерпаются ими статьи для крестьянскаго кодекса, такого указанія не встрѣчается.

Для того, чтобы сочинять законы для имущественнаго оборота крестьянъ, недостаточно заимствовать наиболѣе простыя положенія изъ дѣйствующихъ законовъ, нужно знать и бытъ крестьянъ; а знакомство съ быто-

*) Разборъ этихъ правилъ см. ниже.

выми условіями показало-бы редакторамъ, что и общіе законы заключаютъ въ себѣ достаточно матеріала для разрѣшенія споровъ, возникающихъ между крестьянами, и что при наличности такихъ законовъ не представляется надобности въ особомъ кодексѣ для волостныхъ судовъ.

Недостатокъ въ землѣ принуждаетъ крестьянъ прибѣгать къ арендованію сосѣднихъ земель помѣщичьихъ или крестьянскихъ. Крестьяне, какъ уже сказано было выше, называютъ арендованіе чужого участка—покупкой земли на время. Такая своеобразная конструкція, не лишенная аналогіи и въ историческомъ развитіи права другихъ народовъ, редакторамъ, повидимому, не извѣстна.

Съ другой стороны, крестьяне не рѣдко нуждаются и въ пользованіи чужимъ движимымъ имуществомъ, при томъ не въ видѣ безмезднаго сосѣдскаго одолженія, а подъ условіемъ денежной или иной уплаты за пользованіе.

Казалось-бы, сама природа вещей диктуетъ изображеніе договора имущественнаго найма,—изложеніемъ отдѣльныхъ правилъ для найма движимыхъ имуществъ и отдѣльныхъ—для найма имуществъ недвижимыхъ.

Редакторы поступили не такъ. Въ статьяхъ, говорящихъ о наймѣ (ст. 53—76 устава), излагаются сначала правила о наймѣ имуществъ вообще (ст. 53—69), а затѣмъ (ст. 70—76) о наймѣ (арендѣ) земли въ особенности. Наемъ движимыхъ вещей редакторами игнорируется, и въ общихъ правилахъ о наймѣ ни единымъ словомъ даже не упоминается возможность найма движимости. Быть можетъ объяснить это нужно брошенною вскользь фразой въ объяснительной запискѣ (Труды, т. IV, стр. 116) „что въ сельскомъ быту наемъ движимости и наемъ строеній и помѣщеній не имѣютъ широкаго распространенія“. Пусть такъ; но въ такомъ случаѣ зачѣмъ-же давать отвлеченныя положенія внѣ связи съ возможными конкретными условіями дѣйствительности? Не должны забывать редакторы, что проектируемые ими судьи—въ толкованіи закона люди темные, въ юриспруденціи не свѣдущіе; а для такихъ людей свята буква закона, и если въ законѣ они не найдутъ указанія на возможность найма движимыхъ имуществъ, то и поймутъ дѣло такъ, что имущественному найму подлежатъ только однѣ недвижимости. Редакторы этого, конечно, не могли думать, но тѣмъ не менѣе написали такія правила, какъ будто-бы нанимаемы могутъ быть только недвижимыя имущества. Это тѣмъ болѣе странно, что проектъ уложенія, по признанію самихъ редакторовъ, даетъ очень подробную разработку вопросовъ о наймѣ имуществъ. Что-же позаимствовали редакторы изъ уложенія? Они выпи-

сали статьи общаго содержанія, говорящія о взаимныхъ обязанностяхъ контрагентовъ,—о своевременной передачѣ нанятаго имущества (56 улож. ст. 282 и 318 уложенія), о необходимыхъ починкахъ (ст. 57—ст. 287) и о послѣдствіяхъ уклоненія наймодавца отъ починокъ (ст. 58—ст. 306, 318), о безпрепятственномъ со стороны наймодавца правѣ пользованія нанимателя (ст. 59—ст. 284, 318), о характерѣ пользованія нанятымъ имуществомъ (ст. 60—ст. 297, 317), объ обязанности нанимателя уплачивать наемную плату (ст. 61—ст. 290, 317), объ отвѣтственности нанимателя за гибель нанятаго имущества (ст. 62—ст. 299), о правѣ поднайма (ст. 63—ст. 307); изъ 1 ч. X т. заимствовано правило о продолжительности имущественнаго найма (нормально 12 лѣтъ), изъ кодифицированной уложеніемъ судебной практики—правило о послѣдствіяхъ отчужденія отданнаго въ наемъ имущества. Присочинили редакторы отъ себя одно положеніе въ ст. 59, а именно: „за совершеніе дѣйствій, стѣсняющихъ нанимателя въ пользованіи нанятымъ имуществомъ, наймодавецъ можетъ быть подвергнутъ штрафу въ размѣрѣ до тридцати рублей; этотъ штрафъ поступаетъ въ пользу нанимателя, который, однако, не лишается права и на вознагражденіе за причиненные ему убытки“. Не лучше-ли посадить наймодавца въ тюрьму на весь срокъ наемнаго договора? тогда, по крайней мѣрѣ, ужъ навѣрное наниматель не будетъ стѣсненъ въ пользованіи нанятымъ имуществомъ. „По мнѣнію коммиссіи, одна угроза этого штрафа уже сама по себѣ во многихъ случаяхъ удержитъ наймодавца отъ производства дѣйствій, стѣсняющихъ пользованіе нанимателя, или, по крайней мѣрѣ, отъ повторенія подобныхъ дѣйствій (т. IV, стр 126). Если отвѣтственность за причиненные нанимателю убытки, простирающіеся, быть можетъ, до многихъ сотенъ рублей, не удержитъ наймодавца отъ „производства“ стѣсненій, то почему же удержала-бы его угроза штрафа до 30 рублей? Штрафы въ гражданскомъ правѣ вообще неумѣстны, а опредѣленные точной суммой лишены разумнаго основанія. Эта попытка редакторовъ внести въ гражданскій споръ карательный элементъ должна быть признана совсѣмъ неудачной; съ нею можно было-бы еще примириться, если-бы проектируемый штрафъ поставленъ былъ въ какое либо соотношеніе съ причиненными нанимателю убытками, а то онъ даетъ лишь волостному суду возможность сорвать свое негодованіе назначеніемъ этой, при иныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть, совершенно ничтожной суммы.

Въ проектѣ уложенія имѣется рядъ статей (ст. 327—332), заим-

ствованныхъ изъ французскаго кодекса—о наймѣ скота. Сельско-хозяйственное значеніе этого вида найма давало-бы, кажется, основаніе внести этотъ договоръ въ будущій крестьянскій кодексъ; редакторы этого не сдѣлали, давая тѣмъ основаніе подозрѣвать, что наемъ движимости вообще не признается.

Такъ какъ общія правила о наймѣ имущественномъ имѣютъ въ виду только недвижимость, то остальныя правила о наймѣ земли можно было-бы признать и излишними. Но редакторы, сославшись на всѣ вышеизложенныя правила, даютъ и спеціальныя постановленія объ арендѣ, слѣдующаго содержанія: „хозяинъ въ правѣ, въ случаѣ неполученія платы за истекшій или истекающій хозяйственный годъ, задержать безъ содѣйствія властей урожай, собранный нанимателемъ съ наемной земли въ размѣрѣ, достаточномъ для покрытія причитающейся платы (ст. 71), однако же не въ томъ случаѣ, если несвоевременность уплаты обусловливается неурожаемъ; въ этомъ случаѣ уплата можетъ быть отсрочена или разсрочена. Неумѣлое веденіе хозяйства можетъ привести, по требованію наймодавца, къ расторженію договора“. Редакторы отождествляютъ аренду и наемъ полевой земли, что является совершенно произвольнымъ: предметомъ аренды можетъ быть всякая недвижимость, способная приносить плоды (fructus naturales и civiles). Правда, проектъ уложенія не выдѣляетъ аренды въ особый типъ найма недвижимаго имущества, но это не извиненіе для редакторовъ: разъ они вознамѣрились создать спеціальный для крестьянскаго быта законъ, то должны были выписать статью изъ уложенія умѣло и соотвѣтственно предустановленной цѣли—примирить крестьянское право съ общими началами всякаго гражданскаго законодательства и наукой права. А на дѣлѣ выходитъ, что, съ одной стороны, сдѣланы заимствованія отвлеченныхъ положеній, касающихся найма недвижимыхъ имуществъ, а съ другой—дается неправильная квалификація наиболѣе существеннаго для крестьянъ типа договора.

Не говоря уже о проектѣ уложенія, относительно котораго еще и гадать не время, превратится-ли онъ въ законъ, даже и 1 ч. X т. разрѣшаетъ намъ тѣ вопросы, относительно найма недвижимости, которые угодно было редакторамъ внести въ уставъ; дѣйствующій законъ полнѣе и въ томъ отношеніи, что не игнорируетъ и найма движимыхъ имуществъ. Выводъ отсюда такой: чѣмъ дѣлать неудачныя выписки изъ закона дѣйствующаго и изъ проекта уложенія, лучше заставить говорить эти первоисточ-

ники; въ нихъ даже волостные суды разберутся съ большею легкостью, чѣмъ въ неудачно составленной юридической хрестоматіи, именуемой сельскимъ уставомъ.

Нельзя не сдѣлать того-же вывода и относительно статей устава, говорящихъ о *личномъ наймѣ*. Договоръ личнаго найма въ примѣненіи къ крестьянамъ вызываетъ у читателя представленіе, что рѣчь пойдетъ о тѣхъ главнымъ образомъ, договорахъ, въ которыхъ крестьяне являются стороной, предлагающей свой трудъ, такъ какъ крестьяне и составляютъ у насъ наибольшій контингентъ рабочихъ. Къ удивленію своему читатель не найдетъ въ уставѣ ничего, специфически относящагося къ личному найму у крестьянъ. Ст. 89—127 устава содержатъ въ себѣ постановленія въ одинаковой мѣрѣ примѣнимыя ко всякому сословію, и въ нихъ нѣтъ ничего свойственнаго спеціально крестьянству. Впрочемъ, слѣдуетъ оговориться: идетъ въ этихъ статьяхъ рѣчь объ одной фигурѣ, которая, несмотря на скромность своего положенія, должна оставить рѣзкій слѣдъ въ исторіи нашего права—если проекту устава суждено превратиться въ законъ: это пастухъ, нанимаемый крестьянскимъ обществомъ. Изъ-за этого пастуха сочиненъ весь проектъ устава о договорахъ; по крайней мѣрѣ въ объяснительной запискѣ (т. IV, стр. 9), кромѣ договора о наймѣ пастуха, не указано въ оправданіе необходимости сочинить уставъ никакого иного юридическаго отношенія, спеціально свойственнаго крестьянству, а этотъ договоръ—о наймѣ пастуха—признается „весьма отличнымъ по своей юридической природѣ отъ прочихъ видовъ личнаго найма".

Будущее историческое значеніе этого договора, естественно, заставляетъ насъ ближе остановиться на разсмотрѣніи относящихся сюда статей. Прежде всего мы видимъ, что „наемъ пастуховъ крестьянскими обществами производится на основаніяхъ, изложенныхъ въ ст. 89—117 настоящаго устава (т. е. общихъ статей о личномъ наймѣ) съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ въ нижеслѣдующихъ статьяхъ (124—127)"; а въ этихъ четырехъ статьяхъ говорится о томъ, какъ опредѣляется рядная плата пастуху (оптомъ или по числу чередовъ либо головъ (ст. 124), какъ раскладывается эта плата между домохозяевами (ст. 125, 126) и какую отвѣтственность несетъ пастухъ за гибель животнаго, находящагося въ порученномъ его смотрѣнію стадѣ (ст. 127). Контрагентами являются общество крестьянъ и пастухъ, въ чемъ, конечно, нѣтъ никакой особенности въ сравненіи съ другими договорами, гдѣ одной стороной является коллективный субъектъ;

нѣтъ ничего особеннаго и въ томъ, что рядная плата назначается оптомъ или отъ головы, потому что и въ послѣднемъ случаѣ предметомъ требованія пастуха является однажды установленная, путемъ извѣстнаго способа, денежная сумма или иное вознагражденіе. Особенность договора съ пастухомъ выражается только въ его отвѣтственности за гибель скота: понятно, что за гибель скотины, по винѣ пастуха, послѣдній долженъ отвѣчать; понятно и то, что за гибель скотины, вслѣдствіе случайной причины пастухъ не отвѣчаетъ; но совершенно непонятно слѣдующее положеніе устава: „если нельзя въ точности установить, какимъ образомъ произошелъ вредъ съ входящимъ въ составъ стада животнымъ, по винѣ ли пастуха или же по случайной причинѣ, то судъ можетъ, исчисливъ сумму понесенныхъ хозяиномъ скота убытковъ, присудить пастуха къ уплатѣ половины или какой-либо меньшей доли этой суммы“ (ст. 127). Несомнѣнно, ни съ общими началами нашего гражданскаго закона, ни съ началами науки права, ни съ самыми скромными требованіями логики нельзя примирить опредѣляемую уставомъ отвѣтственность несчастнаго пастуха. До сихъ поръ общія начала законодательства и науки права учили насъ, что отвѣчаетъ только виноватый; а тутъ пастухъ хотя и не виновенъ, но долженъ отвѣчать, правда лишь въ размѣрѣ половины понесеннаго хозяиномъ животнаго убытка. Пастухъ такимъ образомъ попадаетъ въ положеніе болѣе тяжкое, чѣмъ по дѣйствующему закону желѣзнодорожныя и пароходныя предпріятія, а по уложенію—вообще промышленныя предпріятія.

Эти своеобразныя основанія отвѣтственности безъ вины виноватаго пастуха сами за себя говорятъ, и на оцѣнкѣ ихъ, съ юридической точки зрѣнія, не приходится дольше останавливаться. Но любопытно, что желаніе возложить на бѣднаго пастуха такую своеобразную отвѣтственность привела редакторовъ къ мысли о необходимости составленія для крестьянъ особаго кодекса частнаго права. Неужели это то право, „которое должно быть проникнуто началами справедливости и этики“?

Кромѣ „самобытныхъ“ правилъ объ отвѣтственности пастуха, всѣ прочія статьи, посвященныя договору личнаго найма, представляютъ собою добросовѣстное воспроизведеніе соотвѣтствующихъ статей 1 ч. X т. и уложенія. Не забытъ редакторами и договоръ о наймѣ домашней прислуги—это у крестьянъ-то? А о наймѣ на сельско-хозяйственныя работы уставъ не говоритъ. Очевидно, эта часть проекта устава о договорахъ принадле-

жить къ числу тѣхъ, которыя по мысли редакторовъ подлежатъ постепеннымъ въ послѣдующемъ измѣненіямъ и исправленіямъ, по мѣрѣ выясненія на опытѣ того, что представлялось неяснымъ при самомъ составленіи проекта. Если такъ, то, значитъ, при составленіи проекта не были въ достаточной мѣрѣ сознаны тѣ условія, которыя яко-бы дѣлали необходимымъ созданіе особаго сельскаго устава.

Можно-ли при такихъ условіяхъ составленія законопроекта ожидать, чтобы онъ удовлетворительно разрѣшилъ ту намѣренно поставленную задачу, ради которой трудились редакторы?

Подобно тому, какъ главные изъ договоровъ—заемъ, продажа, наемъ личный и имущественный не представляютъ собою чего-либо специфически свойственнаго тому или другому сословію, почему въ изображеніи ихъ въ уставѣ мы не находимъ характерныхъ особенностей, обусловливаемыхъ крестьянскимъ бытомъ, такъ же точно и во всѣхъ остальныхъ договорахъ редакторы остались вѣрны себѣ, заимствуя изъ готовыхъ и всѣмъ доступныхъ источниковъ то, что по своей отвлеченной формулировкѣ можетъ быть одинаково примѣнимо ко всѣмъ вообще субъектамъ гражданскаго права. Продолжать начатое выше сопоставленіе договоровъ устава съ договорами 1 ч. X т. и уложенія было-бы и утомительно, и безцѣльно, тѣмъ болѣе, что и сами редакторы не скрываютъ своихъ заимствованій. Достаточно сказать, что въ уставѣ о договорахъ нѣтъ ничего такого, что не было-бы изложено въ законѣ или въ проектѣ уложенія, а если въ сводѣ законовъ гражданскихъ и въ особенности въ проектѣ уложенія есть такія постановленія, которыя остались не заимствованными въ проектъ устава, то это объясняется тѣмъ, что съ подобными постановленіями крестьянскій оборотъ не имѣетъ ничего общаго. Но вытекаетъ-ли отсюда, что для крестьянъ нужно составлять особый гражданскій кодексъ, ограничиваясь въ его сочиненіи тѣмъ, что изъ общаго закона исключаются статьи, не находящія себѣ примѣненія къ крестьянскому быту? Извѣстно, напримѣръ, что векселя не могутъ быть выдаваемы лицами духовными; извѣстно, что монашествующимъ и посвященнымъ въ іерейскій и діаконскій санъ бракъ вовсе воспрещается; извѣстно, что опека надъ дѣтьми священнослужителей, не принадлежащихъ къ потомственному дворянству, назначается духовнымъ начальствомъ: возможно-ли отсюда вывести, что духовенство подлежитъ дѣйствію особыхъ гражданскихъ законовъ, и что для духовныхъ нужно составить особый гражданскій кодексъ, въ который вошли-бы изъ

общаго закона только тѣ статьи, примѣненіе коихъ къ духовенству не вызываетъ у законодателя сомнѣній? Или—учреждать заповѣдныя имѣнія могутъ только потомственные дворяне; только потомственные дворяне могутъ быть кліентами Государственнаго Дворянскаго банка: слѣдуетъ ли отсюда, что для дворянъ дѣйствуетъ одно гражданское право, а для городскихъ обывателей другое, что для дворянъ долженъ существовать отдѣльный гражданскій кодексъ, въ который подлежали-бы внесенію всѣ статьи общаго содержанія и спеціальныя статьи о заповѣдныхъ имѣніяхъ и о дворянской опекѣ, а для городскихъ обывателей нужно было-бы составить особый городской гражданскій кодексъ, въ которомъ о спеціально дворянамъ свойственныхъ правахъ ничего не упоминалось-бы? Можно пойти и еще дальше. Для лицъ польскаго происхожденія, въ Западныхъ губерніяхъ, нужно было бы сочинять особый кодексъ, куда внесены были-бы законы ограничительные и общіе, а для лицъ русскаго происхожденія достаточно было-бы кодекса съ одними общими, безъ изъятій для поляковъ, законами. Для евреевъ нужно было-бы сочинить отдѣльный гражданскій кодексъ, который, разумѣется, отличался-бы чрезвычайной краткостью. Однимъ словомъ, всѣ группы населенія, объединенныя происхожденіемъ, вѣроисповѣданіемъ, принадлежностью къ тому или иному сословію, въ правѣ были-бы разсчитывать на отдѣльные гражданскіе кодексы, и такихъ кодексовъ было-бы столько, сколько можетъ быть установлено отдѣльныхъ группъ, объединенныхъ тѣмъ или инымъ началомъ. Это знаменовало-бы собою поворотъ къ тѣмъ давно прошедшимъ временамъ, когда каждый судился по своему закону. Государства Западной Европы ставили всегда своею цѣлью объединеніе гражданскаго закона, и исторія законодательства на Западѣ сводится въ претвореніе мѣстныхъ и сословныхъ партикуляризмовъ въ нормы общаго единаго для всего государства гражданскаго права. Правда, у насъ сознаніе необходимости единства гражданскаго закона еще очень слабо. Мы съ какимъ-то непонятнымъ страхомъ взираемъ на гражданскіе законы, дѣйствующіе на нашихъ окраинахъ, боимся почему-то прикоснуться къ этимъ законамъ, хотя сочинили такой проектъ гражданскаго уложенія, который, по сколько онъ заимствованъ въ отдѣльныхъ своихъ статьяхъ изъ законодательствъ европейскихъ и американскихъ, долженъ бы встрѣтить одобреніе въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ. Редакторы проекта уложенія сознательно отказываются отъ распространенія будущаго уложенія на западныя наши окраины, хотя

въ то же время считаютъ, что на той территоріи, на которой будущее уложеніе призвано дѣйствовать, оно должно быть единымъ гражданскимъ закономъ, распространяющимся на всѣ сословія, въ томъ числѣ и на крестьянъ. Напротивъ, редакторы законоположеній о крестьянахъ утверждаютъ, что для крестьянъ должны быть особые гражданскіе законы, потому что общій гражданскій законъ для волостныхъ судовъ оказывается яко-бы недоступнымъ по своей сложности. Мы видѣли, что въ области вопросовъ договорнаго права редакторы составили неудачную хрестоматію изъ дѣйствующихъ и будущихъ нормъ нашего гражданскаго права. Но любопытно остановиться на выясненіи той цѣли, которую преслѣдуютъ редакторы проекта сельскаго устава, взявъ на себя задачу составить особый крестьянскій кодексъ частнаго права. О побудительныхъ причинахъ къ составленію устава и цѣляхъ сего произведенія редакторы говорятъ дважды — въ Очеркѣ работъ (т. I) и во введеніе къ т. IV Трудовъ, и странное дѣло! — вполнѣ здраво разсуждая о неудобствахъ сословныхъ законовъ, редакторы приходятъ къ неожиданному выводу о цѣлесообразности отдѣльнаго крестьянскаго кодекса. Выводъ, очевидно, не соотвѣтствуетъ мотивамъ, и это странное явленіе нужно объяснить, вѣроятно, тѣмъ, что то, что выдается за выводъ и за плодъ глубокаго убѣжденія коммиссіи (коммиссія имѣетъ одни только глубокія убѣжденія, и при томъ по всѣмъ вопросамъ) въ сущности есть не выводъ, а предвзятое положеніе, нуждающееся въ оправданіи: но положеніе, видимо, принадлежитъ не тѣмъ авторамъ, которые сочиняли оправдательные мотивы: отсюда и разладъ между мотивами и выводомъ. Подъ мотивами смѣло могъ-бы подписаться каждый убѣжденный сторонникъ единаго гражданскаго права. И въ самомъ дѣлѣ, разсуждая объ обязательственномъ правѣ, редакторы высказываютъ слѣдующія справедливыя мысли: „Само собою разумѣется, законодатель долженъ не только не препятствовать гражданскоправовому сближенію крестьянства съ остальными сословіями, но, напротивъ, всячески споспѣшествовать этому сближенію, ибо населеніе страны можетъ сплотиться въ цѣльный и сильный общественный организмъ не прежде, чѣмъ всѣ его составныя части придутъ къ полному объединенію въ сферѣ гражданскаго права“ (т. IV, стр. 8). Нѣсколько выше (стр. 6), разсуждая о матеріалѣ для составленія крестьянскаго кодекса, редакторы говорятъ: „одновременное существованіе въ государственной жизни двухъ отдѣльныхъ системъ гражданскаго права, писанной, т. е. общаго гражданскаго закона, и не писанной, т. е. обы-

чаевъ, примѣняемыхъ во внутреннихъ отношеніяхъ извѣстныхъ группъ и слоевъ населенія, не можетъ не вызвать между ними постоянной борьбы, результатомъ которой всюду и всегда является побѣда закона надъ обычаемъ". „Слабѣе всего сопротивленіе обычая закону именно въ области обязательственныхъ отношеній, такъ какъ они изъ всѣхъ частей гражданскаго права отличаются наибольшей гибкостью, подвижностью, а слѣдовательно и податливостью. Въ частности, въ нашемъ быту крестьянство, приходя въ постоянное соприкосновеніе съ лицами прочихъ сословій и подчиняясь, по возникающимъ изъ этихъ отношеній спорамъ, общимъ законамъ гражданскимъ, должно было мало-по-малу почувствовать тяготѣніе къ тому, чтобы войти въ общее русло гражданско-правовой жизни государства... Не остаются безъ вліянія на стремленіе крестьянъ къ правовому единенію съ остальными категоріями гражданъ и успѣхи просвѣщенія въ деревнѣ, а также постепенный переходъ ея отъ односторонняго земледѣльческаго быта къ болѣе широкимъ торговымъ и промышленнымъ интересамъ. Всей совокупностью указанныхъ обстоятельствъ объясняется неудержимое просачиваніе въ народное правосознаніе правовыхъ понятій, свойственныхъ высшимъ классамъ русскаго народа и получившихъ выраженіе въ общихъ гражданскихъ законахъ" (стр. 7).

И такъ, редакторы констатируютъ стремленіе крестьянъ подчиниться дѣйствію общаго гражданскаго закона, заявляютъ, что стремленіе это не остается безъ результатовъ, ибо общій законъ неудержимо просачивается въ правосознаніе крестьянъ, объясняютъ и причины этого явленія, во всякомъ случаѣ благопріятнаго полному объединенію всѣхъ составныхъ частей населенія въ сферѣ гражданскаго права. Полною послѣдовательностью отличается и слѣдующій выводъ редакторовъ: „Можно безъ преувеличенія сказать, что мало-по-малу, хотя быть можетъ, и не скоро, всѣ слои населенія Имперіи самостоятельно, безъ всякаго внѣшняго давленія, пришли бы въ сферѣ договорно-обязательственнаго права къ полному единенію".

Значитъ, умозаключитъ отсюда простодушный читатель, въ настоящее время имѣются на лицо всѣ условія для объединенія всѣхъ сословій, по крайней мѣрѣ въ области обязательственнаго права. Вовсе нѣтъ, отвѣчаютъ редакторы,—хотя и нѣтъ препятствій къ объединенію крестьянъ съ прочими сословіями въ смыслѣ распространенія на первыхъ общаго гражданскаго закона объ обязательствахъ, но—для крестьянъ долженъ быть составленъ особый кодексъ договорнаго права. Почему? Развѣ таково должно

быть заключеніе изъ приведенныхъ выше посылокъ? Если дѣлать такіе „выводы“, то не нужно и вообще сочинять объяснительныхъ записокъ, не нужно предлагать проекты на обсужденіе различныхъ совѣщаній; можно ограничиться изданіемъ закона, не прибѣгая къ заключеніямъ свѣдущихъ лицъ, игнорируя отзывы печати, не считаясь съ общественнымъ мнѣніемъ. Но разъ стали на путь предварительнаго обсужденія законопроекта въ совѣщаніяхъ и въ печати, то обсужденіе это должно совершаться по законамъ логики, обязательнымъ и для редакціонной коммиссіи. Между тѣмъ коммиссія, сдѣлавъ изъ правильныхъ посылокъ ложный выводъ, и на сей разъ прикрывается своимъ глубокимъ убѣжденіемъ, въ томъ, въ чемъ она, по ея же собственнымъ заявленіямъ, вовсе не можетъ быть убѣждена. Какова-же, спрашивается, цѣнность этихъ убѣжденій?

Пусть эти глубокія мнѣнія и убѣжденія остаются при редакторахъ, но лицъ, не имѣющихъ чести принадлежать къ числу членовъ коммиссіи, эти убѣжденія не могутъ заставить повѣрить, что, разъ нѣтъ препятствій для объединенія права, а напротивъ на лицо всѣ условія для объединенія—то право крестьянъ не должно быть объединено съ правомъ прочихъ сословій, а напротивъ, между правомъ одной и другой частей населенія должна быть создана непереходимая пропасть. Изъ высказанныхъ редакторами соображеній можно сдѣлать одинъ лишь выводъ: никакого отдѣльнаго закона для крестьянъ, въ особенности въ области договорнаго права, не нужно, потому что крестьяне стремятся подчиниться дѣйствію общаго гражданскаго закона, а общій гражданскій законъ вполнѣ пригоденъ къ тому, что на почвѣ его разрѣшались всѣ договорныя между крестьянами отношенія. Впрочемъ, и сами редакторы не прочь сдѣлать такой выводъ, какъ это обнаруживается изъ ихъ соображеній о томъ, изъ какого матеріала долженъ быть составленъ сельскій уставъ о договорахъ: „уставъ этотъ только тогда можетъ удовлетворить *безспорно уже сознанной и все увеличивающейся въ нашемъ быту потребности въ единеніи на почвѣ гражданскаго права вообще и договорно-обязательственнаго права въ особенности всѣхъ сословій и классовъ населенія*, когда онъ будетъ по возможности приближаться къ общимъ гражданскимъ законамъ“. Вотъ въ чемъ понятная разумная цѣль редакторовъ—объединеніе права. Слѣдовательно, право общее должно быть распространено и на крестьянъ, и при томъ не въ формѣ сочиненія хрестомотіи ad usum delphini, а въ полномъ своемъ видѣ, какъ совокупность статей 1 ч. X т. св. зак. или какъ

будущее гражданское уложеніе. Вѣдь и сами редакторы, опредѣляя составленіе особаго кодекса, говорятъ: „Сказанное *не слѣдуетъ* понимать, однако, въ томъ смыслѣ, что самый уставъ о договорахъ долженъ являться лишь упрощеннымъ со стороны внѣшняго изложенія, и сокращеннымъ, примѣнительно къ встрѣчающимся въ крестьянскомъ быту обязательственнымъ правоотношеніямъ, сборникомъ нормъ нашего общаго договорно-обязательственнаго права" (стр. 8). Конечно, не слѣдуетъ; но не слѣдуетъ и вообще браться за сочиненіе кодекса, разъ существуетъ уже такой кодексъ, который пригоденъ для всего населенія Имперіи, или, по крайней мѣрѣ, для большей ея части. Отказавшись отъ этой задачи, редакторы не были бы поставлены въ печальную и скучную необходимость переписывать дѣйствующія правила объ обязательствахъ и доказывать въ объяснительной запискѣ, что списанное изъ свода или изъ проекта уложенія правило примѣнимо къ крестьянамъ. Незачѣмъ доказывать то, что въ доказательствахъ не нуждается. То, что изъ общаго закона объ обязательствахъ оказалось-бы къ крестьянамъ непримѣнимымъ, по экономическимъ условіямъ крестьянскаго быта, не мѣшаетъ распространенію на крестьянъ другихъ нормъ, примѣнимыхъ къ крестьянамъ. Изъ того, что, допустимъ, какой либо дворянинъ или городской обыватель никогда не выдавалъ и не выдаетъ векселей, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы законы о векселяхъ не могли быть примѣнены къ нему въ томъ случаѣ, если-бы онъ оказался векселедателемъ; изъ того, что кто либо не занимается игрой и не участвуетъ въ лотереяхъ, не слѣдуетъ, чтобы законы объ игрѣ и лотереѣ не могли бы быть примѣнены къ нему, когда онъ станетъ играть; изъ того, что крестьяне акціонерныхъ компаній не составляютъ, не слѣдуетъ, чтобы законы объ акціонерныхъ предпріятіяхъ должны были бы найти себѣ особое мѣсто въ законодательствѣ. Можно принадлежать къ любому сословію, къ любой группѣ населенія и тѣмъ не менѣе, при стеченіи соотвѣтствующихъ обстоятельствъ, подвергнуться дѣйствію такого закона, о примѣненіи котораго при иныхъ условіяхъ не возникаетъ и рѣчи; но это не значитъ, что на каждый случай нуженъ отдѣльный, то болѣе, то менѣе полный гражданскій кодексъ. Во всякомъ случаѣ, что касается договорныхъ обязательствъ, то въ этой области права никакого отдѣльнаго закона для крестьянъ не нужно, все равно, будетъ-ли разбирать возникающіе на почвѣ договоровъ споры между крестьянами волостной судъ, или общія судебныя установленія. То, что сдѣлали въ этой области права редакторы сель-

скаго устава, то вовсе не можетъ составлять заботы законодателя: найдутся предпріимчивые люди, которые сдѣлаютъ выписки изъ законовъ и составятъ сборникъ наиболѣе примѣнимыхъ въ крестьянскомъ быту положеній; такіе сборники, снабженные авторитетными разъясненіями подлежащихъ учрежденій, составляютъ предпріятіе коммерческое, не претендуя на значеніе законодательнаго источника. Кто довѣряетъ этимъ сборникамъ, тотъ обращается къ нимъ; но осторожнѣе имѣть дѣло съ подлиннымъ текстомъ закона по оффиціальному изданію.

Не дѣло законодательной коммиссіи составлять выписки изъ законовъ, выдавая сборникъ такихъ выписокъ за отдѣльный законъ. Проектъ устава о договорахъ работа безплодная, не оправдываемая какими либо сколько-нибудь серьезными соображеніями. Если редакторы характеризуютъ эту часть своей работы „до дерзости смѣлой", то несомнѣнно они ошибаются или отличаются чрезвычайной робостью: много ли нужно смѣлости, чтобы заниматься выписываніемъ изъ законовъ готовыхъ статей? „Смѣлость до дерзости"—не въ сочиненіи устава, а въ оправданіи необходимости такого сочиненія. Но мы видѣли, какова логическая цѣнность этого оправданія»....

„Право" (*№ 24, 1904 г.*), *ст. I. В. Гессена „Новое крестьянское право"*:

«Изъ всѣхъ задачъ, намѣченныхъ образованной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ редакціонной коммиссіей по пересмотру законоположеній о крестьянахъ, несомнѣнно самой важной и трудной было созданіе особаго крестьянскаго гражданскаго кодекса. Коммиссія сама признаетъ, что удовлетворить всѣмъ требованіямъ, которыя должны быть предъявлены къ гражданскому уложенію, безмѣрно трудно (Т. I, с. 70). Предъ этими трудностями отступила, какъ извѣстно, редакціонная коммиссія по составленію гражданскаго уложенія, составленная изъ извѣстныхъ нашихъ юристовъ-практиковъ и уже болѣе 20 лѣтъ спеціально занимающаяся этими вопросами. Теперь эти препятствія взяты съ чрезвычайной быстротою коммиссіей изъ чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ при участіи, какъ сообщено въ послѣднемъ изъ вышедшихъ томовъ трудовъ, товарища оберъ-прокурора Правительствующаго Сената, дѣйствительнаго статскаго совѣтника А. И. Лыкошина и изслѣдователя обычнаго наслѣдственнаго права А. А. Башмакова. Въ такомъ составѣ коммиссія пришла къ убѣжденію, что „труденъ и на первый взглядъ до дерзости смѣлъ лишь первый шагъ", и коммиссія выражаетъ увѣренность, что „не пройдетъ и четверти вѣка, какъ нашъ

сельскій судъ будетъ вооруженъ тѣмъ орудіемъ, безъ коего немыслимо ни правосудіе вообще, ни укрѣпленіе въ народномъ сознаніи стойкаго и правильнаго пониманія своего и чужого права, своихъ и чужихъ обязанностей" (ib.).

Смѣлость коммиссіи, впрочемъ, объясняется еще и безвыходностью положенія. Иного пути, чѣмъ созданіе сельскаго устава, нѣтъ и быть не можетъ. Можно было бы упорядочить правосудіе, ограничивъ до прежнихъ размѣровъ компетенцію волостного суда и замѣнивъ его судомъ короннымъ, но это было бы сопряжено съ непосильными для государственнаго казначейства расходами и физически было бы неосуществимо за отсутствіемъ подходящихъ лицъ. Земскимъ начальникамъ передать эти функціи нельзя подъ опасеніемъ коренного извращенія характера этой должности. Такъ говорятъ намъ мотивы. Первый аргументъ, неоднократно встрѣчающійся въ трудахъ коммиссіи, представляется намъ не вполнѣ понятнымъ и объясняется, повидимому, отсутствіемъ въ ней представителей финансовой науки. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, нельзя же думать, что подданные существуютъ для государственнаго казначейства, а не наоборотъ. И если признано, что основная потребность населенія въ правосудіи является совершенно неудовлетворенной, то допустимо-ли при милліардномъ бюджетѣ, покоящемся всецѣло на плечахъ этого же населенія, говорить о непосильныхъ расходахъ?— Что же касается второго аргумента, то надо признать, конечно, что если земскіе начальники составляютъ предѣлъ, его же не прейдеши, то для творческой фантазіи остается очень мало простора.

Итакъ, не смотря на всѣ трудности, надо было приступить къ работѣ. Само собою разумѣется, что чѣмъ труднѣе законодательная задача, тѣмъ необходимѣе отрѣшиться отъ обычнаго бюрократическаго стряпанія, исходящаго изъ того, что при помощи выраженій „казалось бы", „тѣмъ не менѣе", „однако", съ такимъ успѣхомъ замѣнившихъ дореформенныя „понеже" и „поелику", можно согласовать начала, рѣзко противорѣчащія другъ другу, соединить самое разнородное. Первымъ условіемъ успѣха является наличность опредѣленнаго и твердаго принципа и послѣдовательное проведеніе этого принципа черезъ всѣ детали работы. У нынѣшней крестьянской коммиссіи основной принципъ, какъ извѣстно, имѣется весьма опредѣленный и ясный. Мы говоримъ о „сословной обособленности", положенной въ основу трудовъ коммиссіи въ качествѣ принципа, послѣдовательно развивающаго начала реформы 19 февраля 1861 г. Послѣ всего,

что съ такимъ блестящимъ остроуміемъ сказано было на страницахъ „Права“ А. В. Пѣшехоновымъ, а также неоднократно и столь обстоятельно разъяснялось И. М. Страховскимъ, послѣ этого было бы даже тривіально доказывать не предубѣжденному читателю, что предполагаемое утвержденіе сословной обособленности рѣзко противорѣчитъ начавшемуся въ 1861 г. освобожденію крестьянъ отъ крѣпостного права. Но и независимо отъ этого, намъ для нашей спеціальной задачи незачѣмъ останавливаться на выясненіи значенія этого принципа; на гражданскомъ уложеніи онъ отразился только рѣшеніемъ въ положительномъ смыслѣ вопроса о созданіи особыхъ законовъ для крестьянъ, а разсмотрѣніе этихъ законовъ должно намъ выяснить, въ чемъ заключаются фактическія особенности крестьянскихъ правоотношеній. Предлагаемый коммиссіей крестьянскій гражданскій кодексъ состоитъ изъ двухъ частей—„сельскаго устава о договорахъ“ и сельскаго устава о наслѣдованіи. Въ основу этого кодекса, говоритъ коммиссія, нужно положить начала справедливости и этики, съ коими народное правосознаніе сколько-нибудь значительно разойтись, очевидно, не можетъ (т. I, с. 69). Простота этого принципа отнюдь не соотвѣтствуетъ его точности и опредѣленности. Развѣ былъ въ исторіи случай, когда бы кодексъ былъ задуманъ не на началахъ справедливости и этики? А какъ эти кодексы бывали различны! Вѣдь, во имя справедливости и этики людей на костры посылали, въ казематахъ истязали и во имя той же справедливости и этики мучимые и сжигаемые не желали отказываться отъ своихъ взглядовъ. Да и въ настоящемъ случаѣ коммиссія спѣшитъ насъ увѣрить, что народное правосознаніе не можетъ *сколько нибудь значительно* съ этими высокими началами разойтись, а вообще то оно, слѣдовательно, расходится. А между тѣмъ, въ другомъ томѣ своихъ трудовъ (IV-мъ) коммиссія говоритъ, что надо считаться съ особымъ народнымъ правосознаніемъ, которое, въ отличіе отъ нашего, стремится къ конкретной, естественной справедливости и „этимъ драгоцѣннымъ свойствомъ народнаго духа пренебрегать нельзя“ (с. 12).

Такимъ образомъ, ссылку на справедливость, этику, какъ лишенную всякаго конкретнаго содержанія, нельзя разсматривать, какъ принципъ, и искать его нужно въ другихъ мѣстахъ. Въ другихъ же мѣстахъ мы узнаемъ—съ одной стороны, что гражданскій „правооборотъ“ у крестьянъ образовался на основахъ порядка семейнаго и общиннаго, въ широкомъ смыслѣ этого слова, и на принципѣ проведенія во многихъ гражданскихъ институтахъ началъ общественныхъ и трудовыхъ, въ ущербъ началамъ

индивидуальности и капитализма. Между тѣмъ, именно на послѣднихъ началахъ построено все содержаніе общаго гражданскаго права (т. I, с. 67). А, съ другой стороны, мы читаемъ, что путь, котораго надлежитъ придерживаться, „заключается въ томъ, чтобы уставъ „по возможности приближался къ общимъ гражданскимъ законамъ“ (т. IV, с. 8), и что „всѣ отступленія отъ гражданскихъ законовъ должны быть допускаемы лишь въ мѣрѣ ихъ дѣйствительной необходимости“ (ib, с. 12). Итакъ—для отношеній, построенныхъ на началахъ семейныхъ, общинныхъ, общественныхъ и трудовыхъ, берется кодексъ, проникнутый индивидуализмомъ и капитализмомъ. Очевидно либо кодексъ не будетъ годиться, либо начала, изъ которыхъ образовался „правооборотъ“ у крестьянъ, не такъ отличны, на что имѣется въ своемъ мѣстѣ и рѣшительное подтвержденіе со стороны коммиссіи.—Далѣе, съ одной стороны, въ I-мъ томѣ (с. 63) мы читаемъ, что „если въ положеніяхъ по обязательственному праву народному правовоззрѣнію и удалось облечь ихъ въ форму обычаевъ, то лишь по *весьма немногимъ и частнымъ вопросамъ*“. А, съ другой стороны, изъ IV тома мы узнаемъ, что коммиссія сочла необходимымъ оставить *широкій просторъ* для примѣненія обычая (с. 30).—Въ связи съ этимъ, въ I томѣ коммиссія весьма убѣдительно говоритъ, что „едва-ли необходимо доказывать неудобство порядка, при которомъ сельское населеніе не знаетъ въ точности правилъ наслѣдованія въ своихъ имуществахъ и лишено возможности вступать въ какія либо сдѣлки съ сколько нибудь твердой увѣренностью, что при доведеніи возникшихъ на ихъ почвѣ споровъ до судебнаго разбирательства они будутъ разрѣшены на *опредѣленномъ единообразно примѣняемомъ основаніи*“ (с. 15). Затѣмъ, въ т. IV (с. 151) мы встрѣчаемся съ указаніемъ, что коммиссіей руководила „необходимость *всячески* укрѣплять въ народѣ сознаніе святости и нерушимости договорныхъ обязательствъ“. Въ отмѣну же сего положенія въ т. IV (с. 11) говорится, какъ о неотъемлемой принадлежности духа, крестьянскаго о „стремленіи, при разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ права, къ конкретной, а не абстрактной справедливости“, о желаніи „рѣшать не только по дѣлу, но и по человѣку“ и стараться не о томъ, чтобы каждый получалъ то, что ему принадлежитъ, но чтобы „никому не было обидно“ и, исходя отсюда,—„уставъ о договорахъ оставляетъ широкій просторъ усмотрѣнію суда“ (с. 30). Но если оставить широкій просторъ усмотрѣнію, то откуда же возмется требуемая I-мъ томомъ

сколько-нибудь твердая увѣренность, что споры будутъ разрѣшены на опредѣленномъ, единообразно примѣняемомъ основаніи?

Независимо же отъ указаннаго противорѣчія, не можетъ не возникнуть вопроса: что же это за судъ, которому предоставлено широкое усмотрѣніе въ рѣшеніи спорныхъ вопросовъ? „По дѣйствующему закону, говоритъ коммиссія, суды крайне ограничены въ правѣ свободнаго усмотрѣнія". Это совершенно невѣрно, ибо свободнаго усмотрѣнія у судовъ вовсе нѣтъ, есть только свободная въ извѣстныхъ границахъ оцѣнка доказательствъ. Какъ уже неоднократно выяснялось на страницахъ „Права", судъ потому и судъ, что онъ къ каждому частному случаю примѣняетъ общій законъ, судъ и усмотрѣніе понятія, исключающія одно другое и судейское усмотрѣніе ничѣмъ не будетъ отличаться отъ административнаго, всѣ прелести котораго хорошо уже знакомы нашему крестьянству.

Этой сбивчивости въ основныхъ представленіяхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ масса неточностей и неясностей въ болѣе или менѣе существенныхъ подробностяхъ. Чтобы не загромождать нашей замѣтки примѣрами, ограничимся двумя. Доказывая невозможность при выработкѣ крестьянскаго свода довольствоваться кодификаціей обычнаго права, коммиссія ссылается на то, что при дѣйствіи писаной и неписаной системы права первая всегда вытѣсняетъ вторую, совершенно упуская изъ виду, что разъ обычаи будутъ кодифицированы, то уже и они будутъ представлять право писаное.—Далѣе, коммиссія находитъ, что въ виду малограмотности волостныхъ судей и темноты крестьянской массы нужно обойтись безъ „общей части", такъ какъ волостные судьи неспособны къ анализу, а способны лишь къ аналогіи. Но засимъ оказывается, что все таки обойтись безъ общей части рѣшительно невозможно, „что нѣкоторыя изъ нихъ все таки должны быть изложены въ самостоятельныхъ рубрикахъ". Къ числу этихъ постановленій относятся правила о вознагражденіи за убытки, причиненные неисполненіемъ или неисправнымъ исполненіемъ договоровъ о неустойкѣ, о задаткѣ, о способѣ прекращенія договоровъ; объ отмѣнѣ договоровъ и замѣнѣ одного договора другимъ (путемъ новаціи, мировой сдѣлки и т. п.), о переходѣ обязательствъ по договорамъ на наслѣдниковъ, о зачетѣ, о давности и объ отвѣтственности крестьянскихъ дворовъ по частнымъ взысканіямъ.—Всего оказывается довольно много и мы рѣшительно не понимаемъ, что съ ними будутъ дѣлать волостные судьи, отъ которыхъ, только что насъ увѣряла коммиссія, нельзя требовать способности къ анализу. Правда,

вмѣсто обще-принятаго помѣщенія этихъ правилъ въ началѣ кодекса, они, безъ объясненія причинъ, перенесены въ конецъ, но едва ли, конечно, они отъ этого что нибудь выиграютъ. Нельзя также ожидать какихъ нибудь существенныхъ результатовъ и отъ того, что въ проектѣ гражд уложенія, служившаго образцомъ для нашей коммиссіи, задатокъ помѣщенъ впереди неустойки, а въ разсматриваемомъ сводѣ наоборотъ. Но главное—рѣшительно нельзя понять, почему изъ всѣхъ общихъ положеній счастливый жребій достался только указаннымъ выше? Почему говорится о прекращеніи договоровъ, а не упоминается о способѣ заключенія ихъ? Почему взятъ изъ проекта гражданскаго уложенія задатокъ и неустойка, а опущено отступное? Почему преподаны правила о переходѣ правъ обязательствъ *) по договорамъ на наслѣдниковъ и ни однимъ словомъ не упоминается о совокупныхъ обязательствахъ, объ уступкѣ требованій и т. д., и т. д.

А, съ другой стороны, почему имѣются и такія общія положенія, которыя повторяются и при изложеніи отдѣльныхъ институтовъ. Такъ, наряду съ ст. 190, говорящей о переходѣ правъ и обязательствъ по договорамъ къ наслѣдникамъ, имѣется ст. 90, повторяющая, что наемъ не прекращается ни смертью наимодавца, ни смертью наимодателя.

Кромѣ слова „однако", другихъ объясненій въ трудахъ мы не находимъ, нѣтъ ссылки даже и на народное правосознаніе.

Но отказываясь отъ общей части, коммиссія затѣмъ признала возможнымъ по поводу всѣхъ институтовъ разсматривать лишь существенныя правила, оставляя въ сторонѣ подробности, „такъ какъ практическая потребность въ подробныхъ правилахъ, въ настояще время, въ народномъ быту, можетъ быть очень невелика". Казалось бы, напротивъ, чѣмъ менѣе развитъ юридическій бытъ—тѣмъ болѣе онъ нуждается въ подробностяхъ и, во всякомъ случаѣ, никто не станетъ сомнѣваться, что образованные судьи-юристы, которыхъ имѣетъ въ виду проектъ гражданскаго уложенія, менѣе нуждаются въ подробностяхъ, нежели малограмотные волостные судьи, „неспособные къ логическому анализу". Къ сожалѣнію, и это свое положеніе коммиссія оставляетъ безъ всякихъ поясненій, даже безъ ссылки на потребность крестьянскаго духа.

Итакъ, никакого опредѣленнаго принципа въ основаніе своей сложной и трудной работы коммиссія не положила, по крайней мѣрѣ во всту-

*) «Любопытно это противопоставленіе правъ обязательствамъ». (Замѣчаніе автора статьи).

пительныхъ объясненіяхъ она намъ его не открыла и найти его тамъ не удалось. Если же обратиться къ самому произведенію коммиссіи, къ сельскому уставу о договорахъ, то окажется прежде всего, что не найдется десятка-другого статей, которыя не были бы списаны съ проекта гражданскаго уложенія (на что и указываютъ постатейныя ссылки), огромное же большинство статей подкрѣпляется еще и ссылкой на X томъ. Независимо же отъ этого, коммиссія поясняетъ, что хотя „постановленія X тома во многихъ своихъ частяхъ устарѣли и не удовлетворяютъ поэтому требованіямъ справедливости, не свободны отъ противорѣчій и отличаются пробѣлами (т. IV, с. 13), тѣмъ не менѣе коммиссія всегда обращалась „къ этому первоисточнику", когда предположенія составителей проекта гражданскаго уложенія существенно съ нимъ расходились (с. 15). Въ концѣ концовъ, слѣд., предлагаемый кодексъ есть сокращенный и исправенный X томъ, разбавленный проектомъ гражданскаго уложенія, тотъ самый X томъ, постановленія котораго „сложились на почвѣ правовыхъ понятій и имущественнаго оборота высшихъ и среднихъ классовъ дворянства, духовенства и купечества" и составители котораго никогда не предназначали его для руководства крестьянскимъ правосудіемъ (т. I, с. 67). Сокращенія, произведенныя крестьянскимъ кодексомъ, иногда объясняются подробно (напр., при изложеніи института займа), иногда лишь въ общихъ чертахъ (дареніе), иногда вовсе не объясняются (запродажа, мѣна). Въ отдѣльныхъ случаяхъ (напр., храненіе) для выясненія предпринятыхъ сокращеній дѣлается ссылка на то, что „въ наиболѣе капитальномъ сочиненіи по обычному праву—юридическихъ очеркахъ Пахмана, основанныхъ, какъ извѣстно, на тщательномъ изученіи громаднаго количества рѣшеній волостныхъ судовъ, собранныхъ коммиссіей сенатора Любощинскаго, относительно поклажи можно найти *лишь слѣдующія* положенія". Но мы еще не забыли, какъ обстоятельно коммиссія разъясняла намъ, „что вслѣдствіе недавности ихъ (т. е. обязательственныхъ отношеній) по многимъ изъ нихъ не могло образоваться твердыхъ обычаевъ; нерѣдко среди громаднаго количества рѣшеній волостныхъ судовъ, относящихся къ концу шестидесятыхъ и началу семидесятыхъ годовъ истекшаго столѣтія (см. труды коммиссіи сенатора Любощинскаго 1873—1874 гг.), по многимъ вопросамъ обязательственнаго права, которые въ настоящее время возбуждаются въ крестьянскомъ судѣ, сплошь и рядомъ, нельзя найти никакого отвѣта" (т. IV, с. 3). Мы твердо помнимъ это положеніе коммиссіи, потому что оно неоднократно повторяется

(ср. т. I, с. 63, сл.) для доказательства того, что построенный на обычно-правовомъ матеріалѣ кодексъ не удовлетворялъ бы всѣмъ, *даже насущнымъ* потребностямъ гражданскаго оборота деревни, а теперь тотъ же сенаторъ Любощинскій послужилъ достаточно прочнымъ основаніемъ для того, чтобы не включать въ новый кодексъ того, чего нѣтъ въ рѣшеніяхъ шестидесятыхъ годовъ. Коммиссія, впрочемъ, обходится и безъ Любощинскаго. Такъ, напримѣръ, чтобы сократить до минимума число постановленій о дареніи, объяснительная записка довольствуется ссылкой на то, что въ практикѣ Кемецкаго волостного суда за 20 л., а въ правилахъ (?) Крестобогородскаго суда за 23 года не разсматривалось ни одного иска, вытекающаго изъ договора даренія движимости (т. IV, с. 109).

Что касается исправленій X тома, то, помимо упомянутаго выше порядка изложенія, остающагося необъяснимымъ, они сводятся прежде всего къ замѣнѣ однихъ словъ другими и переконструированію фразъ, очевидно, въ цѣляхъ сдѣлать уставъ болѣе понятнымъ малограмотнымъ волостнымъ судьямъ—даже въ ущербъ юридической правильности. Такъ, напр., ст. 282 проекта гражд. уложенія говоритъ: „въ случаѣ уклоненія наймодавца отъ добровольной передачи отданнаго въ наемъ имущества таковое, по требованію нанимателя, можетъ быть *передано* ему по рѣшенію суда", а въ соотвѣтствующей ей ст. 5—6 мы читаемъ: „если наймодавецъ уклоняется отъ исполненія этой обязанности, то наниматель можетъ, по своему усмотрѣнію, или *отобрать* нанятое имущество по суду, или же отказаться отъ договора". Трудно сказать, какая редакція удобопонятнѣе для волостныхъ судей; но несомнѣнно, что выраженіе проекта „можетъ быть передано" болѣе соотвѣтствуетъ достоинству права, чѣмъ слова „можетъ, по своему усмотрѣнію, отобрать". Недаромъ же коммиссія, правда, въ другомъ мѣстѣ (т. IV, с. 187), говоритъ, что „сила закона такова, что вліянія его неизбѣжно оказываютъ воздѣйствіе и на самые нравы". Къ сожалѣнію, коммиссія не останавливается даже и на этомъ и предлагаетъ отбирать имущество и „черезъ подлежащихъ властей" (с. 34).

Бываютъ также случаи, что передѣлка коммиссіи объясняется, повидимому (мы говоримъ—повидимому,—потому что участіе въ трудахъ коммиссіи товарища оберъ-прокурора А. И. Лыкошина должно было гарантировать правильное пониманіе смысла проекта), неточнымъ пониманіемъ смысла того или другого постановленія проекта. Весьма любопытный примѣръ представляетъ сопоставленіе ст. ст. 510 и 517 проекта гражданскаго

уложенія съ ст. 139 крестьянскаго проекта. Первая изъ нихъ предоставляетъ сомнѣвающемуся въ наличности у довѣреннаго полномочія потребовать отъ него предъявленія нотаріальной довѣренности. Затѣмъ, въ ст. 517 говорится: „лицо, которому поручено доставить проданный товаръ, признается имѣющимъ право на полученіе платежа лишь въ томъ случаѣ, если оно именно къ тому уполномочено довѣрительною надписью на счетѣ или предъявитъ счетъ съ распискою продавца въ полученіи платежа". Очевидно, проектъ гражданскаго уложенія желаетъ напомнить, что само по себѣ доставленіе товара не удостовѣряетъ полномочія на полученіе денегъ, для чего требуется спеціальное указаніе. Вмѣсто этого, крестьянскій кодексъ, говоря только о засвидѣтельствованныхъ довѣренностяхъ, во 2 части 139 статьи допускаетъ изъятіе изъ этого правила: „лицо, которому поручено доставить проданное движимое имущество и получить за него платежъ, можетъ предъявить, вмѣсто засвидѣтельствованной довѣренности, платежную расписку продавца".—И при этомъ коммиссія увѣряетъ, что это правило „также заимствовано изъ проекта гражданскаго уложенія и основывается на томъ соображеніи, что совпаденіе фактовъ доставки товара даннымъ лицомъ и нахожденіе въ его рукахъ платежной расписки продавца не можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ права этого лица на полученіе этого платежа". Какъ разъ наоборотъ тому, что имѣлъ въ виду проектъ гражд. уложенія.

Независимо же отъ сравненій съ проектомъ—для иллюстраціи удобопонятности кодекса достаточно будетъ привести слѣдующую статью: „если купленное имущество *окажется* похищеннымъ или присвоеннымъ, то *настоящій* хозяинъ вправѣ отобрать его черезъ подлежащихъ властей (?) даже отъ добросовѣстнаго покупщика" (с. 34). Построенная неправильно грамматически („купленное окажется похищеннымъ" означаетъ: „то, что куплено, будетъ похищено") и допускающая двусмысленныя выраженія (настоящій, т. е. новый или нынѣшній), эта фраза дала бы поводъ къ безконечнымъ недоразумѣніямъ, но, во всякомъ случаѣ, врядъ ли кѣмъ-либо была бы понята въ томъ смыслѣ, что даже и добросовѣстный покупщикъ краденаго обязанъ возвратить купленную имъ вещь собственнику.— Затѣмъ—кто же эти власти, которыя будутъ отбирать имущество и чѣмъ онѣ будутъ руководствоваться при заявленіи требованій объ отобраніи?

Остается, затѣмъ, разсмотрѣть, въ чемъ состоятъ отличія новаго кодекса по существу? Такихъ отличій наберется довольно много, если со-

считать всѣ случаи предоставленія суду рѣшить спорный вопросъ по мѣстному обычаю; а затѣмъ—различныя измѣненія въ срокахъ, предположенныхъ проектомъ гражд. уложенія. Такъ, напр., проектъ этотъ предоставляетъ суду при извѣстныхъ обстоятельствахъ отсрочить должнику уплату долга на срокъ не болѣе 3 мѣсяцевъ, а крестьянскій кодексъ увеличиваетъ этотъ срокъ до 6 мѣсяцевъ. Любопытно при этомъ отмѣтить, что въ I томѣ трудовъ коммиссія, отмѣчая особенности крестьянскаго „правооборота", ссылается на формальное обще-гражданское право, требующее письменной формы займа и завѣщанія. Изъ кодекса же оказывается, что и онъ требуетъ письменной формы для займа на сумму свыше 30 р., совершенно также, какъ проектъ гражданскаго уложенія, а словесныя завѣщанія признаетъ постольку, поскольку ими подтверждается законный или обычный порядокъ наслѣдованія.—Но самое важное—народное правосознаніе, особенныя свойства крестьянскаго духа, игравшія такую выдающуюся и рѣшающую роль во вступительныхъ замѣчаніяхъ, въ подстатейныхъ объясненіяхъ значительно умаляется, ссылки на нихъ почти отсутствуютъ. Во всякомъ случаѣ, гораздо чаще можно встрѣтить ссылки на иностранныя уложенія, чѣмъ на „правосознаніе". Вопросы же справедливости и этики коммиссія рѣшаетъ по своему разумѣнію. Это свое разумѣніе коммиссія ставитъ даже источникомъ обычнаго права. Такъ, въ разсужденіяхъ подъ статьей 72 коммиссія констатируетъ, что льготъ, предоставляемыхъ пострадавшему отъ стихійныхъ бѣдствій арендатору многими иностранными уложеніями, не знаетъ ни дѣйствующій законъ, ни источники обычнаго права и „однако, по убѣжденію коммиссіи, врядъ-ли справедливо отказать потерпѣвшему неурожай нанимателю въ какой бы то ни было льготѣ", что само по себѣ совершенно правильно.—Иногда коммиссія, останавливаясь на какомъ нибудь правилѣ проекта гражд. уложенія, находитъ, что „болѣе мягкимъ, а посему, какъ полагала коммиссія, болѣе соотвѣтствующимъ народному правосознанію представляется правило" и т. д. (т. IV, с. 223), иногда же, напротивъ, коммиссія полагаетъ, что обычныхъ средствъ гражданскаго права не достаточно и что необходимо внести уголовный элементъ въ видѣ штрафа (с. 125, 126). Въ другомъ мѣстѣ коммиссія прямо выдвигаетъ, какъ нѣчто заслуживающее вниманія, чтобы волостные суды налагали на неисправныхъ должниковъ не только гражданскія, но и уголовныя взысканія, и находитъ вполнѣ нормальнымъ, что должникъ, не исполнившій обязательствъ по непредвидѣнной и не предотвратимой причинѣ, возмѣщаетъ кредитору, по

началу „грѣхъ пополамъ“, половину или меньшую долю понесеннаго послѣднимъ ущерба“ (с. 297). „Грѣхъ пополамъ“—это младенческое воззрѣніе, соотвѣтствующее первой мысли народа, является чуть ли не единственнымъ положеніемъ обычнаго права, настойчиво выдвинутымъ коммиссіей въ своихъ объясненіяхъ.

Съ особенной строгостью отнеслась коммиссія къ институту личнаго найма. Коммиссія признаетъ, что „личный наемъ принадлежитъ къ числу такихъ, въ которыхъ, въ случаѣ столкновенія сторонъ, разрѣшить не только безошибочно, но *даже съ приблизительнымъ вѣроятіемъ*, кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ—въ высшей степени трудно“ и если послѣ этого коммиссія находитъ, что „особыя условія найма между крестьянами (какія—неизвѣстно) требуютъ расширенія права нанимателей самостоятельно вознаградить себя за убытки“, то трудно понять, почему коммиссія думаетъ, что „никакой опасности отъ этого произойти не можетъ“. Точно также трудно понять, почему, по условіямъ сельскаго быта, усмотрѣніе суда въ вопросѣ о вознагражденіи уволеннаго рабочаго представляется системой наиболѣе цѣлесообразной. Нельзя, вѣдь, забывать, что волостные судьи принадлежатъ къ классу нанимателей, а не нанимаемыхъ.

Единственнымъ своеобразнымъ институтомъ *) кодекса, всецѣло основаннымъ на обычно-правовомъ матеріалѣ, является наемъ пастуховъ крестьянскими обществами, регулируемый въ 4-хъ статьяхъ. Едва ли, однако, нужно было особымъ правиломъ устанавливать, что „рядная плата пастуху можетъ быть назначена оптомъ или по числу чередовъ, либо головъ составляющаго мірское стадо скота“. Это не возбраняется и не встрѣчаетъ препятствія и въ дѣйствующихъ законахъ и при болѣе внимательномъ взглядѣ окажется, что единственное своеобразіе этого своеобразнаго института будетъ заключаться въ томъ, что пастухъ отвѣчаетъ передъ нанимателемъ за убытки, происшедшіе даже отъ случайной причины (ст. 127, ч. 2-я), въ противоположность приводимому коммиссіей народному воззрѣнію, ставящему размѣръ вознагражденія въ зависимости *отъ вины* пастуха, но и тутъ своеобразіе весьма относительное, т. к. хотя такая отвѣтственность противорѣчитъ общимъ принципамъ гражданскаго права, но она соотвѣт-

*) «Мы не говоримъ объ устанавливаемой кодексомъ отвѣтственности крестьянскаго двора, т. к. въ данномъ случаѣ нѣтъ ничего новаго, а лишь утверждается неудачное измышленіе Правит. Сената. Ср. статьи М. А. Лозино-Лозинскаго въ Вѣстникѣ Права». (Примѣч. автор. ст.).

ствуетъ усиленной отвѣтствѣнности, возлагаемой X т. на желѣзнодорожныя и пароходныя предпріятія, къ которымъ коммиссія, очевидно, приравниваетъ пастуховъ. Конечно, нѣкотораго своеобразія въ такой постановкѣ отрицать нельзя. Любопытно при этомъ отмѣтить, что въ объясненіе этого своеобразія коммиссія ссылается на то, что оно установлено ею въ видѣ общаго правила въ 177 ст., между тѣмъ какъ въ дѣйствительности въ этой статьѣ говорится объ убыткахъ, причиненныхъ виною контрагента, а въ слѣдующей 178 ст. положительно устанавливается, что обязанность вознагражденія за убытки, происшедшіе отъ случайной причины, отпадаетъ.

Въ бѣглой замѣткѣ мы не могли, конечно, исчерпать всѣхъ сомнѣній и недоумѣній, возбуждаемыхъ крестьянскимъ кодексомъ. Мы намѣренно уклонились отъ обсужденія вопроса, насколько въ данномъ случаѣ пригоденъ проектъ гражданскаго уложенія, въ свое время совершенно отвергнутый нашей юридической литературой. Во всякомъ случаѣ, мы можемъ констатировать, что, наряду съ признаннымъ коммиссіей отсутствіемъ обычнаго правового матерьяла для созданія кодекса, ей не удалось также уловить какое то особое народное правосознаніе, народный духъ, не удалось потому, что въ области найма, займа, продажи и ссуды оно не можетъ создать теперь ничего существенно новаго. Предпринимать же эту сложную, трудную работу въ видахъ передѣлки X тома на началахъ справедливости и этики, какъ они представляются коммиссіи, врядъ ли стоило. Каковы бы ни были недостатки X-го т., они совершенно блѣднѣютъ въ сравненіи съ той выгодой, какая должна получиться отъ пріобщенія крестьянства къ обще-гражданской жизни. Что же касается общественнаго пастуха, то, конечно, за счетъ его строгой отвѣтственности не произойдетъ ни малѣйшаго улучшенія въ крестьянскомъ нестроеніи».

«*Вѣстникъ Европы*» (*декабрь, 1904 г., внутр. обозрѣніе*):

«Въ предисловіи къ проекту (сельскаго устава о договорахъ) насъ поражаютъ, прежде всего, противорѣчія, которыми вообще такъ богаты работы коммиссіи. „Одновременное существованіе въ государственной жизни“—говоритъ коммиссія—„двухъ отдѣльныхъ системъ гражданскаго права: писанной, т. е. общаго гражданскаго закона, и неписанной, т. е. обычаевъ, примѣняемыхъ во внутреннихъ отношеніяхъ извѣстныхъ группъ и слоевъ населенія, не можетъ не вызывать между ними постоянной борьбы, результатомъ которой всюду и всегда является побѣда закона надъ обычаемъ... Законодатель долженъ не только не препятствовать гражданско-

правовому сближенію крестьянства съ остальными сословіями, но, напротивъ, всячески споспѣшествовать этому сближенію, ибо населеніе страны можетъ сплотиться въ цѣльный и сильный общественный организмъ не прежде, чѣмъ всѣ его составныя части придутъ къ полному объединенію въ сферѣ гражданскаго права". Изъ этихъ посылокъ вытекаетъ, повидимому, одно неизбѣжное заключеніе: гражданскій кодексъ долженъ быть одинъ для всѣхъ сословій, а удержавшіеся еще въ народной массѣ обычаи должны быть обречены на постепенное вымираніе, безъ закрѣпленія ихъ словомъ закона. Иначе разсуждаетъ коммиссія: она не только признаетъ необходимость особаго сельскаго устава о договорахъ, но прямо вводитъ въ него немало элементовъ обычнаго права. Сельскій уставъ о договорахъ, по ея словамъ, не долженъ „являться лишь упрощеннымъ, со стороны внѣшняго изложенія, и сокращеннымъ, примѣнительно къ встрѣчающимся въ крестьянскомъ быту обязательственнымъ правоотношеніямъ, сборникомъ нормъ нашего общаго договорно-обязательственнаго права. Съ одной стороны, въ уставъ должны быть внесены нѣкоторыя правила, въ общегражданскомъ обязательственномъ правѣ отсутствующія, а съ другой—цѣлый рядъ началъ этого права долженъ подвергнуться значительному измѣненію, главнымъ образомъ въ смыслѣ ихъ упрощенія, т. е. пріуроченія къ болѣе примитивнымъ потребностямъ гражданскаго оборота деревни". Въ концѣ концовъ, такимъ образомъ, создается именно то, что заранѣе осуждено коммиссіей: одна подлѣ другой ставятся двѣ различныя системы договорнаго права. Правда, коммиссія оговаривается, что „отступленія отъ гражданскихъ законовъ должны быть допускаемы въ проектируемомъ уставѣ лишь въ мѣрѣ ихъ дѣйствительной необходимости"; но какимъ путемъ устанавливается, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, такая необходимость? Было ли производимо коммиссіей подробное изслѣдованіе, съ цѣлью выяснить, на мѣстахъ, правовыя воззрѣнія крестьянъ? Были ли опрошены ею хотя бы уѣздные члены окружныхъ судовъ, соединяющіе общее юридическое образованіе съ знаніемъ особенностей мѣстной сельской правовой жизни? Нѣтъ: главнымъ руководствомъ послужилъ для нея матеріалъ, собранный, тридцать лѣтъ тому назадъ, коммиссіей сенатора Любощинскаго и вскорѣ послѣ того разработанный въ сочиненіяхъ И. Г. Оршанскаго и С. В. Пахмана... Присмотримся поближе къ нѣкоторымъ изъ числа примѣровъ, которыми коммиссія мотивируетъ необходимость особыхъ юридическихъ нормъ, приспособленныхъ къ условіямъ сельскаго быта.

„Общность крестьянскихъ пастбищъ“—читаемъ мы въ предисловіи къ проекту—„вызвала въ сельскомъ быту появленіе договора о наймѣ общественнаго пастуха—договора, весьма отличнаго по своей юридической природѣ отъ прочихъ видовъ личнаго найма“. Чѣмъ же выразилось, въ проектѣ устава, это различіе? Найму пастуховъ крестьянскими обществами посвящено пять статей (123—127), изъ которыхъ первая содержитъ въ себѣ только ссылку на общія правила о личномъ наймѣ. По ст. 124 рядная плата пастуху можетъ быть назначена или оптомъ, или по числу чередовъ либо головъ составляющаго мірское стадо скота. Это правило совершенно не нужно, потому что способъ разсчета между нанимателемъ и нанимаемымъ никакимъ закономъ не предопредѣленъ и совершенно зависитъ отъ усмотрѣнія договаривающихся сторонъ. Легко представить себѣ такой случай, когда рядная плата назначена не по одному изъ масштабовъ, указанныхъ въ ст. 124-й, а напримѣръ, по цѣнности скота; не дѣйствителенъ ли, съ точки зрѣнія составителей устава, такой договоръ?... Статья 125-я говоритъ о порядкѣ опредѣленія числа чередовъ или головъ скота, опять-таки безъ всякой надобности стѣсняя контрагентовъ въ выборѣ средствъ для достиженія цѣли. Ст. 126-я говоритъ объ отвѣтственности общества за домохозяевъ, уклоняющихся отъ внесенія слѣдующей съ нихъ рядной платы; между тѣмъ такая отвѣтственность разумѣется сама собою, разъ что договоръ найма съ пастухомъ заключенъ не отдѣльными домохозяевами, а цѣлымъ обществомъ. Столь же излишней представляется и ст 127-я, опредѣляющая отвѣтственность пастуха передъ обществомъ совершенно согласно съ установляемыми самою коммиссіею (ст. 176—179) общими правилами вознагражденія за убытки... По мнѣнію коммиссіи, въ сельскомъ уставѣ о договорахъ необходимы „нѣсколько иныя“, чѣмъ въ общемъ гражданскомъ кодексѣ, правила о земельной арендѣ, потому что въ крестьянскомъ быту земля нанимается обыкновенно на непродолжительное время; между тѣмъ краткосрочные наемные договоры предусмотрѣны проектомъ гражданскаго уложенія (ст. 281, 311 и 312 и др.), дающимъ отвѣтъ и на другіе вопросы, разрѣшаемые въ проектѣ устава (ст. 70—76) спеціально по отношенію къ арендѣ земли... Проектъ устава о договорахъ, сравнительно съ проектомъ уложенія, предоставляетъ должнику больше льготъ относительно отсрочки и разсрочки долга и допускаетъ большій просторъ для словесной формы договоровъ. Одно изъ двухъ: если эти льготы имѣютъ достаточное оправданіе, ихъ слѣдуетъ возвести на сте-

пень общаго правила; въ противномъ случаѣ для нихъ не должно быть мѣста ни въ общемъ, ни въ частномъ законодательствѣ. Мы стоимъ скорѣе за первое рѣшеніе вопроса, но не видимъ никакой причины установлять, въ этомъ отношеніи, какое-либо различіе между сословіями или классами общества. Недостаточныхъ людей, нуждающихся въ снисхожденіи, много и не въ средѣ сельскаго населенія; много, внѣ крестьянства, и людей безграмотныхъ или малограмотныхъ, для которыхъ обременительно и непривычно письменное выраженіе воли. Чѣмъ меньше въ законѣ ненужныхъ стѣсненій и излишней требовательности, тѣмъ лучше—но вѣсъ и мѣра должны быть здѣсь для всѣхъ одни и тѣ же, не измѣняясь, въ зависимости отъ мѣста жительства сторонъ и другихъ случайныхъ обстоятельствъ.

Несмотря на свою сравнительную краткость (204 статьи, вмѣсто 1106, изъ которыхъ состоитъ книга объ обязательствахъ въ проектѣ гражданскаго уложенія), сельскій уставъ о договорахъ содержитъ въ себѣ вообще много излишняго. Иногда онъ считаетъ нужнымъ объяснить то что̀ понятно и безъ объясненій или становится отъ нихъ менѣе яснымъ. Такъ напримѣръ, ст. 31-я, говоря о *существенныхъ недостаткахъ* проданной вещи, дающихъ покупщику право требовать отмѣны продажи или уменьшенія покупной цѣны, прибавляетъ: „*существенными* признаются недостатки, которые въ значительной степени уменьшаютъ цѣнность имущества или пригодность его къ употребленію“. Эта тавтологія не только не нужна—она можетъ сбить съ толку малоразвитыхъ и неопытныхъ судей, такъ какъ предусматриваетъ лишь *уменьшеніе* и не полное *уничтоженіе* цѣнности проданнаго имущества. Столь же неудачно и ненужно объясненіе, въ ст. 57, понятія о необходимыхъ починкахъ, возлагаемыхъ на наимодавца: „необходимыми признаются починки, которыя, безъ значительнаго ущерба для нанимателя, не могутъ быть отложены до окончанія срока найма“. Статья 38-я, возлагающая на покупщика подворнаго или усадебнаго участка, со времени утвержденія купчаго акта уѣзднымъ членомъ окружнаго суда, послѣдствія случайнаго уничтоженія или поврежденія находящихся на участкѣ построекъ и т. п., излишня въ виду ст. 37-й, по которой участокъ, со времени утвержденія акта, считается перешедшимъ къ покупщику. Иногда уставъ даетъ юридическія опредѣленія, иногда, при одинаковыхъ условіяхъ, воздерживается отъ нихъ: опредѣляется, напримѣръ, заемъ, опредѣляется запродажа, но не опредѣляется наемъ недви-

жимыхъ имуществъ. Статья 6-я гласитъ: „займомъ называется договоръ, по которому одна сторона передаетъ другой *опредѣленную сумму денегъ*, подъ условіемъ *возврата равной суммы*“; между тѣмъ, по той же статьѣ, предметомъ займа могутъ служить и хозяйственные припасы, а по ст. 7-й къ возврату занятой суммы можетъ быть присоединено денежное вознагражденіе, именуемое процентами. Къ чему же давать опредѣленіе, разъ что оно не обнимаетъ собою опредѣляемое во всемъ его объемѣ?

Составляя сельскій уставъ о договорахъ, редакціонная коммиссія, какъ мы уже видѣли, вовсе не предполагала упразднить, этимъ путемъ, дѣйствіе обычнаго права. Въ уставъ включено немало статей, прямо допускающихъ примѣненіе мѣстнаго обычая. Тѣмъ труднѣе понять, зачѣмъ коммиссіи понадобилось вводить въ уставъ правила, почерпнутыя изъ обычнаго права—или, лучше сказать, изъ того, что болѣе или менѣе произвольно, безъ твердыхъ основаній, принято коммиссіей за сохранившійся до сихъ поръ обычай? Возможность руководствоваться обычаемъ, рядомъ съ закономъ, допущена, въ извѣстныхъ случаяхъ, и проектомъ гражданскаго уложенія, какъ была допущена, для мировыхъ учрежденій, уставомъ гражданскаго судопроизводства. При такомъ отношеніи къ обычаю вымираніе его могло бы совершиться само собою, послѣ того какъ все цѣнное изъ него, точно приведенное въ ясность, было бы введено въ составъ общаго законодательства. Суды перестали бы примѣнять исчезнувшіе обычаи, за исключеніемъ развѣ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда, вслѣдствіе мѣстныхъ условій, сохранила бы гдѣ-нибудь силу та или другая юридическая особенность... Сближеніе правоотношеній, существующихъ въ сельскомъ быту, съ обще-гражданскими правовыми нормами признаетъ желательнымъ и редакціонная коммиссія, предполагая, что оно будетъ достигнуто путемъ дополненія и измѣненія крестьянскаго кодекса, а также путемъ его разъясненія. Первый путь—медленный и трудный: опытъ удостовѣряетъ, что постановленія гражданскаго права, однажды изданныя, отличаются особою устойчивостью. Еще менѣе надеженъ второй путь: разъясненія „крестьянскаго“ устава, исходя отъ губернскихъ присутствій, многочисленныхъ и мало компетентныхъ, могутъ пойти въ разрѣзъ съ разъясненіями общегражданскаго уложенія, исходящими отъ правительствующаго сената, и увеличить, такимъ образомъ, разстояніе между обоими кодексами, къ явному вреду для правосудія и для государственнаго единства.

Все сказанное до сихъ поръ возвращаетъ насъ къ вопросу, съ которымъ мы уже столько разъ встрѣчались при разборѣ трудовъ редакціонной коммиссіи: изъ-за чего предпринимается вся эта ненормальная постройка спеціальныхъ сельскихъ уставовъ, рядомъ съ общимъ государственнымъ законодательствомъ? Изъ-за желанія сохранить во что бы то ни стало сословный крестьянскій судъ, съ обширной компетенціей (необходимой, въ свою очередь, для сохраненія, въ настоящемъ его видѣ, института земскихъ начальниковъ). Стоитъ только преобразовать волостной судъ въ низшую судебную инстанцію, органически связанную съ общимъ судебнымъ строемъ, поднять его умственный уровень и ограничить кругъ его дѣйствій самыми простыми, самыми малоцѣнными дѣлами, съ оставленіемъ за нимъ права руководствоваться мѣстными обычаями—и надобность въ сельскомъ уставѣ о договорахъ, какъ и въ сельскомъ уставѣ о наказаніяхъ, исчезнетъ сама собою.

Какъ широко распространено отрицательное отношеніе къ главнымъ началамъ, положеннымъ въ основаніе трудовъ редакціонной коммиссіи—объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, мнѣніе генерала-отъ-инфантеріи Г. И. Бобрикова, заявленное въ волынскомъ губернскомъ совѣщаніи и напечатанное затѣмъ въ видѣ отдѣльной брошюры. „Напрасно"—читаемъ мы здѣсь—„приписываютъ нашему крестьянству такія нравственныя превосходства предъ другими сословіями, которыя, будто бы, дѣлаютъ его оплотомъ исторической преемственности въ народной жизни противъ всякихъ разлагающихъ силъ и безпочвенныхъ теченій. Напрасно приписываютъ нашему крестьянству склонность къ особому общественному строю". Выразивъ сожалѣніе о томъ, что судебные уставы 1864-го года не коснулись крестьянскаго суда, генералъ Бобриковъ продолжаетъ: „къ прискорбію, злоба дня пренебрегла ихъ прочными основами, построивъ рядомъ шаткое зданіе закона 12 іюля 1889 г. Мировыя судебныя учрежденія, обладая способностью примѣняться къ явленіямъ текущей жизни съ наименьшимъ формализмомъ и наибольшею гибкостью, всего болѣе подходятъ къ условіямъ деревенскаго строя"; но они должны быть „представителями чисто судебнаго начала, безъ другихъ примѣсей, въ особенности административной. Скорѣе мировымъ судьей можетъ быть не юристъ, чѣмъ дать ему въ руки какую-либо власть управленія.. .. Неудачные результаты сорокатрехлѣтняго опыта должны намъ указать вѣрный путь къ устройству органовъ мѣстной правительственной власти. На первомъ планѣ

должно стоять объединеніе всѣхъ проявленій общественной жизни, а не сословная изолированность, выдвигаемая редакціонною коммиссіею, вопреки явно причиненнаго ею вреда". Не усматривая нигдѣ способности къ самодѣятельности, генералъ Бобриковъ объясняетъ это тѣмъ, что „такой дѣятельности, не только не требуется, но принимаются всѣ мѣры, чтобы искрѣ самостоятельности не дать разгорѣться... Всеобъемлющая опека, доведенная до крайнихъ предѣловъ, построена на ложныхъ, прямо опасныхъ началахъ". Свою рѣшимость высказаться откровенно и громко генералъ Бобриковъ мотивируетъ „грознымъ призракомъ надвигающагося съ Востока народнаго бѣдствія". И это вполнѣ понятно: въ такую минуту, какъ переживаемая нами теперь, обязательно прямое указаніе на глубоко лежащія причины, задерживающія и извращающія теченіе русской жизни».....

—

Къ проекту сельскаго устава о наслѣдованіи.

Проф. А. М. Гуляевъ. „Вопросы частнаго права въ проектахъ законоположеній о крестьянахъ“.

...«Если въ такой свободной отъ историческихъ и національныхъ особенностей области, какова область отношеній обязательственнаго права, глубокое убѣжденіе редакторовъ привело ихъ къ мысли о необходимости „составить“ особый сельскій уставъ, то тѣмъ понятнѣе была-бы мысль о созданіи отдѣльнаго устава о наслѣдованіи крестьянъ, потому что законы о наслѣдованіи у разныхъ народовъ отличаются національными и историческими чертами. Однако, редакторы рѣшились на составленіе устава о наслѣдованіи не сразу. Сначала „редакціонная коммиссія приняла во вниманіе, что съ точки зрѣнія теоретической *необходимость единства гражданскихъ законовъ для всѣхъ классовъ населенія представляется началомъ безспорнымъ*“ (т. IV, стр. 350). Было-бы, конечно, безопаснѣе для солидности „выводовъ“ редакціонной коммиссіи не говорить о безспорности этого начала; но редакторы провозглашаютъ безспорность этого положенія и продолжаютъ: „Съ этой точки зрѣнія единственно правильнымъ исходомъ изъ вышеизложенныхъ затрудненій слѣдовало-бы признать распространеніе и на дѣла по наслѣдованію крестьянъ дѣйствія 1 ч. X т. св. з., а по изданіи проектированнаго гражданскаго уложенія—дѣйствія сего послѣдняго. Но болѣе внимательное изученіе вопроса приводитъ къ инымъ выводамъ. Эти иные выводы, коротко говоря, заключаются въ томъ, что наслѣдованіе крестьянъ должно быть опредѣляемо не общимъ закономъ, а особымъ сельскимъ уставомъ о наслѣдованіи.

Если и у редакторовъ была будто-бы мысль ограничиться распространеніемъ общаго закона на крестьянъ въ вопросахъ наслѣдственнаго права, то тѣмъ любопытнѣе остановиться на тѣхъ вѣскихъ мотивахъ, благодаря которымъ редакторы отъ первоначальной мысли отказались. Это

тѣмъ болѣе интересно, что общій законъ не предполагаетъ своего распространенія на наслѣдованіе у крестьянъ; такъ, ст. 1184 ч. 1 т. X, перечисляя особенные порядки наслѣдованія въ случаяхъ, изъ общихъ правилъ изъятыхъ, въ п. 5 постановляетъ: „особенный порядокъ наслѣдованія, различный отъ общаго, установляется—въ наслѣдованіи сельскихъ обывателей и колонистовъ“; примѣчаніе же къ этой статьѣ, между прочимъ, говоритъ: „особыя правила о порядкѣ наслѣдованія въ имуществахъ, остающихся послѣ сельскихъ обывателей и колонистовъ, изложены въ законахъ о состояніяхъ и въ особомъ къ симъ законамъ приложеніи“. Юристамъ хорошо извѣстно, что это примѣчаніе ст. 1184 обѣщаетъ больше, чѣмъ сколько въ дѣйствительности даетъ IX т. св. зак. и особое приложеніе къ нему, потому что въ текстѣ IX т. не говорится о наслѣдованіи крестьянъ, а въ общемъ положеніи ст. 13 (по изд. 1902 г.) гласитъ: „въ порядкѣ наслѣдованія имуществомъ крестьянамъ дозволяется руководствоваться мѣстными своими обычаями“. „Дозволяется“ не значитъ, разумѣется, „предписывается“; дозволеніе пользоваться обычаемъ не исключаетъ возможности пользоваться и закономъ. Быть можетъ, въ этой возможности руководствоваться обычаемъ, не исключающей возможности пользоваться закономъ, и заключается тотъ различный отъ общаго порядокъ наслѣдованія, о которомъ говоритъ ст. 1184? Такая явная неудовлетворительность закона о наслѣдованіи у крестьянъ вызываетъ совершенную необходимость установленія для крестьянъ точно опредѣленныхъ правилъ о наслѣдственномъ усвоеніи имуществъ, оставшихся послѣ умершаго. Какимъ же закономъ должны быть опредѣляемы наслѣдственныя права крестьянъ— общимъ или особеннымъ, или, наконецъ, обычаемъ? Редакторы, разумѣется, высказываются противъ общаго закона; но въ то-же время они и не отстаиваютъ исключительнаго примѣненія къ крестьянамъ закона спеціальнаго, оставляя въ вопросахъ наслѣдованія широкій просторъ примѣненію обычая. Нынѣшнее безотрадное положеніе вопроса о наслѣдованіи не упраздняется такимъ образомъ и на будущее время, такъ какъ за обычаемъ предположено сохранить значеніе нормы, разрѣшающей вопросы о наслѣдованіи и отмѣняющей дѣйствіе закона. Конечно, если бы возможно было констатировать существованіе обычая убѣдительными для всѣхъ способами, то обычай пріобрѣлъ-бы значеніе очень серьезной нормы. Но способы установленія обычаевъ, рекомендуемые редакторами, едва-ли могутъ убѣдить судебное мѣсто въ дѣйствительномъ существованіи обычая: „су-

ществованіе мѣстнаго обычая почитается доказаннымъ, если онъ однообразно примѣнялся волостными судами въ прежнихъ его рѣшеніяхъ, или если онъ удостовѣряется приговоромъ мѣстнаго сельскаго схода, *особо для того созваннаго по распоряженію земскаго начальника*, на основаніи ходатайства тяжущагося" (т. IV, стр. 358). Правда, однообразное разрѣшеніе однообразныхъ казусовъ даннымъ волостнымъ судомъ можетъ считаться за доказательство того, что соблюдаемый въ рѣшеніяхъ взглядъ выражаетъ собою мѣстную обычную норму, и въ этомъ чрезъ судебныя рѣшенія познаваемомъ обычаѣ (res similiter judicatae) и выражается норма извѣстнаго права. Иное дѣло второй способъ установленія обычая сельскимъ сходомъ, созываемымъ ad hoc.

Нужно имѣть нѣкоторое знакомство съ крестьянскими претензіями для того, чтобы понять, въ какой мѣрѣ могутъ быть дѣлаемы ссылки на обычай, въ особенности если подаваемое въ судъ прошеніе написано адвокатомъ—профессіональнымъ ходатаемъ по крестьянскимъ дѣламъ. Какихъ только положеній не устанавливаютъ они ссылкой на обычай? Вѣдь каждый крестьянскій искъ имѣетъ своимъ предметомъ домогательство о надѣльной землѣ, и каждая претензія основана на такомъ или иномъ отношеніи истца къ умершему домохозяину, такъ что каждый искъ въ основѣ своей покоится на правѣ наслѣдованія. И вотъ на этой почвѣ возбуждается ходатайство предъ судомъ объ установленіи обычая для оправданія претензіи на наслѣдство; просятъ не только установить порядокъ призванія къ наслѣдованію или порядокъ раздѣла наслѣдства, обычно соблюдаемые, но и такія положенія, какъ то, напр., что въ данной мѣстности по обычаю не соблюдается правило о давности иска о наслѣдствѣ, или то, что по мѣстному обычаю выходящія замужъ со двора дочери не теряютъ права на пользованіе родительскимъ надѣломъ. Фантазія профессіональныхъ ходатаевъ не имѣетъ предѣловъ; связывать претензію съ наслѣдственнымъ правомъ не составляетъ особаго труда, и въ результатѣ для каждой земельной претензіи пришлось бы устанавливать обычай. Установленіе обычая путемъ ссылки на прецеденты въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ еще допустимо. Но установленіе обычая путемъ соотвѣтствующихъ приговоровъ сельскихъ сходовъ вызываетъ большія сомнѣнія. Тутъ возникаетъ именно опасеніе, не прибавится ли къ многосложнымъ обязанностямъ земскаго начальника еще одна не предусмотрѣнная закономъ функція—творца обычнаго права? потому что хотя существованіе обычая можетъ быть установлено въ каждомъ

случаѣ сельскимъ сходомъ, но сельскій сходъ созывается земскимъ начальникомъ по его усмотрѣнію (ст. 35 Пол. о кр. общ. упр.), и, значитъ, прежде всего отъ земскаго начальника зависитъ признать или не признать основательность ходатайства объ установленіи обычая: если земскій начальникъ не признаетъ ходатайство основательнымъ, то пресѣкается уже возможность установить обычай, хотя, быть можетъ, обычай дѣйствительно и существуетъ: если земскій начальникъ сочтетъ, что тотъ обычай, объ установленіи существованія коего ходатайствуетъ проситель, могъ бы существовать, то сельскій сходъ будетъ созванъ и, вѣроятно, признаетъ, что формулированный въ предписаніи земскаго начальника обычай дѣйствительно существуетъ. Земскій начальникъ окажется такимъ образомъ если не въ роли творца, то въ роли регулятора обычнаго права крестьянъ, и какъ ни почтенна такая роль, но едва ли она предусмотрѣна законоположеніемъ о земскихъ начальникахъ. Впрочемъ, быть можетъ, для установленія обычая, какъ явленія внѣ закона существующаго, не представляется и надобности въ закономѣрной дѣятельности земскаго начальника? Отъ „распорядительности" земскаго начальника будетъ зависѣть установить или отказать въ установленіи бытія обычая. Въ судебной практикѣ, впрочемъ, и теперь встрѣчаются попытки администраціи устанавливать обычай. Намъ извѣстенъ случай, когда одинъ изъ мировыхъ посредниковъ Кіевской губерніи предписалъ волостному старшинѣ, по поводу одного конкретнаго казуса, „составить разъ на всегда приговоръ о томъ, какіе въ этомъ селѣ существуютъ обычаи по наслѣдованію", и сельскій сходъ, исполняя предписаніе мирового посредника, кодифицировалъ свои обычаи, установивъ, что къ наслѣдованію призываются такія-то лица и въ такомъ-то порядкѣ. Конечно, авторитетность подобныхъ приговоровъ не велика: она несоизмѣримо меньше претензій мирового посредника или земскаго начальника—быть творцами права.

А что-же будетъ въ томъ случаѣ, если сельскій сходъ позволитъ себѣ не согласиться съ мнѣніемъ земскаго начальника о существованіи извѣстнаго обычая? Этого опасаться не слѣдуетъ, потому что въ такомъ случаѣ земскій начальникъ не утвердитъ „неправильнаго" приговора сельскаго схода, ибо обычай, формулированный въ предписаніи земскаго начальника, долженъ существовать, и для того, чтобы существованіе его было признано, у земскаго начальника имѣются соотвѣтствующія средства воздѣйствія. Какъ явствуетъ отсюда, рекомендуемый редакторами способъ установленія существованія обычая представляетъ собою въ исторіи права нѣчто без-

примѣрное и едва ли удобопріемлемое. Кто поручится, что сельскому сходу не будетъ предписываемо устанавливать обычаи по поводу отдѣльныхъ казусовъ, при чемъ установленный ранѣе обычай будетъ игнорироваться при разрѣшеніи аналогичнаго казуса? Такой вопросъ можетъ показаться страннымъ, потому что, скажутъ, земскій начальникъ вовсе не заинтересованъ въ разрѣшеніи спорнаго вопроса въ томъ или иномъ направленіи. Теоретически говоря—не заинтересованъ; но на практикѣ онъ оказывается заинтересованнымъ, не какъ земскій начальникъ такого-то участка, а какъ представитель администраціи, обязанной поддерживать престижъ власти среди крестьянъ. Отрицательное отношеніе къ обычаю и теперь, по словамъ редакторовъ, проявляется со стороны представителей судебной власти въ съѣздахъ, „а между тѣмъ преобладающее вліяніе въ судебныхъ присутствіяхъ съѣздовъ принадлежитъ именно этимъ чинамъ“ (т. IV, стр. 347). Да какъ-же иначе и можетъ относиться образованный юристъ къ устанавливаемому земскимъ начальникомъ юридическому обычаю? Редакторы разсуждаютъ о законѣ и обычаѣ, не какъ о нормахъ объективнаго права, опредѣляющихъ отношенія крестьянъ, а какъ о юридическомъ матеріалѣ, подлежащемъ примѣненію въ волостныхъ судахъ и съѣздахъ. Но вѣдь сущность задачи не въ облегченіи дѣятельности присутственныхъ мѣстъ, а въ упорядоченіи жизни крестьянъ. Если имѣть въ виду послѣднюю цѣль, то незачѣмъ говорить объ антагонизмѣ между властью административной и судебной, которыя обѣ, но каждая въ своей сферѣ, призваны къ насажденію и поддержанію правопорядка.

Какъ ни неудачны рекомендуемые редакторами способы познаванія обычая—все же въ крестьянскомъ быту, въ особенности по вопросамъ о наслѣдствахъ, и на будущее время должно быть сохранено дѣйствіе обычая, притомъ какъ нормы главной, гдѣ законъ, по мысли редакторовъ, долженъ дѣйствовать въ той мѣрѣ, насколько вопросъ не разрѣшается обычаемъ. „При такихъ условіяхъ (доказыванія обычая), въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ обычай крѣпокъ въ сознаніи населенія и гдѣ, слѣдовательно, онъ можетъ быть доказанъ указаннымъ выше способомъ, *онъ будетъ исключать примѣненіе устава* о наслѣдованіи; тамъ-же, гдѣ обычай расшатанъ, гдѣ пониманіе его затемнено по тѣмъ или другимъ причинамъ, будетъ примѣняться уставъ, въ которомъ должны быть начертаны однѣ лишь, такъ сказать, магистральныя линіи обычнаго по наслѣдованію права крестьянъ“ (т. IV, стр. 358). Устанавливается такимъ образомъ невиданное отношеніе

между закономъ и обычаемъ; не законъ исключаетъ примѣненіе обычая, а, наоборотъ, обычай—примѣненіе закона. Это очень опасное соотношеніе между двумя нормами права, опасное, конечно, для закона, потому что такимъ путемъ легко можно упразднить всякіе законы, чего разумѣется редакторы въ виду не имѣютъ. До сихъ поръ всегда учили, что обычай въ настоящее время имѣетъ значеніе подчиненное,—у насъ въ виду ст. 47 зак. основ., что обычай дѣйствуетъ въ той мѣрѣ, въ какой это допускается закономъ, и всегда въ качествѣ примѣра по этому вопросу приводится ст. 38 (нынѣ 13) Общаго положенія. И вдругъ редакторы ниспровергаютъ установившееся ученіе, по поводу котораго до настоящаго времени и контраверзъ не было. Да и въ примѣненіи къ выработанному редакторами уставу о наслѣдованіи не равносильно ли это положеніе тому, что дровосѣкъ рубитъ вѣтку, на которой самъ сидитъ? Вѣдь какой нибудь волостной судъ можетъ сказать: нѣтъ у насъ того обычая, чтобы мы судили по книгамъ, по закону, обычай у насъ судить безъ закона. Въ такомъ смыслѣ можетъ состояться нѣсколько рѣшеній, и вотъ существованіе обычая доказано прецедентами, и возможность примѣненія устава исключается. Трудно думать, чтобы редакторы хотѣли произвести своею объяснительною запискою переворотъ въ наукѣ права. Хотѣлось-бы думать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ lapsus calami. Но нѣтъ,—редакторы слишкомъ настойчиво подчеркиваютъ устанавливаемыя ими отношенія между обычаемъ и закономъ, такъ что видѣть въ этомъ обмолвку нельзя; это сознательное введеніе въ наше право и въ правовѣдѣніе новаго положенія, которому нельзя отказать въ „смѣлости, доходящей до дерзости“.

И такъ право наслѣдованія у крестьянъ и на будущее время должно опредѣляться обычаемъ прежде всего, а потомъ закономъ. Но крестьянскаго обычая мы не знаемъ, не знаютъ его и редакторы. Хотя „по мнѣнію коммиссіи, единственнымъ правильнымъ путемъ найти исходъ изъ нынѣшняго ненормальнаго положенія вопроса о наслѣдованіи у крестьянъ является составленіе устава о наслѣдованіи въ крестьянскомъ имуществѣ, выработаннаго на почвѣ обычнаго права“, но „уставъ этотъ не долженъ представлять собою кодификацію всѣхъ существующихъ по этой части мѣстныхъ обычаевъ: такая работа была бы неисполнима, въ виду безконечнаго разнообразія этихъ обычаевъ и отсутствія, несмотря на значительное число сборниковъ и обширную литературу, зарегистрованныхъ обычаевъ по наслѣдованію для цѣлаго ряда отдѣльныхъ мѣстностей. Кромѣ того,

она была-бы и безполезна". Не странно ли, что задавшись цѣлью создать уставъ о наслѣдованіи на почвѣ обычнаго права, редакторы считаютъ относящійся сюда матеріалъ не подлежащимъ кодификаціи? Что же они почитаютъ нужнымъ кодифицировать? На это редакторы отвѣчаютъ: „совершенно не нужно каждому отдѣльному волостному суду или даже отдѣльнымъ группамъ волостныхъ судовъ имѣть свой спеціальный кодексъ по наслѣдованію: достаточно въ законѣ опредѣлить преобладающіе обычаи, тѣ, которые усвоены населеніемъ и соблюдаются въ значительномъ большинствѣ мѣстностей, обезпечивъ съ тѣмъ вмѣстѣ возможность тамъ, гдѣ выработался и укоренился особый, отличающійся отъ нихъ обычай, сущность коего можетъ быть установлена безспорно, руководствоваться такимъ въ буквальномъ смыслѣ слова, мѣстнымъ обычаемъ" (т. IV, стр. 357). И такъ, кодификаціи подлежатъ обычаи, хотя они не извѣстны. Если бы, по крайней мѣрѣ, прежде чѣмъ кодифицировать обычаи, дѣйствующіе въ большинствѣ мѣстностей, редакторы потребовали бы, чрезъ земскихъ начальниковъ, приговоры сельскихъ сходовъ въ формѣ отвѣтовъ на общіе вопросы о наслѣдованіи—вотъ тогда можно было бы говорить о „начертаніи магистральныхъ линій обычнаго по наслѣдованію крестьянъ права"; а безъ такого обслѣдованія вопроса, почему-же можно думать, что начертанный редакторами уставъ о наслѣдованіи выражаетъ собою обычное право крестьянъ, а не нѣчто иное?

Въ вопросахъ наслѣдованія у крестьянъ долженъ дѣйствовать обычай и законъ—т. е. уставъ о наслѣдованіи. Этимъ, однако, еще не все сказано. Здѣсь поднимается еще новый вопросъ: всякій-ли наслѣдственный переходъ имущества у крестьянъ будетъ совершаться по обычаю или по крестьянскому кодексу, или-же эти нормы примѣнимы лишь къ опредѣленному роду имуществъ?

Не безъ колебаній рѣшенъ этотъ вопросъ редакторами въ слѣдующемъ смыслѣ: „правилами настоящаго устава опредѣляется наслѣдованіе послѣ лицъ сельскаго состоянія: а) безъ ограниченія суммы, когда недвижимое наслѣдственное имущество входитъ въ составъ крестьянскаго надѣла, а движимое составляетъ принадлежность этого надѣла; и б) когда наслѣдственное имущество, хотя и не входитъ въ составъ крестьянскаго надѣла, но находится въ предѣлахъ волости, при чемъ цѣнность его не превышаетъ въ недвижимомъ имуществѣ двухъ тысячъ рублей, а въ движимомъ пятисотъ рублей" (ст. 1 уст. о насл.). Значитъ, дѣйствію устава

не подлежатъ крестьянамъ принадлежащія имущества въ чертѣ городскихъ поселеній, къ каковымъ имуществамъ долженъ быть примѣняемъ общій законъ. Такимъ образомъ, вотъ уже три нормы, которыми опредѣляется наслѣдованіе послѣ крестьянъ: обычай, законъ спеціальный (уставъ), законъ общій. Редакторы проекта уложенія не предвидѣли еще сочиненія устава о наслѣдованіи (въ особенности такого устава, который отмѣняется обычаемъ), и потому въ ст. 167 своего проекта изобразили: „порядокъ наслѣдованія послѣ крестьянъ опредѣляется существующими мѣстными обычаями, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда предметъ наслѣдованія заключается: 1) въ недвижимомъ имуществѣ цѣною свыше двухъ тысячъ рублей, пріобрѣтенномъ крестьянами внѣ надѣла; 2) въ недвижимомъ имуществѣ, находящемся въ чертѣ города, и 3) въ движимомъ имуществѣ, цѣною также свыше двухъ тысячъ рублей, не составляющемъ принадлежности хозяйства крестьянъ. Въ указанныхъ въ п.п. 1—3 случаяхъ примѣняется общій порядокъ наслѣдованія по правиламъ сего уложенія". Разногласіе между обоими проектами въ одномъ пунктѣ—относительно стоимости движимаго имущества, не являющагося принадлежностью надѣла. Редакторы устава оказались великодушными и понизили стоимость движимаго наслѣдственнаго имущества до пятисотъ рублей. И такъ, возможно представить себѣ случай, когда послѣ даннаго крестьянина судьба его имущества будетъ опредѣляться всѣми тремя нормами—обычаемъ, закономъ спеціальнымъ, закономъ общимъ, и еще болѣе—обычаемъ, завѣщаніемъ крестьянскимъ, закономъ крестьянскимъ, завѣщаніемъ общимъ и закономъ общимъ. Можно-ли послѣ этого пожаловаться на скудость закона о наслѣдованіи у крестьянъ! Но понятіе о полнотѣ закона—понятіе не количественное, а качественное: такая масса нормъ, опредѣляющихъ наслѣдованіе у крестьянъ, есть недостатокъ, а не достоинство закона, который долженъ стремиться къ точности и ясности, а не къ многосложности и запутанности. Выходъ изъ этихъ дебрей одинъ, какъ это первоначально и думали редакторы законоположеній о крестьянахъ,—распространеніе на крестьянъ общаго закона и въ вопросахъ о наслѣдованіи. Посмотримъ-же, насколько мыслимо было-бы это объединеніе нормъ наслѣдственнаго права въ виду выработаннаго редакторами устава о наслѣдованіи. Оставимъ покамѣстъ въ сторонѣ обычай, намъ, быть можетъ, такъ-же мало извѣстный, какъ и редакторамъ; разсмотримъ одинъ только законъ, въ предположеніи, что онъ обычаемъ не отмѣняется.

Въ области наслѣдственнаго права имѣются два существенныхъ вопроса—во-первыхъ, по какому юридическому основанію данное лицо можетъ оказаться призваннымъ къ наслѣдованію, во-вторыхъ, каковы тѣ юридическія послѣдствія, которыя возникаютъ для наслѣдника? Всѣ прочіе вопросы отличаются характеромъ детальнымъ и имѣютъ подчиненное значеніе.

Дѣйствующій нашъ гражданскій законъ знаетъ два основанія призванія къ наслѣдованію—духовное завѣщаніе и опредѣленіе закона, т. е. призваніе къ наслѣдованію совершается или по волѣ наслѣдодателя, ясно имъ выраженной, или, за отсутствіемъ такой ясно выраженной воли, въ силу восполняющаго отсутствующую волю наслѣдодателя распоряженія закона. Оба эти основанія фигурируютъ и въ проектѣ гражданскаго уложенія, которое знаетъ только наслѣдованіе по закону и наслѣдованіе по завѣщанію. Сельскій уставъ о наслѣдованіи присоединяетъ къ этимъ двумъ основаніямъ еще третье—договоръ о наслѣдованіи (ст. 47 и 48): „наслѣдодатель, не имѣющій сыновей, ни нисходящихъ отъ нихъ, ни усыновленныхъ имъ лицъ, можетъ, съ согласія своей жены, заключить съ постороннимъ лицомъ, а также съ своимъ зятемъ, договоръ о наслѣдованіи. Договоръ о наслѣдованіи совершается письменно и получаетъ силу завѣщательнаго акта со дня смерти завѣщателя“. Значитъ, это своеобразный видъ завѣщательнаго распоряженія. Удивительной точностью отличается формулировка приведенной статьи, что касается круга лицъ, съ которыми можетъ быть заключенъ этотъ договоръ! Сначала перечисляются лица, при существованіи которыхъ въ семьѣ договоръ не можетъ быть заключенъ, слѣдовательно не можетъ быть заключенъ и съ этими лицами, а потомъ указывается, съ кѣмъ именно такой договоръ можетъ быть заключенъ. Проще было-бы сказать, что договоръ можетъ быть заключенъ домохозяиномъ съ каждымъ лицомъ, за исключеніемъ нисходящихъ и усыновленныхъ наслѣдодателя; редакторы-же говорятъ о постороннихъ лицахъ, а также о зятѣ. Но вѣдь зять есть тоже лицо постороннее, слѣдовательно о немъ и упоминать незачѣмъ, иначе вѣдь могутъ быть въ претензіи прочія постороннія лица, поименно не упомянутыя. Сущность договора наслѣдодателя съ постороннимъ лицомъ изображена въ уставѣ такъ: „договоръ о наслѣдованіи можетъ заключать обоюдныя обязательства, какъ-то принятіе на себя наслѣдующимъ попеченія о наслѣдодателѣ или предоставленіе ему какихъ-либо иныхъ выгодъ“. Судебная практика свидѣтель-

ствуетъ, что такого рода сдѣлки очень часто совершаются между крестьянами, и именно обязательствомъ со стороны будущаго наслѣдника въ пользу наслѣдодателя при жизни послѣдняго обусловливается установленіе наслѣдственнаго права для посторонняго лица. Свести подобное соглашеніе къ завѣщанію не представляется возможнымъ, потому что всякое завѣщаніе даже и по уставу (ст. 56) можетъ быть отмѣнено во всякое время. Нынѣ практика разсматриваетъ такія соглашенія, какъ способъ вступленія во дворъ домохозяина посторонняго члена, который самымъ фактомъ вступленія во дворъ пріобрѣтаетъ право на надѣлъ. При существующемъ ученіи Сената (рѣш. общ. собр. 1897 г. № 29) о томъ, что надѣльныя земли не подлежатъ завѣщательнымъ распоряженіямъ, такое толкованіе сдѣлки можетъ быть принято на тѣ случаи, когда имущество домохозяина не подверглось отчужденію. Но чѣмъ обезпеченъ будущій наслѣдникъ по договору въ томъ, что имущество наслѣдодателя и въ самомъ дѣлѣ не будетъ отчуждено? На этомъ вопросѣ не останавливается нынѣшняя практика, не обращаетъ на него вниманія и уставъ, для котораго подобный договоръ о наслѣдованіи интересенъ не въ моментъ заключенія, а въ моментъ реализаціи своей, какъ основаніе наслѣдованія. Констатируя, что бываютъ такіе договоры, редакторы устава обязаны были и разработать этотъ договоръ въ такомъ направленіи, чтобы онъ являлся дѣйствительнымъ съ самаго начала своего возникновенія. Сказать, что „неисполненіе наслѣдующимъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ можетъ служить основаніемъ къ расторженію договора“ (ст. 48), значитъ позаботиться объ интересахъ наслѣдодателя, но не наслѣдника, а между тѣмъ вопросъ, въ данномъ случаѣ возникающій предъ редакторами, касается вовсе не интересовъ наслѣдодателя. Договоръ о наслѣдованіи съ приведеннымъ выше содержаніемъ—плодъ обычнаго права, и если редакторы не имѣли возможности разработать этотъ договоръ въ уставѣ, то лучше было-бы вовсе и не касаться его, какъ вопроса, требующаго тонкой юридической конструкціи, а слѣдовало-бы предоставить его нормамъ обычая, разъ обычай имѣетъ господствующее значеніе.

Каково отношеніе между двумя главными основаніями призванія къ наслѣдованію въ уставѣ? Извѣстно, что по дѣйствующему закону и по проекту уложенія завѣщаніе не исключаетъ дѣйствія закона, какъ основанія призванія къ наслѣдованію, такъ что завѣщанныя имущества перейдутъ отъ наслѣдодателя по завѣщанію, а незавѣщанныя по закону. И

проектъ устава не создаетъ иного отношенія, потому что сила завѣщательнаго распоряженія по уставу находится въ зависимости отъ лица наслѣдующаго и отъ характера завѣщаемаго имущества (ст. 43). Слѣдовательно, принципіально между дѣйствующимъ закономъ, а также проектомъ уложенія и уставомъ по этому вопросу нѣтъ разногласія. Что касается каждаго основанія въ отдѣльности, то здѣсь редакторы устава отклоняются отъ положеній общаго гражданскаго закона. И дѣйствующій законъ, и проектъ уложенія знаютъ только одну форму завѣщательнаго распоряженія—письменную (ст. 1023 ч. 1 т. X, ст. 47 проекта улож. о наслѣд.); проектъ устава знаетъ двѣ формы—и письменную и устную! Почему потребовалось введеніе этой формы завѣщанія, отвергаемой 1 ч. X т. и отвергнутой проектомъ уложенія? Потому, отвѣчаютъ редакторы (т. IV, стр. 458—461), что въ крестьянскомъ быту словесныя завѣщанія существуютъ, и если о нихъ не упомянуть въ законѣ, то они все-же будутъ существовать. Вотъ такъ мотивъ! Что если бы на такую точку зрѣнія, отстаиваемую редакторами, сталъ законодатель, придающій своему законопроекту серьезное значеніе? Вѣдь съ этой точки зрѣнія созданіе законовъ вообще немыслимо, и законодатель, желая провести полезную, по его мнѣнію, мѣру противъ существующаго и въ глазахъ законодателя нежелательнаго явленія, долженъ махнуть рукой: потому что все равно, сколько ни писать законовъ, а запрещаемыя закономъ явленія будутъ повторяться,—такъ что лучше ужъ узаконить нежелательныя явленія, чѣмъ запрещать ихъ! Возражать противъ такихъ соображеній намъ кажется даже неудобнымъ; трудно думать, чтобы это серьезно говорилось серьезными людьми, призванными къ важному дѣлу законодательства. Впрочемъ, дѣлая уступку обычаю, редакторы допускаютъ устное завѣщаніе лишь при наличности строго опредѣленныхъ и довольно узкихъ условій: 1) „устное завѣщательное распоряженіе должно быть сдѣлано на смертномъ одрѣ: поэтому оно не можетъ считаться дѣйствительнымъ, если смерть наслѣдодателя не послѣдовала въ непродолжительномъ времени послѣ заявленія извѣстнаго распоряженія“; 2) „устное завѣщательное распоряженіе должно быть совершено открыто, по возможности при всѣхъ заинтересованныхъ лицахъ: поэтому необходимо, чтобы къ присутствованію при такомъ способѣ выраженія воли умирающаго завѣщателя были приглашаемы всѣ находящіеся на мѣстѣ члены его семьи“; 3) необходимо присутствіе свидѣтелей, и 4) „словесныя распоряженія могутъ касаться только распредѣленія иму-

щества завѣщателя между его женой и дѣтьми, безъ измѣненія, однако, размѣра доли, причитающейся каждому изъ нихъ по мѣстному обычаю, а при отсутствіи его по уставу о наслѣдованіи". Какое-же значеніе могутъ имѣть и эти условія, съ такою подробностью излагаемыя редакторами, предъ лицомъ мѣстнаго обычая, который гласитъ устами волостныхъ судей: въ данной мѣстности изустное завѣщаніе во всѣхъ отношеніяхъ имѣетъ равную силу съ письменнымъ завѣщаніемъ!

Письменное завѣщаніе по формѣ совершенія бываетъ либо домашнее, либо нотаріальное, совершаемое по правиламъ Положенія о нотаріальной части; къ нотаріальнымъ приравниваются по своей силѣ завѣщанія, внесенныя въ книгу сдѣлокъ и договоровъ при волостномъ правленіи (ст. 58). Такимъ образомъ, въ раздѣленіи завѣщаній со стороны формъ совершенія сохраняется то-же положеніе, какое существуетъ нынѣ и какое принимается проектомъ уложенія (ст. 47). Порядокъ совершенія домашняго завѣщанія по уставу представляется болѣе льготнымъ въ сравненіи съ порядкомъ составленія его по 1 ч. X т.; впрочемъ и проектъ уложенія устанавливаетъ, въ сравненіи съ дѣйствующимъ закономъ, также облегченныя условія, что касается числа свидѣтелей и соединенія въ одномъ лицѣ ролей рукоприкладчика, переписчика или свидѣтеля. Такимъ образомъ, со стороны формы совершенія домашняго завѣщанія уставъ ничего новаго и особеннаго не даетъ, а потому, насколько вопросъ касается внѣшней стороны завѣщанія, существуетъ полная возможность предоставить крестьянамъ руководствоваться общимъ гражданскимъ закономъ, тѣмъ болѣе, что субъективныя условія, касающіяся права совершать завѣщанія по дѣйствующему закону, по проекту уложенія и по проекту устава оказываются тождественными. Такъ какъ обычай, по уставу, обладаетъ всесокрушающею силой, то для его торжества совершенно безразлично, будетъ-ли онъ отмѣнять уставъ или общій гражданскій законъ; въ такомъ случаѣ получилась-бы по крайней мѣрѣ болѣе стройная система права завѣщательнаго: либо съ одной стороны строгія формы общаго гражданскаго закона, либо съ другой — полное отсутствіе какихъ-бы то ни было формъ. Создавать-же посредствующія формы, которыя такъ-же легко могутъ быть отмѣнены обычаемъ, какъ и формы общаго закона,—безцѣльная работа, какъ это, вѣроятно, сознаютъ и сами редакторы.

Внѣшняя форма завѣщанія, безъ сомнѣнія, можетъ быть единой для

всѣхъ сословій, хотя-бы и не всякія завѣщательныя распоряженія были доступны всѣмъ сословіямъ.

Не всякое имущество можетъ быть предметомъ завѣщательныхъ распоряженій. Такъ учитъ дѣйствующее нынѣ право, знающее цѣлую категорію имуществъ, завѣщанію не подлежащихъ—имущества родовыя. Проектъ гражданскаго уложенія держится иной точки зрѣнія, упраздняя категорію родовыхъ имуществъ и создавая, такимъ образомъ, свободу завѣщательныхъ распоряженій. Какую изъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія усвоилъ уставъ? Въ примѣненіи къ крестьянамъ рѣчь по данному вопросу можетъ идти только относительно завѣщаній, совершаемыхъ по уставу. Существеннымъ вопросомъ относительно крестьянскихъ завѣщаній является, разумѣется, вопросъ о томъ, подлежитъ-ли завѣщательнымъ распоряженіямъ надѣльная земля? Съ точки зрѣнія Общаго Положенія и Устава о пошлинахъ вопросъ не вызываетъ сомнѣнія; но съ точки зрѣнія сенатской практики, провозгласившей надѣльную землю объектомъ права не домохозяина, а цѣлаго двора, вопросъ этотъ вызывалъ недоумѣнія: какъ, въ самомъ дѣлѣ, предоставить домохозяину полную свободу посмертныхъ распоряженій, когда и при жизни своей онъ является ограниченнымъ въ правѣ опредѣлять судьбу своего надѣла? И Сенатъ въ 1897 г. пришелъ къ заключенію, что право потомственнаго посемейнаго пользованія по природѣ своей исключаетъ право домохозяина или члена двора дѣлать объ этомъ имуществѣ завѣщательныя распоряженія, и, такимъ образомъ, надѣльныя земли, а также движимое имущество, необходимое для веденія крестьянскаго хозяйства на надѣльныхъ земляхъ, объявлены не подлежащими завѣщательнымъ распоряженіямъ (рѣш. общ. собр. 1, 2 и Кассац. Деп. 1897 г. № 29). Нельзя отказать этому рѣшенію въ послѣдовательности, насколько оно вытекаетъ изъ сенатской практики по вопросу о правахъ на надѣльную землю. Но такъ какъ сенатская практика, несмотря на всю свою авторитетность, не создаетъ закона, а лишь толкуетъ законъ существующій, то въ правильности рѣшенія, въ смыслѣ соотвѣтствія его законамъ о надѣльной землѣ, могутъ возникать вполнѣ справедливыя сомнѣнія, тѣмъ болѣе, что заключеніе Сената выведено не изъ закона, а изъ собственной-же своей практики по крестьянскимъ дѣламъ. Тѣмъ не менѣе указанное рѣшеніе Сената явилось для судебныхъ мѣстъ непререкаемымъ положеніемъ, а неограниченная закономъ свобода завѣщательныхъ распоряженій о надѣлѣ оказалась упраздненною. Редакторы устава отнеслись къ

завѣщательнымъ распоряженіямъ о надѣлѣ снисходительнѣе: не устраняя возможности завѣщать надѣлъ, редакторы ограничили только это право домохозяина, поставивъ право домохозяина распорядиться своимъ имуществомъ въ зависимость отъ того, чьи наслѣдственныя права завѣщаніемъ домохозяина упраздняются. Такъ, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ понимать ст. 43 устава (о завѣщаніи) при сопоставленіи ея со ст. 7, перечисляющею наслѣдниковъ по закону. И въ самомъ дѣлѣ, завѣщать все свое имущество, по 3 п. ст. 43, дозволяется при отсутствіи жены, дѣтей и ихъ прямыхъ потомковъ и усыновленныхъ: значитъ, при наличности этихъ членовъ семьи домохозяинъ не можетъ распорядиться своимъ имуществомъ въ завѣщаніи; это не только наслѣдники необходимые, въ томъ смыслѣ, что ихъ обойти нельзя, это лица, исключающія для домохозяина возможность совершенія завѣщанія; въ то же время, однако, „наслѣдодатель въ правѣ письменнымъ духовнымъ завѣщаніемъ лишить своего потомка по прямой нисходящей линіи причитающейся ему наслѣдственной доли, если послѣдній оказалъ ему явное непочтеніе или самовольно ушелъ изъ состава двора наслѣдодателя, или не участвовалъ въ общемъ его хозяйствѣ“ (ст. 44). Между обоими приведенными статьями наблюдается несомнѣнное противорѣчіе, потому что, какъ же возможно лишать того, на что лишающій самъ права не имѣетъ?

Хотя текстъ проектируемаго закона сохраняетъ за домохозяиномъ нѣкоторую свободу завѣщательныхъ распоряженій, однако объяснительная записка къ тексту показываетъ, что въ текстѣ выражено не то, чего хотѣлось редакторамъ. „То надѣльное имущество, которое, согласно ст. 2 проекта, подлежитъ переходу въ порядкѣ наслѣдованія (по закону?), признано коммиссіей состоящимъ въ семейной собственности или потомственнаго (?) владѣнія (?) членовъ крестьянскаго двора: поэтому относительно такого имущества не можетъ быть завѣщанія, если, кромѣ домохозяина, имѣется въ наличности хотя-бы одинъ членъ двора. Независимо отъ сего завѣщательное распоряженіе означеннымъ имуществомъ не можетъ почитаться законнымъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда у домохозяина есть дѣти, вышедшія при его жизни изъ состава двора, а именно отдѣленные сыновья и замужнія дочери, или же нисходящіе отъ нихъ. Такимъ образомъ, свободное завѣщательное распоряженіе указаннаго рода надѣльнымъ имуществомъ допускается только отъ имени домохозяина-бобыля, не оставляющаго послѣ себя ни членовъ двора, ни отдѣленныхъ дѣтей, ни нисходя-

щаго отъ сихъ послѣднихъ потомства“ (т. IV, стр. 463). Эти соображенія редакторовъ производятъ страшную неразрѣшимую путаницу въ вопросѣ о правѣ на надѣльную землю. Слѣдовало-бы помнить, что, по ст. 155 проекта полож. о надѣльныхъ земляхъ, подворный участокъ признается собственностью всего крестьянскаго двора, во владѣніи коего онъ состоитъ; значитъ, бывшіе члены двора, въ силу того или иного основанія вышедшіе изъ состава двора, утратили право на надѣлъ, потому что они являются либо членами, либо домохозяевами въ другомъ дворѣ; но несмотря на это, уставъ о наслѣдованіи предоставляетъ имъ право на отцовскій надѣлъ. Слѣдовательно, уставъ признаетъ кровное родство за основу крестьянской семьи? Тогда къ чему-же говорить о собственности членовъ двора, а не о единоличномъ правѣ домохозяина? А если домохозяинъ не въ правѣ завѣщать надѣльную землю, въ огражденіе интересовъ членовъ двора, то, значитъ, члены кровной семьи, именно въ силу начала кровнаго родства, а не по иному основанію, будутъ призваны къ наслѣдованію въ надѣлѣ, который и долженъ быть сохраненъ для нихъ, несмотря на то, что они, быть можетъ, уже перестали принадлежать ко двору, какъ къ какому-то рабочему союзу. Если, напримѣръ, одинъ изъ сыновей перешелъ во дворъ своей жены, бывъ принятъ ея отцомъ, то, по нынѣ дѣйствующей практикѣ Сената и согласно проекту положенія о надѣльныхъ земляхъ, такой сынъ ничего не можетъ получить изъ надѣла своего отца; а по проекту устава о наслѣдованіи такой сынъ не только является наслѣдникомъ послѣ своего отца, но онъ имѣетъ даже преимущество предъ остальными законными наслѣдниками, поименованными въ пп. 2—9 ст. 7 устава. Очевидно, составители обоихъ проектовъ работали обособленно одни отъ другихъ, не сговорившись и не уяснивъ себѣ характера права на владѣніе надѣльной землею, чѣмъ и нужно объяснить указанное противорѣчіе между точками зрѣнія одного и другого проекта. Но, повторяемъ, объяснительная записка идетъ дальше текста ст. 43, потому что, по соображеніямъ редакторовъ, завѣщать свой надѣлъ можетъ только домохозяинъ-бобыль, „не оставляющій послѣ себя ни членовъ двора, ни неотдѣленныхъ дѣтей, ни нисходящаго отъ сихъ послѣднихъ потомства“—между тѣмъ какъ по 3 п. ст. 43 возможность завѣщать открывается только при отсутствіи жены, нисходящихъ и усыновленныхъ,—а этими лицами вѣдь не исчерпывается кругъ „членовъ двора“. Положимъ, во дворѣ проживаютъ братья и сестры домо-

хозяина, не оставившаго ни жены, ни нисходящихъ, ни усыновленныхъ: спрашивается, можетъ-ли такой домохозяинъ завѣщать свой надѣлъ? По ст. 43—можетъ, а по статьѣ 7—не можетъ. Это однако не единственное противорѣчіе между статьями устава по вопросу о свободѣ завѣщаній. Если надѣлъ не принадлежитъ домохозяину по единоличному его праву, то какимъ-же образомъ онъ можетъ завѣщать надѣлъ въ пожизненное владѣніе своей вдовѣ,—между тѣмъ какъ въ ряду призываемыхъ по закону наслѣдниковъ вдова занимаетъ равное со своими дѣтьми положеніе (ст. 21)? Этимъ распоряженіемъ въ пользу одного изъ членовъ двора создается положеніе, болѣе привилегированное, чѣмъ то, какое занималъ самъ завѣщатель-домохозяинъ. Вѣдь вдова домохозяина является по уставу сама домохозяйкой: значитъ у нея будутъ права домохозяина плюсъ право пожизненнаго владѣнія; что-же остается на долю прочихъ членовъ двора?

Примѣры эти показываютъ, что вопросъ о свободѣ завѣщательныхъ относительно надѣла распоряженій остался для редакторовъ невыясненнымъ; между тѣмъ вопросъ этотъ въ крестьянскомъ землевладѣніи является вопросомъ первостепенной важности, и отъ его категорическаго разрѣшенія въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ зависитъ опредѣленіе характера права крестьянъ на надѣлы. Нынѣшняя практика Сената въ этомъ отношеніи отличается гораздо большею точностью: разъ надѣлъ не подлежитъ завѣщательнымъ распоряженіямъ, то въ чью-бы пользу ни было составлено завѣщаніе, оно не подлежитъ утвержденію и, слѣдовательно, не будетъ имѣть никакихъ юридическихъ послѣдствій. Такой взглядъ, какъ уже сказано выше, представляетъ собою выводъ изъ того положенія, что надѣлъ является объектомъ коллективнаго, а не индивидуальнаго права. Редакторы же находятся въ непрестанномъ колебаніи: съ одной стороны, надѣлъ принадлежитъ двору на правѣ собственности, значитъ никому изъ членовъ двора въ отдѣльности онъ не принадлежитъ; съ другой—распорядиться имъ на случай смерти можетъ домохозяинъ, значитъ, какъ будто-бы надѣлъ принадлежитъ ему лично. Или, можетъ быть, домохозяину принадлежитъ одинаковое съ прочими членами прижизненное право плюсъ право распорядиться на случай смерти? Но распорядиться въ завѣщаніи можно только своимъ имуществомъ (ст. 1010 ч. 1 т. X). Объяснительная записка предполагаетъ (текстъ статей проекта этого не говоритъ), что завѣщаніе можетъ быть совершено только домо-

зяиномъ. Какъ же примирить съ этимъ положеніемъ права прочихъ членовъ двора на надѣлъ? Почему каждый изъ членовъ двора не въ правѣ распорядиться тою (идеальной) частью надѣла, какая принадлежитъ ему? Могутъ отвѣтить на это: потому что налицо имѣется кто-либо изъ наслѣдниковъ, перечисленныхъ въ ст. 7 устава. Но въ ст. 7 ничего не говорится, напримѣръ, объ усыновленныхъ, а наличность усыновленныхъ, по ст. 43 п. 3, исключаетъ для домохозяина возможность завѣщать: если, значитъ, у кого либо изъ членовъ двора имѣются усыновленные, то ихъ наличность не должна-бы препятствовать прочимъ членамъ двора дѣлать завѣщательныя распоряженія о своихъ частяхъ надѣла. Мы никогда не выйдемъ изъ этихъ недоумѣній и колебаній, если не рѣшимъ принципіальнаго вопроса: или полная свобода завѣщательныхъ распоряженій, или безусловное запрещеніе завѣщать надѣлъ. Всякое иное рѣшеніе будетъ страдать, такъ сказать, половинчатостью, неопредѣленностью, которой не устранитъ даже и всесильный обычай.

И такъ, надѣлъ какъ будто-бы и не подлежитъ завѣщательнымъ распоряженіямъ, но въ то же время, опираясь на статьи проекта, можно утверждать и противное. Есть однако еще одинъ родъ имущества, которое не можетъ быть завѣщано: „приданое не подлежитъ завѣщанію при наличности у наслѣдодательницы дѣтей, отца, матери, братьевъ и сестеръ родныхъ и единоутробныхъ и ихъ потомства“ (ст. 46). Что-же такое приданое? Дѣйствующій законъ (ст. 1001 ч. 1 т. X) опредѣляетъ приданое, какъ „выдѣлъ дочерей и родственницъ по случаю замужества“. Такое приблизительно опредѣленіе приданаго содержится и въ ст. 124 проекта уложенія. Значитъ, приданое можетъ состоять какъ изъ движимаго, такъ и изъ недвижимаго имущества. Принимая далѣе во вниманіе, что нормы права семейнаго являются общими какъ для не крестьянъ, такъ и для крестьянъ, нужно будетъ признать, что опредѣленіе общаго гражданскаго закона по вопросу о приданомъ распространяется и на крестьянъ, и что, слѣдовательно, приданое можетъ заключаться какъ въ движимомъ имуществѣ, такъ и въ недвижимомъ, въ томъ числѣ и въ надѣлѣ. Что такъ смотрятъ и редакторы, это видно изъ сопоставленія ст. 46 со ст. 18 устава о наслѣдованіи, гдѣ говорится о „движимомъ и недвижимомъ имуществѣ, составляющемъ приданое“. Если приданымъ можетъ быть и надѣлъ, то каковы же будутъ права жены на это имущество? Жена, очевидно, является домохозяйкой, если возникаетъ вопросъ о правѣ ея завѣщанія.

Значитъ, приданый надѣлъ жены и надѣлъ мужа существуютъ независимо одинъ отъ другого, и жена, будучи членомъ семьи своего мужа, въ то-же время оказывается и домохозяйкой, т. е. лицо независимое является подчиненнымъ власти другого лица. Приданое не подлежитъ завѣщанію при наличности дѣтей, отца, матери, братьевъ и сестеръ и ихъ потомства. Возьмемъ только первый случай,—наличность дѣтей. Каковы будутъ ихъ права на надѣлы, оставшіеся послѣ родителей? Какъ члены двора отца, дѣти имѣютъ право на его надѣлъ; какъ члены двора матери, дѣти имѣютъ право на материнскій надѣлъ. Но вѣдь, принадлежа къ составу одного рабочаго союза, нельзя въ то же время принадлежать и къ другому двору? А выходитъ по проекту, что можно, потому что не подлежащій завѣщанію надѣлъ переходитъ къ наслѣдникамъ по началамъ кровнаго родства, и редакторы въ объясненіи къ 46 ст. заявляютъ, что приданое отличается *родовымъ характеромъ* (т. IV, стр. 468). Здѣсь, очевидно, мы попадаемъ въ безвыходный лабиринтъ понятій. На вопросѣ о свободѣ завѣщательныхъ распоряженій терпитъ полное крушеніе конструкція коллективной собственности двора.

Въ вопросѣ о первомъ основаніи наслѣдованія—о завѣщаніи сказывается вся непослѣдовательность проводимой редакторами нынѣшней сенатской теоріи о правахъ на надѣлъ; правила о завѣщаніяхъ съ внѣшней стороны не даютъ ничего новаго въ сравненіи съ дѣйствующимъ закономъ; правила о содержаніи завѣщаній отличаются непродуманностью, вызывающей массу внутреннихъ противорѣчій. Вопросъ о завѣщательныхъ распоряженіяхъ находится въ тѣснѣйшей связи съ вопросомъ о наслѣдованіи по закону. Что новаго, въ сравненіи съ общимъ закономъ, даетъ по вопросу о законномъ наслѣдованіи уставъ? Для сравненія нужно привлечь не только 1 ч. X т., но и проектъ уложенія, потому что въ будущемъ нашемъ гражданскомъ законѣ устанавливается совсѣмъ не тотъ порядокъ наслѣдованія, какой существуетъ въ Сводѣ.

„Къ наслѣдованію по закону призываются *родственники* наслѣдодателя по слѣдующимъ разрядамъ: 1) сыновья, 2) незамужнія дочери, 3) замужнія дочери, 4) отецъ, 5) братья, 6) мать, 7) сестры, 8) боковые родственники, происходящіе отъ дѣдовъ и бабокъ наслѣдодателя, и 9) боковые родственники, происходящіе отъ прадѣдовъ и прабабокъ наслѣдодателя“. Такъ говоритъ ст. 7 устава, упоминая тутъ-же о наслѣдованіи супруговъ. Слѣдуетъ прибавить, что во всѣхъ перечисляемыхъ разрядахъ, за исключеніемъ, ра-

зумѣется, 4 (отецъ) и 6 (мать), по ст. 10 устава, имѣетъ мѣсто право представленія. Дѣйствующій законъ знаетъ собственно два разряда наслѣдниковъ— нисходящихъ и боковыхъ, прочіе упоминаемые въ законѣ наслѣдники призываются совмѣстно съ обоими названными разрядами. Проектъ уложенія устанавливаетъ шесть классовъ наслѣдниковъ: 1) нисходящіе, 2) родители съ ихъ нисходящими, 3) дѣды и бабки съ ихъ нисходящими, 4) прадѣды и прабабки съ ихъ нисходящими, 5) прапрадѣды и прапрабабки съ ихъ нисходящими и 6) восходящіе пятой степени съ ихъ нисходящими (ст. 16). Проектъ уложенія приводитъ, собственно говоря, въ стройную систему то, что существуетъ и нынѣ. Призваніе къ наслѣдованію по дѣйствующему закону основано на началѣ кровнаго родства; но отъ этого начала сдѣланы и отступленія - при наслѣдованіи единоутробныхъ, единокровныхъ, супруговъ и усыновленныхъ. Редакторы устава опредѣляютъ положенное въ основаніе проекта начало такъ: „настоящій проектъ, въ соотвѣтствіе обычному праву, на которомъ въ семъ отношеніи отразилось вліяніе трудового начала на строй крестьянской семьи, признаетъ кровное родство лишь главнымъ основаніемъ такого наслѣдованія, допуская наслѣдованіе неродственниковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ“ (т. IV, стр. 384). Хотя здѣсь и выдвигается пресловутое трудовое начало, но текстъ ст. 7 устава показываетъ, что не на трудовомъ началѣ, а на кровномъ родствѣ основано наслѣдованіе крестьянъ. Положеніе это ясно и для редакторовъ: для подтвержденія этого положенія нѣтъ надобности обращаться къ даннымъ произведеннаго въ 70-хъ годахъ обслѣдованія коммиссіи сенатора Любощинскаго, къ выводамъ г. Пахмана, констатирующаго то, что дали наблюденія коммиссіи, къ записямъ гг. Мухина, Ефименко и др. Лучше всего обратиться къ подлинному производству судебныхъ дѣлъ, не всегда непремѣнно доходящихъ до Правительствующаго Сената, а изъ этихъ дѣлъ можно усмотрѣть, что лишь въ самое послѣднее время крестьяне въ нужныхъ случаяхъ ссылаются на теорію Сената о трудовомъ началѣ и рабочемъ союзѣ, а обыкновенно основываютъ свои притязанія на надѣльную землю на своемъ кровномъ родствѣ съ наслѣдодателемъ, несмотря на то, что „общій порядокъ наслѣдованія не примѣняется къ наслѣдованію сельскихъ обывателей“: слишкомъ сильно сознаніе кровной связи, чтобы отказаться отъ него въ угоду теоріи; да къ тому-же „трудовая теорія“ Сената не исключаетъ начала кровнаго родства, такъ какъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ „трудовой союзъ“ составляютъ именно лица, связанныя кровнымъ родствомъ. Началомъ тру-

довымъ опредѣляется по уставу не самый фактъ призванія, а порядокъ призванія различныхъ родственныхъ лицъ къ наслѣдованію. Однако, призваніе всѣхъ „позаконныхъ“ (sic) наслѣдниковъ вызываетъ цѣлый рядъ недоразумѣній, въ виду коллизіи правъ этихъ лицъ, какъ членовъ двора, съ ихъ правами, какъ наслѣдниковъ. Мы уже видѣли, что надѣлъ принадлежитъ двору, т. е. совокупности его членовъ. Что-же происходитъ, если умираетъ домохозяинъ? Тогда, очевидно, принадлежавшая ему идеальная доля въ подворномъ участкѣ должна распредѣлиться между прочими членами семьи. Это-ли хотятъ сказать редакторы текстомъ ст. 7-й устава? Нѣтъ, очевидно, не это. Редакторы оперируютъ съ общимъ понятіемъ наслѣдованія, какъ преемства въ индивидуально принадлежащемъ домохозяину имуществѣ, и, такимъ образомъ, впадаютъ въ явное противорѣчіе съ высказанными ранѣе положеніями о характерѣ права на владѣніе надѣломъ. Это противорѣчіе обнаруживается уже въ первомъ разрядѣ, гдѣ призываются сыновья. Уставъ не говоритъ, чтобы призывались только тѣ сыновья, которые проживали въ одномъ дворѣ съ наслѣдодателемъ; значитъ и сыновья, перешедшіе во дворы своихъ женъ, также призываются къ наслѣдованію? но вѣдь они—перестали быть членами родительскаго двора, ибо являются членами, а можетъ быть, и домохозяевами во дворахъ своихъ женъ. При наслѣдованіи замужнихъ дочерей (разрядъ 3-й) это противорѣчіе обнаруживается съ такою-же рѣзкостью: замужнія дочери нормально, если мужья ихъ не приняты во дворъ ихъ отца,—не члены отцовскаго двора; почему-же онѣ призываются, предпочтительно предъ братьями и сестрами домохозяина, которые могутъ быть и членами двора? Отецъ и мать, дяди и тетки наслѣдодателя обыкновенно не члены двора наслѣдодателя, потому что, если-бы они были членами его двора, то они были-бы домохозяевами: почему-же они призываются къ наслѣдованію? вѣдь и относительно ихъ придется повторить, что ихъ призваніе къ наслѣдованію нарушитъ представленіе о дворѣ, какъ о коллективномъ субъектѣ, владѣющемъ надѣломъ. Редакторы, установивъ девять разрядовъ законныхъ наслѣдниковъ, объясняютъ (т. IV, стр. 386), что „представлялось-бы наиболѣе правильнымъ и, съ точки зрѣнія огражденія правъ отдаленныхъ родственниковъ на наслѣдованіе по закону, въ достаточной мѣрѣ осторожнымъ—послѣднимъ разрядомъ призываемыхъ къ такому наслѣдованію лицъ признать боковыхъ родственниковъ, происходящихъ отъ прадѣдовъ и прабабокъ, т. е. троюродныхъ его родственниковъ“. О томъ, что представля-

лось-бы болѣе правильнымъ, осторожнымъ и цѣлесообразнымъ въ этомъ вопросѣ, умѣстно было-бы говорить въ томъ случаѣ, если-бы рѣчь шла о наслѣдованіи въ такомъ имуществѣ, юридическая судьба котораго не предопредѣлена закономъ; но надѣлъ, какъ уже не разъ сказано, занимаетъ особое положеніе среди переходящихъ по наслѣдству имуществъ, и къ наслѣдованію въ надѣлѣ не должны-бы быть, съ точки зрѣнія устава, призываемы тѣ лица, которыя входятъ въ составъ членовъ другихъ дворовъ. Вполнѣ послѣдовательнымъ выводомъ изъ этого положенія о надѣлѣ было-бы объявить надѣлъ имуществомъ вовсе не наслѣдуемымъ, ни по закону, ни по завѣщанію: несмотря ни на какія перемѣны въ составѣ членовъ двора, надѣлъ остается достояніемъ двора, и кто ко двору принадлежитъ, тотъ и имѣетъ право на владѣніе надѣльною землей; если-бы домохозяинъ умеръ, не оставивъ послѣ себя лицъ, принадлежавшихъ къ составу членовъ его двора, между тѣмъ какъ всѣ кровные его родственники имѣютъ свои дворы;— тогда умѣстно было-бы примѣненіе ст. 73 устава: „выморочнымъ почитается наслѣдство лица, послѣ коего не осталось ни наслѣдниковъ, ни завѣщанія". Такая конструкція была-бы, по крайней мѣрѣ, послѣдовательнымъ выводомъ изъ взгляда на надѣлъ, какъ на достояніе двора, а не какъ на объектъ права домохозяина. Конструкція эта оправдывала бы право вдовы на надѣлъ умершаго ея мужа, и объясняла-бы то положеніе, которое ей отводится уставомъ: съ одной стороны „вдова наслѣдодателя, если она имѣла отъ него дѣтей, хотя-бы они умерли до открытія наслѣдства, наслѣдуетъ послѣ мужа наравнѣ съ его сыновьями, а при отсутствіи таковыхъ—наравнѣ съ дочерьми; вдова безпотомнаго наслѣдодателя признается его единственной наслѣдницей" (ст. 21); съ другой—„вдова, не имѣющая средствъ къ пропитанію и не получившая наслѣдственной доли послѣ умершаго ея сына или дочери, имѣетъ право требовать отъ ихъ наслѣдниковъ необходимое пропитаніе и содержаніе до своей смерти" (ст. 34). При теперешнейже конструкціи устава совершенно не ясно, почему жена, къ кровнымъ родственникамъ наслѣдодателя не принадлежащая, тѣмъ не менѣе получаетъ право на наслѣдованіе въ его надѣлѣ. Редакторы совсѣмъ запутались въ выясненіи природы права на надѣльную землю, то признавая, то отвергая начало кровнаго родства въ крестьянскомъ наслѣдованіи.

При опредѣленіи правъ наслѣдованія по закону важное юридическое значеніе имѣетъ вопросъ о размѣрѣ наслѣдственныхъ долей. На этотъ вопросъ ст. 9 устава даетъ такой отвѣтъ: „при наличности въ одномъ изъ

разрядовъ, указанныхъ въ п.п. 1—3, 5 и 7 ст. 7, нѣсколькихъ наслѣдниковъ, наслѣдство дѣлится между ними поровну (поголовно)"; но по ст. 11 допускается и поколѣнный раздѣлъ между нѣсколькими равно близкими боковыми линіями, съ устраненіемъ женскихъ линій. Но возможенъ-ли здѣсь реальный раздѣлъ наслѣдственнаго имущества? Повидимому уставъ рѣшаетъ этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ: „раздѣлъ наслѣдства совершается по взаимному согласію наслѣдниковъ; при этомъ имъ предоставляется право заключить о томъ письменное условіе съ засвидѣтельствованіемъ его въ волостномъ правленіи и со внесеніемъ въ книгу сдѣлокъ и договоровъ; раздѣлъ недвижимаго имущества во всякомъ случаѣ требуетъ для своей дѣйствительности письменнаго условія" (ст. 31) Но раздѣлъ семейнаго участка предполагаетъ соблюденіе правилъ о семейныхъ раздѣлахъ (ст. 95—114 пол о над. з.). Если фактическій раздѣлъ окажется недопустимымъ, то сонаслѣдники будутъ поставлены въ необходимость оставаться въ общемъ владѣніи, т. е. будутъ членами безхозяйнаго двора. Приведенныя правила устава показываютъ, что теоретическая разработка вопросовъ о наслѣдованіи въ крестьянскомъ быту, при сохраненіи своеобразной конструкціи права на надѣлъ, встрѣчается на практикѣ съ цѣлымъ рядомъ неразрѣшимыхъ вопросовъ. Происходитъ это отъ того, что понятіе наслѣдованія можетъ быть примѣнимо къ имуществу свободному, между тѣмъ какъ уставъ пытается приспособить правила о наслѣдованіи въ свободномъ имуществѣ къ надѣлу, имуществу несвободному. Вносимыя редакторами поправки въ проектъ уложенія, если бы онѣ и были удачны, имѣютъ въ виду имущества, не ограниченныя въ своей оборотоспособности, между тѣмъ какъ рѣчь идетъ о надѣлѣ. Остается выборъ между двумя положеніями: либо подчинить надѣлъ общему гражданскому закону о наслѣдованіи, либо объявить надѣлъ за такое имущество, которое вообще наслѣдованію не подлежитъ. Ничего посредствующаго здѣсь не придумать, какъ это и доказываетъ уставъ.

Нужно полагать, что въ вопросѣ о призваніи къ наслѣдованію по закону обычай долженъ найти широкое примѣненіе, потому что полагаться на такой законъ, какой проектируютъ редакторы, все равно нельзя: это не законъ, а рядъ запутанныхъ положеній, разобраться въ которыхъ не подъ силу не то что волостному суду, но и опытному юристу. Правила устава о наслѣдованіи по закону имѣютъ въ виду не одинъ лишь надѣлъ, но и такія крестьянскія имущества, которыя подлежатъ завѣщательнымъ распоряженіямъ. Вотъ относительно этихъ имуществъ возникаетъ вопросъ,

чѣмъ положеніе устава лучше положенія проекта уложенія? По проекту уложенія порядокъ призванія законныхъ наслѣдниковъ отличается стройностью: сначала призываются родные, потомъ двоюродные, троюродные и т. д. до восходящихъ пятой степени и ихъ нисходящими. Редакторамъ устава не нравится призваніе четвертой степени, и они ограничиваютъ призваніе родственниками, происходящими отъ третьей степени восходящихъ. Пусть такъ; но на чемъ основанъ тотъ порядокъ, котораго держатся редакторы въ первыхъ семи разрядахъ? Почему послѣ дочерей призывается отецъ, затѣмъ братья, послѣ нихъ мать, а за нею сестры? Вѣдь рѣчь идетъ о наслѣдованіи восходящихъ и ихъ потомства, поэтому удобнѣе было-бы принять формулу уложенія: 1) нисходящіе, 2) восходящіе первой степени съ ихъ потомствомъ, 3) восходящіе второй степени съ ихъ потомствомъ и 4) восходящіе третьей степени съ ихъ потомствомъ. Система была-бы упрощена, и было-бы совершенно ясно, что проектируемый редакторами порядокъ, основываясь яко-бы на обычаѣ, совпадаетъ съ тѣмъ порядкомъ, какой устанавливается проектомъ уложенія; а отсюда слѣдовало-бы, что для наслѣдованія крестьянъ по закону въ ненадѣльномъ имуществѣ нѣтъ надобности въ особомъ законѣ, такъ какъ вопросъ разрѣшается формулами общаго гражданскаго кодекса.

Ни завѣщаніе, ни законъ, какъ основанія призванія къ наслѣдованію, не отличаются по проекту устава своеобразными чертами; оба основанія скопированы съ дѣйствующаго и будущаго гражданскаго закона, при чемъ проектъ устава хочетъ занять среднее мѣсто между 1 ч. X т. св. з. и будущимъ уложеніемъ: проектъ уложенія, какъ извѣстно, упразднивъ категорію родовыхъ имуществъ, вводитъ понятіе обязательной доли, какъ той части наслѣдственнаго имущества, право на которую признается за ближайшими наслѣдниками; а редакторы устава оперируютъ съ понятіемъ родового имущества въ примѣненіи къ надѣлу, т. е. хотятъ ввести отвергнутое уложеніемъ начало Для спасенія надѣла нѣтъ надобности сообщать ему родовой характеръ; обязательная доля проекта уложенія вмѣстѣ съ правилами о порядкѣ наслѣдованія въ заповѣдныхъ имѣніяхъ спасли-бы надѣлъ отъ превращенія его въ объектъ свободнаго оборота, чего такъ боятся редакторы устава.

Съ переходомъ имущества къ наслѣднику связано и преемство наслѣдника въ обязательствахъ наслѣдодателя. Это—основное правило всякаго законодательства по вопросу о наслѣдованіи; разница между законодатель-

ствами наблюдается только въ опредѣленіи степени отвѣтственности наслѣдника за наслѣдодателя.

Разъ съ усвоеніемъ наслѣдства связаны для наслѣдниковъ такія серьезныя послѣдствія, то необходимо точно опредѣлить, когда-же наслѣдство почитается усвоеннымъ со стороны наслѣдника. Этотъ моментъ называется принятіемъ наслѣдства, и о немъ ст. 1261 ч. 1 т. X говоритъ: „принятіемъ наслѣдства почитается, когда наслѣдники ни отзыва о неплатежѣ долговъ не учинили, ни доходовъ съ имѣнія умершаго не сохранили, а владѣли и пользовались имуществомъ въ личную себѣ прибыль". То-же самое говоритъ и ст. 175 проекта уложенія. Въ проектѣ-же устава о наслѣдованіи такая характеристика принятія наслѣдства примѣнена только къ пережившему супругу и прямымъ потомкамъ: „оставшійся въ живыхъ супругъ и прямые потомки наслѣдодателя пріобрѣтаютъ его наслѣдство безъ всякаго съ ихъ стороны заявленія о намѣреніи принять наслѣдство" (ст. 66); „всѣ прочіе наслѣдники пріобрѣтаютъ наслѣдство не иначе, какъ черезъ его принятіе; принятіемъ наслѣдства считается соотвѣтственное заявленіе, поданное въ судъ, или вступленіе, на правахъ хозяина, въ пользованіе наслѣдственнымъ имуществомъ" (ст. 67). Хотя редакторы въ объясненіяхъ къ приведеннымъ статьямъ (т IV, стр. 492) и полагаютъ, что „въ настоящемъ вопросѣ надлежитъ различать ближайшихъ наслѣдниковъ—жену, дѣтей и другихъ прямыхъ нисходящихъ наслѣдодателя—отъ болѣе отдаленныхъ его родственниковъ", однако, въ сущности никакого различія редакторы здѣсь не дѣлаютъ, разъ фактическое вступленіе въ обладаніе наслѣдствомъ признается за его принятіе: фактически вступить въ обладаніе наслѣдствомъ можетъ тотъ, кто, имѣя основаніе почитать себя наслѣдникомъ, поставленъ въ возможность проявить надъ наслѣдствомъ свое господство; а въ крестьянскомъ дворѣ въ такомъ положеніи окажутся не только жена наслѣдодателя и его дѣти, но всѣ вообще члены двора. Поэтому для принятія наслѣдства не будетъ никакой разницы, въ смыслѣ способа пріобрѣтенія наслѣдства, являются-ли наслѣдниками жена и дѣти, или другіе члены двора, - а потому, что сказано въ дѣйствующемъ законѣ и въ проектѣ уложенія по вопросу о принятіи наслѣдства вполнѣ примѣнимо и къ крестьянамъ, безразлично при томъ, состоитъ-ли наслѣдственное имущество изъ надѣла или изъ чего либо иного.

Не создаетъ уставъ новаго положенія и по вопросу объ отреченіи отъ наслѣдства, постановляя, что „принятіе наслѣдства и отреченіе отъ него

не могутъ подлежать измѣненію; однако, наслѣдникъ въ правѣ отказаться отъ наслѣдства и по принятіи его, если таковое послѣдовало вслѣдствіе незнанія о существованіи завѣщанія“ (ст. 68); положеніе это прямо переписано изъ проекта уложенія (ст. 174).

Послѣ безповоротнаго, по существу своему, акта принятія наслѣдства возникаетъ отвѣтственность наслѣдника предъ кредиторами наслѣдодателя. Такъ говоритъ каждый гражданскій кодексъ (1 ч. X т. ст. 1259, пр. улож. ст. 183); такъ гласитъ и ст. 69 устава: „къ наслѣдникамъ, съ пріобрѣтеніемъ наслѣдства, поступаетъ все имущество наслѣдодателя какъ наличное, такъ и находящееся въ долгахъ. Одновременно на наслѣдниковъ переходятъ всѣ не прекратившіяся съ его смертью обязательства наслѣдодателя“. Новаго въ этомъ, значитъ, ничего нѣтъ; а то, что могло-бы быть здѣсь новаго, редакторами оставлено безъ вниманія. Редакторы, къ сожалѣнію, постоянно упускаютъ изъ вида, о какомъ имуществѣ имъ слѣдуетъ главнымъ образомъ вести рѣчь. Внѣнадѣльное имущество у крестьянъ представляется сравнительно рѣдкимъ явленіемъ; да если стать на очевидно симпатичную редакторамъ точку зрѣнія, то всякая недвижимость должна-бы пріобрѣсть характеръ надѣльнаго имущества. Между тѣмъ надѣльное имущество во всѣхъ своихъ составныхъ частяхъ подчинено по уставу и по дѣйствующимъ узаконеніямъ особымъ правиламъ,—а именно, по ст. 14 Полож. о над. з., „надѣльныя земли не могутъ быть обращаемы въ публичную продажу ни по какимъ взысканіямъ“. Какимъ-же образомъ примирить съ этимъ положеніемъ провозглашаемую редакторами отвѣтственность наслѣдниковъ по долгамъ наслѣдодателя? Вѣдь, если у наслѣдниковъ кромѣ надѣла ничего нѣтъ, то и взыскать съ нихъ ничего нельзя. Значитъ, заимствованное изъ общаго гражданскаго закона положеніе останется только слабымъ теоретическимъ утѣшеніемъ для кредиторовъ наслѣдодателя, на случай что, быть можетъ, у наслѣдниковъ появится такое имущество, на которое по закону возможно будетъ обратить взысканіе. Очевидно такимъ образомъ, оба положенія непримиримы, и нужно однимъ изъ нихъ пожертвовать: если отказаться отъ правила о необращеніи взысканія на надѣлъ, то отпадаетъ одно изъ главныхъ основаній, провозглашенныхъ редакторами за основныя начала Положеній 19 февраля 1861 г. (хотя, какъ извѣстно, неотчуждаемость надѣла создана только закономъ 14 декабря 1893 г.); если отказаться отъ правила объ отвѣтственности наслѣдниковъ—уничтожается въ крестьянскомъ кодексѣ главный смыслъ наслѣд-

ственнаго права, и крестьянскій кодексъ не будетъ похожъ на всякій иной кодексъ. Конечно, редакторамъ слѣдовало бы избрать второе рѣшеніе тѣмъ болѣе, что они-же настаиваютъ на необходимости для крестьянъ особаго кодекса частнаго права: безотвѣтственность крестьянъ за долги ихъ наслѣдодателя могла-бы быть принята за доказательство того, что крестьянскій бытъ своеобразенъ, а потому-де и нужно составить для нихъ особый кодексъ. Но бѣда въ томъ, что отвѣтственность наслѣдника за долги наслѣдодателя, не есть нѣчто навязываемое закономъ, но представленіе объ обязательности отвѣчать за долги наслѣдодателя живетъ въ сознаніи народа и, какъ заявляютъ редакторы, признается и обычнымъ правомъ. Значитъ, жертвовать этимъ принципомъ нельзя,—а остается отказаться отъ принципа свободы надѣла отъ обращенія на него взысканій, т. е. отъ одного изъ коренныхъ началъ всего теоретически возведеннаго редакторами зданія.

Но если редакторы не отказываются отъ начала отвѣтственности наслѣдниковъ, подкрѣпляя это положеніе ссылками на дѣйствующій гражданскій законъ и на будущее уложеніе, то это служитъ лишнимъ доказательствомъ того положенія, насколько отдѣльный для крестьянъ кодексъ представляется ненужнымъ.

Правда, есть въ разрѣшеніи вопроса объ отвѣтственности наслѣдниковъ за долги наслѣдодателя въ уставѣ и нѣчто новое, а именно: „наслѣдники до раздѣла полученнаго ими наслѣдства отвѣчаютъ за долги наслѣдодателя круговою другъ за друга отвѣтственностью“ (ст. 70). Редакторы считаютъ нецѣлесообразнымъ принять долевую отвѣтственность наслѣдниковъ, какъ это опредѣляется дѣйствующимъ закономъ и будущимъ уложеніемъ, и вотъ почему: „едва-ли примѣненіе начала исключительно долевой отвѣтственности во всѣхъ случаяхъ наслѣдованія нѣсколькихъ лицъ въ крестьянскомъ имуществѣ представлялось-бы правильнымъ, такъ какъ опытъ свидѣтельствуетъ, что сохраненіе наслѣдственнаго имущества, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени послѣ открытія наслѣдства, въ общемъ владѣніи наслѣдниковъ встрѣчается въ крестьянскомъ быту несравненно чаще, чѣмъ въ средѣ лицъ иныхъ сословій, у коихъ раздѣлъ наслѣдственнаго имущества почти всегда слѣдуетъ немедленно за вступленіемъ наслѣдниковъ во владѣніе имъ; допущеніе-же одной лишь долевой отвѣтственности и въ продолженіе общаго пользованія наслѣдственнымъ имуществомъ уменьшило-бы обезпеченность взысканій по обязатель-

ствамъ умершаго наслѣдодателя и могло бы отразиться неблагопріятно на мелкомъ кредитѣ въ сельскихъ мѣстностяхъ“ (т. IV, стр. 497). Редакторы противопоставляютъ долевую отвѣтственность наслѣдниковъ—отвѣтственности совокупной, отклоняясь въ этомъ случаѣ отъ того значенія, какое усвоивается этому термину въ проектѣ уложенія (тамъ, ст. 166, совокупнымъ называется обязательство, исполненіе котораго можетъ быть требуемо *нераздѣльно* отъ каждаго изъ содолжниковъ); редакторы имѣютъ въ виду не совокупную въ смыслѣ солидарности отвѣтственность сонаслѣдниковъ, а лишь круговую поруку, что и обнаруживается изъ второй половины ст. 70: „кредиторы наслѣдодателя обязаны обращать свои требованія по *частямъ* къ каждому изъ наслѣдниковъ до раздѣла; если одинъ изъ сонаслѣдниковъ окажется несостоятельнымъ, то причитающаяся съ него часть долга распредѣляется между остальными, сообразно наслѣдственной долѣ каждаго изъ нихъ“. Цѣль обезпеченія кредита была бы достигнута не такимъ способомъ распредѣленія отвѣтственности, а установленіемъ отвѣтственности солидарной и признаніемъ надѣла за имущество, на которое можетъ быть обращено взысканіе кредиторовъ.

И такъ, разсмотрѣвъ основанія призванія къ наслѣдованію и послѣдствія принятія наслѣдства, спросимъ еще разъ, что новаго, что особеннаго даютъ редакторы въ уставѣ о наслѣдованіи? есть-ли въ этомъ отдѣлѣ проектируемаго крестьянскаго кодекса что-либо такое, что не разрѣшалось-бы общимъ гражданскимъ закономъ, что требовало-бы созданія спеціальныхъ нормъ для крестьянъ? Мы видѣли, что ничего такого нѣтъ.

Изъ дѣйствующаго закона и изъ проекта уложенія сдѣланы заимствованія, пріуроченныя къ крестьянскому быту, и сдѣланы такъ неудачно, что особенности крестьянскаго быта, что касается своеобразнаго положенія надѣла, упущены изъ вниманія; въ то же время въ уставъ внесены такія положенія, которыя въ подлежащихъ частяхъ устава не находятъ себѣ ближайшаго объясненія, и для истолкованія которыхъ придется обращаться къ общему гражданскому закону. Такъ, напримѣръ, уставъ говоритъ о пожизненномъ владѣніи, которое по завѣщанію домохозяина можетъ быть предоставлено женѣ. Что разумѣть подъ пожизненнымъ владѣніемъ? каково пространство правъ, предоставляемыхъ пожизненной владѣлицѣ? каковы въ этомъ случаѣ права прочихъ сонаслѣдниковъ? На эти и подобные вопросы не найти отвѣта въ уставѣ,—а между тѣмъ это вопросы не празднаго любопытства, не утонченныхъ юридическихъ построеній, а вопросы

существенной практической важности, и имѣть разрѣшеніе этихъ вопросовъ въ уставѣ совершенно необходимо для тѣхъ судей, которые призваны будутъ къ разрѣшенію крестьянскихъ споровъ о наслѣдованіи. Для этихъ судей необходимо имѣть въ законѣ совершенно точныя и ясныя указанія о порядкѣ наслѣдованія, о существѣ того права, которое признается за крестьянами въ особенности на надѣльныя земли. Мы видѣли, что въ этомъ отношеніи уставъ оставляетъ желать многаго. Редакторы не рѣшились объявить надѣлъ за имущество, наслѣдованію вовсе не подлежащее; напротивъ, имущество это подлежитъ наслѣдованію въ кругу лицъ, которыхъ редакторы называютъ наслѣдниками необходимыми, а за отсутствіемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ необходимыхъ наслѣдниковъ, надѣлъ можетъ быть даже завѣщаемъ. Распоряженіемъ послѣдней воли можетъ быть опредѣлена судьба того имущества, которое при жизни завѣщателя ему не принадлежало, такъ какъ принадлежало всей совокупности членовъ двора. Понятіе собственности индивидуальной и коллективной постоянно сталкиваются. Уставъ о наслѣдованіи не согласованъ съ положеніемъ о надѣльныхъ земляхъ, благодаря чему уставъ оказывается работою непродуманною, не вышедшей изъ состоянія предварительнаго чернового наброска. Самыя объясненія къ тексту статей имѣютъ своей цѣлью связать проектъ съ общимъ закономъ о наслѣдованіи, чего ужъ, конечно, не слѣдовало дѣлать, разъ за крестьянскимъ наслѣдованіемъ признаются самобытныя черты.

Если первая часть сельскаго устава о договорахъ—оказывается работой безплодной и неудачной, то еще въ большей степени такимъ характеромъ отличается вторая часть устава—о наслѣдованіи: это не только безплодная и ненужная, но и вредная работа по той массѣ внутреннихъ противорѣчій, какія встрѣчаются въ ней на каждомъ шагу тамъ, гдѣ редакторы хотѣли быть яко-бы самобытными и не дѣлали заимствованій изъ готовыхъ источниковъ. Притомъ-же признаваемая редакторами сила обычая въ наслѣдственномъ правѣ заранѣе упраздняетъ возможность разсчитывать, что самыя хитроумныя положенія устава могутъ найти себѣ примѣненіе въ крестьянскомъ быту.

А развѣ при такомъ положеніи дѣла возможно разсчитывать на прочные результаты работы? Къ чему сочинять какіе-бы то ни было законы, если знать впередъ, что законы эти примѣняться не будутъ, такъ какъ обычай сокрушитъ эти законы?

Вѣроятно, эти соображенія были не чужды редакторамъ. Этимъ только

и можно объяснить неудачную кодификацію тѣхъ „магистральныхъ линій“ наслѣдственнаго права, какую мы имѣемъ въ выработанномъ редакторами уставѣ о наслѣдованіи. Конечно, нельзя обнять необъятное; законъ всего предусмотрѣть не можетъ. Но примѣняется законъ не по буквѣ, а по своему содержанію, которое, сообразно конкретнымъ условіямъ дѣла (казуса), проводится въ жизнь судомъ, призваннымъ къ истолкованію закона. Чѣмъ опытнѣе судьи, чѣмъ тоньше ихъ юридическій анализъ, тѣмъ больше гарантій правильнаго примѣненія закона въ жизни. Можно-ли ожидать, что проектируемое редакторами судоустройство обезпечитъ выработаннымъ нынѣ сельскимъ уставамъ правильное примѣненіе?»...

„Вѣстникъ Европы“ (январь 1905 г., внутр. обозрѣніе):

«Разсматривая одинъ за другимъ, въ длинномъ рядѣ обозрѣній *), законопроекты, составленные редакціонною коммиссіею, мы старались показать, что несостоятельность началъ, изъ которыхъ они исходятъ, привела—и не могла не привести—къ крайне неудовлетворительнымъ результатамъ. Вполнѣ примѣнимъ этотъ выводъ и къ сельскому уставу о наслѣдованіи, представляющему собою, вмѣстѣ съ сельскимъ уставомъ о договорахъ, тотъ спеціально-крестьянскій гражданскій кодексъ, который коммиссія задумала поставить рядомъ съ общегражданскимъ законодательствомъ. Коммиссія находитъ, что въ такой двойственности „нѣтъ ничего неблагопріятнаго, ни даже ненормальнаго“: законы гражданскіе „должны быть сообразованы съ потребностями, *въ данное время*, *той среды*, для коей они издаются, и съ господствующими въ ней *въ это время* правовыми воззрѣніями, насколько послѣднія не противорѣчатъ основнымъ задачамъ государства... Различные, по существу, взгляды *отдѣльныхъ классовъ населенія* имперіи на наслѣдованіе должны отражаться на существѣ установляемыхъ для нихъ законодательныхъ правилъ по сему предмету“. Изъ этихъ соображеній, если бы они были основательны, вытекала бы, съ одной стороны, необходимость особыхъ гражданскихъ законовъ для *каждаго* класса населенія, съ другой—крайняя неустойчивость гражданскаго законодательства, какъ подлежащаго приспособленію къ потребностямъ и взглядамъ *даннаго времени*. Издать столько кодексовъ, сколько сословій или соціальныхъ классовъ, редакціонная коммиссія, однако, не предлагаетъ: установивъ общее начало, она примѣняетъ его только къ крестьянству, какъ

*) Въ №№ 2, 7, 10, 11 и 12 „Вѣстника Европы“ за 1904 г. (Сылка „Вѣстн. Евр“.).

къ наиболѣе удобному объекту для законодательныхъ экспериментовъ. Не замѣчаетъ она, повидимому, и того, что именно гражданскіе законы всего медленнѣе, всего труднѣе поддаются измѣненію. Составители ихъ должны имѣть въ виду не только настоящее, но и будущее, должны считаться съ потребностями и взглядами не только укоренившимися, но и нарождающимися, пролагающими себѣ дорогу. Гражданское законодательство представляетъ собою не только результатъ, но и источникъ вліяній; оно не только отражаетъ въ себѣ существующее—оно является однимъ изъ двигателей жизни, однимъ изъ носителей новизны, измѣняющей ея складъ и ея теченіе. Элементовъ разъединяющихъ и задерживающихъ и безъ того много: ихъ число не должно быть искусственно увеличиваемо. Между тѣмъ, именно къ такому увеличенію ведетъ закрѣпленіе, спеціальнымъ закономъ, сословныхъ, мѣстныхъ обычаевъ—закрѣпленіе, въ основаніи котораго лежитъ, притомъ, не столько доказанное, сколько предполагаемое ихъ существованіе. Русское обычное право слишкомъ мало извѣстно, слишкомъ мало и слишкомъ рѣдко служило предметомъ научнаго изслѣдованія; достовѣрнаго матеріала редакціонная коммиссія для своего кодекса въ немъ найти не могла. Отсюда внутреннее противорѣчіе: рядомъ съ уставомъ, построеннымъ, будто бы, на дѣйствующихъ обычаяхъ, редакціонная коммиссія оставляетъ, какъ *главный источникъ* судебныхъ рѣшеній, другіе, можетъ быть противоположные, обычаи, если существованіе ихъ въ данной мѣстности будетъ установлено (весьма шаткими, мало надежными способами) мѣстнымъ волостнымъ судомъ. Гораздо послѣдовательнѣе поступили составители проекта гражданскаго уложенія, прямо признавъ мѣстный обычай единственнымъ основаніемъ для опредѣленія порядка наслѣдованія послѣ крестьянъ (за исключеніемъ городскихъ недвижимостей, а также имуществъ болѣе цѣнныхъ).

Посмотримъ теперь, къ чему привело бы одновременное дѣйствіе новаго гражданскаго уложенія и сельскаго устава о наслѣдованіи. Уложеніе предоставляетъ женщинамъ, какъ въ линіяхъ нисходящей и восходящей, такъ и въ боковыхъ, право наслѣдованія равное съ мужчинами; уставъ устраняетъ отъ наслѣдства дочерей—при сыновьяхъ *), мать—при отцѣ, сестеръ—при братьяхъ. Громадный шагъ впередъ, намѣченный уложеніемъ, не коснулся бы, такимъ образомъ, большинства кресть-

*) „Объ исключеніи изъ этого правила будетъ упомянуто ниже". (Прим. „Вѣстн. Евр".).

янъ,—а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ обычай уравниваетъ женщинъ съ мужчинами, совершился бы даже шагъ назадъ, такъ какъ опредѣленный, ясный уставъ въ большей части случаевъ взялъ бы верхъ надъ колеблющимся, нелегко поддающимся опредѣленію обычаемъ. Уложеніе не дѣлаетъ различія между наслѣдованіемъ послѣ отца и наслѣдованіемъ послѣ матери; уставъ, вовсе устраняя дочерей отъ наслѣдованія послѣ отца, допускаетъ ихъ, наравнѣ съ сыновьями, къ наслѣдованію послѣ матери, а такъ называемое платное ея приданое (наряды, платья, бѣлье, холсты, утварь) предоставляетъ даже однѣмъ дочерямъ. Мотивируется такой порядокъ исключительно ссылкою на существующіе обычаи, хотя они и оказываются весьма разнообразными; коммиссія старалась найти средину между крайностями, взаимно исключающими одна другую. Уложеніе не различаетъ дочерей замужнихъ отъ незамужнихъ; уставъ допускаетъ первыхъ къ наслѣдованію лишь при отсутствіи послѣднихъ, хотя бы выходъ замужъ и не сопровождался выдѣломъ части отцовскаго имущества. Въ другихъ случаяхъ уставъ придаетъ большое значеніе факту выдѣла, между тѣмъ какъ уложеніе вовсе не знаетъ различія между дѣтьми отдѣленными и неотдѣленными. Уложеніе ставитъ родителей, какъ наслѣдниковъ, выше братьевъ и сестеръ наслѣдодателя; уставъ даетъ братьямъ предпочтеніе передъ матерью. Право наслѣдованія супруговъ, по уложенію зависящее единственно отъ наличности другихъ наслѣдниковъ (того или иного разряда), въ проектѣ коммиссіи обставлено разнообразными условіями, открывающими широкій просторъ усмотрѣнію суда. Мало похожи на законъ правила въ родѣ слѣдующихъ: „волостному суду предоставляется право опредѣлить долю мужа въ зависимости отъ большей или меньшей продолжительности брачнаго сожитія... Въ случаѣ непродолжительнаго брачнаго сожитія съ наслѣдодателемъ вдова (бездѣтная) получаетъ только нѣкоторые предметы въ память о мужѣ, какъ-то: образъ, обручальное кольцо, постель *и т. п.*“ Этой послѣдней прибавкой характеризуются какъ нельзя ярче кодификаціонные пріемы коммиссіи: ей, очевидно, не подъ силу законодательная работа, требующая прежде всего опредѣленности и точности выраженій. Столь же мало соотвѣтствуютъ этому требованію и многія другія постановленія проекта. Такъ, напримѣръ, по ст. 36-й „вдова имѣетъ право требовать отъ свекра, *если жизнь въ его семьѣ для нея невыносима*, выдачи достаточнаго для пропитанія содержанія“; по ст. 37-й „братья обязаны *имѣть попеченіе* о своихъ сестрахъ и

выдавать ихъ замужъ, прилично, по ихъ состоянію". Желательно было бы знать, возможно ли, по мнѣнію коммиссіи, предъявленіе иска, основаннаго на нарушеніи братомъ *обязанности* выдать замужъ свою сестру, и если возможно, то съ какого момента возникаетъ право на искъ? Другими словами, съ какого момента крестьянская дѣвушка можетъ считаться утратившею надежду на замужество? При какихъ условіяхъ замужество можетъ считаться *приличнымъ*? При какихъ условіяхъ дальнѣйшее пребываніе вдовы въ семьѣ свекра можетъ считаться *невыносимымъ*?.. Такіе вопросы проектъ возбуждаетъ на каждомъ шагу,—а разрѣшеніе ихъ ввѣряется волостному суду, не представляющему ни одной серьезной гарантіи правосудія.

Не выдерживаетъ критики и большая часть постановленій о духовныхъ завѣщаніяхъ, насколько они отступаютъ отъ общихъ правилъ по этому предмету Допуская устное объявленіе послѣдней воли, если *вскорѣ* (опять полнѣйшая неопредѣленность) послѣдовала смерть завѣщателя, проектъ лишаетъ это правило всякаго значенія, потому что ограничиваетъ силу устнаго завѣщанія *распредѣленіемъ* наслѣдственнаго имущества, безъ измѣненія доли, причитающейся каждому изъ наслѣдниковъ на основаніи устава. На завѣщателя, близкаго къ смерти, возлагается, такимъ образомъ, едва ли осуществимая для него обязанность сообразить, соотвѣтствуетъ ли цѣнность имущества, назначаемаго имъ тому или другому изъ наслѣдниковъ, цѣнности той наслѣдственной доли, на которую этотъ наслѣдникъ имѣетъ законное право. Немного нашлось бы устныхъ завѣщательныхъ распоряженій, которыя, съ этой точки зрѣнія, не подавали бы поводъ къ основательному спору. *Такому* разрѣшенію словеснаго завѣщанія слѣдуетъ предпочесть безусловное его запрещеніе, устанавливаемое дѣйствующимъ закономъ и повторяемое проектомъ гражданскаго уложенія.. Завѣщаніемъ, облеченнымъ въ письменную форму, можно, по сельскому уставу, совершенно устранить любого изъ родныхъ дѣтей отъ наслѣдованія въ движимомъ имуществѣ (если оно не входитъ въ составъ принадлежностей недвижимости или хозяйства); между тѣмъ, гражданское уложеніе обезпечиваетъ за каждымъ нисходящимъ обязательную долю во всемъ отцовскомъ или материнскомъ наслѣдствѣ, допуская исключеніе изъ этого правила только въ особыхъ, точно указанныхъ случаяхъ. За силою устава, письменное завѣщаніе во всякомъ случаѣ должно быть удостовѣрено двумя свидѣтелями (непремѣнно грамотными); уложеніе не требуетъ такого удо-

стовѣренія, если завѣщаніе все собственноручно написано и подписано самимъ завѣщателемъ. Казалось бы, что особенно необходима такая льгота именно для сельскихъ мѣстностей, гдѣ сравнительно мало грамотныхъ людей. Безъ надобности строгій въ данномъ случаѣ, уставъ является чрезмѣрно снисходительнымъ въ другомъ: онъ приравниваетъ завѣщанія, внесенныя въ книгу сдѣлокъ и договоровъ при волостномъ правленіи, къ завѣщаніямъ, совершеннымъ въ нотаріальномъ порядкѣ. Такова ли репутація волостныхъ правленій, чтобы можно было облекать ихъ столь высокою степенью довѣрія?... Замѣтимъ, въ заключеніе, что въ уставъ не включены гуманныя постановленія уложенія о внѣбрачныхъ дѣтяхъ, хотя именно въ крестьянскомъ быту меньше распространены взгляды, неблагопріятные для незаконнорожденныхъ».

Къ проекту положенія о надѣльныхъ земляхъ.

„Народное хозяйство“ (кн. 5, 1904 г.), ст. г. Л. Ходскаго „Надѣльное землевладѣніе и крестьянскій дворъ“.

«Въ совокупности выработанныхъ „редакціонной коммиссіей“ при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ законопроектовъ о крестьянахъ, положеніе о надѣльныхъ земляхъ по своему значенію несомнѣнно занимаетъ центральное мѣсто. Устройство крестьянскаго общественнаго управленія, волостного суда, уставъ о наказаніяхъ—все это, какъ ни важно, имѣетъ временной, скоропроходящій характеръ. Не только частичное измѣненіе въ функціяхъ тѣхъ или другихъ учрежденій и ихъ законнаго состава, но и положенныя въ основу ихъ руководящія начала можно видоизмѣнить безъ чувствительной для населенія ломки и не затрогивая его непосредственныхъ матеріальныхъ интересовъ, если окажется, что реформа не соотвѣтствуетъ жизни и интересамъ населенія. Но перемѣны въ аграрномъ строѣ по существу разсчитаны на неопредѣленный срокъ и порождаютъ цѣлый рядъ долговременныхъ частныхъ отношеній. Если, напримѣръ, сегодня, вслѣдствіе примѣненія новаго закона, общинное владѣніе превратилось въ подворное, то черезъ нѣсколько лѣтъ невозможно вернуть все къ старому или подвергнуть какой либо новой ломкѣ. Тотъ или другой порядокъ административнаго управленія иногда даже прямо вводится въ видѣ опыта на нѣсколько лѣтъ, но какой либо новый порядокъ собственности немыслимо ввести въ видѣ опыта на нѣсколько лѣтъ, такъ какъ здѣсь, кромѣ правительства, неизбѣжно окажется заинтересовано множество отдѣльныхъ лицъ, которыя успѣютъ пріобрѣсти совокупность ненарушимыхъ частныхъ правъ, вытекавшихъ изъ дѣйствія законовъ.

Положеніе о надѣльныхъ земляхъ именно и представляетъ проектъ глубоко проникающаго органическаго закона, а потому оно должно быть подвергнуто особенно тщательному обсужденію какъ въ губернскихъ со-

вѣщаніяхъ, такъ и въ тѣхъ высшихъ правительственныхъ установленіяхъ, которымъ придется сказать по этому поводу послѣднее слово. Въ этомъ положеніи огромное значеніе могутъ имѣть не только основныя начала, изъ которыхъ оно исходитъ, но и различныя частности и детали.

Замѣтимъ, что и самое объединеніе различныхъ крестьянскихъ положеній въ одно стройное цѣлое, въ сущности отнюдь не можетъ разсматриваться въ данномъ случаѣ только какъ формальная, редакціонная работа. Въ рамки означеннаго законодательнаго объединенія входитъ также „устраненіе несогласованности отдѣльныхъ постановленій, относящихся къ различнымъ разрядамъ крестьянъ, напр., неодинаковый у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ съ одной стороны и у государственныхъ—съ другой, порядокъ выдѣла и досрочнаго выкупа надѣловъ, отчужденія подворныхъ участковъ, отвода земли причтамъ, употребленія суммъ, вырученныхъ отъ принудительнаго отчужденія надѣловъ и т. п. Между тѣмъ подведеніе подъ одно подобныхъ различій затрогиваетъ уже не только формальную процессуальную сторону дѣла, но и матеріальные интересы той или иной группы крестьянъ. Такимъ образомъ, въ обѣихъ частяхъ своей работы редакціонная коммиссія во многомъ и существенномъ проектируетъ нѣчто совершенно новое. . . . . .

. . . . . Въ обширныхъ объясненіяхъ къ своему проекту положенія о надѣльныхъ земляхъ „редакціонная коммиссія“ указываетъ прежде всего на двоякую задачу, какъ она себѣ ее ставила при своей работѣ—съ одной стороны, объединить разрозненныя узаконенія по данному предмету, а съ другой—создать нѣкоторый новый порядокъ: „установить *способствующія развитію личной предпріимчивости* въ средѣ крестьянскаго населенія и побуждающія крестьянъ къ примѣненію улучшенныхъ сельскохозяйственныхъ пріемовъ, равно какъ и къ переходу къ болѣе совершеннымъ пріемамъ землепользованія“. Такимъ образомъ задача новаго положенія не ограничивается устраненіемъ лишь различныхъ недостатковъ существующихъ законовъ, которые могутъ мѣшать развитію личности и сельскохозяйственному прогрессу. Желаніе побуждать, опекать чувствуется съ первыхъ же строкъ при изложеніи мотивовъ закона.

Предлагая улучшенный порядокъ пользованія и распоряженія надѣльными землями, проектъ прежде всего стремится создать новое условное понятіе надѣльныхъ земель. До сихъ поръ въ законѣ и обыденной рѣчи подъ надѣльными землями разумѣлись и разумѣются земли, получен-

ныя крестьянами на основаніи законовъ объ обязательномъ надѣленіи землею по крестьянскимъ положеніямъ, а равно и земли такъ или иначе предоставляемыя крестьянамъ отъ казны въ постоянное пользованіе, какъ напр., переселенцамъ. Проектъ однако въ своемъ опредѣленіи (ст. 1), съ одной стороны, суживаетъ это понятіе, включая въ рубрику „надѣльныхъ земель" лишь предоставленные надѣлы въ собственность крестьянъ для обезпеченія ихъ быта, а съ другой—расширяетъ его, пріобщая къ составу надѣльныхъ земель въ видѣ общаго правила всѣ тѣ земли, которыя пріобрѣтены крестьянскими обществами: 1) на суммы, вырученныя отъ добровольнаго или принудительнаго для государственной или общественной надобности отчужденія всего или части ихъ надѣла, и 2) на капиталы, образовавшіеся изъ наемной платы при отдачѣ обществами надѣльной земли подъ разработку нѣдръ (ст. 2). Кромѣ того, проектъ предусматриваетъ и допускаетъ, по ходатайству собственниковъ, распространеніе правилъ о надѣльныхъ земляхъ на другія земли, принадлежащія какъ отдѣльнымъ крестьянскимъ обществамъ, такъ и товариществамъ крестьянъ и отдѣльнымъ крестьянскимъ семействамъ (ст. 3). Подведеніе подъ правила о „надѣльныхъ земляхъ" и такихъ земель, которыя пріобрѣтены крестьянами на общихъ гражданскихъ условіяхъ, можетъ имѣть мѣсто лишь по ходатайству собственниковъ, слѣдовательно, предполагаетъ установленіе какихъ либо важныхъ льготъ и преимуществъ для надѣльныхъ земель. Но изъ содержанія проекта, вопреки мнѣнію авторовъ его, мы никакихъ такихъ льготъ не усматриваемъ, а потому думаемъ, что проектируемая статья съ осуществленіемъ проекта осталась бы мертвой буквой. Составители его вѣрно отмѣчаютъ тотъ нерѣдкій фактъ, что при покупкѣ крестьянами земель у ихъ бывшихъ помѣщиковъ изъ состава оставшейся за помѣщикомъ послѣ надѣленія крестьянъ части имѣнія пользуются имъ на одинаковыхъ основаніяхъ съ надѣльными (мы бы прибавили—одинаково въ сельскохозяйственномъ отношеніи). Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы „для крестьянъ представилось выгоднымъ юридическое уравненіе этихъ земель, такъ какъ оно устраняетъ возможную иначе запутанность и неопредѣленность поземельныхъ отношеній". Такое предположеніе является, на нашъ взглядъ, результатомъ чисто кабинетныхъ размышленій. Въ практическомъ крестьянскомъ мозгу разница между землею надѣльною и землею пріобрѣтенною на „вѣчность" врѣзалась слишкомъ глубоко, чтобы ее могла вытравить перспектива устраненія запутанности поземель-

ныхъ отношеній. Если предоставить крестьянамъ на выборъ, превратить купленныя на вѣчность земли въ надѣльныя или обратно, то большинство крестьянъ навѣрное предпочли бы приравнять надѣльныя земли къ купленнымъ, а не обратно.

Составители проекта видятъ существенныя льготы въ изъятіи надѣльныхъ земель отъ обращенія на нихъ взысканій. „О важности этой льготы, читаемъ мы въ объясненіяхъ, свидѣтельствуетъ хотя бы то обстоятельство, что, напр., въ Сѣверной Америкѣ, широкое распространеніе такъ называемыхъ homesteads или *заповѣдныхъ усадьбъ* объясняется именно стремленіемъ владѣльцевъ оградить участокъ земли, обращаемый имъ въ заповѣдный, отъ возможности принудительной продажи его за долги съ публичнаго торга". Но, во первыхъ, надѣльныя земли по проекту изъемлются отъ обращенія на нихъ только частныхъ взысканій, а отъ казенныхъ и приравниваемыхъ къ нимъ взысканій онѣ не освобождаются; во вторыхъ, насколько намъ извѣстно, распространенность гомстетныхъ земельныхъ владѣній въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ объясняется не столько стремленіемъ къ этому самихъ собственниковъ, сколько распродажей государственныхъ земель въ формѣ обязательныхъ гомстетныхъ участковъ опредѣленныхъ размѣровъ. Къ этому надо добавить, что гомстетныя владѣнія въ Сѣверной Америкѣ вовсе не изъяты отъ всѣхъ частныхъ взысканій. По ипотечнымъ долгамъ, сдѣланнымъ на хозяйственныя затраты по данному участку, владѣлецъ отвѣчаетъ этимъ участкомъ. Суть гомстетнаго владѣнія, насколько мы о немъ имѣемъ представленіе, сводится къ ограниченію займовъ, какіе могутъ быть обезпечиваемы гомстетомъ, и къ ограниченію самостоятельности владѣльца гомстета при дѣланіи этихъ долговъ въ интересахъ семьи, собственностью которой считается гомстетъ. Затѣмъ составители проекта упускаютъ изъ виду, что въ настоящее время едва ли можно найти крестьянскія общества, товарищества крестьянъ (да немного и отдѣльныхъ крестьянскихъ семействъ), которыя имѣютъ купчую землю безъ ипотечнаго долга. Интересно, какимъ образомъ можно было бы превратить такія земли, по ходатайству собственниковъ, „въ надѣльные" безъ права обращенія на нихъ частныхъ взысканій? Вѣдь ни одинъ изъ кредиторовъ на это не согласится, а потому и губернскому присутствію, которое по проекту будетъ охранять интересы третьихъ лицъ, ничего не придется разрѣшать, другими словами, статья 3-я въ концѣ концовъ окажется мертвою буквою.

Уяснивъ себѣ, какія земли предполагается проектомъ подчинить правиламъ о надѣльныхъ земляхъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію самихъ условій владѣнія этими землями. Здѣсь коммиссіи неизбѣжно пришлось столкнуться съ самою спорною проблемою нашего земельнаго строя и такъ или иначе рѣшать вопросы объ общинномъ и подворномъ землевладѣніи. Несмотря на свои очевидныя симпатіи къ подворной собственности, коммиссія осталась на почвѣ дѣйствующаго законодательства, признавъ правомѣрность обѣихъ формъ. Это однако не помѣшало внести въ проектъ немало существенныхъ рѣшеній по разнымъ спорнымъ пунктамъ въ этой области.

Вообще къ заслугѣ коммиссіи надо отнести, что она не старалась обходить такіе пункты, и вездѣ ставила точки на і, стараясь ясно отвѣтить на спорные вопросы. Такимъ образомъ, исходя изъ факта существованія у крестьянъ двоякаго владѣнія землей на общинномъ и подворномъ правѣ, проектъ въ ст. 5-й точно формулируетъ, кому именно принадлежитъ право собственности на надѣлъ при общинномъ и при подворномъ порядкѣ владѣнія: обществу или отдѣльнымъ дворамъ. При общинномъ порядкѣ владѣнія, собственникомъ всей надѣльной земли признается имъ *земельное общество*, въ качествѣ юридическаго лица; отдѣльные же дворы, входящіе въ составъ общества, имѣютъ лишь право владѣнія и пользованія предоставленными имъ участками усадебной и полевой земли. Наоборотъ, при подворномъ владѣніи, земельному обществу принадлежатъ только общественныя земли, усадебныя же и полевыя земли, находящіяся въ отдѣльномъ владѣніи крестьянскихъ дворовъ, или подворные участки, составляютъ собственность этихъ дворовъ. Кромѣ желанія съ большей опредѣленностью, чѣмъ это замѣчается въ дѣйствующихъ положеніяхъ, установить права общества не только на полевыя земли, но и на *усадебныя*, въ данномъ случаѣ нужно отмѣтить несомнѣнную новизну въ подчеркиваніи *права* владѣнія, а при подворномъ порядкѣ—права собственности *двора*, а не домохозяина. Вмѣстѣ съ тѣмъ проектируемое положеніе вводитъ новое понятіе или, вѣрнѣе сказать, желаетъ крестьянскіе земельные порядки обосновать на новомъ юридическомъ лицѣ—*крестьянскомъ дворѣ*, въ качествѣ семейно-хозяйственной единицы. Въ интересахъ этой единицы въ положеніе вносятся нѣкоторыя ограниченія земельнаго общества въ правѣ распоряжаться усадебной землей, а при подворномъ — суживаются права домохозяина правами другихъ членовъ двора.

Слово дворъ въ дѣйствующихъ законоположеніяхъ употребляется весьма часто, но безъ точныхъ указаній его юридическаго состава. Естественно поэтому, что въ спорныхъ дѣлахъ сенату постоянно приходится входить въ разсужденіе по существу понятія двора, и сенатъ толкуетъ его какъ синонимъ семейства, связаннаго съ даннымъ домохозяиномъ. Составители разсматриваемаго проекта, опираясь на такое толкованіе сената и присоединяясь къ нему, вмѣстѣ съ тѣмъ дополняютъ его и отчасти ограничиваютъ еще трудовымъ элементомъ, *трудовымъ началомъ*, составляющимъ какъ бы хозяйственный цементъ крестьянской семьи. „Крестьянскій дворъ (домохозяйство) состоитъ изъ всѣхъ совмѣстно проживающихъ или участвующихъ въ общемъ хозяйствѣ двора членовъ крестьянской семьи, не отдѣлившихся отъ нея путемъ семейнаго раздѣла, выхода изъ состава двора или поступленія въ другой дворъ“ (ст. 20). „Членами двора считаются не только лица, связанныя узами родства, но также постороннія лица (усыновленные, пріемыши), принятыя домохозяиномъ въ составъ двора“ (ст. 20). „Внѣбрачныя дѣти входятъ въ составъ того двора, къ которому принадлежала ихъ мать во время ихъ рожденія“ (ст. 21). Такая опредѣленная оговорка правъ внѣбрачныхъ дѣтей является желательнымъ пополненіемъ дѣйствующихъ положеній, въ виду большого разнообразія въ отношеніи крестьянскихъ обществъ къ правамъ внѣбрачныхъ дѣтей, варьирующаго отъ полнаго равноправія до совершеннаго отказа имъ въ правахъ на надѣльную землю, какъ это наблюдается въ Екатеринославской, Рязанской и Херсонской губерніяхъ.

За опредѣленіемъ лицъ, входящихъ въ составъ крестьянскаго двора, идетъ изложеніе обязанностей и правъ отдѣльныхъ членовъ двора, именно обязанностей и правъ, а не обратно. Господствующая до сихъ поръ въ крестьянскихъ положеніяхъ податная точка зрѣнія, по которой крестьянинъ прежде всего является не довлеющею себѣ личностью, а повинностною единицею, особенно непріятно дѣйствуетъ въ разсматриваемомъ проектѣ. „Члены крестьянскаго двора несутъ общую отвѣтственность по исправному выполненію всѣхъ причитающихся съ двора податей и повинностей, а равно казенныхъ взысканій“, такъ гласитъ одна изъ новыхъ (ст. 22) статей „положенія“. Такимъ образомъ, подати и повинности съ фискально-полицейской круговой порукой во всей своей неприглядной наготѣ выдвигаются на первый планъ, какъ только проектъ приступаетъ къ выясненію различныхъ прерогативъ членовъ вновь создаваемаго имъ двора;

не забывается и испытанное средство для закабаленія личности—паспортъ: „Члены крестьянскаго двора могутъ получать виды на жительство лишь съ согласія на то домохозяина“.

Объ условіяхъ полученія паспортовъ проектъ нашелъ нужнымъ говорить спеціально, хотя, какъ сами же составители справедливо указываютъ, подобнымъ статьямъ мѣсто не здѣсь, а въ „Положеніи о видахъ на жительство“. Интересно, что въ данномъ случаѣ проектъ устраняетъ даже нынѣшнюю возможность, для неотдѣленныхъ членовъ крестьянскихъ семействъ, согласно ст. 19 положенія 3 іюня 1894 года о видахъ на жительство, въ случаѣ отказа домохозяина, получить видъ на жительство по распоряженію земскаго начальника. По проекту, разъ крестьянинъ состоитъ членомъ двора, то допущеніе отлучекъ изъ мѣста жительства предоставляется полному усмотрѣнію домохозяина. Правда, съ перваго взгляда можетъ показаться, что составители положенія, ограждая сильную власть домохозяина въ отношеніи всѣхъ членовъ двора, вмѣстѣ съ тѣмъ гарантируетъ и ихъ свободу тѣмъ, что устанавливаютъ для отдѣльныхъ членовъ, не желающихъ подчиняться волѣ домохозяина, право выйти изъ состава двора по достиженіи ими 25-лѣтняго возраста, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ по достиженіи 21 года или по вступленіи въ бракъ (ст. 24). Въ случаяхъ расточительности, безнравственнаго поведенія или жестокаго обращенія съ членами двора ихъ родителя или иного, заступающаго его мѣсто родственника, выходъ изъ состава двора, по соотвѣтствующему о томъ ходатайству, можетъ быть разрѣшенъ земскимъ начальникомъ. Такимъ образомъ проектъ открываетъ, повидимому, довольно широкій просторъ для всякаго члена двора освободиться отъ деспотическаго гнета домохозяина—но этотъ просторъ только кажущійся, такъ какъ связанъ съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы выходящій изъ состава двора крестьянинъ навсегда отказался отъ правъ на состоящіе во владѣніи двора усадебный участокъ и полевой надѣлъ (ст. 26), т. е. ему приходится тогда пойти на условія гораздо болѣе тяжелыя, чѣмъ это иногда бываетъ въ нашемъ быту при ссорѣ съ родителями, которая вызываетъ только рискъ быть лишеннымъ наслѣдства. Здѣсь же дѣло идетъ уже не объ одномъ рискѣ, но и о неизбѣжной матеріальной потерѣ. И это еще можно было бы понять, если бы выходящее лицо желало попытать счастія обезпечить себя внѣ земледѣльческаго промысла, но послѣдствія одинаковы даже въ томъ случаѣ, когда выходъ обусловливается напримѣръ, расточительностью, безнравственностью или жестокостью домо-

хозяина. Кто поручится, что при такомъ порядкѣ и взаимныхъ юридическихъ и экономическихъ отношеніяхъ, многіе домохозяева не станутъ нарочно притѣснять и дѣлать невыносимою жизнь тому или другому члену двора, въ особенности не связанному съ нимъ кровными узами, чтобы выжить его изъ состава двора и тѣмъ увеличить будущую долю ближайшихъ по родству? Допустимъ, что проектируемымъ порядкомъ хотятъ создать въ Россіи крестьянскіе дворы съ особенностями, до нѣкоторой степени сходными съ американскими гомстетами, огражденными отъ чрезмѣрной дробимости приходящихся на дворы земельныхъ участковъ и т. п.; но этому можно симпатизировать лишь при условіи, что дворъ не превратится въ маленькое крѣпостное хозяйство, гдѣ за домохозяиномъ косвенно признается даже право жестокаго обращенія, поощряемаго пріобрѣтеніемъ этимъ путемъ права на имущества тѣхъ, кто является жертвою подобнаго обращенія. Чѣмъ же мотивируется составителями проекта столь странное отношеніе къ непокорнымъ членамъ крестьянскаго двора? „Нельзя допустить, говорятъ они, чтобы каждый желающій выйти изъ состава двора, сохранялъ за собою право на полученіе (хотя бы лишь впослѣдствіи?) части общаго имущества. Не слѣдуетъ забывать, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ главное достояніе крестьянскаго двора заключается въ землѣ, земля же дробима лишь до извѣстной степени, перейдя которую обезцѣнивается и становится непригодною для обработки. Такимъ образомъ, уже по свойству основного имущества крестьянскаго достоянія, земли, имущественный раздѣлъ двора имѣетъ извѣстные предѣлы, и, слѣдовательно, сохраненіе за каждымъ выходящимъ изъ двора права на общее имущество представляется по самому существу невозможнымъ". „При невозможности, читаемъ мы ниже, съ одной стороны, насильственно удерживать въ составѣ двора лицъ, желающихъ выйти изъ него, а съ другой—допустить безконечное дробленіе общаго имущества—земли, остается лишь одно (?) средство—свободный выходъ изъ состава двора съ отказомъ (?) отъ права на землю". Вникнувъ въ приведенное разсужденіе, не трудно замѣтить, что оно прежде всего грѣшитъ смѣшеніемъ двухъ вопросовъ—вопроса объ установленіи недробимаго минимума земли въ дворовомъ участкѣ съ вопросомъ о правѣ уходящихъ членовъ двора на часть оставляемаго ими въ составѣ двора имущества. Вѣдь при нѣмецкомъ такъ называемомъ Anerbenrecht крестьянскій дворъ, какъ извѣстно, также не раздробляется, но это не снимаетъ съ преимущественнаго наслѣдника обя-

занности выплаты нѣкотораго вознагражденія выходящимъ сонаслѣдникамъ. Само собою разумѣется, что, если бы закономъ былъ установленъ недробимый земельный минимумъ двора, то земля не могла бы быть выдѣляема кому-либо изъ членовъ двора, пожелавшимъ устроиться самостоятельно, хотя бы на это даже былъ совершенно согласенъ самъ домохозяинъ. Но чтобы другого средства, кромѣ рекомендуемаго разбираемымъ проектомъ, при выходѣ изъ состава двора, нельзя было придумать, въ этомъ авторы его глубоко ошибаются. Корень этой ошибки лежитъ, какъ намъ кажется, въ томъ, что авторы проекта, вмѣсто огражденія интересовъ личности крестьянина, заботятся больше всего о фискально-полицейскихъ интересахъ, для которыхъ проектируемый ими порядокъ несомнѣнно удобенъ. Устанавливаемое проектомъ лишеніе выходящихъ изъ состава двора права на землю послужитъ, говорятъ они, сдерживающимъ средствомъ противъ невызываемаго дѣйствительною необходимостью выхода. „Потеря земли— послѣдствіе столь важное, что едва ли кто-либо рѣшится на него, если не увѣренъ въ возможности инымъ образомъ обезпечить себя и свою семью". При такихъ условіяхъ выхода изъ состава двора, можно ли говорить о развитіи личной предпріимчивости, которой составители проекта, по ихъ увѣренію, желали бы содѣйствовать? Съ этой цѣлью несовмѣстима и роль, отводимая проектомъ домохозяину двора.

„Хозяйственное распоряженіе надѣломъ и общее завѣдываніе хозяйствомъ крестьянскаго двора принадлежитъ домохозяину, какъ главѣ и представителю двора" (ст. 29). „Домохозяиномъ признается старшій восходящій по прямой линіи (отецъ, дѣдъ и т. п.), являющійся родоначальникомъ по отношенію къ прочимъ членамъ двора" (ст. 30).

Интересны мотивы къ двумъ приведеннымъ статьямъ, которыя въ сущности формулируютъ лишь обычный повсемѣстный фактъ, едвали нуждающійся въ законодательной санкціи, какъ разумѣющійся самъ собою. „По этому поводу нельзя вообще не замѣтить, повѣствуютъ авторы проекта, что, кромѣ непосредственно практическихъ задачъ, законъ долженъ имѣть воспитательной значеніе, почему провозглашеніе въ немъ общихъ, руководящихъ началъ представляется иногда весьма полезнымъ. Такимъ началомъ, составляющимъ краеугольный камень всего семейнаго строя крестьянъ, и является *главенство домохозяина* (курсивъ авторовъ) и вытекающая отсюда обязанность прочихъ членовъ семьи подчиняться ихъ власти". „Въ огромномъ большинствѣ случаевъ домохозяевами состоятъ старшіе восходящіе

родственники, но объ этомъ и не безполезно упомянуть въ законѣ, дабы: 1) придать большую ясность самому понятію *о домохозяинѣ, о главѣ двора*, и 2) упоминаніемъ лишній разъ о власти родителей и старшихъ восходящихъ *поддержать расшатывающійся нынѣ въ крестьянской семьѣ родительскій авторитетъ и чувства сыновняго долга и почтенія къ родителямъ*".

Конечно, поучительная часть статей 29 и 30 занимаетъ немного мѣста, и потому съ ними еще можно помириться; тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что, помимо наивности вѣры въ силу законодательныхъ поученій и преподаванія началъ нравственности и семейныхъ добродѣтелей въ статьяхъ закона, въ данномъ случаѣ сокровенный смыслъ и цѣль статей останется не понятою крестьянами, ибо мы сами не догадались бы о ней, если бы составители любезно не помогли въ этомъ приведеннымъ разъясненіемъ.

Итакъ, домохозяиномъ по буквѣ 30 статьи признается старшій въ прямой линіи, однако, фактически онъ можетъ и не быть допущенъ къ распорядительству дворомъ. „По смерти домохозяина или устраненія его отъ домохозяйства, мѣсто его, въ случаѣ отсутствія въ составѣ двора лица, являющагося родоначальникомъ ко всѣмъ остальнымъ членамъ двора, заступаетъ одинъ изъ членовъ двора и по избранію прочихъ".

Взаимное отношеніе членовъ двора и домохозяина, съ точки зрѣнія свободы личности, очень характерно поясняется самими составителями проекта тамъ, гдѣ они мотивируютъ *выборъ* замѣстителя домохозяина въ случаѣ его смерти. „Нельзя забывать, говорятъ они, что рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ не объ имуществѣ, а о власти, о подчиненіи всѣхъ членовъ двора домохозяину. Поэтому присвоеніе по закону обязательной силы указаніямъ родителя относительно личности его преемника *было бы равносильно принудительной отдачѣ* всѣхъ прочихъ членовъ семьи въ зависимость, въ *кабалу* (курсивъ нашъ), такъ сказать, лицу, часто вовсе не подходящему для большины". Итакъ, зависимость членовъ двора отъ домохозяина самими составителями положенія характеризуется краснорѣчивымъ словомъ кабалы. Неужели же Россія и въ двадцатомъ вѣкѣ не дожила еще до того, чтобы взрослые люди намѣренно не ставились закономъ въ положеніе кабальныхъ людей, и для нихъ не устанавливалась бы кабальная зависимость хотя бы отъ родителей, дядей, братьевъ или иныхъ родственниковъ или чужаковъ, облеченныхъ властью домохозяевъ. Не кабальная зависимость, а естественныя родственныя связи и взаимныя экономиче-

скія выгоды должны лежать въ основѣ двора, какъ семейно-хозяйственнаго союза. Только при такомъ цементѣ двора можно было бы отъ подворнаго строя крестьянскаго быта ждать нормальнаго роста крестьянскаго благосостоянія.

Въ цѣляхъ смягченія проектируемой кабалы по ст. 31 проектъ допускаетъ по смерти домохозяина членамъ двора выбрать самимъ изъ своей среды лицо, которому имъ было бы желательнѣе всего вручить кабальную власть надъ собой; однако выборный порядокъ, предусмотрѣнный положеніемъ, можетъ имѣть мѣсто лишь въ самомъ ничтожномъ числѣ случаевъ, такъ какъ слѣдующая статья сейчасъ сводитъ выборный порядокъ на нѣтъ. По ст. 32, „въ тѣхъ случаяхъ, когда надѣлъ двора не подлежитъ дальнѣйшему дробленію (при господствующемъ же малоземеліи это будетъ почти всегда), домохозяинъ, если таковымъ состоитъ восходящій по прямой линіи, въ правѣ самъ назначить себѣ преемника изъ членовъ двора". Въ оясненіяхъ къ этой статьѣ мы читаемъ: „При недробимомъ участкѣ передача большины есть, въ сущности, передача имущества (но вѣдь съ нимъ передается и кабальная власть, какъ выше объяснено авторами проекта), ибо будучи навсегда лишены возможности получить какую-либо часть этого участка, въ виду его недробимости, прочіе члены двора оказываются въ полной зависимости отъ новаго домохозяина и должны или во всемъ ему безпрекословно повиноваться, хотя бы въ ущербъ себѣ и своимъ близкимъ, или же (что всего вѣроятнѣе) выходить изъ состава двора съ отказомъ отъ надѣла. При такихъ условіяхъ *избраніе домохозяина* сведется въ сущности *къ борьбѣ за имущество*, и руководствоваться при такомъ избраніи члены семьи будутъ не соображеніями о старшинствѣ, личныхъ качествахъ и вообще пригодности даннаго лица для большины, а чисто личными, эгоистическими интересами. Съ другой стороны, и распоряженіе родителя о передачѣ большины явится въ этомъ случаѣ собственно *завѣщательнымъ распоряженіемъ объ имуществѣ*, весьма, при томъ, полезнымъ, какъ предупреждающимъ споры и недоразумѣнія между членами двора".

Однако совокупность всѣхъ статей, опредѣляющихъ преемство домохозяйства, еслибы проектъ сдѣлался закономъ, именно и породила бы неминуемо въ крестьянской средѣ множество споровъ и раздоровъ. Начать съ того, что распоряженіе о выборѣ преемника можетъ быть сдѣлано или на письмѣ, или же въ присутствіи не менѣе двухъ свидѣтелей на словахъ.

Всѣмъ однако извѣстно, какую массу судебныхъ споровъ вызываютъ

даже формальныя письменныя завѣщанія. Представимъ себѣ, что домохозяинъ умеръ безъ письменнаго назначенія себѣ преемника. Кто поручится, что въ подобныхъ случаяхъ не явится двухъ или нѣсколько претендентовъ на вакансію домохозяина, ссылающихся на словесное распоряженіе. Правда, для подтвержденія претензіи нужны два свидѣтеля. Но кто же станетъ утверждать, что крестьянскій бытъ самъ по себѣ гарантируетъ отъ лжесвидѣтелей. Возьмемъ затѣмъ случай смерти безъ распоряженія о замѣстителѣ и выборъ таковаго. „Споры, возникающіе между членами крестьянскаго двора относительно выбора домохозяина, разрѣшаются волостнымъ судомъ на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, а при отсутствіи таковыхъ—на основаніи правилъ, изложенныхъ въ статьяхъ 34—37“. Отсюда, для заинтересованныхъ сторонъ открывается широкій просторъ отстаивать свое право на домохозяйство—однимъ, ссылаясь на мѣстный обычай, другимъ на указанный въ законѣ порядокъ. И это явленіе избѣжное, такъ какъ, по свидѣтельству самихъ же составителей проекта, „обычаи, крѣпко установившіеся, существуютъ у насъ далеко не повсемѣстно. Въ большинствѣ случаевъ имѣются не обычаи, разумѣя подъ этимъ терминомъ вполнѣ опредѣлившееся правосознаніе, а простое обыкновеніе, не обладающее характеромъ категорическаго въ народномъ сознаніи императива и въ виду этого соблюдаемое лишь по сколько оно не нарушаетъ чьихъ либо существенныхъ интересовъ“. Спрашивается, какимъ образомъ лица, которымъ придется разрѣшать возникающіе споры, будутъ рѣшать, существуетъ ли въ каждомъ данномъ случаѣ никѣмъ не оспариваемое правило, настоящій обычай, а не простое обыкновеніе? Вѣдь дѣло идетъ о разрѣшеніи спора, который уже самъ по себѣ свидѣтельствуетъ, что здѣсь нельзя говорить о порядкѣ, никѣмъ не оспариваемомъ; въ противномъ случаѣ не было бы спора. Отсюда при каждомъ спорѣ волостному суду и дальнѣйшимъ инстанціямъ придется отказаться отъ ссылокъ на неоспариваемый обычай и рѣшать дѣло по закону. Законный порядокъ по проектируемому „Положенію“ таковъ:

Домохозяиномъ послѣ смерти отца становится старшій изъ жившихъ при отцѣ сыновей, а если всѣ совершеннолѣтніе сыновья проживали внѣ двора, то старшій изъ нихъ. При несовершеннолѣтіи сыновей, домохозяйкою становится мать, а въ случаѣ вторичнаго замужества ея—вотчимъ, который по смерти матери продолжаетъ состоять домохозяиномъ лишь въ томъ случаѣ, если ни одинъ изъ пасынковъ его не достигъ еще совер-

шеннолѣтія. Когда послѣ смерти домохозяина не осталось неотдѣленныхъ сыновей, то домохозяиномъ становится одинъ изъ внуковъ на тѣхъ же основаніяхъ, какія установлены для сыновей. За отсутствіемъ внуковъ идутъ: 1) мужъ дочери или нисходящій ея потомокъ; 2) усыновленный или пріемышъ, и 3) старшій изъ боковыхъ родственниковъ (братъ, племянникъ и т. п.).

„Если по смерти домохозяина не осталось другихъ членовъ двора, то участокъ полевой земли при общинномъ пользованіи землею поступаетъ въ распоряженіе земельнаго общества, а усадебный участокъ, равно какъ подворный участокъ при наслѣдственномъ (подворномъ) пользованіи землей, переходятъ къ несостоящимъ членами двора родственникамъ домохозяина въ порядкѣ, установленномъ мѣстными обычаями, а при отсутствіи таковыхъ, по правиламъ устава о наслѣдованіи“.

Въ приведенной статьѣ составители „Положенія“ впадаютъ въ непослѣдовательность, признавая права на наслѣдованіе усадьбы при общинной формѣ за родственниками умершаго, не состоящими членами двора. Если признавать за ними такое право, то что мѣшало бы распространить на нихъ и унаслѣдованіе права пользованія надѣльною долею полевой земли? Или же почему все въ совокупности не считать выморочнымъ имуществомъ, поступающимъ въ распоряженіе земельнаго общества? Въ объясненіе устанавливаемой двойственности авторы проекта указываютъ на потомственное владѣніе усадебнымъ участкомъ при общинномъ порядкѣ пользованія землею. Но намъ кажется это недостаточнымъ основаніемъ. Если вмѣстѣ съ проектомъ признавать право собственности какъ на полевую землю, такъ и на усадебную за земельнымъ обществомъ, а за членами общества право пользованія полевой землей отъ передѣла до передѣла, а усадебной—потомственно, то потомственный порядокъ слѣдовало бы понимать лишь въ предѣлахъ членовъ двора, или по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ членовъ даннаго земельнаго общества. При толкованіи же потомственнаго владѣнія усадебнымъ участкомъ, какое мы находимъ въ ст. 38, совершенно страннымъ и безсодержательнымъ является утвержденіе закона, что усадебная земля есть собственность земельнаго общества. Вѣдь по общей юридической конструкціи права собственности, хотя бы и неполной, пока существуетъ собственникъ—земельное общество въ нашемъ случаѣ—до тѣхъ поръ его имущество не можетъ переходить въ руки лица, никакими отношеніями не связаннаго съ собственникомъ. Совершенно не-

основательно поэтому мнѣніе составителей проекта, когда они утверждаютъ, будто бы „упраздненіе права наслѣдованія въ разсматриваемыхъ случаяхъ было бы неправильно по существу, такъ какъ такое право является прямымъ и логическимъ послѣдствіемъ потомственнаго владѣнія крестьянъ-общинниковъ усадебными участками". Повторяемъ, логически правильно толковать означенное право потомственнаго владѣнія въ предѣлахъ лишь членовъ даннаго земельнаго общества, т. е. въ смыслѣ особаго общиннаго порядка владѣнія, а не въ смыслѣ общегражданскаго порядка наслѣдованія.

При невыдержанности основного положенія, развитіе его естественно также наталкивается на недоразумѣнія и противорѣчія. „Въ случаѣ перехода усадебнаго участка къ лицу, не состоящему членомъ того же земельнаго общества, къ надѣлу коего принадлежитъ участокъ, а подворнаго участка къ лицу не сельскаго состоянія, лица эти обязаны продать ихъ въ теченіе года—усадебный участокъ члену того же земельнаго общества, а подворный—лицу сельскаго состоянія. Участки, не проданные въ теченіе года, поступаютъ въ распоряженіе земельнаго общества, за вознагражденіе, опредѣляемое по соглашенію или по оцѣнкѣ, порядокъ производства которой устанавливается губернскимъ присутствіемъ. Въ случаѣ нежеланія общества пріобрѣсти за такую цѣну усадебный участокъ, онъ продается съ публичнаго торга. Сумма, вырученная отъ продажи, выдается, за вычетомъ расходовъ по продажѣ, его бывшему владѣльцу" (ст. 39).

Проектъ о надѣльныхъ земляхъ, подобно дѣйствующимъ положеніямъ, исходитъ изъ факта законнаго признанія существованія, рядомъ съ подворнымъ, общиннаго землевладѣнія, господствующаго въ Россіи. Общинный порядокъ формулируетъ „Положеніе" такимъ образомъ: „При общинномъ порядкѣ землепользованія, земли, состоящія въ отдѣльномъ владѣніи входящихъ въ составъ земельнаго общества крестьянскихъ дворовъ, раздѣляются, по способу пользованія ими, на: 1) усадебные участки, и 2) участки полевой (общинной) земли (ст. 41). Усадебные участки находятся въ потомственномъ владѣніи крестьянскихъ дворовъ, въ отношеніи же участковъ общинной земли, дворы, коимъ они предоставлены, имѣютъ лишь право временнаго владѣнія ими отъ передѣла до передѣла".

Какъ можно видѣть изъ приведенныхъ статей, въ нихъ идетъ рѣчь только о земляхъ, находящихся въ пользованіи отдѣльныхъ дворовъ; о такъ называемыхъ общественныхъ земляхъ здѣсь не упоминается. По мнѣнію

составителей проекта, „общественныя земли не входятъ въ область собственно общиннаго владѣнія“. Такое ограничительное толкованіе общиннаго землевладѣнія нельзя признать правильнымъ. „Обязательное для земельнаго общества предоставленіе участковъ общинной земли въ отдѣльное владѣніе общинниковъ, читаемъ мы въ объясненіяхъ, и есть,—по справедливому замѣчанію профессора Пахмана,—коренной элементъ общиннаго владѣнія, составляя необходимую форму его, внѣ которой оно существовать не можетъ“. Какъ обобщеніе существующихъ фактовъ, такое утвержденіе дѣйствительно справедливо. Но намъ совершенно непонятно, почему, если бы какому либо земельному обществу вздумалось, вмѣсто производства передѣловъ, обрабатывать землю сообща и раздѣлять между членами общины собранные полевые продукты, общинное землевладѣніе сдѣлалось бы тогда необщиннымъ? Личною собственностью вѣдь при этомъ оно очевидно не сдѣлалось бы, не пріобрѣло бы оно вмѣстѣ съ нимъ и свойствъ общей собственности въ общегражданскомъ смыслѣ; наконецъ, оно по-прежнему бы существенно различалось и отъ собственности такихъ юридическихъ лицъ, какъ дворянскія и городскія общества. Статьямъ проекта объ общинномъ владѣніи составители его предпосылаютъ попытку выясненія юридической конструкціи общиннаго владѣнія, но на нашъ взглядъ едва ли удачную. Сущность общиннаго землевладѣнія состоитъ въ томъ, что здѣсь каждый членъ коллективной единицы имѣетъ право частнаго пользованія долею имущества (или дохода), собственникомъ котораго является община. Въ городскомъ или дворянскомъ обществахъ существуетъ *общественное имущество*, для удовлетворенія *общественныхъ цѣлей*. Такимъ образомъ въ случаяхъ обыкновеннаго юридическаго лица, члены общества распоряжаются этимъ имуществомъ въ интересахъ всего цѣлаго и поэтому никто въ отдѣльности не можетъ претендовать на владѣніе отдѣльной долею этого имущества; въ земельномъ же обществѣ или крестьянской земельной общинѣ, общество распоряжается своимъ имуществомъ въ интересахъ отдѣльныхъ лицъ. При этомъ юридическая природа земельнаго общества нисколько не измѣнится, будетъ ли имущество (земля) находиться въ совокупномъ или раздѣльномъ пользованіи. Только въ первомъ случаѣ въ частное распоряженіе будутъ поступать доли продуктовъ или доходовъ, а во второмъ—для хозяйственнаго использованія членовъ земельнаго общества будутъ предоставлены участки земли, передѣленные по тѣмъ или инымъ основаніямъ.

Посмотримъ на дальнѣйшую регламентацію способовъ владѣнія усадебной и полевой землей при общинномъ порядкѣ. Вопросъ объ усадебныхъ участкахъ и юридической конструкціи права на эти участки принадлежитъ къ числу весьма спорныхъ, вслѣдствіе недостаточной точности или ясности и нѣкоторыхъ противорѣчій въ формулированіи въ крестьянскихъ „положеніяхъ", съ одной стороны, права общества, а съ другой— правъ отдѣльныхъ крестьянъ на усадебную землю. При всякой же неясности закона, когда возникаютъ споры и необходимо прибѣгнуть къ толкованію закона, толкованіе получается разное по различію точекъ зрѣнія, на какихъ будутъ стоять толкователи. Въ сенатской практикѣ и въ юридической литературѣ можно поэтому найти доводы и въ пользу того, что усадебный участокъ составляетъ собственность сельскаго общества и того, что права на него отдѣльныхъ домохозяевъ ничѣмъ не отличаются отъ права частной собственности.

Въ объясненіяхъ къ проекту составители приводятъ два очень характерныхъ толкованія сената. Въ 1885 году, въ рядѣ рѣшеній, сенатъ высказался въ томъ смыслѣ, что вызываемый распланированіемъ селеній обмѣнъ усадебныхъ участковъ не можетъ быть производимъ по приговору большинства на сельскомъ сходѣ, а лишь съ согласія всѣхъ домохозяевъ, въ пользованіи которыхъ состоятъ подлежащія обмѣну усадьбы. По мнѣнію сената, точный смыслъ статей 110 и 111 мѣстн. великор. положенія „показываетъ, что усадебная земля *составляетъ принадлежность* проживающаго на ней семейства и не подлежитъ передѣлу, оставаясь навсегда въ потомственномъ пользованіи его членовъ. Такъ какъ земля эта *принадлежитъ не обществу*, но отдѣльнымъ *семействамъ*, то общество не въ правѣ распоряжаться усадебными участками, за исключеніемъ того единственнаго случая, когда по смерти хозяина, не оставившаго наслѣдниковъ, или вслѣдствіе выхода семейства изъ общества, участокъ перейдетъ въ распоряженіе цѣлаго общества" (Рѣш. общ. собр. 1, 2, касс. деп. 1885 г., № 26).

Въ позднѣйшихъ рѣшеніяхъ сената проводится, напротивъ, взглядъ на усадебные участки какъ на собственность сельскаго общества, а не крестьянскаго двора (Рѣш. 2 деп. прав. сен. 1895 г. № 3581), и взглядъ этотъ, повидимому, преобладаетъ. Его слѣдуетъ признать наиболѣе правильнымъ, говорятъ авторы разсматриваемаго проекта, такъ какъ онъ основанъ на прямомъ смыслѣ постановленія ст. 9 пол. крест. влад. и ст.

107 пол. о выкуп. о принадлежности выкупленной мірской земли (въ томъ числѣ и усадебной) всему сельскому обществу.

Проектъ хочетъ положить конецъ этимъ спорамъ внесеніемъ въ законодательство ясную формулировку разсматриваемаго права. Къ сожалѣнію, признавъ позднѣйшую точку зрѣнія сената, проводимую имъ въ своихъ рѣшеніяхъ, правильной, составители проекта, руководствуясь соображеніями кажущейся имъ цѣлесообразности и воспитательнаго значенія закона, свели право собственности общества къ нулю, найдя нужнымъ не только сказать, что усадебные участки находятся въ потомственномъ владѣніи крестьянскихъ дворовъ, но и оговорить категорически, что эти участки не подлежатъ передѣлу (ст. 43). Такимъ образомъ проектъ желаетъ совершенно прекратить „практикующіеся нынѣ во многихъ мѣстностяхъ передѣлы нѣкоторыхъ усадебныхъ угодій, напр. огородовъ". Но признаніемъ неприкосновенными усадебныхъ мѣстъ усиливаются затрудненія для правильнаго распланированія крестьянскихъ поселеній послѣ сплошныхъ пожаровъ, и вызывается необходимость для подобныхъ случаевъ создавать особое право власти на принудительныя перемѣны въ усадебныхъ мѣстахъ.

Дѣйствительно мы и видимъ, что рядомъ съ признаніемъ усадебныхъ участковъ потомственнымъ владѣніемъ двора, вводятся статьи, противорѣчащія провозглашенному началу и нарушающія его въ цѣляхъ предупрежденія пожаровъ. „Въ тѣхъ случаяхъ, когда, согласно утвержденному надлежащимъ порядкомъ плану селенія пространство, занятое усадебнымъ участкомъ, должно отойти подъ переулокъ или проѣздъ, такой участокъ можетъ быть изъятъ, въ цѣломъ или въ части, изъ владѣнія домохозяина безъ согласія послѣдняго" (ст. 50). „Земельное общество обязано, въ случаѣ отобранія отъ домохозяина всего или части усадебнаго участка подъ переулокъ или проѣздъ, отвести ему въ другомъ мѣстѣ усадебный участокъ соотвѣтствующаго качества и пространства. Сверхъ того, если на участкѣ, обращаемомъ подъ переулокъ или проѣздъ, находятся такія сооруженія, которыя не могутъ быть перенесены, общество обязано вознаградить домохозяина за эти сооруженія". Всякому, однако, извѣстно, что едва ли не громадное большинство крестьянскихъ селеній въ настоящее время не удовлетворяютъ въ своемъ распланированіи и размѣщеніи построекъ въ предѣлахъ крестьянскихъ усадебъ самымъ примитивнымъ противопожарнымъ требованіямъ, отсюда очевидно, что неприкосновенность усадебъ въ

сущности будетъ фикціей. Поэтому было бы гораздо цѣлесообразнѣе, обезпечивъ неприкосновенность имущественнаго достоянія дворовъ и оградивъ отъ несправедливаго посягательства на него со стороны міра, предоставить въ то же время послѣднему право урегулированія владѣнія усадебными землями во всѣхъ случаяхъ, когда этого требуютъ справедливые интересы совокупности всѣхъ членовъ общины, земельнаго общества, или соображенія общественной безопасности, какъ въ вопросѣ о пожарахъ и распланированіи селенія. Проектъ предусматриваетъ одни пожары, но анологичное положеніе можетъ возникать, напримѣръ, при устройствѣ общественнаго водопоя для скота, водоснабженія, запрудкѣ рѣки или прилегающихъ къ усадьбамъ овраговъ и т. д. Вѣдь при всѣхъ подобнаго рода сельско-хозяйственныхъ улучшеніяхъ они могутъ оказаться непримиримыми съ неприкосновеннымъ потомственнымъ владѣніемъ дворовъ усадебными участками. Правда, такая коллизія все равно существуетъ при подворной наслѣдственной собственности. Но если даже послѣднюю приходится въ подобныхъ случаяхъ нѣсколько ограничивать, то спрашивается, для чего же усложнять дѣло общественнаго прогресса и благоустройства, внося неудобные элементы подворной собственности и въ общинный порядокъ, который самъ по себѣ отъ нихъ свободенъ? Неужели этого могутъ требовать интересы „хозяйства страны“?

Мы вообще не видимъ ни малѣйшей необходимости навязывать всѣмъ сельскимъ обществамъ одинаковое отношеніе къ усадебной землѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что какъ по смыслу статей крестьянскихъ положеній, такъ по соображеніямъ редакціонныхъ коммиссій, вырабатывавшихъ положеніе 19-го февраля, потомственное владѣніе крестьянскими усадьбами было оговорено съ цѣлью охраны того, что создано трудомъ данной семьи—изба, хозяйственныя постройки и т. п. Оговаривая потомственное владѣніе усадьбами, дѣятели крестьянской реформы имѣли передъ глазами крестьянскій дворъ, какъ совокупность жилья и др. построекъ, и желали оградить отъ возможныхъ притѣсненій со стороны міра эту часть усадебной осѣдлости, а вовсе не голую землю, хотя бы она и входила въ составъ усадебныхъ угодій. Такимъ образомъ, полное изъятіе и этихъ угодій изъ передѣловъ было бы несогласно и съ духомъ первоначальныхъ крестьянскихъ положеній, и съ господствующимъ міровоззрѣніемъ крестьянъ-общинниковъ. Какіе же мотивы приводитъ въ пользу своего нововведенія современная „редакціонная

коммиссія? „То обстоятельство, говоритъ она, что нынѣ во многихъ мѣстностяхъ нѣкоторыя усадебныя угодья (напр. огороды) передѣляются, свидѣтельствуетъ лишь о сравнительно низкомъ пока уровнѣ обработки этихъ угодій. Съ поднятіемъ культуры, съ возвышеніемъ цѣнности и доходности ихъ, несомнѣнно изчезнутъ и передѣлы". Если такъ, то казалось, о чемъ же безпокоиться? „Но, разумѣется, если законъ будетъ искусственно поощрять такіе передѣлы допущеніемъ ихъ (какъ будто допущеніе есть поощреніе?) въ отношеніи хотя бы лишь части приусадебныхъ угодій, то улучшеніе обработки усадебныхъ участковъ станетъ (?) невозможнымъ, въ явный ущербъ хозяйству страны". Но гдѣ же этотъ ущербъ, если страницею раньше составители проекта признаютъ фактъ, что „чѣмъ больше труда и затратъ прилагается домохозяиномъ къ тому или другому виду приусадебныхъ угодій, тѣмъ большая предоставляется ему свобода въ распоряженіи ими, тѣмъ большее признаніе получаетъ со стороны міра право домохозяина на наслѣдственное, потомственное владѣніе такими угодьями.... передѣлы ихъ происходятъ гораздо рѣже, чѣмъ передѣлы полевой земли и при этомъ крестьяне стараются обыкновенно оставлять домохозяина на прежнемъ мѣстѣ, отрѣзая или прирѣзая излишнее или недостающее количество земли". При такомъ, вполнѣ разумномъ и справедливомъ отношеніи крестьянъ нѣтъ никакой надобности въ прямомъ запрещеніи міру касаться приусадебныхъ земель. Если крестьянскій міръ фактически закрѣпляетъ въ неотъемлемое владѣніе даннаго двора тѣ усадебныя земли, которыя владѣлецъ закультивировалъ разведеніемъ сада, устройствомъ пасѣки и т. п., то онъ этимъ гораздо болѣе поощряетъ и побуждаетъ домохозяевъ, дорожащихъ своимъ усадебнымъ мѣстомъ, дѣлать подобныя улучшенія, чѣмъ путемъ закрѣпленія за дворомъ всякихъ пустырей, не огороженныхъ, заросшихъ бурьяномъ, и проч., какъ это хотятъ сдѣлать составители проекта. Въ интересахъ сельскохозяйственнаго прогресса было бы совершенно достаточно санкціонировать закономъ лишь право крестьянина на возмѣщеніе за счетъ общества убытковъ по сдѣланнымъ имъ долговреннаго характера затратамъ, если почему-либо окажется необходимымъ сдѣлать урѣзку или передвижку усадебной земли.

Что касается вопроса о томъ, кому принадлежитъ право *потомственнаго владѣнія* усадебнымъ участкомъ — *лично домохозяину* или же *всему крестьянскому семейству*, двору, то проектъ (ст. 43) рѣшаетъ его въ пользу двора. Въ подкрѣпленіе своего взгляда авторы его ссылаются на

дѣйствующій законъ, согласно которому *усадебная земля каждаго крестьянскаго двора остается въ потомственномъ пользованіи проживающаго въ томъ дворѣ семейства* (Пол. крест. влад., ст. 15). Но если можно, нисколько не вызывая недоумѣнія, говорить о наслѣдственномъ владѣніи семейства, живущаго во дворѣ, такъ какъ члены семейства связаны между собою узами потомственнаго характера, то иное дѣло дворъ, какъ совокупность лицъ, объединенныхъ трудовымъ началомъ. Здѣсь приходится наталкиваться на юридическую несообразность: дворъ не можетъ имѣть потомства или владѣть землею потомственно. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ вовсе не иную формулировку смысла существующихъ узаконеній, а совершенно новый элементъ, вносимый въ крестьянскій земельный строй.

Крестьянскій дворъ, какой предполагаетъ создать проектируемое новое положеніе, имѣетъ очень мало общаго съ тѣмъ дворомъ, о которомъ говорятъ дѣйствующія крестьянскія узаконенія. Въ виду этого, чтобы не впадать въ юридическую несообразность, авторамъ проекта слѣдовало бы вмѣсто того, чтобы говорить о потомственномъ владѣніи двора усадебнымъ участкомъ, сказать просто, что усадебный участокъ находится въ неприкосновенномъ владѣніи даннаго двора на все время его существованія и передѣламъ не подлежитъ.

Признавая усадебные участки потомственной собственностью дворовъ, проектъ вмѣстѣ съ тѣмъ допускаетъ отчужденіе этихъ участковъ, ограничивая это отчужденіе членами того земельнаго общества, въ составъ котораго они входятъ, и лишь съ согласія жены и всѣхъ совершеннолѣтнихъ или, хотя и несовершеннолѣтнихъ, но вступившихъ въ бракъ членовъ двора мужескаго пола. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ составѣ двора имѣются несовершеннолѣтніе, не вступившіе въ бракъ члены двора, необходимо еще разрѣшеніе подлежащаго опекунскаго установленія. Отчужденіе всего усадебнаго участка допускается только при условіи выхода домохозяина изъ общества, либо при наличности у него другой усадьбы. Для предупрежденія скопленія чрезмѣрнаго количества усадьбъ въ однѣхъ рукахъ, проектъ предполагаетъ предоставить губернскимъ земскимъ учрежденіямъ устанавливать предѣльный размѣръ или предѣльное количество усадебныхъ участковъ, свыше котораго не допускается сосредоточеніе усадебной земли во владѣніи одного двора. „Въ случаѣ сосредоточенія во владѣніи одного двора большаго количества усадебной земли, нежели въ

данной мѣстности это дозволено, весь излишекъ долженъ быть проданъ домохозяиномъ въ теченіе года кому-либо изъ членовъ того же земельнаго общества“ (ст. 56). Тотъ же порядокъ соблюдается и при выходѣ домохозяина изъ земельнаго общества, если послѣ него не остается другихъ членовъ двора.

Устанавливаемое проектомъ право уходящаго домохозяина продать свой надѣльный участокъ, т. е. не только постройки, но и самую землю, находится, однако, въ совершенномъ противорѣчіи съ признаніемъ тѣмъ же проектомъ права собственности на усадебныя земли за земельнымъ обществомъ и съ воспрещеніемъ продажи полевыхъ надѣловъ. Юридическая логика требовала бы или сохранить за оставляющими общество членами двора право на вознагражденіе за оставляемую въ пользу земельнаго общества полевую землю, какъ и за усадебную, или же отвергнуть право вознагражденія въ обоихъ случаяхъ. Мы бы стояли за первый способъ рѣшенія вопроса; но нельзя допустить ни то, ни се, какъ это мы видимъ въ проектѣ.

Выморочные усадебные участки поступаютъ въ распоряженіе даннаго земельнаго общества, при чемъ выморочнымъ признается участокъ тогда, когда послѣ смерти умершаго домохозяина не осталось ни другихъ членовъ двора, ни родственниковъ, къ которымъ участокъ переходитъ по обычаю или по правиламъ устава о наслѣдованіи (статьи 59 и 20). Наслѣдованіе участковъ со стороны по правиламъ устава о наслѣдованіи является также противорѣчащимъ праву собственности земельнаго общества на усадебныя земли. Въ отношеніи распоряженія выморочными участками проектъ вноситъ ограниченіе въ томъ смыслѣ, что общество должно предоставить такіе участки въ собственность семействъ, не надѣленныхъ или недостаточно надѣленныхъ землею, и лишь при отсутствіи таковыхъ семействъ (случай несомнѣнно крайне рѣдкій), общество распоряжается выморочными участками на одинаковыхъ основаніяхъ съ прочими общественными землями. Предоставленіе выморочныхъ участковъ нуждающимся членамъ земельнаго общества вполнѣ справедливо и раціонально, но такъ какъ подобныхъ, заслуживающихъ надѣленія кандидатовъ, можно думать, всегда будетъ на каждый участокъ нѣсколько, то слѣдовало бы уже въ законѣ оговорить выборъ между ними по жеребью или по какому-либо другому объективно-опредѣленному порядку; въ противномъ случаѣ трудно ожидать безпри-

страстія въ выборѣ семействъ изъ числа не надѣленныхъ или недостаточно надѣленныхъ землею.

Устраняя надѣльныя земли изъ области свободнаго отчужденія даже въ предѣлахъ одного и того же земельнаго общества, разбираемый проектъ ограничиваетъ движеніе крестьянскихъ надѣловъ двумя случаями—передѣлами и семейными раздѣлами. Проектъ въ общемъ обнаруживаетъ отрицательную тенденцію въ отношеніи обоихъ явленій. Такъ, для передѣловъ принимается минимальный срокъ на 12 лѣтъ, послѣ чего производство передѣла однако не необходимо: если не послѣдуетъ новаго передѣла, тоже распредѣленіе земли сохраняется на три года, затѣмъ опять на три года и т. д. До истеченія срока, на который передѣлъ совершенъ, новый передѣлъ допускается лишь въ случаяхъ: 1) образованія выселка; 2) при переходѣ къ болѣе совершенной системѣ полеводства, связанной съ увеличеніемъ числа полей или съ отводомъ части общинной земли подъ новую культуру; 3) въ случаѣ отчужденія части надѣла, прикупки къ нему земли и вообще въ случаѣ измѣненія границъ надѣла, и 4) при окончательномъ раздѣлѣ общинной земли на постоянные наслѣдственные участки (ст. 78). Внѣ этихъ случаевъ передѣлъ допускается лишь въ видѣ изъятія, и не иначе, какъ по испрошеніи обществомъ особаго на то разрѣшенія губернскаго присутствія (ст. 79). При передѣлахъ крестьянскимъ дворамъ, улучшившимъ качества своего надѣла посредствомъ удобренія земли, осушенія ея, устройства орошенія, заведенія высшей культуры или инымъ способомъ, надѣлъ предоставляется по возможности въ прежнемъ мѣстѣ. Если же этого сдѣлать нельзя, то имъ отводится надѣлъ равнаго качества съ прежнимъ или, въ случаѣ отвода земли худшаго качества, назначается вознагражденіе, производимое посредствомъ соотвѣтственной сбавки, въ уплатѣ повинностей, либо на иныхъ основаніяхъ (ст. 91 и 92).

Что касается семейныхъ раздѣловъ, то въ цѣляхъ поддержанія семейнаго начала и укрѣпленія родительской власти, въ тѣхъ случаяхъ, когда домохозяиномъ состоитъ отецъ или кто-либо изъ другихъ восходящихъ по прямой линіи, допускается лишь съ его согласія. Проектъ настолько охраняетъ права родителя, что не допускаетъ никакихъ исключеній изъ приведеннаго правила. Ни расточительность, ни безнравственность, ни вступленіе его во второй бракъ не могутъ служить поводами для семейнаго раздѣла, когда родитель состоитъ домохозяиномъ. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ даже власть излюбленнаго редакціонной коммиссіей

земскаго начальника безсильна сдѣлать что-либо и его нынѣшняя роль при семейныхъ раздѣлахъ значительно сокращается. Единственный допустимый способъ для члена двора освободиться отъ семейнаго гнета, когда онъ невыносимъ—это выйти изъ состава двора, отказавшись навсегда отъ всякихъ притязаній на имущество двора. Право требовать выдѣла соотвѣтствующей части семейнаго имущества членъ двора получаетъ лишь тогда, когда домохозяиномъ становится лицо, не являющееся родоначальникомъ по отношенію къ остальнымъ членамъ двора. „Было бы, въ самомъ дѣлѣ, несправедливо, говорятъ авторы проекта,—если бы младшіе члены семьи вынуждены были или лишаться правъ своихъ на имущество и довольствоваться выходомъ изъ семьи съ отказомъ отъ усадебнаго и полевого надѣла, или же оставаться противъ воли въ семьѣ, жизнь въ которой стала невыносимою, именно, можетъ быть, благодаря домохозяину. Но тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о родителяхъ, такое рѣшеніе вопроса правильно и желательно". Нужно обладать очень своеобразной логикой, чтобы безусловная и возмутительная несправедливость могла казаться справедливостью только потому, что ее продѣлываетъ родитель или дѣдъ. Для кого же и для чего желательно и нужно, чтобы она санкціонировалась въ законѣ? Составители проекта буквально отвѣчаютъ слѣдующимъ образомъ: „Такое рѣшеніе вопроса желательно *въ видахъ поддержанія родительской власти и семейныхъ основъ*".

Но искусственными подпорками и внѣшнею силою трудно поддерживать даже *власть*, если моральныя основы ея уже подорваны; о какихъ же семейныхъ основахъ здѣсь можно толковать, если приходится заставлять „оставаться противъ воли въ семьѣ, жизнь въ которой стала невыносимою, именно, можетъ быть, благодаря домохозяину", хотя бы и родителю—это значитъ создавать только новые поводы для раздора. Хорошо поддержаніе семейныхъ основъ, если законъ санкціонируетъ порядокъ, при которомъ родитель или его, напримѣръ, вторая семья будетъ прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы заставить уйти непокорную семью, а притѣсняемыя семьи будутъ только и думать о томъ, скоро ли „домохозяинъ-родоначальникъ" уйдетъ на тотъ свѣтъ и откроетъ тѣмъ право образовать новый дворъ. Кто поручится, что этимъ не создадутся новые мотивы и для настоящихъ преступленій. Вѣдь если родительскій гнетъ, по мнѣнію составителей проекта, и легче переносить, чѣмъ отъ посторонняго, то не нужно забывать, что въ составѣ двора могутъ быть невѣстки, для которыхъ родители

мужа не ближе, чѣмъ братъ или дядя, отъ произвола которыхъ проектъ допускаетъ уходъ.

Обращаясь къ вопросу о выдѣлѣ имущества въ тѣхъ случаяхъ, когда семейный раздѣлъ допускается, слѣдуетъ отмѣтить, что при установленіи предѣловъ дробленія полевой надѣльной земли, а также движимости, „которая, составляя необходимую принадлежность крестьянскаго хозяйства, подлежитъ совмѣстному переходу съ полевымъ надѣломъ“ (ст. 97), право требовать раздѣла въ огромномъ числѣ случаевъ фактически является фикціей. Вслѣдствіе роста населенія въ переживаемое время при небольшой первоначальной величинѣ надѣловъ, въ настоящее время размѣръ ихъ почти повсемѣстно дошелъ до такихъ предѣловъ, ниже которыхъ едва ли можно установить предѣльныя нормы. Немного найдется и такихъ надѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, которыя располагали бы избыткомъ хозяйственной движимости. При этихъ условіяхъ, съ установленіемъ нормъ невыдѣляемой земли и движимости, при отсутствіи права у выдѣляющейся семьи на денежное возмѣщеніе своей доли, уходъ изъ семьи и при домохозяинѣ-родителѣ, и при домохозяинѣ-неродителѣ одинаково будетъ сопровождаться потерею того имущества, какимъ до раздѣла владѣла выходящая семья, даже тѣхъ его частей, какія, быть можетъ, созданы ихъ собственнымъ долголѣтнимъ трудомъ. Вообще новое положеніе, проникнутое духомъ полицейской опеки, въ сущности не только страдаетъ игнорированіемъ естественныхъ правъ личности, но, говоря языкомъ нашихъ охранителей, „потрясаетъ основы“ имущественныхъ правъ.

Въ числѣ мѣръ, разсчитанныхъ проектомъ на „побужденіе крестьянъ къ улучшеннымъ пріемамъ земледѣлія“, большое вниманіе „редакціонной коммиссіи“ отведено регламентаціи общинныхъ порядковъ въ цѣляхъ устраненія или ослабленія неудобствъ, связанныхъ съ неблагопріятнымъ положеніемъ полевыхъ земель въ отношеніи усадебной осѣдлости. Отдаленность полей и длинноземелье, какъ извѣстно, почти повсемѣстно являются однимъ изъ значительныхъ тормазовъ для правильнаго веденія хозяйства. Нельзя ждать и требовать, чтобы крестьянинъ унаваживалъ свои поля, если они на десятокъ или болѣе верстъ удалены отъ его жилья. Проѣздъ на такія отдаленныя поля вызываетъ въ самую горячую пору такую большую и напрасную трату времени, что естественно побуждаетъ крестьянъ при малѣйшей возможности вовсе отказываться отъ обработки неудобно расположенныхъ участковъ, сдавая ихъ въ аренду за безцѣнокъ, а то и просто

оставляя безъ обработки. Длинноземелье отчасти объясняется предпочтеніемъ, какое въ свое время, при нарѣзкѣ земли крестьянамъ, было сдѣлано интересамъ помѣщиковъ, въ распоряженіи которыхъ остались ближайшія къ ихъ усадьбамъ земли,—отчасти многолюдностью или скученностью крестьянскихъ поселеній, при которой нарѣзанная имъ земля не можетъ не тянуться на большое разстояніе отъ усадебной осѣдлости. Вопросъ о длинноземельи и мѣрахъ ослабленія его давно уже сталъ обращать вниманіе тѣхъ, кому приходится заниматься вопросами нашего земледѣлія и благосостоянія крестьянъ. При этомъ на первый планъ выдвинулся вопросъ о разселеніи, а попутно и вопросъ о хуторскомъ хозяйствѣ. Въ проектируемое положеніе, въ виду этого, внесенъ цѣлый рядъ статей, съ цѣлью содѣйствовать и поощрять дробленіе большихъ поселеній на болѣе мелкія, не говоря уже объ обязательномъ дробленіи, въ смыслѣ управленія, большихъ сельскихъ обществъ на болѣе мелкія земельныя общества.

„Въ земельныхъ обществахъ, имѣющихъ отъ 20 до 50 дворовъ, домохозяева въ числѣ не менѣе 8, а при наличности въ обществѣ свыше 50 дворовъ, не менѣе $^1/_5$ всѣхъ домохозяевъ, въ правѣ во всякое время требовать отвода имъ полевой земли къ одному мѣсту, у края полей, если изъявятъ согласіе выселиться на отводимый имъ участокъ“ (ст. 115). „Требованіе объ отводѣ полевой земли къ одному мѣсту, заявленное не менѣе чѣмъ 50 домохозяевами, подлежитъ удовлетворенію, хотя бы домохозяева эти составляли менѣе $^1/_5$ всѣхъ домохозяевъ общества“ (ст. 338).

Выселяющимся на отведенные имъ въ этихъ случаяхъ участки предоставляются большія преимущества. Они имѣютъ право продать свою усадьбу кому-либо изъ остающихся членовъ земельнаго общества; общество должно отвести имъ въ составѣ полевого участка землю, удобную для поселенія, отрѣзаемый имъ участокъ долженъ быть не меньше того количества земли, чѣмъ они владѣли передъ выселеніемъ, и т. д. Признавая справедливымъ и цѣлесообразнымъ, въ интересахъ сельскаго хозяйства, установленіе въ законѣ права отдѣльныхъ группъ, какъ и отдѣльныхъ дворовъ, на выселеніе ближе къ своимъ полямъ, нельзя однако жертвовать при этомъ интересами общества. Предоставить выселяющимся крестьянамъ право на полученіе того же количества земли, какимъ они владѣютъ фактически въ моментъ возбужденія ходатайства о выдѣлѣ—значитъ создать для тѣхъ изъ общинниковъ, у которыхъ оказывается большее количество

земли, чѣмъ имъ пришлось бы получить послѣ передѣла, возможность закрѣплять за собой эти надѣлы. Конечно, среди крупныхъ обществъ всегда можетъ найтись одна пятая такихъ дворовъ, которые захотятъ въ этихъ видахъ составить новое земельное общество. Если устанавливать право требованія выдѣла съ цѣлью образованія новыхъ поселковъ, то слѣдовало бы предоставить выселяющимся право на выдѣлъ не фактическаго количества земли, а того, какое имъ причитается по разверсткѣ на всѣ наличные дворы по тѣмъ основаніямъ разверстки, какія были приняты при послѣднемъ приговорѣ о передѣлѣ. Только при такомъ условіи съ выдѣленіемъ новыхъ земельныхъ обществъ не были бы нарушены коренные интересы остающихся на прежнемъ мѣстѣ дворовъ. Вмѣстѣ съ этимъ было бы вполнѣ цѣлесообразно при нѣкоторомъ вознагражденіи переселяющихся за оставляемыя ими усадьбы, предоставить послѣднія въ распоряженіе общества, такъ какъ при свободной продажѣ не будетъ достигнуто разрѣженіе скученности усадебъ и у общества отнимется удобный случай сохранить нѣкоторый просторъ усадебной осѣдлости въ пожарномъ отношеніи и въ отношеніи внѣшняго благоустройства.

Выселяющимся предоставляется простымъ большинствомъ установить у себя или общинное или подворное владѣніе землею (ст. 124). При выборѣ подворнаго владѣнія, какъ общее правило, каждый дворъ получаетъ весь свой надѣлъ въ одномъ отрубномъ участкѣ (ст. 125).

Изложенными выше поощрительными мѣрами не ограничиваются заботы проектируемаго положенія объ образованіи новыхъ небольшихъ селеній, простирающіяся затѣмъ уже до ни съ чѣмъ несообразной опеки и регламентаціи самаго числа дворовъ въ выселкахъ. Въ выселкахъ, установившихъ общинное владѣніе землей, а также въ тѣхъ выселкахъ съ подворнымъ замлепользованіемъ, въ которыхъ подворные участки не отведены, каждый въ отдѣльномъ отрубѣ, число дворовъ не должно превышать десяти. Отступленія отъ этого правила допускаются лишь въ исключительныхъ случаяхъ и не иначе, какъ съ разрѣшенія губернскаго присутствія (ст. 126).

Такое ограниченіе размѣровъ выселковъ въ сущности неминуемо должно скорѣе препятствовать чѣмъ содѣйствовать осуществленію основной цѣли разселенія—уменьшенія длинноземелья. Если мы представимъ себѣ, что какое-либо обширное крестьянское общество разбилось бы на два, хотя тоже значительныхъ, общества и половина домохозяевъ пере-

селилась въ центръ отдаленной части полей прежняго большого общества, то и тогда въ сельскохозяйственномъ отношеніи былъ бы огромный выигрышъ, между тѣмъ какъ требованіе поселиться на отрубныхъ участкахъ или группами не болѣе, какъ по 10 дворовъ, само по себѣ должно служить сильнымъ препятствіемъ и къ болѣе простому рѣшенію вопроса объ устраненіи неудобства отдаленности полей и проч. Во имя чего же хотятъ установить такое стѣсненіе примитивной экономической и общественной свободы?

Составителямъ проекта хотѣлось бы всю Россію посадить на отрубные участки и вотъ они остановились на цифрѣ 10 дворовъ „въ томъ соображеніи, что при переходѣ къ владѣнію въ отрубныхъ участкахъ, только при такомъ ограниченномъ числѣ домохозяевъ представляется возможнымъ съ удобствомъ отвести каждому двору къ усадьбѣ и весь полевой его надѣлъ“.

На этомъ примѣрѣ съ нормировкою числа дворовъ въ выселкахъ очень легко показать всю нецѣлесообразность рѣшенія сложныхъ сельскохозяйственныхъ задачъ канцелярскою опекою. Составители проекта, сидя за длиннымъ зеленомъ столомъ, нашли, что задача будущаго сельскохозяйственнаго прогресса рѣшается цифрою 10, что при этой цифрѣ дворовъ обезпечивается вполнѣ въ будущемъ образованіе отрубныхъ участковъ, кольцеобразная система полей и т. д. и т. д. Но сидя за гладкимъ столомъ и рисуя карандашомъ на бумагѣ кольцеобразную систему полей, авторы забыли безконечное разнообразіе рельефа полей въ натурѣ и нерѣдкую изрѣзанность, въ особенности въ мѣстностяхъ съ обширными поселками, даже ровной, какъ скатерть, поверхности оврагами и размывами. При такихъ реальныхъ условіяхъ держаться какой бы то ни было круглой цифры безсмыслица. Вопросъ о возможности въ будущемъ лучшей разбивки полей и проч. долженъ рѣшаться не предѣльнымъ количествомъ дворовъ въ поселкахъ, и не закономъ, а содѣйствіемъ просвѣщеннаго межевщика, земскаго или казеннаго, который помогъ бы новоселамъ такъ расположить свои усадьбы и поля, чтобы они представляли возможную эластичность для приспособленія ихъ въ будущемъ къ тѣмъ измѣненіямъ, какія вызываются требованіями сельскохозяйственной культуры. И если предусматриваемые проектами (ст. 143 и слѣд.) казенные землемѣры были бы въ достаточномъ количествѣ и безплатно предоставлены крестьянамъ въ соотвѣтственныхъ случаяхъ, то этого поощренія было бы вполнѣ достаточно.

Здѣсь однако не лишне отмѣтить, что при всей видимой широтѣ замысловъ „редакціонной коммиссіи“ о разселеніи и проч., она предполагаетъ, что потребность въ землемѣрныхъ работахъ будетъ не велика, судя по скромнымъ размѣрамъ расходовъ казны на эту часть, указываемую въ объясненіяхъ къ проекту. „Всячески, говоритъ она, достигнуть значительныхъ размѣровъ расходъ этотъ едва ли можетъ. Засимъ, если бы даже онъ и превышалъ нѣсколько сотъ тысячъ рублей въ годъ, то и въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ отъ него отказываться“ (т. I, стр. 98). Но съ такой цифрой расходовъ нельзя обезпечить Россію и однимъ землемѣромъ въ среднемъ на уѣздъ.

Вообще, создать для крестьянъ въ томъ или другомъ отношеніи просвѣщенную помощь гораздо труднѣе и хлопотливѣе, чѣмъ предписать въ законѣ спасительную цифру 10, съ тѣмъ, что буде окажется одиннадцатый или двѣнадцатый дворъ, можно попросить начальство—быть можетъ, оно приметъ во вниманіе исключительный случай и дозволитъ отступленіе.

Особеннымъ покровительствомъ хуторному хозяйству вызвана и статья 130 проекта, въ силу которой каждый домохозяинъ при всякомъ передѣлѣ можетъ требовать, чтобы причитающаяся ему доля полевой земли была выдѣлена къ одному участку, съ обязанностью однако выселенія на отводимый ему участокъ. Такое право отдѣльныхъ крестьянъ устанавливается по аналогіи съ 165 ст. положенія о выкупѣ. Но въ то время какъ выходившіе изъ общины по 165 статьѣ крестьяне большею частью оставляли свой надѣлъ безъ отвода его къ особому мѣсту, теперь съ правомъ выдѣла связывается не только пріурочиваніе земли къ одному мѣсту, но и переселеніе выдѣляющагося крестьянина на свой участокъ, т. е. вмѣсто увеличенія свободы, прямое стѣсненіе. Въ дѣйствительности отсюда получатся неудобства для обѣихъ сторонъ. Представимъ себѣ, что при передѣлѣ значительная часть общинниковъ пожелала бы воспользоваться правомъ, устанавливаемымъ для каждаго изъ нихъ 130 статьей. Вѣдь для осуществленія такого права нужно, чтобы общество не только выдѣлило землю къ одному мѣсту, но чтобы выдѣляемый участокъ былъ годенъ для устройства на немъ жилья. Но въ огромномъ большинствѣ случаевъ къ этому встрѣтятся непреодолимыя препятствія. Возможность выдѣленія для отдѣльныхъ членовъ земельной общины полевой земли къ одному мѣсту, на которомъ они могли бы индивидуально хозяйничать, во много разъ осуществимѣе, чѣмъ образованіе такого участка, на которомъ можно было бы

устроить и сносное жилье. Можно ли, въ виду этого, устанавливать въ законѣ несовмѣстимые между собою права и обязанности. Съ перваго взгляда какъ будто положеніе идетъ навстрѣчу развитію свободы и индивидуальности отдѣльныхъ членовъ общины, но когда мы ближе вникнемъ въ сущность создаваемаго порядка, то оказывается, что все дѣло сводится къ замѣнѣ болѣе легкаго гнета общинныхъ узъ болѣе тягостнымъ стѣсненіемъ и усмотрѣніемъ правительственной опеки, идущей въ разрѣзъ съ условіями реальной жизни.

И какъ ни стараются составители положенія достигнуть при этомъ, чтобы и волки были сыты и овцы цѣлы, имъ естественно это никакъ не удается. Въ самомъ дѣлѣ, какъ примирить обязанность крестьянина-индивидуалиста выдѣлиться на отводимый участокъ съ правомъ общества отвести отрубной участокъ на мѣстѣ, по усмотрѣнію общества? Въ однихъ случаяхъ общество можетъ оказаться не въ состояніи выдѣлить отрубные участки, пригодные для хуторнаго хозяйства, въ другихъ—оно не захочетъ поступиться болѣе удобными лучшими землями и, опираясь на свое усмотрѣніе въ выборѣ мѣста для отвода отрубныхъ участковъ, предложитъ такіе, что на нихъ не польстится ни одинъ благоразумный крестьянинъ, тѣмъ болѣе, что даже качествомъ отрубныхъ участковъ общество можетъ не стѣсняться. При отводѣ земли худшаго качества по сравненію съ прежнимъ надѣломъ, общество должно лишь отвести ее въ соотвѣтственно большемъ размѣрѣ. Кабинетность предположеній о возможности при такихъ условіяхъ создать желаемые проектомъ отрубные участки наглядно иллюстрируется смѣлымъ утвержденіемъ, что приведенное правило „ни въ чемъ не можетъ нарушить интересовъ выселяющагося, такъ какъ, во первыхъ, въ составѣ и крестьянскаго надѣла *неудобныхъ мѣстъ почти не имѣется* (курсивъ нашъ), а, во-вторыхъ, нѣсколько худшее качество выдѣленнаго участка вполнѣ возмѣщается получаемыми при этомъ выгодами отдѣльнаго и независимаго отъ общества распоряженія этимъ участкомъ“. Особенно хорошо это *во-первыхъ*. Въ тѣхъ случаяхъ, когда общество откажетъ въ выдѣлѣ подворныхъ участковъ или этотъ выдѣлъ невозможно сдѣлать безъ явнаго и значительнаго ущерба для земельнаго общества, послѣднему предоставляется удовлетворить желающихъ выдѣлиться деньгами, по взаимному соглашенію или по оцѣнкѣ (ст. 136). Спрашивается, откуда общество возметъ деньги, если желающихъ выдѣлиться при невозможности выдѣла явится сколько нибудь значительное число? Нельзя же создавать правила, не

считаясь съ фактической возможностью ими пользоваться. Слѣдуетъ также отмѣтить, что выдѣлъ изъ общины путемъ денежнаго удовлетворенія за землю стоитъ въ явномъ противорѣчіи со всѣмъ проектомъ, съ тѣми статьями его, которыя стремятся создать неприкосновенность крестьянскаго двора. Совершенно напрасно думаютъ авторы проекта, что „домохозяинъ на полученное имъ вознагражденіе *всегда можетъ* пріобрѣсти на сторонѣ, съ помощью крестьянскаго банка, необходимое для веденія отдѣльнаго хозяйства количество земли, не меньше того, какое причиталось бы ему къ выдѣлу, и такимъ образомъ безъ нарушенія своихъ интересовъ выйти изъ общины". Оставимъ въ сторонѣ категоричность утвержденія о томъ, что крестьянинъ всегда можетъ купить, что ему нужно, но кому же не извѣстно, что и ежегодные платежи, вытекающіе при покупкѣ земли при помощи крестьянскаго банка, значительно превышаютъ выкупные и иные платежи, связанные съ владѣніемъ надѣльной землей.

По проектируемому положенію, также какъ и по дѣйствующимъ, земельному обществу предоставляется замѣнить общинное владѣніе подворнымъ, съ предоставленіемъ подворныхъ участковъ крестьянскимъ дворамъ въ собственность (ст. 148). Противъ отмѣченнаго права земельнаго общества ничего нельзя возразить, но въ согласованіи съ сущностью общинной собственности при такомъ переходѣ слѣдовало бы установить равномѣрное распредѣленіе земли между дворами, а не подчеркивать, какъ дѣлаетъ 141 ст. проекта, отводъ полевой земли въ томъ количествѣ, какое находится во владѣніи двора по послѣднему передѣлу. Правда, въ объясненіяхъ къ этой статьѣ предусматривается возможность производства новаго передѣла, прежде чѣмъ перейти отъ общиннаго порядка къ подворной собственности; справедливость требуетъ, чтобы это было общимъ правиломъ, такъ какъ всякій прежній передѣлъ производился съ перспективою возможности устраненія обнаружившихся недостатковъ, которые обнаружатся потомъ, а здѣсь дѣло идетъ объ окончательномъ отказѣ общины отъ права уравнивать землями отдѣльныхъ членовъ общины.

Уже изъ того, что приведено выше относительно двора, его правъ, состава и проч. при общинной формѣ владѣнія землей видно, что къ числу самыхъ интересныхъ и важныхъ частей проекта редакціонной коммиссіи министерства внутреннихъ дѣлъ относится безъ сомнѣнія—совокупность статей, опредѣляющихъ новую юридическую и экономическую конструкцію понятія крестьянскаго двора и подворной собственности. Съ частью этихъ

постановленій, одинаковыхъ и для общинниковъ и для подворныхъ владѣльцевъ, мы уже знакомы. Но въ главѣ о подворномъ владѣніи мы встрѣчаемъ дальнѣйшее развитіе сущности создаваемаго проекта новаго понятія двора и подворной крестьянской собственности. Какъ извѣстно, положеніе 19 февраля, признавъ существенное различіе между общиннымъ и подворнымъ владѣніемъ, во многихъ важныхъ случаяхъ не провело это различіе достаточно ясно и послѣдовательно. Вслѣдствіе этого, подобно тому какъ это было отмѣчено въ отношеніи усадебныхъ земель при общинномъ порядкѣ, и здѣсь законъ оказывается достаточно неясенъ и противорѣчивъ. До сихъ поръ не только въ литературѣ, но даже въ сенатской практикѣ встрѣчаются разногласія по самому коренному вопросу—кому при подворномъ владѣніи принадлежитъ право собственности—двору или сельскому обществу. Въ трудахъ коммиссіи (стр. 414) мы находимъ поразительный примѣръ возможности противоположныхъ толкованій смысла дѣйствующихъ узаконеній. Въ 1895 г. общее собраніе 1-го, 2-го и касс. департаментовъ прав. сената высказалось въ томъ смыслѣ, что надѣльныя земли подворнаго владѣнія, выкупленныя цѣлымъ сельскимъ обществомъ (а это общій случай въ мѣстностяхъ подворнаго владѣнія), должны быть признаваемы собственностью не общества, а отдѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ, во владѣніи которыхъ они состоятъ. Между тѣмъ, въ 1899 г. рѣшеніемъ 2-го департамента сената разъяснено, что крестьянскія надѣльныя земли, изъ коихъ усадебныя и полевыя угодья предоставлены въ потомственное пользованіе владѣющихъ ими крестьянскихъ семействъ, *составляютъ въ общей совокупности собственность подлежащихъ сельскихъ обществъ.* Понятно, что только благодаря невѣжеству крестьянской массы, которая живетъ и дѣйствуетъ, не зная законовъ, не считаясь съ ними, и сплошь и рядомъ отождествляя законъ съ приказомъ начальства, могутъ бокъ-о-бокъ существовать и нормировать гражданскія отношенія крестьянъ такія неясныя узаконенія и ихъ противорѣчивыя толкованія со стороны нашего судебнаго установленія, призваннаго охранять правильность примѣненія законовъ. Нельзя поэтому не сочувствовать попыткѣ редакціонной коммиссіи министерства внутреннихъ дѣлъ положить конецъ неопредѣленности, поставивъ въ ясныя и точныя рамки права крестьянъ, пріобрѣтенныя ими на основаніи дѣйствующихъ крестьянскихъ положеній. Къ сожалѣнію, задача эта выполнена редакціонной коммиссіей нельзя сказать, чтобы очень удачно.

Въ основу проекта коммиссіей былъ положенъ взглядъ, что *надѣльныя*

земли подворнаго владѣнія составляютъ собственность не общества, *а отдѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ.* Мы не будемъ приводить мотивовъ коммиссіи, такъ какъ сами по себѣ они не могутъ быть безспорными, иначе не могло бы существовать отмѣченнаго выше разногласія въ толкованіи этого права до сихъ поръ. Но если даже признать эти мотивы вполнѣ вѣскими и соотвѣтствующими истинному смыслу дѣйствующаго закона, то детальную формулировку права собственности дворовъ, какъ она дѣлается въ предлагаемомъ проектѣ, отнюдь нельзя выводить изъ дѣйствующихъ положеній. Признавъ подворное владѣніе собственностью двора, коммиссіи слѣдовало бы собственникомъ двора признать домохозяина, со всѣми послѣдствіями обыкновенной частной имущественной собственности. Но въ этомъ пунктѣ проектъ вноситъ новое: *подворный участокъ признается собственностью всего крестьянскаго двора.* Такимъ образомъ, отринувъ коллективную собственность сельскаго общества на совокупность надѣльныхъ земель подворныхъ владѣльцевъ, проектъ устанавливаетъ не личную собственность, а коллективную собственность двора. Ограниченіе частной собственности подворныхъ землевладѣльцевъ дѣлается и въ другомъ отношеніи—уже въ отношеніи не домохозяина, а всего двора: для дробленія и для скопленія подворныхъ участковъ устанавливаются извѣстные предѣлы. „При отчужденіи или переходѣ подворныхъ участковъ по наслѣдству, а равно при семейныхъ раздѣлахъ, участки эти могутъ быть раздѣляемы на части, но съ тѣмъ, чтобы каждая часть сама по себѣ или вмѣстѣ съ остальнымъ надѣломъ лица, къ которому она поступаетъ, была бы не менѣе установленнаго для данной мѣстности низшаго размѣра подворныхъ участковъ. Сдѣлки, совершенныя въ нарушеніе или въ обходъ настоящаго правила, признаются недѣйствительными въ той мѣрѣ, въ какой оно ими нарушено“. Рядомъ съ такимъ ограниченіемъ дробленія стоитъ и недозволеніе одному двору сосредоточивать въ своемъ владѣніи свыше того количества надѣльной земли, которое будетъ признано для данной мѣстности высшимъ размѣромъ подворныхъ участковъ (ст. 161).

Въ дѣйствующихъ крестьянскихъ положеніяхъ уже существуетъ немало ограничительныхъ правилъ, на которыя ссылается редакціонная коммиссія, относительно дробимости подворныхъ участковъ при наслѣдованіи и отчужденіи ихъ. Такъ, по ст. 96 мѣстн. пол. малор., „при переходѣ семейныхъ участковъ по наслѣдству какъ усадьбы, такъ и полевые участки могутъ быть раздѣляемы на части, но съ тѣмъ, чтобы каждая часть поле-

вого участка была не менѣе половины установленнаго для той мѣстности высшаго размѣра пѣшаго участка" (не менѣе 2—3½ дес., смотря по мѣстности). Въ юго-западномъ краѣ при наслѣдственныхъ раздѣлахъ ни одна изъ частей не должна заключать въ себѣ менѣе пѣшаго надѣла наименьшаго размѣра, въ томъ селеніи существующаго. Въ сѣверо-западномъ краѣ раздѣлъ допускается съ тѣмъ, чтобы каждая часть была не менѣе 10 десятинъ. По мѣстн. бессар. пол. при переходѣ по наслѣдству семейныхъ участковъ при раздѣленіи каждая часть должна быть не менѣе четверти установленаго для той мѣстности высшаго размѣра (не менѣе 2—3⅜ десятинъ). Въ закавказскомъ краѣ эти размѣры: 2½, 1¼ и ¾ десятинъ. Въ привислинскомъ краѣ по закону 11 іюня 1891 г. при отчужденіи крестьянскихъ усадебныхъ и иныхъ земельныхъ участковъ, послѣдніе могутъ быть дѣлимы на части съ тѣмъ: а) чтобы остающееся при усадьбѣ владѣльца пространство земли было не менѣе 6 морговъ новопольской мѣры, и б) чтобы каждая часть, на которую дѣлится участокъ, сама по себѣ или въ соединеніи со смежною землею лица, во владѣніе котораго она поступаетъ, составляла не менѣе того же пространства. Ограниченіе дробленія крестьянскихъ участковъ установлены закономъ также въ губерніяхъ лифляндской и эстляндской.

Если однако отъ перечня существующихъ узаконеній, ограничивающихъ дробимость подворныхъ участковъ, обратиться къ тому, что происходитъ въ дѣйствительной жизни, то оказывается, что почти повсюду требованія закона остаются мертвою буквою. Вслѣдствіе господствующихъ въ народѣ воззрѣній на право наслѣдованія, законъ игнорируется и жизнь идетъ вопреки закону.

Экономическія невыгоды чрезмѣрнаго дробленія земельныхъ участковъ и связанная съ этимъ чрезполосица очевидны для всякаго; но какъ съ ними бороться? Вѣдь корень зла лежитъ, съ одной стороны, въ естественномъ стремленіи человѣка не обдѣлять въ наслѣдствѣ одинаково близкихъ ему лицъ, а съ другой, въ крестьянскомъ малоземельи, при которомъ равные раздѣлы въ концѣ концовъ могутъ иногда доводить участки до хозяйственной негодности. Бороться путемъ закона противъ первой причины, значило бы дѣйствительно подрывать высшія семейныя начала, выражающіяся въ чувствахъ родительской и родственной привязанности. Остается вторая причина. Для ослабленія ея указываютъ на необходимость облегченія крестьянамъ пріобрѣтенія новыхъ земель, на широкое

развитіе переселеній, но все это палліативы, которые, при нынѣшнихъ условіяхъ дѣятельности крестьянскаго банка и проч., не въ состояніи предотвратить измельчаніе подворныхъ участковъ. Болѣе дѣйствительнымъ было бы, пожалуй, установленіе права преимущественнаго перехода земельнаго участка къ одному изъ сонаслѣдниковъ съ обязательной выплатой доли остальныхъ деньгами. Такой порядокъ, по крайней мѣрѣ, не противорѣчилъ бы началу семейнаго равенства. Однако, редакціонная коммиссія министерства внутреннихъ дѣлъ, хотя и не отрицаетъ полезности такихъ мѣръ, тѣмъ не менѣе и безъ этого сохраняетъ твердую вѣру въ возможность пресѣчь зло путемъ закона. Нужно только, по ея мнѣнію, „принять соотвѣтствующія мѣры къ тому, чтобы предписанія закона не оставались мертвою буквою, а дѣйствительно примѣнялись". „Для поддержанія законнаго воспрещенія дробить подворные участки не принимается нынѣ никакихъ мѣръ въ порядкѣ управленія; даже административный надзоръ за соблюденіемъ предѣльныхъ нормъ дробленія повидимому, жалуются авторы проекта, совершенно отсутствуетъ, да и въ самомъ законѣ не указаны послѣдствія нарушенія этихъ нормъ". Всѣ эти неблагопріятныя условія въ будущемъ, нужно надѣяться, говорятъ они, будутъ устранены соотвѣтствующими постановленіями проекта. Съ этою цѣлью сдѣлки, совершенныя въ нарушеніе или обходъ правила ст. 160 о недробимости, признаются недѣйствительными въ той части, въ какой эти правила нарушены. Надзоръ же за исполненіемъ правилъ возлагается на земскаго начальника, которому должностныя лица волостного и сельскаго управленія обязаны сообщать о всѣхъ случаяхъ нарушенія установленныхъ правилъ. Но вѣдь и теперь, разъ законъ, воспрещающій дворoдробленіе, существуетъ, всякая сдѣлка, не согласная съ закономъ, можетъ быть признана недѣйствительною, и если жизнь идетъ вопреки закона, то слѣдовательно, законъ разбивается не только о всеобщее нежеланіе его исполнять, но и о молчаливое, но твердое, согласіе покрывать его нарушеніе. Не будетъ ли самое преслѣдованіе нарушеній отличаться при этомъ крайнею случайностью и не слишкомъ ли жестоко во имя общихъ экономическихъ соображеній вносить ломку въ сложившіяся соціальныя отношенія? Не лучше ли подождать того хотя бы отдаленнаго времени, когда, какъ утверждаютъ составители проекта, „съ распространеніемъ среди подворныхъ владѣльцевъ хуторного хозяйства, связаннаго съ отводомъ каждому владѣльцу всей усадебной и полевой земли въ одномъ отрубѣ, сама собой исчезнетъ возмож-

ность чрезмѣрнаго дробленія, ибо хуторное хозяйство и отрубные участки не совмѣстимы съ слишкомъ мелкимъ размѣромъ земельнаго владѣнія". Правда, намъ кажется, что и надежды на широкое распространеніе хуторного хозяйства въ границахъ однихъ крестьянскихъ надѣловъ безъ пополненія ихъ извнѣ, относятся къ области административныхъ фантазій, которыя разобьются объ условія дѣйствительной жизни.

Болѣе цѣлесообразно и осуществимо путемъ соотвѣтствующаго закона воспрепятствовать отдѣльнымъ дворамъ сосредоточивать въ своемъ владѣніи свыше того количества надѣльной земли, которое признано для данной мѣстности высшимъ размѣромъ подворныхъ участковъ (ст. 161), такъ какъ здѣсь дѣло идетъ объ исключеніяхъ, о единицахъ, а не обо всѣхъ, какъ при раздѣлахъ подворныхъ участковъ. Но въ этой части проектъ, какъ намъ кажется, мало дѣйствителенъ и излишне снисходителенъ при установленіи послѣдствій за нарушеніе правилъ. Сдѣлка, заключенная съ нарушеніемъ правила, въ данномъ случаѣ не объявляется недѣйствительною, а купившій лишь обязывается въ теченіе трехъ лѣтъ продать излишніе участки. Въ объясненіяхъ говорится, что если признать сдѣлку недѣйствительной, то при этомъ пострадалъ бы и ни въ чемъ неповинный продавецъ, такъ какъ онъ можетъ и не знать въ точности, какъ велико владѣніе пріобрѣтателя и имѣлъ ли послѣдній право на его увеличеніе. Но вѣдь законъ могъ бы возложить тягость недѣйствительности на одного покупателя, который отлично знаетъ свои права и обязанности. Для устраненія скупки нужно создать такія условія, при которыхъ виновный въ ней не могъ бы извлечь для себя матеріальныхъ выгодъ, а при ограниченіи только трехлѣтнимъ срокомъ владѣнія послѣднее, во-первыхъ, можно продлить фиктивною продажею родственникамъ, а во-вторыхъ, и трехъ лѣтъ достаточно, чтобы, пріобрѣтя надѣлъ задолженнаго подворника за безцѣнокъ, извлечь изъ этой покупки хорошую спекулятивную выгоду.

Въ числѣ задачъ, какія ставитъ себѣ проектируемое положеніе, стоитъ и вопросъ о чрезполосицѣ. Въ виду трудности вообще достигнуть разверстанія угодій у чрезполосныхъ владѣльцевъ на почвѣ добровольнаго соглашенія всѣхъ владѣльцевъ, нельзя не мириться съ внесеніемъ до извѣстной степени принудительнаго начала въ эту область. Согласно проекту, по постановленію большинства двухъ третей всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ право участвовать на сходѣ, если при томъ имъ принадлежитъ не менѣе двухъ третей общей площади полевого надѣла, земельное общество мо-

жетъ разверстать свои полевыя угодья такимъ образомъ, чтобы полевая земля каждаго двора была отведена ему по возможности въ одномъ мѣстѣ (ст. 165 и 166). Разверстаніе полевыхъ угодій допускается не болѣе одного раза въ тридцать лѣтъ, за исключеніемъ случаевъ единогласнаго о томъ постановленія.

Признавая однако возможность нѣкотораго принужденія большинства противъ меньшинства въ вопросѣ о разверстаніи угодій, мы считали бы это допустимою новизною въ существующіе земельные порядки лишь при изданіи общаго закона въ этомъ смыслѣ, касающагося не только крестьянскаго, но и частновладѣльческаго землевладѣнія. Установленіе въ данномъ случаѣ „особливаго" порядка для крестьянъ не вызывается сущностью предмета. При созданіи общаго закона о разверстаніи владѣній съ цѣлью уничтоженія чрезполосицы, вѣроятно, нашлись бы и болѣе обезпечивающіе отъ нарушенія интересовъ отдѣльныхъ владѣльцевъ органы, чѣмъ одинъ земскій начальникъ, которому въ данномъ случаѣ предоставляется проектомъ повѣрка на мѣстѣ и разборъ возникающихъ споровъ.

Помимо приговоровъ о разверстаніи угодій, проектъ вводитъ новое, еще болѣе важное право общества въ отношеніи меньшинства своихъ членовъ. Земельному обществу предоставляется по приговору большинства двухъ третей, владѣющихъ не менѣе какъ двумя третями полевого и усадебнаго надѣла, разбить состоящую въ ихъ пользованіи полевую и усадебную землю на отрубные хуторные участки такимъ образомъ, чтобы всякій дворъ получилъ свою усадебную землю и свой полевой надѣлъ въ одномъ отрубѣ (ст. 170).

Установленіе такого права общества распорядиться даже усадебными участками, принадлежащими подворнымъ владѣльцамъ, несомнѣнно не только не соотвѣтствуетъ понятію частной собственности дворовъ на эти участки, но и ставитъ права земельнаго общества въ отношеніи подворныхъ владѣльцевъ даже шире, чѣмъ проектъ допускаетъ это при общинномъ владѣніи. Принудительное выселеніе изъ насиженной усадьбы ея владѣльца вопреки его желанію и безъ его согласія едва ли можетъ содѣйствовать укрѣпленію сознанія неприкосновенности права собственности, о чемъ такъ заботятся составители проекта. Въ данномъ случаѣ они очевидно не могли устоять передъ перспективою достиженія идеала хуторского хозяйства, хотя бъ съ пожертвованіемъ другимъ кумиромъ—„священнымъ правомъ" частной собственности. Съ своей стороны мы отнюдь

не сторонники ея неприкосновенности въ тѣхъ случаяхъ, когда интересы отдѣльнаго собственника становятся въ очевидное противорѣчіе съ интересами цѣлаго, и въ особенности когда отдѣльное лицо, опираясь на свое голое право, желаетъ пользоваться слишкомъ широко возможностью незаслуженнаго обогащенія. Но мы не видимъ основаній для установленія „порядка“ экспропріаціи частной собственности для крестьянъ „особливаго“ отъ другихъ частныхъ собственниковъ.

На этомъ мы закончимъ обзоръ проекта „положенія о надѣльныхъ земляхъ“, такъ какъ подробности о томъ, какъ, кѣмъ и какіе акты должны выдаваться на надѣльныя земли, относятся уже болѣе къ технической, административной сторонѣ дѣла, въ которой разобраться сравнительно уже легко, если будутъ приняты принципіальныя положенія, предлагаемыя проектомъ; если же послѣднія будутъ отвергнуты, то подробности отпадаютъ сами собою.

Отмѣченныя нами особенности проекта даютъ основаніе думать, что онъ вызоветъ не мало возраженій со стороны мѣстныхъ губернскихъ совѣщаній и другихъ учрежденій, которымъ придется по немъ высказываться. Проведеніе началъ неотчуждаемости крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія, ограниченіе скупки надѣльныхъ земель и усадебныхъ участковъ, принципіальное допущеніе свободнаго выхода изъ состава земельнаго общества его отдѣльнымъ членамъ и нѣкоторыя частичныя пополненія и редакціонныя улучшенія въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ—все это заслуживаетъ симпатій и поддержки. Тѣмъ не менѣе проектъ нуждается въ систематической переработкѣ и устраненіи изъ него крѣпостническихъ тенденцій. Коренной недостатокъ разбираемаго проекта заключается въ руководящей точкѣ зрѣнія и искусственности цѣли, къ которой стремятся его составители. Вмѣсто того, чтобы стараться лишь устранить или ослабить разныя стѣснительныя для развитія личной индивидуальности и предпріимчивости наслоенія нашихъ узаконеній, авторы проекта глубоко вѣрятъ въ спасительность административной опеки и заранѣе хотятъ, чтобы индивидуальность хозяйства проявлялась не иначе, какъ въ томъ именно направленіи, въ какомъ имъ кажется лучше, до навязыванія хуторскаго хозяйства включительно. Признавая нежелательнымъ гнетъ общины въ отношеніи ея сочленовъ, проектъ въ то же время желаетъ сковать развитіе личности крестьянина другою цѣпью,—властью домохозяина, большака, и стоящаго надо всѣмъ въ качествѣ недремлющаго

ока попечительнаго правительства—земскаго начальника. Духъ земскаго начальника до такой степени паритъ надъ проектомъ, что самый „будущій законъ о надѣльныхъ земляхъ предполагается распространить не на всѣ вообще надѣльныя земли, а лишь на тѣ мѣстности, въ коихъ введено Положеніе о земскихъ начальникахъ". Какъ будто, напримѣръ, роль чрезполосицы, отрубныхъ участковъ, хуторнаго хозяйства мѣняется отъ того, имѣются или нѣтъ въ мѣстности земскіе начальники. . . . .»

Проф. А. М. Гуляевъ. „Вопросы частнаго права въ проектахъ законоположеній о крестьянахъ".

.....«Не однимъ крестьянамъ, но вообще мелкимъ землевладѣльцамъ свойственъ образъ жизни, отличный отъ образа жизни городскихъ обывателей. Принципъ различія—въ экономическихъ условіяхъ дѣятельности тѣхъ и другихъ: центральное положеніе въ интересахъ сельскихъ обывателей занимаетъ земля, тотъ участокъ, доходами съ котораго обыватель живетъ и раститъ свою семью; у городского обывателя другіе ресурсы, другіе и интересы, съ землевладѣніемъ не связанные.

Мелкое землевладѣніе создаетъ для законодателя серьезную задачу, уже прежде всего потому, что отъ плодовъ земли кормится большинство населенія. Но населеніе возрастаетъ, а пространство земли, прокармливающей населеніе, не измѣняется. Очевидно, что на каждаго представителя второго поколѣнія будетъ приходиться земли меньше, чѣмъ сколько было ея у каждаго представителя перваго поколѣнія. Если первоначальные земельные участки дѣлить между членами разростающейся семьи, то такое дробленіе участковъ не будетъ имѣть границъ, и измельченное землевладѣніе не въ состояніи будетъ осуществлять свое назначеніе. Выселеніе лишнихъ членовъ семьи не разрѣшаетъ, а только отодвигаетъ разрѣшеніе задачи, потому что и на новыхъ мѣстахъ, рано или поздно возникнетъ тотъ-же вопросъ. Задача до извѣстной степени разрѣшается признаніемъ земельнаго участка опредѣленнаго размѣра за имущество, не подлежащее дробленію, при чемъ, какъ-бы ни разросталась семья первоначальнаго владѣльца, земельный участокъ остается, по крайней мѣрѣ по идеѣ своей, имуществомъ недѣлимымъ. Въ исторіи нашего законодательства эта проблема возникла еще при Петрѣ Великомъ, который и издалъ знаменитый законъ о единонаслѣдіи; правда, законъ этотъ вскорѣ былъ отмѣненъ. Основная идея этого закона заключалась въ томъ, что земля при переходѣ по наслѣдству не подлежитъ дробленію, оста-

ваясь всегда въ распоряженіи одного изъ многихъ наслѣдниковъ, а всѣ остальные могутъ разсчитывать только на денежный сплатъ. Болѣе острый характеръ пріобрѣлъ вопросъ о нераздробляемости земли въ примѣненіи къ мелкому землевладѣнію, возникшему у насъ въ широкихъ размѣрахъ во второй половинѣ XIX столѣтія, благодаря освобожденію крестьянъ и послѣдующимъ преобразованіямъ, касающимся зависимыхъ формъ землевладѣнія. Тамъ, гдѣ, какъ въ юго-западныхъ губерніяхъ, существуетъ подворное владѣніе надѣльной землей, законъ опредѣляетъ, что при раздѣлѣ участковъ между наслѣдниками ни одна изъ выдѣляемыхъ частей не должна заключать въ себѣ менѣе пѣшаго надѣла наименьшаго размѣра, въ томъ селеніи существующаго (ст. 102 п. 2 кн. IV Особ. Прил. IX т.), а относительно сѣверо-западныхъ губерній постановлено, что надѣлы не могутъ быть раздѣляемы на части менѣе 10 десятинъ (ст. 151 ibid.). Недѣлимый участокъ, благодаря естественному увеличенію населенія, становится имуществомъ, принадлежащимъ многимъ лицамъ, и здѣсь возникаетъ вопросъ, что это за право, объектомъ котораго является надѣлъ? Основной законъ называетъ это право — правомъ собственности, а крестьянъ, завершившихъ выкупъ, крестьянами собственниками (Общ. Пол. ст. 15 и др.; Пол. Вык. ст. 1, 3 и др.). Понятіе права собственности опредѣляется общимъ гражданскимъ закономъ (ст. 420 ч. 1 т. X), какъ власть исключительная и независимая отъ лица посторонняго владѣть, пользоваться и распоряжаться вѣчно и потомственно; если право собственности на одно и тоже имущество принадлежитъ нѣсколькимъ лицамъ, то возникаетъ представленіе о правѣ общей собственности (ст. 543 ч. 1 т. X), а объектомъ этого права можетъ быть или имущество недѣлимое, или же имущество подлежащее раздѣлу (ст. 544). Разъ крестьянскій подворный участокъ объявленъ имуществомъ недѣлимымъ, а въ тоже время онъ является собственностью, то при распаденіи первоначальной семьи на нѣсколько семействъ, или еще проще, при вступленіи нѣсколькихъ наслѣдниковъ на мѣсто первоначальнаго хозяина, должно было-бы возникать право общей собственности на нераздѣльный участокъ; а въ общемъ законѣ для права общей собственности существуютъ слѣдующія три правила: 1) *доходы*, получаемые съ общаго нераздѣльнаго имущества, принадлежатъ всѣмъ соучастникамъ по соразмѣрности частей; такъ какъ и обязанности; 2) *распоряженіе* общимъ нераздѣльнымъ имѣніемъ должно быть по общему согласію, и 3) соучастники въ общемъ имѣніи могутъ

управленіе онаго ввѣрить одному изъ своихъ товарищей, по общему избранію. Но дѣло въ томъ, что общая собственность на надѣлъ возникаетъ на почвѣ интересовъ семьи, объединяемой властью своего естественнаго представителя домохозяина (ст. 101 и ст. 102 кн. IV Особ. Прил.); и такъ какъ коллективный субъектъ, владѣющій надѣльной землею, состоитъ не изъ равноправныхъ членовъ, а изъ домохозяина и лицъ власти его подчиненныхъ, то правила объ общей собственности сталкиваются съ началами семейнаго строя. Съ цѣлью примиренія обоихъ началъ практика Сената создала ложную въ своей основѣ теорію о крестьянскомъ дворѣ, какъ о лицѣ юридическомъ. Само собою разумѣется, что ни о какомъ юридическомъ лицѣ здѣсь рѣчи быть не можетъ, потому что юридическимъ лицомъ является лишь то, что признано за таковое со стороны закона, а въ законѣ нигдѣ крестьянская семья не характеризуется признаками, свойственными лицу юридическому. Да если крестьянскую семью по поводу владѣнія надѣломъ считать юридическимъ лицомъ, то какія же разумныя основанія можно было-бы привести къ тому, чтобы и въ другихъ отношеніяхъ семью не признавать за юридическое лицо? И почему только владѣніе надѣломъ сообщаетъ крестьянской семьѣ характеръ юридическаго лица, а владѣніе, напримѣръ, чиншевымъ участкомъ, осуществляемое также крестьянской семьей, не сообщаетъ двору свойствъ лица юридическаго? Напрасно ожидать отвѣта на эти вопросы: теорія Сената о юридическомъ лицѣ, въ примѣненіи къ крестьянскому двору, не выдерживаетъ никакой критики. Не большею солидностью отличается и другой взглядъ Сената, по которому крестьянская семья есть рабочій союзъ. Если это и союзъ, то не договорный, а семейный, прежде всего кровный или такъ или иначе кровному уподобляющійся.

Теоріи эти созданы Сенатомъ для объясненія тѣхъ правъ, которыя должны принадлежать на землю всѣмъ членамъ двора. Какія же это права? Кому эти права принадлежатъ? Каково пространство этихъ правъ? На эти вопросы, ежедневно возникающіе въ судебной практикѣ, даются отвѣты менѣе всего способные удовлетворить заинтересованныхъ лицъ. Непререкаемымъ положеніемъ, выработаннымъ практикой, является тезисъ, гласящій, что только наличные члены двора имѣютъ право на надѣлъ. Но кто эти наличные члены? Здѣсь ясно одно: женщина, вышедшая замужъ въ чужой дворъ, перестаетъ принадлежать къ составу родительскаго двора и становится членомъ двора своего мужа, и самый фактъ замужества

создаетъ презумпцію потери женщиною правъ на родительскую землю. Женитьба мужчины съ переходомъ въ тотъ дворъ, къ которому принадлежитъ жена, подобной презумпціи не создаетъ: фактическаго выхода въ этомъ случаѣ недостаточно, а нужно чтобы женившійся былъ „принятъ" во дворъ тестя. Осложняющимъ моментомъ здѣсь можетъ быть требованіе пріемнаго приговора со стороны общества, если тесть принадлежитъ не къ тому сельскому обществу, къ которому принадлежитъ зять. Выйти изъ затрудненія по вопросу о томъ, кто принадлежитъ къ данному двору, можно было-бы принявъ во вниманіе содержаніе посемейнаго списка: кто внесенъ въ списокъ, тотъ и членъ даннаго двора. Но тутъ Сенатъ высказался, что посемейный списокъ не составляетъ доказательства принадлежности лица ко двору, такъ какъ посемейные списки ведутся въ иныхъ цѣляхъ. И вотъ, въ каждомъ данномъ случаѣ судебной практикѣ приходится на основаніи сомнительнаго матеріала свидѣтельскихъ показаній разрѣшать вопросъ, есть-ли данное лицо наличный членъ двора, или таковымъ его нельзя признать?

Крестьяне однако вовсе не вѣрятъ въ непререкаемость сенатской теоріи. Основанія своихъ правъ на надѣльную землю они усматриваютъ въ кровной связи своей съ домохозяиномъ, и почти въ каждомъ исковомъ прошеніи выдвигается такое соображеніе: я похоронилъ на свои средства отца и мать, значитъ ихъ земля должна принадлежать мнѣ. Для общихъ судебныхъ мѣстъ этотъ мотивъ ничего не говоритъ, а для волостного суда этотъ мотивъ не безразличенъ, и волостные суды присуждаютъ надѣлъ не по сенатской теоріи о рабочемъ союзѣ или о юридическомъ лицѣ, а по началамъ кровнаго родства, связывающаго претендента съ домохозяиномъ. Между практикой Сената и практикой волостныхъ судовъ мало общаго, какъ мало общаго между построенной на ложномъ основаніи теоріей и жизнью.

Если вопросъ о томъ, за кѣмъ можетъ быть признано право на надѣлъ, вызываетъ на практикѣ большія сомнѣнія, то еще въ большей мѣрѣ сомнительно пространство и содержаніе того права, которое признается за членомъ семьи на надѣлъ. Первоначально Сенатъ училъ, что хотя право на надѣлъ принадлежитъ цѣлому рабочему союзу, „юридическому лицу", но распорядителемъ сего права является одинъ только домохозяинъ, который одинъ только можетъ опредѣлять юридическую судьбу надѣла; потомъ оказалось, что домохозяину принадлежитъ право опредѣлять

только хозяйственный порядокъ во дворѣ; наконецъ (рѣш. 1900 г. № 23), что каждый изъ членовъ двора имѣетъ равное съ прочими право на надѣльную землю. Однако это право менѣе всего отличается прочностью, что обнаруживается изъ слѣдующаго примѣра. Положимъ, надѣлъ принадлежитъ двумъ братьямъ, значитъ каждому, по послѣднему рѣшенію Сената, принадлежитъ право на половину надѣла. Одинъ изъ братьевъ женится,—въ лицѣ его жены во дворѣ появляется новый членъ рабочаго союза, значитъ землю нужно дѣлить на три части; у женатаго рождаются дѣти—новые члены двора, и съ рожденіемъ каждаго ребенка доля семьи женатаго брата постепенно должна увеличиваться, а доля не женатаго, можетъ быть, несовершеннолѣтняго, постоянно уменьшаться. Женится затѣмъ и младшій братъ, и опять вступаетъ во дворъ новый членъ, рождаются дѣти—новые члены, и опять происходятъ новыя колебанія въ размѣрѣ долей. Правда, Сенатъ предполагаетъ, что до фактическаго раздѣла и передѣла земли дѣло не доходитъ, что будто бы члены двора владѣютъ и пользуются идеальными частями земли, работая на общую пользу двора. Но вѣдь это только отвлеченная конструкція, способная удовлетворить кабинетнаго юриста, а въ дѣйствительности конструкція эта не осуществляется никогда. Владѣніе землею требуетъ реальнаго проявленія и находитъ свое выраженіе въ томъ, что надѣльная земля фактически раздѣляется на части, при чемъ каждую часть воздѣлываетъ тотъ, кому она досталась. И вотъ, когда такую часть земли, воздѣланную трудами одного изъ членовъ семьи, отнимаютъ у него во имя теоріи о равноправности всѣхъ членовъ двора, то можно себѣ представить, какое впечатлѣніе должно производить это на крестьянина. Весьма нерѣдко рѣшеніе гражданскаго спора о надѣльной землѣ оканчивается уголовнымъ эпилогомъ.

У каждаго владѣльца земли есть стремленіе доводить свое господство надъ землею до крайнихъ предѣловъ его осуществленія. Можетъ-ли крестьянинъ совершать отчужденіе своей земли? Если онъ—домохозяинъ, то можетъ, а если онъ—рядовой членъ семьи, то не можетъ; въ первомъ случаѣ земля можетъ быть отчуждена съ игнорированіемъ справедливыхъ интересовъ всѣхъ прочихъ членовъ семьи, во второмъ—отчужденіе оказывается невозможнымъ, даже при согласіи домохозяина, такъ какъ надѣлъ недѣлимъ. Впрочемъ отчужденіе еще встрѣчаетъ на своемъ пути ограничительный законъ 14 декабря 1893 года, по силѣ котораго надѣльныя

земли могутъ быть отчуждаемы только въ кругу крестьянъ, принадлежащихъ къ одному и тому же обществу: только крестьяне, и только крестьяне даннаго общества могутъ пріобрѣтать надѣльныя земли. А на самомъ дѣлѣ живущее въ каждомъ крестьянинѣ сознаніе того, что земля, которою онъ владѣетъ, принадлежитъ ему по праву, что въ силу этого права онъ можетъ распоряжаться своимъ участкомъ, это сознаніе приводитъ къ сдѣлкамъ отчужденія - временнаго (аренда) или „на вѣчность". Сдѣлки эти, неправильныя съ точки зрѣнія закона, вызываютъ впослѣдствіи процессы, оканчивающіеся торжествомъ неяснаго закона и спутанныхъ сенатскихъ теорій.

Таково дѣйствительное положеніе вещей въ вопросѣ о правѣ владѣнія надѣломъ. Какъ же разрѣшила этотъ вопросъ коммиссія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ?

Положеніе о надѣльныхъ земляхъ въ проектѣ содержитъ 216 статей и распадается на 4 главы, въ которыхъ излагаются: общія положенія (гл. 1), объ общинномъ владѣніи (гл. 2), о подворномъ владѣніи (гл. 3), объ актахъ на надѣльныя земли (гл. 4).

Тогда какъ по Положеніямъ 19 февраля 1861 г. количество надѣльныхъ земель должно было постепенно сокращаться, потому что выкупленныя земли утрачивали характеръ надѣльныхъ и становились объектомъ свободнаго гражданскаго оборота, проектъ не предвидитъ уменьшенія пространства надѣльныхъ земель, а напротивъ предусматриваетъ способы расширенія надѣльной территоріи: такъ, по ст. 2, дѣйствію правилъ о надѣльныхъ земляхъ подлежатъ также земли, пріобрѣтенныя крестьянскими обществами: 1) на суммы, вырученныя отъ добровольнаго или принудительнаго, для государственной или общественной надобности, отчужденія всего или части надѣла, и 2) на капиталы, образовавшіеся изъ наемной платы при отдачѣ обществами надѣльной земли подъ разработку нѣдръ. Первое еще понятно: земля, пріобрѣтенная вмѣсто экспропріированной надѣльной, будетъ тоже надѣльной, потому что въ этомъ случаѣ происходитъ обмѣнъ одной земли на другую. Но почему земля, пріобрѣтаемая за наемную плату при отдачѣ надѣльной земли для разработки нѣдръ, должна получить характеръ надѣльной? На вырученныя отъ аренды небольшого количества десятинъ надѣльной земли суммы возможно иногда купить обширное имѣніе, и для того, чтобы земли этого имѣнія подлежали превращенію въ надѣльныя, нужно доказать, что надѣльный харак-

теръ земли имѣетъ преимущество предъ свободною собственностью доселѣ доступной крестьянамъ по ст. 34 (10) Общаго Положенія. Нужно быть сильно убѣжденнымъ въ преимуществахъ надѣльнаго землевладѣнія предъ владѣніемъ на правѣ собственности, чтобы предположить такой случай, когда собственники стали-бы ходатайствовать о распространеніи правилъ о надѣльныхъ земляхъ на другія (т. е. ненадѣльныя) земли, принадлежащія какъ крестьянскимъ обществамъ, такъ и товариществамъ крестьянъ и отдѣльнымъ крестьянскимъ семействамъ (ст. 3). Кому изъ крестьянъ, стремящихся къ свободному распоряженію своей землей, придетъ въ мысль связывать оборотоспособность своей земли, подчиняя ее правиламъ о владѣніи надѣломъ? Не ожидаетъ-ли эту статью проекта судьба закона о временно заповѣдныхъ имуществахъ? Конечно, никому не возбраняется отказываться отъ правъ, ему принадлежащихъ, или ограничивать себя въ осуществленіи своихъ правъ; но вѣдь составители проекта въ сообщеніи землѣ надѣльнаго характера видятъ чуть-ли не благо, предусмотрѣнное при томъ-же Положеніемъ 19 февраля: вѣдь для проекта и законъ 14 декабря 1893 г. представляетъ собою дальнѣйшее развитіе Положенія.

Положеніе имѣло въ виду создать обширный классъ мелкихъ собственниковъ, а послѣдующіе законы, сенатская практика и нынѣшній проектъ стремятся привязать крестьянъ къ землѣ, задаваясь при этомъ вопросомъ не о томъ, кому принадлежитъ земля, а о томъ, кто принадлежитъ къ землѣ, какъ будто бы не земля существуетъ для крестьянъ, а наоборотъ—крестьяне для земли. Проектъ положенія о надѣльныхъ земляхъ не сдѣлалъ ни шага впередъ къ облагороженію права крестьянъ на надѣлъ, а напротивъ пошелъ назадъ, въ смыслѣ установленія за крестьянами, такъ сказать, инвентарнаго характера въ отношеніи къ надѣлу.

И проектъ признаетъ два типа владѣнія надѣльной землею – владѣніе на общинномъ и владѣніе на подворномъ правѣ. Въ сущности оба эти типа характеризуются однѣми и тѣми-же чертами, и разница между обоими типами не принципіальная, а такъ сказать – количественная. Въ самомъ дѣлѣ: при общинномъ порядкѣ владѣнія собственникомъ всей надѣльной земли признается земельное общество, отдѣльные же владѣльцы въ составѣ общества, крестьянскіе дворы, имѣютъ лишь право владѣнія и пользованія предоставленными имъ участками усадебной и полевой земли; при подворномъ владѣніи усадебныя и полевыя земли, находящіяся въ отдѣльномъ владѣніи крестьянскихъ дворовъ (подворные участки), составляютъ

собственность этихъ дворовъ (ст. 5). Тогда какъ, по Положенію, за крестьянами, при общинномъ владѣніи, признавалось право собственности по крайней мѣрѣ на усадьбу, по проекту и это право отнимается у отдѣльныхъ крестьянъ или у отдѣльныхъ дворовъ, и теперь окончательно создается два типа общинъ - общество и отдѣльный дворъ; въ первомъ случаѣ право собственности на землю принадлежитъ обширной группѣ лицъ—земельному обществу, во второмъ—ограниченному кругу лицъ—двору; но какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ нѣтъ индивидуальной собственности, а наблюдается лишь собственность коллективнаго субъекта. Конечно изъ этихъ двухъ типовъ владѣнія надѣльными землями слѣдуетъ отдать предпочтеніе подворному владѣнію, потому что это владѣніе, осуществляемое болѣе тѣснымъ союзомъ лицъ, связанныхъ между собою въ огромномъ большинствѣ случаевъ кровнымъ родствомъ, все же болѣе подходитъ къ праву собственности, чѣмъ владѣніе общества; при подворномъ владѣніи по крайней мѣрѣ, семья знаетъ, что земля не будетъ у нея отнята, потому что „подворный участокъ признается собственностью всего крестьянскаго двора, во владѣніи коего онъ состоитъ“ (ст. 155) и „земельное общество не въ правѣ вмѣшиваться въ распоряженія домохозяина относительно подворнаго участка“ (ст 157); напротивъ при общинномъ владѣніи „усадебные участки находятся въ потомственномъ владѣніи крестьянскихъ дворовъ, въ отношеніи же участковъ общинной земли дворы, коимъ они предоставлены, имѣютъ лишь право временнаго владѣнія ими отъ передѣла до передѣла“ (ст. 42).

Не такъ разсуждаетъ коммиссія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Ея симпатія на сторонѣ общиннаго владѣнія, а не подворнаго, хотя въ то же время коммиссія признаетъ безспорность слѣдующаго положенія: „обѣ эти формы (общинное и подворное владѣніе) въ томъ видѣ, какъ онѣ сложились у насъ, заключаютъ многія существенныя препятствія къ полному развитію индивидуальныхъ способностей отдѣльныхъ крестьянъ къ болѣе совершенному использованію ими производительныхъ силъ почвы“ (Объясн. зап., стр. 22). Послѣ этого откровеннаго признанія можно было-бы ожидать, что обѣ формы владѣнія надѣльными землями подвергнутся пересмотру, въ результатѣ котораго явился-бы способъ землепользованія, болѣе удовлетворительный въ глазахъ коммиссіи; а на самомъ дѣлѣ видимъ мы въ работѣ коммиссіи не то. Коммиссія не взяла на себя изысканія третьяго удовлетворительнаго способа, а ограничилась заявленіемъ, что „задача за-

конодателя въ данномъ случаѣ должна состоять не въ коренной насильственной ломкѣ существующаго у крестьянъ порядка землепользованія, а главнымъ образомъ въ предоставленіи сельскому населенію всѣхъ средствъ къ сознательному по собственному почину какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ обществъ, переходу къ болѣе совершеннымъ способамъ использованія ихъ земельныхъ богатствъ" (ibid, стр. 28). Какъ ни красива эта фраза въ стилистическомъ отношеніи, но какъ же примирить ее съ содержаніемъ проекта положенія о надѣльныхъ земляхъ? Нельзя же думать, что составители проекта, сознавая несовершенства существующихъ типовъ крестьянскаго землевладѣнія, поэтому именно и заботятся объ ихъ сохраненіи на будущее время. А что они заботятся объ этомъ, это видно изъ статей проекта, предусматривающихъ возможность распространенія надѣльнаго характера и на ненадѣльныя земли. Къ чему же въ сущности сводится работа коммиссіи по вопросу о владѣніи надѣломъ? Только къ приведенію въ нѣкоторую систему, правда внѣшнюю, положеній, высказанныхъ Сенатомъ. Разрѣшенія наболѣвшихъ вопросовъ и разрѣшенія коренного здѣсь не найти, да его и не искали редакторы, какъ будто бы то положеніе, какое существуетъ въ настоящее время, не вызываетъ потребности въ серьезной реформѣ, какъ будто-бы цѣль нынѣшняго пересмотра законодательства о крестьянахъ въ томъ именно и заключается, чтобы отдалить для крестьянъ тотъ моментъ, когда они могли-бы стать не по имени только, но и на самомъ дѣлѣ самостоятельными субъектами гражданскаго права.

Центральной фигурой во дворѣ является домохозяинъ. Это по проекту не только естественное положеніе отца семейства (pater familias); это и публичная должность, на которую можно попасть и по избранію! Домохозяиномъ, говоритъ ст. 30 проекта, признается старшій восходящій по прямой линіи (отецъ, дѣдъ и т. п. (?), являющійся родоначальникомъ по отношенію къ прочимъ членамъ двора. Это, такъ сказать, домохозяинъ по закону; но можетъ быть домохозяинъ и по завѣщанію: именно, въ тѣхъ случаяхъ, когда надѣлъ двора не подлежитъ дальнѣйшему дробленію, домохозяинъ, если таковымъ состоитъ восходящій по прямой линіи, въ правѣ самъ назначить себѣ преемника изъ членовъ двора; такое распоряженіе можетъ быть сдѣлано или на письмѣ, или-же, въ присутствіи не менѣе двухъ свидѣтелей, на словахъ (ст. 92). Наконецъ, въ случаѣ отсутствія въ составѣ двора лица, являющагося родоначальникомъ по отношенію ко

всѣмъ остальнымъ членамъ двора, мѣсто домохозяина заступаетъ одинъ изъ членовъ двора по избранію прочихъ (ст. 31). Къ сожалѣнію, проектъ, предусматривающій все, не содержитъ указаній, въ какомъ порядкѣ должно происходить это избраніе домохозяина: какъ быть, если во дворѣ окажется нѣсколько претендентовъ на постъ домохозяина, и за каждаго претендента будетъ равное число избирательныхъ голосовъ? Въ дѣйствующемъ Малороссійскомъ положеніи (ст. 81) громадѣ (сельскому сходу) предоставлено въ одномъ случаѣ право выбора домохозяина. Не представлялось-ли бы цѣлесообразнымъ примѣнить такой порядокъ избранія домохозяина на тѣ случаи, когда отпадаетъ естественный представитель семьи? Вѣдь домохозяинъ не только глава семьи, но и представитель двора на сельскомъ сходѣ (ст. 26 положенія о кр. общ. упр.) и отвѣтственное лицо предъ начальствомъ, такъ что и для сельскаго схода не безразлично, кто окажется домохозяиномъ въ данномъ дворѣ.

Проектъ не называетъ крестьянскій дворъ ни юридическимъ лицомъ, ни рабочимъ союзомъ; и хотя крестьянская семья является въ проектѣ союзомъ лицъ, связанныхъ кровнымъ, прежде всего, родствомъ, и построена по типу монархическому, однако, домохозяинъ не монархъ въ смыслѣ, напр., римскаго pater familias, не ограниченный домовладыка, но монархъ конституціонный — что касается отношеній по владѣнію надѣльной землей: такъ, отчуждать усадебный участокъ, а равно отдавать его въ наемъ на срокъ свыше года домохозяинъ въ правѣ лишь съ согласія жены и всѣхъ совершеннолѣтнихъ, или, хотя и несовершеннолѣтнихъ, но вступившихъ въ бракъ членовъ двора мужского пола (ст. 46, 154). Между тѣмъ *каждому* члену крестьянскаго двора принадлежитъ право на участіе въ пользованіи усадебнымъ участкомъ (ст. 44, 155): какъ же будетъ въ томъ случаѣ, если во дворѣ, кромѣ домохозяина, нѣтъ членовъ—мужчинъ, а имѣются однѣ только женщины? онѣ не имѣютъ голоса по вопросу объ отчужденіи надѣльной земли, и тогда домохозяинъ, а то и домохозяйка (потому что, по ст. 35, и женщина можетъ отправлять функціи домохозяина) можетъ по своему усмотрѣнію совершить отчужденіе надѣла. Одно изъ двухъ: или власть домохозяина должна быть неограниченной, или, если она ограничена, то по отношенію къ интересамъ всѣхъ вообще членовъ двора, не разбирая пола и возраста (за малолѣтнихъ согласіе могло бы быть выражено ихъ опекунами ad hoc). Ограничена власть домохозяина и что касается распоряженій не приводящихъ къ отчужденію надѣла,—

потому что право на пользованіе надѣломъ принадлежитъ каждому члену двора. Это не новость; и до сихъ поръ судебная практика твердо стояла на томъ положеніи, что всѣ наличные члены двора имѣютъ право на надѣлъ. Вотъ, если бы проектъ далъ какія-либо указанія относительно того, каковъ-же размѣръ того права, которое принадлежитъ каждому изъ членовъ,—допускать здѣсь раздѣлъ поголовный или поколѣнный, или держаться какого либо иного начала при опредѣленіи размѣра участія каждаго изъ членовъ въ пользованіи надѣломъ?

Этотъ вопросъ въ проектѣ обойденъ молчаніемъ, какъ будто бы на практикѣ онъ и не возникаетъ. Неужели этотъ жизненный вопросъ будетъ разрѣшаться по усмотрѣнію волостного суда, какъ выразителя мѣстнаго обычая? Но въ такомъ случаѣ для чего же и вообще сочинять законы, если волостной судъ, а въ особенности волостной съѣздъ съ земскимъ начальникомъ во главѣ знаютъ все, что для крестьянъ хорошо и нехорошо? А между тѣмъ редакторы сочинили же цѣлый кодексъ договорнаго и наслѣдственнаго крестьянскаго права.

Что касается правилъ о пользованіи надѣльной землей, то творческая дѣятельность редакторовъ оказывается весьма ограниченной; дальше повторенія положеній сенатской практики редакторы не пошли, да и куда же было идти, когда даже законъ 14 декабря 1893 г., по глубокому убѣжденію коммиссіи, выражаетъ собою одно изъ началъ освободительнаго акта 19 февраля 1861 г.?

Въ одномъ отношеніи редакторы отказались, повидимому, отъ боязни оригинальности—это по вопросу объ актахъ отчужденія надѣльной земли. Общее Положеніе о нотаріальной части оказывается для крестьянъ, разумѣется, непримѣнимымъ, потому что только свободныя имущества подлежатъ компетенціи старшаго нотаріуса. Пришлось сочинить новыя правила о порядкѣ совершенія актовъ объ отчужденіи надѣльныхъ земель въ волостномъ правленіи. Правда, и до сего времени въ волостныхъ правленіяхъ имѣются особыя книги сдѣлокъ и договоровъ (ст. 91 (110) общ. пол.); но въ эту книгу, благодаря циркулярнымъ распоряженіямъ, попадаютъ далеко не всѣ сдѣлки, которыя желательно было бы совершить заинтересованнымъ лицамъ; самыя существенныя сдѣлки не вносятся сюда, и крестьянамъ приходится ограничиваться безграмотными и часто безсмысленными домашними сдѣлками, редактируемыми деревенскими грамотѣями. Письменному акту крестьяне придаютъ большое значеніе, и, заручившись

домашней „распиской“, „условіемъ“, „сдѣлкой“, они считаютъ свои интересы обезпеченными. Но судебныя мѣста не раздѣляютъ взгляда крестьянъ на ихъ домашнія сдѣлки; отсюда для крестьянъ рядъ разочарованій, тяжко отзывающихся на ихъ благосостояніи.

Такое положеніе дѣла привело редакторовъ къ сознанію необходимости въ начертаніи *особыхъ* правилъ о порядкѣ совершенія актовъ на надѣльныя земли. Нужны особыя правила, потому что, разсуждаютъ редакторы (т. V, стр. 479 и сл.), совершеніе крѣпостныхъ актовъ отличается чрезмѣрною сложностью, медленностью и дороговизной, а мелкая земельная собственность, по малоцѣнности своей, не выдерживаетъ издержекъ, съ коими связано нынѣ укрѣпленіе земельныхъ правъ. Такая оцѣнка существующаго порядка укрѣпленія правъ на недвижимости даетъ, казалось-бы, надежду на то, что коммиссія выработаетъ порядокъ простой, быстрый и дешевый и, при наличности этихъ признаковъ, оригинальный. Ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Дѣло ограничивается такъ сказать передѣлкой положенія о нотаріальной части и проекта вотчиннаго устава на крестьянскіе нравы, съ перенесеніемъ функцій младшаго нотаріуса на волостного старшину, обязанностей старшаго нотаріуса или проектируемаго начальника вотчиннаго установленія—на уѣзднаго члена окружного суда. Порядокъ укрѣпленія права на надѣлъ долженъ заключаться именно въ слѣдующемъ: крестьяне, желающіе совершить актъ объ отчужденіи земельнаго участка, представляютъ волостному старшинѣ проектъ акта или словесно объявляютъ ему условія предположенной сдѣлки; волостной старшина, разсмотрѣвъ условія предположенной сдѣлки, обязанъ, посредствомъ опроса сторонъ въ присутствіи двухъ свидѣтелей, предварительно убѣдиться въ томъ, что онѣ дѣйствительно по доброй волѣ желаютъ ее совершить на изложенныхъ условіяхъ и понимаютъ ея смыслъ и значеніе, послѣ чего представленный сторонами проектъ акта или составленный волостнымъ писаремъ протоколъ подписываются, въ присутствіи волостного старшины, сторонами и свидѣтелями; но предварительно засвидѣтельствованія подписаннаго акта волостной старшина обязанъ удостовѣриться: а) въ правоспособности сторонъ къ совершенію актовъ вообще и даннаго акта въ частности, б) въ законности предположеннаго акта, т. е. въ соотвѣтствіи его какъ общимъ законамъ, такъ и особымъ узаконеніямъ о сельскомъ состояніи, в) въ дѣйствительномъ существованіи отчуждаемаго участка въ предѣлахъ волости, и г) въ принадлежности этого участка от-

чуждателю; послѣ этого актъ свидѣтельствуется волостнымъ старшиной, надпись котораго о засвидѣтельствованіи акта должна содержать въ себѣ: 1) годъ, мѣсяцъ и число засвидѣтельствованія; 2) означеніе волостного правленія, въ которомъ совершается актъ; 3) точное означеніе лицъ, совершающихъ актъ; 4) указаніе, что лица эти извѣстны волостному старшинѣ, или указаніе способа, коимъ волостной старшина удостовѣрился въ ихъ личности; 5) удостовѣреніе, что стороны правоспособны къ совершенію акта и что отчуждаемый участокъ принадлежитъ лицу его отчуждающему, съ указаніемъ способовъ, коими волостной старшина въ этомъ удостовѣрился. Такова первая стадія совершенія акта объ отчужденіи надѣльной земли (ст. 182—190 проекта полож. о надѣльн. земляхъ).

Для всякаго мало-мальски знакомаго съ Положеніемъ о нотаріальной части ясно до очевидности, что проектируемыя правила представляютъ собою точную копію общихъ правилъ о совершеніи крѣпостныхъ актовъ. О самостоятельномъ творчествѣ редакторовъ здѣсь и рѣчи нѣтъ, такъ какъ проектъ просто списанъ съ дѣйствующихъ правилъ. Что-же этимъ достигается? Нотаріальныя конторы вовсе ужъ не такъ недоступны для крестьянъ; конечно ихъ меньше, чѣмъ волостныхъ правленій, но кругъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ волостному старшинѣ и волостному писарю, несравненно обширнѣе круга дѣлъ, требующихъ участія нотаріуса; провинціальные нотаріусы, къ сожалѣнію для нихъ, на обремененіе дѣлами пожаловаться не могутъ; а отчужденіе надѣльной земли не является сдѣлкою повседневнаго оборота, не требуетъ особой поспѣшности и, чѣмъ серьезнѣе обставлено съ внѣшней стороны, тѣмъ болѣе осторожности и сознательности предполагаетъ у лица, совершающаго безповоротный актъ отчужденія. Одна выгода при совершеніи акта въ волостномъ правленіи,— совершеніе актовъ не сопровождается уплатой пошлинъ (крѣпостныхъ) и всякихъ иныхъ въ пользу казны сборовъ (ст. 215; но въ пользу канцеляріи волостного правленія взимается сборъ не свыше 1 проц. съ цѣны акта (ст. 216). Но, если можно освободить эти акты отъ оплаты пошлинами въ волостномъ правленіи, то, казалось бы, что-же мѣшаетъ освободить ихъ и въ томъ случаѣ, если-бы акты эти совершались въ нотаріальной конторѣ? И гдѣ гарантіи того, что при господствующихъ въ крестьянскомъ быту нравахъ стоимость совершенія акта въ волостномъ правленіи ограничится 1 проц. цѣны акта? Вѣдь у волостного писаря много дѣла и быстро проявить добрую волю къ запискѣ акта въ книгу онъ окажется, можетъ

быть, и не всегда готовымъ. Если теперь приговоры сельскихъ сходовъ зависятъ не столько отъ правоты заинтересованныхъ, сколько отъ готовности ихъ понести расходы на угощеніе міра, то на сколько же затруднительнѣе будетъ имѣть дѣло съ единичною властью волостного старшины и волостного писаря? Въ созданіи проектируемаго порядка совершенія акта объ отчужденіи надѣльной земли видно лишь одно: желаніе положить грань между крестьянами и некрестьянами даже и въ сферѣ такихъ вопросовъ, для разрѣшенія которыхъ существуютъ спеціальныя установленія, чуждыя сословной окраски.

Утвержденіе совершоннаго въ волостномъ правленіи акта происходитъ по проекту примѣнительно къ правиламъ о дѣйствіяхъ старшаго нотаріуса, съ тою разницей, что функціи старшаго нотаріуса для крестьянъ отправляетъ уѣздный членъ окружного суда; до утвержденія акта уѣздный членъ обязанъ удостовѣриться: 1) что дѣйствующіе законы, въ томъ числѣ и узаконенія о сельскомъ состояніи, не воспрещаютъ совершенія и утвержденія акта, и 2) что отчуждаемый участокъ дѣйствительно принадлежитъ сторонѣ, его отчуждающей (ст. 194); удостовѣрясь въ соотвѣтствіи акта симъ условіямъ, уѣздный членъ утверждаетъ оный надписью на самомъ актѣ (ст. 196); по утвержденіи акта уѣзднымъ членомъ, актъ отсылается имъ въ волостное правленіе для внесенія въ книгу землепользованія и отмѣтки въ поземельномъ реестрѣ, а представленные документы остаются въ подлинникахъ или копіяхъ при дѣлахъ уѣзднаго съѣзда.

До сихъ поръ проектируемыя правила заимствованы изъ положенія о нотаріальной части. Дальше идутъ заимствованія изъ проекта вотчиннаго устава, что касается книги землепользованія и поземельнаго реестра (ст. 198—202), порядка внесенія и отмѣтки актовъ объ отчужденіи надѣльныхъ земель (ст. 203—207), внесенія и отмѣтки актовъ о наймѣ, приговоровъ земельныхъ сходовъ и судебныхъ рѣшеній (ст. 208—211), записки подворныхъ и усадебныхъ участковъ въ поземельный реестръ по просьбѣ владѣльцевъ (ст. 212—213).

Не можетъ быть спора, что все это вопросы чрезвычайно серьезные; но эти вопросы безъ особенныхъ затрудненій могли бы быть разрѣшены путемъ подведенія крестьянъ и принадлежащихъ имъ надѣльныхъ земель подъ соотвѣтствующіе общіе законы. Возраженіе противъ этого положенія со ссылкой на дѣйствующій нынѣ законъ въ томъ смыслѣ, что только свободныя имущества подлежатъ отчужденію и пріобрѣтенію при содѣй-

ствіи старшаго нотаріуса, не можетъ быть признано за аргументъ серьезнаго свойства. Въ проектѣ положенія о надѣльныхъ земляхъ ст. 158 гласитъ „для отчужденія подворнаго участка не требуется предварительнаго погашенія выкупного долга, числящагося на этомъ участкѣ, а обязанность уплачивать причитающіеся съ участка выкупные платежи переходитъ на пріобрѣтателя“. Вотчинный характеръ владѣнія на выкупномъ правѣ, такимъ образомъ, признается проектомъ; нынѣшняя система запрещеній по проекту вотчиннаго устава замѣняется системой отмѣтокъ при вотчинной запискѣ: слѣдовательно, нѣтъ препятствій со стороны общаго закона къ тому, чтобы акты отчужденія и пріобрѣтенія надѣльной земли совершаемы были въ общемъ, а не въ спеціально для крестьянъ установленномъ порядкѣ.

Оригинальность этой части проекта положенія о надѣльныхъ земляхъ оказывается только кажущеюся. Въ сущности мы имѣемъ здѣсь дѣло только съ копіей, снятой съ готовыхъ образцовъ. Къ чему-же, однако, работать надъ копіями, когда ничто не мѣшаетъ воспользоваться подлинниками? Понятно было-бы стремленіе редакторовъ создать особыя правила для отчужденія или пріобрѣтенія надѣльныхъ земель, если-бы дѣйствительно надѣльный характеръ имущества являлся препятствіемъ къ примѣненію общихъ нормъ къ порядку укрѣпленія надѣла; но когда проектъ въ сущности сводитъ свои правила къ законамъ уже существующимъ, съ замѣною лишь „нотаріуса“—„волостнымъ старшиной“ и „старшаго нотаріуса“—„уѣзднымъ членомъ окуружного суда“, то весь трудъ редакторовъ по этой части проекта приводитъ читателя въ недоумѣніе: зачѣмъ тратится время, зачѣмъ тратятся средства на копированіе существующихъ уже законовъ? Если внѣ существующаго закона придумать ничего нельзя, то не лучше-ли прямо распространить дѣйствіе такого закона на подлежащіе случаи въ жизни крестьянскаго населенія Имперіи, чѣмъ доказывать, что нотаріальныя функціи перестанутъ быть таковыми и освободятся отъ присущихъ имъ недостатковъ, если онѣ будутъ исполняемы не теперешними нотаріусами, а волостными старшинами? Если неудовлетворительно состояніе нотаріальной части, то слѣдуетъ Положеніе о нотаріальной части замѣнить болѣе удовлетворительнымъ, болѣе соотвѣтствующимъ требованіямъ нашего времени закономъ. Объ этомъ, какъ извѣстно, уже и подумали, выработавъ въ свое время проектъ вотчиннаго устава. Но отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы неудовлетворительный вообще порядокъ оказался полезнымъ для крестьянъ.

Вопросъ о нотаріальномъ совершеніи актовъ не столько вопросъ бытовой, сколько вопросъ юридической техники. Поэтому, заключенія губернскихъ совѣщаній, на нѣкоторыя изъ коихъ ссылаются редакторы проекта, не могутъ имѣть серьезнаго значенія, тѣмъ болѣе, что заключенія по этому вопросу далеко не отличаются единодушіемъ: редакторы выбрали тѣ заключенія, которыя соотвѣтствуютъ предвзятой ихъ мысли о необходимости установить для крестьянъ и для не крестьянъ два разные порядка гражданской жизни, если не по внутреннему ихъ содержанію, то, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны».....

Тотъ же авторъ, въ той же брошюрѣ („Вопросы частн. права“) говоритъ:

..... «Оба типа владѣнія надѣломъ—владѣніе подворное и владѣніе общинное, въ періодъ между двумя передѣлами, отличаются одинаковыми чертами, стремясь пріобрѣсть характеръ владѣнія независимаго. Теоретическая возможность передѣла грозитъ крестьянину не постоянно, а по истеченіи установленнаго закономъ срока, который нынѣ по 28 ст. Общ. Пол. (законъ 8 іюля 1893 г.) назначается въ 12 и болѣе лѣтъ. Такъ какъ и при общинномъ владѣніи за каждымъ дворомъ признается право на постоянное обладаніе усадебной землей, независимо отъ предѣловъ, то въ обладаніи двора имѣется неизмѣняющееся ядро, къ которому тянутъ и прочія угодія. Составъ владѣнія каждаго двора могъ-бы послужить почвой къ переходу отъ общиннаго къ подворному владѣнію, которое, относительно, является высшей формой обладанія надѣломъ, какъ обладаніе разъ навсегда установленное. Недостатки общиннаго владѣнія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи являются общеизвѣстными, и устраненіе невыгодныхъ послѣдствій этой формы владѣнія можетъ быть достигнуто прежде всего устраненіемъ передѣловъ съ предоставленіемъ двору права постояннаго и неизмѣннаго обладанія земельными угодьями въ томъ составѣ, въ какомъ застанетъ ихъ реформа.

Однако, если и можно высказать пожеланіе о переходѣ къ подворному владѣнію, то этимъ еще не разрѣшается вопросъ о свойствахъ владѣнія надѣломъ на подворномъ правѣ, такъ какъ въ законѣ дѣйствующемъ это право опредѣлено не въ достаточной степени, а конструкція его, даваемая практикой и воспроизводимая проектомъ, явно неудовлетворительна по массѣ внутреннихъ противорѣчій. Стремленіе законодателя обособить надѣлъ, выдѣлить его изъ ряда прочихъ объектовъ вотчиннаго права до тѣхъ поръ не достигнетъ своей цѣли, пока не будетъ дана прочная конструкція

и ясное опредѣленіе характера права подворнаго владѣнія. Оставляя неприкосновеннымъ законъ о неотчуждаемости крестьянскаго надѣла, возможно было-бы квалифицировать этотъ своеобразный видъ владѣнія, какъ владѣніе заповѣдными имуществами. Правда, нынѣ дѣйствующій законъ о заповѣдныхъ имѣніяхъ (ст. 467—493 ч. 1 т. X) признаетъ свойство заповѣдности только за имѣніями дворянскими и притомъ непремѣнно обширнаго состава (не менѣе пяти тысячъ и не болѣе ста тысячъ десятинъ земли— ст. 470). Но цѣль, преслѣдуемая закономъ о заповѣдныхъ имѣніяхъ—та-же, какую преслѣдуетъ законодатель относительно крестьянскихъ надѣловъ; какъ «заповѣдное имѣніе признается собственностью не одного настоящаго владѣльца, но всего рода, для коего оно учреждено, т. е. всѣхъ принадлежащихъ къ тому роду лицъ, какъ уже родившихся, такъ и имѣющихъ впредь родиться» (ст. 485 ч. 1 т. X), такъ же точно и на надѣлъ законъ смотритъ, какъ на земельный фондъ, обезпечивающій не одного домохозяина, но весь дворъ (ст. 15, 66, 101, 148, 190, 295, 587, кн. IV Особ. Прил. IX т., изд. 1902 г.); подобно тому, какъ «владѣлецъ заповѣднаго имѣнія, пользуясь всѣми доходами и другими удобствами и выгодами, съ владѣніемъ онаго соединенными, не только не можетъ отчуждать какой-либо части имѣнія, но не имѣетъ права и отдавать его въ залогъ, и, вообще, обременять долгами или повинностями» (ст. 488 ч. 1 т. X), такъ-же и по закону 14 декабря 1893 г. «крестьянамъ воспрещается отдавать надѣльныя земли въ залогъ частнымъ лицамъ и частнымъ учрежденіямъ, хотя-бы выкупная ссуда по симъ землямъ была и погашена», а отчужденіе надѣльной земли поставлено въ тѣсныя границы, будучи допускаемо лишь въ пользу лицъ, приписанныхъ къ данному сельскому обществу (ст. 19 и 20 Общ. Пол., изд. 1902 г.); какъ заповѣдныя имѣнія не подлежатъ завѣщательнымъ распоряженіямъ, но переходятъ въ порядкѣ, установленномъ въ учредительномъ актѣ, по этому сепаратному закону, такъ и относительно надѣловъ учитъ Правительствующій Сенатъ, что завѣщательныя распоряженія къ нимъ непримѣнимы (рѣш. общ. собр. 1897 г. № 29); какъ заповѣдныя имѣнія могутъ быть составлены «изъ разныхъ отдѣльныхъ вотчинъ или несмежныхъ между собою участковъ земли, хотя-бы сіи вотчины или участки находились въ разныхъ уѣздахъ или и въ разныхъ губерніяхъ» (ст 471), такъ и надѣлы не представляютъ собою отрубныхъ участковъ: къ одному двору, даже и при подворномъ владѣніи, могутъ принадлежать участки, находящіеся въ разныхъ мѣстахъ, въ земляхъ одного и того-же общества, —

такъ что какъ понятіе дворянскаго заповѣднаго имѣнія, такъ и понятіе надѣла, являются понятіями юридическими, и разбросанность земель объединяется присущею каждому имуществу цѣлью; какъ не подлежатъ дробленію имѣнія заповѣдныя, такъ-же точно и надѣлы оказываются недѣлимыми за предѣлами извѣстнаго минимальнаго количества земли, опредѣленнаго закономъ. Различіе между заповѣдными имѣніями и надѣлами только количественное, но не принципіальное, а потому, казалось-бы, надѣльные участки могли-бы быть объявлены заповѣдными крестьянскими имуществами, примѣнительно къ тѣмъ правиламъ, какими опредѣляется судьба дворянскаго заповѣднаго имѣнія, но съ тою разницею, что заповѣдныя имѣнія подлежатъ единонаслѣдію въ интересахъ отвлеченнаго понятія рода, изъ конкретныхъ представителей котораго призывается къ преемству только одно лицо, въ чьемъ единоличномъ обладаніи и будетъ находиться заповѣдное имѣніе,—между тѣмъ какъ надѣлъ находится въ фактическомъ обладаніи коллективнаго субъекта—двора. Хозяинъ двора юридически не есть хозяинъ земли, онъ только представитель всего двора: поэтому никакихъ сдѣлокъ отчужденія ни inter vivos, ни mortis causa совершать онъ не въ правѣ, какъ не въ правѣ совершать подобные акты и кто-либо изъ прочихъ членовъ. Отчужденіе надѣла допустимо въ одномъ случаѣ: когда весь составъ двора переселяется. Завѣщательныя распоряженія относительно надѣла и наслѣдованія по закону должны быть возможны только при отсутствіи членовъ даннаго двора, и наслѣдственное усвоеніе надѣла можетъ быть осуществлено только со стороны такихъ родственниковъ, которые не имѣютъ участія въ пользованіи другимъ надѣломъ или, хотя и имѣютъ, но откажутся отъ другого надѣла для того, чтобы пріобрѣсть наслѣдственный.

Что касается порядка пользованія надѣломъ, то, юридически недѣлимый, фактически надѣлъ непремѣнно будетъ раздробленъ между членами двора, при чемъ за каждымъ членомъ можетъ быть признано качественно равное съ прочими право, а размѣръ идеальной правовой доли каждаго опредѣлится юридическимъ отношеніемъ даннаго лица къ первому пріобрѣтателю надѣла, т. е. къ родоначальнику данной подворной семьи. Такой порядокъ распредѣленія надѣльной земли не исключаетъ индивидуальнаго обладанія, не упраздняетъ значенія кровнаго родства въ предѣлахъ двора, не устраняетъ проявленія начала кровнаго родства за предѣлами двора въ указанныхъ въ законѣ случаяхъ, сохраняетъ недѣлимость надѣла и начало его неотчуждаемости.

Сказаннымъ мы хотимъ только намѣтить возможное направленіе въ разработкѣ вопроса о владѣніи надѣломъ. Это не будетъ копія съ нѣмецкаго Anerbenrecht, на которое ссылаются и редакторы въ оправданіе необходимости отдѣльнаго устава о наслѣдованіи (т. IV, стр. 360); такая конструкція дастъ намъ до извѣстной степени примѣненіе къ надѣлу положенія о заповѣдныхъ имуществахъ, и тѣмъ самымъ введетъ правила о надѣльномъ владѣніи въ систему общаго гражданскаго права. Но, разумѣется, правила о надѣлѣ не должны быть распространяемы на всякое иное внѣнадѣльное крестьянское имущество, отношенія по коему, какъ мы видѣли, вполнѣ могутъ быть опредѣляемы и разрѣшаемы общимъ для всѣхъ сословій гражданскимъ кодексомъ»...

„Очерки по крестьянскому вопросу". Сборникъ статей подъ редакціей проф. Московскаго Университета А. А. Мануилова. Ст. проф. Мануилова „Проектъ редакціонной коммиссіи объ общинномъ землевладѣніи" *).

I. «Въ трудахъ редакціонной коммиссіи министерства внутреннихъ дѣлъ по пересмотру законоположеній о крестьянахъ занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ проектъ положенія о надѣльныхъ земляхъ, помѣщенный въ V томѣ. Обращаясь къ разсмотрѣнію этого проекта, мы остановимся на той части его, которая относится къ общинному землевладѣнію, и ближайшимъ образомъ на отдѣлѣ, посвященномъ передѣламъ общинной земли. Въ положеніяхъ, касающихся этой важной стороны общинной жизни, опредѣленно обнаруживаются характерныя черты законопроекта, составленнаго коммиссіей.

Въ очеркѣ работъ коммиссіи, опубликованномъ весною нынѣшняго года, было заявлено, что при обсужденіи вопросовъ крестьянскаго землепользованія коммиссія исходила изъ принципа сохраненія поземельной общины. Оцѣнивая труды коммиссіи въ этой области, нужно однако имѣть въ виду, что она желаетъ сохранить общину исключительно такую, которая была бы поставлена подъ контроль земскаго начальника и урегулирована соотвѣтственно принципамъ закона 8-го іюня 1893 г. Поэтому законопроектъ редакціонной коммиссіи сохраняетъ въ полной неприкосновенности главныя правила этого законодательнаго акта, измѣняя лишь нѣкоторыя условія ихъ примѣненія.

Законопроектъ воспроизводитъ составляющее основу закона 8-го іюня

*) Статья эта была напечатана въ №№ 211, 215, 226, 243, 246 и 254 „Русскихъ Вѣдомостей",—Цитируется по Сборнику.

ограниченіе самостоятельности сельскихъ или, по терминологіи редакціонной коммиссіи, земельныхъ сходовъ относительно срока передѣловъ, устанавливая минимальный предѣлъ для этого срока 12 лѣтъ и воспрещая частичную переверстку земли или такъ называемую „скидку и накидку" душъ. Въ полной силѣ остаются также и тѣ части дѣйствующаго закона, которыя ставятъ общину въ отношеніи передѣловъ подъ спеціальный надзоръ земскаго начальника и уѣзднаго съѣзда. При этомъ контроль отнюдь не ограничивается вопросомъ о срокѣ передѣловъ, но также касается и основаній, по которымъ земля распредѣляется между дворами: ст. 87-я—90-я проекта полностью воспроизводятъ соотвѣтствующія положенія закона 1893 г., устанавливающія компетенцію земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ въ дѣлахъ о передѣлахъ общинной земли.

Законопроектъ требуетъ, чтобы въ приговорѣ о передѣлѣ означались не только срокъ, на который онъ совершается, если таковой установленъ земельнымъ сходомъ, но и основаніе, по которому земля распредѣляется между дворами, а также число душевыхъ или иныхъ надѣльныхъ участковъ, причитающихся по принятому основанію каждому изъ дворовъ. Приговоръ, заключающій такимъ образомъ всѣ обстоятельства дѣла, вступаетъ въ силу лишь по провѣркѣ его на мѣстѣ земскимъ начальникомъ и утвержденіи уѣзднымъ съѣздомъ, при чемъ послѣдній отнюдь не ограничивается разсмотрѣніемъ только формальной стороны вопроса: съѣздъ можетъ отмѣнить постановленіе схода и по основаніямъ, относящимся къ существу дѣла, именно признавъ, что постановленный приговоръ клонится къ явному ущербу общества. Такъ какъ законъ не даетъ и, конечно, не можетъ дать точныхъ указаній относительно того, что понимать подъ „явнымъ ущербомъ общества", то на практикѣ указанное законоположеніе открываетъ съѣзду широкій просторъ для навязыванія сельскимъ обществамъ своихъ взглядовъ на ихъ внутреннія дѣла и потребности.

Всѣ эти постановленія только повторяютъ дѣйствующія правила. Изъ этого видно, что редакціонная коммиссія вполнѣ осталась на почвѣ закона 8-го іюня. Идея опеки надъ крестьянскимъ сословіемъ, нашедшая яркое выраженіе въ законѣ о передѣлахъ и проходящая красною нитью черезъ всѣ труды коммиссіи, принята также въ основаніе новаго законопроекта.

Коммиссія не только убѣждена въ цѣлесообразности этой идеи, но находитъ, что установленное закономъ 8-го іюня ограниченіе относительно сроковъ передѣловъ „идетъ навстрѣчу требованіямъ самой жизни" и что

„вообще, если при начертаніи закона 8-го іюня 1893 года и были возможны какія-либо сомнѣнія по вопросу о своевременности введенія въ законъ правила, ограничивающаго сроки передѣловъ, то нынѣ, когда съ изданія означеннаго закона прошло уже болѣе 10 лѣтъ, при чемъ особыхъ неудобствъ отъ такого ограниченія не обнаружилось, возбуждать вновь эти сомнѣнія не имѣется основаній". Съ такимъ оптимистическимъ взглядомъ на послѣдствія дѣйствующаго закона о передѣлахъ трудно согласиться въ виду фактовъ, подтверждающихъ какъ разъ обратное. Мѣстные комитеты о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, собранные Особымъ Совѣщаніемъ, сообщаютъ въ своихъ трудахъ многочисленныя свидѣтельства того, что законъ 1893 года въ однихъ случахъ остался мертвой буквой, а въ другихъ—привелъ къ результатамъ нежелательнымъ и отчасти противоположнымъ тому, чего ожидали его составители *).

Въ виду подобныхъ фактовъ едва ли возможно признать вмѣстѣ съ коммиссіей, что ограниченіе срока передѣловъ не вызвало особыхъ неудобствъ Напротивъ, такихъ неудобствъ обнаружилось весьма много, и сама коммиссія вынуждена была принять въ соображеніе по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ. Это видно изъ приводимыхъ ею мотивовъ къ отдѣльнымъ статьямъ законопроекта, да и самыя дополненія и измѣненія, внесенныя коммиссіей въ законъ 1893 г., свидѣтельствуютъ объ ея желаніи сдѣлать его болѣе эластичнымъ и соотвѣтствующимъ условіямъ хозяйственной жизни народа.

Прежде всего коммиссія сочла необходимымъ освободить отъ дѣйствія законоположеній о передѣлахъ тѣ мѣстности, въ которыхъ существуетъ переложная или залежная система полеводства, несовмѣстимая съ производствомъ передѣловъ черезъ такіе продолжительные промежутки времени, какъ 12 лѣтъ. При названной системѣ хозяйства пашня послѣ нѣсколькихъ посѣвовъ переносится на другое мѣсто, а бывшая пахотная земля забрасывается или подъ лѣсную заросль (въ сѣверныхъ губерніяхъ), или подъ травяную залежь (Новороссія и крайнія восточныя губерніи), при чемъ границы отдѣльныхъ участковъ и полосъ сглаживаются и исчезаютъ, а самая земля поступаетъ въ общественное пользованіе. Такимъ образомъ переложная или залежная система хозяйства имѣетъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ постоянныя и частыя распредѣленія угодій, т. е. постоянные

*) См. 1-й выпускъ, стр. 283 и слѣд. (Ссылка авт. ст.).

передѣлы. Полная непримѣнимость 12-тилѣтняго срока къ такимъ условіямъ была отмѣчена еще нѣкоторыми губернскими совѣщаніями 90-хъ гг. и въ недавнее время мѣстными комитетами. Принимая во вниманіе эти соображенія, коммиссія внесла къ ст. 69-й своего проекта примѣчаніе, ограничивающее область примѣненія правилъ о передѣлахъ.

Дальнѣйшія нововведенія относятся къ законоположеніямъ, касающимся установленія срока передѣловъ общинной земли. Одна изъ главныхъ задачъ закона 8-го іюня 1893 года заключалась въ недопущеніи слишкомъ частыхъ передѣловъ. Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ установленіе срока передѣла можетъ имѣть какъ разъ обратное послѣдствіе. Въ подтвержденіе этого соображенія коммиссія приводитъ мнѣніе Ѳ. Г. Тернера, что законъ 8-го іюня является побужденіемъ къ производству передѣловъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ раньше они составляли исключительное явленіе. При безсрочномъ распредѣленіи земли, можетъ быть, прошло бы 10, 20 и 30 лѣтъ до новаго передѣла, а можетъ быть въ таковомъ и совсѣмъ не представилось бы надобности, но законъ требуетъ опредѣленія срока впередъ, и поэтому крестьяне волей или неволей должны какъ бы заранѣе установить, когда они произведутъ слѣдующій передѣлъ земли. Такимъ образомъ, нѣкоторыя общины, у которыхъ передѣлы перешли уже въ область преданія, по мнѣнію Ѳ. Г. Тернера, подъ вліяніемъ закона 1893 года опять могутъ возвратиться къ 12-ти лѣтнимъ періодическимъ срокамъ.

Для устраненія указаннаго послѣдствія редакціонная коммиссія измѣнила соотвѣтствующія статьи закона 1893 г. въ томъ смыслѣ, что земельный сходъ не обязанъ устанавливать въ приговорѣ о передѣлѣ срока, ранѣе котораго не можетъ послѣдовать новый передѣлъ. Но при этомъ однако въ проектѣ сдѣлана оговорка, что приговоръ, не содержащій въ себѣ означенія срока передѣла, считается постановленнымъ на 12 лѣтъ. Такимъ образомъ, дѣло сводится не къ устраненію минимальнаго срока, установленнаго закономъ 1893 года, а лишь къ допущенію такихъ приговоровъ, въ которыхъ этотъ срокъ не обозначенъ, но молчаливо подразумѣвается. Едва ли это нововведеніе можетъ имѣть большое практическое значеніе. Если соображенія Ѳ. Г. Тернера, принятыя коммиссіей, вѣрны, то они одинаково примѣнимы и къ тѣмъ случаямъ, когда будутъ постановляться приговоры безъ обозначенія срока, но въ дѣйствительности на 12 лѣтъ. Чтобы устранить побужденіе къ общему передѣлу, вызываемое тѣмъ, что

крестьяне наводятся самимъ закономъ на мысль о періодичности передѣловъ, слѣдовало бы вовсе устранить изъ закона постановленія о минимальномъ срокѣ и предоставить крестьянамъ самимъ рѣшать, надлежитъ ли имъ въ приговорѣ объ общемъ передѣлѣ обозначать, на какой срокъ этотъ приговоръ постановленъ, или не дѣлать этого.

Искусственнымъ побужденіемъ къ производству общихъ передѣловъ законъ 1893 г. служитъ главнымъ образомъ потому, что онъ воспрещаетъ скидку и накидку душъ, т. е. частичныя исправленія того порядка пользованія землей, который былъ установленъ послѣднимъ общимъ передѣломъ. Если бы законъ допускалъ возможность производить частичные передѣлы, то несомнѣнно, что этимъ была бы устранена одна изъ важныхъ причинъ, могущихъ вызвать общій передѣлъ даже тогда, когда крестьяне въ сущности его вовсе не желаютъ. Тѣмъ не менѣе коммиссія воспроизводитъ въ своемъ проектѣ статью закона 1893 г., воспрещающую, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, указанныхъ въ законѣ, измѣнять въ промежутки между общими передѣлами размѣры участковъ, отведенныхъ отдѣльнымъ дворамъ.

Вмѣсто того, чтобы открыть крестьянамъ возможность обходиться безъ общихъ передѣловъ тогда, когда можно достигнуть желаемаго уравненія владѣній при помощи скидки и накидки душъ, коммиссія стремится противодѣйствовать передѣламъ, внушая крестьянамъ, что они не обязаны ихъ производить. Съ этой цѣлью, кромѣ указанныхъ выше статей, въ проектъ включена еще одна (80-я), разъясняющая, что земельное общество можетъ по истеченіи срока, на который совершенъ передѣлъ, остаться при прежнемъ пользованіи общинной землей и не обязано къ производству новаго передѣла. Но для того, чтобы ослабить неопредѣленность положенія, возникающаго по истеченіи срока, на который былъ постановленъ приговоръ, или, во всякомъ случаѣ, по истеченіи 12-ти лѣтъ со времени его постановленія, коммиссія вводитъ новое правило, выраженное въ ст. 81-й: „въ случаѣ несовершенія передѣла немедленно по истеченіи срока, на который совершенъ предыдущій передѣлъ, прежній приговоръ о передѣлѣ считается продолженнымъ еще на три года, до окончанія которыхъ общество не въ правѣ приступить къ новому передѣлу. Если передѣла не послѣдуетъ и по прошествіи этихъ трехъ лѣтъ, то прежній приговоръ остается въ силѣ на слѣдующее трехлѣтіе и продолжаетъ такимъ образомъ сохранять свое дѣйствіе отъ трехлѣтія до трехлѣтія, пока по окончаніи

одного изъ нихъ не состоится передѣлъ, послѣ котораго новый передѣлъ допускается уже лишь по истеченіи 12-ти лѣтъ или установленнаго сходомъ болѣе продолжительнаго срока". Это правило вводитъ извѣстную опредѣленность въ положеніе дѣлъ, возникающее въ общинѣ по истеченіи срока, на который былъ постановленъ приговоръ о передѣлѣ. Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что оно не устранитъ, а скорѣе вызоветъ побужденіе произвести новый передѣлъ. Фактически приведенная статья вводитъ трехгодичные сроки для сохраненія порядка пользованія землей, установленнаго послѣднимъ приговоромъ. Но самое установленіе этихъ сроковъ уже вноситъ извѣстную неопредѣленность въ жизнь общины, такъ какъ оно вызываетъ у членовъ общины мысль о возможности передѣла по истеченіи каждаго трехлѣтняго срока; поэтому можно предположить съ большою вѣроятностью, что община пожелаетъ устранить эту неопредѣленность и постановитъ произвести передѣлъ на новый, болѣе продолжительный срокъ. Весьма вѣроятно также, что двѣнадцатилѣтніе сроки получатъ при этомъ наибольшее распространеніе, потому что общины будутъ опасаться связать себя на слишкомъ продолжительное время. Поэтому можно думать, что цѣль редакціонной коммиссіи, стремящейся по возможности удлинить сроки между передѣлами, не будетъ достигнута. Напротивъ, составленный ею проектъ, сдѣлавшись закономъ, скорѣе будетъ поощрять повтореніе общихъ передѣловъ черезъ болѣе или менѣе краткіе промежутки времени,—напр., 12-тилѣтніе періоды,—чѣмъ содѣйствовать удлиненію сроковъ между передѣлами или полному исчезновенію послѣднихъ. Мы не видимъ зла въ томъ, что въ общинѣ обычай періодически передѣлять землю будетъ сохраняться, но полагаемъ, что въ этомъ дѣлѣ нѣтъ никакой надобности стѣснять самостоятельность крестьянъ законодательными постановленіями о срокахъ и административной опекой.

Для характеристики законопроекта, составленнаго редакціонной коммиссіей, слѣдуетъ еще отмѣтить, что она нѣсколько расширила возможность отступленій отъ правила о производствѣ общихъ передѣловъ исключительно въ сроки, установленные въ приговорахъ земельныхъ сходовъ, съ соблюденіемъ 12-тилѣтняго минимума. Законъ 1893 года безусловно допускаетъ досрочный передѣлъ только для окончательнаго раздѣла земли на постоянные наслѣдственные участки, во всѣхъ же другихъ случаяхъ ставитъ сокращеніе срока въ зависимость отъ разрѣшенія губернскаго

присутствія, оговариваясь однако, что такое разрѣшеніе можетъ быть допущено лишь въ случаяхъ исключительныхъ. Законопроектъ не требуетъ особаго разрѣшенія для производства досрочныхъ передѣловъ не только при окончательномъ раздѣлѣ общинной земли, но также еще въ слѣдующихъ трехъ случаяхъ: при образованіи выселка, при переходѣ къ болѣе совершенной системѣ полеводства, связанной съ увеличеніемъ числа полей или съ отводомъ части общинной земли подъ новую культуру, и наконецъ, въ случаѣ отчужденія части надѣла, прикупки къ нему земли и вообще въ случаѣ измѣненія границъ надѣла. Наиболѣе важнымъ изъ приведенныхъ пунктовъ является второй, касающійся перехода къ болѣе совершеннымъ системамъ полеводства, такъ какъ такой переходъ, какъ указываетъ коммиссія въ своихъ мотивахъ, всегда почти неизбѣжно связанъ съ передѣломъ всей или части общинной земли, а между тѣмъ обязательное испрошеніе на досрочные передѣлы согласія губернскаго присутствія, неизбѣжно связанное съ формальностями и потерей времени, служило бы только лишнимъ тормазомъ въ дѣлѣ улучшенія крестьянскаго хозяйства.

Вышеприведенными положеніями проекта редакціонной коммиссіи не исчерпываются дополненія, внесенныя ею въ дѣйствующее законодательство о передѣлахъ, но они заключаютъ въ себѣ важнѣйшія нововведенія. Хотя нѣкоторыя изъ нихъ и улучшили законъ 1893 г., тѣмъ не менѣе и въ переработанномъ видѣ онъ вызываетъ существенныя возраженія.

Запрещеніе скидки и накидки душъ, сохраняемое проектомъ, будетъ служить и впредь искусственнымъ побужденіемъ къ производству общихъ передѣловъ, безъ которыхъ крестьяне, можетъ быть, обошлись бы при отсутствіи упомянутаго запрещенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ ограниченіе срока передѣловъ 12-ти лѣтнимъ минимальнымъ періодомъ, входящее и въ новый проектъ въ качествѣ главнаго его положенія, будетъ попрежнему вести къ увеличенію дробленія земли и черезполосицы, потому что крестьяне, связывая себя приговоромъ о передѣлѣ по крайней мѣрѣ на 12 лѣтъ, будутъ обращать особенное вниманіе на равномѣрное распредѣленіе земли между членами общества. Наконецъ, устраненіе черезполосицы не облегчится, если проектъ коммиссіи получитъ силу закона, потому что производство досрочныхъ передѣловъ въ цѣляхъ устраненія черезполосицы и въ проектѣ поставлено въ зависимость отъ разрѣшенія губернскаго присутствія. Но главное возраженіе, вызываемое предположеніями редакціонной коммиссіи, относится къ основной идеѣ, на которой они построены:

это—идея опеки надъ крестьянскимъ сословіемъ, которую коммиссія принимаетъ какъ руководящее начало во всѣхъ своихъ работахъ.

Исходя изъ этой основной мысли, законопроектъ сохраняетъ въ силѣ дѣйствующія законоположенія, проникнутыя недовѣріемъ къ компетентности крестьянъ въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся передѣловъ общинной земли, и отдающія ихъ подъ опеку земскаго начальника. Между тѣмъ именно въ этой области надобность въ такой опекѣ и ея цѣлесообразность являются всего менѣе доказанными. Напротивъ, факты рѣшительно говорятъ противъ разумности мѣръ, сковывающихъ самостоятельность крестьянскаго населенія въ пользованіи общинною землей. Намъ приходилось уже указывать (1-й выпускъ) на крайнюю скудость матеріаловъ, которыми пользовались создатели закона 1893 года, сами признававшіе недостаточность своихъ свѣдѣній по вопросу, который они тѣмъ не менѣе рѣшились регулировать чрезвычайно стѣснительными правилами. Въ результатѣ получился, какъ и слѣдовало ожидать, плохой законъ, вредъ котораго умѣряется только тѣмъ, что фактически онъ остался во многихъ случаяхъ мертвою буквой. Этотъ неудачный опытъ упорядоченія общиннаго землевладѣнія, къ сожалѣнію, не оказался поучительнымъ для редакціонной коммиссіи.

Для рѣшенія вопроса, слѣдуетъ ли принимать мѣры противъ передѣловъ, важнѣйшее значеніе, конечно, должны были бы имѣть свѣдѣнія о степени ихъ распространенности, о причинахъ, ихъ вызывающихъ, и о срокахъ, чрезъ которые они повторяются. Между тѣмъ именно по этому вопросу коммиссія располагала крайне скуднымъ матеріаломъ. „Весьма важный, можно сказать, коренной вопросъ,—говорится въ мотивахъ къ законопроекту,—вопросъ о степени распространенности передѣловъ и о продолжительности сроковъ, на которые передѣляется земля, не поддается, къ сожалѣнію, сколько-нибудь точному разрѣшенію за отсутствіемъ достовѣрныхъ данныхъ по этому предмету“. Въ виду этого обстоятельства коммиссія отказывается отъ какихъ-либо обобщеній по упомянутымъ вопросамъ и ограничивается лишь нѣкоторыми частными указаніями. Но и эти указанія вполнѣ достаточны для того, чтобы заставить безпристрастнаго наблюдателя усомниться въ цѣлесообразности предлагаемыхъ мѣръ.

Сама же коммиссія приводитъ данныя, свидѣтельствующія о крайнемъ разнообразіи условій, отъ которыхъ зависятъ и распространенность передѣловъ, и сроки между ними. Тамъ, гдѣ доходность надѣла низка, а пла-

тежи высоки, передѣлы повторяются сравнительно часто и, наоборотъ, они составляютъ рѣдкое явленіе, когда надѣлъ съ излишкомъ окупаетъ платежи. На передѣлы вліяетъ также и размѣръ надѣла: въ многоземельныхъ общинахъ передѣлы бываютъ чаще, чѣмъ въ малоземельныхъ, а при извѣстной степени малоземелья они нерѣдко даже совершенно прекращаются. Наконецъ, въ числѣ условій, оказывающихъ вліяніе на сроки и большую или меньшую распространенность передѣловъ, весьма важное мѣсто занимаетъ способъ обработки земли: тамъ, гдѣ земля не унаваживается и вообще не особенно тщательно обрабатывается, передѣлы происходятъ сравнительно часто; напротивъ, чѣмъ интенсивнѣе обработка, чѣмъ больше требуетъ она усилій и затратъ, тѣмъ неохотнѣе разстаются болѣе трудолюбивые и состоятельные хозяева съ своею землей, тѣмъ сильнѣе противодѣйствіе, оказываемое ими передѣлу. Кромѣ способа обработки земли, нѣкоторые изслѣдователи придаютъ большое значеніе и степени состоятельности крестьянъ.

Приведенныхъ указаній совершенно достаточно для того, чтобы видѣть всю несостоятельность попытки уложить такое сложное явленіе, какъ передѣлы, въ рамки 12-тилѣтней нормы и отнять у крестьянъ право самостоятельно рѣшать вопросъ, когда и какъ имъ передѣлять общинную землю. Кто же лучше ихъ можетъ взвѣсить всѣ тѣ разнообразнѣйшія причины, отъ которыхъ зависятъ сроки и основанія передѣловъ? Конечно, земскій начальникъ и уѣздные съѣзды всегда склонны будутъ примѣнять шаблоны, что особенно можетъ оказаться неудобнымъ и вреднымъ при разрѣшеніи вопросовъ, касающихся передѣловъ земли. Да и есть ли основаніе сомнѣваться въ компетентности крестьянъ въ этомъ дѣлѣ? Напротивъ, сама же коммиссія приводитъ факты, доказывающіе, что крестьяне относятся въ высшей степени внимательно къ передѣламъ, принимая въ соображеніе всѣ индивидуальныя особенности каждаго случая и проявляя самостоятельное творчество при организаціи передѣловъ соотвѣтственно измѣнившимся условіямъ. Достаточно указать на своеобразный способъ разверстки земли при передѣлахъ, примѣняемый крестьянами въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Ярославской губерніи, гдѣ общинныя пахотныя земли дѣлятся не на обычныя полосы, а на участки опредѣленной мѣры, называемые „сотнями“. Этимъ способомъ крестьяне очень удачно борются съ черезполосицей и мелкополосицей, при чемъ, по сообщеніямъ мѣстныхъ изслѣдователей, эта система оказывается особенно выгодною для наименѣе

обезпеченныхъ землей группъ населенія. Этотъ примѣръ показываетъ, что крестьяне и безъ вмѣшательства административныхъ властей въ состояніи принимать разумныя мѣры для устраненія неудобствъ, обнаруживающихся, когда принятые способы пользованія общинною землей становятся непригодными Почему же предполагать, что они неспособны производить передѣлы на такихъ основаніяхъ и чрезъ такіе сроки, которые соотвѣтствовали бы интересамъ ихъ хозяйства? Ради какой цѣли стѣснять самодѣятельность крестьянъ, подчиняя ихъ контролю должностного лица, которое при всемъ желаніи не можетъ входить въ детали текущей жизни сельскихъ обществъ. А въ этихъ деталяхъ очень часто заключается сущность дѣла.

Знакомясь съ содержаніемъ закона 1893 года и новаго проекта, можно подумать, что въ нашемъ крестьянствѣ обнаружилось неудержимое стремленіе безъ нужды передѣлять землю вопреки разсудку и къ явному ущербу сельскаго хозяйства. На самомъ же дѣлѣ ничего подобнаго не замѣчается, и сама редакціонная коммиссія приводитъ факты, свидѣтельствующіе о томъ, что сроки передѣловъ съ теченіемъ времени имѣютъ скорѣе тенденцію удлиняться. Хорошо ли это, или нѣтъ, чѣмъ этотъ фактъ объясняется и насколько онъ имѣетъ прочный характеръ, это— другой вопросъ. Но какъ бы то ни было, нѣтъ ни малѣйшихъ показаній въ пользу того, чтобы общины были охвачены какимъ-либо стихійнымъ повѣтріемъ передѣловъ и чтобы нужно было принимать ограничительныя мѣры противъ этого явленія. Что нѣтъ серьезныхъ причинъ принимать мѣры противъ основаній, на которыхъ производятся передѣлы, всего убѣдительнѣе доказывается матеріалами, приводимыми въ трудахъ коммиссіи.

Въ чемъ же въ такомъ случаѣ заключаются истинные мотивы законопроекта? Не сводятся ли они къ стремленію поддержать въ сельскомъ населеніи тѣ группы, которыя желали бы полнаго уничтоженія передѣловъ или, вѣрнѣе, самаго общиннаго землевладѣнія? Редакціонная коммиссія не считаетъ возможнымъ прямо идти къ этой цѣли: она находитъ въ принципѣ нежелательнымъ воспрещеніе передѣловъ, что, по ея справедливому замѣчанію, „было бы въ сущности равносильно уничтоженію общины съ замѣной ея подворно-наслѣдственнымъ владѣніемъ“. Однако, не ставя себя прямо этой цѣли, коммиссія, какъ уже было ясно изъ очерка ея работъ, опубликованнаго нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, видитъ идеалъ поземельнаго устройства крестьянъ въ хуторскомъ землевладѣніи. Стремленіемъ

подготовить въ общинахъ почву для его развитія и продиктованы проектируемыя законоположенія о передѣлахъ.

II. Отмѣченное только что стремленіе оказать содѣйствіе развитію хуторского землевладѣнія еще рѣзче проявляется въ той части законопроекта, которая относится къ образованію выселковъ.

Редакціонная коммиссія исходитъ въ своихъ предположеніяхъ по этому предмету отъ мысли о вредѣ многолюдныхъ селеній и необходимости облегчить разселеніе крестьянъ, живущихъ слишкомъ скученно. Вредъ очень большихъ поселковъ коммиссія усматриваетъ въ цѣломъ рядѣ неблагопріятныхъ послѣдствій. По ея мнѣнію, соединеніе въ одномъ сельскомъ обществѣ слишкомъ большого количества дворовъ затрудняетъ административно-хозяйственную дѣятельность сельскаго схода и должностныхъ лицъ сельскаго управленія, содѣйствуетъ пожарамъ и влечетъ за собою важныя хозяйственныя неудобства, какъ-то: чрезмѣрную растянутость надѣловъ и удаленность полей отъ усадебъ и увеличеніе черезполосности и т. п. Коммиссія приводитъ при этомъ данныя, свидѣтельствующія, по ея мнѣнію, что стремленіе къ разселенію, несомнѣнно, начинаетъ получать развитіе среди крестьянъ и если не достигло пока широкихъ размѣровъ, то не по отсутствію у крестьянъ сознанія пользы такого разселенія, а главнымъ образомъ въ виду связанныхъ съ нимъ трудностей. Перенесеніе усадебной осѣдлости на новое мѣсто стоитъ довольно дорого; оно сопряжено кромѣ того съ потерей хорошо обработаннаго и удобреннаго участка усадебной земли. Для образованія новаго поселка крестьянамъ надо передѣлить вновь всѣ поля; наконецъ, для этой цѣли нерѣдко бываетъ необходимо устройство искусственныхъ водохранилищъ и т. д. Въ виду всѣхъ этихъ затрудненій коммиссія находитъ, что дѣлу разселенія крестьянъ слѣдовало бы оказать помощь цѣлымъ рядомъ мѣропріятій финансоваго и административнаго свойствъ, каковы, напр., организація кредита, при которой выселяющіеся на край полей крестьяне могли бы получать ссуды на льготныхъ условіяхъ, допущеніе нѣкоторыхъ податныхъ облегченій для такихъ крестьянъ, предоставленіе въ распоряженіе земельныхъ обществъ достаточнаго количества землемѣровъ и техниковъ для оказанія содѣйствія при нарѣзкѣ земли выселяющимся, проложеніе дорогъ ко вновь нарѣзываемымъ участкамъ и т. п. Наряду однако съ такими мѣропріятіями коммиссія находитъ нужнымъ подвергнуть измѣненію и тѣ изъ дѣйствующихъ постановленій о крестьянахъ, которыя, по ея мнѣнію, „стѣсняя

свободу разселенія, служатъ немаловажнымъ тормазомъ къ ея развитію". Таковы мотивы, которыми руководилась коммиссія въ своихъ предложеніяхъ.

Мы не будемъ входить въ обсужденіе правильности изложенныхъ соображеній коммиссіи. Предположимъ даже, что они вполнѣ вѣрны, и тѣмъ не менѣе трудно согласиться съ основными положеніями проектируемыхъ коммиссіей измѣненій въ дѣйствующемъ законодательствѣ. Можно вполнѣ допустить и пользу разселенія крестьянъ, и необходимость оказывать имъ въ этомъ дѣлѣ широкое содѣйствіе, но нельзя простирать послѣднее до такихъ размѣровъ, при которыхъ должны неизбѣжно терпѣть ущербъ интересы большинства крестьянскаго населенія. Предложенія же коммиссіи построены именно на идеѣ поддержки въ населеніи общинъ того меньшинства, которое обнаруживаетъ стремленіе выйти изъ общиннаго уклада, хотя бы послѣдствіемъ этого выхода и явилось въ концѣ-концовъ разрушеніе общины къ явному ущербу большинства ея членовъ.

По дѣйствующимъ правиламъ (ст. 52—55-я Общ. Пол.), выселеніе части членовъ многолюднаго общества на край полей, а также раздѣлъ сельскихъ обществъ, образованныхъ изъ нѣсколькихъ селеній, допускаются съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій. Раздѣленіе сельскаго общества, а также образованіе новыхъ поселковъ вслѣдствіе выселенія части сельскаго общества на край полей допускается лишь съ согласія по крайней мѣрѣ $^2/_3$ домохозяевъ, имѣющихъ право участвовать въ сходѣ; и затѣмъ разверстка земли между выселяющимися и остающимися зависитъ исключительно отъ соглашенія между ними. Согласно рѣшенію 2-го департамента сената отъ 8-го октября 1896 года, губернское присутствіе входитъ въ провѣрку правильности приговора о раздѣлѣ сельскихъ обществъ по существу лишь въ отношеніи раздѣленія между названными обществами выкупныхъ платежей и недоимокъ соотвѣтственно количеству земли и платежнымъ силамъ дѣлящихся, но не можетъ измѣнить при этомъ разверстки земли, которая «зависитъ исключительно отъ соглашенія дѣлящихся обществъ, выраженнаго въ приговорѣ соединеннаго схода».

Предложенія коммиссіи существенно измѣняютъ дѣйствующій нынѣ порядокъ. Прежде всего проектъ обязываетъ земельное общество при наличности извѣстныхъ условій выдѣлить дворамъ, желающимъ выселиться, соотвѣтственную часть надѣла, хотя бы такіе дворы и составляли меньшинство общества. По ст. 115 и 116-й проекта требованіе о выдѣлѣ по-

левой земли къ одному мѣсту у края полей для образованія поселка можетъ быть предъявляемо въ земельныхъ обществахъ, имѣющихъ отъ 20 до 50-ти дворовъ, не менѣе чѣмъ восемью домохозяевами, а при наличности въ обществѣ свыше 50-ти дворовъ—не менѣе $^1/_5$ всѣхъ домохозяевъ; если же требованіе исходитъ отъ группы домохозяевъ не менѣе чѣмъ въ 50 человѣкъ, то оно подлежитъ удовлетворенію, хотя бы эти домохозяева и не составляли $^1/_5$ общаго числа ихъ. При этомъ коммиссія предлагаетъ предоставить домохозяевамъ, желающимъ выселиться при наличности указанныхъ условій, требовать отвода имъ земли *во всякое время*, т. е. не только при общихъ передѣлахъ, но и въ промежуткахъ между ними.

Другое весьма существенное нововведеніе заключается въ томъ, что разверстка земли между выселяющимися и остающимися производится не по соглашенію между ними, выраженному въ приговорѣ схода, а соотвѣтственно количеству земли, какимъ выселяющіеся домохозяева пользовались по послѣднему передѣлу; при этомъ отводимая земля должна быть по возможности равнаго качества съ прежней, а въ случаѣ необходимости отвести худшую землю она отводится въ соотвѣтственно большемъ количествѣ.

Въ приведенныхъ предложеніяхъ выражена основная мысль коммиссіи. Нельзя прежде всего не отмѣтить той рѣзкости, съ которою коммиссія проводитъ свое основное стремленіе. По ея проекту, группа домохозяевъ, составляющая $^1/_5$ и даже меньшую часть общества, можетъ заставить всѣхъ остальныхъ отрѣзать имъ часть общинной земли, которой общество должно лишиться навсегда, и притомъ такое требованіе можетъ быть предъявлено во всякое время, слѣдовательно, даже въ такой моментъ, когда общій передѣлъ земли, неизбѣжно сопряженный съ образованіемъ новаго поселка, можетъ оказаться крайне неудобномъ для большинства. Легко представить себѣ, какой переворотъ въ жизни общины долженъ произойти при осуществленіи подобнаго выдѣла, и не трудно видѣть, что коммиссія, предоставляя меньшинству возможность произвести подобный переворотъ во всякое время, въ корнѣ подрываетъ устойчивость землепользованія при общинномъ землевладѣніи. Если бы проектъ коммиссіи осуществился, то группа домохозяевъ, которая пожелала бы держать въ своихъ рукахъ всю общину, во многихъ случаяхъ легко могла бы достигнуть этой цѣли, предъявляя требованіе о выдѣлѣ каждый разъ, какъ

только сельскій сходъ не соглашался бы удовлетворять то или другое ея желаніе. При подобныхъ условіяхъ большинство членовъ общины находилось бы въ полной неизвѣстности относительно того, когда произойдетъ ближайшій общій передѣлъ, потому что онъ могъ бы явиться во всякое время послѣдствіемъ требованія о выдѣлѣ, предъявленнаго группой домохозяевъ. Такой порядокъ свелъ бы къ нулю роль сельскаго схода въ дѣлахъ, касающихся землепользованія, и фактически уничтожилъ бы значеніе какихъ бы то ни было сроковъ въ приговорахъ о передѣлахъ.

Можно только удивляться тому, что предложеніе подобнаго рода исходитъ отъ той самой редакціонной коммиссіи, которая въ ст. 5-й своего проекта признаетъ собственникомъ всей надѣльной земли сельское общество и въ мотивахъ которой такъ много говорится о неустойчивости землепользованія при общинномъ землевладѣніи до закона 1893 г. Неужели же коммиссія не видитъ, что ея предложенія, касающіяся образованія выселковъ, создаютъ такія условія, при которыхъ неустойчивость правъ отдѣльныхъ домохозяевъ на надѣльную землю достигаетъ своего апогея? До изданія закона о передѣлахъ каждый домохозяинъ зналъ по крайней мѣрѣ, что передѣлъ можетъ совершиться не иначе какъ по постановленію большинства, а при порядкѣ, проектируемомъ коммиссіей, достаточно десяти дворамъ изъ 50-ти потребовать выдѣла для того, чтобы пришлось передѣлять всѣ земли да еще при условіи сокращенія общей площади, поступающей въ передѣлъ. Если коммиссія находила чрезвычайно вреднымъ для сельскаго хозяйства положеніе, существовавшее до 1893 года, то что же слѣдуетъ сказать о порядкѣ, который она намѣчаетъ въ своемъ проектѣ?

Нельзя также считать справедливымъ правило, по которому надѣлъ отводится выселяющимся въ количествѣ не меньшемъ того, какимъ они пользовались по послѣднему передѣлу (ст. 118-я проекта). Передѣлъ общинной земли производится на время болѣе или менѣе продолжительное, но во всякомъ случаѣ ограниченное, и, конечно, это обстоятельство должно вліять и на соображенія, которыми крестьяне руководятся, опредѣляя основанія передѣла. Вѣроятно, въ громадномъ большинствѣ случаевъ они иначе передѣлили бы свои поля, если бы имѣли въ виду, что имъ больше не придется повторять передѣла и что новое распредѣленіе надѣльной земли будетъ закрѣплено навсегда. Между тѣмъ по проекту коммиссіи группа домохозяевъ, пожелавшая выселиться на край полей, получаетъ навсегда

ту землю, которую общество отвело ея членамъ въ предположеніи, что при ближайшемъ передѣлѣ эта земля вновь поступитъ въ разверстку.

III. Чрезвычайно важнымъ отдѣломъ въ проектѣ положенія о надѣльныхъ земляхъ, составленномъ редакціонною коммиссіей Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, являются законоположенія о выдѣлѣ участковъ отдѣльнымъ дворамъ. Если въ предложеніи коммиссіи объ образованіи выселковъ рѣзко обозначилось стремленіе коммиссіи содѣйствовать разложенію общины, то въ той части проекта, о которой мы будемъ говорить теперь, это стремленіе обнаруживается съ еще большею силою. Здѣсь дѣло идетъ о знаменитой 165-й ст. Пол. о выкупѣ, вторая часть которой, какъ извѣстно, была отмѣнена закономъ 14-го декабря 1893 года. Для характеристики отношенія коммиссіи къ общинному землевладѣнію очень важенъ ея взглядъ по вопросу, въ свое время вызвавшему столько оживленныхъ преній между сторонниками и противниками общины.

Вторая часть бывшей 165-й ст. предоставляла каждому домохозяину право внести въ мѣстное казначейство всю причитающуюся на его участокъ выкупную ссуду и затѣмъ требовать отъ общества, чтобы оно выдѣлило ему соотвѣтственный участокъ земли по возможности къ одному мѣсту. Земля, выкупленная такимъ образомъ, переходила въ личную собственность домохозяина, который однако впредь до выдѣла продолжалъ пользоваться пріобрѣтенною имъ частью земли въ составѣ мірского надѣла безъ взноса выкупныхъ платежей. Такой порядокъ, конечно, находился въ полномъ противорѣчіи съ основнымъ началомъ общиннаго землевладѣнія, въ силу котораго собственникомъ земли признается общество, а отдѣльные домохозяева имѣютъ лишь право пользованія надѣльною землей; и это противорѣчіе неизбѣжно должно было вести къ разложенію общиннаго строя не потому, чтобы къ этому приводилъ естественный ходъ исторіи, а единственно по той причинѣ, что отдѣльные домохозяева имѣли возможность по своему произволу пробивать бреши въ общинной организаціи. Домохозяинъ, воспользовавшійся 165-й ст., могъ поставить всѣхъ остальныхъ своихъ сообщественниковъ въ крайне затруднительное положеніе вслѣдствіе того, что они не только лишались части своей общинной земли, но очень часто должны были считаться съ тѣмъ фактомъ, что новый собственникъ сохранилъ свои земли въ чрезполосномъ владѣніи съ ними; это, конечно, въ высшей степени осложняло передѣлы общинной земли, такъ какъ при переверсткахъ приходилось обходить выкупленныя

полосы, на которыя не распространялось право распоряженія общества. Положеніе общества становилось еще болѣе затруднительнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда земля, выкупленная по 165-й ст., переходила въ собственность лица, не принадлежащаго къ составу общества и даже нерѣдко не принадлежащаго къ крестьянскому сословію.

Всѣ эти неудобства были, наконецъ, признаны въ законодательныхъ сферахъ настолько серьезными, что закономъ 14-го декабря вторая часть 165-й ст. была отмѣнена, и въ настоящее время сохраняетъ силу только первая ея половина въ видѣ статьи 113-й Положенія о выкупѣ (изд. 1902 г.). По дѣйствующему закону до окончанія выкупной операціи, т. е. до уплаты всей выкупной ссуды за надѣльныя земли крестьянъ, выдѣлъ отдѣльныхъ домохозяевъ и досрочный выкупъ ими участковъ надѣльной земли допускаются не иначе, какъ съ согласія общества и на условіяхъ, указанныхъ въ приговорѣ сельскаго схода. Этотъ порядокъ естественно вытекаетъ изъ того, что собственникомъ общинной земли является общество, безъ согласія котораго не можетъ быть отчуждаема общинная земля. И это законоположеніе, конечно, далеко не безспорно: можно возражать противъ принципа, на которомъ оно основано, именно противъ признанія сельскаго общества собственникомъ надѣльной земли, а не только держателемъ ея. Если стоять на той точкѣ зрѣнія, что право собственности на надѣльную землю должно принадлежать государству, то нельзя признать и за сельскимъ обществомъ, не говоря уже объ отдѣльныхъ домохозяевахъ, права отчуждать надѣльную землю. Тѣмъ не менѣе, съ той точки зрѣнія, что сельское общество является собственникомъ общинной земли, дѣйствующее законодательство вполнѣ логично обусловливаетъ выдѣлъ и его основанія согласіемъ сельскаго схода.

Редакціонная коммиссія, слѣдуя той руководящей мысли, которая проходитъ черезъ весь ея проектъ, отступаетъ отъ дѣйствующаго законодательства о выдѣлѣ и съ нѣкоторыми видоизмѣненіями возстановляетъ 165-ю ст. По мнѣнію коммиссіи, коренной недостатокъ этой статьи заключается въ допущеніи досрочнаго выкупа участковъ безъ предварительнаго выдѣла ихъ. Правда,—говорится въ мотивахъ коммиссіи,—дозволеніе крестьянамъ, выкупившимъ свои надѣлы, оставаться въ общемъ владѣніи съ другими членами общества имѣло по мысли законодателя характеръ временной мѣры («впредь до выдѣла»), но въ дѣйствительности эта временная мѣра обратилась въ общее правило и, по единогласному свидѣ-

тельству губернскихъ совѣщаній, надѣлы, выкупленные по ст. 165-й, весьма рѣдко выдѣлялись въ натурѣ, а большею частью оставались въ общемъ чрезполосномъ владѣніи. Коммиссія находитъ, что при такихъ условіяхъ досрочный выкупъ не могъ, конечно, способствовать улучшенію обработки выкупленныхъ участковъ и, напротивъ, имѣлъ скорѣе отрицательныя послѣдствія, введя въ употребленіе какую-то промежуточную, крайне неопредѣленную форму землевладѣнія, при которой крестьянинъ, оставаясь подъ властью общины и будучи, по мнѣнію коммиссіи, лишенъ возможности вести правильное хозяйство на выкупленномъ имъ участкѣ, можетъ въ то же время принести неисчислимый вредъ обществу, перепродавъ этотъ участокъ и впустивъ такимъ образомъ въ самую сердцевину мірского надѣла постороннее лицо, иногда завѣдомаго хищника и эксплоататора.

Кромѣ того коммиссія указываетъ на то, что статьей 165-й оставлялись совершенно безъ вниманія интересы сельскаго общества, ибо досрочный выкупъ производился по ней безъ всякаго участія общества, непосредственнымъ распоряженіемъ казенной палаты, которая, не входя въ существо дѣла, ограничивалась лишь ариѳметическимъ исчисленіемъ выкупной ссуды, причитающейся съ выкупаемаго участка; а такъ какъ взносу подлежала при этомъ не вся выкупная ссуда, а лишь остававшаяся непогашенною часть ея, которая по мѣрѣ приближенія выкупной операціи къ концу становилась все меньше, то возникало извѣстное опасеніе, что ко времени окончательнаго погашенія выкупной ссуды значительная часть общинной земли окажется досрочно выкупленной въ ущербъ земельному обществу и безъ особой пользы для самихъ выкупающихся и для сельскаго хозяйства.

Таковы, по мнѣнію коммиссіи, главные недостатки отмѣненной второй части 165-й ст. Коммиссія полагаетъ, что они свидѣтельствуютъ лишь о необходимости устранить возможность досрочнаго выкупа участковъ, не выдѣленныхъ предварительно къ одному мѣсту, самый же выдѣлъ безъ согласія земельнаго общества она считаетъ вполнѣ допустимымъ и желательнымъ. Эта мысль и положена въ основу законоположеній о выдѣлѣ участковъ отдѣльнымъ дворамъ.

Предложенія коммиссіи по отдѣлу о выдѣлѣ участковъ отдѣльнымъ дворамъ существенно отличаются какъ отъ нынѣшняго порядка, такъ и отъ того, который существовалъ до отмѣны 2-й части 165-й ст. Отличіе отъ дѣйствующихъ законоположеній заключается въ предоставленіи отдѣль-

нымъ домохозяевамъ права выдѣляться съ соотвѣтственнымъ количествомъ земли изъ общины помимо ея согласія, причемъ и установленіе существеннаго условія выкупа, именно количества земли, отводимой выдѣляющемуся, изъято изъ вѣдѣнія сельскаго схода.

По ст. 113-й нынѣ дѣйствующаго Положенія о выкупѣ (изд. 1902 г.), до уплаты выкупной ссуды выдѣлъ отдѣльнымъ домохозяевамъ и досрочный выкупъ ими участковъ изъ земли, пріобрѣтенной обществомъ (т. е. надѣльной земли, выкупаемой крестьянскимъ обществомъ), допускается не иначе, какъ *съ согласія общества* и на условіяхъ, указанныхъ въ приговорѣ подлежащаго сельскаго схода. Коммиссія же предлагаетъ, чтобы каждому домохозяину дано было право требовать при всякомъ передѣлѣ выдѣла полевой земли, причитающейся его двору. Это - принципъ, выраженный во 2-й части 165 ст. Но проектъ коммиссіи, возстановляя этотъ принципъ, вмѣстѣ съ тѣмъ обставляетъ его примѣненіе на практикѣ новыми условіями. Въ отличіе отъ бывшей 165-й ст. проектъ допускаетъ выдѣлъ только въ томъ случаѣ, если выдѣляемая полевая земля будетъ отведена къ одному мѣсту и если домохозяинъ, требующій выдѣла, изъявитъ согласіе выселиться на отводимый ему участокъ. Другими словами, коммиссія допускаетъ выдѣлъ только отрубныхъ участковъ, на которыхъ можетъ вестись хуторское хозяйство. Этимъ требованіемъ до извѣстной степени ограничивается осуществленіе права отдѣльныхъ дворовъ на досрочный выдѣлъ причитающейся имъ земли по сравненію съ порядкомъ, существовавшимъ до отмѣны 165-й ст. Но, съ другой стороны, проектъ открываетъ болѣе широкій просторъ для осуществленія права выдѣла, чѣмъ эта статья. По ст. 133-й проекта, отъ выдѣляющагося не требуется предварительнаго погашенія числящагося на немъ выкупного долга. Между тѣмъ бывшая 165 ст. обусловливала выдѣлъ полевой земли отдѣльнымъ дворамъ предварительнымъ погашеніемъ всей выкупной ссуды, причитающейся на участокъ выдѣляющагося двора. По проекту, выдѣлъ можетъ совершиться безъ выкупа земли, а лишь съ переводомъ на выселяющійся дворъ выкупныхъ платежей, причитающихся съ участка.

Дальнѣйшее отличіе проекта редакціонной коммиссіи отъ бывшей 165 ст. касается размѣровъ земельнаго участка, который общество обязывается отвести выселяющемуся двору. 165-я ст. опредѣляла этотъ размѣръ выкупною ссудой, внесенной домохозяиномъ въ мѣстное казначейство. Коммиссія же предлагаетъ принять за основаніе при выдѣлѣ участковъ

отдѣльнымъ дворамъ количество земли, причитающейся имъ по передѣлу. При этомъ коммиссія допускаетъ выдѣлъ только при передѣлахъ, такъ что въ промежуткѣ между ними отдѣльные домохозяева не могутъ требовать отъ общества выдѣленія ихъ земли изъ общинной.

Для характеристики проекта необходимо отмѣтить еще двѣ статьи его, представляющія впрочемъ только развитіе началъ, принятыхъ редакціонною коммиссіей. Ст. 135-я подчеркиваетъ то, что участки выдѣлившихся домохозяевъ совершенно выходятъ изъ вѣдѣнія земельной общины и становятся подворными участками, подлежащими дѣйствію правилъ, регулирующихъ эту форму владѣнія землей. Весьма существенное значеніе имѣетъ 136-я ст. проекта, обязывающая земельное общество, въ случаѣ невозможности выдѣлить подворные участки отдѣльнымъ домохозяевамъ безъ явнаго ущерба для всего общества, удовлетворять желающихъ выдѣлиться деньгами по взаимному соглашенію или по оцѣнкѣ.

Таковы важнѣйшія предложенія коммиссіи по вопросу о выдѣлѣ участковъ отдѣльнымъ дворамъ. Основная идея ихъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, заключается въ возстановленіи съ извѣстными видоизмѣненіями бывшей 165-й ст., принципъ которой находился въ рѣшительномъ противорѣчіи съ основными началами общиннаго землевладѣнія. Въ такомъ же противорѣчіи съ этими началами стоятъ и предложенія редакціонной коммиссіи. Сама же коммиссія признаетъ, что при общинномъ порядкѣ владѣнія собственникомъ всей надѣльной земли является земельное общество, отдѣльные же входящіе въ составъ общества крестьянскіе дворы имѣютъ лишь право владѣнія и пользованія предоставленными имъ участками усадебной и полевой земли (ст. 5-я проекта). Если стоять вмѣстѣ съ коммиссіей на этой точкѣ зрѣнія, то выдѣлъ отдѣльныхъ домохозяевъ, въ особенности вопреки согласію общества, конечно, не можетъ быть допущенъ. Предложенія коммиссіи фактически построены на принципѣ противоположномъ тому, который выраженъ ею самой въ приведенной выше статьѣ. Въ отдѣлѣ о выдѣлѣ земли отдѣльнымъ дворамъ, какъ и въ законоположеніяхъ объ образованіи выселковъ, она считаетъ собственниками надѣльной земли отдѣльныхъ домохозяевъ, а не общество. Послѣднее въ лицѣ земельнаго схода распоряжается землей лишь до тѣхъ поръ, пока дѣйствительные собственники, т. е. отдѣльные дворы, допускаютъ это, но лишь только они порознь или группами пожелаютъ осуществить свое право собственности на надѣльныя земли, земельное

общество должно уступить имъ дорогу. Это принципіальное противорѣчіе, проходящее черезъ проектъ редакціонной коммиссіи, настолько ярко, что она не могла не коснуться его въ своихъ мотивахъ. Но выходъ изъ этого противорѣчія, найденный редакціонною коммиссіей, является вполнѣ неожиданнымъ. Опредѣленіе общиннаго владѣнія, при которомъ единственнымъ собственникомъ надѣльной земли является земельное общество, какъ юридическое лицо, т. е. именно то опредѣленіе, которое принято самою коммиссіей и, какъ можно было думать, поставлено во главѣ проекта, объявляется ею *отвлеченнымъ* понятіемъ, на которомъ не можетъ быть основано законодательство: „будущій законъ, по мнѣнію коммиссіи, долженъ имѣть дѣло не съ *отвлеченною* общиной, а съ тою, которая существуетъ у насъ въ дѣйствительности". Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ было и включать въ проектъ, да еще въ качествѣ основной статьи, опредѣленіе общины, по признанію самой коммиссіи, не соотвѣтствующее дѣйствительности?

Итакъ, резюмируя вышеизложенное, приходится придти къ заключенію, что редакціонная коммиссія, вопреки своему заявленію, не сохраняетъ принципъ общиннаго землевладѣнія, а разрушаетъ его, и притомъ самыми неподходящими средствами — поддержаніемъ меньшинства въ ущербъ крестьянской массѣ. Сохраняетъ же она то, что слѣдуетъ разрушать возможно скорѣе и основательнѣе,—административную опеку надъ крестьянствомъ.

Post-scriptum.

Книга была уже почти закончена, когда въ печать проникло извѣстіе, будто пересмотръ законоположеній о крестьянахъ предполагается повести на совершенно новыхъ началахъ. Если бы это дѣйствительно совершилось, то можно надѣяться, что проекты, составленные редакціонной коммиссіей, потеряютъ практическое значеніе. Такой исходъ ея работъ можно было бы только привѣтствовать.

Основная идея этихъ проектовъ—сохраненіе юридической обособленности крестьянства съ подчиненіемъ его попечительному надзору земскихъ начальниковъ—идетъ въ разрѣзъ какъ съ требованіями жизни и указаніями опыта, такъ и съ единодушными мнѣніями всѣхъ безпристрастныхъ и сколько-нибудь свѣдущихъ наблюдателей нашего сельскаго быта. Пора, наконецъ, признать крестьянина взрослымъ человѣкомъ, не менѣе компетентнымъ въ рѣшеніи дѣлъ, касающихся его хозяйственнаго

обихода, чѣмъ частный землевладѣлецъ или купецъ. Пора убѣдиться въ томъ, что вести на административныхъ помочахъ многомилліонную массу— совершенно невыполнимая бюрократическая утопія, приводящая на практикѣ не къ руководству жизнью, а къ ея уродованію. Рядъ попытокъ «упорядоченія» нашего сельскаго быта подъ сѣнью административной опеки окончился полнѣйшею неудачей, которой не могутъ отрицать и сами оффиціальные защитники идей, принятыхъ редакціонною коммиссіей за руководящія начала. Достаточно упомянуть о законахъ 1886 г. о семейныхъ раздѣлахъ и 1893 г. о передѣлахъ мірской земли. Эти два крупныхъ продукта того теченія въ нашей внутренней жизни, съ которымъ связанъ принципъ административной опеки надъ крестьянствомъ, какъ это теперь оффиціально признано, не предупредили явленій, противъ которыхъ были направлены, но вмѣстѣ съ тѣмъ принесли неисчислимый вредъ правильному развитію крестьянства, наложивъ на него лишнія путы и усугубивъ для этого сословія тяжелыя послѣдствія произвола.

Экономическое положеніе крестьянскаго населенія въ нашей странѣ не только не улучшилось подъ вліяніемъ мѣръ, принимавшихся за послѣднее двадцатилѣтіе, но несомнѣнно стало значительно тяжелѣе. Фактъ крестьянскаго оскудѣнія, нѣкогда объявлявшійся нашими охранителями измышленіемъ либераловъ, теперь признанъ оффиціально. Коммиссія о положеніи центра и Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, возникшія подъ давленіемъ этого факта, собрали обильный матеріалъ для его подтвержденія. Прежняя политика осуждена безповоротно, и пора вступить на новый путь,—путь развитія самодѣятельности крестьянскаго населенія при помощи подъема личности крестьянина, освобожденія его отъ административной опеки и созданія такихъ условій общегосударственной и мѣстной жизни, которыя обезпечили бы крестьянству возможность пользоваться благами просвѣщенія и открыли бы передъ нимъ широкое поприще бодраго почина.

Сельское хозяйство не можетъ процвѣтать тамъ, гдѣ мало воздуха и свѣта. Ему нужны просторъ и живительные лучи здоровой общественности. И эти условія особенно необходимы странѣ, въ которой преобладаетъ мелкое землевладѣніе. Мелкій хозяинъ-земледѣлецъ неизмѣримо болѣе, чѣмъ крупный, нуждается и въ разнообразнѣйшихъ видахъ взаимопомощи, и въ организаціяхъ для свободнаго обмѣна мнѣній по вопросамъ

земледѣльческой техники и сельскаго быта, и въ помощи печати, и въ свободномъ доступѣ знаній въ земледѣльческую среду».

„Саратовская Земская Недѣля“ (№ 6—7, 1904 г.), ст. М. Г. Б. „Общинное и подворное землевладѣніе въ трудахъ коммиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ“:

«Вопросъ о преимуществахъ частнаго или общиннаго землевладѣнія, съ которымъ еще не такъ давно связывались всѣ сужденія объ экономическомъ и общественномъ развитіи Россіи, въ настоящее время утратилъ значительную долю своего прежняго интереса. Если не логика отвлеченной мысли, то еще болѣе безпощадная логика самой жизни разрушила суевѣрія, заставлявшія однихъ слѣпо преклоняться предъ общиной, другихъ—такъ же слѣпо ее ненавидѣть. Теоретически вопросъ, правда, не рѣшенъ и до сихъ поръ, но не въ немъ лежитъ теперь центръ тяжести практическихъ злобъ для русской жизни. Для всѣхъ очевидно, что какъ община, при извѣстныхъ условіяхъ, не спасаетъ крестьянъ отъ обезземеливанія, такъ и одного подворнаго землевладѣнія еще слишкомъ недостаточно, чтобы спасти деревню отъ дальнѣйшаго оскудѣнія. Это сознаніе даетъ уже возможность съ гораздо большимъ спокойствіемъ относиться къ тому или иному рѣшенію даннаго вопроса въ законодательной практикѣ.

Есть еще и другое обстоятельство, при которомъ стало невозможно такъ категорически, какъ раньше, записываться въ ряды защитниковъ или противниковъ общины. Благодаря массѣ теоретическихъ изслѣдованій, посвященныхъ ей въ русской литературѣ послѣднихъ десятилѣтій, и неисчерпаемому запасу соотвѣтствующаго фактическаго матеріала въ земскихъ статистическихъ сборникахъ, въ настоящее время не представляетъ ни малѣйшаго труда подыскать болѣе или менѣе вѣскія соображенія и цифры въ пользу каждаго изъ предлагаемыхъ рѣшеній. Такимъ образомъ выборъ одного изъ нихъ опредѣляется, въ сущности, не этими частными доводами, а той конечной цѣлью, которую предполагается достигнуть извѣстнымъ рѣшеніемъ. Одно и то же требованіе сохранить или уничтожить общинное землевладѣніе пріобрѣтаетъ при этихъ условіяхъ совершенно различный смыслъ, смотря по тому, во имя чего оно выдвигается. При болѣе внимательномъ отношеніи легко можетъ оказаться, что нѣкоторые изъ принципіальныхъ сторонниковъ общины въ практическихъ своихъ требованіяхъ значительно ближе къ извѣстной части ея противниковъ, чѣмъ къ своимъ случайнымъ союзникамъ.

За послѣднее время въ неблагопріятномъ для общины смыслѣ высказываются, напримѣръ, многіе изъ тѣхъ, кто вмѣстѣ съ Особымъ Совѣщаніемъ пришелъ къ убѣжденію, что искать улучшенія нашей сельско-хозяйственной промышленности слѣдуетъ прежде всего въ устраненіи обстоятельствъ, препятствующихъ развитію частной и общественной самодѣятельности среди земледѣльческаго населенія Россіи *). Но очевидно, что съ этой точки зрѣнія замѣна общиннаго землевладѣнія подворнымъ утратила бы почти всякое значеніе, если бы въ результатѣ получилось не устраненіе, а увеличеніе указанныхъ препятствій. То же самое примѣнимо и въ обратномъ случаѣ: общинную форму землевладѣнія защищаютъ прежде всего потому, что видятъ въ ней наилучшее средство сохранить за массой населенія главнѣйшее орудіе земледѣльческаго производства и тѣмъ обезпечить крестьянину ту экономическую независимость, которая одна даетъ ему фактическую возможность пользоваться правами свободнаго человѣка; но для принципіальныхъ сторонниковъ общины, въ свою очередь, нѣтъ никакого смысла отстаивать данную конкретную ея форму, разъ послѣдняя, въ силу извѣстныхъ обстоятельствъ, не гарантируетъ этой независимости.

При такомъ положеніи дѣла для надлежащей оцѣнки того или иного практическаго рѣшенія вопроса объ общинѣ особенно важно, по нашему мнѣнію, убѣдиться прежде всего, насколько правильно избранъ отправный пунктъ, опредѣляющій конечный смыслъ этого рѣшенія; обширный теоретическій и фактическій матеріалъ въ данномъ случаѣ настолько разнороденъ, что почти всегда есть возможность найти аргументы какъ за, такъ и противъ каждаго частнаго предложенія; только вѣрная постановка конечной цѣли можетъ поэтому гарантировать успѣшное выполненіе поставленной задачи.

Сказаннаго достаточно, чтобы объяснить характеръ нижеслѣдующихъ замѣтокъ по поводу „Проекта положенія о надѣльныхъ земляхъ“, напечатаннаго въ V т. трудовъ коммиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ. Не входя въ подробности, мы ограничимся изложеніемъ главныхъ положеній проекта, при сопоставленіи которыхъ воспользуемся лишь тѣмъ матеріаломъ, который дается на страницахъ указаннаго тома трудовъ коммиссіи. Приводить фактическія данныя, не принятыя ею во вниманіе, было бы излишнимъ, разъ имѣется въ виду не разбирать эти соображенія по

*) «См. Журналъ Особаго Совѣщанія 4, 11 и 12 мая 1902 г. въ № 144 „Правит. Вѣстника“ за этотъ годъ». (Ссылка авт. ст.).

существу, а только выяснить, насколько послѣдовательно проведены они въ проектѣ. Возможность вполнѣ послѣдовательно разрѣшить всѣ частные вопросы, не впадая въ противорѣчіе съ основной задачей, служитъ иногда наилучшимъ фактическимъ доказательствомъ, что послѣдняя дѣйствительно поставлена правильно.

По отношенію ко всякой вновь создаваемой системѣ юридическихъ нормъ однородность руководящихъ идей и послѣдовательность при проведеніи ихъ въ частностяхъ является не только желательнымъ, но и безусловно необходимымъ требованіемъ; отсутствіе внутренняго единства основныхъ началъ и противорѣчія, вытекающія изъ непослѣдовательнаго примѣненія ихъ въ частныхъ случаяхъ, уничтожаютъ нерѣдко весь смыслъ законодательной работы, такъ какъ при этомъ очень скоро возникаетъ необходимость въ дополненіяхъ и поправкахъ, снова приводящихъ къ той самой запутанности, ради устраненія которой работа только что была выполнена. Особенно умѣстно подобное требованіе по отношенію къ труду, которому „предназначено дѣйствовать многіе годы“.

I. Въ основу пересмотра дѣйствующаго законодательства о крестьянахъ наряду съ сословной организаціей управленія и неотчуждаемостью надѣльныхъ земель, должна лечь также и неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія.

Несомнѣнно, что община является самой крупной и наиболѣе опредѣленной изъ тѣхъ особенностей быта, которыя, по словамъ коммиссіи, „наложили неизгладимый отпечатокъ на самую личность русскаго крестьянина, отразились на всемъ его нравственномъ и правовомъ міросозерцаніи и создали весь внутренній складъ крестьянскихъ общественныхъ союзовъ“ *). Съ точки зрѣнія коммиссіи вопросъ о сохраненіи общиннаго землевладѣнія имѣетъ, поэтому, особенно важное значеніе, такъ какъ, по ея мнѣнію, „въ этомъ издавна сложившемся и устоявшемъ въ теченіе вѣковъ бытовомъ своеобразіи нашего крестьянства лежитъ залогъ прочности его особливаго сословнаго строя“ **). Исходя изъ этихъ теоретическихъ положеній, нельзя не прійти къ выводу, что съ разложеніемъ общины рушится одинъ изъ коренныхъ устоевъ сословной обособленности крестьянъ. „Проектъ положенія о надѣльныхъ земляхъ“ показываетъ, какъ относится къ этому устою коммиссія на практикѣ.

*) «Очеркъ работъ коммиссіи». (Ссылка авт. ст.).

**) «Тамъ же». (Ссылка авт. ст.)

Въ основу проекта положена мысль, что „общину не слѣдуетъ ни разрушать, ни искусственно поддерживать, а нужно лишь, уничтоживъ фискально принудительный характеръ ея, дать изъ нея свободный выходъ лицамъ, тяготящимся условіями общиннаго быта и не желающимъ оставаться въ общинѣ“ (стр. 350). Такимъ образомъ по отношенію къ общинному землевладѣнію коммиссія желала, повидимому, занять положеніе если не благожелательнаго, то по крайней мѣрѣ строгаго нейтралитета. Отрицать правильность этой точки зрѣнія нѣтъ, по нашему мнѣнію, никакихъ основаній: принудительная ломка исторически сложившихся формъ хозяйственной жизни массъ также мало можетъ быть оправдана, какъ и искусственная поддержка тѣхъ отношеній, которыя не имѣютъ живыхъ корней въ настоящемъ; рѣчь можетъ идти, слѣдовательно, только о томъ, насколько удалось коммиссіи удержаться на избранной ею позиціи.

По проекту переходъ отъ общиннаго землевладѣнія къ подворному возможенъ не только для цѣлаго общества, но и для извѣстной его части, а также и для каждаго отдѣльнаго домохозяина. Такъ, ст. 138 предоставляетъ земельному обществу право замѣнить общинное владѣніе подворнымъ, т. е. разбить общинную землю, разъ навсегда, на подворные участки и предоставить ихъ отдѣльнымъ крестьянскимъ дворамъ въ собственность, для чего достаточно согласія $^2/_3$ всѣхъ домохозяевъ (ст. 139); затѣмъ, согласно ст. 115, въ земельныхъ обществахъ, имѣющихъ отъ 20 до 50 дворовъ, домохозяева въ числѣ не менѣе 8, а при наличности въ обществѣ свыше 50 дворовъ—не менѣе $^1/_5$ всѣхъ домохозяевъ, въ правѣ во всякое время требовать отвода имъ полевой земли къ одному мѣсту, у края полей, если изъявятъ согласіе выселиться на отводимый имъ участокъ; требованіе объ отводѣ полевой земли къ одному мѣсту, заявленное не менѣе чѣмъ 50 домохозяевами, подлежитъ удовлетворенію, хотя бы домохозяева эти составляли менѣе $^1/_5$ всѣхъ домохозяевъ общества (ст. 116); въ томъ и другомъ случаѣ выселяющимся предоставляется установить общинное или *подворное* владѣніе отведенною имъ землею, при чемъ соотвѣтствующій приговоръ постановляется ими съ общаго согласія или *по простому большинству голосовъ* всѣхъ выселяющихся домохозяевъ (ст. 124).

Наконецъ и каждый отдѣльный домохозяинъ въ правѣ при всякомъ передѣлѣ требовать выдѣла къ одному мѣсту полевой земли, причитающейся его двору по передѣлу, если изъявитъ согласіе выселиться на отведенный ему участокъ (ст. 130), при чемъ для выдѣла участка не требуется

предварительнаго погашенія числящагося на немъ выкупного долга, а на выдѣляющійся дворъ переходитъ лишь обязанность уплачивать выкупные платежи, причитающіеся съ участка (ст. 133); дворы, досрочно выкупившіе свои надѣлы до изданія проектируемаго положенія, имѣютъ право требовать, при передѣлѣ, отвода имъ къ одному мѣсту полевой земли въ количествѣ, соотвѣтствующемъ сдѣланному ими выкупному взносу, хотя бы и не изъявили согласія выселиться на выдѣленные имъ участки (ст. 134).

Строгій нейтралитетъ по отношенію къ общинному землевладѣнію въ трудахъ коммиссіи равносиленъ, какъ видимъ, постепенному его уничтоженію: если переходъ къ подворному владѣнію цѣлымъ обществомъ врядъ ли можетъ получить въ близкомъ будущемъ сколько-нибудь широкіе размѣры *), то выдѣленіе изъ поземельнаго общества извѣстныхъ группъ домохозяевъ несомнѣнно будетъ развиваться: многодушнымъ дворамъ оно даетъ возможность разъ навсегда закрѣпить за собою участки того размѣра, какимъ они случайно пользуются въ данное время. Что подобное закрѣпленіе за выдѣляющимися большаго количества земли, чѣмъ какое они должны были бы получить при новомъ передѣлѣ, въ сущности является частичнымъ обезземеливаніемъ остающихся, подтверждаетъ ст. 128 проекта, устанавливающая принудительный порядокъ отвода этой земли въ случаѣ несогласія общества; коммиссія, очевидно, предвидѣла, что послѣднее всѣми силами будетъ противиться подобному нарушенію его интересовъ. Несомнѣнно также, что принудительный выдѣлъ участка противорѣчитъ и самой сущности общиннаго землевладѣнія, при которомъ рѣчь можетъ идти лишь объ обязательномъ, по требованію отдѣльнаго домохозяина, выкупѣ общиною принадлежащаго ему права пользованія періодически измѣняющеюся долей общин-

*) «До сихъ поръ переходъ отъ общиннаго владѣнія къ подворному цѣлыми обществами встрѣчался у насъ, какъ извѣстно, крайне рѣдко; объясняется это „съ одной стороны, боязнью большинства обезземелиться, а съ другой—тѣмъ, что переходы эти весьма рѣдко ведутъ къ подъему благосостоянія крестьянъ. Они и производятся большею частью не въ хозяйственныхъ цѣляхъ, а для того, чтобы избавиться отъ круговой поруки и обезпечить за собою неприкосновенность размѣровъ надѣла. Во всемъ остальномъ крестьяне, перешедшіе къ подворному владѣнію, ничѣмъ не отличаются отъ общинниковъ, сохраняя тотъ же обязательный сѣвооборотъ и общій выпасъ скота, производя передѣлы (только не количественные, а качественные), оставаясь при той же чрезполосности, иногда даже еще усиливающейся вслѣдствіе наслѣдственныхъ раздѣловъ... Понятно, что при подобныхъ условіяхъ переходъ къ подворному владѣнію лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ влечетъ за собой улучшеніе хозяйства крестьянъ“. Труды, т. V, стр. 386». (Примѣч. авт. ст.).

ной земли, но никакъ не о выдѣленіи ему постоянныхъ размѣровъ участка въ личную собственность *).

Напрасно было бы, однако, обвинять во всемъ этомъ коммиссію: разрушеніе общины и обезземеливаніе остающихся общинниковъ въ пользу выдѣляющихся частныхъ собственниковъ есть неизбѣжный результатъ выкупной операціи; результатъ этотъ для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ былъ предрѣшенъ, слѣдовательно, уже самой реформой 19 февраля 1861 г., а для бывшихъ государственныхъ закономъ 12 іюня 1886 г., который преобразовалъ государственную оброчную подать въ выкупные платежи. Думать же о сохраненіи общины при наличности выкупной операціи можно лишь по недоразумѣнію **).

Фразы „о нежелательности разрушать общину" и т. п. не получаютъ въ трудахъ коммиссіи какого-либо положительнаго содержанія, такъ какъ въ сущности проектъ не предлагаетъ ни одной серьезной мѣры къ ея сохраненію, а допущеніе выкупа безъ согласія земельнаго общества совершенно ясно показываетъ, на чью сторону становится коммиссія при столкновеніи общиннаго и индивидуалистическаго начала ***). Не въ интересахъ

*) «По совершенно правильному опредѣленію коммиссіи „подъ общиннымъ владѣніемъ слѣдуетъ разумѣть такую форму владѣнія, при которой хозяиномъ и распорядителемъ земли является юридическое лицо—община, отдѣльнымъ же общинникамъ принадлежитъ *лишь право владѣнія и пользованія* предоставленными имъ, *по общественной разверсткѣ*, участками общинной земли" (стр. 97—98)». (Прим. авт. ст.).

**) «„Обязывать общину отрѣзывать часть отъ общаго достоянія отдѣльнымъ ея членамъ, которые самовольно, безъ согласія другихъ членовъ, будутъ выходить изъ общины... несомнѣнно", говоритъ Ѳ. Г. Тернеръ, „противно всѣмъ требованіямъ ассоціаціонной справедливости". Несправедливо и то, что „лица, выкупающія надѣльныя земли въ разныя эпохи, находятся въ совершенно различныхъ условіяхъ. Вносящій выкупъ за надѣлъ, которымъ онъ пользуется въ данное время, можетъ въ дѣйствительности выкупать такую землю, которою до него владѣли и за которую платили десятки лѣтъ другіе члены общества. При передѣлахъ надѣльной земли, потомки первоначальныхъ плательщиковъ выкупной ссуды могутъ, въ зависимости отъ состава ихъ семейства, владѣть большимъ или меньшимъ количествомъ земли, чѣмъ то, которое было во владѣніи предшествующихъ поколѣній. И эта несправедливость распредѣленія должна все болѣе и болѣе усиливаться по мѣрѣ приближенія выкупной операціи къ окончанію, такъ какъ при досрочномъ выкупѣ требуется взносъ не всей стоимости земли, а только остальной, не выплаченной еще части капитальнаго долга; такимъ образомъ, одни могутъ получать выгоду на счетъ другихъ". (Труды, стр. 360). Характерно признаніе коммиссіи, что самый выкупъ отдѣльныхъ участковъ „имѣетъ обыкновенно цѣлью освобожденіе отъ выкупныхъ платежей, избавленіе отъ круговой поруки, охраненіе надѣла отъ уменьшенія при передѣлахъ, иногда перепродажу выкупного участка и лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ вызывается стремленіемъ завести обособленное, усовершенствованное хозяйство" (стр. 364)». (Прим. авт. ст.).

***) «Что общинное владѣніе ни принципіально, ни фактически не совмѣстимо съ выкупомъ, вынуждена признать и сама коммиссія: „вопросъ о допустимости или недопусти-

развитія общиннаго землевладѣнія, конечно, предлагается и дальнѣйшая регламентація передѣловъ, лишающая земельное общество значительной доли самостоятельности въ распоряженіи той самой землей, хозяиномъ и распорядителемъ которой юридически признаетъ его коммиссія: правила проекта о передѣлахъ являются лишь дополненіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ закона 8 іюня 1893 года, на который, по совершенно вѣрному замѣчанію Саратовскаго губернскаго совѣщанія (1894 г.) „и сами крестьяне, и должностныя лица крестьянскаго управленія смотрятъ, какъ на переходную ступень къ подворно-наслѣдственному землепользованію“.

Неумолимая логика жизни оказалась, какъ видимъ, сильнѣе симпатіи коммиссіи къ особенностямъ быта, на сохраненіи которыхъ основывается ея увѣренность въ прочности сословнаго обособленія крестьянъ. „Проектъ Положенія о надѣльныхъ земляхъ“ служитъ наилучшимъ фактическимъ доказательствомъ того, какъ плохо мирятся дѣйствительныя потребности жизни съ сохраненіемъ этихъ особенностей.

Но если, такимъ образомъ, одна изъ задачъ, поставленныхъ проектомъ, оказалась недостижимой, то тѣмъ больше основаній было ожидать, что онъ удачно выполнитъ другую: разъ мы убѣдились, что сохранить общинный строй при данныхъ условіяхъ невозможно, тѣмъ меньше можетъ быть у насъ препятствій къ тому, чтобы, уничтоживъ, какъ выражается коммиссія, фискально-принудительный характеръ общины, дать изъ нея свободный выходъ лицамъ, тяготящимся условіями общиннаго быта. Достигнута ли однако и эта вторая задача? Уже изъ приведенныхъ выше статей проекта видно, насколько выходъ изъ общины, при проектируемыхъ въ нихъ условіяхъ, можетъ быть названъ свободнымъ; изъ этихъ статей видно также, что препятствія, воздвигаемыя проектомъ для перехода къ подворному владѣнію, вытекаютъ вовсе не изъ желанія сохранить общину, къ которой всѣ эти ограниченія свободы будущихъ частныхъ собственниковъ не имѣютъ никакого отношенія, а объясняются совершенно иными мотивами.

мости выдѣла *безъ согласія земельнаго общества* (говорится на стр. 361), вообще не поддается *принципіальному*, *юридически безспорному* рѣшенію. Въ самомъ дѣлѣ, если, исходя изъ отвлеченнаго понятія объ общинномъ владѣніи, всегда требовать согласія общества на выдѣлъ, то пришлось бы нарушить цѣлый кругъ личныхъ правъ, создавшихся на почвѣ выкупа; если же, напротивъ, принявъ за основаніе эти права, допустить безусловную свободу выдѣла, то оказались бы нарушенными эти права общины, самое существованіе которой стало бы при такихъ условіяхъ, невозможнымъ». (Прим. авт. ст.).

„Всѣми перечисленными въ ст. 130 условіями несомнѣнно“, говоритъ сама коммиссія, „затрудняется выдѣлъ участковъ общинной земли домохозяевамъ, но при отсутствіи этихъ условій невозможенъ былъ бы самый переходъ выдѣляющихся домохозяевъ къ хуторному хозяйству, и отпала бы, слѣдовательно, та цѣль, ради которой признается желательнымъ допустить такой выдѣлъ безъ согласія земельнаго общества“ (стр. 369). Итакъ, развитіе хуторнаго хозяйства—вотъ та цѣль, ради которой съ одной стороны нарушаются права общины, а съ другой—ограничивается свобода частнаго собственника *). Разбирать, насколько достижима эта цѣль при нашихъ экономическихъ, климатическихъ и бытовыхъ условіяхъ, мы не будемъ; достаточно сказать, что сама коммиссія перечисляетъ цѣлый рядъ препятствій къ ея достиженію и препятствій настолько серьезныхъ, что она не находитъ возможнымъ „разсчитывать на устраненіе ихъ собственными силами крестьянъ“ (стр. 337). А если это такъ, то вполнѣ умѣстно задаться вопросомъ, насколько сообразно, устраняя одни изъ законодательныхъ препятствій къ свободному выходу изъ общины, создавать въ то же время ради такой трудно достижимой цѣли, еще новыя, какъ это дѣлаетъ ст. 126 и другія?

Въ этомъ противорѣчіи и заключается коренной недостатокъ проекта о надѣльныхъ земляхъ: не рѣшаясь предпринять дѣйствительныхъ мѣръ къ сохраненію общины, онъ въ то же время не допускаетъ и вполнѣ послѣдовательно проведенія принципа частной собственности: ускоряя разрушеніе общиннаго землевладѣнія, онъ не даетъ однако возможности проявиться наиболѣе выгоднымъ сторонамъ той свободы въ распоряженіи своею собственностью, которая противниками общины признается первымъ условіемъ развитія предпріимчивости и духа иниціативы среди массы нашего земледѣльческаго населенія.

Такъ, напримѣръ, дальнѣйшій шагъ въ смыслѣ разложенія общины представляетъ статья 43 проекта, по которой усадебные участки, состоя въ потомственномъ владѣніи крестьянскихъ дворовъ, не подлежатъ передѣлу; но, сдѣлавъ этотъ шагъ въ интересахъ большей хозяйственной само-

*) «Однимъ изъ доказательствъ послѣдняго служитъ ст. 126, по которой въ выселкахъ, установившихъ общинное владѣніе землей, а также въ тѣхъ выселкахъ *съ подворнымъ землепользованіемъ*, въ которыхъ подворные участки не отведены каждый въ отдѣльномъ отрубѣ, число дворовъ при образованіи выселка не должно превышать десяти. Отступленія допускаются лишь въ исключительныхъ случаяхъ, и не иначе, какъ съ разрѣшенія губернскаго присутствія». (Прим. авт. ст.).

стоятельности домохозяевъ, проектъ сейчасъ же принимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ ограниченію этой самой самостоятельности: запрещаетъ отчужденіе участка лицамъ другого земельнаго общества (ст. 52) и отдачу его въ наймы на срокъ свыше 12 лѣтъ (ст. 48), устанавливаетъ предѣлъ дробленія ихъ при отчужденіи, наслѣдованіи и семейныхъ раздѣлахъ, а также предѣльный размѣръ, свыше котораго не допускается сосредоточеніе усадебной земли во владѣніи одного двора (ст. 54) и т. д. *)

Видѣть во всемъ этомъ результатъ общиннаго землевладѣнія позволительно было бы только въ томъ случаѣ, если бы совершенно аналогичныя, какъ сейчасъ увидимъ, ограниченія не проектировались коммиссіей и для крестьянъ, владѣющихъ землею на подворномъ правѣ.

II. Если индивидуалистическія теченія, такъ властно вторгшіяся въ отношенія деревни послѣ паденія крѣпостного права, волей неволей заставляютъ законодателя нарушать неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія, то тѣ же самыя теченія чрезвычайно благопріятствуютъ развитію института частной собственности, какъ одного изъ основныхъ проявленій личнаго начала. Для вполнѣ послѣдовательнаго проведенія этого начала не существуетъ тѣхъ препятствій, благодаря которымъ положенія „Проекта“ объ общинномъ землевладѣніи оказались въ противорѣчіи съ

*) «Мотивируется ст. 54 тѣмъ, что „сосредоточеніе усадебныхъ земель въ рукахъ немногихъ домохозяевъ, либо чрезмѣрное увеличеніе однѣхъ усадебъ за счетъ другихъ не можетъ быть допускаемо въ интересахъ болѣе или менѣе равномѣрнаго распредѣленія усадебной земли между всѣми домохозяевами селенія“ (стр. 137). Такая аргументація вполнѣ, конечно, убѣдительна съ точки зрѣнія тѣхъ, кто задачей аграрнаго законодательства ставитъ равномѣрное распредѣленіе земли; такъ, напримѣръ, нѣкоторые изъ губернскихъ совѣщаній, исходя изъ той мысли, что равномѣрное распредѣленіе земли между общинниками есть необходимое условіе общиннаго землевладѣнія, вполнѣ послѣдовательно высказались противъ установленныхъ закономъ 1893 года ограниченій права общины на передѣлы. Но такъ какъ коммиссія энергично оспариваетъ (на стр. 255 и др.) это мнѣніе, то возникаетъ довольно существенное противорѣчіе, объясняющееся, быть можетъ, крайней спѣшностью работы или просто редакціоннымъ недосмотромъ. Во всякомъ случаѣ нежелательный недосмотръ этотъ создаетъ такую диллему: приходится или согласиться съ правильностью мотивировки ст. 54 и тогда, по тому же самому мотиву, высказаться за облегченіе передѣловъ, или же наоборотъ: отрицая вышеприведенное основаніе для такого облегченія, признать ст. 54 неправильно обоснованной. Защищать же то и другое одновременно значитъ дать поводъ къ странному выводу, будто положеніе, признаваемое правильнымъ, когда оно говоритъ въ пользу регламентаціи, можетъ сдѣлаться ошибочнымъ только потому, что его употребляютъ какъ аргументъ противъ нея. Выходъ изъ этой дилеммы найти не трудно, если только припомнить все, что вполнѣ основательно говорится коммиссіей на стр. 194 о безполезности какихъ-либо принудительныхъ мѣръ, въ видѣ, напр., установленія въ самомъ законѣ предѣловъ дробимости полосъ при передѣлахъ и т. д.». (Прим. авт. ст.).

поставленной ему задачей. Однако и въ отношеніи къ подворному землевладѣнію проектъ обнаруживаетъ ту же двойственность.

Принципіальное и рѣшительное сочувствіе самому принципу частной собственности со стороны коммиссіи не подлежитъ никакому сомнѣнію: необходимость стремиться къ внѣдренію среди крестьянъ понятія о правѣ частной собственности, „какъ основѣ всякаго культурнаго быта", является однимъ изъ мотивовъ къ ст. 155, которая постановляетъ, что подворные участки составляютъ собственность не земельнаго общества, а отдѣльныхъ дворовъ, во владѣніи которыхъ они находятся.

Признавая принципъ, коммиссія не отрицаетъ, повидимому, и неизбѣжныхъ его послѣдствій. Главнымъ доводомъ въ пользу общиннаго землевладѣнія служитъ обыкновенно его соціальное значеніе, какъ гарантія противъ развитія тѣхъ крайностей имущественнаго неравенства, на почвѣ которыхъ рабочій вопросъ въ западной Европѣ принялъ такую острую форму. Признавая общину безсильной въ этомъ отношеніи, коммиссія находитъ не только безполезнымъ, но и нежелательнымъ бороться съ неизбѣжными послѣдствіями той эволюціи, которая такъ быстро происходитъ въ нашей деревнѣ: „не подлежитъ сомнѣнію (говоритъ она), что съ постепеннымъ переходомъ крестьянскаго хозяйства отъ натуральнаго къ денежному, а равно съ развитіемъ отхожихъ промысловъ и постороннихъ заработковъ, происходитъ въ крестьянской средѣ отслоеніе болѣе богатыхъ и зажиточныхъ крестьянъ отъ прочей массы крестьянства и прежняя равномѣрность распредѣленія достатка между отдѣльными крестьянами уступаетъ все больше и больше имущественному неравенству. Явленіе это столь естественно, что препятствовать ему, считая его нежелательнымъ, значило бы идти въ разрѣзъ съ основными началами экономической жизни, въ которой, какъ извѣстно, именно накопленіе богатствъ представляется однимъ изъ могущественнѣйшихъ орудій хозяйственнаго культурнаго прогресса народа" (стр. 450).

Такое категорическое заявленіе не оставляетъ никакого сомнѣнія, что всякія искусственныя ограниченія свободы частнаго собственника въ распоряженіи принадлежащимъ ему имуществомъ должны быть признаны, съ точки зрѣнія самой коммиссіи, несоотвѣтствующими одной изъ главныхъ задачъ проекта, которая, по ея собственному объясненію, заключается въ установленіи „правилъ, способствующихъ развитію личной предпріимчивости въ средѣ крестьянскаго населенія и побуждающихъ крестьянъ къ

примѣненію улучшенныхъ сельско-хозяйственныхъ пріемовъ, равно какъ къ переходу къ болѣе усовершенствованнымъ способамъ землепользованія" (стр. 1).

Къ такому выводу, дѣйствительно, и приходитъ иногда коммиссія: держась этой точки зрѣнія, она вполнѣ послѣдовательно признала, напримѣръ, безполезнымъ регламентировать употребленіе суммъ, вырученныхъ за свои земли подворными владѣльцами, личный интересъ которыхъ, по ея мнѣнію, служитъ достаточной порукой благоразумнаго употребленія ими суммъ, вырученныхъ отъ продажи ихъ надѣла *); „стѣсненіе подворныхъ владѣльцевъ въ распоряженіи означенными суммами, говоритъ она, было бы, по самому существу нежелательно, являясь ничѣмъ неоправдываемымъ вторженіемъ въ частныя хозяйственныя распоряженія подворныхъ владѣльцевъ и, въ то же время, будучи практически неосуществимо, за невозможностью услѣдить за способами использованія отдѣльными домохозяевами денегъ, полученными ими за продажу ихъ участковъ" (стр. 55—56). Мотивомъ къ ст. 157, по которой земельное общество не въ правѣ вмѣшиваться въ распоряженія домохозяевъ относительно подворнаго участка, служитъ неоднократно повторяемое коммиссіей положеніе, что „для преуспѣянія хозяйства крестьянъ, весьма желательно предоставленіе отдѣльнымъ крестьянамъ возможной хозяйственной самостоятельности отъ земельнаго общества" **).

Установленіе въ проектируемомъ законѣ полной неотчуждаемости подворныхъ участковъ коммиссія также признаетъ нежелательнымъ потому, что „подобная мѣра, фактически лишающая крестьянъ свободы передвиженія и выбора профессіи", была бы равносильна „принудительному прикрѣп-

---

*) «Такъ какъ случаи неразумнаго употребленія вырученныхъ денегъ возможны и со стороны подворныхъ владѣльцевъ, то мотивировка коммиссіи сводится, очевидно, къ тому, что стѣсненіе хозяйственной самостоятельности, въ концѣ концовъ, оказалось бы болѣе убыточнымъ, чѣмъ отсутствіе регламентаціи и опеки, неизбѣжно уменьшающихъ въ населеніи чрезвычайно важное во всѣхъ отношеніяхъ чувство личной отвѣтственности каждаго за послѣдствія своихъ поступковъ. Но эта болѣе точная аргументація примѣнима и къ распоряженію суммами, вырученными цѣлымъ обществомъ, для котораго статьи 17 и 18 проекта устанавливаютъ, однако, особыя ограниченія». (Прим. авт. ст.).

**) «О „столь желательной во всѣхъ отношеніяхъ самостоятельности крестьянъ отъ (?) земельнаго общества въ предѣлахъ отведенныхъ имъ усадебныхъ участковъ" говорится и въ мотивахъ къ ст. 45, перечисляющей цѣлый рядъ дѣйствій, которыя при общинномъ землевладѣніи домохозяинъ въ правѣ предпринимать безъ согласія общества. Разсуждая вполнѣ послѣдовательно, нельзя понятно не признать также желательной хозяйственную самостоятельность крестьянъ и по отношенію ко всякимъ другимъ вторженіямъ извнѣ. Прим. авт. ст.).

ленію къ землѣ крестьянъ, не имѣющихъ возможности заниматься земледѣліемъ или предпочитающихъ обратиться къ другимъ занятіямъ, либо къ обработкѣ другихъ, внѣнадѣльныхъ земель" (405 стр.). Наконецъ, въ мотивахъ къ ст. 176, по которой для перехода отъ подворнаго владѣнія къ общинному требуется единогласный приговоръ всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ право участвовать на земельномъ сходѣ, коммиссія вполнѣ ясно и точно устанавливаетъ общій принципъ, что „права отдѣльныхъ собственниковъ не могутъ быть ограничиваемы безъ ихъ на то согласія", и „отступленіе отъ этого общаго правила допускается лишь въ видѣ изъятія въ тѣхъ случаяхъ, когда того требуетъ государственная или общественная польза" *) (стр. 476).

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что коммиссіи не совсѣмъ чужда была мысль о логическихъ послѣдствіяхъ вторженія въ жизнь деревни индивидуалистическаго начала; и тѣмъ не менѣе весь ея проектъ представляетъ, въ сущности, простое отрицаніе этихъ послѣдствій. Желаніе принять мѣры къ укрѣпленію принципа частной собственности и тѣмъ содѣйствовать развитію среди крестьянъ личной предпріимчивости, требующей полной хозяйственной самостоятельности владѣльца въ распоряженіи его участкомъ, на практикѣ свелось въ проектѣ къ слѣдующему.

Подворные участки, принадлежащіе отдѣльнымъ крестьянскимъ дворамъ, могутъ быть отчуждаемы какъ по добровольнымъ сдѣлкамъ, такъ и въ порядкѣ принудительной продажи съ торговъ, *только* лицамъ сельскаго состоянія (ст. 10).

Земельнымъ обществамъ и отдѣльнымъ домохозяевамъ *воспрещается* отдавать надѣльныя земли въ залогъ частнымъ лицамъ и частнымъ учрежденіямъ (ст. 13).

По ст. 16 отдача надѣльныхъ земель въ аренду подъ разработку ископаемыхъ допускается лишь съ соблюденіемъ особыхъ правилъ, подчиняющихъ надзору администраціи не только самое совершеніе договоровъ, но и распредѣленіе получаемыхъ арендныхъ платежей.

Согласно 154 ст. въ отношеніи подворныхъ участковъ соблюдаются правила ст. 46, *ограничивающей* права домохозяевъ относительно отчужде-

*) «Переходъ къ общинному владѣнію къ числу такихъ случаевъ, по мнѣнію коммиссіи, не относится, хотя бы полезность его и была признана большинствомъ двухъ третей домохозяевъ; наоборотъ, заведеніе хуторного хозяйства даетъ одной пятой части членовъ общины право и во всякое время требовать отвода имъ полевой земли къ одному мѣсту, хотя бы остальные 4/5 и находили это для общества крайне невыгоднымъ». (Прим. авт. ст.).

нія и отдачи въ наемъ усадебныхъ участковъ согласіемъ другихъ членовъ двора, и правила ст. 48, устанавливающей высшій предѣльный срокъ (двѣнадцатилѣтній), на который могутъ быть отдаваемы въ наемъ усадебные участки.

По ст. 158 семейные раздѣлы при подворномъ владѣніи подвергаются тѣмъ же ограниченіямъ, какъ и при общинномъ (согласіе домохозяина по ст. 95 со всѣми послѣдствіями самовольныхъ раздѣловъ, указанными въ ст. ст. 110—114).

При отчужденіи или переходѣ подворныхъ участковъ по наслѣдству, а равно при семейныхъ раздѣлахъ, участки эти могутъ быть раздѣляемы на части, но съ тѣмъ, чтобы каждая часть сама по себѣ или вмѣстѣ съ остальнымъ надѣломъ лица, къ которому она поступаетъ, была не менѣе установленнаго для данной мѣстности низшаго размѣра подворныхъ участковъ. Сдѣлки, совершенныя въ нарушеніе или въ обходъ этого правила признаются недѣйствительными (ст. 160).

Не дозволяется одному двору сосредоточивать въ своемъ владѣніи свыше того количества надѣльной земли, которое признано для данной мѣстности высшимъ размѣромъ подворныхъ участковъ (ст. 161).

Заключающіяся въ приведенныхъ статьяхъ ограниченія хозяйственной самостоятельности частнаго собственника настолько существенны и такъ мало гармонируютъ съ нѣкоторыми изъ признанныхъ коммиссіей общихъ принциповъ, что нельзя не задуматься надъ ихъ мотивами.

Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, оправдываются, говоря языкомъ коммиссіи, эти вторженія въ частныя хозяйственныя распоряженія подворныхъ владѣльцевъ, если мобилизація и концентрація частной земельной собственности есть явленіе настолько естественное, что препятствовать ему „значило бы идти въ разрѣзъ съ основными началами экономической жизни“? Отвѣтомъ служитъ своеобразная теорія особаго государственнаго значенія надѣльныхъ земель, какъ неотчуждаемаго земельнаго фонда крестьянскаго сословія, къ разсмотрѣнію которой мы и обратимся.

III. Вопросъ о сохраненіи существующихъ и созданіи для крестьянъ новыхъ ограниченій въ распоряженіи надѣльными землями стоитъ, какъ совершенно вѣрно указала коммиссія, въ неразрывной связи съ проводимымъ ею началомъ сословной обособленности нашего сельскаго населенія. Въ мотивахъ коммиссіи не совсѣмъ ясно только одно, а именно,—какого рода эта связь: ограниченія ли вытекаютъ изъ желательности обособленія, или на-

оборотъ, - сословное обособленіе оправдывается существующими и проектируемыми ограниченіями?

По нѣкоторымъ соображеніямъ, изложеннымъ въ краткомъ очеркѣ работъ коммиссіи, выходитъ такъ, что необходимость сохранить обособленное крестьянское общественное управленіе и судъ, и спеціально вѣдающія крестьянами административныя учрежденія, вызывается наличностью своеобразнаго поземельно-хозяйственнаго строя деревни *). Но если мы спросимъ, въ чемъ именно заключается это своеобразіе, то изъ самаго проекта увидимъ, что оно сводится, съ одной стороны, къ господствовавшему до сихъ поръ у крестьянъ общинному порядку землевладѣнія, а съ другой—къ наличности нѣкоторыхъ законодательныхъ ограниченій въ распоряженіи надѣльными землями.

Что касается общины, дѣйствительно представляющей изъ себя историческій продуктъ внутренней жизни русскаго народа, то сама коммиссія, подъ напоромъ новыхъ требованій времени, обрекла ее, какъ мы видѣли на постепенное уничтоженіе. Эта особенность крестьянскаго земельно-хозяйственнаго строя не можетъ, такимъ образомъ, служить оправданіемъ сословнаго обособленія крестьянъ „на многіе годы". Остается, слѣдовательно, только вторая, дѣйствительно „своеобразная" особенность, созданная пореформеннымъ законодательствомъ. Но очевидно, что ограниченія, имѣвшія извѣстный смыслъ въ моментъ перехода отъ крѣпостныхъ порядковъ къ отношеніямъ совсѣмъ иного рода, не только не могутъ служить основаніемъ для дальнѣйшаго сословнаго обособленія крестьянъ, но и сами нуждаются въ настоящее время въ серьезномъ оправданіи. Вѣдь „достаточно сравнить положеніе деревни и нашего крестьянства въ первые годы послѣ освобожденія съ современнымъ состояніемъ ихъ, чтобы убѣдиться, какія огромныя перемѣны пережилъ нашъ народъ всего въ теченіе сорока лѣтъ"!

Въ чемъ же заключается оправданіе тѣхъ ограниченій, которыя, по самому происхожденію своему, должны были имѣть лишь *временный* характеръ.

---

*) „Переходя къ вопросу о сохраненіи существующихъ ограниченій въ распоряженіи надѣльными землями, коммиссія не могла не указать, что вопросъ этотъ стоитъ въ неразрывной связи съ началомъ сословной обособленности сельскаго населенія. Дѣйствительно, однимъ изъ самыхъ осязательныхъ признаковъ этой обособленности крестьянъ является своеобразіе всего ихъ поземельно-хозяйственнаго строя, опирающагося на отведенный имъ, ради обезпеченія быта, спеціальный запасъ земель". („Очеркъ" (Цитата авт. ст.).

„Право государства на выдѣленіе крестьянъ въ обособленную группу“, говорится въ упомянутомъ „Очеркѣ“, „подчиненную ближайшему надзору особыхъ правительственныхъ органовъ, является логическимъ послѣдствіемъ понесенныхъ государствомъ весьма серьезныхъ жертвъ для обезпеченія крестьянскаго быта. Надѣленіе крестьянъ землей за счетъ иного сословія обязываетъ Правительство къ бдительному надзору за тѣмъ, чтобы этотъ земельный фондъ дѣйствительно удовлетворялъ той потребности, для коей онъ предназначенъ,—а именно обезпечивалъ существованіе крестьянства, взятаго, какъ сословіе, т. е. въ преобладающей его массѣ, а не только единичныхъ его представителей“ *).

Въ виду того, что теорія особаго государственнаго характера надѣльныхъ земель является базисомъ всего „Проекта положенія о надѣльныхъ земляхъ“, а понесенныя государствомъ весьма серьезныя жертвы для обезпеченія крестьянскаго быта и надѣленіе крестьянъ землей за счетъ иного сословія—главнымъ оправданіемъ проектируемыхъ „вторженій въ частныя хозяйственныя распоряженія подворныхъ владѣльцевъ“, не безполезно будетъ сдѣлать небольшую историческую и фактическую справку. Справка эта говоритъ слѣдующее.

Признавъ необходимымъ, въ интересахъ государства, освободить крестьянъ съ землею, Правительство оказало имъ содѣйствіе въ пріобрѣтеніи, вмѣстѣ съ усадебной осѣдлостью, всего или части полевого надѣла въ собственность посредствомъ выкупной операціи. Сущность послѣдней совершенно ясно и точно опредѣлена четвертою статьей „Положенія о выкупѣ“, которая говоритъ, что путемъ выкупной операціи правительство *ссужаетъ* подъ пріобрѣтаемыя крестьянами земли опредѣленную сумму съ разсрочкою уплаты ея на продолжительный срокъ. Выкупная операція была, такимъ образомъ, лишь крупной *кредитной* операціей, особымъ видомъ поземельнаго кредита, съ спеціальной цѣлью способствовать переходу надѣльной

*) «Та же аргументація повторяется и на стр. 33-й пятаго тома трудовъ коммиссіи: „соображенія, по которымъ представляется желательнымъ и впредь сохранить ограничительныя правила закона 14 декабря (1893 г.) сводятся главнымъ образомъ къ тому, что надѣльныя земли не могутъ быть приравниваемы къ обыкновенной *частной* земельной собственности и служить предметомъ свободнаго оборота, а напротивъ, будучи отведены крестьянамъ для обезпеченія ихъ быта, имѣютъ государственное значеніе и, потому, должны подлежать ограниченіямъ, установленнымъ въ законѣ 14 декабря 1893 г., которыя обезпечивали бы сохраненіе этихъ земель за крестьянскимъ сословіемъ и достиженіе ими той цѣли, ради которой послѣдовало, *цѣною крупныхъ жертвъ со стороны государства и дворянства*, надѣленіе крестьянъ землей при освобожденіи“. (Цит. авт. ст.).

земли въ собственность крестьянъ. Для опредѣленія размѣра выкупной ссуды и выкупныхъ платежей съ крестьянъ дѣлалась выкупная оцѣнка слѣдующимъ образомъ.

Годовой оброкъ, установленный въ пользу помѣщика за отведенный въ постоянное пользованіе крестьянъ надѣлъ, капитализировался изъ шести процентовъ, т. е. помножался на 16⅔. Изъ вычисленной такимъ образомъ суммы, которую называли выкупною оцѣнкой, помѣщику выдавались 80% (при выкупѣ полнаго надѣла) или 75% (при уменьшенномъ надѣлѣ), иногда же допускалась и ссуда полностью (ст. 67 пол. о вык.).

По выкупной ссудѣ крестьяне должны были вносить ежегодно 6% въ теченіе 49 лѣтъ со дня выдачи ссуды, при чемъ изъ этихъ шести процентовъ ½% предназначалось правительствомъ для покрытія расходовъ по организаціи и веденію выкупной операціи, а остальныя 5½% – на уплату процентовъ по выданнымъ помѣщикамъ процентнымъ бумагамъ и на погашеніе выкупного долга. Откуда же могли явиться крупныя жертвы?

Въ составъ выкупного 6% оклада кромѣ роста и погашенія входятъ какъ сейчасъ сказано, ½% на расходы по операціи, образованіе запаснаго капитала и проч. Но очевидно, что при 700 слишкомъ милліонахъ рублей выкупныхъ ссудъ, расходы по самой операціи, какъ бы щедро они не опредѣлялись, не могли поглощать ½% на всю сумму. И дѣйствительно, уже въ „Объяснительной запискѣ къ отчету Государственнаго контроля за 1871 годъ“ мы читаемъ: „*Государственное казначейство*, не смотря на значительную недоимку въ слѣдующихъ ему срочныхъ взносахъ, *не произвело затратъ изъ своихъ средствъ на платежи по выкупной операціи* и даже могло своевременно располагать значительными суммами по сей операціи, наличность которыхъ къ 1 января 1872 г. состояла 35.163.844 руб.“.

Данныя о движеніи суммъ по выкупной операціи за первыя 15 лѣтъ отъ ея начала (1861 — 1876 гг.), показываютъ, что ½% сверхъ 5½% интереса и погашенія на первоначальный выкупной долгъ было достаточно не только для покрытія издержекъ по операціоннымъ расходамъ, но они съ избыткомъ покрывали и всѣ недоимки по выкупнымъ платежамъ. За этотъ періодъ было только 4 года, когда итогъ всѣхъ расходовъ по выкупной операціи превышалъ доходы; общій же балансъ выкупной операціи за первыя 15 лѣтъ далъ *превышеніе* дохода надъ расходомъ въ 38.323.382 р. или 2.554.892 руб. среднимъ числомъ въ годъ. То же было и дальше: по отчету государственнаго контроля за смѣтный періодъ 1879 года расходъ

по выкупной операціи въ этомъ году былъ менѣе поступленія на 1.910.630 р. 74 коп.

Такимъ образомъ, не смотря на значительныя недоимки, выкупная операція не только не давала дефицита, но за первые же 20 лѣтъ отъ нея долженъ былъ получиться избытокъ не менѣе 40.000.000 рублей. Вотъ что говорятъ приведенныя выше цифры оффиціальныхъ источниковъ, которыми коммиссія къ сожалѣнію не воспользовалась *).

Непонятнымъ представляется и упоминаніе коммиссіи о надѣленіи крестьянъ землею за счетъ иного сословія. Здѣсь опять таки приходится напомнить прежде всего тотъ общеизвѣстный фактъ, что выкупъ земли и опредѣленіе дополнительныхъ платежей, какъ общее правило, были поставлены въ зависимость отъ взаимнаго *добровольнаго* соглашенія между помѣщикомъ и крестьянами. Правда, наряду съ этимъ выкупъ могъ быть и обязательнымъ, но обязателенъ онъ былъ только для крестьянъ *по требованію помѣщика*, а не наоборотъ. Данныя же о выкупныхъ сдѣлкахъ, утвержденныхъ по 1-ое января 1877 года въ 39 губерніяхъ, показываютъ, что число сдѣлокъ по требованію помѣщиковъ почти вдвое превышало число сдѣлокъ по обоюдному соглашенію, а это, выражаясь словами проф. Ходскаго, и служитъ несомнѣннымъ вѣскимъ косвеннымъ доказательствомъ, что оброчные платежи и основанная на нихъ выкупная стоимость надѣловъ были въ общемъ гораздо выше дѣйствительной цѣнности и доходности земли, и что *выкупная операція была весьма выгодною для помѣщиковъ* **).

Доказывать въ настоящее время, что высокіе выкупные платежи, несоотвѣтствовавшіе не только цѣнности и доходности земли, но часто несоразмѣрные и съ общими платежными силами бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, послужили одной изъ причинъ того разстройства въ крестьянскомъ хозяйствѣ, результатомъ котораго явилось накопленіе громадныхъ недоимокъ,—значило бы злоупотреблять терпѣніемъ читателя: все это болѣе 20 лѣтъ тому назадъ оффиціально было признано самимъ правительствомъ, когда Высочайшимъ указомъ 28-го декабря 1881 года и Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта того же числа было

---

*) «Они взяты нами изъ книги проф. Ходскаго „Земля и Земледѣлецъ", т. 2-й, стр. 54—55». (Прим. авт. ст.).

**) «Назв. соч., стр. 47». (Ссылка авт. ст.).

рѣшено понизить выкупные платежи для *всѣхъ* бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Никто не станетъ отрицать, что 19-го февраля 1861 г. наше дворянство понесло крупныя потери: въ этотъ день оно потеряло право на даровой трудъ крестьянина и вотчинную власть надъ нимъ, право распоряжаться его *личностью*, но утверждать, что надѣленіе крестьянъ *землею* произошло *за счетъ* другого сословія, было бы слишкомъ явною фактической ошибкою.

Такимъ образомъ, историческое обоснованіе права государства на выдѣленіе крестьянъ въ обособленную группу, какъ оно формулировано въ „Очеркѣ работъ коммиссіи", нельзя признать удачнымъ: подчиненіе этой обособляемой группы ближайшему надзору *особыхъ* правительственныхъ органовъ не можетъ являться *логическимъ* послѣдствіемъ понесенныхъ государствомъ жертвъ уже просто потому, что надѣленіе крестьянъ землею было произведено посредствомъ чрезвычайно благоразумной и *выгодной*, если не для всѣхъ, то по крайней мѣрѣ для государственнаго казначейства, выкупной операціи. А такъ какъ это надѣленіе, въ концѣ концовъ, произошло *за счетъ* самого крестьянства и никого больше, то оно и не можетъ налагать на правительство какой-либо *особой*, не признаваемой имъ по отношенію къ другимъ сословіямъ, обязанности бдительнаго надзора за хозяйствомъ крестьянъ на землѣ, которая скоро будетъ ихъ полною собственностью.

Помимо фактической ихъ несостоятельности выше приведенныя положенія коммиссіи нельзя не признать также и въ высшей степени опасными,—опасными не для одной крестьянской, но и всей вообще частной поземельной собственности. Особенно рискованно допускать такіе принципы при наличности весьма крупныхъ операцій дворянскаго банка. Признать, что ссуда на пріобрѣтеніе земли подъ залогъ послѣдней дастъ государству право вторгаться въ хозяйство пріобрѣтшаго ея собственника даже *послѣ* погашенія займа съ процентами, значило бы лишить себя всякой возможности возражать противъ аналогичныхъ ограниченій для земель, находящихся въ залогѣ у дворянскаго банка. Если стать на точку зрѣнія коммиссіи, то отрицать право государства на установленіе такихъ ограниченій будетъ невозможно даже и по уплатѣ долга банку: вѣдь значительныя льготы, оказанныя правительствомъ заемщикамъ дворянскаго банка въ видѣ сложенія пеней, пониженія процентовъ, отсрочки платежей и т. д., имѣли

цѣлью сохранить за владѣльцами имѣнія, которыя безъ такого содѣйствія давно были бы проданы съ аукціона, и содѣйствіе это, дѣйствительно, не обошлось безъ жертвъ со стороны государственнаго казначейства. Но можно ли согласиться съ коммиссіей, что это обстоятельство *обязываетъ* правительство къ бдительному надзору за дворянами, сохранившими, благодаря этимъ льготамъ, свои имѣнія, что они навсегда должны быть лишены права отдавать ихъ въ залогъ, отчуждать лицамъ другихъ сословій, дробить свыше извѣстныхъ предѣловъ при продажѣ и передачѣ по наслѣдству и т. д.? Это значило бы, отнявъ у землевладѣльцевъ за оказанныя банкомъ услуги ядро права частной собственности, великодушно оставить имъ его шелуху.

По отношенію къ крестьянской собственности проектъ идетъ, однако, еще дальше. Въ число надѣльныхъ земель онъ включаетъ не только земли, выкупленныя при помощи правительственной ссуды, но и тѣ, пріобрѣтеніе которыхъ обошлось безъ всякаго матеріальнаго содѣйствія казны,—такъ напримѣръ, земли, полученныя крестьянами отъ помѣщиковъ *до* 19 февраля 1861 года при переходѣ въ званіе государственныхъ (ст. 1). До подобнаго расширенія понятія о надѣльныхъ земляхъ, въ распоряженіи которыхъ подворные владѣльцы подлежатъ тѣмъ же ограниченіямъ, нѣтъ, очевидно, даже и той тѣни историческаго оправданія, какую мы видѣли выше.

Энергія, которую обнаружила коммиссія, составивъ въ 15 мѣсяцевъ шесть крупныхъ законопроектовъ, затрогивающихъ самые сложные и трудные вопросы крестьянскаго устройства, заслуживаетъ глубокаго удивленія. Но эта необычная въ лѣтописяхъ нашего законодательства быстрота работы не могла, конечно, не отразиться на ея исполненіи. Другимъ неблагопріятнымъ условіемъ, объясняющимъ до извѣстной степени вышеотмѣченные недостатки проекта о надѣльныхъ земляхъ, является также то обстоятельство, что коммиссія не воспользовалась результатами самой крупной работы послѣдняго времени по вопросамъ о нуждахъ нашей деревни: въ трудахъ коммиссіи не встрѣчается ни одной ссылки на заключенія сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. Вполнѣ понятные при такихъ условіяхъ промахи и ошибки не будутъ, однако, имѣть въ данномъ случаѣ какихъ-либо особенно невыгодныхъ послѣдствій, если только дальнѣйшее направленіе работъ дастъ возможность привести проектируемое измѣненіе въ большее соотвѣтствіе съ

дѣйствительными потребностями жизни въ сельскихъ мѣстностяхъ. Коренной пересмотръ проектовъ „при ближайшемъ участіи (какъ сказано было въ Высочайшемъ манифестѣ 26 февраля 1903 г.) достойнѣйшихъ дѣятелей, довѣріемъ общественнымъ облеченныхъ“, потребуетъ, конечно, довольно значительнаго времени. Но отказываться отъ него только въ силу одного этого соображенія значило бы заранѣе отказаться отъ надежды, что новому закону предназначено дѣйствовать на многіе годы. Нѣтъ также основаній ограничиваться при этомъ пересмотрѣ лишь дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ началъ, которые были положены въ основу законодательства двухъ предшествующихъ десятилѣтій.

Противъ подобной постановки работъ очень громко говоритъ самый результатъ сдѣланнаго опыта: по собственному признанію коммиссіи, ни законъ 18 марта 1886 г. о семейныхъ раздѣлахъ, ни законъ 8-го іюня 1893 г. о передѣлахъ не достигли своей цѣли *). Отмѣченные на предыдущихъ страницахъ формальные недостатки „Проекта положенія о надѣльныхъ земляхъ“ даютъ поводъ опасаться, что подобная участь грозитъ и новой попыткѣ идти въ томъ же направленіи. Чтобы рѣшить, насколько основательно это опасеніе, необходимо было бы, не ограничиваясь формальной стороной дѣла, разсмотрѣть содержаніе проекта и по существу,—съ точки зрѣнія его цѣлесообразности, — но такая задача, какъ было оговорено въ самомъ началѣ, уже выходитъ изъ скромныхъ рамокъ, поставленныхъ для настоящей замѣтки».

---

*) „По единогласному свидѣтельству мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій (говорится въ „Очеркѣ“) законъ этотъ (18 марта 1886 г.) не достигъ своей цѣли, и семейные раздѣлы и понынѣ происходятъ не только безъ всякаго соображенія со степенью способности раздѣляющихся семействъ къ самостоятельному веденію хозяйства, но зачастую и внѣ фактическаго надзора сельскихъ обществъ. Равнымъ образомъ и законъ 8 іюня 1893 г. о передѣлахъ мірской земли, регулирующій порядокъ ихъ совершенія и ограничившій ихъ производство 12-лѣтнимъ срокомъ, не далъ всѣхъ ожидавшихся отъ него результатовъ. По отзывамъ образованныхъ въ 1894 г. губернскихъ совѣщаній. передѣлы какъ общіе, такъ и частные нерѣдко совершаются и нынѣ вполнѣ самовольно, съ прямымъ нарушеніемъ установленныхъ по сему предмету правилъ“. О судьбѣ проектируемыхъ коммиссіей ограниченій дробленія подворныхъ участковъ при ихъ отчужденіи, переходѣ по наслѣдству и семейныхъ раздѣловъ можно судить по ея отзыву относительно существующихъ по этому поводу законовъ въ Малороссіи, Сѣверо-и Юго-Западномъ краѣ, Привислинскомъ краѣ, Бессарабіи и на Кавказѣ: всюду „въ большинствѣ случаевъ, оказывается, что ограничительныя постановленія закона относительно дробленія надѣльныхъ земель *не* соблюдаются“ (стр. 443). Такова, очевидно, неизбѣжная судьба всѣхъ постановленій, идущихъ въ разрѣзъ съ основными началами экономической жизни». (Прим. авт. ст.).

„Южный Край“ (№ отъ 10 августа 1904 г.):

. . . «Крестьянскіе надѣлы, являясь основой соціально-экономической жизни нашей деревни, какъ и слѣдуетъ ожидать, занимаютъ видное мѣсто въ новомъ проектѣ. Законы о надѣлахъ занимаютъ въ проектѣ 216 статей, сгруппированныхъ въ 4 главы.

На первыхъ же строкахъ ученія о надѣлахъ мы встрѣчаемся съ фактомъ, на первый взглядъ поражающимъ своею юридическою абсурдностью, а именно *съ увеличеніемъ* территоріи надѣльныхъ земель.

Кто знакомъ съ положеніемъ 19 февраля 1861 года, тотъ знаетъ, что этимъ законоположеніемъ разрѣшался выкупъ въ полную собственность надѣловъ, а потому общая сумма надѣльныхъ земель en masse въ государствѣ должна была со времени „воли“ естественно уменьшиться, между тѣмъ новый проектъ законоположеній о крестьянахъ безспорно ее искусственно увеличиваетъ, причисляя къ надѣламъ земли, пріобрѣтенныя крестьянскими обществами: во-первыхъ, на суммы, вырученныя отъ добровольнаго или принудительнаго отчужденія на государственныя или общественныя нужды всего надѣла или его части, и, во-вторыхъ, на капиталы, образовавшіеся изъ наемной (арендной) платы при отдачѣ обществами надѣльныхъ земель подъ разработку нѣдръ земли.

Если причисленіе къ надѣламъ земель, купленныхъ путемъ уступки надѣльной земли, является вполнѣ справедливымъ, ибо въ сущности является обмѣномъ территоріи, то включеніе въ надѣльную территорію земель, купленныхъ путемъ арендной эксплоатаціи нѣдръ земли, является совершенно неосновательнымъ. Если идти послѣдовательно по этому пути, то можно требовать причисленія къ надѣламъ каждой земли, купленной путемъ общественной эксплоатаціи надѣловъ.

Если мы обратимся къ положенію 19 февраля 1861 года, то мы увидимъ, что этотъ креугольный законъ нашего крестьянскаго быта, устанавливая свободу выкуповъ надѣловъ, имѣлъ въ виду создать обширный классъ мелкихъ собственниковъ землевладѣльцевъ. Между тѣмъ, послѣдовавшіе затѣмъ законы, многочисленныя сенатскія разъясненія и, наконецъ, нынѣшній проектъ стремятся какъ разъ къ противному, создавая намѣреніе привязать крестьянъ къ надѣльной землѣ, такъ сказать, закрѣпостить крестьянъ за землею. Выходитъ нѣчто вродѣ прежнихъ государственныхъ крестьянъ съ большими лишь личными, но не имущественными правами.

Что касается правилъ о пользованіи надѣльной землею, то редакторы

проекта не пошли далеко, они ограничились лишь, такъ сказать, сводомъ положеній сенатской практики послѣднихъ десятилѣтій.

Это, конечно, далеко не достаточно, далеко не свѣжо.

Новый законопроектъ предусматриваетъ два рода владѣнія надѣльной землею—владѣніе на общинномъ и владѣніе на подворномъ правѣ. Оба эти рода характеризуются однѣми и тѣми же чертами, и разница между обоими родами вовсе не принципіальная, а лишь матеріальная. Такъ, при общинномъ порядкѣ владѣнія собственникомъ всей надѣльной земли признается земельное общество, отдѣльные же владѣльцы въ составѣ общества, крестьянскіе дворы, имѣютъ лишь право владѣнія и пользованія предоставленными имъ участками усадебной и полевой земли; при подворномъ владѣніи усадебныя и полевыя земли, находящіяся въ отдѣльномъ владѣніи крестьянскихъ дворовъ, составляютъ собственность этихъ дворовъ.

Мы выше сказали, что, согласно ново-проектированному законоположенію, условія соціальной жизни крестьянскихъ обществъ во многомъ начинаютъ походить на строй бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Это сходство особенно бросается въ глаза, благодаря полному уничтоженію личной собственности. Такъ, по положенію 19 февраля 1861 года за крестьянами, при общинномъ владѣніи, признавалось хотя право собственности, по новому же проекту и это право отнимается у отдѣльныхъ крестьянъ и теперь окончательно создается два вида общинъ—общество и отдѣльный дворъ: въ первомъ случаѣ право собственности на землю принадлежитъ обширной группѣ лицъ—земельному обществу, во второмъ—ограниченной группѣ—двору. Въ послѣднемъ случаѣ, согласно 155 и 157 статьямъ проекта, „подворный участокъ признается собственностью всего крестьянскаго двора, во владѣніи коего онъ состоитъ“, и „земельное общество не въ правѣ вмѣшиваться въ распоряженія домохозяина относительно подворнаго участка“, при общинномъ же владѣніи, согласно 22 статьѣ проекта, „усадебные участки находятся въ потомственномъ владѣніи крестьянскихъ дворовъ, въ отношеніи же участковъ общинной земли дворы, коимъ они предоставлены, имѣютъ лишь право временнаго владѣнія ими отъ передѣла до передѣла“.

Однако, хотя, какъ сказано выше, по проекту „подворный участокъ признается собственностью всего крестьянскаго двора, во владѣніи коего онъ состоитъ“, тѣмъ не менѣе, согласно новому законопроекту, этотъ „крестьянскій дворъ“ не является юридическимъ лицомъ въ строгомъ

смыслѣ этого слова. Судьба подворнаго участка не зависитъ отъ воли домохозяина или домохозяйки. Допущеніе, согласно 35 статьѣ проекта, женщинъ въ роли главы двора является новшествомъ и, прибавимъ, новшествомъ симпатичнымъ, такъ какъ отвѣчаетъ вполнѣ созданнымъ самою жизнью требованіямъ. Вообще, проектъ стоитъ за экономическія права женщины, приравнивая ее въ дѣлѣ пользованія подворнымъ участкомъ къ мужчинѣ. Такъ, отчуждать усадебный участокъ, а равно отдавать его въ наемъ на срокъ свыше года домохозяинъ въ правѣ лишь съ *согласія жены* и всѣхъ совершеннолѣтнихъ, а также и несовершеннолѣтнихъ, но вступившихъ въ бракъ членовъ двора мужеского пола.

Изъ вышеприведеннаго явствуетъ, что каждый членъ крестьянскаго двора имѣетъ право на пользованіе подворнымъ участкомъ. Этимъ послѣднимъ законоположеніемъ нынѣ освящается судебная практика, до сихъ поръ всегда высказывавшаяся за право на надѣлъ всѣхъ наличныхъ членовъ двора.

Къ сожалѣнію, новый проектъ, обусловливая право членовъ двора на пользованіе участкомъ, не даетъ, однако, никакихъ указаній относительно размѣровъ этого права, которое принадлежитъ каждому изъ членовъ.

Это большой пробѣлъ въ проектѣ».

Алфавитный перечень источниковъ,

съ указаніемъ страницъ, на которыхъ помѣщены заимствованія.

Биржевыя Вѣдомости: Стр.

№ 12 янв. 1904 г., ст. «Крестьянское общественное управленіе» . . 147

№ 15 янв. 1904 г., ст. «Новые члены крестьянскихъ обществъ» . . 155

Восточное Обозрѣніе:

№ 157 1904 г., ст. г. Судьбина «Волостной писарь» 485

Вѣстникъ Европы:

январь 1904 г., вн. обозр. 175

февраль 1904 г., вн. обозр. 11, 36, 56; 208

іюль 1904 г., вн. обозр. 382

августъ 1904 г., ст. г. Еропкина «Ред. Ком. по пересмотру положенія о крестьянахъ» 57, 115, 149, 177, 306

октябрь 1904 г., вн. обозр. 501

ноябрь 1904 г., вн. обозр. 533

декабрь 1904 г., вн. обозр. 580

январь 1905 г., вн. обозр. 615

Вѣстникъ Новгородскаго Земства:

№ 14 1902 г., ст. кр. N «По поводу проекта крестьянскихъ законоположеній» 280

Вѣстникъ Права:

№ 2 1904 г., администр. хрон. 143

№ 2 1904 г., уголовн. хрон. г. Набокова, ст. «Уголовное уложеніе передъ судомъ ред. ком. по пересмотру законоположеній о крестьянахъ» 215

№ 5 1904 г., гражд. хрон. г. Винавера 203

№ 6 1904 г., ст. г. В. Вороновскаго: «Новый проектъ устройства крестьянскихъ обществъ» 395

Журн. Мин. Юстиціи:

№№ 8 и 9 1904 г., ст. г. Гуссаковскаго «Основныя начала проекта новаго положенія о крестьянахъ» 28, 43, 48, 76, 94, 185, 220, 293, 492

Забайкальскія Областныя Вѣдомости:

№ 5 1904 г. 486

Кіевлянинъ:

Ст. Н. Г. Тальберга «Проектъ преобразованія сельскаго управленія» 29, 64, 81, 411

Стр.

Ст. Проф. А. М. Гуляева «Вопросы частн. права въ проектахъ законоположеній о крестьянахъ» 30, 79, 171, 228, 516, 552, 587, 657

Кіевская Газета:

№ 50 1904 г. 128

№№ 37 и 38 1904 г., ст. «Волостной судъ» 204

Крымскій Вѣстникъ 189

Московскія Вѣдомости:

№ 26 1904 г. 82

№ 105 1904 г., ст. «Путы сельскихъ обществъ» 157

Народное хозяйство:

Кн. 1 1904 г., вн. обозр. 34, 43, 159

Кн. 5 1904 г., ст. г. Л. Ходскаго «Подворное землевладѣніе и крестьянскій дворъ» 620

Нижегородская земская газета:

№ 31 1904 г. Письмо крестьянина А. Г. 191

Тоже крестьянина Н. Г—въ 192, 481

Новое Время:

№№ 10 и 11 апрѣля 1904 г., ст. г. Головина «Къ пересмотру законоположеній о крестьянахъ» 261, 296

№ 7 іюня 1904 г., ст. г. Аничкова «Трудное дѣло» 257

№ 8 іюня 1904 г., ст. г. Кирѣевскаго «Основы сословной обособленности крестьянъ» 264

№ 12 іюня 1904 г., ст. г. Н. «Основныя начала Положеній 19 февр. 1861 г.» 13

№13 іюня 1904 г., ст. г. Н. «Руководящія указанія по пересмотру крестьянскихъ положеній» 18

№ 15 іюня 1904 г., ст. г. Н. «Основная руководящая мысль проектовъ редакціонной коммиссіи по пересмотру крестьянскихъ положеній» . . 22, 87

№ 27 іюня 1904 г., ст. г. Глинки «Различныя точки зрѣнія» 199

№№ 22, 23, 30 іюля и 10 августа 1904 г. статьи: «Крестьянская судебная реформа», «Общее право и крестьянское право», «Общее всесословное право» и «Десятый томъ и сельская жизнь» 242

№ 24 іюля 1904 г., ст. г. Матвѣева «Къ вопросу о крестьянскихъ юридическихъ обычаяхъ» 261

№ 31 іюля 1904 г., ст. г. Аничкова «Единство закона» 258

№ 31 октября 1904 г. . . . . .

№ 4 ноября 1904 г., ст. г. Я. Кирѣевскаго «Крестьянскія контрреформы» 75

№ 22 декабря 1904 г., ст. г. Я. Кирѣевскаго «Крестьянскій Судъ» . . 497

№№ 28, 29 и 30 мая 1905 г., ст. «Новое уголовное уложеніе и волостные суды» 541

Новости:

№ 11 1904 г., ст. г. Полонскаго «Предположенія редакціонной коммиссіи» 303

№ 19 янв. 1904 г., ст. «Преобразованіе крестьянскаго управленія и суда» 145

Стр.

Одесскій Листокъ:

№ 65 1904 г., ст. г. А. Загоровскаго «Въ виду преобразованія волостныхъ судовъ» 194

Одесскія Новости:

№ 20 янв. 1904 г., ст. «Обычай и волостной судъ» 197

Приазовскій край:

№ 25 1904 г. 127

Приднѣпровскій край:

№ 19 1904 г. 174

Право:

№ 5 1904 г., ст. г. Пѣшехонова «Крестьянскій вопросъ» 63, 103
№ 24 1904 г., ст. I. В. Гессена «Новое крестьянское право» 569

Русское Богатство:

апрѣль 1904 г., хрон. вн. жизни 59

Русскія Вѣдомости:

№ 16 1904 г. 89
№ 22 1904 г. 91
№ 27 1904 г. 121
№№ 135, 140, 146, 152, 173 1904 г. 462
№№ 211, 215 226, 243,254 1904 г. 675
№ 281 1904 г., ст. Кн. Дм. Шаховского «Къ вопросу о выкупныхъ платежахъ» 124
№ 305 1904 г. 125

Русская Мысль:

янв. 1904 г., вн. обозр. 135
февр. 1904 г., вн. обозр. 10, 24, 41, 54

Русское Экономическое Обозрѣніе:

№ 7 1904 г., ст. г. Кошкарова «Историческая справка по вопросу о правахъ крестьянъ на ихъ земельные надѣлы» 65

Русь:

№ 13 августа 1904 г., ст. г. С. Изнара «Два мнѣнія» 234
№ 268 1904 г. 550

Саратовская Земская Недѣля:

№№ 1 и 2 1904 г., ст. В. И. Голованова «Къ вопросу о современномъ положеніи податного дѣла въ деревнѣ» 129
№ 2 1904 г., ст. г. Кожухара «Къ вопросу о семейныхъ раздѣлахъ» . 128
№№ 3, 4, 6—7 и 8 1904 г., ст. г. Кожухара «Къ реформѣ крестьянскаго устройства» 33, 37, 44, 145, 325
№ 3 1904 г., ст. В. И. Голованова «О земельныхъ обществахъ» . . . 368
№№ 6—7 1904 г., ст. г. М. Г. Б. «Общинное и подворное землевладѣніе» 60, 88, 696

Саратовскій Листокъ 81

С.-Петербургскія Вѣдомости: Стр.

№ 169 1904 г., ст. г. А. А. «Къ вопросу о волостномъ судѣ» 167

№№ 178, 183, 185 1904 г., ст. г. Еропкина «Пересмотръ положенія о крестьянахъ въ губернскихъ совѣщаніяхъ» 102, 183, 313, 379

№ 267 1904 г., ст. «Къ крестьянской реформѣ» 123

№ 339 1904 г., г. Я. П-ръ «Юридическая замѣтка» 236

С.-Петербургскій Земскій Вѣстникъ:

іюль 1904 г., ст. г. Грауздина «Нѣсколько замѣчаній къ проекту полож. о надѣльныхъ земляхъ» 270

Сѣверозападный край:

№ 20 янв. 1904 г. 192

Труды Имп. В. Эк. Об-ва:

№ 3 1904 г., докладъ г. Вороновскаго 26, 42, 51, 64

№ 3 1904 г., ст. г. Сиринова «Юридическая структура общиннаго крестьянскаго землевладѣнія по закону 19 февр. и въ послѣдующее время». 88

Южное обозрѣніе:

№№ 18 янв. 1904 г., ст. г. Изгоева «Крестьянская реформа» 239

Южный край:

№ 3 августа 1904 г. 490, 716

С.Н.КОТОВА
АНТИКВАР. КНИЖН. МАГАЗ.
Литейный пр. № 97-98